木枝增一著

高等國文法新講

品詞篇

東京市
東洋圖書株式合資會社

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

М.Киэда

Грамматика японского языка

I

Перевод с японского
Б.П.Лаврентьева, С.В.Неверова,
К.А.Попова и Л.А Часовитиной

Общая редакция, предисловие,
комментарии и приложения
Н.И.Фельдман

Издание второе,
стереотипное

УРСС
Москва • 2002

ББК 81.2Япо-2

Киэда М.

Грамматика японского языка. Пер. с яп. / Общ. ред., предисл., коммент. и прил. Н. И. Фельдман. Изд. 2-е, стереотипное. — М.: Едиториал УРСС, 2002. — 674 с. — Т. 1.

ISBN 5–35 –00083–1

Предлагаемая вниманию читателей работа известного японского лингвиста М. Киэда является одной из лучших фундаментальных теоретических грамматик как старого, так и современного японского языка. Кроме того, она широко знакомит читателя с основными языковедческими теориями и наиболее интересными взглядами на отдельные вопросы языка, существующими в японском языковедении. Первый том посвящен учению о частях речи.

Для начинающих специалистов данная книга может служить введением в современную японскую грамматическую науку; лингвистам же других специальностей она дает представление о ней.

Редакторы С. А. Верба, М. А. Оборина

Издательство «Едиториал УРСС» 117312, г. Москва, пр-т 60 летия Октября, д. 9
Лицензия ИД № 05175 от 25.06.2001 г. Подписано к печати 11.02.2002 г.
Формат 60×84/16. Тираж 400 экз. Печ. л. 42

Отпечатано в ООО «Атлас». Московская обл., г. Ногинск, ул. Гончарова, 12.

ИЗДАТЕЛЬСТВО УРСС
НАУЧНОЙ И УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
E-mail: urss@urss.ru
Каталог изданий
в *Internet* http://urss.ru
Тел./факс: 7 (095) 135–44–23
Тел./факс: 7 (095) 135–42–46

ISBN 5–354–00082–3 (Полное произведение)
ISBN 5–354–00083–1 (Том 1)

© Едиториал УРСС, 2002

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Издание «Нового высшего курса лекций по японской грамматике» проф. М. Киэда прежде всего имеет целью познакомить советских лингвистов с японской наукой о японском языке. Переводов японских грамматических работ на русский или какой-либо из западноевропейских языков, насколько нам известно, не существует, а ожидать, чтобы лингвисты, неспециалисты по японскому языку, знакомились с такими работами в оригинале, разумеется, не приходится*.

Между тем японская грамматическая наука заслуживает внимания и потому, что в настоящее время она достигла значительного развития и потому, что она обладает самостоятельностью, которая характеризует ее с момента ее зарождения и почти до конца XIX в., и, несмотря на сильное влияние европейских грамматических концепций, в значительной мере определяет лицо этой науки и поныне.

Богатство японской грамматической литературы заставило задуматься над выбором работы для перевода и издания ее у нас. Даже оставив в стороне труды монографического характера по специальным вопросам грамматики и истории японского языка, не просто было остановиться на какой-либо одной грамматике японского языка общего типа. За последние полвека почти каждый более или менее крупный японский грамматист представил в виде грамматики свое более или менее оригинальное толкование грамматической системы японского языка. Укажем для примера на труды патриарха современной японской грамматической науки Ямада Ёсио** (род. в 1873 г.), на грамматики Мацусита Дайдзабуро (1878—1935), Мицуя Сигэмацу (1871—1923), Хасимото Синкити (1882—1945), Ёсидзава Ёсинори (1876—1954), Кобаяси

---

* Небольшие грамматики японского языка, написанные японскими авторами на английском языке, как, например, Jahei Matsumiya, A grammar of spoken japanese, Tokyo, 1937, представляют собой не более чем элементарные пособия, предназначенные для изучения японского языка.

** В настоящей книге соблюдена та внутренняя последовательность японских имен, которую они имеют в Японии, а именно: фамилия на первом месте, имя — на втором.

Ёсихару (1886—1948), акад. Киндаити Кескэ, д-ра Юдзава Кокитиро, д-ра Токиэда Мотоки и др.*

Предлагаемая книга профессора Киэда Масуити (ум. 1949 г.), как нам кажется, наиболее отвечает требованиям, поставленным перед настоящим изданием.

Во-первых, это фундаментальная грамматика как старого (для нового времени — письменно-литературного), так и современного японского языка, дающая, кроме того, и некоторые, правда сжатые, сведения по его истории. Поэтому она может быть полезна при изучении японского языка, в частности студентам старших курсов факультетов востоковедения.

Во-вторых, уступая в оригинальности грамматических концепций ряду других работ, например грамматикам Ямада, Мацусита, Хасимото, Токиэда, настоящая книга дает правильное представление о самых типичных чертах японской грамматической науки. Этому способствует и то, что автор подробно излагает наиболее интересные взгляды различных ученых на те или иные проблемы языкознания, что, кстати сказать, редко делают другие японские грамматисты. Таким образом, для начинающих специалистов данная книга может служить как бы введением в современную японскую грамматическую литературу, неспециалистам же она дает максимально возможное по полноте для одной книги представление об этой науке.

* * *

Выше уже было сказано, что современная японская грамматическая наука сохранила некоторые существенные черты, обусловленные ее несколько своеобразным развитием. Собственно грамматические исследования появились в Японии относительно поздно — в XVIII в., однако направление, которое они приняли, в немалой мере определилось гораздо более ранним периодом японской филологии.

История японской филологии характеризуется огромным влиянием китайской письменности, китайского языка, китайской классической литературы и вместе с тем преодолением этого влияния, выявлением в связи с ним и в противопоставление ему своей самобытности.

Как известно, первой письменностью в Японии была письменность китайская: японцы заимствовали китайские иероглифы, до этого письменности у них не было. Однако это заимствование

* Подробную, но не полную библиографию японской научной литературы о японском языке за последние восемьдесят с лишним лет дает «Энциклопедия отечественного языкознания» (см. в списке цитиров. лит-ры в конце т. II «Кокугогаку-дзитэн»): на стр. 1109—1122 приведены основные отдельные издания, на стр. 1125 — 1131 — постатейное содержание лингвистических и филологических серий, на стр. 1132—1134 — перечень лингвистических и филологических журналов за период с 1883 по 1955 г.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

было, так сказать, материальным, а не принципиальным: в Китае иероглифическая письменность была идеографической, японцы же применили ее для записи своего языка фонетически. Так записаны японские песни в первых письменных памятниках Японии — исторических хрониках «Кодзики» и «Нихонги» (VIIIв.), авторский текст которых написан по-китайски. В поэтической антологии VIII в. «Манъёсю» применена настолько сложная и своеобразная система фонетического использования китайских идеографических знаков, что она получила даже особое наименование *манъёгана*. В IX в., на основе фонетического употребления китайской письменности, японцы путем графического упрощения китайских иероглифов создали фонетические слоговые знаки «кана́». В этот и в последующие два века в Японии велось изучение санскрита, особенно его фонетики, что сказалось на порядке расположения букв в японском алфавите «годзюо́н»: этот порядок представляет собой, в сущности, классификацию звуков языка. В X — XI вв. японцы нередко пользовались только фонетической азбукой. Так, например, чистой каной был написан знаменитый роман «Гэндзи-моногатари», появившийся на рубеже X—XI вв. Впоследствии кану стали комбинировать с идеографически применяемыми иероглифами. *История создания национальной японской системы письма* представляет собой борьбу принципов фонетического и идеографического письма, которая привела в конце концов к сочетанию обоих принципов. В результате японская письменность характеризуется своеобразием и сложностью, резко отличающими ее от системы письма в Китае.

Благодаря сильнейшему воздействию в то время китайской культуры широкое распространение в Японии получил и китайский язык. Японцы усваивали китайские слова и вводили их в свой язык, но при этом приспосабливали их к фонетическим и грамматическим нормам своего языка. Многие из китайских слов усвоены японским языком как продуктивные словообразовательные морфемы.

Влияние китайской культуры в значительной мере шло через классическую китайскую литературу. Не будет преувеличением сказать, что вплоть до нового времени образованность японца состояла прежде всего в знании китайских классических произведений—исторических, философских и литературных; до середины XIX в. (до переворота Мэйдзи 1867 г.), т. е. в течение почти тысячи лет, образованность этим почти исчерпывалась. Но и здесь в отношении языка японцы сохранили свою самобытность: они стали читать китайских классиков в подлинниках, но не по-китайски, а по-японски. Достигалось это тем, что все китайские слова произносились соответственно фонетике японского языка, им придавались грамматические формы японских слов, а в предложение добавлялись служебные слова и менялся сам порядок слов, как того

требовал строй японского языка. Для облегчения такого приема чтения-перевода китайские тексты снабжались особыми отметками — частично буквенными, обозначавшими японские окончания и служебные слова, частично условными, показывавшими необходимые перестановки и слияния. Сначала эти отметки применялись в школьном обиходе, в рукописных книгах, но впоследствии, в связи с распространением ксилографии, известной в Японии еще в VIII в., они перешли в ксилографические, а затем и в печатные издания.

Для развития грамматического мышления чтение по-японски китайских текстов имело очень большое значение: оно приводило к тому, что вплотную сопоставлялись китайский и японский языки, и грамматические отличия последнего конкретно, зримо воплощались в тех отметках, которыми снабжался китайский текст. Иначе говоря, приспособление китайских текстов к чтению их по-японски стимулировало осознание японцами грамматических особенностей своего языка. Это обстоятельство нашло свое выражение в одном внешнем моменте: именно из буквенных отметок, наиболее часто употребляемых в текстах, было создано слово, ставшее обозначением всех служебных элементов японского языка: *тэниоха* (или сокращенно *тэниха*). Этот термин удержался в японской грамматике до начала нашего века, спорадически встречается он и сейчас.

Поскольку грамматическое мышление развилось на противопоставлении особенностей японского языка китайскому, естественно, что оно не искало опоры в китайском языкознании. Точно так же в свое время, в IX—XI вв., японские санскритологи остались глухи и к достижениям грамматики санскрита — языка флективного и потому столь же, хотя и совершенно по-иному, чем классический китайский (по своему строю — аналитический) язык, чуждого японскому языку. К тому же японская грамматическая наука развивалась в русле мощного общественно-научного течения — «японологии» *кокугаку* или *вагаку*,— возникшего в середине XVIII в. как реакция против многовекового господства *кангаку* — «синологии». *Кангаку* имело объектом изучения китайских классиков, *кокугаку* воскресило из забвения древнюю японскую литературу и под его влиянием началось широкое и разностороннее изучение японского языка.

Японские филологи этого периода (с середины XVIII до середины XIX в.) в области грамматики занимались в основном тремя проблемами: классификацией слов по лексико-грамматическим категориям, описанием системы изменений тех разрядов слов, которые были признаны изменяемыми, и определением функций тех элементов родного языка, которые еще ранее были наименованы *тэниоха*. Достаточно напомнить, что в Китае проблема частей речи китайского языка впервые привлекла к себе внимание

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

только в наши дни, а наличие элементов спряжения у глагола еще подлежит доказательству, чтобы стало ясно, насколько самостоятельно по отношению к китайскому языкознанию развивалась японская грамматическая наука. В момент своего становления она не заимствовала ни готовых грамматических концепций, ни специальной терминологии. Этим объясняются такие «кустарные» наименования, как «головные шпильки» (*кадзаси*) и «обмотки» (*аюи*) в первой классификации частей речи у Фудзитани Нариакира (см. стр. 60). Некоторую помощь в этом направлении оказала только теория стихосложения — область, весьма развитая у японских средневековых филологов. Даже *тэниоха* впервые явились предметом рассмотрения в небольшом трактате по стихосложению конца XV в. «Тэниха тайгайсё». Были заимствованы и термины поэтики, такие, как *на*, *котоба*, *тай*, *ё* и некоторые другие, разумеется, переосмысленные в грамматическом плане.

Развиваясь в общем потоке филологии того времени (кокугаку), имевшей дело с древней японской литературой, японская грамматическая наука, естественно, избрала объектом изучения язык этой литературы. Однако особенность истории японского языка, как и некоторых других языков Востока, состоит в том, что грамматические нормы старого языка оказались законсервированными в литературном употреблении на многие века. Вплоть до конца XIX в. этот письменный язык, претерпев лишь весьма незначительные, поверхностные изменения, господствовал в художественной, общественно-политической и научной литературе и в официальной документации (а также в официальном устном общении — официальных речах, торжественных выступлениях и т. п.), играя роль письменно-литературной нормы. Таким образом, грамматисты этого периода, изучая язык древней литературы, вместе с тем изучали современный им письменно-литературный язык, язык своего культурного обихода. У них не было исторической перспективы и живого ощущения изменчивости языковых форм.

А между тем рядом существовал живой язык, язык повседневного обихода и некоторых народных драматических и даже повествовательных жанров. И этот язык к началу XX в., после победы так называемого «движения за единство речи и письма», приобрел права национальной языковой нормы. Правда, письменный язык еще сохранился в одной узкой области — в официальной документации, но и оттуда он был изгнан в связи с некоторыми демократическими реформами после поражения Японии в 1945 г. Однако, когда японская грамматическая наука в начале XX в. обратилась к изучению современного языка, она сочла его только стилистически отличным от того языка, которым она занималась ранее: первая грамматика современного языка, принадлежащая Мацусита Дайдзабуро, поэтому и именовалась «Грамматика японского просторечия» («Нихон дзокуго бунтэн»).

Она вышла в 1901 г., а еще в 1887 г. появился роман «Плывущее облако» Фтабатэя Симэй, в котором современный язык уже вступал в литературу, а в 1905 г. крупнейший японский писатель Симадзаки-Тосон в романе «Нарушенный завет», представляющем собой одно из лучших произведений новой японской реалистической литературы, окончательно закрепил победу современного языка как полноценного средства художественного выражения. К концу первого десятилетия нашего века на этот язык перешла вся новая художественная литература, им пользуется пресса, на нем пишутся научные труды, в том числе и грамматики японского языка. Но японская грамматическая наука по-прежнему противопоставляет старому языку вместо современного языка «устный язык» — *кōго**, объединяя все остальное — от языка VI в. до письменно-литературного языка последних десятилетий — под названием «письменный язык» — *бунго*.

Это не значит, что современные японские лингвисты не питают интереса к процессу исторического развития своего языка; наоборот, существует ряд ценных работ по грамматике отдельных древних и средневековых периодов, а также по общей истории японского языка. (Мы не называем их, так как основные из них упоминает автор данной книги.) И неправильным было бы утверждение, будто в японской лингвистике отсутствует понимание такого явления, как современный японский язык; напротив, существуют специальные работы, в которых сделан ряд тонких наблюдений над отдельными грамматическими особенностями языка последней четверти века (назовем для примера «Грамматику современного японского языка» [Гэндай кокугохō] Имаидзуми Тадаёси и сборник статей «Изучение грамматики современного японского языка» [Гэндай ниппонгохō-но кэнкю] Сакума Канаэ). Но почему-то все это не отражается на грамматике японского языка как таковой: до сегодняшнего дня она оперирует только «письменным языком» и «устным языком», *бунго* и *кōго*. Так, например, в текущем десятилетии один из ведущих современных лингвистов проф. Токиэда Мотоки издает «Грамматику японского языка» (Ниппон бумпō) с традиционным разделением на две части: «Бунгохэн» (1950 г.), «Кōгохэн» (1954 г.)**.

Деление на грамматику «письменного языка» и грамматику «устного языка» вызывает у нас возражение по следующим основаниям.

Во-первых, в современном японском языке, как, конечно, и во всяком другом, явления исторического прошлого языка отнюдь не

---

* *Кōго* — традиционно, но не точно, переводится «разговорный язык»; это наименование быстро вытеснило в применении к современному языку термин *двокуго*, который употребляется теперь только в своем прямом значении «просторечие».

** В данной грамматике аналогичное деление проведено по главам.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

отрезаны наглухо от явлений, возникших в более позднюю эпоху и составивших его основу. Иначе говоря, в современном языке, помимо *кōго*, есть и явления *бунго*, вошедшие в его грамматическую систему и притом вошедшие в разном качестве. Одни формы, например *цуцу ару* (но не *ари*!), для выражения длительного вида употребляются в книжном стиле свободно и, значит, должны учитываться при описании форм современного глагольного спряжения. Другие, например форма некоторых прилагательных... *тарӷ* (*антантару* ‹мрачный› и др.) и форма некоторых глаголов... *бэкı* (*никумубэки* ‹ненавистный›, дословно ‹которого следует ненавидеть› и т. п), лексикализовались, следовательно, данный тип слов надо учитывать при классификации частей речи современного языка. Третьи, как, например, форма родительного падежа (*га* как показатель этого падежа), сохранились в устойчивых словосочетаниях типа *корэ-га тамэни* ‹ради этого, из-за этого›, *корэ-га юэни* ‹по причине этого, поэтому›, и поскольку эти словосочетания несут грамматическую функцию, они должны быть отмечены как особого типа союзные речения. Однако, если, как это часто бывает, так называемый «письменный язык» (*бунго*) и «устный язык» (*кōго*) рассматриваются как параллельно существующие замкнутые системы, явления такого рода остаются за пределами грамматического анализа.

Во-вторых, концепция параллелизма *бунго* и *кōго* лишает изучение языка подлинного историзма, разрывая процесс исторического развития на две изолированные друг от друга системы и тем затушевывая тенденции этого развития. Приведем пример. Изменение в современном языке числа основных форм спряжения глаголов и предикативных прилагательных, выразившееся в исчезновении третьей формы спряжения и передаче ее функций четвертой форме, обычно трактуется как факт формальный и настолько незначительный, что многие грамматисты, в частности и автор данной книги, в грамматике *кōго* сохраняют то же число основных форм глагола, которое имелось в *бунго*, указывая только на то, что третья и четвертая формы в ней омонимичны. Нам, однако, представляется, что это изменение числа форм вызвано процессом, имеющим принципиальное значение. Ведь четвертая форма не только приобрела функции третьей — способность служить конечным сказуемым и словарной формой,— но и лишилась одной ранее ей свойственной функции. А именно, в старом языке она была формой одновременно и предикативной (могла служить сказуемым в подчиненном предложении) и именной, т. е. формой предикативного и вместе с тем просубстантивного причастия; в современном же языке ее именной характер значительно ослабел: даже в значении инфинитива она, как правило, не принимает падежных показателей *га, но, ни, о* непосредственно, для этого обычно требуется сочетание с просубстантивной частицей *но*

или служебными словами (так называемыми формальными существительными) *кото*, *хō*. В сказуемостной же функции непосредственное присоединение падежных суффиксов к ней невозможно, за исключением вопросительных предложений, но в этом случае между ними вклинивается вопросительная частица *ка*. Именно этим объясняется образование таких союзов, как *нони* ‘однако’, *нодэ* ‘так как’, или переосмысление, перерождение суффикса исходного падежа *кара* в постпозиционный союз (*сэцудзоку-дзеси*), ср. *хадзимару-кара овару-мадэ* ‘от [того как] начать до [того как] кончить’ и *майнити рокудзи-ни хадзимару кара* ‘так как ежедневно начинают в шесть часов’. А прекращение совмещения в одной форме свойств предикативных и просубстантивных (*ēгэна* и *тайгэна*, говоря терминами японской грамматики) есть свидетельство углубления дифференциации между именем и глаголом (вернее между *тайгэном* и *ēгэном*, так как этот процесс охватил не только глагол, а и предикативное прилагательное). Но в таком случае изменение числа основных форм глагола есть не только вопрос количества; оно свидетельствует о качественном изменении парадигм глагольного спряжения. Значит формальное сохранение числа форм в искусственной грамматической схеме не может быть оправдано соображениями «удобства» во имя параллелизма двух систем.

Другой пример. Прилагательные типа *сидзука* ‘тихий’, *дзю̄е* ‘важный’ в старом языке во всех функциях употреблялись только со связкой *нари* или *тари*, но в современном языке они употребляются со связкой современного языка *да* или *дэсӯ* только в функции сказуемого, в определительной же позиции они приобрели окончания: *на* — при определении имени, *ни* — при определении глагола; вместе с тем эти слова стали свободно принимать словообразовательный суффикс отвлеченных существительных *са*. Наглядно видно, что произошло качественное изменение таких слов, как *дзю̄ē*. Однако в грамматиках *кō го* строятся искусственные схемы, где в привычной таблице шести форм спряжения располагаются качественно разнородные элементы — формы связки и окончания прилагательных — только во имя пресловутого параллелизма парадигм *бунго* и *кō го*.

Эти примеры далеко не единичны, но здесь мы лишены возможности их умножить. Полагаем, что и они наглядно показывают, что при концепции параллелизма двух замкнутых систем *бунго* и *кō го* тенденция развития языка и выявившиеся в современном языке качественные изменения не могут быть вскрыты.

Наконец надо поставить принципиальный вопрос о материале, на котором строится грамматика так называемого «устного языка». К сожалению, за незначительными исключениями она прибегает к искусственным примерам, вдобавок используемым многими авторами. Правда, случается это и в грамматиках письмен-

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

ного языка, в них мы находим. *хана саку* 'цветы цветут', *хана сакадзу* 'цветы не цветут', *хана сакаба* 'если цветы зацветут' и т. д. Однако грамматика *бунго* наряду с этим располагает и богатейшим материалом из памятников древней и средневековой литературы, тогда как в грамматиках *кōго* язык литературы нашего времени представлен далеко не достаточно ярко. Тогда как антология VIII в. «Манъесю» изучена грамматически вдоль и поперек, нет ни одной лингвистической работы, посвященной языку Симадзаки-Тосон, Нацумэ-Сосэки или Акутагава, этих классиков новой японской литературы. А без изучения реального современного языка некоторые примеры, приведенные нами выше, могут вызвать возражения. Однако современная языковая практика свидетельствует, что присоединение *га, но, ни, о* непосредственно к глаголу в третьей форме спряжения даже в значении инфинитива реально вряд ли возможно. А что касается предикативности формы с окончанием *на*, возможной только в одной особой позиции — этой контаминации функции, существовавшей в старом языке, с формой, возникшей в современном языке (опять взаимопроникновение *бунго* и *кōго*),— то это явление пережиточное. Такие явления необходимо и регистрировать, и должным образом оценивать. Но с другой стороны, наряду с ними нужно отмечать и то новое, что реально утвердилось в современном языке, как, например, префиксальное употребление суффикса сравнительного падежа *ёри* для образования синтетической формы сравнительной степени прилагательного типа *ёриёй* 'более хороший', *ёридзю̄ёна* 'более важный' и даже *ёрихаттэнсйта* 'более развитый'. Такие явления бросают обратный свет на то, что им предшествует, например в данном случае подкрепляют определение слов типа *дзю̄ё̄* как особой категории прилагательных, подчеркивают адъективизацию глагольной формы *хаттэнсйта*. Когда грамматика строится на искусственном материале, все эти явления остаются вне поля зрения.

Оперирование одним и тем же стандартным примером приводит к неправильным представлениям и в другом отношении. Например, многие авторы разбирали стандартное выражение *киппу-но жиранай ката* (см. стр. 512); однако надо перелистать многие сотни страниц литературы нового времени, чтобы найти другой аналогичный пример. С другой стороны, сообщение, что «у слона длинный хобот» (*дзо ва хана-га нагай*), у ряда авторов служит чуть ли не единственной иллюстрацией одной из продуктивнейших синтаксических структур (см. т. II, гл. 10, § 2). Десяток предложений из реальных текстов показал бы, что соотношение компонентов в ней далеко не столь единообразно, как представляется по этой схеме.

По указанным причинам нам хотелось бы вместо одноплановой «грамматики устного языка»— *кōгохō* — видеть грамматику современного языка, излагающую целостную систему, рельефно

рисующую богатство живых форм в их реальных связях и имеющую историческую глубину и перспективу.

Касаясь существенных черт японской грамматики, которые определились давно и сохранились доныне, следует иметь в виду трактовку всех служебных элементов языка как отдельных слов.

Распространено представление, что с момента появления «Пространной грамматики» Оцуки Фумихико (1891 г.) японская грамматическая наука вступила на путь европеизации. Действительно, начиная с этого времени японские лингвисты внимательно следят за развитием европейской лингвистической мысли, и многие работы обнаруживают знакомство их авторов с новейшими западноевропейскими и американскими теориями и общеязыковедческого, и грамматического характера. Однако, если обратиться непосредственно к области грамматики, то надо констатировать, что, хотя влияние европейских грамматических концепций и сыграло известную роль в ее развитии в новое время, все же это влияние оказалось не очень глубоким. Так, по образцу частей речи в западноевропейских языках, и в японском языке были выделены существительное, числительное и местоимение, глагол и наречие. Однако вместе с тем японская грамматическая наука не отказалась от своих исконных обобщающих лексико-грамматических категорий — *тайгэна* и *ёгэна*. Наличие категорий *кэйёси* — предикативного прилагательного, *кэйёдōси* — адъективного глагола и *рэнтайси* (или *фукўтайси*) — приименных слов — свидетельствует о самостоятельности японской грамматической мысли в трактовке прилагательных. Как перевод английского термина auxilaire verb был создан термин *дзёдōси*. Однако именно в выделении этой категории при всей видимости «европеизации» наиболее наглядно сказалось сохранение традиционных грамматических представлений: то, что объединено под этим наименованием, отнюдь не соответствует вспомогательным глаголам английского языка (почему мы и не переводим *дзёдōси* этим термином). *Дзёдōси* («служебные глаголы») и *дзёси* («служебные слова») — это сохраненная под новым названием старая категория *тэниоха*, т. е. служебные элементы языка, трактуемые как отдельные слова.

Но есть ли основания для такой трактовки? Что касается так называемых служебных глаголов (*дзёдōси*), то еще Ямада показал, что они представляют собой глагольные окончания (он назвал их «сложными окончаниями»), а не отдельные слова. Никто из японских грамматистов не отрицает теснейшей связи этих элементов с глаголом, связи даже более тесной, чем связь суффикса с основой, о чем говорит и автор этой книги (см. стр. 152). Для обозначения этой связи обычно применяется не только глагол *рэндзоку-суру*, букв. «продолжать», но и *цўкэру*, букв. «прилагать». Однако обычно в японской грамматике отрицается грамматическая суффиксация как таковая. Это удивляет особенно потому, что в

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

плане общего языкознания японские лингвисты, восприняв западноевропейскую типологическую классификацию языков, характеризуют японский язык как агглютинативный. Это общепризнанно и никем не оспаривается. А для агглютинативных суффиксов как раз и характерна та универсальность присоединения ко всем словам определенной категории, которая свойственна японским глагольным суффиксам, именуемым дзёдōси, и такой категории служебных слов, как падежные показатели — какӯдзёси. Между тем именно на основании этой универсальности японские грамматисты отрицают суффиксальный характер указанных элементов! (см. стр. 56).

Но если принимать все служебные элементы японского языка за отдельные слова, создается неправильное представление о его строе как строе полностью аналитическом. Если же рассматривать эти элементы как агглютинативные суффиксы, чем они и являются, то есть иметь право говорить о формообразовании, создается возможность формулировать те характерные черты строя японского языка, в которых он обнаруживает поразительное сходство со строем других агглютинативных языков (с которыми он не имеет никакой корневой общности) — с корейским языком, языками тунгусо-маньчжурскими, монгольскими и отчасти тюркскими. (Здесь данная тема может быть затронута только в самом сжатом виде.) Разумеется, при этом сходстве каждый язык и каждая группа сохраняют свою специфику. Но если трактовать все служебные элементы японского языка как отдельные слова, основа для параллелей отпадает. Поясним это примером: близость значений и функций английского предлога of в сочетании с существительным и русского родительного падежа только подчеркивает разнородность явлений, характерных для флективного строя русского языка и аналитического — английского; так и аналогия между японским *кара*, если считать его отдельным служебным словом, а не агглютинативным падежным суффиксом, и формой исходного падежа в корейском и монгольском языках подчеркивала бы агглютинативный характер последних и аналитический — первого. Но это и значило бы создавать неправильное представление о строе японского языка. При такой трактовке, разумеется, отпадает возможность отличить подлинно аналитические формы от агглютинативно образованных синтетических, оценивать соотношение элементов анализа и синтеза на разных этапах развития языка. Поэтому японские грамматисты проходят мимо такого явления, как, например, частичное замещение синтетических, агглютинативных форм глагола, типичных для старого, письменно-литературного языка, формами аналитическими, утвердившимися в современном языке. Например, вместо *торубэси — тору дэ арō* в значении ‹вероятно, возьмет› и *торанакэрэба наранай* — в значении ‹нужно взять›; вместо *торару* наряду с *торарэру* имеются

аналитические формы *тоттэ морау* в значении ‹взято› для кого-либо и *тоттэ ару* в значении ‹взято› (о чем-либо; последнего употребления *торару* в старом языке не имел). Они не дают должной оценки образованию из аналитических форм современного языка новых синтетических форм, правда, еще не признанных как литературная форма, но широко внедрившихся в устную речь, например: *тоттэ иру* → *тоттэру*, *тоттэ оку* → *тоттоку*. Японские грамматисты не отмечают и значения того, что в современном языке некоторые агглютинативные глагольные суффиксы подвергаются фузии с основой, что превращает их в окончания; таковы окончание будущего времени *у* (*тораy* → *торō*), окончание прошедшего времени *та* (*торита* → *тотта*, *ёмита* → *ёнда*), окончание деепричастия совершенного вида *тэ* (*торитэ* → *тоттэ*, *ёмитэ* → *ёндэ*). Все эти явления остаются неоцененными в своем грамматическом качестве, поскольку *бэси*, *ру* в старом языке, *рэру*, *у*, *та*, *тэ* в современном языке считаются отдельными словами; поэтому, например, *тоттэ* рассматривается не как деепричастие, не как одно, а как два слова. При такой трактовке японские грамматисты не уделяют никакого внимания вопросу о природе каждого из этих элементов в отдельности: они, например, не проводят разницы между глагольными суффиксами времени, наклонения, залога и вида, с одной стороны, и глаголами-связками и так называемыми служебными глаголами сравнения, например *готоси* — с другой, или между падежными суффиксами (*какудзёси*) и другими так называемыми служебными словами, иначе говоря, частицами,— подчеркивающими, ограничительными и т. п. Все конкретные следствия такой концепции перечислить здесь, конечно, невозможно.

Чем же объясняется такая трактовка служебных элементов японского языка, противоречащая общетеоретическим воззрениям самих же японских лингвистов на его строй? Мы позволим себе высказать предположение, что и эта трактовка объясняется традицией, возникшей в давнее время. Как уже было упомянуто, она означает сохранение под другими названиями категории *тэниоха*, а это наименование возвращает нас к отметкам в книгах китайских классиков, приспособленных для чтения по-японски. В этих книгах служебные элементы японского языка были чужеродны китайским словам и резко отделялись графически от сплошного иероглифического текста. В процессе искусственного присоединения японских агглютинативных суффиксов к произносимым на японский лад китайским словам, вдобавок при графическом обособлении их начертаний, легко могло сложиться представление о них как о лексически самостоятельных элементах. Не в этом ли и надо искать корни такого представления? Однако нельзя не заметить, что оно смогло стать устойчивым на почве того своеобразного отношения к слову как единице языка, которое присуще и

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

языковому сознанию японского народа, и японскому языкознанию. О первом говорит тот факт, что с начала своего образования и по настоящее время японское национальное письмо является сплошным: оно не знает разделения на слова. Правда, японцы заимствовали средства письменности у Китая, а китайское иероглифическое письмо — сплошное, что было естественно, поскольку в генезисе иероглифом обозначалось слово. Однако поскольку японцы выработали систему сочетания идеографически примененных иероглифов с буквенным алфавитом, поскольку еще в прообразе этого письма — так называемом *сэммёгаки* (IX в.) — они графически выделяли окончания, постольку естественным следствием должно было бы явиться разделение на слова. Но этого не произошло и доныне, очевидно потому, что в этом нет надобности. Если же обратиться к японскому языкознанию, то можно сказать, что мысль Соссюра: «Слово, несмотря на трудность определить это понятие, есть единица, неотступно представляющаяся нашему уму, нечто центральное во всем механизме языка»*, по-видимому, чужда японским языковедам. В концепциях слова как грамматической единицы, например в концепции Мацусита Дайдзабуро (*танси* и *рэнси*), созданной еще в начале тридцатых годов, или в современной концепции, созданной Токиэда Мотоки (*си*), обнаруживается удивительная близость к тому течению западноевропейской лингвистики, которое отказывается от традиционного понятия слова. Однако, в противоположность европейским лингвистам, японским грамматистам не приходится отказываться от такого понятия: традиционного представления о слове в японской грамматической науке нет. Даже обозначение этого понятия одним наименованием отсутствует: то, что подразделяется на части речи, т. е. слова в нашем представлении, именуют и *го*, и *гэн*, и *си*, и *танго*. (В общем же языке 'слово' — *котоба*, что, однако, значит и 'выражение', и 'речь'. А в слова, означающие 'словарь' — *дзитэн*, *дзисё*, и в обычные названия словарей — *Дзирин* 'Лес слов', *Дзиэн* 'Сад слова' и т. п.,— входит корневая морфема *дзи*, та самая, которая в грамматике употребляется со значениями «частица» и «морфема».) Такое своеобразное отношение к слову связано с агглютинативным характером языка, со свойственными ему легкой сцепляемостью и легкой отделяемостью многих элементов, что делает границы слова несколько зыбкими. Но заключать отсюда о полной лексической самостоятельности этих суффиксальных элементов и отрицать всякое формообразование с их участием представляется нам выводом неправомерным.

Мы попытались здесь сжато сформулировать те наши принципиальные разногласия с основами японской грамматики, из кото-

* Ф. де Соссюр, Курс общей лингвистики, М., 1933, стр. 111.

рых, как нам кажется, вытекают многие конкретные расхождения в описании явлений японского языка. Разумеется, это не умаляет нашего интереса к японской грамматической литературе. Даже при расхождении в исходных позициях для нас не только сохраняют свое значение конкретные наблюдения японских грамматистов над фактами языка, но наше внимание привлекают и теории, в основе которых всегда лежат те или другие факты. Приведем несколько примеров. Мы не можем согласиться с тем, что слова типа *сидзука* 'тихий' и *дзю̄ё̄* 'важный' являются адъективными глаголами (*кэйё̄доси*), не можем согласиться, поскольку *нари*, *тари*, *да*, *дэсу* мы считаем всегда глаголом-связкой, отдельным словом, а *на* и *ни* в современном языке в формах *дзю̄ё̄на*, *дзю̄ё̄ни* — окончаниями. Однако теория адъективных глаголов с полной ясностью свидетельствует, насколько естественно для японского языкового сознания принимать слова с качественным значением за предикативную часть речи (*ё̄гэн*), так как предикативна основная группа японских прилагательных типа *такаи* 'высокий', *урэсий* 'радостный'. Отсюда мы должны сделать вывод, что для последней группы прилагательных (*кэйё̄си*) предикативность является конституционально важным признаком; это и есть тот факт, который лег в основу теории адъективных глаголов. Поэтому, хотя мы и определяем слова типа *сидзука* и *дзю̄ё̄* как прилагательные и указываем на некоторую общность их с *кэйё̄си* в формообразовании (словообразовательном: *урэсиса* — *дзю̄ё̄са*, *урэсигару* — *дзаннэнгару* и словоизменительном: *ё̄ритакай* — *ё̄ридзю̄ё̄на*), мы тем не менее не считаем допустимым объединять их с *кэйё̄си* в одну часть речи. Мы выделяем слова типа *сидзука* и *дзю̄ё̄* в отдельную категорию именных прилагательных (meishiseino adjective).

Еще один пример: с нашей точки зрения, время и модальность — две разные категории, поэтому мы не можем принять категорий японской грамматики *катэй* и *какўтэй*, первая из которых объединяет будущее время и предположительность в будущем и настоящем, а вторая — категорическое настоящее и прошедшее. Однако выделение этих категорий подчеркивает тот факт, что одна и та же глагольная форма (в старом языке *бэси*, например *торубэси*, в современном *у*, например *торо̄*) может выражать и будущее время — в одном случае, и предположительность в настоящем времени — в другом случае, и что по отношению к фактам прошедшим широко употребляется (отнюдь не со стилистической окраской нашего praesens historicum) та форма глагола, которая в других случаях имеет значение настоящего времени. Само собой разумеется, что наблюдения, сделанные в японской грамматике относительно значений и употребления «служебных глаголов» *бэси* и *у*, остаются в силе для формы наклонения с суффиксом *бэси* или формы времени с суффиксом *у*.

Таким образом, для советского специалиста по японскому

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

языку при исследовании вопросов японской грамматики и истории языка знание японской грамматической литературы является обязательным и необходимым. Без серьезного ее изучения такое исследование не может быть полноценным.

* * *

При переводе этой книги особую трудность представляла терминология. Надо, кстати, заметить, что в японской грамматике терминология отличается большой пестротой и неустойчивостью. Это объясняется тем, что с конца XIX в. наряду с терминами, возникшими в средневековье, стали во множестве появляться термины переводные, нередко создававшиеся повторно и потому дублировавшие друг друга. Например, для обозначения страдательного залога рядом со старым термином *укэми* (受身) разными авторами употребляются новейшие — *сёсō* (所相), *сёдō* (所動), *хидō* (被動), *дзюдō* (受動). Поставленные в необходимость еще с XVIII в. создавать термины, японские грамматисты охотно занимаются терминотворчеством и теперь, но далеко не все термины становятся общепризнанными (см., например, оригинальную терминологию Мацусита в табл. № 7).

Основная трудность заключалась, конечно, в том, что содержание многих терминов связано со специфическими понятиями японской грамматики. Мы считали допустимым использовать русские грамматические термины лишь в тех случаях, когда не только японскими и русскими терминами обозначается одно и то же явление, но и истолкования этого явления в японской и русской грамматиках в основном совпадают. Таковы, например, переводы названий частей речи: *мэйси* 'существительное', *дōси* 'глагол' и т. п. или *ситэй-дзёдōси* 'служебный глагол-связка' (в некоторых японских статьях эти глаголы называют *копула*, т. е. copula), членов предложения: *дзюцўго* 'сказуемое', *сюсёкўго* 'определение' и т. п. В силу того, что говорилось выше об основах японской грамматики, возможность такого использования была относительно невелика. Мы остерегались пользоваться русским термином, когда он представлял собой соответствие приблизительное, вернее, кажущееся. Так, например, японская грамматика имеет два раздела, в целом соответствующие основным разделам грамматики по нашим представлениям. Однако мы отказались от само собой напрашивающейся передачи наименований этих разделов *хинсирон* (品詞論) и *бунсёрон* (文章論) русскими словами «морфология» и «синтаксис». В японском языкознании есть термин, точно означающий 'морфология' — *кэйтайрон**, однако

* *Кэйтай* (形體) — «форма», *рон* (論) — в названиях наук соответствует нашему суффиксу «логия», так что в последнем отношении «учение о частях речи» и «учение о предложении» — не совсем точный перевод *хинсирон* и *бунсёрон*

японские грамматисты не прилагают его к соответствующему разделу своей грамматики, и это естественно: за исключением шести основных форм глагольного спряжения (вернее спряжения *ёгэнов*), никакого другого формообразования они не признают. Очевидно, есть различие в содержании понятий «морфология» и *хинсирон* (см. стр.33—34), и в этом случае оно отражено во внутренней форме самих терминов. Однако так бывает не всегда. Например, японское *бунсэцу* и русское «синтагма» в равной мере обозначают отрезки предложения, чему не противоречит их внутренняя форма. Но в тот и в другой термины — при всем разнообразии понимания второго — вкладывается разное содержание; с ними связана разная оценка составляющих отрезки элементов и разные признаки отграничения самих отрезков. Поэтому мы, несмотря на всю видимость сходства, не сочли возможным использовать второй термин как эквивалент первого. Короче говоря, при передаче терминологии мы стремились избегать подмены японских грамматических понятий понятиями русской грамматики.

Однако при переводе терминологии, как и при всяком переводе в целом, имеется и обратная опасность — буквализм. Буквализмом в этом случае можно назвать передачу внутренней формы в тех случаях, когда первоначальное этимологическое значение термина утрачено. Общеизвестно, что основные термины западноевропейской и русской грамматики являются переводными кальками с древнегреческого и латинского. Однако в результате калькирования первоначальное этимологическое значение в них утратило связь с реальным терминологическим. Но иначе обстоит дело с большинством терминов нового времени. Поэтому, если смешно было бы переводить на какой-либо язык русский термин «падеж», исходя из значения глагола «падать», то сам термин «внутренняя форма» или термин «категория состояния» требуют буквального перевода, который в этом случае и будет переводом точным. А современная японская грамматика как раз богата терминами такого рода. В том случае, когда подобный термин обозначал понятие, чуждое нашей грамматике, ему давался буквальный перевод в той мере, в какой это позволял русский язык. К сожалению, и в этом отношении возможности оказались ограниченными. Поэтому нередко приходилось подбирать эквивалент, исходя из анализа отчасти содержания, которое вкладывается в термин, отчасти явления, к которому он прилагается: таков, например, перевод термина *каку* (格) — 'синтаксическая позиция'. Наконец, существовала еще опасность подменить перевод термина пересказом; к нему можно приравнять объяснение, раскрытие значения термина вместо его перевода, например передачу термина *канго* так: «японское слово из корней (корня) китайского происхождения». Очевидно, что оперировать подобным объяснением с такой же свободой, как термином, трудно. Толь-

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

ко два японских термина — тайгэн и егэн — введены в русский текст.

Текст книги переведен полностью, но известному сокращению подверглись примеры, особенно взятые из древней литературы: перевод всех примеров и необходимое для последних комментирование непомерно увеличили бы объем книги. Пришлось отказаться и от двоякой передачи примеров — в национальной графике и в русской транскрипции — и ограничиться одной последней. Без русской транскрипции примеры были бы недоступными для тех, кто не знает японского языка. Отказаться же от японской графики можно было без ущерба для читателей, тем более что для примеров из памятников древней литературы («Манъёсю», «Гэндзи-моногатари» и т. п.) современное японское письмо тоже является транскрипцией*.

Примеры из древнего языка даются в современном произношении. Так их читают всегда и в Японии, за исключением тех случаев, когда они приводятся в специальных работах по исторической фонетике.

Разделение на слова, без которого русская транскрипция невозможна, проведено по правилам, принятым в советском японоведении**, с одним отступлением: выделительная частица *ва* в отличие от падежных суффиксов пишется не через дефис, а раздельно. Надо учитывать, что в разделении на слова отражены наши грамматические представления о японском языке, поэтому проявление в транскрипции известных расхождений с авторской интерпретацией некоторых явлений оказалось неизбежным.

С целью сделать японский текст примеров возможно более ясным и для тех читателей, которые не знают японского языка, мы стремились к максимальной дословности, сознательно отказываясь от литературно полноценного перевода. В особенности это относится к переводу многочисленных стихотворений из древних антологий «Манъёсю» и «Кокинсю». Их перевод представляет собой грамматический подстрочник, кроме того, он лишен необходимого поэтического и реального комментария и, значит, неспособен дать представление о художественных достоинствах древней японской поэзии; да это последнее и не составляло в данном случае задачи перевода. Однако желаемый дословный перевод часто оказывался невозможным в силу глубоких различий в грамматическом строе обоих языков, в их семантических системах и в их фразеологии. Этим объясняется введение в перевод дополнительных,

---

* Современное японское письмо основано на комбинированном использовании иероглифов и каны. В древней литературе применялись другие системы письма (см., например, о манъёгана на стр. 4).

** См. Л. А. Немзер и Н. А. Сыромятников, Японско-русский словарь, под ред. Н. И. Фельдман, М., 1951, Приложение, стр. 883—885.

необходимых для смысла слов (знаменательные слова, не имеющие прямого соответствия в оригинале, даются в квадратных скобках всегда, служебные же — только в тех случаях, когда объясняется сама японская структура, где им нет прямого соответствия), а также то, что в единичных случаях пример был заменен аналогичным другим.

Ссылки на цитируемые автором источники, данные в оригинале в самом тексте, при переводе были вынесены в конец каждой главы (в тексте эти ссылки помечены мелкой цифрой). Туда же в единичных случаях отнесены некоторые частности текста, касающиеся выражения грамматических понятий по-японски. Таким образом, выноски из текста в конце глав, названные «авторскими примечаниями», могут представлять интерес только для тех читателей, которые знают японский язык. А редакторский комментарий рассчитан в первую очередь на читателей, не знающих японского языка. (Ссылки на примечания редактора указываются в тексте цифрой в квадратных скобках.)

В заключение приношу глубокую благодарность сыну покойного проф. Киэда г-ну Киэда Акира, который, узнав о данном издании, любезно прислал мне список нескольких десятков опечаток, замеченных в оригинале еще автором данной книги. Соответствующие места при переводе были выправлены. Кроме того, приношу благодарность старшему научному сотруднику Института востоковедения Академии наук СССР А. Е. Глускиной за консультацию по переводу примеров из антологий «Манъёсю» и «Кокинсю».

Н. Фельдман.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

УЧЕНИЕ О ЧАСТЯХ РЕЧИ (1937)

Введение

I ПОНЯТИЕ О ГРАММАТИКЕ

Мы выражаем свои мысли и чувства при помощи языка. Язык подчиняется определенным правилам. Эти правила мы и называем грамматикой (бумпō 文法). Мы говорим на японском языке и потому здесь будет идти речь о грамматике японского языка. Поскольку народы, входящие в состав одного и того же государства, именуют язык своей страны родным языком (кокўго 國語) [1], а для нас родным языком является японский язык, то и грамматику японского языка мы называем «отечественной грамматикой». Точнее ее следовало бы называть «японской грамматикой»[1]. В европейских языках в значении грамматики употребляются слова: grammar (в английском языке), Grammatik (в немецком) и grammaire (во французском). Эти слова восходят к греческому слову gramma, которое, видимо, соответствует японскому *бун* и китайскому *вэнь* (文) 'письмо'. Поэтому говорят, что слово gramma следует рассматривать также в качестве сокращенной формы обозначения таких понятий, как «прием», «способ», «правило», соответствующих примерно английскому слову art (в значении «приема»)[2].

Выше было упомянуто о том, что язык подчинен определенным правилам. Почему это так? Поскольку язык, будучи всецело создан человеком в соответствии с договорными установлениями, признается обществом, постольку его существование состоит в широком распространении, во всеобщем употреблении. Поскольку существование языка обусловлено тем, что он представляет собой явление социальное, постольку, естественно, в нем существуют определенные правила: ведь если социальные обычаи не базируются на определенных правилах, они не могут удовлетворять потребностям, которые вызвали их к жизни[3]. Взаимоотношение между существованием явления и характером определяющих его закономерностей — вот вопрос, над которым следует подумать применительно к сущности языка и его закономерностям.

Науку, изучающую грамматику, мы называем «грамматической наукой», или сокращенно «грамматикой». Само собой разумеется, что уже самый факт смешения названия правил и названия науки, объектом изучения которой являются эти правила, заслуживает внимания[4].

Не следует считать, что правила письма существовали раньше, чем появился язык. Они выведены нами индуктивно для уже существующего языка с учетом трех его сторон: значения (meaning), формы (form) и функции (function). Другими словами, грамматика представляет собой не принципы создания языка, а принципы его употребления, а грамматиста мы должны определить как человека, который на основе определенных правил систематизирует употребление языка.

Слово «значение» (meaning) употребляется здесь не в смысле значения отдельных слов, как это принято в словарях. Например, в предложениях *Ататакаки хару куру* (п. я.)* 'Наступает теплая весна'; *Уцӯкӯсий*** *хана-га саку* 'Цветут красивые цветы' слова *ататакаки* 'теплая' и *уцӯкӯсий* 'красивые' выражают свойство или состояние предмета; слова *хару* 'весна' и *хана* 'цветы' являются названиями предметов, а слова *куру* 'наступает', *саку* 'цветут' выражают явление, связанное с предметом, или его действие. Такой анализ слов в предложении позволяет установить их грамматическое значение. Если же мы говорим, что «теплая» — это значит не жаркая и не холодная, а как раз приятная для нас температура, а «красивые» — это значит прекрасные, замечательные, то здесь мы имеем в виду значение отдельных слов, даваемых словарем, так называемое словарное, а не грамматическое, значение слова. Словарное значение отражает индивидуальные особенности отдельных слов, которые обычно и различаются этим значением. Напротив, грамматическое значение выражает то общее, что присуще отдельным словам, и является значением целой группы слов. Если систематизировать отдельные слова языка в соответствии с грамматическим значением, то все слова можно разделить на несколько групп и, базируясь на этом разделении, вывести несколько определенных правил.

При всем этом необходимо правильно представлять себе взаимоотношения между грамматикой и словарным значением слов. Грамматика не может иметь дело с такими словами, которые не имеют словарного значения или по меньшей мере связи со словарным значением. Если мы расчленим слово *хару* на *ха* и *ру* или же на *х*, *а*, *р*, *у*, то все эти слоги или же отдельные звуки никакого словарного значения не имеют. Несомненно, что когда эти слоги или отдельные звуки, сливаясь, образуют одно слово, то вступают в действие какие-то правила, согласно которым одни слоги произносятся высоким тоном, другие — низким, одни слоги звучат более сильно, другие — более слабо, но такие правила действуют еще до того, как сложилось словарное значение слова. Если эти правила и могут служить объектом исследования лингвистики или

* П. я. — письменный язык. — *Прим. ред.*

** Знак краткости над *у*, а также над *и* между согласными обозначает краткость и полную неударность этих гласных. — *Прим. ред.*

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

фонетики, то все же вопрос о них не может стоять при грамматическом исследовании. Грамматика исследует законы сочетаемости уже готовых, имеющих словарное значение слов. При выражении наших мыслей и чувств мы используем в качестве материала такие имеющие словарное значение слова, поэтому естественно, что грамматика *занимается исследованием законов сочетаемости*, языковых единиц, имеющих такое значение. Если взять ставшую за последнее время предметом внимания «фонетическую грамматику» [2], то совершенно бесспорно, что ее отправной точкой является не просто фонетическое исследование языка, а исследование применительно к смысловой структуре[5].

Коснемся далее ф о р м ы. Если взять вышеприведенные примеры, то ни в коем случае нельзя считать, что слово *хару* 'весна' представляет собой сочетание звуков *ха* и *ру*, а слово *хана* 'цветок' представляет собой сочетание звуков *ха* и *на*. Возьмем два предложения:

Ататакай хару-га курэба цӯӳкӯсий хана-га сакō 'Придет теплая весна и расцветут красивые цветы'.

Хару ва кйта га ататакаку наранай си, хана мо сайта га цӯӳкусйку най 'Пришла весна, но и тепло не стало, и цветы, хотя расцвели, но не красивы'.

В этих двух предложениях есть слова с одинаковым словарным значением, такие, как *ататакай* и *ататакаку*, *цӯӳкӯсий* и *цӯӳкусйку*, *курэ* и *ки*, *сака* и *сай* [3]. Однако все они различны по форме. Иными словами, наличие в окончании *и* или *ку*, *ка* или *и* влечет за собой такое же различие слов в целом, как различаются между собой *курэ* и *ки*. Такое различие мы называем одним из видов различия формы в грамматическом отношении. Это не есть просто различие звуков *и* и *ку*, *ка* и *и*. Хотя *ататакай* и *ататакаку*, *цӯӳкӯсий* и *цӯӳкусйку* и являются одинаковыми словами, но отношение их к другим словам различно. *Курэ* и *ки*, *сака* и *сай* также являются одинаковыми словами, но сочетаются они с другими словами по-разному. Таким образом, из различного отношения к другим словам родилось различие формы слов. Иначе говоря, это есть смысловое различие, необходимое с точки зрения грамматики. Оно не является простым фонетическим различием словарных значений. Если систематизировать язык, взяв за основу подобные формы, то можно вывести несколько видов определенных правил.

Необходимо обратить внимание на чрезвычайно важное значение формы в грамматическом исследовании. Ведь наш язык не существует сам по себе как таковой. При каждом случае употребления языка за ним непременно стоит какой-либо психологический факт, связанный с тем, кто употребляет язык. Можно сказать, что язык, не имеющий связи с психологическими фактами, лишен возможности существовать как язык. Однако области

грамматического анализа и психологического анализа различны, и сами виды анализа должны быть строго разграничены. Люди же часто «смешивают грамматические факты, которые одновременно являются и фактами психологического порядка, с чисто психологическими фактами, т. е. такими, которые не обязательно должны затрагивать область грамматики»[6]. Насколько бы факты психологии человека ни были важны для языка, с точки зрения грамматики мы не можем судить о таких психологических фактах, которые не имеют внешней формы. Именно поэтому и говорят, что грамматика является наукой формы, формальной наукой.

«Объектом грамматического исследования служит не сознание как таковое, а внешние средства, которыми должно быть передано содержание сознания, иными словами, выражение его (expression). Лингвистика и грамматическая наука исследуют только те психологические факты, которые нашли свое выражение в языке. Другими словами, конкретный объект лингвистики — это то, что облечено в форму определенного знака. Чисто психологические понятия не имеют никакой связи с грамматикой. Именно в этом и заключается один из важнейших для нас критериев. Область исследования, не базирующаяся на критерии формы, не может относиться к грамматике», — говорит Кобаяси Хидэо[7].

Третья сторона языка — ф у н к ц и я (function) — показывает роль или назначение, выполняемое словом.

Ататакай хару-га курэба, уцӳкӳсий хана-га сакō 'Наступит теплая весна и расцветут красивые цветы'.

Хару ва ататакай, хана ва уцӳкӳсий 'Весна теплая, цветы красивы'.

В этих предложениях в выражениях *ататакай хару* 'теплая весна' и *хару ва ататакай* 'весна теплая' слово *ататакай* не изменяется ни по форме, ни по значению. Однако в первом случае оно «прилагает» признак, определяет слово *хару* 'весна', а во втором случае «сказывает» признак, изъясняет слово *хару* [4]. В выражениях *уцӳкӳсий хана* 'красивые цветы' и *хана ва уцӳкӳсий* 'цветы красивы' взаимоотношение слов *уцӳкӳсий* и *хана* точно такое же. Подобное различие и есть различие по функции. Другими словами, функцией мы называем соотношение между словами, изменение слов с точки зрения их роли и назначения при образовании предложения. Основываясь на функции, мы также можем вывести для языка несколько видов определенных правил.

Грамматика представляет собой свод законов языка, выведенный из указанных трех факторов, однако учесть все явления языка трудно. Поэтому установленные таким путем законы не могут прилагаться ко всем явлениям языка. «Применительно к некоторым сферам языка „грамматика обобщает до некоторой степени по принципу удобства" естественным образом сложившиеся языковые обычаи», — говорит по этому поводу д-р Симмура Идзуру[8].

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Таким образом, опираясь на естественно сложившиеся языковые обычаи, мы по своей воле, сознательно, иными словами, интеллектуально, устанавливаем известные законы и в совокупности называем их грамматикой. Однако следует помнить, что грамматика по возможности избегает искусственной, ненатуральной обработки, а, принимая явления языка в таком виде, в каком они существуют, выводит из них законы языка. Необходимо стремиться к тому, чтобы было как можно меньше так называемых исключений и оговорок. Так, например:

Цукуэ ва ки-нитэ цукуру (п. я.) 'Столы делают из дерева'.

Сакана-о цури-ни ику 'Идти удить рыбу'.

Витакӯси ва мидзу-га номитай 'Мне хочется выпить воды'.

Указанные предложения не следует относить к исключениям, а нужно стремиться к установлению таких грамматических правил, которые в состоянии разумно объяснить и их [5]. Мы считаем, что нужно стремиться устанавливать как можно меньше законов, не являющихся естественными, и, наоборот, находить такие естественные законы, которые охватывали бы и кажущиеся неестественными явления языка. Однако поскольку язык, будучи основан на социальных договорных обычаях, складывался стихийно, постольку, само собой разумеется, и выведенные из языка законы не могут быть применены универсально, независимо от времени и места, подобно законам природы, выведенным учеными-натуралистами. Например, грамматическое значение и грамматическая форма, о которых шла речь выше, как правило, должны совпадать, однако они совпадают не всегда.

Мукаси отоко арикэри (п. я.) 'Был в древности мужчина'.

Миватасэба хана мо момидзи мо накарикэри (п. я.) 'Куда ни взглянешь, нет ни цветов, ни кленовых листьев!'

В этих предложениях *кэри* одинаково по форме. Однако в первом случае *кэри* выражает прошедшее время (правда, по этому вопросу имеются и другие мнения), во втором — *кэри* передает восклицание, не имея отношения ко времени. Точно так же можно считать, что в предложениях:

Кино амэ фурину (п. я.) 'Вчера был дождь';

Мёнити амэ фуринубэси (п. я.) 'Завтра не будет дождя' '*ну*' одинаково по форме в обоих случаях, но грамматическое значение его различно.

Если взять две пары слов *ари* 'быть, иметься' и *наси* 'нет, не имеется', *тому* 'быть богатым' и *мадзуси* 'беден', то оба первых слова относятся к сфере бытия, а оба вторых — к сфере состояния; одни имеют положительный смысл, а другие — отрицательный. Однако с точки зрения принадлежности к частям речи *ари* и *тому* являются глаголами, а *наси* и *мадзуси* — предикативными прилагательными. Парадигмы словоизменения слов *ари* и *тому* целиком умещаются в одном столбце алфавита «годзюбн»

[6], в то время как парадигмы словоизменения слов *наси* и *мадзуси* охватывают два столбца алфавита, почему они и относятся к различным частям речи [7]. Таким образом, если бы мы попытались установить твердое и неизменное правило, гласящее, что такое-то значение выражается такой-то формой и такая-то форма выражает такое-то значение, то это оказалось бы не всегда возможным, и мы обнаружили бы много исключений. Это — неизбежное явление, связанное с самим характером грамматики. Тем не менее грамматист-исследователь должен всегда стремиться к тому, чтобы закон носил как можно более широкий, общий характер.

Вместе с тем необходимо обратить внимание и на то, что грамматическая система имеет разное построение в зависимости от индивидуальных особенностей человека, систематизирующего явления языка и выводящего грамматические законы. Факты и явления языка есть в строгом смысле явление общественное и произвольно менять их или искажать недопустимо, однако в способе выведения законов и систематизирования выведенных законов вполне допустимо занимать свободную позицию в зависимости от взглядов данного исследователя. Вот почему существующие в настоящее время в Японии грамматики, являясь плодом трудов разных грамматистов, не обязательно совпадают по своему построению. Однако, с другой стороны, если мы рассмотрим эти грамматики внимательнее, мы сможем убедиться, что в основе различных по построению и системе грамматик японского языка лежат общие принципы. Мы сможем убедиться и в том, что эта зависящая от индивидуальности исследователя разница в построении грамматик проистекает из различного применения общих принципов. При сравнении отдельных грамматических систем необходимо иметь точное представление о их соотношении в смысле того, что в них есть общего и различного. В этом я готов согласиться с Юдзава Кокитиро, который отмечает, что «грамматика (бумпō 文法), естественно, следует за языком и потому она является общей для всего общества, где распространен данный язык; изложение же ее в определенном порядке и системе мы называем „письменным сводом грамматики“ (бунтэн 文典). Своды грамматики разных авторов не обязательно совпадают»[9] (впрочем, я несколько иначе понимаю значение слов *бумпō* и *бунтэн*).

Вообще говоря, язык непрерывно изменяется во времени и пространстве, непрерывно движется и развивается. Однако изменение и сдвиги происходят не резко, а постепенно, и мы осознаем их только тогда, когда они достигают определенной ступени. Это в равной степени относится как к области фонетики, так и к области лексики и грамматики, которые и составляют три фактора языка. Стремясь вывести определенный закон для явлений находящегося в движении языка, мы неизбежно столкнемся с двумя обстоятельствами.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

В о-п е р в ы х, законы языка, как правило, вынуждены несколько отставать от живых фактов языка. Объясняется это тем, что законы статичны, язык же динамичен и, более того, в процессе своего развития язык включает и такие явления, которые существуют в нем крайне непродолжительное время. Но объектом грамматики служат факты живых явлений языка, поэтому она не может игнорировать даже самые незначительные изменения. Задача грамматики заключается в том, чтобы непрерывно сообразоваться с явлениями языка. Однако, стремясь к выведению определенных законов из текучих фактов языка, грамматика при необходимости изменить закон в соответствии с явлениями непрерывного изменения языка (в том случае, когда новые явления изменения языка носят частичный или временный характер) не должна немедленно класть эти факты в основу выведения нового закона. Например, такой глагол, как *кодзику* 'нищенствовать', встречающийся в предложениях:

Накагоро Ōми-но куни-ни ***когудзики*** *аруку ōкина аригэри* (Хоссинсю)* 'Недавно в провинции Оми жил-был старик, который бродил **нищенствуя**';

Ябурэгаса куби-ни какэтэ ва ***кодзикутомо*** *амэ-но сйта-нитэ минова таномадзи* (Сайгёкува) 'Хотя он **нищенствовал**, подвесив себе на шею свою соломенную шляпу, но он нигде не просил [себе] крова', в дальнейшем больше не употреблялся, поэтому отсюда нельзя вывести грамматический закон о спряжении существительного по типу глагола [8]. Таким образом, когда в соответствии с явлениями изменения языка возникает окончательная возможность установления закона, само изменение к этому времени уходит еще дальше вперед. Поэтому, если в языковое исследование внести элементы практического характера и стать на точку зрения так называемой прикладной грамматики, мы столкнемся с необходимостью координировать законы и находящиеся в процессе непрерывного изменения языковые факты. Существующая в настоящее время в Японии грамматика письменного языка систематизирует преимущественно языковые законы периода Хэйан**. Поэтому если применить указанную грамматику в таком виде, как она есть, к современному языку, то расстояние, которое прошли языковые изменения, в результате протекшего времени встанет перед нами в виде своего рода препятствия. С точки зрения прикладной грамматики, если не избавиться от этого препятствия, то нельзя без затруднений пользоваться языком. В соответствии с такой необходимостью и появился на свет «Перечень допускаемых отступлений от грамматических норм», опубликованный в 158 номере Известий Министерства просвещения 2 декабря

* Перечень памятников, из которых заимствованы примеры, с их датировкой, см. в приложении во II томе. — *Прим. ред.*

** См. таблицу названий периодов в конце книги. — *Прим. ред.*

1906 г.* Причины появления этого перечня изложены в объяснительной записке к нему. Грамматические факты, устанавливаемые «перечнем допускаемых отступлений», — это факты, относящиеся к явлениям языка, которые, несмотря на то, что они не допускаются, как правило, все же реально существуют. Необходимо иметь в виду, что все рассуждения о том, признавать ли их или не признавать и какие именно из всех явлений эволюции следует признать, ведутся с точки зрения прикладной грамматики, в которую привнесены элементы человеческой воли, и лежат вне сферы научной грамматики [10].

В о-в т о р ы х, законы языка лишены стабильности. Закон по самому своему существу не легко изменим, но если мы учтем, что языковые явления фактически текучи и что среди них есть изменения временного характера и изменения частичного характера, то мы придем к необходимости извлекать из них гибкие, подвижные законы. Например, в предложении: *Карэ ва гакӯсяоуттэ иру* 'Он **корчит** из себя ученого' *гакӯсябуру* 'корчить ученого' есть самостоятельный глагол. Следовательно, *буру* представляет собой суффикс, превращающий слово *гакӯся* 'ученый' в глагол, и само по себе *буру* не является самостоятельным словом. Однако в равнозначном предложении: *Карэ-ва гакӯся-но ē-ни* ***буттэ*** *иру* само *буру* становится полноценным глаголом и даже выполняет роль сказуемого. Если это так, то, когда возникнет вопрос, суффикс ли *буру* или глагол, мы не сможем дать ответ в виде определенного незыблемого закона. Нам придется остановиться на правиле, гласящем, что это и суффикс и глагол. Необходима мерка для измерения динамичных явлений, и естественно, что такая динамическая мерка неизбежно будет лишена стабильности. Об этом можно судить хотя бы по таким практическим примерам, как вопрос о том, следует ли считать *насай, дэ ару, тэ иру, тэ ору* отдельными служебными глаголами или нет [11].

Суммируя все сказанное, мы можем заключить, что грамматика есть наука, которая, опираясь на определенные критерии значения, формы и функции, индуктивно выводит из явлений какого-либо языка его общие законы и таким путем практически разъясняет его особенности. Она не исходит из норм сознания, считающих, что язык д о л ж е н б ы т ь таким-то, а стремится показать в виде закона, что язык я в л я е т с я таким-то. Такое объяснение закономерностей фактов языка в конечном счете освещает и приемы применения языка в соответствии с мыслями. Однако эта цель выдвигается на первый план в прикладной грамматике, при научном же исследовании грамматики этот момент является побочным. Широко распространено представление, что ц е л ь г р а м м а т и ч е с к о г о и с с л е д о в а н и я — показать, как правильно

* См. «Приложение» к первому тому, стр. 636 — 638. — *Прим. ред.*

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

строить предложения, правильно понимать их, дать критерий для конструирования предложений в языке, дать авторитетное руководство для исправления ошибок, обеспечить возможность нормального пользования языком, но все это задачи прикладной грамматики. Подлинная же цель научного грамматического исследования заключается в осознании закономерных фактов языка, в глубоком освоении и понимании данного языка, в достижении правильного осознания действующих в нем законов. То, что это может помочь также в правильном понимании древнего языка, является лишь естественным следствием основной цели. Шлифовка же формы, воспитание способности анализа и синтеза, а также логического мышления — все это достигается лишь попутно[12].

Грамматическое исследование идет по двум линиям. Первая линия — это а н а л и т и ч е с к о е и с с л е д о в а н и е, вторая — с и н т е т и ч е с к о е и с с л е д о в а н и е. При аналитическом исследовании классифицируются слова по частям речи в зависимости от их значения, форм и функции и выясняется грамматический характер слов, принадлежащих к каждой части речи. При синтетическом исследовании путем объединения изучения использования слов на основе их функций с результатами аналитического исследования выясняется грамматическое применение слов. В первом случае выясняется применение слов путем сравнения особенностей слов, принадлежащих к разным частям речи, во втором случае устанавливается, в каких взаимоотношениях при своем употреблении слова выражают мысль. Д-р Ямада Ёсио говорит: «Мы пользуемся словами для того, чтобы выражать свои мысли, но при этом следует различать два момента: либо мы рассматриваем слова как материал для выражения мысли, либо мы рассматриваем, как выражена мысль, что и является целью употребления данного материала. В первом случае исследование опирается преимущественно на анализ, во втором — преимущественно на синтез»[13]. Он же говорит: «О „словах" мы говорим в том случае, когда рассматриваем материал, употребленный для выражения мысли, о „предложении" — тогда, когда мы рассматриваем само выражение мысли. Если выразить эту же мысль проще, можно сказать, что здесь мы имеем дело с взаимоотношением самого выражения мысли и материала, использованного для этого выражения. Если нет материала, нет возможности для выражения мысли, и вместе с тем, если изначала не будет той мысли, которая использует материал, то не появится и самого понятия о материале. Другими словами, поистине это один и тот же предмет, рассматриваемый в двух аспектах в зависимости от разницы в точке зрения. А именно. с одной стороны, это взгляд на материал с аналитической точки зрения, а с другой — это взгляд на само выражение мысли с точки зрения синтеза»[14]. Таким образом,

в первом случае объектом исследования является отдельное слово — это так называемое учение о частях речи. В другом случае объектом исследования является предложение — это так называемое учение о предложении. Учение о частях речи и учение о предложении — две крупные отрасли грамматической науки.

Систематическая японская грамматика, какую мы имеем сегодня, начала складываться в Японии в конце периода Токугава под влиянием знакомства с голландским языком и голландскими грамматиками, но исследовательская работа в области грамматики стала развиваться более или менее систематически только за последние 30—40 лет. Таким образом, и в настоящее время остается множество еще не приведенных в систему языковых явлений и имеется немало неразрешенных спорных вопросов. Все они ждут своего разрешения в будущем на основе новых исследований.

II. ВИДЫ ГРАММАТИК

В зависимости от задач и способов исследования грамматики классифицируются обычно следующим образом:

- Грамматика
  - А. Научная грамматика
    - 1. Описательная грамматика
    - 2. Объяснительная грамматика
      - 1) Историческая грамматика
      - 2) Сравнительная грамматика
      - 3) Общая грамматика
  - Б. Практическая грамматика

Ниже даются краткие пояснения для каждого вида.

НАУЧНАЯ ГРАММАТИКА (THEORETICAL GRAMMAR)

В грамматике имеются два аспекта: научный (Science) и аспект техники (Art). Грамматика, стоящая на первой точке зрения, является научной грамматикой. Ее называют еще теоретической грамматикой. Задача ее — научное исследование явлений языка. Используя факты языка в качестве материала для установления законов, объясняя установленные общие законы, эта грамматика стоит на чисто научной точке зрения. Подобную научную грамматику часто относят к области языкознания, но языкознание имеет объектом своего исследования языки всех народов мира в целом, а не ограничивается только исследованием основ явлений одного языка. А научная грамматика

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

о которой здесь идет речь, может быть построена и применительно к грамматике одного языка, и следует заметить, что она скорее и является основной линией всякой грамматики.

1. Описательная грамматика (Descriptive grammar)

Эта грамматика описывает факты языка в том виде, как они есть, кладя в основу действующие в нем правила. Другими словами, она описывает язык, устанавливая закономерности фактов в том виде, как они естественно существуют в языке. Так, например, в японском языке присоединением к глаголу служебного глагола *дзу* выражается отрицание, а присоединением служебного глагола *раму* выражается предположение. *Сому* 'начать', *сасу* 'прервать', *кану* 'не мочь', *бсу* 'закончить', *ау* 'завершить' являются глаголами, но они не употребляются самостоятельно, а обязательно в соединении с стоящим впереди глаголом. Если это так, то, следовательно, так и нужно изложить, ничего не прибавляя и не убавляя по своему усмотрению. Далее, известно, что глаголы, спрягающиеся в письменном языке по четырехступенчатому спряжению, а также по неправильным спряжениям по столбцам *на* и *ра*, в разговорном языке все спрягаются по четырехступенчатому спряжению, но в разговорном языке до сего времени нет таких форм, как *аранай* или *арану*. Следовательно, неправильное спряжение по столбцу *ра* еще не превратилось полностью в четырехступенчатое спряжение. А раз этого нет, то и нужно сказать, что нет. Пусть слово будет литературным или же просторечным, все равно — употребляемое и существующее в языке слово нужно дать в том самом виде, в каком оно употребляется и существует в языке. Описательная грамматика и описывает закономерности языковых явлений, исходя из таких установок. Для описательной грамматики необходимы безошибочное понимание и точное описание языковых явлений. Описательная грамматика лежит в основе научной грамматики.

2. Объяснительная грамматика (Explanatory grammar)

Эта грамматика не только систематизирует и описывает явления языка в том виде, как они есть, как это делает грамматика описательная, но интересуется еще и происхождением языковых фактов и явлений и исследует их причины. Она объясняет, почему данное языковое явление возникло и какой процесс привел его к нынешнему состоянию. Объяснительная грамматика не говорит о факте только как о факте и о явлении только как о явлении, но дает им соответствующее объяснение. В зависимости от способа этого объяснения объяснительная грамматика делится на следующие три вида.

1) Историческая грамматика (Historical grammar). В противоположность описательной грамматике, которая кладет в основу статические явления языка, объектом исследования исторической грамматики являются языковые явления в их динамике. Эта грамматика ставит своей целью объяснить в историческом плане, какой процесс развития прошли грамматические факты с самого начала своего существования и какие изменения они претерпевали. Например:

Дзикō мо ататакаку натта нодэ ягатэ сакура мо сакō 'Стало тепло, и наконец, наверное, расцветет вишня'.

Сакура-га тиру то мамонаку аоба-но дзисэцу-га коё̄ 'Как только осыпятся цветы вишни, наступит пора зеленой листвы'.

В этих предложениях *у* и *ё̄* являются служебными глаголами, соответствующими *му* в письменном языке [9], причем *ё̄* представляет собой измененную форму *у*, а *у* в свою очередь образовалось из *му*. Другими словами, служебный глагол *му* в середине периода Хэйан потерял гласный *у* и стал произноситься как самостоятельное носовое *м*, а затем изменился в *н*. Одновременно этот носовой изменился в гласный *у* и стал произноситься как *у*. В период Хэйан вообще существовала прочная тенденция перехода носовых звуков в гласные и, в частности, в гласный *у*, и переход служебного глагола *му* в *у* есть одно из проявлений подобного звукового изменения. Далее, в конце периода Хэйан это *у* встречается в разговорном языке Киото, в период Камáкура его можно встретить в «Хэйкэ-моногатари» и в других произведениях, а в период Муромати оно получает широкое распространение и, по-видимому, окончательно приходит на смену *му*. Однако в период Муромати еще не получило развития присоединение *ё̄* к глаголам, не спрягающимся по четырехступенчатому спряжению. Здесь мы встречаемся с таким употреблением *у*, как:

Сэмэутомо сэнӯ дзо (Сикисё̄) 'Я и не думаю упрекать'

Тэнка-о иссин сэу то омотта дзо (Сикисё̄) 'Думал изменить весь мир'.

Однако в «Канкинсю̄» в значении *сэу* (為う) 'буду делать' иногда появляется написание しよう *сиё̄*. И в том случае, когда глагол оканчивается на *э*, начинает намечаться изменение первоначального звука в стяженный *ё̄* よう, например, в «Сёномоно» мы находим написание トラヨウ *тораё̄* (*тораёу*) в значении (捕へウ) 'захвачу' и カツヨウ *кацуё̄* (*кацуёу*) в значении (飢えウ) 'буду голодать'. Таким образом, объясняется, что *ё̄* современного разговорного языка, появившееся в результате постепенного изменения произношения, образовалось благодаря тому, что этот процесс был позабыт, и *ё̄* было придано значение показателя будущего времени или предположения[15].

Другой пример. Общепринято считать, что слова *хэру* 綜る 'скручивать нить' в период Нара не существовало. Однако слово

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

кэру (蹴る) 'пинать ногой' в период Нара встречается, и мы находим примеры, свидетельствующие, что тогда оно спрягалось по нижнему двухступенчатому спряжению по столбцу *ва*. В начале периода Хэйан в словаре «Синсэн-дзикё» в объяснении иероглифа 蹴 находим чтение *кою*, что свидетельствует о спряжении по нижнему двухступенчатому спряжению по столбцу *я*. В находящейся в хранилище храма Исиямадэра буддийской шастре «Дайтидо», в которой помещены произведения императора Сэйва, относящиеся ко второму году Тэнъан (858 г.), при этом иероглифе тоже указано чтение *кою*. Далее, в повести «Отикубомоногатари», относящейся к середине периода Хэйан, мы находим это слово в форме *кэру*, из чего можно сделать заключение, что *кэру* спрягалось тогда по нижнему одноступенчатому спряжению по столбцу *ка*. Позже этот глагол также спрягался по нижнему одноступенчатому спряжению по столбцу *ка*. В современном разговорном языке этот глагол спрягается по четырехступенчатому спряжению по столбцу *ра*. Процесс изменения протекал, видимо, следующим образом: слово *куу* (столбец *ва*) в силу своего рода ассимиляции изменилось в *кую* (столбец *я*). В результате последующих фонетических изменений оно превратилось в *кою* (столбец *я*), а затем — в *коэру* нижнего одноступенчатого спряжения. Далее, путем стяжения образовалось *кэру*[16]. Таким образом, мы приходим к выводу, что глаголов нижнего одноступенчатого спряжения в период Нара не существовало.

Еще пример. Глагол *какуру* 'прятаться' в период Нара принадлежал к четырехступенчатому спряжению, а в период Хэйан он перешел в нижнее двухступенчатое спряжение, глагол *момидзу* 'краснеть' (о листве) в период Нара также принадлежал к четырехступенчатому спряжению, а в период Хэйан он перешел в нижнее двухступенчатое спряжение, глагол *арабиру* 1. 'бушевать' 2. 'запустеть' в период Нара принадлежал к верхнему одноступенчатому спряжению, а в период Хэйан стал относиться к верхнему двухступенчатому спряжению. Если мы проследим для каждого отдельного слова путь изменений, который оно прошло во времени, и установим закономерности изменения спряжения глаголов, эта работа будет также относиться к области исторической грамматики.

В основе исторической грамматики лежит описательная грамматика каждого данного исторического этапа, которая служит исходным моментом для правильного понимания языковых фактов, появляющихся в языке в разное время. А историческая грамматика из этих меняющихся с течением времени языковых явлений выводит законы самого развития. Короче говоря, можно сказать, что историческая грамматика — один из видов описательной грамматики; она отвечает своему названию «историческая» в том смысле, что пользуется материалом разных исторических

эпох. «Историческая грамматика есть не что иное, как соединение в определенном порядке описательных грамматик нескольких отдельных исторических периодов. Поскольку грамматика по самому своему определению может существовать только в измерении (dimension) одного времени, это и предопределяет то, что историческая грамматика представляет собой не что иное, как взятые вместе грамматики отдельных периодов»[17].

2) Сравнительная грамматика (Comparative grammar).

В настоящее время название «сравнительная грамматика» стало употребляться в значении «сравнительное языкознание», но если учитывать только грамматическое значение этого названия, то сравнительная грамматика представляет собой объяснение грамматических фактов и явлений одного языка в сравнении с другими (родственными) языками, принадлежащими к одной с ним системе. В особенности, когда нет возможности проследить грамматические явления языка за время, о котором не сохранилось письменных исторических памятников, не остается ничего иного, как воспользоваться другими родственными языками и пытаться путем сравнения с ними объяснить факты этого языка. Что касается японского языка, то поскольку до настоящего времени сравнительных исследований относительно какого-либо родственного ему языка нет, постольку сравнительное изучение его находится в зачаточном состоянии, и чего-либо заслуживающего названия сравнительной грамматики пока не создано. В качестве исследований по данному вопросу можно указать только на следующие примеры. Чемберлен (1850—1935) в своем труде «Грамматика и словарь рюкюсского языка», сравнивая японский язык с рюкюсским (который, конечно, следует рассматривать как диалект японского языка), пришел к выводу, что спряжение глаголов японского языка вначале, по-видимому, было единым (неправильным спряжением по столбцу *на*). Установив для глаголов этот принцип, он далее теоретически обосновывает разветвление и образование различных видов спряжения. Астон (1841—1911) в работе «Сравнительное исследование японского и корейского языков» (1879) указывает на теснейшую связь грамматической структуры обоих языков. Д-р Канадзава Сёдзабуро[18] также путем сравнения с корейским языком пришел к выводу, что глаголы и предикативные прилагательные японского языка являются двумя формами, имеющими единый источник. В научном мире господствует твердое убеждение, что языки японский, корейский и рюкюсский являются языками одной семьи, и потому можно полагать, что сравнительное изучение этих трех языков послужит основой дальнейших новых достижений в области сравнительной грамматики японского языка. Короче говоря, историческая грамматика,

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

о которой шла речь в предыдущем параграфе, рассматривая один язык на разных этапах его развития, устанавливает закономерности его изменения и развития, а сравнительная грамматика, опираясь на помощь родственных языков, существовавших еще до появления данного языка, исследует закономерности развития этого языка. Таким образом, оба эти вида грамматик отличаются только по материалу и методу исследования, а фактически являются объяснительными грамматиками одного вида.

3) Общая грамматика (General grammar).

Эта грамматика объясняет грамматические факты языка не только в связи с фактами родственных языков, но и в свете общих положений языкознания, относящихся к языкам всех народов мира. Ее следует назвать также языковедческой грамматикой. Разумеется, в задачи этой грамматики входит не только объяснение грамматических фактов одного языка, но и широкое сравнение языков разных систем и структур, выяснение законов человеческого мышления и его соотношения с грамматическими формами языка, в котором мышление находит свое выражение, а также установление общих принципов соотношения законов мышления человечества в целом и его выражения в языке. Общие принципы языкознания не есть законы, применимые только к одному отдельному языку, они выведены в результате широкого наблюдения и исследования языков всего человечества и потому являются общими для всех языков человечества. Общая грамматика и стремится объяснить грамматические факты одного языка в свете этих общих положений. Например, такую категорию японского языка, как глагольное время (Tense), можно объяснить, исходя из имеющейся до некоторой степени общности между японским языком и индоевропейскими языками (indo-germanic language). Во взаимоотношении определения и определяемого есть общность между японским и английским языками. Однако из многочисленных языков человечества сравнительно подробно изучены только эти индоевропейские языки. Большинство же других языков еще не изучены в данном аспекте, и потому общей грамматике предстоит еще проделать большой путь до того, как она будет окончательно разработана. Тем не менее в отдельных языках существуют одинаковые явления, и в этом факте, видимо, заключены неограниченные возможности развития данного вида грамматики[19].

ПРАКТИЧЕСКАЯ ГРАММАТИКА (PRACTICAL GRAMMAR)

Это — грамматика, имеющая своим предметом технику (Art) языка, о чем уже упоминалось выше. Цель этой грамматики — обучить правильно говорить на данном языке, правильно писать и правильно понимать его. Так как понятие «правильно» прини-

мается на основе соответствия или несоответствия определенному стандарту, то грамматика данного вида не может удовлетвориться только описанием и объяснением фактов и явлений языка, она должна дать определенную норму, основу, сознательно выбранную и утвержденную. И если встречаются несоответствия установленным нормам, их необходимо исправить, недостающие моменты необходимо дополнить. Другими словами, практическая грамматика систематизирует стихийные явления национального языка, проводит их отбор на основе соответствия определенной норме и таким образом сознательно устанавливает правила языка. Например, такие выражения, как:

Бокун ти-э асоби-ни китамаэ 'Приходи ко мне в гости'.

Ураа иканкэря наран 'Мне нужно идти'.

Хйтоцу-но кисоку-га накэранэба наранай 'Должны быть единые правила',

представляют собой живые факты языка, бытующие в некоторых районах Японии. При описании фактов языка в таком виде, как они есть, и объяснении их развития и изменения можно остановиться и на данных фактах. Однако если исходить из определенной нормы, то их необходимо исправить следующим образом:

Боку-но ути-э асоби-ни китамаэ.

Ватакўси ва иканакэрэба наран.

Хйтоцу-но кйсоку-га накэрэба наранай.

Практическая грамматика, сознательно отшлифовывая, таким образом, факты и явления, взятые непосредственно из языка, формулирует правила, содействующие достижению цели — правильно говорить и правильно писать. Поэтому такую грамматику и называют нормативной грамматикой (Normative grammar) или же учебной грамматикой (Didactic grammar). «Ясно, что, поскольку она определяется практической целеустремленностью, она не может непосредственно служить предметом объективной науки»[20]. Научная и практическая грамматики занимают, таким образом, совершенно разные позиции с точки зрения своих задач и методов исследования, но, разумеется, они имеют много общего в самом существе устанавливаемых ими правил и потому зачастую под названием «грамматика» понимают описательную грамматику со значительным уклоном в сторону практической грамматики.

III. ПИСЬМЕННЫЙ ЯЗЫК И РАЗГОВОРНЫЙ ЯЗЫК

В любом языке между языком письменных произведений и языком, употребляемым в повседневных разговорах, непременно имеется известное расхождение, некоторый разрыв. Язык, употребляемый в письменных произведениях, есть письменный язык (бунго 文語), а язык повседневных разговоров —

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

это разговорный язык (кōго 口語, букв. «устный язык») [10].

Поскольку язык служит орудием выражения наших мыслей и чувств, постольку нерационально, что он разделяется на две ветви, т. е. письменный язык и разговорный язык. Сущность языка — речь, а письменность — явление вторичное. Вторичное должно быть подчинено сущности. Однако в действительности в любом языке обе эти ветви расходятся, в частности в японском языке начиная с известного периода это расхождение стало особенно значительным и продолжает оставаться таким до настоящего времени.

В чем же основные причины расхождения, возникшего между письменным и разговорным языком? Одна из них заключается в том, что язык фиксируется при помощи письменных знаков. Запись языка письменными знаками — явление, естественно вытекающее из необходимости восполнить природный недостаток языка. Действительно, при фиксации языка все то, что при произнесении и восприятии на слух существовало лишь несколько мгновений, приобретает постоянный характер. Этим объясняется существенное различие между звуком и письмом. Таким образом, язык, носивший текучий характер, превращается в нечто стабильное. Первоначально язык записывался так, как произносился, и разницы между письмом и произношением почти не существовало. Однако разговорный язык (в соответствии со своим текучим характером) с течением времени изменяется, тогда как язык, записанный письменными знаками, в силу своей стабильности не претерпевает с течением времени соответствующих изменений. Рассматривая это явление с другой стороны, мы можем сказать, что зафиксированный на письме язык имеет тенденцию к застыванию в определенных формах, а следовательно, если в устной речи и появляются какие-то изменения, они не распространяются на письменный язык. Дело не только в этом. Застывший в определенных формах, зафиксированный в письме язык (письменный язык) временами даже сдерживает и смягчает резкие изменения в разговорном языке. Одновременно с этим внутри самого разговорного языка возникают явления, связанные с влиянием письменного языка, и дело доходит до появления так называемого разговорного языка письменного стиля (бунготэки кого 文語的口語).

Вторая причина расхождения письменного и разговорного языков заключается в том, что при разговоре язык употребляется в иной обстановке, нежели при письме. При разговоре слушатель находится непосредственно перед говорящим, и выразительность речи может достигаться с помощью интонации, высоты и силы звука. Более того, можно прибегнуть к помощи телодвижений и жестов (gesture). При письме все эти возможности полностью

отсутствуют и потому недостаток их приходится восполнять с помощью различных риторических приемов, в результате чего возникает расхождение между словом и письмом. И особенно, если то, что записывается, имеет специфические формы выражения, как, например, песни, изречения мудрецов или особый повествовательный стиль, вполне допустимо, что специфика форм их выражения может потребовать расхождения с существующим в данный период разговорным языком.

Третья причина рассматриваемого расхождения, как мы полагаем, состоит в том, что в языке устного общения и в языке письма содержатся моменты, не совпадающие полностью по самому своему существу. Это подтверждается хотя бы следующим примером. если мы изобразим с помощью письменных знаков то, что мы повседневно говорим, мы не получим так называемого разговорного языка. Стенографическая запись разговора вовсе не обязательно является регистрацией разговорного языка. Андо Масацугу говорит:

«Относительно литературы на разговорном языке (кōгобун 口語文) может быть две точки зрения. Согласно первой, к ней относится все, что записывается так, как мы говорим в устном общении. Это широкое толкование. Другая точка зрения считает литературой на разговорном языке особый стиль письма, развившийся на базе разговорного языка. Это узкое толкование. Если придерживаться первой точки зрения, то к литературе на разговорном языке должны быть отнесены и стенографические записи разговоров, но с научной точки зрения такого рода записи не рассматриваются как литература на разговорном языке... К литературе на разговорном языке относится то, что выдержано в стиле разговорного языка; это — выражение разговорного языка, предназначенное для глаза. Стенографическая же запись является выражением разговорного языка, предназначенного для слуха. Стенографическая запись — не что иное, как точно скопированное выражение разговорного языка, предназначенного для слуха. В речи, предназначенной для слуха, в качестве вспомогательных средств могут быть использованы поведение, интонация, высота и сила звука и т. д..., а литературой на разговорном языке мы называем особый стиль письма, развившийся на базе очищенного разговорного языка»[21].

Язык, использующий выражения в стиле *дэ ару* (связка), является языком разговорным, но в настоящее время *дэ ару* не употребляется нигде, за исключением речей и протоколов. То же самое можно сказать и о *дэ аримасу* (связка), которое, кроме военной среды или же специальных случаев, в повседневной речи не употребляется. Речи произносятся разговорным языком; в нем по сравнению с языком повседневных разговоров содержится заметное число элементов письменного язы-

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

ка. Уже из этого видно, что разговорный язык, записанный так, как он есть, не может считаться так называемой «литературой на разговорном языке». Другими словами, абсолютное единство между языком, на котором разговаривают, и языком, на котором пишут, невозможно. Поэтому необходимо иметь в виду, что «литература на разговорном языке» по сравнению с языком устного общения уже делает шаг по направлению к стилю письменного языка. В японском языке этот факт можно проследить не только в настоящее время, но и в древности.

Рассматривая японский язык от периода Нара до периода Хэйан, мы на основании разных причин не можем сказать, что тогда существовало в строгом смысле единство речи и письма (гэмбун-итти 言文一致), но можно предположить, что в общем между письменным и разговорным языком большой разницы не было. Уже наметилось расхождение между словами, употреблявшимися в поэзии и в прозе, приобрела некоторые различия речь мужчин и женщин, в самой прозе неизбежно обозначились некоторые различия между авторским текстом и диалогом, но между письменным и разговорным языком отнюдь не было такой резкой разницы, какая существует сейчас. В целом ничто не мешает нам назвать это единством речи и письма, и потому можно сказать, что современный письменный язык является прежним разговорным языком. Я считаю, что часто цитируемый грамматистами нижеприводимый текст «Тоса-никки», относительно пригодности которого (поскольку он стихотворный) возникало много споров, все же вполне может служить хорошей иллюстрацией того, что разница между речью и письмом не была очень значительной. В «Тоса-никки» под датой 5 февраля 4-го года Сёхэй* имеется следующая запись: «*„Фунэ тōку когэ, хи-но ёки ни“ то моёсэба, кадзитори фунакодомо-ни иваку „мифунэ-ёри ōсэтабу нари, Асагита-но идэконў саки-ни цунадэ хая хикэ“*» ‘Когда я сказал рулевому: «Гребите скорее, пока день хорош», он обратился к гребцам: «Слушайте приказ хозяина. Тащите скорее сети, пока не дует утренний ветер с севера»’. Автор продолжает: «Эти слова, так похожие на стих, — собственные слова рулевого. Рулевой вообще не из тех, кто в обращении говорит стихами. Но я подумал: „Как это похоже на стих“, — и, записав, подсчитал число слогов, их и впрямь оказалось тридцать один». Эта фраза из 31 слога, непроизвольно произнесенная рулевым, не отличается от прозаического авторского текста дневника. По этому примеру мы можем судить о степени различия между письменным и разговорным языком в то время.

Указанное выше соотношение, видимо, стало изменяться с конца периода Хэйан до начала периода Камакура. С начала периода

* 934 г.

Инсэй страна оказалась ввергнутой в водоворот войны, политическая власть переместилась с запада, из Киото, на восток, в Камакура, говор восточных провинций впервые приобрел значение и стал оказывать влияние на говор западных провинций. Следует добавить, что, так как в период Камакура сильное развитие получил классицизм, в письменном обиходе отказались от языка своего времени, в котором большое распространение получили неправильность и диалектизмы, а за образец взяли язык периода Хэйан. С тех пор письменный язык стал фиксироваться в соответствии с правилами языка периода Хэйан, а разговорный язык приобретал все более текучий характер и все более увеличивался разрыв между письменным и разговорным языком.

Необходимо также помнить, что на письменный язык оказал влияние и стиль дословного перевода с китайского (камбун-тёкуякўтай 漢文直譯體). Оригинальной точки зрения придерживается в этом вопросе Мацусита Дайдзабуро, который пишет [22]: «В глубокой древности письменного языка не существовало, но после того, как была заимствована китайская литература, которую читали, переводя ее дословно [11], оформился «стиль дословного перевода с китайского» (камбун-тёкуякўтай). Этот стиль и положил начало письменному языку. Все это произошло еще до периода Нара. Этот язык, видимо, представлял собою нечто похожее на современное японское чтение «Нихонги» [12]. Д-р Ямада Ёсио указывает [23], что нормы современного письменного языка — это не прежние нормы периода Хэйан: они подверглись значительным изменениям. Ямада приводит реальные примеры, показывающие, что формы, существующие в грамматике периода Хэйан, не встречаются в современном письменном языке, и, наоборот, формы, которых нет в грамматике периода Хэйан, имеются в грамматике современного письменного языка. В качестве примеров последнего он приводит свободное употребление *симу*, *дзарубэкарадзу*, *дзарубэкарадзару*, *ани сорэ сикаранья*, *иванъя*... *ни ойтэ оя* и т. д., указывая при этом, что они ведут свое происхождение из японского чтения китайских текстов. Среди них есть такие, которые непосредственно отражают нормы древнего языка, но немало и таких, которые образованы специально для нужд японского чтения китайских текстов [24]. Таким образом, можно считать, что так называемая литература на письменном языке (бунгобун 文語文), видимо, оформилась в результате сложного взаимодействия двух ветвей японской литературы раннего средневековья [13] и стиля дословного перевода с китайского. Процесс этого взаимодействия может служить темой важного и интересного отдельного исследования.

Литература того периода, когда наметилось расхождение между письменным и разговорным языком, почти полностью написана на так называемом письменном языке. Например, в «Хэйкэ-моно-

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

гатари» в текст, передающий речь персонажей, видимо, входит разговорный язык того времени, но весь авторский текст написан на правильном письменном языке[25]. Особые памятники, написанные на разговорном языке своего времени, стали появляться в период Муромати. Это так называемые «кёгэнки», «намбаммоно» и «сёномоно»; наиболее богатый материал для исследования разговорного языка представляют «сёномоно». Разумеется, нельзя их назвать литературными произведениями в полном смысле этого слова (так как это записи лекций), но по ним можно судить о том, что представлял собой стандартный разговорный язык района Кэйки* со времени периода Муромати[26].

Постепенно с наступлением периода Эдо, в начале его, появились такие ценные (послужившие материалом по изучению разговорного языка того времени) произведения, как «Сэйсуйсё», «Сйкано макифудэ», «Оан моногатари», «Окику моногатари», «Кинō ва кё-но моногатари», «Дзōхē-моногатари», «Самукава нюдō хикки» и др., но они еще не дают возможности говорить о единстве речи и письма. Позже, помимо языка диалогов в литературных произведениях, подлинное единство речи и письма в небольших масштабах можно обнаружить в лекциях Мотоори Норинага, Хирата Ацутанэ, в «Поучениях» Сибата Кюō [14] и др.[27]

С началом периода Мэйдзи, вслед за развитием идей и прогрессом культуры должную оценку начинает получать разговорный язык. Писатели были первыми, кто в своих произведениях применил разговорный язык того времени; появился так называемый стиль единства речи и письма (гэмбун-итти-тай 言文一致體). Начиная с 20-х годов Мэйдзи** этот стиль непрерывно отшлифовывался и совершенствовался, а с началом годов Тайсё*** вся литература, за исключением некоторых специальных видов текста, пользовалась разговорным языком, и в наши дни уже перестали придерживаться формулы, что в письменных текстах можно пользоваться только письменным языком.

Однако и в настоящее время, когда говорят просто «литературный язык» (бунсёго 文章語), обычно имеют в виду или литературу, написанную по законам грамматики древнего и средневекового языка, или особые сочинения, в которых применяется стиль дословного перевода с китайского. В противоположность этому, язык, остающийся в пределах системы современной устной речи, хотя бы он и использовался письменно, называют разговорным языком (кōго)[28].

Различие между письменным и разговорным языком не есть смысловое различие, а преимущественно различие форм. Это поло-

* Р-н Кэйки — пять провинций вокруг Киото. — *Прим. ред.*
** Т. е. с 90-х гг. XIX в. — *Прим. ред.*
*** Т. е. со второго десятилетия XX в. — *Прим. ред.*

жение становится понятным, если сравнить нижеследующие два предложения, различающиеся только тем, что первое написано письменным языком, а второе — разговорным:

Яма мурасаки-ни сйтэ мидзу киёси
Яма ва мурасаки дэ мидзу-га кией
'Горы одеты багрянцем, вода чиста'.

Другими словами, *мурасаки-ни сйтэ* и *мурасаки дэ*, *киёси* и *кией* не различаются по словарному значению, речь идет только о разнице в грамматической форме.

Применительно к разговорному языку существует еще один вопрос — вопрос о том, что в нем принимается за норму. Это вопрос о так называемом стандартном языке.

IV. СТАНДАРТНЫЙ ЯЗЫК И ДИАЛЕКТЫ

Термин «стандартный язык» (хёдзюнго 標準語) соответствует английскому standart language и немецкому Gemeinsprache [15]. При наличии в языке различных территориальных говоров под этим термином понимают общий язык, употребляющийся повсеместно, независимо от существования территориальных различий. Таким образом, из всех говоров, распространенных в пределах данной страны, это тот, на котором говорят не только жители данного ограниченного района, но который понятен и в масштабах целого государства. Это — понятный всем общегосударственный язык. Стандартный язык обычно мыслится как язык правильный, этот язык учат в школах как образцовый язык, на нем же основывается практическая грамматика (в особенности грамматика разговорного языка) и поэтому он представляет данный язык в целом. В противоположность ему, язык, который распространен только в пределах одного района внутри данной страны, понимание которого локально, ограничено определенным районом, называют диалектом.

Названия «стандартный язык» и «диалект» соотносительны, но по характеру это совершенно различные вещи, а именно: стандартный язык есть общий для всех языков, в основе его лежит говор, который хотя и естественно сложился, но сознательно отшлифован в свете определенных норм. Это не фактически существующий язык, на котором говорят вот так, а язык отвлеченный, образцовый, идеальный, на котором следует говорить именно так. В противоположность ему, диалект — это конкретный язык, естественно сложившийся в том или другом районе, язык, на котором фактически говорят. Обиходный язык, на котором говорят жители Токио, не является полностью стандартным языком — в нем имеется значительная примесь токиоского диалекта. И если на основе этого токийского диалекта устанавливать стандартный язык, то необходимо исключить из него все черты, отрицательные

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

с точки зрения фонетики, лексики и грамматики, отшлифовать его и только после этого утвердить как норму для всей страны. Государство при наличии многочисленных диалектов, имеющих распространение в пределах данной страны, устанавливает такой сознательно выработанный образцовый язык, потому что оно, представляя собой нечто единое, стремится к идеологическому единству народа[29]. Благодаря наличию стандартного языка язык получает возможность полностью справляться со своей задачей взаимной передачи мыслей, создается также возможность корректировать ошибки в языке и проводить на должном уровне обучение родному языку, которое занимает значительное место в системе народного образования. Авторитет стандартного языка чрезвычайно велик и значителен. Таким образом, со времени своего установления стандартный язык занимает первенствующее положение по сравнению с диалектами, но это не значит, что стандартный язык остается навсегда неизменным. Разумеется, чтобы сохранить свое значение стандартного языка, он должен пополняться сознательно внесенными изменениями в соответствии с изменениями, возникающими с течением времени в языке.

В настоящее время в Японии в качестве стандартного языка устанавливается язык, в основе которого лежит токиоский говор. В «Основах практической методики по преподаванию родного языка в младшем отделении начальной школы при Высшем учительском институте», составленных в 1902 г. по приказу Идзава Сюдзи, бывшего в то время директором этого института, говорится: «Язык, на котором ведется преподавание родного языка, должен основываться главным образом на правильном произношении и грамматике языка токиоского среднего и высшего классов». В предисловии к «Грамматике разговорного языка», составленной Комиссией по изучению родного языка[30], указано: «Современный японский разговорный язык значительно отличается от территориальных диалектов. В настоящем труде в качестве образца берется главным образом современный разговорный язык токиоской интеллигенции, до некоторой степени дополненный элементами, которые, хотя и относятся к правилам разговорного языка других районов, но имеют широкое распространение».

Разговорный язык «Хрестоматии родного языка для начальной школы», составленной Министерством просвещения после 1904 г. и используемой до настоящего времени, исходит из этого критерия и в целом его можно рассматривать как стандартный язык (на сегодня еще нет языка, на который мы могли бы указать как на подлинный стандартный язык наших дней).

Итак, токиоский говор считают образцом для современного языка, для чего есть свои научные основания. При установлении стандартного языка можно пользоваться двумя способами.

Первый способ, который можно назвать идеальным, заклю-

чается в том, чтобы, приняв во внимание функции языка, утвердить в качестве стандартного языка язык, наиболее полно выполняющий эти функции. При этом стандартный язык должен создаваться путем тщательного исследования всех диалектов, распространенных внутри страны, путем концентрирования положительных особенностей этих диалектов и исключения их отрицательных особенностей. Такой стандартный язык с рациональной точки зрения, возможно, и являлся бы совершенным, но в нем имелись бы недостатки, а именно: некоторый избыток искусственности и шаткость практических оснований, что неизбежно влекло бы за собой слабую жизненность его. Таким образом, с этим языком произошло бы совершенно то же, что с волапюком (volapuk) и эсперанто (esperanto), которые, хотя, вероятно, и являются идеальными языками, но, не имея реально существующего языкового фона, на практике применяются мало.

Второй способ (его можно назвать практическим) заключается в том, чтобы выбрать один из наиболее сильных диалектов страны и, внеся в него определенные исправления и шлифовку, утвердить его в качестве стандартного языка. Какой же из всех диалектов страны является наиболее сильным и какими он должен обладать достоинствами, чтобы его следовало избрать в качестве основы стандартного языка? Для этого он должен удовлетворять трем следующим условиям:

1) он должен быть наиболее распространенным из всех диалектов страны,

2) он должен обладать наибольшим из всех диалектов страны влиянием,

3) он должен иметь литературный фундамент.

Основания, по которым токиоский говор положен в основу японского стандартного языка, и связаны с упомянутым выше практическим способом. По тем же причинам в английском языке выбор пал на лондонский говор, а во французском языке — на парижский говор. В Японии до периода Асикага включительно литература в основном пользовалась говором Киото и Осака, но начиная с периода Токугава с литературой стал связываться говор, центром которого являлся Эдо*, и так продолжается доныне. Не приходится говорить о том, что говор Токио, являющегося местопребыванием центрального правительства, наиболее распространен по сравнению со всеми другими диалектами страны. С другой стороны, нетрудно проследить и тот факт, что постепенно с ним ассимилировались и другие территориальные диалекты, и токийский говор приобретал все более общегосударственный характер. Однако некоторые исследователи считают, что не обязательно ограничиваться одним стандартным языком. В древней Греции су-

* Эдо— старое (до 1868 г.) название Токио. — *Прим. ред.*

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

ществовало два языка — Аттики и Лаконии, в современной Швейцарии говорят на немецком и французском языках, а следовательно, как утверждают некоторые, и в Японии за образец для стандартного языка можно принять наряду с токиоским говором говор района Киото — Осака. Это рассуждение не лишено оснований, но, как уже упоминалось выше, влияние говора района Киото — Осака в современном японском языке является слишком локальным с точки зрения масштабов всей страны и никак не может сравниться в этом отношении с говором Токио. Более того, очень неудобно с точки зрения принципа единства родного языка брать в качестве основы для стандартного языка две различные единицы. Поэтому-то в основе современного японского стандартного языка лежит токиоский говор и только в дополнение к нему пользуются кансайским* и другими говорами.

Однако нужно заметить, что если токиоский говор и кладется в основу стандартного языка, то это вовсе не означает, что все в нем безукоризненно хорошо. В нем существуют различия классовые, профессиональные, территориальные и другие, зависящие от многих обстоятельств. Поэтому за золотую середину принимается наиболее общий его образец — язык образованного среднего слоя общества. Сделав к нему соответствующие дополнения и проведя нужную шлифовку с точки зрения фонетической, лексической и грамматической, его и утверждают в качестве стандартного языка. Из упомянутых выше трех аспектов непосредственное отношение к грамматике имеет, несомненно, третий — грамматический аспект[31].

Слово диалект (хōгэн 方言) употребляется обычно в двух значениях — широком и узком. Диалектом в широком значении этого слова мы называем язык такого коллектива, когда определенная языковая группа под влиянием различных причин и условий распадается на несколько более мелких языковых коллективов. Допустим, например, что причиной распада является классовый состав общества; тогда мы можем выделить речь студентов, военных, служащих, крестьян и т. д. В этом случае диалект мы называем классовым диалектом (class dialect). Диалект в узком значении слова — это так называемый территориальный диалект (local dialect). Таким образом, когда одна страна делится на районы и в этих районах в связи с их различиями мы встречаем разные языковые коллективы, то языки таких коллективов и будут называться диалектами. Мы знаем, например, токийский диалект, диалект Киото. Обычно слово «диалект» употребляют именно в этом его значении. Итак, понятие «диалект» как в узком, так

---

* Кансай — название западной части главного о-ва Японии — Хонсю; центром этого района являются Осака и Киото. Токио расположен в восточной части Хонсю — Канто. — *Прим. ред.*

и в широком значении всегда является относительным, а не абсолютным. Другими словами, понятие «диалект» строится на взаимоотношении языковых явлений, распространенных в данных языковых коллективах, и когда нет других языковых коллективов, с которыми можно было бы проводить сравнение, взаимоотношения диалекта и языка не существует. В том случае, если бы Токио и Киото входили в один языковой коллектив, если бы среда студентов и военных входила в один языковой коллектив, диалектальных различий между ними не существовало бы. Язык какой-либо страны — это в конечном счете есть не что иное, как общее название всех диалектов внутри страны. В зависимости от выбора критерия для классификации он и делится на различные диалекты.

Относительно деления на диалекты японского языка существуют разные теории. Одна из них построена на различении диалектов так называемой «наружной Японии» (омотэ-Нихон) и «глубинной Японии» (ура-Нихон), другая базируется на законе волнообразного распространения диалектов, третья намечает три больших подразделения — диалекты восточной части Хонсю, диалекты западной части Хонсю и диалекты Кюсю. В «Докладной записке по изучению законов разговорного языка», опубликованной в 1907 г. Комиссией по изучению родного языка, а также в «Схеме распространения разговорного языка» устанавливается два больших подразделения: диалекты восточной части и диалекты западной части. Граница между ними проходит по восточной границе провинций Эттю, Хида, Мино и Микава. К востоку от нее распространены восточные диалекты, к западу — западные диалекты. Особенности этих обоих диалектов могут быть сопоставлены следующим образом:

1) Будущее время в восточных диалектах выражается следующим образом: *укэ̄* 'получу', *коэ̄ киэ̄* 'приду', *сиэ̄* 'сделаю'; в западных же —*укэ̄*, *ко̄*, *сэ̄*.

2) Отрицание в восточных диалектах передается таким образом: *най*, *накатта*, *найдэ*, *накэрэба*, а в западных диалектах — *ну*, *нанда*, *идэ*, *нэба*.

3) Для выражения повеления (приказания) в восточных диалектах используется *ро*, *ё*, а в западных — *и*.

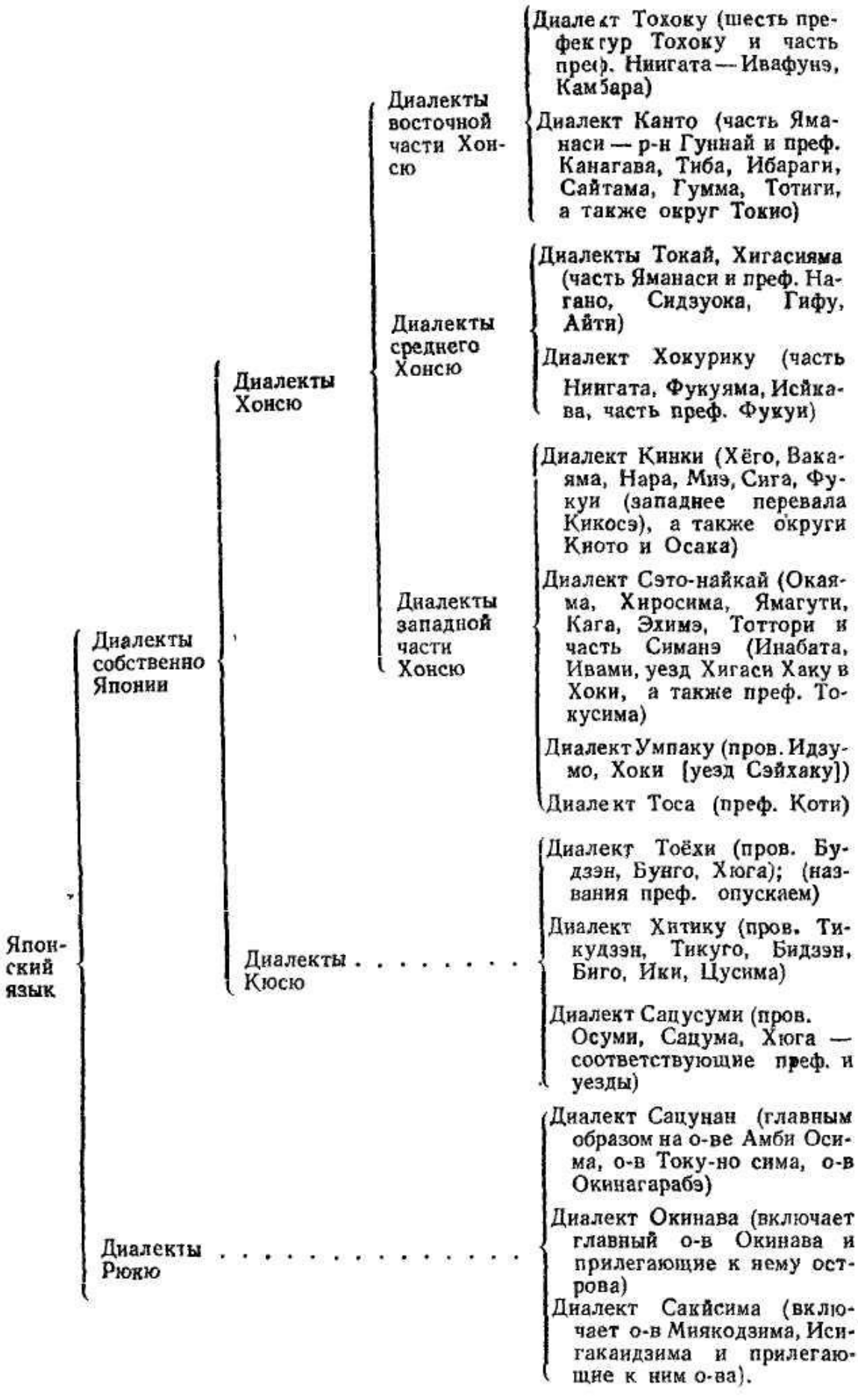
4) В качестве связок в восточных диалектах употребляют *да*, *дарō*, а в западных диалектах — *дзя*, *я*, *дзярō*, *ярō*.

5) В спряжении глаголов и прилагательных в восточных диалектах мы имеем *харатта* 'заплатил', *ёмимасйта* 'читал', *самуку* 'холодно', а в западных диалектах — *харōта*, *ёмимасэта*, *самӯ*.

Так как указанное деление диалектов на восточные и западные оказалось неполным, его дополнил и исправил Тодзё Мисао[32]. Суммируя результаты большой исследовательской ра-

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Таблица 1


Японский язык
Диалекты собственно Японии
Диалекты Хонсю
Диалекты восточной части Хонсю
Диалект Тохоку (шесть префектур Тохоку и часть преф. Ниигата — Ивафунэ, Камбара)
Диалект Канто (часть Яманаси — р-н Гуннай и преф. Канагава, Тиба, Ибараги, Сайтама, Гумма, Тотиги, а также округ Токио)
Диалекты среднего Хонсю
Диалекты Токай, Хигасияма (часть Яманаси и преф. Нагано, Сидзуока, Гифу, Айти)
Диалект Хокурику (часть Ниигата, Фукуяма, Исйкава, часть преф. Фукуи)
Диалекты западной части Хонсю
Диалект Кинки (Хёго, Вакаяма, Нара, Миэ, Сига, Фукуи (западнее перевала Кикосэ), а также округи Киото и Осака)
Диалект Сэто-найкай (Окаяма, Хиросима, Ямагути, Кага, Эхимэ, Тоттори и часть Симанэ (Инабата, Ивами, уезд Хигаси Хаку в Хоки, а также преф. Токусима)
Диалект Умпаку (пров. Идзумо, Хоки [уезд Сэйхаку])
Диалект Тоса (преф. Коти)
Диалекты Кюсю
Диалект Тоёхи (пров. Будзэн, Бунго, Хюга); (названия преф. опускаем)
Диалект Хитику (пров. Тикудзэн, Тикуго, Бидзэн, Биго, Ики, Цусима)
Диалект Сацусуми (пров. Осуми, Сацума, Хюга — соответствующие преф. и уезды)
Диалекты Рюкю
Диалект Сацунан (главным образом на о-ве Амби Осима, о-в Току-но сима, о-в Окинагарабэ)
Диалект Окинава (включает главный о-в Окинава и прилегающие к нему острова)
Диалект Сакйсима (включает о-в Миякодзима, Исигакаидзима и прилегающие к ним о-ва).

боты, он устанавливает наличие в Японии четырнадцати диалектов, относящихся к пяти отделам (см. табл. 1 на стр. 51).

Впоследствии Тодзё Мисао сделал некоторые дополнения и исправления относительно диалектов западного Хонсю[33]. Они заключаются в следующем: Тодзё Мисао разделил диалекты западного Хонсю на четыре отдельных диалекта — диалекты Кинки, Сикоку, Тюгоку, Умпаку. К диалекту Кинки он отнес, кроме диалекта района Гокинай, диалекты, распространенные в провинциях Вакаса, Оми, Ига, Исэ, Сима, Кии, Тамба, Танго, Тадзима, Харима. К диалекту Сикоку им отнесены диалекты префектур Кага, Эхимэ, Токусима, Коти. В округах Санъин и Санъё диалекты трех провинций Хоки, Идзумо и Оки отнесены к диалекту Умпаку, а диалекты, распространенные во всех других районах, включены в диалект Тюгоку[34].

При освещении вопросов грамматики разговорного языка различение стандартного языка и диалектов обязательно. Научная грамматика может удовлетвориться изучением только практически существующих диалектов, но практическая грамматика должна иметь объектом своего изучения только стандартный язык. Однако при таком положении, которое существует ныне в Японии, когда стандартный язык сам по себе еще не установился окончательно, необходимо принимать во внимание, что в грамматике современного разговорного языка имеется много моментов, относительно которых норма еще окончательно не установилась. Так, например, когда слово китайского происхождения (канго 漢語)* превращают в глагол, то в письменном языке все такие глаголы спрягаются по неправильному спряжению по столбцу *са*, а в разговорном языке, кроме неправильного спряжения по столбцу *са*, они спрягаются также по четырехступенчатому спряжению, по верхнему одноступенчатому спряжению и по нижнему одноступенчатому спряжению. Четырехступенчатое спряжение письменного языка в разговорном языке нередко переходит в верхнее одноступенчатое спряжение. Верхнее двухступенчатое и нижнее двухступенчатое спряжения письменного языка в разговорном языке не только соответственно переходят в верхнее одноступенчатое и нижнее одноступенчатое спряжения, но иногда и в четырехступенчатое спряжение. Верхнее и нижнее одноступенчатое спряжения в разговорном переходят в нижнее одноступенчатое спряжение, а в письменном также и в четырехступенчатое спряжение. Подобных исключений множество. Помимо этого, формы условного наклонения, правила присоединения служебных глаголов, формы пассива и каузатива не по всей территории Японии одинаковы, и свести все эти моменты к определенным грамматическим

* См в комментариях прим. 11.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

законам очень трудно. Следует заранее оговориться, что современная грамматика разговорного языка переживает в настоящее время переходный период[35].

V. ДЕЛЕНИЕ НА ЧАСТИ РЕЧИ

Если считать, что задачей грамматики является исследование общих законов употребления языка при выражении мыслей, то первым шагом ее должны быть систематизация и классификация языка. Классификация языка может быть проведена в различных аспектах, но для грамматической науки важнейшими являются следующие два:

1) логическая классификация слов,
2) грамматическая классификация слов.

Логической классификацией слов (го 語) мы называем классификацию слов на основе логических понятий, которые представляют собой законы мышления. Поскольку язык является орудием выражения наших мыслей, несомненно, возможна классификация языка в соответствии с логическими категориями, составляющими мышление. Однако логические категории (logical category) и грамматические категории (gramatical category) не обязательно совпадают, и недопустимо смешивать законы логики и законы языка. Правильность языковых законов зависит не от законов мышления, а только от собственных законов языка. Другими словами, логично, когда язык следует языковым законам. Так, например, формулировка: *ни то сан то-но ва сити нари* (п. я.) 'сумма двух и трех равна семи' с точки зрения логики мышления (смысла) является ошибочной, но с точки зрения законов языка никакой ошибки в ней нет. Предложение же: *сан то си то-но ва косо сити нари* (п. я.) 'сумма трех и четырех равна семи' правильно с точки зрения логики мышления, но не соответствует законам языка и потому ошибочно [16]. В целом законы языка приложимы к логическим категориям, но включить их полностью в эти рамки невозможно. Поэтому в классификации слов на основе логических категорий мы ограничимся только следующим:

1) знаменательные слова (каннэнго 観念語),
2) формальные слова (кэйсйкиго 形式語).

Знаменательные слова — это те слова, которые сами по себе выражают определенное понятие; их называют просто «словами» (гэн 言, си 詞), «реальными словами» (дзицўдзи 實辭), «самостоятельными словами» (дзирицуго 自立語), «независимыми словами» (докурицўси 獨立詞). Формальные слова — это слова, которые сами по себе не способны выразить никакого понятия,

но, присоединяясь к знаменательным словам, выражают различные обстоятельства и отношения с другими знаменательными словами. Формальные слова называют «частицами» (дзи 辭), «пустыми частицами» (кёдзи 虛辭), «приданными частицами» (фудзокўдзи 附屬辭). Следует обратить внимание на то, что, хотя различие знаменательных и формальных слов основано на логических категориях, эти слова и сами по себе различны по своим грамматическим особенностям. А именно, знаменательные слова в состоянии самостоятельно образовать предложение, формальные же слова сами не могут образовать предложения, а могут лишь входить в предложения, присоединяясь к знаменательным словам. Затем знаменательные слова обладают определенной самостоятельностью, а у формальных слов самостоятельность произнесения невелика. Д-р Саса Сэйити делит знаменательные слова на следующие пять категорий: слова вещественные, слова-свойства, слова-явления, слова определительные, слова указательные, но эти наименования современными грамматистами не применяются. В остальном применение логических категорий к делению на части речи будет показано при грамматических классификациях, о которых подробно говорится ниже.

Грамматическая классификация слов делит слова на основе трех критериев — з н а ч е н и я, ф о р м ы, ф у н к ц и и, о которых говорилось выше в разделе «понятие грамматики». Согласно грамматической классификации, мы можем наметить следующие четыре группы:

1) отдельное слово (танго 單語),
2) словосочетание-слово (рэнго 連語),
3) предложение (бун 文),
4) часть речи (хинси 品詞).

Отдельным с л о в о м (танго 單語) называется наименьшая единица, которую можно выделить по значению и по функции. Другими словами, это предельная единица, которой можно достичь при делении языка с грамматической точки зрения. Предложение *хана саку* (п. я.) ‘цветы цветут’ с точки зрения мысли, несомненно, представляет собой одну единицу, но с точки зрения грамматической оно не является наименьшей единицей, так как его можно разделить на два отдельных слова: *хана* ‘цветы’ и *саку* ‘цветут’. Если же подвергнуть слова *хана* и *саку* дальнейшему делению, то мы получим четыре единицы: *ха на са ку*, которые с точки зрения грамматики являются звуками, не имеющими абсолютно никакого значения и никакой функции, и потому не могут считаться единицей в грамматическом смысле. Именно поэтому словом мы называем то, что не может быть подвергнуто дальнейшему делению без утраты значения.

Слова, с которыми имеет дело грамматика, служат составными элементами предложения Слово, как мы понимаем его здесь,

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

должно обладать такой способностью соответственно своим значению и функции. Иначе говоря, это — единица, имеющая самостоятельный характер с точки зрения использования при составлении предложения. Возьмем следующие примеры:

ӯмэ-но хана — три слова, *эногу* — одно слово;
ки-но нэ — три слова, *янонэ* — одно слово;
яма-но итадаки — три слова, *яманоимо* — одно слово.

Если дополнить первые примеры из этих трех пар определениями, то мы получим:

А. *Уцӯкӯсий умэ-но хана* 'цветок красивой сливы'
Б. *Ӯмэ-но уцӯкӯсий хана* 'красивый цветок сливы'
А. *Нагай ки-но нэ* 'корень длинного дерева'
Б. *Ки-но нагай нэ* 'длинный корень дерева'
А. *Харэякана яма-но итадаки* 'вершина сверкающей горы'
Б. *Яма-но харэякана итадаки* 'сверкающая вершина горы'.

Если таким образом, как указано выше, менять место определения, то возможны оба варианта — как А, так и Б. Они возможны потому, что у каждой тройки слов — *ӯмэ-но хана*, *ки-но нэ*, *яма-но имо* — сила сцепления слаба. Другими словами, сильна самостоятельность каждого отдельного слова. В таких же примерах, как:

А. *Уцӯкӯсий эногу* Б. *Э-но уцӯкӯсий гу*
А. *Нагай янонэ* Б. *Я-но нагай нэ*
А. *Ӯмай яманоимо* Б. *Яма-но ӯмай имо*

вариант А допустим, а вариант Б невозможен. Причина этого в том, что каждая тройка слов — *эногу* 'краски', *янонэ* (название украшения), *яманоимо* 'ямс'— тесно срослась, превратившись в одно слово, и вставлять в середину последнего определения недопустимо.

При сравнении двух нижеследующих примеров мы также можем наблюдать интересное явление:

А. *Хагэсӣку ундӯ-сэри* (п. я.) 'Сильное развили движение'
Б. *Хагэсӣки ундӯ сэри* (п. я.) 'Развили сильное движение'.

В соответствии с установившимся принципом, по которому наречные определения служат определениями к ёгэну, а адъективные определения служат определениями к тайгэну [17], слово *ундӯ* 'движение' в примере А, где ему предшествует наречное определение *хагэсӣку* 'сильно', представляет собой корень глагола, а *ундӯ-сэ* есть не что иное, как глагол, представляющий одно слово. Однако слово *ундӯ*, перед которым стоит адъективное определение *хагэсӣки* 'сильное', представляет собой тайгэн, а *сэ* является глаголом; следовательно, *ундӯ сэ* в этом случае не что иное, как сочетание двух слов — существительного и глагола [18]. Таким образом, слово, составленное из нескольких отдельных слов, считается сложным, если при включении его в состав предложения

оно выполняет ту же функцию, что и отдельное слово, и не допускает дальнейшего расчленения. Что слово как член предложения имеет самостоятельность, ясно видно из следующих примеров:

Карэ ва отонаси (п. я.) 'Он взрослый'.

Ото номи си накаю (п. я.) 'Только в голос (букв. 'делая звук') плачет'.

В первом случае *си* является окончанием предикативного прилагательного и потому не может самостоятельно входить в состав предложения, слово *отонаси* 'взрослый' как целое служит одним из элементов, составляющих предложение. Наоборот, во втором случае *си* 'делая', стоящее между служебным словом *номи* 'только' и глаголом *наку* 'плакать', в качестве составного элемента входит в предложение благодаря наличию в нем самостоятельного значения и функции. (Однако не следует в этом случае термин «самостоятельное значение» понимать применительно к разнице между формальным словом и знаменательным словом, о которой говорилось выше.) Все дело в разнице между аффиксом и словом, и необходимо обратить внимание на различие в соединительных связях между словом и аффиксом, с одной стороны, и двумя словами,— с другой. Присоединяясь к уже образованным словам и прибавляя к ним какое-то добавочное значение, аффиксы образуют новое слово, т. е. являются так называемым словообразовательным средством, и не способны служить материалом, непосредственно составляющим предложение. Однако именуемые также словами служебные глаголы, присоединяющиеся к ёгэнам (служебные глаголы, присоединяющиеся к тайгэнам, имеют специфический характер, который должен быть исследован особо), по-видимому, стоят ближе к аффиксам, чем к частицам. Именно поэтому д-р Ямада считает служебные глаголы сложными окончаниями и рассматривает ёгэн с присоединенным к нему сложным окончанием как одно слово. Однако, если вдуматься глубже, то между формальными словами и аффиксами мы, как говорит д-р Хасимото, сможем найти и другие моменты различия. «А именно, аффиксы не обязательно присоединяются только к одним и тем же словам, они присоединяются к различным словам, но круг этих слов ограничен узуальным употреблением; ко всем словам без различия аффиксы не присоединяются. Однако служебные слова и служебные глаголы широко присоединяются к любым словам. Если они и не могут присоединяться ко всем словам без исключения, то в пределах определенного разряда слов (как, например, тайгэн или ёгэн) они присоединяются ко всем входящим в него словам. Их присоединение, являясь свободным, в то же время подчинено общим правилам»[36].

Необходимо особо подчеркнуть, что вопрос разграничения *формальных слов и аффиксов является* чрезвычайно важным и должен быть исследован со всей внимательностью [19].

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Далее, основа ёгэна в ряде случаев представляется выражающей определенное понятие, но сама по себе она, за исключением особых случаев, не может входить в качестве самостоятельного элемента в состав предложения; только соединившись с аффиксом, с другой основой или же с утерявшим самостоятельность словом, она может составить самостоятельное слово, и потому назвать словом основу слова нельзя. Таким образом, слова, входящие в состав сложного слова, аффиксы и основы, не имея самостоятельности, не могут быть названы полностью словами — они представляют собой лишь составной элемент слова. Следовательно, они не могут непосредственно входить и в состав предложения. Основной единицей, с которой имеет дело грамматика, является отдельное слово, а те части, на которые может быть разделено слово, должны рассматриваться как словообразовательные элементы. И даже в том случае, когда среди словообразовательных элементов удается установить какую-то единицу, ее следует рассматривать как словообразовательный элемент. При этом нельзя забывать, что данный элемент является еще меньшей единицей языка, чем слово.

Итак, все слова, согласно логической классификации, о которой говорилось выше, могут быть разделены на знаменательные слова и формальные слова. Далее, среди слов в зависимости от их структуры, различают слова простые и слова сложные.

Простое слово (тандзюнго 單純語) — это слово, которое не может быть разделено на два или более знаменательных слова. Среди простых слов различаются слова аффиксальные и безаффиксальные. Примером первых являются: ***хацухана*** 'первые цветы' или ***оцўкисан*** 'луна', примером вторых — *сора* 'небо', *цўки* 'луна' [20].

Сложное слово (фукугō го 複合語) представляет собой одно слово, но оно может быть разделено на два или более знаменательных слова, например: *ханадзакари* 'расцветание цветов', *цўкими* 'любование луной'. Так как *ханадзакари* или *цўкими* с точки зрения грамматики сами по себе образуют определенную лексическую единицу, то они представляют собой слова, но, с другой стороны, они могут быть разделены на два знаменательных слова: *хана* 'цветок' и *сакари* 'полный расцвет', *цўки* 'луна' и *ми* 'гляденье'. Несомненно, что все полученные путем такого расчленения элементы, т. е. *хана*, *сакари*, *цуки*, *ми*, являются словами, но с точки зрения грамматического значения и функции они должны отличаться чем-то от элементов сложного слова, каковыми они были до расчленения. Это и есть отличительная черта сложного слова, иначе говоря, составного слова (дзюкўго 熟語). Когда два или более знаменательных слова соединяются, образуя новое сложное слово, то меняется, во-первых, произношение, которое является внешней формой слова (изменение произношения можно ясно видеть, если сравнить ударение в новом

сложном слове с ударением в исходных словах), и, во-вторых, лексическое значение слова, т. е. слово приобретает обычно новый смысл, выходящий за рамки значений составляющих его знаменательных слов[37].

Словосочетание-слово (рэнго 連語) [21] представляет собой два или более отдельных слова, соединенных в определенном взаимоотношении и выражающих понятие более сложное, чем отдельное слово. Однако словосочетание-слово не выражает законченной мысли. Это — группа отдельных слов, представляющая собой элемент выражения законченной мысли и могущая быть разложенной на несколько отдельных слов. Отметим, что такую единицу выражения мысли, представленную группой отдельных слов, именуют синтаксической единицей. Д-р Хасимото Синкити в качестве примера приводит предложение: *Ватакўси ва кинō томодати-то фўтари-дэ Марудзэн-э хон-о каи-ни юкимасйта* 'Я вчера с товарищем вдвоем пошел в [магазин] Марудзэн купить книгу' и пишет: «Разделив такое предложение на максимально возможное в реальном языке число наиболее коротких отрезков, я условно называю такой отрезок синтаксической единицей (бунсэцу 文節)»[38]. Как считает д-р Хасимото, синтаксическая единица является минимальным отрезком, составляющим предложение. Такой отрезок может быть выделен при расчленении предложения, так что предложение оказывается состоящим из одного, двух или более отрезков. Другими словами, синтаксическая единица — это наименьшая единица в составе предложения. Раньше такие соединения, как *фубо* 'отец и мать', *кёдай* 'братья', *симай* 'сестры' [22], *ватакўси то карэ* 'я и он', *ёми кацу каку* 'читать и писать', *ёрокабасйку урэсий* 'весело и радостно', т. е. соединения с сочинительной связью, и такие, как *ататакаки хару* 'теплая весна', *таносйки рёкō* 'приятное путешествие', *ёку утаину* 'хорошо спеть', *хидзēни самуй* 'очень холодно', т. е. соединения с подчинительной, а именно определительной связью, именовали в грамматиках одинаково словосочетанием-словом, а сам этот термин понимался в широком смысле. Но, как показывают термины «ку» (句) Дзимбо Каку[39], «танси» (單詞) Мацусита Дайдзабуро[40] и «бунсэцу» д-ра Хасимото, теперь термин «рэнго» понимается уже, а именно как элементарная единица в составе языкового выражения законченной мысли [23]. Не следует ли именно такие словосочетания-слова называть «знаменательными словосочетаниями-словами»? Знаменательное словосочетание-слово, представляя собой соединение одного знаменательного слова, его основы, с одним или несколькими формальными словами, способно быть отдельным членом предложения; таким образом, это термин, обозначающий минимальную часть предложения. Следовательно, вышеприведенные сочетания с сочинительной и определительной связью не могут рассматри-

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

ваться как знаменательные словосочетания-слова в указанном смысле: они являются соединениями нескольких таких синтаксических единиц. Если не придерживаться изложенного взгляда, то объяснение словосочетаний-слов в пределах грамматики окажется излишним. Затем синтаксические единицы, как их понимает д-р Хасимото, определяются не только по значению, но и по форме, что тоже характеризует их как определенные единицы. Кстати, если пользоваться термином «знаменательные словосочетания-слова», то такие соединения одних формальных слов, как *нубэси, тарисйкаба, дзарасимуру нари, масэн дэсё̄*, следует назвать формальными словосочетаниями-словами, противополагая их первым. Если мы назовем словосочетаниями-словами еще что-то, помимо так называемых синтаксических единиц, то будет незачем различать группы формальных слов, неспособные стать членами предложения. Мы должны обратить серьезнейшее внимание на то, чтобы непосредственным материалом грамматики были те языковые явления, которые служат орудием выражения мысли.

П р е д л о ж е н и е м (бун 文) называется выражение законченной мысли в форме соединения слов или словосочетаний. Предложение с внешней стороны — это тоже только группа слов. Однако такая группа не именуется словосочетанием, а получает особую грамматическую характеристику как предложение потому, что она выражает законченную мысль. Предложением является соединение слов с так называемой субъектно-предикативной связью: «что-либо что-либо делает», «что-либо каково-либо», «что-либо чем-либо является». Иначе — предложение есть выражение результата мыслительных процессов апперцепции и синтеза. Можно также сказать, что оно выражает умозаключение или суждение.

Среди предложений встречаются и такие, которые состоят из одного слова: *А!* 'А!', *Матэ* 'Подожди', *Аригатō* 'Спасибо', *Сйкари* 'Да', *Амэ!* 'Дождь!' и т. п. Все они при соответствующей обстановке высказывания вполне могут быть названы предложениями. Другими словами, это так называемые предложения из одной синтаксической единицы, и с точки зрения субъектно-предикативной связи они представляют собой явление противоречивое; их признают предложениями по особым причинам. Есперсен отнес их в установленный им разряд amorphous sentence (аморфные предложения)[41].

Помимо внутренней характеристики, состоящей в том, что предложение есть выражение законченной мысли, оно характеризуется и внешне: формально оно имеет самостоятельное существование, а именно, в начале и в конце непременно ограничено звуковой паузой. Если при этом учесть явление, именуемое интонацией, то указанная внешняя характеристика дополнит определение предложения. Следует признать, что и здесь открывается поле для фонетического изучения[42].

Далее, по отношению к предложению применяются термины «ку» (句) и «данку» (斷句) 'фраза'. Эти термины применяются по отношению к предложению как единице речи. Д-р Ямада говорит: «Грамматически единица, образующая основу предложения, именуется «фразой» (ку). Фраза — это языковое выражение результата процесса апперцепции»[43]. Мацусита Дайдзабуро замечает: «Фраза (данку) — отрезок речи, выражающий суждение. Например, *тора ва мōдзю̄ нари* 'тигр — хищное животное', *амэ фуриидэну* 'дождь пошел'. Выразить суждение — это значит выразить в понятиях восприятие какого-либо явления. Суждение — единица речи. Только выражая суждение, язык становится речью. Язык, не образующий фраз, не образует речи. Речь состоит из фразы или из ряда фраз»[44].

Здесь мы будем называть предложение просто «бун».

Часть речи (хинси 品詞) — это термин, которым именуется каждая группа слов, образованная путем классификации слов по грамматическому значению, форме и функции, и имеющая самостоятельные грамматические особенности. Вышеупотребленные термины «словосочетание-слово» (рэнго), «синтаксическая единица» (бунсэцу) и «предложение» (бун)— это наименования, дающиеся словам, рассматриваемым при выражении мысли. Таким образом, термины «слово», «словосочетание-слово» и «предложение»— это наименования, исходящие из одного критерия. Но «слово» и «часть речи» — это наименования, исходящие из разных критериев. А именно, частью речи называется разряд слов, полученный при классификации слов по их грамматическим свойствам[45].

Прежде чем излагать классификацию частей речи, как она представляется мне, я приведу важнейшие теории частей речи, существующие в японском языке с древних времен до настоящего времени.

Таблица 2

1. Классификация Фудзитани Нариакира (1765—1774 гг.)[46]

на 名 'имена'	*кадзаси* 挿頭 'головные украшения'	*ёсоо* 裝 'убранство'					*аюи* 脚結 'обмотки'
		кото 事 'деяние'		*сама* 狀 'вид, образ'			
		кото 事	*арина* 孔	*ари-сама* 在狀	*си-са-ма* 芝狀	*сйки-сама* 鋪狀	

На соответствует тайгэну. *Кадзаси* — местоимения, наречия, междометия, союзы, префиксы, а также местоимения и наречия в соединении с служебными словами, т. е. все те слова, которые выражают добавочное значение, предшествуя другим словам.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Ёсои соответствует ёгэну; *кото* — глаголы; *арина* — глаголы, спрягающиеся по столбцу *ра*. *Сама* — предикативные прилагательные; *ари-сама* — так называемые адъективные глаголы (кэйдōси 形容動詞), спрягающиеся по типу *нари*; *си-сама* — предикативные прилагательные, спрягающиеся по типу *ку*; *сйки-сама* — по типу *сйку*. *Аюи* — служебные слова, служебные глаголы, союзы и суффиксы. Эта классификация заслуживает внимания и как первый опыт классификации частей речи японского языка и с точки зрения рациональности разделения слов японского языка на четыре разряда.

Таблица 3

2. Классификация Судзуки Акира (1824 г.)[47]

си 詞 'слова'			
тай-но котоба 體の詞 'слова, обозначающие субстанцию'	*тэниоха* てにをは 'частицы'	*ариката-но котоба* 形狀の詞 'слова, обозначающие формы или вид'	*сивадза-но котоба* 作用の詞 'слова, обозначающие действие'

Тай-но котоба соответствует существительному. *Тэниоха* — разряд, в котором соединены *кадзаси* и *аюи* из классификации Фудзитани; сюда входят как служебные слова и служебные глаголы, так и местоимения, наречия, междометия и союзы. К *ариката-но котоба* относятся предикативные прилагательные и глаголы, спрягающиеся по столбцу *ра*; *сивадза-но котоба* соответствует глаголу. Эта классификация не совсем грамматична.

Таблица 4

3. Классификация Тодзё Гимон (1831 г.)[48]

Гэнго 言語 „язык"					
Тайгэн 體言			*Ёгэн* 用言		
Материальные тайгэны (*юкей-тайгэн* 有形體言)	Нематериальные тайгэны (*мукэй-тайгэн* 無形體言)		Собственно ёгэны (*хонъёгэн* 本用言)		Формальные ёгэны (*годзиёгэн* 語辯用言) [24].
	Собственно нематериальные тайгэны (*мукэй-хонтайгэн*)	Формальные тайгэны (*годзи-тайгэн*)	Слова, обозначающие форму (вид) (*ариката-котоба* 形狀言)	Слова, обозначающие действие (*сивадза-котоба* 作用言)	

Классификация Гимона представляет дальнейшее развитие классификации Судзуки Акира [25].

Таблица 5

4. Классификация Тогаси Хирокагэ (1846 г.)[49]

Кото 言	*Котоба* 詞		*Тэниоха* 辭	
	Слова, обозначающие действие (*сэцудо̄ёси* 說動用詞)	Слова, обозначающие состояние [26] (*сэцуёдайси* 說容體詞)	Изменяемые частицы (*до̄дзи* 動辭)	Неизменяемые частицы (*сэйдзи* 靜辭)

Кото соответствуют существительным; они делятся на *катакото* 形言 — существительные типа *цӯки* 'луна', *юки* 'снег', *хана* 'цветок'; *самакото* 樣言 — типа *моно* 'вещь', *кото* 'явление', *корэ* 'это'; *икото* 居言 — типа *утаи* 'пение', *ядори* 'проживание', *кои* 'любовь'; *кудзусйкото* 略言 — типа *ядо* 'жилище', *харука* 'даль'; *аикото* 合言 — типа *касуга* 'весенний день', *акикадзэ* 'осенний ветер' [27]. *Котоба* соответствуют ёгэнам. *Сэцудо̄ёси* — глаголы; они подразделяются на *ёхибики-но котоба* 四韵詞, которые спрягаются по четырехступенчатому спряжению; *хӣтохибики-но котоба* — 韵詞, которые спрягаются по верхнему одноступенчатому спряжению; *и-у-хибики-но котоба* 伊宇韵詞, спрягающиеся во верхнему двухступенчатому спряжению; *э-у-хибикино котоба* 衣宇韵詞 — спрягаются по нижнему двухступенчатому спряжению и *котоса-дамаран-но котоба* 變格詞, которые соответствуют неправильно спрягающимся глаголам. *Сэцуёдайси* — это прилагательные (иначе называемые *коэмадзари-но котоба* 音雜詞). *Тэниоха* соответствуют формальным словам, *до̄дзи* — служебным глаголам, *сэйдзи* — служебным словам. Классификация Хирокагэ построена на классификации Гимона.

5. Классификация Цуруминэ Сигэнобу (1833 г.)[50]

Цуруминэ различает следующие части речи: *Дзиттайгэн* (實體言) 'реальные тайгэны', *кётайгэн* (虛體言) 'пустые тайгэны', *даймэйгэн* (代名言) 'слова, замещающие имя', *рэнтайгэн* (連體言) 'приименные слова', *кацуёгэн* (活用言) 'спрягающиеся слова', *кэйёгэн* (形用言) 'адъективные слова', *сэцудзокугэн* (接續言) 'соединяющие слова', *сисигэн* (指示言) 'указательные слова', *кандо̄гэн* (感動言) 'эмоциональные слова'.

Цуруминэ первым из японских ученых применил понятия европейских грамматик к японскому языку. В его классификации

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

можно установить следующие соответствия: *дзиттайгэн* — существительные, *кётайгэн* — предикативные прилагательные, *даймэйгэн* — местоимения, *рэнтайгэн* — то, что соответствует так называемым причастиям английского языка, *кацуёгэн* — глаголы, *кэйёгэн* — наречия, *сэцудзокугэн* — союзы, *сисигэн* — те служебные слова, которые употребляются по типу предлогов, *кандōгэн* — междометия [28].

6. Классификация Танака Ёсикадо (1874 г.)[51]

Классификация Танака построена на английской грамматике. Он различает следующие 7 частей речи: *мэйси* (名詞) — существительные, *кэйёси* (形容詞) — прилагательные, *даймэйси* (代名詞) — местоимения, *дōси* (動詞) — глаголы, *фукӯси* (副詞) — наречия, *сэцудзокӯси* (接續詞) — союзы (постпозитивные и употребляющиеся присоединительно), *канси* (感詞) — междометия.

7. Классификация Наканэ Сюку (1876 г.)[52]

Эта классификация так же, как и классификация Танака, представляет собой опыт приложения к японскому языку понятий европейской грамматики. Наканэ различает *мэйси* — существительные, *даймэйси* — местоимения, *кэйёси* — предикативные прилагательные, *дōси* — глаголы, *фукӯси* — наречия, *коси* (後詞) — постпозитивы, *сэцудзокӯси* — союзы, *кантанси* (感歎詞) — междометия.

В разряд *кэйёси* включены современные числительные и префиксы. Служебные глаголы включены в разряд глаголов, т. е. не рассматриваются как отдельная часть речи. Постпозитивы соответствуют современным служебным словам.

8. Классификация Гонда Наоскэ (1885 г.)[53]

Гонда различает в языке две категории: *си* (詞) слова и *дзи* (辭) частицы. Слова подразделяются на *тайгэн* и *ёгэн*, последние делятся на *саёгэн* (作用言) — слова, обозначающие действия, и *кэйдзёгэн* (形狀言) — слова, обозначающие форму или вид.

9. Классификация Оцуки Фумихико (1897 г.)[54]

Грамматика Оцуки, которая учитывает достижения западной науки в области грамматики, а также особенности нашего родного языка, составила эпоху в деле грамматического упорядочения японского языка. Общеизвестно, что наименования частей речи, принятые данной грамматикой, являются общеупотребительными до настоящего времени [29].

По классификации Оцуки различаются *мэйси* — существительные, *дōси* — глаголы, *кэйёси* — предикативные прилагательные, *дзёдōси* — служебные глаголы, *фукӯси* — наречия, *сэцудзокӯси* — союзы, *тэниоха* — частицы, *кандōси* (感動詞) — междометия.

Существительные принадлежат к тайгэнам, глаголы и предикативные прилагательные — к ёгэнам, а все остальное отнесено к разряду *дзёдзи* (助辭) — служебных элементов (частиц), причем местоимения и числительные рассматриваются как вид существительных.

Таблица 6

10. Классификация Ямада Ёсио (1908) г.[55]

<table>
<tr><td colspan="4">Отдельные слова (танго 單語)</td></tr>
<tr><td colspan="3">Знаменательные слова (каннэнго 觀念語)</td><td>Релятивные слова (канкэйго 關係語)</td></tr>
<tr><td colspan="2">Самостоятельные слова (дзиёго 自用語)</td><td rowspan="2">Зависимые слова (фукуёго 副用語)</td><td rowspan="2"></td></tr>
<tr><td>Понятийные слова (гайнэнго 概念語)</td><td>Изъяснительные слова (тиндзюцуго 陳述詞)</td></tr>
<tr><td>Существительные, местоимения, числительные</td><td>Глаголы, прилагательные</td><td>Наречия, союзы, междометия</td><td>Служебные слова</td></tr>
<tr><td>Тайгэн</td><td>Ёгэн</td><td>Наречия</td><td>Служебные слова</td></tr>
</table>

Элементы, обычно именующиеся служебными глаголами (*дзёдоси* 助動詞), за исключением *нари*, *тари*, *дэ ару*, *да*, *дэсу* (связки), *готоси* 'подобный', поскольку они только присоединяются к глаголам, выражая дополнительные значения, касающиеся обозначения действия и состояния, не рассматриваются как слова, а отнесены к окончаниям и наименованы «сложные окончания» (фукуго би 複語尾). Глаголу *ари* 'быть' дано особое наименование «бытийное слово» (сондзайси 存在詞); таких слов бывает три вида: адъективные бытийные слова (кэйё-сондзайси), глагольные бытийные слова (дōсасондзайси) и изъяснительные бытийные слова (сэцумэй-сондзайси). Связки *нари*, *тари*, *дэ ару*, *да*, *дэсу* отнесены к последней группе.

В классификации Ямада понятийные слова соответствуют подлинным тайгэнам старых классификаций, повествовательные слова — ёгэнам, зависимые слова — квази-тайгэнам (дзюнтайгэн

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Монокатегорийные													
Понятийные слова (га													
Слова, обозначающие объем понятия (*гайэнси* 外延詞)				Слова, обозначающ									
Существительные (*мэйси* 名詞)				Предикативные (*дзёдзюцуяки* 叙述的), обозначающие процесс (*саё* 作用) Глаголы (*дёси* 動詞)							Непреди П Пр		
Реальные			Формальные	Реальные				Формальные			Реа		
Определенные (定實質)		Неопределенные (不定實質)	↓	Определенные			Неопределенные	Формальные глаголы (形式動詞)			Определен		
Постоянные (常定實質) Собственно существительные (本名詞)	Оказиональные (臨時定實質) Местоимения (代名詞)	Неопределенные существительные (未定名詞)	Формальные существительные (形式名詞)	Постоянные Собственно глаголы (本動詞) Вербальные глаголы (動作動詞)	Постоянные Собственно глаголы (本動詞) Адъективные глаголы (形容動詞)	Оказиональные Глаголы-заместители (代動詞)	Неопределенные глаголы (未定動詞)	Вспомогательные глаголы (助動詞)	Префиксальные формальные глаголы (接頭形式動詞)	Паразитарные формальные глаголы (寄生形式動詞)	Постоянные Собственно *применные* (本爾體詞)	Ока (代	
цуки 'луна' ***иро*** 'цвет' ***Ниппон*** 'Япония'	***варэ*** 'я' ***корэ*** 'это' ***окорэ*** 'сам'	***нани*** 'что?' ***дарэ*** 'кто?' ***нанигаси*** 'некто'	***моно, кото хадзу жама*** [30]	***юку*** 'идти' ***ари*** 'быть' ***сёкари*** 'быть так'	***тōси*** 'далек' ***тикаси*** 'близок' ***ероси*** 'хороши'	***какару*** 'такой' ***сару*** 'такой' ***конна*** 'такой'	***ика*** 'как?' ***до*** 'как?' ***икага*** 'как?' ***донна*** 'какой'	***су*** 'делать' ***ари*** 'быть' (связка) ***нару*** 'становиться' ***соро*** (связка в эпистолярн. стиле)	***ути*** 打 ***ан*** 相	***суру то*** 'тогда' ***дакара*** 'поэтому' ***дага*** 'одиако'	***акуру хи*** 'следующий (день)' ***какугаку-сэй*** 'каждый (студент)' ***мороморо-но цуми*** 'многие (преступления)'	***мон сон он***	

準體言), релятивные слова — неизменяемым частицам (сэйдзи 靜辭). Если сравнить эту классификацию с классификацией Фудзитани, то *на* соответствуют понятийным словам, *ёсои* — изъяснительным, *кадзаси* — зависимым, *аюи* — релятивным. Сам Ямада говорит: «С некоторыми изменениями, в основном я принимаю теорию Фудзитани. Поэтому, если меня назовут последователем Фудзитани, я не стану возражать»[56].

Классификацию Мацусита Дайдзабуро см. в таблице № 7.

Таким образом, у Мацусита Дайдзабуро местоимения рассматриваются как вид существительного, прилагательные — как вид глагола, союзы — как вид наречия. Служебные слова и служебные глаголы (в обычном понимании) рассматриваются как морфемы, являющиеся словообразовательным материалом, но не представляющие собой слов, в связи с чем они не относятся к частям речи [31]. Классификацию морфем см. в таблице № 8.

Морфема (*гэндзи*), по классификации Мацусита, — самый низший разряд единиц речи, представляющий словообразовательный материал [32]. Полноценные морфемы — это морфемы, могущие быть самостоятельным словом, они именуются или словом (*си*) или полноценной морфемой (*кандзи*): так, в предложении *мити тōси* 'дорога далека' *мйти* — слово, но если встанет вопрос, из какого материала образовано слово *мити*, то можно ответить, что оно образовано из полноценной морфемы *мити*.

Неполноценные морфемы — это частицы и компоненты. Частицы (*дзёдзи*) сами по себе не составляют слова, они непременно соединяются с полноценной морфемой и только вместе с ней образуют слово; они не имеют реального значения, а имеют только формальное.

Компоненты (*фудзюкўдзи*) могут образовать слово, только соединившись с другим таким же компонентом; они, безусловно, не могут соединяться ни с полноценной морфемой, ни с частицей.

Кроме вышеприведенных, существуют еще и другие классификации; некоторые из них, принадлежащие видным современным грамматистам, приводятся ниже в виде таблиц — см. таблицы № 9—13.

Учитывая вышеизложенные классификации по сути и по форме, слова, на мой взгляд, можно классифицировать так, как это показано в таблице № 14.

Согласно этой классификации, знаменательные слова (каннэнго 観念語) — это, как уже говорилось выше, слова, которые сами по себе выражают какое-либо понятие и потому могут быть самостоятельным членом предложения. Формальные слова (кэйсйкиго 形式語) — это слова, которые сами по себе не могут выражать никакого понятия, а потому могут быть составной частью члена предложения только после присоединения к знаменательному слову; формальным условием является их следование за знаменательным словом

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Таблица 8

11 «б». Классификация морфем (*гэндзи* 原辭) Мацусита

Полноценные морфемы (*кандзи* 完辭)		Неполноценные морфемы (*фукандзи* 一不完辭)						
Неспрягаемые, т. е. тайгэны	Спрягаемые, т е. егэны	Частицы (*дзедзи* 助辭)					Компоненты (*фудзюкудзи* 不熟辭)	
		Частицы общего характера			Аффиксы		Реальные	Формальные
		Изменяемые (*додзедзи* 動助辭)	Неизменяемые (*сэйдзедзи* 靜助辭)	Префиксальные (*тодзедзи* 頭助辭)	Префиксы	Суффиксы		
хару 'весна' *ямá* 'гора' *кодзан* 'высокая гора' *моттомо* 'наиболее'	*юку* 'идти' *омоу* 'думать' *тоси* 'далекий' *тикаси* 'близкий'	*нари* *тари* *бэси* *рару*	*о* *ни* *ва* *мо* *тэ* *ба*	*ми* *он* *о* *го*	*хацу* *ниц* *о* *ма*	*мэку* *буру* *са* *ми* *ра*	*сюн* 春 *ко* 高 *сан* 山	*фу* 不 *ми* 未 *ка* 可 *хи* 非 *ся* 者

Таблица 9

12. Классификация Окадзава Масахару (1930 г.)[58]

<table>
<tr><td colspan="5">Отдельные слова (танъиго 単位語)</td></tr>
<tr><td colspan="4">Слова (кото 言)</td><td rowspan="2">Частицы (тэниоха 辭)</td></tr>
<tr><td colspan="2">Тайгэн (игото キゴト), неспрягаемые слова</td><td colspan="2">Ёгэн (хатаракигото ハタラキゴト), спрягаемые слова</td></tr>
<tr><td>Подлинные тайгэны (сэйтайгэн 正體言)</td><td>Квази-тайгэны (дзюнтай-гэн 準體言)</td><td>Ёгэны, обозначающие действия (саё-ёгэн 作用用言)</td><td>Ёгэны, обозначающие форму или вид (кэйдзё-ёгэн 形狀用言)</td><td>Неизменяемые тэниоха (суварити-тэниоха)</td><td>Изменяемые тэниоха (угоки-тэниоха)</td></tr>
</table>

Самостоятельные слова (дзиёго 自用語) — это слова, которые могут быть главным членом предложения (подлежащим или сказуемым); они делятся на понятийные и изъяснительные. Понятийные слова — слова, выражающие понятие, которое является стержнем предложения, т. е. слова, являющиеся субъектом предиката; к ним принадлежат существительные, местоимения и числительные. *Изъяснительные слова (тиндзюцуго 陳述語) — слова*, являющиеся основой сказуемого; к ним принадлежат глаголы, предикативные прилагательные и адъективные глаголы.

Подчиненные слова (фукуёго 副用語) так же, как самостоятельные слова, выражают самостоятельные понятия, но они не могут стать костяком предложения, т. е. его главным членом; они непременно *зависят* от другого понятийного слова и являются второстепенными членами предложения. Те слова, которые зависят от тайгэна, именуются «приименными словами» (рэнтайго, иначе рэнтайси), а те, которые зависят от ёгэна, именуются «приглагольными словами» (рэнъёго), иначе — наречиями.

Независимые слова (докуёго獨用語) являются элементом предложения, употребляющимся как независимый член, без отношения к главным членам предложения; к ним относятся союзы и междометия.

Вспомогательные слова (ходзёго補助語) — это слова, которые, подчиняясь знаменательным словам, дополняют их, выражая различные значения; к ним относятся служебные глаголы.

Релятивные слова (канкэйго 關係語) — это слова, подчинен

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

13. Классификация Юдзава Кокитиро (1933 г.)[59]

<table>
<tr><td colspan="8">Слова (танго 単語)</td></tr>
<tr><td colspan="8">Слова, входящие в предложение</td></tr>
<tr><td colspan="6">Самостоятельные слова (дзирицуго 自立語)</td><td colspan="2">Приданные слова (фудзокуго 附属語)</td></tr>
<tr><td colspan="2">Спрягаемые слова (юкацуёго 有活用語)</td><td colspan="4">Неспрягаемые слова (мукацуёго 無活用語)</td><td>Спрягаемые слова</td><td>Неспрягаемые слова</td></tr>
<tr><td>Независимые слова (сюёго 主要語)</td><td>Зависимые слова (исонго 依存語)</td><td colspan="2">Независимые слова</td><td colspan="2">Зависимые слова</td><td rowspan="2">Служебные глаголы</td><td rowspan="2">Служебные слова</td></tr>
<tr><td>Глаголы</td><td>Прилага-тельные</td><td>Суще-ствительные</td><td>Местоимения</td><td>Наречия</td><td>Присоединяющиеся слова (рэнси)</td></tr>
</table>

14. Классификация Такахаси Тацуо (1934 г.)[60]

<table>
<tr><td colspan="8">Слова (котоба ことば)</td></tr>
<tr><td colspan="7">Самостоятельные слова (докурицуси 獨立詞), реальные</td><td></td></tr>
<tr><td colspan="6">Понятийные слова (гайнэнси 概念詞)</td><td>Эмоциональные (тёккансi 直感詞)</td><td></td></tr>
<tr><td colspan="3">Самостоятельные слова</td><td colspan="2">Подчиненные слова</td><td rowspan="3"></td><td rowspan="3"></td></tr>
<tr><td colspan="2">Тайгэн 體言</td><td colspan="2">Ёгэн 用言</td><td colspan="2">Сōгэн (совместные слова) 相言</td></tr>
<tr><td colspan="2">Существительные</td><td colspan="2">Глаголы</td><td></td><td></td></tr>
<tr><td>Существительные</td><td>Местоимения</td><td>Глаголы</td><td>Прилагательные</td><td>Приименные (фукӯтайси)</td><td>Наречия</td><td>Междометия</td><td></td></tr>
</table>

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Таблица 12

15 Классификация Хасимото Синкити (1934 г.)[61] [33]

Слова (*си*)								Частицы (*дзи*)*
Спрягающиеся		Неспрягающиеся						
Могущие служить сказуемым		Могущие служить подлежащим			Не могущие служить подлежащим			
Ёгэн		*Тайгэн*			*Фукуёгэн* (подчиненные слова), определяющие и присоединяющие			
Имеющие повелительное наклонение	Не имеющие повелительного наклонения				Определяющие		Присоединяющие	
					Определяющие егэн	Определяющие тайгэн		
Глаголы	Прилагательные	Существительные	Местоимения	Числительные	Наречия	Приименные	Союзы	Междометия

* Классификацию частиц см. таблицу 68 на стр. 504. — *Прим. ред.*

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Таблица 13

16. Класєиф икация Цуруда Цунэкити (1935 г.)[62]

Отдельные слова (*танго* 單語)										Частицы *** (*дзи* 辭)
Слова (*гэн* 言)										
ёгэны (*тёкўуси-ёгэн* 直指用言)		Собственно ёгэны (*токусё-ёгэн* 特稱用言)								
простые ёгэны (*ёгэн* 直指單用言)		Указательные сложные ёгэны (*тёкўуси-фукуёгэн* 直指復用言)	Собственно простые ёгэны (*токусё-таньёгэн* 特稱單用言)				Собственно сложные ёгэны (*токусё-фукуёгэн* 特稱復用言)			
зательно-наречия (*ёкўуси-ўуси* 直指副詞)	Восклицательные слова (*кооси* 呼應詞)	Указательно-повествовательные слова (*тёкўуси-дзюцўуси* 直指述詞)	Повествовательные наречия (*дзюттэй-фукўуси* 述定副詞)	Неповествовательные наречия (*хидзюттэй-фукўуси* 非述定副詞)	Повествовательные приименные слова (*дзюттэй-рэнтайси* 述定連體詞)	Неповествовательные приименные слова (*хидзюттэй-рэнтайси* 非述定連體詞)	Повествовательные слова, обозначающие действие (*додзюцўуси* 動述詞)	Повествовательные слова, обозначающие вид (*дзёдзюцўуси* 狀述詞)	Особые повествовательные слова (*бэцу дзюцўуси* 別述詞)	
ннани так'	*кора* 'о'	*со да* 'да'	*хияякани* 'холодно'	*ханахада* 'весьма'	*онадзи* 'одинаково'	*таннару* 'простой'	*хасиру* 'бежать'	*уцўкўусий* 'красивый'	*сэцу-нари* 'настоятельный'	
учиты-ются*	Не учитываются*	Не учитываются*	Некоторые наречия*	Некоторые наречия*	Не учитываются*	Не учитываются*	Глаголы*	Прилагательные**	Адъективные глаголы**	

17. Классификация Киэда Масуити [34]

Таблица 14

<table>
<tr><td colspan="11">Слова (танго 單語)</td></tr>
<tr><td colspan="9">Знаменательные слова (каннэнго 觀念語)</td><td colspan="2">Формальные слова (кэйсикиго 形式語)</td></tr>
<tr><td colspan="3">Самостоятельные слова (дзиёго 自用語)</td><td colspan="2">Подчиненные слова (фукуёго 副用語)</td><td colspan="2">Независимые слова (докуёго 獨用語)</td><td>Вспомогательные слова (ходзёго 補助語)</td><td>Релятивные слова (канкэйго 關係語)</td></tr>
<tr><td colspan="2">Понятийные слова (гайнэнго 概念語)</td><td colspan="3">Изъяснительные слова (тиндзюцуго 陳述語)</td><td>Приименные слова (рэнтайго 連體語)</td><td>Приегэнные слова (рэнъёго 連用語)</td><td colspan="2"></td><td></td><td></td></tr>
<tr><td>Существительные</td><td>Местоимения</td><td>Числительные</td><td>Глаголы</td><td>Предикативные прилагательные</td><td>Адъективные глаголы</td><td>Приименные</td><td>Наречия</td><td>Союзы</td><td>Междометия</td><td>Служебные глаголы</td><td>Служебные слова</td></tr>
<tr><td colspan="3">Тайгэны</td><td colspan="8">Ёгэны</td></tr>
<tr><td colspan="3"></td><td colspan="8">→Неспрягаемые←</td></tr>
<tr><td colspan="3"></td><td colspan="8">→Спрягаемые←</td></tr>
</table>

ные знаменательным словам и выражающие отношения между последними; к ним относятся служебные слова.

Существительные, местоимения и числительные именуются тайгэн, глаголы, предикативные прилагательные и адъективные глаголы — ёгэн. Ёгэн и служебные глаголы спрягаются, остальные слова не спрягаются.

Таким образом, я разбиваю слова (танго) на 12 частей речи [35].

ПРИМЕЧАНИЯ АВТОРА

[1] В качестве синонимов слова бумпō 文法 употребляются слова «бунтэн» 文典 и «гохō» 語法; первое из них имеет значение письменного свода правил грамматики, второе — значение правил языка. Обозначать словом «гохō» только грамматику разговорного языка значит использовать его в узком смысле.

[2] Относительно слова grammar см. работу д-ра Симмура, Нормативная грамматика японского языка в историческом плане (I)*, стр. 54 — 55. Любопытна также статья Кадосаки, Некоторые соображения относительно терминов «родной язык» и «грамматика».

[3] Интересный материал по данному вопросу содержит работа Х. Кобаяси, Принципы грамматики (I).

[4] Ср. там же, стр 8 — 10.

[5] Относительно фонетической грамматики см. Миякэ, Фонетическая грамматика разговорного языка.

[6] Х. Кобаяси, Принципы общей грамматики. Критическое изложение (II), стр. 15.

[7] Там же, стр. 15.

[8] Симмура, I, стр. 55.

[9] Юдзава, Подробная грамматика разговорного языка (I), стр. 19.

[10] Ср. Киэда, Подробная грамматика письменного языка (I), стр. 9—10.

[11] Ср. статью автора «Объемное исследование грамматики» (Киэда, II).

[12] Относительно целей грамматики см. Камэда, Очерки по родному языку, стр. 103 — 107; Мицуя, Высший курс японской грамматики (I), стр 1 — 4; Мацуо, О преподавании грамматики, в его «Сборнике статей по грамматике» (I), стр. 1 — 30, а также его же «Очерки по грамматике родного языка» (II), стр. 3 — 5; Ёсидзава, О задачах грамматики, в его «Заметках о родном языке» (I), стр. 441 — 460; Ё. Кобаяси, Основы грамматики родного языка (I), стр. 7 — 10; Симмура (I), стр. 7 — 75.

[13] Ямада, Лекции по грамматике разговорного языка (I), стр. 6.

[14] Ямада, Основы японской грамматики (II), стр 4 — 5.

[15] См. Юдзава, Лингвистическое исследование периода Муромати (II); Ёсидзава, Общий очерк истории родного языка (II); Ё. Кобаяси, История японской грамматики (II) и др.

[16] Ёсидзава, II, стр. 154 — 156.

[17] Х. Кобаяси, II, стр. 70. Однако работы Ямада — «История грамматики периода Нара» (III) и «История грамматики периода Хэйан» (IV)— представляют собою не что иное, как описательные грамматики данных периодов и не соответствуют своему названию «история грамматики». Точно так же работа Юдзава, Лингвистическое исследование перио-

* Римская цифра указывает на номер, под которым дано японское название данной работы в списке цитированной литературы, расположенной по авторам; этот список дан в приложении ко второму тому.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

да Муромати (II), представляет собой описательную грамматику периода Муромати. Работы Я с у д а, Общий очерк грамматики родного языка (I); О ц у к и, Примечания к пространной японской грамматике (II) и Примечания к грамматике родного языка Комитета по изучению родного языка (Когохо-бэкки) в ряде мест содержат пояснения в историческом плане. В «Истории японской грамматики» Ё. К о б а я с и (II) и в «Общем очерке истории родного языка» Ё с и д з а в а (II) представлен чисто исторический анализ явлений родного языка.

[18] См. К а н а д з а в а, Новый очерк японской грамматики (I)

[19] Такие работы, как работа Х. К о б а я с и, II, которая критически излагает положения книги датского ученого Луи Ельмслева (Louis Hielmslev), Принципы общей грамматики (Principes de grammaire générale, Copenhague, 1928), а также предисловие Кобаяси к его книге «О возможности создания общей грамматики» служат прекрасным подтверждением высказанной выше точки зрения.

[20] Х. К о б а я с и, II, стр. 1.

[21] А н д о, Очерки японской филологии (I), стр. 360 — 362.

[22] М а ц у с и т а, Грамматика стандартного японского разговорного языка (II), стр. 4.

[23] Я м а д а, Японское чтение китайских текстов и родная грамматика (V).

[24] Там же; см. также Я м а д а, Нормы, перешедшие от японского чтения китайских текстов (IV).

[25] Х а г а, Избранные произведения родной литературы разных периодов (I), предисловие.

[26] Ценный материал по этому вопросу имеется у Юдзава (II); ср. также «Когохо-бэкки», Введение.

[27] См. Ё с и д з а в а, История японских языковых стилей в литературе (III).

[28] В качестве литературы по вопросу письменного и разговорного языка, кроме цитированной выше, можно рекомендовать: Х а с и м о т о, Общий очерк изучения родного языка (I), Ё с и д з а в а, II, А. Т о к у д а, История развития стилей литературы Мэйдзи; Х. И т и к а в а, Возрождение и развитие стиля гэмбун-итти; соответствующие статьи в «Литературной энциклопедии» (日本文學大辭典); специальный номер журнала «Кокуго то кокубунгаку» (國語と國文學) за апрель 1929 г. и др.

[29] По вопросу о государственном языке (коккаго 國家語) см. Х о с и н а, К вопросу о государственном языке (I).

[30] См. «Когохō», стр. 1.

[31] Ср. У э д а, За родной язык (I), гл „О стандартном языке"

[32] Т о д з е, Диалектное районирование Японии (II), Диалектное районирование японского языка (III), Карта диалектов Японии (IV).

[33] Т о д з ё, Общий очерк диалектологии (I).

[34] См. по данному вопросу также Т а т и б а н а Масакадзу, Общий очерк диалектологии, гл «Теория районирования диалектов».

[35] См. Х о с и н а, Грамматика японского разговорного языка (II), гл. «Нормы разговорного языка», стр. 16 — 36.

[36] Х а с и м о т о, Основы грамматики родного языка (II), стр. 21.

[37] О слове говорится также в работе Ц у р у д а, Мой взгляд на разряды слов (I).

[38] Х а с и м о т о, II, стр. 7.

[39] Д з и м б о, Общая теория лингвистики, стр. 81 — 142.

[40] М а ц у с и т а, Грамматика стандартного японского языка (II).

[41] O. J e s p e r s e n, Essential of English grammar, 1933; см. также работу автора «Вопросы, обращенные к грамматике» (Киэда, III).

[42] См. Х а с и м о т о, II, стр. 4 — 6.

[43] Я м а д а, Лекции по японской грамматике (VII), стр. 425 — 428.

[44] М а ц у с и т а, Переработанная грамматика стандартного японского языка (III), стр. 13.

[45] Так как «часть речи» (хинси 品詞) имеет значение разряда слов (го-но хинруй 語の品類), то, может быть, правильнее было бы именовать ее «сихин» 品詞.
[46] Фудзитани-Нариакира, Кадзасисё (富垓成章・かざし抄), 1765, Аюисё (脚結抄), 1774.
[47] Судзуки Акира, Гэнго-сисюрон (鈴木朖·言語四種論), 1924.
[48] Тодзё Гимон, Тама-но ō куривакэ (東條義問・玉の緒繰分), 1841.
[49] Тогаси Хирокагэ, Котоба-но тамахаси (富樫廣蔭・詞の玉橋), 1826.
[50] Цурумин э Сигэнобу, Гогаку синсё (鶴峯成申・語學新書), 1831.
[51] Танака, Начальная японская грамматика.
[52] Накан э, Японская грамматика.
[53] Гонда (1809—1887), Руководство по языкознанию (權田直助・語學自在), 1885).
[54] Оцуки, Пространная японская грамматика (I).
[55] Ямада, Японская грамматика (VIII), IV и Общая теория японской грамматики (X).
[56] Ямада, VIII, стр. 158 — 159.
[57] Мацусита, III.
[58] М. Окадзава, Лингвистическая грамматика японского языка.
[59] Юдзава, I и «Родная грамматика» (III).
[60] Такахаси, Очерк науки о родном языке.
[61] Хасимото, II.
[62] Цуруда, I.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Существительное

I. ТАЙГЭН

Тайгэн (體言) — это наименование, имеющее значение «слово, обозначающее субстанцию». Выражение «обозначать субстанцию» равнозначно выражению «обозначать понятие» и имеет смысл обозначать субстанцию в противопоставление действию. Первоначально слово *тай* (體) «субстанция» противопоставлялось слову *ё* (用) «акциденция» и в этом смысле они издавна употреблялись в буддизме и конфуцианстве. У нас в Японии в качестве грамматического термина классификации частей речи это слово впервые употребляли Судзуки Акира и Тодзё Гимон, однако думается, что они заимствовали его не из конфуцианских источников, а из поэзии хайкай [1]. Еще раньше слова *тай* и *ё* употреблял Кэйтю для передачи грамматических терминов при толковании слов, собранных в «Вадзи сёрансё» [2].

Тайгэн имеет следующие грамматические особенности.

1. В предложении стоит в субъектной позиции.

Присоединяя падежные служебные слова, тайгэн может выступать по отношению к другим словам в предложении в разнообразных синтаксических позициях, однако наиболее важной является общая для всех тайгэнов способность самостоятельно быть подлежащим. В этом заключена сущность тайгэна как знаменательного слова.

2. Отсутствие изменений в форме слова.

Если сопоставить тайгэны с ёгэнами как словами изъяснительными, изменяющими свою форму и служащими целям предикации по отношению к понятийным словам — тайгэнам, то станет ясно, что неизменяемость формы тайгэнов отличается от неизменяемости, которой обладают слова подчиненные, независимые и релятивные. А именно, неспособность тайгэнов самостоятельно выступать в качестве сказуемого, в отличие от ёгэнов, которые этой способностью обладают, говорит о том, что роль предиката не является первым и основным назначением тайгэнов.

3. В грамматиках обычно пишут, что тайгэны — это слова, обозначающие понятие. Поэтому в нашем сознании все то, что мыслится как отдельное, при словесном выражении выступает как тайгэн. Например, «*Хйто хасиру*» но «*хасиру*» ва дōси нари

'В предложении «человек бежит» «бежит» является глаголом', *«Томо» ва сэцудзоку-дзёси нари* — *'«Томо» является союзным служебным словом'* и т. п. В этом рассуждении ошибки нет, однако следует строго отличать случай, когда слово выступает как тайгэн, от полного превращения слова в тайгэн. *Оби* 'пояс', *касуми* 'туман, дымка', *кири* 'туман', *хикари* 'свет', *цуитатэ* 'перегородка' — эти слова раньше представляли собой ёгэны, а теперь они полностью превратились в тайгэны [3]. Что же касается вышеприведенных *хасиру* и *томо*, то они выступают как тайгэн лишь в данном предложении. Таким образом слово, не являющееся тайгэном, может выступать в роли тайгэна, но не в роли какой-либо другой части речи; значит это можно считать одной из особенностей тайгэна.

4. Когда мы хотим определить, является или не является какое-либо слово тайгэном, лучше всего попытаться присоединить к этому слову *га*, *но*, *ни*, *о*. Если все эти падежные служебные слова могут быть присоединены к рассматриваемому слову, то можно считать, что оно является тайгэном.

К тайгэнам относятся три части речи — существительное, местоимение и числительное. Последовательность этой классификации может быть передана такой схемой:

тайгэн	реальные тайгэны		существительное
	формальные тайгэны	субъективно-формальные тайгэны	местоимение
		объективно-формальные тайгэны	числительное

Реальные тайгэны обозначают реальное понятие; это наименование неприменимо к таким понятиям, за которыми не закреплена определенная реальность. Например, за словом *хана* 'цветок' закреплена реальность «цветок» и поэтому оно не может быть употреблено как название чего-либо, не являющегося цветком.

Формальные тайгэны, напротив, не выражают определенных реальных понятий, они выражают формальные понятия, и, следовательно, в зависимости от того, что мы мыслим, могут выражать то одно, то другое. *Варэ* 'я' может сказать и один человек, и другой, и третий. *Сан* 'три' можно употреблять, считая и яблоки, и дома, и горы, и людей. Иначе говоря, формальными тайгэнами называются те тайгэны, при помощи которых говорящий может со своей субъективной позиции произвольно указывать на те или иные понятия. Они указывают на объек-

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

тивную форму существования признака, и, таким образом, их можно назвать соотносительными тайгэнами (сōтайтэки тайгэн 相對的體言).

II. СУЩНОСТЬ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО

Существительное (мэйси 名詞) — это один из видов тайгэна; оно представляет собой слово, которое через наименование выражает понятие предмета или явления. Если предмет, конкретный или отвлеченный, обозначен посредством наименования, оно становится существительным. Это качество существительного со стороны его семантики, а со стороны формы существительное характеризуется неизменяемостью.

сакэ 'водка' — *сакая* 'винная лавка'
мунэ 'грудь' — *мунасаки* 'грудь'
фунэ 'лодка' — *фунасаки* 'пристань'
канэ 'металл' — *канамоно* 'металлический предмет'
мэ 'глаза' — *мабута* 'веко'
тэ 'рука' — *тагуру* 'тянуть, перебирая руками'
ки 'дерево' — *коноха* 'листва'
хи 'огонь' — *хокагэ* 'отблеск'
уэ 'верх' — *уваги* 'верхняя одежда'
наэ 'рассада' — *навасиро* 'гряда под рассадой'
коэ 'голос' — *кованэ* 'звук голоса'.

На первый взгляд может показаться, что эти примеры свидетельствуют об изменении формы существительных, однако на деле это не так, ввиду того, что фонетические изменения слов в этом случае не связаны ни с их грамматическим значением, ни с их грамматической функцией [4]. Следут заметить, что в этом отношении наши примеры иллюстрируют изменения совершенно иного характера, чем изменения, происходящие в существительных немецкого и других языков.

Говоря далее о функциях существительного, следует указать, что оно самостоятельно или в сопровождении формальных слов, присоединяющихся к нему постпозиционно, может выступать в различных синтаксических позициях. (Синтаксической позицией [каку 格] [5] называют позицию слова, которую оно занимает в зависимости от того, в какой связи оно находится с другими словами с точки зрения их роли как членов предложения. Иначе говоря, позицией существительного называется положение, показывающее, в каких отношениях находится существительное как член предложения с другими словами.) В японском языке существительные не изменяют формы в зависимости от позиции и нет, конечно, соответствующих изменений артикля или глаголов. Позиция

указывается только посредством следующих за словом служебных слов или служебных глаголов. Существительное может стоять в таких синтаксических позициях:

1) Субъектная позиция (сюкаку 主格):

Хана *саку* (п. я.) 'Цветы цветут'; ***Юки-га*** *фуримасу* 'Снег идет'.

2) Предикатная позиция (дзюцуукаку 述格):

Кун ***кун тари,*** *син* ***син тари*** (п. я.) 'Государь **есть государь**, подданный **есть подданный**';

Отибана ва ***юки-но ё да*** 'Опадающие цветы **похожи на снег**'.

3) Приименная позиция (рэнтайкаку 連體格):

нацу-но *кадзэ* 'ветер **лета**' (т. е. летний); ***ама-цу*** *отомэ* (п. я.) 'дева **небес**'.

4) Наречно-определительная позиция (фукуусюкаку 副修格):

Карэ ва ***хикōки-нитэ*** *каэрэри* (п. я.) 'Он вернулся **самолетом**';

Ватакуси ва ***кё*** мо ***сампо-ни*** *юкимасу* 'Я и сегодня пойду **на прогулку**'.

5) Объектная позиция (мокутэкикаку 目的格):

Ани ***отото-о*** *айсу* (п. я.) 'Старший брат любит младшего **брата**';

Ватакуси ва ***хон-о*** *каимасита* 'Я купил **книгу**'.

6) Независимая позиция (докурицуукаку 獨立格).

а) Иначе — позиция приложения (дōкаку 同格):

Гэнсуй Того *Хэйхатиро цуйни коке-сэрару* (п. я.) '**Маршал** Тōго Хэйхатирō недавно скончался';

тэкйкан *«Сутару-о» гэкйтин-сита* 'потопили **вражеский корабль** «Стар»'.

б) Иначе — звательная позиция (кокаку 呼格):

Ямагути-кун, *кими ва доко-э юку но ка?* '**Ямагути**, ты куда идешь?

в) Иначе — выделительная позиция (тэйдзикаку 提示格):

Гиму ва *корэ-о хатаси,* ***сэкинин ва*** *корэ-о оу* 'Долг [я] его исполняю, **ответственность** [я] ее несу'.

Некоторые грамматисты устанавливают еще позицию дополнения (хокаку 補格); существуют споры и относительно приведенных выше позиций, однако рассмотрением этих вопросов мы займемся в разделе синтаксиса[1].

III. РОД И ЧИСЛО СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Японские существительные не имеют категорий рода (gender) — мужского, женского и среднего — и числа (Number) — единственного и множественного, — которые присущи существительным западноевропейских языков; тем не менее отсутствие грамматического различения рода не отрицает наличия существительных, связанных с разделением по полу.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

1. Разные слова для обозначения мужского и женского пола:

Мужской пол	Женский пол
тити 'отец'	*хаха* 'мать'
дзӣдзи 'дед'	*бāба* 'бабка'.

2. Разные слова, присоединяющие одинаковые префиксы для обозначения пола:

Мужской пол	Женский пол
одзӣ 'дед'	*обā* 'бабушка'
одзи 'дядя'	*оба* 'тетя'
отоко 'мужчина'	*отомэ* 'женщина'
мусӯко 'сын'	*мусумэ* 'дочь'
ани 'старший брат'	*анэ* 'старшая сестра'
ямоо 'вдовец'	*ямомэ* 'вдова'
хӣко 'мужчина'	*хӣмэ* 'женщина'
ирацӯко 'юноша'	*ирацӯмэ* 'девушка'
мукахӣко 'муж'	*мукахӣмэ* 'жена'.

3. Слова, обозначающие оба пола и присоединяющие слова, обозначающие тот или другой пол:

Мужской пол	Женский пол
отокооя 'родитель'	*оннаоя* 'родительница'
охи 'отец'	*мэхи* 'мать'
оноко 'мужчина'	*мэноко* 'женщина'
омацу бот. 'сосна Тунберга' (букв. «сосна-самец»)	*мэмацу* бот. 'японская густохвойная сосна' (букв. «сосна-самка») [6]
ондори 'петух'	*мэдори* 'курица'.

4. Слова, обозначающие мужской пол и присоединяющие суффикс, указывающий на женский пол:

Мужской пол	Женский пол
сюто 'тесть, свекор'	*сӣтомэ* 'теща, свекровь'.

Согласно теории Канадзава Сёдзабуро, в корейском языке также наблюдаются подобного рода явления:

Мужской пол	Женский пол
в корейском языке:	
su-so 'бык'	*am-so* 'корова'
su-tark 'петух'	*am-tark* 'курица'
в диалекте Окинава:	
su 'отец'	*ати* 'мать'
в японском языке (древнем):	
сэ 'муж, брат'	*имо* 'жена, сестра'.

Приведенное сравнение весьма интересно. Как видно из примеров, в японском языке существуют многочисленные способы различения по полу в соответствии с реальностью, однако наличие такого различения в каком-либо слове не вызывает грамматических изменений в других словах, к которым оно относится. Японский язык в этом отношении значительно отличается от немецкого языка, где в зависимости от рода существительного меняется даже местоимение и прилагательное, не говоря уже об артикле. Существительные японского языка не распределяются по трем родам — мужскому, женскому и среднему — и не принадлежат обязательно к одному из них. Короче говоря, японское существительное в некоторой степени выражает мужской и женский пол, соответственно разделению по полам, существующим в природе, но за ним нельзя признать разделение по искусственному, условному, т. е. грамматическому роду.

Далее, в японском языке понятие грамматического числа выражено весьма слабо; по самому существительному нельзя определить, о каком числе идет речь. В предложениях *хйто куру* и *тори тобу* по форме слов *хйто* и *тори* нельзя понять, идет ли речь о единственном числе или о множественном числе. Вместе с тем в глаголе, прилагательном, местоимении никаких изменений по числам, зависящих от числа существительного, не происходит. В этом отношении японский язык отличается от западных языков; в нем нет иного пути судить о числе существительного, кроме контекста. Есть и в японском языке способы выражения множественного числа, такие, например, как редупликация или аффиксация, однако ни один из них не является правилом для всех существительных. Ввиду этого применение такого способа не вызывает изменений в отношениях существительного с другими словами. Следовательно, как и в случае с категорией рода, мы имеем не число существительного, а существительные, выражающие число [7].

1) Редуплицированные слова (*дзёго* 畳語) выражают большое количество путем повторения одного и того же существительного. Однако и эта форма не свойственна всем существительным: *ямаяма* 'горы', *хйтобито* 'люди', *кунигуни* 'страны', *киги* 'деревья', *синадзина* 'товары' (*нэннэн* 'с каждым годом', *сайсай* 'с каждым годом', *самадзама* 'различные', *кокорогокоро* 'каждый по-своему' представляют собой тоже редупликацию, однако эти слова превратились в наречия и не являются существительными).

В некоторых случаях редуплицированные слова имеют значение указания на каждый из предметов в отдельности. Такое же значение придает присоединение к кáнго — существительным китайского происхождения — *каку* (各): *какудзин* 'каждый человек, все люди', *каккоку* 'каждая страна, все страны', *какўсё* 'в каждом месте, повсюду' [8].

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

2) Образованные присоединением аффиксов:

а) Префиксальные образования:

моробито 'люди', ***момотидори*** 'зуйки', ***икунэн*** 'несколько лет',

сёкоку '*страны*', *сюги* '*широкое обсуждение*', *судзицу* '*несколько дней*'.

б) Суффиксальные образования:

кодомора 'дети', *оннадомо* 'женщины', *тонобара* 'господа', *хйтотати* 'люди', *кунсигата* 'джентльмены', *вакасю* 'молодежь'.

Все слова, образованные присоединением аффиксов и редупликацией, мы рассматриваем как отдельные слова [9].

Редупликация наблюдается и в западных языках, например long — long ago 'давным-давно', но такие примеры редки, и нам кажется, что это специфически японская и к тому же весьма древняя форма.

Есть случаи, когда слова, к которым присоединились суффиксы, выражающие множественность, утратили свое значение. Примером может служить слово *кодомо* 'ребенок'. Первоначально оно означало множественное число от слова *ко* 'ребенок', однако теперь *кодомо* не имеет уже значения «дети» и можно сказать *кодомотати*.

IV. ВЫРАЖЕНИЕ ПОЧТИТЕЛЬНОСТИ И СКРОМНОСТИ У СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Развитие форм вежливости — явление, характерное для Японии; оно заслуживает серьезного внимания как одна из особенностей японского языка и имеет большое значение в связи с национальным характером и жизнью нации. Однако с точки зрения грамматической достаточно будет остановиться на формальной стороне этого явления, независимо от его внутреннего смысла.

Существительные, передающие оттенок вежливости, по образованию делятся на два вида. К первому виду относятся такие существительные, которые с самого начала заключали в себе значение почтительности или скромности, ко второму виду — существительные, которые сами по себе этого значения не имеют, но приобретают его с присоединением аффиксов. Примерами первого являются *осэ* 'речь' (с оттенком почтительности), *обосимэси* 'мнение' (почтительно); примерами второго — *омигокоро* 'душа' (весьма почтительно), *ондзо* 'одеяние', *анэгими* 'старшая сестра' (очень почтительно), *кāсан* 'мама'. Далее, вежливые существительные по своему характеру делятся в свою очередь на три вида: существительные, выражающие почтительность, существительные, выражающие скромность, и существительные, выражающие учтивость.

1. Существительные, выражающие почтительность

Это существительные, которые выражают почтительность, называя то, что имеет отношение ко второму или третьему лицу.

1) Префиксальные образования [10]:

о: *о-ханаси* 'ваш (его) разговор, рассказ', *о-канэ* 'ваши (его) деньги', *о-сикари* 'ваш(его) гнев' и т. п. Однако в словах *омотя* 'игрушка', *осирои* 'белила', *окадзу* 'закуска к рису', *оаси* 'деньги', *окомо* 'нищий', *онака* 'живот, желудок' и т. п *о* по происхождению, вероятно, тоже префикс, но в настоящее время оно неотделимо от остальной части слова, которая без него в качестве существительного не употребляется.

ми: *ми-курай* 'ранг, звание', *ми-ё* 'царствование', *микадо* 'император' (букв. 'ворота' — крайне почтительно);

оми: *оми-коси* 'паланкин', *омики* 'жертвенное вино', *оми-аси* 'ноги', *оми-цўкэ* 'приправы';

он: *онгао* 'лицо', *онтомо* 'попутчик', *ондзо* 'одежда', *он-дзоси* 'дети';

о̄: *о̄ками* 'государь', *о̄доно* 'господин', *о̄-ками* 'божество', *о̄-микото* (то же);

о̄ми: *о̄мигокоро* 'душа'. *о̄миё* 'царствование', *о̄микотонори* 'речь, слова';

он: *онгао* 'лик', *ондзо* 'одеяние';

го (御): *го-синсэцу* 'ваша любезность', *го-синсэки* 'ваши родственники', *го-мон* 'ворота (дворца)', *госё* 'дворец';

гё (御): *гёи* 'ваше желание', *гёкэн* 'меч императора', *гёю* 'отдых императора';

ки (貴 'почитать'): *кика* 'ваш дом', 'ваша семья', *китэн* 'ваш магазин', *кикоку* 'ваша страна';

сон (尊 'уважать'): *сомпу* 'ваш отец', *сонган* 'ваше лицо', *соммэй* 'ваше имя' (бывают случаи, когда к этим словам присоединяется префикс *го*);

рэй (令 'повелевать'): *рэйкё* 'ваш старший брат', *рэймай* 'ваша сестра', *рэйсоку* 'ваш сын', *рэйкэй* 'ваша супруга';

гёку (玉 'драгоценность'): *гёкукō* 'рукопись императора', *гёкуэй* 'стихи императора', *гёкуган* 'лицо императора';

ко (高 'высокий'): *ко̄тё* 'ваши сочинения', *ко̄кэн* 'ваш взгляд', *ко̄рон* 'ваше рассуждение', *ко̄хё* 'ваша оценка', *ко̄сэцу* 'ваше мнение';

хō (芳 'благоухание'): *хō̄мэй* 'ваше имя', *хō̄боку* 'ваше письмо', *хō̄дзё* 'ваши чувства' (ко всем этим словам может присоединиться префикс *го*).

2) Суффиксальные образования [11]:

уэ («вверху»): *титиуэ* 'отец', *хахауэ* 'мать' (к этим словам может быть присоединен суффикс *сама*);

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

гата: *сэйтогата* 'ученики', *доногата* 'господа', *сэнсэйгата* 'учителя' (это *гата* выражает одновременно и значение множественного лица);

кими: *анигими* 'ваш брат', *анэгими* 'ваша сестра', *отōтогими* 'ваш младший брат', *Гэндзи-но-кими* 'принц Гэндзи' (к этим словам может быть присоединен суффикс *сама*);

сама: *тэнси-сама* 'император', *ками-сама* 'бог', *Ямамото-сама* 'г-н Ямамото';

сан: *ани-сан* 'старший брат', *анэ-сан* 'старшая сестра', *одзи-сан* 'дядя', *хэйтай-сан* 'солдат', *Ханако-сан* (женское имя);

тати: *камитати* 'боги', *микотати* 'жрицы при синтоистском храме' (суффикс *тати* выражает одновременно и значение множественного числа);

доно: *тюи-доно* 'г-н лейтенант', *сонтё-доно* 'г-н староста', *арудзи-доно* 'хозяин', *Тёбэй-доно* 'г-н Тёбэй';

дон *Нагаёси-дон* 'г-н Нагаёси';

кун: *Танака-кун* 'г-н Танака';

го (御): *титиго* 'отец', *хахаго* 'мать', *одзиго* 'дядя', *обаго* 'тетя', *доного* 'господин'; *Исэ-но-го* 'госпожа Исэ' (к этим словам может присоединяться суффикс *сама*);

госан (御様): *анэ-госан* 'старшая сестра'; *мэй-госан* 'племянница';

си (氏; *удзи* 'род'): *Ямагути-си* 'г-н Ямагути', *Катоудзи* 'г-н Като';

сэнсэй: *Нисимура-сэнсэй* 'г-н Нисимура'.

В тех случаях, когда за именем или фамилией следует наименование должности или ранга, последнее заменяет слова вежливости. *Гото-ситё* 'мэр Гото', *Хирота-сюсё* 'премьер Хирота', *Омори-тидзи* 'прокурор Омори', *Киносита-кōтё* 'директор Киноситá', *Каваками-кёдзю* 'профессор Каваками'— это выражения, содержащие в себе проявление уважения к называемому лицу, и поэтому их следует избегать в тех случаях, когда говорят о себе. Если нужно назвать свою фамилию и должность, то следует говорить: *ватакӯси ва ситё-но Гото дэ аримасӯ* 'я Гото — мэр города' или *ватакӯси ва тōкō-но кōтё Киносита дэ аримасӯ* 'я Киносита — директор этой школы'.

3) Слова, образованные присоединением одновременно и префикса и суффикса:

о — сама: *отōсама* 'отец', *окāсама* 'мать';

о — сан: *обāсан* 'бабушка', *одзīсан* 'дедушка', *одзесан* 'девушка';

он — уэ: *онъаниуэ* 'брат', *онтитиуэ* 'отец';

он — кими: *онхахагими* 'матушка';

(к этим словам может присоединяться суффикс *сама*);

о — доно: *о-Хана-доно* (женское имя);

о — дон: *о-Сан-дон* (женское имя);

го — сама: го-сомпу-сама ‘уважаемый отец’, *го-инкё-сама* (о пресвятеле).

2. Существительные, выражающие скромность

Существительные, выражающие скромность, употребляются при назывании предметов, имеющих отношение к первому лицу, для выражения скромности и самоуничижения перед собеседником.

1) Слова, представляющие собой существительные, могущие присоединять аффиксы почтительности, но лишенные их:

таку в сопоставлении с *о-таку* ‘квартира, дом’;

ядо в сопоставлении с *о-ядо* ‘жилище’;

сюдзин — с *го-сюдзин* или *го-сюдзин-сама* ‘хозяин, муж’.

Такого рода слов в современном языке встречается множество. Достаточно указать на: *тити* ‘отец’, *хаха* ‘мать’, *ани* ‘старший брат’, *анэ* ‘старшая сестра’, *отото* ‘младший брат’, *одзӣ* ‘дед’, *оба̄* ‘бабушка’, *одзи* ‘дядя’, *оба* ‘тетя’, *ёмэ* ‘жена, невеста’. Эти существительные относятся к названиям родственников, и, когда их употребляют последние, они часто сами по себе служат для выражения скромности по отношению к собеседнику [12].

2) Префиксальные образования [13]:

гу (愚 ‘глупый’): *гумай* ‘моя сестра’; *гукэ̄* ‘мой брат’;

кэй (荊 ‘колючки’): *кэйсай* ‘моя жена’;

сун (寸 ‘дюйм’): *сунси* ‘мои намерения’, *сунсэ̄* ‘мое письмо’;

сэцу (拙 ‘неловкий’): *сэсся* ‘я’, *сэттаку* ‘мой дом’, *сэссаку* ‘мое произведение’;

ся (舎 ‘хижина’): *сятэй* ‘мой младший брат’, *сякэй* ‘мой старший брат’;

сэн (賤 ‘презренный’): *сэнсай* ‘моя жена’;

со (粗 ‘грубый’): *соси* ‘мое желание’, *сотя* ‘мой чай’, *сохин* ‘мой товар’;

тон (豚 ‘поросенок’): *тондзи* ‘мой ребенок’;

хи (鄙 ‘захолустье’): *хйкэн* ‘мое мнение’, *хйсэцу* (то же);

би (微 ‘незначительный’); *биси* ‘мое желание’, *битю̄* ‘мои чувства’;

хаку (薄 ‘скудный’): *хакӱся* ‘моя незначительная благодарность’; *хакӱги* (то же);

хэй (弊 ‘зло’): *хэйоку* ‘мой дом’, *хэйтэн* ‘мой магазин’.

3) Суффиксальные образования [14]:

домо (ども): *оннадомо* ‘женщина’, *нёбо̄домо* ‘жена’ (в этом случае *домо* не имеет значения суффикса множественного числа),

мэ (め): *сэгарэмэ* ‘мой сын’;

ги (儀): *итироги* ‘мой первый сын’.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

3. Существительные, выражающие учтивость

Эти существительные не выражают непосредственно почтительности или скромности. Они показывают, что называемый предмет высоко ценится, считается благородным или близким, привычным. Поэтому они свободно присоединимы к обозначениям предметов, имеющих отношение как к первому, так и ко второму и третьему лицу. Обычно они образуются из существительных же путем префиксации.

о お: *о-хэндзи* 'ответ', *о-сēгацу* 'январь', *о-кӯсури* 'лекарство', *о-сайлō* 'шитье', *о-дай* 'чаевые', *о-кивари* 'взамен', *о-сакэ* 'сакэ', *о-т̄энки* 'погода', *о-йдэ* 'приход'.

го 御: *госю* 'выпивка', *гохан* 'еда', *готисō* 'угощение', *го-хōби* 'награда' [15].

Перечисленными выше существительными грамматика занимается не потому, что они отличаются от других существительных по значению, форме и функции, а потому, что они состоят в согласованной связи с ёгэнами и служебными глаголами, совместно с которыми они и употребляются [16].

V. КЛАССИФИКАЦИЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Обычно имена существительные классифицируют на основании четырех признаков:

1. Классификация по признаку обозначаемого предмета

Таблица 15

<table>
<tr><td colspan="5">Имя существительное</td></tr>
<tr><td colspan="3">Конкретные существительные</td><td colspan="2">Абстрактные существительные</td></tr>
<tr><td colspan="2">Нарицательные</td><td>Собственные</td><td>Свойства</td><td>Явления</td><td>Указания</td></tr>
<tr><td>Родовые
Собирательные</td><td>Вещественные
Единичные</td><td></td><td></td><td></td><td></td></tr>
</table>

Однако такое деление существительных с точки зрения японского языка не только не имеет никакого смысла, но в нем нет и надобности. В европейских языках такому делению имен существительных предпосланы определенные правила, например правила употребления артикля, правописания с прописной буквы и т. п.,— отсюда и необходимость различения каждого из этих типов. Что же касается японского языка, то он таких правил не имеет

и потому нет необходимости в грамматической классификации по обозначаемому предмету. Объектом классификации должны служить лишь такие слова, форма или функция которых изменяется по какому-либо правилу. В классификации, основанной только на различии в конкретном лексическом содержании, необходимости нет. Если и классифицировать их согласно вышеназванным принципам, то вполне достаточным будет деление на имена собственные и нарицательные. Но и такое деление вызвано не необходимостью с точки зрения грамматической, а только соображениями практического удобства.

Нарицательные существительные — это наименования существительных, которые употребляются для обозначения ряда однородных предметов. Это такие наименования, которые наряду с отделением предметов одного какого-либо рода от предметов другого рода охватывают предметы, относящиеся к одному и тому же роду. Наоборот, имя собственное обозначает только отдельный предмет, принадлежащий к какому-либо роду, и является наименованием, которое отделяет его от других предметов, принадлежащих к тому же роду. И среди нарицательных существительных такие слова, как *тайё* 'солнце', *цӯки* 'луна' и др., являются наименованиями предметов, существующих в мире в единственном числе. Однако, называя их нарицательными, мы делаем это потому, что в случае, если бы появилось еще такое же светило, ему дали бы подобное же наименование, поскольку указанные предметы получают свои наименования не в целях отделения единичного предмета от группы однородных. Но надо сказать, что такие слова, как *Дзиро, Ямагути*, являясь именами собственными, наряду с этим могут служить именами для сотен людей. Тем не менее это наименования, служащие для отличия данного определенного японца от других японцев: не называют же одним и тем же именем людей с одинаковым обликом или людей, находящихся в одинаковых обстоятельствах! Напротив, обозначение посредством имени собственного возникает из стремления исключить всех остальных людей. Иными словами, нам кажется, что деление на имена нарицательные и имена собственные следует проводить исходя из того, каким мотивом руководствуются при этом разделении, а не из того, что́ является результатом этого деления. Некоторые ученые считают, что «нарицательными существительными являются те существительные, которые подходят под какое-либо определение» [2]. Далее, можно сказать, что нарицательные существительные в большинстве своем являются наименованиями естественными, а среди имен собственных много наименований, образованных искусственно. Имя нарицательное не устанавливает ограничений в отношении количества предметов, им обозначаемых, а имя собственное указывает только на единичный предмет или обозначает какую-то группу единичных предметов. Примером последних могут служить

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

такие слова, как *Гэндзи*, *Хэйкэ* *. Далее, имена нарицательные можно перевести на иностранный язык, в то время как имена собственные не переводимы. Все это заслуживает внимания как способ различения указанных категорий имен существительных.

Среди имен собственных имеется много слов, связанных в смысловом отношении с другими словами, которые не являются в данном языке именами собственными. Например, собаки по кличке *Куро* 'Черный' чаще всего бывают черной масти; имена Таро, Дзиро, Сабуро являются именами старшего, среднего и третьего сыновей; вполне возможно, что во времена появления фамилий Танака, Яманака, люди, получавшие эту фамилию, жили соответственно на полях или в горах. В наше время, конечно, женщина по имени Хана-ко вовсе не обязательно прелестна, как цветок, а мужчина по имени Исао не обязательно храбрец, однако какая-то внутренняя связь между именем и его носителем раньше должна была существовать. Так, ветвь рода Фудзивара (藤原), которая жила в провинции Оми (近江), называлась Кондо (近藤), а Фудзивара, которые жили в провинции Тōтоми (遠江), имели фамилию Эндо (遠藤). Люди из фамилии Фудзивара, имевшие отношение к проведению религиозных обрядов, назывались Сайто [17]. Фудзитаро, Гэнтаро, Фудзиути, Хирасабуро — все это имена, отражающие и порядок рождения и отношение к роду. Такие же имена, как Гэндзаэмон, Хэйбэй и т. п., представляют собой наименования, связанные с фамилиями и названиями чинов. Таких примеров много также и среди фамилий фрейлин периода Хэйан. Из этого, конечно, не следует, что между собственными и нарицательными именами нет никакой разницы. Ввиду того, что в основе номинации лежит побуждение назвать данный отдельный предмет и отделить его от всех других, она соответствует природе именно собственных существительных. Наконец, соотношение между содержанием и объемом понятий в именах собственных и нарицательных оказывается противоположным:

	Содержание понятий (свойство)	Объем понятий (сфера)
Имена нарицательные	мало	много
Имена собственные	много	мало

Например, имя собственное «Наполеон» является наименованием, содержащим множество признаков, как-то: француз, герой, император, узник Святой Елены и т. п., однако имеется в виду

* Феодальные роды. — *Прим. ред.*

один человек. Когда же мы говорим. «он — Наполеон Востока», выделяя из этого широкого содержания одно значение — «герой», то слово «Наполеон» превращается в имя нарицательное и уже может употребляться по отношению не только к одному лицу. Такие слова, как *тандзэн* 'теплое кимоно', *сэнрю̄* —'сэнрю' *, *такуан* 'редька', *сэтомоно* 'фарфор', *кайки* 'канаус', *канария* 'канарейка', *бойкотто* 'бойкот', *каботя* 'тыква', раньше представляли собой имена собственные, а ныне превратились в имена нарицательные.

2. Классификация по признаку образования

Изначальные существительные — это существительные, являвшиеся ими с момента своего возникновения; производные существительные — это такие существительные, которые образовались от других частей речи. Поскольку последние стали существительными они могут быть отнесены к тому же разряду, что и первые, а поскольку их происхождение не придало им никаких грамматических отличительных особенностей, нет необходимости разделения на указанные два разряда. Однако такое деление удобно в той мере, в какой, следуя ему, можно сделать ряд грамматических наблюдений.

Производные существительные по их происхождению можно подразделить на следующие разряды.

1) Существительные, образовавшиеся из приёгэнной формы глагола: *хикари* 'свет', *касуми* 'туман', *кōри* 'лед', *утаи* 'песня', *мōсикоми* 'заявление', *оби* 'пояс'.

2) Существительные, образовавшиеся из заключительной формы глагола: *Сигэру*, *Цутому*, *Сусуму*, *Масару*, *Каору* (мужские имена), *кагэрō* 'пламя', *сумō* 'борьба'.

3) Существительные, образовавшиеся из основы предикативных прилагательных (имеются и другие точки зрения на них): *ака* 'красное', *сиро* 'белое', *куро* 'черное'.

4) Существительные, образованные присоединением суффиксов к основе предикативных прилагательных: *таками* 'высота', *самуса* 'холод', *осигэ* 'сожаление'.

5) Существительные, образовавшиеся из заключительной формы прилагательных письменного языка: *Хироси*, *Такаси*, *Такэси*, *Киёси* (мужские имена), *акаси* 'огонь', *суси* (кушанье из вареного риса с начинкой), *караси* 'горчица'.

6) Существительные, образовавшиеся из приёгэнной формы предикативных прилагательных: *тōку* 'даль', *тикаку* 'близь'.

7) Существительные, образовавшиеся из междометий: *аварэ* 'печаль'.

---

* Название литературного жанра XVIII в.— короткие сатирические стихи.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

3. Классификация по признаку происхождения

К существительным, ведущим свое происхождение от родного языка, относятся такие слова, как *сакура* 'вишня', *хана* 'цветок', *угуису* 'соловей', *хару* 'весна' и др.; в иероглифическом написании они всегда представляют собой «кунное чтение». Слова же *байка* 'цветы сливы', *сюндзицу* 'весенний день' относятся ко второй категории, а именно являются словами китайского происхождения — канго — и, естественно, читаются по óну [18]. Однако поскольку и эти слова вошли в японский язык, то они могут рассматриваться наравне с другими существительными, а установление их родины не входит в задачи грамматики. Кроме таких канго, встречается очень много существительных, заимствованных из европейских языков. Мы не будем устанавливать, как много канго имеется в японском словаре, как усваивались и усваиваются европейские заимствования, в какой мере усвоены они японским языком в качестве заимствованных слов,— это вопрос японского языкознания или общего языкознания и притом вопрос весьма трудный [3].

Имеется довольно много существительных, которые на первый взгляд представляются исконно японскими, а на деле оказываются заимствованиями из китайского. Примером могут служить: *ӯма* 'лошадь', *ӯмэ* 'слива', *дзэни* 'мелкие деньги', *кику* 'хризантема', *сэми* 'цикада' и другие. Слова же *мисо* (продукт из соевых бобов) и *тэра* 'буддийский храм' заимствованы из корейского языка. Заимствования из европейских языков пишут обычно катаканой[4] [19].

4. Классификация по признаку знаменательности

Реальными существительными называются слова, обозначающие определенное реальное понятие (будь то конкретное или абстрактное), соотнесенное со словом как с названием.

Формальными существительными называются существительные, не имеющие определенного реального значения, которое соотносилось бы со словом как с названием. Они имеют только общую форму существительных. Поэтому при употреблении формальных существительных перед ними непременно имеется определение.

Сорэ ва вага хоссуру ***токоро*** *ни арадзу* 'Это не **то**, чего я хочу'.

Ватакӯси-но нодзому ***токоро*** *ва мокутэки-но тассэй дэ ару* '**То**, чего я желаю,— это достигнуть цели'.

Суппон-но ***кото****-о камигата-нитэ ва мару то йу* 'В районе **Киото** о черепахе (суппон) говорят мару'.

Оя-но он-ни хисубэки ***коно*** *ва си-но он нари* '**То**, что может сравниться с благодеянием родителей,— только благодеяние учителя'.

Какару кото-о карэ-но йу ***хадзу*** *наси* 'Не может быть, чтобы он сказал такую вещь'.

Дзэнго-но дзидзэ̄-кара кангаэтэ сонна ***хадзу****-га най* 'Судя по обстановке, этого не должно быть'.

В этих примерах *токоро*, *кото*, *моно*, *хадзу* являются формальными существительными, что видно из сопоставления с нижеприводимыми предложениями [20]:

Токоро *каварэба сина кавару* (п. я.) 'Если переменить место, меняется и товар'.

Кото *кю̄-нари* (п. я.) 'Дело спешное'.

Моно*-о сомацуни субэкарадзу* (п. я.) 'Не следует небрежно обращаться с вещами'.

Хадзу *хасон-сэри* (п. я.) 'Наконечник стрелы обломался'.

Поскольку слова *токоро*, *кото*, *моно*, *хадзу* представляют собой реальные существительные, постольку каждый из них может быть подлежащим или так называемым словом-объектом.

Таким образом, формальные существительные обладают неопределенно-широким значением и, взятые в отдельности, не выражают определенного понятия. К ним не совсем подходит определение, данное существительным — «обозначать название предмета». Поэтому сами по себе они не могут быть членами предложения. Следовательно, можно сказать, что формальные существительные неполноценны и как тайгэны. Мацусита Дайдзабуро придает большое значение формальному существительному *но*, как видно из нижеследующих примеров[5].

Кинō кйта ***но*** *ва дарэ дарō?* 'Кто был тот, кто пришел вчера (пришедший вчера)?'

Итибан кирэй-на ***но*** *ва кику да* 'Самые красивые из них — хризантемы'.

Боку ва нитиē ва хима—на ***но*** *да* 'Я в воскресенье свободен'.

Очевидно, следует считать, что вместо тайгэна здесь употреблено падежное служебное слово ***но*** [21].

В качестве такого рода формальных существительных с неопределенным значением некоторые грамматисты приводят также слова: *коро* (頃), *токи* (時), *ходо* (程), *тамэ* (爲), *айда* (間), *юэ* (故)[6], а также *вакэ* (譯), *ката* (方), *хō* (方), *ёси* (由), *юэн* (所以), *мама* (儘), *кэн* (件), *муки* (向き), *бу* (部), *мэ* (目), *такэ* (たけ), *хэн* (邊), *сэцу* (節), *сай* (際), *дан* (段), *цудо* (都度), *тэй* (體), *ē* (樣), *таби* (たび), *фӯ* (風), *тōри* (通り)[7]. На наш взгляд, среди приведенных выше слов, действительно, есть и такие, которые обладают этим качеством, однако при другом подходе некоторые из них нельзя включить в эту группу[22]. Д-р Ямада в цитированном выше труде указывает, что такие слова, как *маэ* 'перед', *усиро* 'позади', *уэ* 'вверху', *нака* 'внутри', *сйта* 'внизу', *миги* 'справа', *хидари* 'слева' (пространственные отношения), *саки* 'перед', *ноти* 'после', *хадзимэ* 'вначале', *ути* 'в течение', *овари* 'в конце' (временные отношения ,

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

заслуживают особого внимания как существительные, выражающие абстрактно отношения между предметами. Однако они не представляют собой формальных существительных, что ясно из того, что в предложении они могут быть подлежащими. Коротко говоря, так как особенностью формальных существительных является неопределенность значения, то *кото* может быть и при *юку — юку кото* 'хождение' и в *аруку кото* 'гуляние'; *токоро* может быть и в *нодзому токоро* 'желанное' и в *кангаэру токоро* 'мыслимое' и т. п. В этом смысле они сходны с глаголом *су* 'делать', который в отношении выражения действия и процесса не отличается от других глаголов, но поскольку под ним может подразумеваться любое конкретное действие или процесс, то реального содержания он почти лишен [23]. Поэтому д-р Ямада ввел термин «формальные ёгэны», имея в виду, что «формальные ёгэны» имеют те же особенности, что и глагол *су*. Следует предостеречь от смешения «формальных существительных» с «формальными тайгэнами» (местоимениями и числительными).

Далее, относительно слов, предшествующих формальным существительным и служащих определением к ним, д-р Ямада пишет: «Предложение, предшествующее такому тайгэну, является, конечно, его определением, но вместе с тем такой тайгэн, имея неопределенно широкое значение, всего лишь замыкает предшествующее предложение и позволяет ему выступать как тайгэн» [8]. Д-р Юдзава Кокитиро пишет [9], что если в словах, определяющих егэн, мы различаем дополнение и наречное определение, то соответственно с этим определения при тайгэне также должны разделяться на дополнение и адъективное определение. Исходя из того, что адъективным определениям при тайгэне уделено достаточно внимания, а дополнения при тайгэне не освещаются, проф. Юдзава выдвигает ценное предложение — рассматривать определения при формальных существительных как дополнения при тайгэне. Этот вопрос заслуживает серьезного внимания.

VI. СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ ПИСЬМЕННОГО И РАЗГОВОРНОГО ЯЗЫКА

С точки зрения лексического состава существительные письменного и разговорного языка несколько разнятся, однако в отношении значения, формы и функции они совершенно одинаковы.

1. *Яма мурасаки* ***нпсй тэ*** *мидзу киёси* (п. я.)
2. *Яма* ***ва*** *мурасаки* ***дэ***, *мидзу* ***ва*** *киёй* (разг. я.)

'Горы фиолетовые, вода чистая'.

Вопрос о том, куда отнести слова *ямá* 'гора' и *мидзу* 'вода' — к существительным письменного или разговорного языка,— решается, исходя из качества других элементов предложения. Из частей

речи в письменном и разговорном языках существенно различаются по форме ёгэны, служебные глаголы и служебные слова. В приведенных выше предложениях *мурасаки ни* (адъективный глагол), *сйто* (служебное слово), *киёси* (предикативное прилагательное) относятся к письменному языку, а *мурасаки дэ* и *киёй* — к разговорному языку, поэтому и существительные из первого примера называют существительными письменного языка, а из второго примера — существительными разговорного языка [24].

ПРИМЕЧАНИЯ АВТОРА

[1] Подробно вопрос о позициях излагается в книге Ясуда, I, которая содержит главу «О позициях тайгэна». Очень полезной может быть также глава «Об употреблении тайгэнов» в книге Хасимото, Грамматика для старших классов, Приложение (IV).
[2] Мацуо, I, стр. 243
[3] См. об этом у Андо, I, стр. 279—293.
[4] См об этом брошюру «О написании иностранных слов» (Гайкокуго-но уцўсиката)
[5] Мацусита, III, стр. 241—250
[6] Ямада, VIII, стр. 184—185.
[7] Эти примеры заимствованы из вышеупомянутой книги Мацусита, III.
[8] Ямада, VIII, стр. 185.
[9] См. Юдзава, Исследование касательно определения (IV).

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

ГЛАВА ВТОРАЯ

Местоимение

I. СУЩНОСТЬ МЕСТОИМЕНИЯ

М е с т о и м е н и е (даймэйси 代名詞) — это один из видов формальных тайгэнов в системе тайгэнов. Они, конечно, представляют собой слова знаменательные.

Даймэйси — это перевод слова Pronoun. «Pro» означает «вместо», «замена»; «даймэйси» значит «с л о в о, з а м е щ а ю щ е е с у щ е с т в и т е л ь н о е». Однако ограничиться этим утверждением было бы опрометчиво. Издавна местоимение определялось как часть речи, употребляемая вместо существительного, хотя, строго говоря, это неверно. Первоначально местоимение означало «слово, употребляемое вместо наименования», слово, которое употребляется для того, чтобы, не называя предмет, непосредственно указать на него. Если видеть в нем только слово, которое употребляется вместо существительного, то выходит, что оно не может быть употреблено относительно предмета или явления, которое еще не имеет наименования, имени которого мы еще не знаем или которому мы еще не можем дать имени. Однако на практике мы легко можем указать на такие предметы или явления, пользуясь местоимениями *корэ*, *сорэ* «это» и *арэ* «то» [1]. Д-р Ямада также считает, что существительное употребляется as name, а местоимение for name. Оно употребляется вместо наименования, а не вместо существительного.

Не следует упускать из виду, что, кроме упомянутой выше способности з а м е щ а т ь, местоимения характеризуются также способностью у к а з ы в а т ь, что является их существенной особенностью. Способность «указывать» составляет жизнь местоимения. Она настолько важна, что некоторые ученые называют местоимения «указательными словами» (сисиси 指示詞). Как говорилось ранее, существительное — это реальный тайгэн, обозначающий определенное реальное понятие и называющий его. Местоимение же, подобно числительному, именуется формальным тайгэном и не имеет реального существования, не обозначает какой-либо реальности. Оно может быть употреблено по мысли говорящего для указания на любой предмет. Следовательно, встает вопрос об отношении указывающего к указываемому. Иначе говоря, в зависимости от взаимоотношений говорящего субъекта и объекта — указываемого предмета,— т. е. в зависимости

от расположения пункта, с которого ведется наблюдение, мы называем одну и ту же книгу *корэ*, *сорэ* 'этим' или *арэ* 'тем'. Один и тот же человек А называется по-разному: сам он, указывая на себя, говорит *ватакӯси* 'я', собеседник называет его *ананта* 'вы', а третье лицо называет его *анокатта* 'он'. В этом отношении местоимение весьма отличается от существительного.

Таким образом, все местоимения указывают на пространственное отношение между предметом и говорящим, исходя от говорящего. *Кими* 'ты' говорят, противопоставляя кого-либо себе, точно так же местоимение *карэ* 'он' применяют, исходя из отношения определенного лица к говорящему. Слова *коко* 'здесь', *соко* 'там' и *асоко* 'там' являются местоимениями места, противопоставляемыми положению говорящего. Когда указание производится при помощи существительного, например: *тōдзай* 'восток и запад', *дзэнго* 'впереди и позади', *саю* 'налево и направо', то последние указывают на что-либо с какой-то определенной отправной точки, а вовсе не обязательно с точки зрения говорящего. Такие существительные сходны с местоимениями в том отношении, что в зависимости от отправной точки зрения одно и то же место может быть и «западом» и «востоком», находиться «справа» или «слева»; однако они всегда передают направление и не обязательно имеют в качестве отправной точки говорящего. Таким образом, можно сказать *Токē-но хигаси* 'к востоку от Токио', *Сэйкē-но ниси* 'к западу от Киото', *иэ-но маэ* 'перед домом', *ватакӯси-но миги* 'справа́ от меня', но совершенно невозможно сказать что-нибудь вроде *ватакӯси-но ананта* 'вы от меня', *ананта-но коноката* 'он от вас', *сорэ-но арэ* 'то этого'. В этом отношении местоимение резко отличается от существительного.

Указание, производимое местоимением, не обязательно относится только к одному предмету или явлению. Оно может относиться и к целому предложению, например: *хицуē-ва хацӯмэй-но хаха дэ ару. Хйто ва сэйкацудзē-но хицуē-кара хаккахō-о кӯфӯ-си, нэнрē-о кэнкю-си, нэцу то хикари то-о араюру хōмэн-ни риē-суру кото-о кангаэтэ кйта. Сйкаси нэцу я хикари-но цӯкуриката я риē-но хōхō ва, кэссйтэ корэ-дэ кансэй-сйта то йу вахэ дэ ва арумай.* 'Потребность — мать изобретений. Жизненные потребности привели человека к открытию способа добычи огня, к изучению горючих веществ, к разностороннему использованию тепла и света. Однако это, конечно, не исчерпало способов добычи и применения тепла и света'.

Местоимение *корэ* 'это' в нашем примере указывает на содержание всего предложения от *хицуē ва* 'потребность' до *кангаэтэ кйта* 'привели', стоящего в конце предложения.

Так же, как и для существительных, для японских местоимений нет необходимости проводить разделение по роду и числу. В этом отношении они резко отличаются от английских местоиме-

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

ний. Местоимение в японском языке имеет лишь некоторые формы выражения числа, но эти формы не согласуются с глаголами, с которыми они соотносятся в предложении. Множественное число выражается двояко:

1) Редупликацией:

варэварэ 'мы' (я—я)
дарэдарэ 'кто' (кто да кто)
коко-соко 'здесь и там'
атти-котти 'там и здесь'
нани-нани 'что' (что да что)

2) Суффиксацией:

варэра 'мы'
ватакўситати 'мы'
ватакўсидомо 'мы'
кимира 'вы'
анатагата 'вы'
сорэра 'эти'

В обычной форме местоимения не имеют признаков единственного или множественного числа. И то и другое число может быть свободно выражено одной формой О числе можно судить, лишь исходя из контекста [2].

Нечего и говорить, что местоимения неизменяемы и по своей синтаксической функции также не отличаются от существительных. Следовательно, они не обладают грамматическими особенностями, которые позволили бы отделить их от существительных, и поэтому некоторые ученые только ради удобства выделяют местоимения внутри категории существительных по чисто семантическому признаку, а именно по различию предметов и понятий, обозначаемых местоимениями.

II КЛАССИФИКАЦИЯ МЕСТОИМЕНИЙ

Издавна местоимения делились на следующие группы:

Таблица 16

Местоимения			
Личные	Указательные		
	Предметные	Места	Направления

Однако указание может производиться не только тогда, когда речь идет о предмете, месте или направлении, оно передается и с помощью личных местоимений, поэтому термин «указательные местоимения» не совсем удачный. Указание, как говорилось выше, является общим свойством всех местоимений. Поэтому, отбросив этот термин, в данной работе мы будем делить местоимения так: 1 личные, 2. предметные, 3. места, 4. направления. В дальнейшем мы будем рассматривать их в таком порядке.

III. ЛИЦО И ПРОСТРАНСТВЕННАЯ СООТНЕСЕННОСТЬ МЕСТОИМЕНИЙ

Как уже говорилось, местоимение употребляется от лица говорящего, поэтому форма его меняется в зависимости от взаиморасположения между говорящим, который принимается за центр, и предметом, на который говорящий указывает. Деление по такому принципу мы и называем *сē* 稱, что означает лицо местоимения и его аспект (в отношении пространственной соотнесенности).

Форма, которую говорящий употребляет вместо своего имени, называется первым лицом (дзисē 自稱), форма, употребляемая вместо имени собеседника говорящего, называется вторым лицом (тайсē 對稱), форма, употребляемая вместо имени какого-либо лица, помимо говорящего и его собеседника, называется третьим лицом (тасē 他稱); форма, указывающая на неопределенные условия и на никому не известного человека, называется неопределенным лицом (футэйсē 不定稱). «Неопределенный» в данном случае означает, что предмет, на который указывает местоимение, не определен, не предуказан или не известен, и поэтому называть такие местоимения вопросительными (interrogative) неправильно. Что касается остальных трех типов местоимений — местоимений предметных, места и направления,— то они делятся в зависимости от взаиморасположения говорящего и указываемых предметов, места и направления, а именно: местоимения, обозначающие предмет, наиболее близко расположенный к говорящему, называются местоимениями «ближнего аспекта» (кинсē 近稱), обозначающие предмет, несколько отдаленный от говорящего,— «среднего аспекта» (тюсē 中稱), обозначающие предмет, далеко отстоящий от говорящего,— «дальнего аспекта» (энсē 遠稱) и обозначающие неизвестный предмет, неизвестное место и неизвестное направление — «неопределенного аспекта» (футэйсē 不定稱). Поскольку и «ближний», и «средний», и «дальний» аспекты относятся, в сущности, к третьему лицу, то, строго говоря, местоимения следует делить согласно схеме, приводимой в следующем разделе [3].

Таким образом, классификация японских местоимений по лицу и пространственному признаку опирается преимущественно на различие в словарном значении; что же касается грамматического значения, то оно не требует такой классификации, за исключением признака связи со словами вежливости. Однако, поскольку через классификацию мы уясняем себе характер местоимений, она необходима. Именно по этим причинам в обычных грамматиках придерживаются указанного деления.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

IV. МЕСТОИМЕНИЯ ПИСЬМЕННОГО ЯЗЫКА

Таблица 17

Тип \ Лицо	Первое лицо	Второе лицо	Третье лицо			Неопределенные	Общая часть
			сфера близкого	сфера отдаленного	сфера далекого		
Личные	*ва* *варэ* *а* *арэ* *оно* *онорэ*	*на* *нарэ* *нандзи*			*ка* *карэ* *а* *арэ*	*та* *тарэ*	*рэ*
Предметные			*ко* *корэ*	*со* *сорэ*	*ка* *карэ* *а* *арэ*	*идзу* *идзурэ* *нани*	*рэ*
Места			*коко*	*соко*	*асоко* *асйко* *касйко*	*идзуко* *идзуку* *идзура*	*ко*
Направления			*коти* *коната*	*соти* *соната*	*ати* *аната* *каната*	*идзути* *идзуката*	*ти* *та*
Общая часть	*ва* *а* *о*	*на*	*ко*	*со*	*ка, а*	*та* *идзу*	

1. ЛИЧНЫЕ МЕСТОИМЕНИЯ

1) Среди них: *ва*, *а*, *оно*, *на*, *ка*, *та* являются первоначальными формами, все остальные образовались путем присоединения к ним *рэ*. Ниже приводим примеры употребления первоначальной формы:

ва ***ва*** *конаба* ‘когда **я** приду’; ***ва*** *о матигатэни* ‘дожидаясь **меня**’; ***ва-га*** *сэко* ‘**мой** милый’, wanya ‘**мои** родители’, wami ‘я’ (диалект Окинава).

а *аго* ‘**мой** сын’.

оно ***оно****дзума* ‘**своя** жена’; ***оно-га*** *на* ‘**свое** имя’.

на ***на-о-ба*** *синобаму* ‘Буду о **тебе** тосковать’; ***на-га*** *наку сато* ‘селение, где **ты** плачешь’.

ка ***ка*** *ва то минагара* ‘думая, что это **он**’.

та ***та-га*** *цума*, ‘**чья** жена’; ***та-ни-ка*** *мо ёраму* ‘на **кого** положусь?’

Эти первоначальные формы в наше время не употребляются. Только *ва* в соединении со служебным словом *га* встречается

в выражениях *вага куни* 'наша страна', *вага кими* 'наш государь' и др.

2) В вышеприведенной таблице не даны древние местоимения: *имаси* 'вы', *мимаси* 'вы', *си* 'это'. *Имаси* и *мимаси* — местоимения второго лица, это своего рода вежливые слова; *си* употреблялось в качестве предметного местоимения. Можно также предположить, что *са* является измененной формой *си*, однако многие, начиная с Мотоори Норинага, высказывались против этого объяснения, и вопрос, в конце концов, остался открытым. Возможно, что *си* представляет собой измененное *со*, но само различие между *си* и *со* неясно. У д-ра Ямада дается следующее объяснение:

«Различие между *со* и *си* недостаточно ясно. С одной стороны, встречается много примеров, в которых *си* указывает на лицо, а *со* употребляется для обозначения всех предметов и явлений, но неприменимо к человеку. Однако это не является общим правилом, что видно из примеров: *си-га хана* 'его (т. е. растения) цветы', *си-га ха* 'его (т. е. дерева) листья'. Кроме того, похоже, что есть различие и в возрасте указанных слов: *си* — более старое слово и близко к тому, чтобы отмереть. Исчезновение этой формы началось в период раннего средневековья. Короче говоря, мы считаем, что различие между данными словами в теоретическом отношении — еще не разрешенная проблема»[1].

О лице *си* как личном местоимении пишет Саэки Умэтомо, считая его местоимением третьего лица[2].

3) Кроме местоимений, приведенных в таблице, имеется много других личных местоимений, представляющих собой заимствования из китайского и других языков.

1-е лицо: *Боку, е, сёсэй, ясэй, усэй, сэсся, вагахай, дзибун, яцугарэ, маро, сорэгаси, мидзукара, ми, варава* (только женщина о себе), *коко*.

2-е лицо: *Кикун, кикō, кидоно, кикэй, киси* (только к женщине), *рокэй, дайкэй, сокка, дэнка, какка, годзэн, гохэн, кими, соко, нӯси, тоно, маротo, оми, онми, омаэ, омото* (только к женщине), *сономото, вадоно, вануси, киндзи, маси, вагодзэ* (только к женщине).

3-е лицо: *Кояцу, сояцу, аяцу, каяцу*.

Неопределенное лицо: *нанигаси, сорэгаси*.

2. ПРЕДМЕТНЫЕ МЕСТОИМЕНИЯ

А. *Ко, со, ка, а* раньше употреблялись самостоятельно в своей первоначальной форме, как это видно из следующих примеров:

Ко-о тарэ ка сиру (Манъёсю, 1115) 'Кто это знает?'

Ко мо фусавадзу (Кодзики) 'И это не подходит'.

Вага ядо-ни хана дзо сакитару ***со-о*** *мирэдо кокоро мо юкадзу* (Манъёсю, 466) 'В моем жилище цветут цветы Хотя вижу их, но сердце не радуется'.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

со косо ва ё-но цунэ-но кото тотэ... (Гэндзи-моногатари) 'считая, что это — самое обычное дело на свете...'

Однако в настоящее время такое употребление почти не встречается, а *ко, со, ка, а* существуют лишь в соединении с *но* в виде *коно* 'этот', *соно* 'этот', *кано* 'тот', *ано* 'тот'. Они используются теперь лишь для указания на следующее за ними слово. Иначе говоря, они потеряли свой реальный смысл — «это», «то», — а из функций тайгэна сохранили только приименное употребление. Однако следует заметить, что изредка встречаются такие предложения, как ***ко ва иканару кото дзо*** 'это что за дело?', ***со о митому хйто ва сўкунаси*** 'мало кто это признает', в которых *ко* и *со* стоят в субъектной позиции. Но нельзя, например, сказать *ко-ни нитару моно ва наси* 'нет ничего похожего на это'. И особенно в разговорном языке возможность их употребления без *но* исключена; не встречается и примеров употребления неопределенного местоимения *до* без *но*, т. е. иначе, чем в форме *доно* 'который?' (из нескольких).

Личное местоимение *ва* также в настоящее время не употребляется без падежного служебного слова *га*, в соединении с которым оно образует слово *вага* 'мой, наш', как в *вага куни* 'наша страна', *вагамонокао* 'самодовольное выражение' и др. Следовательно, встает важный вопрос, как рассматривать грамматические слова *коно, соно, кано, ано* и т. д. Возникает мысль назвать их указательными прилагательными (Pronominal adjective), однако они не обладают важнейшей особенностью японских прилагательных (кэйёси) — спрягаемостью — и не могут в силу этого выполнять в предложении роль сказуемого. Следовательно, назвать их частью речи японского языка — нельзя. Разумеется, в таком виде, как они есть, их нельзя отнести к местоимениям по причинам, изложенным ранее (они не могут служить подлежащими). Мы не можем также разделить их на два слова — местоимения *ко, со, ка, а* и падежное служебное слово *но*, — так как они никогда не употребляются отдельно. Не остается ничего иного, как рассматривать их в качестве целого слова. На основании всего сказанного Мацусита Дайдзабуро (он называет эти слова приименными — фукўтайси 副體詞) и Юдзава Кокитиро (выдвигающий в том же значении термин рэнси 連詞) предлагают рассматривать такие слова в одной группе с *ару* 'некий', *сару* 'прошлый', *иваюру* 'так называемый', *аракуру* 'всяческий'[3].

Кроме того, согласно существующей теории, некоторые полагают, что, учитывая практику употребления, такие слова следовало бы считать префиксами, или же их именуют «приименнообразные» (рэнтайкэйго 連體形語).

Итак, рассмотрим внимательно, какова функция слова *коно* 'этот' по отношению к слову *хон* 'книга' в выражении *коно хон* 'эта книга'. Если «книгу» следует заменить бесспорным «ближним»

предметным местоимением, то достаточно будет сказать *корэ* 'это', чтобы *коно* 'эта' оказалось бесполезным. Если же сказать просто *хон* 'книга', то на книгу не будет сделано никакого указания и, таким образом, останется совершенно невыявленным отношение говорящего к книге. Далее, если сказать *нандзи-но хон* 'твоя книга', то благодаря падежному служебному слову *но* ясно, что хозяин книги — *нандзи* 'ты', т. е. соотношение между *нандзи* 'ты' и *хон* 'книга' становится понятным. Однако выявляется ли при помощи *но* отношение между *ко* 'это' и *хон* 'книга' в примере *коно хон* 'эта книга' так же, как в случае *нандзи-но хон*? Может быть, оно и не выявляется так, как в предыдущем примере, но все же в силу наличия у *ко* первоначального значения, которое заключается в наименовании близлежащего предмета, становится ясно, что книга существует не в отдалении от говорящего. И все же падежное служебное слово *но* в этом случае не имеет самостоятельного значения, что видно из сравнения *коно нэ* 'эта цена' с *корэ но нэ* 'цена этого'. Иначе говоря, в выражении *коно хон* 'эта книга' *ко* и *но* слиты в одно слово, и лишь благодаря наличию первоначального значения *ко* 'это' можно догадаться, что предмет находится вблизи говорящего; данный оттенок в значении играет роль известного усиления, и только. Иными словами, здесь отсутствует основная функция местоимения — употребление в м е с т о наименования предмета, есть только указание на «книгу», как на нечто, находящееся вблизи. В этом смысле можно даже считать, что данное слово приближается к префиксу. Дело в том, что и среди префиксов также есть такие, которые сообщают слову дополнительный оттенок значения; присоединяясь к тайгэну, они в некотором смысле определяют его. Мы имеем в виду следующие случаи:

маёру 'полночь', т. е. ровно в середине ночи;

кидзакэ 'чистое сакэ', т. е. *сакэ* в том виде, в котором оно было изготовлено;

сухада 'нагота', т. е. ничем не прикрытое тело;

осаса 'молодой бамбук', т. е. низенький бамбук;

уимаго 'первенец-внук', т. е. первый внук.

Однако префиксы — всего лишь словообразовательные элементы, которые, слившись с последующим словом, образуют с ним одно слово. Но является ли *коно хон* одним словом? Нет, такого слова нет, так как между *коно* и *хон* может быть вставлено другое слово. Примеры: *коно уцукусйки хон* 'эта красивая книга', *коно атарасйки хон* 'эта новая книга'.

В отличие от этого префиксы не являются самостоятельными словами, и таким образом между префиксом и следующим за ним словом не может быть вставлено какое-либо другое слово. Если же это возможно, тогда перед нами уже не префикс. Нельзя сказать *ки амаки сакэ*, но говорят *амаки кисакэ* 'вкусное чистое сакэ',

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

нельзя сказать: *уи айрасйки маго*, но говорят: *айрасйки уимаго* 'милый первенец-внук'. Исходя из перечисленных примеров, мы не можем отнести *коно* к префиксам. По этой же причине префиксами не являются *ару*, *сару*, *иваюру*, *араюру*. Следовательно, с грамматической точки зрения вполне приемлемо, что *коно*, *соно*, *кано*, *ано* и другие подобные им слова отделены от местоимений в особую часть речи — «приименные» — *рэнси*, или *рэнтайси*. Разделять эти слова согласно этимологии на местоимения и служебные слова значит, по нашему мнению, следовать старому утилитарному методу, совершенно игнорируя грамматическую сторону вопроса (см. ниже гл. VII о *рэнтайси*).

Оцуки Фумихико пишет: «Указательным местоимениям японского языка соответствуют местоимения среднего рода или наречия в европейских языках. Когда «ко», «со», «ка», «а» и другие в сложении образуют «коно», «соно», «кано», «ано», которые рассматриваются как одно слово, они соответствуют указательным прилагательным (Demonstrative adjective) европейских языков. В некоторых грамматиках такие сложения прямо именуются указательными местоимениями, но это неправильно. В тех случаях, когда они находятся в сложении с «но» и не допускают после себя «га», «но», «ни», «о», их нельзя считать существительными»[4].

Б. Иногда *корэ*, *сорэ*, *карэ*, *арэ* употребляются как личные местоимения.

В. Существуют различия в употреблении неопределенных местоимений *идзурэ* 'который' и *нани* 'что, какой':

Карэ ва сёсай-ни хаиритэ ***нани-о*** *сагаси итариси ка* (п. я.) 'Что это он искал, войдя в кабинет?'

Бку-но сёсэки-но нака ёри ***идзурэ-о*** *мотиюку ка-о кангаэитариси нари* (п. я.) 'Он раздумывал, которую из многих книг взять с собой'.

Как видно уже из этого примера, **нани** употребляется для указания в широком смысле, а **идзурэ** — при выборе одного предмета из предметов числом более двух.

Г. Употребление местоимений ближнего, среднего и дальнего аспектов не обязательно основано на чисто пространственном признаке, а связано также со степенью осведомленности говорящего о соответствующем предмете и со степенью знакомства с собеседником. Равным образом наблюдается это явление среди личных местоимений и местоимений места

3. МЕСТОИМЕНИЯ МЕСТА

Местоимения места образовались на основе употребления предметных местоимений в переносном значении. К предметным местоимениям *ко*, *со* присоединился суффикс *ко*, имеющий значение места Местоимение *асоко* образовалось в результате присоедине-

ния к предметному местоимению *а* местоимения места *соко*. *Асйко* ‘там’ образовалось в результате изменения *асоко*; *касйко* образовалось путем присоединения к *ка* местоимения места *соко*. Итак, сначала образовалось слово *касоко*, которое затем изменилось в *касйко*. Местоимения *идзуко* ‘где’, *идзуку* ‘где’, *идзура* ‘где’ аналогичны предметному местоимению *идзу*, к которому присоединены соответственно аффиксы *ко*, *ку*, *ра*.

4. МЕСТОИМЕНИЯ НАПРАВЛЕНИЯ

Эти местоимения также образовались из предметных путем присоединения к *ко*, *со*, *ка*, *а*, *идзу* элементов *ти*, *ната*, *ката* и других. Существует мнение, что *нани* — это сокращение от *но ката*, а *ката* имеет значение «сторона, направление».

V. МЕСТОИМЕНИЯ РАЗГОВОРНОГО ЯЗЫКА

1. ЛИЧНЫЕ МЕСТОИМЕНИЯ

1) Слова, взятые в таблице № 18 в скобки, относятся к не вполне стандартному языку и являются несколько просторечными. Слова такого рода в большом числе можно встретить в диалектах. Их особенно много среди местоимений первого лица, например: *ора*, *оира*, *вай*, *ватти*, *атаси*, *атаи*, *ватаи*, *ватаки*, *атэ*, *ватэ*, *коти*, *ути* и ряд других. Кроме того, для обозначения первого лица употребляются *боку*, *дзибун*, *сэсся*, *вагахай*; для второго лица — *кими*, *кисама*, *годзэн* и другие [4].

2) В прошлом слово *ватакӯси* ‘я’ входило в состав выражения *бӣкэ ватакӯси* ‘общее и частное’ и было существительным. И *ватаси*, и *васи* происходят от *ватакӯси*. *Варэ* в прошлом было местоимением первого лица, но в настоящее время в этом значении употребляется лишь в редупликации *варэварэ* ‘мы’. Иногда *варэ* употребляют как местоимение второго лица, но это явление диалектное и просторечное. *Орэ* — по происхождению личное местоимение, но в прошлом оно обозначало не первое, а второе лицо. В настоящее время оно также относится к просторечию. *Тэмаэ* из существительного со значением «близкий к себе» стало личным местоимением первого лица. *Боку* ‘я’ также, разумеется, происходит от существительного.

3) Местоимение второго лица *ананта* ‘Вы’ происходит от местоимения направления старописьменного языка, которое относилось к дальнему аспекту. *Соната* — от местоимения направления письменного языка, которое относилось к аспекту средней отдаленности. *Омаэ* — результат замены вежливого слова *годзэн* ‘перед Вами’ и в настоящее время употребляется по отношению к низшему [5]. *Варэ*, *онорэ* происходят от личных местоимений

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Местоимения разговорного языка

Таблица 18

Тип \ Лицо	Первое лицо	Второе лицо	Третье лицо: сфера близкого	Третье лицо: сфера отдаленного	Третье лицо: сфера далекого	Неопределенное лицо	Общая часть
Личные	*ватакуси* *ватаси* *васи* *варэварэ* *(орэ)* *(тэмаэ)*	*ананата* *сонаната* *омаэ* *(варэ)* *(онорэ)* *(тэмаэ)*	*коно* { *ката* / *хйто* / *оката* *(корэ)*	*соно* { *ката* / *хито* / *оката* *(сорэ)*	*ано* { *ката* / *хйто* / *оката* *карэ* *(арэ)* *(каяцу)* *(каяцу)*	*доно* { *ката* / *хйто* / *оката* *дарэ* *донаната* *(дономоно)* *(дорэ)* *(дощу)* *(дояцу)*	
Предметные			*ко* *корэ* *корэра*	*со* *сорэ* *сорэра*	*ка* *арэ* *арэра*	*до* *дорэ* *нани (нан)*	*рэ*
Места			*коко* *кокора* *(кокоира)*	*соко* *сокора* *(сокоира)*	*асоко* *усуко* *(ако)* *асукора* *(асукоира)*	*доко* *докора* *(докоира)*	*ко*
Направления			*котти* *котйра*	*сотти* *сотйра*	*атти* *атйра*	*дотти* *дотйра*	*тти* (долгий согласный)
Общая часть			*ко*	*со*	*ка, а*	*до*	

письменного языка, но в современном языке употребляются только в просторечии. *Тэмаэ* было раньше местоимением первого лица, а теперь употребляется для передачи оттенка уничижительности по отношению к низшему. *Кими* соотносительно с местоимением первого лица *боку* и так же, как оно, происходит от существительного. Сфера его употребления ограничена: оно не употребляется по отношению к высшему и по отношению к женщинам.

4) В третьем лице также нет чистых местоимений: все они происходят от других частей речи.

5) Неопределенное местоимение *дарэ* 'кто', является результатом озвончения местоимения письменного языка *тарэ*. *Доната* 'кто' получилось в результате присоединения к первоначальной форме неопределенного лица *до* суффикса направления *ната* и последующего превращения в личное местоимение.

6) Когда к местоимению первого лица *ватакӯси* присоединяются суффиксы *домо*, *тати*, *ра*, оно приобретает значение множественного числа, причем образуются слова: *ватакӯсидомо*, *ватакӯситати*, *ватакӯсира*. Для придания значения множественности к местоимению второго лица присоединяются суффиксы *гата*, *тати*, *ра*, в результате чего получаем слова *анатагата*, *омаэгата*, *омаэтати*, *омаэра*. Для выражения множественного числа третьего лица также употребляются суффиксы *гата*, *тати*, *ра*. При этом возникают слова: *конокатагата*, *сонокатагата*, *анокатагата*, *конохйтотати*, *конохйтора*, *сонохйтотати*, *сонохйтора*, *анохйтотати*, *анохйтора*. Для образования множественного числа от неопределенного лица также используются суффиксы *гата*, *тати*, с присоединением которых образуются *донокатагата*, *донохйтотати*.

7) Согласно некоторым теориям, неопределенные местоимения включают в разряд местоимений третьего лица[5].

***Доната**-га ирассяру но дэсӯ ка* '**Кто** придет?'

***Доноката** ка о-хйтори ва ирассяру дэсе* '**Кто**-нибудь один (из них) придет'.

*Кё ва **доната** мо миэмасэн* 'Сегодня **никого** не видать .

***Дарэ** ка курэба ий нэ* 'Хорошо, если б **кто**-нибудь пришел!'

Поскольку в этих примерах местоимения не указывают ни на говорящего, ни на его собеседника, грамматисты стремятся включить их в число местоимений третьего лица. Однако, строго говоря, их следует, на наш взгляд, классифицировать так, как это сделано в приведенной таблице.

8) Тенденция к различению местоимений по степени вежливости имелась в некоторой мере уже в письменном языке, но особенно много случаев такого различения встречается в разговорном языке. Продемонстрируем это в приведенной ниже таблице.

9) По существующей ныне теории местоимения *коноката*, *конохйто*, *конооката* являются не отдельными словами, а словосоче-

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Таблица 19

Личные местоимения разговорного языка

Лицо / Объект	Первое лицо	Второе лицо	Третье лицо	Неопределенное лицо
По отношению к высшему лицу	*ватакӯси* *тэмаэ*	*ната* *натасама*	*ко, со, а* + *но* { *катэ, окатэ, охйто*	*доната* *доно* { *ката, оката, охйто*
По отношению к равному лицу	*ватаси* *боку* *дзибун*	*ната* *омаэсан* *кими*	*ко, со, а* + *но хйто*	*дарэ* *донохйто*
По отношению к низшему лицу	*васи* *орэ*	*сонатa* *омаэ* *тэмаэ* (*кисама*) (*онорэ*)	*ко, со, а* + { *но моно, рэ, яцу, ицу* (*кяцу*) (*каяцу*)	*до* { *но моно, рэ, яцу, ицу*

таниями из местоимения, служебного слова и существительного, но хотя эта теория в некоторой степени обоснована, мы в этой книге все же рассматриваем их как цельные слова — местоимения.

Множественное число местоимений выражается присоединением соответствующих (по вежливости) суффиксов.

2. ПРЕДМЕТНЫЕ МЕСТОИМЕНИЯ

1) Предметные местоимения письменного языка: *корэ* 'это', *сорэ* 'это, то', *арэ* 'то', *нани* 'что?' — в том же виде употребляются и в разговорном языке. Слово *дорэ* 'который?' (из нескольких) представляет собой особое неопределенное местоимение разговорного языка. *Корэ*, *сорэ*, *арэ* могут превращаться в личные местоимения.

2) *Но*, *со ка*, *а*, *до* самостоятельно не применяются, а употребляются всегда в соединении со служебным словом *но* в форме *коно*, *соно*, *кано*, *ано*, *доно*, как приименные слова, например: *коно мити* 'эта дорога', *соно хон* 'та книга', *кано яма* 'та гора', *ано онна* 'та женщина', *доно ути* 'который дом'. О том, что они не имеют другого употребления, говорилось уже в разделе о письменном языке. Их применение в разговорном языке еще более говорит за необходимость установления особой части речи — приименных.

3) К неопределенным местоимениям относится неопределенное предметное местоимение письменного языка *идзурэ* 'который'. *Идзурэ-га ёй ка ватаси-ни ва вакариканэмасу.* 'Мне трудно сказать, который из них лучше'. *Идзурэ дэмо кэккō-дэ годзаимасу* 'Оба хороши'. Неопределенное местоимение *дорэ* 'который?' указывает на предмет в единственном числе, *нани* 'что?' имеет более широкий смысл. Местоимение *идзурэ* письменного языка относится к *нани* аналогично местоимению *дорэ*. *Дорэ* представляет собой результат присоединения суффикса *рэ* к первоначальной неопределенной форме *до*.

4) Для выражения множественного числа присоединяется суффикс *ра: корэра* эти', *сорэра* 'эти', *арэра* 'те', *нанира* 'которые, какие'.

3. МЕСТОИМЕНИЯ МЕСТА

1) Местоимения места письменного языка *коко* 'здесь', *соко* 'там', *асоко* 'там' в том же виде употребляются в разговорном языке. *Асӯко* представляет собой изменение слова *асоко*; *ако* есть дальнейшее изменение этого слова. В диалектах для обозначения далеко отстоящего места употребляется *асйко;* оно также представляет собой изменение слова *асоко*. *Доко* — особое неопределенное местоимение разговорного языка, представляющее собой результат присоединения к первоначальной форме неопределенного местоимения *до* суффикса *ко*, обозначающего место. Слова *кокора, сокора, асӯкора, докора* образовались путем присоединения к *коко, соко, асӯко, доко* суффикса *ра* и указывают на место в широком, неопределенном смысле. *Кокоира, сокоира, асӯкоира, докоира* представляют собой примеры просторечия.

2) Бывают случаи употребления сочетаний двух местоимений места, например: *докосоко, сокококо, асокококо*; в таких случаях они указывают на неопределенное место.

4. МЕСТОИМЕНИЯ НАПРАВЛЕНИЯ

1) *Котти* 'сюда', *сотти* 'туда', *атти* 'туда' есть результат удвоения согласного звука в местоимениях направления *коти, соти, ати* в письменном языке. Удвоением звука достигается усиление значения слова. *Дотти* образовалось в результате удвоения согласного в слове *дoти*. Само *дoти* представляет собой результат присоединения к первоначальной форме неопределенного местоимения *до* суффикса *ти*, указывающего на направление. *Котйра, сотйра, атйра, дотйра* образовались путем присоединения к словам *коти, сoти, ати, дoти* суффикса *ра* и обозначают направление в широком смысле, кроме того, этот суффикс придает данным словам также оттенок вежливости.

2) Местоимения *котйра, сотйра, дотйра* с присоединением суффикса *сама* употребляются как личные местоимения.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

3) Все местоимения направления в переносном смысле употребляются и как предметные местоимения и как местоимения места. В этом случае ярко выражено значение избирательности. Относительно употребления различных типов этих местоимений в переносном смысле некоторые ученые высказываются следующим образом:

«По происхождению предметные местоимения, местоимения направления и места не имеют характера противопоставления личным местоимениям, поэтому неверно утверждать, что предметные местоимения *корэ*, *сорэ* и *арэ* переносно употребляются как личные. Данные три слова исторически с самого начала употреблялись как в отношении предметов, так и в отношении лиц. В результате в настоящее время для обозначения лица в этих словах вовсе не обязателен переход из одной категории в другую. Местоимения предметные, места и направления должны быть отнесены к третьему лицу личных местоимений»[6]. Этот вопрос действительно заслуживает внимания, однако в настоящей работе мы пока отдали предпочтение традиционной точке зрения.

VI. ВОЗВРАТНО-УКАЗАТЕЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕНИЯ

Кроме перечисленных местоимений — личных, предметных, места и направления — существуют и так называемые возвратно-указательные (хансися сиси даймэйси 反射指示代名詞), или возвратные (хансē-даймэйси 反稱代名詞) местоимения [6]. Эти местоимения указывают на самый предмет как таковой вне связи с волей указывающего. Иначе говоря, они указывают исключительно на самый предмет, независимо от взаимоотношений указывающего и указуемого. Они употребляются после того, как тайгэн назван, указывая на этот тайгэн как на таковой. Их называют «возвратными», или «отражающими», местоимениями потому, что вторичное указание на указуемый и уже названный предмет напоминает возврат к нему или отражение.

Ё ва ***онорэ****-но тамэ номи-ни гакумон-о насадзу* (п. я.) ‘Я учусь не только для **себя самого**’.

Карэ ва ***онорэ****-но ригай-ни номи кю̄кю̄ тари* (п. я.) ‘Он усерден только, если речь идет о выгоде для **себя самого**’.

Онна ва ***онорэ****-о ёрокобу моно-но тамэ-ни каоцўкури су* (Макура-но сōси) ‘Женщина занимается своим лицом ради того, кто **ею** любуется’.

В приведенных примерах *ё* ‘я’, *карэ* ‘он’, *онна* ‘женщина’ сами по себе уже указывают на определенное лицо, а *онорэ* ‘сам’, следующее за этими словами, вторично указывает на них же. Однако это указание не зависит от того, о каком лице идет речь. Идет ли речь о первом, втором или третьем лице — безразлично, —

возвратное местоимение вторично указывает на сам предмет В письменном языке имеется только одно возвратно-указательное местоимение — *онорэ*.

Яма-но суму сйка ва ***онорэ*** *накйтэ...* (Гōсэнсю̄) 'Олень, живущий в горах, ***он*** стонет...'

В этом примере *онорэ* вовсе не представляет собой наречия, поскольку *онорэ* нижеследующего примера является наречием со значением «самостоятельно», «сам», «один». Это *онорэ* превратилось в наречие, так как оно по значению схоже с *мидзукара*, *о котором пойдет речь ниже.*

Мацу-но ки-но ***онорэ*** *окикаэритэ...* (Гэндзи-моногатари) 'Сосновое дерево само выпрямляется...'

Здесь к *онорэ* ближе всего слово *мидзукара* 'сам'. По происхождению это иное слово, но, как и *онорэ* в приведенном примере, оно является наречием. *Мидзукара* образовалось в результате присоединения суффикса *дзукара*, имеющего значение спонтанного и независимого возникновения или действия, к слову *ми* 'тело'. *Мидзукара* по образованию однотипно со словами *кокородзукара* 'по собственному побуждению', *асидзукара* 'собственными ногами', *тэдзукара* 'собственноручно', *кутидзукара* 'собственными устами', *онодзукара* 'сам'.

Возвратно-указательное *онорэ* вторично указывает на предшествующий тайгэн, в то время как *мидзукара* определяет последующий ёгэн, из чего ясно различие между этими словами. Возвратно-указательное местоимение *онорэ* в качестве местоимения первого лица употребляется в переносном значении. Следует отметить, что *онорэ* восходит к *оно*, к которому присоединилось *рэ*. Поэтому уже в первоначальной форме *оно* заключена возможность возвратно-указательного и переносно-личного употребления. Это подтверждается на следующем примере:

оно*-га кокоро-ни канаэри* (п. я.) 'приходится по́ сердцу (его, ее)'.

Исконным возвратно-указательным местоимением письменного языка является только *онорэ*, однако в этом же значении употребляются: личное местоимение *варэ* 'я', существительное *дзикō* и *дзисин* 'сам'.

Ватакӯси ва ***дзибун****-но тамэ бакари гакумон-о сйтэ ва оримасэн* 'Я отнюдь не занимаюсь только ради **себя**'.

Сёкун ва ***дзисин****-но сюё-о дайити-но итиги то сэдзарубэкарадзу* (п. я.) 'Вы должны в первую очередь заняться воспитанием **самих себя**'.

Карэ ва ***варэ****-о кокоромидзу кокудзи-ни хансō-сэри* (п. я.) 'Он, не думая о **себе**, целиком отдался государственным делам'.

Хйто ва танин-о ицуварутомо ***дзикō****-о ицувару атавадзу* (п. я.). 'Человек способен обмануть другого человека, но он не способен обмануть **самого себя**'.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

ПРИМЕЧАНИЯ АВТОРА

[1] Ямада, I, стр. 66—67.
[2] Саэки, Относительно японского чтения иероглифа 已 в Манъёсю (I).
[3] Относительно *фукўтайси* см. Мацусита, III; о *рэнси* см. Юдзава, О забытых частях речи (V), а также III, ч. I, стр. 48 и I, стр. 51 — 56, 67 — 68. Из более старых работ о прииенных словах см. Цуруда, Грамматика японского разговорного языка (II). Недавно Хасимото применил термин «подлинные прииенные» (сэйфукутайси 正副體詞); см. Хасимото, II.
[4] Оцуки, II, стр. 26.
[5] См. Ямада, I; Юдзава, I.
[6] Юдзава, I, стр. 76.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Числительное

I. СУЩНОСТЬ ЧИСЛИТЕЛЬНОГО

Числительные (Сӯси 數詞) в системе тайгэнов относятся к формальным тайгэнам, а среди формальных тайгэнов они представляют собой объективные формальные тайгэны, обозначающие состояние предметов путем выявления их количества или порядка. Числительные не зависят от реального характера самих предметов. Так, слово *мицу* 'три' может обозначать и камни, и мандарины, и звезды, и годы. Причем, между лицом, которое произносит это числительное, и самими предметами не существует никакой связи. Например, если мы имеем «три» мандарина, то от того, кто их будет считать — А или Б — общее количество «три» не изменится. Таким образом, называя имена числительные формальными тайгэнами и выделяя их среди формальных тайгэнов в группу объективных формальных тайгэнов, мы одновременно подчеркиваем их отличие и от существительных и от местоимений.

Числительное — это слово, которым измеряют количество и отсчитывают порядок предметов. Измерение количества и отсчитывание по порядку — это действие динамическое. Если мы расположим друг за другом стол, книгу, кисточку, бумагу и будем произносить по порядку: стол, книга, кисточка, бумага, то мы будем иметь всего лишь простое перечисление различных существительных: никакого грамматического значения в этом нет. Но если мы, поставив в ряд несколько человек, будем считать по порядку: *хйтори* 'один человек', *фӯтари* 'два человека', *саннин* 'три человека', *енин* 'четыре человека', то в этом проявится динамическое значение подсчета числа человек. Если считать, что числительное выражает лишь наименование количества или порядка, то его можно включить в разряд существительных; однако числительное занимает место особой части речи в разряде тайгэнов именно потому, что характеризуется динамичностью процесса измерения и счета. В этом смысле числительные сходны с местоимениями, которые характеризуются способностью указывать на предмет.

Особенностью числительных является способность измерять и считать. Многие ученые, начиная с Оцуки Фумихико, включают числительные в систему существительных: «Числительное —

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

это слово, которое обозначает число; по характеру и по значению оно отличается от существительного, однако по способу своего употребления и месту в предложении оно сходно с существительным, поэтому мы и включаем его в систему существительных»[1]. Однако, исходя из того, что числительные, помимо вышеуказанных свойств объективно-формального характера и динамического значения, отличаются также и по способу употребления, в данной работе мы выделяем их в особую часть речи.

Числительные — знаменательные слова; они неизменяемы, чем сходны с другими тайгэнами. Числительные, помимо вышеуказанной особенности — обозначать измерение и счет,— обладают еще одной особенностью, которая состоит в наличии порядкового соотношения между всеми словами, входящими в данную часть речи. Пять примыкает к шести, шесть — к семи; нарушить такую непрерывность невозможно. В этом смысле, пожалуй, нет другой части речи, где так твердо сохранялось бы порядковое соотношение между словами.

По значению и функции числительные письменного языка ничем не отличаются от числительных разговорного языка. Они также почти ничем не отличаются и по форме. Некоторые различия наблюдаются только в произношении.

II. СПОСОБЫ УПОТРЕБЛЕНИЯ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ

Числительные имеют следующее употребление.

1. Они употребляются для обозначения счета, измерения количества или отсчета по порядку:

Асагао-но хана сакину. Ити, ни, сан, си, го,— ицуцу сакину. (п. я.) 'Расцвели вьюны. Один, два, три, четыре, пять,— расцвело пять'.

Карэ-но ути ва кадо-ёри иккэммэ, никэммэ, санкэммэ, табун санкэммэ нарубэси (п. я.) 'Его дом от угла первый, второй, третий... должно быть, третий'.

Итипэдзи нипэдзи, санпэдзи, ёмпэдзи, гопэдзи, рокупэдзи, мада ситипэдзи нокоттэ иру 'Одна страница, две страницы, три страницы, четыре страницы, пять страниц, шесть страниц; осталось еще семь страниц'.

Этот способ употребления числительных отличается от следующего тем, что он лишь обозначает число. И, таким образом, приведенные выше *ити, ни, сан, си, го* 'один, два, три, четыре, пять' и *иккэммэ, никэммэ, санкэммэ* 'первый дом, второй дом, третий дом' и др. вместе со следующими за ними: *ицуцу* 'пять' и *санкэммэ* 'третий дом' следует считать словами, стоящими в одинаковой позиции, а среди членов предложения относить к независимому слову.

2. Для обозначения количества и порядка:

Ити, сан, го ва кису-ни сйтэ, ни, ен, року ва гӯсу нари (п. я.) 'Один, три, пять относятся к нечетным числам, два, четыре, шесть— к четным'.

Сйти-ни хати-о куваурэба дзю̄го-то нари (п. я.) 'Если к семи прибавить восемь, то получится пятнадцать'.

Ватакӯси ва оя ***фӯтари-ни нагай кӯрō-ō какэтэ кита.*** 'Я обоим родителям доставил много забот'.

Соно ***мицумэ-о кау кото-ни симасӯ.*** 'Куплю вот этот третий'.

Во всех вышеперечисленных примерах числительные употребляются так же, как существительные, т. е. они выступают в роли подлежащего, слова-объекта [1] (или наречного определения), или сказуемого, или дополнения.

3. В функции адъективного определения:

Карасаки-но ***хйтоцӯмацу*** *ё-но амэ-ни на-о этари* (п. я.) 'Сосна-одиночка на Карасаки получила славу из-за ночных дождей'.

Инисиэ-но ***нана-но*** *сакасйки хйтодомо мо хорисэси моно ва сакэ-ни арураси* («Манъёсю», 340) 'То, чего жаждали даже семь древних мудрецов,— это было вино'.

Мицумэкодзо 'чертёнок'.

Ёцумэгири 'четырехгранное сверло'.

Соно ***санбаммэ-но*** *сина-о мисэтэ кудасай* 'Покажите мне вот эту третью штуку'.

Как видно из всех примеров, способность выступать в роли адъективного определения, принимая падежное служебное слово (или не принимая его), свойственна всем тайгэнам, так что по этому признаку установить различие между существительным и числительным нельзя.

4. В роли наречного определения:

Варэ-ни кёдай ва ***фӯтари*** *ари* (п. я.) 'У меня есть два брата'.

Табиходо-о ***микка*** *дзōка-ситари* (п. я.) 'Срок путешествия увеличили на три дня'.

Канэ-о дзю̄эн фунсицу-сйта. 'Потерял десять иен денег'.

Сёмоцу ва ***госацу*** *нокоттэ иру* 'Книг осталось пять'.

Здесь *фӯтари* 'двое', *микка* 'три дня', *дзю̄эн* 'десять иен', *госацу* 'пять штук' выступают в роли наречного определения, определяя следующий за ними ёгэн. Поскольку во всех вышеперечисленных предложениях числительные *фӯтари, микка, дзю̄эн, госацу* обязательно следуют после служебных слов *ва* или *о*, опасности смешать их с другими членами предложения не существует. Трудно определить, являются ли или не являются числительные наречным определением в таких случаях, когда после них нет никакого вспомогательного слова, например:

Умэ-но ки ***иппон*** *ари* (п. я.) 'Есть одно дерево сливы'.

Кайдзё-ни фунэ ***госэки*** *укабэри* (п. я.) 'В море плавают пять лодок'.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Здесь трудно определить, чем являются *иппон* 'одно' или *госэки* 'пять' по отношению к *ари* 'есть' и *укабэри* 'плавает',— подлежащим или наречным определением. Это выявляется только в разговорной речи (поскольку в разговорном языке вспомогательное слово после подлежащего опускается крайне редко).

А. *Ӯмэ-но ки-га* ***иппон*** *ару* 'Есть **одно** дерево сливы'.

Б. Ӯмэ-но ки ***иппон***-*га ару* (то же).

А. *Кайдзӗ-ни фунэ-га* ***госэки*** *укандэ иру* 'На море плавает **пять** лодок'.

Б. *Кайдзӗ-ни фунэ* ***госэки***-*га укандэ иру* (то же).

А — естественный способ выражения, Б — неестественный; другими словами, *иппон*, *госэки* следует рассматривать не как подлежащее, а как наречное определение. То же можно сказать и о следующих примерах:

Дзӧ ва карада дайнари (п. я.) 'У слона тело велико'.

Кӗдайва ***саннин*** *ари* (п. я.) 'Братьев есть **трое**'.

В этих предложениях слова *карада* 'тело', *саннин* 'трое' обычно принимают за подлежащее по отношению к словам: *дайнари* 'велико' и *ари* 'есть'. В стиле разговорного языка это звучит так:

Дзӧ ва карада-га окий 'У_ слона тело большое'.

Кӗдай ва саннин ару (*кедай ва саннин-га ару* — не говорят) 'Братьев есть трое'.

Совершенно очевидно, что в первом случае слово ***карада*** по отношению к сказуемому *окий* выполняет роль подлежащего, во втором же случае *саннин* по отношению к сказуемому *ару* выступает как наречное определение.

Д-р Ямада рассматривает как различные случаи такие предложения, как:

Кӗдай ***гонин*** *минна дзэнрӗ нари* (п. я.) 'Все **пять** братьев — хорошие люди'.

Урииэ ***гокэн*** *аритэ корэ-о каваму то суру хйто* ***гонин*** *ари* (п. я.) 'Всего в продаже **пять** домов, и желающих их купить **пять** человек'.

Ӯмэ-но ки ***иппон*** *ари* (п. я.) 'Сливовых деревьев есть **одно**'[2].

Однако я считаю, что *гонин*, *гокэн* нужно рассматривать как наречные определения. Следовательно, мы не можем согласиться с мнением этого ученого, рассматривающего *гокэн*, *гонин* в вышеприведенных предложениях подобно *самбики* 'три', *гова* 'пять' в предложении *Кицунэ* ***самбики*** *то кидзи* ***гова*** *то-о этари* (п. я.) 'Я подстрелил **трех** лисиц и **пять** фазанов' и утверждающего что «числительное и существительное образуют одну группу и по отношению к другим словам выступают как одно слово». Поскольку слова *самбики* и *гова* имеют после себя служебное слово *о*, они, без сомнения, представляют собой так называемое слово-объект. Следовательно, они параллельны словам *кицунэ* 'лисицы',

кидзи 'фазаны', являющимся словом-объектом, и образуют так называемое соположение слов-объектов.

Этот способ употребления числительных как наречных определений присущ всем числительным без исключения и составляет их функциональную особенность, которая и отличает числительные от существительных. Правда, существительные в отдельных случаях могут употребляться в этой же функции. И безусловно, нередки случаи, когда существительные, имея после себя служебное слово, употребляются как наречные определения, например:

Ё ва мёнити *кими-о хōмон-сэн* (п. я.) 'Я **завтра** к тебе не зайду'.

Сайвай *мēнити ва нитиёби ари* (п. я.) 'К **счастью**, завтра воскресенье'.

Мукаси *отоко арикэри* (Исэ-моногатари) 'Был **в древности** мужчина'.

В этих предложениях *мēнити, сайвай, мукаси* по происхождению представляют собой существительные. В вышеприведенных примерах они все употреблены как наречные определения. Однако употребление существительных как наречных определений присуще далеко не всем существительным; оно ограничивается лишь существительными, обозначающими временные понятия, и некоторыми другими особыми словами. Следовательно, такое употребление должно рассматриваться не как одна из функций существительных, а как переход их в другую часть речи. Так, слова *мēнити, сайвай, мукаси* и т. п. в рассмотренных нами предложениях представляют собой скорее не существительные, а наречия. Поскольку в разряде существительных лишь некоторые из них выступают как наречные определения, это явление нельзя рассматривать как наречное употребление существительных, а следует считать переходом в наречие. В противоположность этому, числительные именно в силу того, что они являются числительными, могут выступать как наречные определения. Это касается любых числительных, но особенно количественных, поэтому такое явление следует рассматривать не как переход числительного в наречие, а как наречное употребление числительных. (Подобно этому и наречная форма прилагательных не представляет еще собой наречия.) Такое наречное употребление числительных составляет их особенность и позволяет отделить их от существительных и рассматривать как особую часть речи.

Если глубже вдуматься в то обстоятельство, что числительные могут выполнять функцию наречного определения, возникает мысль: не является ли главной особенностью японских числительных их исконная атрибутивность? Считать отдельные предметы — значит перечислять их по порядку и с помощью последнего числа называть общее количество предметов. А порядок не есть внутреннее свойство самих предметов, это скорее определенное состояние, в котором находятся предметы. Словами, обозначающими состоя-

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

ние, являются предикативное прилагательное и наречие. Ввиду того, что состояние мыслилось в тесной связи с самими предметами, эти слова стали считать существительными и стали употреблять их как существительные. Но сущность этих слов скорее, пожалуй, не именного, а атрибутивного порядка. Если признать, что сущность их атрибутивного порядка, то можно согласиться и с тем, что все они имеют наречно-определительное употребление.

III. ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

Когда числительные (чисто японские и заимствованные) употребляются для счета предметов, то в зависимости от рода и характера этих предметов к ним обычно присоединяются другие слова для выражения принадлежности числительных к определенному классу предметов. Эти слова называют «вспомогательными числительными» (дзёсуси 助數詞). Например, в выражениях *иэ гокэн* 'пять домов', *хон сансацу* 'три книги', *хйто нинин* 'два человека', *микан ёмбако* 'четыре ящика мандаринов', *курума рокурē* 'шесть тележек', *катана хйтофури* 'один меч' таковы *кэн*, *сацу*, *нин*, *хако*, *рē*, *фури*. Подобных слов в японском языке очень много. Ту часть, которая выражает только число, в противоположность вспомогательному числительному называют собственно числительным. Вспомогательное числительное и собственно числительное, сочетаясь, образуют одно целое числительное.

В чем сущность вспомогательных числительных? Д-р Ямада считает, что они наряду со словами, служащими для обозначения единиц расстояния, меры веса, стоимости, которые связываются с общим понятием о математическом числе, «фактически представляют собой тайгэны, которые присоединяются для обозначения реальной действительности»[3]. Однако вышеприведенные примеры: *гокэн*, *сансацу*, *нинин*, *ёмбако*, *рокурē*, *хйтофури* — это слова, в целом выражающие значение числа. Следовательно, если ставить вопрос, что же важнее — собственно числительное или вспомогательное числительное, — то безусловно следует считать, что важнее собственно числительное. В японском языке с точки зрения внутренних отношений в сложных словах существуют следующие три типа: отношение параллелизма, отношение единства и отношение подчинения. Параллелизм имеет место в таких словах, как: *киги* 'деревья', *хйтобито* 'люди', *ямакава* 'горы и реки' (встречается в «Манъёсю»). Такие слова не входят в разряд сложных слов, поэтому следует считать, что в сложных словах бывают отношения только двух типов, а именно отношение объединения (равноправное сложение) и отношение подчинения (подчиненное сложение) [2]. Отношением объединения называют такое отношение, которое встречается в словах типа *сандзуй*

(в значении «пейзаж», букв. «горы-воды»), *кокубяку* (в значении «разница», букв. «черное-белое»), *сюнсю̄* (в значении «годы», букв. «весна-осень»), *кусаги* (в значении «растения», букв. «травы-деревья»): здесь два понятия сливаются и образуют новое понятие, поэтому ни одно из них нельзя считать главным или подчиненным по отношению к другому; следовательно, такого рода отношение при исследовании числительных можно исключить. Отношение подчинения имеется в таких словах, как: *ямадзакура* 'горная вишня', *танигава* 'горная река', *кавамидзу* 'речная вода'. В этих словах первая часть слова обязательно зависимая, а вторая — главная. *Ямадзакура* представляет собой разновидность вишни, *танигава* — это река, текущая в горной долине, *кавамидзу* — вода из реки. Это — сложение двух знаменательных слов, но если одно из двух является формальным словом, то, независимо от его места, знаменательное слово является главным, а формальное — подчиненным. А именно, отношение подчинения образуется следующим образом:

А.	Подчиненное		Главное
	Знаменательное слово	+	Знаменательное слово
Б.	Подчиненное		Главное
	Формальное слово	+	Знаменательное слово
В.	Главное		Подчиненное
	Знаменательное слово	+	Формальное слово

Если вспомогательные числительные *кэн*, *сацу*, *хйто*, *хако*, *рё̄*, *фури* и др. считать знаменательными словами, то, поскольку стоящее перед ними основное числительное является знаменательным словом, все слово в целом соответствует типу «А», и, само собой, основное числительное надлежало бы рассматривать как подчиненное, а вспомогательное числительное как главное. Однако, как уже говорилось выше, *гокэн*, *сансацу*, *нинин*, *ёмбако*, *рокурё*, *хйтофури* и т. д. целиком выражают количество, значит *го* 'пять', *сан* 'три', *ё* 'четыре', *року* 'шесть' и т. п. следует рассматривать как основу, как главное. В таком случае эти слова, естественно, следует отнести к типу «В». Следовательно, *кэн*, *сацу*, *нин*, *хако*, *рё*, *фури* следует считать подчиненными частями. Поэтому все эти вспомогательные числительные нужно относить к формальным словам. Грамматические формальные слова делятся на две части речи: на служебные глаголы и служебные слова, а поскольку вспомогательные числительные не относятся ни к одной из этих

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

частей речи, постольку их следует относить к аффиксам (суффиксам), представляющим собой словообразовательные элементы: они не могут употребляться как самостоятельные слова. *Дай* из слов *дайити* 'первый', *дайни* 'второй' и т. п., относящихся к типу «В», следует относить к префиксам. Такие слова, как *дайсантō* 'третий класс', *дайгокю̄* 'пятый разряд', представляют собой результат смешения двух типов — Б и В. В начале и в конце этих слов мы находим аффиксы. Это — тот же способ образования, что и в существительных типа ***окāсама*** 'мама' (почтительно), ***госюдзиндоно*** 'хозяин' (почтительно). Д-р Ямада рассматривает слова *гонин* 'пять человек', *дзю̄гацу* 'октябрь' (букв. 10-й месяц), *дайити* 'первый' так же, как следующие слова:

1) *Дайнихон* (наименование) | *тэйкоку* (качество) 'великая японская империя'
2) *Тайкō* (качество) | *Хидэёси* (наименование) 'Тайко (титул) Хидэёси'
3) *Кага* (наименование) | *кину* (реальность) 'шелк Кага'

а именно так:

Го (числительное) | *нин* (реальность) 'пять человек'
Дзю̄ (числительное) | *гацу* (реальность) 'десятый месяц' ('октябрь')
Дай (реальность) | *ити* (число) 'первый'

В настоящей работе мы не видим разницы между примерами 1-м, 2-м и 3-м, но, как ясно из вышеизложенного, мы не можем рассматривать их так же, как слова типа *гонин*, *дзю̄гацу*, *дайити*. Следовательно, и такие слова, как *эн* 'иена', *коку* (мера объема), *кин* 'фунт', *сяку* (мера длины), *ри* (мера длины), *мэтору* 'метр', являющиеся существительными по происхождению, так же, как и в предыдущих случаях, когда они употребляются при числительных, рассматриваются как суффиксы, а не как существительные. Это один из многочисленных примеров того, как при словосложении слова теряют свою первоначальную грамматическую категорию.

Далее, числительные *хйтоцу* 'один', *фӯтацу* 'два', *мицу* 'три' и т. д., присоединяя к себе вспомогательные числительные, утрачивают *цу*, образуя слова: *хйтори* 'один' (о человеке), *фӯтакасанэ* 'два' (об одежде), *мимунэ* 'три' (о домах) и др. (Раньше это *цу* представляло собой вспомогательное числительное, однако в современном японском языке числительные, как правило, имеют это *цу* в своем составе.) Таким образом существительные, образуя сложные слова, сохраняют свою форму, в то время как числитель-

ные иногда теряют свои окончания. Следовательно, и в способе образования сложных слов между существительными и числительными имеется различие.

Термин *дзёсӯси* (助數詞) — вспомогательное числительное — позволяет принимать их за отдельную часть речи, поскольку слово *си* употребляется в значении знаменательного слова. Поэтому данный термин кажется нам неподходящим; их скорее следовало бы назвать *дзёсӯдзи* (助數辭) — вспомогательные числительные частицы [3], но в настоящей работе в значении суффикса при числительном мы приняли старое наименование.

Имеется много разновидностей вспомогательных числительных; ниже мы приводим некоторые из них:

1. Чисто японские вспомогательные числительные

1) Обозначающие единицу измерения:

тоси (для счета лет), *цӯки* (для счета месяцев), *хи*, *ка* (для счета дней), *цубо* (мера поверхности), *моммэ* (мера веса), *мэ* 'деление на шкало' *вари* '10%';

2) Не обозначающие единицу измерения:

аси (для счета флагов, знамен), *кабу* (для счета деревьев), *ката* (для счета людей), *кути* (для счета «глотков» [букв. *кути* — 'рот'], а также партий товара), *куми* (для счета комплектов, наборов), *коси* (для счета предметов), *сао* (для счета: а) флагов, б) комодов и сундуков), *судзи* (для счета тонких длинных предметов — линий, улиц, лучей), *тари* (для счета людей), *таби* (для счета «сколько раз»), *таба* (для счета связок снопов, пачек), *цуцуми* (для счета свертков, узлов, пакетов), *тӧри* (для счета комплектов), *нагарэ* (для счета рек, речек), *хасира* (для счета синтоистских богов), *ха* (для счета птиц), *хако* (для счета ящиков с чем-либо), *э* (для счета «во сколько раз сложено»), *мунэ* (для счета построек), *хари* (для счета: а) фонарей, б) луков), *мавари* (для счета, а) обходов, поворотов, б) «семидневок», «двенадцатидневок»), *мото* (для счета стволов), *я* (для счета стрел); *мэ* (присоединяется к порядковым числительным).

2. Заимствованные вспомогательные числительные

1) Обозначающие единицу измерения:

нэн (для счета годов), *гацу* (для счета месяцев), *нити* (для счета дней) и т. д.; *эн* 'иена' и т. п.; *коку* (мера ёмкости), *ри* (мера длины), *тӗ* (мера поверхности) и т. д.; *мэтору* 'метр', *риттору* 'литр', *дӓсу* 'дюжина', *нотто* 'морской узел' и т. п.

Присоединяются к количественным числительным.

2) Не обозначающие единиц измерения [4]:

кай 階 (для счета этажей), *кай* 回 (для счета «сколько раз»), *кяку* 脚 (для счета мебели на ножках — стульев и т. п.), *кэн* 軒 (для счета построек), *сӧ* 隻 и *сэки* 艘 (для счета судов), *сацу* 冊

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

(для счета книг), *соку* 足 (для счета обуви и чулок), *дан* 段 (для счета ступеней), *тё* 挺 (для счета винтовок), *цӯ* 通 (для счета документов и писем), *нин* 人 (для счета людей), *би* 尾 (для счета рыб), *хйки* 匹 (для счета животных), *хйки* 疋 (для счета штук материи), *фуку* 幅 (для счета свитков, свертывающихся картин — какэмоно), *хон* 本 (для счета предметов цилиндрической формы, например пальцев, карандашей, труб), *май* 枚 (для счета плоских предметов, например листов бумаги, тарелок) и др. Все они присоединяются к количественным числительным.

го 號 'номер', *кю̄* 級 'класс, разряд', *сэки* 席 'место', *дай* 第 'порядок, последовательность', *дзё̄* 條 'статья', *то̄* 等 'разряд, класс', *бан* 番 'номер', *и* 位 'степень, ранг' — присоединяются к порядковым числительным.

Кроме того, *ё* 餘 'с лишним', *амари* (то же), употребляющиеся для обозначения приблизительного количества, мы рассматриваем наравне с вспомогательными числительными, например: *сэнъэн-но канэ* 'денег тысяча с лишним иен', *дзюри-амари-но мити* — 'более 10 миль пути', *годзюнин-амари-но дзинсӯ* 'более 50 человек'.

Так же рассматриваются *бун*, *вари* и *хан*, входящие в дробные числа: *гобун-но сан* 'три пятых', *годзихан* 'пять с половиной часов', *ханри* 'полмили'; *муцӣцухан* 'шесть с половиной'.

Существует определенное правило, согласно которому чисто японские вспомогательные числительные присоединяются к японским же собственно числительным, а заимствованные (китайского и европейского происхождения) — к заимствованным.

хйтохако 'один' (о ящиках чего-либо), *футацуцуми* 'два' (о свертках), *иссэки* 'одно' (о судне), *нисацу* 'две' (о книгах), *ицуцӯки* 'пять месяцев', *гокай* 'пять раз', *итимайру* 'одна миля', *санриттору* 'три литра'.

IV. КЛАССИФИКАЦИЯ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ

Существуют два разряда числительных: исчисляющие количество и отсчитывающие порядок. Первые называют количественными (Cardinal numbers or cardinals), вторые — порядковыми числительными (Ordinal numbers or ordinals). В каждом из этих разрядов имеются числительные чисто японские и заимствованные и, таким образом, мы получаем четыре разряда имен числительных. С точки зрения грамматической пояснять это разделение нет никакой необходимости, однако мы решили сделать дополнение, чтобы уточнить понимание этой части речи.

1. Чисто японские количественные числительные

Хито 'один', *фута* 'два', *ми* 'три', *ё* 'четыре', *ицу* 'пять', *му* 'шесть', *нана* 'семь', *я* 'восемь', *коконо* 'девять', *то* 'десять',

хата двадцать', *мисо* 'тридцать', *есо* 'сорок', *исо* 'пятьдесят', *мусо* 'шестьдесят', *нанасо* 'семьдесят', *ясо* 'восемьдесят', *кокоиосо* 'девяносто', *момо* 'сто', *ти* 'тысяча', *ёро* 'десять тысяч'.

С присоединением *цу* или *ти* из этих слов получается: *хйтоцу*, *фўтацу*, *мицу*, *ёцу*, *ицуцу*, *муцу*, *нанацу*, *яцу*, *кокоиоцу*, *хатати*; *мисодзи*, *ёсодзи*, *ясодзи*, *кокоиосодзи*, *ёродзу* [5]. *Ти* и *цу* — это своего рода суффиксы. Первоначально числительные употреблялись без этих суффиксов, например: ***момо*** *тидори* '**сто** зуйков', *инисиэ-но* ***нана-но*** *касйкоки хйто* '**семь** древних мудрецов'. В современном языке числительные без суффиксов употребляются только при отвлеченном счете и при соединении с другими словами (вспомогательными числительными), например: ***хитомунэ*** 'одна' (о постройке), ***мисудзи*** 'три' (например, о линиях), ***мукабу*** 'шесть' (о деревьях), ***нанама*** 'семь' (о комнатах), ***кокоиоцўки*** 'девять месяцев'; ***мицу***го 'тройня', ***ёцуаси*** 'четвероногое', ***яцумэунаги*** 'минога' (букв. 'восьмиглазый угорь').

В современном языке с помощью суффиксов *цу* и *ти* образуются количественные числительные. Некоторые грамматисты рассматривают *цу* в словах *хйтоцу* 'один', *фўтацу* 'два' и т. д. даже не как суффикс, а как окончание. Согласно этой точке зрения, аффиксом является такая часть слова, отбрасывание которой не препятствует употреблению оставшейся части в качестве самостоятельного слова. Поскольку оставшаяся часть слова при отбрасывании этого *цу* в современном языке самостоятельно не употребляется, ее следует назвать окончанием, а не аффиксом. Эта точка зрения не лишена оснований.

Счет производится по десятичной системе, т. е. разрядной единицей счета служит десять. Десятичная система счета принята во многих языках; по данным антропологов, любой народ сначала вел счет при помощи пальцев рук. Гренландские (Greenland) эскимосы (Eskimo) понятие «двадцать» выражали словом «один человек», понятие «сто»— словами «пять человек», поскольку у человека на руках и ногах вместе двадцать пальцев.

Огю Сорай считает, что числительные, расположенные справа (см. таблицу, приведенную ниже), являются результатом изменения числительных левого столбца.

фйтоцу 'один' [6]	—	*фўтацу* 'два'
мицу 'три'	—	*муцу* 'шесть'
ёцу 'четыре'	—	*яцу* 'восемь'

Огю Сорай пишет: «*Фўтацу* получилось в результате изменения звучания *фйтацу*. *Муцу* получилось в результате изменения *мицу*. *Яцу* — это измененное *ёцу*. *Ицуцу* и *нанацу* есть *ицурэ нани*. В *кокоиоцу* представлено то самое *коко*, которое встречается в словах *кокора* и *кокотаку*. *Тō* — результат изменения *цудзу* (древнее

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

«десять»). А *цудзу* — то же, что в глаголе *цудзумэру* — подсчитывать»[4]. Здесь имеется в виду двукратная система исчисления.

В «Грамматике японского языка» Чемберлена также указывается на связь двух рядов чисел:

hitotsu	hatatsu
mitsu	mutsu
yotsu	yatsu
itsutsu	towo (tō)

Таким образом, все числа, за исключением семи и девяти, находятся в подобном двукратном соотношении, причем это двукратное соотношение проявляется в изменении гласного звука. Эта проблема требует дальнейшего изучения.

Имеется множество примеров того, как смысловое различие близких по значению слов: ani 'брат', ane 'сестра', kono 'этот', kano 'тот', kuhasi 'красивый', kohisi 'милый', norosi 'тупой', nurusi 'тепловатый', simu 'проникать', somu 'окрашивать' (ткань)— проявляется в изменении гласного звука. Таким образом, вероятно, при более глубоком изучении из этого наблюдения можно будет вывести какую-то общую закономерность. При сравнении не находящихся в двукратном соотношении чисел nanatu 'семь' и kokonotu 'девять' бросается в глаза, что эти два слова отличаются одно от другого своими гласными, но сходны тем, что в каждом из них гласный повторяется. Возможно, это тоже говорит о каком-то особом явлении. Подобные разыскания лежат вне сферы грамматики [5].

Рассмотрим способ счета от 10 до 20 у чисто японских количественных числительных.

Тō амари хйтоцу 'одиннадцать' (букв. 'десять и еще один'), *тō амари футацу* 'двенадцать' и т. д., *тō амари коконоцу* 'девятнадцать', *хатати* 'двадцать'. Таким образом идет счет и после 20: *хатати амари хйтоцу* 'двадцать один' и т. д., *мисōдзи* 'тридцать'.

Такой способ исчисления напоминает китайское *шиюсань* (букв. «десять имеется три»), немецкое ein und zwanzig (букв. «один и двадцать»), английское one hundred and thirty two (букв. «одно сто и тридцать два»). Слова *хатати* 'двадцать', *ёсōдзи* 'сорок' в современном языке воспринимаются как обозначение возраста, однако на самом деле это не так. Такие слова, как *хацйка* '20-е число', *мисōка* '30-е число' и др., образованы путем отбрасывания *ти* в словах *хатати и мисōдзи*.

Чисто японских числительных для счета свыше десяти не хватало, это ясно из того, что счет производили с помощью повторения существительных: «11-е число» *тōка амари хйтохи* (букв. «десять дней и еще один день»), «11 лет» *тотосэ амари хитотосэ* (букв «десять лет и один год»). В диалекте Мияко даже в настоящее время 25-е число месяца называют tuka ituka.

2. Чисто японские порядковые числительные

Они образуются путем присоединения других слов — вспомогательных числительных, выражающих порядок,— к японским количественным числительным: *хйтоцумэ* 'первый', *футацумэ* 'второй' и т. д., *коконоцумэ* 'девятый'.

3. Заимствованные числительные

Хотя их и называют заимствованными, все они представляют собой количественные числительные китайского происхождения — канго [7]. Иероглифы, применяемые для их записи, разумеется, читаются по óну. *Ити* — 1, *ни* — 2, *сан* — 3, *си* — 4, *го* — 5, *року* — 6, *сити* — 7, *хати* — 8, *ку* — 9, *дзю̄* — 10, *дзю̄ити* — 11, ... *нидзю* — 20, *сандзю̄* — 30, *ендзю* — 40, ... *хяку* — 100, *сэн* — 1000, *ман* — 10 000, *оку* — 100 млн., *тё̄* — миллиард.

Счет до десяти производится при помощи японских числительных, а свыше десяти обычно считают, пользуясь китайскими числительными. Хотя не говорят *итихяку* 'одна сотня', *иссэн* 'одна тысяча', но непременно говорят *итиман* и *итиоку*, а не просто *ман* 'десять тысяч' и *оку* '100 млн.'

Чтобы *си* 'четыре' не было понято как *си* 'смерть', говорят *ё* или *ен*, но в употреблении этих слов имеются некоторые особенности, в зависимости от того, с какими иными словами они сочетаются. (Однако изучение их не входит в задачу грамматики.)

А. Употребляется *ё*.

дзюёнэн 'четырнадцать лет'; *нидзю̄ёэн* 'двадцать четыре иены'; *ёдзё̄хан* 'четыре с половиной дзё' (мера измерения жилой площади); *ёнин* 'четыре человека'; *ёри* 'четыре ри'.

Б. Употребляется *си* или *ен*.

сисэки, ёнсэки 'четыре' (о судах); *сйкэн, ёнкэн* 'четыре' (о постройках); *сйкай, ёнкай* 'четыре раза'; *сйсацу, ёнсацу* 'четыре' (о книгах); *сйки* 'четыре времени года'.

В. Употребляется *си* или *ё*.

дзю̄сиге̄, дзю̄ёге̄ 'четырнадцать' (столбцов); *ёдзю̄ёмай, ёдзю̄симай* 'сорок четыре' (о плоских предметах).

Для полной ясности *сити* 'семь' заменяют на *нана*, а *ку* 'девять' — на *кю̄*. Произношение *хати* 'восемь' как *ха* объясняется фонетическим изменением. *Сампа нидзюэн* 'трижды восемь — двадцать четыре', *сиха сандзю̄ни* 'четырежды восемь — тридцать два' и т. п.— все это вызвано исключительно удобством произношения. Вместо *ни* 'два' иногда употребляют *рё̄* 兩 или *со̄* 雙, которые могут быть приравнены к числительным [8], например: *рё̄син* 'родители' (букв. «оба родителя»); *рё̄хо̄* 'обе стороны'; *рё̄саннин* 'два-три человека'.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Сохо̄ 'обе стороны'; *со̄ган...* 'бинокулярный'... (букв. 'оба глаза').

4. Заимствованные порядковые числительные

Так же, как чисто японские, они образуются присоединением к количественному числительному других слов (вспомогательных числительных), например: *дайити* 'первый', *ембан* 'четвертый номер', *гокю* 'пятый класс'; *дайситйсэки* 'седьмое место'.

V. ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

1. Совпадающие по форме количественные и порядковые числительные

Иногда количественные числительные и порядковые числительные употребляются в одной и той же форме:

Хйтоцу, фўтацу, мицу, *мицу атта* 'Один, два, три — их было три'.

Хйтоцу*-ни ва куни-но тамэ,* ***фўтацу****-ни ва ми-но тамэ* 'Во-первых, ради отечества, во-вторых, ради себя'.

Ити *то* ***ни*** *то авасэтэ сан* 'Один и два —три'; ***ити****-но я* 'первая стрела'; ***ни****-но дзэн* 'второе блюдо'.

Саннэн *какаттэ сэйко̄-сита* 'За три года [я] преуспел' (лишь во избежание ошибки говорят ***санканэн***). *Сёва* ***санпэн*** '3-й год Сёва'.

Арэ-кара судэни ***сангэцу то саннити татта*** 'С тех пор прошло уже три месяца и три дня'; ***Сангацу саннити ва госэку*** 'Третьего марта (букв. «третьего дня третьего месяца») — праздник Госэку'.

Как уже указывалось, источником возникновения числительных был отсчет по порядку, в результате которого явилась возможность исчислять количество. Не отсчитав порядок, невозможно подсчитать количество. Поэтому естественно, что количественные числительные употребляются в той же форме, что и порядковые.

2. Неопределенные числительные

Для выражения неопределенности, как в количественном, так и порядковом отношении, употребляются слова: *икуцу* 'сколько', *икура* (то же), *икусо* 'сколько, сколько десятков', *икуцўмэ* 'который (по счету)', *ика* 'сколько', 'который', *дзяккан* 'несколько'. Кроме того, в сочетании с другими словами употребляются *ику* 'сколько' и *нан* (то же). Д-р Ямада называет эту категорию «неопределенным количеством».

Икухяку '[не]сколько сотен', *икутаби* '[не]сколько раз', *икунин* '[не]сколько человек', *нанъэн* '[не]сколько иен', *икубан* 'который[-то] по счету', *дайнанъи* 'которая[-то] степень'.

Неопределенность означает, что количество не определилось или не ясно. *Сӯ* в словах *сӯсэки* 'несколько' (о судах), *сӯнэн* 'несколько лет', *сӯдзю̄бай* 'в несколько десятков раз' мы также приравниваем к неопределенным числительным.

3. Числительные, обозначающие неопределенно большое количество

Слова *мина* 'все', *котоготоку* 'все', *сӯкоси* 'немного', *амата* 'множество', *кокодаку* 'много', *мороморо* 'множество', *о̄ката* 'большинство' д-р Ямада отнес к числительным, обозначающим определенное количество [6]. В качестве иллюстрации он приводит следующие примеры:

***Котоготоку**-но хйто* 'все люди', ***сӯкоси**-но моно* '**немного** чего-либо', ***о̄ката**-но хйто* '**большинство** людей', ***мина**хйто* '**все** (люди)', ***мороморо**-ни масаритэ* (п. я.) 'превзойдя **всех**', ***сокора**-ни сугуритэ* (п. я.) 'превзойдя **многих**'.

*Него-кои **амата** сабураи* (Гэндзи-моногатари) 'Служило **много** фрейлин и статс-дам'.

*Хйто-но арисама-о **амата** миавасэн-но кономи наранэдо...* (Гэндзи-моногатари) 'Хотя он не любил особенно **много** сравнивать людей...'

*Вага томо ва **мина** гакӯсэй нари* (п. я.) 'Мои друзья — **все** студенты'.

*Синдзоку ва **котоготоку** ацумарэри* (п. я.) 'Родственники собрались все'.

*Ками-о **сӯкоси** касйтамаэ* 'Одолжи **немного** бумаги'.

Все эти слова легко могут быть отождествлены с наречиями, но, как указывалось во втором параграфе данной главы, где рассматривался вопрос об употреблении числительных, их следует относить к числительным, как это и делает д-р Ямада. Смешение с наречием объясняется тем, что числительные употребляются наречно-определительно. (Относительно этого имеются еще спорные вопросы.)

Кроме того, есть случаи, когда неопределенное количество выражается при помощи соединения двух числительных, например: *нисаннэн* 'два-три года', *итире̄нэн* 'год-два', *горокудзю̄эн* 'пятьдесят-шестьдесят иен', *дзю̄саньёнсай* 'лет тринадцать-четырнадцать'.

Однако в нижеприведенных примерах дается ясное указание на события, имевшие место в течение двух лет, поэтому они не выражают неопределенность.

Мэйдзи сандзю̄ситйхатинэн сэнъяку 'Кампания 37—38 годов Мэйдзи'

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Сэнкухяку сандзю горокунэн-но кики 'Кризис 1935—1936 годов'.

4. Вежливые числительные

Для того чтобы придать характер вежливости числительным, к ним, так же как и к существительным, присоединяются префиксы и суффиксы.

о-хйтоцу 'один', *о-дзю̄го* 'пятнадцать', *о-хйтори* 'вы (он) один', *о-футарисан* 'вы (они) вдвоем'; *го-итининмаэ* 'на вас одного' (например о порции).

о-икўцу 'сколько'; *о-икутари* 'сколько человек?'

Как бы мы ни стремились выражаться вежливо, но если это не вяжется с духом языка, насильственно это не делается: *о дзю̄итинин* 'одиннадцать человек', *о-нидзю̄нин* 'двадцать человек' и т. п. не говорят, поэтому употребление вежливой формы числительных весьма ограниченно.

5. Существительные, содержащие в себе числительные

Слова типа нижеследующих представляют собой существительные, образованные из числительного и существительного, т. е. в целом они не являются числительными.

Мицумэкодзо 'чертенок', ***мицўмэгири*** 'трехгранное сверло', ***яцўмэунаги*** 'минога', ***санкакукэй*** 'треугольник', ***сихэнкэй*** 'четырехугольник', ***ниноудэ*** 'предплечье', ***ёцўцудзи*** 'перекресток', ***нанагуса*** 'семь трав', ***сэнриган*** 'ясновидение'.

Итйгацу 'январь' (букв. «первый месяц»), ***нигацу*** 'февраль' (букв. «второй месяц») и т. д., разумеется, числительные, но *муцўки* (название первого месяца по лунному календарю), *кисараги* (название второго месяца по лунному календарю) и т. д. являются наименованиями месяцев и потому существительными, а не числительными.

Слово *мисо̄ка*, обозначающее конец месяца, образовано из корней *ми* 'три', *со̄* 'десять' и *ка* 'день'; но поскольку теперь оно стало особым названием последнего дня месяца, то оно тоже является существительным, а не числительным, так же как и название первого дня месяца *цуйтати*.

Слова *таро̄*, *дзиро̄*, *сабуро* первоначально были числительными, но в настоящее время это собственные имена (старшего, второго и третьего сына). Однако ***нидзэ*** 'две' (о дочерях), ***сандан*** 'три' (о сыновьях) — числительные. Название томов и частей в книге: *дзёкэн* '1-й том' (букв. «верхний том»), *тю̄кэн* '2-й том' (букв. 'средний том'), *дзэмпэн* '1-я часть' (букв. 'передняя часть'), *гохэн* '2-я часть' (букв. 'задняя часть') — существительные, но *дайитикэн* '1-я часть', *дайникэн* '2-я часть' — числительные.

ПРИМЕЧАНИЯ АВТОРА

[1] Оцуки, II, стр. 27.
[2] Ямада, VII, стр. 221
[3] Там же, стр. 215.
[4] Огю Сорай, Нарубэси, т. I (荻生徂徠・南留別志), 1736.
[5] По этому вопросу имеются материалы в следующих работах: статья о числительных, принадлежащая перу Сиратори, в январском номере 20-го тома журнала «Сигакудзасси» (史學雜誌); Камэда, Очерки по родному языку, глава о «Теории числительных», стр. 226—248; Симмура, Мысли об истории восточных языков (II), гл. «О числительных в японском и корейском языках». Из более поздних работ следует указать статью М. Итикава, О числительных.
[6] Ямада, VIII, стр. 202—205.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Глагол

I. ЕГЭН

Ёгэн (用言) по своему значению является знаменательным словом. Понятие, выражаемое егэном, есть признак вещи. Иногда этот признак выражает действие, например: *ёму* 'читать', *каку* 'писать', *хасиру* 'бежать' и т. д. Иногда этот признак можно рассматривать как процесс: *мою* 'гореть', *нагару* 'течь', *саку* 'цвести'. Иногда же этот признак обозначает внешний вид — *ниру* 'походить', *мию* 'выглядеть' и т. д. Этот признак может также указывать на характер, количество, состояние, например: *уцукӯси* 'красив', *таттōси* 'ценен', 'высокочтим', *бси* 'многочислен', *сӯкунаси* 'малочислен', *итидзируси* 'заметен', 'примечателен' и т. д. Ёгэн — слово, противостоящее тайгэну, и если основное значение тайгэна — обозначать сущность вещей, то о егэне можно сказать именно в том смысле, как изложено выше, что ёгэн обозначает явления процесса и состояния. Говоря о ёгэне, не следует упускать из виду еще одно обстоятельство, а именно: обозначая различные признаки вещей, егэн одновременно показывает, что этот признак существует, что его имеют. Этот момент как характерный признак ёгэна особенно подчеркнул д-р Ямада. Он говорит: «Основополагающим признаком ёгэна является выражение им процесса предикации. Предикация — процесс объединения человеческой мысли, которая обладает способностью, внося ясность в то, что есть общего и чем различаются понятие, играющее роль субъекта, и понятие, играющее роль предиката, тем самым соединять эти понятия»[1]. Д-р Ямада поясняет все это следующим образом:

«Само собой разумеется, что для выражения мыслей человека необходимы отдельные понятия, но одних лишь понятий, без процесса объединяющего их суждения, для полной передачи мысли недостаточно. Процесс объединяющего суждения выражает в языке ёгэн. С этой точки зрения ёгэн является важнейшей частью речи, и только с его помощью и может быть составлено предложение. Следует отметить, что большинство ёгэнов наряду с предикативной способностью обладают способностью обозначать также и разные другие признаки, но наличие выражения этих признаков не должно рассматриваться как основная характерная

черта егэна. Признак может быть выражен и существительным, например: *ака* 'краснота', *ао* 'синева', и наречием: *нагалка* 'длинно', *сидзука* 'спокойно' — и не является чем-то присущим только ёгэну; специфическая черта ёгэна — его предикативная способность. Поэтому в любом случае, будет ли наличие признака выражено широко или же оно не будет выражено совсем, достаточным критерием для определения — ёгэн перед нами или нет — является наличие этой, присущей только ёгэну предикативной способности. Таким образом, несмотря на то, что *су* 'делать' обозначает только форму действия (соответствуя do в английском языке), а *ари* 'быть' указывает на существование вещей в широком смысле (соответствуя is в английском языке), несомненно, оба слова являются ёгэнами. Если продолжить нашу мысль далее, то *готоси* 'подобен' указывает только на форму состояния, а *нари* и *тари* (связки) на форму предикации, но так как оба слова обладают предикативной способностью, они являются ёгэнами. Другие грамматисты относят *готоси* и *нари* к служебным глаголам. Однако это большая ошибка, обусловленная пагубным обыкновением не обращать внимания на основной признак глагола. Указанные слова не выполняют служебных функций при глаголе, они имеют свой собственный изъяснительный смысл и могут присоединяться к тайгэну или квази-тайгэну. Они значительно отличаются от так называемых служебных глаголов (дзёдōси), которые представляют собой усложненное развитие окончаний глаголов. Поэтому-то в группе слов, традиционно именующихся служебными глаголами, смешаны и вспомогательные глаголы (*ходзёдōси*) и *вспомогательные части глаголов*»[2].

Ёгэн по своей ф о р м е — спрягающееся слово. Однако не всякое спрягающееся слово — ёгэн. Служебные глаголы спрягаются, но они не ёгэны. Необходимо помнить, что ёгэн — это з н а м е н а т е л ь н о е с п р я г а ю щ е е с я слово. Что ёгэн спрягается, видно из того, что ёгэн противополагается тайгэну. *Тай* в слове «тайгэн» означает «субстанция, сущность», в то время как *ё* в слове «ёгэн» имеет значение «процесс, явление». Далее, ёгэн не просто указывает на процесс, явление как на понятие: ёгэн говорит о процессе, явлении применительно к сущности, к субстанции. Именно поэтому говорится, что ёгэн обладает предикативной способностью, и именно поэтому ёгэн представляет собой одну из важнейших групп слов среди других частей речи. Поэтому же в классификации частей речи автора тайгэны названы п о н я т и й н ы м и с л о в а м и (гайнэнго), а ёгэны — и з ъ я с н и т е л ь н ы м и с л о в а м и (тиндзюцуго).

Если рассматривать ёгэн с точки зрения ф у н к ц и и, то основной его особенностью является способность с а м о с т о я т е л ь н о с л у ж и т ь с к а з у е м ы м. Тайгэн — пусть он тоже обозначает действие или качество, но поскольку он обозначает

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

их только по смыслу, — не может служить сказуемым самостоятельно. Если считать, что способность служить сказуемым заключается в объединении понятия, являющегося субъектом, и понятия, являющегося предикатом, то даже когда слово не обозначает признака вещей, как это свойственно определенным понятиям, но обладает предикативной способностью, оно и по значению и по функции должно быть отнесено к ёгэну. Именно поэтому в грамматической системе д-ра Ямада, как уже указывалось выше, *нари*, *тари*, *готоси* отнесены к ёгэну и поэтому же ёгэны подразделены на реальные ёгэны и формальные ёгэны.

Д-р Ямада классифицирует ёгэны следующим образом[3].

Таблица 20

Классификация ёгэнов Ямада

Реальные ёгэны	Глаголы,	
	Предикативные прилагательные	
Формальные ёгэны	*ари* (бытийное слово *сондзайси*)	Адъективные бытийные слова типа *нагакари* 'длинен, долог'
		Глагольные бытийные слова типа *кэри, сэри, тэри, хэри, мэри, рэри*
		Изъяснительные бытийные слова типа *нари, тари*
	готоси (формальное предикативное прилагательное)	
	су (формальный глагол)	

С точки зрения грамматики указанный способ классификации вызывает ряд вопросов, над которыми следовало бы подумать, но здесь мы не будем касаться их подробно. Реальным ёгэном именуется ёгэн, в котором совмещается и понятие признака вещей, и предикативная способность, а формальным ёгэном — ёгэн, в котором отсутствует понятие признака вещей, а имеется только предикативная способность. Относительно деления реальных ёгэнов на глаголы и предикативные прилагательные (кэйёси 形容詞) следует сказать, что одни считают возможным проводить это деление, другие считают это невозможным[4]. Те, кто признает возможность такого

деления, обосновывает его, исходя из значения, таким образом: предикативные прилагательные выражают постоянный, вневременной характер, неизменяющийся, стабильный признак. Д-р Ямада говорит: «Это — реальный ёгэн, запечатлевающий в нашем сознании характер и состояние вещей вневременно, как стабильное понятие» [5].

Глаголы выражают переменный, развивающийся во времени характер, изменяющийся, динамичный признак. Д-р Ямада говорит: «Это — реальный ёгэн, отражающий в нашем сознании характер и состояние вещей как понятие развивающееся, динамичное» [6].

Однако если проводить деление обеих групп слов таким образом, основываясь только на значении, то не сможем ли мы с полным основанием выделить в качестве прилагательных такие слова, как *ниру* 'походить', *ою* 'быть старым'? Не следует ли деление между ними основывать на разнице в форме? Д-р Оцуки пишет:

«Английский adjective в большинстве случаев раскрывает форму и характер существительного, предшествуя ему. Наше кэйёси сходно с ним в том отношении, что оно также раскрывает форму и характер существительного, но как слово по своему характеру оно весьма отлично от adjective — оно изменяемо и имеет такие же формы спряжения, как глагол; затем, оно может стоять после существительного и заканчивать собой предложение (в латинском, французском, немецком и других языках прилагательные также изменяются и иногда могут стоять после существительного, но во всех этих языках прилагательные, по-видимому, не могут заканчивать собой предложение). Поэтому мне кажется, что наше «кэйёси» следует назвать attributive verb, «кэйᵈдоси» (形容動詞) 'адъективный глагол', и не смешивать с ним *кэйёси* как перевод слова adjective» [7]. «Если искать в японском языке подлинные adjective, то это такие слова, как *нии*, *хацу*, *ма*, *ми*. Однако эти слова могут быть поставлены не перед всяким существительным: их применение ограничено привычным употреблением. Затем они не употребляются самостоятельно: они выступают в предложении только в составе сложного слова. Поэтому мы считаем их префиксами» [8].

Таким образом, Оцуки считает, что предикативное прилагательное — один из видов глагола. Мацусита Дайдзабуро делит глаголы на вербальные и адъективные, считая, что первые выражают действие, а вторые — состояние. Мацусита указывает, что разделение на действие и состояние не есть разделение движения и покоя, а разделение, основанное на фактах сознания; а именно, то, что мыслится в форме времени, и в движении, и в покое есть действие, а то, что мыслится вне формы времени, есть состояние или образ (кэйё 形容) [9]. Мацусита классифицирует глаголы следующим образом:

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Таблица 21

Классификация глаголов Мацусита

Вербальные глаголы			Адъективные глаголы
Динамичность (*ундōсэй* 運動性)	Стабильность (*сэйсисэй* 靜止性)		
	Произвольные (*иситэки*)	Непроизвольно возникающие (*сидзэнтэки*)	
юку 'идти'	*иру* 'находиться' (о людях)	*ари* 'быть, иметься' *тити нари* 'отец' (как сказуемое)	*тōси* 'далек; далеко' (как сказуемое) *сидзукани* 'тихо' (наречие)
наку 'плакать' *сину* 'умирать'	*тити-тари* 'является отцом' *дōдōтари* 'великолепен'	*сидзука нари* 'тих, тихо' (как сказуемое) *тōкари* 'далек; далеко' (как сказуемое)	*дōдōто* 'великолепно' (наречие)

Вместе с тем Мацусита считает, что выделять адъективные глаголы в отдельную часть речи — предикативные прилагательные — неправильно, поскольку различие между вербальными глаголами и предикативными прилагательными невелико, а общего между ними много; так, например, место, которое они занимают в словосочетании и в предложении, совершенно одинаково; одинакова и их способность быть сказуемым и определением и занимать приименную позицию. Относительно приведенной выше классификации и применимости или неприменимости к предикативным прилагательным названия «адъективные глаголы» существует много разногласий, но здесь мы не будем касаться этих вопросов. Примерно с той же точки зрения в разряд глаголов включает слова, традиционно именуемые предикативными прилагательными (кэйёси), Нагата Еситаро[10]. Нагата классифицирует глаголы так, как показано в табл. № 22[11].

Как видно из изложенного, относительно классификации ёгэнов существует ряд подробно разработанных теорий, и если перечислять их все, то некоторые вопросы потребуют длительного разъяснения; придется привести также и лишние рассуждения. Поэтому в настоящей работе мы, следуя традиционным положениям, будем считать ёгэном те части речи, которые соединяют

Таблица 22

Классификация глаголов Нагата

<table>
<tr><td colspan="2">Собственно глаголы</td><td rowspan="2">Соединительные глаголы (рэнкэцу дōси; 連結動詞)</td><td rowspan="2">Служебные глаголы</td></tr>
<tr><td colspan="2">Предикативные глаголы (дзедзюцу-дōси 叙述動詞)</td></tr>
<tr><td>Вербальные глаголы</td><td>Адъективные глаголы</td><td colspan="2"></td></tr>
<tr><td colspan="2">Реальные глаголы</td><td colspan="2">Формальные глаголы</td></tr>
</table>

в себе обозначение признака вещей с предикативностью, подразделив при этом ёгэн на следующие три вида:

1) глагол,
2) предикативное прилагательное,
3) адъективный глагол.

II. СУЩНОСТЬ ГЛАГОЛА

Глагол (дōси 動詞) — знаменательное слово, это один из видов ёгэна. Слова, по форме подобные глаголу, но не являющиеся знаменательными, полноценными глаголами назвать нельзя [1].

Тэннō рōдзин-ни хатодзуэ-о ***тамау*** (п. я.) 'Император **пожаловал** старику трость'.

Цуцусиндэ синнэн-но о-ёрокоби-о ***мōсимасу*** 'Почтительно **выражаю** вам свою радость по случаю нового года'.

Тэннō канъя-ни мигоромо-о нугасэтамау (п. я.) 'В холодную ночь император **соизволил** снять свою одежду'.

Мēнити о-таку-о о-тадзунэ ***мōсимасу*** 'Завтра я **буду иметь честь** вас навестить'.

В двух первых фразах *тамау* и *мōсу* являются знаменательными словами и потому это полноценные глаголы. Они выполняют определенную знаменательную функцию по отношению к предшествующим словам *хатодзуэ-о* и *о-ерокоби-о*. Наоборот, в последних двух фразах *тамау* и *мōсу* являются формальными словами и потому это служебные глаголы. Знаменательную функцию по отношению к предшествующим словам *мигоромо-о* и *о-таку-о* выполняют глаголы *нугу* и *тадзунэру*. Поэтому в последних двух случаях *тамау* и *мōсу* могут быть заменены выражающими такой же смысл почтительности служебными глаголами *рару* и *итасу*:

Тэннō канъя-ни мигоромо-о ***нугасэрару*** (п. я.). *Мēнити о-таку-о о-тадзунэ* ***итасимасу***. Однако в первых двух случаях мы не можем подставить вместо *тамау* и *мōсу* — *рару* и *итасу*. Правда,

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

слова *итасу* и *мōсу*, собственно говоря, являются полноценными глаголами, и можно выдвинуть доказательства в пользу того, что и в данном случае они ими остаются. Но в этих примерах я рассматриваю их как служебные глаголы.

Глагол представляет собою ёгэн, выражающий д е й с т в и е в е щ е й.

Ева се-о ёми, бун-о цӳкуру (п. я.) 'Я читаю книгу и пишу сочинение'.

Карэ-ва тама-о нагэру 'Он бросает мяч'.

Хэйси-га иссай-ни тэкидзин-э тоцунӯ-суру 'Солдаты разом врываются в лагерь врага'.

Все приведенные слова *ёми, цӳкуру, нагэру, тоцунӯ-суру* выражают какие-либо действия, не обязательно только человека, и являются глаголами[12].

Глагол представляет собой ёгэн, выражающий п р о ц е с с, с о в е р ш а ю щ и й с я в в е щ а х.

Хи мою (п. я.) 'Огонь горит'; *Мидзу нагару* (п. я.) 'Вода течет'; *Кадзэ-га фуку* 'Ветер дует'.

Приведенные слова *мою, нагару, фуку* выражают процесс. Однако если понимать действие, о котором шла речь выше, в более широком смысле, то такие слова могут быть отнесены в первую группу. Тем не менее слова в наших первых примерах обозначают действия, которые «совершают», а слова в последних примерах показывают процессы, которые «протекают». Разница между ними станет понятной, если сравнить такие слова, как *мою* 'гореть' и *моясу* 'сжигать', *нагару* 'течь' и *нагасу* 'проливать', *хи-о фуку* 'раздувать огонь' и *кадзэ-га фуку* 'дует ветер'[13].

Глагол представляет собою ёгэн, выражающий с о с т о я н и е в е щ е й.

Тити-но тоси ою (п. я.) 'Отец по возрасту стар'.

Ко оя-ни ниру (п. я.) 'Ребенок похож на родителей'.

Хиэйдзан то Айтакудзан-га курумамадо-кара миэру 'Из окна вагона видны гора Хиэй и гора Айтаку'.

Слова *ою, ниру, миэру* выражают состояние вещей[14]. При этом если *ою* — глагол 'быть старым, стар', то относящееся к той же сфере понятий слово *осанаси* 'юн' также должно быть глаголом. Однако *осанои* — предикативное прилагательное, а не глагол. Эти слова различаются по своей форме, а не по обозначаемым ими понятиям, в обоих случаях выражающим состояние вещей Точно такое же соотношение существует между словами *тому* быть богатым' и *мадзуси* 'беден'. Рассуждая таким образом, мы видим, что глаголы, обозначая действие и процесс, кроме того выражают и адъективное состояние. Как выше уже упоминалось, д-р Ямада говорит: «Глагол — это ёгэн, который рисует в нашем сознании состояние вещей как развивающееся, динамичное понятие», «Предикативное прилагательное — это ёгэн, который

рисует нам состояние вещей в покое, стабильно, вне зависимости от времени»[15]. Провести границу между глаголом и предикативным прилагательным, основываясь только на том, что они обозначают состояние вещей, невозможно, необходимо каким-то образом ограничивать это понятие состояния.

Продолжая наше рассуждение, мы приходим к тому выводу, что, если стать на ступень выше, действие и состояние не подлежат разграничению. Действие говорит о развитии, изменении состояния, а состояние — о длительности положения вещей. Поэтому слово, которое обозначает действие, вместе с тем может быть употреблено и как слово, обозначающее состояние.

Го-сюдзин ва доко-э ***о-йдэ-ни-наримасйта ка*** 'Куда **ушел** ваш муж?'(действие).

Го- юдзин ва отаку-ни ***о-йдэ-ни-наримасў ка*** '**Есть** ли дома ваш муж?' (состояние).

Фунэ-нитэ кава-о ***ватараму*** (п. я.) '**Переправлюсь** через реку на лодке' (действие).

Го-кигэнъэку ***ватарасэрарэ*** *сōрō я* (п. я.) 'Благополучно ли вы **пребываете?**' (состояние).

Следовательно, приходится примириться с тем, что в глаголах часто не отличишь, обозначают ли они действие, процесс или же положение вещей, состояние.

Далее, глагол, помимо того, что он обозначает действие, процесс и состояние, представляет еще собою ёгэн, обозначающий б ы т и е в е щ е й.

Кёто-ни ва бку-но мэйсё-кōсэки ***ари*** (п. я.) 'В Киото **есть** много исторических мест и памятников'.

Дōбуцуэн-ни ва добуцу-га такўсан ***ору*** 'В зоопарке **есть** много животных'.

Нōсан-ва доко-ни ***имасў*** *ка*? 'Где **находится** ваш брат?'

Приведенные выше слова *ари*, *ору* и *иру* выражают бытие вещей. Поскольку *наси* 'нет, не имеется' является предикативным прилагательным, *ари*, будучи его антонимом, должно было бы тоже считаться предикативным прилагательным, но тем не менее на основе грамматических формальных признаков это слово считается глаголом. Такие слова, как *ари*, *ори*, *иру*, в смысле обозначения состояния сходны с глаголами *ниру* 'походить', *мию* 'выглядеть', 'казаться' и др. и в подлинном своем значении должны были бы быть причислены к той же группе. Если исходить из той точки зрения, что состояние есть один из видов бытия, то ничто не мешает отнести все эти обозначающие бытие слова к глаголам.

Д-р Ямада выделяет *ари* и подобные ему слова в особую часть речи — «бытийные слова» (сондзайси 存在詞). Вот его определение: «Ёгэн *ари* имеет значение бытия, а сверх того он выражает чистую предикацию· я именую его „бытийным словом“»[16]. Как

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

пример употребления *ари* для обозначения только предикации приведены следующие предложения:

Хйто-но кокоро косо утатэ ару моно ва ***арэ*** (Гэндзи-моногатари) Человеческое сердце — вещь ненадежная'.

Сорэ ва сō дэ мо ***арō*** *га, дōка симбо-сйтэ мораитай* 'Это, видимо, так, но прошу вас потерпеть'.

Сорэ ва дзицуни комагтта, кото дэ ва ***ару*** *га, сйката-га най* 'Это действительно очень неприятная вещь, но ничего не поделаешь'.

Слово *ари* в литературном стиле может быть, как это показано ниже, заменено связочным служебным глаголом *нари*, точно так же как разговорное *ару* может быть заменено связочным служебным глаголом *да*, а именно:

Хйто-но кокоро-косо утатэ ару моно ***нарэ***; *сорэ ва сō* ***дарō*** *га, дōка симбо-сйтэ мораитай; сорэ ва дзицуни комагтта кото* ***да*** *га сйката-га най.*

Возможность замены служебным глаголом создается благодаря тому, что слово *ари* перестало обозначать понятие бытия и превратилось в формальное слово, обозначающее чистую предикацию. Видимо, на этом основании д-р Ямада и именует его формальным егэном. Если бы слово *ари* обозначало понятие бытия, что было исконным его значением как слова знаменательного, то его ни в коем случае нельзя было бы заменить служебным глаголом, который является формальным словом (впрочем, можно еще спорить по поводу того, являются ли *нари* и *да* служебными глаголами и формальными словами). Заменить предложения *Кето-ни ва ōку-но мэйсе-кюсэки* ***ари*** (п. я.) 'В Киото **есть** много исторических мест и памятников'; *Дōдзō ва икэ-но хотори-ни* ***ару*** 'Статуя **находится** на берегу пруда' предложениями *Кёто-ни ва ōку-но мэйсē-кюсэки* ***нари***, *Дōдзō ва икэ-но хотори-ни* ***да*** ни в коем случае нельзя. Таким образом, это *ари*, обозначающее только предикацию как таковую, следует назвать не просто глаголом, а служебным глаголом, а если не служебным глаголом, то формальным глаголом.

Выше упоминалось, что «бытийные слова» д-р Ямада делит на три вида: адъективные бытийные слова, глагольные бытийные слова и изъяснительные бытийные слова, но о них я имею свое собственное мнение и, считая их глаголами, говорить о них здесь не буду.

Нами были уже перечислены характерные особенности глагола с точки зрения з н а ч е н и я. Не приходится говорить о том, что наиболее характерной чертой глагола, связанной с ф о р м о й, служит явление, именуемое спряжением. Однако о нем речь пойдет в отдельном параграфе.

Посмотрим теперь на характерные особенности глагола с точки зрения ф у н к ц и и. Свои функции глагол осуществляет с помощью изменения формы; если обобщить важнейшие функции

глаголов, то их можно свести к следующим (среди них есть и такие, которые не отличаются от функций предикативных прилагательных):

1. Глагол может самостоятельно служить сказуемым.

Хана ***варай****, тори* ***утаи****, мидзу* ***катару*** (п. я.) 'Цветы **смеются**, птицы **поют**, вода **говорит**'.

Ути-но мае-ни ва ину-га иппики ***ору*** 'Перед домом **находится** собака'.

В данном случае следует обратить особое внимание на самостоятельность сказуемого. Для этой функции используются многие формы спряжения. Тайгэн также может служить сказуемым, но в обычных случаях он никак не может служить сказуемым самостоятельно.

2. Глагол может самостоятельно служить адъективным определением.

Нагарэру *кумо-ни* ***сасу*** *хикагэ* 'Солнечные лучи, **падающие** на **плывущие** облака'.

Тайгэн и наречия также могут становиться адъективным определением, но только в сопровождении служебных слов. Глагол же может выполнять эту функцию самостоятельно.

3. Глагол может самостоятельно служить наречным определением.

По вопросу о том, могут ли глаголы служить наречным определением, следует вспомнить теорию д-ра Ямада о так называемом однопозиционном сочетании с ёгэном и определительном сочетании с ёгэном.

«Приёгэнная форма (рэнъёкэй 連用形) употребляется как форма срединного сказуемого и может также употребляться для связи с последующим ёгэном. Такую форму мы именуем «приёгэнным словом» (рэнъёгэн 連用言). При этом такое слово может становиться в равноправную позицию со следующим за ним ёгэном и объединяться с ним, но может и подчиняться следующему за ним ёгэну, становясь в позицию определения. Первый случай мы именуем однопозиционным сочетанием с ёгэном (дōкаку-рэнъё 同格連用), а второй — определительным сочетанием с ёгэном (сюсёку-рэнъё 修飾連用)» [17]. Далее: «Приёгэнные слова употребляются двояко. В первом случае они служат для того, чтобы образовать единство со стоящим после них ёгэном, как, например, в предложении *кабэ-о сироку нуру* 'выкрасить стену в белое' (букв. 'бело'). Здесь *сироку* 'бело' не является определением к слову *нуру* 'выкрасить'; оно поясняет цвет *кабэ* 'стены'. При этом *сироку* и *нуру*, взаимодействуя, образуют одно сказуемое. Таким свойством обладают и приёгэнные слова, образованные глаголами. Например, *бася-нитэ хасирисугу* 'промчаться в экипаже' [2]. Это мы именуем однопозиционным сочетанием с ёгэном. Однако, как указывается ниже в настоящей главе, бывают слу-

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

чаи, когда такие слова подчиняются стоящему после них ёгэну и служат определением к нему. Чаще всего так бывает с прилагательными. Среди глаголов подобное употребление в позиции определения не распространено, но изредка встречается. Таково, например, слово *сйкири* 'непрерывно' в предложении *амэ сйкирини фуру* 'дождь идет беспрерывно', причем в данном случае оно сопровождается служебным словом *ни*»[18].

Я решительно возражаю против того, что слово *сироку* 'бело' в предложении *кабэ-о сироку нуру* является пояснением к цвету стены, а не определением к слову *нуру* (об этом будет еще говориться ниже в главе о предикативных прилагательных), но считаю, что действительно необходимо признать существование однопозиционного сочетания с ёгэном и определительного сочетания с ёгэном. И само собой разумеется, в обоих этих случаях может использоваться приёгэнная форма глагола. У Ямада приводятся следующие примеры.

Примеры на однопозиционные сочетания с ёгэном:

Кёё-ни ***аривабитэ*** *инака-ни кударикэри* (п. я.) 'Устав **жить** в столице, уехал в деревню'.

Фубо ва ***уэ*** *самукараму* (п. я.) 'Родители **голодают** и холодают'.

Исэки сандзэнто-сйтэ ***хикари*** *кагаякэри* (п. я.) 'Великие дела ярко **сверкают** и блистают'.

Санрин-о ***итавари*** *сōдацуру ва нōсаку-ни оторанў дзигёё нари* (п. я.) '**Заботиться** о лесах и выращивать [их] — работа, не уступающая занятию сельским хозяйством'.

Примеры на определительные сочетания с ёгэном:

Ифуку-о ***исоги*** *кау* (п. я.) '**Спешно** купить одежду'.

Коноха ***арасои*** *оцу* (п. я.) 'Листья деревьев осыпаются **наперебой**'.

Сё-о ***курикаэси*** *ёму* (п. я.) '**Повторно** читать книгу'.

Оставив в стороне предикативные прилагательные, по поводу которых, как мне кажется, возникает много различных вопросов, применительно к глаголам можно сказать, что однопозиционное сочетание и определительное сочетание различаются следующим образом:

а) Приёгэнная форма глагола + *кацу* + другой глагол = однопозиционному сочетанию ёгэнов.

б) Приёгэнная форма глагола + *тэ* + другой глагол = определительному сочетанию с ёгэном.

Т. е. я считаю, что там, где между словами, которые мы рассматриваем, можно поставить союз *кацу* 'и', мы имеем дело с однопозиционным сочетанием, а там, где можно поставить служебное слово *тэ*, перед нами определительное сочетание. Следовательно, в приведенных примерах:

Фубо-ва уэ (*кацу*) *самукараму*; *исэки сандзэнто-сйтэ хикари* (*кацу*) *кагаякэри*, *Санрин-о итавари* (*кацу*) *сōдацуру ва нōсаку-ни*

ораны̆ дзигё нари и др. налицо несомненно однопозиционное сочетание, а так как нельзя сказать *Кё-ни ари кацу вабитэ инака-ни сагарикэри*, то, по-видимому, *ари* и *вабу* не следует расчленять, а нужно рассматривать как один глагол *аривабитэ*. Далее, в примерах *ифуку-о исоги(тэ) кау*, *коноха арасои(тэ) оцу*, *сё-о курикаэси(тэ) ёму* и др. налицо определительное сочетание, и поскольку сказать *амэ сикири-ни(тэ) фуру* нельзя, то, очевидно, *сикирини* следует считать не глаголом, а какой-то другой частью речи. Поэтому трудно согласиться с утверждением д-ра Ямада, что в словах *утикатарау*, *тативакару*, *торимидасу*, *сасиуцумуку*, *какикумору*, *аинару* и других *ути*, *тати*, *тори*, *саси*, *каки*, *аи* и т. д. следует рассматривать как приёгэнные формы глагола, стоящие в позиции определительного сочетания с ёгэном. Я думаю, что все их нужно считать префиксами и рассматривать вместе с последующим словом как один глагол.

Однако необходимо обратить внимание на то, что один и тот же глагол, в зависимости от словарного значения следующего после него глагола, образует то однопозиционное, то определительное сочетание.

Карэ ва ёрокоби каэрэри (п. я.) —определительное сочетание. Можно сказать: *Карэ ва ёрокоби(тэ) каэрэри* 'Он обрадованно вернулся', но нельзя сказать: *Карэ-ва ёрокоби(кацу) каэрэри*.

Карэ ва ёрокоби накэри 'Он обрадовался и заплакал' может быть и однопозиционным и определительным сочетанием, так как можно сказать и *Карэ ва ёрокоби(кацу) накэри* 'Он обрадовался и заплакал', и *Карэ ва ёрокоби(тэ) накэри* 'Он обрадованно заплакал'.

Таким образом, я думаю, правильным будет признать, что приёгэнная форма некоторых глаголов при определительном сочетании с ёгэном может служить наречным определением. У предикативных прилагательных, всех без остатка, приёгэнная форма может образовать определительное сочетание с ёгэном, будучи при этом наречным определением к нему, и в этом-то и проявляется одно из различий в функциях глаголов и предикативных прилагательных. Несмотря на то, что определительное сочетание с ёгэном возможно не для всех глаголов, мы все же рассматриваем их в этом случае не как наречие, а по-прежнему как глагол, потому что и в этом случае слово не теряет своих характерных особенностей глагола. Это легко понять, если провести сравнение с превратившимся в наречие словом *амари* 'слишком', например в выражении *амари ёрокобу на* 'Не слишком-то радуйся'.

Однопозиционное сочетание с ёгэном и определительное сочетание с ёгэном можно различать также следующим образом.

Однопозиционное сочетание в предложении *исэки сандзэнто-сйтэ хикари кагаякэри* может быть разъединено так: *исэки ва сандзэнто-сйтэ хикарэри* 'великие дела ярко сверкают', *исэки*

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

ва сандзэнто-сйтэ кагаякэри 'великие дела ярко блистают'. Однако в случае с предложением *ифуку-о исоги кау* 'спешно купить одежду', где мы имеем определительное сочетание с ёгэном, можно сказать *ифуку-о кау* 'купить одежду', но нельзя сказать *ифуку-о исогу* 'спешить одежду'. Таким образом, следуя от обратного, можно провести различие между обоими видами сочетания с ёгэном.

То, как глагол, будучи сказуемым, выполняет наречно-определительную функцию по отношению к следующим за ним словам, можно проиллюстрировать такими примерами:

Цуки ***кагаякэдо***, *кадзэ ацйси* 'Месяц **светит**, **однако** ветер горяч'.

Мидзу ***нагарурэба***, *уо сисэдзу* '**Если (когда)** вода **течет**, рыба не дохнет'.

В этом случае глагол служит сказуемым в так называемом наречно-определительном членном предложении. Следует обратить внимание на то, что в этом случае глагол сочетается с союзным служебным словом.

4. *Глагол может постпозиционно* п р и с о е д и н я т ь с о ю з н ы е с л у ж е б н ы е с л о в а.

Считают, что особенностью союзных служебных слов является способность присоединяться к ёгэнам и служебным глаголам. Следовательно, можно признать, что способность присоединять к себе союзные служебные слова является характерной чертой глаголов. Однако предикативные прилагательные также относятся к ёгэнам и потому различие с предикативным прилагательным следует проводить по другой линии.

5. Глагол может постпозиционно п р и с о е д и н я т ь л ю б ы е с л у ж е б н ы е г л а г о л ы (дзёдōси 助動詞).

Некоторые служебные глаголы могут присоединяться к тайгэнам и к предикативным прилагательным, но число их крайне ограниченно. Способность присоединять к себе любые служебные глаголы можно признать характерной особенностью только глаголов.

6. Глагол может иметь перед собой н а р е ч н о е о п р е д е л е н и е.

Наречное определение, кроме глаголов, может быть также и при предикативных прилагательных и при наречиях, поэтому данный признак нельзя отнести к характерным чертам одних только глаголов, —он может быть признан их характерной чертой лишь частично.

7. Глагол может быть применен в с п о м о г а т е л ь н о.

Кроме тех случаев, которые указывались выше, когда глагол служит сказуемым, приименным определением и приёгэнным определением, употребляясь при этом самостоятельно в своем основном значении, он может, теряя свое основное значение

самостоятельного глагола, употребляться вспомогательно и при других словах. Тогда он именуется вспомогательным глаголом (ходзё-дōси 補助動詞). В этом случае он вместе с предшествующим словом служит одним членом предложения, например *Коко-ни хон* ***ари*** (п. я.) 'Здесь **есть** книга'. В данном предложении глагол *ари* служит сказуемым в своем основном глагольном значении «быть, находиться» по отношению к подлежащему *хон*.

Корэ ва хон-ни ва ***сярадзу*** (п. я.) 'Это **не есть** книга'. В приведенном предложении *ара* (незавершенная форма глагола *ари*) теряет свое значение бытия и приобретает значение связки, можно даже сказать — становится частью связочного служебного глагола *нари*. Если из последнего предложения после *ни* исключить служебное слово *ва*, то мы получим равнозначное предложение *корэ ва хон* ***нарадзу*** с полноценным служебным глаголом-связкой (служебные слова *ни* и глагол *ари*, слившись, образовали *нари*). С этим ни в коем случае нельзя смешивать присоединение *дзу* к *ари* в предложении *Коко-ни хон арадзу* 'Здесь нет книги'. В форме *Корэ ва хон-ни ва арадзу* между *ни* и *ара* обязательно ставится служебное слово и потому грамматически *ни* и *ара* мы должны рассматривать как отдельные слова, относящиеся к разным частям речи. Поскольку *ара* в этом случае не выражает значения бытия, мы вынуждены применить название «вспомогательный глагол». Приведем несколько примеров на вспомогательные глаголы»[19]:

А. *Мигокоро мо ито ююсю* ***масимасу*** (п. я.) 'Его сердце очень печально'.
Хогэн-ни ва Ёситомо-га тэгара такаку ***хабэрикэрэ*** (п. я.) 'В годы Хогэн заслуги Ёситомо **были** велики, однако...'
Коко ва сидзука-ни ***арадзу*** (п. я.) 'Здесь **не** тихо'.
Котира ва судзусйку ***аримасэн*** 'Здесь **не** прохладно'.
О-каэри ва осō ***годзаимасу*** 'Ваше возвращение поздно'.
Аната ва э-га тайхэн дзёдзу-дэ ***ирассяимасу*** 'Вы очень искусны в **живописи**'.

Б. *Ё ва бэн-о коному моно-ни* ***арадзу*** (п. я.) 'Я **не** человек, любящий болтовню'.
Корэ ва Тōгокуката-но дзō-нитэ ***соро*** (п. я.) 'Я монах из Тōгоку'.
Кэнрэй-каньин ва тэнка-но кокубо-нитэ ***масимасу*** (п. я.) 'Кэнрэй [есть] мать государства'.
Ватакўси ва кю̄тē-дэ ва ***аримасэн*** 'Я **не** [есть] староста класса'.
Корэ ва отōто-дэ ***годзаимасу*** 'Это [есть] мой младший брат'.

В. *Дэнка мо риндзē-си* ***тамау*** (п. я.) 'Его высочество **изволит** присутствовать'.
Намида-ни сидзумасэ ***овасимасу*** (п. я.) 'В слезах успокоился'.
Ками-то аоги ***татэмацўру*** (п. я.) 'Взирает как на государя'.
Фукаку таноми ***маирасу*** (п. я.) 'Глубоко надеется'.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Хаяку о-идэ ***кудасаи*** 'Скорее идите'.
Юккури о-ёми ***насай*** 'Читайте медленно'.
Тйкадзика мата о-тадзунэ ***итасимасу*** 'Вскоре опять навещу вас'.
Сорэ ва ватакўси-но хō-кара о-тодокэ ***мōсиагэмасў*** 'Это я вам доставлю'.
О-котаэ ***мōсимасў*** 'Отвечаю вам'.

Г. *Омои мо* ***сэну*** *кото* 'Негаданное дело'.
Кики ва ***сйта*** *га ми ва синай* 'Слыхать слыхал, а видать не видел'.
Юки саэ ***сурэба****, сорэ-дэ ий* 'Если только пойти, этого довольно'.
Дарэ-га нэмури надо ***суру*** *моно дэсў̄ка?* 'Кто это станет спать?'

Д. *Такасаго-но ура-ни цўкйтэ* ***сōрō*** (п. я.) 'Прибыл в бухту Такасаго'.
Тэки-о уттэ ***тамавари*** *сōраэ* (п. я.) 'Поразил врагов'.
Кай мо оиои саканни наттэ ***кимасйта*** 'Собрание мало-помалу стало оживленней'.
Дзидōся-но кадзу мо фуэтэ ***маиримасйта*** *нэ* 'А ведь число автомобилей тоже увеличилось'.
Мукасифў ва дандан сўтарэтэ ***юкимасў*** 'Старинные обычаи постепенно отживают'.
Хи-га киэтэ ***иру*** 'Огонь угасает'; *эмпицу-га сўтэтэ* ***ару*** 'карандаш брошен'; *коко-ни маттэ* ***оримасў*** 'ждет здесь'.

Нэтэ ***симау*** 'Заснуть'; *кангаэтэ* ***оку*** 'запомнить'; *кайтэ* ***миру*** 'попробовать написать': *маттэ* ***курэру*** 'ждать кого-либо'; *араттэ* ***морау*** 'быть умытым кем-либо', *осиэтэ* ***итадаку*** 'выслушать объяснение от кого-либо'; *осиэтэ* ***яру*** 'объяснить кому-либо'; *сирасэтэ* ***кудасару*** 'дать знать' (кому-либо ниже стоящему); *сирасэтэ* ***агэру*** 'дать знать' (кому-либо выше стоящему) и т. д.

Деление на А, Б, В, Г, Д произведено в зависимости от характера слов, которые стоят перед вспомогательным глаголом [3]. В этих примерах имеются и глаголы, которые можно считать подлинно самостоятельными, и примеры вспомогательных глаголов, и так называемые (по терминологии д-ра Ёсидзава Йосинори) «вспомогательные слова с новым значением», и глаголы, которые я лично считаю возможным рассматривать как вспомогательные; и хотя с точки зрения грамматики здесь встает ряд вопросов, в данный момент мы ограничимся только указанием на то, что некоторые грамматисты рассматривают все эти слова как вспомогательные глаголы.

Из трех изложенных выше особенностей глагола — по значению, по форме и по функции — наиболее примечательной является особенность формы, а именно, изменение окончаний. Таким образом, среди двенадцати частей речи нет никакой опасности смешать глагол с какой-либо другой неизменяющейся частью речи. Однако есть необходимость подумать о том, ч е м ж е

отличается полноценный глагол от двух других спрягающихся частей речи, а именно, от предикативного прилагательного и служебного глагола.

1. РАЗЛИЧИЯ МЕЖДУ ГЛАГОЛОМ И ПРЕДИКАТИВНЫМ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫМ

1) Глагол (если отбросить окончания *ру*, *рэ*) спрягается в пределах одного и того же столбца годзюона [4]; предикативное прилагательное спрягается в пределах двух столбцов (столбца *ка* и столбца *са*)[20].

2) Глагол имеет повелительную форму; у предикативного прилагательного ее нет.

3) Приёгэнная форма только некоторых глаголов может служить наречным определением; приёгэнная форма всех предикативных прилагательных может служить наречным определением.

4) К глаголам могут присоединяться любые служебные глаголы; к предикативным прилагательным присоединяются только некоторые очень немногочисленные служебные глаголы (например, такие, как *нари*). Кроме того, к незавершенной форме глаголов присоединяются служебные глаголы *дзу*, *ну*, *най*; к незавершенной форме предикативных прилагательных *дзу*, *ну*, *най* не присоединяются.

5) Служебные слова, сочетающиеся с глаголом и предикативными прилагательными, различны:

а) к незавершенной форме глагола присоединяются *ба* и *дэ*; к незавершенной форме предикативного прилагательного присоединяется *ба*, *то*, *томо*, а *дэ* не присоединяется;

б) *цуцу*, сочетающееся с приёгэнной формой глагола, к предикативному прилагательному не присоединяется.

2. РАЗЛИЧИЯ МЕЖДУ ПОЛНОЦЕННЫМ ГЛАГОЛОМ И СЛУЖЕБНЫМ ГЛАГОЛОМ

1) Глагол — знаменательное слово, служебный глагол — формальное слово.

2) Парадигма спряжения глагола всегда насчитывает шесть форм, а среди служебных глаголов некоторые не имеют всех форм спряжения, а именно:

а) одни не имеют незавершенной формы и приёгэнной формы;

б) другие имеют одну только заключительную форму;

в) третьи не имеют повелительной формы.

3) Глагол и служебный глагол имеют различия и по функции.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

А. Глагол может служить самостоятельным членом предложения, служебный глагол такой способностью не обладает:

а) глагол сам по себе может быть сказуемым, а служебный глагол один сказуемым быть не может;

б) глагол сам по себе может быть определением, а служебный глагол самостоятельно определением быть не может;

в) глагол может иметь при себе наречное определение, а служебный глагол наречного определения иметь при себе не может;

г) глагол при инверсии может стоять в начале предложения, а служебный глагол не может.

Б. Глагол может переходить в другую часть речи или же образовываться из другой части речи, служебный же глагол редко образуется из другой части речи и сам почти не переходит в другие части речи.

III. ФОРМЫ ГЛАГОЛА

Как уже говорилось, самой значительной из особенностей глагола в отношении формы является изменение окончания, именуемое спряжением (кацуё, 活用). Спряжение называют изменением окончания потому, что это изменение происходит главным образом в конечной части слова. Однако не всякое изменение окончания является спряжением: *сакэ* 'рисовая водка' изменяется в слове *сакая* 'кабачок', *амэ* 'дождь' — в слове *амагаса* 'дождевой зонт', *сиро* 'белизна' — в слове *сирагами* 'белая бумага'. Все это, конечно, тоже изменение окончания, однако оно не называется спряжением, поскольку при этом сама функция слова не меняется. Другими словами, спряжением называется изменение формы слова, вытекающее, в соответствии с его значением, из необходимости осуществления его функции и происходящее преимущественно в конечной части слова [5].

В спряжении глагола нужно рассмотреть следующие моменты:

1) формы спряжения,
2) употребление форм спряжения,
3) характер спряжения,
4) типы спряжения.

Остановимся на каждом из них в указанном порядке.

1. ФОРМЫ СПРЯЖЕНИЯ

Рассмотрим изменение окончания глагола *митасу* 'наполнять':

мита	*са*	mitas	*a*
	си		*i*
	су		*u*
	сэ		*e*

Как видно, *мита* является неизменяемой частью слова, а *са*, *си*, *су*, *сэ* составляют изменяющуюся часть. Неизменяемую часть слова мы называем «основой» (stem, гокан 語幹), а изменяющуюся часть—«окончанием» (ending, гоби 語尾). В том случае, когда в основе можно, в свою очередь, выделить основную часть, мы называем ее «корнем» (root, гокон語根). В том случае, если эта основная часть не может быть выделена, основа совпадает с корнем.

Возьмем другой пример — глагол *мицу* 'быть полным':

ми	*ма*	*mit*	*a*
	ми		*i*
	цу		*u*
	тэ		*e*

В этом примере основой является *ми*, а окончанием *ма*, *ми*, *цу*, *тэ*. Однако *ми* служит основой глагола *мицу*, а в глаголе *митасу ми* является корнем. Это можно представить следующим образом:

основа	окончание	*stem*	*ending*
	са		*a*
	си		*i*
мита	*су*	*mitas*	*u*
	сэ		*e*
корень		*root*	

Следует обратить внимание на то, что взаимоотношение основы, корня и окончания при написании латинскими буквами и знаками японской азбуки проявляется различно. Дело в том, что изменение окончания не есть изменение конечного слога, а только изменение гласной в этом слоге. Поскольку японская азбука — кана — представляет собой слоговое письмо, а латинская азбука — звуковое, то при написании латинскими буквами выявляется изменение и отдельных звуков.

Среди глаголов имеется довольно значительное количество таких, в которых различаются основа и корень, например:

оку	*oku*	*уку*	*uku*	*тэру*	*teru*
окосу	*okosu*	*укабу*	*ukabu*	*тэрасу*	*terasu*

Рассмотрим теперь типы изменения окончания глаголов в связи с тем, как оно происходит.

1) Глаголы, у которых основа и окончание различимы:

а) глаголы, у которых гласная конечного слога изменяется (четырехступенчатое спряжение, неправильное спряжение по столбцу *ра*):

глаголы *каку* 'писать', *ханасу* 'говорить', *уцу* 'бить', *ару* 'быть':

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

ка { *ка* *ки* *ку* *кэ* } *хана* { *са* *си* *су* *сэ* } *у* { *та* *ти* *цу* *тэ* } *а* { *ра* *ри* *ру* *рэ* } □ { *а* *i* *и* *е* }

б) глаголы, у которых гласный конечного слога изменяется, а к некоторым добавляются слоги *ру*, *рэ*, *ё* (неправильное спряжение по столбцу *на*, верхнее двухступенчатое спряжение, нижнее двухступенчатое спряжение):

глаголы *сину* 'умирать', *оку* 'подыматься', *уку* 'получать', *васуру* 'забывать'.

си { *на* *ни* *ну* *нуру* *нурэ* *нэ* } *о* { *ки* *ку* *куру* *курэ* *киё* } *у* { *кэ* *ку* *куру* *курэ* *кэё* } *васу* { *рэ* *ру* *руру* *рурэ* *рэё* }

□ { *а* *i* *и* *и* + *ru* *и* + *re* *е* } □ { *i* *и* *и* + *ru* *и* + *re* *i* + *yo* } □ { *е* *и* *и* + *ru* *и* + *re* *е* + *yo* }

2) Глаголы, у которых основа и окончание не различаются:

а) глаголы, у которых основа и окончание совпадают и гласный в этом слоге не изменяется, а к некоторым добавляются слоги *ру*, *рэ*, *ё* (верхнее одноступенчатое спряжение, нижнее одноступенчатое спряжение):

глаголы *иру* 'стрелять', *киру* 'надевать', *ниру* 'походить', *кэру* 'пинать':

— { *и* *иру* *ирэ* *иё* } — { *ки* *киру* *кирэ* *киё* } — { *ни* *ниру* *нирэ* *ниё* } — { *кэ* *кэру* *кэрэ* *кэё* } □ { *i* *i* + *ru* *i* + *re* *i* + *yo* } □ { *е* *е* + *ru* *е* + *re* *е* + *yo* }

б) глаголы, у которых основа и окончание совпадают и гласный в этом слоге изменяется, а к некоторым добавляются слоги *ру*, *рэ* (неправильное спряжение по столбцу *ка*, неправильное спряжение по столбцу *са*):

глаголы *ку* 'приходить', *су* 'делать'.

$$-\begin{cases} ко \\ ки \\ ку \\ куру \\ курэ \\ коё \end{cases} \quad -\begin{cases} сэ \\ си \\ су \\ суру \\ сурэ \\ сэё \end{cases} \quad \square\begin{cases} о \\ i \\ и \\ и+ru \\ и+re \\ о+yo \end{cases} \quad \square\begin{cases} е \\ i \\ и \\ и+ru \\ и+re \\ е+yo \end{cases}$$

Всякое изменение окончания глаголов в письменном языке принадлежит одному из приведенных выше четырех типов.

Изменение окончания глаголов в разговорном языке в общем происходит на основе этих четырех типов; ради точности приводим их ниже.

1) Глаголы, у которых основа и окончание различимы:

а) глаголы с изменяющимся гласным конечного слога (четырехступенчатое спряжение):

глаголы *каку* 'писать', *сину* 'умирать', *ару* 'быть'.

$$ка\begin{cases} ка \\ ки \\ ку \\ кэ \end{cases} \quad си\begin{cases} на \\ ни \\ ну \\ нэ \end{cases} \quad а\begin{cases} ра \\ ри \\ ру \\ рэ \end{cases} \quad \square\begin{cases} а \\ i \\ и \\ е \end{cases}$$

б) глаголы, у которых гласный конечного слога не изменяется, а к некоторым добавляются слоги *ру*, *рэ*, *ё*, *ро* (верхнее одноступенчатое спряжение, нижнее одноступенчатое спряжение):

глаголы *окиру* 'вставать', *укэру* 'получать':

$$о\begin{cases} ки \\ киру \\ кирэ \\ ки\begin{cases} ё \\ ро \end{cases} \end{cases} \quad у\begin{cases} кэ \\ кэру \\ кэрэ \\ кэ\begin{cases} ё \\ ро \end{cases} \end{cases} \quad \square\begin{cases} i \\ i+ru \\ i+re \\ i\begin{cases} yo \\ ro \end{cases} \end{cases} \quad \square\begin{cases} е \\ е \\ е \\ е\begin{cases} yo \\ ro \end{cases} \end{cases}$$

2) Глаголы с неразличимыми основой и окончанием:

а) глаголы, у которых основа и окончание совпадают и гласный в этом слоге не изменяется, а к некоторым добавляются слоги *ру*, *рэ*, *ё*, *ро* (верхнее одноступенчатое и нижнее одноступенчатое спряжения):

глаголы *иру* 'стрелять', *кэру* 'пинать':

$$-\begin{cases} и \\ иру \\ ирэ \\ и\begin{cases} ё \\ ро \end{cases} \end{cases} \quad -\begin{cases} кэ \\ кэру \\ кэрэ \\ кэ\begin{cases} ё \\ ро \end{cases} \end{cases} \quad \square\begin{cases} i \\ i+ru \\ i+re \\ i\begin{cases} yo \\ ro \end{cases} \end{cases} \quad \square\begin{cases} е \\ е+ru \\ е+re \\ е\begin{cases} yo \\ ro \end{cases} \end{cases}$$

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

б) глаголы, у которых основа и окончание совпадают и гласный в этом слоге изменяется, а к некоторым добавляются слоги *ру*, *рэ*, *ро*, *ё*, *и* (неправильное спряжение по столбцу *ка* и неправильное спряжение по столбцу *са*): глаголы *куру* 'приходить', *суру* 'делать':

$$-\begin{cases} ко \\ ки \\ куру \\ курэ \\ ко\begin{cases} ё \\ и \end{cases} \end{cases} \quad -\begin{cases} сэ \\ си \\ суру \\ курэ \\ \begin{cases} сэё \\ сиро \end{cases} \end{cases} \quad \square \begin{cases} о \\ и \\ и + ru \\ и + re \\ о\begin{cases} уо \\ и \end{cases} \end{cases} \quad \square \begin{cases} е \\ i \\ и + ru \\ и + re \\ \begin{cases} е + уо \\ и + ro \end{cases} \end{cases}$$

Если учитывать изменение только одного звука в окончании, то в письменном языке можно насчитать семь форм изменения, а в разговорном языке — пять.

Выше приведены формы спряжения глаголов письменного и разговорного языка, причем каждой из этих форм присвоено специальное название. Назовем все формы применительно к глаголу письменного языка *сину* 'умирать', у которого все они различны:

Таблица 23

Наименования форм спряжения глаголов

1.	*сина*	*му* *ба* *дзу*	Незавершенная форма (*мидзэнкэй* 未然形), первая форма спряжения
2.	*сини*	*таю* *тари* *тэ*	Приёгэнная форма (*рэнъёкэй* 連用形), вторая форма спряжения
3.	*сину*		Заключительная форма (*сюсикэй* 終止形), третья форма спряжения
4.	*синуру*	*токи* 時[6] *кото* 事	Приименная форма (*рэнтайкэй* 連體形), четвертая форма спряжения
5.	*синурэ*	*ба* *домо*	Завершенная форма (*идзэнкэй* 已然形), пятая форма спряжения
6.	*синэ*		Повелительная форма (*мэйрэйкэй* 命令形), шестая форма спряжения

Перечисленные формы спряжения имеются у всех глаголов, но окончания всех шести типов отличаются по форме только у таких глаголов, как приведенный выше *сину* (то же можно

сказать о глаголе *ину* 'уходить'). У других же глаголов некоторые из шести форм непременно одинаковы. Если классифицировать глаголы, принимая за основу формы спряжения, то в письменном языке можно установить 9 типов глаголов, а в разговорном языке 5 типов. Об этих типах спряжения речь пойдет ниже. Таким образом, нельзя смешивать формы спряжения глаголов и типы спряжения. Формы спряжения ограничены формальным изменением окончания глаголов, а типы спряжения установлены в результате классификации самих глаголов на основе форм изменения окончаний. Укажем кстати, что исследование форм спряжений глагола было начато японскими учеными еще в период Токугава и к настоящему времени многие ученые внесли свой вклад в разработку этого вопроса[21].

2. УПОТРЕБЛЕНИЕ ФОРМ СПРЯЖЕНИЯ

Спряжение глаголов, как уже упоминалось выше, возникло для того, чтобы обеспечить наиболее полное осуществление глаголом его функций; так как формы спряжения образовались в связи с выполнением словом в каждом случае его функций, то каждая из этих форм имеет свое самостоятельное употребление. При этом формы спряжения глаголов по их употреблению, как уже указывал д-р Хасимото Синкити[22], можно разделить на два вида. К первому виду относятся те формы спряжения, которые сами по себе выражают некое значение, т. е., другими словами, могут сами по себе, не присоединяясь к другим словам, выполнять функции глагола. Такие формы можно назвать формами самостоятельного употребления. Сюда относятся пять форм спряжения: приёгэнная, заключительная, прииенная, завершенная (в разговорном языке завершенная служит условной формой и не может употребляться самостоятельно) и повелительная. Ко второму виду относятся те формы спряжения, которые сами по себе не выражают никакого значения и могут употребляться только в соединении с служебными словами или служебными глаголами; таким образом, функция глагола осуществляется только тогда, когда такая форма соединяется с другим словом, сама же по себе она никакого определенного значения не выражает. Такие формы можно назвать формами несамостоятельного употребления. К ним относятся незавершенная форма в письменном и разговорном языке и условная форма в разговорном языке. Обе они имеют только второе употребление и не имеют первого. Второе употребление имеется, однако, и у таких форм, как приёгэнная, заключительная и прииенная, и можно сказать, что, за исключением повелительной формы, такое употребление присуще всем формам спряжения. Это станет ясным, когда мы проследим, как присоединяются к глаголу служебные глаголы и служебные слова.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Рассмотрим теперь, какими свойствами обладают эти шесть форм спряжения глаголов с точки зрения их употребления.

1) Незавершенная форма (мидзэнкэй 未然形), первая форма спряжения

Как уже упоминалось выше, указанная форма не может функционировать самостоятельно как глагол — она применяется в соединении со специальными служебными словами или со служебным глаголом. Это форма, имеющая только несамостоятельное употребление.

1. В письменном языке она может быть названа формой неосуществленного условия; в соединении со служебным словом *ба* она является формой предположения еще не осуществленного условия. Отсюда и идет ее название. Эта форма противопоставляется завершенной форме, которая в соединении с тем же самым служебным словом *ба* выражает прямо противоположное значение.

Сакурабана ***сакаба*** *цугэму то итарикэри* (п. я.) 'Сказал, что **когда зацветут** цветы вишни, сообщит'.

Нэссин-ни ***канъю̄-сэба*** *нюкай-субэси* (п. я.) '**Если** его горячо **уговаривать**, он вступит в общество'.

Предположение еще не осуществившегося условия — «если произойдет то-то и то-то, то...» — не выражается одной только незавершенной формой глагола, однако оно не передается и одним только формальным служебным словом *ба*. Это значение выражается тогда, когда и то и другое соединены, поэтому оно и является результатом совместного действия обоих компонентов. Когда форма слова изменяется в *сака*, первоначальное словарное значение глагола *саку* 'цвести' нисколько не утрачивается, а процесс добавления к этому первоначальному значению значения предположительного условия состоит в соединении незавершенной формы со служебным словом *ба*. Я полагаю, что в этом и состоит огромная разница между сочетанием знаменательного слова со знаменательным словом и знаменательного слова с формальным словом. В этом смысле надо понимать и высказывание д-ра Хасимото Синкити, который говорит: «Спряжение есть изменение формы слова для придания ему определенного значения»[23].

2. В разговорном языке предположение еще не осуществившегося условия передается другой формой спряжения, а данная форма в соединении со служебными глаголами *най, нӯ* (*н*), имеющими значение отрицания, применяется для выражения отрицания, почему ее и называют отрицательной формой:

Иицӯкэрарэта кото ва кэссйтэ ***васурэнай*** 'То, что мне приказано, я никак **не забуду**'.

Коннани ясуй кото-га ***вакаран*** *хадзу ва най* 'Такая легкая вещь не может быть **не понята**'.

Впрочем, выражение отрицания путем присоединения отрицательного служебного глагола происходит не только в разговорном, но и в письменном языке.

Саннэн ***накадзу тобадзу*** (п. я.) 'Три года **не поет, не летает**'.

Кю̄сурэдомо ***цӯдзэдвару*** *кото ари* (п. я.) 'Случается, что *хоть согнешься, а* **не пройдешь**'.

Следует заметить, что незавершенная форма *ара* от глагола *ару* 'быть (четырехступенчатое спряжение) в разговорном языке не соединяется с отрицательными служебными глаголами — ни с *най*, ни с *нӯ*. Это свидетельствует о том, что в данном случае глагол не вполне усвоил формы разговорного языка. Только отрицательная форма *араэн* киотоского диалекта заслуживает внимания. В разговорном языке, за неимением ничего другого, для выражения отрицания от глагола *ару* пользуются предикативным прилагательным *най*.

3. Незавершенная форма как в письменном, так и в разговорном языке присоединяет к себе служебные глаголы для выражения пассива, каузатива, возможности, вежливости, времени, предположения (желания) и т. д.

Кодомо тити-ни ***хомэрару*** (п. я.) 'Ребенок **хвалим** отцом' (пассив).

Кодомо-га тити-ни ***хомэрарэру*** (то же в разг. я.).

Коно мондай ва карэ-ни мо ***кайсэрару*** (п. я.) 'Этот вопрос и им **может** быть **понят**' (возможность).

Коно мондай ва карэ-ни дэмо ***вакарэру*** (то же в разг. я.).

Дэнка кампэйсики-ни ***гёкэй-сэсимэтамау*** (п. я.) 'Его высочество **изволил** присутствовать на параде' (вежливость.)

Дэнка-га кампэйсики-ни ***гёкэй-сэрарэру*** (то же в разг. я.).

Сюдзин дзётю̄-ни нива-о ***хакасиму*** (п. я.) 'Хозяин **побудил** служанку **подмести** двор' (каузатив).

Сюдзин-га дзётю̄-ни нива-о ***хакасэру*** (то же в разг. я.).

Мёнити ва амэ ***фурамму*** (п. я.) 'Завтра **пойдет** дождь' (время; предполож.).

Мёнити ва амэ-га ***фурё̄*** (то же в разг. я.).

Как явствует из высказанного, данная форма спряжения имеет разнообразные функции, и название «незавершенная форма», данное ей, соответствует только одному случаю ее употребления; следовательно, необходимо помнить, что это название далеко не исчерпывает всех случаев употребления данной формы. Сказанное применимо также и к другим формам спряжения.

2) Приёгэнная форма (рэнъё̄кэй 連用形), вторая форма спряжения

Данная форма названа так потому, что в такой форме глагол сочетается с ёгэном, однако употребление ее чрезвычайно многообразно

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

1. К этой форме может быть присоединен другой ёгэн — глагол, предикативное прилагательное:

Сакурабана сакихадзимэтари (п. я.) 'Зацвела (букв. 'начала цвести') вишня'.

Сё-о ёмиоваритари (п. я.) 'Прочел (букв. 'кончил читать') книгу'.

Кадзоку ва мина синитаэну (п. я.) 'Семья вся вымерла' (букв. 'умерев, прекратилась').

Кэмпё̄ ва токэгатаку, рюхё̄ ва нагарэясуси (п. я.) 'Плотный лед трудно тает, а плывучий лед легко плывет по течению'.

Выше, когда шла речь о характерных функциональных особенностях глаголов, уже говорилось о том, что приёгэнная форма, которой глагол сочетается с ёгэном, редко служит наречным определением к этому ёгэну; в этом состоит резкое отличие употребления приёгэнной формы глагола от употребления той же формы предикативного прилагательного.

Среди глаголов имеются такие, как *сому*, *сасу*, *бсу*, *кану*, *ау*, которые только присоединяются к приёгэнной форме других глаголов, полнее раскрывая их смысл, но самостоятельно не употребляются, например:

Юкасигэнаки кото-о си мо омоисомэ тамаитэ (Гэндзи моногатари) 'Он начал думать о неприятной вещи'.

Видимо, первоначально эти глаголы употреблялись самостоятельно как знаменательные слова, но впоследствии полностью превратились в суффиксы. (Правда, они употребляются и в такой форме, как *омои мо сомэнай* 'и не начинал думать', почему некоторые все же склонны рассматривать их как реальный ёгэн, называя их при этом зависимым ёгэном.) Поэтому я полагаю, что здесь следует видеть один сложный глагол, образовавшийся из такого глагола и самостоятельного глагола, к которому он присоединяется. Ранее приведенные глаголы *сакихадзиму* 'начать цвести', *ёмиовару* 'кончить читать' и сходные с ними *тодзикомору* 'сидеть затворившись', *инэмуру* 'дремать сидя' и т. п. с первого взгляда похожи на глаголы, приведенные выше. Однако в этом последнем случае вторые глаголы можно использовать самостоятельно как сказуемые *садзиму* 'начинаться', *овару* 'кончаться', *комору* 'сидеть взаперти', *нэмуру* 'спать', из чего следует, что они не превратились в суффиксы. Это не мешает рассматривать перечисленные слова как сложные глаголы, но между ними и предыдущими словами необходимо признать разницу. Если сделать шаг вперед, то получится однопозиционное или определительное сочетание с ёгэном.

Короче говоря, в тех случаях, когда приёгэнная форма глагола сочетается с другим ёгэном, необходимо различать четыре степени, а именно: 1) когда второй ёгэн превращается в суффикс, 2) когда образуется сложный

глагол, 3) когда имеется определительное сочетание с ёгэном, 4) когда имеется однопозиционное сочетание с ёгэном. Эти ступени показывают, насколько тесно соединены оба слова. Если прибавить случай соединения приёгэнной формы со служебными глаголами, то в перечисленном нами ряду его, видимо, следовало бы поставить на первом месте как случай наиболее тесного их соединения.

2. Приёгэнная форма употребляется, когда при произнесении фразы в середине ее делается остановка (тюси 中止) [7]. Применительно к этому случаю данную форму называют не приёгэнной, а срединной формой (тюсикэй 中止形)[24]:

Юсе̂ ва ***сини****, дзякӯсоцу ва торавару* (п. я.) 'Храбрый генерал **умирает** [на поле битвы], а слабый солдат попадает в плен'.

Хйто ва доко-ёри ***китари****, доко-э ка сару* (п. я.) 'Люди откуда-то **приходят**, куда-то уходят'.

Нижеследующий пример также, разумеется, служит иллюстрацией употребления срединной формы:

Идэ *иру* (入る) *хйто таэдзу* '[Поток] людей, которые выходят и входят, не прекращается'.

Если бы дальше не следовало другого слова, то срединная форма не потребовалась бы, а образовалось бы адъективное определение в виде приименной формы — *идзуру хйто* 'выходящие люди'. Но так как здесь стоят два глагола рядом, употребляется срединная форма.

Издавна наблюдается, что при употреблении срединной формы, за которой должно следовать вызвавшее ее другое слово, предложение заканчивается пропуском этого второго слова. Д-р Ямада говорит: «Изложение прерывают и дальнейшее опускают, предоставляя все воображению читателя и тем оживляя ассоциации; такой способ очень напоминает приемы хайку»[25]. Д-р Ямада приводит следующие примеры:

Ханамория сироки атама-о ***цӯкиавасэ*** (Кёрай) 'О садовник! Белую голову **выставляет** рядом [с белыми цветами]'.

Киби-но хо̄ ва нокорадзу кадзэ-ни ***фукитаорэ*** (Ява) 'Колосья проса все от ветра **полегли**'.

Необходимо принимать во внимание и некоторый стилистический эффект, достигаемый при таком употреблении данной формы.

Кроме того, встречается своеобразное употребление срединной формы без отношения к следующим за нею словам. Его нужно рассматривать как особый случай.

Ивасиро-но хамамацу-га э-о ***хикимусуби*** *масакику араба мата каэримиму* (Манъёсю, 141) '[Той, что] в Ивасиро ветви прибрежной сосны **завяжу** и, если будет благополучно, снова вернусь и увижу [их]'.

3. Приёгэнная форма глаголов может превращаться в существительное, поэтому ее называют также субстантивной формой (мэйсй-

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

кэй 名詞形)[26]. Однако данная форма может становиться существительным не у всех глаголов, а только у некоторых.

хи-но ***хикари*** 'солнечный **свет**'; *хару-но* ***касуми*** 'весенняя **дымка**'; *юки-но* ***оби*** 'снежный **пояс**'; *киёки* ***сини*** 'благородная **смерть**'.

Ёми*-га кударанай* '**чтение** никуда не годится'; *кимоно-но* ***ябурэ*** '**дыра** в платье'; *сэнкин-но* ***томи*** 'огромное **богатство**'.

В приведенных примерах рассматриваемая форма является самостоятельным существительным; иногда в сочетании с другим словом она образует сложное существительное:

юкйсаки 'цель пути' (букв. '**хождения**'); ***какихан*** 'подпись' (букв. '**писание**-печать'); *инудзини* 'собачья смерть'; *хаяоки* 'раннее вставание', *асанэ* 'сон поздно утром'; ***катимакэ*** 'победа или поражение'; ***укэтори*** 'прием и получение'.

Для того чтобы проверить, полностью ли превратилось такое слово в существительное, после него следует поставить служебные слова, присоединяющиеся к существительным, например: *га*, *но*, *ни*, *о* и т. д., и посмотреть, все ли они присоединяются к данному слову; или впереди него поставить адъективное определение, проверив, принимает ли его данное слово.

Однако если мы возьмем следующие примеры: *Карэ ва уо-о* ***цури****-ни итта* 'Он отправился **удить** рыбу'; *Юдзин-о* ***мимаи****-ни юкаму* (п. я.) 'Пойду **навестить** товарища', то, несмотря на то, что с помощью вышеизложенных способов можно установить, что *цури* и *мимаи* являются полноценными существительными, данный случай представляет собой противоречивое явление, а именно: эти слова имеют перед собой так называемое слово-объект [8] *уо-о*, *юдзин-о* (который следовало бы в широком смысле назвать наречным определением; существительное же может принимать адъективное, а не наречное определение). Далее, в примерах *отосимоно-о* ***сагаси****-ни дэкакэру* 'отправиться **отыскивать** потерянное'; *хана-о* ***ми****-ни юку* 'идти **любоваться** цветами', *сагаси* и *ми* не могут присоединить к себе даже *га*, *но*, *о*. Правда, если мы возьмем такие слова, как *арасагаси* 'отыскивание недостатков' или *ханами* 'любование цветами', то ко всем этим словам могут быть присоединены *га*, *но*, *ни*, *о*. Но для *сагаси* и *ми* это невозможно, а следовательно, этим словам не хватает каких-то признаков существительного. Относительно вышеприведенных примеров по крайней мере можно сказать, что приёгэнная форма превратилась в существительное, поскольку к ней присоединено служебное слово *ни*. Однако некоторые из таких слов не могут присоединять *га*, *но*, *о*, а другие не могут принимать адъективных определений, поэтому мы должны рассматривать их как превратившиеся в существительные не полностью, а только частично. Кроме того, перед нами во всех случаях выступает существительное с *о*, и излишне говорить, что для того, чтобы иметь перед собою это так

называемое слово-объект (наречное определение), слово должно обладать также и свойствами глагола. Вместе с тем мы часто сталкиваемся с подобного рода примерами:

Тэкидзин-ни ***тоцунӯ-о*** *кокоромитару хэйси ари* (п. я.) Нашлись солдаты, попытавшиеся **проникнуть** в лагерь врага'.

Масакадо-о ***цуйто****-но сӗ-нитэ Хидэсато сёсии-ни дзё-си* (Дзинно сётоки) 'В награду за **преследование** Масакадо Хидэсато возвели в четвертый ранг первой степени';

Кита-но цумадо-о ***нюгё****-но токи* (Кудзи Конгэн) 'Во время **входа** в северную парадную дверь...'

Тоцунӯ, цуйтӑ нюгё — это существительные китайского происхождения — ка́нго, — вследствие чего они могут присоединять *га, но, ни, о*. Поэтому, если им предшествует определение, оно должно быть адъективным, тогда как в вышеприведенных примерах имеются наречные определения *тэкидзин-ни, Масакадо-о, цумадо-о*. По-видимому, надо считать, что *тоцунӯ, цуйтӑ, нюгё* принимают наречные определения потому, что хотя по форме они и являются существительными, но они обозначают действие, и, следовательно, имеют глагольное значение [9]. Возможен даже такой пример: *Корэ-о ёку горан* 'Посмотрите на это хорошенько'. Несмотря на то, что *горан* является существительным, перед ним стоит так называемое слово-объект *корэ-о*, да еще наречное определение *ёку*. Поэтому правильным, пожалуй, будет признать, что приёгэнная форма глагола употребляется частично и как существительное (бубунтэкино мэйси 部分的の名詞). Д-р Ямада также говорит: «Они приравниваются к тайгэну, но не превращаются в тайгэн»[27].

Не касаясь адъективных определений с последующим *но*, таких, как *цуйтӑ-но сё, нюгё-но токи*, рассмотрим те случаи, когда приёгэнная форма с *ни* предшествует другому ёгэну, например *цури-ни юку, мимаи-ни юку, сагаси-ни дэкакэру, ми-ни юку* и т. д.; в таких случаях приёгэнная форма глагола вместе с *ни* является членом предложения, наречным определением по отношению к следующему за ним ёгэну. Таким образом, нет ничего удивительного в том, что перед ними, в свою очередь, стоят наречные определения *уо-о, ӯдзин-о, отосимоно-о, хана-о*. Не следует смешивать точки зрения, исходящие из учения о частях речи и из учения о предложении. Однако рассматриваемые случаи наводят на мысль, что они должны быть объединены одной общей грамматической теорией. Данный вопрос требует дальнейшей разработки.

Перейдем к примерам:

Сотояма-но сакура ***тири я сэн*** (п. я.) 'Вишня в Сотояма **не осыпается**'.

Имада доко-ни мо ***юки ва сэдзи*** (п. я.) 'Еще никуда **не ходил**'.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Со ва ***омои*** *мо* ***какэн*** *кото нари* (п. я.) 'Это дело, о котором я **и не подумал**'.

В этих примерах приёгэнные формы *тири*, *юки*, *омои* выражают законченное значение только в соединении со следующими за ними глаголами *су*, *каку* и таким образом соответствуют так называемому «дополнению в новом смысле» (新しい意味の補語), о котором говорит д-р Ёсидзава Ёсинори [10].

Аналогичное употребление мы имеем в том случае, когда в разговорном языке приёгэнная форма употребляется как дополнение при глаголе неправильного спряжения по столбцу *са — суру*, будучи отделенной от него каким-либо служебным словом.

Сонна кэккбна кото ва юмэ-ни мо ***ари*** *ва* ***синай*** *дарб* 'Такого прекрасного случая и во сне **не бывает**'.

Банти-га вакаттэ ирэба ***тадзунэ*** *мо* ***сиё*** *га...* 'Если бы знать номер дома, то **зашел** бы, но...'

Нюгаку-сйкэн-ни гбкаку-си саэ ***сурэба***, *ато ва дайдзёбу да* '**Если** только **выдержать** вступительные экзамены, остальное все неважно'.

Гоон-о ***васурэ*** *надо* ***суру*** *моно дэсй ка* 'Неужели я **забуду** вашу любезность?'

Некоторые считают, что в приведенных примерах *ари*, *тадзунэ*, *гбкаку-си*, *васурэ* и т. д. по отношению к предшествующему слову выступают как глаголы, а по отношению к последующему — как существительные, но так как к ним не могут быть присоединены падежные служебные слова *га*, *но*, *ни*, *о*, то, по-видимому, правильнее будет считать, что они не выступают как существительное, а являются своего рода дополнениями в новом смысле, как их определяет д-р Ёсидзава.

4. Глагол в приёгэнной форме может п р е в р а щ а т ь с я в н а р е ч и е. В этом случае он теряет возможность выполнять одну из важнейших функций глагола — быть сказуемым, что и может служить доказательством перехода глагола в другую часть речи. Но это касается только некоторых глаголов. Вот примеры такой конверсии: *амари* 'слишком', *хадзимэ* 'начиная с', *цумари* 'итак', *тэдзэ* 'прерывисто', *симидзими* 'глубоко, насквозь', *торидори* 'всячески, на все лады'.

5. К приёгэнной форме глагола присоединяются служебные глаголы *ки*, *кэри* (времени), *цу*, *ну*, *тари*, *та* (законченности действия), *кэму* (предположения), *таси*, *тай* (желания), *масй* (вежливости) и др.

6. К приёгэнной форме присоединяется союзное служебное слово *тэ*. Любой глагол присоединяет *тэ* именно к приёгэнной форме.

Выше изложены случаи самостоятельного употребления приёгэнной формы, т. е. такого употребления, когда она выполняет

свое назначение, не присоединяясь к другим словам, и случаи несамостоятельного употребления, когда она выполняет свое назначение только в соединении с другим словом. К первому типу относятся случаи 2-й, 3-й, 4-й, ко второму — 5-й и 6-й; 1-й случай относится иногда к первому типу, иногда ко второму. При самостоятельном употреблении приёгэнная форма глагола сама по себе является синтаксической единицей.

3) Заключительная форма (сюсикэй 終止形), третья форма спряжения

Эта форма является основной формой глагола. Изолированно глагол всегда приводится в такой форме, например ***су*** *ва сагэ-хэнкаку-кацуэ-но дōси нари* (п. я); *'су* — глагол неправильного спряжения по столбцу *са'*.

1. Указанная форма передает законченность значения, выражаемого глаголом. Поэтому она употребляется в конце предложения, отчего и называется заключительной: *Хана тиру* 'Цветы опадают'; *Цуки оцу* 'Луна заходит'.

Однако, хотя данная форма называется заключительной, встречаются случаи, когда ею предложение не заканчивается, и, с другой стороны, предложение может заканчиваться не только заключительной формой глагола. Таким образом, можно только сказать, что заключение предложения является основной функцией данной формы.

2. К заключительной форме присоединяются служебные глаголы *бэси*, *бэкари* (возможности, предположения), *мадзи* (отрицания), *раму* (*ран*), *мэри*, *раси* (предположения). Данная форма в соединении со служебными словами *то* и *томо* употребляется также при предположении неосуществленного условия. В этом случае она отличается от предположения, выраженного незавершенной формой с *ба*, тем, что последнее передает прямую связь (дзюнсэцу 順說), а рассматриваемая форма — обратную связь (гякўсэцу逆說) [11].

В разговорном языке к заключительной форме присоединяются *дарō*, *дэсэ*, *расий*.

3. Изредка данная форма переходит в существительное. *Кагэрō* 'марево', *сумо* 'борьба' (имеется в виду нац. борьба), *мукō* 'та сторона', *синобу* (название травянистого растения), *сидзуку* 'капля'. Почему-то это явление особенно распространено в мужских именах, например: *Сусуму*, *Хикару*, *Масару*, *Каору*, *Цўтому*, *Сйтагау*, *Тамоцу*, *Кисоу*, *Ватару*, *Исаму*, *Мамору*, *Минору*, *Юдзуру*.

Изредка данная форма при повторении образует наречие, например: *масўмасў* 'более и более', *каэсўгаэсў* 'неоднократно', *накунаку* 'слезно', *каваругавару* 'попеременно'.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Таким образом, заключительная форма употребляется как самостоятельно, так и несамостоятельно. Несомненно, что основное назначение этой формы в ее самостоятельном употреблении.

4) Приименная форма (рэнтайкэй 連體形), четвертая форма спряжения

1. Предшествуя тайгэну, эта форма служит его адъективным определением. Адъективное определение называют также приименным определением. Глагол всегда служит таким определением в данной форме.

саку хана 'цветущий цветок'; ***наку тори*** 'поющая птица'.

При приименном определении, строго говоря, возможно различное соотношение между определением и определяемым. Так, если задать вопрос, кто является субъектом действия в примерах *саку хана*, *наку тори* — кто «цветет», «поет», то ответом будет: «цветок», «птица», т. е. определяемое. Однако в таких примерах, как *эгаку сугата* 'описываемый образ', *суму иэ* 'дом, в котором (кто-либо) живет', «описывает» не «образ», «живет» не «дом». Существует человек, который «описывает образ», «живет в доме». Вот об этом и говорит д-р Ямада: «Все, что должно быть дополнено с помощью этих *о*, *ни* и т. д., определяет ёгэн»[28].

Хйто ***синуру*** *токи соно кото я ёси* (п. я.) 'В то время, [когда] **умирает** человек, его слова хороши'.

Хару ***куру*** *кото-о дарэ ка сирамаси* (п. я.) 'Кто знал бы, что **наступает** весна'. В этих примерах слова *синуру* и *куру*, служа сказуемым при словах *хйто*, *хару*, являются одновременно определением к последующему тайгэну; они служат сказуемым так называемого определительного членного предложения. Употребление определительной формы в этом случае приравнивается некоторыми к participle европейских грамматик и именуется причастным употреблением (бунсихō 分詞法). Нельзя утверждать, однако, что все причастные формы европейских грамматик соответствуют приименной форме японского глагола. Следует обратить внимание на то, что в этой форме глагол может самостоятельно выполнять функцию сказуемого и функцию адъективного определения при тайгэне, причем способность глагола к тому и другому проявляется в одном и том же слове одновременно. Именно в этом случае данную форму называют причастной. Интересным было бы сравнительное изучение данного явления и относительных местоимений европейских грамматик.

2. Встречаются случаи, когда приименной формой заканчивается предложение.

Когда в предложении имеются служебные слова *дзо*, *наму* (*нан*), *я*, *ка*, глагол, как правило, принимает приименную форму[29]. В отличие от обычной манеры заканчивать предложение заклю-

чительной формой, способ заканчивать предложение приименной формой именуется второй заключительной формой. В разговорном языке этого явления не наблюдается.

Юмэ-но кокоти дзо суру (Макура-но сōси) 'Кажется, что это сон!'

Сокои наки фути я ва савагу (Кокинсю) 'Шумят бездонные пропасти'.

Бывают случаи, когда предложение заканчивается приименной формой и без упомянутых служебных слов. Это особый стилистический прием, именующийся «приименным заключением» (рэнтайдомэ 連體止).

Хацуюки я сайвай ан-ни макари ***ару*** (Басё) 'Первый снег! К счастью, [я] нахожусь в келье'.

Оги-но ха-ни кото тоу хйто мо наки моно о куру акигото-ни соёто ***котауру*** (Сйкасю) 'У листьев «оги» нет никого, кто бы [их] спрашивал, а каждый раз, когда осень проходит, [они] тихо отвечают'.

3. Приименная форма может иметь после себя служебные глаголы *нари* (связка), *готоси* (сравнения), а у глаголов неправильного спряжения по столбцу *ра* к данной форме присоединяются служебные глаголы *бэси, бэкари* (возможности, предположения), *рамү, мэри, раси, мадзи* (предположения).

Ёнонака-но субэ наки моно ва тосицуки ва нагаруру ***готоси*** (Манъёсю, 804) '[Наш] бренный мир безнадежен [и это] подобно тому, как текучи месяцы и годы'.

За приименной формой могут следовать многие служебные слова, например: *номи, бакари, дзо, ка, ни, о, га, нони, моноо, мононо, токорога, гана, кана, камо, ё* и др.

4. Встречаются случаи, когда приименная форма употребляется наравне с тайгэном. Поэтому ее именуют иногда «второй субстантивной формой», в отличие от названия «субстантивная форма», применяющегося к приегэнной форме.

***Юку**-о окури,* ***каэру**-о мукаи* (п. я.) '**Отъезд** проводить, **возвращение** встретить'.

Нанто иттэ-мо кодомо-но гаккō-о ***соцугё-суру*** *мадэ ва синэнай* 'Как бы то ни было, но до **окончания** ребенком школы я не могу умереть'.

Можно считать, что в приведенных примерах за приименной формой опущено определяемое (в первом примере *хйто* 'человек', во втором—*токи* 'время').

***Кацу** ва урэсйкэрэдо,* ***макару** ва канасйки моно нари* (п. я.) 'Побеждать — радостно, проигрывать — печально'.

***Нару** то* ***насу** то ва нитэ иру га, тигаттэ иру* 'Совершаться и совершать — это похоже, но не одно и то же'.

Можно считать, что и в данных примерах определяемое опущено, но можно также считать, что слова, обозначающие дей-

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

ствие и состояние как отвлеченные понятия, выступают как тайгэн.

Хару амэ-но ***фуру*** *ва намида ка сакурабана* ***тиру****-о осиманў хйто си накэрэба* (Кокинсю) 'Дождь весенний **идет**, не слезы ли [это]? Нет человека, который не жалел бы о том, что **облетают** цветы вишни'.

Томо-но эмпō-ёри ***китару****-о ёрокобу* (п. я.) 'Радоваться, что **пришел** друг издалека'.

Амари омосирокўтэ токи-но ***тацу****-но-о васурэтэ ита* 'Так как было очень интересно, я не заметил, как **пролетает** время'.

В вышеприведенных примерах приименная форма является сказуемым предложения, которое в целом служит членом предложения, как тайгэн.

Во всех приведенных случаях необходимо помнить о характере служебных слов, которые следуют за приименной формой. В особенности заслуживает изучения служебное слово *но* из примера *токи-но тацу-но-о*. Это то *но*, которое является заместителем тайгэна. Нужно отметить что это *но*, стоящее за приименной формой и имеющее после себя падежное служебное слово, является особенностью современного языка.

Субэру-но *ва дзēдзу да га,* ***хасиру-но*** *ва хэта да* 'В **скольжении** искусен, а в **беге** неумел'.

Ў тацу-но *га мадзукутэ мо,* ***жику-но****-га умакэрэба ий* 'Пусть в **пении** плох, лишь бы **игра** была хороша'.

Дзюмби-суру-но*-ни дзикан-га такўсан какаримасйта* 'На **подготовку** потребовалось много времени'.

Намакэру-но*-о ямэсасэ̄ то кусин-сйтэ иру-но да* 'Изо всех сил бьюсь, чтобы заставить отучиться от **лени**'.

Хаку-но *кара* ***фуку-но****-мадэ хйтори-дэ яттэ иру* 'От **подметания** до **вытирания** все делаю один'.

Необходимо обратить внимание на то, что во всех этих случаях после *но* следуют служебные слова *га*, *о*, *ни*, *кара*, *мадэ*, *ва* и т. д.

При употреблении приименной формы глагола как квазитайгэна надо обратить внимание на следующее: выступая как тайгэн, глагол при этом не переходит в другую часть речи, не становится существительным. Иными словами, он не может выполнять все функции тайгэна и вместе с тем прекрасно выполняет функции глагола. В приведенном выше примере *Томо-но эмпō-ёри* ***китару****-о ёрокобу* 'Радоваться, что **пришел** друг издалека' (приходу друга издалека) после глагола *китару* стоит падежное служебное слово *о*, что свидетельствует об употреблении этого глагола как квази-тайгэна. Однако, с другой стороны, поскольку нельзя сказать *китару-га*, ясно, что это — не полноценное существительное. Доказательством является и то, что перед *китару* нельзя поставить никакого адъективного определения. Вместе с тем *китару* является сказуемым при подлежащем *томо-но*

и имеет перед собой наречное определение *эмпō-ери*, благодаря чему ясно выявляется глагольный характер *китару*. Таким образом, *китару* нисколько не потеряло своих качеств глагола и частично приобрело качества существительного. Для иллюстрации приведем следующие примеры.

Нагай уцӯкӯсий ***оби****-о симэтэ иру* 'Носит длинный красивый **пояс**'.

Ацуй ***кōри****-га хатта* 'Сковал толстый **лед**'.

Авай ***касуми****-но маку-о хатта ē да* 'Как будто застлала пелена легкого **тумана**'.

Тайē-но ***хикари****-ни тэрасарэтэ иру* 'Освещается **сиянием** солнца'.

Оби, кори, симо, хикари — по происхождению приегэнные формы глагола, полностью превратившиеся в существительное, вследствие чего они могут иметь после себя *га, но, ни, о* и им должны предшествовать адъективные определения *нагай, уцӯкӯсий, ацуй, авай, тайē-но*.

5. Имеются отдельные случаи, когда прииенная форма входит в состав сложного существительного.

Тарухи 'сосулька' (букв. 'висящии лед'), ***Наруто*** 'водоворот' (букв. 'звучащие ворота'), ***цурубэ*** 'колодезное ведро' (букв. 'подъемный кувшин'), ***юкуэ*** 'местонахождение' (букв. 'сторона, [куда] ушел') и др.

Таким образом, мы установили, что и прииенная форма глагола употребляется двояко — самостоятельно и несамостоятельно. Однако несóмненно, что более важным является самостоятельное употребление.

Некоторые ученые при объяснении прииенной и заключительной форм стремятся отнести все функции прииенной формы к заключительной ввиду того, что в разговорном языке эти формы совершенно одинаковы. Согласно этой точке зрения, в разговорном языке у глаголов незачем выделять особо прииенную форму. Однако в настоящей работе автор, равняясь на письменный язык, признает наличие прииенной формы и в разговорном языке[30] [12].

5) Завершенная форма (идзэнкэй * 已然形), пятая форма спряжения

1. В письменном языке эта форма может быть сопоставлена с незавершенной формой, о которой речь уже шла выше. Условная форма в соединении с *ба, до, домо* показывает, что действие или явление, выражаемое глаголом, уже совершилось. Ее можно также назвать формой осуществленного условия.

---

* Часто ошибочно называется *кидзэнкэй* 已然形. — *Прим. ред.*

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Харуамэ-но ***фурэба*** *кокоро мо хиракэ юки аратамари юку нобэ-но сама кана* (Манъесю̄, 236) '**Когда идет** весенний дождь, то и сердце ширится, обновляется... О, вид обновляющихся полей!'

Юкэдомо, юкэдомо *мидзу мата мидзу* (п. я.) '**Идешь, идешь,** но вода и снова вода'.

И в разговорном языке, как и в письменном, данная форма употребляется иногда для передачи уже осуществленного условия.

Кикэба *кику ходо кансин-на ханаси да* 'Это рассказ, который, **когда его слушаешь,** то по мере [того, как слушаешь,] восхищаешься' (чем больше слушаешь, тем больше восхищаешься).

В вышеприведенном примере выражено уже осуществленное условие. Как и в письменном языке, где эта форма с *ба* употребляется в значении «допустим, что так-то и так-то», в разговорном языке она употребляется для выражения предположения, что условие уже осуществлено:

Току ***арэба*** *хйто-ни симпуку-сэрарубэси* (п. я.) (*току-га* ***ару то суру то*** *хйто-ни симпуку-сэрарэру дэсе̄* (разг. я.) 'Когда есть добродетель, [такого] человека можно уважать'.

Кокоро-о мунасйку ***сурэба*** *дзири буммэй-то наран* (п. я.) '**Когда изгонишь** из сердца все лишнее (букв. '**сделаешь** сердце пустым'), станут ясны причины вещей'.

Необходимо ясно представлять себе различие между приведенным употреблением и употреблением, приводимым ниже.

Току ***араба*** *хйто ни кокоро фусэрарубэси* (п. я.) (*току-га ару нара...* [разг. я.]) '**Если есть** добродетель, [такого] человека можно уважать'.

Кокоро мунасйку ***сэба*** *дзири буммэй наран* (п. я.) (*кокоро-о мунасйку суру нара...* [разг. я.]) '**Если изгнать** из сердца все лишнее (букв 'сделать сердце пустым'), станут ясны причины вещей'

В древности союзное служебное слово *ба* после завершенной формы, выражающей уже осуществленное условие, часто опускалось. Приводим один из примеров из «Манъёсю»[31]:

Нагэкицуцу масура отоко-но коно ***коурэ****-косо вага мотоюи-но хидзитэ нурэкэрэ* (Манъесю̄, 118) 'Вот **оттого, что любит** [меня] отважный муж, моя завязка волос, будучи увлажненной [слезами], совсем промокла'.

В приведенном примере *коурэ* является завершенной формой, значение ее становится понятным при соединении с *ба* — *коурэба косо*. Таких примеров в «Манъесю» встречается множество.

При внимательном рассмотрении видно, что у глаголов в письменном языке завершенная форма в соединении с *ба* имеет различные значения.

а) *Амэ* ***фурэба*** *энсоку-о оконавадзу* (п. я.) (*амэ-га* ***фуру нодэ*** *энсоку ва оконаванай* [разг. я.]) '**Так как идет** дождь, экскурсию проводить не будем'.

б) *Амэ* ***фурэба*** *энсоку-о оконавадзу* (п. я.) (*амэ-га* ***фуру токи-ни*** *ва энсоку ва оконаванай кото-ни наттэ иру* [разг. я.]) **'Когда идет** дождь, экскурсий не проводят'.

в) *амэ* ***фурэба*** *энсоку-о тюси сэму* (п. я.) (*амэ-га* ***футтара*** *энсоку ва тюси-ни сиё* [разг. я.]) **'Если пойдет** дождь, экскурсию отложим'.

г) *амэ* ***фурэба*** *тои ва мору нарикэри* (п. я.) (*амэ-га* ***футтэ иру то*** *тои ва мору но дэ атта* [разг. я.]) **'Когда пошел** дождь, оказалось, что жёлоб протекает'.

В примере «а» дана причина обстоятельства, которое излагается во второй части примера, что соответствует причинным союзам *нодэ*, *кара* в разговорном языке.

В примере «б» приводятся два неразрывно сопутствующие обстоятельства, первое из которых является условием второго. Еще шаг — и мы будем иметь выражение общезначимой истины.

Кюсурэба *цудзу* **' Если согнешься**, то пройдешь' (поговорка).

В примере «в» высказывается предположение, что условие осуществлено. Сходное употребление имеем в таком примере:

Хару ***курэба*** *хана сакаму* (п. я.) **'Когда придет** весна, цветы зацветут'.

В этом примере высказывается предположение о том, что будет, когда весна наступит, причем то, что по прошествии определенного времени она наступит, не вызывает сомнений.

Во второй части примера «г» приводится обстоятельство, на которое было обращено внимание или которое стало известно, или которое возникло благодаря условию, выраженному в первой части.

Таким образом, возможны различные случаи, но основное значение не меняется, а именно: в отличие от *амэ фураба*, что имеет значение *амэ-га фуру нараба* 'если пойдет дождь', т. е. выражает чистое предположение (поскольку дождь еще не идет), для *амэ фурэба* основным является утверждение, установление того факта, что дождь идет. Итак, основное значение завершенной формы — это установление, утверждение факта.

2. Завершенная форма употребляется для заключения предложения. Этой формой заключают предложение глаголы письменного языка, если в предложении имеется служебное слово *косо*[32]. Это так называемая третья заключительная форма.

Орицурэба содэ косо ***ниоэ*** *ӯмэ-но хана ари я то коко-ни угуису-но наку* (Кокинсю) 'Когда сорвал [цветок], сами рукава **благоухают**; [думая, не] цветы ли сливы, здесь поет соловей'.

Коёи кому хйто-ни ва авадзи. Танабата-но хйсасйки ходо-ни ***мати*** *мо косо* ***сурэ*** (Кокинсю) 'Вряд ли встречусь с тем, кто придет этой ночью. Вот **жду** так же долго, как Танабата'.

3. К завершенной форме глаголов четырехступенчатого спряжения присоединяется служебный глагол *ри*, обозначающий за-

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

конченное действие. Д-р Ямада Есио так объясняет эту форму в данном случае (Впрочем, на основе специальных исследований орфографии считается, что *ри* присоединяется к повелительной форме): «*ари*, сливаясь с идущими впереди глаголами четырехступенчатого спряжения и глаголами трехступенчатого спряжения по столбцу *са*, дает *кэри, сэри, тэри, хэри, мэри, рэри*. Мы называем эти слова вербальными бытийными словами»[33]. Этот вопрос наряду с исследованием бытийных слов и существа служебных глаголов заслуживает самого пристального внимания.

4. В разговорном языке завершенная форма имеет следующее употребление:

а) Уже упоминалось о том, что, как и в письменном языке, эта форма употребляется для выражения установленного, утвержденного условия.

б) Предположительное условие, выражаемое в письменном языке незавершенной формой, в разговорном языке передается завершенной формой. Поэтому завершенную форму в разговорном языке именуют также «предположительной» или «условной» формой. Ввиду того, что в разговорном языке предположительное употребление данной формы преобладает, правильнее было бы именовать ее «предположительной» формой.

Амэ-га ***фурэба*** *энсоку ва тюси-ни нару дарō* (иначе говоря: *Амэ-га* ***фуру-то*** *энсоку ва тюси-ни нару дарō*) ‘**Если пойдет** дождь, экскурсия, видимо, будет отложена’.

Мō сукоси ***кангаэрэба*** *вакару дарō* (*иначе говоря: Мō сукоси* ***кангаэру то*** *вакару дарō*) ‘**Если** еще немного **подумаешь**, наверное, поймешь’.

Попутно отметим, что в разговорном языке предположительное условие передается также путем присоединения служебного слова *то* к заключительной форме. Это и показано в скобках в вышеприведенных примерах. Предположение часто выражается также путем присоединения к соответствующей форме спряжения условной формы служебного глагола *та—тара* или условной формы служебного глагола *да—нара* (подробно об этом будет сказано в главе о служебных глаголах).

в) Как и в письменном языке, завершенная форма может выражать условие одного из двух неразрывно связанных между собой явлений.

Хару-га ***курэба*** *хана-га саку* ‘**Когда приходит** весна, цветут цветы’.

Хиган-ни ***нарэба*** *ацуса мо самуса мо одаяка-ни нару* ‘**Когда наступает** равноденствие, и холод и жара смягчаются’.

В этих случаях не высказывается предположения относительно того, что наступила весна такого-то года или равноденствие определенного года. Здесь говорится о том, что в любой год, когда наступает весна, цветут цветы, а когда наступает равноденствие,

погода смягчается. Другими словами, речь идет о распространенном, обычном, регулярном явлении. Для передачи такого значения также употребляют заключительную форму в соединении с *то*.

г) Завершенная форма употребляется при перечислении нескольких следующих одно за другим обстоятельств. Это употребление составляет особенность разговорного языка.

Кадзэ мо ***фукэба****, амэ мо футта* 'И ветер дул, и дождь шел'. *Суйдō мо* ***арэба****, гасу мо ару* '**Есть** и водопровод, есть и газ'.

д) Само собою разумеется, что в разговорном языке даже при наличии выделительного служебного слова *косо* предложение не заканчивается глаголом в завершенной форме. С помощью *косо* подчеркивается причина того, что выражено сказуемым.

Бэнкē-сурэба косо *гōкаку-сйта но да* 'Выдержал экзамен **потому, что занимался**'.

Хаха-га ***орэба косо*** *из-но ути ва ўмаку тотоноу но да* 'В доме полный порядок **потому, что есть** мать'.

Вышеприведенные случаи употребления завершенной формы глаголов представляют собой главным образом несамостоятельное употребление; только как третья заключительная форма она употребляется самостоятельно.

6) Повелительная форма (мэйрэйкэй 命令形), шестая форма спряжения

1. Эта форма выражает приказание, данное собеседнику и направленное на выполнение действия. Она обозначается глаголом. Повелительной формой предложение обычно заканчивается, и поэтому в известном смысле она является заключительной формой; следовало бы назвать ее четвертой заключительной формой.

Кēкасē-о ёку ***ёмэ*** 'Читай учебник как следует'. *Кувасйку ва нао* ***кангаэё*** 'О подробностях подумай еще'.

2. Данная форма выражает не только приказание, но также и желание говорящего. Необходимо заметить, что в этом случае предложение не заканчивается одной этой формой.

Мēнити номи ва амэ мо ***фурадэ арэ*** *то омоу* (п. я.) '**Пусть** хоть завтра дождь **не идет**'.

3. Некоторые считают, что повелительная форма выражает разрешение действовать по собственному усмотрению, отсутствие ограничения, допущение (предположение).

Ёмитакэрэба нандэмо ***ёмэ****, ватакўси ва томэ ва синай* (разрешение) 'Хочешь читать — **читай** что угодно, я не стану препятствовать'.

Э мама ё, ***камавадзу-ни сутэтэ окэ*** (отсутствие ограничения) 'Ничего, ничего, не обращай внимания и **брось**'.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Татоэ хйто-но уваса-ни мо ***сэ̄ё****, сорэ ва кэсйкаран ханаси да* (допущение) **'Пусть** это даже (**есть**) слух, но все равно это подозрительная история'.

Кондо сонна кото-о сйтэ ***миро****, сутэтэ ва оканай дзо* (допущение) **'Попробуй** только еще раз так поступить, я этого так не оставлю'.

4. Специфическое употребление повелительной формы.

а) В случае, когда действие собеседника осуждается, данная форма имеет значение запрещения, повеления отказаться от него:

Бака-о ***иэ*** '**Говори** глупости' (в смысле: «не болтай глупостей»).

Усо-о ***цўкэ*** 'Ври' (в смысле: «не ври»; ср. русское «ври больше»).

В данном случае, когда порицается уже осуществленное действие собеседника, не выражается ни приказания, ни желания.

б) случай употребления данной формы в качестве своего рода приветствия:

Ирассяй! *Додзо̄ о-агари кудасай* 'Добро пожаловать (букв. **входите**)! Пожалуйста, проходите'. ***О-каэри насай!*** *Хаякатта дэсў нэ* 'С приездом (букв. **возвращайтесь**)! Как вы рано'.

В приведенных примерах мы имеем приветствие, касающееся уже осуществленных действий собеседника [34].

Как видно из вышеизложенного, повелительная форма глагола употребляется преимущественно самостоятельно. Несамостоятельное употребление ее встречается редко.

Кроме того, существует теория, отрицающая необходимость выделять повелительную форму как отдельную форму спряжения. Д-р Ямада по этому поводу говорит:

«Я считаю, что, строго говоря, ее не следует рассматривать, как отдельную форму спряжения. Ведь только в четырехступенчатом спряжении данная форма совпадает с завершенной формой, а в других законченная повелительная форма может быть образована только путем присоединения служебного слова *ё* к форме, одинаковой с незавершенной формой. Таким образом, речь идет не только о различиях отдельных спряжений, но и о большой разнице в самих способах выражения, и ставить все на одну доску недопустимо. Высказывается мнение о том, что *ё* следует включить в парадигму спряжения ёгэна, но совершенно ясно, что, будучи служебным словом, *ё* может присоединяться и к глаголам четырехступенчатого спряжения. Однако если при присоединении к глаголам, не принадлежащим к четырехступенчатому спряжению, рассматривать *ё* как часть формы спряжения, то считать, что при присоединении к глаголам четырехступенчатого спряжения *ё* стоит вне спряжения, неправомерно. Поэтому я не признаю повелительную форму особой отдельной формой спряжения, а считаю ее особым способом употребления, различным в каждом отдельном спряжении» [35].

Действительно, повелительная форма четырехступенчатого спряжения, к которому, как считают, принадлежит большинство глаголов, совпадает с завершенной формой. То же самое можно сказать и о неправильном спряжении по столбцу *ра*. Повелительная форма других глаголов представляет собой незавершенную форму в соединении с служебным словом *ё* (в разговорном языке также *ро* и *и*). Следовательно, вполне допустимо, что нет необходимости выделять ее в отдельную форму спряжения. Только глагол письменного языка неправильного спряжения по столбцу *на* — *сину* 'умирать' — имеет повелительную форму, отличную от этой формы в других спряжениях, а именно — *синэ*. Эта форма отличается от завершенной формы и не представляет собой незавершенной формы с *ё*; можно сказать, что только применительно к ней создалась необходимость и у глаголов других спряжений также выделять повелительную форму. Однако в разговорном языке неправильное спряжение по столбцу *на* превратилось в четырехступенчатое, а следовательно, и этой необходимости, по-видимому, нет. Далее, вышеупомянутые *ё* и *ро* (и *и э* представляют собою видоизмененное *ё*) являются, по-видимому, служебными словами, выражающими некоторые эмоции, что лишний раз подчеркивает отсутствие необходимости рассматривать их как окончание глаголов[36]. Однако внимательное рассмотрение приводит к выводу, что *ё*, *ро*, *и*, присоединяющиеся к повелительной форме всех глаголов, кроме глаголов четырехступенчатого спряжения, а также глаголов неправильных спряжений по столбцу *на* и столбцу *ра* (в разговорном языке эти последние также относятся к четырехступенчатому спряжению), в настоящее время полностью превратились в окончания, и если их отделить, то не будет передано значение приказания. Поэтому я рассматриваю форму глагола в соединении с *ё*, *ро*, *и* как повелительную форму, а сами *ё*, *ро*, *и* — как окончания[37].

При сочетании *ё* с глаголом четырехступенчатого спряжения, например *ёмэ ё* 'читай!' *ё* является междометийным служебным словом, а не окончанием глагола, поэтому, если даже его убрать, значение приказания все же останется выраженным; можно также, заменив это *ё* другим таким же словом — *я*, не меняя значения, сказать *ёмэ я*. Однако у глаголов верхнего двухступенчатого спряжения, стоящих в повелительной форме, таких, например, как *окиё* 'вставай!', *ё* является окончанием глагола *оку*, а не междометийным служебным словом. Если его отбросить, то глагол утратит значение приказания. Нельзя также взамен *ё* поставить *я*, т. е. сказать *оки я*. На этом основании можно признать, что в данном случае *ё* из самостоятельного служебного слова превращается в несамостоятельное окончание глагола.

В древнем языке повелительная форма глаголов употреблялась и без присоединения *ё*; особенно часто так употреблялась

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

повелительная форма *ко* от глагола неправильного спряжения по столбцу *ка—ку* 'приходить', например *Ёцу-но фунэ хая каэри ко то сирага цунэ вага мо-но сусо-ни иваитэ матаму* (Манъёсю, 4265) 'Четыре корабля, скорее **возвращайтесь**! [так думая], белую пеньку к подолу моего платья прикрепив, молясь, буду ждать'.

Отсюда видно, что *ё* первоначально не являлось глагольным окончанием. Примеры употребления *ро*, присоединяемого к повелительной форме в разговорном языке, часто встречаются в «Адзумаута» в «Манъёсю», что свидетельствует о древности этого употребления. Окончание *и* появляется в языке периода Муромати.

Таким образом, мы рассмотрели употребление шести форм спряжения глаголов. Приведем простые признаки различения каждой из этих шести форм спряжения.

Таблица 24

Признаки различения форм спряжения глаголов

Формы спряжения	Письменный язык	Разговорный язык
1-я, незавершенная *мидзэнкэй*	Присоединяет служебный глагол отрицания *дзу* и служебный глагол предположения *му*	Присоединяет служебный глагол отрицания *най* и служебные глаголы предположения *у*, *ё*
2-я, приёгэнная *рэнъёкэй*	Присоединяет служебный глагол законченности действия *тари* и союзное служебное слово *тэ*	Присоединяет служебный глагол законченности действия *та*, служебный глагол вежливости *масу* и союзное служебное слово *тэ*
3-я, заключительная *сюсикэй*	Не присоединяя других слов, заканчивает предложение	То же; может присоединять союзные служебные слова *кэрэдо, кэрэдомо*
4-я, приименная *рэнтайкэй*	Присоединяет тайгэны *моно* и *кото*	То же
5-я, завершенная *идзэнкэй*	Присоединяет союзные служебные слова *до, домо*	Присоединяет союзное служебное слово *ба*
6-я, повелительная *мэйрэйкэй*	Самостоятельно выражает значение приказания	То же

3. ХАРАКТЕР СПРЯЖЕНИЯ

Спряжение глаголов представляет собой характерную черту морфологии глагола, назначением которой является полное осуществление глаголом его функций. Как уже упоминалось выше, основная из этих функций — служить сказуемым; наряду с ней имеются и другие. Если рассмотреть их в сопоставлении с изложенным употреблением форм спряжения, то, очевидно, можно будет выявить существующие между ними связи. Как ни многообразно употребление различных форм спряжения глагола, в конечном счете оно представляет собой не что иное, как распределение функций глагола.

Как упоминалось выше, формы спряжения глагола употребляются двояко — самостоятельно и несамостоятельно. К этим двум способам можно прибавить еще способ конверсированного употребления, а именно тот случай, когда глагол переходит в другую часть речи. Но перешедший в другую часть речи глагол уже не есть глагол, поэтому способ конверсированного употребления следует исключить из способов употребления глагола в строгом смысле слова.

Рассмотрим, в чем же заключается разница между самостоятельным и несамостоятельным употреблением глагола. При первом употреблении глагол в данной форме как таковой может являться синтаксической единицей, а при втором — глагол в данной форме спряжения синтаксической единицей быть не может. Из шести форм спряжения глагола несамостоятельного употребления не имеет только повелительная форма, а самостоятельно не употребляется только незавершенная форма, остальные же четыре формы, имея, с одной стороны, самостоятельное употребление, с другой, могут употребляться также и несамостоятельно.

В чем причина того, что бóльшая часть форм спряжения глагола может употребляться несамостоятельно? Причина в том, что японский язык является так называемым агглютинативным языком. Предложение в нем не может состоять только из знаменательных слов, а между одним знаменательным словом и другим ставятся различные формальные слова, благодаря которым становится ясным соотношение знаменательных слов в предложении. Другими словами, для того чтобы слово могло выполнить свою роль — роль члена предложения, необходимо выявить его взаимоотношения с другими членами предложения в соответствии с характером данного языка. В японском языке одним из важных средств для выявления этих взаимоотношений служит определение места слова в предложении, т. е. так называемый порядок слов (word-order, годзё 語序). Вторым средством является вставка формальных слов, о которых только что упоминалось. Поскольку

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

глагол — это главный член предложения, вполне естественно, что он контактируется с другими словами — формальными словами.

Если не считать тех форм спряжения, которые употребляются и самостоятельно и несамостоятельно, то форма, употребляемая только несамостоятельно, как, например, незавершенная форма, функционально не имеют никакого другого назначения, кроме того, что они могут присоединять к себе другие слова. Например, неизвестно, какое значение имеет сама незавершенная форма *ѐма* (не считая того, конечно, что она обладает значением *ѐму* 'читать' в слове *емасиму* 'побудить читать'). Другими словами, можно считать, что, кроме значения *ему* 'читать', эта форма никакого иного значения не имеет· ведь значение ее будет меняться в зависимости от того, какое слово к ней присоединяется — при присоединении *дзу*, *най* мы получим отрицание, при присоединении *ру* — значение пассива, при присоединении *ба* — значение предположения. Можно сказать, что она способна выразить любое значение (конечно, в пределах возможностей присоединяемых слов) и вместе с тем не выражает никакого значения. Таким образом, форма спряжения *ема* как таковая не обладает самостоятельным значением и поэтому не может быть членом предложения А так как служить членом предложения — это основное назначение знаменательного слова, то знаменательное слово, не могущее самостоятельно быть членом предложения, лишено таким образом значения, и, следовательно, его нельзя признать самостоятельным словом. Поэтому Хасимото Синкити говорит:

«Если мы считаем, что слова, обладающие формами спряжения по второму способу употребления (в настоящей книге он именуется самостоятельным способом — *Прим. Киэда*), не всегда могут быть самостоятельными, то возникает вопрос, можно ли признать их словами? Если допустить, что их нельзя признать словами, то и сопровождающие их служебные слова и служебные глаголы также нельзя будет признать словами и они должны будут считаться аффиксами»[38]. (*Об отношениях между служебными глаголами и аффиксами и их различиях говорится ниже.*)

Таким образом, формы спряжения, употребляемые несамостоятельно, выражают совместно с присоединяемыми к ним словами то особое значение, которое имеют эти последние. Например, *ема* и *симу*, соединяясь, выражают значение 'побудить читать'. Служебные глаголы и служебные слова, будучи по своей природе формальными словами, не могут самостоятельно являться членами предложения; если мы на этом основании откажемся признать словом форму спряжения глагола, к которой они присоединяются, то окажется, что мы не можем назвать знаменательное слово знаменательным словом

Однако, если вдуматься, мы увидим, что в *ёма* в составе слова *ёмасиму* заключено лексическое значение *ёму* 'читать' и грамматическое значение действия, поэтому считать его формальным словом нельзя. Другими словами, для того чтобы глагол *ёму*, соединившись с формальным словом, в полной мере выполнил функцию члена предложения, его форма частично подверглась изменению, так что *ёму* и *ёма* ни в коем случае не являются разными словами, а должны быть признаны одним словом. Поскольку японский язык, как уже упоминалось выше, является агглютинативным языком и поскольку приемы агглютинации различны в зависимости от вида формального слова, то один и тот же глагол изменяет свое окончание так, чтобы иметь возможность принять то или иное формальное слово. Поэтому слияние и контактирование формальных и знаменательных слов подчинены строгим законам и в корне отличаются от свободного присоединения суффиксов к знаменательным словам. Совершенно справедлива мысль д-ра Хасимото о том, что «спряжение — это изменение окончания слова, имеющее целью сообщить слову дополнительное значение или придать ему новое значение путем присоединения слова, не могущего употребляться самостоятельно»[39].

4. ТИПЫ СПРЯЖЕНИЯ

Как уже упоминалось выше, процесс изменения окончаний глаголов протекает в определенных рамках: характер фонетических изменений служит определенным критерием, согласно которому все глаголы можно разделить на несколько типов. Это и есть типы спряжения глаголов. Если представить типы спряжения отдельно для письменного и разговорного языков, то мы получим ту картину, которая представлена в таблице № 25.

В таблице показано изменение окончания в гласных. Отсюда вытекает ряд общих положений.

1) В 1-м и 9-м спряжениях изменение окончаний касается только гласных. Совпадают они и по числу форм изменений — их четыре.

2) В 4-м и 5-м спряжениях гласные не изменяются, но к ним присоединяются ru, re, yo.

3) Во 2-м, 3-м, 6-м, 7-м, 8-м спряжениях гласные изменяются и, кроме того, к ним присоединяются ru, re, yo (за исключением форм 8-го спряжения, не присоединяющего yo). Причем:

а) глаголы, присоединяющие ru и re, оканчиваются на гласный u;

б) глаголы, присоединяющие yo (2-е, 3-е, 6-е, 7-е спряжения), имеют при этом в окончании тот же гласный, что и в первой форме. Другими словами, без окончания yo первая и шестая формы одинаковы;

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Таблица 25

Типы спряжения глаголов в письменном языке

	1	2	3	4	5	6	7	8	9
Незавершенная форма (первая форма спряжения)	*a*	*i*	*e*	*i*	*e*	*o*	*e*	*a*	*a*
Приёгэнная форма (вторая форма спряжения)	*i*	*i*	*e*	*i*	*e*	*i*	*i*	*i*	*i*
Заключительная форма (третья форма спряжения)	*u*	*u*	*u*	*i+ru*	*e+ru*	*u*	*u*	*u*	*i*
Прииенная форма (четвертая форма спряжения)	*u*	*u+ru*	*u+ru*	*i+ru*	*e+ru*	*u+ru*	*u+ru*	*u+ru*	*u*
Завершенная форма (пятая форма спряжения)	*e*	*u+re*	*u+re*	*i+re*	*e+re*	*u+re*	*u+re*	*u+re*	*e*
Повелительная форма (шестая форма спряжения)	*e*	*i+yo*	*e+yo*	*i+yo*	*e+yo*	*o+yo*	*e+yo*	*e*	*e*
Число форм изменений	*4*	*5*	*5*	*4*	*4*	*6*	*6*	*6*	*4*
Название типа спряжения	Четырехступенчатое спряжение	Верхнее двухступенчатое спряжение	Нижнее двухступенчатое спряжение	Верхнее одноступенчатое спряжение	Нижнее одноступенчатое спряжение	Неправильное спряжение столбца *ka*	Неправильное спряжение столбца *sa*	Неправильное спряжение столбца *na*	Неправильное спряжение столбца *ra*

в) в 8-м спряжении при присоединении в шестой форме yo в окончании появляется иной гласный (*e*), нежели в первой форме(*a*).

4) В 4-м и 5-м спряжениях при присоединении yo в окончании шестой формы мы имеем тот же гласный, что и в пятой форме.

5) Во всех четырех неправильных спряжениях (6-м, 7-м, 8-м, 9-м) окончанием второй формы служит i.

6) В 1,2,3,6, 7, 8-м спряжениях третья форма оканчивается на *и*.

7) 2-е и 3-е спряжения, а также 4-е и 5-е спряжения в каждой из этих пар однотипны.

Углубленное фонетическое изучение изменений глагольных окончаний может привести к определенным выводам.

На основании приведенной картины спряжение глаголов в письменном языке можно подразделить на следующие четыре типа:

1. Четырехступенчатое спряжение (1, 8, 9).
2. Трехступенчатое спряжение (6, 7).
3. Двухступенчатое спряжение (2, 3).
4. Одноступенчатое спряжение (4, 5).

Спряжение одной части глаголов четырехступенчатого спряжения состоит в четырех изменениях гласного; при спряжении другой части глаголов, кроме изменений гласного, к глаголу присоединяются еще ru и re. В трехступенчатом спряжении наблюдается три изменения гласного, причем к некоторым формам присоединяются еще ru, re, yo. В двухступенчатом спряжении представлено два изменения гласного, при этом к некоторым формам присоединяются ru, re, yo. В одноступенчатом спряжении гласный остается без изменения, спряжение состоит в присоединении ru, re, yo. Поэтому, пользуясь другим критериом, спряжение глаголов в письменном языке можно подразделить на следующие три типа:

1. Спряжение путем изменения гласного.
2. Спряжение без изменения гласного путем присоединения ru, re, yo.
3. Спряжение путем изменения гласного и присоединения ru, re, yo, т. е. спряжение смешанное.

Перейдем к разговорному языку (см. табл. № 26).

1) Во всех пяти спряжениях заключительная и приименная формы не различаются.

2) Приёгэнная форма (за исключением этой формы в 3-м спряжении) оканчивается на i.

3) 4-е и 5-е спряжения имеют особые незавершенную и повелительную формы: в 4-м спряжении они оканчиваются на o, в 5-м — на e и i.

4) в 4-м и 5-м спряжениях 3-я, 4-я, и 5-я формы соответственно одинаковы.

5) Во 2-м, 3-м, 4-м и 5-м спряжениях к некоторым формам присоединяются ru, re, vo.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Таблица 26

Типы спряжения глаголов в разговорном языке

	1	2	3	4	5
Незавершенная форма (первая форма спряжения)	*a*	*i*	*e*	*o*	*e* *i*
Приегэнная форма (вторая форма спряжения)	*ı*	*ı*	*e*	*i*	*ı*
Заключительная форма (третья форма спряжения)	*u*	*i*+*ru*	*e*+*ru*	*u*+*ru*	*u*+*ru*
Прииенная форма (четвертая форма спряжения)	*u*	*i*+*ru*	*e*+*ru*	*u*+*ru*	*u*+*ru*
Завершенная форма (пятая форма спряжения)	*e*	*ı*+*r*	*e*+*re*	*u*+*re*	*u*+*re*
Повелительная форма (шестая форма спряжения)	*e*	*ı*+*ro*/*yo*	*e*+*ro*/*yo*	*o*+*yo*/*i*	*e*+*yo* *i*+*ro*
Число форм изменения	*4*	*4*	*4*	*5*	*5*
Название типа спряжения	Четырехступенчатое спряжение	Верхнее одноступенчатое спряжение	Нижнее одноступенчатое спряжение	Неправильное спряжение столбца *ka*	Неправильное спряжение столбца *sa*

6) Во всех спряжениях, за исключением первого, к 6-й форме присоединяется уо.

На основании этого спряжение глаголов в разговорном языке можно подразделить на следующие три типа:

1) Четырехступенчатое спряжение (1).

2) Трехступенчатое спряжение (4 и 5).
3) Одноступенчатое спряжение (2 и 3).

Четырехступенчатое спряжение состоит в том, что при спряжении гласный изменяется четыре раза. Трехступенчатое спряжение сходно с четырехступенчатым в том, что гласный изменяется, хотя только три раза, и с одноступенчатым, поскольку здесь к некоторым формам присоединяются ru, re и yo или ro. В одноступенчатом спряжении гласный остается без изменения, спряжение состоит в присоединении ru, re и yo или ro. Таким образом, с другой стороны, спряжение глаголов в разговорном языке можно подразделить на следующие три типа:

1) Спряжение путем изменения гласного.
2) Спряжение без изменения гласного путем присоединения ru, re, yo или ro.
3) Смешанное спряжение.

В этом отношении спряжение глаголов в письменном и в разговорном языке не имеет различий. Различие состоит только в числе типов [13]. Таким образом, мы наблюдаем следующую картину:

Таблица 27

Типы спряжения глаголов в письменном и разговорном языке

Глаголы письменного языка (9 типов)	Глаголы разговорного языка (5 типов)
Четырехступенчатое спряжение Неправильное спряжение по столбцу *на* Неправильное спряжение по столбцу *ра*	Четырехступенчатое спряжение
Верхнее двухступенчатое спряжение Верхнее одноступенчатое спряжение	Верхнее одноступенчатое спряжение
Нижнее двухступенчатое спряжение Нижнее одноступенчатое спряжение	Нижнее одноступенчатое спряжение
Неправильное спряжение по столбцу *ка*	Неправильное спряжение по столбцу *ка*
Неправильное спряжение по столбцу *са*	Неправильное спряжение по столбцу *са*

Ниже мы даем описание каждого спряжения отдельно.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

IV. ТИПЫ СПРЯЖЕНИЯ ГЛАГОЛОВ В ПИСЬМЕННОМ ЯЗЫКЕ

Типы спряжения глаголов письменного языка по признаку того, сколько форм изменения (ступеней) они имеют в одном вертикальном ряду годзюона, делятся на п я т ь п р а в и л ь н ы х и ч е т ы р е н е п р а в и л ь н ы х с п р я ж е н и я.

Таблица 28

Правильные спряжения (сэйкаку-кацуё 正格活用)				
Четырехступенчатое спряжение	Верхнее двухступенчатое спряжение	Нижнее двухступенчатое спряжение	Верхнее одноступенчатое спряжение	Нижнее одноступенчатое спряжение
Неправильные спряжения (хэнкаку-кацуё 變格活用)				
Неправильное спряжение по столбцу *ка*	Неправильное спряжение по столбцу *са*	Неправильное спряжение по столбцу *на*	Неправильное спряжение по столбцу *ра*	

Наши ученые положили немало трудов как на исследование типов спряжения глаголов, так и на изучение самих форм спряжения, в результате чего были достигнуты известные на сегодняшний день результаты. Мы не будем рассматривать все эти труды, поскольку это задача исторической грамматики. Небезынтересно было бы проследить, как развивалась сама система спряжения глаголов, состоящая теперь из распадающихся на группы правильных и неправильных спряжений, но это также составляет задачу истории грамматики[40]. Не будем касаться этого вопроса, ограничимся только тем, что приведем выводы Кобаяси Ёсихару:

«Коротко говоря, исходной формой японского глагола является четырехступенчатое спряжение, к которому стали присоединяться суффиксы; таким образом появились окончания *ру*, *рэ* и образовалось двухступенчатое спряжение. Одноступенчатое спряжение представляет собой видоизменение двухступенчатого или четырехступенчатого спряжения; неправильное спряжение по столбцу *на* представляет собой первое неправильное спряжение, т. е. спряжение, возникшее в результате того, что у четырехступенчатого спряжения появились окончания *ру* и *рэ*. Неправильные спряжения по столбцу *са* и столбцу *ка* представляют собой варианты двухступенчатого спряжения»[41].

Об упоминаемых здесь правильных и неправильных (букв. «странных, необычных») спряжениях д-р Оцуки Фумихико говорит:

«Спряжение является естественным признаком глаголов; формы спряжения отличаются одна от другой; когда некоторые из них выходят за рамки установленных правил, причем слов, спрягающихся по этому типу, оказывается немного, то это еще не основание для того, чтобы называть такое спряжение «странным» (хэнкаку), но, видимо, как говорится в пословице, в глазах большинства меньшинство всегда — нечто странное, чудно́е. Нужно отметить, что антонимом слова «верный, правильный» (*сэй* 正) в данном случае является слово «неверный, неправильный» (*фусэй* 不正) и потому это название не подходит. По-видимому, лучше было бы сказать «обычное» (дзёкаку 常格) и «необычное» (хэнкаку 變格) спряжение. Тем не менее сейчас пользуются названиями, употребление которых принято традицией. Термины нашей грамматики «правильные глаголы» и «неправильные глаголы» совпадают с терминами, употребляемыми в грамматике английского языка. Название «неправильный» (букв. «нерегулярный» *фукисоку* 不規則) объясняется небольшим количеством слов, спрягающихся по данному типу спряжения, и разнообразием самих форм спряжения»[42].

Таким образом, отнесение глаголов к тому или другому типу зависит от того, сколько глаголов спрягается по данному типу спряжения, и от того, соответствует ли этот тип общим правилам. «Неправильное спряжение» — это название, антонимичное названию «правильное спряжение», и каждому неправильному спряжению всегда можно противопоставить правильное. Неправильные спряжения по столбцу *на* и столбцу *ра* рассматриваются как отступление от форм четырехступенчатого спряжения, причем, за исключением приименной и незавершенной формы у первых двух спряжений и заключительной формы у четырехступенчатого спряжения, они полностью совпадают, а в разговорном языке оба эти неправильные спряжения целиком входят в четырехступенчатое спряжение. Неправильное спряжение по столбцу *на* рассматривается как отступление от форм верхнего двухступенчатого спряжения, а неправильное спряжение по столбцу *са* — как отступление от форм нижнего двухступенчатого спряжения. Однако и в разговорном языке оба эти спряжения отнюдь не относятся к двухступенчатому спряжению, так что в этом смысле мы имеем иную картину, нежели при соотношении неправильных спряжений по столбцу *на* и столбцу *ра* и четырехступенчатого спряжения: к ним скорее следовало бы применить названия «трехступенчатое спряжение по столбцу *ка*» и «трехступенчатое спряжение по столбцу *са*». Само собой разумеется, что слов, спрягающихся по неправильному спряжению, меньше, чем спрягающихся по правильному, но не только рассмотренный факт кладется в основу деления

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

спряжений на правильные и неправильные. По нижнему одноступенчатому спряжению спрягается всего лишь один глагол, но это спряжение не считают неправильным, потому что аналогичному изменению подвергается корреспондирующее с ним верхнее одноступенчатое спряжение.

Как упоминалось выше, типов изменения окончаний в письменном и разговорном языке три, а именно:

1) изменение окончания сводится к изменению гласного;

2) изменение окончания не связано с изменением гласного, а достигается путем присоединения *ру*, *рэ*, *ё*, *ро*;

3) изменение окончания представляет собой комбинацию первого и второго типов.

Существует теория, согласно которой первый и второй типы как основные типы спряжения японского глагола считаются правильными спряжениями, а третий как отклоняющийся от общих правил спряжения рассматривается как неправильное спряжение. Однако если исходить из этого, то верхнее двухступенчатое и нижнее двухступенчатое спряжения в письменном языке не будут правильными, а окажутся неправильными. Другими словами, это будет выглядеть так:

Таблица 29

Типы изменений окончания глагола при спряжении

Тип спряжения	Глаголы письменного языка	Глаголы разговорного языка
Изменение первого типа (сводящееся к изменению гласного)	Четырехступенчатое спряжение (включая и неправильное спряжение по столбцу *ра*)	Четырехступенчатое спряжение
Изменение второго типа (не связанное с изменением гласного, а сводящееся к присоединению *ру*, *рэ*, *ё*)	Одноступенчатые спряжения (верхнее одноступенчатое спряжение, нижнее одноступенчатое спряжение)	Одноступенчатые спряжения (верхнее одноступенчатое спряжение, нижнее одноступенчатое спряжение)
Изменение третьего типа (комбинация первого и второго типов)	Неправильные спряжения (верхнее двухступенчатое спряжение, нижнее двухступенчатое спряжение, неправильное спряжение по столбцу *ка*, неправильное спряжение по столбцу *са*)	Неправильные спряжения (неправильное спряжение по столбцу *ка*, неправильное спряжение по столбцу *са*)

Однако в настоящей работе, как уже было упомянуто, верхнее двухступенчатое и нижнее двухступенчатое спряжения письменного языка считаются правильными спряжениями, а спряжение по столбцу *ра* считается неправильным.

Рассмотрим теперь коротко все девять типов правильных и неправильных спряжений по порядку.

1. Четырехступенчатое спряжение (ёдан-кацуё 四段活用)

Четырехступенчатым называется такое спряжение, в котором окончание глагола изменяется по четырем горизонтальным рядам (ступеням) — *а, и, у, э* — в одном и том же вертикальном ряду (столбце) алфавита годзюон. Глаголы, относящиеся к этому спряжению, изменяют окончания по девяти столбцам годзюона — *ка, га, са, та, да, ха, ба, ма, ра* [14]. К четырехступенчатому спряжению относится больше глаголов, чем к какому-либо другому. Обычно те глаголы, которые принадлежат этому спряжению, относятся к нему как в письменном языке, так и в разговорном.

Таблица 30

Глаголы четырехступенчатого спряжения

Столбец годзюона	*ка*	*га*	*са*	*та*	*да*	*ха*	*ба*	*ма*	*ра*
Основа*	*ка́* 書	*ао* 仰	*симэ* 示	*ка* 勝	*моми* もみ	*и* 言	*мана* 學	*ё* 讀	*ката* 語
Незавершенная форма	*ка*	*га*	*са*	*та*	*да*	*ха*	*ба*	*ма*	*ра*
Приёгэнная форма	*ки*	*ги*	*си*	*ти*	*дзи*	*(х)и*	*би*	*ми*	*ри*
Заключительная форма	*ку* 'писать'	*гу* 'смотреть вверх'	*су* 'показывать'	*цу* 'побеждать'	*дзу* 'краснеть' (о листве)	*(ф)у* 'говорить'	*бу* 'учиться'	*му* 'читать'	*ру* 'рассказывать'
Прииенная форма	*ку*	*гу*	*су*	*цу*	*дзу*	*(ф)у*	*бу*	*му*	*ру*
Завершенная форма	*кэ*	*гэ*	*сэ*	*тэ*	*дэ*	*(х)э*	*бэ*	*мэ*	*рэ*
Повелительная форма	*кэ*	*гэ*	*сэ*	*тэ*	*дэ*	*(х)э*	*бэ*	*мэ*	*рэ*

* К основе следует прибавлять данные ниже окончания

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

1) Как видно из приведенной выше таблицы, у глаголов четырехступенчатого спряжения заключительная и приименная формы, а также завершенная и повелительная формы соответственно одинаковы. Следовательно, казалось бы, что в четырехступенчатом спряжении можно установить только четыре формы спряжения; но тем не менее, исходя из того, что в письменном языке глаголы неправильного спряжения по столбцу *на — сину* 'умирать' и *ину* 'уходить' имеют все шесть отличных друг от друга форм, в четырехступенчатом спряжении даже фонетически одинаковые формы рассматриваются как различные формы спряжения. Таким путем производится не только систематизация в целях удобства, но и дается также возможность выработать единые правила соединения форм спряжения с другими словами, например правило о том, что *тэ* присоединяется к приёгэнной форме всех спряжений, *кото* и *моно* — к приименной форме всех спряжений, *домо* — к завершенной форме всех спряжений. А так как грамматика приводит факты языка в общую систему, то такое рассмотрение следует считать вполне закономерным, тем более, что исследование орфографии в древние эпохи подтверждает, что завершенная и повелительная формы не являются одной и той же формой [43]. Окончания завершенной формы *кэ*, *хэ*, *мэ* глаголов четырехступенчатого спряжения, связанные с особой орфографией, д-р Хасимото относит ко второму виду знаков слоговой азбуки (кана́), а окончания повелительной формы *кэ*, *хэ*, *мэ* — к первому виду. Таким образом, благодаря употреблению знаков кана ясно, что эти формы четко различались. Данный вопрос нуждается во всестороннем исследовании.

2) Приведенный в таблице глагол столбца *да — момидзу* 'краснеть' (о листве) является архаизмом, в современном языке его нет [44].

3) К столбцу *да* четырехступенчатого спряжения относится также древний глагол *хидзу*. Интересно проследить его употребление в литературе.

4) Имеется несколько глаголов, которые после периода Хэйан стали относить к нижнему двухступенчатому спряжению, а в период Нара их относили к четырехступенчатому спряжению. Таковы *какуру* 'прятать', *васуру* 'забывать', *фуру* 'касаться', *осору* 'бояться', *тару* 'висеть'. Все эти глаголы претерпели изменения в ходе исторического развития языка.

2. Верхнее двухступенчатое спряжение (ками-нидан-кацуё 上二段活用)

Верхним двухступенчатым называется такое спряжение, в котором окончание глагола изменяется по двум верхним рядам (ступеням) в пределах одного столбца годзюона, а именно —

по горизонтальным рядам *и* и *у*, причем к некоторым формам присоединяются *ру*, *рэ*, *ё*. Окончания глаголов, относящихся к этому спряжению, принадлежат к десяти столбцам годзюона, а именно — столбцам *ка*, *га*, *дза*, *та*, *да*, *ха*, *ба*, *ма*, *я*, *ра*. Глаголы, относящиеся к этому спряжению в письменном языке, в разговорном обычно относятся к верхнему одноступенчатому спряжению.

Таблица 31

Глаголы верхнего двухступенчатого спряжения[45]

Столбец годзюона	*ка*	*га*	*дза*	*та*	*да*	*ха*	*ба*	*ма*	*я*	*ра*
Основа	*и* 生	*су* 過	*ко* 掘	*о* 落	*ха* 恥	*си* 強	*но* 伸	*коко-ро* 試	*муку* 報	*ко* 懲
Незавершенная форма	*ки*	*ги*	*дзи*	*ти*	*дзи*	*(х)и*	*би*	*ми*	*и*	*ри*
Приёгэнная форма	*ки*	*ги*	*дзи*	*ти*	*дзи*	*(х)и*	*би*	*ми*	*и*	*ри*
Заключительная форма	*ку* 'жить'	*гу* 'проходить'	*дзу* 'выкапывать'	*цу* 'падать'	*дзу* 'стыдиться'	*(ф)у* 'принуждать'	*бу* 'вытягивать'	*му* 'пробовать'	*ю* 'оплачивать'	*ру* 'быть наказанным'
Приименная форма	*куру*	*гуру*	*дзуру*	*цуру*	*дзуру*	*(ф)уру*	*буру*	*муру*	*юру*	*руру*
Завершенная форма	*курэ*	*гурэ*	*дзурэ*	*цурэ*	*дзурэ*	*(ф)урэ*	*бурэ*	*мурэ*	*юрэ*	*рурэ*
Повелительная форма	*киё*	*киё*	*дзиё*	*тиё*	*дзиё*	*(х)иё*	*биё*	*миё*	*иё*	*риё*

1) Глагол *ику* 'жить' ранее спрягался по четырехступенчатому спряжению.

2) Глагол *ёку* 'избегать' спрягается и по четырехступенчатому и по верхнему двухступенчатому спряжениям.

3) Глагол *кодзи* (значение его 'выкапывать') фактически встречается только в этой приёгэнной форме; возможно, что он относится к четырехступенчатому спряжению.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

4) Глагол *мицу* 'наполняться' первоначально спрягался по четырехступенчатому спряжению.

5) Глагол *мотиу* 'употреблять' спрягается по столбцу *ва* по верхнему одноступенчатому спряжению, а также по столбцу *ха* по верхнему двухступенчатому спряжению. Соображения по этому поводу приводятся ниже.

6) Глагол *обу* 'опоясываться' в древние времена спрягался по четырехступенчатому спряжению.

7) Глагол *синобу* 'терпеть' спрягается и по четырехступенчатому, и по верхнему двухступенчатому спряжениям.

8) Глагол *хокоробу* 'распарываться', судя по некоторым данным, также спрягался по четырехступенчатому спряжению, но, поскольку в памятниках можно обнаружить только его приименную форму, никаких точных выводов на этот счет сделать нельзя.

9) Глаголы *кокоромиру* 'пытаться', *кангамиру* 'обдумывать', *усиромиру* 'оглядываться' относятся, собственно говоря, к верхнему одноступенчатому спряжению, но спрягаются и по верхнему двухступенчатому спряжению.

10) О глаголе *ураму* 'сердиться' в «Перечне допускаемых отступлений от грамматических норм», п. 1, говорится следующее: «Не возбраняется употреблять *ори* 'быть', *ураму* 'сердиться', *сину* 'умирать' как глаголы четырехступенчатого спряжения».

11) Так как глаголов, принадлежащих к верхнему двухступенчатому спряжению, очень мало, достаточно ограничиться знанием слов, указанных в авторском примечании 45 к вышеприведенной таблице.

3. Нижнее двухступенчатое спряжение (симо-нидан-кацуё 下二段活用)

Нижним двухступенчатым спряжением называется такое спряжение, в котором окончания глаголов изменяются по двум нижним рядам (ступеням) одного и того же столбца алфавита, а именно — по горизонтальным рядам *у* и *э*, причем к некоторым формам присоединяются *ру*, *рэ*, *ё*. Глаголы, принадлежащие к этому спряжению, изменяют окончания по всем столбцам годзюона, а также по добавочным столбцам *га*, *дзя*, *да*, *ба*, всего по 14 столбцам. По количеству глаголы, принадлежащие к этому спряжению, идут вслед за глаголами четырехступенчатого спряжения. Глаголы, принадлежащие к этому спряжению в письменном языке, в разговорном относятся к нижнему одноступенчатому спряжению (см. таблицу № 32).

1) Глагол *ваку* 'делиться' ранее спрягался по четырехступенчатому спряжению, а в настоящее время относится к нижнему двухступенчатому спряжению

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Таблица 32

Глаголы нижнего двухступенчатого спряжения [46]

Столбец годзюона	*а*	*ка*	*га*	*са*	*дза*	*та*	*да*	*на*	*ха*	*ба*	*ма*	*я*	*ра*	*ва*
Основа	(*э*) 得	*у* 受	*цу* 告	*я* 搜	*ма* 交	*та* 立	*и* 出	*тадзу* 尊	*оси* 教	*сира* 調	*ацу* 集	*обо* 覺	*ха* 晴	*у* 植
Незавершенная форма	*э*	*кэ*	*гэ*	*сэ*	*дзэ*	*тэ*	*дэ*	*нэ*	(*х*)*э*	*бэ*	*мэ*	*э*	*рэ*	*э*
Приёгэнная форма	*э*	*кэ*	*гэ*	*сэ*	*дзэ*	*тэ*	*дэ*	*нэ*	(*х*)*э*	*бэ*	*мэ*	*э*	*рэ*	*э*
Заключительная форма	*у* 'мочь'	*ку* 'получать'	*гу* 'вещать'	*су* 'тощать'	*дзу* 'смешиваться'	*цу* 'стоять'	*дзу* 'выходить'	*ну* 'осведомляться'	(*ф*)*у* 'учить'	*бу* 'справляться'	*му* 'собираться'	*ю* 'помнить	*ру* быть ясным'	*у* 'сажать'
Прииенная форма	*уру*	*куру*	*гуру*	*суру*	*дзуру*	*цуру*	*дзуру*	*нуру*	(*ф*)*уру*	*буру*	*муру*	*юру*	*руру*	*уру*
Завершенная форма	*урэ*	*курэ*	*гурэ*	*сурэ*	*дзурэ*	*цурэ*	*дзурэ*	*нурэ*	(*ф*)*урэ*	*бурэ*	*мурэ*	*юрэ*	*рурэ*	*урэ*
Повелительная форма	*эё*	*кэё*	*гэе*	*сэё*	*дзэё*	*тэё*	*дэё*	*нэё*	(*х*)*эё*	*бэё*	*мэё*	*эё*	*рэё*	*эё*

2) Глагол *ёку* 'избегать', как уже отмечено выше, ранее спрягался и по четырехступенчатому и по верхнему двухступенчатому спряжениям, но в настоящее время обычно относится к нижнему двухступенчатому спряжению.

3) Глагол *цӯку* 'прикасаться' в настоящее время спрягается по нижнему двухступенчатому, но раньше спрягался по четырехступенчатому спряжению.

4) Глагол *удзуму* 'зарывать' в настоящее время также относится к нижнему двухступенчатому спряжению, а раньше спрягался по четырехступенчатому.

5) Глагол *татоу* 'уподоблять' также в настоящее время относится к нижнему двухступенчатому спряжению, и потому от него образовалось существительное *татоэ* 'уподобление, аллегория', но раньше он спрягался по четырехступенчатому спряжению, и производным от него было существительное *татои*.

6) То же самое можно сказать и о глаголе *урэу* 'печалиться'. Некоторые считают его принадлежащим к верхнему двухступенчатому спряжению, другие же, исходя из того, что существует прилагательное *урэваси* 'печальный', по аналогии с примерами *ураяму* 'завидовать' и *ураямаси* 'завидный', *вадзурау* 'хлопотать' и *вадзураваси* 'хлопотливый' относят этот глагол к четырехступенчатому спряжению. Существительное же *урээ* 'печаль', несомненно, происходит от приёгэнной формы, образованной по нижнему двухступенчатому спряжению.

4. Верхнее одноступенчатое спряжение (ками-итидан-кацуё 上一段活用)

Верхним одноступенчатым называется такое спряжение, в котором окончание глагола остается в одном горизонтальном ряду (одной ступени) в пределах одного столбца годзюона, а именно — горизонтальном ряду *и*, причем к некоторым формам присоединяются *ру*, *рэ*, *ё*. Окончания глаголов, принадлежащих к этому спряжению, входят в шесть столбцов годзюона — *ка на*, *ха*, *ма*, *я*, *ва*. Глаголы, принадлежащие к данному спряжению в письменном языке, в разговорном обычно относятся к верхнему одноступенчатому спряжению (см. таблицу № 33).

1) Глаголов, относящихся к верхнему одноступенчатому спряжению, очень немного, они исчерпываются теми, которые приведены здесь.

2) Д-р Хасимото Синкити высказывает мысль, что глаголы столбца *ха* верхнего одноступенчатого спряжения в древнем языке относились к верхнему двухступенчатому спряжению, а затем выделились из последнего. Об этом говорит также Ясуда Киёмон[47].

3) Глаголы столбца *я*: *иру* 'стрелять', *иру* 'лить' (металл), *иру* 'лить' (沃る) иногда относят к столбцу *а*; например так сделано

Таблица 33

Глаголы верхнего одноступенчатого спряжения[48]

Столбец годзюона	*ка*	*на*	*ха*	*ма*	*я*	*ва*
Основа*	(*ки*) 着	(*ни*) 似	(*хи*) 乾	(*ми*) 見	(*и*, い) 射	(*и*, ゐ) 居
Незавершенная форма	*ки*	*ни*	*хи*	*ми*	*и*	*и*
Приёгэнная форма	*ки*	*ни*	*хи*	*ми*	*и*	*и*
Заключительная форма	*киру* 'надевать'	*ниру* 'походить'	*хиру* 'сохнуть'	*миру* 'смотреть'	*иру* 'стрелять'	*иру* 'быть, находиться' (о ком-л.)
Прииенная форма	*киру*	*ниру*	*хиру*	*миру*	*иру*	*иру*
Завершенная форма	*кирэ*	*нирэ*	*хирэ*	*мирэ*	*ирэ*	*ирэ*
Повелительная форма	*киё*	*ниё*	*хиё*	*миё*	*иё*	*иё*

* Основы, взятые в скобки, полностью совпадают с незавершенной формой, т. е. окончания и будут формами спряжения глаголов.

в грамматике Оцуки Фумихико, но здесь, что общепринято, они отнесены в столбец *я*. В японской литературе *и* столбца *а* и *и* столбца *я* не различаются.

4) Глагол *мотиру* 'употреблять' правильно спрягается по столбцу *ва*, по верхнему одноступенчатому спряжению, но в настоящее время всюду, начиная с утвержденных государственной комиссией хрестоматий, этот глагол отнесен в столбец *ха* к верхнему двухступенчатому спряжению[49].

О спряжении *мотиру* среди современных грамматистов нет единого мнения; одни относят этот глагол к столбцу *ха* верхнего двухступенчатого спряжения, другие — к столбцу *ва* верхнего одноступенчатого спряжения. Относительно спряжения этого глагола свое авторитетное мнение высказал подробно д-р Оцуки (в предисловии к своему толковому словарю «Гэнкай»), и потому здесь мы не будем излагать его вторично. Однако, судя по другим материалам, не остается никаких сомнений в том, что в древнем языке глагол *мотиру* спрягался по столбцу *ва*, по одноступенчатому

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

спряжению. Почему же, несмотря на это, некоторые грамматисты все же относят его к столбцу *ха* двухступенчатого спряжения?

Может быть, они исходят из того, что начиная с периода Эдо в письменном языке глагол *мотиру* обычно спрягался по двухступенчатому спряжению, так что такое употребление укоренилось как привычное? Или же основанием для этого служит то, что на спряжении данного глагола по столбцу *ха* по двухступенчатому спряжению настаивал сам Норинага, а за ним и другие видные грамматисты?

Мне кажется, в настоящее время никто не выдвигает уже таких несерьезных возражений, что изменение этого глагола по одноступенчатому спряжению слишком напоминает спряжение в разговорном языке.

Современная грамматика стандартного языка является в своей основе (с некоторой обработкой) грамматикой периодов Нара и Хэйан (VIII—XII вв.). И хотя в основе ее лежит язык этих периодов, это вовсе не значит, что все, не соответствующее грамматике того времени, следует исправлять, согласно ее нормам. Следовательно, нет никаких оснований настаивать на спряжении слова *мотиру* по одноступенчатому спряжению по столбцу *ва* только потому, что оно спрягалось так в периоды Нара—Хэйан. Поэтому первая из вышеупомянутых причин должна учитываться в полной мере.

Однако грамматика стандартного языка, в которую по мере развития языка сознательно вносятся значительные исправления, не должна слишком отставать от языка. А в современном разговорном языке *мотиру* спрягается по верхнему одноступенчатому спряжению.

Как уже указывалось выше, в трудах по грамматике стандартного языка глагол *мотиру* считается принадлежащим двум спряжениям; это весьма неудобно с педагогической точки зрения. Считая такое положение недопустимым, я полагаю, что как с точки зрения исторической, так и с точки зрения характера грамматики стандартного языка глагол *мотиру* должен быть отнесен в столбец *ва* к одноступенчатому спряжению.

Оставим пока этот вопрос и посмотрим, с какого же времени данный глагол, относившийся к одноступенчатому спряжению, стал спрягаться по двухступенчатому спряжению? Об этом Сакакибара Ёсино говорит: «В годы Гэнкё—Кэмму (1321—1335) стали появляться и формы двухступенчатого спряжения по столбцу *ва*; в сочинении «Такимоно-авасэ» императора Фусими-ин имеется слово *мотиу*». Я еще не знаком с этим памятником, но в «Гунсёруйдзю» указывается книга под названием «Го-фусими-ин синкан такимоноката», где встречаются слова *мина мотиюбэкарадзу* 'все не должны употреблять'. Не это ли и имеется в виду? Другими словами, существует мнение, согласно которому форма двухступенчатого спряжения этого глагола появилась впервые в конце

эпохи Камакура. В периоды Нара—Хэйан случаев спряжения этого глагола по двухступенчатому спряжению не наблюдается. В период Камакура в «Гукансё» он также всегда относится к одноступенчатому спряжению. В различных сочинениях, собранных в «Ваго-тōроку» Хóнэн-сёнин, этот глагол спрягается по двухступенчатому спряжению часто, даже чаще, чем по одноступенчатому спряжению. Хóнэн-сёнин умер в январе 1212 г. В течение последующих нескольких десятков лет в сочинениях Нитирэн-сёнин и в «Сясэкисō» (1279—1283) Мудзю Кóкуси появляются формы данного глагола, образованные по двухступенчатому спряжению. В частности, в сочинениях Нитирэн-сёнин уже совершенно не встречается случаев спряжения этого глагола по одноступенчатому спряжению. В рукописи «Комментариев к Лунъюй», относящейся к 1328 г.[50], глагол *мотиру* спрягался по двухступенчатому спряжению вдвое реже, чем по одноступенчатому. В словаре «Дзикёсю», составленном, по всей вероятности, в годы Кангэн (1243—1246), иероглиф 用 снабжен двумя японскими чтениями — *мотиу* и *мотиру*. Однако в этом словаре более двадцати иероглифов имеют чтение *мотиру*, а к двухступенчатому спряжению относится только одно слово, обозначенное знаком 用. В «Сёбогэндзо» (1253), автором которого является Сёё-дайси, форм двухступенчатого спряжения данного глагола нет. При изучении несколько более поздней рукописи «Одзё-сиёсё», принадлежащей лично кисти Такамару-синно, в ней оказались только формы одноступенчатого спряжения.

Большого внимания заслуживает то, что в сочинениях Нитирэн-сёнин глагол *мотиру* спрягается исключительно по двухступенчатому спряжению. Это Нитирэн-сёнин, обращаясь к своим ученикам, приехавшим в Токио, советовал им: «Деревенские парни должны разговаривать деревенским языком». Можно предположить, что язык самого Нитирэн принадлежал к кантоскому говору. В сочинениях Нитирэн-сёнин *мотиру* почти всегда спрягается по двухступенчатому спряжению В сочинениях же Такамару-синъо, несмотря на то, что они написаны позже, данный глагол спрягается только по одноступенчатому спряжению. Сопоставив эти факты, мы приходим к выводу, что *мотиру* стали спрягать по двухступенчатому спряжению в период Камакура всецело под влиянием кантоского диалекта. Упомянутый выше Мудзю Кóкуси также был родом из Камакура.

У автора не было возможности сверить материал (а в нем могли быть ошибки, допущенные при переписке) с первоисточником, к тому же самого материала было очень немного, поэтому окончательных выводов сделать нельзя. Кроме того, употребление форм двухступенчатого спряжения в «Ваго-тōроку» Хóнэн-сёнин кажется несколько сомнительным в том смысле, что оно опережает свое время.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Итак, можно сказать, что спрягать глагол *мотиру* по двухступенчатому спряжению в письменном языке стали, во всяком случае, в середине периода Камакура; появление же его в разговорном языке Киото следует отнести к самому началу периода Хэйан. Однако, судя по упомянутым выше рукописям «Дзикёсю», «Одзё-сиёсё» и др., до конца периода Камакура такое спряжение, видимо, еще не вошло в норму.

Возникает вопрос, существовало ли двухступенчатое спряжение этого глагола ранее в диалектах? В «сёномоно» периода Муромати, представляющих собой записи разговорного языка, встречаются формы двухступенчатого спряжения. Вероятно, какое-то время эта форма употреблялась в разговорном языке не только жителей восточных провинций, но и населения Киото. Правда, язык «сёномоно» нельзя считать в полной мере разговорным, но тем не менее можно сделать вывод, что (не под влиянием ли диалектов восточных провинций?) глагол *мотиру* стал спрягаться по двухступенчатому спряжению, а затем, в связи с общим переходом глаголов двухступенчатого спряжения в одноступенчатое, вновь стал спрягаться по одноступенчатому спряжению. Затем, в периоды Намбокутё и Муромати в письменном языке постепенно начинают преобладать формы двухступенчатого спряжения. В «Хоккэкё-онкун», изд. Со́кусйтоку, формы одноступенчатого и двухступенчатого спряжений встречаются в пропорции 2 : 3, в «Самбукё-онги» (рукопись с предисловием, помеченным 1549 г.) —в пропорции 1 : 4, в словаре «Сэцуёсю», рукопись которого относится к 1559 г., имеются формы *мотию* и *мотиру*, причем форме *мотиру* уделяется несколько меньшее внимание. В «Вагокухэн» в издании 1613 г. на каждую одну форму одноступенчатого спряжения приходится четыре формы двухступенчатого спряжения, т. е. здесь налицо та же пропорция, что и в «Самбукё-онги», а в изданном несколько раньше, в 1597 г., «Сэцуёсю» (вариант «Экиринбон») форм одноступенчатого спряжения совсем нет. В период Токугава в таких словарях, как «Вагокухэн» и «Сэцуёсю», встречаются и формы одноступенчатого спряжения, но появляются они здесь, очевидно, благодаря невнимательности переписчика. В основном же здесь применяются формы двухступенчатого спряжения[51].

5. Нижнее одноступенчатое спряжение (симо-итидан-кацуё 下一段活用)

Данное спряжение характеризуется тем, что окончания глаголов остаются в одном горизонтальном ряду годзюона — ряду *э*, причем к некоторым формам этого спряжения присоединяются *ру*, *рэ*, *ё*. В письменном языке по этому спряжению спрягается только один глагол *кэру* 'пинать, бить ногой', в разговорном

языке он тоже принадлежит к нижнему одноступенчатому спряжению.

Таблица 34

Глаголы нижнего одноступенчатого спряжения по столбцу *ка* (глагол *кэру* 蹴 'пинать')

Основа	*кэ*
Незавершенная форма	*кэ*
Приёгэнная форма	*кэ*
Заключительная форма	*кэру*
Прииенная форма	*кэру*
Завершенная форма	*кэрэ*
Повелительная форма	*кэё*

1) Как уже́ упоминалось в главе второй, в разделе об исторической грамматике, в период Нара наблюдаются случаи спряжения глагола *кэру* в форме *куэ* < 来 (в «Кодзики», гл. «Дзиндай-ки» и в «Нихонги», гл. «Суйнин-ки»). Это свидетельствует о том, что данный глагол спрягается по столбцу *ва* по нижнему двухступенчатому спряжению. Следовательно, в период Нара нижнего одноступенчатого спряжения еще не существовало. Только в начале периода Хэйан появились формы *коэ* и *кою* (Словарь «Синсэнцзикё»), т. е. формы спряжения по столбцу *я* по нижнему двухступенчатому спряжению. В середине периода Хэйан этот глагол вновь перешел в нижнее одноступенчатое спряжение в столбец *ка*, превратившись в *кэру*[52]. В современном письменном языке этот глагол спрягается также по столбцу *ра* по четырехступенчатому спряжению, получая такие формы, как *кэраму* 'ударю ногой', *кэритаси* 'хочу ударить ногой'. Поэтому и в разговорном языке данный глагол спрягается и по нижнему одноступенчатому, и по четырехступенчатому спряжениям.

2) О глаголах *хэру* (綜る) 'скручивать нить' и *нэру* (殖る) 'заквашивать хлеб' Оцуки Фумихико говорит:

«В некоторых грамматиках специально выделяют глаголы *кэру*, *хэру* и *нэру*, ограничивая нижнее одноступенчатое спряжение этими тремя глаголами. Включение таких слов, как *хэру* и *кэру*,

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

вносит в письменный язык элементы разговорного языка. Но в разговорном языке нижнее одноступенчатое спряжение не ограничивается указанными двумя глаголами. Относить их к письменному языку также нет достаточных оснований[53].

Короче говоря, *хэру* 'скручивать нить' является разговорной формой от глагола *фу* (綜), принадлежащего в письменном языке к нижнему двухступенчатому спряжению; *нэру* 'заквашивать хлеб' также, видимо, относится к нижнему двухступенчатому спряжению письменного языка, но, поскольку употребление этих слов не удается проследить по памятникам ранее, чем с периода Инсэй, можно сделать вывод, что скорее всего эти слова наибольшее развитие получили в разговорном языке. Таким образом, как *хэру*, так и *нэру* в данной форме следует считать принадлежащими к нижнему одноступенчатому спряжению разговорного языка.

6. Неправильное спряжение по столбцу *ка*

Это спряжение характеризуется изменением окончания глагола по трем горизонтальным рядам (ступеням) — *и*, *у*, *о* в пределах столбца *ка* годзюона, причем к некоторым формам этого спряжения присоединяются *ру*, *рэ*, *ё*. Из всех спряжений окончание в ряду *о* имеется только в этом одном. Неправильное спряжение по столбцу *ка* называется еще «трехступенчатым спряжением по столбцу *ка*». К нему относится только один глагол — *ку* 'приходить', который в разговорном языке также спрягается по неправильному спряжению по столбцу *ка*.

Таблица 35

Неправильное спряжение по столбцу *ка* (глагол *ку* 来 'приходить')

Незавершенная форма	*ко*
Приёгэнная форма	*ки*
Заключительная форма	*ку*
Прииенная форма	*куру*
Завершенная форма	*курэ*
Повелительная форма	*коё*

Глагол *ку* письменного языка в настоящее время употребляется редко (но его разговорная форма *куру* широко употребляется в разговорном языке). Обычно вместо него применяется равнозначный глагол *китару*; он относится к четырехступенчатому спряжению по столбцу *ра*.

Ки в глаголе *китару*, видимо, не что иное, как приёгенная форма глагола *ку*. *Тару* считается служебным глаголом законченности действия *тари* или происходящим от глагола *итару* 'доходить, достигать'. Равнозначные глаголы *китасу* и *кусу* 'принести, повлечь за собой' относятся к четырехступенчатому спряжению.

7. Неправильное спряжение по столбцу *са*

Это спряжение характеризуется изменением окончания глагола по трем горизонтальным рядам *и*, *у*, *э* в пределах столбца *са* годзюона, причем к некоторым формам этого спряжения присоединяются *ру*, *рэ*, *ё*. Другое его название — «трехступенчатое спряжение по столбцу *са*». К данному спряжению относится, собственно, только один глагол *су* 'делать', который и в разговорном языке спрягается по неправильному спряжению по столбцу *са*.

Таблица 36

Неправильное спряжение по столбцу *са* (глагол *су* 'делать')

Незавершенная форма	*сэ*
Приегэнная форма	*си*
Заключительная форма	*су*
Приименная форма	*суру*
Завершенная форма	*сурэ*
Повелительная форма	*сэё*

Обычно к неправильному спряжению столбца *са*, кроме *су* 'делать', относят еще глагол *овасу* 'возложить'. Однако глагол *овасу* в древнем языке спрягался как по четырехступенчатому, так и по нижнему двухступенчатому спряжениям, что было установлено после того, как данный вопрос подробно разобрал и доказал на примерах д-р Ямада Ёсио[54]. Еще раньше д-р Оцуки Фумихико,

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

касаясь этого вопроса, рассуждал, не делая, однако, никаких окончательных выводов, следующим образом:

«.. так как корень этого слова *масу* относится к четырехступенчатому спряжению, то и *овасу* прежде должно было относиться к четырехступенчатому спряжению, что можно подтвердить многочисленными примерами. Однако случаев спряжения этого глагола по нижнему двухступенчатому спряжению бесчисленное множество. Таким образом, рассматриваемое слово с самого начала имело два одинаковых варианта, спрягавшихся один по четырехступенчатому, другой по нижнему двухступенчатому спряжениям. В этом отношении оно сходно с глаголами *мору* и *моруру* 'просачиваться', *вакару* и *вакаруру* 'разделяться', *удзумору* и *удзуморуру* 'закапывать', *хираку* и *хиракуру* 'открывать', *ику* и *икиру* 'жить' и др., которые имеют два варианта спряжения, ничем не отличающиеся ни по смыслу, ни даже по наличию переходности или ее отсутствию. Итак, неправильное спряжение по столбцу *са* образовалось, по-видимому, в результате смешения форм обоих спряжений. При этом встает вопрос — можно ли ограничить круг слов, спрягающихся по неправильному спряжению по столбцу *са*, только одним *су*? (...следуют примеры, которые мы опускаем. — *Прим. Киэда*). Однако многие японские языковеды спряжение глагола *овасу* относят к неправильному спряжению по столбцу *са*. И поскольку в приведенном выше рассуждении многие вопросы требуют дальнейшего изучения, мы присоединяемся к общему мнению»[55].

Д-р Ямада окончательно подтвердил теорию о двух вариантах спряжения — четырехступенчатого и нижнего двухступенчатого — д-ра Оцуки, говоря:

«Некоторые относят теперь глагол *овасу* к неправильному спряжению по столбцу *са*. Они делают это на том основании, что незавершенную, приименную, завершенную и повелительную формы данный глагол образует так же, как глаголы нижнего двухступенчатого спряжения, а приёгенную и повелительную формы — как глаголы четырехступенчатого спряжения. Я считаю, что для доказательства принадлежности данного глагола к четырехступенчатому спряжению достаточно показать у него наличие соответствующих форм — незавершенной, приименной и завершенной. Для того же, чтобы доказать принадлежность глагола к нижнему двухступенчатому спряжению, достаточно констатировать наличие соответствующей приёгэнной формы».

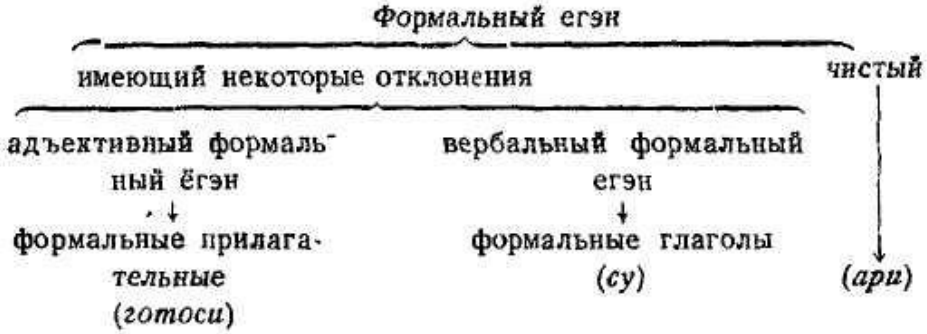
Д-р Ямада безоговорочно признает *овасу* дериватом слова *масу* и, доказывая на примерах, что *масу* спрягается по двум спряжениям — четырехступенчатому и нижнему двухступенчатому, — утверждает, что и образовавшееся от него *овасу* спрягается в двух вариантах — по четырехступенчатому и по нижнему двухступенчатому спряжениям — не случайно.

Таблица 37

Спряжение глагола *овасу*

	Неправильное спряжение по столбцу *са*	Четырехступенчатое спряжение	Нижнее двухступенчатое спряжение
Незавершенная форма	*овасэ*	*оваса*	*овасэ*
Приёгэнная форма	*оваси*	*оваси*	*овасэ*
Основная форма	*овасу*	*овасу*	*овасу*
Применная форма	*овасуру*	*овасу*	*овасуру*
Завершенная форма	*овасурэ*	*овасэ*	*овасурэ*
Повелительная форма	*овасэ*	*овасэ*	*овасэ*

Д-р Ямада, как уже упоминалось в первом параграфе настоящей главы, делит ёгэны на реальные ёгэны (глаголы и предикативные прилагательные) и формальные ёгэны, классифицируя последние следующим образом:



Согласно этой схеме, су является вербальным формальным ёгэном, т. е. формальным глаголом. Д-р Ямада, определяя формальный ёгэн, говорит: «Формальным ёгэном мы называем такой, который дополняет то, чего недостает реальному ёгэну; передаваемое им атрибутивное понятие чрезвычайно широко: оно состоит в выражении формальной возможности мысли. Почти всегда он употребляется с каким-либо реальным словом»[56]. Не касаясь вопроса о приемлемости названия «формальный ёгэн», отметим только, что глагол *су* выражает действие, процесс неопределенно, не уточняя, какое именно действие, благодаря чему к нему приходится присоединять так называемый (по терминологии д-ра Ямада) предикативный (присвязочный) член (хинго 賓語), т. е. слово, которое употребляется для выражения реальности понятия перед формальным ёгэном. Другими словами, в большинстве случаев *су* образует сложный глагол неправильного спряжения по столбцу *са* и присоединяется к другому знаменательному слову по типу: ...*су*. Благодаря этому число глаголов неправильного спря-

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

жения по столбцу *са* чрезвычайно возрастает. Ниже приводим наиболее распространенные случаи сложения знаменательного слова с глаголом *су*.

1) Сложение с японскими существительными: *табису* 'путешествовать', *кокоросу* 'принимать к сердцу', *цумису* 'обвинять', *кумису* 'объединяться', *макурасу* 'положить под голову', *моногатарису* 'повествовать', *каэримису* 'оглядываться' и др.

2) Сложение с глаголами: *хорису* (*хоссу* — сокращение этого глагола) 'желать', *цўкису* 'исчерпать', *синису* 'умирать', *таэсу* 'иссякать', *кутису* 'гнить', *фурису* 'идти (о дожде)'.

Обычно в этих случаях глагол выступает в приёгэнной форме.

3) Сложение с прилагательными: *карукўсу* 'облегчать', *омокўсу* 'делать тяжелее', *карондзу* 'пренебрегать', *омондзу* 'ценить', *амандзу* 'баловать', *утондзу* 'сторониться', *сакиндзу* 'предшествовать', *сорандзу* 'знать на память', *намису* 'уничижать', *маттōсу* 'завершать, выполнять' и др.

Можно считать, что *карондзу*, *омондзу*, *амандзу* образовались таким путем: *карукўсу*, *омокўсу*, *амакўсу* благодаря фонетическому изменению превратились сначала в *каруусу*→*карўсу* *омоусу* → *омōсу*, *амаусу* → *амōсу*, а затем в *карондзу*, *омондзу*, *амандзу*; но можно допустить, что они произошли и от форм *карумису*, *омомису*, *амамису*. Это можно заключить по аналогии со словами *ёмису* 'считать хорошим', *урувасимису* 'считать красивым'. *Су* превращается в *дзу* под влиянием предшествующего фонетического изменения [15]. *Сакиндзу* и *сорандзу* образовались из *сакинису*, *соранису*.

4) Сложение с заимствованными словами китайского происхождения — кáнго — и европейскими: *бэнкē-су* 'заниматься', *тирē-су* 'лечить', *мэйваку-су* 'причинять хлопоты', *компай-су* 'утомляться', *сēби-су* 'превозносить', *тэйси-су* 'приостановить' и др.; *тэндзу* 'переходить', *андзу* 'предполагать', *рондзу* 'спорить', *сондзу* 'существовать', *хэндзу* 'меняться', *сēдзу* 'порождать', *мэйдзу* 'приказывать' и др.; *сўкэттису* * 'делать наброски', *таттйсу* ** 'прикасаться', *кōтису* *** 'руководить'. Следует обратить внимание на то, что некоторые из приведенных глаголов спрягаются по столбцу *дза*. Что касается глаголов *кōдзу* 'испытывать затруднение' и *кэмису* 'проверять', то д-р Оцуки считает, что они происходят от равнозначных слов *кому* и *кэму*[57].

5. Сложение с наречиями: *куёкуё-су* 'беспокоиться', *никоникo-су* 'улыбаться'.

В примерах, приведенных ниже, между *су* и знаменательным словом вклинивается служебное слово, и их трудно рассматри-

---

* От англ. sketch.
** От англ. touch.
*** От англ. coach.

вать как сложный глагол неправильного спряжения по столбцу *са*. В этом случае слово, предшествующее служебному слову, очевидно, следует считать, как предлагает доктор Ёсинори, «дополнением в новом смысле».

*Гайдзан-но сакура **тири** я **сэму*** (п. я.) 'Вишни на Гайдзан **осыпятся**'.

Появление служебного слова между двумя словами свидетельствует о том, что связь между ними ослабла; если бы они были соединены прочно, вклинивание служебного слова оказалось бы невозможным. Следовательно, *тири су* в приведенном примере нельзя рассматривать как глагол неправильного спряжения по столбцу *са*, представляющий собой одно слово. Таким можно считать только сам глагол *су*, стоящий в конце сочетания.

8 Неправильное спряжение по столбцу *на*

Неправильным спряжением по столбцу *на* называется изменение окончания по четырем горизонтальным рядам годзюона — *а*, *и*, *у*, *э* — в пределах столбца *на* с присоединением к некоторым формам спряжения *ру*, *рэ*. Формы изменения по четырем рядам данного спряжения не отличаются от форм четырехступенчатого спряжения, но приименная и завершенная формы образуются иначе. Данное спряжение отличается от всех других спряжений еще тем, что все шесть форм в нем различны. К рассматриваемому спряжению относятся только два глагола — *сину* 'умирать' и

Таблица 38

Неправильное спряжение по столбцу *на* (глагол *сину* 死ぬ 'умирать')

Основа	*си*
Незавершенная форма	*на*
Приёгэнная форма	*ни*
Заключительная форма	*ну*
Прииименная форма	*нуру*
Завершенная форма	*нурэ*
Повелительная форма	*нэ*

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

ину 'уходить'. Глаголы, относящиеся к этому спряжению в письменном языке, в разговорном спрягаются по четырехступенчатому спряжению. Более того, согласно «Перечню допустимых отступлений от грамматических норм» эти глаголы, как и глаголы *ори* 'быть', *ураму* 'сердиться', и в письменном языке разрешается спрягать по четырехступенчатому спряжению.

Глагол *сису* (死す) 'умирать' относится к неправильному спряжению по столбцу *са*, и потому его не следует смешивать с *сину*; *си* в этом глаголе представляет собой «он»*. Но глагол *сийсу* (弑) 'убивать' относится к нижнему двухступенчатому спряжению и представляет собой японское слово. Если признать правильным, что *сину* восходит к *сиину* 'умирая, уходить', то в неправильном спряжении по столбцу *на* в конечном счете останется только один глагол *ину* 'уходить'.

9 Неправильное спряжение по столбцу *ра*

Неправильным спряжением по столбцу *ра* называется изменение окончания по четырем горизонтальным рядам годзюона — *а*, *и*, *у*, *э* — в пределах столбца *ра*. Данное спряжение отличается от четырехступенчатого только тем, что окончание его заключительной формы находится в ряду *и*, а не *у*. Я считаю вполне закономерным как то, что глаголы данного спряжения в разговорном языке спрягаются по четырехступенчатому спряжению, так и то, что это разрешается «Перечнем допустимых отступлений от грамматических норм» в письменном языке. К этому спряжению

Таблица 39

Неправильное спряжение по столбцу *ра* (глагол *ари* 'быть')

Незавершенная форма	*ра*
Приёгэнная форма	*ри*
Заключительная форма	*ри*
Приименная форма	*ру*
Завершенная форма	*рэ*
Повелительная форма	*рэ*

* Об он'е см. комментарии к Введению, прим. 11.

относятся только четыре глагола. *ари* 'быть, иметься', *ори* 'быть, находиться' (о ком-либо), *хабэри* 'прислуживать', *имасӯкари* (*имасокари*) 'пребывать'.

1) Как уже говорилось выше, д-р Ямада относит *ари* в разряд формальных ёгэнов, считая его чисто формальным ёгэном, и отделяет этот глагол от разряда реальных ёгэнов. Вместе с тем в «Лекциях по японской грамматике» он дает *ари* специальное наименование «бытийное слово», отделяя его от других глаголов в особую часть речи. Он объясняет его так: «Слово *ари* может служить предикатом вещей в чрезвычайно широких формах; оно не предполагает какого-либо определения, атрибута, а является представителем основной формальной части почти всех ёгэнов»[58]. В «Трактате по японской грамматике» д-р Ямада устанавливает следующие четыре значения и функции *ари*:

а) обозначение бытия вещей (это основная функция *ари*, именуемого в данном случае бытийным глаголом. Остальные три функции являются производными от нее):

Мукаси Ононотака то йу хйто ***аригэри*** 'Был в старину человек по имени Ононотака',

б) сложение с прилагательным ради особого обозначения существования какого-либо состояния, свойства (в этом случае *ари* именуется адъективным глаголом; в «Лекциях по японской грамматике» *ари* в данной функции именуется «адъективным бытийным словом»):

Хана мо момидзи мо ***накарикэри*** (п. я.) 'Не было ни цветов, ни алых листьев' [16]:

в) обозначение только процесса апперцепции (в этом случае *ари* именуется изъяснительным глаголом. В «Лекциях по японской грамматике» *ари* называется «изъяснительным бытийным словом»):

Кусуноки Масасигэ ва тӯсин ***нари*** (п. я.) 'Кусуноки Масасигэ (есть) верный вассал'.

Хару курэба кари каэру ***нари*** (п. я.) 'Придет весна, и прилетят гуси'.

Ё-о акаси хабэрицуру ***нари*** (п. я.) 'Провел всю ночь без сна' [17]

Бӯбаку-тару хэйя итару токоро-ни ари (п. я.) 'Бескрайняя равнина — повсюду';

г) обозначение атрибута при подчинении глаголу или формальному глаголу (в этом случае называется «вербально-бытийным глаголом», а в «Лекциях по японской грамматике» — «вербально-бытийным словом»):

Уракадзэ юруку ***касуми ватарэри*** (п. я.) 'Морской ветерок слегка **затуманил** все кругом'.

В первых двух случаях (а и б) я рассматриваю *ари* как глагол неправильного спряжения по столбцу *ра*, а в третьем случае —

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

как присвязочный служебный глагол и, следовательно, как формальное слово (конечно, здесь имеется немало спорных моментов). В последнем случае я рассматриваю *ри* как отдельный служебный глагол *законченности действия*.

2) Я считаю, что поскольку в слове *нари* 'быть', образовавшемся из слияния *ни ари*, присутствует элемент, обозначающий бытие, нужно отделить это слово от служебных глаголов-связок и отнести к глаголам неправильного спряжения по столбцу *ра*. Однако обычно употребляется только приименная форма этого глагола; он не может также самостоятельно служить сказуемым; поэтому его нельзя считать полноценным глаголом. Разумеется, подобный вопрос не может возникнуть, если в составе служебных глаголов не выделять связочных глаголов.

Мусаси ***нару*** *Сумидагава* 'Река Сумида **(находящаяся)** в Мусаси'.

Касуга ***нару*** *Микаса-но яма* 'Гора Микаса **(находящаяся)** в Касуга'.

3) Равным образом надо отнести к глаголам неправильного спряжения по столбцу *ра* и сложные слова *какари* 'быть так', *сйкари* 'быть так', *сари* 'быть так':

Хйто мина ка, арэ я ***сйкару*** (Манъёсю, 892) 'Люди все ли? Я один таков'.

Итак, мы в основном закончили описание типов спряжения глаголов письменного языка. Укажем теперь способ различения этих типов спряжения. От заданного глагола следует образовать незавершенную форму, присоединив к нему служебный глагол отрицания *дзу*.

1) При этом к ряду *а* относятся окончания глаголов следующих спряжений:
   четырехступенчатого спряжения: *ёмадзу* 'не читать',
   неправильного спряжения по столбцу *на*. *синадзу* 'не умирать',
   неправильного спряжения по столбцу *ра*: *арадзу* 'не быть, не иметься';
2) к ряду *и* относятся окончания спряжений:
   верхнего двухступенчатого: *окидзу* 'не вставать',
   верхнего одноступенчатого: *мидзу* 'не смотреть';
3) к ряду *э* относятся окончания спряжений:
   нижнего двухступенчатого: *укэдзу* 'не принимать',
   нижнего одноступенчатого: *кэдзу* 'не пинать',
   неправильного спряжения по столбцу *са*: *сэдзу* 'не делать';
4) к ряду *о* относится окончание спряжения:
   неправильного по столбцу *ку*: *кодзу* 'не приходить'.

Если при этом помнить, что из трех типов спряжений, приведенных в первом разделе, к неправильному спряжению по столбцу *на* относятся только два глагола: *сину* 'умирать' и *ину* 'уходить',

а неправильное спряжение по столбцу *ра* ограничивается четырьмя глаголами: *ари* 'быть, иметься', *ори* 'быть', *хабэри* 'прислуживать' и *имасўкари* (*имасокари*) 'пребывать', то все остальные глаголы можно смело отнести к четырехступенчатому спряжению. У обоих перечисленных во втором разделе типов спряжения служебный глагол отрицания одинаково присоединяется к слогу из ряда *и*. Глаголов, принадлежащих к верхнему одноступенчатому спряжению, немного, и их можно выучить наизусть. Для определения спряжения можно также образовать заключительную форму, причем глаголы верхнего одноступенчатого спряжения обязательно заканчиваются слогом *ру*, а глаголы верхнего двухступенчатого спряжения, за исключением принадлежащих к столбцу *ра*, никогда не имеют окончания *ру*, что также может служить признаком их различения. Из трех типов спряжения, перечисленных в третьем разделе, нижнее одноступенчатое спряжение нельзя смешивать с другими, поскольку к этому спряжению относится только один глагол *кэру* 'пинать'. Остальные два — нижнее двухступенчатое и неправильное спряжение по столбцу *са* — отчетливо различаются при присоединении к глаголам этих спряжений служебного глагола законченности действия *тари* или служебного слова *тэ* и образовании приёгэнной формы этих глаголов. Глаголы нижнего двухступенчатого спряжения присоединяют *тари* и *тэ* в ряду *э*, а глаголы неправильного спряжения по столбцу *са* — в ряду *и*:

ясэтари 'похудел', *сутэтэ* 'отбросив' (нижн. двухступ. спряжение),

табиситари 'путешествовал', *рондзитэ* 'споря' (неправ. спряжение по столбцу *са*).

К 4-му разделу относится только один глагол *ку* 'приходить' неправильного спряжения по столбцу *ка*, поэтому здесь никаких затруднений в смысле определения спряжения не возникает.

Кстати, добавим несколько слов относительно орфографии окончаний глаголов. Как видно из вышеизложенного, каждый глагол спрягается в пределах только какого-либо одного столбца годзюона, следовательно, зная этот столбец, трудно ошибиться в правописании окончания глагола. Тем не менее в глаголах, спрягавшихся по столбцам *а. я, ва, ха, дза, да*, легко допустить ошибку.

V. ТИПЫ СПРЯЖЕНИЯ ГЛАГОЛОВ В РАЗГОВОРНОМ ЯЗЫКЕ

Объединив все пять типов спряжения глаголов разговорного языка, мы получим следующую таблицу:

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Таблица 40

Типы спряжения глаголов в разговорном языке

Тип спряжения (разг. я.)	Четырехступенчатое спряжение	Верхнее одноступенчатое спряжение	Нижнее одноступенчатое спряжение	Неправильное спряжение по столбцу *ка*	Неправильное спряжение по столбцу *са*
Тип спряжения (п. я.)	Четырехступенчатое спряжение, неправильное спряжение по столбцу *на*, неправильное спряжение по столбцу *ра*	Верхнее двухступенчатое спряжение, верхнее одноступенчатое спряжение	Нижнее двухступенчатое спряжение, нижнее одноступенчатое спряжение	Неправильное спряжение по столбцу *ка*	Неправильное спряжение по столбцу *са*
Основа	*ё, си, а* 讀 死 有	*и (ки)* 生 着	*у (кэ)* 受 蹴	*(ки)* 來	*(сэ, си)* 爲
Незавершенная форма	*ма, на, ра*	*ки, ки*	*кэ, кэ*	*ко*	*си, сэ*
Приёгэнная форма	*ми, ни, ри*	*ки, ки*	*кэ, кэ*	*ки*	*си*
Заключительная форма	*му, ну, ру*	*киру, киру*	*кэру, кэру*	*куру*	*суру*
Прииенная форма	*му, ну, ру*	*киру, киру*	*кэру, кэру*	*куру*	*суру*
Завершенная форма (условная форма)	*мэ, нэ, рэ*	*кирэ, кирэ*	*кэрэ, кэрэ*	*курэ*	*сурэ*
Повелительная форма	*мэ, нэ, рэ*	*киё, киё* *киро, киро*	*кэё, кэё* *кэро, кэро*	*кое* *кой*	*сэё* *сиро*

Даем краткие пояснения к этой таблице.

1. Четырехступенчатое спряжение

1) Три спряжения письменного языка — четырехступенчатое, неправильное спряжение по столбцу *на*, неправильное спряжение

по столбцу *ра* — в разговорном языке переходят в четырехступенчатое. Это становится понятным, если вспомнить, что спряжения указанных типов охватывают по своим формам четыре ряда годзюона: *а*, *и*, *у*, *э*. Только один глагол — глагол *ару* 'быть', переходящий в разговорном языке из неправильного спряжения по столбцу *ра* в четырехступенчатое спряжение, не может, подобно другим глаголам четырехступенчатого спряжения, присоединять к незавершенной форме служебный глагол отрицания *най*: нельзя сказать *аранай*. Приходится признать, что данный глагол не полностью перешел в четырехступенчатое спряжение.

2) Кроме глаголов перечисленных трех типов спряжений, существуют и такие, переход которых в разговорном языке в четырехступенчатое спряжение следует рассматривать как исключение. Назовем эти глаголы:

а) перешедшие из верхнего двухступенчатого спряжения письменного языка. К ним относится один глагол: *ураму* 'сердиться'. В «Перечне допускаемых отступлений от грамматических норм» этот глагол разрешается спрягать по четырехступенчатому спряжению и в письменном языке;

б) перешедшие из нижнего двухступенчатого спряжения письменного языка. К ним относятся два глагола: *макасу* 'поручать' и *авасу* 'соединять';

в) перешедшие из верхнего одноступенчатого спряжения письменного языка. К ним относится глагол *иру* 'стрелять', а также *иру* 'лить' (металл), однако этот последний только в диалектах;

г) перешедшие из нижнего одноступенчатого спряжения письменного языка. К ним относится один глагол *кэру* 'пинать'. Его формы можно рассматривать скорее как соответствие правилам спряжения глаголов, чем как исключение из них. Следовательно, *кэру*, видимо, нужно исключить из нижнего одноступенчатого спряжения разговорного языка. Однако при образовании сложных слов используется форма *кэ*, например *кэтобасу* 'отбросить ногой' или *кэтаосу* 'опрокинуть ногой', а повелительная форма имеет вид *кэё* или *кэро*, т. е. сохраняются формы нижнего одноступенчатого спряжения. Сохранение старых форм в сложных словах представляет собой интересное явление, которое наблюдается также и в диалектах,

д) перешедшие из неправильного спряжения по столбцу *са* письменного языка. К этому виду относится множество глаголов: *гису* (разг. *гисуру*) 'обсуждать', *айсу* (разг. *айсуру*) 'любить', *гайсу* (разг. *гайсуру*) 'вредить', *кайсу* (разг. *кайсуру*) 'понимать' и другие;

е) в районе Тюгоку, на о-вах Сикóку и Кюсю в четырехступенчатом спряжении сохраняются остатки неправильного спряжения по столбцу *на* письменного языка, но в большинстве случаев они проявляются только в приименной форме, а именно — *сину*

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

'умирать' спрягается в разговорном языке с окончаниями *на*, *ни*, *ну*, *нуру*, *нэ*, *нэ*. Это элементы письменного языка в разговорном.

3) Вежливые глаголы *оссяру* 'говорить', *ирассяру* 'быть, идти, приходить', *кудасару* 'опускать, давать', *насару* 'делать' спрягаются по столбцу *ра* по четырехступенчатому спряжению, но повелительная форма от них — *оссяй*, *ирассяй*, *кудасай*, *насай*, чем они и отличаются от других глаголов четырехступенчатого спряжения. *Оссяру*, по-видимому, восходит к *бсэрару* 'приказывать' или же к *бсэ ари* 'есть приказание', *ирассяру* — к *ирасэрару*; *кудасару* и *насару* соответственно восходят к *кудасу* и *насу* в соединении с служебным глаголом вежливости *ру*, вместе с которым эти слова образуют один глагол. «*Насару* и *кудасару* представляют собой незавершенную форму от глаголов четырехступенчатого спряжения *насу* и *кудасу* в соединении с служебным глаголом вежливости *руру*, который перешел в *рэру*, благодаря чему образовались *насарэру* и *кудасарэру* (нижнее одноступенчатое спряжение), которые затем перешли в пятиступенчатое спряжение»[59]. В выражениях: *нани-о насарэмасу ка* 'что вы делаете?', *насарэтай* 'хотелось бы сделать', *аригатай насарэката* 'образ действия, достойный благодарности', *кадзукадзу-но кудасарэмоно* 'то многое, что [я от вас] получил' глаголы сохранили

Таблица 41

Пятиступенчатое спряжение по столбцу *ка*

Основа	*ма* 將
Первая форма спряжения	*ка*
Вторая форма спряжения	*ки*
Третья форма спряжения	*ку* сеять
Четвертая форма спряжения	*ку*
Пятая форма спряжения	*кэ*
Шестая форма спряжения	*кэ*
Седьмая форма спряжения	*ко*

в приёгэнной форме остатки служебного глагола нижнего двухступенчатого спряжения *ру*.

4) Четырехступенчатое спряжение в разговорном языке иногда называют «пятиступенчатым спряжением». Такое название основано на том, что окончания глагола обозначаются фонетической орфографией (практически в нашей устной речи оно оказывается пятиступенчатым). Однако в тех работах, где применяется историческая орфография, такое название неприемлемо.

Если исходить из пятиступенчатого спряжения, то, как показано на приведенной выше таблице № 41, к четырехступенчатому спряжению добавляется ряд *о*, к этому ряду присоединяется служебный глагол *у*, и таким образом получается *макō*. Далее, если исходить из пятиступенчатого спряжения, то спряжение в столбце *ха* примет вид *ва, и, у, у, э, э, о*, что приводит к смешению столбцов *ва* и *а* [18]. В этом проявляется разница между фонетической грамматикой и грамматикой, основанной на орфографии [19].

5) Глагол разговорного языка *ину* 'уходить' в стандартном языке не употребляется. Это слово взято из кансайского диалекта.

2. Верхнее одноступенчатое спряжение

1) Верхнее одноступенчатое и верхнее двухступенчатое спряжения письменного языка в разговорном языке представлены одним верхним одноступенчатым спряжением. Уменьшение числа столбцов типов спряжения глаголов следует рассматривать как явление упрощения законов эволюции языка по Есперсену.

2) Среди глаголов этого спряжения имеются следующие, вошедшие в него в виде исключения:

а) перешедшие из четырехступенчатого спряжения письменного языка.

К ним относятся глаголы: *аку* (разг. *акиру*) 'пресытиться', *тару* (разг. *тариру*) 'быть достаточным', *кару* 'занимать, брать в долг', *симу* (разг. *симиру*) 'пропитывать'.

Таких глаголов много в диалектах района Канто;

б) перешедшие из неправильного спряжения по столбцу *са*.

К ним относятся *мэйдзу* (разг. *мэйдзиру*) 'приказывать', *синдзиру* 'верить', *фӯдзиру* 'занечатывать', *андзиру* 'рассчитывать', *киндзиру* 'запрещать', *гэндзиру* 'уменьшаться' и ряд других;

в) в некоторых районах (частично на Кюсю) у глаголов верхнего одноступенчатого спряжения сохраняются элементы верхнего двухступенчатого спряжения, например глагол *укэру* 'принимать' имеет окончания *кэ, кэ, кэру, куру, курэ, кэё*; это, по-видимому, относится только к приименной и завершенной формам.

3) Так как *оиру* 'стариться', *куиру* 'раскаиваться', *мукуиру* 'отплачивать' и др. восходят к верхнему двухступенчатому спря-

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

жению по столбцу *я* письменного языка, то вполне понятно, что эти глаголы вместе с *иру* 'стрелять', *иру* 'лить' (металл) и др. относятся к верхнему одноступенчатому спряжению, к столбцу *я*.

4) Среди глаголов столбца *ха* верхнего одноступенчатого спряжения имеются такие, как *хиру* 'пересыхать', в которых слог с гласной *и* из ряда *ха* (ヒ) так и произносится как слог столбца *ха*, т. е. *хи*, а есть и такие глаголы, как *сиру* 'вынуждать', *мотиру* 'употреблять', в которых он произносится как слог столбца *а*, т. е. *и*. Возникает несообразность, заключающаяся в том, что в одном столбце *ха* верхнего одноступенчатого спряжения слоги имеют разное произношение (этого не бывает со столбцом *ха* в четырехступенчатом спряжении); это объясняется расхождением грамматики звукового языка и грамматики, основывающейся на орфографии, о чем уже упоминалось выше.

5) Повелительная форма, как, например, *окиро* 'встать! встань!', не относится к разряду вежливых слов. Для того чтобы выразиться вежливо, говорят: *о-оки насай* 'встаньте!' В некоторых местах употребляют форму *окии*, но она не употребляется в стандартном языке.

3. Нижнее одноступенчатое спряжение

1) Нижнее одноступенчатое и нижнее двухступенчатое спряжения письменного языка в разговорном языке представлены одним нижним одноступенчатым спряжением. Однако если согласиться с тем, что глагол *кэру* 'пинать', как уже упоминалось выше, правильно относят сейчас к четырехступенчатому спряжению по столбцу *ра*, то окажется, что в нижнее одноступенчатое спряжение в разговорном языке переходит только одно нижнее двухступенчатое спряжение письменного языка.

2) Среди глаголов, относящихся к данному спряжению, имеются следующие, вошедшие в него как исключение:

а) перешедшие из неправильного спряжения по столбцу *са* письменного языка.

К ним относится, например, *глагол синдзу*, в разговорном — *синдзэру* (進ぜる) 'преподносить'.

Подобные примеры крайне редки;

б) перешедшие благодаря тому, что к глаголам четырехступенчатого спряжения разговорного языка присоединился служебный *глагол возможности*, например *кака* + *рэру* → *какэру* 'мочь писать'. Все глаголы, образованные по этому типу, спрягаются по нижнему одноступенчатому спряжению. Все они первоначально представляли собой два отдельных слова, но, само собой разумеется, в этой форме они должны рассматриваться как один простой глагол, выражающий значение возможности, глагол потенциальности (канō-дōси 可能動詞). Нужно обратить внимание на то,

что данные глаголы не имеют повелительной формы. Иногда служебный глагол возможности используется для обозначения самопроизвольного возникновения действия, например: *ватакӯси-ни ва со̄ омоэ̄ру* 'мне так думается'. В этом случае можно говорить о глаголах самопроизвольного действия (дзихацу-до̄си 自發動詞);

в) перешедшие из четырехступенчатого спряжения разговорного языка.

К ним относится глагол *сумасу*, разг. *сумасэ̄ру* 'кончать';

г) в разговорном языке существуют особые глаголы нижнего одноступенчатого спряжения, которые нельзя назвать исключениями. Они не перешли и из нижнего двухступенчатого спряжения письменного языка. Эти глаголы следующие: *одзикэ̄ру* 'робеть', *кацуэ̄ру* 'быть голодным', *кукэ̄ру* 'шить стежками', *сунэ̄ру* 'сердиться, дуться', *дэ̄ру* 'выходить', *хадзэ̄ру* 'распахнуть', *футэ̄ру* 'хмуриться, сердиться', *масэ̄ру* 'выглядеть старше своих лет'.

3) Как уже отмечалось в разделе о верхнем одноступенчатом спряжении, слог ряда *э* в столбце *ха* (∼) произносится двояко: как в столбце *ха*, т. е. *хэ*, например *хэ̄ру* 'проходить', и как слог столбца *а*, т. е. *э*, например *осиэ̄ру* 'объяснять'.

4) Глаголы *э̄ру* 'получить' и *кокороэ̄ру* 'иметь в виду', вследствие того, что по своему происхождению они относятся к столбцу *а* нижнего двухступенчатого спряжения, в разговорном языке относятся к столбцу *а* нижнего одноступенчатого спряжения, а глаголы *киэ̄ру* 'гаснуть' и *сакаэ̄ру* 'процветать', относящиеся к столбцу *я* нижнего двухступенчатого спряжения, и в разговорном языке относятся к столбцу *я* нижнего одноступенчатого спряжения.

4. Неправильное спряжение по столбцу *ка*

Неправильное спряжение по столбцу *ка* письменного языка и в разговорном остается неправильным спряжением по столбцу *ка*, но заключительная и повелительная формы его отличаются от соответствующих форм письменного языка. Например, глагол *куру* 'приходить' спрягается *ко*, *ки*, *куру*, *куру*, *курэ*, *кой*.

В некоторых районах этот глагол спрягается следующим образом, что, конечно, нельзя признать правильным: *ки*, *ки*, *куру*, *куру*, *курэ*, *кий* (или *коо*). Кое-где в кансайском районе служебный глагол отрицания *най* присоединяют к приведенной выше незавершенной форме *ки*, образуя *кинай*. Может быть, эта незавершенная форма *ки* возникла по аналогии с общепризнанной незавершенной формой *си* неправильного спряжения по столбцу *са* (т. е. глагола *суру*), однако этот вопрос требует дополнительного изучения. Таким образом, правильными являются формы *конай*, *кон*, *сэнай*, *сэн* и *синай*, однако форма *кинай* вызывает сомнения.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

5. Неправильное спряжение по столбцу *са*

Неправильное спряжение по столбцу *са* письменного языка и в разговорном языке остается неправильным спряжением по столбцу *са*, но незавершенная и заключительная формы разговорного языка отличаются от соответствующих форм письменного языка. Так, глагол *суру* 'делать' спрягается: *сэ* или *си*, *си*, *суру*, *суру*, *сурэ*, *сэё* или *сиро*.

1) Наличие двух вариантов незавершенной формы обусловливается тем, что для присоединения служебного глагола отрицания *най* используется форма *си*, а для присоединения служебного глагола отрицания *ну* — форма *сэ*. (Форма *си* используется при присоединении, кроме *най*, также и служебных глаголов *май*, *ё* и т. д.).

2) В неправильном спряжении по столбцу *са* письменного языка много глаголов, образованных путем сложения с канго, в разговорном же языке некоторые из этих глаголов переходят в четырехступенчатое спряжение, другие — в верхнее одноступенчатое спряжение. Таким образом, языковая практика в этом случае еще не может быть сформулирована в виде определенного правила Она еще находится в так называемой переходной стадии становления. Признавать переходные стадии с грамматической точки зрения вполне допустимо.

3) Для спряжения глаголов неправильного спряжения по столбцу *са* в некоторых районах используются либо формы верхнего двухступенчатого спряжения (например, *суру* 'делать' имеет формы *си*, *си*, *суру*, *суру*, *сурэ*, *сиро*), либо в неизмененном виде формы спряжения письменного языка; в других районах смешиваются формы четырехступенчатого спряжения и неправильного спряжения по столбцу *са*, и это лишний раз подчеркивает, что данное спряжение находится в переходном состоянии.

На этом можно закончить краткое пояснение типов спряжения глаголов разговорного языка. Коснемся теперь способов различения типов глаголов разговорного языка. И здесь можно придерживаться способов, принятых в письменном языке, а именно: следует присоединить к заданному глаголу служебный глагол отрицания *най* или *ну*, т. е. проверить его незавершенную форму:

а) эти служебные глаголы присоединяются к ряду *а* у глаголов четырехступенчатого спряжения: *каканай*, *кака*н(*ӯ*) 'не писать' (нельзя только сказать *аранай* 'не быть, не иметься', но об этом уже говорилось выше);

б) к ряду *и* они присоединяются у глаголов верхнего одноступенчатого спряжения: *окинай*, *оки*н(*ӣ*) 'не вставать';

в) к ряду *э* они присоединяются у глаголов нижнего одноступенчатого спряжения: *укэнай*, *укэ*н(*у*) 'не принимать'.

К неправильному спряжению по столбцу *ка* относится только

один глагол *куру* 'приходить', а к неправильному спряжению по столбцу *са*, если исключить сложные слова, — только один глагол *суру* 'делать'. Следовательно, ошибка здесь невозможна. Дело только в том, что как сложные глаголы неправильного спряжения по столбцу *са*, так и глаголы по столбцу *са* нижнего одноступенчатого спряжения одинаково присоединяют *най*, *н(ў)* к ряду *э*, но здесь применим следующий способ различения: у глаголов неправильного спряжения по столбцу *са* приеґэнная форма оканчивается слогом ряда *и*, например *бэнкē-симасў* 'занимаюсь', а у глаголов нижнего одноступенчатого спряжения приёгэнная форма оканчивается слогом ряда *э*, например *мисэмасў* 'показываю'.

VI. НЕПЕРЕХОДНЫЕ И ПЕРЕХОДНЫЕ ГЛАГОЛЫ

Глаголы по их значению делятся на непереходные (дзидōси 自動詞) и переходные (тадōси 他動詞). Такое деление обычно для западных грамматик: так называемый транзитивный глагол (Transitive verb) — это глагол, имеющий объект (object, мокутэкиго 目的語), на который переходит действие им обозначаемое [20], а нетранзитивный глагол (Intransitive verb) — глагол ни в коем случае такого объекта не принимающий. Это слово-объект, которое принимает переходный глагол в том случае, когда глагол стоит в пассиве (Passive voice), становится подлежащим.

Хаха-га ко-о идаку 'Мать обнимает ребенка';

Ко-га хаха-ни идакарэру 'Ребенок обнят матерью'.

По признаку наличия подобного объекта и в связи с явлением обращения в предложении субъекта в объект и наоборот (т. е. выражением двух состояний — деятеля и подвергающегося действию) в западных языках различаются переходные и непереходные глаголы. Однако я считаю, что если и в японском языке непереходные и переходные глаголы до известной степени различимы, то все же такое четкое различение их, как в западных языках, невозможно. Дело в том, что в японском языке явление обращения субъекта в объект, о котором шла речь выше, возможно не только при переходном, но также и при непереходном глаголе:

Ко наку (п. я.) 'Ребенок плачет'; *наку* — непереходный глагол.

Ко хаха-ни накару (п. я.) 'Ребенок оплакивается матерью'; *накару* — тот же глагол в пассиве.

Цума-га яму 'Болеет жена'; *яму* — непереходный глагол.

Отто-га цума-ни ямарэру 'У мужа болеет жена', *ямарэру* — тот же глагол в пассиве.

Такое явление в западных языках полностью отсутствует. Имаидзуми Тадаёси по этому поводу говорит следующее: «*Ко хаха-ни накару* 'Ребенок оплакивается матерью' и *Ко хаха-о накасу* 'Ребе-

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

нок доводит мать до слез', а также *Ко тити-ни синару* 'У ребенка умирает отец' и *Ко тити-о синасу* 'Ребенок доводит отца до смерти' — это пары предложений, прямо противоположные по смыслу. И не предложения *Хаха наку* 'Мать плачет', *Тити сину* 'Отец умирает' превращаются в пассивные предложения *Ко хахани накару* и *Ко тити-ни синару*: последние два предложения представляют собой пассив от предложений *Ко хаха-о накасу* и *Ко тити-о синасу*. Следовательно, *синару* и *накару* — пассив не от глаголов *сину* 'умирать' и *наку* 'плакать', а от глаголов *синасу* 'доводить до смерти' и *накасу* 'доводить до слез' [21]. *Сину* и *наку* в сопоставлении с переходными глаголами являются просто непереходными глаголами Итак, если даже не выделять глаголы, выражающие значение пассива, в отдельную часть речи, то, во всяком случае, в составе предложения следует четко противопоставлять каузатив и пассив. Поэтому я не согласен с теми, кто считает, что в японском языке возможен пассив у непереходных глаголов»[60]. Некоторые из грамматистов стоят на крайней точке зрения, считая, что в японском языке нет никакой необходимости различать грамматически переходные и непереходные глаголы. Ведь в японском языке и при переходных глаголах не обязателен переход субъекта в объект.

Хйтобито кэнко-о нодзому (п. я.) 'Люди желают здоровья';
Кодомо кидзу-о кōмуру (п. я.) 'Ребенок получил ранение'.

Если даже поставить приведенный выше переходный глагол в форме пассива, то так называемое слово-объект (кякуго 客語) отнюдь не обязательно станет подлежащим; такие примеры, как:

Кэнко хйтобито-ни нодзомару 'Здоровье желаемо людьми';
Кидзу кодомо-ни кōмурару 'Рана получена ребенком', не представляют собой правила, в этом вопросе нет определенных правил, все зависит от узуса — говорить так или иначе [22].

Кроме того, в японском языке тайгэн, который синтаксически служит так называемым словом-объектом (кякуго) или дополнением (хого 補語), и тайгэн, который служит наречным определением, часто одинаковы по форме, и различить их довольно затруднительно.

Карэ-га куни-о сару 'Он покидает страну';
Карэ-га цума-о сару 'Он покидает жену'.

В предложении *куни-о*, имея значение *куни-кара* [удаляться] 'из страны' является наречным определением, а следовательно, глагол *сару* 'покидать, уходить' — непереходный глагол. Во втором предложении *цума-о* [покидать] 'жену' является так называемым словом-объектом, и, следовательно, глагол *сару* в этом случае — переходный глагол. Но если одни рассуждают так, то другие считают, что *сару* в обоих случаях является переходным глаголом, *куни-о* и *цума-о* являются словами-объектами и никакой разницы между ними нет. Некоторые же утверждают,

что здесь налицо употребление непереходного глагола в качестве переходного и что глагол, являющийся первоначально непереходным, в зависимости от настроения говорящего при подчеркивании используется как переходный, аналогично тому, как говорят *хйто-о вакару* 'понять человека', *на-о цуку* 'дать имя', *ото-о наку* 'плакать в голос'. Этот вопрос неясен [23].

Однако мы не можем пройти мимо того факта, что в японском языке часто встречается переход субъекта в объект у переходных глаголов и очень редко у непереходных. Поэтому мы утверждаем: пусть не так четко, как в западноевропейских языках, но все же переходные и непереходные глаголы в известной степени различимы. Далее, однотипные глаголы часто оказывается возможным отнести к непереходным или переходным в зависимости от парадигм изменения окончаний этих глаголов. Таким образом, различение непереходных и переходных глаголов до известной степени является и удобным и необходимым. Так, например, *то-о хираку* 'открыть дверь' (переходный глагол), *хана-га хираку* 'распускается (букв. 'раскрывается') цветок' (непереходный глагол). Хотя в обоих случаях глаголы *хираку* совершенно одинаковы по форме, тем не менее они совершенно отчетливо различаются как непереходный и переходный. Поэтому-то я и считаю до известной степени вполне закономерным устанавливать это различие.

Термины «дзидōси» и «тадōси» являются переводом с западноевропейских языков, но и японские ученые выдвигали положения, касающиеся сути и значения этого явления. Например, Мотоори Харунива делит глаголы следующим образом[61] (см. таблицу № 42).

Иными словами, «сами являющиеся таковыми» и есть непереходные глаголы, а «делающие так с предметами» есть переходные глаголы. Подобные же рассуждения встречаем и у Гонда Наоскэ. Однако каких-либо четких правил, видимо, ни тот, ни другой сформулировать не смогли.

Итак, что же такое непереходный глагол?

Непереходным глагол называется тогда, когда действие или явление, обозначаемое этим глаголом, замыкается в самом носителе или субъекте (дзисю 事主 или сютай 主體; а с точки зрения учения о предложении — в подлежащем), в котором оно возникает, и, кроме этого носителя, субъекта, ни на какие предметы не воздействует. Другими словами, когда «само по себе есть так». Следовательно, при непереходном глаголе высказывание становится полным и без тайгэна (синтаксически именуемого словом-объектом), обозначающего предмет. Последний подвергается действию, которое передается непереходным глаголом.

Хана саку (п. я.) 'Цветок цветет'; *Хйто икиру* (п. я.) 'Человек живет'; *Кяку-га куру* 'Гость приходит'.

Здесь сказуемые — непереходные глаголы, так как сами по себе они делают полным высказывание относительно источника

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Таблица 42

Классификация глаголов Мотоори Харунива

Сами являющиеся таковыми	*сиридзку* 'отступать'	*миюру* 'виднеться'	*кикюру* 'слышаться'	*нигуру* 'бежать'
Делающие так с предметами	*сиридзокуру* 'оттеснять'	*миру* 'видеть'	*кику* 'слышать'	*нигасу* 'гнать'
Делающие так другим		*мисуру* 'показывать'	*кикасуру* 'оглашать'	
Заставляющие других быть таковыми	*сиридзокасуру* 'побуждать отступать'		*кикоэсасуру* 'побуждать быть слышимым'	*нигасасуру* 'побуждать гнать'
Сами становящиеся таковыми	*сиридзокаруру* 'оттесняться'	*мираруру* 'делаться видимым'	*кикаруру* 'делаться слышимым'	*нигэраруру* 'пускаться бежать'
Понуждаемые извне быть таковыми	*сиридзокасэраруру* 'быть вынужденным отступить'	*мисараруру* 'быть показываемым'	*кикасаруру* 'быть оглашаемым'	*нигасаруру* 'быть гонимым' [24]

данного действия, явления, а именно — цветка, человека, гостя.

Однако среди тех же непереходных глаголов есть такие, при которых тайгэн, обозначающий предмет, подвергаемый действию (то есть объект), не требуется, но тем не менее высказывание не полно без указания на тайгэн, обозначающий то, чем заканчивается, к чему относится действие или явление [синтаксически одни называют его дополнением (хого 補語), другие — наречным определением]. Некоторые грамматисты делят непереходные глаголы на два вида: глаголы неполностью непереходные и глаголы полностью непереходные. Так, в вышеприведенных двух первых примерах мы имеем полностью непереходные глаголы *саку* 'цвести', *икиру* 'жить', а в примерах *ко оя-ни ниру* 'ребенок похож на родителей', *кōри мидзу-то нару* 'лед превращается в воду', *ниру* 'быть похожим', *нару* 'становиться, превращаться' — неполностью непереходные глаголы.

Если стать на эту точку зрения, останется неразрешенным ряд вопросов. Например, как рассматривать следующий случай, где выступают такие же неполностью непереходные глаголы:

Хито курума-ни нору 'Человек садится в экипаж',
Мидзу-га нуруку нару 'Вода становится прохладной'.

Поскольку сами по себе *нору* и *нару* не могут сделать полным высказывание относительно субъектов *хито* и *мидзу*, эти глаголы надо признать неполностью непереходными. В таком случае по логике вещей *курума-ни* и *нуруку* надо признать так называемыми дополнениями. Но являются ли фактически эти слова дополнениями? Если кто-нибудь назовет их наречными определениями, то как тогда отличить их от слов *ая-ни* и *мидзу-то*, приведенных ранее в примерах? Правда, могут сказать, что в *ая-ни* или *мидзу-то* основой является тайгэн и что *нуруку* не является тайгэном. Действительно, это так. И тем не менее они с равным успехом дополняют следующий за ними непереходный глагол, т. е. несут одинаковую функцию, независимо от того, тайгэн ли это или не тайгэн. Почему же тогда одно слово считают дополнением, а другое им не считают? Где же правильное грамматическое толкование? Кроме того, какое различие с точки зрения грамматики мы можем привести между дополнением, о котором идет речь, и словом-объектом, которого требует после себя переходный глагол? Все это законные вопросы, и притом вопросы не только в плане учения о частях речи. Это важные синтаксические проблемы, касающиеся различения слова-объекта, дополнения и наречного определения. С этой точки зрения возникает сомнение в целесообразности деления непереходных глаголов на полностью и неполностью непереходные и, более того, в целесообразности деления глаголов вообще на переходные и непереходные. Однако здесь мы ограничимся только постановкой вопроса. Подробнее мы коснемся его в учении о предложении.

Посмотрим далее, что представляет собой переходный глагол.

Переходным глагол называется тогда, когда действие, явление, выражаемое этим глаголом, не замыкается в вызывающем его носителе, в субъекте, а требует слова, обозначающего предмет, который испытывает на себе это действие или явление. Следовательно, при переходном глаголе высказывание будет полным только тогда, когда в нем будет присутствовать тайгэн (в учении о предложении он именуется обычно словом-объектом), обозначающий предмет, подвергающийся действию, которое передается глаголом:

Ватакуси-ва хон-о ёму 'Я читаю книгу'; *Хаха-га ко-о уму* 'Мать рождает ребенка'; *Сюдзин кяку-о манэку* 'Хозяин приглашает гостя'.

В приведенных примерах глаголы *ёму* 'читать', *уму* 'рождать', *манэку* 'приглашать' требуют слов, обозначающих объекты, которые подвергаются действию, выраженному глаголами,—*хон-о*, *ко-о*, *кяку-о*. Только при наличии объекта высказывание относительно *ватакуси*, *хаха*, *сюдзин* становится полным, без них это

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

высказывание неполно. Таким образом, слово-объект — это слово, обозначающее предмет, который подвергается действию. Другими словами, это — слово, выражающее цель, на которую направлено действие. Действие *ёму* 'читать' не мыслится без *хон* 'книга'. Целью действия является *хон*. Иногда употребляют иную формулировку: «слово, обозначающее предмет, которым как-то распоряжаются». Однако при действии «читать» книгой никак не распоряжаются, поэтому я считаю, что такая формулировка может применяться только в исключительных случаях, например *Хйто-га дзинкай-о сутэру* 'Человек выбрасывает мусор'. В настоящей работе мы ею не пользуемся.

Однако и здесь, как и в непереходных глаголах, есть неясность. Из примеров *Ватакуси-ва кōэн-о сампо-суру* 'Я гуляю по парку'; *Хикōки сора-о тобу* 'Самолет летит по небу' неясно, являются ли слова *кōэн* 'парк', *сора* 'небо' прямой целью действий *сампо-суру* 'гулять', *тобу* 'летать'. Ведь фактически «парк», «небо» — это не цель действия, а место, где совершается действие. Разве *кōэн* 'парк' не указывает место действия *сампо-суру* 'гулять', а *сора* 'небо' — место действия *тобу* 'летать'? Поскольку после этих тайгэнов следует служебное слово *о*, их можно считать словами-объектами. А поскольку они выражают место, где совершается действие, не следует ли считать их наречными определениями? Таким образом, не правильнее ли назвать все приведенные выше глаголы непереходными? Если мы условно остановимся на определении, что слово-объект есть тайгэн со служебным словом *о* (а поэтому не будем рассматривать его как место действия), мы придем к противоречию и по меньшей мере в ряде случаев не сможем провести различие между таким словом-объектом и прямой целью действия. Основываясь на этом, некоторые считают, что если даже после тайгэна следует служебное слово *о*, то все же в том случае, когда возможна замена этого *о* служебным словом *дэ* или *кара*, не влекущая заметного изменения смысла, такой тайгэн является наречным определением, а следующий за ним глагол нужно считать непереходным глаголом. Проиллюстрируем это примерами:

Ватакуси ва кōэн-о сампо-суру 'Я гуляю **по** парку';
Ватакуси ва кōэн-дэ сампо-суру 'Я гуляю **в** парке';
Карэ ва кокē-о сару 'Он покидает родину';
Карэ ва кокē-кара сару 'Он уезжает **с** родины'.

Однако в нижеследующем примере *о* не может быть заменено *дэ* или *кара*, поэтому тайгэн, сопровождаемый *о*, является словом-объектом, а следующий за ним глагол, видимо, нужно считать переходным глаголом.

Карэ ва цума-о сару 'Он покидает жену'.

Правда, можно сказать *Карэ ва цума-кара сару* 'Он уезжает от жены', но первоначальный смысл при этом меняется. Таким

образом, возникает вопрос, где же проходит граница между словом-объектом и наречным определением? Если окажется, что четкое разграничение слова-объекта и наречного определения невозможно, то и само разграничение непереходных и переходных глаголов окажется напрасным трудом. Этот вопрос необходимо подробно исследовать в учении о предложении. Д-р Мацусита Дайдзабуро говорит: «Переходные глаголы обозначают действие, которое втягивает в процесс другие предметы, превращая их в материал, на котором проявляется это действие. Непереходные глаголы не таковы. *Кадзэ хана-о тирасу* 'Ветер сдувает цветы'— в этом предложении *кадзэ* втягивает *хана* в свое действие *тирасу* как материал этого действия, и потому *тирасу* — глагол переходный. В предложении же *хана тиру* 'цветы облетают' глагол *тиру* выражает действие самих цветов, не привлекающее в качестве материала ничего другого, поэтому он является непереходным»[62]. В таком случае и в приведенных выше примерах глаголы *сампо-суру* 'гулять', *тобу* 'летать', *сару* 'покидать' также следует признать переходными глаголами. Некоторые грамматисты полагают, что, поскольку в самих глаголах неразличима переходность или непереходность, следует считать, что один и тот же глагол может быть и непереходным, и переходным в зависимости от случая и места его употребления.

Ряд грамматистов и переходные глаголы в зависимости от того, требуют они или нет указания на конечный момент действия, делят на полностью переходные и неполностью переходные глаголы. Так, в предложениях *Тэнтэки иси-о угацу* 'Капля долбит камень'; *Гакӯсэй якю̄-о суру* 'Студенты играют в бейзбол' употреблены полностью переходные глаголы, а в нижеследующих предложениях *Ани отōто-ни тама-о атау* (п. я.) 'Старший брат дает младшему мяч'; *Коннан ва нандзи-о тама-ни суру* 'Трудности превращают человека (букв. 'тебя') в драгоценность'— неполностью переходные.

Глагол *суру*, как показано в примерах, бывает иногда полностью, иногда неполностью переходным глаголом. Это зависит от его характера в каждом отдельном случае. Как же, однако, следует назвать слова *отōто-ни* 'младшему брату', *тама-ни* 'в драгоценность', которые именуются конечным моментом действия? *Отōто-ни* называют вторым словом-объектом, а *тама-ни* — дополнением. Некоторые ученые считают дополнением и то и другое. Об этом будет идти речь в учении о предложении. Короче говоря, вопрос о переходности или непереходности глаголов может быть разрешен только после того, как синтаксически будет рассмотрен вопрос о слове-объекте и дополнении, а также дополнении и наречном определении, поэтому нецелесообразно ставить его только в плоскости учения о частях речи[63].

Обратим теперь наше внимание на спряжение, которое яв-

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

ляется одним из важных моментов в различении непереходных и переходных глаголов (необходимо напомнить, что примеры даны только для письменного языка, в разговорном языке тип спряжения иной).

1) Глаголы, выражающие действие, могущее быть и непереходным и переходным, обычно представляют собой пару из непереходного и переходного глаголов, различных по спряжению, но имеющих общий корень, например:

Непереходные глаголы:

нагару 'течь' (нижнее двухступенчатое спряжение)
хоробу 'погибать' (верхнее двухступенчатое спряжение)
оцу 'падать' (верхнее двухступенчатое спряжение)
агару 'подниматься' (четырехступенчатое спряжение)
овару 'кончаться' (четырехступенчатое спряжение).

Переходные глаголы:

нагасу 'проливать' (четырехступенчатое спряжение)
хоробосу 'губить', 'истреблять' (четырехступенчатое спряжение)
отосу 'ронять' (четырехступенчатое спряжение)
агу 'поднимать' (нижнее двухступенчатое спряжение)
оу 'кончать' (нижнее двухступенчатое спряжение).

Это положение выявляется в различных формах, а именно:

2) имеется только непереходный глагол, а соответствующего ему переходного нет:

ику 'идти', *ою* 'стариться', *ясу* 'худеть', *сину* 'умирать', *ару* 'быть' и др.;

3) имеется только переходный глагол, а соответствующего непереходного нет:

уцу 'бить', *куу* 'есть', *коросу* 'убивать', *киру* 'надевать' и др.;

4) непереходный и переходный глаголы одинаковы и по форме и по спряжению, например:

Непереходные:

кадзэ фуку 'ветер дует'
хана хираку 'цветы раскрываются'
дзинкō масу 'население увеличивается'
хйто варау 'человек смеется'
киси-ни ёсу 'причалить к берегу'.

Переходные:

фуэ-о фуку 'играть на флейте' (букв. 'дуть [в] флейту')
мон-о хираку 'раскрыть ворота'

кӣрёо масу ‘увеличить жалование’
танин-о вараy ‘смеяться над другими’
фунэ-о киси-ни ёсу ‘причалить лодку к берегу’.

5) Непереходный и переходный глаголы одинаковы по форме, но различны по спряжению, например глаголы *муку* ‘обращать (ся)’, *цудзуку* ‘продолжать(ся)’, *яму* ‘прекращать(ся)’, *тацу* ‘стоять, ставить’, *яку* ‘гореть, жечь’, спрягаются по четырехступенчатому спряжению — непереходные, по нижнему двухступенчатому спряжению — переходные.

6) Непереходный и переходный глаголы имеют общий корень и различаются по столбцу спряжения или и по столбцу и по спряжению. Например, только по столбцу четырехступенчатого спряжения различаются пары:

наору ‘поправляться’	*наосу* ‘поправлять’
каэру ‘возвращаться’	*каэсу* ‘возвращать’
тару ‘быть достаточным’	*тасу* ‘дополнять’
амару ‘оставаться сверх’	*амасу* ‘оставлять сверх’
хасамару ‘быть защемленным, быть зажатым’	*хасаму* ‘защемлять, зажимать’
тодомару ‘останавливаться’	*тодому* ‘останавливать’
каваку ‘сохнуть’	*кавакасу* ‘сушить’
ваку ‘кипеть’	*вакасу* ‘кипятить’
наку ‘плакать’	*накасу* ‘доводить до слез’
маёу ‘заблуждаться’	*маёвасу* ‘вводить в заблуждение’ и др.

В нижеследующих парах непереходный (первый) глагол спрягается по четырехступенчатому спряжению по столбцу *ра*, а переходный (второй) по нижнему двухступенчатому по другим столбцам:

сагару ‘опускаться’	*сагу* ‘опускать’
кавару ‘меняться’	*кау* ‘менять’
атару ‘прилагаться’	*ацу* ‘прилагать’ и др.

В нижеследующих парах непереходный глагол спрягается по верхнему двухступенчатому спряжению по столбцам *ка*, *га*, а переходный — по четырехступенчатому по столбцу *са*:

оку ‘подниматься’	*окосу* ‘поднимать’
цӯку ‘иссякать’	*цӯкусу* ‘исчерпывать’
сугу ‘проходить’	*сугосу* ‘проводить’
ику ‘жить’	*икасу* ‘оживлять’.

В нижеследующих парах непереходный глагол спрягается по нижнему двухступенчатому спряжению по столбцам *ра* и *я*, *ка* и *да*, а переходный — по четырехступенчатому по столбцу *са*:

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

таору 'падать, опрокидываться'	*таосу* 'сваливать, опрокидывать'
кэгару 'загрязняться'	*кэгасу* 'загрязнять'
ханару 'удаляться'	*ханасу* 'удалять'
кудзуру 'ломаться'	*кудзусу* 'ломать'
тэю 'прерываться'	*таясу* 'прерывать'
ию 'исцеляться'	*иясу* 'исцелять'
мою 'гореть'	*моясу* 'жечь'
аку 'светлеть'	*акасу* 'освещать'
идзу 'выходить'	*идасу* 'выставлять' и др.

7) Однако имеются глаголы, которые спрягаются двояко, оставаясь при этом только переходными или только непереходными; например, двоякое спряжение — четырехступенчатое и верхнее двухступенчатое — имеет переходный глагол *манабу* 'учить' (что-либо); непереходными же являются такие глаголы, как *ику* 'жить', *ёрокобу* 'радоваться', *синобу* 'терпеть' и др.

VII. ВЕЖЛИВЫЕ ГЛАГОЛЫ

Для придания глаголу характера вежливости к нему обычно присоединяется служебный глагол вежливости. Например, к *каэру* 'возвращаться' присоединяется *рару*, что образует *каэрару*; к *цуму* 'срывать, брать двумя пальцами' присоединяется *су*, что образует *цумасу*. Однако среди глаголов есть и такие, которые сами, без дополнительных средств, выражают вежливость. Такие глаголы, собственно говоря, следует рассматривать не в грамматике, а в лексикологии, однако форма обращения имеет тесную связь с грамматикой, поэтому для удобства мы рассматриваем их здесь.

1. ГЛАГОЛЫ, ВЫРАЖАЮЩИЕ ПОЧТИТЕЛЬНОСТЬ

Глаголы почтительности выражают действие или состояние глубоко уважаемого человека. Приведем несколько примеров.

В письменном языке: *асобасу* 'делать', *имасу* 'быть, идти, приходить', *овасу* — то же, *овасимасу* — то же, *омасу* — то же, *омасимасу* — то же, *обосу* 'думать', *обосимэсу* — то же; *сирасу* 'ведать', *сиросу* — то же, *сиросимэсу* — то же; *масу* 'быть, находиться', *масимасу* — то же; *мисонавасу* 'смотреть', *тамау* 'быть данным', *тамавару* 'давать'; *мэсу* 'смотреть', 'править', 'звать', 'надевать', 'ехать', 'есть', 'пить'; *татэмацуру* — то же; *ōсу* 'говорить', *горандзу* 'смотреть' и др.

В разговорном языке: *асобасу* 'делать', *агару* в значении 'есть', 'пить', *мэсиагару* — то же, *ирассяру* 'быть', 'идти', 'приходить', *оссяру* 'говорить', *обосимэсу* 'думать', *кудасару* 'давать', *насару* 'делать', *мэсу* 'звать', 'надевать', 'ехать', *гёсин-нару* 'ложиться спать', *годзару* 'быть' и др.[64]

Помимо этого, как уже упоминалось выше, к словам, выражающим вежливость, иногда прибавляется *ари*, *сōрō*, *масимасу* (все три — 'быть'), *нари* (связка), и такое сочетание используется как вежливый глагол:

Сюдзё нанамэнарадзу гёкан ***аттэ***... (Хэйкэ-моногатари) 'Император весьма взволнован'.

кōси готандзё ***сōрō*** *дзо то такара-ни мōсарэтарикэрэба*... (Хэйкэ-моногатари) 'громко сказал: родился принц'.

Ару токи Нобуниси-ни мукаттэ дзёкō осэ ***нарикэру*** *ва*... (Хэйкэ-моногатари) 'Однажды, обратившись к Нобуниси, экс-император сказал...'

Ари, *сōрō*, *нари* — по происхождению самостоятельные глаголы, но в приведенных выше примерах их следует рассматривать как служебные глаголы вежливости.

В разговорном языке часто таким же образом присоединяется *насару* 'делать', *асобасу* 'делать', *ни нару* 'становиться', что образует, например: *о-идэ насару*, *о-идэ-асобасу*, *о-идэ ни нару* 'быть', 'приходить', 'идти', *о-хирои насару*, *о-хирои асобасу*, *о-хирои-ни нару* 'идти (пешком)', *о-какурэ насару*, *о-какурэ асобасу*, *о-какурэ-ни нару* 'скончаться' и т. п.

Какова в этих случаях лексическая природа *о-идэ*, *о-хирои*, *о-какурэ* , с одной стороны, *насару*, *асобасу*, *ни нару* — с другой? Решить этот вопрос нелегко. К *о-идэ*, *о-хирои* и т. д. падежные служебные слова *га*, *но*, *ни*, *о* присоединяются совершенно свободно. Поэтому такие слова можно считать существительными. В «Приложении к грамматике разговорного языка» по этому поводу говорится следующее: «Почтительные глаголы *насару*, *асобасу* в вежливой форме выражают действие, обозначаемое глаголом *суру* 'делать'. Поэтому *о-каэри насару* 'возвратиться', *о-ёми асобасу* 'читать' имеют значение *о-каэри-о насару* 'совершить возвращение', *о-ёми-о асобасу* 'производить чтение', а при выпадении *о* они представляют собой вежливое обозначение для *каэру* и *ёму*. Таким образом, *насару* и *асобасу* превращаются в служебные глаголы. То же можно сказать и о *кудасару* 'давать', *итасу* 'делать', *цӳкамацуру* 'делать', *мосу* 'говорить, делать'...»[65].

Однако, с другой стороны, можно сказать и *коко-мадэ о-идэ* 'подойди сюда', где *о-идэ* имеет при себе наречное определение, а с этой точки зрения *о-идэ* можно рассматривать и как глагол. Правда, можно возразить, что обычно к глаголам префикс *о* не присоединяется. Однако, поскольку есть и такой пример, как *ёку го-ран* 'посмотри хорошенько', очевидно, ничто не мешает рассматривать это слово как глагол, даже если оно имеет префикс *о*. Если же *о-идэ* является глаголом, то следующие за ним *насару*, *асобасу*, видимо, нужно рассматривать как служебные глаголы. Во всяком случае, я думаю, что их следует считать вспомогательными глаголами, о которых уже шла речь, а не неизменно самостоя-

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

тельными глаголами, каковыми они являются по происхождению. Далее, в сочетании *ни нару* само *ни* является служебным словом, которое следует за существительным. Таким образом, стоящее перед ним слово мы можем рассматривать как существительное. А поскольку идущее далее *нару*, со своей стороны, не воспринимается в его первоначальном глагольном значении, то я полагаю, что нужно рассматривать либо *ни нару* как один служебный глагол, либо одно *нару* как вспомогательный глагол.

Приведенные выше глаголы *ирассяру* 'быть, приходить, уходить', *оссяру* 'говорить', *кудасару* 'давать', *насару* 'делать' спрягаются по столбцу *ра* по четырехступенчатому спряжению, но окончание повелительной формы у них не *рэ*, а *и*. Это окончание образовалось либо путем превращения окончания *рэ* сначала в *э*, а затем в *и*, либо в результате сокращения *маси* в повелительной форме *ирассяимаси*, *оссямаси*, *кудасаимаси*.

2. ГЛАГОЛЫ, ВЫРАЖАЮЩИЕ СКРОМНОСТЬ

Глаголы скромности обозначают действие или состояние самого говорящего, который высказывается о себе уничижительно.

В письменном языке: *укэтамавару* 'слышать', *сабурау* 'быть', *татэмацуру* 'преподносить; надевать что-либо на кого-либо; служить', *мōсу* 'говорить', *маиру* 'идти, приходить' и др.

В разговорном языке: *агару* в значении 'посещать', *агэру* в значении 'давать'; *итадаку* 'принимать', 'получать'; 'есть', 'пить', *итасу* 'делать', *укагау* 'посещать'; 'спрашивать'; 'слушать', *укэтамавару* 'слышать', *касикомару* 'почтительно повиноваться', *годзару* 'быть' (большей частью употребляется в соединении со служебным глаголом *масу́* в форме *годзаимасу*); *сасиагэру* 'преподносить'; 'давать', *дзондзуру* 'знать'; 'думать', *табэру* 'есть'; 'пить', *цукамацу́ру* 'делать', *мōсу* 'говорить', *мōсиагэру* — то же, *маиру* 'идти', 'приходить' и др.

Кроме того, в разговорном языке в качестве глаголов скромности часто употребляют слова китайского происхождения (канго), спрягая их по неправильному спряжению по столбцу *са*, например: *синдзэ̄* 'преподношение', *сандзэ̄* 'посещение', *хайкэн* 'рассмотрение', 'осмотр', *хайсяку* 'одалживание', *хайтэ̄* 'слушание', *хайсэ̄* 'принятие к сведению', *тэ̄дай* 'получение'. К этим словам также присоединяют глаголы *итасу* или *цу́кама-цу́ру*, например: *сандзэ̄ итасимасу́* 'навещаю', *хайкэн цукама-цу́римасйта* 'посмотрел, видел'. Собственно говоря, при указанном выше употреблении *сандзэ̄*, *хайкэн* являются существительными, а *итасу*, *цукамацу* — полноценными глаголами. Однако я полагаю, что необходимо рассматривать их либо в качестве вспомогательных глаголов, наравне с глаголами *кудасару*, *насару*, *мōсу* в сочетаниях *о-сасои кудасару* 'пригласить', *о-еби насару*

'позвать', *о-томэ мōсу* 'приютить', 'дать ночлег', либо, сделав еще шаг вперед, в качестве глаголов служебных. Если рассматривать их как служебные глаголы, то какова же будет в этом случае лексическая природа канго — *хайкэн*, *сандзē* и т. п.? На это трудно дать определенный ответ, потому что ведь обычно к существительным служебные глаголы непосредственно не присоединяются (правда, связки *нари*, *тари*, *дэсу*, *да* присоединяются к существительным непосредственно). С другой стороны, эти слова сами по себе не имеют окончаний, которые позволяли бы считать их глаголами неправильного спряжения по столбцу *са*. Нельзя ли в таком случае прийти к выводу, что рассматриваемые слова, будучи по форме канго, являются неспрягаемыми глаголами, а присоединяющиеся к ним *итасу* и *цукамацýру* являются служебными глаголами?

Кроме перечисленных, и такие слова, как *о-тадзунэ-суру* 'спрашивать', *о-котаэ-суру* 'отвечать', *о-ēби-суру* 'звать', *о-томо-суру* 'сопровождать', *о-тайсю-суру* 'иметь с кем-либо дело', *го-аннай-суру* 'проводить', 'указать дорогу' и т. п. можно назвать глаголами скромности, принадлежащими к неправильному спряжению по столбцу *са*[66]

3 ГЛАГОЛЫ, ВЫРАЖАЮЩИЕ УЧТИВОСТЬ

К ним относятся глаголы, которые не выражают почтительности по отношению к другому лицу или скромности по отношению к себе, но употребляются в учтивой речи. Употребление этих слов напоминает употребление вежливых префиксов *го* и *о* в выражениях *го-хэндзи* 'ответ', *о-рэй* 'благодарность', хотя при этом имеется в виду ответ и благодарность самого говорящего. Таковы, например, *мōсу* 'говорить', *хабэри* 'быть, иметься', *годзару* 'быть'. *Годзару* обычно употребляется вместе с служебным глаголом вежливости *масу* в виде *годзаримасу* или же в виде образующегося путем фонетического изменения *годзаимасў*[67].

При употреблении вежливых глаголов, о которых здесь говорится, необходимо соблюдать особые правила для выражения лица. Таким образом, это явление переходит в область грамматики. Например, если в предложении речь идет от первого лица, употребляется глагол скромности; когда речь идет о втором лице, употребляется глагол почтительности; когда речь идет о третьем лице, применяются глаголы учтивости (или же глаголы нейтральные). Итак, когда в качестве сказуемого употреблен один из этих глаголов, можно, не глядя на подлежащее, определить, от какого лица ведется речь. Примеры на это явление встречаются в «Гэндзи-моногатари»: по глаголу, служащему сказуемым, даже при пропуске подлежащего, можно определить, от какого лица ведется речь, и таким образом установить подлежащее [25]. Д-р Ямада

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

совершенно справедливо отмечает: «Как правило, до сего времени грамматисты рассматривали обычно слова вежливости как отдельные слова, ограничиваясь выяснением их значения, но не касаясь правил использования этих слов в словосочетаниях или предложениях. В то же время они широко пользовались выражением „правила употребления слов вежливости". Но какие же правила имели в виду эти грамматисты? Фактически само выражение „Правила употребления слов вежливости" уже предполагает наличие каких-то определенных правил»[68].

VIII. ФОНЕТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ КОРНЯ ГЛАГОЛОВ

Фонетическое изменение (омбин 音便) означает переход первоначального звука в другой звук в целях удобства произношения. Иногда это явление выражается в выпадении гласного или согласного, иногда в изменении звука. Однако фонетические изменения, о которых здесь идет речь, ограничиваются только некоторыми изменениями звука — теми, которые, согласно установившемуся обычаю, при написании буквами японского алфавита требуют замены одних букв другими. В словах *кава* かわ 'река', *каи* かひ 'раковина', *кау* かふ 'покупать', *кэру* かへる 'лягушка', *као* かほ 'лицо', буквы は, ひ, ふ, へ, ほ произносятся как *ва*, *и*, *у*, *э*, *о* (а не *ха*, *хи*, *фу*, *хэ*, *хо*). Следовательно, с точки зрения фонетики здесь налицо изменение звука, но, как свидетельствует историческая орфография, в документах эти изменения не потребовали замены одних букв алфавита другими и не могут быть названы грамматическими фонетическими изменениями [26]. Однако спрягающиеся слова — глаголы и предикативные прилагательные — при присоединении к ним некоторых особых слов меняют при спряжении одни звуки на другие и образуют формы, отличные от первоначальных форм спряжения. Это и есть фонетическое изменение ёгэна. Новые формы в сопоставлении с первоначальными формами именуются фонетически измененными формами (омбинкэй 音便形). Д-р Хасимоти Синкити, впервые употребивший этот термин, говорит:

«*Тэ* и *та* присоединяются к глаголам в приегэнной форме, но у глаголов четырехступенчатого спряжения, за исключением глаголов столбца *са*, они присоединяются к иной форме, чем обычная приегэнная форма спряжения. Эта форма называется „фонетически измененной формой глагола"»[69].

Название «фонетически измененная форма» можно понимать как название одной из форм спряжения, но необходимо иметь в виду, что оно прилагается только к изменению звука в особых случаях, поэтому значение его более ограничено, чем обычное название «форма спряжения». В письменном языке можно употреблять как первоначальную форму спряжения, так и форму

фонетически измененную, но в разговорном языке, при присоединении к глаголу некоторых слов, требуется обязательное употребление фонетически измененной формы и, следовательно (за некоторыми исключениями), эту форму можно признать нормальной формой спряжения [27].

Явление фонетического изменения в древнем японском языке почти не имело места. Оно стало появляться в языке начиная с периода Хэйан и проявлялось до периода Камакура; в настоящее время — это обычное явление. Д-р Ёсидзава рассматривает фонетические изменения как явление регрессивной ассимиляции звука[70].

Фонетическое изменение форм спряжения глаголов иногда делят на пять видов: изменение столбца *ка* и столбца *га*, изменение столбца *са*, изменение столбца *ха*, изменение столбцов *на*, *ба*, *ма* и изменение столбцов *та*, *ра*. Однако в настоящей работе мы, следуя традиции, намечаем четыре вида: 1) «фонетическое изменение *и*», 2) «фонетическое изменение *у*», 3) фонетическое изменение, сопровождающееся появлением носового звука, 4) фонетическое изменение, сопровождающееся образованием удвоенного согласного (геминанта).

1. ФОНЕТИЧЕСКОЕ ИЗМЕНЕНИЕ *И*

Оно представляет собою явление замены окончаний форм четырехступенчатого спряжения *ки*, *ги*, *си* при присоединении *тэ*, *та* (*тара*, *тари*) и окончания *ри* при присоединении *масу́* звуком *и*, т. е. явление выпадения звуков *к*, *г*, *с*, *р*.

Саку 'цвести': *сакйтэ* → *сайтэ*, *сайта*, *сайтара*, *сайтари*.

Аогу 'смотреть вверх': *аогитэ* → *аойдэ*, *аойда*, *аойдара*, *аойдара*.

Формы *сайтэ* и *аойдэ* принадлежат и письменному и разговорному языку, остальные три — только разговорному.

Ханасу 'выпускать': *ханасйтэ* → *ханайтэ* (п. я.)

Годзару 'быть': *годзари* → *годзаймасу́* (разг. я.).

В глаголе *ику* 'идти' столбца *ка* четырехступенчатого спряжения в современном разговорном языке «фонетического изменения *и*» нет; его место заняло изменение, сопровождающееся образованием геминанта.

В разговорном языке в глаголах четырехступенчатого спряжения столбца *са* также нет «фонетического изменения *и*». Оно встречается в префектурах Айти, Гифу, Фукуи, Исикава, Тояма, Окаяма, Тоттори, Симанэ и др., но считается, что это диалекты, а не стандартный язык. Однако в более отдаленную эпоху и в официальном языке это явление было распространено широко. Немало примеров его можно обнаружить и в послехейанский период.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Кокоро-о савагаитамау-о михабэру-ни наму (Гэндзи-моногатари) 'Смотрит, как тот тревожит свое сердце'.

Сёсё фуйтари (Уцубо-моногатари) 'Сёсё лежал'.

В некоторых грамматических трудах переход *годзаримасӯ* и *годзаймасӯ* (в этой же связи упоминается и переход в словах *насару*, *кудасару*, *ирассяру*) рассматривается как исключение. Действительно, фонетически измененные формы разговорного языка должны образовываться в соответствии с законами разговорного языка, а потому естественно рассматривать пример употребления форм *годзаримасӯ* и *годзаймасӯ* как исключение. Однако, поскольку для современного разговорного языка более обычной является форма *годзаймасӯ*, а не *годзаримасӯ*, я полагаю, что признать эту форму правильной фонетически измененной формой значит сообразоваться с тем, что фактически существует, и в настоящей работе стою на этой точке зрения.

2. ФОНЕТИЧЕСКОЕ ИЗМЕНЕНИЕ *У*

Оно представляет собою явление замены окончаний форм четырехступенчатого спряжения столбцов *ха* и *ма* — *хи*, *ми* при присоединении к *тэ*, *та* (*тара*, *тари*) звуком *у*, то есть явление выпадения звуков *х* и *м* (с превращением звука *и* в *у*) [28].

тоу 'спрашивать': *тойтэ* → (*тоутэ*) — *тōтэ*, (*тоута*) → *тōта* и т. д.

моу 'мять': *момитэ* → (*моудэ*) — *мōдэ*.

Форма *тōтэ* встречается и в письменном и в разговорном языке, форма *мōдэ* — только в письменном языке.

В разговорном языке «фонетическое изменение *у*» обычно распространено в речи жителей западных районов Японии, а в обиходной речи жителей восточных районов оно не встречается. В диалектах восточных районов оно заменяется удвоенным согласным, например: *нарау* 'учиться' — *нараттэ*, *оу* 'преследовать' — *оттэ*. (Однако *тоттэ* вместо *тойтэ* от *тоу* 'спрашивать' не говорят.) В древнем языке «фонетическое изменение *у*» было широко распространено при присоединении к глаголам четырехступенчатого спряжения столбца *ха* многих служебных глаголов, а не было ограничено, как в настоящее время, только случаями присоединения *тэ* и *та*: *омоутамаэнагара* (Гэндзи-моногатари) 'думая', *омоитамау нагэку* (Уцубо-моногатари) 'размышляет и скорбит'.

Кроме того, в древнем языке в глаголе *тору* 'брать', принадлежащем к четырехступенчатому спряжению по столбцу *ра*, при присоединении *идэ* звук *ри* заменялся звуком *у*:

Идзуку-ёри тоудэтамау кото-но ха-ни ка араму (Гэндзи-моногатари) 'Что за слова, которые откуда-то взялись?'

Здесь *ториидэ* сначала перешло в *торидэ*, а затем в *тоудэ* → *тōдэ*.

Фонетическое изменение, при котором *ми* переходит в *у*, получило распространение со времени периода Камакура — Муромати и считается новым фонетическим изменением.

Рокуята-о цукōдэ (*цукаудэ*) ...(Хэйкэ-моногатари) 'схватив Рокуята...'

Танōдл (*таноуда*) *хйто-га котира-но нива-о кикиоёдэ* (*оёудэ*) (*Кёгэн*) 'явившийся человек, прослышав про здешний сад...'

В современном разговорном языке в префектурах Ямагути, Коти и на Кюсю встречаются формы *ёбōдэ* (*ёбоудэ*) 'позвав', *тобōдэ* (*тобоудэ*) 'летя', *номōда* (*номоуда*) 'пил', но это, разумеется, диалектные формы[71].

3. ФОНЕТИЧЕСКОЕ ИЗМЕНЕНИЕ, СОПРОВОЖДАЮЩЕЕСЯ ПОЯВЛЕНИЕМ НОСОВОГО ЗВУКА

Это изменение представляет собою явление замены у глаголов четырехступенчатого спряжения столбцов *на*, *ма* и *ба* окончаний приёгэнной формы *ни*, *ми*, *би* при присоединении *тэ*, *та* (*тара*, *тари*) звуком *н*. При этом либо выпадает звук *и*, либо, помимо выпадения *и*, звуки *м*, *б* заменяются звуком *н*. Звуки *н*, *м* одинаково являются носовыми, а звук *б*, хотя и является губным, но по своей фонетической природе близок к звуку *м*, почему и подвергается одинаковому с ним изменению.

сину 'умирать': *синитэ* → *синдэ*, *синда*, *синдара*, *синдари*;
каму 'кусать': *камитэ* → *кандэ*, *канда*, *кандара*, *кандари*;
тобу 'летать': *тобитэ*→*тондэ*, *тонда*, *тондара*, *тондари*.

В древней литературе такое изменение возникает прежде всего в столбце *ма*.

Тэ-о кирукиру цундару на (Тоса-никки) 'овощи, которые собирали, царапая руки'.

Ки-но нэ-о хорихамудэ (Кагура-ута) 'выкапывая и поедая корни растений...'

Несколько позже, примерно со времени правления императоров Хорикава (1101—1107) и Тоба (1108—1123), это изменение появляется в столбце *ба*. Например, в «Домō сёин» (1109) встречаются *тондэ* (от *тобу* 'лететь'), *ёндэ* (от *ёбу* 'звать'), *асондэ* (от *асобу* 'играть').

Изменение в столбце *на* является самым поздним; оно наблюдается с конца периода Камакура до периода Муромати.

синдэ ноти-ни («Лун-юй» с транскрипцией знаками японского алфавита) 'после того, как умер'.

Коно цуруги ва тондэинда то йу дзо (Сйкйсё) 'Он говорит, что этот меч улетел'.

К фонетическому изменению, которое сопровождается появлением носового звука, относят также переход звуков *ри*, *ра* в звук *н* в приёгэнной форме четырехступенчатого спряжения

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

столбца *ра* и в прииенной форме неправильного спряжения столбца *ра*.

саннуру Хэйдзи ганнэн дзюнигацу (Хэйкэ-моногатари) 'в прошлой двенадцатой луне первого года Хэйдзи'.

4. ФОНЕТИЧЕСКОЕ ИЗМЕНЕНИЕ, СОПРОВОЖДАЮЩЕЕСЯ ОБРАЗОВАНИЕМ ГЕМИНАНТА

Оно представляет собой явление превращения в удвоенный согласный окончаний приёгэнной формы *ти, хи, ри, ки* при присоединении *тэ, та* (*тара, тари*) у глаголов четырехступенчатого спряжения столбцов *та, ха* и *ра* и неправильного спряжения столбца *ра*, а также глагола *ику* 'идти'. Для передачи на письме такого удвоенного согласного в японском языке используется буква っ, которая, конечно, не произносится в этом случае как «цу».

Уцу 'нападать': *утитэ* → *уттэ, утта, уттара, уттари*;

сукуу 'спасать': *сукуйтэ* → *сукуттэ, сукутта, сукуттара, сукуттари*;

тиру 'рассыпаться': *тиритэ* → *титтэ, титта, титтара, титтари*;

ику 'идти': *икитэ* → *иттэ, итта, иттара, иттари*.

Примеры из древней литературы:

Онооно юми-о тоттэ я-о ханаттэ (Кондзяку-моногатари) 'Каждый, взяв лук и выпустив стрелу...'

Ута утаттэ (Домо-сёин) 'распевая песни'.

В памятниках древней письменности встречаются буквы, которые можно считать обозначением удвоенных согласных, но знак удвоения отсутствует. Об этом д-р Ісидзава говорит: «Обозначение удвоения буквой っ установилось начиная с периода Муромати, вначале же вообще не употребляли никаких букв или применяли ン, ツ, フ и т. д. То, что в «Кондзяку моногатари» и «Хōмоцусю» употребляется っ, оказывается, возможно, отражением явления более позднего времени, когда эти произведения переписывались, и потому трудно утверждать, что здесь мы имеем дело с рукописью в ее первоначальном виде»[72]. В разговорном языке в том случае, когда глагол, означающий 'идти', произносится *юку*, удвоенный согласный не образуется. Это происходит только при произношении *ику*.

В современном разговорном языке при присоединении *тэ* и *та* к окончанию *хи* приёгэнной формы глаголов четырехступенчатого спряжения столбца *ха* в районе Кансай происходит «фонетическое изменение *у*», а в Канто — образование геминанта. Как сообщается в «Докладе по обследованию грамматики японского разговорного языка», западнее префектур Тояма, Исикава, Фукуи, Сига, Миэ распространено «фонетическое изменение *у*», восточ-

нее префектур Сидзуока, Яманаси, Нагано — фонетическое изменение, сопровождающееся образованием геминанта, а в средних префектурах Айти, Гифу, Ниигата наблюдается и то и другое. Кроме того, глаголы *тару* 'быть достаточным', *кару* 'занимать' в районе Кансай спрягаются по четырехступенчатому спряжению, а в Канто по верхнему одноступенчатому, в котором фонетического изменения не происходит. Поэтому в первом случае образуется удвоенный согласный, а во втором случае, как это видно из нижеследующих примеров, приегэнная форма не подвергается никаким изменениям. От глаголов *кау* 'покупать', *кару* 'брать в долг', *тару* 'быть достаточным' в этих районах образуются следующие формы:

В районе Канто: *каттэ*, *каритэ*, *таритэ*.

В районе Кансай: *кōтэ* (*коутэ*), *каттэ*, *таттэ*.

Присоединение *тэ*, *та* к глаголам разговорного языка *оссяру*, *ирассяру*, *насару*, *кудасару* также влечет за собою образование удвоенного согласного, причем соответствующие формы *ираситтэ*, *ираситта*, *насуттэ*, *насутта*, *кудасуттэ*, *кудасутта* не являются стандартными, но тем не менее в настоящее время широко употребительны.

Относительно того, почему фонетические изменения, появившиеся еще ранее периода Хэйан, получили распространение только с течением времени, д-р Ямада говорит следующее:

«Фонетические изменения появляются, видимо, под влиянием китайского чтения иероглифов. Из исторических материалов ясно, что начало периода Хэйан было временем расцвета китайской литературы. Благодаря этому, а также по традиции, употребление японцами слов китайского происхождения — канго — приняло очень широкие размеры. Естественно, что канго и чисто японские слова смешивались, что приводило к некоторым изменениям в произношении. Канго были значительно японизированы и получили те два вида окончаний, которые существуют и в настоящее время, т. е. *и*, *у* [29], а следующим шагом вперед, очевидно, явилось появление японского глагольного спряжения. С другой стороны, и в чисто японских словах под влиянием произношения канго возникли фонетические изменения»[73].

В «Приложении к грамматике японского языка» говорится следующее:

«До периода Нара... фонетических изменений, очевидно, почти не происходило... Они распространяются с периода Хэйан. В толковании к предисловию «Рэйики», относящемуся к годам Конин (810—823), соответствующие иероглифы снабжены транскрипцией знаками алфавита: 償ツクノウ *цукуноу* 'вознаграждать', 傷ソコナウ *соконау* 'ранить', а в сутре «Дайтидорон», относящейся ко 2-му г. Тэнъан (858) и хранящейся в храме Исияма в Оми, иероглифы 次第 транскрибированы ツイデ *цуйдэ* (что является

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

фонетическим изменением глагола *цугитэ, цугицу* нижнего двухступенчатого спряжения, а в «Манъёсю, 20» в «Юдзоку-ута» встречается *цугитэтэ*), в «Руйдзю-мегисё», относящемуся ко времени императоров Бунтоку и Сэйва (851—876), иероглиф 媚 транскрибирован ウツクシウス *уцу́ку́сю̄су*, иероглиф 啄 — ツイバム *цуйбаму*. Таким образом, примерно с начала установления столицы в Ямасиро (734) появились и фонетические изменения, что вместе с тем было и началом изменения языка. Относительно того, почему возникли фонетические изменения, в «Нэннэн-дзуйхицу» Исихара Масааки (1801—1805) говорится следующее:

«В «Манъёсю», а затем в «Нихонги» нет таких мест, где чтение букв алфавита расходилось бы с их написанием. Таким образом, в период Нара в этом отношении не существовало никакой путаницы. В настоящее же время появились изменения в звуках слов (гэмбэн 言便). Это — искажения ради облегчения произношения. Отсюда вытекают бесчисленные искажения и в местных говорах. Разговаривая, люди того времени стали обращать внимание на свои манеры. Они считали ниже своего достоинства широко открывать рот и часто шевелить губами и для облегчения речи смешивали は и わ, え и あ, お и を, что затрудняло понимание; ひ, ふ, ほ произносили как い, う, お и с годов Энги и Тэнрэки (912—947) это стало всеобщим правилом. Всё это и положило начало расхождению в чтении и написании знаков алфавита»[74].

Подобные же мысли высказываются и в западноевропейских теориях. Видимо, действительно, в связи с общим прогрессом и организм человека и его мышление получают бóльшую нагрузку, и для того чтобы сказать что-либо быстрее, он стремится, избегая излишне усложнять работу языка и губ, пользоваться наиболее удобопроизносимыми звуками, что, очевидно, и ведет к появлению большого числа фонетических изменений.

IX. НЕДОСТАТОЧНЫЕ ГЛАГОЛЫ

Выше в разделе о непереходных и переходных глаголах упоминалось о неполностью непереходных и неполностью переходных глаголах, однако о недостаточных глаголах (фукандзэн-до̄си 不完全動詞) мы будем говорить вне связи с ними.

Так, глаголы *атау* 'мочь', *сику* 'быть равноценным' (оба в письменном языке относящиеся к четырехступенчатому спряжению) употребляются обязательно со служебными глаголами отрицания, например: *ёму кото атавадзу* 'не могу читать', *ёмуни сйкадзу* 'не равняется чтению'.

Глагол *сику*, как видно из примеров: *Ему-ни сику ва наси* 'Ничто не сравнится с чтением'; *Карэ-ни сику моно наси* 'Нет никого ему равного', употребляется либо в устойчивых отрицательных оборотах, как ... *ни сику ва наси*... 'ничто не сравнится',

...ни сику моно наси '... нет чего-либо равного' (причем, вместо слова *моно* может быть поставлено любое существительное), либо в иронических выражениях, имеющих отрицательный смысл, т. е. имеет очень ограниченное употребление. Таким образом, не говорят: *ёмиатау* 'мочь читать', *карэ-ни сику* 'равноценен ему'. Правда, существуют слова *бэнкай-сиатау* 'мочь оправдаться', *суйкō-сиатау* 'мочь выполнить' (эти примеры даны в словаре Дайгэнкай), но они представляют собой перевод англ. can, а не правильный японский язык. Глагол *сику* в древнем языке употреблялся свободно, однако со времени периода Хэйан он, очевидно, стал употребляться ограниченно, только в определенных сочетаниях, указанных выше.

Ввиду того, что глаголы *атау* и *сику* отличаются по своему употреблению от обычных глаголов, их называют недостаточными глаголами[75]. Если несколько расширить понимание значения стабильности употребления и включить также глаголы, которые обладают не всеми формами спряжения при употреблении их в литературе, то можно получить еще большее количество недостаточных глаголов. Немало найдется и таких глаголов, обычное употребление которых ограничивается особыми случаями, т е. начинает смещаться в определенную сторону. Примерами таких глаголов могут служить глаголы *сому*, *сасу*, *кану*, *овасу*, *ау*, упоминавшиеся в «Введении» на стр. 35, а также так называемые вспомогательные глаголы, о которых шла речь в данной главе. Явление изменения, смещения, стабилизации и расширения употребления слов представляет собою интересный, заслуживающий серьезного изучения вопрос истории японского языка.

Коснемся попутно словоупотребления, возникшего на базе японского чтения древних китайских текстов, в той мере, в какой оно касается глаголов. Оно представлено довольно многочисленными словами, например: *иваку* 'говорить, сказать', *омоэраку* 'думается, представляется', *нэгавакӯва* 'желательно', *осимуракӯва* 'к сожалению', *иваюру* 'так называемый', *ойтэ* 'в', *моттэ* 'с помощью, путем'[76]. Все эти слова не употребляются самостоятельно как глаголы, а используются только в сложных словах в соединении с другими словами. Поэтому и их лексическую природу следует определять, рассматривая их в составе сложных слов. Сложные слова в свою очередь часто переходят в другую часть речи, и многие из них уже нельзя рассматривать как глаголы. *Нэгавакӯва* 'желательно' и *осимуракӯва* 'к сожалению' превратились в наречия. Доказательством служит то, что они утеряли возможность быть сказуемыми. Такое слово, как *иваюру* 'так называемый', употребляется почти исключительно приименно, следовательно, его нужно включить в разряд приименных слов, о которых будет сказано ниже. Если считать, что *ойтэ* 'в' представляет собою одно из чтений предлога 於 в китайском тексте, то его сле-

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

дует отнести к разряду служебных слов (а именно падежных) Однако, кроме подобного употребления в качестве служебного слова, оно употребляется также в форме ... *-ни окэру* 'находящийся, происходящий в ...' и указывает на существование в пространстве и во времени. Следовательно, в этом случае его необходимо рассматривать как глагол, но можно ли его разложить на глагол *оку* 'класть' и служебный глагол *ри*? Очевидно, в форме *окэру* это слово нужно рассматривать как особый глагол, но если признать, что он лишен способности быть сказуемым, которая является отличительной чертой глагола, то его придется считать своего рода формальным глаголом. Над этим вопросом еще необходимо подумать.

Моттэ 'с помощью, посредством' подробно рассматривает д-р Ямада. Он говорит: «Итак, слово *моттэ* мы будем считать глаголом *моцу* 'держать', к которому присоединено сложное окончание *тэ*. Если рассмотреть, как оно употреблялось в японском языке изначала, то иного значения, кроме „с помощью" не обнаружится. Однако, если рассмотреть, как *моттэ* используется в современной литературе, то, хотя в нем до некоторой степени сохранилось прежнее значение „используя, с помощью...", но очень часто оно употребляется как ёгэн, например *моттэсу* 'применять, употреблять'. Там, где, казалось бы, можно просто употребить *тэ*, добавляют *моттэ*; где можно обойтись употреблением одного *о*, добавляют *моттэ*; вместо *ни ёритэ* 'на основе', применяют *о моттэ* с тем же значением; для того чтобы обозначить материал, способ действия, используют *о моттэ*; наконец, употребляют такие выражения, как *моттэ мирубэси* 'следует рассматривать как...' или *мата моттэ* 'а также, в связи с этим'; трудно решить, к какой части речи следует отнести эти слова»[77]. При определении лексической природы этого слова, очевидно, исходя из его употребления, можно считать его либо глаголом, либо служебным словом, либо наречием, либо союзом. Д-р Мацусита определяет *моттэ* и *ойтэ*, вместе с *томони* и *сйтэ*, как особый вид „объектных наречий"» (кйтяку-фукўси 歸著副詞)[78] [30].

Иваку и *омоэраку* представляют собою глаголы *йу* 'говорить' и *омоу* 'думать' с суффиксом *ку*. *Омоэраку* образовалось путем присоединения к глаголу *омоу* служебного глагола законченности действия *ри*, что дает *омоэри*; последующее присоединение *ку* дает *омоэраку* (то же самое приложимо к *нэгавакўва* и *осимуракўва*). Взгляд на присоединяющееся при этом *ку* был уже высказан д-ром Ямада Ёсио. Он говорит: «Происхождение *ку*, назначение которого часто видят в удлинении слова, неясно, и на этот счет существуют различные объяснения. Считают, что оно служит для удлинения слова, удлинения произношения и т. д., но это, по сути дела, не объяснение, так как его смысл состоит в том, что что-то добавлено; ясно, что добавлено извне. Иногда пытаются

объяснить *ку*, применяя в обратном порядке принцип „хансэцу“» [31]; такое объяснение также не является удовлетворительным. Некоторое время тому назад Окакура Юдзабуро выдвинул новую теорию, согласно которой *ку* есть *кото*, но она была подвергнута критике со стороны г-на Окадзава Сёдзиро, указавшего, что в ней есть неясности. Окадзава дал свое объяснение, состоящее в том, что данное *ку* есть то *ку*, которое является окончанием предикативных прилагательных; а не так давно Канадзава Сёдзабуро на основе сравнительного изучения японского языка с корейским языком пришел к выводам, близким к выводам Окадзава. Однако эти выводы, отождествляющие *ку* с окончанием предикативных прилагательных, также содержат много неясностей. Прежде всего, если, согласно теории Канадзава, признавать, что адъективные глаголы имеют такое же спряжение, зачем же нужно сложное окончание, например, в слове *хироисйку* в фразе:

тама хироисйку цунэ васураэдзу (Манъёсю, 1153) ‘подобрал яшму и никогда не мог забыть’ и т. п.

Видимо, *ку* не принадлежит к сложным окончаниям. Д-р Ямада приводит примеры присоединения *ку* к *симу*, *дзу*, *му*, *цу*, *ну*:

токи-но сиранаку (Манъёсю, 3749) ‘сроки неизвестны’;

тоси-но хэнураку (Манъёсю, 3719) ‘годы проходят’

и продолжает: «Можно ли во всех этих случаях считать *ку* так называемым окончанием? Я не могу согласиться с этим». Приведя затем примеры присоединения *ку* к *ари*, *су*, *ку*, к глаголам одноступенчатого, двухступенчатого и четырехступенчатого спряжений, а также к предикативным прилагательным, например:

Ясукэку мо наси (Манъёсю, 3723) ‘не покойно’;

Осикэку мо наси (Манъёсю, 3744) ‘не жаль’,

Ямада делает следующий вывод: «Во всех этих случаях выступают предикативные прилагательные. Хотя всюду одно и то же *кэку*, но в данных случаях *кэку* дальше не спрягается, т. е. оказывается присоединенным именно рассматриваемое нами *ку*... Если взять то, что выше названо предикативным прилагательным с присоединенным к нему *ку*, то, согласно теории Канадзава, окажется, что к окончанию предикативного прилагательного вновь присоединено еще одно окончание. Очевидно, что это *ку* не является ни окончанием, ни *кото*.

Попытаюсь изложить свое понимание данного вопроса. Прежде всего, значение и употребление *ку* двояко: в одном случае оно образует тайгэн, в другом — определение. Об этом много говорилось, и я не буду повторять общеизвестные положения. По моему мнению, *ку* является словом, обозначающим место. Это *ку*, которое произносится так же, как *ко*, содержится в словах *коко* ‘здесь’, *соко* ‘там’, *идзуку* ‘где’. Если проследить на примерах употребление *ку* или *ко* в языке того времени, когда оно поя-

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

вилось, то оно, конечно, не ограничивается обозначением просто пространства, но весьма часто указывает на ту или иную мысленную точку.

Коко *омоэба мунэ косо итаки* (Манъёсю̄, 1629) 'Когда подумаешь, здесь, в груди, особенно больно'.

В приведенном примере *коко* имеет значение «эта точка». Применяя это к *ку*, мы найдем, что в том случае, когда оно образует тайгэн, оно имеет значение «эта точка» или «эту точку»; когда же *ку* образует определение, оно имеет значение «в этой точке», и в общем такое значение сохраняется для всех случаев. В подтверждение приведем примеры:

Умэ-но хана тираку ва ***идзуку*** (Манъёсю̄, 16) 'Цветы сливы опадают где?'

ки наканаку ***соко*** *ва урамидзу* (Манъёсю̄, 4207) 'не прилетает петь, на это [я] не обижаюсь'.

На основании изложенного я считаю, что *ку* обозначает место, но в соответствии с уже давно сложившимся обычаем оно стало употребляться и для передачи различных других значений»[79].

Я думаю, что эта теория Ямада заслуживает серьезного внимания[80].

По материалам работ, посвященных данному вопросу, становится ясной природа *ку* в слове *иваку*. Однако по своему употреблению слово *иваку* несколько отличается от обычного глагола. Если сравнить два примера: *Карэ йу*, и *карэ иваку*, то в первом случае налицо обычное сказуемое, а во втором слово *иваку*, являясь сказуемым, вместе с тем служит наречным определением, которое требует после себя определяемого. Это и есть употребление в качестве определения, о котором говорит д-р Ямада. Я думаю, что в данном случае можно применить название «наречное сказуемое». То же свойство обнаруживает и сказуемое наречно-определительного членного предложения. Причем необходимо обратить внимание на то, что в этом случае за таким сказуемым следует другое формальное слово. Рассмотрев приведенные два примера, мы увидим разницу между ними:

Мидзу киёкэрэба уо сумадзу 'Если вода чиста, рыба не водится'.

Карэ иваку, дайбэн домори-но готоси то (п. я.) 'Он говорит, что большое красноречие подобно заиканию'.

Короче говоря, *иваку* по его лексической природе следует рассматривать как глагол с суффиксом, а по функции — как наречное сказуемое.

Я полагаю, что, может быть, в состав глаголов, как уже говорилось выше, нужно включить и неспрягающиеся глаголы, происходящие от канго. В качестве примеров таких неспрягаемых глаголов Мацусита Дайдзабуро приводит множество слов: *кэнкю̄* 'исследование', *нюгаку* 'поступление в школу', *рёкō* 'путе-

шествие', *ундō* 'движение' и др., а для иллюстрации типичного их употребления он дает такие примеры:

Бōнэн сигацу, бōдайгаку-ни ***нюгаку***, *бōнэн сангацу ютō-о моттэ соцугё* 'В апреле такого-то года **поступил** в такое-то высшее учебное заведение, а в марте такого-то года **закончил** его с отличием' [32].

Кадзи ва гого сандзи-ни ***тинка*** 'Пожар был **потушен** в три часа дня'[81].

В них имеются слова, которые используются как глаголы и как существительные; как сказуемое они употребляются в заключительной и в серединной позиции, а также имеют при себе наречное определение, то есть выполняют часть функций обычного глагола. Я думаю, что в этом случае ничто с точки зрения грамматики не мешает рассматривать их как неспрягаемые глаголы. Но, исходя из традиционного понятия глагола, их следует считать одним из видов недостаточных глаголов. Я полагаю, что учет неполноты функций некоторых слов имеет большое значение при рассмотрении ряда явлений современного японского языка. (Излишне говорить, что если рассмотренные выше слова считать существительными, то окажется необходимым признать, что и имена существительные могут выступать в качестве сказуемого.)

ПРИМЕЧАНИЯ АВТОРА

[1] Ямада, VII, стр. 48.
[2] Там же, стр. 48 — 50.
[3] Ямада, VII, VIII.
[4] Относительно этого разделения см. раздел I в гл. V этой книги.
[5] Ямада, VIII, стр. 231.
[6] Там же, стр. 251 — 252.
[7] Оцуки, II, стр. 51.
[8] Там же, стр. 53.
[9] Мацусита, III, стр. 250—254.
[10] Нагата, «Систематизация так наз. *кэйёси*, I; Критику теории Нагата, а также цитированных выше положений д-ра Ямада см. в работе Х. Кобаяси, О возможности построения всеобщей грамматики, III, в гл. «Необходимые условия для построения грамматики».
[11] Нагата, Наименование глаголов и их классификация, II.
[12] Это и есть так называемые *сивадзи*.
[13] Они могут быть названы *аривадзи*.
[14] Они тоже могут быть названы *аривадзи*.
[15] Ямада, VII, стр. 82 и 89.
[16] Там же, стр. 190.
[17] Там же, стр. 379.
[18] Там же, стр. 368.
[19] Примеры заимствованы у д-ра Хасимото из «Новой грамматики для старших классов» (III), стр. 100 и 103 и из «Приложения» к ней (IV), стр. 278 — 285.
[20] Ср. Юдзава, I, стр. 143 — 144.
[21] Зачатки осознания спряжения появились очень давно, еще в «Тэйка-канадзукаи» (定家假名遣い, не ранее 1363 г.). Затем Танигава Сисэй в приложении к «Нихон-сёки цусё», ч. I (谷川士清・日本書記通證, 1748 г.) под

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

названием «Ваго-цўон» (倭語通音) установил название форм: митэй 未定, итэй 已定, кокудзин 告人, дзигэн 自言. Камо-но Мабути в «Гоикō» (賀茂眞淵・語意考) говорит: «Разделение глаголов, существующее в нашей стране с глубокой древности, идет по горизонтальным рядам годзюона...» и дает названия: сё 初, тай 體, ё 用, рэй 令, дзё 助. Касаются этого вопроса Фудзитани Нариакира в «Ёсои-на катагаки» (装圖), Мотоори Норинага в «Ми-куни котоба кацуё-сё» (本居宣長・御國詞活用抄), Мотоори Харунива в «Котоба-но ятимата» (本居春庭・詞八衢), а за ними в изучение этого вопроса внесли свой вклад Тодзё Гимон, Тогаси Хирокагэ, Курокава Маёри, Хори Хидэнари, Танака Ёсикадо, Оцуки Фумихико, Хага Нити и другие. Ниже приведены основные варианты названий форм спряжения, данные в ходе его изучения.

Таблица 43

Названия форм спряжения в истории японской грамматики

Глагол *сину* 'умирать'	東條義門 Тодзё Гимон	富樫廣蔭 Тогаси Хирокагэ	堀秀成 Хори Хидэнари	黒川眞頼 Курокава Маёру	大槻文彦 Оцуки Фумихико	Современное название	Астон	В нашем переводе (*Н. Ф.*)	
死な	將然言 未然言	未然段	未然段	將然言	不**定法	未然形	Base on future and negative	Незавершенная форма	1
死に	連用言	續詞段	續詞段用	連用言	中止法 連用法 名詞法	連用形	Adverbial form	Приёгэнная форма	2
死ぬ	截斷言	斷止段	斷止段	終止言	終止法	終止形	Conclusive form	Заключительная форма	3
死ぬる	連體言	續言段	續言段	連體言	連體止法 終第二法	連體形	Attributive form	Прииенная форма	4
死ぬれ	已然言	已然段	已然段	已然言	終止法 第三	已然形	Perfect form	Завершенная форма	5
死ぬ	希*求言		仰言	希求言	命令法	命令形	Imperative form	Повелительная форма	6

* Читалось *кукугэн*.
** Читалось *фудзехō*.

Термин *мэйрэйхō* впервые появился в «Начальной японской грамматике» Танака Ёсикадо. Оцуки Фумихико в «Пространной японской грамматике» (I), в таблице спряжения глаголов (вклейка между стр. 70—71) приводит

такие английские соответствия: *фудзёхō* — Infinitive mood (относительно этого см. Ямада, VIII, стр. 261); *тюсихō* — Participle present; *рэнъёхō* — Compound form; *мэйсихō* — Gerund; *сюсихō* — Indicative mood; *рэнтайхō* — Verbal adjectiye; *мэйрэйхō* — Imperative mood.

[22] Хасимото, II, стр. 26.

[23] Там же, стр. 30.

[24] Ее можно также назвать *тюсихō* 中止法 «употребление в качестве срединного сказуемого».

[25] Ямада, VIII, стр. 242 — 243.

[26] Ее можно также назвать *мэйсихō* 名止法 «именное употребление».

[27] Ямада, VIII, стр. 264.

[28] Там же, стр. 265.

[29] Эти служебные слова именуются *какари-дзёси* 係助詞, а форма конечного сказуемого при них — *какаримусуби* 係結..

[30] Относительно литературных свидетельств о времени, когда приименная и заключительная формы стали одинаковы, см. «Кōгохō-бэкки», стр. 90—97.

[31] Д-р Мацусита рассматривает завершенную форму как *хōнинкэй* 放任形 и не считает, что *ба* в этом случае опущено.

[32] *Косо* также именуется *какари-дзёси*.

[33] Ямада, VII, стр. 113—114.

[34] В приведенном примере *насай* рассматривается как полноценный глагол, но есть ли это полноценный или вспомогательный глагол, остается невыясненным.

[35] Ямада, VIII, стр. 269.

[36] См. Юдзава, I, стр. 144 — 146.

[37] Подробно о повелительной форме в разговорном языке см. в Кōгохō-бэкки, стр. 131 — 144.

[38] Хасимото, II, стр. 29.

[39] Там же, стр. 32.

[40] Немало материалов по этому вопросу имеется в старом труде Камоти Масадзуми (1791 — 1858) «Ёгэн-хэнкакурэй» 鹿持雅澄・用言變格例 (изд. в 1893 г.) и в следующих работах: Hoffmann, Japanese Grammar, 1867; Aston, Grammar of the Japanese written language; Чемберлен, Грамматика и словарь рюкюсского языка (помещено в 日本亜志亜協會雜誌), Канадзава, I, Камэда, цит. соч. и др.

[41] Е. Кобаяси, II. стр. 82.

[42] Оцуки, II, стр. 29.

[43] Ср. Хасимото, Особое применение орфографии в древних памятниках и нормы современного языка (V).

[44] Относительно предположения, что глагол *момидзу* является озвончением глагола *момицу*, см. Икэда Хэйдзи, Еще раз о глаголе *момидзу* в Маньёсю (I).

[45] Кроме приведенных в таблице, к верхнему двухступенчатому спряжению относятся следующие глаголы: в столбце ***ка***: *оку* 起く, *цуку* 盡く, *ёку* 避く; в столбце ***та***: *оцу* 朽つ, *мицу* 滿つ; в столбце ***да***: *одзу* 怖づ, *тодзу* 閉づ, *нэдзу* 捻づ, *ёдзу* 攀づ; в столбце ***ха***: *оу* 生ふ, *кау* 變う, *мотиу* 用ふ; в столбце ***бу***: *сусабу* 荒ぶ, *обу* 帶ぶ, *отонабу* 大人ぶ, *синобу* 忍ぶ, *кобу* 媚ぶ, *сусубу* 煤ぶ, *хокоробу* 綻ぶ, *хоробу* 亡ぶ, *вабу* 侘ぶ; в столбце ***му***: *ураму* 恨む, *кокоромү* 試む, *юмэму* 夢む, *кагаму* 鑑む, *усиромү* うしろむ.

[46] Кроме приведенных в таблице, к нижнему двухступенчатому спряжению относятся следующие глаголы: по столбцу ***а***: *кокороу* 心得; по столбцу ***ка*** глаголов много; по столбцу ***га***: *агу* 擧ぐ, *какагу* 掲ぐ, *сасагу* 捧ぐ, *фусэгу* 防ぐ, *тайрагу* 平ぐ, *тогу* 遂く, *нагу* 投ぐ, *нигу* 逃ぐ, *хагу* 剝ぐ, *хирогу* 廣ぐ, *магу* 曲ぐ, *яварагу* 和ぐ; по столбцу ***са***: *авасу* 合す, *усу* 失す, *ōсу* 仰す, *носу* 載す, *хасу* 馳す, *макасу* 任す, *маирасу* 參らす, *мусу* 咽す, *ёсу* 奇す; по столбцу ***та***: *ацу* 當つ, *авацу* あわつ, *хувадацу* 企つ, *суцу* 捨つ, *содацу* 育つ,

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

хэдацу 隔つ; по столбцу ***да***; *надзу* なづ, *хидзу* 秀づ, *мōдзу* 訪づ; по столбцу ***на:*** *ину* 寝ぬ, *кану* 兼ぬ, *касану* 重ぬ, *цукану* 束ぬ, *цурану* 連ぬ, *хану* 刎ぬ, *юдану* 委ぬ; по столбцу ***ха*** глаголов много; по столбцу ***ба:*** *кубу* 燃ぶ, *курабу* 比ぶ, *субу* 諷ぶ, *табу* 食ぶ; по столбцу ***ма*** глаголов много; по столбцу ***ра*** тоже; по столбцу ***ва:*** *суу* 据う, *уу* 飢う.

[47] См. Хасимото, О спряжении по столбцу *ха* верхнего одноступенчатого спряжения в древности (VI) и Ясуда, I, стр. 126—127.

[48] Кроме приведенных в таблице, к верхнему одноступенчатому спряжению принадлежат следующие глаголы: по столбцу ***на:*** *ниру* 煮る; по столбцу ***ха:*** *хиру* 簸る, *ханахиру* 嘆る; по столбцу ***ма:*** *усиромиру* 後みる, *омомиру* 惟みる, *кэримиру* 顧みる, *кагамимиру* 鑑る; по столбцу ***ра;*** *иру* 鑑る, *иру* 沃る; по столбцу ***ва:*** *иру* 率る, *хикиру* 率る, *мотиру* 用る.

[49] Подробно см. в предисловии к словарю Оцуки, Гэнкай (言海), п. 34, а также статью Ёсидзава, Спряжение ёгэнов (Ёсидзава, IV) и «О спряжении глагола мотиу» в «Новой японской грамматике для средней школы», Приложение (Ёсидзава, VI).

[50] Опубликована в книге Оя, Материалы по истории кана.

[51] С точки зрения орфографии, мы имеем следующее написание: 用キル, 用イル, 用ウ, 用フ, 用ユ, здесь есть моменты, заслуживающие внимания, но поскольку они исчерпывающе рассмотрены еще древними авторами, я опускаю их рассмотрение. Ср. Ёсидзава, IV, стр. 89 — 93.

О спряжении глагола *мотиру* учеными с древних пор высказывались разные точки зрения. Основные из них следующие: к столбцу *ва* верхнего одноступенчатого спряжения данный глагол относили Тодзё Гимон, Хагивара Хиромити, Ивасаки Ёситака, Курокава Харумура, Хори Тосинари, Танака Ерицунэ, Сакакибара Ёсиро, Кимура Сэйдзи, Оцуки Фумихико; к столбцу *ва* верхнего двухступенчатого спряжения — Мотоори Норинага, Окамото Ясутака, Иноуэ Фумио, Ватанабэ Макадзи, Моцумэ Таками, Тадзаки Иоэй; к столбцу *ва* верхнего двухступенчатого спряжения — Камо Мабути, Танигава Сисэй, Куродзава Окинамаро, Ота Ката, Гонда Наоска и др. Те, кто спрягает этот глагол по столбцу *ва* по верхнему одноступенчатому спряжению, рассматривают *мотии* в значении *мотии* 持居, т. е. «имеющееся здесь перемещать туда и имеющееся там помещать сюда» (аналогично тому, как *хикии* объясняется 引居). Спрягающие этот глагол по столбцу *ва* по верхнему двухступенчатому спряжению также этимологически рассматривают его как *мотии* 持居, но считают, что спряжение самого *и* 居 изменялось так же, как оно изменилось при спряжении *цукии* 急居, которое изменяется по двухступенчатому спряжению *цукиу*. Те, кто относит *мотиру* к столбцу *ха* по верхнему двухступенчатому спряжению, считают, что это слово возникло в результате особого спряжения глагола *моцу*, а именно аналогично тому, как образовался глагол *арабу* от *ара* 荒. В глаголе *хикиру* основным является *и* 居, а в глаголе *мотиру* центр тяжести лежит на *моти* 持. (См. Ёсидзава, IV, стр. 58 — 59).

Об образовании верхнего одноступенчатого спряжения в целом см. Г. Окафудзи, Как образовалось верхнее одноступенчатое спряжение.

[52] См. Оцуки, II, стр. 30—32.

[53] О формах этих глаголов в древних памятниках см. Оцуки, II стр. 32.

[54] Ямада, VIII, стр. 327 — 335.

[55] Оцуки, II, стр. 33—34.

[56] Ямада, VIII, стр. 312.

[57] Оцуки, II, стр. 34.

[58] Ямада, VII, стр. 109 — 110.

[59] «Когохо-бэкки», стр. 150.

[60] Имаидзуми, О пассиве у непереходных глаголов (1).

[61] Мотоори Харунива, Котоба-но каёидзи (本居春庭・詞の通路).

[62] Мацусита, III, стр. 261.

[63] Вопрос о переходности и непереходности глаголов подробно рассмотрен

у Ямада, VIII, стр. 271—312 в главе «Классификация глаголов»; см. также Нагата, Соображения о глагольных залогах (III).

[64] *Годзару* состоит из слившихся в одно он'ов иероглифов 御座, использованных для написания глагола *омасу*, 'быть', находиться', и из глагола *ару*.

[65] «Кōгохō-бэкки», стр. 272 — 273.

[66] Относительно глаголов *хабэри* и *сōрō* см. Кагэяма, Хабэри и сōрō, а относительно *хабэри* — еще Исидзака, О *хабэри* и *хамуэри* по старым японским чтениям в Нихонсёки.

[67] О глаголах вежливости в разговорном языке см. «Кōгохō-бэкки», стр. 145 — 158.

[68] См. Ямада, Изучение слов вежливости (X), стр. 20.

[69] Хасимото, Новая грамматика для младших классов (VII).

[70] См. Ёсидзава, II, стр. 88 — 114.

[71] Для написания звука «у» в этом случае нельзя пользоваться буквой ふ (*фу*). Эта буква встречается только в написании глаголов столбца *ха* в заключительной и приименной формах. Так как *тэ* и *та* присоединяются к приёгэнной форме, то фонетически измененное う надо писать буквой う (*у*), написание ふ является ошибкой, объясняющейся тем, что эта буква читается не только «фу», но и «у».

[72] Ёсидзава, II, стр. 105.

[73] Ямада, IV, стр. 5 — 6.

[74] См. «Кōгохō-бэкки», стр. 4 — 5. Подробные свидетельства см. в литературных памятниках по отдельным периодам перехода *ки*, *ги*, *си* в *и*; *ти*, *ри* в *цу*; *хи* в *у* и *цу*; *ни*, *би*, *ми* в *н*; *би*, *ми* в *у*; см. там же, стр. 47 — 89.

[75] Ёсидзава, Высший курс японской грамматики (VII), стр. 92 — 93.

[76] Ср. Ямада, VI.

[77] Там же, стр. 273.

[78] См. Мацусита, III, стр. 302 — 304.

[79] Ямада, III, стр. 444 — 453.

[80] Кобаяси Ёсихару считает *ку* одним из окончаний спряжения; см. Ё. Кобаяси, I, стр. 298— 407. В работе Мицуя, Новое исследование японского языка (II) есть раздел, озаглавленный «Суффиксы *ку*, *наку*, *раку*, *маку*, *кэку*» (стр. 79 — 82). Из более старых работ см. Окакура, Об окончании ку (1); Окадзава, Некоторые соображения по поводу двух лингвистических работ г-на Окакура (I). Из более новых работ назовем Андо, По поводу *цураку*, *кэраку* и т. д. (II) и Татибана Мунэтоси, О так называемых удлиняющих словах *ку*, *раку*, *маку*.

[81] Мацусита, III, стр. 903.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

ГЛАВА ПЯТАЯ

Предикативное прилагательное

I. СУЩНОСТЬ ПРЕДИКАТИВНОГО ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО

Предикативные прилагательные (кэйёси 形容詞), как уже говорилось в гл. IV (стр. 129—130),— это знаменательные слова, представляющие собой один из видов ёгэна [1].

Предикативное прилагательное с точки зрения значения — это часть речи, обозначающая признак и состояние предмета. Признак и состояние предмета д-р Ямада определил как «признак и состояние, отражающиеся в душе без того, чтобы непосредственно быть связанными с предметом во времени»[1] Это отличительная черта предикативных прилагательных с точки зрения так называемого понятия атрибутивности. В противопоставление этому с атрибутивностью глагола д-р Ямада связывает то, что «признаки и состояния вещей рисуются в сознании как динамичное, развивающееся понятие»[2]. Таким образом он устанавливал разграничение между глаголом и предикативным прилагательным. Но возможно ли полностью разграничить глагол и предикативное прилагательное исходя только из указанных грамматических значений? Неизбежно придется дать определение предикативного прилагательного с учетом его формы и функции. (Следует оценить замечание д-ра Ямада: «это не объективное разграничение, а субъективное воображаемое различие»[3].)

Японские предикативные прилагательные и те прилагательные, о которых говорится в западных грамматиках, заметно отличаются друг от друга. Прилагательное в английском языке — это слово, которое определяет существительное; если подойти с этой точки зрения к японским предикативным прилагательным, то все нижеприводимые выделенные слова следовало бы считать таковыми: ***коно*** *хйто* 'этот человек', ***ано*** *яма* 'та гора', ***сэкисёкуно*** *хёси* 'красная обложка', ***мидорино коноха*** 'зеленая листва', ***сихякусибё*** — букв. 'четыреста четыре болезни', ***саку*** *хана* 'цветущие цветы', ***соёгу*** *кадзэ* 'шелестящий ветер', ***каппацу нару*** *кодомо* 'шустрый ребенок', ***дёдё тару*** *фусай* 'величественный вид', ***хогаракана*** *као* 'ясное лицо', ***тётто-сйта*** *ханаси* 'мимолетный разговор'.

С точки зрения учения о предложении это, несомненно, так называемые адъективно-определительные слова, но как часть речи назвать их *кэйёси* нельзя.

Все прилагательные могут быть адъективно-определительными словами, но не всякое адъективно-определительное слово является прилагательным.

Далее, японское предикативное прилагательное может быть сказуемым, а прилагательное западных языков само по себе сказуемым быть не может.

Уцӯкусйки хана (п. я.) beautiful flower 'красивый цветок'.

Хана уцӯкӯси (п. я.) the flower is beautiful 'цветок красив'.

Следовательно, *кейёси* следует рассматривать не столько как перевод западного слова adjective, сколько как синоним исстари известного слова *ариката-котоба* (形状言, позднее *кэйдзёгэн*).

С точки зрения формы предикативное прилагательное, разумеется, спрягающаяся часть речи, причем нужно обратить внимание на следующие две особенности:

1. Спряжение производится по двум столбцам годзюона — столбец *ка* и столбец *са* [2].

2. Из шести форм спряжения отсутствует повелительная форма.

Это важнейший признак, по которому можно разграничить японское предикативное прилагательное и глагол. Даже такие глаголы, которые с точки зрения их значения затруднительно признать глаголами, как, например, *оию* 'быть старым', *масару* 'превосходить, быть выше', *ниру* 'быть похожим', *мию* 'казаться', в свете разграничения по форме никак не могут быть смешаны с предикативными прилагательными. И тот факт, что иногда из двух слов, выражающих однородные понятия, одно — глагол, а другое — предикативное прилагательное, благодаря этому тоже становится грамматически объяснимым, например:

Глагол *ари* 'быть, иметься', *тому* 'быть богатым', *оию* 'быть старым'.

Предикат. прилагат. *наси* 'нет, не имеется', *мадзуси* 'беден', *вакаси* 'молод'.

Среди глаголов разговорного языка некоторые лишены повелительной формы. Однако это относится лишь к глаголам, не имеющим всей полноты форм, присущей глаголу, например к потенциальным глаголам: *ёмэру* 'мочь читать', *какэру* 'мочь писать' и т. п.

Спряжение предикативных прилагательных захватывает два столбца годзюона. Об этом говорится в специальной статье «О кэйёси» д-ра Уэда Кадзутоси, которую мы излагаем ниже.

В истории предикативных прилагательных в результате исследования их форм надо различать четыре периода. Следует заметить, что в современном языке формы всех четырех периодов смешиваются.

Первый период. К этому периоду нужно отнести случаи употребления основы прилагательного в чистом виде; это

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

наиболее древний способ употребления. Случается, что такие формы трудно отличить от существительных и глаголов. Примеры: *е саму* 'ночной холод', 'ночь холодна', *аянику* 'прискорбность', 'прискорбно'. В настоящее время слова этого периода употребляются в составе сложных слов как первая их часть, например: ***фукамидори*** 'темно-зеленое', ***аоми*** '**сине** море' и т. п. В изолированном виде эти формы нередко встречаются в старинных песнях и т. п.

Второй период. В это время форма прилагательных стала определенным образом изменяться, причем хотя на письме изменение изображалось буквой ㇱ «си», произносилось оно ch. Звук ch представлял собой что-то среднее между *ки* и *си*, но ни то, ни другое не выявлялось отчетливо. Следы этого явления можно найти в «Кодзики» и «Манъёсю», например *тōтоси Коси-но куни* 'далекая страна Коси', *сакаси мэ* 'умная женщина'. Наиболее ясно этот звук сохранился в северо-восточном диалекте (Тōхоку).

Третий период. Это время появления изменяемости: а) *ки — си*; б) *си — сйки*. Звук ch, распадаясь, дает либо *кй — ку*, либо *си*.

Таблица 44

Функции древних форм прилагательных по Уэда

Корень употребляется как существительное (корень)	Употребляется как наречие	а) Употребляется как предикат при частицах *дзо* и т п б) Употребляется как прилагательное	Употребляется как заключительный предикат
ё- 'хорош' *сиро-* 'бел'	*ёку* *сироку*	*ёки* *сироки*	*ёси* *сироси*

Когда изменение по типу *а* стало обычным, то прилагательные, корень которых оканчивается на *си*, по закону аналогии стали изменяться по типу *б*, например: *куруси* 'тяжело', *курусйки*, *курусйку*. Следует обратить внимание на то, что некоторые прилагательные, спрягавшиеся по типу *ку—си—ки*, при редупликации образовали спряжение по типу *сику—си—сйки*, например: *наганагаси* 'длинный, долгий', *омоомоси* 'тяжелый', *каругаруси* 'легкий' и т. п. Существует объяснение, которое гласит, что в данном случае окончание *си* имеет значение *сигэку* 'часто', подобно тому, как окончание *таку-таси-таки* содержит в себе значение *итаку* 'очень'.

Четвертый период. Это время (оно начинается с периода Камакура) постепенного исчезновения некоторых форм

спряжения прилагательных, как и в современном языке, прилагательное, будучи сказуемым, в любом случае имеет окончание *й, ий*, например *сорэ-га ёй* 'вот это хорошо', *корэ ва уцӯкӯсий* 'это красиво', *сорэ косо аригатай* 'вот это как раз замечательно'. Форма *ку — сйку* в данный период существует уже как наречная: *ёку дэкйта* 'хорошо сделано', *хаяку ойдэ* 'иди быстро' и т. п.[4]

Согласно Такэда Юкити, который изучал особенности употребления различных форм спряжения по «Кодзики» и «Нихонсёки»[5], парадигмы спряжения различаются следующим образом:

Таблица 45

Спряжение прилагательных по Такэда

Тип		Незавершенная	Приёгэнная	Наречие	Приименная	Тайгэн	Заключительная	Завершенная
Прилагательного	*си* *ки, сйки* *ку, сйку* *ка* *кэ* *са*	*ка ба* *кэ* { *ку*, *ба*	*кэ* { *му*, *на ку*, *рэ*	*си* *ки* *сйки* *ку* *сйку*	*си* *ки* *сйки* *кэ* *са*	*си* *ки* *сйки* *ку* *сйку* *кэ* *са*	*си* *ки* *сйки* *кэ*	*кэ* { *ба*, *до*
Глагола	*би* *ми* *ри, ру*		*би* *ми* *ри*		*ми* *ру*	*би*		
Междометия	*я* *ра*				*я* *ра*			

Аргументация Такэда по поводу того, почему у японских предикативных прилагательных появилось два типа спряжения — *ку* и *сйку*,— почему спряжение захватило два столбца — столбец *ка* и столбец *са*,— коротко может быть сформулирована в следующих пяти пунктах:

1. Предикативные прилагательные возникли из слов, выражавших оценку.
2. Основной формой прилагательных является тайгэн, их исходная форма — приименная.
3. Когда к ней присоединилось окончание *си*, стало развиваться спряжение.
4. Кроме того, в подражание глагольному спряжению возникла другая линия, опиравшаяся на столбец *ка*.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

5. Прилагательные, происходящие от глаголов, а не от тайгэнов, с присоединением окончания *си* легли в основу спряжения прилагательных.

В целом, в истории возникновения и развития японских предикативных прилагательных содержится ряд моментов, заслуживающих внимания[6].

Цутифути Эй, рассматривая историю предикативных прилагательных, обнаруживает пять ступеней в развитии этой категории:

1. Когда основа выступает в качестве атрибута.
2. Период возникновения атрибутивного окончания *си*.
3. Период возникновения атрибутивного окончания *ки*.
4. Период превращения окончания *ки* в *ку* и *кэ*.
5. Период выпадения согласного из окончаний *ку*, *ки*, *си*[7].

Цутифути считает, что окончание предикативных прилагательных — это суффикс, появившийся в целях выражения атрибутивности, тогда как окончания глаголов развились для выражения предикации. Таким образом, эти явления весьма различны. При глаголах слово, обозначающее признак, спрягается путем наращивания суффиксов. При прилагательных слово, обозначающее признак, принимает окончание, которое при обозначении атрибутивного соотношения или условия вклинивается между самим прилагательным и определяемым или служебным словом, выражающим условие. В этом Цутифути видит различие по форме между глаголом и предикативным прилагательным. Сущность спряжения — вопрос дискуссионный.

Первым исследовал прилагательные Фудзитани Нариакира. В «Аюисе» он разделил их на три разряда: *ари-сама*, *си-сама*, *сйки-сама*. К разряду «*ари-сама*» относятся адъективные глаголы типа *сумияка нари* 'скор, быстр', *сидзука нари* 'тих, спокоен', к разряду «*си-сама*»— прилагательные, впоследствии спрягающиеся с окончанием *ку*, к разряду «*сйки-сама*»— прилагательные, впоследствии спрягающиеся с окончанием *сйку*. В «Трактате о четырех разрядах слов» Судзуки Акира впервые появляется термин *ариката-котоба*. Мотоори Норинага и Мотоори Харунива выдвигали по этому вопросу свои теории[8]. Тодзё Гимон систематизировал словоизменение прилагательных таким образом:

Таблица 46

Спряжение прилагательных по Гимону

Тайгэн			Егэп		
			Приёгэнная форма	Примененная форма	Завершенная форма
ку — си — ки *сику — си — сйки*	*фўка* *мунаси*	*мидори* *кэмури*	*фўкаку мидори* *су* *мунасйку сугу*	*фўкаки* *мидори* *мунасйки* *кэмури*	*кэрэ* *сйкэрэ*

Гонда Наоскэ утверждал, что предикативные прилагательные изменяются по двум спряжениям — «спряжению *ку*» и «спряжению *сйку*». Однако оба прилагательные относятся к одному типу, причем «спряжение *ку*» — первоначальное. В период Мэйдзи был опубликован ряд ценных специальных работ[9]. Д-р Канадзава, сопоставляя японский и корейский языки, пришел к выводу, что глагол и предикативное прилагательное в нашем языке разделились, но в корейском языке это одна часть речи. В японском языке глагол и предикативное прилагательное раньше составляли одно целое и только позже они разделились, и двоякое спряжение предикативных прилагательных было раньше также единообразным.

Функции предикативных прилагательных приводятся ниже.

1. Сказуемое:

Яма ***такаку*** *мидзу* ***киёси*** 'Горы **высоки**, вода **прозрачна**'.

2. Адъективное определение:

Такаки *яма собиэ,* ***киёки*** *мидзу нагаруру* '**Высокие** горы возвышаются, **прозрачная** вода течет'.

3. Наречное определение:

Яма ***такаку*** *собиэ мидзу* ***киёку*** *нагаруру* 'Горы **высоко** возвышаются, вода **прозрачно** течет'.

Некоторые считают, что в последнем предложении *такаку* и *киеку* являются сказуемыми при *яма* и *мидзу*, однако я не придерживаюсь этого взгляда.

4. Вспомогательное употребление:

Коно хон ва омосйроку ***най*** 'Эта книга **не** интересна'.

Сорэ ва сбсё-дэ ***най*** 'Это **не есть** скоропись'.

В данных предложениях *най* не есть то *най*, которое обозначает наличие или отсутствие чего-либо. Когда первоначальная природа предикативного прилагательного *най* не выявляется полностью, мы будем именовать такое употребление вспомогательным употреблением. Но в предложении *Цўкуэ-но уэ-ни ва иссацу мо хон-га* ***най*** 'На столе **не имеется** ни одной книги' *най* — подлинное предикативное прилагательное, так что смешивать эти два разнородные *най* не следует.

Когда предикативное прилагательное *най* употребляется вспомогательно, ему предшествуют служебные слова *ва* (тематически-выделительная частица), *мо* 'и, а также', *саэ* 'даже'. Если сравнить такие случаи с аналогичным употреблением глагола *ару*, который следовало бы назвать вспомогательным глаголом, например:

Коно хон ва омосйроку (*ва*/*мо*/*саэ*) ***аримасэн*** 'Эта книга даже **не** интересна', то ясно, что в таком употреблении прилагательное *най* выполняет при прилагательном *омосйроку* вспомогательную роль.

Вышеприведенные четыре функции свойственны и глаголу, они не составляют специфику предикативного прилагательного.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Следовательно, в этом нельзя найти признак функционального разграничения между глаголом и предикативным прилагательным. Признаками функционального различия между глаголом и предикативным прилагательным можно назвать следующие:

1. Приёгэнная форма употребляется наречно.

Как уже упоминалось в гл. 4, глаголы в приёгэнной форме могут употребляться как определения при ёгэне, но это не есть свойство всех глаголов, а лишь способность некоторых отдельных глаголов. Однако все без исключения предикативные прилагательные в приёгэнной форме употребляются наречно. Другими словами, предикативные прилагательные не могут сочетаться с ёгэном, не превращаясь при этом в наречное определение. Этим они сильно отличаются от глагола. (Приёгэнная форма употребляется как форма срединного сказуемого одинаково и у глаголов и у предикативных прилагательных.)

2. Основа употребляется самостоятельно.

У глаголов основа отдельно не употребляется, у предикативных прилагательных, как будет показано ниже, такое употребление возможно. Таким образом, основа глаголов лишена самостоятельности, в то время как основа предикативных прилагательных обладает самостоятельностью[10]. Следует ли основу предикативного прилагательного включать в ту же часть речи, что и сами предикативные прилагательные, это еще неразрешенный вопрос, но, учитывая, что незавершенную форму глаголов, например *ёма*, относят к глаголам, пока будем считать, что и основа прилагательных относится к прилагательным.

3. Предикативные прилагательные не присоединяют служебных глаголов, за исключением некоторых.

Глагол может присоединять почти любой служебный глагол, но предикативные прилагательные не могут сочетаться ни с какими служебными глаголами, кроме *нари*, *готоси* (в письменном языке), *да*, *дэсӯ*, *расий* (в разговорном языке), которые следуют за их приименной формой. Таким образом, предикативное прилагательное не может выразить предположения, отрицания, времени путём присоединения служебных глаголов. Если ёгэн, как говорит д-р Ямада, руководит так называемым процессом апперцепции, а служебный глагол этому помогает, то предикативное прилагательное, являясь ёгэном и не сочетаясь с служебными глаголами, представляет собой противоречивое явление. По-видимому, для восполнения этого пробела возникло спряжение *кари* (правда, если не считать *нари*, *готоси*, *да*, *дэсӯ*, *расий* служебными глаголами, но это вопрос особый).

(У Цутифути мы читали: «*Кэйёси* — это слово, которое определяет субстантивное знаменательное слово, извлекая состав-

ляющий содержание этого слова абстрактный атрибут и присоединяя к нему определительное окончание». Таким образом, он считает, что существительное — тайгэн, глагол — ёгэн, а *кэйёси* нечто третье, т. е. выводит предикативное прилагательное из состава ёгэнов[11]. Этот вопрос требует дальнейшего изучения.)

II. СПРЯЖЕНИЕ ПРЕДИКАТИВНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Предикативные прилагательные имеют двоякое спряжение в письменном языке и одно спряжение в разговорном — единое.

Таблица 47

Формы спряжения предикативных прилагательных

Язык	Тип спряжения	Корень	Незавершенная форма	Приёгэнная форма	Заключительная форма	Приименная форма	Завершенная форма
Письменный	„Спряжение ку"	*ё* 'хорош'	*ку*	*ку*	*си*	*ки*	*кэрэ*
	„Спряжение сйку"	*уцўкуси* 'красив'	*ку*	*ку*	—	*ки*	*кэрэ*
Разговорный		*ё*	*ку*	*ку*	*и*	*и*	*кэрэ*
		уцўкуси	*ку*	*ку*	*и*	*и*	*кэрэ*

Вероятно, названия «спряжение *ку*» и «спряжение *сйку*» возникли при начертании этих спряжений не в вышеприведенной форме, а в такой:

Таблица 48

Окончания форм спряжения предикативных прилагательных

ё	*ку*	*ку*	*си*	*ки*	*кэрэ*	„Спряжение *ку*"
уцўку	*сйку*	*сйку*	*си*	*сйки*	*сйкэрэ*	„Спряжение *сйку*"

Я полагаю, что в таблице показана правильная картина изменения окончаний предикативных прилагательных, и, строго говоря, спряжения следовало бы различать под названиями «спряжение *ку-сй-ки*» и «спряжение *ку-ки*» или же употреблять названия

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

«первое спряжение» и «второе спряжение». Однако какой вид имеет «спряжение *сйку*» («спряжение *ку-ки*»): или *ку, ку, —, ки, кэрэ*, как представлено в таблице, или же *сйку, сйку, си, сйки, сйкэрэ*, как было показано в приложении к таблице,— другими словами, чем является *си* в *уцўкуси* — частью ли основы или же окончанием? Попытаемся рассмотреть этот серьезный вопрос. Сначала коснемся теории, которая принимает *си* за о с н о в у.

1. Искони признано, что основа — неизменяемая часть, а окончание — изменяемая. Так как при изменении слова *уцўкўси* рассматриваемое *си* присутствует во всех пяти формах, то это — неизменяемая часть. Следовательно, *си* должно относиться к основе. Значит в заключительной форме спряжения употребляется основа как таковая, а особого окончания заключительной формы не существует. Но отсутствие окончания в заключительной форме вовсе не означает, что заключительной формы не существует, т. е. это не означает, что прилагательное не может употребляться как заключительное сказуемое. В данном случае основа употребляется как заключительное сказуемое, замещая собой заключительную форму.

2. При соединении с суффиксами, например *са, ми, гэ*, в таких словах, как *асаса, асами, асагэ* 'мель', *урэсиса, урэсими, урэсигэ* 'радость', эти суффиксы присоединяются к основе, значит поскольку *аса* — основа, то и *урэси* должно быть основой.

3. Когда предикативное прилагательное соединяется с существительным в составном слове, прилагательные «спряжения *ку*» образуют слова *асасэ* 'мелководье', *такаяма* 'высокая гора', а в «спряжении *сйку*» сохраняется *си*: *мунасйкэбури* 'эфемерный дым', *урэсинамида* 'радостные слезы'. Поскольку к существительным присоединяется всегда основа, то *мунаси, урэси* и т. д. должны представлять собой основу. Если бы *си* было окончанием, следовало бы говорить *мунакэбури, урэнамида*.

4. Если считать *си* частью основы, то в «спряжении *сйку*» заключительная форма имеет вид *урэси*, а не *урэсиси*, какой она должна была бы быть, потому что второе *си* сокращено во избежание нагромождения одинаковых звуков. Первоначальная же заключительная форма прилагательных *уцўкўси, таноси* и т. п. должна была звучать *уцўкўсиси, таносиси*. В доказательство приводят прилагательные разговорного языка *урэсий* 'радостный', *уцўкўсий* 'красивый', *таносий* 'приятный': это *и* возникло в результате фонетического изменения *си*. Следовательно исконной была форма *сиси*. Ср. приведенные ниже примеры, помещенные в «Первом докладе по изучению проекта реформы ныне действующих грамматических правил», составленном «Комиссией по изучению японского языка».

В ранее упомянутом «Перечне допустимых отступлений от грамматических норм», в п. 2 говорится, что «не возбраняется,

следуя обычаю, употреблять заключительную форму «спряжения *сйку-си-сйки*» в форме *исамасиси*» и т. д. В вышеупомянутом «Первом докладе» по этому поводу говорится следующее:

«В древней и ранней средневековой литературе примеров употребления заключительной формы *сйси* в «спряжении *сйку-си-сйки*» не встречается, однако в современной общераспространенной литературе *си* принимается как правило в качестве заключительной формы, а *сйси* допускается по желанию автора, например: *вага кокоро-ни асйси то омоэдо* 'хотя и думаю, что моему сердцу будет худо'; *нандзи-га соно какуго исамасйси исамасйси* 'твоя решимость мужественна, мужественна'.

Обоснование:

Относительно этой формы Оцуки Фумихико говорит: «Плохо, что, хотя в первом спряжении явно должна быть форма *аси* 'плох', *урэси* 'радостен', некоторые издавна употребляют форму *асйси*, *урэсйси*, а также *никусйси* 'ненавистен', *аясйси* 'подозрителен' и т. п. Формы спряжения *сйси* не существует. *Сйси* является окончанием глаголов, служебным глаголом, например *икадэ сугусйси мукаси нарураму* 'как [далеко] ушедшая старина', и смешивать их не следует». Таким образом, данная форма признана неправильной, что естественно для грамматики древнего языка. Однако в «Дополнениях» к этой грамматике указывается, что эта форма «начиная с первых лет периода Камакура стала употребляться чаще. А в период Токугава в драмах, повестях и т. п. случаи ее употребления неисчислимы. Она стала особенно излюбленной в драматической литературе и в песнях, поэтому изгнать ее, конечно, невозможно»[12].

5. Все окончания спряжения односложны. Поэтому и предикативные прилагательные не должны иметь двухсложных окончаний *сйку*, *сйки*[13].

Согласно данной теории, не следует различать два спряжения — «спряжение *ку*» и «спряжение *сйку*». Предикативные прилагательные должны спрягаться по одному спряжению: *ку*, *ку*, *си*, *ки*, *кэрэ*, и лишь те из них, основа которых оканчивается слогом *си* или *дзи*, не принимают *си* в заключительной форме.

Перейдем к теории, согласно которой *си* является о к о н ч а н и е м[14].

1. Неверно, что *си* как часть основы не может отпасть. Правда, существуют такие слова, как *мунасиданоми* 'напрасная надежда', *мунасидэ* 'пустые руки', где *си* налицо, однако говорят и *мунагурума* 'пустая повозка', *мунадэ* 'пустые руки', *мунагото* 'пустое дело'. Предикативные прилагательные *коиси* 'любим, мил', *итоваси* 'противен', *савагаси* 'шумен' произошли от незавершенной формы глаголов *кои*, *итои*, *савага*. Предикативные прилагательные *мадаси* 'еще не', *ханахадаси* 'очень сильно, весьма' происходят от наречий *мада*, *ханахада*. *Си* в словах *ōōси* 'мужествен',

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

мэмэси 'женственен', *отонаси* 'взрослый', разумеется, не относится к основе. Следовательно, и в словах *аси* 'плох', *осороси* 'страшен', *канаси* 'печален' *си* является окончанием «спряжения *сйку*», а не чем-нибудь иным, чем окончание *си* в «спряжении *ку*».

2. Почему же при присоединении суффиксов *ми*, *са*, *гэ* и при сложении с существительным в составном слове прилагательные, спрягающиеся по «типу *сйку*», имеют *си*, которое отсутствует у прилагательных, спрягающихся по «типу *ку*»? Для объяснения этого приведем теорию д-ра Уэда из его упомянутой уже нами работы «О кэйёси».

Можно предполагать, что прилагательные, спрягающиеся по «типу *сйку*», развились позднее, чем прилагательные, спрягающиеся по «типу *ку*»: когда последние имели уже окончания *ку*, *си*, *ки*, первые обладали единственным окончанием, присоединенным к основе, — окончанием *си*. Последняя употреблялась и как заключительная, и как приименная. *Тōтōси Коси-но куни* 'далекая-далекая страна Коси', *наганагаси ёру* 'долгая-долгая ночь' и т. п. Данные примеры выступают, по-видимому, как реликты этого явления, а такие примеры, как равнозначные формы *кэдаси*, *кэдасйку* 'может быть, возможно', *моси*, *мосйку* 'если', *сӯкоси*, *сӯкосйку* 'немного', воссоздают первоначальную картину развития предикативных прилагательных. Таким образом, и те прилагательные, которые не имели никакого другого окончания, кроме *си*, впоследствии стали принимать окончания *ку*, *си*, *ки*, *кэрэ* по аналогии с теми, которые спрягались по «типу *ку*». Формы *урэси*, *канаси* стали рассматриваться как основа, так что эти прилагательные стали спрягаться по типу *урэсйку*, *урэсйки*, *урэсйкэрэ*, и только в заключительной форме они продолжали употребляться в том же первопачальном виде, что и раньше, т. е. с одним окончанием *си*.

3. Теория Гонда Наоскэ, утверждающая, что в *урэсий* современного языка превратилась форма *урэсиси*, ошибочна. При переходе спряжения ёгэнов из письменного в разговорный язык заключительной форме, как правило, уподоблялась приименная, так что в *и* превратилось окончание приименной формы письменного языка *ки*, и последняя уподобилась по функции заключительной форме. Поэтому окончание *сйси*, например в таких случаях, как *аки фуками ёкадзэ хагэсйси* (Эйтё-нинэн Тōкоку утаавасэ) 'Осень поздняя, ночной ветер силен', *нанимоно мо цунэ-ни миру-ни ва итовасйси* (Мудзӯ дзōдансӯ) 'На все постоянно смотреть противно', появилось в письменном языке уже в период Камакура под влиянием того, что к этому времени в разговорном языке уже имелось *урэсий*. Короче говоря, с исторической точки зрения и *си* в «спряжении *ку*» и *си* в «спряжении *сйку*» не отличаются друг от друга в том отношении, что и то и другое — окончания. Разница между ними только в том, что одно новое, а другое старое;

и в то время, как «спряжение *ку*» уже достаточно развилось и имело окончания *ку, си, ки, кэрэ*, у других прилагательных форма с окончанием *си* превратилась во вторичную основу, вследствие чего и появилось особое «спряжение *сйку*».

В каждом из приведенных рассуждений есть доля правды, но мы, оставив в стороне вопрос о правильности этой теории, остановимся здесь на другом: мы установили, что истинная природа прилагательных — «спряжение *ку*», а «спряжение *сйку*» является его видоизменением. Отсюда можно сделать вывод, что прилагательные имеют двоякое спряжение; формы этих спряжений представлены в таблице выше.

III. УПОТРЕБЛЕНИЕ ОСНОВЫ И ФОРМ СПРЯЖЕНИЯ ПРЕДИКАТИВНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В ПИСЬМЕННОМ ЯЗЫКЕ

1. Основа

Если считать основу элементом слова, лишенным самостоятельности, то признавать ее независимое употребление у предикативных прилагательных будет противоречием. Однако мы полагаем, что имеются случаи грамматического употребления основы наравне со словом; такие случаи мы и подвергнем внимательному рассмотрению:

1) Употребляется как заключительное сказуемое: *Ана омосиро* 'Ах, интересно!', *Ана тōтō* 'Ах, благородно!' В этом случае в предложении заложен смысл восклицания.

2) В сочетании с падежным служебным словом *но* она служит приименным определением:

омосироно гаку-но ото 'звуки прекрасной музыки', *аригатано кокоро* 'хорошее доброе сердце'.

3) Иногда ее употребляют в качестве самостоятельного существительного:

ао 'синее', *ака* 'красное', *сиро* 'белое'; *Така, Тйка* — женские имена.

Возможно, что *ао, ака, сиро* были первоначально существительными, а в прилагательные превратились посредством присоединения суффикса *си*: *аоси, акаси, сироси*. Если это так, то об употреблении основы в качестве существительного не приходится говорить. Это требует дальнейшего изучения.

4) С прибавлением суффиксов *ми, са, ра* основа превращается в существительное:

таками 'высь', *фуками* 'глубь', *курусими* 'мучение'; *такаса* 'высота', *фукаса* 'глубина', *курусиса* 'мучительность'; *киёра* 'чистота'.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

5) В сложении с существительным образует сложное существительное:

фурусато 'родная (букв. 'старая') деревня', ***нагаута*** 'длинная песня' (название древнего поэтического жанра), ***урэсинамида*** 'радостные слезы',

хинага 'долгота дня', ***мэдзиро*** («белоглазка» — название птицы, букв. 'глаз — бело'), ***ёсаму*** 'ночной холод'.

6) Основа некоторых прилагательных, принадлежащая к «спряжению *ку*», в сложении с глаголом или другим предикативным прилагательным образует сложный глагол или прилагательное:

нагабику 'тянуться', ***тйкадзуку*** 'приближаться', ***тōдзакару*** 'удаляться', ***авадацу*** 'бушевать'.

усугураси 'полутемно', ***ацугуруси*** 'мучительно жарко', ***хосонагаси*** 'узок и длинен'.

7) Основа некоторых прилагательных, относящихся к «спряжению *ку*», будучи редуплицирована, образует прилагательное, принадлежащее к «спряжению *сйку*»:

наганагаси 'долог-долог', *тōтōси* 'очень далек', *каругаруси* 'очень легок', *куругуруси* 'очень мучителен'.

8) Основа некоторых прилагательных, принадлежащих к «спряжению *ку*», будучи редуплицирована, образует наречие:

наганага 'долго-долго', *тйкадзика* 'вскоре', *хиробиро* 'широко, просторно'. *Хисабиса* произошло от прилагательного, относящегося к «спряжению *сйку*» (*хисаси*), но поскольку *си* в данном слове отсутствует, то это не есть редупликация основы.

9) Иногда с некоторыми суффиксами образует глагол:

Еваму 'слабеть', *никуму* 'ненавидеть', *итаму* 'болеть', *аясиму* 'подозревать', *канасиму* 'печалиться', *курусиму* 'мучиться', *аябуму* 'опасаться'.

Много таких примеров приводится у д-ра Ямада в «Истории грамматики периода Нара». В этой связи рассмотрим примеры такого рода, как *кокоро-о итами*, *кокоро-о итосими*, *сэ-о хаями*. Как рассматривать здесь слова *итами*, *итосими*, *хаями*? Общепринятая теория гласит, что *о* — слово, обозначающее синтаксическую позицию, так что целое толкуется в смысле *кокоро-га итай нодэ* 'оттого, что сердце болит', *кокоро га итосий нодэ* 'оттого, что сердце тоскливо', *сэ га хаяй нодэ* 'оттого, что поток быстр', но нам кажется, что большего внимания заслуживает теория д-ра Ямада, который рассматривает слова *итами*, *итосими*, *хаями* как оглаголившиеся прилагательные. Он пишет:

«*Кокоро-о итами*... если *итами* — это *итаси*, превратившееся в глагол, то можно передать его смысл как *итаку омои*, *итаки-ни ёритэ* 'из-за того, что больно'. ...Существует теория, утверждающая, что при толковании этих примеров *ми* надо понимать как ...*са ни*, и общий смысл тогда станет понятен. Однако, если подойти с грамматической точки зрения, то можно сказать, что поскольку

это приегэнная форма, то *итами* значит *итаки-ни еритэ* 'из-за того, что больно'. Далее, *о* в *кокоро о*, *но о* и т. п. по обычному представлению — падежное служебное слово, т. е. управляющее слово. Однако оно было древним междометийным словом, выражавшим подчеркивание и остановку, а не управление... Значит только для проникновения в смысл, не объясняя самого *о*, можно говорить, что *кокоро о итами* — это *кокоро-га итаки-ни ёритэ* 'из-за того, что сердце болит', *но о хироми* — это *но-га хироки-ни ёритэ* 'из-за того, что равнина широка'. Что это *о* не управляющее слово, видно по обилию примеров, в которых оно опущено»[15].

Это рассуждение относится главным образом к толкованию конкретного текста, но его можно перенести и в грамматику; оно имеет тесную связь с вопросом соприкосновения глагола с предикативным прилагательным.

Если принять, согласно д-ру Ямада, что в этих случаях *ми* превращает прилагательное в глагол, то, по-видимому, можно полагать, что оно может быть употреблено и как форма срединного сказуемого и как наречная форма. Ведь такие случаи, как *кокоро о итами*, *яма о таками*, истолковывают как *итай нодэ* 'оттого, что болит (больно)', *такай нодэ* 'оттого, что высока', потому, что это наречная форма. В других случаях, таких, как *яма таками* (Манъёсю, 324), *но о хироми кӯса косо сигэки* (Манъёсю, 4011), *таками* и *хироми* нельзя истолковать как *такай нодэ* 'оттого, что высоко', *хироки ни* 'при том, что широка', но почему? Не потому ли, что *ми* употреблено здесь в значении формы срединного сказуемого? [16] Думается, что в таких случаях, как *урамэсими омоу*, *омосироми омоу*, *вабисими су* и т. п., первое слово, сочетается с последующим ёгэном, будучи употреблено в наречной форме.

10) Иногда основа с окончанием *ми* образует сложное слово с глаголом *су*: *ёмису* 'одобрять', 'ценить', *намису* (無み す) 'смотреть уничижительно', *каронзу* (от *каромису*) 'относиться с пренебрежением', *омондзу* (от *омомису*) 'дорожить', *утондзу* (от *утомису*) 'чуждаться'.

2. Незавершенная форма (1-я форма спряжения)

Ее называют также условной формой; в сочетании со служебными словами *ба* и *томо* она выражает условное наклонение.

Тэнки ёкуба энсоку-ни икан (п. я.) 'Если погода будет хороша, пойдем на прогулку'.

Тэнки асйкӯтомо энсоку-ни икан (п. я.) 'Даже если погода будет плоха, пойдем на прогулку'.

ёкуба и т. п. иногда произносится *ёкӯмба*; это явление того же порядка, что и произношение *икадзумба* 'если не пойти' вместо *икадзуба*.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

У предикативных прилагательных незавершенная и приёгэнная формы одинаковы и различать их незачем. Некоторые полагают, что и форму сочетания с *ба* и *томо* можно считать приёгэнной, т. е., что это сочетание образовалось при выпадении глагола *ари*: *ёкуба* ← *ёку араба*; *накӯтомо* ← *наку аритомо*.

Такая точка зрения возможна, но поскольку у предикативного прилагательного по аналогии с глаголом установлено разделение на незавершенную и приёгэнную формы, постольку в данном случае можно признать наличие незавершенной формы. Уже упоминалось, что у предикативных прилагательных к этой форме не присоединяется вспомогательный глагол отрицания *дзу*; если же надо выразить отрицание предикативного прилагательного, его сочетают сначала со вспомогательным глаголом *ари*, а затем присоединяют *дзу*, или же предикативное прилагательное превращают в адъективный глагол и в таком виде сочетают с *дзу*.

3. Приегэнная форма (2-я форма спряжения)

Функции приёгэнной формы ёгэнов чрезвычайно важны. У предикативных прилагательных она имеет различное употребление.

1) Служит наречным определением.

Как уже говорилось ранее, у глаголов, в тех случаях, когда приёгэнная форма употребляется для сочетания с ёгэном, существует два типа связи: однопозиционное сочетание и определительное соотношение, причем в то время как однопозиционное сочетание распространяется на все глаголы, определительное соотношение касается единичных глаголов. В противоположность этому, если предикативные прилагательные сочетаются с глаголом, иного вида связи, кроме определительного соотношения, не существует. Таким образом, предикативные прилагательные в приегэнной форме сочетаются с глаголом только в одной функции — в функции наречного определения, ввиду чего эту форму можно назвать просто наречной формой.

*Сора **киёку** суму* (п. я.) ‘Небо **прозрачно** яснеет’.

*Хана **уцӯкусйку** саку* (п. я.) ‘Цветы **красиво** цветут’.

Некоторые грамматисты считают, что *киёку*, *уцӯкусйку* благодаря конверсии в таких случаях превращаются в наречия; но так как всем предикативным прилагательным в приёгэнной форме свойственно наречное употребление, оно должно представлять собой их исконную функцию. А поскольку это исконная функция предикативных прилагательных, постольку эта форма должна быть одной из форм их спряжения. Конверсии здесь нет. Не следует забывать, что формы спряжения ёгэна — это вместе с тем формальные границы употребления, свойственного ёгэну[17].

Правда, встречаются случаи употребления приёгэнной формы

предикативных прилагательных в однопозиционном сочетании с глаголом. Д-р Ямада рассуждает следующим образом:

«*Сакура-но хана урувасйку сакэри, бо̄гэцу-но кагэ киёку саякэси* (п. я.) — в этих случаях *урувасйку, киёку* вместе с последующими *сакэри, саякэси* служат сказуемыми при *сакура-но хана, бо̄гэцу-но кагэ*. Если их разделить, мы получим:

Сакура-но хана урувази; сакура-но хана сакэри 'Цветы вишен красивы; цветы вишен расцвели'.

Бо̄гэцу-но кагэ киёси; бо́гэцу но кагэ саякэси 'Лик луны чист; лик луны светел'.

В речи же для того, чтобы обе мысли изложить сразу, соединяют их приёгэнной формой.

Возьмем два другие примера, иллюстрирующих наличие и квази-тайгэна в прииенной позиции:

Кэтакаку исагиёки *дзёфу-но тамасий* (п. я.) '**Возвышенный героический** дух во́ина';

асигэ-но ӯма-но ***фӯтоку такумасйки****-ни нору* (п. я.) 'ехать на **дюжей крепкой** серой лошади' [3].

Так как ёгэны в этих случаях находятся в одинаковой позиции, мы называем это сочетание однопозиционным сочетанием ёгэнов»[18].

В приведенном рассуждении слова *кэтакаку, фӯтоку*, выступающие в роли квази-тайгэна в прииенной позиции, представляют собой приёгэнную форму предикативных прилагательных и употребляются как срединная форма, причем по положению эти слова предшествуют другому ёгэну. Однако можно сказать иначе:

кэтакаки *исагиёки дзёфу-но тамасий* (п. я.);

фӯтоки *такумасйки асигэ-но ӯма-ни нору* (п. я.).

Следовательно, здесь так называемого наречно-определительного соотношения нет. Точно так же пример *бо̄гэцу-но кагэ киёку саякэси* представляет собой случай так называемого соположения сказуемых и может быть расчленен так, как было показано выше. Таким образом, и здесь нет наречно-определительного соотношения, а форма *киёку* употреблена как срединная, поскольку дальше следует *саякэси*. Срединная форма определяется только местом слова, так что порядок можно изменить, и это не вызовет изменения смысла:

Бо̄гэцу-но кагэ киёку саякэси — бо̄гэцу-но кагэ саякэку киёси (п. я.).

Приведенные примеры служат доказательством того, что первый ёгэн не находится в определительном соотношении со вторым, а поэтому *киёку* и *саякэси* однопозиционны. Если с такой точки зрения подойти к предложению, рассматриваемому д-ром Ямада в качестве случая однопозиционного сочетания с ёгэном — *сакурано хана урувасйку сакэри*, — то нам кажется, что оно не будет выражать однопозиционность, а скорее явится примером определительного

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

соотношения. Ведь нельзя сказать *сакура-но хана саки урувасн*. В данном случае нельзя полностью применить и тот способ распознавания — однопозиционное ли это или определительное соотношение, — о котором говорилось в применении к глаголу, т. е. нельзя сказать *сакура-но хана урувасйку кацу* (Н) *саку*. Следовательно, *урувасйку* 'красиво' и *саку* 'цвести' никак не образуют однопозиционного сочетания, а стоят в определительном соотношении. Иными словами, приёгэнная форма прилагательного *урувасйку* употреблена наречно, она наречно определяет следующий за ней глагол.

Важно различать употребление приёгэнной формы предикативного прилагательного в форме срединного сказуемого и в форме наречия. Д-р Ямада считает, что в *мидзу киёку нагару* 'вода прозрачно течет', *кабэ-о сироку нуру* 'выкрасить стену бело' *киёку* и *сироку* являются сказуемыми, стоящими в той же позиции, что и нижеследующие глаголы, и, кроме того, они идентичны по форме слову *хосоку* в предложении *коно цўэ ва хосоку нагай* 'эта трость тонка и длинна', так что формально их различить нельзя[19]. По поводу *кабэ-о сироку нуру* он говорит следующее [4]:

«*Сироку* здесь не служит определением к *нуру*, оно изъясняет цвет *кабэ* 'стены'. И *сироку* и *нуру* объединенно образуют одно сказуемое. Такой характер имеет и приёгэнная форма глаголов, например *бася-нитэ хасирисугу* 'промчаться в экипаже'. Такое сочетание называется однопозиционным сочетанием ёгэнов»[20].

Если это рассуждение правильно, то в случаях *боси-о каруку цўкуру* 'сделать (в значении изготовить) шляпу легкой' и *боси-о каруку уцу* 'слегка ударить по шляпе' первое *каруку* — сказуемое, образующее однопозиционное сочетание с *цўкуру*, и только второе *каруку* — определение к *уцу*. Разумеется, второе *каруку* не что иное, как наречное определение при *уцу*, но является ли первое *каруку* на самом деле сказуемым, однопозиционным с *цўкуру*? Я рассматриваю и это *каруку* как наречное определение при *цўкуру*. Юдзава Кокитиро считает, что в выражениях *нагориосйку омоу* 'думать с сожалением о разлуке', *ё-о сэмаку миру* 'смотреть на жизнь ограниченно' *осйку*, *сэмаку* не определяют следующие за ними глаголы, а выражают характер предшествующих им тайгэнов *нагори*, *ё*, т. е. эти выражения имеют значение «*нагори-га осий*» *то омоу* 'думать, что разлука достойна сожаления', «*ё-га сэмай*» *то миру* 'смотреть на жизнь, как на ограниченную'. И в случаях *нику-о яваракаку ниру* 'сварить мясо мягко', *такэ-о мидзикаку киру* 'обрезать бамбук коротко', *иси-о камакаку кудаку* 'раздробить камни мелко' и т. п. предикативные прилагательные выражают свойства предшествующих им тайгэнов[21].

Несомненно, в *нагориосйку омоу* слово *осйку* является сказуемым при *нагори*. Но если разобрать фразу синтаксически, то мы увидим, что хотя *нагори* служит подлежащим, а *осйку* — сказуе-

мым, однако вместе они составляют наречно-определительное членное предложение при *омоу*. А раз *осйку* — сказуемое этого наречно-определительного предложения, то можно сказать, что и оно определяет *омоу*. Слова *сэмаку*, *яваракаку*, *мидзикаку*, *комакаку* и т. д. надо рассматривать как наречные определения при следующих за ними глаголах *миру*, *ниру*, *киру*, *кудаку*; они ничем не отличаются от приведенных Юдзава в качестве наречных определений *такаку*, *кувасйку* в случаях *яма такаку собию* 'горы высоко вздымаются', *кувасйку сиру* 'подробно знать'. Тем более, что ряд грамматистов (например, д-р Ёсидзава, д-р Хасимото) считает, что слова *ё-о*, *нику-о*, *такэ-о*, *иси-о* и др. в подобных случаях не являются словом-объектом, а в целом образуют наречное определение. *Сэмаку* в *ё-о сэмаку миру* 'смотреть на мир ограниченно' — слово, указывающее, как смотрят, а *ё* — слово, указывающее, на что смотрят. И *ё-о*, и *сэмаку* вместе относятся к *миру*.

Токиэда Мотоки, рассуждая о разграничении значений между сказуемостной и наречной позициями, рассматривает приёгэнную форму предикативных прилагательных, примыкающую к глаголам типа *омоу*, *миру*, *кику*, не как наречную, а как сказуемостную позицию. В наречной позиции приёгэнной формы он различает следующие три случая:

1. Указание признака, относящегося к ёгэну.

Мидзу киёку нагару; *хана уцўкусйку саку* (п. я.). Здесь *киёку* 'прозрачно', *уцўкусйку* 'красиво' определяют значение указанием признака ёгэнов *нагару* 'течь', *саку* 'цвести'.

2. Определение значения сказуемостной позиции, допускающей тот же субъект, что и ёгэн.

Кодомо-га ***омосироку*** *асондэ иру* 'Дети весело играют';

Карэ ва ***сабисйку*** *кокё-о сатта* 'Он печально покинул родину'.

Подлежащие при словах *омосйроку*, *сабисйку* — те же, что и при глаголах *асондэ*, *сатта*; *омосироку* и *сабисйку* — это выражение чувств субъекта, сопровождающих его действия.

3. Определение значения сказуемостной позицией, допускающей другой субъект, нежели ёгэн.

Карэ ва нандэмонай кото дэмо ***омосйроку*** *ханасимасў* 'Он интересно рассказывает даже о пустяках';

Амэ-га ***сабисйку*** *футтэ иру* 'Дождь уныло льет'.

В этих случаях *омосйроку* и *сабисйку* имеют другое подлежащее, чем глаголы *ханасимасў*, *футтэ иру*; это иной случай, чем предыдущий[22].

Излагаемые выше соображения возникли из необходимости семантического анализа слов. Я же считаю, что в первом, во втором и в третьем случаях приёгэнная форма предикативных прилагательных употреблена как наречное определение, и устанавливать различие между ними незачем. Поэтому, как мне кажется, теория, утверждающая, что в предложении *Амэ-га сабисйку фуру*

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

'Дождь уныло льет', *амэ-га футтэ иру* 'дождь льет' представляет собою описательную сторону, т. е. изложение фактов, а *сабисйку* уныло' — выражение чувств говорящего, направленных на факт, т. е. интерполяцию по отношению к описанию, грамматически не заслуживает никакого внимания.

2) Приёгэнная форма несет функцию срединного сказуемого.

*Яма **такаку** мидзу киёси* (п. я.) 'Горы высоки, вода прозрачна'.

За *такаку* ёгэн не следует, в развитии мысли происходит остановка; таким образом, эта форма употреблена для срединной остановки. Будучи сказуемым, она несет функцию срединного сказуемого:

***Сироку** уцӯкусйки хана* '**Белые** красивые цветы'.

Сироку является определением слова *хана*, но так как за ним следует *уцӯкусйки*, на нем происходит задержка, значит здесь употребление срединное (тюсихо 中止法), а отнюдь не приёгэнное (рэнъёхо 連用法).

3) Иногда превращается в существительное.

Превращение в существительное предикативных прилагательных встречается значительно реже по сравнению с глаголами, например:

***тӧку**-но хо-о нодзому* 'смотреть **вдаль**'; ***тйкаку**-ни уцурисуму* 'переселиться **вблизь**'.

Но поскольку такие слова не могут принимать все падежные служебные слова, которые принимают существительные, а именно — *га*, *но*, *ни*, *о*, то нельзя сказать, чтобы они полностью превратились в существительные.

4) В сложении с глаголом *ари* образуют так называемый адъективный глагол, например: *ёкари*, *тӧкари*, *таносйкари*, *курусйкари*. Однако о том, действительно ли это адъективный глагол, подробно будет идти речь в следующей главе.

4. Заключительная форма (3-я форма спряжения)

1) Обозначает заключительную остановку в предложении, т. е. конец предложения. Это не требует пояснения.

2) Иногда превращается в существительное:

акаси 'свет', *омоси* 'тяжесть', *караси* 'горчица', *суси* (назв. кушанья), *Тадаси* (мужское имя), *Хйтоси* (то же).

3) В сочетании с падежным служебным словом *но* иногда служит адъективным определением:

*куру хйто **наси-но** ядо-но нива* 'двор жилища, где **нет** приходящих людей'.

4) В сложении со словами других частей речи образует сложное слово: *ариначи* 'наличность или отсутствие', *ихудзинаси* 'слабовольное существо, тряпка', *нэнасигото* 'выдумка, басня'. Таких примеров с *наси* много.

5) Употребляется в параллелях.

Кураса ва ***кураси****, мити ва* ***наси*** 'Темень **темна**, дороги **нет**'.

5. Приименная форма (4-я форма спряжения)

1) Служит адъективным определением.

Атарасйки *тоси ва китарэри* '**Новый** год наступил'. Выполнение этой функции и есть употребление, соответствующее наименованию *кэйёси*. Значение английского adjective (прилагающегося к существительному) осуществляется в этой форме. По функции — это определение, позиция его — приименная.

акаку уцӯкусйки *хана сакину* 'расцвел **красный красивый** цветок'.

Здесь *уцӯкусйки* в приименной форме, но *акаку* в срединной. Если бы слова *уцукусйки* не было, можно было бы изменить форму на приименную — *акаки хана сакину*. Но можно и не придавать слову *акаси* форму срединного сказуемого, а сказать *акаки уцӯкусйки хана сакинӯ*. В этом случае окажутся две параллельные приименные формы.

2) Служит второй заключительной формой.

Как и у глагола, предложение заканчивается этой формой, когда в нем имеются служебные слова *дзо, наму я, ка*. До периода Нара эта форма употреблялась и при *косо*; это объясняется тем, что развитие завершенной формы запоздало.

Кӯса косо сиґэки (Манъёсю) 'Вот трава-то густа'.

В нижеследующем примере предложение заканчивается приименной формой. Это не обусловлено наличием соответствующих служебных слов. В этом случае данная форма представляет собой так называемое «приименное заключение» (рэнтайдомэ 連體止), вызванное требованиями поэтики; это один из стилистических приемов. Однако правильным является грамматическое употребление приименной формы при соответствующих служебных словах, в то время как рассматриваемое сейчас употребление считается неправильным; области поэтики и грамматики расходятся

Фую-но китэ ямa мо арава ни коноха фури нокору мацу саэ минэ-ни ***сабисйки*** (Синкокинсю) 'Пришла зима, на горах и в долинах опадает листва, даже сосны, на которых остались (подразумевается «иглы»), [и тем] на горах **грустно**'.

3) Сочетается с служебными глаголами *нари* и *готоси* (впрочем, некоторые не считают *нари* и *готоси* служебными глаголами).

Микакэ ва мидзикакэрэдо дзицу ва ***нагаки*** *наран* 'С виду короток, но в действительности **длинен**'.

Арэдомо ***наки*** *готоси* 'Есть, но кажется, что **нет**'.

4) Иногда употребляется как тайгэн.

Кокоро-но ***уцӯкусйки*** *ва ебӯ-но* ***уцӯкусйки****-ни хякубай су* '**То, что красива** душа, во сто раз лучше, чем **то, что красиво** лицо':

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

миникуки-о караи ццукусйки-о коному 'ненавидеть **безобразное, любить красивое**';

Нигаки то амаки *то идзурэ мо еки* '**горькое и сладкое**, хорошо и то и другое'. В таком употреблении — это так называемые квази-тайгэны (дзюнтайгэн 準體言), по отношению к следующим за ними служебным словам они как члены предложения стоят в той же позиции, что и тайгэны. Некоторые считают, что *ццукусйки* в первом примере совмещает свойства и предикативного прилагательного и глагола, другие полагают, что в этом случае приименная форма не стоит в позиции тайгэна, а тайгэн, который должен был бы за ней следовать, опущен.

6. Завершенная форма (5-я форма спряжения)

1) Как и глагол, в сочетании с союзными служебными словами *ба, до, домо* эта форма выражает определенную обусловленность.

Ми ***амакэрэба*** *сени корэ-о коному* (п. я.) '**Так как** вкус сладок, дети это любят',

Мидзу ***киёкэрэдо*** *уо сумадзу* (п. я.) 'Вода **чиста, однако** рыба не водится';

Сицу ***ёкэрэдомо*** *атаи такаси* (п. я.) 'Качество **хорошо, однако** цена высока'.

Эта форма в сочетании с *ба* употребляется иногда и для передачи предположения.

Иноти ***нагакэрэба*** *хадзи ōси* (п. я.) значит *иноти-га нагай то суру то хадзи ва ой моно да* (разг. я.) 'Если жизнь долга, го позору много'.

2) Употребляется при заключительной остановке, т. е. в конце предложения.

Ямадзато ва аки косо котони вабисйкэрэ (п. я.) 'Горная деревня как раз осенью особенно уныла'.

Эта форма употребляется как заключительная при наличии *косо* так же, как и у глаголов. Выше упоминалось, что в период Нара данная форма еще не развилась, вследствие чего даже при *косо* в качестве заключительной применялась приименная форма. Правда, в «Манъёсю» встречается завершенная форма с *ба*, однако в качестве заключительной с *косо* она не попадается.

Некоторые ученые утверждают, что окончание *кэрэ* этой формы представляет собой измененное *карэ* из спряжения *кари* адъективных глаголов, и вычеркивают ее из числа форм спряжения предикативных прилагательных. Кусано Киёудзи считает, что в *мидзу киёкэрэба уо сумадзу* слово *киёкэрэба* не является предикативным прилагательным[23]. Однако в другом месте[24] он говорит о том, что *карэ* часто изменяется фонетически в *кэрэ*.

Д-р Ямада по этому поводу замечает следующее:

«Из изучения «Манъесю» ясно, что *кэрэ* представляет собой

изменение завершенной формы *кари*, образовавшейся из сложения окончания *ку* и бытийного слова *ари*; в период «Манъёсю» при *косо* в заключительном сказуемом перестали употреблять окончание *ки*, а вместо него стали применять *кэрэ*. Доказательством того, что окончанием завершенной формы стало *кэрэ*, является ее употребление при заключительной остановке, при этом употребление *ки* при *косо* прекратилось и его место заняло *кэрэ*. Это должно было произойти одновременно. Однако изучить процесс в подробностях затруднительно. В «Кокинсю» даже в самых старых песнях встречается *кэрэ* и отсутствует *ки*. Во всяком случае, после «Манъёсю» употребление *ки* при *косо* прекратилось. Для того чтобы узнать, по какой причине *кэрэ* стало окончанием завершенной формы такого рода ёгэнов, надо учесть силу служебного слова *ба*: *ба* присоединяется к незавершенной и к завершенной формам, а у предикативных прилагательных последней формы не было. По той же причине стали употреблять и сложный формальный ёгэн *карэ* Ясно, что *карэ* можно противопоставить *караба*, поэтому в качестве формы, противопоставляемой *куба*, употребляют *кэрэба*, а не *карэба*. Таким образом, по-видимому, создалось впечатление, будто произошло изменение самого прилагательного».[25]

Д-р Хага Яити[26] считает, что спряжение предикативных прилагательных имело три формы — *ку*, *си*, *ки*, — а *кэрэ* — это единственная форма, оставшаяся от адъективного глагола, образованного при сочетании спряжения *ку* — *си* — *ки* с *ари*. Формы *кэра*, *кэри*, *кэру* исчезли, осталось только *кэрэ*, которое и смешалось с формами спряжения самих прилагательных. Это представлено в следующей таблице:

$$ёку + \begin{cases} ара \rightarrow ёкара \rightarrow ёкэра \\ ари \rightarrow ёкари \rightarrow ёкэри \\ ару \rightarrow ёкару \rightarrow ёкэру \\ арэ \rightarrow ёкарэ \rightarrow ёкэрэ \end{cases}$$

Однако Кобаяси Ёсихару, останавливаясь на теории развития предикативных прилагательных, указывает следующее. В период Нара попадаются окончания *ка* и *кэ*, которые можно считать остатками спряжения прилагательных, как оно осуществлялось в предыдущий период (*екаба*, *тōкаба*, *хаякэму*, *канасйкэму*, *тōкэба*, *канасйкэба*, *кэвасйкэдо*, *осйкэдо* и т. п.). По сравнению с этим адъективный глагол, спрягающийся по типу *кари*, — явление более позднее. (Примеры адъективных глаголов, встречающихся в «Манъёсю»: *канасйкарикэри*, *окару*, *накарэя*. — *Прим. Киэда*). Так как *карэ* развилось позже, чем *кэрэ*, то именно эта старая завершенная форма прилагательных *кэ*, по аналогии со спряжением адъективного глагола превратилась в *кэрэ*, а не форма *кари* адъективных глаголов. Не образовалось заново и *кэ*[27]. Все это сви-

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

детельствует о важности дальнейшего изучения теории развития предикативных прилагательных.

7. Повелительная форма (6-я форма спряжения)

Повелительная форма у предикативных прилагательных отсутствует (что заслуживает внимания), поэтому, когда желают выразить повеление, предикативное прилагательное сочетают с вспомогательным глаголом *ари* или же превращают его в адъективный глагол.

IV. УПОТРЕБЛЕНИЕ ФОРМ СПРЯЖЕНИЯ ПРЕДИКАТИВНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В РАЗГОВОРНОМ ЯЗЫКЕ

Мы коснемся только таких случаев, когда употребление форм расходится с употреблением их в письменном языке.

1. Основа

Основа употребляется так же, как и в письменном языке, т. е. при заключительной остановке: *ā*, *ита* 'ай, больно!, *ō*, *саму* 'ой, холодно!'; с суффиксом превращается в глагол: *такамэру* 'повышать', *ёвамэру* 'ослаблять' и т. п.; такие глаголы отличаются тем, что спрягаются по нижнему одноступенчатому спряжению, однако это не составляет существенной разницы.

2. Незавершенная форма (1-я форма спряжения)

Я думаю, что у предикативных прилагательных письменного языка эту форму нужно признать за отдельную форму (хотя некоторые отвергают такую точку зрения), однако в разговорном языке считать ее отдельной формой незачем. Как форма незавершенного условия, например *исогасйкўба ато-ни сиё* 'если буду занят, то сделаю позже', она неупотребительна (в районе Канто, может быть, так и говорят, но она не входит в стандартный язык); условие передается завершенной формой. То же происходит и в тех случаях, когда в письменном языке к незавершенной форме присоединяется союзное служебное слово *томо*, например:

Тэнки ёкўтомо е ва икадзи (п. я.) 'Даже если погода хороша, я вряд ли пойду'.

В разговорном языке употребляют *тэ мо*, образованное из союзного служебного слова *тэ* и служебного слова *мо*, присоединяя его к приёгэнной форме (поскольку *тэ* — служебное слово, присоединяющееся к приёгэнной форме, постольку и *тэ мо* присоединяется к ней же)

Тэнки-га ёкўтэ мо ватакўси ва юкимасўмай (то же, разг. я.).

Далее, отрицательные вспомогательные глаголы к предикативным прилагательным непосредственно не присоединяются. Отрицание выражается таким образом:

Ватакўси ва соннани исогасйку най 'Я не так уж занят'.

Исогасйку здесь приёгэнная, а не незавершенная форма, поэтому следующее за ней *най* — не отрицательный служебный глагол *най*, а чистое предикативное прилагательное *най*. Таким образом называть незавершенную форму предикативных прилагательных, употребляемую в разговорном языке, отрицательной формой — большая ошибка. Если бы *най* было служебным глаголом, его место мог бы занять и другой служебный глагол отрицания — *ну*; однако сказать *кё ва тэнки-га ёкуну* нельзя. Поскольку *ёку* — наречное определение, то за ним непременно должно следовать знаменательное слово, им определяемое: перед формальным словом не может стоять определение. Раз предикативное прилагательное является в этом случае наречным определением, мы имеем приёгэнную, а не незавершенную форму.

Наконец, как упоминалось выше, между *ёку* и *най* могут быть вставлены *ва*, *мо*, *саэ*, и это тоже может служить доказательством того, что *най* не есть отрицательный служебный глагол: ведь общее правило гласит, что между ёгэном и служебным глаголом не может быть вставлено никакое другое слово. А если между ёгэном и *най* может быть вставлено другое слово, значит *най* не может быть служебным глаголом и, следовательно, в этом случае форма *ёку* — не незавершенная форма. Относительно такого примера, как *таринаку* (*ва*, *мо*) *най*, где *наку* — служебный глагол, заметим следующее: сказанное выше может служить доказательством того, что и в этом случае *най* является предикативным прилагательным. Грамматики иногда трактуют форму *ёку* в *тэнки-га ёку най* как незавершенную, а *най* — как служебный глагол. Это, вероятно, объясняется желанием подчеркнуть, что *най* утратило первоначальное значение отрицания бытия или наличия вещей, присущее предикативному прилагательному *най*, и употреблено вспомогательно.

Итак, я считаю, что в разговорном языке у предикативных прилагательных незачем различать незавершенную форму, но по аналогии с формами письменного языка она оставлена в таблице. Но повторяю, эту форму спряжения, не имеющую фактически употребления, сохранять незачем.

3. Приёгэнная форма (2-я форма спряжения)

1) При употреблении в качестве срединного сказуемого, например: *Атама мо ёку, удэ-га кику* 'И голова хороша, и руки действуют' (т. е. 'и умен, и умел'), можно применить эту форму. Но обычно заме-

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

щают приеглнную форму заключительной, прибавляя союзное служебное слово *си*: *атама* ***мо ёй си***, *удэ мо кику*.

2) Окончание приёглнной формы *ку* превращается в *у*; такое фонетическое изменение обычно в Кансай, например: *тайхэн самӯ наримасйта* 'Стало очень холодно'; в Канто принято сохранять *ку*, за исключением тех случаев, когда за приёглнной формой следуют *годзаимасу́* и *дзондзимасу́*, например: *Тайхэн о-ацӯ годзаимасу́* 'Ужасно жарко', *о-хаё годзаимасу́*, *аригатō дзондзимасу*, *о-мэдэтō дзондзимасу*[28]. Однако в нижеследующих случаях сохраняют первоначальную форму: *титто мо аригатаку* ***ва*** *годзаимасэн*, *амари мэдэтаку* ***мо*** *най*.

3) При присоединении к приёглнной форме *тэ* и *тэ мо* в Канто обычно употребляется сокращенная форма, однако она не признана нормой стандартного языка: *Мити-га тōкуттэ комаримасу* 'Дорога дальняя — неудобно', *Канасику́ттэ мо наку на* 'Хотя и печально, не плачь'. Второе *т* (っ) в этом случае вводится только для удобства произношения и потому грамматического значения не имеет. Фонетические изменения являются вопросом общей лингвистики, а не грамматики в прямом смысле.

4) В разговорной речи употребляются: *дōка ёросйку* 'кланяйтесь', *о-хаё* 'с добрым утром', *го-кигэн ē* 'будьте здоровы' и т. п. Эти выражения надо рассматривать как результат эллипсиса определяемых глаголов, которые следовало бы ожидать: *иттэ кудасай* 'скажите', *годзаимасӯ*, *дзондзимасӯ*. Однако, поскольку в любом языке приветствия имеют обычно особую форму, уместно трактовать их как amorphous sentence, т. е. как особого типа предложения, а в таком случае незачем говорить об эллипсисе.

4. Заключительная форма (3-я форма спряжения)

В разговорном языке заключительная форма совпадает с приименной, поэтому рассматривать каждую отдельно незачем. Однако по аналогии с письменным языком мы рассмотрели каждую отдельно. Заключительная форма уподобилась приименной с тех пор, как фонетически измененное окончание приименной формы *и*, появившееся еще в периоде Хэйан, стало употребляться в качестве заключительной формы. Это произошло в период Муромати [5].

1) Иногда заключительная форма письменного языка употребляется в том же виде и в разговорном языке:

Тēдо ёси 'как раз хорошо'; *Коно уэ наси* 'Выше этого ничего нет'; *Миру моно ва нанимо наси са* 'Смотреть не на что'; *Ō, ёси ёси* 'Ах, хорошо-хорошо!'; *Кураса ва кураси тēтō ва наси* 'Темным-темно, а фонаря нет'[29].

2) Ниже даны примеры употребления заключительной формы письменного языка в роли существительного: ***тэтэнаси*** 'ребенок, не имеющий законного отца', *о-кокороёси-но хйто* 'человек

с добрым сердцем', *дзэнинаси-дэ ва нани мо дэкин* 'при безденежье ничего не сделаешь'[30].

Применение форм письменного языка в разговорном языке распространяется не только на предикативные прилагательные. Это явление становится общей тенденцией.

3) Сочетается с вспомогательным глаголом предположения *расий*, с служебными словами *си*, *то*, *кэрэдо*, *кэрэдомо* (а кроме того, и с служебными словами *ё*, *на*, *нэ*, *со̄*, *ка*).

Кадзэ-га цуёй расий 'По-видимому, ветер силен'.

Амэ мо хидой си, кадзэ мо хагэсий 'И дождь ужасный, и ветер сильный';

Тэнки-га варуй то дэкакэрарэнай 'Если будет плохая погода, нельзя будет выйти'.

Као ва ццу́кусий кэрэдо(мо) кокоро ва китанай 'Лицо красиво, но душа грязная'.

4) Заключительная форма (совпадающая с приименной) предикативного прилагательного *ёй* 'хороший' произносится также *ий*, *э*, *ёка*, причем *э* и *ёка* — диалектное произношение.

5) Заключительная форма *онадзий* 'одинаковый' почти не употребляется. Говорят не *Кими то боку то ва тоси-га онадзий* 'У тебя и у меня возраст одинаковый', а *кими то боку то ва тоси га онадзи да* (*онадзи дэсу́*). Думаю, что в этом случае *онадзи* следует рассматривать как адъективный глагол, о котором пойдет речь в следующей главе. Это — не заключительная форма. В качестве приименной формы *онадзий* неупотребительно, говорят не *Онадзий тоси-но хйто* 'Человек такого же возраста', а *онадзи тоси*, употребляя основу как существительное. В качестве наречной формы употребляют не *онадзику*, а *онадзини*: *онадзини цукуро̄* 'сделаем одинаково'. Думаю, что и в этом случае надо считать, что перед нами наречная форма адъективного глагола. А что касается *онадзику* в таком употреблении, как *онадзику ко̄, онадзику оцу* 'Как А, так и Б', то следует полагать, что здесь *онадзику* превратилось в союз.

5. Приименная форма (4-я форма спряжения)

1) Употребляется как определение служебного слова *но*, замещающего тайгэн:

дзасси-но ***атарасий*** *но-га кимасйта* 'из журналов пришел **свежий**';

Кику ва ***сирой*** *но-га ёросий* 'Что касается хризантем, то хороши **белые**'.

Корэ ва ***атарасий*** *но дэсу́* 'Это **новая** [вещь]'.

Некоторые считают, что в таких случаях не тайгэн замещается служебным словом *но*, а в качестве квази-тайгэна выступает сама приименная форма предикативных прилагательных *атарасий-*

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

сирой. Однако мы не согласны с этим. Если *атарасий, сирой* считать квази-тайгэнами, то как же объяснить следующие за ними падежные служебные слова *но* и *га*? [6].

Падежные служебные слова как таковые ни в коем случае не наслаиваются одно на другое. (Д-р Хасимото именует это *но* квази-тайгэнным служебным словом.) Употребление предикативного прилагательного в качестве квази-тайгэна встречается только в случаях, приводимых ниже в п. 2.

2) Употребляется как квази-тайгэн:

Аригатай ва ямаяма дэсӯ 'Хорошего (заслуживающего благодарности) очень много';

Ӯцӯкӯсий-га уцӯкӯсий-ни наранай 'Красивым не становится красивое'.

Некоторые полагают, что и в этом случае опускается тайгэн *кото* или *моно*, следующий за приименной формой.

3) Сочетается со служебными глаголами-связками *да* (незавершенная форма *дара* и условная *нара*), *дэсӯ* (незавершенная форма *дэсэ*), с вспомогательными глаголами вероятности *сō да, сō дэсӯ, ē да, ē дэсӯ*.

Сакэба уцӯкӯсий дарō 'Когда расцветет, будет красиво ;

Канасий нара наку-га ий 'Если будет грустно, можно поплакать'.

Фую ва хидзёни самуй сō да 'Говорят, зима очень холодная';

Нюгаку сйкэн ва майнэн муцӯкасий ē дэсӯ 'По-видимому, вступительные экзамены каждый год трудны'.

4) Сочетается с служебными словами *бакари, дакэ, гурай, га, пони, кара, нодэ* и т. п.

6. Завершенная (условная) форма (5-я форма спряжения)

1) В соединении с служебным словом *ба* предполагает еще неосуществленное условие. Поэтому в разговорном языке данную форму, подобно такой же форме у глаголов, называют условной формой.

Курусйкэрэба *о томэ-ни нару-га ий дэсē* **'Если тяжело**, может быть, *лучше прекратить*'.

2) В соединении с тем же *ба* употребляется для предположения уже осуществленного условия:

Моно ва атаи-га ***ясӯкэрэба*** *урэру* 'Вещи продаются, **когда цена дешева**'.

3) Так же, как завершенная форма в письменном языке, выражает не предположение, а осуществление:

Канасйкэрэба косо *наку но да* **'Плачет оттого, что грустно'.**

Нужно обратить внимание, что в этом случае за *ба* следует служебное слово *косо*.

4) С тем же *ба* употребляется при перечислении качеств предметов:

иро мо уцўкусикэрэба каори мо такай 'и цвет красивый и запах сильный'.

5) Среди союзных служебных слов встречается *кэрэдомо*; оно произошло от бывшего окончания предикативных прилагательных, превратившегося в служебное слово, а именно от присоединения к завершенной форме предикативных прилагательных в письменном языке союзного служебного слова *домо*, например:

ёкэрэдомо кавадзу (п. я.) 'хороши, но не куплю'.

В разговорном языке это выражается так:

ёй кэрэдомо каванай.

Ёй в этом случае — заключительная форма разговорного языка, а не завершенная; поэтому возможно «*ей. Кэрэдомо...*», т. е. *кэрэдомо* из окончания *кэрэ*, соединенного с *домо* и слившегося с ним, превратилось в служебное слово и в конце концов стало употребляться не только после прилагательных, но и после глаголов, например:

Амэ ва фуру кэрэдомо ататакай 'Идет дождь, однако тепло'.

6) При употреблении условной формы *най* в сочетании *накэрэба наран* говорят также *накэнэба наран*, *накэранэба наран*. Однако такое употребление ошибочно: вспомогательный глагол отрицания *ну* к предикативным прилагательным не присоединяется; адъективный глагол *накари* принадлежит письменному языку; что же касается *накэри*, то такого адъективного глагола нет ни в письменном, ни в разговорном языке. Это ложная аналогия (fals analogy).

V. ФОНЕТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ ПРЕДИКАТИВНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Предикативные прилагательные претерпевают фонетические изменения. Существуют три таких изменения.

1. «ФОНЕТИЧЕСКОЕ ИЗМЕНЕНИЕ *у*»

Изменение окончания приёгэнной формы *ку* в *у* называется «изменением *у*». Оно существует и в письменном языке и представляет собой явление выпадения *к* в слоге *ку*. Это изменение наблюдается уже в памятниках периода Хэйан — «Такэтори-моногатари» «Кагэрōникки», «Гэндзи-моногатари», «Макура-но сōси». В последующие периоды — Камакура, Муромати и Эдо — оно получило широкое распространение. Излишне упоминать, что «фонетическое изменение *у*», в настоящее время встречающееся главным образом в Кансай, вместе с другими формами разговорного языка проник-

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

ло в памятники литературы со времени периода Муромати. До этого среди форм письменного языка оно встречалось только спорадически. Впоследствии это явление перешло в разговорный язык. О его современном употреблении говорилось в параграфах, касающихся употребления приёгэнной формы[31].

2. «ФОНЕТИЧЕСКОЕ ИЗМЕНЕНИЕ *И*»

Имеется два вида изменения: превращение окончания заключительной формы предикативных прилагательных *си* в *и* и превращение окончания их приименной формы *ки* в *и*; таким образом, это явление выпадения звука *с* из слога *си* и звука *к* из слога *ки*.

Примеры превращения окончания заключительной формы *си* в *и* в период Хэйан отсутствуют. В период Камакура наблюдаются отдельные случаи такого изменения, а в период Муромати они учащаются, и вместе с другими формами разговорного языка число их увеличивается, а в период Эдо оно возрастает еще больше[32].

Превращение окончания приименной формы *ки* в *и* происходит еще раньше, в период Хэйан, но примеров на эту форму меньше, чем примеров «фонетического изменения *у*»[33]. В период Камакура их становится больше, а в период Муромати число их равно числу примеров на превращение окончания *си* в *и* (в последнем случае заключительная форма уподобляется приименной). С каждым периодом употребление этого изменения росло и, наконец, достигло нынешних размеров. В современном разговорном языке обе формы — и заключительная и приименная — имеют окончание *и*; его происхождение, как уже было сказано, таково: сначала изменилось окончание приименной формы *ки* в *и*, затем это окончание заняло положение заключительной формы и вместе с другими формами разговорного языка вошло в современный язык. В настоящее время в письменном языке «изменение *и*» употребляется только в случаях типа *А, канасий кана* 'Ах, как грустно!'

3. УДВОЕНИЕ СОГЛАСНОГО

В разговорном языке при сочетании приёгэнной формы предикативных прилагательных с служебными словами *тэ* и *тэ мо*, как уже говорилось выше, в Канто часто наблюдается удвоение согласного, но это не нормативная форма. Например, *Нива-га хирок/ттэ сугасугасий* 'Сад большой, прохладно'. В Кансай же при этих служебных словах наблюдается иногда «изменение *у*» — *нива-га хирōтэ сугасугасий*

VI. ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

1. ВЕЖЛИВЫЕ ПРЕДИКАТИВНЫЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ

Вежливых прилагательных по сравнению с вежливыми глаголами настолько мало, что они почти не заслуживают упоминания Это объясняется тем, что предикативные прилагательные не обозначают действий. Сама форма выражения вежливости очень проста, она заключается в применении префикса *о*.

О-мэдэтō годзаимасў 'поздравляю', *о-уцўкўсий ката* 'красивый человек'; *тайхэн о-варуй го-ёсу* 'ужасно плохой вид у вас'.

2. НЕДОСТАТОЧНЫЕ ПРЕДИКАТИВНЫЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ

Прилагательное *сўкоси* 'немного' не имеет полного спряжения, это так называемое недостаточное предикативное прилагательное.

Ōигава харука-ни миюру хаси-но уэ-ни юку хйто сўкоси амэ-но ю̄гурэ (Фугасю̄) 'Река Оигава. Людей, идущих по виднеющемуся вдали мосту, мало. Дождливые сумерки'; *сўкоси* — заключительная форма.

Ōуми-но сўкосйки нагарэ-о итавадзу-га готоси '[это] подобно тому, что море не гнушается малым ручейком'; *сўкосйки* — приименная форма.

Сўкосйку тю̄и сэба аямари накараму 'если быть немного внимательным, ошибок не будет'; *сўкосйку* — приёгэнная форма.

Примеров на употребление завершенной формы *сўкосйкэрэ* нет, примеров на употребление *сўкоси* в качестве заключительной формы тоже почти не встречается. Форма *сўкоси* распространена в настоящее время только как наречие.

Прилагательные *акэси* 'светел', *сидзукэси* 'спокоен, тих', *такэси* 'смел', *нодокэси* 'тих' тоже недостаточные: они не имеют завершенной формы.

3. ФОРМАЛЬНЫЕ ПРЕДИКАТИВНЫЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ

Д-р Ямада противопоставляет адъективные формальные ёгэны вербальным формальным ёгэнам, называя первые формальными прилагательными, а вторые формальными глаголами. К формальным прилагательным он относит только одно слово *готоси*. Он рассуждает следующим образом: «Это слово восходит, по-видимому, к *кото*, изменением которого оно является, и сопровождает тайгэн. Форма его уподобилась в общем предикативному прилагательному; у него нет только завершенной формы *кэрэ*... Этот ёгэн употребляться самостоятельно не может. Хотя значение его широко, но оно становится ясным лишь при разъяснении его

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

каким-либо понятием. При наличии такого дополнения оно выражает понятие уподобления, будучи само его формальным элементом. Таким образом это слово приобрело почти такое же значение, какое имеют предикативные прилагательные. Но не надо забывать, что оно искони имело значение уподобления.

Предикативным (присвязочным) членом (хинго 賓語) при этом ёгэне служит тайгэн, может им быть и выступающая в роли тайгэна приименная форма ёгэна. Предикативный член иногда сочетается с *готоси* непосредственно, но чаще всего за ним следует служебное слово *но* или *га*.

Поскольку этот ёгэн является предикативным прилагательным, по своему значению почти лишенным знаменательности, его значение может быть передано словами *но ёни* 'наподобие, как' — *но ё да* 'подобен, похож'. Это выявляет его формальный характер»[34].

В другом месте д-р Ямада пишет:

«*Готоси* издавна считалось служебным глаголом, но оно всегда было словом, поэтому его нельзя ставить наравне с служебным глаголом. (То, что обычно именуется служебными глаголами, д-р Ямада считает сложными глагольными окончаниями, а не словами. —*Прим. Киэда.*) Единственным отличием этого слова от обычных предикативных прилагательных служит то, что оно требует, чтобы его дополнили другим понятием... Рассмотрим, каковы же такие дополнения:

Хйто мо ***дзюбоку-но*** *готоку кёику-ни ёритэ касэй-сэрару* (п. я.) 'И человек, подобно **дереву** (как дерево), формируется благодаря воспитанию'.

Сакикоборэтару ўмэ-но хана ***юки-но*** *готоси* (п. я.) 'Облетающие цветы сливы подобны **снегу** (похожи на снег)'.

Тири-но *готоки каруки буттай-о кюсю-су* (п. я.) 'Всасывает легкие вещества, подобные **пыли** (такие легкие вещества, как пыль)'.

Обычно употребляется падежное служебное слово *но*; а поскольку служебное слово вставляется между дополняющим словом и *готоси*, само *готоси*, во всяком случае, как часть речи должно быть выше служебного слова. Рассматривать его как сложный суффикс, составляющий вспомогательную часть глаголов, неправомерно.

Если считать его служебным глаголом потому, что он не употребляется самостоятельно, то и из глаголов такие, как *сасу*, *кану*, *сому*, *ау*, надо отнести к так называемым служебным глаголам, поскольку и их употребление, а также значение осуществляется и выявляется только при соединении с приёгэнной формой другого глагола, например: *сисасу* 'принудить сделать', *корэканў* 'не мочь терпеть', *фурисому* 'начать идти (о дожде)', *ториаэдзу* 'не медля'. Однако издавна их не причисляют к так

называемым служебным глаголам, а следовательно, нет оснований причислять к ним и *готоси*, имеющее даже более самостоятельное употребление»[35].

В целом это правильный взгляд. В данной книге д-р Ямада, не выдвигая теорию так называемых сложных окончаний, употребляет традиционное наименование «служебные глаголы» и признает их отдельной частью речи. Вместе с тем он считает, что *готоси*, как и *нари* и *тари*, следует отделить от остальных служебных глаголов, поскольку это слова более знаменательные. Однако если в предложении *карэ ва ёку ундо́-о су* (п. я.) 'Он много занимается спортом' *су* называется формальным глаголом, то настолько ли равноценно ему грамматически *готоси* в предложении *ракка юки-но готоси* 'Облетающие цветы подобны снегу', чтобы его можно было назвать формальным прилагательным? В первом случае *су* по отношению к подлежащему *карэ ва* является сказуемым; *ундо-о* — определяющее его наречное определение (обычно называемое словом-объектом). А является ли *готоси* сказуемым при подлежащем *ракка*, а *юки-но* наречным определением при *готоси*? Не в этом ли разница между *су* и *готоси*? Думается, что они различаются не только тем, что одно имеет вербальный, другое — адъективный характер: *су* — вполне знаменательное слово, *готоси* же по сравнению с ним более формально. Вот почему, признавая, что это слово более знаменательно, чем другие служебные глаголы, мы все же относим его к служебным глаголам и не включаем в число ёгэнов[36].

Существуют разногласия и относительно соответствия слову *готоси* слов *ёо да*, *ёо дэсу́* в разговорном языке, но поскольку мы не считаем их прилагательными, мы не будем касаться здесь и этого вопроса. Излишне говорить, что *расий* я тоже прилагательным не считаю.

4. СУФФИКСЫ ОБРАЗОВАНИЯ ПРЕДИКАТИВНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Суффиксов образования предикативных прилагательных имеется несколько. Ниже приведены важнейшие из них[37].

си: *отонаси* 'взрослый', *ооси* 'мужественен', *нодзомаси* 'желателен', *коиси* 'дорог, мил';
кэси: *сидзукэси* 'спокоен', *цуюкэси* 'росист';
таси: *омотаси* 'тяжел', *нэмутаси* 'сонный';
раси: *отокораси* 'мужественен', *оннараси* 'женственен';
васи: *икаваси* 'каков';
нэси: *абунаси* 'опасен', *китанаси* 'грязен', *итокэнаси* 'младенческий', *катадзикэнаси* 'признателен'[38];
гамаси: *окогамаси* 'смехотворен', *мидарагамаси* 'беспутен';
гаваси: *мидаригаваси* 'беспутен';

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

ваюси: *омоваюси* 'постыден', *сиоваюси* 'солен';
пой: *симэппой* 'сырой, влажный', *васурэппой* 'забывчивый';
кой: *абуракой* 'жирный', *нэбарикой* 'клейкий' (звук *к* обычно удваивается);
дой: *кивадой* 'опасный', *сурудой* 'острый';
каси: *хадзукаси* 'постыдно', *абунакаси* 'рискованно, внушает опасения';
тарасий: *муготарасий* 'ужасающий'.

Все это — словообразовательные элементы, которые можно рассматривать в противопоставлении предикативным прилагательным, образованным грамматически [7].

ПРИМЕЧАНИЯ АВТОРА

[1] Ямада, VII, стр. 82.
[2] Там же, стр. 89.
[3] Ямада, II, стр. 91.
[4] Уэда, I, выпуск II, стр. 29 — 32
[5] Такэда, О кэйёси.
[6] О происхождении окончания *си* имеется богатая мыслями статья Оригути Нобуо, О кэйёси; плодотворная теория относительно истории возникновения этого спряжения содержится в недавно опубликованной книге К. Токуда, Исследования по грамматике родного языка (I). Подробному исследованию подвергнуты прилагательные древнего языка в статье Мияда, Кэйёси периода Хэйан по роману Гэндзи-моногатари.
[7] Цутифути Эй, О существе кэйёси.
[8] Мотоори Норинага, О-куни-котоба кацуёсё (см. прим. 2 к гл. IV). Мотоори Харунива, Котоба-но ятимата (см. там же).
[9] Уэда, О кэйёси (II), Осима, О системе кэйёси, Канадзава, О кэйёси (II) и др.
[10] Различие характера основ глагола и предикативного прилагательного рассматривает Цутифути в вышеупомянутой статье (см. прим. 7), связывая его с тем, что основная функция глагола — предикация, основная функция прилагательного — определение.
[11] Под названием «согэн» 相言.
[12] «Первый доклад по изучению проекта реформы ныне действующих грамматических правил» («Гэнкон фуцӯ бумпō кайтэйан тēса хōкоку-но ити»; в дальнейшем сокращено: Гэнкон ф б. к. т. х.), стр. 52 — 54.
[13] Пункты 2 — 5 изложены по Гонда Наоскэ, Кэйдзёгэн-ятимата (《權田直助・形狀言八種》).
[14] Ср. Ё. Кобаяси, II, стр. 67 — 74.
[15] Ямада, Лекции о Манъёсю (XI), часть I, стр. 49 — 50.
[16] Ср. Киэда, III.
[17] Ср. Киэда, О конверсии частей речи (IV).
[18] Ямада, VII, стр. 380.
[19] Ямада, VIII, стр 235.
[20] Ямада, VII стр. 368
[21] Юдзава, Комментированная японская грамматика (VI), стр. 82 83.
[22] Токиэда, Возможна ли систематизация значений слов? (I)
[23] Кусано, Японская грамматика (I), стр. 77.
[24] Там же, стр. 125.
[2] Ямада, IV, стр. 66 — 67.

[26] Х а г а, Японская филология, грамматика и исторические повести (II), стр. 62 — 63.
[27] Ё. К о б а я с и, II, стр. 72 — 76.
[28] В «Кōгохō-бэкки» на стр. 169 указывается, что это — результат проникновения с давних времен данной формы из Кансай в вежливые формы речи в Канто.
[29] Там же, стр. 182.
[30] Там же, стр. 183.
[31] Об исторических подробностях касательно «фонетического изменения *у*» см. там же, стр. 168 — 176.
[32] Там же, стр. 177 — 182.
[33] Там же, стр. 185 — 192.
[34] Я м а д а, VIII, стр. 131 — 135.
[35] Я м а д а, VII, стр. 88 — 89.
[36] Теорию Ямада касательно *готоси* см. Ямада, VI, стр. 39 — 52. Д-р Модзумэ и Мицуя Сигэмацу считают *готоси* особым прилагательным (см. М и ц у я, I, стр. 145 — 147 и 788 — 798); Я с у д а Киёмон относит *готоси* наряду с *расий* к формальным прилагательным (см. Я с у д а, I, стр. 119 — 122). Токуда Киёси исключает его из числа и предикативных прилагательных и служебных глаголов под новым названием «подчиненный глагол» (д з ю д ō с и 從動詞); см. К. Т о к у д а, I, стр. 104 и 171—173.
[37] Ср. М и ц у я, I, стр. 147 — 169.
[38] См. об этом *наси* статью С а т о, О прилагательных с аффиксом *наси*.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Адъективный глагол

I. СУЩНОСТЬ АДЪЕКТИВНОГО ГЛАГОЛА

Адъективный глагол (кэйдōси 形容動詞) — это такая часть речи, которая, как показывает само название, совмещает свойства прилагательного и глагола. С предикативными прилагательными эта часть речи сходна в том отношении, что обозначает свойство и состояние предмета, с глаголом же ее сближает то, что она спрягается как неправильные глаголы по столбцу *ра*. Само по себе наименование «адъективный глагол» встречается впервые у д-ра Оцуки Фумихико[1], где оно, правда, употреблено в совершенно ином значении. Современное толкование этому термину дал профессор Хага Яити[2]. С тех пор и до наших дней среди грамматистов существуют разногласия в оценке данного разряда слов. Для окончательного включения этих слов в разряд предикативных прилагательных или в разряд глаголов, или же для выделения их в качестве особой части речи следует тщательно изучить целый ряд вопросов. Слова, соответствующие этому разряду по своей сути, хотя и не под этим наименованием, служили предметом рассмотрения старых грамматистов, и изучение их трудов может стать серьезным подспорьем для решения вопроса[3].

Как указывалось выше, различия между глаголами и предикативными прилагательными лежат не в области значения, а главным образом в области формы. Поэтому, на наш взгляд, правильно поступают те ученые, которые включают адъективные глаголы в разряд глаголов неправильного спряжения по столбцу *ра* на том основании, что в письменном языке они аналогичны им по форме.

Если в настоящее время в категорию глаголов без различия включаются слова, обозначающие и действие, и состояние, и бытие (впрочем, профессор Ямада в своей грамматической системе проводит между ними некоторое различие), то включение адъективных глаголов в категорию глагола оправдано также и с точки зрения их значения. Однако, если признать, что рассматриваемый разряд слов в сущности обладает качествами и прилагательного и глагола, не являясь при этом ни тем, ни другим, то его, по-видимому, следует выделить в особую, новую часть речи — адъективный глагол. Этот вопрос, как мы уже подчеркивали, требует

тщательного изучения. Исходя из сказанного выше, адъективный глагол следует, во всяком случае, рассматривать как один из видов ёгэна.

Для чего же появился разряд слов, который обладает свойствами двух различных частей речи и таким образом должен быть назван адъективным глаголом? Думается, что он возник для восполнения недостатков, присущих предикативным прилагательным. Ведь предикативное прилагательное, несмотря на то, что оно так же, как и глагол, может быть сказуемым, не способно выражать отрицания, предположения или завершенности путем присоединения служебных глаголов, выражающих эти категории. Кроме того, глагол имеет повелительную форму, а предикативное прилагательное этой формы лишено. Таковы его недостатки [1].

Ниже мы приводим примеры, показывающие, каким образом адъективный глагол восполняет указанные недостатки предикативного прилагательного.

отрицание: *хаякарадзу* 'не рано', *сидзука нарадзу* 'не тихо';
предположение: *хаякараму* 'будет рано', *сидзука нараму* 'будет тихо';
воспоминание: *хаякарики* 'было рано', *сидзука нарики* 'было тихо';
повеление: *хаякарэ* 'пусть будет рано', *сидзука нарэ* 'пусть будет тихо, будь тихим'.

На основании сказанного выше можно сделать предположение, что функции адъективного глагола в общем аналогичны функциям и предикативного прилагательного и глагола, однако для окончательного решения этого вопроса необходимо изучить данный разряд слов несколько конкретней. Иначе говоря, для точного определения адъективного глагола в первую очередь необходимо разрешить вопрос о правильности выделения этого разряда слов в отдельную часть речи. К решению указанного вопроса прежде всего следует подойти со стороны формы рассматриваемых слов.

II. ФОРМЫ АДЪЕКТИВНОГО ГЛАГОЛА

В письменном языке адъективные глаголы спрягаются так же, как и глаголы, однако для иллюстрации процесса образования этого разряда слов обычно приводят следующую таблицу, разбивая их в ней на три типа (см. таблицу № 49).

Приводимые в таблице слова *ёкари* 'хороший', *сидзука нари* тихий', *дōдō тари* 'торжественный' спрягаются так же, как глаголы неправильного спряжения по столбцу *ра*. Все они имеют одинаковые окончания: *ра*, *ри*, *ри*, *ру*, *рэ*, *рэ*. Следовательно, с грамматической точки зрения нет никакой необходимости различать три спряжения: «спряжение *кари*», «спряжение *нари*»

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Таблица 49

Формы спряжения адъективных глаголов

Тип спряжения	Основа	Незавершенная форма	Приёгэнная форма	Заключительная форма	Применная форма	Завершенная форма	Повелительная форма
кари	*ё*	*кара*	*кари*	*кари*	*кару*	*карэ*	*карэ*
нари	*сидзука*	*нара*	*нари*	*нари*	*нару*	*нарэ*	*нарэ*
тари	*дōдо*	*тара*	*тари*	*тари*	*тару*	*тарэ*	*тарэ*

и «спряжение *тари*». Различия между этими словами можно усмотреть, если рассматривать их с точки зрения образования. Однако это не является, строго говоря, задачей грамматики: грамматика изучает форму, значение и функции данных, готовых, существующих слов, а вопросы словообразования привлекаются только для удобства изложения. Например, *кари*, *нари*, *тари* образовались в результате слияния окончания *ку*, *ни*, *то* с глаголом *ари*: *ёкари* ← *ёку* + *ари*, *сидзука нари* ← *сидзука ни* + *ари*, *дōдō тари* ← *дōдō то* + *ари*. Однако ввиду того, что окончаниями существующих адъективных глаголов являются *ра*, *ри*, *ри*, *ру*, *рэ*, *рэ*, в различении спряжений *кари*, *нари*, *тари* нет необходимости [2]. Таким образом, спряжение адъективных глаголов достаточно иллюстрировать следующей таблицей:

Таблица 50

Окончания форм спряжения адъективных глаголов

Основа	Незавершенная форма	Приёгэнная форма	Заключительная форма	Применная форма	Завершенная форма	Повелительная форма
ёка *сидзука на* *дōдō та*	*ра*	*ри*	*ри*	*ру*	*рэ*	*рэ*

Далее, не следует смешивать *нари* и *тари* в словах *сидзука нари* и *дōдō тари* со служебными глаголами-связками *нари* и *тари* и в результате ошибочно относить *сидзука* и *дōдō* к тайгэнам. Этого смешения можно избежать, обратив внимание на следующие три момента:

1. Поскольку *сидзука* и *дōдō* не являются тайгэнами, они не могут иметь при себе адъективного определения. Нельзя сказать *имидзики сидзука нари* 'глубокое тихо' или *макото-но дōдō тари* 'истинное торжественно'. А раз *сидзука* и *дōдō* не тайгэны, то и присоединяющиеся к ним *нари* и *тари* не являются связками. В тех случаях, когда перед *нари* и *тари* стоит полноценный тайгэн, последний может иметь при себе адъективное определение.

Кун ***макотоно*** *кун тарэба, син мо мата макотоно син тари* (п. я.) 'Когда государь есть настоящий государь, то и вассал есть настоящий вассал'.

Поскольку в этом примере *кун* 'государь', *син* 'вассал' — тайгэны, то *нари* и *тари*, следующие за ними, естественно, следует считать связками.

2. *Сидзука нари* и *дōдō тари* могут иметь при себе наречное определение:

имидзику сидзука нари 'очень тихо';

макотони дōдō тари 'поистине торжественно'.

Это объясняется тем, что *сидзука нари* и *дōдō тари* являются полноценными ёгэнами. В примере, приведенном в п. 1, *кун тари* и *син тари* не являются одним словом, а распадаются на тайгэны *кун*, *син* и служебные глаголы *нари* и *тари*, ввиду чего указанные тайгэны могут иметь при себе адъективное определение. В противоположность этому *сидзука* и *дōдō* образуют слово только соединившись с *нари* и *тари*. *Сидзука* и *нари*, *дōдō* и *тари* неразрывной связью спаяны в одно слово, т. е. представляют собой один ёгэн, что и дает возможность существованию при них наречных определений.

3. К словам *сидзука* и *дōдō* не присоединяется ни одно из падежных служебных слов *га*, *но*, *ни*, *о*. Отсюда вытекает также, что они не относятся к тайгэнам. В отличие от *сидзука* и *дōдō* к словам *кун*, *син* и т. п. падежные служебные слова присоединяются совершенно свободно. Это происходит потому, что *кун* и *син* — чистые тайгэны.

Вопрос о том, являются ли вышеупомянутые *нари* и *тари* служебными глаголами или спрягаемым окончанием ёгэнов, имеет первостепенную важность, поскольку им определяется, п р е д с т а в л я ю т л и с о б о й *с и д з у к а н а р и* и *д ō д ō т а р и* ц е л ы е с л о в а.

Чтобы решить, являются ли *сидзука нари* и *дōдō тари* целыми словами, следует рассмотреть еще один важный вопрос. Существует теория, согласно которой *сидзука* и *дōдō* считают наречиями. При этом считается, что если *сидзука нари* и *дōдо тари* могут иметь при себе наречное определение, то это не потому, что они представляют собой одно слово, а потому, что *сидзука*, *дōдō* сами по себе являются наречиями. Если придерживаться этой теории, то невозможность присоединения к *сидзука* и *дōдō* падежных служебных слов *га*, *но*, *ни*, *о* представляется естественной. По поводу указанной теории решающие соображения выдвигает д-р Ёсидзава Ёсинори: «Безусловно, надо сначала разрешить вопрос, является ли наречием *сидзукани* или *сидзука*. Те, кто рассматривают *сидзука* как наречие, считают *ни* служебным словом или суффиксом. Ответить на этот вопрос нетрудно. Употребляется ли слово *сидзука* самостоятельно? Разве не встречается

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

оно постоянно в форме *сидзукани*, т. е. совместно с *ни*? Правда, имеются случаи, когда слова такого рода употребляются без *ни* или *то*, например: *харука хэдататтэ* 'хотя далеко удалено', *цўкудзуку митэ иру* 'пристально смотрит'. Однако если посмотреть на данное явление исторически, то это вторичная сокращенная форма, в которой утеряно *ни* или *то*, первоначальной же формой надо считать также *харукани*, *цукудзукуто*. В словах типа *сидзукани* сокращенная форма еще не образовалась, поэтому они употребляются в соединении с другими словами, а именно со словами: *ни*, *са*, *да*, т. е. в форме *сидзукани* 'тихо', *сидзукаса* 'тишина', *сидзука да* 'тихо' (как сказуемое) и т. п. Если в иной форме они не употребляются, то разве не следует считать такую форму одним словом? *Хйтоцу* 'один', *фўтацу* 'два' — числительные. *Цу* — явно суффикс, *хйто*, *фўта* — основа, *хи*, *фу* — корень, однако без *цу* они не употребляются, поэтому мы считаем *хйтоцу*, *фўтацу* одним словом и называем их числительным. Если проанализировать образование слова *сидзука*, то корнем слова является *си* или *сидзу*, основой — *сидзука* и к ней присоединено *ни*. Но поскольку в иной форме рассматриваемое слово не употребляется, в грамматике незачем расчленять его на два или три слова. Если расчленять это слово, то следует разделить тогда и слова *араюру* 'всяческий' на *ара* и *юру* и *осораку* 'вероятно' на *осора* и *ку*. *Араюру* считается префиксом, а *осораку* — наречием, поскольку в другой форме они не употребляются. Точно так же должно считаться одним словом и *сидзукани*. Другими словами, *сидзука* — основа, а не слово, и *ни* в этом случае окончание, а не слово. Поэтому его нельзя расчленять на *сидзука* — наречие и *ни* — служебное слово; наречием является *сидзукани* как целое»[4]. (Здесь *араюру* названо префиксом; это несколько спорно, о чем см. ниже в следующей главе. — *Прим. Киэда.*)

О формах спряжения адъективных глаголов следовало бы сказать кое-что дополнительно, но поскольку это излагается в следующем разделе, в настоящем разделе данного вопроса я не касаюсь*.

III. ОБОСНОВАНИЕ ВЫДЕЛЕНИЯ АДЪЕКТИВНЫХ ГЛАГОЛОВ В ОТДЕЛЬНУЮ ЧАСТЬ РЕЧИ

Как уже неоднократно указывалось, адъективные глаголы по формам спряжения в общем совпадают с глаголами неправильного спряжения по столбцу *ра*. Поэтому естественно, что при грамматической классификации, берущей за основу форму, они должны быть включены в разряд глаголов. Это подчеркивает и Оцуки Фумихико.

* Относительно слитной и раздельной транскрипции *ни* и *то* см. комментарий к этой главе, конец прим. 5.— *Прим. ред.*

«Многие грамматики рассматривают слова *екари* 'хорош', *а сйкари* 'плох' как своего рода спряжение предикативных прилагательных. Согласно этой точке зрения, данные слова представляют собой не что иное, как сложение прилагательных с глаголом *ари*. Поскольку *ари* — глагол, то он имеет форму повелительную, формы прошедшего и будущего времени. У прилагательных же такого рода форм нет»[5].

Однако при внимательном рассмотрении у адъективных глаголов обнаруживаются отличия от глаголов неправильного спряжения по столбцу *ра*. Д-р Ёсидзава Ёсинори опубликовал специальное исследование, в котором он, основываясь на указанных отличиях, выключает адъективные глаголы из разряда глаголов и обосновывает их выделение в особую часть речи[6]. Эта теория является наиболее подробной и грамматически разработанной из всех, опубликованных донынепо данному вопросу, ис некоторыми поправками, внесенными впоследствии, пользуется признанием в кругах грамматистов. Поэтому мы прежде всего изложим основные положения теории Ёсидзава.

Первое отличие адъективных глаголов от глаголов неправильного спряжения по столбцу *ра* состоит в сочетаемости со служебными словами. Д-р Ёсидзава цитирует Мицуя Сигэмицу:

«Слова „спряжений *нари, тари, кари*" в целом подобны глаголам, но в первой форме не принимают служебного глагола пассива и возможности *ру*, во второй форме редко принимают служебные глаголы завершенности *цу* и *ну*; не принимают они и *цуцу, тари, таси*. За исключением формы *ни* „спряжения *нари*" и формы *то* „спряжения *тари*", ни во второй, ни в третьей форме они не принимают частиц *тэ, сйтэ*, а в третьей форме не сочетаются с запретительным *на* — таковы их отличия от глаголов»[7].

Однако, как указывает сам д-р Ёсидзава, хотя и наблюдается известное различие в отношении сочетаемости со служебными словами, оно связано с особыми случаями устойчивого употребления различных слов, а потому не может само по себе служить основанием для выделения адъективных глаголов в особую часть речи.

Вторым отличием является отсутствие у адъективных глаголов формы срединного сказуемого, тогда как глаголы неправильного спряжения по столбцу *ра*, так же как и все глаголы и предикативные прилагательные, такую форму имеют. Это весьма важный вопрос. Не только глаголы и предикативные прилагательные, все ёгэны имеют срединную форму. Поэтому, если допустить, что у адъективных глаголов такой формы нет, их, видимо, надо будет исключить не только из разряда глаголов неправильного спряжения по столбцу *ра*, но и вообще из числа ёгэнов. Однако есть работы, которые устанавливают существование сре-

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

динной формы у адъективных глаголов. Об этом писал еще Оя Тору, а недавно Мицуя Сигэмицу. Оя не употреблял термина «адъективный глагол», однако применительно к словам, фактически соответствующим этому разряду, в объяснении к *кэйдзёгэн* (形狀言) под названием *фукуёгэн* (副用言) приводил слова с окончанием *ку*, *ни*, *то*, т. е. употреблял срединную форму. В качестве второй формы «спряжений *нари*, *тари*, *кари*» Мицуя приводит формы *ку*, *ни* наряду с формами *нари*, *кари* ввиду того, что эти формы присоединяют *тэ*, *сйтэ* (в «спряжении *тари*» он дает одно *тари*, и не приводит *то*. Это, вероятно, ошибка). В объяснении форм спряжения предикативных прилагательных относительно срединной формы Мицуя говорит:

«Приёгэнной формой является вторая форма спряжения. Она имеет две функции: употребление в качестве срединного сказуемого и наречное употребление. Как срединное сказуемое она употребляется всегда с *тэ*, *сйтэ*; в наречном употреблении она несколько отлична.

Арэ ва ёку корэ ва аси (п. я.) 'То хорошо, это плохо'.

Здесь *ёку* употреблено как срединное сказуемое, поэтому можно сказать и *ёкўтэ* и *ёку сйтэ*.

Цўки акирака ни хоси марэ нари (п. я.) 'Луна ясна, звезды редки'.

И здесь *акирака ни* употреблено как срединное сказуемое, поэтому можно сказать *акирака нитэ*, *акиракани сйтэ*.

Однако в *акиракани сиру* 'ясно знать' *акиракани* определяет *сиру* — это наречное употребление; так же и в *Карэ ва ёку дандзу* (п. я.) 'Он хорошо говорит' *ёку* употреблено наречно, *акирака нитэ*, *ёку сйтэ* в этом случае сказать нельзя, *тэ* и *сйтэ* здесь не присоединяются.

Дандзэнто сйтэ оконау 'решительно провести'.

Здесь *дандзэнто сйтэ* тоже употреблено наречно, но *дзэндзэнтотэ* не говорят, т. е. к *то* в «спряжении *тари*» *тэ* не присоединяется»[8].

Процитировав объяснение Мицуя, д-р Ёсидзава дает дополнительно пример на употребление срединного сказуемого «спряжения *тари*».

Кадзэ хёхётo сйтэ нами хōхай тари (п. я.) 'Ветер порывист, волны бурливы'.

Признать по примеру Мицуя и Ёсидзава у слов «спряжений *кари*, *нари*, *тари*» формы *ку*, *ни*, *то* — это значит признать не только употребление срединного сказуемого, но и наречное употребление. Следовательно, появляется разряд ёгэнов, имеющий свои особенности и по форме и по функции. Таким образом, можно установить особую часть речи, которая не будет ни предикативным прилагательным, ни глаголом. Естественно встает вопрос, чем же в действительности являются *ку*, *ни*, *то* — ф о р м а м и л и

спряжения или же, как это рассматривалось ранее, окончаниями наречия? Если это формы спряжения, тогда можно установить особую часть речи — адъективный глагол.

Возьмем такой пример:

Кадзэ сидзука ни нами одояка нари (п. я.) 'Ветер тих, волны спокойны'.

Нет сомнения, что *сидзука ни* 'тих' в данном случае является срединным сказуемым. Можно сказать *сидзука нитэ*, *сидзукани сйтэ* — и все это будет срединная форма.

Некоторые (например, Ёсиока Кёскэ) рассматривают это *ни* как наречное окончание, образующее адъективный глагол. Однако вряд ли правомерно такое толкование; вряд ли можно для формы срединного сказуемого какого-либо ёгэна брать нечто заимствованное у другой части речи. В таком случае и форму срединного сказуемого *ку* спряжения *кари* нужно рассматривать как форму предикативного прилагательного, заимствованную для употребления адъективного глагола в качестве срединного сказуемого. Если не признавать этой замены, то придется признать, что форма *ку* — всегда срединная форма предикативного прилагательного. Что же касается срединной формы «спряжения *кари*», то ей нет даже замены. Во всяком случае, при употреблении в качестве срединного сказуемого слов «спряжения *нари*», с одной стороны, и «спряжений *нари* и *тари*», с другой, надо давать разные объяснения. Поэтому нельзя согласиться с тем, что для объяснения формы спряжения одного разряда ёгэнов привлекается заимствование из другой части речи. Нужно другое, более правомерное, объяснение. Рассмотрим следующие примеры:

Ёку асокомадэ татакаэта 'Смог пробиться дотуда' [3].

Сўкосйку сэцу-но датō-о какэтари (п. я.) 'Немного не хватает приемлемости теории'.

Ёку (能く) в первом предложении происходит от *ёку* (善く) 'хорошо' как антоним слова *асйку* 'плохо', и в древности имеются случаи написания его последним иероглифом[9]. Однако в приведенном выше употреблении оно уже не будет считаться формой спряжения предикативного прилагательного *ёси*: его значение изменилось, оно перешло в другую часть речи — в наречие. То же самое наблюдается и со словом *сўкосику*. Раньше оно было формой спряжения прилагательного, теперь оно утеряло формы спряжения и превратилось в наречие. Ни *ёку* (能く), ни *сўкосйку* уже не способны соединиться с *ари* и спрягаться по типу *кари*. Таким образом, слова, имеющие окончание *ку* (которое является наречным окончанием), не способны спрягаться по типу *кари*.

Слова *хёхётo* 'порывисто' (о ветре), *данкото* 'решительно' могут спрягаться по типу *тари*; но слова *цукудзукўто* 'пристально', *фўто* 'вдруг' этой способности лишены. Т. е. и среди слов с окончанием *то* одни могут спрягаться по типу *тари*, другие не

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

могут. Исходя из аналогии с предыдущими примерами, можно сказать, что слова, спрягающиеся по типу *тари* — это подлинные наречия. Окончание же *то* таких слов надо рассматривать не как наречное окончание, а как окончание формы спряжения ёгэна. То же самое можно сказать и относительно «спряжения *нари*». *Марэни* 'редко', *сидзукани* 'тихо' могут спрягаться по типу *нари*, но *макотони* 'поистине', *судэни* 'уже', *цуйни* 'наконец' спрягаться по типу *нари* не могут. Следовательно, и среди слов с окончанием *ни* одни надо рассматривать как чистые наречия, другие как ёгэн.

Таким образом, можно дать следующую сводку:

1	*фӯкаку, хаяку*	спрягаются по типу *кари* (ёгэн)
	сукосику, ёку	не спрягаются (наречие)
2	*хёхёто, данкото*	спрягаются по типу *тари* (ёгэн)
	цӯкудзукӯто, фӯто	не спрягаются (наречие)
3	*сидзукани, марэни*	спрягаются по типу *нари* (ёгэн)
	макотони, судэни	не спрягаются (наречие)

Проиллюстрируем это на примерах:

Катати надо ёкаранэдо катава ни мигурусйкараӈӯ вакӯдо нари (Гэндзи-моногатари) '[Это] был молодой человек, хотя обликом и не прекрасный, но не уродливый и не безобразный'.

Если считать, что значение служебного глагола отрицания *нӯ* из *мигурусйкараӈӯ* не распространяется на *катава ни*, то нельзя понять смысла, состоящего в том, что *ёсёку надо ва ёку ва най кэрэдо, катава-дэ наку мигурусйку най вакабито да* (разг. н.; перевод см. выше). Если принять, что *катава ни* есть соединение существительного *катава* 'урод' со служебным словом *ни*, то возникнет несообразность — служебный глагол отрицания отрицает существительное. (Излишне говорить, что *мигурусйкара* — незавершенная форма адъективного глагола спряжения *кари*.)

Катакадо нитэ мо икага омоинохока ни окасйкарадзараму (Гэндзи-моногатари) 'Хоть [у нее] слабое искусство, но разве [это] не неожиданно и не восхитительно'*.

Исходя из смысла текста, этот пример может быть раскрыт так:

икага	*омоинохока нарадзараму*	разве	не неожиданно
	окасйкарадзараму		не восхитительно

Таким образом, если по-прежнему считать *омоинохока ни* наречием, то это влечет за собой несообразное допущение, будто

* Речь идет о том, что иногда в скромной семье есть дочь, обученная изящным искусствам, как это принято в светском обществе.—*Прим. ред.*

служебный глагол отрицания относится к наречию и отрицает наречие.

Поэтому я считаю более правомерным рассматривать, что в данном случае *ни* в *катава ни* и *омоинохока ни* не является ни служебным словом, ни окончанием наречия, а квалифицировать его в первом случае как окончание срединной формы адъективного глагола, а во втором — как срединную форму связки *нари*. В японском языке при употреблении подряд нескольких глаголов первый или первые остаются в срединной форме, а служебный глагол отрицания присоединяется только к последнему и распространяет свое значение на предыдущие [4]. Таким образом, можно считать, что *ни* в *катава ни* и *омоинохока ни*, к которому относится отрицание,— это срединная форма спряжения, иными словами, что *омоинохока ни* — срединная форма адъективного глагола, спрягающегося по типу *нари*.

Из изложенного выше ясно, что между *ку*, *ни*, *то* как формами спряжения адъективных глаголов и *ку*, *ни*, *то* как окончаниями наречий существует р ё з к о е р а з л и ч и е, на основании чего адъективные глаголы и выделяются в особую часть речи. Таковы основные положения теории Ёсидзава. Ниже приводится его заключение по данному вопросу и составленная им таблица спряжения адъективных глаголов (см. таблицу № 51).

«Приведенная таблица спряжения составлена на основании таблицы Мицуя[10]. Однако моя таблица отличается от таблицы Мицуя тем, что вторая форма разделена в моей таблице на две формы — вторую и седьмую. Седьмая форма имеет значение срединной и наречной.

Так называемые адъективные глаголы обладают, с одной стороны, свойствами глагола, поскольку сочетаются со служебными глаголами, с другой — свойствами прилагательных, поскольку имеют наречную форму. Таким образом, это своеобразный ёгэн, который, имея глагольную природу, не является глаголом и, имея адъективную природу, не является прилагательным. На этом основании так называемые адъективные глаголы выделяют как особую часть речи. И так как при наличии глагольных форм спряжения они имеют адъективную природу, название «адъективный глагол» является самым подходящим.

Адъективный глагол, сохраняя прежнее наименование, является по существу совершенно иной, новой частью речи».

Из сказанного ясно, почему д-р Ёсидзава выделил адъективный глагол в особую часть речи. Однако остается нерешенным вопрос, касающийся срединной и наречной формы спряжения типа *кари*. В примерах *Арэ ва ёку корэ ва асйкари* (п. я.) 'То хорошо, это плохо' и *Карэ ва ёку дандзу* (п. я.) 'Он хорошо говорит' *ёку* употреблено сначала как срединное сказуемое, а затем наречно. Однако оно может рассматриваться как срединная и наречная форма

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Таблица 51

Спряжение адъективных глаголов

	1-я форма	Аффиксы	2-я форма	Аффиксы	3-я форма	Аффиксы	4-я форма	Аффиксы	5-я форма	Аффиксы	6-я форма	Аффиксы	7-я форма	Аффиксы
		ба				*то*		*мэри*						
кари	*кара*		*кари*		*кари*		*кару*		*карэ*		*карэ*		*ку*	
		дзу		*ки*		*томо*		*раму*		*ба*	*кэрэ*	*е*		*тэ*
		му		*кэри*		*я*		*бэси*		*до*		*я*		
нари	*нара*		*нари*		*нари*		*нару*		*нарэ*		*нарэ*		*ни*	*сйтэ*
		маси		*цу*		*на*		*раси*		*домо*		*каси*		
		симу		*ну*		*каси*		*мадзи*						
тари	*тара*		*тари*		*тари*		*тару*		*тарэ*		*тарэ*		*то*	

предикативного прилагательного *еси*, и неясно, на основании чего его следует считать срединной и наречной формой адъективного глагола *ёкари*. Д-р Хасимото Синкити, во многих других пунктах принимающий теорию д-ра Ёсидзава, по этому поводу говорит следующее:

«Я не могу согласиться только с одним — с признанием *ку* формой спряжения первого типа адъективных глаголов («спряжения *кари*»). В таком случае оказывается, что в этом спряжении срединной и наречной формы нет; но ведь это спряжение, как говорилось выше, создалось в основном для восполнения недостатков в употреблении форм спряжения предикативных прилагательных, а то, что может быть выражено предикативными прилагательными, не нуждается в применении спряжения этого типа. Поэтому нет ничего несообразного в том, что поскольку для самого предикативного прилагательного возможно употребление и в качестве срединного сказуемого и наречное употребление, то у адъективных глаголов этого типа нет соответствующей формы. В противоположность этому адъективные глаголы второго типа и третьего типа («спряжений *нари* и *тари*»), не являясь вспомогательными, как глаголы первого типа, сами обеспечивают все необходимые случаи употребления и поэтому сами обладают формой *ни*, *то*, которая употребляется так же, как приёгэнная форма предикативных прилагательных. Это видно из сопоставления употребления форм спряжения предикативных прилагательных и адъективных глаголов первого типа («спряжения *кари*»), с одной стороны, и адъективных глаголов второго типа и третьего типа — с другой»[11]. Хасимото заключает: «Теория Ёсидзава применительно ко второму и третьему спряжениям правильна, но первое спряжение подлежит исключению».

Относительно адъективных глаголов в письменном языке д-р Хасимото говорит следующее:

«1. Адъективные глаголы первого типа должны рассматриваться как формы вспомогательного спряжения предикативных прилагательных, и эти формы следует включать в неправильное спряжение по столбцу *ра*.

2. Адъективные глаголы второго типа и третьего типа должны рассматриваться как особый ёгэн, противостоящий глаголу и предикативному прилагательному.

3. Вышеуказанные адъективные глаголы имеют особую форму спряжения, а именно — форму *ни* и *то*, которая употребляется как срединная и наречная.

4. Наречия, которые оканчиваются на *ни* и *то* и которые спрягаются, принимая окончания *нари* и *тари*, должны быть исключены из числа наречий и рассматриваться как адъективный глагол»[12].

Согласно теории Хасимото, вопрос о тождестве срединной и

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

наречной форм «спряжения *кари*» и спряжения предикативных прилагательных разрешен, но необходимо обратить внимание на то, что при отнесении адъективных глаголов этого спряжения к неправильному спряжению по столбцу *ра* имеются следующие функциональные расхождения с последним.

1. Срединная форма отсутствует.
2. Приёгэнная форма не соединяется со служебными словами *томо* и *тэ*.
3. Заключительная форма в настоящее время не употребляется
4. Приименная форма не может применяться как адъективное определение к тайгэну.
5. Соединение завершенной формы с *ба* и *до* в настоящее время не встречается.

По сравнению же с остальными адъективными глаголами («спряжение *нари*» и «спряжение *тари*») имеются еще два отличия

1. Приёгэнная форма не может сочетаться с *тэ*, *сётэ* (т. е не употребляется как срединное сказуемое).
2. Наречная форма отсутствует.

Поскольку адъективные глаголы первоначально представляли собой ёгэн особого типа, развившийся для восполнения недостатков в употреблении предикативных прилагательных, не следует ли «спряжение *кари*» включить в разряд адъективных глаголов под рубрикой «недостаточные адъективные глаголы?» Однако в грамматической классификации частей речи, которая кладет в основу их морфологические особенности, они, как и у д-ра Хасимото, относятся к глаголам неправильного спряжения по столбцу *ра*. И пожалуй, они-то и заслуживают по-настоящему название недостаточных глаголов.

Можно сказать, что теория д-ра Ёсидзава, за исключением вопроса о «спряжении *кари*», признана всеми грамматистами, она принята и в настоящей книге [5].

IV. АДЪЕКТИВНЫЕ ГЛАГОЛЫ В РАЗГОВОРНОМ ЯЗЫКЕ

Причина выделения адъективных глаголов письменного языка в отдельную часть речи, изложенная в предыдущем разделе, неприложима в таком же виде к адъективным глаголам разговорного языка. Однако адъективные глаголы письменного языка ни по формам спряжения, ни по своему употреблению не совпадают ни с глаголами, ни с предикативными прилагательными разговорного языка, поэтому выделение их в отдельную часть речи все же не лишено оснований. Приведенные ниже моменты позволяют считать, что адъективные глаголы существуют также и в разговорном языке.

1. Большое число особых форм спряжения (в разговорном языке глаголы имеют пять форм спряжения, предикативные прилагательные — три формы, а адъективные глаголы — семь).

2. В формах спряжения смешиваются столбцы *да* и *ни* (такого смешения нет ни у предикативных прилагательных, ни, само собой разумеется, у глаголов).

3. В качестве наречной формы выделяется особая форма — *ни* (так же, как и в письменном языке, это можно считать основанием для выделения адъективных глаголов).

4. В качестве срединной существует и особая форма — *дэ* (та же).

5. Заключительная и приименная формы различны (этого нет в разговорном языке ни у глаголов, ни у предикативных прилагательных).

6. Основа употребляется самостоятельно (у предикативных прилагательных то же самое, у глаголов этого не наблюдается).

7. В предположительной форме употребляется без служебного слова *ба* (этого нет ни у предикативных прилагательных, ни у глаголов)[13].

Правда, несомненно, что у адъективных глаголов разговорного языка много общего с предикативными прилагательными и мало с глаголами, однако на основании одних только вышеприведенных пунктов, их можно и нужно выделить в отдельную часть речи.

Спряжение адъективных глаголов в разговорном языке не производит впечатления строгой правильности, как в письменном языке, но мне кажется, что до известной степени его можно подчинить одному формальному правилу. Остановимся на этом подробней Начнем с того, что в разговорном языке соответствует так называемому «спряжению *кари*».

Таблица 52

„Спряжение *кари*“ в разговорном языке (1)

Основа	Незавершенная форма	Приёгэнная форма	Заключительная форма	Приименная форма	Предположительная форма
сирока	*ра*	*т* (⁀)	—	—	—

Однако в таком виде не только спряжение не упорядочено, но и употребление не показано. Из приведенной ниже таблицы видно, что к незавершенной форме присоединяется *у*, а к приёгэнной — *та*. Поэтому Хасимото Синкити составил смешанную таблицу спряжения, представив эти формы как восполнение недостающих форм предикативных прилагательных.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Таблица 53

„Спряжение *кари*" в разговорном языке (2)

Незавершенная форма	Приёгэнная форма		Форма с фонетическим изменением „у"	Заключительная форма	Применная форма	Предположительная форма
ирокара+у	*сироку*	*сирокат+та*	*сиро (сирау) годзаимасу*	*сирой* 'белый'	*сирой*	*сирокэрэ+ба*

Из этой смешанной таблицы видно, что *у*, *та*, которые первоначально совершенно не могли присоединяться к предикативным прилагательным, теперь присоединяются к ним и что приёгэнная форма существует в двух видах, употребление которых различно: форма *сирокат* (白かつ) употребляется только в соединении с *та*, а форма *сироку* — как срединная и как наречная. Что касается приёгэнной формы, то д-р Хасимото указал на аналогию с глаголами четырехступенчатого спряжения, имеющими две формы: *каки* и *каи*, *тори* и *тот* (取つ). Однако это различие объясняется фонетическим изменением, тогда как *сироку* и *сирокат* (白かつ) — две совершенно различные формы. Форма *сирокара* совершенно отлична по происхождению от предикативного прилагательного *сирой*. И хотя они восполняют недостатки в употреблении форм предикативных прилагательных, но все же с грамматической точки зрения, кладущей в основу классификации частей речи морфологическую природу, включать такие отличные по происхождению формы в одну часть речи неправомерно [6]. В письменном языке я отношу слова, принадлежащие к «спряжению *кари*», к глаголам; на основании тех же причин я считаю, что в разговорном языке их следует рассматривать как недостаточные глаголы, принадлежащие к четырехступенчатому спряжению по столбцу *ра*. Они имеют всего только незавершенную и приёгэнную формы. Они не имеют столь важной для глаголов заключительной формы, они лишены даже повелительной формы, существующей в письменном языке (правда, существуют повелительные формы — *ёкарэ*, *асикарэ* 'хорошо ли, худо ли', *осокарэ хаякарэ* 'рано или поздно',— ограниченные определенными устойчивыми выражениями и употребляемые не столько в значении повелительной, сколько в значении предположительной формы, но как общая форма спряжения повелительная форма должна быть исключена, на что указывает и Хасимото). Кроме того, и незавершенная и приёгэнная формы у них несравнимо ограниченней в своем употреблении, чем у глаголов; их, как и некоторые служебные глаголы, имеющие только заключительную форму, следует отнести к формально недостаточным глаголам. Трудно понять, почему окончания незавершенной формы *ра* и приёгэнной *т* (つ) относятся к разным столбцам.

Это объясняется тем, что первоначально последнее представляло собой *ри*, которое затем фонетически изменилось в *т*, подобно тому как *тори* изменилось в *тот* (取つ). (В своих прежних работах[14] я установил, что окончание *ри* относится к приёгэнной форме; в качестве примера я привел сочетание со служебным глаголом *со да*: *Мэ̄нити ва тэнки-га ёкарисо̄ да* 'Завтра погода будет, видимо, хорошая'; я рассматривал эти слова как адъективный глагол, но, как видно из данной книги, теперь я считаю, что их следует исключить из этого разряда.)

Проиллюстрируем формы спряжения особых недостаточных глаголов примерами:

Незавершенная форма: *Мэ̄нити ва тэнки-га ёкаро̄* (ёкарау) 'Завтра погода будет хорошая'.

Ёкараńу *уваса-га ару* 'Есть нехороший слух' (*ёкара* — незавершенная форма «спряжения *кари*» письменного языка, *ńу* (н) — приименная форма служебного глагола отрицания письменного языка *дзу*, но целое можно рассматривать как относящееся к разговорному языку).

Приёгэнная форма: *Кино̄ ва тэнки-га* ***ёкатта*** 'Вчера погода была хорошая'.

«Спряжению *нари*» письменного языка можно представить соответствия в разговорном языке в виде такой таблицы:

Таблица 54

„Спря́жение *нари*" в разговорном языке

Основа	Незавершенная форма	Приёгэнная форма	Заключительная форма	Приименная форма	Предположительная форма
сидзука 'тих...' *дзёбу* 'здоров.., крепк...'	*дара*	*дат* 立つ *дэ* { срединная / наречная *ни* наречная	*да*	*на*	*нара* (*нарэ*)
сидзука *дзёбу*	*дэсэ*	*дэсй* *дэ* { срединная / наречная *ни* наречная	*дэсў*	*на*	*нара* (*нарэ*)

Повелительный формы нет.

1. Рассматривать *сидзука* и *да*, *дзёбу* и *да* как различные части речи, что делают д-р Ямада и Мацусита Дайдзабуро, я, разумеется, считаю неправомерным. Об этом говорит и д-р Хасимото[15]; я также подробно касался данного вопроса[16]; это ясно и из теории

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Ёсидзава, изложенной в разделе об адъективных глаголах в письменном языке. Пусть имеются самостоятельные слова *да*, *дэ*, *ни*, но поскольку *сидзука* и *дзёбу* самостоятельно не употребляются, их в соединении с *да*, *дэ*, *ни*, естественно, следует рассматривать как одно слово.

2. Может быть высказано возражение и относительно приведенной выше таблицы. Ведь в ней смешаны формы двоякого происхождения: *дара*, *дат*, *да* — от *да* (*дэсэ*, *дэсй*, *дэсў* от *дэсў*) и *на*, *нара* — от *на*; однако, поскольку во взаимодействии они образуют одну систему спряжения, я считаю, что соответственно с фактами языка будет правомерным их не разделять.

Этой же точки зрения придерживаются также Юдзава Кокитиро[17] и д-р Хасимото[18] (раздельно рассматривают их д-р Ямада[19] и Мацусита Дайдзабуро[20]). Этимологически *да* происходит от *нитэ ари*, *дэ ару*, а *ни* — от *ни ари*. Эти разнородные по происхождению формы смешались, что и вызвало неупорядоченность форм спряжения и неодинаковые заключительную и приименную формы. По формам *да* и *ни* нельзя отнести ни к глаголам, ни к предикативным прилагательным. В этом и состоит своеобразие рассматриваемого спряжения. Но, разумеется, они считаются адъективными глаголами не только на основании своеобразия своих форм.

3. Некоторые выступают против причисления наречных форм *сидзукадэ*, *сидзукани* к формам спряжения адъективных глаголов. Считают, что неправильно зачислять в окончания адъективных глаголов *ни*, *дэ* в таких случаях, как:

дзимбуцу-га одаяка ни оё̄ да ‘характером мягок [и] великодушен’;

Мита но-га кирэй дэ нэ-га ясуй ‘То, что [я] видел, красиво, и цена дешева’.

Это обосновывают тем, что в *одаякана*, *кирэй дэ* окончания образовались благодаря тому, что *одаяка ни*, *кирэй дэ* в сочетании с *ару* рассматривались как одно слово. Поэтому относить наречия *одаякани*, *кирэй дэ*, где нет *ару*, к формам спряжения, это значит совершенно игнорировать образование адъективных глаголов. Если рассуждать так, то надо считать приёгэнной формой так называемых служебных глаголов *нари* и *тари*, происходящих от *ни ари* и *то ари*, соответственно *ни* и *то*, а приёгэнной формой служебных глаголов *дзари* (от *дзу ари*), *бэкари* (от *бэку ари*), *такари* (от *таку ари*) — соответственно *дзу*, *бэку*, *таку*. Я полагаю, что на этом возражении незачем останавливаться подробно, поскольку вопрос ясен из теории д-ра Ёсидзава, изложенной выше в обоснование выделения в отдельную часть речи адъективных глаголов в письменном языке. Д-р Хасимото тоже считает, что, по сравнению с предикативными прилагательными, *ни* и *дэ* надо рассматривать как окончания спряжения адъективных глаголов.

Адъективный глагол	Предикативное прилагательное
Кадзэ-га сидзукани фуку 'Ветер тихо дует'.	*Кадзэ-га судзусйку фуку* 'Ветер прохладно дует'.
Атари-га сидзука дэ кэсйки-га ёй 'Кругом тихо, вид хорош'.	*Кадзэ-га судзусйку (судзусйкўтэ) кимоти-га ёй* 'Ветер прохладен, на душе хорошо'.
Сидзука дэ най 'Не тихо'.	*Судзусйку най* 'Не прохладно'.
Кадзэ-га сидзука да 'Ветер тих'.	*Кадзэ-га судзусий* 'Ветер прохладен'.
Сидзукана кадзэ 'Тихий ветер'.	*Судзусий кадзэ* 'Прохладный ветер'.

Из приведенных соответствий видно, что ничто не мешает рассматривать *ни* и *дэ* как окончания адъективных глаголов. Не рассматривать их так — значит противоречить фактам языка.

Существует два разряда слов, которые, имея окончание *ни*, употребляются в качестве наречий.

1. *Сидзукани* имеет формы *сидзука да*, *сидзука дэ*. Спрягается как адъективный глагол.

2. *Судэни* не имеет форм *судэ да*, *судэ дэ*. Не спрягается как адъективный глагол. Отсюда следует, что *ни* в *сидзукани* из парадигмы *ни — дэ — да* — это окончание наречной формы, т. е. окончание адъективного глагола, а *ни* в *судэни* — это неспрягающееся окончание наречия. Если представлено неспрягающееся *дэ — да*, то предшествующее ему слово — тайгэн, а *дэ* — либо служебное слово, либо срединная форма служебного глагола-связки, а *да* — служебный глагол-связка.

Таким образом, большая часть так называемых наречий состояния (по терминологии д-ра Ямада), оканчивающихся на *ни*, из наречий переходит в разряд адъективных глаголов. То же относится и к адъективным глаголам письменного языка. В классификации частей речи это явление должно быть названо революцией.

4. Чем же отличаются адъективные глаголы от глаголов и предикативных прилагательных по употреблению? Относительно этого д-р Хасимото говорит следующее:

«Адъективные глаголы во многом совпадают с предикативными прилагательными и, наоборот, они не совпадают с глаголами. Расхождений же с прилагательными у них почти нет; кроме того, совпадение с глаголами, имеющееся в письменном языке, в разговорном является пунктом расхождения и, наоборот, формы совпадения с предикативными прилагательными (например, повелительная форма, существующая у адъективных глаголов в письменном языке) в разговорном языке вышли из употребления; в письменном языке служебные глаголы, за исключением глаголов-связок и глаголов сравнения, не присоединяются к пре-

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

дикативным прилагательным; в разговорном языке кроме них стали присоединяться служебные глаголы *у* и *та*. (Д-р Хасимото присоединяет к предикативным прилагательным слова разговорного языка, которые спрягаются по типу *кари*.— *Прим. Киэда*.) И поскольку со стороны значения отделить адъективные глаголы от предикативных прилагательных трудно, то я считаю, что в разговорном языке их можно объединить и противопоставить глаголу»[21]. Однако не рассматривая слова разговорного языка, спрягающиеся по типу *кари*, ни как глаголы, ни как предикативные прилагательные, я отношу к адъективным глаголам и слова разговорного языка, спрягающиеся по типу *нари*, на том основании, что у них есть приёгэнная форма, что они употребляются и заключительно и наречно, что они имеют различные заключительные и приименные формы и что хотя они обладают предположительной формой, но служебное слово *ба* при ней не обязательно. Иначе говоря, я отношу их к адъективным глаголам на основании тех особенностей, которые не позволяют отнести их ни к глаголу, ни к прилагательному.

5. Употребление форм спряжения:

1) Незавершенная форма: (первая форма спряжения) — *Коно хэн ва* ***сидзука дарō*** (*дэсē*) 'В этой местности, вероятно, тихо' [7].

2) Приёгэнная форма: (вторая форма спряжения) — *Нара ва* ***сидзука датта*** (*дэсйта*) 'В Нара было тихо'.

(эта форма является фонетически измененной, но в разговорном языке она употребляется как правильная).

3) Срединная форма: (то же) — *Нара ва* ***сидзука дэ***, *Кēто ва одаяка да* (*дэсў*) 'В Нара тихо, в Киото покойно'.

4) Наречная форма: (то же) — *Осака ва* ***сидзука дэ най*** (*арисэн*) 'В Осака не тихо'.
Рофў мо ***сидзукани*** *нару* 'Ветер и волны стихают'.

5) Заключительная форма: (третья форма спряжения). — *Коно хэн ва* ***сидзука да*** (*дэсў*) 'В этой местности тихо'.

С этой формой сочетаются служебные слова *то*, *кэрэдомо*, *га*, *нони*, *кара*, *си*, *дзо*, *на*, *ё*, *нэ* и т. д.

6) Приименная форма: (четвертая форма спряжения) — *Коно хэн ва* ***сидзукана*** *токоро да* 'Эта местность — тихое место'.

(*Нанто* ***сидзука да*** *кото* (*дэсў моно*) 'Как тихо'.)

Это *кото*, как и *моно*, на что указывает и Хасимото, и по значению и по употреблению отличаются от обычных тайгэнов [8], потому правомерней не считать форму *сидзука да* приименной. Служебные слова *нони*, *нодэ*, *но* сочетаются именно с этой формой.

7) Условная форма: (пятая форма спряжения) — *Атари-га* ***сидзука нара*** *уцурō* 'Если окрестности тихие, переедем'.

Хотя форма *сидзука нарэба* 'если тихо' и употребляется, но она не является нормативной. Обычно к предположительной форме присоединяется *ба*, так что выражение условности без присоединения *ба* представляет собой исключение, на которое следует обратить внимание. Этой же формой выражается и параллелизм, например:

Карада мо дзёбу ***нара***, *дзунō мо мэйсэки дэсӯ* 'И здоровье крепкое и голова ясная'.

8) Завершенная форма: (то же) — *Атари-га* ***сидзука нарэба*** *косо уцутта но да* 'Переехал оттого, что окрестности тихие'.

Это *нарэба* употребляется и для выражения параллелизма, например: *карада мо* ***дзёбу нарэба*** *дзунō мо мэйсэки дэсӯ*.

В таком же значении употребляется и следующий оборот:

Карада мо ***дзёбу нари***, *дзунō мо ёй но да кара кэккō да* 'И здоровье крепко, и голова хорошая — прекрасно'.

Это пример употребления в разговорном языке приёгэнной формы «спряжения *нари*» письменного языка.

Таблица 55

Спряжение *кō* (*сō*, *ā*, *дō*) *да*

	Незавершенная форма	Приёгэнная форма	Заключительная форма	Приименная форма	Условная форма (завершенная)
кō *сō* *а* *дō* } 'так' 'как'	*дара*	*дат* (たつ) *дэ* { срединная наречная	*да*	*конна* *сонна* *анна* *донна* } (*да*)	*нара* (*нарэ*)
кō *сō* *а* *дō*	*дэсэ*	*дэсй* *дэ* { срединная наречная	*дэсӯ*	*конна* *сонна* *анна* *донна* } (*дэсӯ*)	*нара* (*нарэ*)

Повелительной формы нет.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

6. Считается, что в спряжении *сидзука дэсу* приименная и условная формы отсутствуют и нет вежливых форм, соответствующих формам *сидзукана*, *сидзука нара*, а поэтому неправильно уподоблять их окончаниям *на*, *нара*. В этом есть доля правды, но на самом деле эти формы употребляются для восполнения отсутствующих. Поэтому допустимо их смешение.

7. В число адъективных глаголов, соответствующих «спряжению *нари*» письменного языка, я включаю слова, помещенные выше в таблице № 55.

Употребление форм:

1) Незавершенная форма: (первая форма спряжения) — *Мондай-но кайкэцу ва* ***кō дарō*** (→***кō дарау***; *кō дэсē*) ‘Разрешение вопроса будет таково’.

2) Приёгэнная форма: (вторая форма спряжения) — *Мондай-но кайкэцу ва* ***кō датта*** (*кō дэсйта*) ‘Разрешение вопроса было таково’.

3) Срединная форма: (то же) — *Уваса ва* ***кō дэ***, *дзиссай ва а́ да* (отд. формы нет) [9] ‘Слух вот таков, а действительность вон какова’.

4) Наречная форма: (то же) — *Хонтō-но кайсяку ва* ***кō дэ най*** (отдельной формы нет) ‘Подлинное толкование не таково’.

5) Заключительная форма: (третья форма спряжения) — *Дзидзицу ва* ***кō да*** (*кō дэсу*) ‘Факт таков’

6) Приименная форма: (четвертая форма спряжения) — *Тотō* ***конна*** *кото-ни наттэ симатта* (отдельной формы нет) ‘В конце концов вышло такое дело’.

7. Условная форма: (пятая форма спряжения) — *Кэкка-га* ***кō нара*** (***коннара***, ***кō нарэба***) *ёкарō* (отдельной формы нет) ‘Если результат таков, будет хорошо’.

Слова *кō да*, *сō да*, *ā да*, *дō да* отличаются от *сидзука да* тем, что они не имеют наречной формы с окончанием *ни*, а их приименная форма имеет вид не *кōна*, *сōна*, *āна*, *дōна*, а *конна*, *сонна*, *анна*, *донна*. О различиях в орфографии Мацусита Дайдзабуро пишет следующее (привожу его теорию полностью) [10]:

«Об орфографии *ко*, *со*.

ко	*корэ*	*кора*	*коно*	*кō*←(*коу*)	*конна*
со	*сорэ*	*сора*	*соно*	*сō*←(*соу*)	*сонна*
а	*арэ*	*ара*	*ано*	*ā*←(*аа*)	*анна*
до	*дорэ*	*дора*	*доно*	*дō*←(*доу*)	*донна*

Из этой таблицы видно, что в основе лежат *ко*, *со*, *а*, *до*; как *ā*, *дō* образовались из *а*, *до*, так и *кō*, *сō* образовались из *ко*, *со*.

Однако в древности существовали слова *каку* (斯く), *сйка* (然), *са* (然) 'так'. *Каку* благодаря фонетическому изменению превратилось в *кō*. *Са* не изменилось в *сō*. Возникновение *каку* и *сйка* относится к бесписьменному периоду, появление *кō* (*кау*) — к началу периода Хэйан. В то время оно произносилось так, как писалось, т. е. *кау*. К концу периода Хэйан оно стало произноситься *кō*, и одновременно к этим из *со*, *а*, *до* образовались *сō*, *ā*, *дō*. *Кау* же осталось как фонетическое изменение *каку*. Однако *кō* (*коу*), употреблявшееся наравне с *сō*, *ā*, *дō*, образовалось по аналогии с ними непосредственно от *ко* (此). Таким образом, это *кō* породило *кō* (斯う, т. е. かう *кау*), но несомненно, что оно само произошло от *ко* (此), иначе не возникло бы *конна*. Образование *конна* есть свидетельство того, что *кō* произошло из *ко* (此).

Но и *каку* (斯), существовавшее издревле, происходит от *ко* (此). *Сйка* и *са* образовались из *со*. *Мосйку* 'если', *кэдасйку* 'вероятно', *сӯкосйки* 'немного', *расйки* 'похожий' и т. д.— все это слова, застывшие в одной из форм несостоявшегося «спряжения *ку*» или «спряжения *сйку*». Точто так же *ко* есть одна из форм слова *ко* (此) из «спряжения *ку*». По ассоциации с *каку* (此く) оно стало произноситься *каку*. *Со* употреблялось в значении *соку* (其く), но стало произноситься *сйка* и *са*. Слова *коку* и *соку* в письменных памятниках не встречаются.

Орфография была исправлена только Кэйтю при изучении «Манъёсю». Но она касалась лишь письменного языка, орфография слов разговорного языка еще и сейчас изучается далеко недостаточно. С середины периода Мэйдзи началось изучение грамматики разговорного языка, и орфография слов этого языка тоже стала привлекать к себе внимание. Полагали, что в письменном языке существуют слова *кō* (斯う, т. е. かう *кау*) и *са*, поэтому *кō* и *сō* нужно писать かう *кау*, さう *сау*, но на слова *ōō*, *ā* смотрели иначе. Куда годится такое поверхностное изучение! Правильная орфография письменного *кō* かう (*кау*), а разговорных *кō* こう (*коу*), *сō* そう (*соу*)»[22].

По этому же вопросу Киндаити Кёскэ пишет следующее:

«Слова *сō*, *кō* в *сō суру*, 'делать так', *кō суру* 'делать так' обозначают состояние, т. е. имеют то же значение, что и *са* (*сйка* 然) *суру* и *каку суру*. Относительно образования *сō* из *са* до сих пор существуют сомнения. Однако если учесть, что *со* появилось после того, как *каку* в силу фонетического изменения превратилось в *кау*, то, видимо, *сō*さう (*сау*) образовалось по аналогии с *кō* かう (*кау*) в эпоху раннего средневековья.

Существует мнение, что *сō* есть продленное *со*, но это неверно, так как *со* — это *сорэ* 'это', т. е. слово, не обозначающее состояние. Слово, обозначающее состояние,— это *са*, например: *са ару*

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

кара 'оттого, что есть так', *са арэба* 'если есть так', *са сурэба* 'если сделать так' и т. п. Они превратились в *сō ару кара*, *сō арэба*, *сō сурэба*, что произошло после добавления 𞤵 (*у*). Скорее всего — это результат аналогии с параллельным *кō* 𞤲𞤵 (*кау*). *Каку* перешло в *кō* (*кау*) в силу фонетического изменения; это чисто фонетическое явление. Однако превращение *са* в *сō* (*сау*) относится к области словообразования; форма одинаковая, но процесс другой»[28].

В связи с этим можно думать о зачислении слов *конна да*, *сонна да*, *анна да*, *донна да* в разряд адъективных глаголов, но у них нельзя установить правильного спряжения. Не есть ли это результат выпадения тайгэна *кото* или *моно*, стоящего за приименной формой *конна* и т. д., в результате чего непосредственно за приименной формой следует связка *да*? Не произошли ли таким же образом *коннани*, *соннани*, *аннани*, *доннани*, напоминающие наречную форму? Если так, то их нельзя назвать адъективными глаголами. Вопрос подлежит дальнейшему изучению (есть и слова *конна дэ* и т. д.).

Адъективных глаголов, соответствующих «спряжению *тари*» письменного языка в разговорном языке нет. Существуют слова, заставляющие касаться этого вопроса, например:

Карэ-но фӯсай ва дзицуни ***дōдōто****-сйтэ иру* 'Его осанка поистине **импозантна**'.

Каккото*-сйта иси-о моцу кото-га ёй* 'Хорошо иметь твердую волю'.

Нингэн ва ***каккотару*** *иси-о мотанакэрэба наран* 'Человек должен иметь **твердую** волю'.

Некоторые считают, что *дōдōто*, *каккото* — наречия, однако это — употребленная в разговорном языке наречная форма «спряжения *тари*» письменного языка. Некоторые рассматривают *каккотару* наряду с *коно* 'этот', *арауру* 'всяческий', *ару* 'некий' как приименное слово, но на самом деле оно представляет собой употребленную в разговорном языке приименную форму «спряжения *тари*» письменного языка. Зачисление таких слов в наречия или приименные исходит из стремления рассматривать их только в пределах разговорного языка. Но поскольку современный разговорный язык находится в состоянии смешения с письменным языком, то когда в него входят слова, подчиненные законам письменного языка, их нужно рассматривать в соответствии с этими законами. Указанные выше слова особенно напоминают об этом.

V. ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

1. Теория отрицания адъективных глаголов

В данной книге мы присоединяемся к теории адъективных глаголов д-ра Ёсидзава в отношении «спряжений *нари* и *тари*», за исключением «спряжения *кари*», и все изложение ведется в согласии с этой теорией. Однако существуют и другие теории, например теория Токуда Киёси.

Токуда считает, что адъективные глаголы всех трех спряжений имеют срединную форму *кари*, *нари*, *тари*, и утверждать, что сверх этого имеется еще срединная форма *ку*, *ни*, *то* неправомерно; он решительно не признает, что *ку*, *ни*, *то* служат окончаниями адъективных глаголов. Согласно его точке зрения, слова с окончаниями *кари*, *нари*, *тари* — глаголы, а слова с окончаниями *ку*, *ни*, *то* — наречия. В настоящей книге слова «спряжения *кари*» рассматриваются как глаголы, поэтому мы оставим их в стороне и коснемся теории Токуда только в отношении *ни* и *то*.

Вышеприведенный пример, использованный Ёсидзава,— *ика-га омоинохока ни окасйкарадзараму* — разъясняется так.

омоинохока ни
окасйкара } *дзараму*

Это возможно потому, что в японском языке действует закон, согласно которому значение самостоятельного предложения, членного предложения и слова определяется последующим словом (кōдзокуго 後續語). Последующее слово подхватывает предыдущие предложения или слова как некое единое целое. Это подхватывание (какариукэ 係り承け) нужно строго отличать от простого присоединения и следования. Приведем такой пример.

Хйто ва онорэ-о цудзумаякани си огори-о нокэтэ такара-о мотадзу, ё-о мусаборадзараму дзо имидзикарубэки (Цурэдзурэгуса) 'Надо признать замечательным, если человек держит себя скромно, сторонясь излишеств, не имеет богатства и не жаждет славы'.

То, что *му* подхватывает *дзу*, заставляет предположить, что *дзу* — незавершенная форма служебного глагола отрицания *дзу*, к которой присоединяется *му*. Однако на самом деле это не так: ведь к незавершенной форме *дзу* служебный глагол *му* не присоединяется; *дзу* распространяется на *му* по смыслу. Это объясняется тем, что *му*, присоединяясь к *мусабора*, подхватывает *такара-о мотадзу ё-о мусаборадзара*, т. е. последующее слово подхватывает предложение или слова как целое, присоединяясь при этом к конечному слову; таким образом, в данном случае к предыдущему слову может быть присоединено другое слово. Короче говоря, когда налицо такое подхватывание, то и без присоединения определить значение вполне возможно. Поэтому *омоинохока ни* не

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

присоединяет *дзари*, а *омоинохока ни окасйкара* похватывается этим *дзари*. Таким образом, определяется значение и выражается отрицание. Итак к *омоинохока ни* присоединять *дзари* незачем, а значит незачем рассматривать как адъективный глагол и *омоинохока ни*. Поэтому Токуда считает *омоинохока ни* наречием[24].

Очень хорошо, что Токуда различает подхватывание (укэцуги 承接) и присоединение, однако я считаю, что при употреблении ёгэна в качестве срединного сказуемого по существу имеется временная форма ёгэна, развертывание которого прегражденo последующим словом. Поэтому, если за последующим словом стоит присоединяющееся к нему особое слово, то оно может быть присоединено и к срединной форме. Если бы в вышеприведенном примере не было последующего слова, то он имел бы вид *омоинохоканарадзараму*. Этот ёгэн принял срединную форму *омоинохока ни* потому, что появление последующего слова *окасикара* преградило путь для его развертывания.

По той же причине и *такара-о мотадзу* из второго примера *такара-о мотадзу ё-о мусаборадзараму* должно было бы иметь форму *такара-о мотадзараму*, если бы не было *ё-о мусаборадзара*. У *дзари* приёгэнная форма не может служить срединным сказуемым, а к незавершенной форме *дзу* не присоединяется *му*. Поэтому для первого глагола употреблено *дзу*, приёгэнная форма которого может служить срединным сказуемым, а для второго — *дзари*, к незавершенной форме которого может быть присоединено *му*.

Я думаю, что в данном случае нужно резко отличать параллелизм от наличия срединного сказуемого. В примере *киёки наоки аки кокоро* (п. я.) 'чистое, прямое, светлое сердце' слова *киёки*, *наоки* параллельно слову *аки* служат определением при *кокоро*. Можно удалить последующее слово, но форма предыдущего не изменится, поскольку развертывание не прегражденo. Наличие срединного сказуемого в широком смысле есть вид параллелизма, однако мне кажется, что в основном своем значении то и другое — это разные вещи, например:

Харуиро-но итари итараӈ сато ... сакэру сакадзару хана (Кокинсю) 'селения, куда блеск весны дошел и не дошел.., цветы цветущие и не цветущие...'

На первый взгляд это можно понять как

1. *итари* / *итара* } *ӈу сато*; 2. *сакэру* / *сака* } *дзару хана*

Однако по смыслу это надо понимать иначе:

3. *итари* / *итараӈу* } *сато* 4. *сакэру* / *сакадзару* } *хана*

В п. 4 *сакэру* и *сакадзару* параллельны (*ру* и *дзару* — приименные формы), и оба служат адъективным определением к *хана*. *Итари* в п. 3 — срединная форма, поэтому можно думать, что *ну* от *итарану́* отрицает и последнее, т. е. здесь налицо такое же соотношение, как и в п. 1. Однако на самом деле *ну* отрицает только *итара* и к *итари* не относится. Можно полагать, что первоначально и здесь параллелизм требовал приименной формы, как в п. 4; срединная форма *итари* появилась потому, что звук *ру* был неподходящим (звуки не касаются грамматики, но это важный вопрос поэтики). Однако поскольку *итари* и *итара*, *сакэ* и *сака* — соответственно слова с одинаковым словарным значением, то если бы одно не отрицало, а другое не утверждало, они не могли бы служить определением к одному слову *сато*, *хана*. Вот почему *итари*, будучи параллельно *итарану́*, приняло срединную форму.

Считая слова, спрягающиеся по типу *кари*, *нари*, *тари*, глаголами, а слова с окончаниями *ку*, *ни*, *то* — наречиями, Токуда при объяснении употребления последних в качестве срединного сказуемого оказался вынужденным выдвинуть теорию о предикативности наречий. В подтверждение того, что наречия обладают предикативностью, как и тайгэны (*арэ ва гаккō*, *корэ ва гинкō* 'то — школа, это — банк'), он приводит такие примеры:

Ину ва ван-ван, *нэко ва ня-ня* 'Собака гав-гав, кошка мяу-мяу';

Дōдзо о-ми-о о-тайсэцуни 'Пожалуйста, берегите себя' (букв. 'себя бережно').

Правда, когда наречие оказывается в сказуемостной позиции, оно приобретает предикативность, но если бы наречия обладали предикативностью, последняя проявлялась бы шире в функции всех наречий. А между тем употребление наречия как сказуемого — весьма редкое явление, так что такое употребление нужно рассматривать не как функцию наречий, а скорее как исключительное явление, возникающее при особых условиях.

Что касается этимологии *нари* и *тари*, то Токуда отрицает теорию о том, что *нари* и *тари* возникли в результате сокращения *ни ари*, *то ари*, *тэ ари*. По-видимому, он считает, что с самого начала существовали самостоятельные слова *нари* и *тари*. Но, поскольку он не говорит об этом подробно, мы не будет останавливаться на данном вопросе.

Короче говоря, я стою на той точке зрения, что принять теорию Токуда, отрицающую существование адъективных глаголов, нельзя.

2. Теория предикативных прилагательных особого характера

Предикативными прилагательными особого рода называет адъективные глаголы Цуруда Цунэёси[25]. Он обосновывает это тем, что все они имеют две отличительные особенности: 1) выражают

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

то же значение, что и предикативные прилагательные; 2) дополняют последние. Он считает нецелесообразным применять наименование «адъективные глаголы», поскольку в разговорном языке приходится включать в этот разряд слова, по форме отличающиеся от глаголов, а это неправомерно. Но в изложенных выше теориях д-ра Ёсидзава и д-ра Хасимото данный вопрос уже разрешен.

3. Четырехступенчатое спряжение слова *котонари*

Котонари 'отличаться' — адъективный глагол «спряжения *нари*». Следовательно, согласно правилам, в завершенной форме он не может иметь *ри*, а в прииенной — *тэ*, *тари*. Ведь не говорят: *сидзука нарэри*, *сидзука наритэ*, *сидзука наритари*. Однако можно сказать: *котонарэри*, *котонаритэ*, *котонаритари*, потому что *котонари* стало спрягаться по четырехступенчатому спряжению. Этот вопрос ставится и в «Перечне допускаемых отступлений от грамматических норм» (п. 4). В «Первом докладе по изучению проекта реформы ныне действующих грамматических правил» говорится следующее:

«О четырехступенчатом спряжении *котонари*.

В последнее время в обиходе участились случаи спряжения *котонари* по четырехступенчатому спряжению. Однако с точки зрения унификации, согласно средневековой грамматике, правильней спрягать это слово как тайгэн *кото* (殊) 'особо' с служебным глаголом *нари*. Например, в текстах:

Средневековом	В современном обиходном
Корэ ва дзэнся-то кото ни сйтэ	*Корэ ва дзэнся-то котонаритэ*
'Это, отличаясь от	предыдущего...'
Хякудзи сэкидзи-то кото нари	*Хякудзи мукасидоки-то котонаритари*
'Сотни вещей отличаются от старых времен'.	
Вага икэн ва бини сёкун-то кото нари	*Вага икэн ва оини сёкун-то котонарэри*
'Наше мнение весьма отличается от вашего'.	
Сэйсицу-но кото нару хйто	*Сэйсицу-но котонаритару хйто*
'Человек с другим (отличным) характером'.	

Заключительная форма данного слова — *котонари*, поэтому, если оно действительно было бы образовано присоединением глагола-связки *нари* к тайгэну *кото* (殊), то его не стали бы спрягать вторично по неправильному спряжению по столбцу *ра*, т. е. *котонарэри*, *котонарэру* или, с присоединением *тари* — *котонаритари*, *котонаритару*. Однако, когда не думают о заключительной форме, то нередко ошибочно употребляют указанные формы. Это делают не только простые люди, форма *котонаритэ* встречается даже у Гимона. Глагол *китару* 'придти', будучи сокраще-

нием *китэ ару*, должен был бы спрягаться по неправильному спряжению по столбцу *ра*, между тем еще в древние времена он отошел к четырехступенчатому спряжению (говорят *китаран*, *китари*); спрягается он и по неправильному спряжению по столбцу *ра* с формами *китарэри*, *китаритари*; а вместе с *ори* он спрягается и по четырехступенчатому спряжению. Таким образом, по-видимому, можно считать правильными и формы *котонарэри*, *котонарэру* и т. п. Однако в то время, как глагол *ори* изменил в заключительной форме *ри* на *ру*, *котонари* в заключительной форме еще не оканчивается на *ру*. Таким образом, это слово не относится полностью ни к четырехступенчатому спряжению, ни к неправильному спряжению по столбцу *ра*»[26].

Здесь говорится, что слово *котонари* образовано из тайгэна *кото* (殊) и глагола-связки *нари*, однако еще неизвестно, является ли здесь *кото* тайгэном, а *нари* связкой. Относительно форм спряжения возражений нет.

ПРИМЕЧАНИЯ АВТОРА

[1] Оцуки, II, стр. 51, цит. в данной книге в гл. IV, на стр. 130.
[2] Хага, Мэйдзийская грамматика (III).
[3] Ёсидзава, О так называемых адъективных глаголах (VIII).
[4] Там же.
[5] Оцуки, II, стр 49.
[6] Имеется в виду статья, указанная выше в прим 3.
[7] Мицуя, I, стр. 125.
[8] Там же, стр. 127 — 128.
[9] В «Энандзи» (淮南子, кит. «Хуай наньцзы»).
[10] Мицуя, I, стр. 125.
[11] Хасимото, Об адъективных глаголах в родном языке (VIII), стр. 399—400.
[12] Там же, стр. 401, 405 — 406.
[13] Там же, стр. 28 — 29.
[14] «Высший курс лекций по родной грамматике» (Киэда, V, стр. 185). и «Высший курс лекций по разговорному языку» (Киэда, VI, стр. 229).
[15] Хасимото, VIII, стр. 20 — 23.
[16] Киэда, VI, стр. 242 — 248.
[17] Юдзава, I, стр. 117.
[18] Хасимото, VIII, стр. 117.
[19] Ямада, I, стр. 87 — 90.
[20] Мацусита, I, стр. 95.
[21] Хасимото, VIII, стр. 30.
[22] Мацусита, I, стр. 110— 112.
[23] Киндаити, Фонетика родного языка, стр. 268.
[24] Токуда, Приименные слова и адъективные глаголы (II). Та же теория изложена в I, стр. 131 — 141.
[25] Цуруда, V, стр. 102 — 111.
[26] «Гэнкон ф. б. к. т. х.», стр. 43 — 45.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Приименное

I. ПОДЧИНЕННОЕ СЛОВО

Подчиненное слово (фукуёго 副用語), как уже указывалось в разделе о классификации слов, представляет собой один из видов знаменательного слова и противопоставляется самостоятельным и независимым словам. Способность выражать самостоятельное понятие у них такова же, как и у самостоятельных слов, однако они не могут быть ни подлежащими, ни сказуемыми, которые составляют костяк предложения. Следовательно, это слова, которые всегда зависят от самостоятельных слов и употребляются как второстепенные члены предложения. Разумеется, такие самостоятельные слова, как глагол, предикативное прилагательное и адъективный глагол, обладающие предикативностью, могут употребляться в качестве подчиненных слов, о чем уже говорилось в разделах, посвященных рассмотрению функций каждой из этих частей речи. Однако предикативные слова, согласно своей основной функции, могут употребляться в роли сказуемого, тогда как подчиненные слова такого употребления не имеют. В этом заключается одно из различий указанных категорий слов.

Кроме того, подчиненное слово и самостоятельное слово существенно отличаются друг от друга по внешнему признаку — месту в предложении. А именно, подчиненное слово всегда стоит перед тем знаменательным (т. е. самостоятельным) словом, от которого оно зависит и при котором оно употреблено, и никогда не встречается после него. В японском языке существует железный закон, а именно: подчиненное слово стоит перед словом, которому оно подчиняется. Наоборот, формальные слова никогда не стоят перед знаменательными словами, а непременно следуют за ними. Таким образом, в японском языке существует и другой нерушимый закон, согласно которому слово, приданное (фудзокў-суру附屬する) другому слову, стоит после него. В этом заключается различие между подчиненными словами, с одной стороны, и вспомогательными и релятивными словами — с другой.

Нет необходимости говорить о том, что подчиненное слово неспрягаемо. Разумеется, основная его функция — служить определением в качестве второстепенного члена предложения.

Итак, слово, которое может только стоять перед другим словом, а по функции употребляется только как определение и не может выступать в роли подлежащего, является не чем иным, как подчиненным словом. Подчиненные слова можно разграничить в зависимости от свойств слова, определением к которому они являются. А именно, подчиненные слова делятся на две части речи. Одна — прииенные слова (рэнтайго 連體語), другая — приёгэнные слова (рэнъёго 連用語). Прииенные слова, как правило, определяют тайгэн, приёгэнные слова главным образом определяют ёгэн. Прииенные слова называют прииенными (рэнтайси 連體詞), а приёгэнные слова — наречиями (фукуси 副詞). Различие между прииенными и наречиями заключается в том, что предметом определения первых являются тайгэны, а вторых — ёгэны. Определение с помощью прииенного слова является адъективным определением (иначе говоря, прииенным определением), а определение с помощью наречия — наречным определением (иначе говоря, приёгэнным определением). При соблюдении соответствия в наименованиях термину «прииенные слова» следовало бы противопоставить термин «приёгэнные слова», однако мы, следуя старому наименованию, будем пользоваться термином «наречие».

II. СУЩНОСТЬ ПРИИМЕННОГО

Прииенным (рэнтайси 連體詞) называется слово, которое выполняет единственную функцию — функцию адъективного определения к тайгэну, и не может быть отнесено к какой-либо другой части речи. Нельзя считать прииенными такие слова, которые, хотя и выступают как адъективное определение к тайгэну, однако могут рассматриваться и как другая часть речи (или как аффикс), например:

вакаки *тоси* 'молодой возраст' (предикативное прилагательное); ***саку*** *хана* 'цветущий цветок' (глагол); ***гайгай-тару*** *юки* 'серебристый снег' (адъективный глагол); ***Фудзияма-но-тёдзё*** 'вершина Фудзи' (существительное и служебное слово); ***карэ-но*** *сёсэки* 'его книга' (местоимение и служебное слово); ***омосироно*** *амэ* 'приятный дождь' (основа предикативного прилагательного и служебное слово), ***карисомэно*** *какурэ* 'временное убежище' (наречие и служебное слово) и т. д.

Однако посмотрим, что представляют собой другие примеры:

1. ***Коно*** *хон* 'эта книга'; ***соно*** *цўкуэ* 'тот стол'; ***кано*** *хйто* 'тот человек'; ***ано*** *фудэ* 'та кисточка'; ***доно*** *ути* 'какой дом'; ***вага*** *куни* 'наша родина'.

2. ***Ару*** *хи* 'некий день' (однажды); ***сару*** *токоро* 'некое место'; ***тоару*** *иэ* 'некий дом'.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

3. ***арагору*** *сэйбуцу* 'всевозможные живые существа'; ***иваюру*** *дзиюси* 'так называемый свободный стих'.

Группа 1. Примерами этой группы служат слова, образованные путем присоединения к местоимениям *ко* 'это', *со* 'тот', *ка* 'тот', *а* 'тот', *до* 'какой', *ва* 'я, мы' падежного служебного слова *но* или *га*. О том, что в местоимениях предметных или личных — *корэ*, *сорэ*, *карэ*, *арэ*, *варэ* — первая часть *ко*, *со*, *ка*, *а*, *ва* и т. п. имеет самостоятельное употребление, уже подробно говорилось в главе о местоимениях (стр. 105—106). Но здесь следует указать на то, что в современном языке, в особенности в разговорном, самостоятельно они употребляются только в приведенном выше виде, например: *Канто̄ тихо̄-но дайдзисин ва тайсе̄ дзю̄нинэн-но кугацу итинити-дэ атта. Коно токи ва...* 'Великое землетрясение в районе Канто произошло 1 сентября 12 года Тайсё. В это время...'

Масасигэ то соно бука ва... 'Масасйгэ и его дружина...'[1]

В этих предложениях *ко* указывает на тайгэн *дайдзисин*, а *со* — на тайгэн *Масасигэ*. В предложении *Коно мокӯхэн ва хатасйтэ Акирамаса-но мэ-ни иритэ соно кимо-о убаину* 'Эта дощечка, попавшись на глаза Акирамаса, действительно подорвала его мужество'[2] *со*, указывая на слово Акирамаса, замещает его. Следовательно, можно сказать, что как местоимение оно имеет самостоятельное употребление. Однако в примерах первой группы эти слова просто подчеркнуто указывают на следующий за ними тайгэн. При таком употреблении *ко*, *со*, *ка*, *а*, *до*, *ва* (*ѣ*) без служебных слов *но* или *га* утрачивают способность указательной функции. Поэтому слова *коно*, *соно*, *кано*, *ано*, *доно*, образованные путем присоединения *но* или *га*, нужно рассматривать как целые слова.

Можно полагать, что поскольку д-р Оцуки обращает внимание на этот факт, постольку он его признает:

«Вообще местоимения замещают имена существительные, но при присоединении частицы *но* к *ко*, *со*, *а*, *ка* возникают слова с другим значением: тогда они не замещают существительное, а, стоя перед ним, только указывают на него и потому называются указательными (demonstrative) местоимениями. Например, обычные местоимения, замещая в *хйто-га* 'человек' (им. п. *Н. Ф.*), *хана-о* 'цветок' (вин. п. *Н. Ф.*) существительные, принимают вид *корэ-га*, *сорэ-о*; а указательные местоимения имеют при себе имена существительные и, находясь перед ними, образуют выражения *коно хйто-га* 'этот человек', *соно хана-о* 'этот цветок', т. е. указывают на последующие существительные»[3].

Возражая против этого, д-р Ямада считает, что местоимения благодаря своей указательной функции в приименной позиции приобретают особые свойства:

«Издавна употребление местоимений в приименной позиции двояко. Во-первых, они соответствуют так называемым притя-

жательным местоимениям западных языков: таковы *вага тити* 'мой отец', *ё-га синъю̄* 'мой друг', *нандзи-но ани* 'твой брат', *карэ-но куцу* 'его ботинки', *тарэ-но цӯкуэ* 'чей стол', *та-га моно* 'чья вещь', *корэ-но фудэ* 'его кисть', *сорэ-но ита* 'его доска', *арэ-но тэ* 'его рука'. Находясь в приименной позиции, они указывают, кому принадлежит предмет, обозначенный существительным. В таких случаях владелец существует сам по себе, помимо последующего тайгэна, и замещается местоимением. Во втором случае они соответствуют адъективным или указательным местоимениям (demonstrative pronoun) западноевропейских языков. Таковы *ано яма* 'та гора', *коно сёнэн* 'этот подросток'. Во-вторых, они не замещают другое слово, а только указывают на последующее существительное. В данном случае в приименной позиции трудно отличить употребление указанных слов от употребления их в первом случае. Однако способы их употребления глубоко различны. При последнем употреблении они выступают как местоимения 3 лица в форме *коно*, *соно*, *кано*, *ано* и не принимают *рэ*. (В старом языке это было не обязательно.) На основе этого употребления *корэ*, *сорэ*, *арэ* стали называть указательными местоимениями и ошибочно выделять их в особую группу слов»[4].

Оставив в стороне вопрос о пригодности термина «указательные местоимения», обратимся к рассмотрению самого такого специфического употребления. Несмотря на то, что *ко*, *со*, *ка*, *а*, *ва* и т. п. могут употребляться самостоятельно в позиции подлежащего или прямого дополнения, все-таки при употреблении их в указательном значении отделять их от последующего падежного служебного слова и рассматривать их грамматически самостоятельно неверно; в современном разговорном языке, где эти местоимения не имеют самостоятельного употребления, *коно*, *соно*, *кано*, *ано*, *доно*, *вага* следует рассматривать как целые слова.

Группа 2. Слова этой группы — *ару сару* — по происхождению представляют собой приименную форму глаголов *ари* 'быть', *сари* (然り) 'быть таким'. Утратив первоначальное значение глагола, они стали употребляться только в приименной форме в особом значении «некий, некоторый»; прочие формы совершенно вышли из употребления. Другими словами, их нельзя считать формами спряжения, сохранившими первоначальные значения глаголов *ари* и *сари*. Это легко понять при сравнении с приименной формой, употребляемой в первоначальном значении:

Гэндзи моногатари-но нака-ни ***ару*** (有る) *котоба* 'слова, имеющиеся в Гэндзи-моногатари' (первоначальное значение);

Гэндзи-моногатари-но нака-ни ару (有る) ***ару*** (或る) *котоба* **'некоторые слова, имеющиеся в Гэндзи-моногатари'** (переосмысленное значение).

Слово *тоару*, образованное присоединением служебного слова

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

то к глаголу *ари*, в современном языке употребляется тоже в значении «некоторый».

Выше, при рассмотрении употребления форм спряжения предикативных прилагательных, уже говорилось о том, что некоторые грамматисты считают такие слова, как *уӱкусйку* в предложении *Хана уӱкусйку саку* 'Цветок красиво цветет', наречиями, образованными в результате конверсии частей речи. Однако это неправильно, поскольку такое употребление является функцией всех прилагательных. Далее в разделе об употреблении числительных говорилось о том, что такие существительные, как *мӗнити* 'завтра', *сайвай* 'счастье, к счастью', *има* 'теперь' и др., служат наречным определением не в качестве существительного в этой позиции, а в качестве наречия, в которое они превратились в результате конверсии частей речи. Если признать такого рода явления конверсии частей речи за факт грамматики, то и особую форму глагола, которая употребляется в ином значении, чем первоначальный глагол, тоже следует рассматривать как конверсию в другую часть речи. Юдзава считает, что если в грамматике установлена такая часть речи, как союзы, которая не является исконной для японского языка, то *ару* и *сару*, изменившие свои функцию и значение, вполне возможно рассматривать как приименные слова, т. е. как часть речи, отличную от глагола. Более того, он считает, что не выделять приименные слова в особую часть речи — это упущение.

Группа 3. Слова этой группы — *араюру* 'всевозможные' и *иваюру* 'так называемый' — тоже образовались в результате присоединения к глаголам *ари* 'быть' и *йу* (*ӱ*) 'говорить' приименной формы *юру* старого служебного глагола пассива *ю* (этот глагол широко употреблялся в период Нара[5]). Однако в дальнейшем служебный глагол *ю* утратил свое самостоятельное употребление; этимология его была забыта; первоначальное значение изменилось; встречается он только в формах *араюру* и *иваюру*, а эти слова употребляются только в роли приименных. Следовательно, поскольку в наши дни совершенно утрачено сознание, что слова *араюру* и *иваюру* состоят из двух слов, постольку их вполне естественно рассматривать как целые слова — приименные. Правда, Мацусита Дайдзабуро (под названием «фӯкӯтайси (副體詞) рассматривающий и те слова, которые мы называем приименными) считает, что *араюру* и *иваюру* таковыми не являются, так как они обладают предикативностью[6]. Действительно, случается, что эти слова употребляются после подлежащего, например *кими-га иваюру синги* 'верность, как ты ее называешь' (*араюру* такого употребления совершенно не имеет). Однако в современном языке в роли сказуемого без определяемого существительного, т. е. в форме *кими-га иваю*, данное слово совершенно не встречается, поэтому исключать его из разряда приименных нет оснований.

Слова, представленные в 1, 2 и 3 группах, являются примерами приименных в самом строгом смысле слова. Но некоторые грамматисты толкуют этот термин более широко и включают в разряд приименных еще и следующие слова [1]:

4. ***Акуру*** *хи* 'следующий день'; ***сару*** *нитиёби* 'прошлое воскресенье'; ***китару*** *нидзю̄гонити* 'наступающего 25-го числа'; ***атару*** *гонити* 'того 5-го числа'.

5. ***Рэйно*** *дзикэн* 'упомянутое происшествие'; ***куданно*** *дзимбуцу* 'упомянутый человек'.

6. ***Мороморо но*** *цуми* 'множество преступлений'; ***умино*** *хаха* 'родная мать', ***коннанно*** *дзидзе̄* 'затруднительные обстоятельства'; ***корэйкино*** *сасагэмоно* 'ничтожное подношение', ***корэтэйно*** *моно* 'такая вещь', ***идзурэно*** *токоро* 'любое место'; ***дайно*** *накаёси* 'большая дружба'.

7. ***Сакудзю̄нити*** 'прошлое 10-е число'; ***ме̄дзю̄гонити*** 'завтрашнее 15-е число'; ***ёкунидзю̄ити*** 'будущее 20-е число'; ***конюдо̄*** 'покойный монах'; ***гайдзимбуцу*** 'вышеозначенный человек'; ***какусансэйся*** 'все согласившиеся'; ***хонкёкай*** 'настоящее собрание'; ***то̄гинко̄*** 'данный банк'.

8. ***Цуйно*** *нодзоми* 'осуществленная надежда'; ***татимати но*** *ма* 'внезапный момент; ***масакано*** *баи* 'маловероятный случай'; ***матано*** *хи* 'еще [один] день; ***сасугано*** *ю̄си* 'герой, как и следует ожидать'; ***хонно*** *мо̄сивакэ* 'чистая отговорка'; ***исасакано*** *кото* 'пустяковое дело'; ***сяхонно*** *се̄соку* 'такая новость'; ***сано*** (些の) *титай* 'малюсенькая задержка'.

9. ***Конна*** *токи* 'такое время', ***сонна*** *эмпицу* 'такой карандаш', ***анна*** *хон* 'такая книга'; ***донна*** *хи* 'какой день'.

10. ***О̄кина*** *хамагури* 'большая раковина'; ***окасина*** *ханаси* 'смешной рассказ'.

11. ***Амарина*** *о-котоба* 'лишние Ваши слова'; ***такусанна*** *фунэ* 'много кораблей'; ***тайсэцуна*** *кото* 'важное дело', ***дзе̄ёуна*** *хйто* 'крепкий человек'; ***сидзукана*** *ёру* 'тихая ночь'; ***кю̄на*** *кото* 'срочное дело'; ***иронна*** *ханаси* 'различные разговоры'.

12. ***Тайсйта*** *гэнки* 'большая бодрость'; ***бакагэта*** *ханаси* 'дурацкая болтовня'; ***тонда*** *мэйваку* 'нелепое беспокойство'.

Группа 4. Слова *акуру*, *сару*, *китару*, *атару* представляют собой приименную форму соответствующего глагола; они не утратили и первоначальное значение глагола. Следовательно, эти слова нужно рассматривать как глаголы. Разумеется, они не являются приименными [2].

Группа 5. Слова *рэй* 'пример', *кудан* 'вышеупомянутое'—существительные: к ним присоединено падежное служебное слово *но*, так что они представляют собой два слова. (*Кудан* является фонетическим изменением слова *кудари*.) В них также не очень изменилось первоначальное значение существительного. Мы не относим их к приименным [3].

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Группа 6. *Мороморо, уми, коннан, дай* и др. слова отличаются по широте значения и употреблению, но все они могут рассматриваться как существительные. Слова *корэсйки, корэтэй* представляют собой соответствующие предметные местоимения в соединении с тайгэнами *сйки, тэй*. При этом слова *сйки* 'форма, система, тип', *тэй* 'вид' имеют здесь то же значение, что и слова *ходо* 'степень', *курай* 'степень' [4].

Слово *идзурэ*, разумеется, является местоимением. Я не включаю его в разряд приименных.

Группа 7. *Саку, мё, ёку, ко, каку, хон, тō* представляют собой префиксы в составе канго, т. е. не являются приименными.

Группа 8. Слова *цуй, татимати, масака, мата, хон, исасака, сяхан* являются наречиями. *Са* (些) также рассматривается как наречие-канго. Наречия могут служить определением к существительному, присоединяя падежное служебное слово *но*. «Способность стоять в приименной позиции наблюдается главным образом у атрибутивных наречий, но и другие наречия тоже могут иногда встречаться в этой позиции. Тогда они обычно присоединяют падежное слово *но*. В такой позиции употребляются чаще всего наречия состояния, как чисто японские, так и канго. Подобное употребление имеют и наречия степени»[7].

Впрочем, указанное употребление присуще не всем наречиям, оно ограничено рядом установившихся выражений, например:

тадано хйто 'простой человек'; *карисомэно какурэ* 'временное убежище'; *сибасино ходо* 'некоторое время'; *тамано санкэй* 'паломничество от случая к случаю'; *ōкатано арисама* 'вид, как бывает большей частью'; *исасакано кото* 'пустяшное дело'.

Мало того, наречия могут выступать самостоятельно как приименные слова при тайгэне и без *но*:

сугу тонари 'сейчас же рядом'; *я миги* 'несколько правее'; *дзутто маэ* 'значительно раньше'; *цуй соко* 'прямо там'; *мō хйтори* 'еще один'; *татта итиэн* 'лишь одна иена'; *тēдо дзю̄нидзи* 'как раз в двенадцать'.

Конечно, такое употребление ограничивается особыми случаями [5]. Указанные наречия, как и все другие наречия, выступают в то же время и в качестве определений при ёгэне. Тем не менее в силу наличия реальных примеров (мы привели их выше), существует теория, которая гласит:

«Так как встречаются случаи, когда наречие подчиняется существительному, а приименное слово — глаголу или наречию (для иллюстрации того, как приименные слова выступают в качестве определения при глаголе или наречии, Мацусита приводит следующие примеры: *кэссйтэ нагури ва симасэн, **хонно** гаварима-сйта* 'отнюдь не бью, **чуть** тронул'; *гоку каруку, **хонно** сӳкоси цӳкэтэ кудасай* 'очень легко, **самую** малость прижмите'; *варэ **соно** сйкарадзару-о сиру* 'знаю, что **он** не таков'.— *Прим. Киэда*) [6],

то понятно, что различие между наречием и приименным словом не состоит в различии между частями речи, которым они подчиняются. Оно состоит в самом способе подчинения. Независимо от того, имеет ли место подчинение существительному, глаголу или наречию, если слово подчиняется сущности значения, значению как таковому — это приименное слово, если же оно подчиняется не значению как таковому, а его функции, его употреблению, то это наречие... На Западе наречие понимается неверно: там его назвали adverb «приглагольное»[8].

Во всяком случае я считаю, что слова из 8-й группы не являются приименными, поскольку каждое из них может быть разделено на наречие и служебное слово.

Группа 9. *Конна, сонна, анна, донна* я рассматриваю, как приименную форму адъективных глаголов *кō да, сō да, ā да, дō да*; следовательно, не причисляю их к приименным.

Группа 10. Не правильнее ли считать *ōкина, окасина* особой приименной формой предикативных прилагательных *ōкий, окасий*? Обычно они не имеют приименной формы *на*, но *нельзя ли полагать, что они образуют квазиприименную форму*, присоединяя к основе *ōки, окаси* суффикс *на*? Поскольку нельзя признать существование адъективных глаголов *ōки да, окаси да* [7], то ничего другого не остается, как рассматривать *ōкина* и *окасина* особой приименной формой предикативных прилагательных.

Группа 11. *Амарина, такӯсанна, тайсэцуна, дзёбуна, сидзукана, кюна, ироннa* — приименные формы адъективных глаголов *амари да, такӯсан да, тайсэцу да, дзёбу да, сидзука да, кю да, ироиро да*, а не приименные слова. Первоначальное значение адъективных глаголов сохраняется и в приименной форме.

Группа 12. Кроме приименной формы *тайсйта* и *бакагэта*, эти слова употребляются и в приёгэнной форме *тайсйтэ, бакагэтэ*, но я думаю, что глаголов *тайсуру, бакагэру* (правда, говорят *бакагэтэ иру*) не существует, поэтому нельзя толковать их как другую часть речи. Сходно с этим и употребление *комагома-сйта ханаси* 'подробный рассказ', *тётто-сйта дзикэн* 'пустяшный инцидент', *сō-сйта дэкигото* 'такое происшествие'. Однако последние можно рассматривать как приёгэнные формы глаголов неправильного спряжения по столбцу *са* — *комагома-суру, тётто-суру, сō-суру* в соединении со служебным глаголом завершенности действия *та*; следовательно, можно не считать их приименными. *Тонда* такая же форма глагола *тобу* 'летать', но поскольку *тонда* имеет совсем другой смысл в ***тонда*** *ханаси-о кийта* 'слышал **нелепый** рассказ', чем в *хикōки-но* ***тонда*** *ханаси* 'рассказ о том, как **летал** самолет', приходится признать это слово приименным. Разумеется, *тондэ* в *тондэмонай кото да* 'нелепая вещь' можно считать приёгэнным употреблением того же слова, но мне кажет-

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

ся, что *най* в этом случае не предикативное прилагательное, а такое же окончание, как в словах *катадзикэнай*, *моттайнай*, и эти *най* следовало бы рассматривать одинаково. В общем вопрос несколько неясен, но, по-видимому, *тайсита*, *бакагэта*, *тонда* можно причислить к приименным.

Коснемся вкратце истории изучения приименных.

Д-р Ямада, говоря об определениях к тайгэну, заметил, что в таких случаях, как *ано яма* 'та гора', *коно сēнэн* 'этот подросток' существительное, на которое указывают *ано*, *коно*, следует за ними; значит *ано*, *кано* и т. д. соответствуют так называемым указательным местоимениям английских грамматик; разумеется, он не употреблял термина «рэнтайси»[9]. Говоря об употреблении тайгэна, он указал, что нужно установить различие между употреблением *нандзи-но* и *карэ-но* в таких случаях, как *нандзи-но ани* 'твой брат', *карэ-но куцу* 'его ботинки' и употреблением так называемых притяжательных местоимений английских грамматик. Указательные он назвал абсолютно-указательными, притяжательные — относительно-указательными. Относительно-указательные употребляются для замещения тайгэна, который имеет отношение к следующему за ними тайгэну, а абсолютно-указательные — это местоимения, которые имеют такой же характер, как следующий за ними тайгэн, например: *коно*, *соно*, *кано*, *ано*, *идзурэно*, *доно*; никакие другие местоимения не способны выполнять абсолютно-указательную функцию (относительно-указательная, разумеется, свойственна всем местоимениям)[10].

Мицуя Сигэмицу под названием «рэнтайси» рассматривает слова *ару*, *араюру*, *иваюру*, *сару*, *корэсйки*, *корэтэй*, причем первые четыре он считает приименной формой глаголов, а последние два — составными словами, но в заключение он говорит: «может быть, пока их можно назвать приименными»[11].

Касио Осаму назвал их «сопровождающими словами» (соэси 添詞) и объединил их вместе с наречиями и союзами в одну часть речи, назвав ее «фукўтайгэн» (副體言), что соответствует термину «подчиненное слово»[12].

Цуруда Цунэёси, устанавливая часть речи «рэнтайси», относит к ней слова *иваюру*, *араюру*, *китару*, *сару*, *амарина*, *бкина*, *тайсэцуна*, *такусанна*, *иронна*, *коннанно*, *исасакано*, *дайно*, *хонно*, *коно*, *соно*, *ано*, *доно*, *вага*, *донна*, *конна*, *дзēбуна*, *комакана*[13].

Ясуда Киёмон делит наречия на наречные (фукўкаку фукўси 副格副詞) и приименные (рэнтайкаку фукўси), причисляя к последним *коно*, *соно*, *ано*, *доно*, *вага*, *иваюру*, *араюру*[14].

Мацусита Дайдзабуро устанавливает приименную часть речи под названием «фукўтайси» (副體詞) и относит к ней *коно*, *соно*, *ано*, *доно*, *идзурэно*; *рэйно*, *куданно*, *мороморо но*, *умино*, *матано*, *цуйно*, *сяханно*, *хонно*, *масакано*; *вага*, *онога*: *ару*, *сару* 'некий', *акуру*, *сару* 'прошлый', *китару*, *атару*; *саку* (作), *мē* (明), *ёку*

(翌), *ко* (故), *гай* (該), *каку* (各), *хон* (本), *тō* (當) [8] и некоторые другие.

Как было указано в главе о делении на части речи, приименные (фукўтайси), как и другие части речи, он подразделяет на реальные и формальные.

Реальные фукўтайси делятся на три подгруппы:

а) собственно фукўтайси: *акуру хи* 'следующий день', *какугакўсэй* 'каждый студент'; *мороморо цуми* 'множество преступлений';

б) местоименные фукўтайси: *коно хйто* 'этот человек'; *сопо яма* 'та гора', *ано куни* 'та страна';

в) неопределенные фукўтайси: *идзурэно хйто* 'любой человек'; *доно яма* 'какая (которая) гора'; *бōгакко* 'некая школа';

Формальные фукўтайси делятся на следующие три подгруппы:

а) объектные фукўтайси [9]: *Нинвадзи-ни ару* (或る) *хōси* 'монах, [находящийся] в храме Нинвадзи';

б) паразитарные (寄生) фукўтайси: *куданно отоко* 'вышеупомянутый мужчина', *рэйно хйто* 'вышеупомянутый человек'; *гайдзимбуцу* 'означенная личность';

в) префиксальные фукўтайси: *ару хйто* 'некий человек'; *тōгинко* 'данный банк'; *хондзимусё* 'эта контора'[15].

Юдзава Кокитиро под названием «рэнси» (連詞) [10] рассматривает как отдельную часть речи слова *ару, сару, иваюру, араюру, коно, соно, кано, доно, вага, конна, сонна, анна, донна, ōкина* и т. п.; *иронна, хонно, дайно, рэйно, тайсйта, тонда, сару, китару, атару, тоару*. Юдзава высказывает весьма тонкие мысли по этому вопросу[16].

Такахаси Тацуо в часть речи «фукўтайси» включает слова *коно, соно* и т. д., *идзурэно, сару, китару, ару, рэйно, матано, хонно, вага, онога* и т. д.[17]

Хасимото Синкити, признавая «фукўтайси» частью речи, причисляет к ним только *коно, соно, ано, кано, доно* в разговорном языке, а также *иваюру* и *араюру*. Он говорит следующее:

«Таким образом, вышеприведенные слова, по крайней мере в современном разговорном языке, должны рассматриваться как целые слова, а если так, то к какой же части речи они относятся? Они всегда примыкают к другому слову; их функция — служить определением; подлежащим они служить не могут. Следовательно, и по положению, и по функции они должны принадлежать к разряду подчиненных слов — фукуёгэн, но какое же положение они занимают среди них? Они служат определением, а не соединяют и в этом смысле сходны с наречиями и отличны от союзов. Однако искони характерной чертой наречий является то, что они определяют ёгэн (разумеется, есть наречия, определяющие другие наречия, а некоторые определяют и тайгэн, например *сўкоси мае* 'немного раньше', *я миги* 'несколько правее', но эту способность

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

имеют только некоторые наречия, а именно, наречия степени; но и они, как и все наречия, способны определять ёгэн), тогда как рассматриваемые слова всегда определяют тайгэн. Следовательно, эти слова нельзя отнести ни к одной из доныне существовавших частей речи и надо выделить их в отдельную часть речи. Согласно Мацусита, назовем ее *фукўтайси*»[18].

Наконец, Токуда Киёси подробно развил теорию, отрицающую существование приименных в качестве особой части речи. Его рассуждения вкратце сводятся к следующему[19].

1. *Умэ-но хана имада сакадзу* 'цветы сливы еще не цветут'. В этом предложении наречие *имада* 'еще (не)' подчиняется синтетическому значению, иначе говоря сущности (т. е. смыслу фразы) слова *сакадзу*, а не определяет предикативность этого слова. Так называемые наречия предикации имеют отношение к предикативности сказуемого (т. е. ёгэна), что зависит от соотношения значений того и другого. Однако в отличие от наречий состояния наречия предикации соотносятся с синтетическим значением сказуемого. В этом пункте они совпадают с приименными. В выражениях *яя хигаси-ни татэру иэ* 'дом, стоящий более к востоку', *сугу тонари-ни сундэ иру* 'живет сейчас же рядом' слова *яя* и *сугу* можно рассматривать как наречия, подчиняющиеся *хигаси* и *тонари* и имеющие соответственно значение *хигаси-ни ёрэру токоро* 'место, близкое к востоку' и *ринсэцу-сэру иэ* 'дом, находящийся рядом'; следовательно, и приименные можно рассматривать как наречия. Тем более, что наречия в выражениях *яя акаси* 'довольно красен', *сугу куру* 'сейчас придет' подчиняются сущности слов, т. е. лексическому значению *акаси* и *куру*, совершенно так же, как подчиняются одному слову так называемые приименные. Поэтому, как уже говорилось выше, приименные можно рассматривать как наречия и нет надобности выделять их в отдельную часть речи. Затем, такие наречия, как *яя*, *сугу*, собственно, определяют лексическое значение совершенно так же, как одно наречие определяет другое наречие. Значит, такие наречия, как *яя*, *сугу*, определяют ёгэн и вместе с тем тайгэн. Они могут быть наречиями наречными и наречиями приименными, согласно мнению Ясуда Киёмон; это объясняется тем, что они являются наречиями реального определения. А приименные наречия могут быть употреблены в заключительной позиции, например: *сорэ ва мэсо̄на* 'это нелепость!', *сорэва-сорэва тийсана* 'ну, и маленький!'

2. *Ару*, *сару* 'прошлый', *сару* 'некий', *тоару*, *китару*, *атару* можно рассматривать как приименную форму глаголов, от которых они образованы. Они только расширили значение и не имеют всех шести форм спряжения.

3. *Коно*, *соно*, *ано*, *кано*, *доно* можно объяснить, если разделить местоимения на собственно местоимения и формальные местоимения. У формальных местоимений реальное содержание абстраги-

ровано, поэтому они должны восполнять следующие за ними слова или предложения, выражающие реальное содержание. Поскольку *ко, со, а, ка, до* — формальные местоимения, то для примыкания их к слову или предложению, имеющему реальное наполнение, требуется еще служебное слово *но*. Поэтому указанные слова можно рассматривать, деля их на местоимение и служебное слово (имеются примеры примыкания к тайгэну и без промежуточного *но*: *коко, соко, доко, кояцу, сояцу, аяцу, дояцу, корэтэй, арэтэй, сорэмоно, корэсйки, сорэсйки, корэгурай, сорэкурай*).

4. Существует теория, утверждающая, что поскольку в новом языке *ко, со, а, ка, до* всегда употребляются с *но*, постольку их нужно считать одним словом; однако в разговорном языке их следует рассматривать как два слова. В современном языке *ко, со* и т. д. без *но* не употребляются потому, что они превратились в формальные местоимения. Точно так же не употребляются отдельно и формальные существительные. Подобно тому как грамматически самостоятельную часть речи образуют частицы, устанавливается и разряд формальных существительных. (Если признавать формальные местоимения, то такие слова, как *сорэдэ* 'поэтому', *сорэкара* 'поэтому', *сорэтомо* 'все же' и т. п., которые издавна трактуются как союзы, можно считать формальным местоимением в соединении со служебным словом.)

5. *Куданно, рэйно* — это соединение существительных *кудан* и *рэй* с служебным словом *но*.

6. *Хэтана* 'неумелый', *бакана* 'глупый' — приименная форма адъективных глаго́лов. *Мэссо̄на, о̄кина, тийсана, окасина, иронна* надо рассматривать как особую форму спряжения предикативных прилагательных. (*Мэссо̄на, тийсана* употребляются и заключительно; изменение формы не наблюдается, но с точки зрения функции налицо и заключительная и приименная форма.)

7. *Бакагэта, комагома-сйта, со̄-сйта* — соединение приёгэнной формы глаголов *бакагэру, комагома-суру, со̄-суру* со служебным глаголом *та*. *Тайсйта* представляет собой соединение недостаточного глагола с *та*. *Тонда* тоже можно разделить на основной и служебный глагол *та*.

8. Что касается *араюру* и *уваюру*, то нельзя ли считать, что *иваюру* и *араюру*, имевшие значение действия и бытия (*ё-ни иваюру, ари-то араюру*), изменили его на значение состояния? Если это так, то, поскольку последние можно разделить на два слова, разве нельзя разделить на два слова и первые? Однако *юру* отдельно не существует. Поэтому я считаю, что во всех случаях его надо рассматривать как глагол особого спряжения. Особое спряжение выражает как действие и бытие, так и состояние.

На основе приведенных рассуждений Токуда делает следующее заключение: «Я полагаю, что, не устанавливая отдельного разряда под названием «рэнтайси», «рэнси»,«фукўтайси» или «рэнтайкаку фу-

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

кўси», соответствующие слова можно трактовать правильно, выделяя особый разряд местоимений, предикативных прилагательных, глаголов или относя их к адъективным глаголам». В этих рассуждениях одни положения совпадают с точкой зрения, изложенной в данной книге, другие не совпадают, но возражения по последним пунктам я здесь опускаю.

В своей последней работе Токуда приблизительно в таком же аспекте критикует прежние теории и заключает: «Учитывая слова, фигурирующие во всех этих теориях, можно сказать, что в конце концов в качестве применных следует рассматривать два слова: *иваюру* и *арауру*. Кроме того, по моему мнению, следовало бы назвать *кōю*, *сōю̄*, *āю̄*, *дōю̄*, *татта*: они имеют значение *коно готоки*, *соно готоки* и т. д., а не *кō готоки*, *сō готоки* и т. д.»[20] В этом проявляется известное изменение прежней точки зрения, изложенной в предыдущей работе.

ПРИМЕЧАНИЯ АВТОРА

[1] Примеры взяты из Юдзава, I, стр. 52.
[2] Пример заимствован из Ямада, VIII, стр. 872.
[3] Оцуки, Руководство по грамматике (III).
[4] Ямада, IX, стр. 758 — 759.
[5] Ямада, III, стр. 175 — 179.
[6] Мацусита, III, стр. 207.
[7] Ямада, IX, стр. 771.
[8] Мацусита, I, стр. 40—47; последнему предложению предшествует: «Компонент *тай* в термине *фукўтайси* имеет в виду сущность (дзиттай 實體) значения, а не существительное. Термин же *фукўси* равнозначен *фукуёси* (副用詞) и *ё̄* здесь обозначает не глагол, а употребление (унъё̄, 運用)».
[9] Ямада, VIII, стр. 872
[10] Там же, стр. 926 — 928.
[11] Мицуя, Грамматика и наука о родном языке (III), стр. 278 — 280 и 336 — 338.
[12] Название *фукўтайгэн* противополагается *сютайгэн* (主體言); в последнее входят существительные, числительные и местоимения; это то, что иначе именуется *фукуё̄гэн* (副用言)* см. об этом у К. Токуда, II.
[13] Цуруда, II, стр. 124 — 131. Эту же часть речи он выделяет в другой своей работе; см. Цуруда, I.
[14] Ясуда, I, стр. 254 — 255, II, стр. 100 — 101.
[15] Мацусита, II, стр. 189 — 192; III, стр. 204 — 208, 210 — 211, 310 — 312; I, стр. 46 — 47.
[16] См. Юдзава, I и V.
[17] Такахаси, цит. соч., стр. 380 — 381.
[18] Хасимото, II, стр. 54 — 55; см. также прим. 3, гл. II.
[19] См. Токуда, II.
[20] Токуда, I, стр. 142 — 149.

* Таким образом термин *фукутайгэн* складывается из *фуку* + *тайгэн*, т. е. «подчиненный тайгэн», термин же *фукуё̄гэн* — из *фукуё̄* + *гэн*, т. е. «слово, употребляющееся подчиненно».—*Прим. ред.*

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Наречие

I. СУЩНОСТЬ НАРЕЧИЯ

Наречие (фукуси 副詞) — один из видов подчиненных слов (фукуго 副用語) и, следовательно, знаменательная часть речи. В отличие от приименных, которые определяют тайгэн, наречие главным образом определяет ёгэн. «Определять ёгэн» — это значит определять глагол, предикативное прилагательное, адъективный глагол, а также формальные ёгэны, а в отношении значения — слова, обозначающие реальные атрибутивные понятия, т. е. действие, процесс, состояние, характер, а также выполняющие формальную предикативную функцию. Наречие характеризуется способностью определять ёгэны, и это же составляет его основную функцию. Исходя из трех факторов языка — формы, значения и функции, наречие — такая часть речи, которую нельзя мыслить в отрыве от значения и функции: способность определять является значением наречия и вместе с тем его функцией. Другими словами, двойственность природы слова — как части речи и как носителя синтаксической функции — слита в наречии. На этом следует остановиться подробней, поскольку отсюда становится ясным различие между наречием и наречным определением в форме существительного, предикативного прилагательного и адъективного глагола.

Карэ ва ***томадати-то*** *аруку*	‘Он идет с **товарищем**’
Карэ ва ***осоку*** *аруку*	‘Он идет **медленно**’
Карэ ва ***сидзукани*** *аруку*	‘Он идет **тихо**’
Карэ ва ***соросоро*** *аруку*	‘Он идет **потихонечку**’.

Существительное *томодати* ‘товарищ’, предикативное прилагательное *осой* ‘поздний; медленный’, адъективный глагол *сидзукани* ‘тихо’, выступающие в этих предложениях как наречное определение, могут выполнять и другие функции. Но наречие *сōросōро* ‘потихонечку’ других функций не имеет. Это и имеется в виду в утверждении, что значение и функция у наречий слиты, и об этом придется вспомнить в дальнейшем при сравнении наречия с другими частями речи.

Приведем примеры наречий в функции определения при разных частях речи:

Сйкэн ва цуйни овару ‘Экзамены, наконец, кончаются’.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Сэйсэки ханахада ёси (п. я.) 'Результат весьма хорош'.

Кайдзэ сукобуру одояка нари (п. я.) 'Море очень спокойно'.

Ракка макотони юки-но готоси (п. я.) 'Опадающие цветы поистине подобны снегу'.

Кроме того, поскольку наречие — слово, обозначающее своего рода состояние и степень, оно само определяет другое наречие. Но эта возможность имеется только у наречий степени, а не состояния.

Мо̄ *сибараку матэ* 'Подожди еще немного'.

В приведенных примерах наречие определяет одно слово — ёгэн или другое наречие, однако наречие может определять и словосочетание-слово, стержнем которого является ёгэн, например:

Амэ ***имада*** *ямадзу* 'Дождь **еще** не перестал'.

Коно утэн-ни ***ёку*** *корарэмасйта* 'Как **удачно** [вы] пришли в этот дождь'.

Мэ̄нити ва ***табун*** *ататакай дэсэ̄* 'Завтра, **вероятно,** будет тепло'.

В этих примерах наречия *имада, еку, табун* определяют не слова *ямy, куру, ататакай* сами по себе, а словосочетания-слова *ямадзу, корарэмасйта, ататакай дэсэ̄*. Словосочетания-слова состоят из двух или трех отдельных слов: из глагола и служебного глагола, из глагола, служебного глагола и служебного слова, из предикативного прилагательного и служебного глагола и т. п.

Наречие определяет не только слово и словосочетание-слово, но также и предложение.

Мукаси *отоко арикэри* (п. я.) 'Давным-давно жил человек'.

Иттай *дарэ-га сонна кото-о иидасйта ка*? **'Собственно** говоря, кто заявил такую вещь?'

В этих примерах наречия *мукаси, иттай* определяют всё следующее за ними предложение. Однако против этого утверждения можно выдвинуть возражение, а именно: эти наречия определяют не следующее за ними предложение, а только его сказуемое *арикэри, иидасйта но ка*. В доказательство наречие ставят после подлежащего, утверждая, что смысл при этом не меняется·

отоко мукаси арикэри: дарэ-га иттай сонна кото-о иидасйта но ка?

Однако на самом деле при такой перестановке смысл несколько изменяется. Поскольку границы того, что определяется наречием, сужаются, все предложение приобретает другой оттенок; и это различие ясно при сопоставлении предложений. Разве не справедливо, что наречие одним только местоположением, само по себе, осуществляет определительную функцию по отношению к следующим за ним словам? И разве нельзя сказать, что глагол, предикативное прилагательное или адъективный глагол являются

центром этого последующего комплекса. До известной степени то же можно сказать и о приименных определениях. В определительном словосочетании-слове *ататакай хару-но хи* слово *ататакай* может быть отнесено к слову *хару*: 'день теплой весны', но можно считать, что оно относится и к словосочетанию-слову *хару-но хи* 'теплый весенний день'. Я думаю, нельзя сказать, что только первое понимание обосновано грамматически, а второе дается лишь для удобства. Во всяком случае, соотношение определения (приименного или приёгэнного, безразлично), определяемого и порядка слов требует серьезного изучения. А кроме того, учитывая, что некоторые грамматисты рассматривают предложение как словосочетание-слово, нельзя ли считать, что наречие определяет предложение, являющееся словосочетанием-словом?

Помимо того, что наречие определяет словосочетания-слова и предложения, стержнем которых является ёгэн, оно несет еще следующую определительную функцию (примером ее служит и вышеприведенный *ракка макотони юки-но готоси*).

Мёнити ва ***осораку*** *сэйтэн нарубэси* (п. я.) 'Завтра, **вероятно**, будет ясно (ясная погода)'.

Коно кодзуцуми ва ***китто*** *хон да* 'Этот сверток, — **несомненно**, книга'.

Наречия *осораку* 'вероятно', *китто* 'несомненно' определяют *сэйтэн нарубэси*, *хон да*, т. е. словосочетания-слова, которые состоят из существительного и так называемого служебного глагола, но в них не входит никакого реального ёгэна. И все же такое словосочетание-слово, где нет реального ёгэна, определяется наречием. Этот факт необходимо объяснить грамматически. Здесь нам может послужить теория формального ёгэна д-ра Ямада. Из двух свойств реального ёгэна — понятия признака и предикативной способности — формальный ёгэн обладает только вторым. *Нару* и *да* из приведенных примеров — формальные ёгэны. Они не обозначают никакого реального понятия, а только выполняют функцию предикации, а реальное понятие, которого они лишены, обозначается предшествующим существительным. Наречия, определяющие только самую предикацию и не имеющие никакого отношения к реальному понятию, т. е. признаку, Ямада называет наречиями предикации (тиндзюцу-фукуси 陳述副詞). Примерами их являются наречия *осораку* и *китто*. Следовательно, они определяют только *нарубэси*, *да*. Согласно этой теории, несмотря на то, что в сказуемых указанных предложений реального ёгэна нет, наличие таких наречий допустимо. Мне кажется, что данная теория дает рациональное объяснение служебным глаголам, присоединяющимся к тайгэну, и вместе с тем применима при классификации наречий. (Для уточнения этой теории необходимо изучить соотношение между позицией сказуемого и позицией присвязоч-

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

ного члена.) Можно подойти к вопросу и иначе: поскольку *нару* и *да* — формальные ёгены, то и *сэйтэн нарубэси*, и *хон да* следует рассматривать как одну синтаксическую единицу. Значит, надо установить соотношение между двумя синтаксическими единицами: *осораку* и *сэйтэн нарубэси*, *киттo* и *хон да*. Если сказуемым служит реальный ёгэн, в одном слове совмещается реальное значение и предикативность; когда же к тайгэну присоединяется формальный ёгэн или служебный глагол, и то и другое присуще данной синтаксической единице. Другими словами, *сэйтэн нарубэси*, *хон да* в этом случае равнозначны слову — реальному ёгэну. Поэтому-то наречие и может их определять. Возможно и такое объяснение. Во всяком случае необходимо признавать двойную природу слов — как части речи и как носителя синтаксической функции, т. е. реальный и формальный характер слов.

Некоторые наречия определяют тайгэн. Такое определение бывает двояким.

В одном случае наречие присоединяет *но* и превращается в адъективное определение, например:

Канэтэно нэгаи 'давнишнее желание'; *тамано хōмон* 'случайное посещение'; *канарино хйтодэ* 'порядочная толпа'; *цуйно сумика* 'наконец [полученное] жилище'; *торидорино сай* 'различные таланты'; *матано хи* 'еще [один] день' и др.

В большинстве случаев такой способностью обладают наречия состояния, изредка и другие наречия. Следует также обратить внимание, что такие наречия, как *цуйни*, *тамани*, которые являются полноценными наречиями только с окончанием *ни*, в этом случае отбрасывают *ни* и присоединяют *но*. Аналогично употребляются канго, например *игайно сэйкō* 'неожиданный успех', *фуино райхō* 'случайный приход' — в данном случае определением служит корень адъективного глагола с *но*.

Иногда наречия служат адъективным определением тайгэна и не присоединяют никакого служебного слова, например:

вадзука *итинити-но тē* 'глава **всего** на один день'; ***мō*** *саннити матэ* 'подожди **еще** три дня'; ***татта*** *итиэн-но канэ* 'денег **лишь** одна иена'; ***ля*** *хигаси-но хō* '**немного** к востоку'; ***сугу*** *тонари-э юку* 'пойти **сейчас же** рядом'; ***тайхэн*** *эмпō-кара куру* 'прийти **очень** издалека'; ***мотто*** *мукō-э ёрэ* 'подвинься **больше** туда; ***тēдо*** *сēго-дэ ару* '**как раз** полдень'; ***моттомо*** *минамино куни* '**самая** южная страна'; ***гоку*** *тикагороно дэкигото* '**совсем** недавнее происшествие'; ***дзутто*** *мукасино ханаси* '**очень** древняя история' и др.

Как видно из примеров, такой способностью обладают только наречия степени, а тайгэны, которые ими определяются, обозначают место, направление, время, количество и т. п., т. е. их реальное значение близко к обозначению состояния, допускающего изменчивость, колебание [1]. В связи с тем, что такая точка

зрения встречает возражения, я приведу объяснение Хасимото Синкити:

«Относительно употребления таких наречий в качестве определений существует возражение, а именно: говорят, например, что в случае *дзутто мукасино ханаси* определяемым служит не тайгэн *мукаси*, а приименное определение *мукасино*. Следовательно, *дзутто* в этом случае употребляется совершенно так же, как в случае *дзутто омосирой ханаси* 'очень интересный рассказ'. Однако *дзутто мукаси* может употребляться и иначе:

Дзутто мукаси-га ёй 'хорошо очень древнее время', *дзутто мукаси-о омоидасу* 'вспомнить очень древнее время'; *дзутто мукаси-ни каэрэ* 'обратись к очень древнему времени'; *дзутто мукаси мо сō дэсйта* 'в очень древнее время тоже так было' и т. п. Другими словами, *дзутто* может служить определением при *мукаси* и тогда, когда *мукаси* является подлежащим, дополнением и т. п. Поэтому нужно признать, что и в рассматриваемом случае определяемым является тайгэн *мукаси*»[1].

Некоторые ученые считают, что в случаях типа *татта итиэн* 'лишь одна иена' *татта* не есть самостоятельно употребляемое наречие, а своего рода префикс, определяющий *итиэн*. А поэтому *татта итиэн* — полностью слившееся составное существительное. Полнота слияния объясняется следующим образом: в словосочетаниях *тайхэнни сонсйта* 'ужасно навредил' и *тайхэнна сон сйта* 'сделал ужасный вред', *сонси* — составное слово, образованное из существительного *сон* и глагола *суру*, тем не менее можно передать это двояким образом, как это сделано выше. В словосочетании *тайхэнни сонсйта* слово *сонси* надо рассматривать как одно слово, а именно как глагол, поскольку должен быть ёгэн, который определяется наречием *тайхэнни*. В словосочетании *тайхэнна сон сита* надо рассматривать *сон* как существительное, поскольку должен иметься тайгэн, который определяется адъективным определением *тайхэнна*. В этом случае глаголом является только *суру*; и предложение передает смысл «*тайхэнна сон*»-*о* «*си*» [2]. Таким образом, *сонси* можно понимать и как один глагол, и как сочетание тайгэна *сон* с глаголом *си*. Это и доказывает, что слияние *сон* и *суру* неполное. Однако если можно сказать *тайхэнни сондзита*, то *тайхэнна сондзита* сказать нельзя: здесь *сон* и *суру* полностью слились; *сон* перестало быть существительным и образовался глагол, причем благодаря полноте слияния произошло и озвончение согласного, и мы имеем *сондзуру*.

Таким образом, из данной теории вытекает, что *татта итиэн* — полностью слившееся составное существительное, а *вадзукани итиэн* — неполностью слившееся составное существительное. Исходя из этого, в приведенных примерах можно различить составные существительные обоих видов.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

О способности наречий определять существительное Мацусита Дайдзабуро говорит следующее:

«То, что делает наречие наречием, не зависит от того, какому разряду слов подчиняется наречие, а зависит от того, как оно подчиняется. Как же именно? Наречие подчиняется не самому значению другого слова, а применению этого значения. В *сугу тонари* 'сейчас же рядом' *сугу* определяет не значение *тонари* как таковое, а употребление значения *тонари*. Если бы оно определяло само значение *тонари*, сказали бы *сугуно тонари*. Это объяснение приложимо не только к наречиям, но и вообще к вопросу подчинения ёгэну.

Я первый обратил внимание на то, что наречия могут определять существительные. Мои наблюдения были опубликованы в журнале «Кокугакуин-дзасси» (國學院雜誌) за 1908 г. Но я не могу сказать, что это мое открытие: впоследствии я узнал, что еще раньше меня английские грамматики в таких случаях, как Even God cannot give everything 'Даже бог не может дать все', рассматривали even как наречие, которое определяет существительное God.

Это открытие имеет огромное значение для грамматики: благодаря ему существование союзов, как отдельной части речи, лишается смысла. Союзы превращаются всего лишь в разряд наречий»[2].

Суммируя все сказанное, важнейшие черты употребления наречий можно формулировать следующим образом:

1) Основная особенность употребления, присущая всем наречиям, состоит в том, что они определяют ёгэны и спрягающиеся словосочетания. В число ёгэнов включаются и формальные.

2) В зависимости от видов наречий, некоторые
   а) определяют другие наречия,
   б) определяют тайгэны,
   в) определяют предложения.

3) Наречие не может служить подлежащим, сказуемым или независимым членом.

Неспособность наречия служить подлежащим и независимым членом не требует объяснений, но иногда кажется, что наречие является сказуемым, например:

Коно бōси ва ватакӯси-но атама-ни ***тēдо*** *да* 'Эта шляпа мне **как раз** по голове'.

Самуса ва мō ***сибараку*** *дэсӯ* 'Холод уже **давно**'.

Карэ-но сисō ва ***сюкётэки*** *нари* (п. я.) 'Его идеи **религиозны**' [3].

На такие случаи смотрят по-разному. Я, например, считаю, что эти сказуемые следует рассматривать как заключительную форму адъективных глаголов (правда, некоторые из них не имеют полностью всех форм спряжения). Поскольку это адъективные глаголы, постольку нет ничего странного в том, что они как

ёгэны являются сказуемыми. Наречия сами по себе лишены предикативности.

4) Наречия не соединяются со служебными глаголами.

Я уже касался вопроса о том, что такие слова, как *сидзукани* 'тихо', *дōдōто* 'торжественно, великолепно' не следует смешивать с наречиями. Хотя адъективные глаголы в наречной форме выполняют ту же функцию, что и наречия, но они непременно имеют еще и заключительную и срединную формы и могут служить сказуемым. Так, *сидзукани* и *дōдōто* имеют заключительные формы *сидзука нари*, *дōдō тари*, но *цуйни*, *ятто* не имеют заключительной формы. Поэтому *нари* и *тари* в данном случае нельзя принимать за служебный глагол-связку, присоединенный к наречию (о чем уже говорилось в главе об адъективных глаголах). Несоединимость со служебными глаголами — отличительная черта наречий.

5) За исключением особых случаев, наречия не соединяются со служебными словами.

Уже упоминалось, что, являясь определением к тайгэну, наречия присоединяют служебное слово *но*. Однако способность служить определением к тайгэну не есть общее свойство всех наречий; это особое явление. Кроме того, некоторые наречия имеют окончания *ни* и *то*, например:

цуйни 'в конце концов', *котони* 'в особенности', *тамани* 'случайно, изредка'; *омомурони* 'медленно'; *фӯто* 'вдруг', *хатато* 'вдруг', *ито* 'очень', *ятто* 'наконец; еле-еле'.

Ни и *то* в этих случаях — окончания, а не служебные слова. Так, если отбросить *ни* и *то*, эти слова перестанут быть не только наречиями, но и просто словами. Другое дело такие слова, как *татиматини* 'вдруг'; *анагатини* 'упорно', *харубаруто* 'далеко', *сура-сурато* 'гладко, без запинки'.

Эти слова и без *ни* и *то* остаются наречиями. В данном случае *ни* и *то* можно считать служебными словами. К какому именно наречию присоединяется *ни*, к какому *то*, — зависит от каждого отдельного слова; общего правила для этого нет. Однако необходимо заметить, что во всех приведенных случаях *татиматини*, *харубаруто* и т. д. должны рассматриваться как одно слово, а не как соединение двух, т. е. следует считать, что, присоединившись к наречиям, служебные слова *ни* и *то* превратились в окончания наречий. Ведь *ни* и *то* — надежные служебные слова; их функция — ставить предшествующие им слова в позицию наречного определения. Поэтому существительное может стоять в такой позиции только в сопровождении *ни* или *то* (см. примеры):

яма-ни нобору 'подняться на гору', *томо-ни катару* 'рассказать другу';

яма-то цуму 'наложить с гору', *томо-то катару* 'говорить с товарищем'.

Если в этих примерах отбросить *ни* и *то*, предшествующие им

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

слова перестанут служить наречными определениями. Следовательно, *ямa* и *ни*, *томо* и *то* и т. п. — два слова. Но так как при отбрасывании *ни* и *то* слова *татимати* и *харубару* остаются наречиями, ясно, что они не становятся наречиями в результате присоединения *ни* и *то*. Вот почему в данном случае эти служебные слова превращаются в окончания наречий.

Обратимся теперь к моментам р а з л и ч и я и с х о д с т в а м е ж д у н а р е ч и я м и и д р у г и м и ч а с т я м и р е ч и. Прежде всего коснемся соотношения наречий с тайгэном. Поскольку наречия — знаменательные слова, не изменяющиеся по форме, им, как и союзам и междометиям, дается название «квази-тайгэн». Однако между тайгэном и наречием существует резкая разница: как уже говорилось выше, всякий тайгэн может быть подлежащим, наречие же им быть не может. Правда, в предложении *татимати ва фукӯси нари* 'татимати — наречие' наречие *татимати* 'вдруг' является подлежащим, но на таком же основании можно сказать *га какудзёси нари* 'га — падежное служебное слово', *махоси ва кибō-но дзёдōси нари* 'махоси — служебный глагол желательности и т. п., т. е., когда речь идет о теме высказывания, подлежащим может служить слово, принадлежащее к любой части речи. Однако в этом случае такое слово употребляется, как говорится, цитатно; его употребление нельзя смешивать с обычным использованием тайгэна как подлежащего; подлежащим его делает здесь не принадлежность к той или иной части речи, а природа слова сама по себе. Следовательно, указанное предложение не может служить примером такого предложения, в котором наречие выступает как подлежащее. Далее, все тайгэны могут принимать адъективное определение, наречия же принимать адъективного определения не могут. Указанные два признака служат ярким отличием наречий от тайгэнов.

Однако нужно обратить внимание на то, что сами по себе тайгэны могут служить наречным определением, например:

Мёнити *амэ фурубэси* (п. я.) '**Завтра** пойдет дождь'.

Тэкихэй-га ***дзӯман*** *осиёсэтэ кйта* 'Надвинулось **сто тысяч** вражеского войска'.

Мёнити 'завтра' — существительное, *дзӯман* 'сто тысяч' — числительное, и то и другое в этих предложениях служит наречным определением. Что же представляют собою эти слова как часть речи — тайгэн или наречие? Что касается числительных, то такое их употребление нельзя рассматривать как переход в другую часть речи (см. гл. III, стр. 114). В противоположность этому, поскольку подобное употребление существительных (о чем говорилось там же) не свойственно всем существительным, можно считать, что такого рода слова в этом случае переходят из существительных в наречия. Некоторые ученые придерживаются другой точки зрения. Д-р Хасимото Синкити пишет по этому вопросу следующее:

«Части речи имеют различное употребление. Например, существительное *мукаси* 'прошлое время, древность, старина' употребляется так: *мукаси-га синобарэру* 'вспоминается старина'; *мукаси-о омоидасу* 'вспоминать старину'; *мукаси-но хйто* 'старинный человек'; *мукаси коко-ни бкина сиро-га атта* 'в старину тут был большой замок'. В последнем случае *мукаси* как наречие определяет тайгэн. Так же и *сакудзицу* 'вчера' употребляется как существительное: *сакудзицу-га тодзи датта* 'вчера было зимнее солнцестояние'; *сакудзицу-о кинэмби-ни суру* 'сделать вчерашний день памятным днем', *сакудзицу-но кай* 'вчерашнее собрание'; но в другом случае — *сакудзицу каминари-га натта* 'вчера грохотал гром' — это слово выступает как наречие и определяет глагол *натта*. В данном случае значение слов *мукаси*, *сакудзицу* не отличается от значения их при другом употреблении. Поэтому считать, что они перешли в наречия, нет оснований. Здесь перед нами один из видов употребления существительных — существительное, выступающее как наречие. Например, *цую* 'роса', — несомненно, существительное. Однако, когда говорят *цую сирадзу* 'ни капельки не знаю', *цую* оказывается не только употребленным наречно, но и изменившим свое значение: оно означает уже не «роса», а «нисколько». В новом значении *цую* не может употребляться в качестве существительного, а посему нужно считать, что оно превратилось в наречие»[3].

Эта теория до известной степени обоснована, однако я придерживаюсь прежней точки зрения, а именно: поскольку наречное употребление свойственно не всем существительным, то даже в том случае, когда существительное сохраняет свое значение, оно все равно переходит в наречие [4]. Может быть, оттого, что некоторые существительные переходят в наречия, некоторые наречия и определяют существительные.

Рассмотрим теперь различия между наречием и предикативным прилагательным. Они состоят в следующем:

1) Наречие не может служить сказуемым, а предикативное прилагательное может.

Встречаются случаи, когда наречие как будто служит сказуемым, о чем уже упоминалось выше. Но само по себе наречие никоим образом не предикативно.

2) Наречие употребляется главным образом как приёгэнное определение, а предикативное прилагательное может употребляться и приёгэнно, и приименно.

Наречия тоже в некоторой мере могут употребляться приименно, но *главная функция большинства наречий — служить* приёгэнным определением. В отличие от этого предикативные прилагательные образуют в приёгэнной форме приёгэнное определение, а в приименной форме — приименное определение,

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

т. е. сфера их употребления как определений шире, чем сфера употребления наречий.

3) Наречия и предикативные прилагательные — знаменательные слова, но предикативные прилагательные изменяемы, наречия же неизменяемы.

Хана уцӯкусйку саку 'Цветы красиво цветут'.

Некоторые считают, что *уцӯкусйку* в этом случае уже не прилагательное, а наречие, но я не разделяю этой точки зрения. Во-первых, *уцӯкусйку* равно по значению *уцӯкӯсий.* Во-вторых, употребление приёгэнной формы как наречия является не особенностью какой-либо одной группы прилагательных, а их общим свойством. Вот почему можно утверждать, что предикативные прилагательные, употребленные наречно, изменяемы, а наречия неизменяемы[4].

В связи с этим заметим, что нельзя смешивать наречия, которые в морфологии рассматриваются как одно слово, с тем, что в учении о предложении именуется наречным определением, например:

Хйто о кандӧ-сэсимуру кото макото-ни сику моно наси 'В воздействии на человека ничто не сравнится с правдой'.

Со ва макотони кими-но кото-но готоси 'Это поистине подобно твоим словам'.

В приведенных примерах *макото-ни* одинаковы по форме, но различны по функции. В первом примере это слово морфологически возможно разделить на существительное *макото* и падежное служебное слово *ни*, во втором его надо рассматривать как одно слово — наречие. Однако синтаксически и то и другое — наречное определение. И в этом случае нужно учитывать двоякий характер слов — его свойства как части речи и его способность занимать синтаксическую позицию[5].

Хага Яити говорит:

«В прежних грамматиках имеется нерешенный и затруднительный вопрос, касающийся различения предикативных прилагательных и наречий. Например, в предложении: *Амэ нагаку фуру* 'Дождь долго идет' *нагаку* определяет глагол *фуру* и поэтому является наречием. Однако при спряжении — *ку-ку-си-ки-кэрэ* — оно попадает в категорию предикативных прилагательных. Прежние японские грамматисты рассматривали в этих случаях *нагаку* как приёгэнную форму прилагательного. Но с тех пор, как был установлен разряд наречий, явилась необходимость произвести разграничение.

В предложении *Ками-о нагаку нобасу* 'Отращивать волосы длинно' *нагаку* не определяет «как отращивать» волосы, а значит «делать длинными волосы». Следовательно, это прилагательное. Прилагательные определяют тайгэн, а становясь наречием, определяют ёгэн. В английском языке это различие выявля-

ется по наличию или отсутствию lу. В немецком, как и в японском языке, наречие имеет ту же форму, что и прилагательное (*акаси* 'красен' *и акаку* 'красно' — одинаково rot), но грамматисты их все же различают. Их необходимо различать и в японском языке [5]. Оцуки считал все прилагательные в приёгэнной форме прилагательными, употребленными наречно, но эта теория не учитывает, что и среди прилагательных в приёгэнной форме различаются прилагательные и наречия:

Сўтэкки-о каруку цўкуру 'сделать (в значении 'изготовить') трость легкой' (букв. 'легко'); *као-о каруку уцу* 'ударить легко по лицу'.

В первом случае *каруку* — прилагательное, во втором — наречие.

Разумеется, в таком случае, как *хана уцўкусйку саку* 'цветы красиво цветут', неясно, имеется ли здесь прилагательное или наречие; тут все зависит от настроения автора или понимания читателя.

При одинаковой форме адъективных глаголов прилагательное и наречие тоже различаются.

Кадзэ сидзукани фуку (п. я.) 'Ветер тихо дует'.

Сидзукани корэ-о кангау (п. я.) 'Тихо об этом подумать'.

В первом случае мы имеем прилагательное, во втором — наречие. Можно сказать *Кадзэ сидзука нари* 'Ветер тих'. Отсюда ясно, что это — прилагательное. В настоящее время большинство грамматистов рассматривает *сидзукани* и т. п. попросту как переход прилагательного в наречие, но разве это правильно? Наоборот, данная форма в качестве прилагательного употребляется очень часто. Согласно теории многих грамматистов, даже в таких случаях, как *Цўки акирака ни хоси марэ нари* (п. я.) 'Месяц ясен, звезды редки', *акирака ни* является наречием. Где в таком случае ёгэн, который им определяется, — этого они объяснить не в состоянии. Отсюда ясно, что здесь налицо, несомненно, прилагательное»[6].

В своем рассуждении Хага Яити, несомненно, смешивает принадлежность слова к определенной части речи и его способность занимать определенную синтаксическую позицию. В приведенных выше примерах *нагаку, каруку, уцўкусйку* — наречная форма предикативных прилагательных, а не наречие; *сидзукани* — наречная форма адъективного глагола, а не наречие. Что касается *акиракани* в предложении *цўки акирака ни хоси марэ нари*, то это — срединная форма адъективного глагола, выступающая в качестве сказуемого, и никакого определяемого при ней не требуется. Предикативное прилагательное — отдельная часть речи, наречие — тоже отдельная часть речи. Считать, что предикативные прилагательные в одном из своих употреблений — наречия, неверно, поскольку это противоречит делению на части речи [6].

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Для того чтобы дать полное представление о наречии, надо сказать несколько слов о месте наречия в предложении. Наречие обычно стоит перед тем словом, которое оно определяет, т. е. предшествует своему определяемому. В этом характерная особенность «головных украшений» (*кадзаси*), как их назвал Фудзитани Нариакира. Это — свойство не только наречных, но и адъективных определений. Вообще железный закон японского языка — всякое определение предшествует определяемому. И в примерах *сётэкки-о каруку цўкуру*, *кадзэ сидзукани фуку* ни *каруку*, ни *сидзукани* совершенно не определяют *сётэкки* и *кадзэ*.

Обычно наречия ставятся непосредственно перед определяемым, но иногда они отделяются от него несколькими словами, например:

Мусумэ-но ёбо̄-га ***тайхэн*** *хаха-ни нитэ иру* 'Дочь чертами лица **ужасно** на мать похожа'.

Поэтому, когда за наречием следуют два или более слова, могущих быть определяемыми, возможно ошибочное понимание.

Ё ва ханахада *акаки хана-о кономадзу* 'Я **очень** не люблю красных цветов' или 'Я не люблю **очень** красных цветов'.

Канарадзу *каттэ куру ēни танондэ кудасай* '**Непременно** попросите, чтобы купили и принесли', или 'Попросите, чтобы **непременно** купили и принесли'.

Какому из ёгэнов подчинено наречие, здесь неясно. С точки зрения стилистики, положение наречия неблагоприятно, но излишне напоминать, что области грамматики и стилистики различны. Случается, что один ёгэн определяется двумя наречиями, например:

Майнити киттo кимасў 'Завтра непременно приду';

Мада наканака самуй 'Еще изрядно холодно'[7].

II. КЛАССИФИКАЦИЯ НАРЕЧИЙ

Наречия издавна классифицировали по значению, по происхождению и т. п., однако такая классификация, хотя и удобна, но грамматически не затрагивает существа наречия. Делить наречия на наречия степени, образа, эмоций, количества, времени, места, причины и т. д. и сопровождать это лексическими пояснениями — дело словаря, а не грамматики. Оцуки по этому поводу пишет:

«В грамматиках наречия подразделяют на наречия места, времени, последовательности, количества, категоричности и т. п. Если бы грамматика занималась классификацией значений, пришлось бы давать смысловую классификацию всех существительных, глаголов, прилагательных. Вот до чего дошло бы дело»[8].

И действительно, Оцуки прав.

Кроме того, наречия делят еще на чисто японские и заимствованные, на исконные и образованные от других частей речи, но

и это производится лишь в целях удобства и не затрагивает существа дела.

Я полагаю, что с точки зрения характера и функции правильней подразделять наречия на три разряда: наречия состояния, наречия степени и наречия предикации.

1. НАРЕЧИЯ СОСТОЯНИЯ

Наречия состояния очень близки по значению к наречной форме предикативных прилагательных. Однако, как уже говорилось выше, их нельзя считать предикативными прилагательными, поскольку они лишены предикативности. И хотя они обозначают признак вещей, их нельзя назвать тайгэном, так как они не способны быть подлежащими. Следует обратить внимание на то, что определяемым наречий состояния является главным образом глагол. Наречие уточняет признак, обозначаемый глаголом.

Карэ ва ***омомуроки*** *хэнтō-но кути-о хиракитари* (п. я.) 'Он **медленно** открыл рот для ответа'

Омомуро. обозначая состояние, уточняет действие *хиракитари* (разумеется, в определяемом глагол соединен со служебными глаголами).

К наречиям состояния многие относят такие, как *сидзукани* 'тихо', *нэнгороки* 'сердечно', *мэйхакўки* 'ясно', *каппацуки* 'живо', *сэцуки* 'горячо', *сēдзэнто* 'в унынии', *каккото* 'решительно' и т. п., но я считаю такие слова наречной формой адъективных глаголов, а не наречиями. Д-р Ямада по этому поводу пишет:

«Как уже говорилось, наречия состояния по значению сходны с предикативными прилагательными, но лишены предикативной способности; однако, когда они соединяются с изъяснительными и бытийными словами, они могут употребляться в качестве ёгэна: предикативную способность им сообщает бытийное слово, например: *идай нари* 'велик', *бōдзэн тари* 'неясен'. Те, что имеют при себе *ни*, принимают *нари*, а те, которые имеют при себе *то*, принимают, следовательно, *тари* и приобретают такое же значение и употребление, как предикативные прилагательные. В этих случаях наречия выступают не как определение, а как присвязочный член»[9].

В данной теории содержится доля правды, но, как уже говорилось, в настоящей книге все такие слова рассматриваются как адъективные глаголы Все слова, имеющие окончание *ни* или *то* и спрягающиеся по типу *нари*, *тари*, рассматриваются как адъективные глаголы. Примерами наречий состояния, которые нельзя смешать с другими частями речи, могут служить: *татиматини* 'вдруг', *омомуроки* 'медленно', *дзикини* 'прямо, сейчас же', *юккури* 'не спеша', *сибараку* 'недолго', *хонобоното* 'слабо', *сотто* 'тихо' и др.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

2. НАРЕЧИЯ СТЕПЕНИ

Наречия степени сами по себе не обозначают признака вещей, а, показывая степень другого признака, уточняют его. Определяемыми служат все ёгэны — глагол, предикативное прилагательное и адъективный глагол. Это может служить отличительным признаком наречий степени по сравнению с наречиями состояния, которые определяют преимущественно глагол. Другим отличительным признаком наречий степени является то, что они сами могут определять наречия состояния. Примерами служат следующие предложения:

Карэ ва ***сукооуру*** *гирон-о коному* 'Он **очень** любит спорить'.

Коно сэцу ва ***тайхэн*** *мудзукасий* 'Эта теория **очень** трудна'.

Корэ ва ***хидзёни*** *риппана э да* 'Это **чрезвычайно** красивая картина'.

Моттто *юккури асондэ ирассяй* 'Играйте **более** неторопливо'.

Кроме того, как уже упоминалось выше, случается, что наречия определяют гайгэн, что возможно только для наречий степени В этом их третье отличие от наречий состояния. Уже говорилось, что и тайгэны, служащие определяемым, ограничены по значению.

3. НАРЕЧИЯ ПРЕДИКАЦИИ [7]

Наречия предикации при сказуемом ёгэне определяют самую предикацию, а не реальное значение ёгэна. Поэтому они обусловливают известную форму сказуемого. Это называется согласованием с наречием.

Карэ ва тадатини курубэси 'Он сейчас же придет'.

Карэ ва канарадзу курубэси 'Он непременно придет'.

Из сравнения приведенных двух предложений ясна разница между наречиями состояния и предикации. *Тадатини* определяет реальное понятие, обозначаемое словом *куру*, *канарадзу* определяет характер предикации слова *куру*. Поэтому при исключении этих наречий смысл предложений изменяется по-разному.

Наречия предикации подразделяются следующим образом:

1. Наречия, требующие категорического сказуемого:

1) связанные с утверждением:

канарадзу 'обязательно', *дзэхи* 'непременно', *моттомо* 'в самом деле', *хонтōни* 'поистине' и др.;

2) связанные с отрицанием:

кэссйтэ 'никоим образом', *цую* 'нисколько', *юмэ* 'никак' и др.;

3) выражающие усиление:

сасуга 'как и следует ожидать', *иясйкумо* (с отрицанием) 'ни в малейшей мере';

4) выражающие решительность:

канарадзу 'обязательно', *дзэхи* 'непременно', *сёсэн* 'совершенно';

5) выражающие просьбу:

дōдзо 'пожалуйста', *дōка* (то же), *нанитодзо* (то же);

6) выражающие сравнение:

адакамо 'точно', *само* 'словно', *тёдо* 'как раз', *марудэ* 'совсем'.

2. Наречия, требующие сказуемого, обозначающего сомнение или предположение:

1) связанные с вопросом:

надзэ 'почему?', *икага* 'как?', *дōситэ* 'как, отчего?' и др.;

2) связанные с предположением:

кэдаси 'возможно', *ёмоя* 'вряд ли', *табун* 'вероятно', *осораку* 'возможно';

3) связанные с предположительным условием:

моси 'если', *татои* 'пусть, хотя бы', *ёси* (то же), *маньити* 'в случае'.

Некоторые включают в число наречий предикации *на* и *э* древнего языка, но если это и наречия, то в высшей степени своеобразные.

III. ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Относительно грамматического содержания наречий существуют различные взгляды Д-р Ямада классифицирует наречия следующим образом[10] препозиционные наречия и союзные наречия, последние раньше считались союзами Первая группа делится на лексические наречия и междометийные наречия, последние раньше считались междометиями Лексические наречия делятся на наречия признака и наречия предикации, а первые, в свою очередь, — на наречия состояния и наречия степени Таким образом, союзы и междометия отнесены к наречиям, о чем еще будет идти речь в соответствующих главах

Мацусита Дайдзабуро[11] делит наречия на реальные и формальные

Реальные наречия подразделяются на собственно наречия, местоименные и неопределенные Собственно наречия имеют постоянное реальное значение, например *ханахада* 'чрезвычайно', *судэни* 'уже', *ечку* 'наконец', *осораку* 'возможно', *моси* 'если' и т п Местоименные наречия имеют указательное значение, таким образом, их реальное значение определяется временно, это такие слова, как *мидзукара* 'сам', *корэ* 'это', *кокони* 'здесь' Неопределенные наречия хотя и имеют реальное значение, но оно является неопределенным к ним относятся *надзо* 'почему', *икадзо* 'как' и т п

Формальные наречия подразделяются на объектные, союзные и префиксальные Объектные наречия (кйтяку-фукуси

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

歸著副詞) иначе именуются предлогами (дзэнтйси 前置詞) [8]. Реального значения они не имеют: оно восполняется дополнением, которое им предшествует. Дополнение вместе с объектным наречием как наречное словосочетание-слово определяет последующий глагол. В японском языке всего четыре объектных наречия: *ойтэ* 'в', *моттэ* 'посредством', *томони* 'вместе с' и *сйтэ* (частица объекта при побудительном залоге — Н. Ф.). Эти слова требуют серьезного изучения.

Теория Мацусита, касающаяся союзов, будет рассмотрена в следующей главе. Он признает у союзов только формальное значение. Его точку зрения на союзы разделяет д-р Ямада.

Относительно префиксальных наречий Мацусита пишет:

«Префиксальные наречия — часть того, что раньше именовалось префиксом. Они имеют только формальное значение, а недостающее реальное значение восполняется за счет последующего слова. К ним относятся *на, юмэ*: *на ии дзо* 'не говори', *юмэ васуру на* 'никак не забывай'.

В китайском тексте к ним относятся *фу* 'не', *аи* 'взаимно', в английском — not»[12].

Вышеприведенное *на* может быть и формальным словом, но *юмэ* обладает и реальным значением. Поэтому название «префиксальное наречие» вряд ли оправдано.

Ясуда Киёмон делит наречия на приёгэнные и прииенные; первые — на реально-определительные наречия и наречия предикации. Реально-определительные в свою очередь подразделяются на реальные и формальные. К реальным относятся такие слова, как *сидзука* 'тихо', к формальным — *ито* 'очень', к наречиям предикации — *моси* 'если', *татои* 'пусть', к прииенным наречиям относятся *коно* 'этот', *иваюру* 'так называемый'[13]. В настоящей работе слова типа *сидзука* отнесены к адъективным глаголам, а не к наречиям, а прииенные наречия рассматриваются не как наречия, а как отдельная часть речи — прииенные.

Если есть необходимость устанавливать особый разряд формальных наречий, то я согласен следовать скорее теории д-ра Ямада. Формальные наречия — это те, которые он именует «регрессирующими наречиями» (將に退化せんとする副詞)[14].

Хана-но ***гото*** *ё-но цунэ нараба...* (Кокинсю) 'Если бы в мире было б **так, как** у цветов...'

Кими-га юку Коси-но Сираяма сиранэдомо юки-но ***манимани*** *ато ва тадзунэму* (Кокинсю) 'Хотя [я] не знаю горы Сираяма в Коси, куда ты ушел, я приду [к тебе по твоим] следам, **как они есть** на снегу'.

Сирацую-о кусаба-ни окйтэ аки-но ё-о ***коэ мо сугарани*** *акуру мацумуси* (Мороудзисю) 'Белая роса лежит на траве и жучки «мацумуси», **вереща**, проводят до рассвета осеннюю ночь'.

Такие слова, как *гото, манимани, сугара*, нельзя отнести ни

к суффиксам, ни к служебным словам. Однако им недостает реального значения, поэтому они не могут самостоятельно выполнять функцию наречия, а соединяются для этого со словом, обозначающим реальное понятие. В этом они сходны с формальными тайгэнами и формальными ёгэнами. Я думаю, что указанные слова требуют дальнейшего изучения, но во всяком случае при разграничении наречий на реальные и формальные нужно учитывать границы последних. Данный вопрос интересен и в связи с вопросом конверсии частей речи.

В заключение приведу теорию обоснования выделения наречий в особую часть речи, принадлежащую Токуда Киёси[15].

Наречие, как и существительное, приименное и союз, является тайгэном, но оно отличается от существительного тем, что представляет собой зависимое слово. Кроме того, оно не может предшествовать зависимому глаголу (к зависимым глаголам как отдельной части речи Токуда относит такие слова, как *нари*, *тари*, *да*, *дэсў*, *готоси*, *расий*, *ё̆ дэсў*.—*Прим. Киэда*). Тем, что может предшествовать ёгэну (и, конечно, соединению ёгэна со служебным словом), наречие отличается от приименного. Тем, что не может стоять между двумя словами или предложениями, наречие отличается от союза. Наконец тем, что не может занимать изолированного положения, наречие отличается от междометия. Следовательно, наречия надо выделить в отдельную часть речи.

ПРИМЕЧАНИЯ АВТОРА

[1] Хасимото, IV, стр. 296 — 297.
[2] Мацусита, I, стр. 35; об этом указывалось в его же «Грамматике японского разговорного языка на китайском языке» (IV), изд. 6.
[3] Хасимото, IV, стр. 59 — 60.
[4] Ср. Киэда, IV.
[5] Ср. Ёсидзава, VI, стр. 35.
[6] Хага, II, стр. 115 — 116.
[7] «Кōгохō», стр. 303.
[8] Оцуки, II, стр. 109.
[9] Ямада, IX, стр. 385 — 386.
[10] Ямада, VIII.
[11] Мацусита, III.
[12] Там же, стр. 309.
[13] Ясуда, I.
[14] Ямада, VIII, стр. 539 — 547.
[15] К. Токуда, I, стр. 150.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Союз

I. СУЩНОСТЬ СОЮЗА

Считается, что с о ю з (сэцудзокуси 接續詞) по своей функции — это слово, с о е д и н я ю щ е е с л о в а, с л о в о с о ч е т а н и я и п р е д л о ж е н и я (зависимые и самостоятельные).

Вэрэ ва кинō амэ ***оёби*** *кадзэ-ни наямасарэтари* (п. я.) 'Вчера нас мучил дождь **и** ветер' (соединение слов).

Ватакуси ва има сёмоцу-но гэнкō ***нараби-ни*** *эндзэцу-но фукуан-о цукуттэ имасу* 'Я сейчас готовлю рукопись книги **и** набросок речи' (соединение словосочетаний).

Цуки ***мо*** *киёку кацу кадзэ* ***мо*** *судзуси* (п. я.) '**И** луна ясна, **и** ветер прохладен' (соединение членных предложений).

Тōтяку-га окурэта ***га сикаси*** *кōсё ва накатта* 'Прибытие запоздало, **однако** аварии не было' (соединение членного предложения и самостоятельного предложения).

Но против этой общераспространенной теории имеются возражения. Например, говорят, что в японском языке нет чистых союзов, а слова, которые обычно именуют союзами, на самом деле представляют собой наречия. Этой точки зрения придерживаются Кусано Киёудзи, Ямада Ёсио, Ясуда Киёмон, Мацусита Дайдзабуро[1]. Их возражения в общем сводятся к следующему.

Говорят, что союз соединяет предложения, но фактически этого не происходит.

В предложениях *Яма-о коэ* ***мата*** *мидзу-о ватару* (п. я.) 'Перебирается через горы **да еще** переправляется через реки', *Хару-ни нарин,* ***сарэдо*** *нао фую-но кокоти-су* (п. я.) 'Настала весна, **однако** кажется, что ещё зима' *мата, сарэдо* показывают смысловое соотношение между предшествующим и последующим предложением, но морфологически они не имеют силы соединить эти два предложения в одно. Если мы исключим *мата* и скажем *яма-о коэ мидзу-о ватару*, предложения не станут независимыми, они по-прежнему соединены. Связь между ними образована не тем, что вставлен союз, а тем, что глагол *кою* принял срединную форму *коэ*. Эта срединная форма соединяет предложения, союз же такой силы лишен. Во втором примере смысл и предикация каждого предложения закончены, связи между ними нет. *Сарэдо* пока-

зывает смысловое соотношение между двумя предложениями, но морфологически не связывает их. Таким образом, *мата*, *сарэдо* и т. п. как соединительный элемент лишены всякой силы. Однако последующему предложению они придают добавочное значение. *Мата* значит 'вторично' или 'еще', *кацу* — 'сверх того, еще' и т. п. Следовательно, это не союзы, а наречия. Мацусита Дайдзабуро иллюстрирует это такими примерами:

ке-ни дзёдзитэ утаи ***кацу*** *мау* (п. я.) 'веселясь, поет и танцует.

Карэ ва сега ***нарабини*** *кэнтō-о айсу* (п. я.) 'Он любит картины, а также мечи'.

Кацу, *нарабини* лишены реального значения, они используют значение предшествующего слова — *утаи*, *сега* — и таким путем определяют последующее слово — *мау*, *аису*. Несомненно, это наречия, но они обязательно заимствуют значение у предшествующего слова. Это — паразитарные наречия, наречия-марионетки. Предшествующие слова — *утаи*, *сега* — вовсе не сочетаются с последующими — *мау*, *кэнтō* — посредством союзов; сочетание этих слов происходит независимо от союзов. Однако в них самих не выявляется, как они сочетаются. Именно для выявления этого и присоединяются союзы. *Утаи*. *сёга* и *кацу*, *нарабини* обозначают одно и то же понятие. Иными словами, то, что уже обозначено в *утаи* и *сега*, еще раз высказывается с помощью *кацу*, *нарабини*.

С другой стороны, в таких случаях, как

Яма-о коэтэ мидзу-о ватару 'Перебравшись через гору, переправимся через реку'.

Хана ва сакэ ***домо*** *тори ва утавадзу* (п. я.) 'Хотя цветы цветут, птицы не поют', предложения соединены посредством стоящих между ними союзных служебных слов *тэ*, *домо*. Их-то как раз и можно было бы назвать словами, соединяющими предложения. Поэтому д-р Ямада говорит: «Вот почему большинство тех слов, которые раньше именовались союзами, я отношу к наречиям и считаю, что словами, соединяющими предложения, являются только тэниоха»[2]. То, что современные грамматисты именуют союзами, соответствует не conjunction (союзу) западных грамматик, а скорее conjunctive adverb (союзному наречию) или half-conjunction (полусоюзу); в действительности conjunction соответствуют союзные служебные слова *ба*, *до*, *домо*, *томо*, *га*, *ни*, *о* и т. п.

Затем говорят, что союз соединяет слова, однако слова соединяет место, занимаемое словом, или служебное слово, союз же этой способности лишен.

ран, *кику*, *ӳмэ*, *суйсэн-но э-га ару* 'есть картины, [изображающие] орхидею, хризантему, сливу, желтый нарцисс'.

В данном примере слова *ран*, *кику*, *ӳмэ*, *суйсэн* соединены своим

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

положением, а именно тем, что они следуют одно за другим. В предложении же: *Ран* **то** *кику* **то** *умэ* **то** *суйсэн* **то**-*но э-га ару* соединение осуществляется посредством служебного слова *то*. В нижеследующих примерах ту же роль играют *ка*, *мо:*

Нандзи **ка** *варэ* **ка** *икадзарубэкарадзу* (п. я.) 'Тебе **ли**, мне **ли** надо идти'.

Кими **мо** *варэ* **мо** *карэ-но томо-ни арадзу я* (п. я.) '**Ни** ты, **ни** я ему не друг'.

Однако в примере *бун* ***аруйва*** *бу-о осаму* 'совершенствоваться в гражданских науках **или** в военном деле' *аруйва* — этот так называемый союз придает смысл. «иногда занимается гражданскими науками, иногда же военным делом», или «одни совершенствуются в гражданских науках, другие — в военном деле», т. е. *аруйва* не просто соединяет слова *бун* и *бу*, а имеет еще и наречное значение. В примере *яма мата яма-о коэтэ юку* 'идти, перебираясь через гору и еще гору' *мата* — тоже наречие, обозначающее повторение действия, а именно *яма-о коэ мата* (*сайдо*) *яма-о коэ* 'перейдя гору, еще (опять) перейти гору'. Поэтому, когда нет повторения, то *мата* использовать нельзя. Нельзя сказать *Яма мата яма-га такаси* 'Гора и еще гора высоки', но можно сказать *Фудзисан то Ниидакаяма то ва такаси* 'Гора Фудзи и гора Ниидака высоки', поскольку *то* в состоянии соединить оба слова и связать их непосредственно со сказуемым. *Мата* же как наречие сохраняет свое первоначальное значение — повторение действия, поэтому оно не может употребляться только с соединительным значением.

То же можно сказать о *мосйкўва* 'или', *аруива* 'или', *кацу* 'и'. Если рассмотреть их употребление, то станет ясным, что их надо считать наречиями. Кроме того, как союзы рассматриваются *нарабини* 'а также и', *оеби* 'и'. Если можно признать, что в японском языке существуют союзы, соединяющие слова, то таковыми можно считать только последние два слова. Однако и их Мацусита не считает союзами. Приводя примеры *синсэки оеби томодати-о манэку* 'пригласить родственников и друзей', *сега нарабини кэнтō-о аису* 'любить картины, а также мечи', он замечает, что *оеби* и *нарабини*, находясь между соединяемыми существительными, определяют второе, заимствуя значение первого Поскольку они определяют существительное, это как будто не наречия. Но не определяя значения существительного, а подчиняясь лишь функции существительного, они все же являются наречиями. Мацусита говорит «В западных грамматиках союзы считаются отдельной частью речи, поскольку там не обратили внимания на то, что и среди союзов и среди наречий имеются такие, которые определяют существительное. Но теперь, поскольку признано, что некоторые из наречий определяют существительное, отнести союзы к наречиям уже нетрудно»[3].

Такова сущность теории, отрицающей союзы и включающей их в наречия. Следует ли принимать ее полностью?

Обратимся к примерам. *Ани отото-о сйкару* — в этом случае слова *ани* и *отото* сочетаются, соприкасаясь друг с другом. Однако неясно, означает ли это, что *Ани-га отото-о сйкару* 'Старший брат ругает младшего брата' или кто-либо другой *ани-то отōто то-о сйкару* 'ругает старшего и младшего брата'. Поэтому для ясности употребляют служебное слово *то*, несущее функцию соединения: *ани то отото то-о сйкару* — или же вместо *то* используют союз *оёби*: *ани оёби отото-о сйкару*... Если *то* выполняет функцию соединения, то следует признать, что ту же функцию несет и *оёби*. Точно так же в примерах *яма мата кава-о коэтэ юку* 'переходить через горы да (еще) реки' и *амэ-га мата футтэ кйта* 'опять пошел дождь' употребление *мата* различно. Первое *мата* можно заменить через *то* и *оёби*, т. е. можно сказать *яма то кава-о коэтэ юку*, *яма оёби кава-о коэтэ юку*, второе *мата* незаменимо: первое *мата* употреблено как союз, второе — как чистое наречие. Таким образом, эти два *мата* различаются по принадлежности разным частям речи. Такое же различие имеется, например, у *кацу* и *аруйва*.

В предложении *амэ-га футтэ судзусйку натта* 'прошел дождь, стало прохладно' служебное слово *тэ* действительно выполняет функцию соединения. Однако неясно, как связаны оба явления — просто ли последовательностью во времени или же первое передает причину, а второе — следствие. Тогда для ясности прибавляют союз *сорэдэ* 'поэтому': *Амэ-га футтэ сорэдэ судзусйку натта* 'Прошел дождь, поэтому стало прохладно'. Можно подумать, что в данном случае *сорэдэ*, получив значение предшествующего *амэ-га фуру* 'идет дождь', определяет последующее сказуемое. Но, поскольку в предложении *амэ-га футта нодэ судзусйку натта*, равнозначном предыдущему, *нодэ* — союзное служебное слово, вряд ли можно отрицать, что *сорэдэ* — союз (правда, излишне говорить, что как члены предложения *нодэ* и *сорэдэ* рассматриваются различно).

Подобное же соотношение наблюдается между *га* и *сйкаси* в предложении *Хару-га кита га хана-га саканай* 'Наступила весна, но цветы не цветут' и равнозначном: *хару-га кйта. Сйкаси хана-га саканай*. Справедливо, что некоторые союзы наряду с функцией соединения несут функцию определения. И если при определении этой части речи на первое место ставить функцию соединения, то нет оснований не признавать союзы отдельной частью речи.

Соединение слов и предложений в японском языке, как говорят те, кто отрицает в нем наличие союзов, может осуществляться с помощью срединной формы сказуемого, с помощью места в пред-

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

ложении, так называемого соединительного положения, и с помощью соединительных служебных слов. Однако этого бывает недостаточно: часто смысл предложения остается неясным, и для того чтобы восполнить этот недостаток, развились так называемые союзы. Если относить все союзы к наречиям, то, поскольку не все наречия могут употребляться союзно и не все союзы наречно, придется строго различать, с одной стороны, те наречия, которые из наречий превратились в союзы, с другой — чистые наречия.

На основании изложенного союзы следует признать отдельной частью речи.

Союзы — знаменательные слова, не изменяемые по форме. Под названием квази-тайгэны их приравнивают к тайгэнам. Однако тогда как тайгэн может быть подлежащим, союз подлежащим быть не может, поэтому такое название к нему неприложимо. Об отличии союза от наречия сказано достаточно. К этому можно добавить, что наречие служит определительным членом предложения, а союз — один из независимых членов предложения, а именно союзное слово. Затем, среди союзов есть такие, которые кажутся совершенно лишенными знаменательности. Например, союзы разговорного языка *га*, *дага*, *кэрэдомо*, *дакэрэдомо данони* (противительные), *дэва*, *дакара*, *дэсӱкара* (причинные) и т. п. по происхождению — служебные слова или словосочетания — слова, состоящие из служебного слова с служебным глаголом, а следовательно, они должны быть формальными словами. Однако, превратившись в союзы, они рассматриваются уже не как формальные, а как знаменательные слова. Таким образом, при конверсии формальное слово приобретает знаменательность. Поэтому слово, которое, будучи служебным словом или служебным глаголом, никак не могло начинать предложение, превратившись в союз, теперь обладает этой способностью.

Коснемся таких слов, как *айда*, *тамэ*, *юэ*, *дзē*:

Мēнити сандзē итасубэку сōрō ***айда*** *го-дзайтаку-но ходо гандзē сōрō* (эпист.) ‘Так как завтра я буду иметь честь вас посетить, осмелюсь просить вас быть дома’.

По одной из существующих теорий в таком употреблении эти слова относят к союзам; первоначально они были существительными, но их реальное знаменательное значение стало неопределенным, и они стали формальными словами [1]. Таким образом, грамматически можно считать, что они, утратив знаменательность, превратились в служебные слова, можно относить их к формальным существительным или по-прежнему считать их реальными существительными. Однако относить их к союзам я считаю неправомерным (некоторые относят их к формальным наречиям, но это, конечно, неправильно).

II. УПОТРЕБЛЕНИЕ СОЮЗОВ И ИХ КЛАССИФИКАЦИЯ

1. УПОТРЕБЛЕНИЕ СОЮЗОВ

Употребление союзов легко вывести из их функций. Обобщая их, можно выделить два случая: употребление в качестве независимого члена (союзного члена) и употребление не в качестве независимого члена.

I. Употребление в качестве независимого члена.

В предложении представлены независимые члены нескольких видов, один из них — союз, являющийся союзным членом. В этом случае можно наметить три различных способа соединения.

1) Соединение в одном предложении синтаксических единиц, находящихся в равноправном положении:

Рёкяку-ва сясо̄-ёри яма-о аоги ***аруйва*** *кава-о нодзомэри* (п. я.) 'Пассажир из окна вагона взирает на горы **или** смотрит на реку'.

В данном предложении *аоги* и *нодзомэри* — сказуемые; они находятся в одинаковом отношении к подлежащему *рёкяку*. Правда, между этими сказуемыми и союзом есть и другой член предложения, но и он подчинен второму сказуемому, а поэтому не мешает соединению. Все предложения, в которых союз употреблен таким образом, являются по своей структуре так называемыми простыми предложениями[4].

2) Соединение частей сочиненного предложения или наречно-определительного членного предложения с главным.

Цӳки ***мо*** *киёку, кацу кадзэ* ***мо*** *судзуси* 'И луна ясна, **и** ветер прохладен'.

Предложения, разделенные *кацу*, равноправны и вместе образуют одно предложение, которое по своей структуре является так называемым сочиненным предложением.

Тотяку-га окурэта ***га, сйкаси*** *косе̄-ва накатта* 'Прибытие запоздало, **но** аварии не было'.

Мидзу киёкэрэба ***сунавати*** *уо сумадзу* 'Если вода чиста, **значит** рыбы не водится'.

Предложения, предшествующие *сйкаси* и *сунавати*,— наречно определительные членные предложения, определяющие сказуемое последующего главного предложения. По своей структуре это так называемые сложные предложения.

3) Соединение независимых предложений.

Сйкэн ва сэматтэ кита. ***Дага****, мада дзюмби ёку дэкйтэ инай.* 'Экзамены надвинулись. **А** [я] еще как следует не подготовился'.

Дага начинает собой второе предложение, однако оно подхватывает смысл предыдущего предложения и этим продлевает его в последующем. Иначе говоря, оба предложения благодаря союзу объединяются по смыслу, оставаясь совершенно независимыми по форме. В этом отличие указанного употребления. Следует

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

подчеркнуть, что в данном случае союз стоит в начале предложения.

II. Употребление не в качестве независимого члена.

Зафиксирован только один случай такого употребления, а именно соединение в пределах одного предложения слов или словосочетаний слов, в одинаковой позиции входящих в один член предложения (образующих одну синтаксическую единицу).

Варэ ва кинō амэ ***оёби*** *кадзэ ни наямасарэтари* (п. я.) 'Вчера нас мучил дождь и ветер'.

Ватакӯси ва има сёмоцу-но гэнкō ***нарабини*** *эндзэцу-но фукуан-о цӯкуттэ имасу* 'Я сейчас готовлю рукопись книги и набросок речи'.

В первом предложении *амэ оёби кадзэ* 'дождь и ветер' — наречное определение, составляющее один член предложения. В нем имеются слова *амэ* и *кадзэ*, которые связывает союз *оёби* 'и' и тем превращает их в один член предложения. Во втором предложении словосочетания-слова *сёмоцу-но гэнкō* и *эндзэцу-но фукуан*, в каждое из которых входит адъективное определение, будучи соединены союзом *нарабини*, образуют так называемое слово-объект, составляющее один из членов предложения (правда, *сёмоцу-но* и *эндзэцу-но* можно рассматривать как самостоятельные члены предложения — адъективные определения)[5].

Указанное употребление можно иногда смешать с первым случаем первого употребления. Их различие выявляется в следующем примере:

сэйсинрёку мо ***мата*** *тайрёку мо наси* 'и духовной силы, да и физической силы нет'.

сэйсинрёку ***оёби*** *тайрёку наси* 'духовной и физической силы нет'.

В обоих случаях *сэйсинрёку* и *тайрёку* — подлежащие при *наси*. Однако первое предложение можно рассматривать как слияние двух предложений — *сэйсинрёку мо наси* и *тайрёку мо наси* — в одно с общим сказуемым *наси*. Подлежащие каждого из предложений сохранили свою позицию и каждое порознь соотносится со сказуемым *наси*. *Мата* соединяет подлежащие, но не зависит ни от одного из них, поэтому *мата* в данном случае следует назвать независимым членом. В этом предложении представлено так называемое соположение подлежащих. В отличие от него во втором предложении *сэйсинрёку* и *тайрёку* порознь не соотносятся со сказуемым, *сэйсинрёку оёби тайрёку* в целом образует по отношению к сказуемому одно подлежащее. В подлежащее, составляющее один член предложения, входит и *оёби*, и разделить это подлежащее на́двое нельзя. Союз *оёби* соединяет эти слова, причем сам входит в объединенное целое как его часть. При разборе предложения его нельзя выделить как независимый член. Следовательно, здесь нет соположения подлежащих. Таким об-

разом, в первом предложении *мата* — независимый член, не входящий в подлежащее, во втором предложении *оёби* — составная часть подлежащего.

2. КЛАССИФИКАЦИЯ СОЮЗОВ

Союзы в общем можно классифицировать так:

I. Сочинительные (хэйрэцўтэки 並列的) союзы.

1) Чисто сочинительные (дōкакўтэки 同格的 или хэйрэцўтэки 並列的).

Это союзы, соединяющие два или более слова, словосочетания и предложения в одинаковой позиции. Поскольку последние стоят в одинаковой позиции, порядок их может быть изменен без особого изменения смысла.

Тōкё̄, Кё̄то ***оёби*** *Ōсака-о Ниппон-но сандайтō-то йу* 'Токио, Киото и Осака называют тремя крупнейшими городами Японии'.

Сё-о ёми ***мата*** *си-о цўкуру* (п. я.) 'Читает книги и пишет стихи'.

2) Присоединительные (руйкатэки 累加的 или тэнкатэки 添加的).

Сюда относятся союзы, которые употребляются при постепенном перечислении предметов или явлений в определенной пространственной, временно́й или иной последовательности. При этом перестановка соединяемых слов, словосочетаний или предложений вызывает известное изменение смысла.

Конъюн Нара-ни асоби, ***цуйдэ*** *Ёсино-ни икитари* (п. я.) 'Этой весной отдыхал в Нара, **заодно** побывал в Ёсино'.

Амэ мо хидокатта га, ***соноуэ*** *кадзэ мо хагэсйкатта* 'Дождь был ужасный, но **сверх того** и ветер был сильный'.

К таким союзам относятся также *сйкамо, кацу, сйкасйтэ, сосйтэ, сорэни, сорэкара, нао* и др.

3) Разделительные (букв. 'избирательные' — сэнтакўтэки 選擇的).

Эти союзы употребляются, когда из двух или более возможностей надо выбрать одну. При перестановке обычно бывает некоторое изменение смысла.

Ики ка ***хата*** *си ка* (п. я.) **'Жизнь или смерть'.**

Карэ ва ундō иппанни тё̄дзитарэдомо, ***накандзуку*** *тэйкю̄-ни кō нари* (п. я.) 'Он вообще хороший спортсмен, но **в особенности** он преуспел в теннисе'.

Сюда относятся *сорэтомо, мосйкўва, матава, аруйва* и др.

II. Условные (дзё̄кэнтэки 條件的) или причинные (ингатэки 因果的) союзы.

Это союзы, соединяющие выражение предшествующего условия с выражением возникающего результата. Если условие и результат согласуются, перед нами прямая связь; если условие

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

и результат не согласуются — обратная связь. При использовании этих союзов перестановка, разумеется, недопустима.

1) Союзы прямой связи (дзюнсэцўтэки 順說的 или дзюнтайтэки 順態的).

Хару китарэри. ***Сарэба*** *он-га нари* (п. я.) 'Весна наступила. **И вот** стало тепло'.

Сакуя ва еку нэмурэнакатта. ***Сарэдэ кё̄*** *ва атама-га хаккири синай но да* 'Прошлой ночью я плохо спал. **Поэтому** сегодня голова у меня туманная'.

К этой категории относится множество союзов, например: *юэни, ситагаттэ, ёттэ, сунавати, сйкараба, сйкарэба, сорэдэва, дэва, дэ, сокодэ, сорэдэ, дакара, дэсўкара, сорэ, дэсў кара, сорэ да кара, сорэнара, соннара, соситара, сосуруто, суруто* и др.

2) Союзы обратной связи (гякўсэцўтэки 逆說的 или гякўтайтэки 逆態的).

Фую сарэри. ***Сйкаруни*** *юки мада токэдзу* (п. я.) 'Зима ушла. **Однако** снег еще не растаял'.

Ияку-но кагири-о цўкўсйта. ***Сорэ да нони*** *бёсэй ва наканака отороэнай* 'Лекарства исчерпаны. **А все же** состояние никак не улучшается'.

К этой категории относится множество союзов, например: *сйкаси, сикарэдо, сйкарэдомо, сарэдомо, саруни, саринагара, сйкамо, сйкасинагара, тадаси, моттомо, кэрэдо, кэрэдомо, дакэрэдо, дакэрэдомо, дэсўкэрэдо, дэсукэрэдомо, сорэ дэсў кэрэдомо, сосо да кэрэдомо, сосо дэсў кэрэдомо, га, дага, дэсўга, сорэ да га, сорэ дэсў га, сорэ дэсў нони; дэмо, сорэдэмо, сорэни, даттэ, токорога* и др.

III. ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Обычно в грамматиках при объяснении происхождения союзов указываются различные их категории: образовавшиеся от наречий, например. *кацу, мата, нао, моттомо*; от глаголов: *оёби, нарабини, ситагаттэ, суруто*, от существительных с присоединением служебных слов: *цугини, юэни, тамэни*; от местоимений с присоединением служебных слов, например: *соноуэ, сорэни, сорэтомо, сорэдэ, сорэ дэсў кара* и т. д.; от местоимений с присоединением служебных глаголов, но с опущением самих местоимений, например: *дакара, дэсўкара, дага* и т. д.; от служебных слов: *га, дэ, дэва, дэмо, кэрэдомо* и т. д. Однако в задачи грамматики не входит изучение происхождения слов, поэтому в настоящей книге мы приводим по данному вопросу лишь краткие упоминания.

Среди союзов, встречающихся в так называемых «сёномоно» периода Муромати, имеется множество союзов специфических, сейчас неупотребительных, причем о многих из них трудно сказать, являются ли они чистыми союзами. Таковы *аруга, аруни*,

аруо, *арэдомо*, *саарэба*, *сарумаэва*, *сйкаруга*, *суруни*, *суруо*, *сурэдомо*, *сурэба*, *нарэдомо*, *нарэба* и т. п.[6] Чаще всего они употребляются в начале второго предложения и связывают его содержание с первым предложением.

О функции союзов Токуда Киёси пишет следующее:

«Союзы, расположенные между двумя (или более) противопоставляемыми словами, словосочетаниями, предложениями, выполняют две функции — соединения и противопоставления. При этом полагают, что причиной является соединение слов, словосочетаний и предложений по смыслу. Считается, что союзы служат соединительным звеном между предыдущим и последующим значением. Это верно, но соединяют значения они потому, что находятся в определенном положении между этими словами, словосочетаниями, предложениями. Доказательством может служить то, что большинство союзов происходит от наречий, а наречие, даже стоя в начале предложения, не соединяет его с последующим, потому что оно не стоит между словами и предложениями. Если же наречие стоит между словами и предложениями, то оно выполняет функцию соединения и таким образом превращается в союз. Наречия *кō*, *сō*, *соннани* 'так' и т. п. по смыслу как будто соединяют предыдущее предложение с данным. Однако эти наречия не выявляют противопоставления слов, словосочетаний и предложений. Они выполняют скорее функцию определения и исключить их нельзя. Отсюда ясно, что противопоставления в данном случае нет. Следовательно, функция союзов состоит не только в соединении, для нее необходимо и противопоставление. Таким образом, союз противопоставляет и вместе с тем соединяет. Поэтому с точки зрения функции союза противопоставление для него исключительно важно»[7].

ПРИМЕЧАНИЯ АВТОРА

[1] См. К у с а н о, I, стр. 262 — 263; Я м а д а, VIII, стр. 100 — 128; Я м а д а, IX, стр. 392 — 394; Я с у д а, I, стр. 260 — 265; Я с у д а, II, стр. 105; М а ц у с и т а, III, стр. 211 — 212 и 305 — 309; М а ц у с и т а, I, стр. 39 — 43.
[2] Я м а д а, VII, стр. 123.
[3] М а ц у с и т а, III, стр. 309.
[4] Ср. и примеры у Х а с и м о т о, IV, стр. 309 — 311.
[5] Примеры там же, стр. 309 — 311.
[6] См. более полный перечень Ю д з а в а, I, стр. 246 — 254.
[7] К. Т о к у д а, I, стр. 163 — 164.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Междометие

I. СУЩНОСТЬ МЕЖДОМЕТИЯ

Междометия (кандōси 感動詞) — слова, в которых отражается как таковое то, что произносится в момент переживания эмоции (кандо). Их называют также *кантанси* (感歎詞) «восклицательные слова» и *кантōси* (間投詞). Последнее является буквальным переводом западного грамматического термина interjection; такое наименование происходит от значения: «бросить в предложение». А само по себе это название объясняется тем, что большинство слов, выражающих переживание эмоций, вставляется между другими словами. Таким образом, названия *кандōси* и *кантанси* исходят из значения, а *кантōси* — из употребления этих слов.

Междометия выражают переживание эмоции не объективно, а субъективно и непосредственно. Они передают невольные возгласы, которые издаются под влиянием чувства или волевого побуждения. Следовательно, междометия не обозначают какого-либо сознательного определенного понятия. В лингвистике эти звуки, невольно испускаемые в радости, гневе, горе, наслаждении, изумлении, страхе и т. п., называются interjectional cries (междометийные возгласы); их надо отделять от подлинно осмысленной речи. В междометийных возгласах разных языков есть много общего. Это свидетельствует о том, что они сходны с криками, естественно испускаемыми животными, в них мало содержится от сущности языка. А именно, от подлинно значащих слов их отделяет не только то, что они издаются бессознательно, но и то, что эмоции, ими передаваемые, весьма неотчетливы. Таким образом междометия представляют собой полное непосредственное отражение эмоций, причем ни мыслительный анализ, ни синтез им не предшествует; другими словами, мыслительной регуляции при их произнесении не наблюдается. Между тем наша речь состоит в выявлении мыслительной деятельности с помощью сознательно, рационально регулируемых звуков. Возглас *сицӯ* 'тсс...' — средство водворения тишины. Однако его понятийное содержание неясно. Здесь нет того мыслительного процесса анализа и синтеза, какой имеется при произнесении слов: «Прошу вас, тише». Но, несмотря на это, междометие выражает известную эмоцию в целом, и в этом смысле его можно назвать предложением. Таким образом, междометия называют словами-предложениями (бунсёго 文章語,

sentence-word) или эквивалентами предложений (sentence equivalent).

Грамматическое предложение обычно определяется так: «Предложение — слово или группа слов, способная выражать целую мысль или значение...» Следовательно, «Предложение есть слово или группа слов, чьи формы заставляют нас ожидать выражения полного значения» *.

В этом смысле междометие называют словом-предложением. Однако обычно предложение в грамматике должно состоять из подлежащего и сказуемого (разумеется, могут быть и другие члены предложения, но наличие этих двух во всяком предложении обязательно) и выражать законченную мысль. Поэтому при разборе предложения междометие рассматривается как один из независимых членов — междометийный член. Однако О. Есперсен под названием «аморфных предложений» (amorphous sentence) приводит следующие:

Jess! Good-bye! Thanks! Dear me! Heavens! Of couse! Nonsense! Silence! и т. п.

Эти слова — явно не подлежащие и не сказуемые, однако они рассматриваются как предложения. Таким образом, некоторые из междометий не только стоят вне предложения, являясь независимыми членами, но могут представлять собой особое предложение. Во всяком случае, при изучении междометий надо учитывать, что по своему характеру они могут быть словами-предложениями. Это особенно важно с точки зрения отличия их от других частей речи.

Междометия — знаменательные слова, по форме неизменяемые. В этом они сходны с тайгэнами. Однако тогда как тайгэн может быть подлежащим, междометия этой способности лишены. Мало того, как член предложения междометие является независимым словом, не имеющим никакой связи с главными членами предложения. Другими словами, междометие не способно быть членом предложения и вступать в какие-либо взаимоотношения с другими частями речи. Поэтому отсутствие междометия никак не отражается на логической структуре предложения. Вот почему Хосина и пишет: «Естественно, что при расстановке знаков препинания после междометий ставится точка, а не запятая»[1]. Слова, относящиеся к другим частям речи, могут образовать предложение (правда, союз при этом является независимым словом), междометие же, строго говоря, членом предложения не является. В этом состоит его основное отличие от других частей речи. Союз, как уже говорилось в предыдущей главе, сходен с междометием тем, что он может быть независимым словом, однако союз может

---

* H. Sweet, New English grammar, 1932; в оригинале цитата приведена по-английски.— *Прим. ред.*

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

таковым и не быть, междометие же всегда является независимым словом.

Однако и против этого существует возражение. Ямада Ёсио относит междометия к наречиям и прилагает к ним название междометийных наречий[2]. Он считает, что междометия японского языка не соответствуют interjection западноевропейских грамматик. О настоящих interjection Гейзе говорит:

«Междометия — это произнесенное вслух выражение эмоции, а не знаки определенного представления; следовательно, это не настоящие слова, а просто звуки ощущений» *.

Если искать подобные междометия в японском языке, то к ним можно будет отнести такие, как *айдзо*, *аварэ*, *харэ* и др.

Ямада считает, что междометия японского языка не могут вставляться в любое место предложения; и хотя установлено, что они, будучи независимыми словами, не имеют никакой связи с главными членами предложения, однако на самом деле они непременно предваряют какую-либо мысль; если же употребляются изолированно, то в них воплощается законченная мысль, а подобное употребление свойственно и наречиям. Другими словами, междометия японского языка не стоят вне предложения, а входят в него и употребляются согласно определенным нормам.

«Они употребляются для того, чтобы дать предварительное представление о характере всей мысли или чтобы вызвать мысль. Они относятся ко всему предложению в целом, а не находятся в особом отношении к отдельному члену, и этим чрезвычайно отличаются от наречий трех вышеназванных категорий — наречий состояния, наречий степени и наречий предикации.

Все междометия являются, как уже было только что сказано, предварением мысли, излагаемой в предложении. Но их знаменательное содержание крайне широко и неясно и нередко приобретает известную ценность только при появлении того предложения, которое они предваряют или вызывают. Если же за ними не следует предложение, то они могут быть истолкованы по-разному. Но, разумеется, субъект речи, произнося их, вкладывает в них определенное содержание.

Междометия, выражающие эмоцию, обладают довольно отчетливым значением и, выявляя эмоциональную окраску мысли говорящего, оказывают влияние на ее выражение в целом. Все такие междометия являются словами, предваряющими мысль. Поэтому, если за ними не следует других слов, значит, эти слова опущены, т. е. мысль осталась неразвернутой.

Междометия, передающие зов или отклик, представляют собой возглас, который либо предшествует выражению какой-либо мысли, либо, при ответе другому, предваряет отклик субъекта

* В оригинале цитата приведена на немецком языке. — *Прим. ред.*

речи, либо имеет целью привлечь чье-либо внимание, либо служит предварительным выражением намерения говорящего выразить что-либо в дальнейшем. Среди таких междометий многие по сравнению с междометиями, выражающими эмоции, менее значимы, т. е. не имеют почти никакого определенного знаменательного содержания. Но поскольку они выполняют функцию предварения мысли, которая должна за ними последовать, постольку они представляют собой слова.

Наречия, передающие эмоции или зов и отклик, часто употребляются для выражения в одном слове целой мысли. В таком случае мысль высказывается неразвернуто, и нередко случается, что хотя для говорящего она и ясна, другой не в состоянии ее понять»[3].

Я считаю, что с вышеизложенной теорией Ямада об отнесении междометий к наречиям согласиться нельзя. Разумеется, я признаю, что междометия обладают некоторыми свойствами наречий, но по сути они отличны от чистых наречий, что подтверждается следующими примерами:

Иттай дарэ га конна кото-о иидасйта ка 'Собственно, кто сказал такую вещь?'

Хиккē хэйдзэй-но кокорогакэ-га варуй кара да 'В конце концов оттого, что обычные намерения плохи'.

Здесь *иттай*, *хиккē* — наречия, определяющие все предложение в целом.

Оя, аната мо кйта но дэсӯ ка? 'О, и вы пришли?'

Сā, тайхэнна кото-га окотта 'Да... ужасная вещь случилась?'

Здесь *оя*, *сā* — междометия. Но если даже допустить, что они определяют предложение, являясь наречием, то откуда же в таком случае идет различие последних предложений с первыми двумя? *Иттай* и *хиккē* входят в предложение, а *оя* и *сā* противостоят ему, но не входят в него. Поэтому в первых предложениях наречие можно поставить перед сказуемым с тем, чтобы оно определяло не все предложение, а только сказуемое:

Дарэ-га сонна кото-о иттай иидасйта ка? 'А, кто, собственно, сказал такую вещь?'

хэйдзэй-но кокорагакэ-га хиккē варуй кара да 'оттого, что обычные намерения в конце концов плохи'.

Наречие может определять часть предложения, поскольку оно само входит в предложения. Для *оя* и *сā* это невозможно.

Отсюда вытекает разница между наречием и междометием: наречие связано с последующим, междометие нет. Поэтому в данной книге междометие рассматривается как отдельная от наречий часть речи.

Некоторые грамматисты относят к междометиям так называемые междометийные служебные слова: *кана*, *я*, *на*, *нэ*, и т.п. Однако, конечно, поскольку это служебные слова, они являются формаль-

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

ными словами, чем и отличаются от междометий, которые являются знаменательными словами. Междометия могут стоять в начале предложения, а междометийные служебные слова стоять в начале предложения не могут. Если они встречаются в начале предложения, это значит, что они превратились в междометия, например:

Нэ, икимасē ė 'Ну, пойдем!', *Нэ, ий дэсē?* 'Что, хорошо?'

Нā, кими! боку-но рон-га тадасий дарō 'Послушай, а ведь прав-то я!' (букв. «мое рассуждение») [1].

Далее, междометие может употребляться самостоятельно, а междометийные служебные слова, будучи служебными словами, несамостоятельны и могут употребляться только при другом слове. Если по значению они и выражают эмоцию, то по этим двум признакам их можно отличить от междометий.

В употреблении междометий различается два случая.

1) Употребление в качестве независимого члена:

Аварэ, котоси-но аки мо инумэри (Сэнсайсю) 'Увы, прошла и нынешняя осень!'

А, кутабирэта 'Ох, устал!'

Ося, дарэ мо инай дзо! 'О, никого нет!'

2) Употребление в качестве отдельного предложения:

Ō, ō, то иэдо татаку я юки-но кадо (Кĕрай) 'Хоть и говорю: «О, о!» — стучат! Ворота в снегу'.

Тасикани сēти-сйтэ курэмасў нэ? Хай 'Наверное, согласитесь, а? Да?'

Хай употреблено в значении «конечно, я согласен», то есть как предложение. *Ō, ō* здесь имеет значение «иду открывать ворота! хорошо, хорошо!». Поэтому указанные междометия можно рассматривать не как независимые члены, а как особые предложения.

Помимо способности быть независимым членом и отдельным предложением, междометие имеет еще ту отличительную черту, что оно не может иметь впереди себя никакого определения. Таким образом, оно отличается от тех частей речи, которые могут быть подлежащими, сказуемыми и определениями. Эти особенности присущи и союзу, но последний не может образовать предложения, в этом состоит их четкое отличие.

II. КЛАССИФИКАЦИЯ МЕЖДОМЕТИЙ

По значению междометия можно разделить на две группы:

1. Междометия, выражающие эмоцию

Формально они различаются по интенсивности выражаемой эмоции, а по значению делятся на передающие изумление, испуг, радость, гнев, горе, удовольствие и т. п.

А, канасий кана, итамасий кана (п. я.) 'Ах, как грустно, как печально!' [2]

А, тайхэн да! 'Ах, ужасно!'

Арэ, тасукэтэ курэ! 'Ой, спасите!'

Ия, тондэмонай кото-ни наримасйта 'Ай, какая ерунда получилась!'

Так же употребляются междометия *ана, ара, авая, аппарэ, ия, э, ō, отто, са, сорэ, доккой, дорэ, харэ, хаха, хатэ, лэн, хора, хая, мā, ия, ā, ярэ.*

Может встречаться и несколько междометий подряд, например: ***ара мā, дō сйта но*** 'Ой-ой, как это вышло?'

Так же употребляются *оя мā, ано нэ, хатэ на.* Может быть дважды повторено одно и то же междометие, образуя редуплицированное слово, например: *ара-ара, мā-мā, оя-оя, сā-сā, ия-ия, сорэва-сорэва.* Эти явления в японском языке очень часты.

2. Междометие, выражающее зов и отклик

Эти междометия употребляются, когда нужно позвать кого-нибудь, ответить кому-нибудь, привлечь чье-либо внимание и т. п. Выражаемая ими эмоция по интенсивности слабее, чем в первом разряде. Поэтому среди них имеются и такие, которые в строгом смысле слова отнести к междометиям нельзя. Например, если на вопрос *ната-ва Токē-но умарэ дэсу ка*? 'Вы уроженец Токио?' отвечают *хай*, то это *хай* означает 'Я уроженец Токио'. Если бы *хай* выражало эмоцию, то и 'Я уроженец Токио' должно было бы ее выражать. Однако 'Я уроженец Токио' передает явление действительности, а не эмоцию. Следовательно, называть слово *хай* междометием с точки зрения его значения неправомерно. Не следовало ли бы отделить его от междометий под названием «ответного слова» (ōтōси 應答詞)? Однако из предыдущего параграфа ясно, что по своему употреблению оно подобно *аварэ* 'увы', *ара* 'ой!' и т. п., вследствие чего в данной книге это слово на основании своего употребления пока рассматривается вместе с междометиями.

Икани Моринага, варэ-оба сутэтэ идзуко-э юку дзо? (Хэйкэ-Моногатари) 'Как, Моринага, куда уходишь, бросив меня?'

Ийэ нанимо киитэ ва оримасэн 'Нет, я ничего не слышал!'

Ой, Танака-кун, хаяку китамаэ! 'Эй, Танака-кун, иди скорей!'

К междометиям такого рода относятся *ā, идэ, идза, иэ, ийэ, ия, икани, э, ой, ōй, корацу, сува, сувая, сора, нани, ха, хā, хэй, тейто, моси, яй, ё.* Они тоже нередко употребляются редуплицированно: *ā-ā, ийэ-ийэ, ия-ия, ой-ой, кора-кора, тёйто-тёйто, сō-сō, моси-моси.*

Все вышеперечисленные слова являются исконными междометиями, но существуют и междометия, происшедшие путем конвер-

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

сии от других частей речи. Например, *намусан*, *тикӯсē*, *кӯсо* [3] происходят от существительных, *арэ*, *сорэ*, *дорэ*, *нани* — от местоимений, *иямо*, *сатэ* — от наречий, *дэмо*, *нэ*, *нэ* — от служебных слов. Кроме того, в начале предложения в качестве междометий употребляются предикативные прилагательные в форме основы со служебным словом, например:

Кияси *я*, *буун цутанаку ябурэтари* (п. я.) 'О горько, в войне не повезло, и [мы] разбиты'.

Ана ***касйко***, *васурэтамау на* (п. я.) 'Ах, беда, не забудь!'

Такое употребление в разговорном языке не встречается.

ПРИМЕЧАНИЯ АВТОРА

[1] Хосина, II, стр. 181.

[2] Ямада, VIII, стр. 128—131; здесь он называет междометия «каннō-фукӯси» (感應副詞), а в I, VII и IX — «кандō-фукӯси» (感動副詞).

[3] Ямада, VIII, стр. 532 — 535.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Служебные глаголы

I. СУЩНОСТЬ СЛУЖЕБНОГО ГЛАГОЛА

Наименование «служебный глагол» (*дзёдōси* 助動詞) — перевод английского слова Auxiliary verb. Такое наименование появляется в работах Оцуки Фумихико. В английском языке Auxiliary verbs называют слова be, have, will, shall, may, can, do. Их можно называть также вспомогательными глаголами (ходзёдōси 補助動詞). По своей сути — это самостоятельные глаголы, но, присоединяясь к другому основному глаголу, они играют роль показателей залога, наклонения и времени. Однако японские так называемые служебные глаголы отличаются по характеру от английских; *они являются формальными словами, не имеющими самостоятельного употребления*, т. е. словами, которые могут выполнять свои функции только путем постпозиционного присоединения к знаменательным словам [1]. Иначе говоря это слова, которые сами по себе не могут выступать в качестве членов предложения. При всем том японские служебные глаголы не лишены определенного значения. Однако самостоятельно выявить свое значение они не могут. Следующие примеры указывают на то, что служебные глаголы имеют значение:

1. *Мēнити ва амэ фуру* 'Завтра пойдет дождь';
2. *Мēнити ва амэ фуруōси* 'Завтра, должно быть, пойдет дождь';
3. *Тити ва кē каэру* 'Отец сегодня вернется';
4. *Тити ва кē каэранай.* 'Отец сегодня не вернется'.

Разница между первым и вторым примерами заключается в значении служебного глагола *бэси*; разница между третьим и четвертым примерами заключается в значении служебного глагола *най*.

Если буквально истолковывать термин японского языка *дзёдōси*, то это значит — «слова, помогающие глаголам». Следовательно, их основная функция заключается в том, чтобы, присоединяясь к глаголу, помогать выявлению его различных смысловых оттенков. Однако в действительности *служебные глаголы присоединяются не только к глаголам*, но также и к существительным, числительным, местоимениям, адъективным глаголам, служебным словам и к другим служебным глаголам [2], например:

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Хана имада сакадзу (п. я.) 'Цветы еще не цветут'.—Служебный глагол *дзу* присоединен к глаголу.

Корэ ва хана нари (п. я.) 'Это есть цветы'. —Служебный глагол *нари* присоединен к существительному.

Ни то сан-но ва (和) *ва го дэсу* 'Сумма двух и трех есть пять'.— Служебный глагол *дэсу* присоединен к числительному.

Кадзэ ито сидзука нарики (п. я.) 'Ветер совсем стих'. — Служебный глагол *ки* присоединен к адъективному глаголу.

Гэккō нагаруру-га готоси (п. я.) 'Лунный свет как будто льется'.— Служебный глагол *готоси* присоединен к служебному слову.

Ко, тити-ни хомэрарэтарики (п. я.) 'Ребенок был похвален отцом'. — Служебный глагол *тарики* присоединен к другому служебному глаголу.

Есть возражения против включения в группу служебных глаголов тех из них, которые присоединяются к тайгэнам; но все же обычно их включают в этот разряд. Соответственно некоторые ученые дают следующее определение служебному глаголу: «Служебными глаголами называются слова, которые, присоединяясь к другим словам, помогают выразить сказуемостное значение».

Заслуживает внимания теория д-ра Ямада. Он разделяет слова, которые издавна называются «дзёдōси», на две группы; одну из них он считает формальными ёгэнами, а другую — не словами, а усложненными окончаниями ёгэнов — «сложными окончаниями» (фукугоби 復語尾). Д-р Ямада обосновывает это следующим образом. Японское наименование «дзедōси» является переводом английского Auxiliary verb; но служебные глаголы в английском языке — это, по существу, самостоятельные слова, которые по своей функции восполняют основные глаголы, выражая voice (залог — тай 態), tense (время — токи 時), mood (наклонение — хō 法), form (форму — катати 形) и т. д.; что касается формы, то они отнюдь не присоединяются к основному глаголу и, в зависимости от синтаксической роли, могут менять свое место в предложении. Кроме того, такие глаголы, как be, have, do являются не только служебными, но имеют и самостоятельное употребление. Поэтому английские служебные глаголы названы так согласно своей глагольной функции, однако они не составляют отдельной части речи. Выделение же японских служебных глаголов в самостоятельную часть речи кажется странным. Формальные ёгэны — это *нари*, *тари*, *готоси*, *да*, *дэсу*. Они, следуя за другими словами (присвязочным членом), выполняют предикативную функцию. Потому-то они не являются ни сложными окончаниями, ни служебными глаголами, а представляют собой отдельные слова, именующиеся «формальный ёгэн». Если под названием «дзёдōси» понимать «глаголы, имеющие вспомогательный характер», то ведь глаголы *кану*, *сасу* в предложениях: *каēна кото ва итасиканэмасу* 'такую вещь я затрудняюсь сделать';

сигото-о сисасэтэ нагамэта иру 'прекратив делать работу, смотрит', подобно *цукамацуру*, *татэмацуру*, *сōрō* в эпистолярном стиле и *масу* в разговорном языке, по характеру являются полноценными словами; однако они не самостоятельны по способу использования, поскольку употребляются только в соединении с другим глаголом. В противоположность этому *су*, *сасу*, *симу*, *ру*, *рару*, *му*, *дзу*, *цу*, *ну*, присоединяясь к глаголам или бытийным словам, несут функции такого же рода, как служебные глаголы европейских языков. Однако с самого начала они не были самостоятельными отдельными словами, а развились как результат усложнения окончаний ёгэнов; ни одно из них не может употребляться отдельно от стоящего перед ним ёгэна, так что в старое время они считались частью спряжения[1]. Следовательно, первоначальные формы спряжения ёгэнов рассматривались как основа слова, затем они выделились, и хотя их стали рассматривать как часть, присоединяющуюся постпозиционно к первоначальным формам спряжения, однако главным их признаком является то, что они не могут быть отделены от ёгэнов. Иногда глаголы и бытийные слова не могут достаточно четко выполнить своих изъяснительных или предикативных функций при помощи основных форм спряжения. В таком случае эти сложные окончания, выделяясь из форм спряжения ёгэна в качестве окончаний, выражают различные значения и таким образом уточняют функцию или предикацию ёгэна. Поэтому данное явление рассматривается как внутреннее морфологическое изменение ёгэна. Поскольку «сложные окончания» возникли в результате усложнения окончаний, то их название означает, что это окончания вторичные. Таким образом, между формами спряжения ёгэнов и выделившимися из них сложными окончаниями существует тесная связь, и они никоим образом не могут быть отделены друг от друга, т. е. между первоначальными формами спряжения ёгэнов и сложными окончаниями нельзя вставить какое-либо другое слово. Это значит, что сложное окончание и предшествующая ему форма спряжения составляют одно нераздельное целое и, следовательно, ёгэн в соединении со сложным окончанием нужно рассматривать как одно слово. Поэтому, в случае раздельного написания слов, форму спряжения ёгэна и сложное окончание нельзя писать раздельно. Да и с точки зрения произношения их никогда не произносят раздельно. Придерживаясь изложенной точки зрения, д-р Ямада дал нижеследующее определение сложным окончаниям:

«Сложные окончания возникли в результате усложнения окончаний ёгэнов и морфологически должны рассматриваться как часть ёгэна. Они всегда тесно и неразрывно связаны с одной из форм спряжения ёгэна, не допускают вставки между ними какого-либо другого слова и всегда составляют одно слитное целое»[2]

Однако можем ли мы на самом деле, согласно толкованию д-ра

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Ямада, исключить служебные глаголы как неполноценные слова из состава частей речи? Если поступать так, их надо рассматривать как суффиксы, а значит следует установить, в чем заключается различие и сходство между служебными глаголами и суффиксами. Общность так называемых служебных глаголов и суффиксов заключается в том, что те и другие употребляются только в соединении с предшествующим знаменательным словом, а самостоятельно употребляться не могут; что этими знаменательными словами могут быть как ёгэны, так и тайгэны; что некоторые служебные глаголы и суффиксы спрягаются; что хотя и те и другие не могут употребляться самостоятельно, но сами по себе имеют какое-то значение. Таким образом, в данных пунктах невозможно провести границу между служебными глаголами и суффиксами. Однако в выборе способов присоединения к знаменательным словам служебные глаголы сравнительно свободны, суффиксы же присоединяются только к отдельным словам, установленным традицией, т. е. способ их присоединения раз и навсегда установлен. Например, служебный глагол *ки*, который обычно называют показателем прошедшего времени, может присоединяться к любому глаголу, лишь бы тот стоял в приёгэнной форме. Однако суффикс *буру* 'корчить, изображать из себя' может образовывать только такие слова, как *отонабуру* 'разыгрывать из себя взрослого', *гакʃсябуру* 'корчить из себя ученого', но не может образовать такие слова, как *ямабуру*, *умибуру* (*яма* 'гора', *уми* 'море'). Следовательно, *буру* нельзя присоединить к любому тайгэну. В этом заключается различие между служебными глаголами и суффиксами [3]. Кроме того, когда служебные глаголы присоединяются к спрягаемому слову, то они присоединяются к одной определенной форме спряжения данного слова. Например, служебный глагол отрицания *дзу* присоединяется к незавершенной форме всех глаголов, а служебный глагол законченности действия *тари* присоединяется к приёгэнной форме всех глаголов. Однако присоединение суффиксов к спрягаемым словам не подчиняется определенным правилам. В этом также заключается различие между ними. Кроме того, связанность служебных глаголов и знаменательных слов значительно слабее, чем связанность суффиксов и знаменательных слов [4]. Так, служебные глаголы, присоединенные к знаменательным словам, легко отделимы от них, а суффиксы, присоединенные к знаменательным словам, трудно отделимы. *Раси* в слове *фурураси* 'видимо, идет [дождь]' легко отделяется от *фуру*, но то же *раси* в слове *оннараси* 'женоподобен' трудно отделить от предшествующего. Если сравнить два слова *окинасабитари* 'стать похожим на старика, постареть' и *нива сабитари* 'сад заглох', то создается впечатление, что в отношении *тари*, выражающего законченность действия, *окинасаби* выступает как одно слово, а *нива саби* — как два слова — *нива* и *саби*. Очевидно,

это происходит потому, что первое *саби* является суффиксом, а второе — чистым глаголом. Значит *саби* тесно связано со знаменательным словом *ōкина* 'старик'. Д-р Хасимото, исходя из соотношений членов предложения, считает, что в ряде случаев можно провести разграничение между служебными глаголами и суффиксами, но есть случаи, когда этого сделать нельзя. Хасимото пишет: «Таким образом, отношения между членами предложения могут меняться в зависимости от наличия или отсутствия суффиксов, и наоборот, большинство служебных глаголов не изменяет отношений между словами, установившимися в предложении. По этому признаку можно провести разграничение между суффиксами и служебными глаголами. Но служебные глаголы каузатива, пассива (потенциальности и самопроизвольного действия), а также оптатива оказывают влияние на изменение отношений слов, к которым они присоединяются, к другим членам предложения, т. е. ведут себя так же, как суффиксы, и в этом смысле трудно провести разграничение между теми и другими. Таким образом, на основании влияния служебных глаголов на изменяемость отношений слов в предложении для некоторых видов служебных глаголов невозможно определить, являются ли они суффиксами или служебными глаголами. Следовательно, если проводить разграничение между аффиксами и частицами на основе подобного критерия, то такого рода служебные глаголы трудно признать частицами, их скорее нужно отнести к аффиксам. Если даже прийти к подобному заключению, то теоретически этот вывод будет правилен и даже больше того — он неминуем. Однако, как уже говорилось ранее, возможен и другой критерий разграничения служебных глаголов и аффиксов (например, возможность регулярного и свободного присоединения к любому слову), причем данный критерий не только применим к большинству служебных глаголов, но эффективен и в приложении к служебным словам, и поэтому при исследовании границы между словом и аффиксом учитывать этот момент и важно и полезно[3].

Итак, коротко можно сказать, что служебные глаголы имеют более самостоятельный характер, чем суффиксы, однако они более, чем другие части речи, близки к суффиксам. Именно на этом основан вывод, что различие между служебными глаголами и суффиксами является не коренным, а только различием в степени. Если видеть пункт разграничения в самой близости служебных глаголов к суффиксам, то появляются такие теории, как теория д-ра Ямада о сложных окончаниях. Если же пункты разграничения искать в том, свободно ли присоединение, регулярно ли оно и крепко ли, то это ведет к общепринятому выделению служебных глаголов в самостоятельную часть речи.

Относительно того, рассматривать ли *ёмасиму* 'заставлять читать', *фурубэси* 'должен пойти' (о дожде), *юкамахоси* 'хочу

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

пойти' (т. е. глагол с присоединенным к нему служебным глаголом), как одно слово, автор испытывал немалые колебания. Рассмотрим примеры:

Варэ ва юку (п. я.) 'Я иду' (*варэ* — подлежащее, *юку* — сказуемое);

Варэ ва карэ-о юкасиму (п. я.) 'Я побуждаю его идти' (*варэ* — подлежащее, *юкасиму* — сказуемое);

Карэ ва хому (п. я.) 'Он хвалит' (*карэ* — подлежащее, *хому* — сказуемое);

Карэ ва тити-ни хомэрару (п. я.) 'Он хвалим отцом'(*карэ* — подлежащее, *хомэрару* — сказуемое).

В этих примерах присоединение к сказуемому служебных глаголов *симу* и *рару* вызывало необходимость в особых членах предложения *карэ-о* и *тити-ни*, в связи с чем, пожалуй, можно полагать, что и служебные глаголы имеют характер слов.

Но если в соответствии с общепринятыми взглядами выделять служебные глаголы в самостоятельную часть речи, надо подвергнуть некоторому изучению такие служебные глаголы, как *нари, тари, готоси, да, дэсӯ, расий*. Как уже указывалось в первом разделе гл. IV, ёгэн, с одной стороны, выражает реальное понятие, а с другой, обладает предикативной способностью, что и составляет его специфику. Однако некоторые ёгены выражают реальное понятие весьма слабо, почти неощутимо. Но если при этом они все же обладают предикативностью, то их можно признать ёгэнами, как это делает д-р Ямада, называя их формальными ёгэнами. Перечисленные выше *нари, тари, готоси, да, дэсӯ, расий, ӗ да, ӗ дэсӯ, сӧ да, сӧ дэсӯ* подходят под категорию таких формальных ёгэнов.

Корэ ва тасйкани хон ***нари*** 'Это, действительно, **есть** книга';

Ракка макотони юки-но ***готоси*** (п. я.) 'Осыпающиеся лепестки поистине **подобны** снегу'.

Мы считаем, что наречные определения *тасикани* и *макотони* в приведенных предложениях определяют следующие за ними *хон нари, юки-но готоси*. Но *хон нари, юки-но готоси* не являются ни глаголами, ни предикативными прилагательными, а представляют собой только тайгэны, служебные слова и служебные глаголы. Однако, поскольку при них имеется наречное определение, то в них в известном смысле должен присутствовать ёгэн. Тайгэн и служебный глагол обычно не могут принимать наречных определений. Сказуемыми в двух приведенных предложениях являются *хон нари, юки-но готоси*. Среди них есть слова — *хон* 'книга' и *юки* 'снег',— выражающие реальные понятия, тогда как *нари* и *готоси* несут только предикативную функцию и восполняют имеющийся у них недостаток реального понятия при помощи предшествующих им слов *хон* и *юки*. Таким образом, *хон нари* и *юки-но готоси* выступают на правах полноценного ёгэна, благодаря че-

му и выполняют свои функции сказуемых. Поэтому-то *нари*, *готоси* нужно считать не простыми служебными глаголами, а служебными глаголами, обладающими свойствами ёгэнов. Но поскольку они сами не могут стать сказуемыми, следует провести границу между ними и реальными ёгэнами. Поэтому явилась мысль отделить их как формальные *ёгэны* от служебных глаголов (т. I, гл. VIII, разд. I). Однако после тщательного размышления я пришел к заключению, что *нари*, *тари*, *готоси*, *да*, *дэсу*, *расий*, *ё да*, *ё дэсу*, *сō да*, *сō дэсу* можно включить, как это делалось прежде, в разряд служебных глаголов. Ведь они имеют общие черты с другими служебными глаголами, а именно: взятые отдельно они не могут выступать в роли самостоятельного члена предложения; они спрягаются; они свободны в смысле присоединения к предшествующим им знаменательным словам; сам способ присоединения подчинен определенным правилам. Однако, изучая указанные служебные глаголы, следует отграничивать их от других служебных глаголов, основная функция которых состоит в присоединении к глаголу, и рассматривать их как о с о б у ю г р у п п у с л у ж е б н ы х г л а г о л о в. Короче говоря, я полагаю, что грамматически оправдана любая из двух точек зрения, т. е. группу служебных глаголов, которая присоединяется к тайгэнам, предикативным прилагательным и служебным словам, можно считать формальными ёгэнами или же особой группой служебных глаголов.

Мацуо Сутэдзиро называет *нари* и *тари* неполноценными служебными глаголами, а *готоси* — неполноценным прилагательным[4]. Токуда Киёси назвал *нари*, *тари*, *готоси*, *да*, *дэсу*, *расий*, *ё да*, *ё дэсу* зависимыми глаголами (дзюдōси 從動詞), в обоснование чего он выдвинул следующие доводы:

1. Они являются зависимыми словами, не обладающими самостоятельностью, этим они сходны со служебными глаголами;

2. Они не подчиняются служебным словам, этим они сходны со служебными глаголами;

3. Они подчиняются существительным, этим они сходны с ёгэнами, но отличаются от служебных глаголов;

4. В предложении они подчиняются служебным глаголам; этим они сходны с ёгэнами, но отличаются от служебных глаголов.

5. Они обладают предикативностью, чем они сходны с ёгэнами, но отличаются от служебных глаголов»[5].

Из и с т о р и и и з у ч е н и я служебных глаголов известно, что те элементы, которые называют теперь служебными глаголами, в старое время включали в тэниоха и называли «изменяющиеся тэниоха» (*хатараку тэниоха* или *хатараку котоба*). Первоначально термин «тэниоха́» имел очень широкий смысл, и в число тэниоха включались не только современные служебные слова и слу-

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

жебные глаголы, но и окончания ёгэнов[6]. Первым, кто употребил термин дзёдōси — «служебные глаголы», был Оцуки Фумихико. В таком виде этот термин и дошел до наших дней[7]. Оцуки дал следующее определение: «Служебными глаголами называются такие слова, которые с целью восполнения значения присоединяются к глаголу и дополняют его значение, недостаточно выраженное формами спряжения глагола»[8].

Служебные глаголы являются спрягаемой частью речи, вследствие чего они носят название «изменяющихся частиц». Почему служебным глаголам необходимо спряжение? Оно необходимо им для того, чтобы они, присоединяясь к другим словам, с точностью восполняли значение предикации. Служебные слова так же, как и служебные глаголы, не могут нести свои функции самостоятельно, без присоединения к другим словам, но они резко отличаются от служебных глаголов отсутствием спряжения. Служебные слова не только придают дополнительное значение тем словам, к которым они присоединяются, но и несут функцию показателей того, в каких отношениях к другим словам находится слово, к которому они присоединены, чем они также отличаются от служебных глаголов. Служебные глаголы никогда не являются показателем отношений между словами, они только восполняют изъяснительный смысл тех слов, к которым присоединены. Следовательно, служебные глаголы — это слова, основным и неразрывным образом связанные с изъяснительной функцией. Как мы уже говорили в разделе о классификации слов, знаменательные слова делятся на понятийные слова (тайгэны) и изъяснительные слова (ёгэны). Предложение может быть образовано только при наличии слов этих двух категорий. (Однако несомненно, что среди типов предложений имеются предложения и иной, особой структуры, которые могут быть предложениями и при отсутствии понятийных и изъяснительных слов.) Понятийные слова выступают в предложении в роли подлежащего, а изъяснительные слова — в роли сказуемого. Поскольку изъяснительные слова представляют собой ёгэны, то естественно, что это спрягаемые слова. Иначе говоря, функции предикации и высказывания тесно связаны с процессом спряжения. Я полагаю, что служебные глаголы имеют спряжение потому, что их основной функцией является восполнение изъяснительного значения тех слов, к которым они присоединяются.

Служебные глаголы по типам спряжения, по значениям и по формам спряжения можно в общем приравнять к ёгэнам. Однако среди них многие имеют отличительные особенности и с морфологической точки зрения. Такие слова, как *у*, *е̄* не имеют спряжения, некоторые служебные глаголы не имеют всех шести форм спряжения. У ряда служебных глаголов трудно сопоставить формы письменного и разговорного языков.

II. РАЗРЯДЫ СЛУЖЕБНЫХ ГЛАГОЛОВ

Служебные глаголы можно классифицировать по трем признакам:

1. По спряжению (классификация по форме).
2. По сочетаемости с той или иной частью речи и с той или иной формой спряжения (классификация по сочетаемости).
3. По выражаемому ими значению (классификация по значению).

1. Классификация по форме

1) Спрягающиеся по типу глаголов.
2) Спрягающиеся по типу предикативных прилагательных.
3) Спрягающиеся по особому типу.

Хасимото Синкити, исходя из грамматической характеристики слова (т. е. из того, с какими словами может сочетаться слово и какое употребление имеют формы спряжения слова) и по признаку сходства с характерными чертами глаголов, предикативных прилагательных и адъективных глаголов, разделил служебные глаголы на следующие группы:

Служебные глаголы письменного языка.

1. Глагольные служебные глаголы.

а) Нижнее двухступенчатое спряжение: *су*, *сасу*, *симу* (каузатив), *ру*, *рару* (пассив, потенциальность, самопроизвольное действие, вежливость), *цу* (законченность действия).

б) Неправильное спряжение по столбцу *на*: *ну* (законченность действия).

в) Неправильное спряжение по столбцу *ра*: *тари*, *ри* (законченность действия), *кэри* (прошедшее время), *мэри* (предположение), *нари* (восклицание или ссылка на чужие слова).

г) Четырехступенчатое спряжение: *му*, *раму*, *кэму* (предположение).

2. Адъективно-глагольные служебные глаголы.

Неправильное спряжение по столбцу *ра*: *нари*, *тари* (связки).

3. Адъективные служебные глаголы.

а) Спряжение *ку*: *таси*, а также *такари* (желательность), *бэси* а также *бэкари* (предположительность), *готоси*, а также *готоку нари* (сравнение).

б) Спряжение *сйку*: *мадзи*, а также *мадзикари* (предположение).

в) Спряжение *дзу*: *дзу*, *дзари* (отрицание).

4. Неспецифичные служебные глаголы.

Особое спряжение: *ки* (прошедшее время), *маси*, *раси*, *дзи* (предположение).

Служебные глаголы разговорного языка.

1. Глагольные служебные глаголы.

а) Нижнее одноступенчатое спряжение: *сэру*, *сасэру* (кауза-

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

тив), *рэру*, *рарэру* (пассив, потенциальность, самопроизвольное действие, вежливость).

б) Спряжение *масу*: *масӯ* (вежливость), *дэсӯ* (связка).

в) Спряжение *та*: *та* (прошедшее время или законченность действия).

2. Адъективно-глагольные служебные глаголы.

Адъективно-глагольное спряжение: *да* (связка), *ӗ да* (видимость), *сӧ да* (ссылка на чужие слова).

3. Адъективные служебные глаголы.

а) Спряжение *ку*: *тай*, а также *такарӧ* (желательность), *най*, а также *накарӧ* (отрицание).

б) Спряжение *сйку*: *расий* а также *расикарӧ* (предположение).

в) Спряжение *ну*: *нӯ* (*н*), [*н да*, *н дэсӯ*] (отрицание).

4. Неспецифичные служебные глаголы.

Особое спряжение: *у*, *ӗ*, *май* (предположение)[9].

Особое внимание в вышеуказанной классификации следует обратить на группу адъективно-глагольных служебных глаголов и наличие *дзу* и *дзари* в группе адъективных служебных глаголов. Эти формы были открыты в результате изучения спряжения и употребления служебных глаголов, точно так же, как в результате изучения спряжения и употребления ёгэнов были открыты адъективные глаголы и в спряжение ёгэнов внесены новые формы. Хасимото Синкити по этому поводу пишет: «Деление по характеру, основанное на употреблении слов, является более точным и более основательным, чем деление по форме спрягаемых окончаний».

2. Классификация по сочетаемости

При классификации по сочетаемости основными критериями является сочетаемость с той или иной частью речи и сочетаемость с той или иной формой спряжения спрягающегося слова. Хасимото Синкити в той же статье приводит следующее деление:

Служебные глаголы письменного языка.

1. Присоединяющиеся к неспрягающимся словам.

а) Присоединяющиеся также и к спрягающимся словам: *нари* (связка), *готоси* (сравнение).

б) Присоединяющиеся только к тайгэнам: *тари* (связка).

2. Присоединяющиеся только к спрягающимся словам:

а) Присоединяющиеся к незавершенной форме: *су*, *сасу*, *симу* (каузатив и прочее), *ру*, *рару* (пассив и прочее), *му*, *маси*, *дзи* (предположение), *дзу* (отрицание).

б) Присоединяющиеся к приёгэнной форме: *цу*, *ну*, *тари* (законченность действия), *кэму* (предположение), *кэри*, *ки* (прошедшее время), *таси* (желательность).

в) Присоединяющиеся только к заключительной форме: *мэри*, *раму*, *раси*, *бэси*, *мадзи* (предположение).

г) Присоединяющиеся к завершенной форме: *ри* (законченность действия).

Служебные глаголы разговорного языка.

1. Присоединяющиеся к неспрягающимся словам: *дэсӯ*, *да* (связка), *ē да* (сравнение), *расий* (предположение); все вышеперечисленные служебные глаголы могут присоединяться также и к спрягающимся словам.

2. Присоединяющиеся только к спрягающимся словам.

а) Присоединяющиеся к незавершенной форме: *сэру*, *сасэру* (каузатив), *рэру*, *рарэру* (пассив и прочее), *най*, *ну* (отрицание), *у*, *ē*, *май* (предположение).

б) Присоединяющиеся к приёгэнной форме: *масӯ* (вежливость), *та* (прошедшее время), *сō да* (видимость), *тай* (желательность).

в) Присоединяющиеся к заключительной форме: *май* (предположение), *сō да* (ссылка на чужие слова).

Изложенное выше представляет собой общее описание вопроса сочетаемости, однако известно, что если углубиться в детали, то выявится ряд специальных явлений сочетаемости.

Следующие первые 5 пунктов относятся к письменному языку, 6—12 — к разговорному языку.

1. Служебный глагол прошедшего времени *ки* обычно присоединяется к приёгэнной форме, но его прииенная форма *си* и завершенная форма *сйка* присоединяются к незавершенной форме глаголов неправильных спряжений по столбцу *ка* и столбцу *са*; к приёгэнной форме неправильного спряжения по столбцу *са* присоединяется только заключительная форма *ки*, а формы *си*, *сйка* не присоединяются.

2. Служебные глаголы предположения *раму*, *мэри*, *раси*, *бэси*, *бэкари*, *мадзи* присоединяются обычно к заключительной форме, но у глаголов неправильного спряжения по столбцу *ра* они присоединяются к прииенной форме.

3. Служебный глагол законченности действия *ри* у глаголов четырехступенчатого спряжения присоединяется к завершенной форме, а у глаголов неправильного спряжения по столбцу *са* — к незавершенной форме.

4. Служебный глагол пассива, потенциальности, самопроизвольного действия и вежливости *ру* присоединяется к незавершенной форме только глаголов четырехступенчатого спряжения, неправильного спряжения по столбцу *на* и неправильного спряжения по столбцу *ра*. К незавершенной форме глаголов всех других спряжений присоединяется несущий те же функции служебный глагол *рару*.

5. Служебный глагол каузатива и вежливости *су* присоединяется к незавершенной форме только глаголов четырехступенчатого спряжения, неправильного спряжения по столбцу *на* и неправильного спряжения по столбцу *ра*. К незавершенной форме

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

глаголов всех других спряжений присоединяется несущий те же функции служебный глагол *сасу*. Несущий те же функции служебный глагол *симу* присоединяется к незавершенной форме глаголов всех спряжений.

Далее речь идет о служебных глаголах разговорного языка.

6. Служебный глагол пассива, потенциальности и вежливости *рэру* присоединяется к незавершенной форме только глаголов четырехступенчатого спряжения. Несущий те же функции служебный глагол *рарэру* присоединяется к незавершенной форме глаголов всех других спряжений.

7. Служебный глагол каузатива разговорного языка *сэру* присоединяется к незавершенной форме только глаголов четырехступенчатого спряжения. Несущий те же функции служебный глагол *сасэру* присоединяется к незавершенной форме глаголов всех остальных спряжений.

8. Служебный глагол отрицания *най* у глаголов неправильного спряжения по столбцу *са* присоединяется к незавершенной форме *си*, а несущий те же функции *нӳ* (*н*) присоединяется к незавершенной форме *сэ*.

9. Служебный глагол предположения *у* присоединяется к незавершенной форме только глаголов четырехступенчатого спряжения. Несущий те же функции служебный глагол *ē* присоединяется к незавершенной форме глаголов всех других спряжений.

10. Служебный глагол предположения *май* присоединяется к заключительной форме только у глаголов четырехступенчатого спряжения. У глаголов же других спряжений он присоединяются к незавершенной форме, а у глаголов неправильного спряжения по столбцу *са* он присоединяется к незавершенной форме *си*.

11. Служебные глаголы-связки разговорного языка *да*, *дэсӳ* в их заключительной форме не присоединяются к спрягающимся словам, однако формы их спряжений *дарō*, *дэсē* присоединяются к заключительной форме глагола.

12. Служебный глагол разговорного языка *сō да*, обозначающий явления по их видимости, присоединяется у глаголов к приёгэнной форме, а у предикативных прилагательных и адъективных глаголов — к основе.

Эти явления влекут за собой известные трудности при классификации: неясно, какие явления отнести к общим, а какие к особым.

3. Классификация по значению

Служебные глаголы по значению делят обычно на: 1) служебные глаголы пассива, 2) служебные глаголы потенциальности, 3) служебные глаголы самопроизвольного действия, 4) служебные глаголы каузатива, 5) служебные глаголы вежливости, 6) служебные глаголы времени (прошедшее, законченность действия),

7) служебные глаголы предположения, 8) служебные глаголы желательности (оптатива), 9) служебные глаголы сравнения, 10) служебные глаголы-связки, 11) служебные глаголы отрицания.

Такая классификация по значению в связи с процессом подразделения и его результатами вызывает ряд вопросов. Прежде всего, часто случается, что одно и то же слово передает различные значения. Например, служебный глагол *ру* выражает и пассив, и потенциальность, и самопроизвольное действие, и вежливость. Если относить его одновременно ко многим группам, тогда классификация потеряет свою стройность. Поэтому его неизбежно заносят в одну группу, соответственно его основному значению. Хотя принцип отнесения каждого служебного глагола только в одну группу является основным принципом классификации, в современных грамматиках нередко один и тот же служебный глагол заносят в различные группы. Это возникает, очевидно, потому, что иногда трудно определить, какое же из нескольких значений служебного глагола является основным. Кроме того, в зависимости от подхода, данный служебный глагол можно рассматривать иногда как одно слово, а иногда как два или даже три отдельных слова. Хасимото Синкити, приводя детальную теоретическую аргументацию, пишет следующее:

«Чтобы классификация служебных глаголов по значению была грамматически оправдана, различие между ними по значению должно соответствовать их грамматическому различию, проявляющемуся в форме, или по крайней мере иметь с ним какую-либо связь... Попытки создания классификации служебных глаголов по их значению могут привести к созданию различных классификаций, но один лишь критерий значения не дает возможности определить, какая же классификация необходима с грамматической точки зрения... Начинать с семантической классификации служебных глаголов — значит ставить вопрос вверх ногами, ибо правильно—исследовать сначала различия между служебными глаголами по форме, а уже затем устанавливать, каким образом с этими различиями связываются различия по значению»[10].

Между вышеприведенной классификацией по форме и по сочетаемости, с одной стороны, и классификацией по значению, с другой стороны, не обязателен параллелизм, но существует тенденция к согласованию с последней. Хасимото Синкити в конце вышеуказанной статьи говорит:

«Из сопоставления двух типов классификаций, не основывающихся на значении, с семантической классификацией вытекает следующее: если в семантическую классификацию внести некоторые коррективы, то она до известной степени может быть согласована с первыми двумя... Однако семантическая классификация служебных глаголов, предпринятая с целью сопоставления с классификацией, основанной на характере слов согласно их

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

употреблению, не совпадает с классификацией, базирующейся на сочетаемости... В конечном счете, поскольку многие служебные глаголы, близкие или общие по значению, одинаковы и по употреблению и по сочетаемости с предшествующим словом, то трудно построить эффективную семантическую классификацию, охватывающую все случаи, без, пусть не всегда тесной, взаимосвязи между классификацией по значению, с одной стороны, и по употреблению и сочетаемости — с другой. В таком случае надо принять, что с чисто грамматической точки зрения в семантической классификации нет необходимости».

Однако нельзя отрицать, что семантическая классификация служебных глаголов нуждается в дальнейшем изучении. Например, при изучении взаимоотношений залога, времени, наклонения и формы у служебных глаголов, а также при изучении форм последовательной сочетаемости служебных глаголов между собой могут быть обнаружены новые значения. Уделим некоторое внимание существующим семантическим классификациям.

Ямада Ёсио, составив приводимую ниже классификацию служебных глаголов, пишет:

«Поскольку ёгэны обладают двумя способностями — атрибутивной и сказуемостной, то и сложные окончания на основании этого критерия следует разделить на две группы: 1) выражающие атрибутивность, 2) выражающие предикативность. Разделение на эти две группы, как уже сказано выше, обусловлено сущностью ёгэнов и зависит от характера как основы ёгэна, так и присоединяющегося сложного окончания. А именно, первичные окончания, являющиеся основой ёгэна, выражают атрибутивность и предикативность. Однако встречаются случаи, когда и то и другое должно быть выражено более усложненно, чего эти окончания передать не могут. В таком случае применяются выделившиеся сложные окончания. Поскольку сущностью ёгэна является атрибутивность и предикативность, то и явления, восполняющие их, нужно также классифицировать по этим двум категориям»[11].

Ямада делит все сложные окончания на два разряда:

I. Сложные окончания, выражающие атрибутивность. Этот разряд в свою очередь делится на две группы: а) сложные окончания, выражающие состояние (*ру*, *рару*), присоединяются к незавершенной форме; б) сложные окончания, выражающие побуждение (*су*, *сасу*, *симу*), присоединяются к незавершенной форме.

II. Сложные окончания, относящиеся к процессу апперцепции. Этот разряд также делится на две группы: 1) окончания, выражающие желательность (*таси*, *такари*), присоединяющиеся к приёгэнной форме; 2) окончания, относящиеся к состоянию высказывания. Последняя группа в свою очередь делится на две подгруппы: А) окончания, придающие высказыванию категорич-

ность (*цу*, *ну*, *тари*), они присоединяются к приёгэнной форме; Б) окончания, формирующие высказывание в соответствии с особым состоянием мысли. Эта подгруппа делится на две части: а) окончания, выражающие воспоминание (*ки*, *кэри*, *кэму*), они присоединяются к приёгэнной форме; б) окончания, благодаря которым образуется априорное высказывание. Последняя подгруппа подразделяется на две: а) окончания, указывающие на реальность предположения (*мэри*, *раму*, *раси*, *бэси*, *мадзи*) и присоединяющиеся к заключительной форме; б) окончания, образующие ирреальное высказывание, а именно окончания отрицания *дзу*, *дзари*, которые присоединяются к незавершенной форме, и окончания предположения *му*, *маси*, присоединяющиеся к незавершенной форме.

Следует сказать, что данная классификация д-ра Ямада является одной из самых стройных семантических классификаций.

Ясуда Киёмон, исходя из отношений между членами предложения (т. е. из структуры предложения), построил следующую классификацию служебных глаголов:

I. Служебные глаголы залога (сō 相) (это служебные глаголы, которые нуждаются в дополнении, особенно в одушевленном дополнении).

Таблица 56

Классификация служебных слов Токуда Киёси (1)

Верхний разряд	Формы нижнего двухступенчатого спряжения				
	ру	*рару*	*су*	*сасу*	*симу*
Средний разряд	непр. спряж. *ра*	непр. спряж. *ра*	нижн двухступ. спряж. (*цу*)	непр. спряж. *на* (*ну*)	непр. спряж. *ра*
	нижнее двухступ. спряж.	непр. спряж. *на* (*ну*)		непр. спряж. *ра*	
	непр. спряж. *ра*	непр. спряж. *ра*	нижн. двухступ. спряж.	нижн двухступ. спряж. (*цу*)	непр. спряж. *на* (*ну*)	непр. спряж. *ра*
Нижний разряд	*ки*, *кэму*, *му*, *раму*, *дзи*, *дзу*, *мадзи*, *махоси*, *маси*, *таси*, *бэси*, *раси* (*готоси*)				

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Таблица 57

Классификация служебных слов Токуда Киёси (2)

I разряд	II разряд	III разряд	IV разряд	V разряд
су *сасу* *симу*	*ру* *рару*	*цу* *ну* *тари* *ри* *бэкари* *дзари* *такари* *тагару*	*кэри* *мэри* *дзу*	*ки, кэму* *раму, му* *дзи, мадзи* *махоси, маси* *бэси, раси* *таси* (*готоси*)
Служебные глаголы: *су, сасу, симу, ру, рару*		Служебные глаголы законченности действия: *цу, ну, тари, ри* Служебные глаголы реальности (отрицания, предположения, желательности): *дзари, бэкари, такари, тагару*	Служебные глаголы прошедшего времени: *ки, кэри* Служебные глаголы ирреальности (отрицания, предположения, желательности): *дзи, мадзи, му, раму, кэму, маси, бэси, ран, таси, махоси*	

Служебные глаголы залога разделяются на:

1. Пассивные (пассивные с точки зрения субъекта, выражаемого подлежащим): а) признак, обозначаемый глаголом, намеренно придается извне, что передается дополнением (пассив); б) обозначаемый глаголом признак придается естественным ходом вещей без чьего-либо ведома (потенциальность). Косвенно эти формы выражают почтительность.

2. Активные (каузатив) — субъект непосредственно не обладает признаком, обозначаемым глаголом, но активно побуждает другого к приобретению этого признака.

II. Служебные глаголы образа (тай 態) (все другие служебные глаголы).

Служебные глаголы образа разделяются на:

1. Служебные глаголы, имеющие отношение к синтаксическим позициям (переходные глаголы требуют слова-объекта, а это слово-объект благодаря служебным глаголам может превращаться в подлежащее).

2. Служебные глаголы, не имеющие отношения к синтаксическим позициям (они, хотя и присоединяются к переходным гла-

голам, но не могут изменять позиции слова-объекта). Последняя группа в свою очередь подразделяется на: А) Служебные глаголы отрицания (присоединяются к группе прилагательных, выражающих вневременный признак); Б) Служебные глаголы утверждения (времени), достоверности и предположения (присоединяются к глаголам, выражающим временный признак)[12]. Приведенная схема весьма продумана.

Токуда Киёси классифицирует служебные глаголы по положению в предложении. Кроме того, косвенно известно, что Хасимото Синкити имеет намерение составить классификацию, основанную на том же признаке, но она пока еще не опубликована [5]. В связи с опубликованием этого намерения ранее данная классификация Токуда заслуживает особенного внимания. Приводим ее на таблицах № 56 и 57[13].

III. СЛУЖЕБНЫЕ ГЛАГОЛЫ ПАССИВА ПИСЬМЕННОГО ЯЗЫКА

Служебными глаголами пассива (укэми 受身) называются глаголы, выражающие значение в тех случаях, когда подлежащее, соотносящееся со сказуемым, в состав которого входит присоединенный к нему служебный глагол, с а м о н е п р о и з в о д и т д е й с т в и я, а п о д в е р г а е т с я э т о м у д е й с т в и ю и з в н е, например:

Ёсицунэ ва Ёритомо-ни овару (п. я.) 'Ёсицунэ преследуем Ёритомо';

Сэйто котё-ёри ходзё садзукэрару (п. я.) 'Ученики награждены похвальной грамотой директором школы' [6].

В письменном языке существует два служебных глагола пассива: *ру, рару*. Они спрягаются следующим образом:

Ру: 1) *рэ*, 2) *рэ*, 3) *ру*, 4) *руру*, 5) *рурэ*, 6) *рэё*; присоединяется к незавершенной форме глаголов четырехступенчатого спряжения, неправильного спряжения по столбцу *на* и неправильного спряжения по столбцу *ра*.

Рару: 1) *рарэ*, 2) *рарэ*, 3) *рару*, 4) *раруру*, 5) *рарурэ*, 6) *рарэе*; присоединяется к незавершенной форме всех других спряжений, кроме вышеуказанных.

Служебные глаголы пассива, присоединяясь к глаголам неправильного спряжения по столбцу *са*, должны были бы присоединяться к их незавершенной форме, например *суйсэн-сэрару* 'быть рекомендованным'. Однако начиная с периода Муромати принято обычно говорить *суйсэн-сару*. В пункте 6 «Перечня допустимых отступлений от грамматических норм» по этому поводу говорится: «Не возбраняется, следуя обычаю, употреблять... *сару*, когда полагается говорить... *сэрару*».

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Служебными глаголами пассива периода Нара были *ю* и *раю*. (Конечно, в этот период существовали также *ру*, *рару*, но употребительней были *ю* и *раю*.) Они спрягаются следующим образом:

ю: 1) *э*, 2) *э*, 3) *ю*, 4) *юру*, 5) *юрэ*; присоединяется к незавершенной форме глаголов четырехступенчатого спряжения, неправильного спряжения по столбцу *на* и неправильного спряжения по столбцу *ра*.

Раю: 1) *раэ*, 2) *раэ*, 3) *раю*, 4) *раюру*, 5) *раюрэ*; присоединяется к незавершенной форме глаголов всех других спряжений, кроме вышеуказанных.

Ка юкэба хйто-ни итоваэ, каку юкэба хйто-ни никумаэ (Манъёсю, 804) 'Если пойдут туда — людьми презираемы, если пойдут сюда — людьми ненавидимы'.

Говорят, что в книгах периода Нара отсутствуют примеры на употребление *раю*.

Ию *сиси о* (Нихонсёки, 4-й год правления императрицы Саймэй, т. е. 658 г.).

Ию употреблено в значении *ирарэта* (*сйка*) 'застреленный' [из лука] (олень)'. Однако глагол *иру* 'стрелять' спрягается по верхнему одноступенчатому спряжению, так что по-настоящему должна была бы быть форма ***ираюру*** *сйка*. Однако возможно, что *ию* является не сокращенной, а полной формой. Встает также вопрос, что выражает *ю* — пассив или самопроизвольное действие. Дальнейшему изучению подлежит соотношение между *миру* 'видеть' и *мию* 'виднеться', *кику* 'слышать' и *кикою* 'слышаться', *омоу* 'думать' и *омою* 'думаться' [7]. Прежде *ю* присоединялось и к глаголам других спряжений, а не только к глаголам четырехступенчатого спряжения и неправильных спряжений по столбцам *на* и *ра*, поэтому можно предполагать, что *ю* — более древнего происхождения, чем *раю*, а *ру* и *рару* возникли позже, чем *ю* и *раю*.

Ру, *рару* используют не только как служебные глаголы пассива, но и как служебные глаголы потенциальности (канō-но дзёдōси 可能の助動詞). Служебными глаголами потенциальности называются глаголы, выражающие возможность сказуемого производить действие. Например:

Ё ва дзюри-но мити-о итинити-нитэ аюмару (п. я.) 'Я могу пройти путь в десять ри за один день'.

Коно мондай ва ё-ни мо кайсэрару (п. я.) 'Этот вопрос разрешим и для меня' ('и я могу разрешить').

Служебные глаголы потенциальности *ру*, *рару* имеют такое же спряжение, как и служебные глаголы пассива *ру*, *рару*, но поскольку они не имеют повелительной формы, то это служит основанием к выделению их в особую группу служебных глаголов. Они сочетаются с глаголами так же, как служебные глаголы пассива *ру* и *рару*.

Ю, раю также используются в качестве служебных глаголов потенциальности. Например:

И мо-о омои нэ-но нэ раэнуни...(Манъёсю, 3678) 'Тоскуя о милой, не могу заснуть сном'.

По сравнению с потенциальным *ю* примеры на употребление потенциального *раю* немногочисленны. Приименная форма от *ю* сохранилась до настоящего времени, слившись с основным глаголом в одно составное слово: *иваюру* 'так называемый', *араюру* 'всевозможный'. Нередки случаи, когда в составных словах сохраняется слово древнего языка.

Ру, рару, ю, раю используются также в качестве служебных глаголов самопроизвольного действия (дзихацу-но дзёдōси 自發の助動詞). Служебными глаголами самопроизвольного действия называются такие глаголы, которые выражают естественно возникшее и непрекратившееся действие. Спряжение и сочетаемость служебных глаголов таковы же, как у служебных глаголов пассива. Приведем примеры:

Аратамано тоси татикаэру асита-ёри ***матаруру*** *моно ва угуису-но коэ* (Сюисю), 'Новый год возвращается, с завтрашнего дня то, что **ожидается** — голос соловья'.

Амадзакару-хина-ни ицутōсэ сумаицуцу мияко-но тэбури ***васураэникэри*** (Манъёсю, 880) 'В далекой, как небо, глуши пять лет проживаю и обычаи столицы **позабылись**'.

Кикэба нэ номи си ***накаю*** (Манъёсю, 230) 'Как услышу, только криком **плачется**'.

Ру и *рару*, кроме функций пассива, потенциальности, самопроизвольного действия, обладают функциями служебных глаголов вежливости. Спряжение и сочетаемость таковы же, как и у служебных глаголов пассива.

ё ираэтари то ***бсэрару*** (Макура-но сōси) '**изволит говорить**, что хорошо ответил'.

Относительно использования *ру, рару* в качестве служебных глаголов вежливости существует две точки зрения: согласно одной — это переносное употребление в значении пассива, согласно другой — переносное употребление в значении потенциальности. Во всяком случае, поскольку одни и те же *ру, рару* используются для выражения и пассива, и потенциальности, и самопроизвольного действия, то в конкретных случаях необходимо ясно различать способы их употребления.

IV. СЛУЖЕБНЫЕ ГЛАГОЛЫ КАУЗАТИВА ПИСЬМЕННОГО ЯЗЫКА

Служебными глаголами каузатива (сиэки 使役) называются такие служебные глаголы, которые обозначают, что подлежащее побуждает кого-либо совершить дей-

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

с т в и е; при этом сказуемое не выражает действия самого подлежащего. Основным значением служебных глаголов каузатива является не реальный характер действия, выражаемого глаголом, к которому они присоединены, а формальное значение побуждения кого-либо к совершению действия. Придание формального значения свойственно всем служебным глаголам. В конце концов, различие в значении между служебными глаголами состоит в различии этих формальных значений.

Служебными глаголами каузатива письменного языка являются три глагола: *су*, *сасу*, *симу*. Они спрягаются следующим образом:

Су: 1) *сэ*, 2) *сэ*, 3) *су*, 4) *суру*, 5) *сурэ*, 6) *сэё*; присоединяется к незавершенной форме глаголов четырехступенчатого спряжения и глаголов неправильных спряжений по столбцам *на* и *ра*.

Сасу: 1) *саса*, 2) *сасэ*, 3) *сасу*, 4) *сасуру*, 5) *сасурэ*, 6) *сасэё*; присоединяется к глаголам всех других спряжений, кроме вышеуказанных.

Симу: 1) *симэ*, 2) *симэ*, 3) *симу*, 4) *симуру*, 5) *симурэ*, 6) *симэё*; присоединяется к незавершенной форме глаголов всех спряжений.

Мадзу мōнобарасэтамау (Гэндзи-моногатари) 'побудил явиться'.

Ямабито-но варэ-ни эсимэси (Манъёсю̄, 4293) 'Меня, горного жителя, побуди иметь' (т. е. 'дай мне').

Служебным глаголом каузатива периода Нара являлся *симу*, но с наступлением периода Хэйан стали широко употребляться служебные глаголы *су*, *сасу*, а *симу* стал не очень употребительным. В «Гэндзи-моногатари» очень широко использованы *су*, *сасу* и имеется лишь три примера на *симу*, причем следует обратить внимание на то, что *симу* часто употреблялся вместе с служебными глаголами вежливости.

Вторичное появление *симу* в качестве служебного глагола каузатива, начиная с периода Камакура, как например в «Кондзяку-моногатари» и в ряде других произведений, объясняется, видимо, влиянием японских разметок в китайских текстах [14][8].

Некоторые считают, что из двух служебных глаголов каузатива — *су* и *сасу* — последний, то есть *сасу*, развился позднее, чем первый. Саэки Умэтомо замечает по этому поводу следующее:

«Полагают, что *су* и *сасу*, принадлежащие к глаголам нижнего двухступенчатого спряжения и вошедшие в обращение после периода Хэйан, ранее отсутствовали. Однако среди глаголов, спрягающихся по столбцу *са*, встречаются такие примеры, как: *Араки кадзанами-ни авасэдзу тайракэку хикиитэ каэримасэ* (Манъёсю̄ XIX, 4245) 'Благополучно приведи их назад, **не давая** встретить-

ся с бурными волнами'. Данный пример содержит побудительное значение и в нем, особенно с точки зрения спряжения, чувствуется наличие *су*.

Куяси камо, каку сирамасэба аониэси кунути котогото мисэмаси моноо (Манъёсю V, 797). 'О, как жаль! Если бы [я] это знал, [я] показал бы [тебе] всё в зеленеющей стране'.

По таким примерам можно прийти к заключению, что *сасу* является продуктом более позднего развития, как это произошло в случае с *ю* в слове *мию* 'виднеться'[15]. В самом деле, если бы *мисэмаси* возникло позднее, оно должно было бы иметь вид *мисасэмаси*, отсутствие же такой формы объясняется, вероятно, тем, что *сасу* тогда еще не существовало. Во всяком случае, зародыш *су* появляется в «Манъёсю».

Нельзя смешивать глаголы, выражающие побудительное значение и имеющие в своем окончании *су*, и глаголы четырехступенчатого спряжения, к незавершенной форме которых присоединен служебный глагол каузатива *су*, например:

Первый тип: *наямасу* 'мучить', *кикасу* 'рассказывать' ('давать слушать'), *авасу* 'соединять', *фукасу* 'раздувать', *морасу* 'пропускать (воду и т. п.)' и т. п.

Второй тип: *нусумасу* 'побуждать красть', *макасу* 'побуждать сеять', *мōсасу* 'побуждать говорить', *цудзукасу* 'побуждать продолжать', *урасу* 'побуждать продавать' и т. п.

Существование глаголов первого типа подтверждается памятниками. Разделение между двумя вышеуказанными типами глаголов можно провести следующим образом: если присоединить служебный глагол отрицания *дзу*, то окончание в одном случае войдет в ряд *а*, в другом—в ряд *э*. Глаголы первого типа примут форму *морасадзу*, *фукасадзу* и т.д., глаголы второго типа—*урасэдзу*, *ёмасэдзу* и т. д. Таким образом, в первом случае — это окончание незавершенной формы глаголов четырехступенчатого спряжения, во втором — незавершенная форма каузатива служебного глагола *су*. Есть еще и другой способ отличить глаголы первого типа от глаголов второго типа: для этого нужно присоединить к ним служебное слово *тэ*. В таком случае глаголы первого типа входят в ряд *и*, а глаголы второго типа—в ряд *э*, например; *наямасйтэ*, *нусумасэтэ*.

Глаголы *миру* 'видеть', *киру* 'надевать', *ниру* 'походить' являются глаголами верхнего одноступенчатого спряжения, поэтому в случае присоединения к ним служебных глаголов каузатива *сасу* или *симу* они образуют следующие формы: *мисасу* 'заставлять видеть', *кисасу* 'заставлять надеть', *нисасу* 'заставлять быть похожим' или *мисиму*, *кисиму*, *нисиму*. Нельзя вышеуказанные *мисасу*, *кисасу*, *нисасу*, а также *мисиму*, *кисиму*, *нисиму* смешивать с глаголами нижнего двухступенчатого спряжения *мису* 'показывать', *кису* 'одевать кого-либо во что-либо', *нису*

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

'делать похожим', к которым присоединены служебные глаголы каузатива *сасу*, *симу*, то есть с *мисэсасу*, *кисэсасу*, *нисэсасу*, *мисэсиму*, *кисэсиму*, *нисэсиму*. Следовательно, при отсутствии указанных служебных глаголов необходимо различать между собой основные глаголы в отношении того, к какому спряжению они принадлежат, — к верхнему ли одноступенчатому или к нижнему двухступенчатому спряжению. Так, если от глаголов *кисасу*, *кисиму* отнять *сасу*, *симу*, то останется *ки*. Путем прибавления к этому *ки* служебного глагола отрицания *дзу* образуется форма *кидзу*, откуда видно, что данное *ки* является незавершенной формой глагола верхнего одноступенчатого спряжения. Если же от глагола *кисэсасу* отнять *сасу* и к оставшемуся *кисэ* присоединить *дзу*, получится форма *кисэдзу*; отсюда ясно, что данный глагол принадлежит к глаголам нижнего двухступенчатого спряжения. Однако встает вопрос, не может ли *кисэ* (форма глагола *кису*) представлять собой глагол *ки* (форма глагола *киру*), соединенный со служебным глаголом каузатива *су*? Но глагол *ки* является глаголом верхнего одноступенчатого спряжения, поэтому к нему можно присоединить *сасу*, но нельзя присоединить *су*. Кроме того, служебные глаголы каузатива *су*, *сасу* никоим образом не могут быть присоединены одновременно к одному и тому же глаголу (ибо к основному глаголу нельзя присоединить два или более служебных глаголов одного значения, за исключением служебных глаголов вежливости). Поэтому на вопрос, нет ли тут глагола *ки* в соединении с служебным глаголом каузатива *су*, можно ответить отрицательно. Однако по аналогии к глаголам нижнего двухступенчатого спряжения, не относящимся к столбцу *са*, например, *у* 'мочь', *фу* 'проходить' и т. п., присоединяют *симу*, ошибочно образуя *эсэсиму*, *фусэсиму* (возможно такое соединение по аналогии с присоединением *сэсиму* к глаголам неправильного спряжения по столбцу *са*). Поскольку глаголов нижнего двухступенчатого спряжения *эсу*, *фусу* не существует, то *эсэсиму*, *фусэсиму* являются абсолютно ложной аналогией (fals analogy) и правильней было бы сказать *эсиму*, *хэсиму*. В пункте 7 «Перечня допустимых отклонений от грамматических норм» относительно *эсиму* говорится следующее:

«Не возбраняется вместо полагающегося *эсиму* употреблять *эсэсиму*». В «Первом докладе проекта реформы действующих грамматических правил» говорится:

«Относительно *сэсимуру*, присоединяемого к односложным глаголам.

В средневековых текстах служебным словом побуждения, присоединявшимся к глаголам нижнего двухступенчатого и одноступенчатого спряжений, являлся *симуру*, однако в современных текстах к односложным глаголам типа *миру*, *киру*, *у*, как правило, присоединяют *сэсимуру*, например:

Таблица 58

Присоединение *симуру* в разные эпохи

Средневековые тексты	Современные тексты	Спряжение
эсимуру	*эсэсимуру*	Нижнее двухступенчатое
кисимуру	*кисэсимуру*	Одноступенчатое
нисимуру	*нисэсимуру*	»
мисимуру	*мисэсимуру*	»

В древней литературе такое присоединение, понятно, запрещалось. Однако в более позднее время стали широко употребляться односложные канго, например, *хисэсимуру* 'побудить сравнивать', *рондзэсимуру* 'побудить спорить' [9], поэтому по аналогии с глаголами одноступенчатых спряжений вместо *сэсасуру* в таком значении стали применять *сэсимуру*. Затем, благодаря тому, что в той форме, к которой присоединяется *сэсиму*, они односложны, *сэсимуру* стало присоединяться к таким словам, как *эру* 'мочь' (нижнее двухступенчатое спряжение) и *миру* 'видеть' (одноступенчатое спряжение). Таким образом, обычными стали формы *мисэсимуру*, *кисэсимуру*, а формы *мисимуру*, *кисимуру*, наоборот, кажутся непривычными. Пример употребления *сэсимуру* мы находим в хрониках средневековья, в частности в «Сяхон симпукудзи хонсёмонки» годов Сётоку (1097—1098). Поскольку такое присоединение имеет давнюю традицию, то и в современных текстах *сэсимуру* широко употребляется в присоединении к односложным канго, ввиду чего сочтено нужным пересмотреть соответствующее правило»[16].

Когда служебный глагол каузатива *сасу* присоединяется к глаголам неправильного спряжения по столбцу *са*, то получается форма *сэсасу*. Но, с другой стороны, в памятниках периода Хэйан наблюдаются примеры сокращения *сэсасу* в *сасу*. Этот глагол в период Муромати спрягался так: *сасэ*, *сасэ*, *сасуру*, *сасуру*, *сасурэ сасэё*, а употреблялся как самостоятельный глагол. Встречается он также и в следующем виде: *синсасэ̄* (*синсасэу*) 'побудить поверить', *гасасэта* 'побудил поздравить', *сонсасуру* 'побудить повредить'. Здесь можно видеть истоки современного разговорного языка. В связи с данным вопросом в упомянутом выше «Докладе» сообщается:

«Относительно образования незавершенной формы глаголов неправильного спряжения по столбцу *са*, образованных от существительных и канго в виде *сэ и са*:

В средневековых текстах незавершенная форма присоединя-

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

лась к существительным и к канго только в виде *сэ*, но в современных текстах при присоединении к этим словам она приняла формы *сэ* и *са*. Это можно изобразить в следующей таблице.

Таблица 59

Присоединение к существительным глагола *су*

Неправильное спряжение по столбцу *дза*	Существительные	*кару*	*дзэ* { *н*, *дзу*, *симуру*, *раруру*, *сасуру*, *сасэраруру*
	Односложные *канго*	*рон*, *фу*	
Неправильное спряжение по столбцу *са*	Существительные	*кокоро*, *моноомои*	*сэ* { *н*, *дзу*, *симуру*
	Односложные *канго*	*хи*	*са* { *руру*, *суру*
	Сложные слова	*гирон*	*сэраруру*

В сочетании с односложными канго говорят как ***хисан***, так и ***хисадзу***; если это допускать, то нужно остановиться на какой-либо одной определенной форме.

Подобные формы впервые появляются в «гунки» периода Асикага. Хотя с точки зрения грамматики языка периода Хэйан они представляются неправильными, но с точки зрения законов фонетических изменений такие явления, как сокращение *сэра* в *са* и *сэса* в *са*, т. е. сокращение длиннот в слове, не только не заслуживают порицания, а наоборот, представляют собой обычное явление эволюции языка. Хотя в подобных случаях усложняются формы спряжения, что весьма нежелательно с точки зрения унификации грамматики, но, поскольку в настоящее время эти явления стали общепринятыми, сейчас нет необходимости исправлять *дзисасуру* в *дзисэсасуру* и *сюккин-сасэраруру* в *сюккин-сэсасэраруру*»[17].

Еще в период Хэйан было достаточно доказательств, которые позволяли думать, что служебные глаголы каузатива *су*, *сасу* спрягались не по нижнему двухступенчатому, а по четырехступенчатому спряжению. Например: *коноха-о мо ядо-ни* ***фукасанў*** *акикадзэ*... (Уцубо моногатари), ‘осенний ветер, который не дает листьям покрыть кровлю’.

Далее, *сасу* присоединялось к незавершенной форме глаголов четырехступенчатого спряжения (по значению он превратился в служебный глагол вежливости).

Иеиё митимита-но дзаэ-о наравасасэтамау (Гэндзи-моногатари) 'Он изволит учиться всякого рода искусствам'.

Комацу-отодо ва исоги тюгу-но онката-ни майрасасэтамаитэ (Хэйкэ-моногатари) 'Комацу-отодо поспешно проследовал к дворцу'.

Что касается подобных случаев присоединения *сасу* к глаголам четырехступенчатого спряжения, то можно полагать, что уже существовали такие глаголы, как *майрасу*, *наравасу*, и к ним присоединялась приёгэнная форма *сэ* от служебного глагола *су*. В таком случае, когда считают, что *су*, *сасу* присоединяются к глаголам четырехступенчатого спряжения, в действительности они являются окончаниями глаголов этого спряжения. Данный вопрос подлежит дальнейшему изучению. Ямада Ёсио в связи с этим пишет следующее:

«Читая эти тексты, чувствуешь всю их сложность и затрудняешься в отыскании исходной формы. Сделаю попытку дать объяснение. Возможно, что сложные окончания, выражавшие вежливость, с началом этого периода сами собой трансформировались; в отношении окончания глаголов столбца *са* четырехступенчатого спряжения это, несомненно, так. Окончания нижнего двухступенчатого спряжения, возможно, представляют собой остатки форм четырехступенчатого спряжения. Глаголы *какуру* 'прятаться', *осору* 'бояться', которые ранее были глаголами четырехступенчатого спряжения, в тот период стали глаголами нижнего двухступенчатого спряжения. Таким образом, хотя и трудно утверждать, что́ является более ранним — *су* или *сасу*, — но, возможно, *сасу* — более ранняя форма, а *су* — форма, появившаяся вследствие необходимости избежать повторения звука *а*. При рассмотрении самостоятельного употребления *сасу* можно предположить, что *сасу* является трансформацией прежнего *сэсу*, т. е. *су* — сложное окончание, *са* — измененная форма формального глагола *су*. Вследствие этого в тех случаях, когда глаголы нижнего двухступенчатого спряжения и особенно слог *су* имеют свою первоначальную форму, возникает такая форма и такое значение.

Ё кихи микадо-но ои-цукаи-ни айтэ накикэру као-ни ***нисэтэ*** (Макура-но сōси) 'Когда Ян Гуйфэй встретилась с посланцем императора, похоже было, что она заплакала' (букв. 'похоже на заплаканное лицо');

Сару кокоробаэ ***мису*** *нарэдо...* (Гэндзи-моногатари) 'хотя и являл (букв. 'показывал') такое расположение духа...'

В данных примерах глаголы одноступенчатого спряжения по значению были вначале сходны с глаголами типа *авасу* 'соединять', окосу 'поднимать', *сирасу* 'уведомлять', поэтому можно

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

предполагать, что прежде *су* и *сасу* существовали независимо друг от друга. Таким образом, между *нису* и *нисасу*, между *каёвасэ* и *каёвасасэ* имелось, по-видимому, смысловое различие, а именно: *нису* обозначало непосредственное действие, а *нисасу* — косвенное, причем косвенность действия вызывалась использованием формального глагола. Таким образом, основной функцией *сасу* являлось косвенное действие, и *сасу* из самостоятельного глагола превратилось в сложное окончание. Поскольку *сасу* стало сложным окончанием, то при соединении с глаголами четырехступенчатого спряжения и с глаголом *ари* ради удобства *са* произносить не стали и оно стало выпадать»[18]. Представление, что служебный глагол каузатива *су* спрягался по четырехступенчатому спряжению, возможно, связано с теми соображениями, что в период Нара существовал глагол вежливости *су*, который спрягался по четырехступенчатому спряжению, и, вероятно, произошел из служебного глагола каузатива того же периода. Этот вопрос требует дальнейшего изучения.

В нижеследующих примерах приеэнная форма от *симу* используется в качестве существительного, поэтому и все слово следует рассматривать как одно существительное: *цўкавасимэ* 'посланец' (*цўкавасиму* 'побудить использовать'), *мисэсимэ* 'зрелище' (*миэсиму* 'побудить видеть'), *корасимэ* 'наказание', 'урок' (*корасиму* 'побудить раскаяться', 'побудить сожалеть'). Следует учесть, что к перечисленным словам можно присоединять *га*, *но*, *ни*, *о*.

В приведенном ниже примере повеление выражено не путем прибавления *ё*, а путем использования повелительной формы от *симу*:

Надэсйко-га хана-но сакари-ни ***аимисэмэ*** *то дзо* (Маньёсю, 4008) 'При цветении цветов гвоздики **дайте повидаться** (нам)!'

Не поэтому ли и как служебный глагол он впоследствии не принимал повелительной формы *ё*?

Су, *сасу*, *симу* употребляются и как служебные глаголы каузатива, и к а к с л у ж е б н ы е г л а г о л ы в е ж л и в о с т и. В последнем случае они спрягаются и сочетаются совершенно так же, как и служебные глаголы каузатива, например:

Хйто-но сосири-о мо э-хабакарасэтамавадзу (Гэндзи-моногатари) 'Он не в силах (соизволит быть не в силах) стерпеть злословие людей'.

Амата-но он катагата-о сугисасэтамаицуцу... (Там же) 'Соизволяя пройти мимо множества особ...'

Отсюда видно, что хотя указанные служебные глаголы и употребляются самостоятельно, встречается немало примеров на употребление служебных глаголов вежливости совместно с *ру*, *рару*, *тамау* и т. п. Следовательно, в каждом отдельном случае необходимо различать, в какой функции употреблены глаголы — в функции глаголов вежливости или каузатива, например:

Хйтобито-ни ута ёмасэсасэтамаикэру токи... (Гёкуёсю) 'Когда он побудил людей читать стихи...'

Он-фуэ табитэ фукасэрарэкэру (Удзи-сюи-моногатари) 'Пожаловал флейту и побудил играть [на ней]'.

V. СЛУЖЕБНЫЕ ГЛАГОЛЫ ВЕЖЛИВОСТИ ПИСЬМЕННОГО ЯЗЫКА

Служебные глаголы вежливости (кэйго-но дзёдōси 敬語の助動詞) письменного языка[19] можно разделить на три группы: почтительности, скромности и учтивости.

1. *Ру, рару, су, сасу, симу*

Об использовании этих пяти глаголов в качестве служебных глаголов вежливости уже говорилось выше.

2. *Су*

Это служебный глагол, употреблявшийся в период Нара; выражал почтительность; спрягался он следующим образом: 1) *са*, 2) *си*, 3) *су*, 4) *су*, 5) *сэ*, 6) *сэ*; присоединялся главным образом к незавершенной форме глаголов четырехступенчатого спряжения.

Мацу-но ситадзи ю ноборасйтэ куни миасобаси (Манъёсю, 3324) 'По дороге под соснами поднимается и озирает страну'.

Коно гакэ-ни на цумасу ко (Манъёсю, I) 'Дитя, что собирает овощи на этом холме'.

Вышеуказанное *су* в период Нара имело широкое употребление, но в период Хэйан оно вышло из употребления и осталось только в таких древних словах, как *михакаси* 'меч', *мицораси* 'лук', *микэси* 'одежда'.

Когда это *су* присоединяется к глаголам, то обычно к незавершенной форме глаголов четырехступенчатого спряжения, оканчивающейся на гласный *а*. Немало случаев, когда оно присоединяется и к гласным, не имеющим места в спряжении; встречаются также примеры присоединения к глаголам других спряжений, например:

сиросу 'узнавать', *сиросимэсу* (то же).

Разумеется, в период Нара употреблялась также и форма *сирасу*.

Кикосу: *вага окими ва..... кикосйтамаитэ...* (Манъёсю, 1050) 'наш великий государь... изволит слышать...'

Разумеется, имеются примеры и с формой *кикасу*.

Насу: *Окуяма-но маки-но итадо-о тодо-то-ситэ вага хиракаму ни ири китэ насанэ* (Манъёсю, 1467) 'Когда я со стуком открою

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

дощатую дверь из дерева маки, что [растет] в глубине гор, ты входи и ложись спать!'

В приведенном примере *нэ* — незавершенная форма глагола нижнего двухступенчатого спряжения *ну* 'спать' превратилась в *на*. Однако существует мнение, что в примере *Манакаи-ни мото накакаритэ ясунэ-си насанў* (Манъёсю, 802) 'Перед глазами беспричинно торчишь, спокойным сном не даешь уснуть!' *са* является незавершенной формой служебного глагола *су*, обозначающего не вежливость, а каузатив. Служебный глагол каузатива *су* в период Нара спрягался по четырехступенчатому спряжению. Поскольку в период Хэйан служебные глаголы пассива и каузатива использовались в качестве служебных глаголов вежливости, то вполне возможно, что и служебный глагол вежливости *су* периода Нара происходит от служебного глагола каузатива. Во всяком случае, данный вопрос подлежит изучению.

Сэсу: *табиядори-сэсу инисиэ омоитэ* (Манъёсю, 45) 'ночевать в пути, думая о старине'.

Здесь *сэ* является незавершенной формой глагола неправильного спряжения по столбцу *са*, а не изменением звука.

Кэсу: *вага мусуко-га кэсэру коромо...* (Манъёсю, 514) 'платье, которое носит мой сын...'

Кэ в приведенном примере является изменением незавершенной формы *ки* глагола *киру* 'надевать, носить'. Упоминавшееся ранее *микэси* 'одежда'— субстантивизация приёгэнной формы этого глагола. И в «Манъёсю» имеются примеры на *микэси* (например, 3350).

Мэсу: *окими-но мэсиси нобэ-ни ва...* (Манъёсю, 4509) 'на полях, на которые смотрел великий государь...'

Мэ в данном примере является изменением незавершенной формы *ми* глагола *миру* 'видеть'. Как и в ранее приведенном *кэсу*, гласный *и* переходит в гласный *э* (*ки→кэ*, *ми→мэ*). Данное *мэсу* имеет и иное употребление, кроме формы вежливого глагола со значением 'видеть'. Есть много примеров и формального употребления в таких словах, как *сиросимэсу* 'уведомлять', *кикосимэсу* 'рассказывать' и т. д.

3. *Масу*

*сора мицу Ямато-но куни ва осинабэтэ нарэ косо орэ сйкинабэтэ варэ косо **масэ*** (Манъёсю, I) '[тот кто] управляет страной Ямато, [это] именно я; [кто] вершит правление, [это] именно я'.

*Вага сэко-га **комасанў** ёи* (Сюисю) 'Вечер, когда не пришел мой милый'.

Масэ в первом примере является завершенной формой самостоятельного вежливого глагола *масу* 'быть'; *маса* во втором

примере представляет собой незавершенную форму служебного глагола вежливости *масу*. Можно думать, что первое *масу* приобрело формальное значение и превратилось во второе *масу*. Подтверждение этому можно найти в многочисленных примерах. *Масу* спрягается по четырехступенчатому спряжению и присоединяется к приёгэнной форме.

4. *Тамау*

Асйта-ни ва торинадэтамаи (Манъёсю, 3) 'утром обнимает [ее]'.

Вероятно, и *тамау* прежде был самостоятельным глаголом, но уже с такого древнего времени, как период Нара, и до настоящего времени он широко употребляется как служебный глагол. *Тамау* используется также и совместно с другими служебными глаголами вежливости, например: *Микоромо-о нугасэтамау* (п. я.) 'соизволил снять одежду,' *Гёкō-сэсасэтамау* (п. я.) 'позволяет пройти'. Однако *тамау* не употребляется вместе со служебными глаголами вежливости *ру*, *рару*. Вероятно, это происходит потому, что основное значение *ру*, *рару* — пассив и основное значение *тамау* 'давать' прямо противоположны. В подробностях причина тому не выяснена. В доказательство того, что *тамау* является служебным, а не самостоятельным глаголом, можно привести следующее: во-первых, *тамау* присоединяется к служебным глаголам, в то время как самостоятельные глаголы, являющиеся знаменательными словами, никоим образом не могут присоединяться к служебным глаголам; во-вторых, *тамау* может быть заменен другими служебными глаголами вежливости, такими, как *ру* или *рару*. Если бы *тамау* был знаменательным словом, то совершенно невозможно было бы заменять его формальными словами *ру*, *рару*.

5. *Табу*

Табу так же, как и *тамау*, относится к категории вежливых глаголов и спрягается по четырехступенчатому спряжению; так же, как *тамау*, он превратился в служебный глагол вежливости, например:

Нао урэси то омоитабубэки моно таймацўритабэ то йу (Тосаникки) 'говорит — преподнести то, чему следует радоваться'.

6. *Овасу (овасау), овасимасу (овасимасау)*

Овасу прежде был вежливым глаголом, который имел значение 'быть, приходить, уходить'. Затем он приобрел формальное значение и стал употребляться как служебный глагол вежливо-

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

сти. Как уже говорилось ранее, он может спрягаться и по четырехступенчатому спряжению и по нижнему двухступенчатому спряжению.

7. *Мэсу*

Мэсу является вежливым глаголом; имеет значение 'есть, пить, надевать, ехать, звать' и т. д.; однако он употребляется как служебный глагол. *Мэсу*, представленное в приведенных ранее глаголах *кикосимэсу*, *сиросимэсу*, *обосимэсу*, *омосимэсу*, это и есть формальное *мэсу*. В следующем примере *мэсу* принадлежит к тому же типу:

....вага ōкими Ёсино-но мия-о аригаёимэсў (Маньёсю, 4099) 'наш великий государь проходит мимо дворца Ёсино'.

Приведенные семь служебных глаголов являются служебными глаголами почтительности. Они присоединяются к самостоятельным глаголам, выражающим действие лица, которому оказывают уважение. Причем следует обратить внимание на то, что все эти глаголы, за исключением *су*, превратились из самостоятельных глаголов в служебные. Исконных служебных глаголов вежливости немного.

8. *Мацуру*

Этот глагол ранее был самостоятельным глаголом со значением 'преподносить', но он превратился в служебный глагол и используется в этой функции. Как служебный глагол он выражает не почтительность к собеседнику, а скромность говорящего. *Мацуру* спрягается по четырехступенчатому спряжению:

Аса мия-ни цўкаимацўритэ... (Маньёсю, 3230) 'Утром во дворце, совершив службу...'

9. *Татэмацуру*

Так же, как и *мацўру*, данный глагол превратился из самостоятельного в служебный и выражает скромность, присоединяясь к глаголам, обозначающим собственные действия. Он спрягается по четырехступенчатому спряжению.

Корэ-о кикйтэ ёрокобитэ хйтобито огамитатэмацуру (Тосаникки) 'Услышав это, люди обрадовались и возносят молитвы'.

10. *Маирасу*

Этот глагол также является глаголом, превратившимся из самостоятельного в служебный, и выражает скромность. Он спрягается по нижнему двухступенчатому спряжению.

Соно аси тораэмаирасэтамаэ то арэба тораэмаирасатамаитари (Сануки-но сўкэ-но-никки) 'Поскольку было [сказано] — схвати за ноги, то [он] схватил'.

11. *Мōсу*

Мōсу также является глаголом, превратившимся из самостоятельного в служебный и выражающим скромность. В период Нара он использовался в качестве самостоятельного глагола[20]. В «Манъёсю» мы находим примеры использования его в качестве служебного глагола.

Мороморо-но ōмикамитати фунэ-но э-ни митибикимōси (Манъёсю, 894) 'Многие боги на корме судна направляют [путь]'.

В период Хэйан этот глагол употреблялся широко:

Кисаки касйкоку сэйсимōсасэтамаита... (Окагами) 'Императрица мудро удерживает...'

12. *Кикою*

Кикою ранее также был самостоятельным вежливым глаголом со значением 'говорить', но впоследствии он стал употребляться в качестве служебного глагола. *Кикою* спрягается по нижнему двухступенчатому спряжению.

Коно онката-но он-исамэ-о номи дзо нао вадзуравасйку, кокоро курусю̄ омоикикоэсасэтамаикэру (Гэндзи-моногатари) 'Он тяготился укорами от этих особ и сокрушался душой'.

13. *Тамау*

Заключительная форма этого глагола совпадает с ранее описанным служебным глаголом почтительности *тамау*, но по спряжению и по употреблению эти глаголы различны. Данный *тамау* спрягается по нижнему двухступенчатому спряжению, присоединяется к глаголам, обозначающим собственное действие, и выражает скромность и уничижение. Таким образом, глагол, выражающий действие человека, которому оказывается уважение, в соединении с *тамау* спрягается по четырехступенчатому спряжению; глагол, выражающий собственное действие, в соединении с *тамау* спрягается по нижнему двухступенчатому спряжению. Нельзя смешивать между собой оба приведенные глагола.

Найнайни омоитамауру ē-о сōситамаэ (Гэндзи-моногатари) 'докладывает то, что думает втайне'.

Омоу в таком примере, как *каку омоутамаэмасйкаба...* 'если так думал', является не заключительной формой, а приёгэнной, в которой *омои* фонетически изменилось в *омоу*. Вышеуказанный *тамау* присоединяется главным образом к глаголам *омоу* 'ду-

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

мать', *миру* 'видеть', *кику* 'слышать'. Примеров на использование этого глагола в заключительной и повелительной формах не найдено.

Вышеприведенные глаголы с 8-го по 13-й являются служебными глаголами, выражающими скромность, и все они превратились из самостоятельных глаголов в служебные.

14. *Хабэри*

Хабэри также превратился из самостоятельного глагола в служебный глагол. Ранее он имел значение 'быть, находиться'.

Митатэмацӯритэ кувасйку он-арисама мо сōси-хабарамахосикио, матиовасимасураму-о, ёфукэхабэринубэси (Гэндзи-моногатари) 'Я хотела посмотреть и подробно все доложить, он ожидает, [а пока] станет поздно'.

Глагол *хабэри* иногда присоединяется к глаголам, выражающим действие самого говорящего, а иногда к глаголам, выражающим действие третьего лица.

Служебные глаголы, которые не выражают ни почтительности, ни скромности, а просто вежливое отношение к собеседнику, называются служебными глаголами учтивости. *Хабэри* как служебный глагол вежливости был служебным глаголом разговорного языка периода Хэйан, соответствующим современному *масӯ*. Служебный глагол *хабэри* спрягается так же, как и самостоятельный глагол, по неправильному спряжению столбца *ра*.

15. *Сабурау* (*сафурау* → *сōрō*, *сабуроу*, *самурау*, 候ふ)

Этот глагол ранее был самостоятельным глаголом со значением 'быть', но затем превратился в служебный глагол и употребляется так же, как и *хабэри*, для выражения учтивости.

Карай мэ-о мисабирацӯру. Дарэ-ни-ка ва урээмōси ***сабурава-му*** (Макура-но сōси) 'Столкнулся с бедой. Кому мне пожаловаться?'.

*Аригатаку он-рэй мосиагэ****сōрō*** 'Признательно выражаю благодарность'.

Сафурау как служебный глагол вежливости широко употреблялся в устной речи и в эпистолярном стиле в период Гэндзи-моногатари, а *хабэри* получил широкое употребление с периода Камакура. Служебный глагол *сōрō* дошел до наших дней [10], сохраняясь в эпистолярном стиле, так называемом *сōрōбун* (候文). В «Сёномоно» отмечены искаженные формы этого *сōрō*[21].

Нацу нараба икани ка-га ōки ***сōрō то*** (Тōгэнсӯ) 'Когда наступает лето, как много москитов'.

Исоги каэри ***сō*** *дзо* (Сикйсё) 'скоро вернется'.

VI. СЛУЖЕБНЫЕ ГЛАГОЛЫ ВРЕМЕНИ ПИСЬМЕННОГО ЯЗЫКА

В обычных грамматиках в категории времени (токи 時) раз личают прошедшее (како 過去), настоящее (гэндзай 現在) и бу дущее (мирай 未來), а с добавлением законченности действи (канрё 完了)—еще и прошедшее законченное, настоящее зако ченное и будущее законченное, т. е. всего шесть времен. Однак неправомерно рассматривать прошедшее, настоящее и будуще с одной стороны, и законченность действия, с другой стороны, одной плоскости. Прошедшее, настоящее и будущее образуютс путем присоединения служебных глаголов времени, выражаю щих стадии субъективного времени, а законченность действия пе редается благодаря наличию служебных глаголов действия, вы ражающих бытие и длительность наряду с протеканием действи во времени[22]. Во всяком случае, вопрос о том, какое положени с точки зрения грамматической системы занимает грамматическо время, подлежит тщательному изучению. Если рассматривать дан ный вопрос с точки зрения реальной логики, то никакое действи и явление не может осуществляться вне связи со временем. Сле довательно, грамматически глаголы, обозначающие действие явления, не могут выразить что-либо вне связи со временем Однако логические и грамматические категории принадлежа к разным сферам и не обязательно полностью совпадают. Ямад Ёсио пишет по этому поводу следующее: «Не следует забывать что деление на прошедшее, настоящее и будущее не есть делени существующее в реальном мире, а всегда порождается соотно шением между нашим субъективным миром и реальным проте канием времени, эти три градации родились из нашего воспри тия. Поэтому, в зависимости от восприятия, одно и то же врем может быть и прошедшим и будущим. В зависимости от широт восприятия существует разница и в широте объёма того, что име нуется настоящим временем. Короче говоря, нужно прежде всег полностью учитывать, что грань между субъективностью и объек тивностью всегда соотносительна, и это соотношение подверже но всевозможным изменениям»[23].

Д-р Ямада строго разграничивает грамматическое время и ре альное время, без чего правильно понять истинную сущность грам матического времени невозможно.

Сущность грамматического времени заключается не в раз личении того, совершается ли реально действие, явление, выра жаемое им, в настоящем, в прошедшем или в будущем,—оно пред ставляет собой различение, существующее в сознании, т. е. пе редает то, как действие или явление отразилось в субъективно сознании. Таким образом, всякое действие или явление связы вается с вопросом грамматического времени только в том случае

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

если оно становится объектом субъективного сознания. Следовательно, грамматическое время есть так называемый закон мышления. Грамматическое время образуется в результате процесса осознания во времени реальных действий и явлений. Согласно д-ру Ямада, выражение появления в сознании происшествия как непосредственного представления (д-р Ямада полагает, что утверждение типа *сироганэ ва моттомо омоки киндзоку нари* (п. я.) 'серебро — самый тяжелый металл' является вневременным и что для различения времени обязательно должно наличествовать происшествие — occurence), т. е. как чистого восприятия, есть настоящее время; выражение появления чего-либо как повторного представления, т. е. самого повторного представления, есть прошедшее время; выражение того, что появляется, как предположительное представление, т. е. воображаемого представления, есть будущее время. Это деление исходит из той предпосылки, что грамматическое время основано на законах мышления.

Указанные положения относятся не только к грамматике японского языка, они справедливы и для грамматики английского языка. Хосоэ Икки пишет следующее:

«Present tense. Назовем условно эту форму формой интуитивного прямого высказывания, т. е. Present tense. Оно выполняет функцию обозначения явления, которое мы рассматриваем как «это так» или «это не так», в том виде, как мы его воспринимаем; это орудие так называемого «непосредственного представления». Следовательно, не имеет значения, в какой временно́й фазе находится описываемое явление. При этом необходимо уяснить, что Tense (время), отражая различение, существующее в формах мышления, не может быть рассматриваемо отдельно от mood (наклонения)»[24].

«Present perfect. Заблуждения, сомнения, противоречия и оправдания возникли из мысли о том, что Tense и Time (т. е. грамматическое и объективное время) — это одно и то же. Если отбросить путаницу, то вопрос прояснится. В предыдущей главе я уже писал, что Present tense по своей сути отнюдь не выражает настоящего времени; а тот факт, что оно часто передает настоящее время, не имеет отношения к временно́му делению: Present tense возникает в результате подчинения форме мысли. Далее я утверждал, что Present tense является формой интуитивного прямого высказывания, и поэтому вопрос о том, к какому реальному времени принадлежит описываемое явление, не имеет значения. Здесь же я хочу указать, что, по моему мнению, так называемый Present perfect является формой достоверного высказывания. А именно: пусть описываемое событие как таковое в границах объективного времени относится к прошлому, к будущему или к настоящему, пусть оно обладает какой-то непрерывностью, идущей из прошлого в настоящее, это по сути не имеет значения. Если излагаемое событие при высказывании оставляет

сильное впечатление в воспринимающем его сознании, то выразить это ясно и достоверно — основное значение данной формы. И то, что показателей „настоящего совершенного" много, объясняется только тем, что много и самих явлений, представляющих собой объект „ясного и достоверного высказывания"»[25].

«Past tense. Полагаю, что не будет никаких возражений против того, чтобы, коротко говоря, назвать это время формой „изложения воспоминаний". То обстоятельство, что обычно оно выражает прошедшее время, является не основным его содержанием, а результатом, вытекающим из основного содержания»[26].

«Future tense. Это грамматическое время *является формой*, выражающей „изложение предположения". Само по себе оно не связано ни с настоящим, ни с будущим"»[27].

Данная теория Хосоэ подтверждена многочисленными примерами из английского языка, но по своей сущности она совпадает с теорией Ямада Ёсио.

Приведем ряд примеров в подтверждение того, что грамматическое время не зависит от временно́й формы бытия объективной действительности, а изменяется соответственно различиям в субъективном восприятии.

Има варэ сёмоцу-о ёмиорэри (п. я.) 'Сейчас я читаю книгу.'

Орэри в данном примере выражает так называемое настоящее время, но длительность времени невелика.

Коннити ва карэ ва фудзай нари (п. я.) 'Он сегодня отсутствует.'

Фудзай нари в данном примере — настоящее время, но по сравнению с предыдущим примером длительность действия по времени увеличивается; она измеряется длительностью дня.

Котоси ва сйбасйба юки-га фуру 'В этом году часто идет снег'.

Здесь *фуру* — также настоящее время, но единицей измерения времени служит год. Из этих примеров видно, что в зависимости от того, из чего исходит говорящий, возникает и различие в протяженности так называемого настоящего времени.

Тири мо цуморэба яма-то нару 'И пыль, если [она] накопится, превращается в гору'.

Хару курэба хана саки тори утау (п. я.) 'Когда наступает весна, то цветут цветы и поют птицы'.

Карэ ва майаса рокудзи-ни оку (п. я.) 'Он каждое утро встает в шесть часов'.

Цуки ва тикю̄-но сю̄и-о кайтэн-су (п. я.) 'Луна вращается вокруг земного шара'.

Можно сказать, что все конечные глаголы в данных примерах имеют форму настоящего времени, но поскольку они выражают факты, стоящие над временны́ми различиями, то это так называемое общее время (букв. «постоянное время» — ко̄дзи 恒時).

Кроме того, часто бывает, что посредством так называемого настоящего времени выражается прошедшее и будущее:

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Татакаи-ва иеиё хадзимарэри. Хōсэй ти-ни хибики, бакуон сора-ни тодороки, данган ва мимихэн-о касумэ, кансэй ва дзэнгун-о фураваси, дзицуни соно дзēсэй итами-но кивами нарики (п. я.) [11] 'Битва, наконец, началась. Орудийные залпы раздавались на земле, звуки взрывов грохотали в небе, пули со свистом пролетали мимо ушей, воинственный клич воодушевлял войска,— поистине картина была душераздирающая'.

Камомару ва мēгонити сюппан-су (п. я.) 'Пароход Камомару отплывает послезавтра'.

Пусть сам факт в этих примерах относится к прошедшему или будущему, но если мы осознаем этот факт как реальность, то его выражение и есть настоящее время. Хосоэ Икки, приводя следующие примеры: *Коря одоройта*! 'Ах, испугался'; *Кондо-но агари ва ицу дэсйта* 'Когда был следующий поезд на Токио?'; *Са, ицу даттакэ* 'Когда ж это было?', замечает:

«Если сравнить данные примеры с другими, можно уяснить что Past tense (прошедшее время) обладает возможностью не только „изложения реального", как то обычно полагают ученые, но и „изложения мыслимого"»[28]. Поистине это правильное высказывание. Далее Хосоэ приводит следующий пример:

Ориакаси каёи ва ***номаму*** *хототогису* ***акэму*** *асйта ва* ***накиватараму*** *дзо* (Маньёсю, XVIII, 4068) 'Находясь [здесь], проведем ночь, эту ночь **будем пить**; кукушка завтра, когда **рассветет, пролетит** с пением'.

Сравнивая в данном примере глаголы *акэму* 'рассветет', *ватараму* 'пролетит' с глаголом *номаму* 'будем пить', он указывает, что отношения между ними сходны с отношениями, существующими между этими глаголами в европейских языках. Хосоэ далее пишет:

«Думается, что если принято называть рассматриваемую форму спряжения глаголов в японском языке формой незавершенности, то ее можно назвать и формой „изложения мыслимого". И даже более, если соображения, высказанные в моей работе в прошлом году, будут признаны правильными, тогда лучше назвать ее именно так. Кроме того, нужно сказать, что отрицательное высказывание в японском языке образуется на основе данной формы, значит ее суть — изложение мыслимого. Приведем пример:

Ёродзуё-ни тоси ва кифу (来經) *томо ӯмэ-но хана таюру кото наку сакиватарубэси* (Маньёсю, V, 830) 'Хотя бы тысячи веков годы приходили и уходили, цветы сливы, не прекращаясь, будут продолжать цвести'.

Здесь последний глагол относится к будущему времени, но данное *бэси* отделилось от *хадзу*.

Ёфукэхабэринубэси (Гэндзи-моногатари) 'Станет поздно'.

Первый пример со вторым находится в таком же соотношении, как shall и should. Следовательно, если внимательно рассмотреть

му и *бэси*, то можно будет сказать, что «наклонение изложения мыслимого (дзёсохо̄ 叙想法) [12] и наклонение предположительного изложения мыслимого (касо̄-дзёсо̄хо̄ 假想叙想法) не являются домыслом, а подтверждаются фактами японского языка».

В данной работе употребляются традиционные термины «служебные глаголы времени», «служебные глаголы прошедшего времени», «служебные глаголы будущего времени» и т. п., однако в эти термины вкладывается то содержание, о котором только что шла речь. Ниже следует краткое объяснение служебных глаголов прошедшего времени, будущего времени и законченности действия.

1. СЛУЖЕБНЫЕ ГЛАГОЛЫ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ

Служебными глаголами прошедшего времени называются служебные глаголы, придающие основному глаголу значение высказывания как мысленного воспоминания о том, что действия, явления и прочие факты как таковые в настоящее время не существуют, но существовали в прошлом. Служебными глаголами прошедшего времени письменного языка являются два слова: *ки* и *кэри*.

Ки: 1) (*сэ*), 2) нет. 3) *ки*, 4) *си*, 5) *сйка*, 6) нет. Присоединяется к приёгэнной форме, но с глаголами неправильного спряжения по столбцам *ка* и *си* сочетается по-особому.

Кэри: 1) (*кэра*), 2) нет, 3) *кэри*, 4) *кэру*, 5) *кэрэ*, 6) нет. Сочетается с приёгэнной формой.

Таби-ни сйтэ монокбсиги-но наку кото ***кикоэдзарисэба*** *коитэ синамаси* (Манъёсю̄, 67) ‘Находясь в пути, томлюсь, (и) **если б не слышал**, как кричит [цапля], то умер бы от любви’.

Мукаси отоко арикэри. Адзума-э юкикэру ни томодатидомони мити-ёри ииокосэкэру (Кокинсю) ‘В древности был мужчина. Когда он отправился на восток, то с пути послал сказать товарищам’.

Примеры на присоединение *сэ* к приёгэнной форме, например в слове *кикоэдзарисэба*, имеются не только в «Манъёсю» (например: *сирасимэсисэба* ‘если бы сообщил’, *имото-га арисэба* ‘если бы имелась сестра’, *яма-ёри кисэба* ‘если бы пришел с горы’), но также и в период Хэйан (например: *накарисэба* ‘если бы не было’, *нагарэдзарисэба* ‘если бы не протекала’). Это *сэ* в соединении с союзным служебным словом *ба* использовалось для выражения предположения, прямо противоположного действительности. Во многих случаях к *сэ* присоединялся служебный глагол предположения *маси* для выражения значения ‘если было...’, ‘хотя было...’, ‘если не было... не есть’. Ямада Ёсио по этому поводу пишет:

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

«Ряд ученых считает это *сэ* формальным глаголом *сэ* (т. е. глаголом неправильного спряжения по столбцу *са*.— *Прим. Киэда*), но факт присоединения к приёгэнной форме сложного окончания *ну*, выражающего утверждение, служит доказательством того, что это, без сомнения, незавершенная форма сложного окончания (т. е. *ки*). Ибо, во всяком случае, приёгэнная форма сложного окончания *ну* не может присоединяться к ёгэнам»[29].

Таким образом, Ямада считает это *сэ* незавершенной формой от *ки*. Возникает вопрос, почему же в таких словах, как *сири мо сэба* 'если бы и знал', *ари мо сэба* 'если бы и было', возможна вставка служебного слова *мо* между основным глаголом и данным *сэ*? Ведь при соединении основного глагола со служебным между ними не должны бы вставляться служебные слова. Однако, с другой стороны, поскольку *сэ* присоединяется к служебным глаголам законченности действия *ри*, *ну* и служебному глаголу отрицания *дзари*, можно сомневаться, следует ли в таких случаях считать *сэ* служебным глаголом. Это неразрешенный вопрос; он подлежит дальнейшему изучению.

Кроме того, не существовало ли в древнем языке незавершенной формы *кэ* в противовес *сэ*? Пожалуй, служебный глагол предположения прошедшего времени *кэму* и есть это самое *кэ* в соединении с служебным глаголом предположения *му*. Ямада указывает:

«Не образовалось ли это окончание из двух линий: системы *ки* и системы *си*? Таким образом, не есть ли *сйка* первоначальное *си* с прибавлением *ка*? В тот период употреблялась форма *маси*, а в следующий период — *масйка*. Нужно учесть, что на родине автора в Эттю, когда завершенная форма предикативного прилагательного *кэрэ* стоит в заключительной позиции при наличии *косо*, непременно говорят *корэ косо ёкэрэка* 'именно это хорошо'. Таким образом, можно прийти к заключению, что *ка* было присоединено позже. Итак, мы имеем следующие формы: система *ки*: *кэ*, *ки*; система *си*: *сэ*, *си*. Возможно, что указанные системы отличались друг от друга по времени или по значению, но за долгое время употребления они, видимо, смешались. Однако за отсутствием доказательств утверждать это нельзя»[30]. Вопрос ждет дальнейшего исследования (подобное же явление наблюдается при вторжении *ну* в систему служебного глагола отрицания *дзу*).

Моримото Харуёси относительно *сига* и *тэсига* пишет следующее: «Несомненно, что *тэ* является приёгэнной формой так называемого служебного глагола законченности действия *цу*, но вопрос относительно *си* неясен. Д-р Ямада и д-р Такэда считают, что данное *си* является прииенной формой служебного глагола прошедшего времени *ки*. Однако я полагаю, что *сига* и *тэсига* не имеют значения прошедшего времени, и считаю, что *си* имеет известную связь с *сэ*, представленном в примерах ниже:

Инисиэ-ни яна уцу хйто-но накарисэба коко мо арамаси цумино эда ва мо (Манъёсю̄ III, 387) 'Если бы в старину не было человека, ставившего ловушку для рыб, то верно были бы и сейчас ветки [дерева] «цуми»'.

Если допустимы предположения, то можно думать, что *си* является служебным глаголом, спрягающимся так же, как и неправильный глагол *су*, причем употреблялся он для усиления слова или для уточнения высказывания»[31].

По-видимому, ключ к разрешению вопроса относительно *сэ* нужно искать в его связях со словом, стоящим перед ним, а также со словом *маси*, стоящим после него; однако пока еще удовлетворительного решения этого вопроса не найдено. В данной работе уже говорилось о том, что глагол неправильного спряжения по столбцу *са* может использоваться как вспомогательный, что он может допустить вставку некоторых служебных слов между собой и вышестоящим словом; поэтому, пожалуй, и *сэ*, вследствие использования его в вспомогательной функции, приобрел характер формального слова. В его значении совершенно не проявляется смысл прошедшего времени, а можно выявить лишь некоего рода усиление.

Ранее уже упоминалось о том, что *ки* особым образом присоединяется к глаголам неправильных спряжений по столбцам *ка* и *са*. В таблице приведены эти способы сочетаемости.

Таблица 60

Спряжение служебного глагола *ки*

	Основа слова	Незавершенная форма	Служебный глагол	Приёгэнная форма	Служебный глагол
„Непр. спр. *ка*"	*ку* 來	*ко*	*си* / *сйка*	*ки*	*си* / *сйка*
„Непр. спр. *са*"	*бэнкэ̄*	*сэ*	*си* / *сйка*	*си*	*ки*

Возможно, здесь проявляется специфика неправильных спряжений по столбцам *ка* и *са*. Однако вспомним, что приёгэнная форма неправильного спряжения по столбцу *са* выражена фактически двояко: *сэ* и *си*. Не следует ли считать, что из трёх форм служебного глагола *ки*, *си*, *сйка* последние две присоединяются к одной из двух приёгэнных форм, а именно к *сэ*, а *ки* присоединяется к другой, а именно к *си*? Точно так же и приёгэнная форма неправильного спряжения по столбцу *ка* имеет два варианта:

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

ко и *ки*. *Си* и *сика* присоединяются к любой из этих двух форм. Не то же ли происходит в современном разговорном языке при неправильном спряжении глагола *суру*, который имеет незавершенную форму в двух вариантах — *сэ* и *си*: служебный глагол отрицания *ну* присоединяется к незавершенной форме *сэ*, а такой же глагол *най* — к незавершенной форме *си*.

Далее, не следует смешивать похожие формы, возникающие при соединении *си*, *сйка* с глаголами неправильного спряжения по столбцу *са*, нижнего двухступенчатого спряжения по столбцу *са* и четырехступенчатого спряжения по столбцу *са*. *Си*, *сйка* правильно сочетается у первых с незавершенной формой, у вторых и третьих с приёгэнной формой, но у последних допускается и присоединение к завершенной форме.

В средневековых текстах *си*, *сйка* присоединялись к приёгэнной форме глаголов четырехступенчатого спряжения по столбцу *са*, и в этом отношении не бывало никаких ошибок. Но с начала периода Камакура встречается много случаев присоединения этих служебных глаголов к завершенной форме, а в период Токугава количество ошибок в этом смысле еще более учащается, как сообщает Тодзё Гимон в своей работе, которая опровергает точку зрения на такое присоединение Мурата Сюнкай[32]. Что же касается современных текстов, то в пункте 8 «Перечня допустимых отклонений от грамматических норм» говорится следующее:

«Не возбраняется при соединении с глаголами, спрягающимися по столбцу *са* четырехступенчатого спряжения служебного глагола *си*, *сйка* наряду с формой: *курасиси токи* 'когда жил', *сугосисикаба* 'если проходил', употреблять формы *курасэси токи* и *сугосэсикаба*. Пример: *тада иппэн-но цӳкоку-о насэси-ни томарэри* 'ограничились тем, что дали одно объявление'».

Относительно этого в «Первом докладе по изучению проекта реформы ныне действующих грамматических правил» говорится:

«В средневековых текстах служебный глагол времени *си*, как правило, присоединялся к приёгэнной форме, но в современных текстах у глаголов четырехступенчатого спряжения по столбцу *са* он обычно присоединяется к завершенной форме, что надо считать правильным.

Средневековый текст	Современный текст
насиси	*насэси* 'сделал'
коросиси	*корэсэси* 'убил'
масиси	*масэси* 'прибавил'

Обоснование:

...В средневековой литературе такая форма была самой правильной, и не говоря уже о стихотворных текстах того времени, в прозаических текстах, создававшихся по образцу последних,

до конца периода Намбокутё (в «Цурэдзурэгуса», «Дзиннōсётоки», «Тайхэйки», «Ёсиносюи» и в многочисленных «ёкёку») она господствовала почти безраздельно. Даже позже Итидзё Канэёси, Имагава Садаё, а затем и Фудзивара Сэйка редко отступали от нее. Признаки полного отхода от этой формы появляются с конца периода Камакура у Мудзю-хōси в «Сясэкисю», у Дōгэн-дзэнси в «Сёбōгэндзо» и более ярко выражены в посмертных произведениях Нитирэн-сёнин [13].

С тех пор до начала периода Токугава, до выхода в свет «Ятимата», правильно употребляли *сэси* и *сиси* немногие. Редко употребляли их не только ученые, писатели и драматурги, но даже и люди, прославившиеся исследованиями древней литературы. Так, например, в сочинениях Мурата Харуми [14] во многих случаях не различалось употребление *сэси* и *сиси*. На это же указывает Тодзё Гимон в «Сасидэ-но исо». После появления его работы на данное употребление было обращено внимание, и исследователи древней литературы, а также грамматисты стали строго соблюдать правило. В современных грамматиках это правило стали разъяснять, в общественных и частных школах его ввели в преподавание. Однако за исключением специалистов по древней литературе, авторов работ по грамматике и т. п., мало кто соблюдал это правило. В современных серьезных газетах редко появляются такие формы, как *аравасиси* 'издал, опубликовал', *ходокосиси* 'осуществил'. Это объясняется тем, что современные тексты не пишутся чисто средневековым языком, и газеты и журналы с целью доходчивости избегают этих форм, поскольку на слух *сэси* и *сиси* звучат почти одинаково. Вследствие этого в современных текстах форма *сиси* сама собой вышла из употребления. Таким образом, при установлении нормы современного языка безусловно необходимо изменить правило, что и указано в данном пункте»[33].

Заключительной формой служебного глагола *ки* служит *ки*, поэтому в тех случаях, когда отсутствуют служебные слова *дзо*, *нан*, *я*, *ка*, *косо*, это *ки* стоит в конце предложения; однако в ряде примеров, относящихся к периоду Хэйан, предложение заканчивалось приименной формой *си*:

Надэсйко-но хана-о торитэ окэтариси (Гэндзи-моногатари) 'Сорвав фиалки, послал их'.

Мукаси-моногатари-мэкитэ обоэхабэриси (оттуда же) '[это] напоминало старинный рассказ, потому запомнил его'.

Такое окончание предложения называется «приименным заключением» (рэнтайдомэ); по-видимому, оно придает предложению восклицательный характер, ибо создается впечатление, что опущены слова *кото ё* или *моно дзо*. В более позднее время, особенно с периода Асикага, случаи использования приименной формы для заключения предложения участились, например: *дзюнэн-о*

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

курасиси 'прожил десять лет', ***варэ масани миси*** 'я, право, видел'. В связи с этим и в современных текстах она допускается. В частности в п. 3 «Перечня допустимых отклонений от грамматических норм» говорится следующее:

«Не возбраняется применять приименную форму *си* от служебного глагола прошедшего времени ***ки*** как заключительную форму. Пример: ***касай ва нидзикан-но нагаки-ни ватаритэ тинка-сэдзариси*** (п. я.) 'Пожар не был потушен на протяжении двух часов'».

По данному вопросу в «Первом докладе по изучению проекта реформы ныне действующих грамматических правил» сказано следующее:

«Предложения без соотносительных служебных слов, заканчивающиеся служебным глаголом прошедшего времени *си*, как предложения восклицательного характера по типу средневековых текстов, допустимы.

Соно кэйхо̄-ни сэссуру я тадатини кодзё̄-но фунэ-о дасйтарэдо, судэни осокариси (п. я.) 'Как только сигнал тревоги был получен, немедленно же было послано спасательное судно, но было уже поздно'.

Использование приименной формы для заключения предложения без соотносительных служебных слов возможно не только для служебного глагола прошедшего времени ***ки*** (т. е. для *си*):

Коно таби-но ядори-о сасйтэ куру (п. я.; Со̄сэки, Сано-но ватари) 'Пришел указать пристанище на этом пути';

комакомато какиокурикабэру (оттуда же) 'подробно пишет'.

Эти примеры равны по значению предложениям с опущением *нари я, кото ё, моно дзо*. Вот в таких-то случаях больше всего и употреблялся служебный глагол прошедшего времени в форме *си*, что стало своего рода правилом и встречается уже в «Цурэдзурэгуса». Это произведение имело широкое распространение в период Токугава, благодаря чему данная форма стала привычной для зрения и для слуха читателей и в конце концов проникла в переводные тексты. Поскольку в переводах вместо *ки* везде употреблялось *си*, последнее звучало несколько неприятно; однако в настоящее время данную форму стало использовать большое число людей. Значение в целом от этого не страдает и даже, больше того, иногда вместо *ки* скорее подходит *си*, имеющее более широкое значение и несущее восклицательный оттенок. Таким образом, самое правильное—предоставить употребление *си* на усмотрение говорящего»[34].

Далее, остановимся на р а з л и ч и я х м е ж д у ***ки*** и ***кэри***. Фудзитани Нариакира пишет:

«*Ки*—это слово, достоверно выражающее прошедшее явление. Оно используется при прямом обращении, а иногда в монологах, т. е. когда человек сам спрашивает и сам отвечает; ***кэри*** в «Манъёсю»

писалось 來, но на самом деле оно имеет значение 來有 ('пришел и есть'). В нем заключено значение не одного *ки*, а еще и *нари* (связка). *Ки* употребляется при близком соприкосновении с людьми. *Кэри* тоже является словом, выражающим достоверность, но вместе с тем оно более прикосновенно к законам вещей, оно говорится само собой»[35]. *Ки* применяется, когда с достоверностью говорят о прошлом явлении; *кэри* мягче и оставляет большее впечатление. Именно поэтому в стихах и лирической прозе чаще употребляется *кэри*. Изменив свое значение показателя прошедшего времени, *кэри* превратилось в служебный глагол восклицания. Кусано Киёудзи по этому поводу пишет:

«*Ки* используется для указания на прошлое действие или состояние, *кэри* в общем также указывает на прошлое. Однако в старых текстах *ки* используют чаще всего в непосредственном разговоре, т. е. в диалоге (или в том, что может рассматриваться как диалог), но это не всегда так. *Кэри* же в большинстве случаев употребляют при повествовании о прошлом, хотя и *ки* может быть использовано в этой функции. Поэтому в настоящее время не следует проводить искусственного разграничения между данными служебными глаголами. Если после *ки* стоит существительное, то *ки* превращается в *си*. В этом случае *ки*, так же как и *кэри*, которое при стоящем за ним существительным превращается в *кэру*, часто употребляется не только в диалоге»[36].

Хосоэ Икки дает следующее объяснение этим служебным глаголам:

«Не годится переделывать предложение *мукаси отоко аригэри* 'в древности был мужчина' в предложение *мукаси отоко ариги*. В таком случае, какая же разница между этими служебными глаголами? Разница заключается в том, что *ки* выражает просто прошедшее время, а *кэри* создает впечатление некоей продолжительности во времени. В «Манъёсю» оно писалось 來有 ('пришел и есть'), что, видимо, объясняется указанным значением. Поэтому предложение *мукаси отоко аригэри* означает не только то, что в прошлом жил некий человек, но и то, что жизнь этого человека длилась известный промежуток времени»[37].

Толкование Хосоэ делает шаг вперед по сравнению с прежними объяснениями. В подтверждение Хосоэ приводит примеры из «Такэтори-моногатари»:

1) *Има ва мукаси такэтори-но окина то йу моно аригэри. Нōяма-ни мадзиритэ, такэ-о торицўцу, ёродзу-но кото-ни цукаэкэри. На-оба гифу дзоро то наму иикэру. Соно нака-ни, мото хикару такэ хитосудзи аригэру* 'Давным-давно (от настоящего времени) [жил-] был один старик-дровосек (букв. 'собиратель бамбука'). Он ходил в горы, рубил бамбук и использовал его для самых разных целей. По имени его звали Гифу Дзоро. Среди бамбука был один, сверкающий у корня'.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

2) *Арутоки ва кадзэ-ни цўкэтэ сиранў куни-ни фукиёсэрарэтэ, они-ноё нару моно идэкитэ коросанў то сики. Арутоки-ни ва, кисиката икусуэ мо сирадзу, уми-ни магирэнў тосйки. Арутоки ва катэ цўкитэ, куса-но нэ-о куэмоно то сики* 'Иногда их заносило ветром в неведомые страны, и появлялись существа, похожие на дьяволов, и стремились их убить. Иногда, не зная, куда плывут, они блуждали по морю, иногда у них кончалась пища, и они собирали для пищи корни трав'.

Заслуживает внимания и теория Хосоэ:

«По моему мнению, в глубокой древности в японском языке существовало резкое различие между этими двумя служебными глаголами: *ки* использовалось при воспоминаниях очевидца, т. е. в рассказе о пережитом, а *кэри*—при воспоминаниях, услышанных от кого-либо, т. е. для передачи рассказа, услышанного от другого человека... Поэтому-то покойный д-р Фудзиока указывал, что в «Такэтори-моногатари» в авторском тексте использовалось *кэри, кэру, кэра*, а для диалога—*ки*»[38]. По моему мнению, повествовательно *кэри* употреблялось для того, чтобы передать слова автора, т. е. «передать слышанное», или же поведать об обстоятельствах, созданных собственным воображением, как бы в виде «передачи слышанного»; во всяком случае, речь идет о «неиспытанном». В разговоре (диалоге) *ки* применяется, когда описываемые обстоятельства «испытаны» говорящим или же излагаются как «испытанные»... Во втором из приведенных выше примеров с лингвистической точки зрения наличествует форма «воспоминания очевидца»... Поэтому я уверен, что предложение *отоко арики* следует перевести на современный язык в виде *отоко-га атта* 'был человек', а предложение *отоко арикэри* надо пояснить в виде *отоко-га атта то са* или *отоко-га аттагэна* 'как будто был человек'»[39].

Я считаю, что объяснение Хосоэ заслуживает внимания. Однако прежде удовлетворялись объяснением профессора Ямада:

«*Кэри*, так же как и *ки*, используется при передаче воспоминаний и поэтому часто его заменяет. Однако между этими двумя служебными глаголами существует ясное различие, а именно: *кэри* не только выражает воспоминание, оно обязательно основано на действительности и вызывает воспоминание о ней. Поэтому иногда его называют восклицательным *кэри*. Если рассматривать значение этого слова с этимологической точки зрения, то *ари*, заключенное в *кэри*, передает действительное состояние вещей; *ки* же вызывает воспоминание тем, что, как говорится, «видя следствие, думают о причине». Попросту говоря, *ки* равно *та*, а *кэри* равно *та ваи* или *та кото дэя*»[40].

Выше приведено несколько толкований относительно этих двух служебных глаголов. Коротко говоря, как в звучании, так и в значениях *ки* и *кэри* существует известная разница; так, *ки*

произносится более резко, а *кэри*—более мягко. Что касается разницы в их употреблении, то, видимо, в основу можно положить этот простой момент.

2. СЛУЖЕБНЫЕ ГЛАГОЛЫ БУДУЩЕГО ВРЕМЕНИ

Ранее они назывались служебными глаголами, выражающими будущее время, но на самом деле они выражают не только будущее, но и мысли, содержащие предположения и желания относительно появления фактов, явлений и состояний, реально еще не наступивших. Следовательно, они могут выражать и решимость сделать что-либо. Они ошибочно названы служебными глаголами будущего времени, поскольку будущее не действительность, а не что иное, как воображение и предположение. Поэтому на самом деле основным значением данных служебных глаголов является выражение идеи нереальности.

К указанным служебным глаголам принадлежат два: *му* и *маси*. Они спрягаются так:

Му: 1) нет, 2) нет, 3) *му*, 4) *му*, 5) *мэ*, 6) нет. Присоединяется к незавершенной форме.

Маси: 1) (*масэ*), 2) нет, 3) *маси*, 4) *маси*, 5) *масйка*, 6) нет. Сочетается с незавершенной формой.

Примеры употребления *му*:

Асйта ва амэ фураму (п. я.) 'Завтра **пойдет** дождь'.

Гого-ни ва кадзэ фукйидэму (п. я.) 'После полудня **подует** ветер'.

Это примеры на предположение. Они выражают, что состояние, еще не проявившееся в действительности, станет действительностью. Поскольку в начале данных примеров стоят наречные определения, связанные со временем—*асйта ва* 'завтра', *гого-ни ва* 'после полудня',—считается, что *му*, согласуясь с ними, выражает будущее время. Оно, так сказать, совмещает оба значения—будущего и предположения.

Уэси уэба аки наки токи я сакадзараму хана косо тирамэ нэ саэ карэмэ я (Исэ-моногатари) 'Когда посадишь, то, пока нет осени, не **расцветет**. Цветы-то **осыпятся**, но корни **засохнут** ли?'

Этот пример указывает на предположение, касающееся еще не осуществившегося факта.

Мирэдо аканў Ёсино-но кава но токонамэ-но таюру кото наку мата каэри миму (Манъёсю, 38) '[Как] вечно не прекращается река Ёсино, на которую хоть смотришь, не устаешь, [так вечно] **будем возвращаться** и **смотреть** [на нее]'.

Данный пример указывает на собственную решимость и желание.

Тōкарамў моно ва ото-ни мо кикэ, тикакўба ёттэ мэ-ни мо миё (п. я.) 'О тех, которые **будут далеко**, узнавай по слуху, а если (они) близко, подойди и смотри глазами'.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Здесь *му* выражает предположение без наличия условий этого предположения.

Мияко-нитэ косо иканимо наритамавамэ. Мата нисикуни-э отисасатамаитаваба, тасукаритамабэки ка (Гэмпэй-сэйсуйки) 'В столице как-нибудь просуществует. А если его отошлют в западные провинции, то можно ли будет ему помочь?'

Приводя эти примеры, д-р Хасимото указывает, что в них выражено значение надлежащего, естественного. Причем в большинстве таких примеров имеется *косо*, а *му* сочетается со служебным глаголом законченности действия *ну*, образуя форму *наму*. *Косо* служит для усиления, а *ну* выражает достоверность высказывания.

Примеры на употребление *маси*:

Каку си араба умэ-но хана-ни мо нарамаси моноо (Манъёсю, 819) 'если так, то стану хоть цветком сливы'.

Куни-ни араба тити тори мимаси, ути-ни араба хаха тори мимаси (Манъёсю, 886) 'Была бы на родине, [за мною] присматривал бы отец, была бы в родном доме, присматривала бы мать'.

Ё-но нака ни таэтэ сакура-но накарисэба хару-но кокоро ва нодокакарамаси (Кокинсю) 'Если бы на свете совсем не стало вишен, то настроение весной было бы безмятежным'.

Когда *маси* употребляется соотносительно с *масэба*, то наиболее сильно проявляется предположение, противопоставляемое действительности, т. е. мы имеем смысл «если бы... было, а на самом деле... не так». Это очень похоже на subjunctive mood в английском языке. Следует также обратить внимание на то, что в приведенных примерах *маси* употреблено так же, как *му*, например, в слове *наримаси*. *Маси* ранее включалось в служебные глаголы предположения и считалось, что ему присуще значение предположения, воображения явлений, противоположных действительности. Следовательно, в отношении указания на нереальное предположение оно употребляется одинаково с *му*. Однако *маси* отличается от *му* тем, что имеет характер некоторой неуверенности, что видно из таких примеров:

Сараба икани сэмаси (п. я.) 'тогда что же делать?'

Ко-ни нани-о какамаси (п. я.) 'Что здесь написать?'.

Они указывают на использование *маси* в вопросительных предложениях, причем *маси* употреблено здесь так же, как *му*, с оттенком неуверенности, однако здесь нет значения противопоставления действительности. Таким образом, *маси* употребляется как в значении нереального предположения, так и простого предположения.

Относительно незавершенной формы от *маси*, то есть *масэ*, д-р Ямада пишет следующее:

«Считается, что данная форма является либо сокращением формы *макӯсэба*, либо изменением формы *маси*. Однако, не есть ли это скорей завершенная форма сложного окончания четырехступенчатого спряжения по столбцу *са*, образовавшаяся путем удлинения *му*? Ведь когда к завершенной форме от *му*, то есть *мэ*, присоединяется *до*, должно получаться *мэдо*. Однако *мэба* говорить не следует, и хотя в более позднее время и образовалась форма *масйкаба*, но тогда эта форма не существовала. Следует отметить, что *масйкаба* имеет то же значение, что *масэба*. Правда, некоторые считают, что между *масэба* и *масйкаба* есть разница, поскольку первая форма выражает допущение, а вторая—реальность, но в смысле предполагаемого условия обе формы выражают допущение, и мне лично кажется, что если исключить историческую инерцию, то в их значении не будет чувствоваться никакой разницы»[41].

Вышеуказанному *масэ* можно найти аналогию в *сэ* (незавершенная форма от *ки*), как это видно из следующего:

Ки: 1) *сэ*, 2) нет, 3) *ки*, 4) *си*, 5) *сйка*.

Маси: 1) *масэ*, 2) нет, 3) *маси*, 4) *маси*, 5) *масйка*.

Возможно, что сравнительное изучение незавершенной формы данных двух слов и приведет к какому-либо разрешению вопроса.

В период Нара существовало слово ***маку***, например:

ӯмэ-но хана тирамаку осими... (Манъёсю, 824) ‘жалею, что опадают цветы сливы’.

Хотя ***маку*** в приведенном примере и называют удлинением *му*, однако, ***маку*** состоит из служебного глагола *му*, к которому присоединено слово *ку*, имеющее как уже излагалось на стр. 229 данной работы, значение *кото* ‘обстоятельство’, *соно тэн* ‘данный пункт’, так что *ма* является особой формой от *му*, получившейся вследствие присоединения *ку*. Таким образом, можно считать, что значение *маку* складывается из основного значения *му* и субстантивного значения *кото*, *соно тэн*.

Кроме того, имеется слово ***мутосу***, которое состоит из служебного глагола *му*, соединенного со служебным словом *то* и неправильным глаголом *су*. Примеры на *мутосу*, считавшееся равным *мудзу*, появляются с периода Хэйан до периода Камакура. Употребление *мутосу* таково же, как и *му*, т. е. оно используется для выражения будущего, предположения, решимости, соответственности и естественно должного. Однако *мутосу* несколько сильнее по своему значению, чем *му*. Согласно одной из теорий, *мудзу* произошло не от *мутосу*, а является соединением *му* и *су*.

Аси но мукитараму ката-э инамудзу (Такэтори-моногатари) ‘По-видимому, уйдет туда, куда тот направит стопы’.

Има акикадзэ фукаму ори-ни дзо комудзуру (Макура-но сōси) ‘Вероятно, придет тогда, когда подует осенний ветер’.

Нижеследующие примеры показывают, что *му* произносится

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

как *у* вследствие фонетического изменения благодаря выпадению звука *м*.

Хйто мо накарикэру-ни сорамими кикиовасаудзитэ (→*овасōдзитэ...*) (Идзуми-сикибу-моногатари) 'хотя никого нет, краем уха услышит и ...'

Утиварайовасаудзу (→...*овасōдзу*) (Гэндзи-моногатари) 'рассмеется'.

Кроме того, некоторые примеры из «Тоса-никки» наводят на мысль, что встречающееся в них *дзу* является сокращением от *мудзу* и употребляется в значении *мутосу* или *мудзу*. В период Хэйан таких примеров почему-то немного, но в «Амакусабон Хэйкэ-моногатари» и в «Амакусабон Исоппу-моногатари» встречаются *удзу* и *удзуру*, а в «сёномоно» наблюдаются случаи превращения *удзу* просто в *дзу*.

В современных диалектах районов Мика́ва, Ова́ри, О́ми, Мино́ и Сина́но встречаются формы *юкадзу*, *юкаадзу*, *юкадзука* в значении *юкō* 'пойдем', *юкō ка* 'пойдем, что-ли'; *дзу*, использованное в этих примерах, конечно, не есть служебный глагол отрицания *дзу*.

Попутно приведем пример из диалекта Синано:

Конна хи-ни о-тэра-ни хикикондэ иру нантэ сонна омаэсамано ёна хйто-га арасу ка (Ёакэмаэ) 'Бывают ли люди, вроде тебя, которые в такой день сидят в храме?'

Форма *арасу ка* имеет значение *ару моно ка*. Эта форма встречается еще в «сёномоно». Возможно, она того же происхождения, что и вышеприведенные *дзу* и *удзу*.

3. СЛУЖЕБНЫЕ ГЛАГОЛЫ ЗАКОНЧЕННОСТИ ДЕЙСТВИЯ

Четыре слова: ***цу, ну, тари, ри*** называны служебными глаголами законченности действия или служебными глаголами глагольного вида. Значение термина «глагольный вид» (дōсатай 動作態) объясняет Кобаяси Ёсихару: «Различие между прошедшим, настоящим и будущим заключается в отношении между событием и говорящим лицом. Весь вопрос в том, когда совершается событие: одновременно ли с высказыванием, до высказывания или после высказывания. Это—соотносительная связь между событием и говорящим. В противоположность этому глагольный вид—это состояние самого действия, т. е. форма действия. Возьмем следующий пример: проходит человек, и пока действие продолжается, мы имеем вид длящегося действия (кэйдзокўтай 繼續態); когда человек, прекратив движение, останавливается, действие принимает форму вида законченности действия (канрётай 完了態), а когда он находится в остановившемся состоянии, мы будем иметь вид пребывания (сондзайтай 存在態).

Таким образом, прошедшее, настоящее и будущее являются формами субъективного сознания, а глагольный вид—это объективное различение характера действия. Однако то и другое перекрещивается, и если объективную законченность действия перевести в субъективный план, то получится прошедшее время; таким образом форма законченности действия становится формой прошедшего времени. Такое явление наблюдается постоянно как в истории японского языка, так и вообще в истории всех языков»[42].

Если расположить *цу*, *ну*, *тари*, *ри* в соответствии со всем сказанным, то будем иметь следующее:

1. Вид законченности действия; канрётай 完了態 — *цу*, *ну*, *тари*, *ри*.
2. Вид пребывания, сондзайтай 存在態 (он же — совершенный вид, кидзэнтай 既然態 — *тари*, *ри*).
3. Вид длящегося действия, кэйдзокутай 繼續態 (он же — прогрессивный вид, синкōтай 進行態 — *тари*, *ри*).

Д-р Ямада считает служебные глаголы *цу* и *ну* сложными окончаниями, выражающими достоверность высказывания; он пишет:

«Как *цу*, так и *ну* служат для подтверждения высказывания о факте или состоянии. В этом отношении их значение совпадает, однако между ними имеется и различие. А именно, *цу* прямо объясняет факт, состояние, причем данный факт, состояние появились благодаря подлежащему, что субъект (говорящий) удостоверяет собственным опытом; в противоположность этому *ну* объясняет состояние, действие со стороны и таким образом выражает подтверждение этого действия, состояния косвенно... В последнее время некоторые считают, что *ну* и *цу* выражают прошедшее время и относят их в один ряд с *ки*. Однако, собственно говоря, они выражают не прошедшее время данного события, а с достоверностью излагают событие, состояние, что более близко названию «законченность действия». *Ки*, выражающее воспоминание, не связано с временем совершения факта; оно выражает только какое-то воспоминание, которое теперь существует в сознании как совершившееся в прошлом. *Цу*, *ну* указывают на то, что совершившееся действие еще продолжает оставаться в сознании, но в действительности оно уже закончилось. *Ки* выражает то, что хотя действие, состояние в настоящее время и не существует, но когда-то оно существовало в действительности. Поэтому *ки*, являющееся воспоминанием прошедшего, не может указывать на реальную законченность действия. *Ну*, *цу* не могут заменить *ки*, имеющего обширную сферу применения... Однако сущность *цу* и *ну* состоит не в передаче законченности действия, состояния, явления, а в подтверждении достоверности высказывания. Достоверное высказывание при объективном подходе к нему, естественно, принимает характер законченности действия. Поэтому, оче-

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

видно, не следует сразу же отказываться считать их показателями законченности действия. Но хотя и правильно утверждение, что при обычном высказывании, когда оно отвлечено от субъективности, они выражают законченность действия, все же оно поверхностно.

1. Данное сложное окончание выражает, несомненно, не только законченность действия, но и его отражение в нашем сознании:

Амэ фуринубэси (п. я.) 'Дождь непременно пойдет'.

2. Предположительно выражает еще не обнаружившийся факт:

Амэ фуринаба (п. я.) 'Если бы дождь пошел'.

3. Выражает предполагаемое и ожидаемое:

Кокоро ва хана-ни насаба наринаму.

Наринаму значит *наттэ симау дэ арō*, т. е. 'если сердце сделать цветком, то [это] получится' (а не 'будет получаться').

Однако значение *ну* касается только приведенных примеров, вообще же оно может иметь значение «обязательно так, будет так». Исходя из этого, я назвал *цу* и *ну* сложными окончаниями достоверности высказывания, а не окончаниями законченности действия»[43].

Замечания Хосоэ Икки о том, что в английском языке законченность действия не имеет связи с временем, а показывает только достоверность или утверждение высказывания, уже были приведены выше.

Служебные глаголы *цу*, *ну*, *тари*, *ри* спрягаются следующим образом:

Цу: 1) *тэ*, 2) *тэ*, 3) *цу*, 4) *цуру*, 5) *цурэ*, 6) *тэё*. Присоединяется к приёгэнной форме.

Ну: 1) *на*, 2) *ни*, 3) *ну*, 4) *нуру*, 5) *нурэ*, 6) *нэ*. Присоединяется к приёгэнной форме,

Тари: 1) *тара*, 2) *тари*, 3) *тари*, 4) *тару*, 5) *тарэ*, 6) *тарэ*. Присоединяется к приёгэнной форме.

Ри: 1) *ра*, 2) *ри*, 3) *ри*, 4) *ру*, 5) *рэ*, 6) *рэ*. Присоединяется к завершенной форме глаголов четырехступенчатого спряжения и к незавершенной форме глаголов неправильного спряжения по столбцу *са*.

Располагая *цу*, *ну*, *тари*, *ри* по временам, получим картину, представленную в таблице № 61.

Однако с грамматической точки зрения нет особой необходимости проводить подобное разграничение в японском языке.

Кобаяси Ёсихару, выбирая примеры из «Нихонги» и «Кодзики», совершенно не нашел случаев с *тари*. Из общего числа 85 примеров на *ри* к прогрессивному виду относятся 5 примеров, к виду пребывания—29, а к виду законченности действия—всего один пример, а именно *камэру омики*. В «Кодзики» то же выражено в форме *камиси омики* 'изготовленное (священное) вино'. *Тари*

Таблица 61

Спряжение *цу, ну, тари, ри*

Время / Вид	Настоящее	Прошедшее	Будущее
Законченности действия	*цу* *ну* *тари* *ри*	*тэки, тэкэри* *ники, никэри* *тарики, тарикэри* *рики, рикэри*	*тэму* *наму* *тараму* *раму*
Пребывания	*тари* *ри*	*тарики, тарикэри* *рики, рикэри*	*тараму* *раму*
Прогрессивный	*тари* *ри*	*тарики, тарикэри* *рики, рикэри*	*тараму* *раму*

возникло позже, чем *ри*, и постепенно вошло в силу, а в последующем, превратившись в *та*, стало широкоупотребительным.

Примеры на́ употребление *цу*:

Ямакаи-ни сакэру сакура-о тада хйтомэ кими-ни мисэтэба нани-о ка омоваму (Манъёсю̄, 3967) ‘Если бы **показать** только на миг (один взгляд) вишни, цветущие в ущельях гор, о чем было б печалиться’;

Садзанами-но сига-но карасаки сакику арэдо омиябито-но фунэ мотиканэцу (Манъёсю̄, 30) ‘Хотя на мысе Карасаки в Сига [всё] пребывает благополучно, **трудно ждать** корабли свиты’;

Арицуру хана-но мото-ни каэри итамаэри (Макура-но со̄си) ‘вернулся к цветам, которые там **были**’;

Умэ-но хана ори мо орадзу мо мицурэдомо коёи-но хана-ни нао сикадзукэри (Манъёсю̄, 1652) ‘Цветы сливы, ломаешь [их], не ломаешь, **смотришь** [на них], но нет лучше цветов сегодняшнего вечера’.

Довольно трудно провести разграничение между приёгэнной формой *тэ* от служебного глагола законченности действия *цу* и союзным служебным словом *тэ*. Однако, я полагаю, что правы те, кто считает служебным глаголом законченности действия только то *тэ*, к которому присоединяются служебные глаголы *му, маси, ки, кэри*, как например в словах *тэму, тэмаси, тэки, тэкэри* и в служебном слове *тэба*, где к *тэ* присоединено служебное слово *ба*. При рассмотрении данного вопроса подробнее

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

разница между употреблением *тэ* — приёгэнной формой служебного глагола *цу*, и союзным служебным словом *тэ* неясна.

Примеры на употребление *ну*:

Фудзинами ва сакйтэ тириницки (Манъёсю, 3993) 'Цветы «фудзинами», расцветши, **осыпались**'.

*...идэ мираба касуга-но яма ва иродзуки**ницкэри*** (Манъёсю, 1568) '... вышел и взглянул—гора Касуга **изменила** цвет'.

Аки ва кону момидзи ва ядо-ни фурисикину (Кокинсю) 'Осень **наступила**. Красная листва на жилище напáдала'.

*Кагамияма идэа татиёритэ митэ юкаму тоси хэ**нуру** ми ва ои я си**нуру** то* (Кокинсю) 'Гора Кагами! Пойду посмотрю—я, у которого **прошли** годы, **состарился** (ли)'.

*Имо-га содэ вакэрэтэ хисани нари**нуру**до хйтохи мо имо-о васурэтэ моэ я* (Манъёсю,.3604) 'Хотя уже (букв. **стало**) давно, как с рукавами милой расстался, но могу ль позабыть ее хоть на день?'

Нандзи-га йу токоро, макотони орока-нари. Сумиякани хасирикаэринэ (Удзи-сюи-моногатари) 'То, что ты говоришь, поистине глупо. Сейчас же бегом вернись'.

Некоторые ученые считают, что поскольку *ну* спрягается так же, как глагол неправильного спряжения по столбцу *на* (*сину*), постольку *ну* к этому глаголу не присоединяется. Однако Токуда Киёси приводит пример:[44] *ямабато мицу ... куиаитэ дзо сини**ницкэру*** (Хэйкэ-моногатари) 'три голубя..., заклевав друг друга, сдохли'. Так что с этим согласиться трудно.

Повелительная форма от *ну*, как например в словах *каэринэ*, *киэнэ*, имеет значение *каэттэ симаэ* 'вернись' (а не 'возвращайся'), *киэтэ симаэ* 'исчезни' (а не 'исчезай'), причем нельзя смешивать это *нэ* со служебным глаголом желательности *нэ*. Разграничение между ними можно провести по способу присоединения. Служебный глагол желательности *нэ* присоединяется к незавершенной форме, поэтому то *нэ*, которое присоединено к приёгэнной форме, представляет собой повелительную форму от *ну*. (Однако Токуда Киёси выдвигает новую теорию, согласно которой глагол желательности *нэ* спрягается как глаголы четырехступенчатого спряжения, т. е. *на*, *ни*, *ну*, *ну*, *нэ*, и таким образом имеет и повелительную форму *нэ*. Он приводит примеры: *ути кикана*, *ути-ни каэритэ вадза-о симасани*, *вага иноти цунэни орану ка*. По мнению Токуда, *наму* в примере *кадзэ-но фуканаму* 'если б подул ветер' состоит из служебного глагола желательности *на* и присоединенного к нему *му*.)

Кстати говоря, следует различать и не смешивать между собой три следующих *наму*:

1. *Хана сакинаму* 'Цветы расцветут';
2. *Хана саканаму* 'Если б цветы расцвели!'
3. *Сорэ ва хана ни наму* 'Это цветы'.

Далее остановимся на различии между *цу* и *ну*. По данному вопросу издавна существуют следующие точки зрения:

1. *Цу* присоединяется к переходным глаголам, а *ну*—к непереходным (Мотоори Норинага, Тодзё Гимон).

2. Встречаются и обратные примеры, встречается и чередование по эпохам (Накасима Хироаси).

3. *Цу употребляется для непосредственного описания явления*, состояния, а *ну*—для объяснения со стороны (Д-р Ямада, Грамматика периода Нара).

4. *Цу, обозначая активность*, намеренность, употребляется преимущественно в диалогах, а *ну*, выражая состояние, естественный ход вещей, употребляется преимущественно в описательных текстах (Д-р Мицуя).

5. *Цу* выражает законченность действия и вместе с тем идею результативности действия, тогда как *ну* только законченность действия. При этом значение *цу* называют совершенным видом (идзэнтай 已然態), а значение *ну*—видом законченности действия (*канрётай*) (*Кобаяси Ёсихару*).

6. *Цу* употребляется для выражения намеренного действия, а *ну* — для выражения непроизвольно возникшего действия (Мацуо Сутэдзиро).

Обобщая вышеизложенное, пожалуй, можно сказать, что основная разница между этими двумя словами состоит в том, что *цу* звучит более резко, оно сильнее и сопровождается мыслью о намерении сделать что-либо, а *ну* звучит более мягко, оно слабее и сопровождается мыслью о естественно совершающемся действии[45]. Приёгэнная форма *тэ* служебного глагола *цу* превратилась в служебное слово, а приёгэнная форма *ни* от *ну* не стала служебным словом.

Примеры на употребление *тари*:

Вага ядо-но ӯмэ сакитари то цугэ яраба котиу (来ちよ) *ни нитари* (Манъёсю, 1011) ‘Если бы мне передали, что слива у моего дома распустилась, это было бы похоже на: приди [сюда]’;

...нацу-но ну-ни вага миси куса на момидзитарикэри (Манъёсю, 4268) ‘...на летних полях трава, на которую [я] смотрел, изменила цвет’;

ӯмэ-но хана сакитару соно-но аоянаги... (Манъёсю, 817) ‘зеленая ива в саду, где расцвели цветы сливы...’;

Омованӯ ни сигурэ-но амэ ва фуритарэдо амагумо харэтэ цӯки я саякэси (Манъёсю, 2227) ‘Хотя неожиданно пошел мелкий дождь, но тучи рассеялись, луна чиста’.

Примеры на употребление *ри*:

Аманогава хаси ватасэраба соно э ю мо иватарасаму о... (Манъёсю, 4126) ‘Когда бы был перекинут мост через небесную реку, [они] перешли бы [ее]...’;

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Юки-но ки-ни фурикакарэрикэру о ёмэру (Кокинсю) '**прочтено** о том, как падал и **ложился** на деревья снег';

Уэ-суру ама-но отомэ ва кобунэ нори цурара-ни укэри (Манъёсю, 3627) 'Молодая дочь рыбака, ловящая рыбу, на маленькой лодке плывет и тихо **покачивается**';

сакадзариси хана мо сакэридо (Манъёсю, 16) 'хотя расцвели цветы, которые не цвели ..'

Д-р Ямада считает, что *ри*—вербальное бытийное слово, образовавшееся благодаря слиянию бытийного слова *ари* с глаголами четырехступенчатого спряжения и с глаголами трехступенчатого спряжения по столбцу *са*. Таковы *кэри*, *сэри*, *хэри*, *мэри*, *рэри*. Однако в настоящей работе термин «вербальные бытийные слова» не применяется. Данное *ри*, как уже говорилось ранее, присоединяется только к завершенной форме глаголов четырехступенчатого спряжения (д-р Хасимото на основании древней орфографии пришел к выводу, что *ри* присоединяется не к завершенной, а к повелительной форме) и к незавершенной форме глаголов неправильного спряжения по столбцу *са* (следует обратить внимание на то, что существует мнение о возможности присоединения *ри* к повелительной форме обеих вышеуказанных групп глаголов), присоединение же *ри* к глаголам других спряжений, например *ки-о уэри* 'посадил дерево', *амэ харэри* 'дождь перестал', *цӯкуэ-но уэ-ни хон арэри* 'на столе есть книги'— явная ошибка. Следовательно, ошибочным является и присоединение *ри* к адъективному глаголу *котонари* 'отличаться', который спрягается по типу глаголов неправильного спряжения по столбцу *ра* и образование формы *котонарэри*. Однако, как уже упоминалось выше, в п. 4 «Перечня допустимых отклонений от грамматических норм» (см. стр. 636) говорится следующее: «Не возбраняется употреблять *котонари* в формах *котонарэри*, *котонаритэ*, *котонаритари*». *Котонари*—такой же адъективный глагол, как и *сидзука-нари*; и как нельзя образовать формы *сидзука-нарэри*, *судзука-наритэ*, *сидзука-наритари*, так не следовало бы употреблять и таких форм, как *котонарэри*, *котонаритэ*, *котонаритари*. Но поскольку эти формы общеупотребительны, они разрешаются. Невозможность употребления форм *сидзуканарэри*, *сидзуканаритэ*, *сидзуканаритари*, по моему мнению, объясняется тем, что в таком случае значение слова *ари*, которое входит в адъективные глаголы, удваивалось бы в связи со значением служебных глаголов законченности действия *ри*, *тари* и значением *тэ*, являющегося приёгэнной формой служебного глагола законченности действия *цу*.

Касаясь р а з л и ч и я м е ж д у *р и* и *т а р и*, нужно указать, что оно определяется наличием или отсутствием *та*. *Тари* указывает на существование признанного результата, значение *ри* слабее. Если вернуться к более старому пониманию, то *тари*

указывает на существование признанного результата, а *ри* говорит только об одном существовании,—эта теория кажется мне правильной.

Служебные глаголы законченности действия в старом языке соединялись следующим образом:

тосицӯки ***хэтарицурэдо*** 'хотя и прошло время' ('годы и месяцы');

хи-о ***коситарину*** 'прошел через огонь';

хиэири ***нитарэба*** 'так как [я] застыл [от холода]'.

В приведенных примерах служебные глаголы сдваиваются потому, что, с одной стороны, они указывают на время, а с другой стороны, на глагольный вид, или же, с одной стороны,—на прекращение, а, с другой стороны,—на продолжение, а отнюдь не удваиваются для выражения одного и того же значения.

Следует обратить внимание на то, что в период Нара существовал широко употреблявшийся служебный глагол *фу*, выражавший длительность действия, например:

Е-но нака-о цунэнаки моно то има дзо сиру Нара-но мияконо уцуроу мирэба (Манъёсю, 1045) 'Я теперь знаю, что этот мир не вечен, поскольку увидел, как **увядает** (букв. 'проходит') столица Нара',

Мива-яма о сикамо какусу ка. Кумо дани мо насакэ аранами какусаубэси я (Манъёсю, 18) 'Так и закроешь гору Мива? Ах, если б и у облака было чувство, могло ли бы **закрывать**?';

Какусавану кокоро (Манъёсю, 4465) '[ничего] не прячущее чистое сердце'.

Как видно из вышеприведенных примеров, глагол *фу* спрягается по типу глаголов четырехступенчатого спряжения, а именно: 1) *ха*, 2) *хи*, 3) *фу*, 4) *фу*, 5) *хэ* [15] и в большинстве случаев присоединяется к глаголам этого спряжения. Ранее *фу* называли продлевающим словом, но д-р Ямада назвал его сложным окончанием, выражающим длительность действия, и с этого момента многие ученые толкуют его таким же образом. Ямада указывает, что между этим сложным окончанием и основным глаголом существует известная фонетическая согласованность, а в отношении значения *фу* он соглашается с мнением Камоти Масадзуми:

«Действительно, как указывает этот ученый, значение *фу* заключается в выражении длительности действия, что, несомненно, отсутствует в основном глаголе. Поэтому-то я и считаю указанный *фу* показателем длительности действия.

По содержанию теория Камоти правильна, но все же данное явление нельзя назвать удлинением. Собственно говоря, истинный смысл слова «удлинить», «растягивать» не ясен. Возьмем, например, *хатарау* 'рассказывать'. Его окончание *рау* противопоставляется *ру*, поэтому до сего времени среди ученых существует неправильное и необоснованное мнение о том, что *рау*

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

является растяжением *ру*. Однако с точки зрения формы ясно, что это не удлинение, а добавление, а с точки зрения семантики, внесено дополнительное, по сравнению с основным, значение и, следовательно, мы имеем здесь добавление. Вот почему я и отнес его к сложным окончаниям слов»[46].

Это слово имело широкое употребление до периода Нара. В последующие периоды оно сохранилось в качестве тайгэна, например. *эмаи* 'улыбка', *сумаи* 'жилище', *катараи* 'рассказ', *ватараи* 'существование' и т. д. Некоторые даже позабыли старые слова, где еще не было присоединено *фу*, встречающееся в таких словах, как *катарау* 'рассказывать', *тамау* 'жаловать', *нэгау* 'просить'.

VII. СЛУЖЕБНЫЕ ГЛАГОЛЫ ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ ПИСЬМЕННОГО ЯЗЫКА

Служебными глаголами предположения (суйрё-но дзедōси 推量の助動詞) называются служебные глаголы, выражающие предположение, т. е. говорящие о том, что действие или состояние будет, вероятно, таким-то и таким. В классификации служебных глаголов уже говорилось о том, что служебные глаголы предположения разделяются на две группы: 1—выражающие реальное предположение и 2—выражающие нереальное предположение. К служебным глаголам письменного языка относятся следующие. *раму*, *мэри*, *раси*, *маси*, *му*, *кэму*, *бэси*, *бэкари*, *яран*, *мадзи*. Относительно *му* и *маси* объяснение было дано в предыдущей главе, относительно *мадзи* будет сказано в главе о служебных глаголах отрицания. Таким образом, остается объяснить шесть служебных глаголов предположения.

Раму: 1) нет, 2) нет, 3) *раму*, 4) *раму*, 5) *рамэ*, 6) нет. Присоединяется к заключительной форме глаголов (а у глаголов неправильного спряжения по столбцу *ра*—к приименной форме).

Мэри: 1) нет, 2) *мэри*, 3) *мэри*, 4) *мэру*, 5) *мэрэ*. Присоединяется также, как *раму*.

Раси: 1) нет, 2) нет, 3) *раси*, 4) *раси*, 5) *раси*. Присоединяется так же, как *раму*.

Кэму: 1) нет, 2) нет, 3) *кэму*, 4) *кэму*, 5) *кэмэ*. Присоединяется к приеганной форме глагола.

Бэси: 1) *бэку*, 2) *бэку*, 3) *бэси*, 4) *бэки*, 5) *бэкэрэ*. Присоединяется так же, как *раму*.

Бэкари: 1) *бэкара*, 2) *бэкари*, 3) *бэкари*, 4) *бэкару*, 5) *бэкарэ*. Присоединяется так же.

1. *Раму*

Этот служебный глагол выражает недостоверное предположение, в которое внесено субъективное сомнение.

... *Ивами-но (у) ми Нуну-но урами-о ура наси-то хйто косо* ***мирамэ*** (Манъёсю, 131) '... бухту Нуну в море Ивами люди-то, **вероятно, считают** не за бухту';

има мо камо ***сакиниораму*** *татибана...* (Кокинсю) '... померанцы, которые и сейчас, **вероятно, цветут и благоухают...**'

Есть случаи, когда *раму* употребляется для выражения предположения о чем-либо невидимом, скрытом, на основании очевидного факта;

Кири татйтэ кари дзо наку нарй Катаока-но асйта-но хара ва ***момидзи-синураму*** (Кокинсю) 'туман поднимается, дикие гуси кричат, на утренней равнине Катаока [листва], **видно, пожелтела**'.

Однако иногда *раму* употребляется не только при предположении, основанном на реальном факте, но и в случаях, когда предположение делается на основании воображаемой причины, например:

Мукасиэ я има мо коисйки хототогису фурусато-ни симо накитэ кицураму (Кокинсю) 'Старая сторона! и теперь она мила. [Вот] кукушка, видно, прилетела (букв. 'пришла') и поет на своем родном месте'.

В следующем примере предположение высказывается не на основании воображаемой причины, а в связи с тем, что, поскольку имеется такая причина, то будет и определенное следствие:

Вага коиси кими-га атари-о ханарэнэба фуру сироюки мо сорани ***киэураму*** (Госэнсю) 'Так как мой милый не ушел отсюда, то и идущий белый снег, **видно, растает** в небе'.

Далее, *раму* употребляется также для выяснения причины, если она неизвестна, причем ему предшествуют такие слова, как *надо* 'почему?', *икани* 'каким образом?', например:

Ядорисэси хана татибана мо карэнакйни надо хототогису кое ***таэнураму*** (Кокинсю) 'Цветы померанца, на котором живет [кукушка] не засохли, отчего же, кукушка, [твой] голос **прервался**?'

Однако нередко для выяснения причины употребляется одно *раму* без предшествующих *надо, икани*. В таких случаях *раму* называется «выясняющее причину»:

Хару-но иро-но итари итаранй сато ва арадзи сакэру сакадзару хана-но ***миэураму*** (Кокинсю) 'Нет селений, до которых [до одних] дошла, [а до других] не дошла весна. [Почему же?] цветы **видны** одни цветущие, другие не цветущие?'

Хйсаката-но хикари нодокэки хару-но хи-ни сидзуго-коранаку хана-но ***тируураму*** (Кокинсю) 'В весенний день, когда ясен свет солнца, [отчего] так беспокойно **опадают** цветы'.

Согласно обычным объяснениям, при таком употреблении смысл становится ясным, если дополнить предложение не представленным в нем *надо*; Д-р Мицуя Сигэмацу по поводу последнего

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

стихотворения пишет следующее: «Данное *раму* следует за *сидзугокоро наку*. Большинство старых теорий считает, что перед *сидзугокоро наку* должно стоять *надо*, но это не обязательно»[47]. Однако я полагаю, что если такое стихотворение, как «*хару-но иро*», разбирать, не вставляя *надо*, то исчезнет его смысл. Поэтому в соответствии со старыми теориями я признаю употребление *раму*, выясняющего причину, без предшествующего *надо* или *икани*, и считаю, что этот вопрос подлежит дальнейшему рассмотрению. Мацуо Сутэдзиро считает, что *раму* выражает предположение относительно скрытой причины на основании известных вещей. Притом *раму* присоединяется к слову, обозначающему известный факт, а не к слову, обозначающему причину, относительно которой высказывается сомнение[48]. Разумеется, при этом необходимо учитывать две точки зрения, а именно: первая — факт, выражаемый глаголом, к которому присоединен *раму*, неясен, вторая — напротив, указанный факт ясен, но неясен факт, обозначаемый глаголом, к которому *раму* не присоединен.

Далее. чтобы понять пример *хйто косо мирамэ* (см. выше, Манъёсю, 131), нужно учесть, что в период Нара *раму* у глаголов верхнего одноступенчатого спряжения присоединялось к их приёгэнной форме. Такие примеры встречаются в Манъёсю (55, 862, 863, 1234, 1432, 3607, 4202 и много других). Думается, это одна из древних форм.

Кстати, не следует смешивать два различных способа присоединения: *сакэраму и сакураму*.

Со времени периода Инсэй это *раму* превратилось в *рау* → *рō* и употреблялось до периода Муромати. Отмечены формы *нарурō*, *арурō*. Однако подобный способ употребления с наступлением периода Эдо постепенно исчезает и появляются формы *укэтоцуро* (от *укэтору* 'получать'), *нэцуро* (от *нэру* 'спать') и т. д. В настоящее время старая форма сохранилась только в диалектах Тюгоку и Сикоку, например: *юкурō* 'видимо, пойдет', *мирурō* 'видимо, посмотрит'.

2. *Мэри*

Это служебный глагол предположения, но степень недостоверности выражена в нем весьма незначительно. Он указывает на решительное предположение в том смысле, что действие, состояние, отраженное в сердце человека, носит определенный характер. Можно сказать, что *мэри* соответствует таким оттенкам, как *омомуки-дэ ару*, *ēсу-дэ ару* 'кажется, что', 'похоже, что'. Д-р Мицуя пишет: «Этот служебный глагол представляет собой несколько смягченную (в смысле предположительности) связку и спрягается близко к *бэ* [*бэси*] по столбцу *ра* (возможно, что *мэри* является сокращением от *му ари*. Предположение ученых древности, что *мэри* является сокращением от *миэ ари* [見えあり]

неправильно). *Мэри* в разговорном языке соответствует словам *омомуки да, ёсу да,...гэ да* 'похоже, что'[49]. Предполагают, что *мэ* в *мэри* соотносится с *бэ* в *бэси*. (Возможно, *мэри, бэси, бэра, бэми* произошли от одного корня.) Теория о том, что *мэри* произошло от *миэ ари*, требует дальнейшего изучения.

...бкина фӯтари оуна то юкиаитэ онадзи токоро-ни ***инумэри*** (Окагами) '... два старика, встретившись со старухой, **видимо, ушли** в одно и то же место'.

В вышеприведенном примере выражено уклончивое суждение, в нем ясно выражено значение 'похоже, что'.

Нами-но хана оки-кара сакйтэ тиримомэри (来ゐ) ... (Кокинсю) 'Похоже, **будто** цветы волн со взморья **приходят** расцветая и опадая...'

Хотя в данном примере *мэри* употреблено так же, как в предыдущем ,но может быть и здесь налицо скорее оттенок *то миэру* 'видится'. Однако основное значение все то же.

Иногда к *мэри* присоединяются служебные глаголы *ки* и *цу*, образуя формы *мэрики, мэриси, мэрисйка, мэрицуру, мэрицурэ*. Однако таких примеров немного. Вот один из них:

Амагими соно тодо-мадэ нагараэтамававан то ***нотамаумэрики*** (Гэндзи-моногатари) 'Амагими, **видно, сказала**, что она проживет до того времени'.

Некоторые полагают, что *мэри* в период Нара не существовало и появилось оно только в период Хэйан; в «Манъёсю» встречается один пример на *мэри* (3450), причем оно присоединено к приёгэнной форме глагола, т. е. не так, как оно присоединяется в период Хэйан. Считается, что нет примеров на присоединение служебных слов *я* и *томо* к заключительной форме *мэри*. В период Хэйан *мэри* особенно широко использовалось в «Окагами».

Когда *мэри* присоединяется к глаголам, спрягающимся по неправильному спряжению по столбцу *ра*, то в прииенной форме *ру* иногда сокращается в *н*, например *анмэри* (*аммэри*) вместо *арумэри*.

3. *Раси*

Этот служебный глагол выражает предположение о чем-либо со стороны и обладает известной степенью достоверности, поскольку данное предположение обосновано. *Раму* выражает субъективное, а *раси*—объективное предположение; *раму* связано с непосредственным восприятием, а *раси*—с отношением со стороны. Д-р Мицуя пишет: «*Раси* можно назвать заключением на основании обоснованного предположения»[50]; *раму* носит действенный характер, а *раси* выражает состояние.

Миёсино-но яма-но сираюки ***цумоурураси*** *фурусато самуку наримасару нари* (Кокинсю) 'На горе Ёсино, **видно, выпадет** много снега: у меня в родном селении станет холоднее'.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Тацутагава момидзиба нагару окуяма-но юкидокэ-но мидзу дзо има ***масарураси*** (Кокинсю) 'По реке Тацутагава плывут красные листья. Воды от таяния снегов в горах сейчас, видимо, **прибавится**'.

У *раси*, как видно отчасти из этих примеров, заключительная, приименная и завершенная форма одинаковы—*раси*. Однако в литературе отсутствуют примеры следования тайгэна за приименной формой и присоединения *ба*, *домо* к завершенной форме. Возможно, что это говорит об ограниченности употребления *раси*. В период Нара приименная форма имела вид *расйки* (т. е. уподоблялась предикативному прилагательному) и употреблялась в сочетании с *косо*, но в период Хэйан осталась только форма *раси*.

Убэси косо, миру хитоготони катарицуги ***синобикэрасйки*** (Манъесю, 1065) 'Должно быть так, каждый человек, который видел [ее], **по-видимому**, рассказывал [о ней], **восхищался** [ею]'.

Из этого примера видно, что при соединении *раси* со служебным глаголом *кэри* должна была бы получиться форма *кэру—раси*, но она сократилась и употребляется в виде *кэраси*. Это часто наблюдается и при соединении *раси* с глаголами системы *ари*.

Кадзэ-о итами оки-цу (み つ) *сиранами* ***такакараси*** (Манъёсю, 294) 'Белые волны взморья, **вероятно**, **высоки** оттого, что ветер силен'.

Существует мнение, что здесь имеет место не сокращение звука *ру*, а присоединение *раси* к незавершенной форме, но этот вопрос требует дальнейшего изучения. Явление сокращения *ру* можно сравнить со следующими процессами: *арубэси* → *анбэси* → *абэси*; *нарубэси* → *нанбэси* → *набэси*; *арумэри* → *анмэри* → *амэри*; *нарумэри* → *нанмэри* → *намэри*; следовательно, для разрешения данного вопроса необходимо выяснить, существуют ли хотя какие-либо остатки звука *ру*.

В современных текстах *раси* спрягается следующим образом:

Раси: 1) нет, 2) *расйку*, 3) *раси*, 4) *расйки*, 5) нет; присоединяется к заключительной форме глагола.

Амэ фурурасйку мию (п. я) 'Кажется, что идет дождь'.

Амэ ва фурураси (п. я.) 'Видимо, идет дождь'.

Амэ-но фурурасйки сорааи нари (п. я.) 'Небо такое, что, видимо, пойдет дождь'.

Можно считать, что служебный глагол предположения *раси* спрягается по аналогии с суффиксом *раси*, образующим путем присоединения к тайгэну предикативное прилагательное спряжения *сйку*.

Токуда Киёси рассматривает *раси* как ёгэн типа зависимых глаголов[51]. Поскольку *раси* и *раму* по форме и значению похожи на *му* и *маси*, Ямада Ёсио считает их этимологически родственными[52].

4. *Кэму*

Полагают, что *кэму* произошло от слияния незавершенной формы *кэ* служебного глагола *ки*, имеющего значение воспоминания о прошлом, и служебного глагола предположения *му*, о чем уже упоминалось ранее. По другой теории *кэму* является незавершенной формой *кэра* от *кэри*, к которой присоединено *му*, откуда и возникло *кэраму*, сократившееся в *кэму*. Этот вопрос требует дальнейшего изучения, но я думаю, что независимо от его разрешения *кэму* является служебным глаголом, выражающим предположение в прошлом.

Нацуяма-ни коисики хйто я иринкэму коэ фуритатэтэ наку хототогису (Кокинсю) '**Вероятно**, мой милый **спрятался** (букв. 'вошел') в горах Нацуяма. Кукушки вдруг закуковали'.

Однако в *иноти-но матакэму хйто* (Кодзики) *кэму* обычно считают сокращением от *маттōкараму* (全からむ) (*маттōкари* не адъективный глагол, как его называют, а особый глагол), а не служебным глаголом предположения прошедшего времени *кэму*, как в словах *асикэму* (悪けむ), *ёсикэму* (吉けむ). Однако есть и другая теория, согласно которой *ки* и *кэри*, как предикаты воспоминания, не выражают реальный факт, а мысленно утверждают его как явление прошлого; поэтому *кэму* в словах *асикэму*, *ёсикэму* не имеет значения прошедшего времени, и его вряд ли следует отграничивать от *кэму* предположительного. Если учесть, что *кэму*, кроме предположения в прошлом, употребляется также и для смягчения утверждаемого факта, когда нет места предположению, то, думается, не обязательно относить его только к прошедшему р

нурэкэму асибики-но яма-но сидзукуни
на
промо
Все

98) 'Когда ждал меня, ты, **вероятно**,
х гор!'
гребует дальнейшего изучения.

5. *Бэси*

1) Предположение. Основным значением *бэси* является предположение, но кроме предположения оно выражает также и другие оттенки. Хасимото Синкити утверждает, что лексическое значение *бэси* с теоретической точки зрения заключено в *суру дэ арō* 'видимо, делает' ('будет делать')[53].

Ёродзуё-ни тоси ва кифу томо ӯмэ-но хана таюру кото наку ***саквватарубэси*** (Манъёсю, 830) 'Хотя бы вечно годы приходили и уходили, цветы сливы без конца **будут продолжать цвести**'.

Моно-но сумики-ни каэритэ дзо, сарани канасйки кото ва ***ōкарубэки*** (Цурэдзурэгуса) 'Когда вернешься в старое жилище, то грустного, **вероятно, будет много**'.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

2) Возможность. В этом случае *бэси* выражает значение *суру кото-га дэкиру* 'может делать'. Считается, что такой способ употребления *бэси* пришел в японский язык из китайского и не присущ японскому языку.

Ми-на соко-но тама саэ саяни ***мицубэку*** *мо тэру цўкиё камо ёру-но фукэюкэба* (Манъёсю, 1082) '[так, что] ясно **можно увидеть** даже жемчужину на дне моря, светит луна (букв. 'лунная ночь'), [не] от того ли [это], что ночь становится более глубокой'.

3) Долженствование, обязанность. *Бэси* выражает также: *сō синакэрэба наран* 'нужно сделать так, надо сделать так'.

Варэра-ни ва кокумин тосйтэ ***насубэки*** *окуно цутомэ ари* (п. я.) 'Мы, как народ, имеем много обязанностей, которые **мы должны выполнить**'.

Оя-ни ва кō-о ***цўкусубэку***, *томо-ни ва син* ***арубэси*** (п. я.) 'К родителям **нужно питать** почтение, а к приятелям **должно быть** доверие'.

4) Естественное долженствование, уместность. *Бэси* выражает: *тōдзэн сō ару дарō* 'естественно, это так', *тōдзэн сō арубэки хадзу дэ ару* 'так и должно быть'. При этом *бэси* употребляется и в значении *сō суру-га ёй* 'лучше делать так'.

Коэ таэдзу накэ я угуису хйтотосэни фўтатаби то дани ***кубэки*** (来 ～ 𠮟) *хару кава* (Кокинсю) 'не умолкая (букв. 'не прерывая голоса'), пой, соловей: [разве это] весна, которая **должна прийти** второй раз в один год?'.

Канэ ва яма-ни ***сущубэку***, *тама ва фути-ни* ***нагубэси*** (п. я.) 'Золото **надо бросить** в горы, а жемчуг **надо кинуть** в пучину'.

5) Решимость. *Бэси* выражает решимость в смысле *сиё* 'сделаю'.

Варэ канарадзу хоннэн-ёри хаяоки-о ***рэйкō-субэси*** (п. я.) 'С этого года я регулярно **буду вставать** рано'.

6) Заключение. Бывают случаи, когда *бэси* косвенно выражает заключение:

Карэ-но окана ва дзицўни тэнка-но бидан то ***йубэси*** (п. я.) 'Его деяния поистине **надо назвать** примером для всей вселенной'.

7) Увещевание:

Томони асоби-ни ***корарубэси*** (п. я.) '**Надо пойти** вместе гулять'.

Кайдзё ва нами хагэси, рикуро-о ***икарубэси*** (п. я.) 'На море сильные волны, **надо поехать** сухим путем'.

8) Повеление. Такой способ употребления, очевидно, перешел от значений 'нужно', 'так должно быть'.

Хонъи-но готоку киёки си-о ***субэси*** (Масукагами) '**Нужно умереть** чистой смертью, согласно [твоему] намерению'.

Мёаса рокудзи итидо котэй-ни ***сюгō-субэси*** (п. я.) 'Завтра все **должны собраться** в школьном дворе в шесть часов утра'.

Относительно повелительного *бэси* Мицуя Сигэмацу придерживается особого мнения:

«*Нандзи ёку цўтомубэси*. **Если** это *бэси* понимается в смысле

цӯтомэру га ёй 'лучше служить', то здесь налицо увещевание, но если толковать его в смысле *цутомэнэба наран* 'нужно служить', то здесь налагается обязанность. Люди часто смешивают наложение обязанности и повеление, но ведь это не одно и то же. *Цутомэру га ёй*—не приказание служить, а совет служить. Если забыть о том, что одна и та же вещь может быть выражена разным образом, то не будет и языкознания. Хотя, повелевая, и употребляют в соответствующем месте *бэси*, но не следует говорить, что *бэси*—прямое повеление. На собеседника более подействует косвенное выражение в виде увещевания, указания, констатации, уместности, наставления, чем прямое приказание, поэтому-то и прибегают к первому способу и избегают второго. У нас в стране старший, отдавая приказание младшему, пользуется такими же косвенными выражениями.

Оя-ни ва кокō-субэси 'Родителей следует почитать'»[54].

Ясуда Киёмон также пишет: «Мнение о том, что *бэси* означает повеление,—ошибочно. Те, кто придерживается этого мнения, в подтверждение всегда приводят примеры на одну форму *бэси*—заключительную форму; но чтобы одна форма имела свое особое значение, это был бы исключительный случай. Нельзя считать, что в примере *Тарō ва хигаси-ни юкубэку, Дзирō ва ниси-ни юкубэси* 'Тарō должен пойти на восток, а Дзирō должен пойти на запад' *бэку* не имеет значения повеления, а *бэси* его имеет. Приказание носит заключительный характер, поэтому в нем есть нечто общее с заключительной формой. И *хаяку куру!* букв. 'прийти скорей!', *матта* букв. 'ждал' имеет значение *хаяку кой* 'приходи скорей!', *матэ* 'обожди', но не таков характер *бэси*; оно предполагает естественно должное наличие факта, а в субъективном смысле, так же как *му*, выражает решимость»[55]. Таким образом, Ясуда отрицает, что *бэси* имеет значение повеления. Собственно говоря, во многих случаях трудно провести разграничение между возможностью, долженствованием, естественно должным, уместностью и увещеванием в употреблении *бэси*. Неясность разграничения зависит от того, что можно по-разному истолковывать обстановку высказывания, интонацию и т. д. Иными словами, значения переходят одно в другое, их трудно фиксировать. Возможно, что значения долженствования, естественно должного, уместности в переносном смысле приобретают значение повеления.

Бэси, как говорилось выше, присоединяется к заключительной форме всех глаголов, за исключением глаголов неправильного спряжения по столбцу *ра*. Однако в старом языке встречались примеры присоединения *бэси* и к незавершенной форме глаголов верхнего одноступенчатого спряжения. Оцуки Фумихико пишет по этому поводу следующее: «Некоторые ученые считают, что *бэки*, *раму* в словах *мибэки* (*миру* 'видеть'), *ни-*

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

раму (*ниру* 'походить') присоединяются к приёгэнной форме, но ведь и незавершенная форма этих глаголов такова же, т. е. *ми*, *ни*, и трудно определить, которая из двух форм взята. Затем, в глаголах других спряжений в приёгэнной и незавершенной формах должны были бы существовать формы *юкабэки*, *юкираму* (*юку* 'идти'), *укэбэки*, *укэраму* (*уку* 'получать'), а поскольку их нет, то в данном случае *ми* и *ни* нельзя считать приёгэнной формой. Таким образом, поскольку *раси*, *бэси*, *раму* должны присоединяться к заключительной форме, правильным будет заметить, что они присоединяются к заключительной форме без окончания *ру*»[56].

...варэ-ни ***ниоэки*** *ва тарэ наранакуни* (Тоса-никки)'...**могущего походить** на меня никого нет'.

Следует отметить, что *бэси* очень напоминает предикативное прилагательное благодаря следующим признакам:

1) Спряжение. Ранее (на стр. 399) было приведено спряжение *бэси*; из него видно, что *бэси* спрягается как предикативное прилагательное.

2) Присоединение суффикса *ми*. Как к корню прилагательного присоединяется суффикс *ми*, благодаря чему образуются формы *сэ-о хаями* 'из-за того, что течение быстрое', *кадзэ-о итами* 'из-за того, что ветер силен', так и к корню *бэ* от *бэси* присоединяется *ми* и получается форма *бэми* со значением: *...бэки-ни ёритэ* или *бэку ару-ни ёритэ* '...благодаря тому, что должно (можно)' или...*бэку ару юэ-ни* 'из-за того, что должно (можно)'.

Нагэки сэба хйто ***сиринубэми*** *ямагава-но тагицу насакэ-о сэказтару камо* (Маньёсю, 1885) 'Если бы [я] вздыхал [о тебе], **люди могли бы узнать, поэтому** чувства, которые бурлили, как горные реки, я подавил'.

Необходимо обратить внимание на то, что *бэми* обычно употребляется совместно со служебным глаголом законченности действия *ну*.

3) Наречная форма и фонетические изменения. Приёгэнная форма *бэку* от *бэси* вместе с предшествующим глаголом, так же как и наречная форма предикативных прилагательных, выступает как наречное определение.

Кё-ни мигурума итэ ***магирубэку*** *хйто ва сирасэ тамаицу...* (Гэндзи-моногатари) 'Люди сообщили, что в столицу **должен прибыть** экипаж...'

Иногда это *бэку*, фонетически изменяясь, превращается в *бэу→бё*, например:

Ёкихи-но тамэси мо ***хикигидэцубё*** *нариюку ни...* (Гэндзи-моногатари) '[дело] пошло так, что **можно было приводить** пример с Ян Гуйфэй'.

4) Фонетические изменения приименной формы *бэки*. При-

именная форма *бэки* иногда изменяется в *бэй*. Формы *бэ̄* и *бэй* имеются в «сёномоно» периода Муромати. Иногда *бэй* используется даже как заключительная форма. Считается, что современное *бэй* кантоского диалекта является остатком этого *бэй*.

5) Слияние с *ари*. Приёганная форма *бэку* от *бэси*, сливаясь с глаголом *ари*, образует *бэкари* и спрягается по спряжению *кари* адъективных глаголов.

6) Форма *бэкэму*. Параллельно с формами предикативных прилагательных на *кэму*, например *ёкэму*, *канасйкэму*, от *бэси* образуется форма *бэкэму*. Обычно считается, что она является сокращением формы *бэкараму*, но в настоящее время существует и другая теория, согласно которой *бэкэму* произошло в результате соединения *бэкэ* с *му*, а следовательно, *бэкэ* нужно рассматривать как незавершенную форму от *бэси*.

Форма *бэки* употребляется и в разговорном языке, например: ***ярубэки*** *кото ва сиккари ярэ* 'решительно сделай то, что **следует сделать**', *сонна моно ва кодомо-ни* ***мисэрубэки*** *моно дэ ва най* 'это не такая вещь, которую **следует показывать** детям'. Здесь *бэки* имеет значение естественно должного.

С *бэси* также связано слово *бэранари*, употреблявшееся в период Хэйан (примеров на приименную и завершенную формы нет).

Кита-э ику кари дзо наку нару цурэтэ коси кадзу ва тарадэ (来ら℃) *дзо* ***каэрубэранару*** (Кокинсю) 'Летящие на север гуси кричат. **Видно** [они] **улетают** (букв. 'возвращаются') в меньшем числе, чем прилетели'.

Полагают, что в *бэранару* заключено значение *сонна арисама да* 'видимо, так',... *но ё̄ да* 'кажется, что так'. Ранее думали, что *бэранари* — это измененное *бэки нари*, но в настоящее время многие придерживаются того мнения, что оно произошло из *мэру нари*[57]. Токуда Киёси утверждает: «*Бэранари* состоит из двух слов: *бэра* и *нари*; *бэра* соответствует незавершенной форме от *мэри*. *Мэри* не встречалось в древнем языке, а широко употреблялось в период Хэйан и не имело незавершенной формы; *бэ* и *мэ* возникли в результате фонетического изменения. Поэтому слово *бэри* осталось только в незавершенной форме *бэра*, а остальные формы *бэри*, *бэру*, *бэрэ* употребляются в виде *мэри*, *мэру*, *мэрэ*»[58]. Во всяком случае, непреложным фактом является то, что *бэра* в *бэранари* возникло не в процессе изменения *бэки*, а связано с *мэри*. Ведь, несомненно, с точки зрения фонетики *б* и *м* родственные звуки.

6. *Бэкари*

Эта форма возникла из слияния *бэси* и *ари*. Существует мнение, что к корню *бэ* от *бэси* присоединено *кари*, но подлинное

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

происхождение *кари* неизвестно, поэтому я не придерживаюсь указанного взгляда. Ранее уже упоминалось, что *бэкари* похоже на форму *екари*, образующуюся от адъективного прилагательного *ёси* и т. д. Из пяти форм спряжения употребляются только две — незавершенная и приёгэнная, остальные почти неупотребительны:

Цукиё-ни ва сорэ-то мо миэдзу ӯмэ-но хана ка-о тадзунэтэ дзо ***сирубэкарикэру*** (Кокинсю) 'Лунной ночью не видно, что это; цветы сливы, по запаху **можно узнать** [их]'.

Нокори-но иноти хйто-фуцӯка-о мо ***осимадзуба арубэкарадзу*** (Гэндзи-моногатари) '**Нельзя не жалеть** даже одного-двух дней оставшейся жизни'.

Если к *бэкари* присоединяется *мэри* или *нари*, то *ру* от приименной формы *бэкару* опускается, так что образуется *бэкамэри* и *бэканари*:

Хйтобито ***нодзокубэкамэри*** (Гэндзи-моногатари) 'Люди, **вероятно, должны видеть**'.

Мия-э ватарасэтамаубэканару о... (Гэндзи-моногатари) 'Нужно передать принцу...'

Излишне говорить, что *бэкари* имеет значение *бэси*.

7. *Яран*

Этот служебный глагол произошел, видимо, в конце периода Хэйан от слова *нияараму*, которое образовано из соединения служебных слов *ни* и *я*, глагола *ари* и служебного глагола *му* (*н*). *Яран* используется в значении предположения с оттенком сомнения:

Нанигото нитэ сōрō яран какару му-ни аи сōрō (Хэйкэ-моногатари) 'попал в такое положение — что бы это было такое?'

Далее, *яран* превращается в *ярō*. В «сёномоно» периода Муромати широко употреблялись формы *ярō* и *яра*:

Хару-ни нару ярō ямадори-га сайдзуру ва дзо (Сйканюкай) 'Видимо, наступает весна, горные птицы поют'.

Дзако ва нантару уо ярō дзо (Сикисё) 'Бычок—что за рыба?'

Докони ару яра сиранӯ (Мōкюсё) 'где находится, не знаю'.

Впоследствии это *яра* стало употребляться так же, как служебное слово *яра*.

VIII. СЛУЖЕБНЫЕ ГЛАГОЛЫ ЖЕЛАТЕЛЬНОСТИ ПИСЬМЕННОГО ЯЗЫКА

Служебными глаголами желательности (кибō-но дзёдōси 希望の助動詞) называются служебные глаголы, выражающие просьбу или желание действия, явления и со-

с т о я н и я. В письменном языке существуют четыре служебных глагола желательности: *таси*, *такари*, *махоси*, *махосйкари*. Приводим их спряжения и форму присоединения:

Таси: 1) *таку*, 2) *таку*, 3) *таси*, 4) *таки*, 5) *такэрэ*. Присоединяется к приёгэнной форме.

Такари: 1) *такара*, 2) *такари*, 3) *такари*, 4) *такару*, 5) *такарэ*. Присоединяется к приёгэнной форме всех глаголов, за исключением неправильных глаголов по столбцу *ра*.

Махоси: 1) *махосйку*, 2) *махосйку*, 3) *махоси*, 4) *махосйки*, 5) *махосйкэрэ*. Присоединяется к незавершенной форме.

Махосйкари: 1) *махосйкара*, 2) *махосйкари*, 3) *махосйкари*, 4) *махосйкару*, 5) *махосйкарэ*. Присоединяется к незавершенной форме.

В чем заключается разница между вышеприведенными глаголами желательности и служебными словами, выражающими желательность,— *на*, *наму*, *га*, *мога*, *кана*, *сига*, *нисига*, *тэсига*, *бая*? В отношении наличия определенного способа соединения с предшествующим словом служебные глаголы сходны с служебными словами желательности. Служебные слова желательности отличны от служебных глаголов тем, что имеют только одну фиксированную форму, в то время как служебные глаголы желательности могут свободно изменять свою форму. Затем, к служебным глаголам желательности могут присоединяться и другие слова, а к служебным словам желательности они присоединяться не могут. В этих двух моментах и состоит их главное различие.

1. *Таси*

Оцуки Фумихико в своей «Пространной грамматике» включает *таси* в число суффиксов, которые, присоединяясь к другим словам, превращают их в предикативные прилагательные[59]. Однако в «Приложении» он пишет: «Приводимое здесь *таси*— не суффикс, его следует рассматривать как служебный глагол, присоединяющийся к пятой форме самостоятельных и служебных глаголов. В „Цурэдзурэгуса“ встречается пример *аритаки моно ва уннун* ‘то, что желательно’ и т. д.»[60]. Таким образом, Оцуки, изменив свою прежнюю точку зрения, отнес *таси* к служебным глаголам. Некоторые полагают, что *таси* относится к прилагательным, поскольку оно представляет собой изменение слова *итаси* (痛し) ‘больно’, но это не заслуживает внимания. В словах *омотаси* ‘тяжелый’, *хиратаси* ‘плоский’, *нэмутаси* ‘сонный’, *цумэтаси* ‘холодный’ и т. п. *таси* является суффиксом, образующим прилагательное, и значения желательности он не имеет. Мицуя Сигэмацу пишет: «*Таси* не часто употреблялось в стихотворениях, а поскольку оно трудно воспринималось на слух, то и избегалось,

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

что привело к различным его толкованиям. Это известно хотя бы из того, что в поэтическом состязании «Сэнгохякубан-утаан» было прочтено стихотворение *идзи икани мияма-но оку-ни сиорэтэ мо кокоро* ***сиритаки*** *аки-но е-но цӯки* 'как бы в глубине гор ни было все увядшим, о луна осенней ночи, которую сердце **хочет узнать**'. Судьей на состязании был Фудзивара Садайэ, и он отозвался об этом слове неодобрительно»[61]. (Оценка Садайэ была такова: хотя *таси* слышится в речи простонародья, но в поэзии его еще не было.—*Прим. Киэда.*)

Существует мнение, что из этого стихотворения *таси* перешло в язык периодов Инсэй и Камакура, однако примеры на употребление *таси* встречаются еще в «Манъёсю» (например, 965). Следовательно, в период создания «Манъёсю» *таси* уже существовало.

Аритаки *кото ва... сакубун, вака, кангэн-но мити* (Цурэдзурэгуса) 'то, что **хочется, чтоб было** —искусство сочинения, поэзии и музыки'.

Каэритакэрэба *хӧтори цуй татӧтэ юкикэри* (Цурэдзурэгуса) 'так как **хотел вернуться**, то пошел один'.

Считается, что *таси* выражает желательность собственного действия, однако относительно *таси* в примере *о-идэ аинаритаку сōрō* 'добро пожаловать' Мицуя Сигэмацу писал следующее:

«*О-идэ аинари* означает, что к выражению действия другого лица—*о-идэ* 'ваш приход'— присоединяется выражение желательности своего собственного действия в смысле *укэарамахосӧку сōрō* 'желаю получить [Ваш приход]'; первоначальное значение *о-идэ-о кōмуратаси* —'желаю подвергнуться вашему приходу' (*кōмуру* 'подвергнуться' обозначает собственное действие). В выражении *о-идэ кудасарэтаси* 'соблаговолите прийти' *кудасарэ* первоначально выражало собственное действие в пассивном смысле 'получить', в связи с чем к нему и присоединялось *таси*, но затем *кудасару* приобрело значение вежливого глагола по отношению к действиям другого лица и стало употребляться в этом смысле. *Кудасарэ* и *аинари* близки по значению, поэтому в конце концов стали говорить *о-идэ аинаритаку сōрō*. Точно так же в выражении *дзēкē аритаси* 'желателен ваш приезд в столицу' проявляется уважение по отношению к другому лицу. В словах *утини аритаки ки* (Цурэдзурэгуса) высказывается не пожелание «быть деревом», а желание, «чтобы было дерево». Следовательно, *аритаки* надо понимать в значении *арасэтаки* 'желательно побудить быть', т. е. *мотитаки* 'желательно иметь', *уэтаки* 'желательно посадить' и т. п. Иероглиф 欲 тоже не употребляется в смысле желательности действий другого лица: Также и *хори*»[62] [16].

2. *Такари*

Этот глагол представляет собой слияние приёгэнной формы *таку* от *таси* и глагола *ари*. Некоторые считают, что он является составным словом из *та* и *кацу*.

3. *Махоси*

Данный глагол произошел из соединения *ма* (форма служебного глагола *му*) с предикативным прилагательным *хоси*. Некоторые считают его сокращением *макухоси*, но, поскольку *маку* само образовалось из *ма* и *ку*, я думаю, оно не является первоначальной формой *махоси*. В одном из примеров старого языка ***мимаку-но хосйки*** *кими-га сугата ка* (Маньёсю, 1913) 'облик ли твой, который **хочу увидеть** '*маку* и *хоси* выступают как два отдельных слова. *Махоси* выражает как собственное желание, так и пожелание действия другого лица, т. е. так называемый заказ.

Ми-ни ***юкамахосйкэрэдо***, *сарани мити мо обоэдзу* (Удзи-сюи-моногатари) '**Хотя и хочется пойти** посмотреть, но не знаю дороги'.

4. *Махосикари*

Этот глагол состоит из *махосйку* и *ари*.

Онна-ни таясукарадзу омоварэму косо ***арамахосикарубэки*** *вадза нарэ* (Цурэдзурэгуса) 'Стать любимым женщинами — вот то, что **должно быть желательно**'.

Кроме четырех перечисленных служебных глаголов желательности, некоторые ученые, например Мицуя Сигэмацу [63] и Токуда Киёси, в эту же группу включают и *наму*. Мицуя не обосновывал подробно своей точки зрения, а Токуда писал, что основанием отнесения *наму* к служебным глаголам желательности является: изменяемость форм слова, присоединяемость к нему служебных слов и присоединяемость *наму* к ёгэнам. Приводя следующие примеры *Вага иноти цунэ-ни аранў ка* (приименная форма) 'хочется, чтобы наша жизнь была вечной',.. *Ути-ни каэритэ гё-о симасани* (приёгэнная форма) '... вернувшись домой, хочет заняться делом и...', он пишет: «Служебный глагол желательности *на*, *ни*, *ну*, *нэ* не имеет примеров на употребление заключительной и завершенной форм, но все же ясно, что он спрягается по четырехступенчатому спряжению. До настоящего времени данным служебным глаголом не занимались, но это следовало бы сделать. Если к *на* присоединяется *му*, то образуется *наму*, как видно из примера *Инаба соёгитэ кадзэ-но фуканаму* 'Листья риса зашелестели, хочется, чтобы подул ветер'» [64]. Это рассуждение Токуда заслуживает внимания.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

IX. СЛУЖЕБНЫЕ ГЛАГОЛЫ СРАВНЕНИЯ ПИСЬМЕННОГО ЯЗЫКА

Служебными глаголами сравнения (хикē-но дзёдōси 比況の助動詞) называются такие глаголы, которые, означая сравнение действия, состояния, уподобляют их чему-либо другому. В выражении *оя-но он ва яма-но готоку, уми-но готоси* 'благодеяние родителей подобно горе, подобно морю' говорится, что благодеяния родителей так велики, необъятны, глубоки, что их можно сравнить только с высотой гор да с глубиной моря. В письменном языке имеется всего один служебный глагол сравнения — *готоси*. Спряжение его и сочетаемость таковы:

***Готоси*: 1)** *готоку*, 2) *готоку*, 3) *готоси*, 4) *готоки*. *Готоси* следует за тайгэном с *но*, за тайгэном с *га*, за ёгэном в приименной форме, за ёгэном в приименнои форме с *га*. Как уже говорилось в «Дополнительных замечаниях» главы о предикативных прилагательных и в первом разделе главы о служебных глаголах, *готоси* относят к разным частям речи.

1. *Готоси* как формальный ёгэн.

Д-р Ямада в «Ниппон бумпорон» относит *готоси* к формальным ёгэнам. Он пишет: «Этот ёгэн совершенно не употребляется самостоятельно. Он обладает весьма неопределенным значением, но если дополнить его известным понятием, то значение становится ясным. А именно, при помощи сопутствующего присвязочного члена он образует ядро понятия сравнения и сам становится его формальным элементом. Таким образом, *готоси* имеет почти то же значение, что и предикативное прилагательное, но при этом нужно помнить, что он служит для сравнения»[65].

2. *Готоси* как предикативное прилагательное.

Д-р Ямада в «Ниппон бумпō кōги», по-прежнему считая *готоси* формальным ёгэном, рассматривает его как особое предикативное прилагательное. Так, он указывает, что *готоси* — это формальный ёгэн, который обладает только предикативностью, но не содержит в себе конкретного понятия, и поэтому при фактическом его употреблении к нему необходимо добавлять понятийное слово. *Готоси* можно назвать предикативным прилагательным, не содержащим конкретного понятия, и понимать в смысле... *но ēни* 'подобно', *но ē да* 'подобен'. Поэтому, в отличие от традиции, Ямада не считает *готоси* служебным глаголом. Д-р Мицуя рассматривает *готоси* как употребляющееся суффиксально особое предикативное прилагательное[66]. Ясуда Киёмон тоже считает *готоси* формальным предикативным прилагательным[67]. Мицуя Сигэмацу, сравнивая *готоси* со словами *ми* и *айсō* в выражениях *хана-о* ***ми****-ни ику* 'идти любоваться (букв. 'смотреть') цветами', *Ёсицунэ Ёритомо-ни* ***айсō****-но кото* 'о жалобе Ёсицунэ [обращен-

ной] к Ёритомо', которые по отношению к предшествующему являются ёгэном, а по отношению к последующему слову—тайгэном, подчеркивает то редкое явление, что *готоси* по отношению к предшествующему слову выступает как тайгэн, а по отношению к последующему—как ёгэн. Мацуо Сутэдзиро также относит *готоси* к неполным предикативным прилагательным[68].

3. *Готоси* — зависимый глагол.

Это новая теория, принадлежащая Токуда Киёси[69]. Она уже рассматривалась в первом разделе главы о служебных глаголах.

Существование различных теорий относительно *готоси* говорит о том, что *готоси* не является обычным служебным глаголом. Оцуки Фумихико ранее писал: «...Исходя из примеров *нан-но готоси* 'чему подобен', *нани-га готоку* 'на что похоже', *готоси* подобен самостоятельному предикативному прилагательному. Однако поскольку *готоси* не употребляется в начале предложения (да и его начальный звук озвончен), его следует считать служебным глаголом»[70]. И по употреблению и по сочетаемости *готоси* действительно отличается от других служебных глаголов и содержит многие элементы понятийного слова. Это подтверждается ранее приведенным примером *ракка ва макотони юки-но готоси* 'осыпающиеся цветы поистине подобны снегу', в котором наречное определение *макотони* 'поистине' стоит перед *юки-но готоси* (с другой стороны, совершенно невозможно такое предложение, как *ракка ва юки-но макотони готоси*, откуда видно, что *готоси* лишено реальной значимости). Однако, учитывая доводы, приведенные в первом разделе главы о служебных глаголах, мы все же придерживаемся общепринятой точки зрения и относим *готоси* к служебным глаголам.

Если нет ошибки в чтении стихов из «Манъёсю» (477 и 2813), то в них оказываются примеры присоединения *готоси* к *си*, т. е. к прииенной форме от *ки*, и к *нуру*, т. е. к прииенной форме от *ну*. На основании этого от теории, выдвигающей положение, что *готоси* является предикативным прилагательным, приходится отказаться. В данной работе *готоси* наряду с *нари, тари, да, дэсу, расий, ё да, ё дэсу* назван «особым служебным глаголом» и таким образом отделен от других служебных глаголов.

Примеры на спряжение *готоси*.

Кими-но рондзуру готокуба кэдаси гирон-но ё накарубэси (п. я.) 'Если рассуждать, как ты, то и не о чем разговаривать' (в древних текстах примеров на незавершенную форму нет).

Имада каку-но готоку-но рэй-о кикадзу (Хэйдзи-моногатари) 'Подобных этому примеров еще не приходилось слышать'.

Ао ни ёси Нара-но миякова сакубана-но цую-га готоку има сакаринари (Манъёсю, 328) 'Дивная в зелени столица Нара теперь в цвету, подобно блеску цветущих цветов'.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Ё-но нака-о нани-ни татоэму асабираки когииниси фунэ-но ато наки ***готоси*** (Манъёсю, 351) 'Чему уподобить жизнь? [Она] **подобна** тому, как от отплывающей утром лодки нет следов'.

Мэ-ни ва митэ тэ-ни ва тораэну цуки-но ути-но кацура-но ***готоки*** *имо-о икани сэму* (Манъёсю, 632) 'что мне сделать с тобой, **подобной** лавру на луне, который видишь глазами, а руками не возьмешь'.

Досан рёрё-но ***готоки*** *-но моно-о мо коитамаэ каси* (Хэйкэ-моногатари) 'Попроси **такую** вещь, **как** местную еду'.

Завершенная форма от *готоси* не встречается ни в памятниках периода Нара, ни в последующей литературе. Поскольку *готоси* спрягается как предикативное прилагательное, то, сравнивая его с другими прилагательными, которые в периоды Нара и Хэйан отличались друг от друга наличием или отсутствием завершенной формы... *кэрэ*, можно полагать, что *готоси* дошло до наших дней в старой форме и что развитие у него форм спряжения приостановилось в период Нара.

С точки зрения значения имеется три вида употребления *готоси*:

1) Аллегорическое сравнение: *Кōин ва я-но готоси* (п. я.) 'Время подобно стреле'.

2) Аналогия: *Сакунэн-но готоки ва тōки-ни окэру сэйтэн вадзукани сансюдзицу-ни сугидзу* (п. я.) 'Как и в прошлом году, ясная погода зимой стояла не более трех недель'.

3) Неуверенное утверждение: *Дзикэн ва хобо кайкэцу-ни тикадзукитару готоси* (п. я.) 'Инцидент, видимо, близится к урегулированию'.

Приёгэнная форма *готоку* при сочетании со связкой *нари* употребляется следующим образом:

1. *Готоку нара—ба, му, дзу, симу.*
2. *Готоку нари—ку, кэри.*
   Готоку ни—тэ, сйтэ.
3. *Готоку нари—томо, то.*
4. *Готоку нару.*
5. *Готоку нарэ — ба, до, домо.*
6. *Готоку нарэ—ё.*

Приведем пример на употребление корня *гото*:

Соно юки-но токи наки-га ***гото****, соно амэ-но ма наки-га* ***гото****, кума мо отидзу омоицуцу дзо куру* (Манъёсю, 25) 'Как этот снег без времени, **как** этот дождь без перерыва, хожу по всем извилинам [дороги], беспрестанно думая'.

Таких примеров на *гото* в «Манъёсю» довольно много. Причем во всех случаях *гото* употребляется наречно, как *готоку*.

Следующие примеры можно, пожалуй, назвать особым употреблением *готоси*:

Каку-но готоку-но *гай ни аван кото утагаи наси* (Сога-моногатари) 'Нет сомнения, что встретится с **такой** бедой' [17].

Сяба сэкай-но сю̄сэй ва сэкйси но ***готоси*** *нари* (Кондзяку-моногатари) 'Все живущие в этом мире подобны младенцам'.

Готоси при сочетании с *нари* может иметь три формы: *готоку нари*, *готоси нари*, *готоки нари*. Мацуо Сутэдзиро замечает: «Нет возможности объяснить это. В крайнем случае можно предположить, что в период возникновения спряжения неспрягающегося слова *гото* его спрягали и по четырехступенчатому спряжению, и как предикативное прилагательное, т. е. твердо установившихся форм спряжения не было. *Готоки* как приёгэнная форма и *готоку* как применная форма — это формы четырехступенчатого спряжения, следы которого существовали с конца периода Хэйан до начала периода Муромати и сохранились и позже в диалекте среднего и низшего классов; примеры можно найти в «Кондзяку-моногатари» и т. п. По-видимому, спряжением *гото* по четырехступенчатому спряжению объясняется и то, что до настоящего времени не образовалось формы *готокэрэ*. Далее, можно полагать, что, пожалуй, не только *готоси*, но и другие предикативные прилагательные употреблялись в формах четырехступенчатого спряжения»[71]. Мацуо приводит формы *имавасики мисасэтамау*, *курусйки со̄бо̄бэки то* [18] (из Хэйкэ-моногатари). Данный вопрос требует дальнейшего изучения.

X. СЛУЖЕБНЫЕ ГЛАГОЛЫ-СВЯЗКИ ПИСЬМЕННОГО ЯЗЫКА

Связками (ситэй-но дзёдо̄си 指定の助動詞)[72] называются служебные глаголы, имеющие значение *дэ ару*, *да*, *дэсӯ* 'есть' и указывающие на предмет. Иначе говоря, они придают стоящему перед ними слову значение предиката, сказуемого. Если сказать *корэ ва хон*, то слово *хон* 'книга', поскольку оно существительное (тайгэн), само по себе обычно не содержит предикативности. Так, например, неизвестно, что́ за предложения перед нами: *корэ ва хон-о уру мисэ нари* (п. я.) 'Это магазин, где продают книги' или *корэ ва хон-но хе̄си-дэ ару* 'Это обложка книги'. Если же к слову *хон* прибавить связку *нари*, т. е. сказать *корэ ва хон нари* 'это есть книга', то слово *хон* благодаря предикативности связки *нари* станет сказуемым. В письменном языке существуют две связки: *нари* и *тари*.

В первом разделе главы о служебных глаголах излагаются причины, на основании которых *нари* и *тари* отнесены к служебным глаголам. По данному вопросу имеется немало разногласий. Д-р Ямада называет их «изъяснительными бытийными словами» (сэцумэй сондзайси 說明存在詞) и считает, что они возникли благодаря изменению чисто формального ёгэна *ари*. Ямада указывает: «Имена существительные и наречия, сопровождаемые служебными словами *ни* и *то*, примыкая к *ари*, слились с ним

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

и образовали ёгэны *нари* и *тари*. Поскольку *нари* и *тари* сопровождают имена существительные и наречия, неся функцию изъяснения, они и названы изъяснительными бытийными словами. Таким образом, *нари* является сокращением от *ни ари*, а *тари*— от *то ари*. *Нари* и *тари* употребляются только в сочетании с предшествующим им существительным или наречием. Это объясняется тем, что входящие в состав *нари* и *тари* служебные слова *ни* и *то* могут употребляться только вспомогательно с существительными и наречиями»[73]. Ямада приводит примеры: *Кусуноки Масасигэ ва тю̄син нари* 'Кусуноки Масасигэ есть верный вассал' и *Гокэцу тари тэцудзин тару-о нодзомамӯ ва мотоёри фука* (不可) *нари* (п. я.) 'Стремиться быть героем, мудрецом, конечно, не годится', которые подтверждают его мнение. Однако в примерах *кико̄ онва нари* (п. я.) 'климат мягок', *татӣтэ амадо-о осихиракэба сэйто̄ адзаяка тари* (п. я.) 'если встать и открыть окно, то [увидишь, что] звезды блестящи' *нари* и *тари* в данной работе рассматриваются не как самостоятельные слова, а как составные части адъективных глаголов.

Теория, согласно которой *нари* и *тари* рассматриваются как формальные ёгэны, имеет некоторые основания, в частности некоторые ученые называют *нари* и *тари* неполными глаголами (Мацуо Сутэдзиро) или зависимыми глаголами (Токуда Киёси), но в этой книге, согласно общепринятым воззрениям, они включены в группу служебных глаголов под названием «особых служебных глаголов».

Нари и *тари* спрягаются и сочетаются следующим образом:

Нари: 1) *нара*, 2) *нари*, 3) *нари*, 4) *нару*, 5) *нарэ*, 6) *нарэ*. *Сочетается с тайгэнами и приименной формой спрягающихся слов.*

Тари: 1) *тара*, 2) *тари*, 3) *тари*, 4) *тару*, 5) *тарэ*, 6) *тарэ*. Сочетается с тайгэнами.

1. *Нари*

Нари—это слово, образовавшееся от слияния и затем сокращения *ни* и *ари*. Оцуки Фумихико пишет: «Этимологически *нари* происходит от *ни* и *ари* и означает *нитэ ари*»[74], однако в глаголе *ари*, вошедшем в состав *нари*, первоначальное бытийное значение ослабело и изменилось в связочное. Поэтому *ари* может быть сказуемым самостоятельно (например, *цӯкуэ-но уэ-ни хон ари* [п. я.] 'на столе есть книги'), но, превратившись в *нари*, оно может выступать в функции сказуемого только в сочетании с другими словами (с тайгэном или приименной формой ёгэнов). На это различие нужно обратить внимание. В таком смысле и нужно понимать слова: «хотя *нари* и обладает свойствами самостоятельного глагола, но, поскольку оно не может стоять в начале предложения, его следует считать служебным глаголом»[75]. Примеры:

...коно ё-ни ару ***нараба*** *мата мо я укимэ-о миндзуран* (Хэйкэ-моногатари) 'если находиться в этом мире, опять увидишь горести'.

Исэ хэйси ва сугамэ ***нарикэри*** (Хэйкэ-моногатари) 'Тайра из Исэ—косоглазые'.

Хару-но хи-но хикари-ни атару варэ ***нарэдо****, касира-но юки то нару дзо вабисйки* (Кокинсю) 'Хотя [это] есть я, на которого падают лучи весеннего солнца, грустно, что голова в снегу'.

Нари обычно, как указано выше, сочетается с тайгэнами и приименной формой ёгэнов, но встречается присоединение *нари* и к заключительной форме:

саягэри нари (Нихонсёки) 'зашумели'.

Адзуса юми-но нарихадзу-но ото-су ***нари*** (Манъёсю, 3) 'Раздается звук тетивы ясеневого лука'.

Хару сарэба конурэгакуритэ угуису дзо накитэ ину ***нару*** *ўмэга сидзуэ-ни* (Манъёсю, 827) 'Оттого, что весна проходит, прячась в верхушках деревьев, соловей с песней улетает (букв. 'уходит') на нижние ветви сливы'.

Аки-но но-ни хйто мацумуси-но коэ-су ***нари****...* (Кокинсю) 'На осеннем поле звучит стрекот цикад «мацумуси», ждущих людей'.

Нари в приведенных примерах истолковывают не как связку, а как служебный глагол, выражающий восклицание, но подобное истолкование встречает возражения. Д-р Мицуя, придерживаясь того мнения, что это связка, пишет: «Это *нари* в древнем языке было *восклицанием*, *но* превратилось в связку. *Нарихадзу-но ото-су* рассматривается как одно целое, к чему добавлено *нари*»[76]. Д-р Ямада говорит: «Изъяснительное бытийное слово *нари* добавляется для усиления предложения; если *нари* удалить, смысл предложения полностью сохранится. Но добавление *нари* подчеркивает смысл. Некоторые называют это *нари* восклицательным, но оно искони является изъяснительным бытийным словом и ничем от последнего не отличается. Одно *нари* присоединяется обычно к квази-тайгэнам, т. е. к приименной форме, а при сочетании с заключительной формой оно усиливает смысл предложения, т. е. *нари* выполняет здесь функцию восклицания. Это ... пережиток грамматики древнего языка, теперь же в соответствующих случаях добавляется еще *то су*, т. е. для подчеркивания изъяснения говорят *нари то су*»[77]. Мацуо Сутэдзиро также считает, что *нари* после заключительной формы не имеет восклицательного значения, а выражает предположение или ссылку на чужие слова[78]. Мнение Мацуо заслуживает внимания (обе теории рассматривают наряду с *нари* при заключительной форме некоторые случаи с *нари* при приёгэнной форме). Мацусита Дайдзабуро, также отрицая восклицательный характер *нари*, считает его выражающим легкое предположение, более объективное, чем *мэри*, и с весьма небольшим оттенком недостоверности суждения[79]. Асано Син также не согласен с тем, что *нари* является служебным

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

глаголом, выражающим восклицание, и присоединяется к мнению Мацуо[80]. Данная книга придерживается теории о предположительном значении *нари* и о *нари*, имеющем значение ссылки на чужие слова. Нельзя отрицать того, что *нари* также в некоторой мере выражает и восклицание, но я считаю, что значение ссылки на чужие слова и значение предположения являются основными.

Поскольку срединной формой *нари* служит то же *нари*, естественно употребление таких форм, как *нарики*, *нарикэрэ*.

Некоторые ученые считают, что в таких случаях, как *Масасигэ ва тюсин ни* (*нитэ*, *ни сйтэ*) *Масаюки ва кōси нари* (п. я.) 'Масасигэ есть верный вассал, а Масаюки есть преданный сын', *ни* следует рассматривать как срединную форму от *нари*. Я присоединяюсь к этому мнению. Здесь *ни*, входящее в состав *нари*, выступает как заместитель срединной формы *нари*. Существует и такая точка зрения, что во второй части *кōси нари* имеется *ари*, входящее в *нари*, почему после *ни* и опущено *ари*.

Санэтомо ва Ёритомо-но ко ни Камакура удайдзин то йу утабито нари (п. я.) 'Санэтомо есть сын Ёритомо и поэт, именовавшийся Камакура удайдзин'.

В этом случае *ни* также следует считать срединной формой от *нари*. Если принимать *ни* за падежное служебное слово, тогда *ко ни* нельзя рассматривать как наречное определение.

Со ва ӳмэ ни мо арадзу, сакура ни мо арадзу (п. я.) 'Это не есть ни слива, ни вишня'.

Токи ва хару ни косо арэ 'Время—(есть) как раз весна'.

В приведенных примерах нет сокращения *ни ари*, а *ни* и *ари* используются как самостоятельные отдельные слова. Однако нужно обратить внимание на то, что это *ари* не является полноценным глаголом *ари*, указывающим на бытие предмета (как *ари* в примере *цӳкуэ-но уэ-ни хон ари* 'на столе есть книги'), а связано с *ни* и представляет собой изменившееся *ари*, которое превратилось в связку, т. е. формальный ёгэн, выражающий только предикацию (приведенные выше предложения можно передать и таким образом: *со ва ӳмэ нарадзу*, *сакура нарадзу*, *токи косо хару нарэ*). Кстати, в предложении *Масасигэ ва тюсин ни сйтэ Масаюки кōси нари* подчеркнутое **си** было первоначально формой глагола неправильного спряжения по столбцу *са* (*су*), но затем этот глагол потерял свое понятийное значение и в виде *сйтэ* превратился в служебное слово. Однако в предложении *Фукудзава ва Масасигэ-о бондзоку-но хито-ни сйтэ симаэри* 'Фукудзава считал Масасигэ обыкновенным человеком' *си* сохраняет свое значение полноценного глагола. Таким образом, не следует смешивать эти два *си*. Отсюда понятно утверждение, что первое *си*—непереходный, а второе—переходный глагол. Однако надо учесть, что, хотя второе *си* действительно представляет собой глагол переходный, первое *си* не является непереходным глаголом.

В предложении *коно готоку-ни сйтэ варэ ва цуйни сисэму ка* (п. я.) 'Таким образом, я в конце концов умру?' *ни* является наречной формой связки *нари*.

В примере *тōка акирака ни сйтэ сё-о ёму* 'Огонь фонаря светел, и [я] читаю книгу', *акирака ни* представляет собой приёгэнную форму от адъективного глагола *акирака нари*.

Это *си* рассматривается и как служебное слово, и как глагол, разграничение здесь неясно. Мицуя Сигэмацу считает даже *си* срединной формой от *нари*[81], но в данной работе к срединной форме *нари* отнесено только *ни*. А вот что говорит по этому поводу д-р Ямада: «Указанное *сйтэ* в дальнейшем стало заменять приёгэнную форму предикативного *ари*, который использовался только для выражения предикации. Оно стало часто употребляться главным образом вместо приёгэнной формы изъяснительных бытийных слов *нари* и *тари*. Собственно говоря, приёгэнная форма от *нари* и *тари* служит только для присоединения сложных окончаний, она не выполняет основной функции приёгэнной формы, т. е. функции соединения слов, и в подобных случаях вместо *ари* употребляют *сйтэ*. Поскольку *нари* и *тари* представляют собой слияние первоначальных *ни ари* и *то ари*, в этом случае на место *ари* употребляют *сйтэ*, отделяя от *ари ни* и *то* и присоединяя их к *сйтэ*. Таким образом, возникают формы *нисйтэ* и *тосйтэ*. Эти формы и заменяют приёгэнную форму от *нари* и *тари*»[82].

Это последова́тельная теория. Однако вместо *Масасигэ ва тю̄син ни сйтэ* можно сказать и *Масасигэ ва тю̄син нитэ* (см. стр. 419); *сйтэ* здесь заменяет *тэ*. *Тэ* употребляется и так, как в *амэ фуритэ дзи катамару* 'пройдет дождь—земля затвердеет' (поговорка), т. е. является служебным словом, не имеющим значения *ари* 'быть'. Вот почему нет необходимости считать, что в *сйтэ* непременно заключено значение «быть». Скорее из примера *Масасигэ ва тю̄син ни, Масаюки ва кō си нари* следует, что значение «быть» заключено в *ни*. Такой вывод подтверждается и сопоставлением с *ни* приёгэнной формы адъективных глаголов, как например *сидзукани* 'спокойно', *одаякани* 'мирно'.

Касаясь приименной формы *нару* от *нари*, следует обратить внимание на два момента.

В о - п е р в ы х, на нижеследующее употребление приименной формы:

Касуга ***нару*** *Микаса-но яма-ни цӯки-но фунэ идзу* (Маньёсю̄, 1295) 'Над горой Микаса (**находящейся**) в Касуга вышел корабль луны'.

Мияко ***нару*** *арэтару иэ-ни хйтори нэба таби-ни масаритэ курусйкарубэси* (Маньёсю̄, 440) 'Если в заброшенном доме (**находящемся**) в столице, я буду спать один, [это] будет более тягостно, чем в пути'.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

...иэ ***нару*** *имо-о какэтэ синобицу...* (Манъёсю, 6) '...о милой, **находящейся** дома, тосковал'.

Такое *нару*—не связка, оно имеет значение бытия—*ни ару* 'находиться в ...', т. е. *нару* используется здесь в своем первоначальном значении. Некоторые считают *нару* слитным словом, другие называют его не служебным, а самостоятельным глаголом. Но если исходить из того, что *нару* не может служить самостоятельным сказуемым, то назвать его реальным ёгэном нельзя. Я принимаю *нару* за особое употребление особого служебного глагола *нари*. Ведь можно, сохраняя то же значение бытия, сказать: *Микасаяма ва Касуга-ни ари* 'Гора Микаса находится в Касуга'; *Имо ва иэ-ни ари* 'Милая находится дома'. Однако нельзя, сохраняя то же значение, сказать *Микасаяма ва Касуга нари, Имо ва иэ нари*. Следовательно, это слово в форме *нари* нельзя назвать самостоятельным глаголом. Особое употребление *нари* присуще только его приименной форме.

В о - в т о р ы х, на следующее употребление *нари* в приименной форме:

Тиндзэй Хатйро ***нару*** *хйто* 'человек, **именующийся** Тиндзэй Хатиро'. *Мэйринкан* ***нару*** *гаккō* 'школа, **называющаяся** Мэйринкан'.

Нару в этих примерах не имеет ни значения связки, ни значения «находиться в...», а значит *то йу* 'называющийся', 'по имени' [19]. По данному вопросу в п. 16 «Допустимых отклонений от грамматических норм» говорится: «Не возбраняется, следуя обычаю, употреблять *нару* вместо *то йу*».

В «Первом докладе по изучению проекта реформы ныне действующих грамматических правил» сказано:

«Хотя в средневековых текстах нет примеров употребления *нару* вместо *то йу* или *то йэру*, в современных текстах оно допустимо.

Обоснование.

В «Тамаарарэ»* говорится: «Люди нашего времени пишут, например, о человеке из Киото или Осака: *кё̄ нару тарэ* 'такой-то в Киото', *Нанива нару тарэ* 'такой-то в Нанива',— и это плохо. Здесь *нару* значит *ни ару* 'находиться в...' Если сказать *нару*, это звучит так, будто житель другой провинции в настоящее время находится в Киото или Нанива. Поэтому следует писать *Кё̄-но тарэ, Нанива-но тарэ*».

Накадзима Хироаси** приводит следующие примеры: *фунагими нару хйто* (Тоса никки) 'человек, являющийся старшим лодочником' (т. е. 'старший лодочник'); *томодати нару хйто* (Исэ-

---

* Тамаарарэ — соч. Мотоори Норинага (本居宣長 玉露), 1792 г.— *Прим. ред.*

** 中島廣足 (1792—1864) в сочинении 玉露窓適小篠, опубликованном посмертно 1888 г.— *Прим. ред.*

моногатари) ‘человек, являющийся другом’ (т. е. ‘друг’); *анэ нару хйто* (Гэндзи-моногатари) ‘женщина, являющаяся старшей сестрой’ (т. е. ‘сестра’); *хаха нару моно* (Гэндзи-моногатари) ‘женщина, являющаяся матерью’ (т. е. ‘мать’) и т. п. Он запрещает употребление *нару* в значении *но*, кроме того значения, которое представлено в приведенных примерах. Оцуки Фумихико пишет: «*Нари* этимологически восходит к *ни ари* ‘находиться в.., оно имеет значение *нитэ ари* ‘быть, являться’. Поэтому употребление *нари* в таких случаях, как *Мусасино нару (ни ару) Сумидагава* ‘река Сумида (находящаяся) в Мусасино’, *бдзи нару хйто* ‘человек, являющийся дядей’, не вызывает сомнений. Однако не годится употреблять *нару* следующим образом: *Ганкай нару моно ари* ‘есть человек по имени Янь-Хуэй’, *Мэйринкан нару гаккō-о татэтэ* ‘построив школу под названием Мэйринкан’, ибо получается *Ганкай-ни ару моно* ‘человек, находящийся в Янь-Хуэй’, *Мэйринкан-нитэ ару гаккō* ‘школа, являющаяся Мэйринкан’, а должно быть *Ганкай то йу хито*, *Мэйринкан то йу гаккō*. В старину при разметке китайского текста употребляли *Ганкай* ***то йу*** *моно*, а если стоит ***нару***, то это ошибка такого комментатора, как Иссай и т. п.» [20] И действительно, примеры на использование *нару* в значении *то йу моно*, *то йэру моно* ‘человек, именуемый...’ начинают встречаться только с середины периода Токугава у Бан Кокэй, в «Лунь-юй» с разметками Гото и Иссай и т. п., например:

Кё-ни Накамура тарэ ***нару*** *моно сяси-ни сугитэ...* (Канда Кохицу) ‘в Киото некий человек **по имени** Накамура жил в роскоши и...’.

Кагосима-ни ариси токи Морисйта Кэнрю̄ ***нару*** *хйто-но ив-ни манукарэ* (Сайюки, Титибана Нанкэй) ‘Когда я был в Киото, то был приглашен в дом человека **по имени** Морисйта Кэнрю’.

Коси котаэтэ иваку: Ганкай ***нару*** *моно ари гаку-о коному* («Лунь-юй» с разметками Гото и Иссай) ‘Конфуций в ответ сказал: „есть человек **по имени** Янь-Хуэй, [он] любит науку“’.

Такое неправильное употребление *нару* древними авторами (например, Бан Кокэй), очевидно, объясняется неправильным представлением о случаях, подобных *Аривара нарикэру отоко* ‘мужчина, называвшийся Аривара’ в «Исэ-моногатари», *фунагими нару отоко* ‘мужчина, являвшийся старшим лодочником’ в «Тоса-никки», *дайнайки нару хйто* ‘человек, являющийся старшим писцом’ в «Гэндзи-моногатари». Употребление *нару* при разметке «Лунь-юя», вероятно, объясняется таким образом: считая, что иероглиф 也 *нари* в случаях 弟悌也者 *тэйтэй нару моно* ‘братская привязанность’, 仁也者 *дзин нару моно* ‘гуманность’ и т. п.—это *нари*, имеющее значение связки, Гото использовал его аналогично употреблению *нари* в *Аривара нарикэру отоко*, *дайнайки нару хйто*, а может быть, он истолковал 也者 *нару*

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

моно как *то йу моно, то йу ва*. Но поскольку это слишком длинно, то и в разметке буддийских сутр часто в таких случаях употреблялось *нару*; например 峻高也者蘇迷廣大也者虛空 читалось *сюнкō нару моно ва сомэй, кōдай нару моно ва кёку*. Как бы то ни было, главной причиной широкого употребления *нару* является то, что первым при разметке «Лунь-юя» его применил Гото, вслед за ним употребил его Иссай, а эти книги были широко распространены. В случаях *Аривара нарикэру отоко* и *дайнайки нару хйто Аривара*—фамилия, а *дайнайки*—звание. В дальнейшем такое употребление стало распространенным; о человеке с фамилией Моримото и именем Кэнрю стали говорить *Моримото Кэнрю нару хйто*, что уже не противоречит грамматике и понятно всем. Поскольку в средние века охотно пользовались такой формой, то и в настоящее время она употребляется без всякого колебания. Таким образом, сейчас, когда нужно сказать *то йу моно*, что довольно длинно, пользуются *нару моно*, и это никого не удивляет. Поэтому вопрос употребления *нару моно* переходит в область стилистики и употреблять его не возбраняется»[83].

Подобно этог говорят: *ани нару хйто* 'старший брат' ('человек, являющ братом'), *оба нару хйто* 'тетка'. В разговорном языке ребляется выражение *ани дзя хйто, оба дзя хйто. Дзя* — ка со значением *да, дэ ару*. Следовательно, можно пола ть, что и исконное значение *нару* — значение связки.

Когда *нару* присоединяется к самостоятельным глаголам, адъективным глаголам и служебным глаголам, относящимся к неправильному спряжению по столбцу *ра*, окончание *ру* фонетически изменяется и орфографически сокращается. Например: *ару нари→аннари→анари, нару нари→наннари→нанари, дзару нари→дзаннари→дзанари*.

Ё-но нака-ни моногатари то йу моно-но аннару-о икадэ мибая то омоицуцу (Сарасина-никки) 'Как хотелось бы прочитать (букв. 'посмотреть') то, что на свете именуется моногатари; *Ямамото тикаканари* (Такэтори-моногатари) 'подошва горы близко'; *Мия-э ватарасэтамаубэканару о* (Гэндзи-моногатаря) 'Надо передать принцу'.

Тари

Тари является сложным словом, образовавшимся из *то ари*. Хотя, как и *нари*, оно представляет собой связку, но по сравнению с *нари* значение *тари* выражено более ярко. Считается, что именно поэтому *нари* выражает утверждение преимущественно с внутренней стороны, а *тари* преимущественно с внешней. (Некоторые говорят, что *нари*— естественное и длительное, а *тари*—искусственное и временное.)

Варэ мо хйто нари, карэ мо хйто нари (п. я.) 'И я—человек, и он—человек'.

Варэ мо хйто тари карэ мо хйто тари (п. я.) 'И я—человек, и он—человек'.

Сравнивая данные примеры, мы ясно обнаруживаем различие между ними. Его легко понять, если учесть, что *нари*—это слияние *ни ари*, а *тари*—слияние *то ари*, т. е. что оно вытекает из различия между падежными служебными словами *ни* и *то* [21]. Более частое использование *тари* в дословном переводе китайских текстов, вероятно, объясняется его большей интонационной силой.

Тари присоединяется только к тайгэнам, к ёгэнам оно не присоединяется. С этой точки зрения среди всех служебных глаголов это самый своеобразный. *Тари* является служебным глаголом, не похожим на другие служебные глаголы.

Мицуя Сигэмацу приравнивает *тари* к *тосйтэ иру, то наттэ иру, то йу* в разговорном языке и считает, что *тари* несколько больше, чем *нари*, бытийно и действенно[84]. Из сопоставления следующих примеров в письменном и разговорном языке употребление *тари* станет более понятным:

Сёрай ё ва гакўся тараму (п. я.). *Сёрай дзибун ва гакуся ни нарб то омоу* (разг. я.) 'В будущем я намерен стать учёным'.

Карэ ва кокўси тари (п. я.). *Карэ ва кокўси-ни сётб-сита дзимбуцу дэ ару* (разг. я.) 'Он—человек, которого можно назвать патриотом' (букв. 'который соответствует патриоту').

Хйто тару моно ва хйто-но мити-о маморубэси (п. я.). *Иттай нингэн то йу моно ва нингэн-но фумубэки мити-о маморанакэрэба наранай* (разг. я.) 'Человек должен идти по пути человека'.

Гундзин тару карэ-но мэмбоку (п. я.). *Гундзин тосйтэ-но карэ-но мэмбоку* (разг. я.) 'Его честь как военного'.

Мицуя приводит следующие данные о соединении *нари* и *тари* с другими служебными словами и глаголами:

Нари: 1) *нара—ба, му, дзу, маси, симу*; 2) *ни—тэ, сйтэ*; 3) *нари—ки, кэри*; 4) *нари—томо, я, каси*; 5) *нару—ка, кана, га, мо, ни, о*; 6) *нарэ—ба, до, домо*; 7) *нарэ—я, ё*.

Тари: 1) *тара—ба, дзу, му, симу*; 2) *то—тэ, сйтэ*; 3) *тари—ки, кэри, цу*; 4) *тари—я, томо, каси*; 5) *тару—ка, о, ни, мо, га*; 6) *тарэ—ба, до, домо*; 7) *тарэ—я, ё*.

Излишне говорить, что связки *нари* и *тари* не следует смешивать с окончаниями адъективных глаголов *нари* и *тари*.

XI. СЛУЖЕБНЫЕ ГЛАГОЛЫ ОТРИЦАНИЯ ПИСЬМЕННОГО ЯЗЫКА

Служебными глаголами отрицания (хитэй-но дзёдбси 否定の助動詞)[85] называются служебные глаголы, которые в ы р а-

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

жают отрицание действия, состояния. В письменном языке есть четыре служебных глагола отрицания: *дзу*, *дзари*, *дзи* и *мадзи*. *Дзу* и *дзари* выражают категорическое отрицание, а *дзи* и *мадзи* — предположительное отрицание. Поэтому некоторые ученые включают *дзи и мадзи* в группу служебных глаголов предположения. Приведем спряжение и присоединение этих служебных глаголов:

Дзу: 1) *дзу*, 2) *дзу*, 3) *дзу*, 4) *ну*, 5) *нэ*, 6) нет. Присоединяется к незавершенной форме.

Дзари: 1) *дзара*, 2) *дзари*, 3) *дзари*, 4) *дзару*, 5) *дзарэ*, 6) *дзарэ*. Присоединяется так же, как *дзу*.

Дзи: 1) нет, 2) нет, 3) *дзи*, 4) *дзи*, 5) *дзи*, 6) нет. Присоединяется так же, как *дзу*.

Мадзи: 1) *мадзику*, 2) *мадзику*, 3) *мадзи*, 4) *мадзики*, 5) *мадзикэрэ*, 6) нет. Присоединяется к заключительной форме всех глаголов, за исключением глаголов неправильного спряжения по столбцу *ра*; здесь оно присоединяется к их прииенной форме.

1. *Дзу*

Спряжение *дзу* приведено выше. Однако некоторые утверждают, что этот глагол не имеет незавершенной формы, а что *ба*, *тэ*, *сйтэ*, *томо* следуют за приёгэнной формой. Причем присоединение *ба* и *томо* объясняют тем, что между приёгэнной формой *дзу* и этими служебными словами выпал глагол *ари*: *дзу* (*ара*) *ба дзу* (*ари*) *томо*. Однако мне представляется более правильным считать, что *дзу* имеет незавершенную форму, к которой *ба* и *томо* присоединяются непосредственно.

Яма-о сими иритэ мо ***торадзу***, *кўса фуками торитэ мо* ***жидзу*** (Манъёсю̄, 16) ‘Оттого, что горы заросли, хоть войдешь — **не сорвешь**, оттого, что трава густа, хоть сорвешь—**не увидишь**’.

Надо камо имо-ни ***нарадзу*** *киникэму* (Манъёсю̄, 509) ‘Почему [своей] милой **не сказав** пришел?’

Тэри мо ***сэдзу*** *кумори мо* ***хатэнў*** *хару-но* ё... (Синкокинсю̄) ‘Ничто не сравнится с весенней ночью, когда [луна] не светит и облака не заволакивают [всё]’.

Остановимся вкратце на ряде моментов, касающихся *дзу*.

1) Нужно обратить внимание, что *дзу* употребляется и наречно, и срединно (при срединном сказуемом), а кроме того, что существуют вполне правильно образованные формы *дзукэри* и *дзукэму*. Это древние формы.

Варэ-о сирадзу дзо хйто ва матэдо ***кодзукэру*** (Манъёсю̄, 589) ‘Не зная обо мне, хотя люди ждали, [ты] **не пришел**’.

... *нанисурэ дзо хаха тоу хана-но* ***сакидэкодзукэму*** (咲き出來ずけむ) (Манъёсю̄, 4323) ‘Почему цветок, который зовут «мать», **не расцветает?**’

2) Присоединение к приёгэнной форме *дзу* служебного слова *тэ* встречается и в период Нара и в период Хэйан.

... *кими-ни* ***авадзутэ*** *тоси-но хэнурэба* (Манъёсю, 616)'... так как годы прошли без встречи (букв. **'не встречаясь'**) с тобой'.

Акихаги-о сигарами фусэтэ наку сйка-но мэ-ни ва ***миэдзутэ*** *ото-но саякэса* (Кокинсю) 'Олень, который стонет, спрятавшись в зарослях осенних хаги, глазам **не виден**, но [какая] чистота звука'.

Однако в период Хэйан уже появляется *дэ* как сокращенная форма от *дзутэ*.

Оки мо сэдзу ***нэ мо сэдэ*** *ёру-о акасйтэ ва...* (Исэ-моногатари) 'проводя ночь и не бодрствуя и **не спя**...'

Здесь *дэ* также следует рассматривать как сложный служебный глагол отрицания. Он присоединяется к незавершенной форме, поскольку к ней присоединяется и *дзу*.

3) В «Манъёсю» встречается много примеров на *дзу ва*, т. е. соединение приёгэнной формы *дзу* и служебного слова *ва*.

Сируси наки моно-о ***мовадзу ва*** *иппай-но нигорэру сакэ-о номубэку араси* (Манъёсю, 338) 'Надо, **не думая** о лишенных значения вещах, [лучше] выпить чашу [хотя бы] неочищенного сакэ'.

Ранее эту форму объясняли как *дзуба*, т. е. присоединением к *дзу* союзного служебного слова *ба* [22]. Отсюда получалось значение «... *дэ най нараба*» 'если не...' Но при таком объяснении не получалось смысла, поэтому Норинага истолковывал это «... *сэн ёри ва*» — '(лучше) чем сделать...'; его теория дошла до наших дней и является сейчас общепринятой. И действительно, такое объяснение со стороны смысла оправдано, но грамматически неправомерно: ведь в нем отрицательное значение истолковывается в положительном смысле. Некоторые ученые усомнились в этой теории. Это были Кумагая Наоёси, Куродзава Оман и Модзумэ Косэй; они утверждали, что это — *дзу ва*, т. е., что к отрицательному служебному глаголу *дзу* присоединено *ва* и не утрачено отрицательное значение... *сэдзу* 'не делать'. Ямада Ёсио также высказал сомнение относительно *дзу ва*, но исчерпывающего объяснения не дал. Он пишет: «Выражение предположительного условия посредством незавершенной формы... Это *дзуба* по своему значению несколько отличается от *дзуба*, употребляющегося в последнее время. Норинага в «Котоба-но таманоо» говорит, что *дзуба* имеет значение «... *сэн ёри ва*». Хотя по смыслу его можно истолковать таким образом, но с грамматической точки зрения подобное объяснение неправильно. Конечно, и *дзу* и *му* имеют общие черты в том отношении, что они выражают нереальность, но ведь утверждение и отрицание — полярные противоположности. В таком случае, несомненно, что это — отрицательное предположительное условие. Если иногда в таком значении имеется некоторое расхождение с тем, как мы мыслим, то оно объясняется различием в мыш-

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

лении древнего и настоящего времени. Я утверждаю, что мое толкование *дзу ва* в стихотворении, приведенном в «Таманоо», как пример отрицательного предположительного условия — правильное. Ход мысли таков: «нечто сейчас действительно делаем; если сможем, то будем делать нечто прямо противоположное, отрицающее предыдущее, то, о чем говорится дальше». При подобном толковании объяснение грамматически и семантически более приемлемо, чем «..*сэн ёри ва*». А то, что такое употребление несколько расходится с нынешним выражением мыслей, не заслуживает особого внимания»[86].

Теория о гипотетическом условии была создана потому, что Ямада Ёсио упорно придерживался версии «*ба*». Однако в последующем был сделан еще один шаг вперед, и новое подтверждение теории, противоположной теории Норинага, дал Хасимото Синкити. Благодаря ему установилось правильное толкование ずは. Вот вкратце суть его теории.

«В двадцатой книге «Манъёсю» встречается следующее стихотворение. *Татисинау кими-га сугата-о* ***васурэдзу ва*** *ё-но кагири-ни я коиватаринаму* (Манъёсю, 4441) 'твой изящный облик, **не забывая**, буду любить всю жизнь'. Это стихотворение прочитано в провинции Кадзуса при отъезде в столицу бывшего там столичного чиновника. Если истолковывать слово 忘れずは в старом смысле как *васурэнакатта-нараба* 'если бы не забыл', то его смысл совершенно не согласуется с дальнейшими словами *иссё-но айда коисйку омоицудзукэру кото дэсё* 'буду любить всю жизнь'. И если понимать «... *сэн ёри ва*» (т. е. 'лучше, чем забывать, любить...' и т. д.) как понимает его Норинага, то смысл будет потерян. Однако из изучения первоначального написания 忘れずは в оригинале, а именно 和須禮受波, видно, что не обязательно читать *васурэдзуба*, а можно прочитать *васурэдзу ва*. Более того, если исходить из употребления иероглифов в «Манъёсю», то известно, что иероглиф 波, как правило, используется при обозначении глухого согласного *в* [23]. Как же истолковать смысл при чтении *васурэдзу ва*? Здесь *ва* может рассматриваться только как служебное слово. В период Нара *дзу* было приёгэнной или заключительный формой, но поскольку не встречается ни одного случая, чтобы *ва* присоединялось к заключительной форме, следовательно, это должна быть приёгэнная форма. Когда же *ва* присоединяется к приёгэнной форме ёгэнов или служебных глаголов, оно имеет значение только *ва* и никак не изменяет смысла или функции самой приёгэнной формы. Общеизвестно, что отношение ёгэнов или служебных глаголов, стоящих в приёгэнной форме, к другим словам в предложении нисколько не меняется оттого, есть при них *ва* или нет. Поэтому приведенное выше стихотворение имеет такой смысл: *Ната-но он-сугата-о васурэдзу* (или *васурэдзу-сйтэ*) *иссё-но айда коисйку омоицудзукэру кото дэсё* 'Ваш образ, не забывая,

буду любить всю жизнь'; такой смысл весьма уместен в стихотворении при проводах. Поэтому чтение *дзуба* ошибочно, правильное чтение — *дзу ва*. Следовательно, значение ずは не «... *сэн ёри ва*», а *дзу* или *дзу-сйтэ*. Это *дзу ва* совпадает с тем *дзу ва*, которое встречается в памятниках периода Нара. Таким образом, толкование Норинага ошибочно, но, не касаясь теории Норинага с лингвистической стороны, мы должны задать себе вопрос, почему же она оказалась убедительной для истолкования смысла? Потому что есть два сходных способа выражения одной и той же мысли. Приведем примеры:

1. *Кйся-дэ иканайдэ фунэ-дэ ику га ёй* 'Лучше не ехать поездом, а ехать на пароходе'.

2. *Кйся-дэ ику-ёри фунэ-дэ ику га ёй* 'Лучше ехать на пароходе, чем (ехать) на поезде'.

В указанных примерах одна и та же мысль выражена по-разному. Но с точки зрения языковой примеры не одинаковы, поскольку *иканай* 'не ехать' не значит *ику ёри* 'чем ехать'. В приведенном выше стихотворении использован первый способ выражения, а в нижеследующем — второй.

Тама кивару иноти-ни мукаи ***коимо ю ва*** *кими-га мифунэ-но кадзицўка ни мога* (Манъёсю, 8) 'Лучше [стать] ручкой весла на твоей лодке, **чем любить** [тебя], отдавая жизнь, сверкающую яшмой'.

В результате смешения первого и второго способов Норинага и истолковал *дзуба* как «...*сэн ёри ва*». В предложениях второго типа используются служебные слова *ёри* и *ю*, указывающие на сравнение, т. е. выражающие значение сравнения и выбора, умаляя одно и выдвигая другое. Однако в предложениях первого типа употребляются слова, обозначающие отрицание (как *дзу* или *дзу-сйтэ*), которые выражают мысль, отбрасывая одно и принимая другое. Таким образом, *дзу ва* всегда означает *дзу* или *дзу-сйтэ*, но не значит *ёри*. Впрочем, если добавить *мусиро* 'скорее, лучше', то смысл всего стихотворения, состоящий в том, что одно отвергается, а другое выбирается, станет яснее и, таким образом, перед нами будет самое подходящее толкование»[87].

4) В старое время *на* и *ни* считали формами спряжения *дзу*. *На* и *ни* употреблялись в период Нара.

... *ва-га наку намида мада каванакуни* (Манъёсю, 798) 'Слезы, которыми я плачу, еще **не просохли**'.

Хиру токэба токэнаэ химо-но вага сэна ни 夫に *аиёру то камо ёру токэясўкэ* (Манъёсю, 3483) 'Шнур, который **не развязывается**, будучи завязан днем, когда свижусь с милым [поэтому] ли ночью легко развязывается'.

...*иниси ёи-ёри сэро-ни* (夫ろに) *аванау ё* (Манъёсю, 3375) 'с той ночи, как ушел, с милым **не встречаюсь**'.

Мы привели примеры на употребление *на*, которое преврати-

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

лось в *наку* и *нау*; они образованы прибавлением к *на* либо *ку*, имеющего именное значение, либо служебного глагола *фу*, выражающего длительность действия. Существует мнение, что служебный глагол отрицания *най* современного разговорного языка образовался из *нау*, появившегося в «Адзума-ута», но вряд ли это так[88].

... *омои яру тадзуки-о сирани* (Манъёсю, 5) '... **не зная** способов прогнать тоску...'

угуису-но матигатэни сэси ӯмэ-га хана... (Манъёсю, 845) 'цветы сливы, которых **нетерпеливо** ждал соловей...'

Ни, заключенное в словах *сирани* и *гатэни*, имеет очень ограниченное употребление; оно применяется как отрицание.

Д-р Ямада относительно *ни* пишет следующее:

«Ясно, что *ни* представляет собой приёгэнную форму сложного окончания. Однако известно, что приёгэиной формой является *дзу*, почему же здесь представлено *ни*? Похоже, что у этого сложного окончания есть две приёгэнные формы. По нашему мнению, оно должно спрягаться по столбцу *на*, т. е. *ни*, *ну*, *ну*, но может быть в древности оно не принадлежало к четырехступенчатому спряжению по столбцу *на*? Однако я не могу еще решительно утверждать этого. Если допустить, что *ни* спрягалось по столбцу *на* четырехступенчатого спряжения и выражало отрицание, то что же такое представляет собой *дзу*? Можно предположить, что *дзу* в какой-то период случайно стало употребляться для отрицания и что оно стало заменять основную, незавершенную и приёгэнную формы. А *ни* в следующий за этим период, хотя и встречается, но явно близится к исчезновению. От *на* остались следы только в «Адзума-ута»[89].

Таким образом, если к *ну*, *нэ* из ряда *дзу*, *дзу*, *дзу*, *ну*, *нэ* прибавить эти *на* и *ни*, то можно предположить, что это был служебный глагол отрицания, спрягавшийся по четырехступенчатому спряжению: *на*, *ни*, *ну*, *нэ*, и можно признать подтвержденным предположение Ямада Ёсио о наличии здесь четырехступенчатого спряжения. А *дзу*, вероятно, принадлежит к другой системе, слова из которой примешались сюда и заменили собой *на* и *ни*.

5) Иногда трудно определить, в какой форме представлено *дзу* — в приёгэнной или в заключительной. Приёгэнная форма может стать существительным, поэтому допустимо, что это—приёгэнная форма, но возможно, что это и заключительная форма, которой придан характер тайгэна. Пожалуй, второй вариант более правилен. *Сирадзуго*—'неизвестное слово', *киэдзуно хи* —'неугасающий огонь'. В таких примерах, как *оясирадзу* 'сирота' (букв. 'не знает родителей'), *цӯкитарадзу* 'недоношенный' (букв. 'не хватает месяцев'), естественно воспринимать *дзу* как заключительную форму. Имеются и другие интересные примеры: *нэдзумиирадзу* 'шкаф для продуктов' (букв. 'мыши не входят'), *нэкоирадзу* 'отрава для мы-

шей' (букв. 'кошка не требуется'), *мидзусирадзуно танин* 'совершенно чужой человек' (букв. 'чужой, [которого] не видели и не знают'). *Дзу* в словосочетании *кувадзугираи* 'предубеждение' является, вероятно, наречным употреблением приёгэнной формы (*кувадзу* 'не кушая'). Но к какой форме принадлежит *дзу* в примере: *ито омовадзу нари* (Тоса-никки) 'совсем неожиданно'?

6) Приведем следующий пример:

Вага ядо-но хаги-но ситаба ва акикадзэ мо имада фуканэба каку дзо момидэру (Маньёсю, 1628) 'Нижние листья на кусте хаги у моего жилища, хотя осенний ветер еще не подул, так краснеют'.

Обычно полагают, что *нэба* (это *нэ* — завершенная форма от *дзу*, в соединении с союзным служебным словом *ба*) имеет значение *ну ни* 'хотя не'. Саэки Умэтомо считает, что *ба* здесь—первоначальное *ва*, и пишет: «В древнем языке, как уже говорилось, встречаются случаи, когда в значении условия, выражаемого присоединением *ба* к завершенной форме, *ба* не присоединяется; исходя из того, что этот способ выражения древней, я допускаю предположение (хотя примеров и нет), что первоначально могло отсутствовать и *до*, *домо*. Например, возьмем предложение *акикадзэ мада фукадзу* 'еще не подул осенний ветер'; если оно должно служить условным подчиненным предложением и если сказать *акикадзэ но* (или *си*) *мада фуканэ*, возникает условное значение. Если сказать *акикадзэ ва* (или *косо*) *мада фуканэ* — налицо уступительное значение. А если сказать *акикадзэ мо* (или *дани*) *мада фуканэ*, то получится слегка уступительное значение, т. е. значение *ну-ни*. Для того чтобы подчеркнуть это значение, после *акикадзэ мо мада фуканэ*, как и после *акикадзэ-но мада фуканэ*, ставят *ва*. По фонетическим условиям *ва* переходит в *ба* и таким образом превращается в современное союзное служебное слово *ба*. Поскольку же в настоящее время *ба* употребляется только для выражения условного, а не уступительного значения, то и создается несколько странное впечатление»[90].

7) Если к незавершенной форме *дзу* присоединяется *ба*, то образуется обычно *дзумба*, т. е. происходит фонетическое изменение.

Сирадзумба варэ корэ-о осиэму (п. я.) 'Если не знаешь, то я это объясню'.

Здесь *ба* — союзное служебное слово. Не следует смешивать это *ба* с *ба*, образовавшимся от озвончения служебного слова *ва*, присоединенного к *дзу*. *Ба* в случае *сирадзумба арубэкарадзу* 'надо знать' (не должно быть, чтобы не знали) представляет собой озвонченное служебное слово *ва*.

Кё кодзуба асита ва юки то дзо фуринамаси киэдзу ва аритомо хана то мимаси я (Кокинсю) 'Если бы [я] не пришел сегодня, то завтра [цветы вишни] осыпались бы, как снег, но даже не тая показались ли бы [они мне] цветами?'

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

В этом стихотворении не нужно смешивать двух форм спряжения *дзу*. Первая — незавершенная, а вторая — приёгэнная.

2. *Дзари*

Этот служебный глагол состоит из соединения *дзу* и *ари*: *митатисэси сима-но арисо-о има мирэба* ***оидзариси*** *кӯса хаиникэру ка мо* (Манъёсӯ, 181) 'Если теперь посмотреть на каменистый берег острова, где [он] бывал, как разрослась трава, которая [раньше] **не росла**'.

Дарэ ка ва корэ-о аогитатэмацурадзарубэки (Дзиннӧ-сётоки) 'Кто же может этого не послушаться?'

Цуми-о никундэ соно хйто-о никумадзарэ (п. я.) 'Ненавидя преступление, не питай ненависти к этому человеку'.

Заключительная форма в период Хэйан и ранее не встречалась.

Нельзя смешивать это *дзари* с другим *дзари*, образовавшимся из слияния служебного слова *дзо* и *ари*, например:

Тэру цӯки-но нагаруру мирэба ама-но кава идзуру минато ва уми-ни ***дзарикэру*** (Тоса-никки) 'Когда смотришь, как плывет светящая луна, то [кажется, что] гавань, из которой вытекает небесная река (млечный путь), **находится** в море'.

Когда к *дзари* присоединяется *нари*, *дзари* принимает приименную форму, но окончание *ру* при этом выпадает:

Авадзанару *Кагуяхимэ ва икабакари-но онна дзо* (Такэторимоногатари) 'Что за женщина Кугуяхимэ, с которой [я] **не встречался**?'

3. *Дзи*

В то время как *дзу* передает категорическое отрицание, *дзи* является словом, выражающим отрицание несколько нерешительно. Следовательно, *дзи* содержит в себе субъективный оттенок и предположительный смысл. Именно поэтому *дзи* располагают между *дзу* и *мадзи*. Расстояние между *дзи* и *дзу* сравнительно небольшое. Встречаются примеры на три формы: заключительную, приименную и редко незавершенную:

...кими-га куюбэки кокоро ва ***мотадзи*** (Манъёсӯ, 3365) '...**не будешь иметь** чувства, что тебе надо раскаиваться'.

Кадзэ-ни косо ***сирарэдзи*** (Синдзоку-Кокинсю) 'по молве (букв. 'по ветру') **не узнать**'.

Других примеров на завершенную форму *дзи*, кроме последнего, нет, поэтому достоверность ее существования сомнительна. *Дзи* в случае *макэдзи тамасии* 'непобедимый дух' можно назвать примером приименной формы. К *дзи* часто присоединяется вопросительное служебное слово *ка* и редко *я*.

Кроме того, *дзи* употребляется для выражения решимости, что видно из примера:

Ё-ва кэсситэ тагон сэдзи (п. я.) 'Я ни в коем случае не проговорюсь'.

4. *Мадзи*

Мадзи — служебный глагол отрицания, более чем *дзи* носящий характер предположительности. В памятниках периода Нара он не встречается.

... *насакэ-оба э-таномумадзику омоитамаэтэ хабэри* (Гэндзи-моногатари) '... думаю, что **нельзя полагаться** на чувства...'

Мэдзураканару кото томо кокоро мо одорокумадзи (Гэндзи-моногатари) 'Хотя [это] редкостно, но сердце [его] не взволнуется'.

В следующем примере показано, что приёгэнная форма *мадзику* благодаря фонетическим изменениям превратилась в *мадзиу* (→*мадзю*).

Соно моно-то мо миюмадзю... (Гэндзи-моногатари) 'не кажется этим...'

Такое фонетическое изменение *ку* в *у* часто встречается в период Хэйан, а фонетическое изменение *ки* в *и*, т. е. *мадзики* в *мадзии*, впервые появляется в период Камакура.

... *нанору кото ва арумадзии дзо* (Хэйкэ-моногатари) '... вряд ли [он] себя назовет'.

Разговорный служебный глагол *май* произошел от *мадзи* и появился впервые в период Муромати.

Йумадзики кото (*йубэкарадзару кото*) 'то, о чем не нужно говорить', *сумадзики вадза* (*ситэ ва нарану вадза*) 'дело, которое не нужно делать', *оёбумадзики курай* (*тассуру кото-но фуканбна курай*) 'степень, которую трудно достигнуть' — в этих примерах *мадзи* выражает отрицание естественной возможности. Оно выражает также отрицание предположения и решимости.

В период Нара существовал служебный глагол *масидзи*, из которого, как полагают, произошел *мадзи*.

Яма коэтэ уми ватару томо омосироки Имасиро-но нака ва васурарюмасидзи (Нихонсёки) 'хотя бы перешел через горы, переплыл моря, **не забыть** замечательного Имасиро'.

... *са нэдзу ва цуйни арикацумасидзи* (Маньёсю, 94) '...в конце концов, **вряд ли может быть**, чтобы так не спать'.

Тадано (直の) *ау ва аикацумасидзи Исикава-ни кумо тативатарэ мицуцу синубаму* (Маньёсю, 995) 'прямая встреча — **вряд ли возможно встретиться** [с тобой], буду тосковать, глядя, как над рекой Исикава проходят облака'.

Масидзи в приведенных примерах выражает предположительное отрицание действительности и, видимо, спрягается по типу прилагательных. *Масидзи* в большинстве случаев употреблялся

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

с глаголами нижнего двухступенчатого спряжения, имевшими значение *тау* 'терпеть', *ау* (敢ふ) 'сметь', *у* 'мочь' (большинство этих глаголов употребляется суффиксально или вспомогательно). Саэки Умэтомо считает, что *дзи* противополагается *му*, а *масидзи* — *бэси*.

Приёгэнная форма *мадзику*, соединяясь с *ари*, образует форму *мадзикари* (некоторые считают, что *мадзикари* образовано из *мадзи* и *кари*).

Накиато (亡き後) *мадэ хйто-но мунэ* ***акумадзикарикэру*** *горан ка на* (Гэндзи-моногатари) 'Посмотрите, даже после смерти душа человека **вряд ли насытится**'.

Кроме перечисленных *дзу*, *дзари*, *дзи* и *мадзи*, некоторые зачисляют в группу служебных глаголов отрицания и *на*, встречающееся в таком употреблении: *хару-о васурэру* ***на*** 'не забывай весны', *итадзурани сину* ***на*** 'не умирай напрасно', *хару* ***на*** *васурэ со* 'не забудь весны', *итадзурани* ***на*** *сини со* 'не умирай напрасно'. Мицуя Сигэмацу говорит: «Это *на* можно рассматривать и как наречие, но правильнее считать его особым служебным глаголом»[91]. Однако служебные глаголы не могут употребляться префиксально, поэтому *на* нельзя считать служебным глаголом. Некоторые считают *на* служебным словом. Можно было бы согласиться с тем, что *на* — служебное слово, но префиксальное употребление не согласуется с употреблением служебных слов. В таком случае *на* следует считать наречием, но как наречие оно потеряло свойственную слову определенность понятия. По месту расположения *на* нужно считать наречием, а по значению — служебным словом, так что приходится колебаться между этими двумя категориями. Однако недавно Икэда Хэйдзи произвел по памятникам историческое изучение форм выражения запрещения и опубликовал подробное исследование истории их возникновения и развития. В этой работе он, конечно, изучал также *на* и, касаясь вопроса о принадлежности *на* к той или иной части речи, привел серьезные основания в подкрепление мнения Ямада Ёсио о том, что *на* является служебным словом. Икэда пишет:

«Д-р Ямада уже указал, что хотя *на* употребляется слитно с ёгэном, его относят и к соотносительным, и к наречным, а иногда и к междометийным служебным словам. Случаев, когда односложное слово является наречием, автор не знает. Односложные междометийные служебные слова в древности встречались, но весьма редко; большинство из них — соотносительные служебные слова *мо*, *дзо*, *ка*, *я*. В таком случае *на*, употреблявшееся так же, как соотносительные служебные слова, например *омои на ваби со* 'не огорчайся' (*омоивабу* 'расстраиваться, огорчаться'), *омои на идэ со* 'не вспоминай' (*омоидзу* 'вспоминать'), пожалуй, можно также считать соотносительным служебным словом. Но полным отличием от других соотносительных служебных слов является то,

что *на* может стоять и в начале слова, например: *на ваби вага сэко* 'не горюй, мой милый', *на юки со* 'не иди'. Другие соотносительные слова стоять в такой позиции не могут. На этом, прежде всего, и основано отнесение *на* к наречиям. И это же представляет камень преткновения при отнесении *на* к служебным словам. Кстати, эта особая способность совершенно не затронута у Ямада, ни в «Ниппон бумпо̄рон», ни в недавно вышедшей работе «Ниппон бумпо ёрон». Однако автор полагает, что он в состоянии, исходя из истории возникновения служебных слов в японском языке, дать объяснение данному явлению. Служебные слова японского языка в далеком прошлом были самостоятельными словами, обозначавшими определенные понятия. Со временем их понятийное значение стало тускнеть. Абстрагировалась только грамматическая функция, и в конце концов они стали зависеть от других слов и превратились в вспомогательные элементы, выражающие грамматические отношения между словами; это сейчас признано всеми. В соседнем языке айну, в народных песнях и в разговорной речи отчетливо можно наблюдать этот процесс перехода от наречий к падежным служебным словам и далее к падежным окончаниям... Можно полагать, что и в японском языке, несомненно, существовал подобный период. Может быть, *на* ранее было отрицательным наречием и постепенно превратилось в служебное слово, но, с другой стороны, сохранило старый способ употребления, а именно возможность стоять в начале слова. По способности стоять после ёгэна и вклиниваться в сложный глагол *на*, безусловно, нужно считать служебным словом, а вместе с тем, в отличие от других служебных слов, оно сохраняет наречный характер»[92]. Я думаю, эта теория дает новое разрешение вопроса о принадлежности *на* к определенной части речи.

XII. СЛУЖЕБНЫЕ ГЛАГОЛЫ ПАССИВА РАЗГОВОРНОГО ЯЗЫКА

Служебными глаголами пассива разговорного языка являются два слова: *рэру* и *рарэру*. Они соотносятся со служебными глаголами пассива письменного языка *ру* и *рару*. Эти глаголы спрягаются и присоединяются следующим образом:

Рэру: 1) рэ, 2) *рэ*, 3) *рэру*, 4) *рэру*, 5) *рэрэ*, 6) *рэё*, *рэро*. Присоединяется к незавершенной форме глаголов четырехступенчатого спряжения.

Рарэру: 1) *рарэ*, 2) *рарэ*, 3) *рарэру*, 4) *рарэру*, 5) *рарэрэ*, 6) *рарэё*, *рарэро*. Присоединяется к незавершенной форме глаголов всех спряжений, кроме четырехступенчатого.

Дзэнрёна кодомо ва мэттани сикарарэнай 'Хороший ребенок редко браним'.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Варуй кодомо ва мэттани хомэрарэнай 'Плохой ребенок редко хвалим'.

Если рассматривать формы спряжения этих служебных глаголов, так же, как рассматривается соотношение между основой и окончанием у предикативных прилагательных и глаголов, то *рэ* и *рарэ*, поскольку они имеются во всех формах,— основа, а окончанием в заключительной и приименной формах служит *ру*, в условной форме — *рэ* и в повелительной форме — *ё* или *ро*. В незавершенной и приёгэнной формах нет особого окончания, потому что употребляется сама основа. Но поскольку считается, что у служебных глаголов нет основы и окончания, традиционно их формы спряжения указываются так, как сделано выше. Этим служебные глаголы отличаются от самостоятельных, на что следует обратить внимание. То же относится и к служебным глаголам письменного языка.

В пункте 6 «Допустимых отклонений от грамматических норм» говорится: «Не возбраняется... употреблять *сару*, когда полагается говорить *сэрару*. Например, *хэсару* 'быть оцениваемым', *кайсяку-сару* 'быть истолкованным'. Отклонения, допустимые в отношении письменного языка, можно применить и по отношению к разговорному языку, а именно: если *рарэру* присоединяется к глаголу *суру* в незавершенной форме, то *сэрарэру*, путем слияния *сэ* из основного глагола и начального *ра* из служебного глагола, в *са*, сокращается в *сарэру*: *с(эр)арэру→сарэру*. Короче говоря, в *са* от *сарэру* входит *с* из основного глагола и *а* из служебного глагола, но они настолько слились, что нет необходимости проводить такое подробное изыскание. Нужно только учесть, что *сарэру* — это не соединение окончания глаголов четырехступенчатого спряжения *са* со служебным глаголом *рэру*, а результат слияния *сэ* из *суру* и *ра* из *рарэру*. В данном случае служебный глагол как таковой исчезает, а появляется новый глагол нижнего одноступенчатого спряжения, имеющий значение пассива. Его можно назвать пассивным глаголом, поэтому слово *сарэру*, например в *цуйкю-сарэру* 'быть исследуемым', может быть истолковано двояко:

1) Как *сарэру* из пассивного глагола *цуйкю-сарэру*, сокращенного из *цуйкю-сэрарэру*. В этом случае *цуйкю* будет основой глагола.

2) Как глагол *сарэру*, возникший из сокращения *сэрарэру* 'быть сделанным', имеющий значение пассива и присоединенный к тайгэну *цуйкю*. В этом случае *цуйкю* не является основой глагола: общее значение—*цуйкю-о сэрарэру*.

Можно в зависимости от обстоятельств применить *любое* из этих двух толкований, но обычно принято первое.

Если к переходному глаголу присоединяется служебный глагол пассива, то при его сокращении образуется новый глагол четырехступенчатого спряжения, и, таким образом, переходный

глагол превращается в непереходный: *идакарэру — идакару* 'быть обнятым', *тасўкэрарэру — тасўкару* 'быть вызволенным', 'получить помощь'.

Рэ в таких словах, как *хйтовараварэ* 'посмешище', *о-ёбарэ* 'приглашение (получаемое)', является приёгэнной формой от страдательного *рэру*, но слово благодаря присоединению *рэ* превратилось в существительное.

«В примере *кодомо-га ину-ни* ***камарэру*** 'ребенок укушен собакой' *кама* является действием собаки, а *рэру* — действием ребенка. *Кама* как высказывание неопределенно и словом не является, *рэру* имеет только формальное значение и само по себе не составляет слова. Только с образованием *камарэру* получается слово. *Камарэру* — это пассивное действие ребенка, имеющее материалом действие собаки»[93]. Трудно согласиться с этим мнением Мацусита Дайдзабуро. То, что называется действием, должно быть обязательно выражено знаменательным словом, и нельзя считать, что такие формальные слова, как служебные глаголы, выражают действие. *Каму* 'кусать', конечно, является действием собаки, но чтобы выразить то, что *кодомо* 'ребенок' (являющийся подлежащим) подвергся действию укуса собакой, добавляют служебный глагол *рэру*. В соответствии с порядком его присоединения, глагол *каму* принимает незавершенную форму *кама*. «*Ину* 'собака' связано с *рэру* и не имеет прямого отношения к *кама*, а лишь косвенное, благодаря связи с *рэру*»,— продолжает Мацусита[94]. Следующее его предложение требует некоторого изучения. «Пассивом (хидо 被動) называется такое явление, при котором некто (из примера *кодомо*) подвергается некоему действию со стороны другого (*ину*), поэтому пассив выражает именно то, что кто-либо подвергается действию (*рэру*), т. е. сам этот процесс, а не вещественное значение сказуемого (*кама*)»[95]. С этим можно согласиться только при следующем толковании: служебный глагол пассива не обозначает понятия как такового; в отношении любого действия он выражает формальный характер, а именно, действие надвигается со стороны (т. е. ему подвергаются). Он выражает не само действие, а формальный характер получения действия. Сказанное относится не только к служебным глаголам пассива, но и ко всем служебным глаголам.

В нижеследующих предложениях пассив имеется, но, строго говоря, он различен.

Карэ ва тити-ни сйкарарэта 'Он был выбранен отцом'.

Карэ ва тити-ни синарэта 'У него умер отец' [24].

В первом примере *карэ* подвергается действию *сикару* 'бранить' непосредственно, во втором *карэ* испытывает влияние действия *сину* 'умереть' косвенно. Различие возникает не из служебного глагола пассива *рэру*, а из того, что глагол *сйкару* — переходный глагол, а глагол *сину* — непереходный. Вот почему в

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

японском языке непереходные глаголы можно назвать пассивными, и в этом состоит отличие японского языка от английского.

Служебные глаголы пассива *рэру* и *рарэру* могут выражать также и возможность. В этом случае они спрягаются и присоединяются так же, как при пассиве.

Корэгурайно хон нара ватакўси мо ёмарэру 'Если это такая книга, то и я могу ее читать'.

Ватакўси ва тотэмо аса годзи-ни ва окирарэнай 'Я никак не могу вставать в 5 часов утра'.

Однако пассив имеет повелительную форму, но потенциалис такой формы не имеет.

Сихэн-га кадзэ-дэ фукитобасарэта 'Обрывки бумаги унесены ветром'.

Это пример на пассив, в котором, кроме подлежащего *сихэн* 'обрывки бумаги', необходимо слово *кадзэ* 'ветер', обозначающее то, что непосредственно производит действие *фукитобасу* (правда, оно может в предложении и не появляться, хотя говорящий непременно его себе представляет). Однако в потенциалисе слово, соответствующее *кадзэ*, не нужно. Указанные два момента и служат различием между пассивом и потенциалисом. Некоторые ученые на этом основании различают служебные глаголы пассива и потенциалиса.

Когда потенциальный *рарэру* присоединяется к глаголу неправильного спряжения *суру*, то так же, как и при пассиве, в *сэ*, т. е. первой форме спряжения глагола *суру*, и в *ра* от *рарэру* выпадают соответственно *э* и *р* и вместо *сэрарэру* получается *сарэру*. Таким образом, можно считать, что служебный глагол исчезает, а появляется новый потенциальный глагол, спрягающийся по нижнему одноступенчатому спряжению. Следовательно; *сарэру* в слове *ундо̄-сарэру* 'быть движимым' допускает двоякое толкование, о котором шла речь на стр. 435.

Когда потенциальный *рэру* присоединяется к глаголам четырехступенчатого спряжения, то звук *а* окончания незавершенной формы глагола и начальное *рэ* от служебного глагола *рэру*, сливаясь, превращаются в *э* и тогда глагол спрягается по нижнему одноступенчатому спряжению. В подобном случае служебный глагол как часть речи исчезает и получается новый потенциальный глагол нижнего одноступенчатого спряжения. Такое явление наблюдается только у потенциального *рэру*, а у пассива этого явления не происходит. Примеры: *какарэру* → *какэру* 'быть в состоянии писать', *тобарэру* → *тобэру* 'быть в состоянии летать'.

По данному вопросу Оцуки Фумихико пишет: «*Катару* 'быть в состоянии победить', *торару* 'быть в состоянии брать' в разговорном языке принимают вид *катэру*, *торэру* (нижнее одноступенчатое спряжение) и образуют своего рода потенциальный залог (*сэйсо̄*

勢相), однако данное явление ограничивается глаголами четырехступенчатого спряжения. Эти глаголы потенциального залога являются сокращением от *катиэру, ториэру* (勝ち得る, 取り得る)»[96]. Такова точка зрения Оцуки Фумихико. Во всяком случае, образованное слово может рассматриваться как одно слово. Того же мнения придерживается и Юдзава Кокитиро[97]. Подобное явление не возникает в пассиве, за исключением глагола *сирарэру*, который в сокращенной форме *сирэру* 'быть известным' употребляется как в пассиве ('быть известным'), так и в потенциалисе ('быть в состоянии знать').

Хйто-ни сирарэру то комару 'Если люди узнают (букв. 'если станет известно людям'), будет нехорошо' (пассив).

Сагасйта га сирарэнай 'Искал, но не мог узнать' (потенциалис).

Такое же явление наблюдается и в письменном языке. Пример на пассив:

Хйто сирэдзу омоэба куруси... (Кокинсю) 'Так как [я] тоскую, будучи незнаем людьми, [мне] тяжко'.

Следующий пример на подобное явление в письменном языке — потенциалис *ёмэдзару* — сокращенная форма от *ёмарэдзару*.

Мэ-ни ва миюрэдо ёмэдзару хйто-о акимэкура то йу 'Людей, которые хотя и видят, но не могут читать, называют зрячими слепцами'.

Когда потенциальный *рарэру* присоединяется в разговорном языке к неправильному глаголу *суру*, возникает то же явление, и образовавшийся глагол превращается в потенциальный глагол нижнего одноступенчатого спряжения, *рякўсэрарэру→рякўсэру* 'быть в состоянии сокращать', *якўсэрарэру→якўсэру* 'быть в состоянии переводить'.

Вышеприведенные глаголы *якўсуру* 'переводить', *рякўсуру* 'сокращать', как уже говорилось выше, могут рассматриваться как глаголы четырехступенчатого спряжения разговорного языка, происшедшие из глаголов неправильного спряжения по столбцу *са* письменного языка. Тогда (как и со словом *какарэру →какэру* 'быть в состоянии писать'), пожалуй, правильнее предполагать, что эти формы образовались так: *рякўсарэру→рякўсэру, якўсарэру→якўсэру*.

Наоборот, когда к глаголам нижнего одноступенчатого спряжения присоединяется потенциальный *рарэру*, то конечный звук *э* незавершенной формы глагола и начальный *ра* от служебного глагола *рарэру* сливаются и образуют звук *а*, а сам глагол переходит в четырехступенчатое спряжение. В таком случае служебный глагол исчезает, а возникает новый глагол, который следует считать потенциальным глаголом четырехступенчатого спряжения. Данное явление ограничивается только применением *рарэру* как потенциального служебного глагола. *Укэрарэру→укару* 'быть в состоянии получать', *курабэрарэру→курабару* 'быть в состоянии

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

сравнивать'. Однако это возможно не для всех глаголов нижнего одноступенчатого спряжения, а только для некоторых.

Дэкиру в следующем примере является не служебным, а самостоятельным глаголом:

Сонна бакана манэ ва ватакӯси-ни ва дэкинай 'Так глупо себя вести я не могу'.

В районе Кансай перед глаголом ставят *ё̄* и употребляют его в случае отрицания возможности *ё̄-ёманӯ* 'не могу читать', *ё̄-иванӯ* 'не могу говорить'. Возможно, *ё̄* произошло от наречия *э* письменного языка *э-ёмадзу* 'не читаю', *э-ивадзу* 'не говорю', или же от наречия *ёку* (能く), превратившегося в *ё̄*. В любом случае, это — наречие, а не служебный глагол, и, следовательно, его нельзя приравнивать к *на* запретительному.

Рэру и *рарэру*, выражающие возможность, могут обозначать также и самопроизвольное действие. Поэтому-то их и называют служебными глаголами самопроизвольного действия или служебными глаголами естественной возможности. В настоящей работе я придерживаюсь того мнения, что это один из способов использования служебных глаголов потенциальности.

Аки-но юки-о миру то кокё̄-но кото-га омоидасарэру 'Когда я смотрю на осенние облака, то мне вспоминается [моя] родина'.

Кодомо-но сёрай-га андзирарэру 'Меня беспокоит будущность детей'.

Омосирой ханаси ва сиранӯ айда-ни обоэрарэру 'Интересный разговор запоминается надолго'.

Бывает, что служебные глаголы потенциальности присоединяются в таком значении к самостоятельным глаголам и образуют одно целое, например *накарэру→накэру*:

Дзисёя-но сибай-о митэ иру то накэтэ куру 'Когда я смотрю спектакли Дзисёя, то так и плачется'.

Накэру в приведенном примере можно назвать глаголом самопроизвольного действия нижнего одноступенчатого спряжения.

Рэру и *рарэру* употребляются также для выражения вежливости. В подобных случаях они спрягаются и присоединяются так же, как у пассива. но не имеют повелительной формы.

Ананата ва нандэмо ёку ситтэ орарэмасӯ нэ 'Вы изволите все хорошо знать'.

Отōсама ва ицу каэттэ корарэру но дэсӯ ка 'Когда изволит вернуться ваш отец?'

Вежливое *рарэру*, присоединяясь к неправильному глаголу *суру*, образует формы *сэрарэру→сарэру*. Первое слово превращается в вежливый глагол нижнего одноступенчатого спряжения, второе имеет то же значение, что и несокращенная форма, как и в случае с пассивом. Следовательно, *сарэру* в слове *бэнкё̄-сарэру* 'заниматься' (вежливо) может, так же как и в пассиве, иметь двоякое толкование.

XIII. СЛУЖЕБНЫЕ ГЛАГОЛЫ КАУЗАТИВА РАЗГОВОРНОГО ЯЗЫКА

Соответственно служебным глаголам каузатива письменного языка *су* и *сасу*, в разговорном языке служебными глаголами каузатива являются два слова: *сэру* и *сасэру*.

Побудительный служебный глагол *симу* письменного языка не имеет соответствия в разговорном языке, но в последнее время постепенно стал входить в употребление в письменном стиле разговорного языка служебный глагол *симу*, который спрягается по нижнему одноступенчатому спряжению.

Таблица 62

Спряжение *сэру, сасэру, симэру*

	Незавершенная форма	Приёгэнная форма	Заключительная форма	Применная форма	Условная форма	Повелительная форма	Сочетаемость
сэру	*сэ*	*сэ*	*сэру*	*сэру*	*сэрэ*	*сэё* *сэро*	Присоединяется к незавершенной форме глаголов четырехступенчатого спряжения
сасэру	*сасэ*	*сасэ*	*сасэру*	*сасэру*	*сасэрэ*	*сасэё* *сасэро*	Присоединяется к незавершенной форме всех других глаголов
симэру	*симэ*	*симэ*	*симэру*	*симэру*	*симэрэ*	*симэё* *симэро*	Присоединяется к незавершенной форме всех глаголов

Тити ва кодомо-ни сйкэн-о укэсасэру ‘Отец побуждает ребенка держать экзамен’.

Хонсё-ва дэсаки канкэн-о сйтэ гэнти косё-ни атэрасимэру хадзу дэ ару ‘Данное министерство должно возложить переговоры на местные власти’.

Некоторые лица употребляют *сэру* и *сасэру* как неправильный глагол *суру*, но, строго говоря, — это ошибка.

Вакай моно-ни ва дэкирудакэ рикуцу-о ивасйтэ яру га ёй ‘Нужно побудить молодых людей говорить по возможности обоснованно’.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Нандэмо омотта кото-о ивасу хō-га ёй 'Лучше дать сказать все, что [они] думают'.

Уму-о ивасанайдэ хиттораэта 'Схватил, не дав сказать, есть или нет'.

Встречавшиеся в «кёгэн» и «сёномоно» формы *корасасимэ*, *юкасимэ*, *осиэсасимэ* — остатки служебного глагола письменного языка *симу*, и в тот период употреблялись как формы вежливости.

Когда *сасэру* присоединяется к неправильному глаголу *суру*, в его незавершенной форме *сэ* должно образоваться *сэсасэру*, но в *сэ* от глагола *суру* и в начальном *са* служебного глагола выпадают соответственно *э* и *с*, так что получается *сасэру*, т. е. образуется новый глагол нижнего одноступенчатого спряжения, который как каузатив выражает побуждение к совершению действия. Его называют каузативным глаголом.

Са (основа): 1) *сэ*, 2) *сэ*, 3) *сэру*, 4) *сэру*, 5) *сэрэ*, 6) *сэё*, *сэро*.

Заключительная форма глагола *сасэру* совпадает с служебным глаголом каузатива *сасэру*, но не нужно смешивать оба эти глагола. Так, служебный глагол, поскольку он является формальным словом, обязательно должен присоединяться к незавершенной форме самостоятельного глагола, выражающего понятие:

Дайку-га дэси-ни сигото-о ***сасэру*** 'Плотник побуждает подмастерье делать работу' (самостоятельный глагол).

Сюдзин-га гэнан-ни ки-о ***уэсасэру*** 'Хозяин побуждает слугу сажать деревья '(служебный глагол).

Когда служебный глагол каузатива *сасэру* присоединяется к глаголу, образовавшемуся из канго, как, например, в *бэнкё-суру*, то должно образоваться *бэнкё-сэсасэру*, но в *сэ* от самостоятельного глагола и в *са* от служебного глагола выпадают соответственно *э* и *с* и получается *бэнкё-сасэру*: (*с*(*эс*)*асэру*). Это такое же выпадение, как и у служебного глагола пассива.

Бывают случаи, когда слово с присоединенным к нему служебным глаголом каузатива рассматривается как существительное. Например, *хётосавагасэ* 'паника', *сирасэ* 'извещение', *омовасэбури* 'мистификация'. *Сэ* в этих примерах, несомненно, является приёгэнной формой от служебного глагола каузатива *сэру*.

Кроме того, следует обратить внимание и на следующее:

1) *Мисэру* 'показывать', *кисэру* 'одевать', 2) *Мисасэру*' побудить увидеть, дать посмотреть', *кисасэру* 'дать (побудить) надеть'. Не нужно смешивать эти две формы. Первые — это цельные самостоятельные глаголы нижнего одноступенчатого спряжения, к которым не присоединен никакой служебный глагол. Это глаголы разговорного языка, которые соответствуют глаголам нижнего двухступенчатого спряжения письменного языка: *мису*, *кису*. Вторые — это глаголы верхнего одноступенчатого спряжения разговорного языка—*миру* 'видеть', 'смотреть', *киру* 'надевать'—в не-

завершенной форме с присоединением служебного глагола каузатива *сасэру*.

В следующем примере выражено каузативно-пассивное значение. К самостоятельному глаголу присоединен служебный глагол каузатива, а затем служебный глагол пассива:

Исогасий токи-ни эмпō-э цўкаи-ни икасэрарэта 'В горячую пору [я] был вынужден поехать с поручением в далекие края'.

Служебные глаголы каузатива письменного языка *су*, *сасу*, *симу* употребляются как служебные глаголы вежливости, но служебные глаголы каузатива разговорного языка *сэру*, *сасэру* в таком употреблении не встречаются. Однако на Кюсю служебные глаголы каузатива *су* и *сасу* письменного языка употребляются как служебные глаголы разговорного языка, например *икасу* (в значении *о-идэ-ни нару*) 'идти' (вежливо), *мисасу* (в значении *горан-ни нару*) 'видеть, смотреть' (вежливо), но эти формы не распространены. В районе Тюгоку говорят *икассэру*, *икассяру*, *мисассэру*, *мисассяру*, но и эти формы не являются нормой. Они образованы соединением служебных глаголов каузатива письменного языка *су* и *сасу* и служебного глагола вежливости *рару*. Эти формы потеряли значение каузатива, сохранив лишь значение вежливости, причем употребляются такие сокращенные формы: *икасэрару→икассяру*, *мисасэрару→мисассяру*. В общее употребление вошли два слова, которые считаются самостоятельными, а не служебными глаголами: *оссяру* (в значении 'говорить' — очень вежливо), и *ирасся́ру* (в значении 'быть, приходить, уходить' — вежливо). Образование указанных слов можно объяснить двояко: 1) *осэ+рару→оссяру*, *ира+сэ+рару→ирассяру*; 2) *осэ+ару→оссяру*, *ира+сэ+ару→ирассяру*. Когда в письменном языке употребляли вместо *гёкō-су* 'посещать' (об императоре) *гёкō ари*, это означало вежливый способ выражения. Возможно, что по аналогии с этим стали употребляться формы, указанные во втором объяснении. Но если считать, что *икассяру* и *мисассяру* образовались из *икасэрару* и *мисасэрару*, то и *оссяру*, *ирассяру* должны были образоваться по первому типу.

Служебный глагол вежливости *рару* спрягается по нижнему двухступенчатому спряжению, поэтому и *оссяру*, *ирассяру* должны были бы спрягаться в разговорном языке по нижнему одноступенчатому спряжению; однако они изменяются по четырехступенчатому спряжению, и это говорит о том, что изменяется форма слова, меняется принадлежность к части речи, а вместе с тем меняется и спряжение. Таким образом, данные изменения ничего удивительного не представляют.

Не обосновано утверждение о том, что *ирассяру* произошло из *ирасэрару*, так как написание каной иероглифов 入る 'входить' и 居る 'быть' различно. Исходя из того, что в «сёномоно» встречаются формы *ирасиму* и *о-ири ару* 'входить' (вежливо), *ирас-*

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

сяру должно восходить к глаголу *иру* 'входить'. О спряжении *оссяру* и *ирассяру* сказано в разделе глаголов вежливости. *Оссяру* и *ирассяру* выражают почтительность. Имеются похожие на них *оки ару* (возможно, измененное *окияру*) 'вставать', *мияру* (возможно, измененное *ми ару*) 'смотреть'. В Кансайском наречии встречаются сходные формы: *окивару* в значении *окирарэру* 'вставать', *миявару* в значении *мирарэру* 'видеть', *кивару* в значении *корарэру* 'приходить' (все вежливые). Откуда произошли *хару* и *яхару*, мне неизвестно.

XIV. СЛУЖЕБНЫЕ ГЛАГОЛЫ ВЕЖЛИВОСТИ РАЗГОВОРНОГО ЯЗЫКА

Выше уже было сказано, что *рэру* и *рарэру* употребляются как служебные глаголы вежливости для выражения почтительности. Затем, они часто употребляются совместно с учтивым *масу*, о котором речь будет идти ниже. Кроме того, есть много глаголов, которые, собственно говоря, не являются служебными глаголами вежливости, но, употребляясь вспомогательно (можно сказать—и в роли служебных глаголов), выражают вежливость [25]. Ниже приводятся наиболее распространенные из них.

1. *Насару*

Это слово образовано из глагола четырехступенчатого спряжения письменного языка *насу*, к которому присоединен служебный глагол вежливости *ру* письменного языка; поэтому и в разговорном языке он употребляется как вежливый глагол четырехступенчатого спряжения со значением 'делать'. Кроме того, *насару* используется как вспомогательный вежливый глагол для выражения почтительности. Он спрягается и сочетается следующим образом:

Наса: 1) *ра*, 2) *и*, *ри*, *т*, 3) *ру*, 4) *ру*, 5) *рэ*, 6) *рэ*, *и*. Присоединяется к приёгэнной форме всех глаголов.

К глаголам, к которым присоединяется *насару*, обычно прибавляется вежливый префикс *о* или *го*:

Хаяку о-идэ насарэба маниаимасё̄ 'Если Вы скоро пожалуете, то успеем'.

В повелительной форме *насай* часто опускается, например: *о-идэ*! 'приходите!', *о-сувари*! 'садитесь!'. Это выражает известную близость отношений. Формы *о-идэ*, *о-сувари* не являются повелительными формами данных глаголов, что видно, если посмотреть на их формы спряжения. Конечно, это приёгэнные формы. Вот почему можно опустить и вспомогательный глагол *насай*. Однако форма *мий* представляет собой изменение *миё*, а не сокращение от *ми насай*. Следовательно, в ней нет ни почтительности, ни интимности.

В формах *о-идэна*, *о-суварина* от *насай* осталось только *на*, а степень почтительности уменьшена. Далее, опуская префикс *о*, говорят просто *агарина* 'входите', *суварина* 'садитесь'. Здесь уже совершенно отсутствует оттенок почтительности. Это *на* является остатком от вспомогательного глагола, и его можно считать своего рода заключительным служебным словом.

Насару в *го-бэнкэ̄ насару* 'заниматься' (очень вежливо) представляет собой не вспомогательный, а самостоятельный вежливый глагол. Следовательно, *го-бэнкэ̄* 'занятия' — это существительное, которое находится в положении слова-объекта по отношению к к *насару*. Если говорить точно, то после *го-бэнкэ̄* нужно поставить падежное служебное слово *о*, но здесь оно опущено. На первый взгляд может показаться, что здесь как будто наличествует основа неправильного глагола *бэнкэ̄-суру*, но это не так. Если бы был неправильный глагол *бэнкэ̄-суру*, то, естественно, должно было бы появиться и окончание его приёгэнной формы *си*, как показано ниже (хотя в действительности такая форма не очень употребительна): *го-бэнкэ̄-синасару*. Но и в данном примере *го-бэнкэ̄* можно считать существительным, а *си* — приёгэнной формой от неправильного глагола *суру* (т. е. и здесь опущен падежный суффикс *-о*). Таким образом, *насару* — не самостоятельный, а вспомогательный глагол. Некоторые ученые утверждают, что и в *о-каэри насару* 'возвращаться' (вежливо) после *о-каэри* опущено *о*, но ведь *о-каэри* является чистой приёгэнной формой от глагола четырехступенчатого спряжения по столбцу *ра*, поэтому следующий за ней *насару* можно рассматривать как вспомогательный глагол. Иногда к глаголам, имеющим префикс *о*, не добавляют *насару*. Иногда же вместо *о-ки насару* 'приходить' говорят *ки насару* (вежливее—*о-йдэ насару*), вместо *о-юки насару* 'идите' говорят *юки насару* (вежливее тоже — *о-йдэ насару*), вместо *о-куи насару* 'кушать'—*куи насару* (вежливее — *о-табэ насару*), вместо *о-ми насару* 'смотреть'—*ми насару* (вежливее — *горан насару*).

2. *Асобасу*

Оно образовано из глагола четырехступенчатого спряжения письменного языка *асобу*, к которому присоединен вежливый служебный глагол письменного языка *су*, поэтому и в разговорном языке оно употребляется как вежливый глагол четырехступенчатого спряжения со значением 'делать'. Кроме того, *асобасу* употребляется в качестве вежливого вспомогательного глагола для обозначения почтительности по отношению к собеседнику. Он спрягается и сочетается следующим образом:

Асоба: 1) *си*, 2) *си*, 3) *су*, 4) *су*, 5) *сэ*, 6) *сэ*. Присоединяется к приёгэнной форме всех глаголов.

К глаголам, с которыми сочетается *асобасу*, также прибавляется

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

вежливый префикс *о* или *го*, например: *хаяку о-каэри асобасэ* 'быстрее возвращайтесь' (очень вежливо). Такое выражение несколько аристократично, так как степень вежливости бóльшая, чем обычно.

Асобасу в примере *го-ансин асобасу дэсē* 'надеюсь, что [Вы] изволите чувствовать себя хорошо' является самостоятельным вежливым, а не вспомогательным глаголом. Следовательно, относительно *го-ансин* можно повторить все то, что выше говорилось о *го-бэнкē* в сочетании с *насару*.

Бывает, что при *насару* префикс *о* или *го* перед глаголом опускается, но при *асобасу* употребление префикса обязательно. Не говорят *о-ки асобасу*, а *о-йдэ асобасу*, не *о-куи асобасу*, а *о-агари асобасу*, не *о-ми асобасу*, а *горан асобасу*. Вместо *сигото-о си-асобасу* 'делать работу' говорят *сигото-о насару* или *сигото-о асобасу*. В этом случае *насару* и *асобасу* не вспомогательные, а самостоятельные глаголы.

3. *Ни нару*

Это — словосочетание-слово, образованное из падежного служебного слова *ни* и самостоятельного глагола *нару* 'становиться, делаться'. В письменном языке в *гēкō ари* 'посещать' (об императоре) *ари* 'быть' выражает естественное бытие, поэтому вежливое значение передается благодаря тому, что о действии говорится не прямо, а так, как будто оно происходит само собой. Что косвенное выражение является более почтительным, чем прямое, видно из примеров: словом *ин* 'императорские покои' выражают значение *дзēкō* 'экс-император', слово *доно* 'дворец' — титул.

О-йдэ-ни нару 'приходить', *о-ясуми-ни нару* 'отдыхать'; возникает вопрос, рассматривать ли здесь *ни нару* как служебный глагол? Если учитывать, что все глаголы перед *ни нару* стоят в приёгэнной форме, то его можно приравнять к *насару* и *асобасу*, но в таких случаях, как *го-сампо-ни нару* 'гулять', *гоан-ни нару* 'смотреть', нельзя полагать, что опущено *си*, являющееся приёгэнной формой от несуществующих *го-сампо-си-ни нару*, *горандзи-ни нару*. Как и в случаях с *насару* и *асобасу*, слова типа *го-сампо*, *горан*, т. е. канго, следует рассматривать в качестве существительных. То же относится и к приведенным примерам. Если сопоставить указанные слова с *о-йдэ* и *о-ясуми*, то нужно признать, что эти приёгэнные формы превратились в существительное, с которым сочетается *ни нару*. Вот почему в «Приложении к грамматике разговорного языка» сказано: «Вежливые глаголы *насару* и *асобасу* представляют собой вежливые выражения вместо *суру*; следовательно, *о-каэри насару*, *о-ёми асобасу* имеет значение *о-каэри-о насару* 'делать возвращение', *о-ёми-о асобасу* 'делать чтение'. Если же опустить *о* и сразу присоединить глагол, то получится лишь веж-

ливое выражение со значением 'возвращаться', 'читать'. Таким образом, *насару* и *асобасу* становятся служебными глаголами. Подобное значение имеют *кудасару*, *итасу*, *цӳкамацуру*, *мōсу*»[98].

Поскольку между *ни* и *нару* можно вставить служебное слово, как это видно из нижеследующего примера, постольку *ни* является служебным словом, а *нару* — глаголом, а именно — вспомогательным глаголом.

мада о-каэри-ни ***ва*** *наримасэн ка* 'Еще не возвращаетесь?'

о-каэри-ни ***ва*** *мада наримасэн ка* 'Не возвращаетесь еще?'

Из следующих примеров видно, что слово перед *ни нару* является существительным, а *ни нару* — составным словом из служебного слова *ни* и вспомогательного глагола *нару*, так что в настоящее время нельзя считать его одним целым служебным глаголом.

О-хи-ни нару (お日になる)—в значении 'вставать'(очень вежливо), *о-ё-ни нару* (お夜になる)—в значении 'ложиться спать' (очень вежливо) (*о-ёру* — вежливое слово в значении 'ложиться спать'. Так как *ру* образует глаголы почти с любым слогом годзюона, то, видимо, и *ру* в слове *ёру* 'ночь' было принято за окончание глагола. Например, *о-ёттэ ирассяру* в значении 'спать' [очень вежливо], *о-хи-ни наримасэ* в значении 'доброе утро').

Хосина Коити, приводя примеры *конгэцу-но суэ-ни Ёкохама-ни о-цӳки-ни наримасӳ* 'В конце этого месяца приедет в Иокогама', *Кō-кун-о о-тадзунэ-ни наримасӳ ка*? 'Посещаете ли г-на А?', *Сёсэй-о исоидэ о-ёбӣ-ни натта* 'Поспешно позвал ученика', пишет:

«Полагаю, что вопрос о том, каков характер слов *о-цӳки*, *о-тадзунэ*, *о-ёби*, подлежит изучению: все они принимают после себя служебное слово *ни*, поэтому их можно считать существительными, однако, с другой стороны, поскольку они принимают словообъект как *сёсэй-о*, *Ко-кун-о*, то их необходимо считать глаголами. Во всяком случае, это не чистое существительное, а нечто похожее на gerund в английской грамматике. Поэтому лучше будет считать их именными глаголами (мэйсисэйно дōси 名詞性の動詞)»[99]. Иначе говоря, их можно назвать словами двоякой природы.

4. *Кудасару*

Это слово образовано из глагола четырехступенчатого спряжения письменного языка *кудасу*, к которому присоединен служебный глагол вежливости письменного языка *ру*. В разговорном языке он употребляется как самостоятельный глагол четырехступенчатого спряжения со значением 'давать' (высший — низшему), а также и как вежливый вспомогательный глагол. *Кудасару* используется для вежливого выражения действия, направленного на говорящего. Он спрягается и сочетается следующим образом:

Кудаса: 1) *ра*, 2) *ри*, *и*, *т*, 3) *ру*, 4) *ру*, 5) *рэ*, 6) *рэ*, *и*. Сочетается с приёгэнной формой всех глаголов.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Сӯкоси о-мати кудасаранакэрэба наранӯ то омоимасӯ 'Полагаю, что вам нужно немного обождать'.

Сӯкоси о-мати кудасай (*кудасари*) *масэ* 'Пожалуйста, немного обождите'.

По присоединению префиксов *о* и *го* к предшествующему глаголу *кудасару* похож на *насару* и *асобасу*. В *о-кики кудасару* 'слушать' *кудасару* — вспомогательный глагол, но в *горан кудасару* 'смотреть', *го-сёдаку кудасару* 'соглашаться' его можно считать самостоятельным глаголом. Нельзя думать, что здесь опущено *си* (приёгэнная форма глагола *суру*) из несуществующих форм *горандзи кудасару*, *сёдаку-си кудасару*. Слова *горан* и *го-сёдаку* — существительные, а *кудасару*—самостоятельный глагол, т. е. здесь присутствует значение *горан-о кудасару*, *го-сёдаку-о кудасару*. Однако, поскольку *кудасару* фактически не является в такой степени знаменательным, как самостоятельный глагол, то это дает основание называть его вспомогательным глаголом, образующим в таких случаях вежливое выражение понятий 'смотреть', 'соглашаться'. Это явно видно из следующих примеров, где между *кудасару* и приёгэнной формой самостоятельного глагола вставлено служебное слово *тэ* (в этом случае префикс *о* обычно не прибавляется): *маттэ кудасару* 'подождать' (кого-либо), *касётэ кудасару* 'одолжить'.

5. *Тамау*

Это глагол письменного языка, употребляющийся и в разговорном языке, причем он является не вспомогательным, а чисто служебным глаголом. Он употребляется только в повелительной форме *тамаэ* в студенческой среде (среди мужчин) и выражает близость и легкую почтительность. Применяется к действиям собеседника. Присоединяется к приёгэнной форме. В отличие от вышеприведенных глаголов, префиксы *о* и *го* при нем не употребляются, так как он не носит заметно вежливого характера.

Тётто матитамаэ 'подожди немного'; *токини асоби-ни китамаэ* 'Кстати, приходи в гости'.

Все перечисленные глаголы являются вспомогательными или служебными глаголами, выражающими почтительность, а глаголы, с которыми они сочетаются, обозначают действия почитаемого лица. Нижеследующие слова — вспомогательные глаголы, которые сочетаются с глаголами, обозначающими действие самого говорящего и которые выражают не почтительность к собеседнику, а скромность и уничижение.

1. *Мӧсу*

Этот глагол употреблялся с древности, еще в «Манъёсю», как вспомогательный глагол, выражающий скромность. Употреб-

ляется он и теперь, подчеркивает скромность действия говорящего по отношению к другому лицу. Спрягается он по четырехступенчатому спряжению по столбцу *са*, присоединяется к приёгэнной форме всех глаголов.

Ананта-ни дзэхи о-нэгаи мōсанакэрэба наримасэн 'Мне непременно надо обратиться к Вам с просьбой'.

Поскольку *мōсу* присоединяется к глаголу, обозначающему действие говорящего, то присоединение префикса *о* к основному глаголу выглядит несколько странным. Все же иногда этот префикс присоединяют, по-видимому, для того, чтобы говорить учтиво. Но бывает, что префикс *о* не прибавляется, например говорят *укэтори мōсимасӯ* 'получаю'.

Некоторые ученые считают, что *мōсу* — это удлинение *масӯ*, но я не согласен с ними (в «Приложении к грамматике разговорного языка» это мнение также отвергается). Я думаю, что *масӯ* другого происхождения, поскольку у *мōсу* есть незавершенная форма *мōса*, а *масу* существует с древних времен. Первоначально это был самостоятельный вежливый глагол четырехступенчатого спряжения со значением 'говорить'. В следующем примере имеется именно такое *мōсу*:

Итигон бэнкай-но дзи-о мōсимасӯ 'Скажу несколько слов в свое оправдание'.

Далее, к приёгэнной форме *мōси* присоединяется вежливый самостоятельный глагол *агэру* 'поднимать' и образуется словосочетание-слово *мōсиагэру*, которое часто употребляется в качестве вспомогательного глагола скромности, выражающего, однако, бóльшую степень скромности, чем *мōсу*. *Мōсиагэру* спрягается по нижнему одноступенчатому спряжению и присоединяется к приёгэнной форме всех глаголов.

О-тадзунэ мōсиагэмасӯ 'разрешите спросить'.

2. *Итасу*

Самостоятельный глагол четырехступенчатого спряжения по столбцу *са* со значением 'делать'; он употребляется в качестве вспомогательного глагола. Как и *мōсу*, он добавляется к глаголам обозначающим действие говорящего, и выражает скромность. Сочетается с приёгэнной формой глаголов, так же как и *мōсу*. К глаголу, с которым он сочетается, присоединяется также префикс *о* (бывает, что последний и не присоединяется):

О-укагаи итасō то дзондзитэ имасйта 'Я собирался посетить вас'.

В следующем примере *итасу* является самостоятельным, а не вспомогательным глаголом:

Китто бэн итасимасӯ ё 'Я непременно окажу [вам] помощь'. *Бэн* в этом примере — существительное, а не основа глагола.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

3. *Цӳкамацуру*

Вежливый глагол письменного языка *цӳкамацӳру*, имеющий значение 'делать', изменившись, вошел в разговорный язык как вежливый вспомогательный глагол. Он, как и *мӧсу* и *итасу*, прибавляется к глаголам, обозначающим собственное действие говорящего. К этим глаголам присоединяется также префикс *о* (бывают случаи, что *о* не присоединяется). В настоящее время сфера употребления *цӳкамацӳру* значительно уже, чем *мӧсу* и *итасу*. Он спрягается по столбцу *ра* четырехступенчатого спряжения и присоединяется к приегэнной форме глаголов.

Тайкэй-ни дзондзи цӳкамацуримасӯ 'Я весьма рад'.

Дэва о-вакарэ цӳкамацуримасӯ 'Разрешите откланяться'.

В следующем примере *цӳкамацӳру* выступает как самостоятельный, а не вспомогательный глагол: *хайкэн цӳкамацуримасйта* 'Я видел (читал)'; *хайкэн* —существительное, а не основа глагола.

4. *Агэру*

Это самостоятельный вежливый глагол со значением 'преподносить' (спрягается по нижнему одноступенчатому спряжению); он превратился во вспомогательный глагол, обозначающий скромность действия говорящего. Он похож на *мӧсу* в том отношении, что соединяется с глаголами, выражающими действия говорящего, но не со всеми; сфера его применения ограничена. Присоединяется к приёгэнной форме.

Айсацу-о мӧсиагэмасӯ 'Резрешите приветствовать вас'.

Табун сӧ дарӧ тӧ дзондзиагэтэ оримасйта 'Я полагал, что это, вероятно, будет так'.

Примеры, в которых после самостоятельного глагола стоит служебное слово *тэ*, а за ним *агэру*, подтверждают, что *агэру* — вспомогательный глагол:

Сандзиппун гурай нара маттэ ***агэнай*** *кото мо най* 'Если 30 минут, то я могу и обождать вас'.

Вакаранай кото ва осиэтэ ***агэру*** 'Непонятное я вам объясню'.

Ёй хон-о каттэ ***агэё*** 'Я куплю вам хорошую книгу'.

5. *Масӯ*

В группу служебных глаголов вежливости входят также и служебные глаголы учтивости. К ним принадлежит только один *масӯ*. Он употребляется для выражения учтивости при обозначении любых действий, поэтому он присоединяется ко всем глаголам, независимо от того, о чьем действии говорит данный глагол. Служебные и вспомогательные глаголы вежливости, присоединяясь к сказуемому, выражают почтительность к подлежащему, вспомогательные глаголы скромности выражают уничижение говорящего по отношению к собеседнику. Следовательно, в обоих случаях очень

важно, о чьих действиях говорит основной глагол. Однако глагол учтивости *масу* выражает только учтивость к собеседнику в данном разговоре, но не указывает нам, о чьих действиях идет речь.

Аната мо ирассяимасу ка 'и вы пойдете?';
Ватакуси мо маиримасу 'и я пойду';
Тити мо ику то иттэ оримасу 'и отец сказал, что пойдет';
Амэ-га футтэ кимасита 'Пошел дождь';
Ватакуси-но таку-ни-ва ину-га сампики каттэ оримасу 'У меня дома живут три собаки'.

В этих предложениях подлежащие *аната* 'вы', *ватакуси* 'я', *тити* 'отец', *амэ* 'дождь', *ину* 'собаки'. Таким образом, при любом подлежащем можно высказать учтивость к собеседнику, с которым идет разговор. Поэтому при разговоре с человеком, которому нет нужды выказывать особое уважение, *масу* не употребляется, даже если в предложении есть вежливое слово по отношению к подлежащему. Основное значение и употребление *масу* ясно из сопоставления следующих примеров:

Дэнка-га Осима-ни гёкэй-асобасу то йу кото да 'Его высочество соизволил поехать на остров Осима';
Сэнсэй ва кё ясундэ ирассяру сō да 'Говорят, что учитель сегодня отсутствует'.

В следующих предложениях не высказывается почтительности к *одзи* 'дяде' и *тити* 'отцу' как к близким, но выражена учтивость к собеседнику:

Одзи-ва мада ни-саннити каэранай сō дэ годзаимасу 'Говорят, что дядя не вернется еще два-три дня'.
Хаха-но кэнкō-ва наканака кайфуку-синай нодэ тити мо коматтэ имасу 'Здоровье матери никак не улучшается, поэтому и отец беспокоится'.

Масу выражает учтивость, это доказывается тем, что оно применяется даже при обращении к человеку, к которому нет необходимости применять слова, выражающие почтительность или скромность.

Омаэ ва ёдзи-га сундара сугу каэримасу ка 'Когда ты закончишь дела, то сразу же пойдешь домой?'
Таро, ватакуси ва ёмимасу кара ёку кийтэ инасай 'Таро, я буду читать, поэтому хорошенько слушай'.

Масу спрягается и присоединяется следующим образом: 1) *масэ*, 2) *маси*, 3) *масу*, *масуру*, 4) *масу*, *масуру*, 5) *масурэ*, 6) *масэ*, *маси*. Присоединяется к приёгэнной форме всех глаголов.

Таким образом, *масу* спрягается смешанно — по четырехступенчатому спряжению и неправильному спряжению по столбцу *са*.
Мада хана ва сакимасэн 'Цветы еще не расцвели'.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

*Сюппацу-си**масу** токи-ни ва о-сирасэ итаси**масу*** 'Когда выеду, то сообщу'.

*Цукаи-га каэттэ маири**масурэба со мосимасэ*** 'Когда посыльный вернется, то я ему так и скажу'.

*Дōдзо ирасйтэ кудасаи**масэ*** (***маси***) 'Пожалуйста, входите'.

Незавершенная форма *масэ* употребляется только в виде *масэнӯ*, *масē*, но не говорят *масэнай* или *масэ̄*. *Масӯ* не присоединяется к служебным глаголам *рарэру* и *сасэру*. Приёгэнная форма *маси* принимает только *тэ*, *та* и *тара*. Заключительная и приименная формы *масуру* учтивее, чем *масӯ*. В «кёгэн» периода Асикага употреблялось как *масӯ*, так и *масуру*:

Суйкē-о сирарэтэ мэйваку итасимасӯ 'Узнав об его пьянстве, я пришел в замешательство'.

Мидомо мо агаримасуру 'Мы тоже придем'.

В настоящее время *масуру* в обычном разговоре не употребляется, за исключением случаев, требующих высокопарности и торжественности. Повелительная форма *маси* присоединяется к глаголам *ирассяй*, *оссяй*, *кудасай*, *насай*. Повелительная форма *масэ* присоединяется к глаголам *ирассяри* (*ирассяй*), *оссяри* (*оссяй*), *кудасари* (*кудасай*), *насари* (*насай*). К другим глаголам ни *маси*, ни *масэ* не присоединяются.

О происхождении *масӯ* есть несколько теорий.

1) Теория происхождения от *масу*. *Масу* — вежливый глагол четырехступенчатого спряжения, имеющий значения: быть, иметься, находиться. Но он употреблялся не как самостоятельный глагол, а только как служебный глагол вежливости в соединении с самостоятельным глаголом, например *идэмасу* 'выходит'. Впоследствии он стал частично спрягаться по нижнему двухступенчатому спряжению и превратился в неправильный чисто служебный глагол.

2) Теория происхождения от *мōсу*. В древних словах встречаются примеры произношения *мōсу*, как *масу*. Таких примеров много и в период Токугава. И сейчас в диалектах южного Кюсю говорят *икимōсу* 'иду', *ёмимōсу* 'читаю', но не употребляют *масу*. Эту теорию выдвинул Мицуя Сигэмасу, ее придерживается немало и других ученых.

3) Теория происхождения от *овасу*. Если рассмотреть версию *мōсу*, то, с точки зрения спряжения, окажется, что *мōсу* относится к четырехступенчатому спряжению, а *масу* спрягается как неправильный глагол *суру*; с точки же зрения значения, *мōсу* является таким же глаголом, как *маирасу* 'приходить', *татэмацуру* 'преподносить', *кикою* 'слушать', которые выражают вежливость по отношению к подлежащему. *Масу* же обозначает почтительность не по отношению к какому-либо члену предложения, а, как *хабэри* и *сōрō*, по отношению к человеку, читающему это предложение [26]. Далее если допустить,

что *масу* произошло от *мōсу*, то невозможно объяснить удвоение в таких примерах, как *Корэ ва араи аимōсимасйта* (Хидзакуригэ). 'Это — грубая [материя]', *сукоси ва о-макэ мōсимасē* (Хидзакуригэ) 'немного уступим'. Таковы трудности. Следовательно, *масу* происходит из *овасу* (御座す). Причины: 1. *ха* (*ва*) в *овасу* перешло в *ма* и получилось *омасу*, *осу*, *ясу* и *масу*. 2. *Овасу* первоначально было словом, обозначающим почтительность по отношению к подлежащему, но употреблялось оно также и для выражения просто вежливости. 3. Имеются примеры перехода *ха* в *ма*. 4. Можно думать, что *ясу* также произошло от *овасу*. Такова теория Мацуо Сутэдзиро[100], но в последнее время он заявил: «Правильным будет считать, что *масу* является смешением трех слов: *мōсу*, *маирасу* (*марасу*, *массу*) и *овасу*»[101].

4) Теория происхождения от *марасуру*. Если изучить слово *марасуру*, встречающееся в «Бунроку кюяку Исоппо моногатари» (опубликовано в 1593 г.) и в «Амáкуса Хэйкэ-моногатари» (опубликовано в 1592 г.), то окажется, что оно употреблялось как служебный глагол предоставления и уступки, как просто скромный служебный глагол и как просто вежливый служебный глагол. Последнее употребление *марасуру* в качестве просто вежливого служебного глагола совершенно таково же, как современного *масу*. Если взять оригинал «Хэйкэ-моногатари» и его перевод и посмотреть, каким словам оригинала соответствует *марасуру* в переводе, то окажется, что оно соответствует также словам со значением предоставления и уступки и, наконец, со значением просто вежливости. Короче говоря, слово *марасуру* в период его употребления (употреблялось преимущественно в период Момояма) в отличие от современного *масу* использовалось в зависимости от обстоятельств для выражения предоставления и уступки, просто скромности, а также просто вежливости. *Марасуру* спрягается по неправильному спряжению *са*.

Мара: 1) *сэ*, 2) *си*, 3) *суру* (*су*), 4) *сурэ*, 5) *сэй*.

Марасуру произошел от *маирасу*, т. е. глагола нижнего двухступенчатого спряжения, поэтому *си* приёгэнной формы — это измененное *сэ*. В «Кириситан бунгаку дампэн» под редакцией Симмура Идзуру также содержится следующий пример: *нао акиракани омоидасимарасэта* (Бунго-моногатари) 'сейчас вспомнил отчетливо'.

Изменение в тот период приёгэнной формы *сэ* от глаголов нижнего двухступенчатого спряжения *су*, *сасу* в *си* и таким образом переход в группу неправильных глаголов столбца *са* отмечается и в «Кёгэнки». Например, *юкасимасэ* 'побуди пойти', *матасйтэ оку* 'побудить ждать'.

Одним словом, очевидно, *марасуру* в тот период перешел из глагола нижнего двухступенчатого спряжения в глагол неправильного спряжения по столбцу *са*. И, конечно, *марасуру* произошел из глагола скромности *маирасу*, выражавшего предоставление.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Изложенная теория принадлежит Касуга Масахару[102]. Ясуда Киёмон близок к ней. По его мнению, и *мōсу*, и вежливые глаголы *масу* и *ари* по спряжению не совпадают с *масу*. Служебный глагол *масу* — это искаженная форма *маирасу*. Связующим звеном между *маирасу* и *масу* служит многочисленное употребление в «Амáкусабон Хэйкэ-моногатари» слова *марасуру* в том же значении, что и *маирасу*. Сокращенная форма от *марасуру* — *массу* — встречается в «Кёгэнки». Сейчас этот *массу* употребляется в диалекте Фукуока[103].

Ряд примеров из «сёномоно» говорит о том, что в тот период, когда имело хождение *марасуру*, употреблялся и глагол *маисуру*. Он спрягался: *маи*: 1) *сэ*, 2) *си*, 3) *суру*, 4) *суру*, 5) *сурэ*, 6) *сэё*. В статье о данном глаголе Касуга Сэйдзи пишет: «*Маисуру* появляется в памятниках, очевидно, несколько раньше, чем *марасуру*, и уже довольно рано переходит из одного спряжения в другое. Вскоре появляется и *марасуру*; некоторое время они сосуществуют, но затем приобретают, по-видимому, различное социальное употребление. *Маисуру*, вероятно, с самого начала употреблялся буддистами, а *марасуру* получил широкое распространение в среде простого народа и вытеснил *маисуру*, который впоследствии исчез. Таким образом, несмотря на то, что *маисуру* по звучанию и по спряжению был ближе к современному вежливому служебному глаголу *масу*, чем *марасуру*, он существовал только временно; его связь с *масу* прервалась и не прослеживается. Все же прямым предком *масу*, очевидно, является *марасуру*»[104].

5) Теория происхождения от *масу* и *марасуру*. Юдзава Кокитиро утверждает, что служебный глагол *масу* произошел не от *марасу*, а что он включает в себя два элемента: *масу*, существовавший со времени «Нихонсёки» и «Манъёсю», и *марасу*, образовавшийся из *маирасу*. *Масу* спрягается по смешанному спряжению неправильных глаголов столбца *са* и по четырехступенчатому спряжению.

Неправильное спряжение *са*: 1) *масэ*, 2) *маси*, 3) *масуру*, 4) *масуру*, 5) *масурэ*, 6) нет.

Четырехступенчатое спряжение: 1) нет, 2) *маси*, 3) *масу*, 4) *масу*, 5) *масэ*, 6) *масэ*.

Юдзава объясняет это следующим образом: .

Во-первых, применительно к действиям и состоянию лица, которому оказывается уважение, *масу* спрягается по четырехступенчатому спряжению; примеры имеются в «Нихонсёки» и «Манъёсю».

В «Кёгэнки», несмотря на то, что в других случаях *масу* спрягается и по неправильному спряжению *са*, и по четырехступенчатому спряжению, никакого единства нет. В случаях *сэ* (*си*) *масу*, *сасэ* (*саси*) *масу* он спрягается строго по четырехступенчатому спряжению, причем без единого исключения. Можно думать, что в в нем сохранилась первоначальная форма *масу*. *Масу*, начиная

с периода Камакура до конца периода Асикага, стало широко употребительным разговорным словом, однако в памятниках до этого времени оно почти не отмечается. То, что в конце периода Асикага оно оживает (встречается в «Энкэйбон Хэйкэ-моногатари»), если учесть его употребление после выражающих вежливость *су* и *сасу* — *сэмасимасӯ*, *сасэмасимасӯ*, объясняется, по-видимому, влиянием глагола *масимасӯ*.

Во-вторых, применительно к действиям лица, по отношению к которому выражается уважение, *масӯ* спрягался по неправильному спряжению по столбцу *са*, что подтверждает происхождение его от *маирасу*.

Маирасу встречается в письменном языке и как самостоятельный, и как служебный глагол, спрягается по нижнему двухступенчатому спряжению, и, как глаголы разговорного языка *агэру* и *сасиагэру*, выражает скромность по отношению к собеседнику. Образовавшийся в результате выпадения *и* глагол *марасуру* часто встречается в «Амакӯсабон Исоппо-моногатари», и «Амакӯсабон Хэйкэ-моногатари» и «сёномоно». Причем в «сёномоно» *марасуру* еще относится к нижнему двухступенчатому спряжению и имеет только значение *маирасу*. Правда, хотя он и относится к этому спряжению, но утерял различие между заключительной и приименной формой, что составляет особенность этого периода, так что он совершенно расходится с омонимичным глаголом письменного языка. В «Амáкусабон Исоппо-моногатари» и «Амáкусабон Хэйкэ-мóногатари» он приобретает очень широкое употребление, почти не отличаясь от нынешнего *масӯ*, а его приёгэнная форма принимает вид *мараси*, и по спряжению он отходит к неправильным глаголам столбца *са*[105].

6) Теория происхождения *масӯ* от *марасу*, *масӯ* и *мōсу*. Ёсидзава Ёсинори указывает на следующий путь: *маирасу*→*марасуру*→*массуру*→*масу* (аналогично *омасуру*→*омарасуру*). Он считает также, что вежливый глагол письменного языка *масу*, имеющий значение 'быть', перешел в глаголы *симасу*, *сасимасу*, выражающие уважение к подлежащему. Последние в свою очередь изменились в глагол скромности *масӯ* (аналогично примеру превращения уважительного по отношению к подлежащему глагола *годзару* в глагол скромности)[106]. Далее, рассматривая отношения между *мōсу* и *масӯ*, Ёсидзава говорит: «Несомненно, современный скромный глагол *масӯ* образовался от *марасуру*, происшедшего от *маирасу*. Однако неизвестно, единственный ли это путь происхождения *масӯ*. Может быть, в *масӯ* смешалась кровь *масу* письменного языка и кровь *мōсу*. Этот вопрос не так легко разрешить»[107].

В настоящей работе я придерживаюсь мнения Ёсидзава. Далее, некоторые называют глаголом учтивости и служебный глагол разговорного языка *годзаимасӯ*. Однако *годзаимасӯ* образован из глагола *годзару* в соединении с *масӯ*. Таким образом, только *масӯ*

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

является служебным глаголом. Это видно из отношения к наречному определению в следующем примере (в таком употреблении *годзаимасу́* можно назвать вспомогательным глаголом):

Кё ва тайхэн о-самӯ годзаимасӯ 'Сегодня очень холодно' [27].

XV. СЛУЖЕБНЫЕ ГЛАГОЛЫ ВРЕМЕНИ РАЗГОВОРНОГО ЯЗЫКА

Об основном значении служебных глаголов времени уже говорилось в связи с этими глаголами письменного языка. В данной главе остановимся на трех глаголах разговорного языка: прошедшего времени, будущего времени и законченности действия [28]:

1. СЛУЖЕБНЫЕ ГЛАГОЛЫ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ

Об основном значении служебных глаголов прошедшего времени уже говорилось в разделе о подобных глаголах письменного языка. Изложенные там положения остаются правильными и в отношении глаголов разговорного языка. В письменном языке имеется два служебных глагола прошедшего времени—*ки* и *кэри*, а в разговорном языке только один —*та*. Спряжение ***та***: 1) *тара*, 2) *тари*, 3) *та*, 4) *та*, 5) *тара*, 6) нет. Присоединяется к приёгэнной форме глаголов и прилагательных.

*Осю̄-кара кёнэн-но курэ-ни каэттэ **кита*** 'Из Европы [я] вернулся в конце прошлого года'.

*Ватакӯси-га гундзин **датта**ра сонна кото-ва синакаттарō* 'Если бы я был военным, то не сделал бы этого'.

*Ватакӯси-га ёку сирабэтэ **митара**(ба) сонна кото ва кайтэ **накатта*** 'Когда я хорошенько проверил, то [оказалось, что] этого написано не было'.

*Кинō-но энсоку-дэ ва яма-э **ноботтари**, кава-о **коэтари** сйта* 'Во время вчерашней экскурсии мы поднимались на горы и переходили реки'.

*Коно айда танондэ оэта синамоно-га ятто кинō **тодойта*** 'Товары, заказанные давно, еле-еле доставлены вчера'.

Приёгэнная форма *тари* употребляется при перечислении одинаковых явлений. В этом случае *тари* можно считать не служебным глаголом, а служебным словом [29]. Поскольку *тара* является и незавершенной и условной формой, нужно их различать.

Служебный глагол прошедшего времени *та* образовался из служебного глагола законченности действия письменного языка *тари*. *Та* впервые появляется в памятниках периода Инсэй. В стихотворении поэта годов Хōэн (1135—1140 гг.) Фудзивара Тамэтада Асаоми встречается следующее:

Токи кину то фурусато сасйтэ каэру кари кодзо ***кита*** *митиэ мата мукау нари* 'Когда пришло время, то дикие гуси, возвращающиеся в родные места, опять повернули на ту (северную) дорогу, по которой они прилетели (букв. «пришли») в прошлом году'.

В данном стихотворении представлена игра слов *кита* 'пришли' и *кита* 'север'.

За время с периода Инсэй до периода Камакура *та* вошло в разговорный язык. Со времени периода Муромати оно стало широкоупотребительным и в настоящее время имеет самое широкое распространение.

В районе Канто при высказывании воспоминаний употребляется диалектное *кэ*, например: *сонна кото-га аттаккэ* 'было такое дело'; *кёнэн асоко-э иттэ митаккэ* 'в прошлом году я съездил туда'.

Возможно, что это *кэ* произошло от служебного глагола письменного языка *кэри*. Поскольку оно присоединяется только к *та* или *да*, образуя *таккэ/даккэ*, то употребляется лишь в заключительной форме.

Когда *та* присоединяется к глаголам четырехступенчатого спряжения, то иногда благодаря фонетическому изменению оно превращается в *да*. Например, от *сину* — *синда* 'умер', от *тогу* — *тойда* 'точил', от *тобу* — *тонда* 'летел', от *ёму* — *ёнда* 'читал'.

2. СЛУЖЕБНЫЕ ГЛАГОЛЫ БУДУЩЕГО ВРЕМЕНИ

Об основном значении служебных глаголов будущего времени уже говорилось в разделе, рассматривающем такие глаголы в письменном языке. В письменном языке есть лишь один служебный глагол будущего времени — *му*, а в разговорном их имеется два: *у* и *ё*; *у* присоединяется к незавершенной форме глаголов четырехступенчатого спряжения, а *ё* — к незавершенной форме всех других глаголов. Они имеют только заключительную и приименную формы. При этом в приименной форме они присоединяются только к определенным словам. *У*, очевидно, образовалось из письменного *му* путем потери согласного *м*. *Ё (ёу)* получилось в результате фонетического изменения благодаря слиянию этого *у* и окончания вышестоящего глагола. В старое время *у* присоединялось ко всем глаголам, а не только к глаголам четырехступенчатого спряжения. Говорили *миу* 'посмотрю', *васурэу* 'забуду', *сэу* 'сделаю', *киу* 'приду'. О превращении этих форм в *миё*, *васурэё*, *сиё*, *коё* Андо Масацугу пишет:

«В настоящее время существует два способа выражения будущего времени глаголов: первый — *икō* 'пойдем', второй — *миё* 'посмотрим', *сутэё* 'бросим'.., но эти формы первоначально пред-

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

ставляли собой присоединение служебного глагола *му* к незавершенной форме глаголов; при выпадении согласного *м* формы *икаму, ёмаму* превратились в *икау, ёмау*. А два гласных *ау* слились и образовали долгое *о̄*. Глаголы *миму, сутэму* превратились в *миу, сутэу*. Гласные *иу, эу* образовали долгое *ю̄* и долгое *е̄*, и эти слова стали произноситься как *мию̄, сутē*. *Сутē* при восстановлении корневого *э* превратилось в *сутэē*, а по аналогии с ним из *мию̄* получилось *миē*»[108].

История языка свидетельствует, что *у* возникло в период Инсэй. В «Канкинсю̄» представлены два написания: 爲ㇱう *сэу* → *сē* и 爲ㇾう *сиёу* → *сиē*, что указывает на образование долгого звука. В «Амакусабон Хэйкэ моногатари» и «Амакусабон Исоппо монагатари» встречаются формы *мэо, хоробэо* наряду с *миē, хоробиē*, из чего можно заключить о самостоятельности *ē*. Уже в «сёномоно» есть написание каной *эу* (*ē*), например *тонаē* 'провозгласим', *атаē* 'дадим'. Здесь *ē* самостоятельно и присоединяется к незавершенной форме.

Примеры из современного языка:

Асйта ва тэнки-ни нару дарō (*дароу*) 'Завтра, наверное, будет [хорошая] погода'.

Райгэцу-но хадзимэ-ни ва тити мо каэттэ коē 'В начале будущего месяца отец, наверное, вернется'.

Следует обратить внимание на то, что эти *у* и *ē* не только связаны с будущим временем, но выражают еще и предположение [30].

'Дзикай-ни ва канарадзу гōкаку-сиē то омоу 'Следующий раз я намерен обязательно пройти' (на экзамене и т. п.).

Ватакúси ва дандзэн котоварō 'Я категорически откажусь'. В этих двух примерах *у* и *ē* выражают решимость.

Ано хйто ва отонасий хйто дарō 'Он, вероятно, мягкий человек'.

Коно сёмоцу-но наиē ва сирōто-ни дэмо рикай-сарэē 'Содержание этой книги, видимо, понятно и неспециалисту'.

Здесь *у* и *ē* выражают только предположение. Исходя из такого употребления *у* и *ē*, некоторое ученые относят их к служебным глаголам предположения.

Сонна бакана кото-га арō хадзу-га най 'Такой глупости не может быть'.

Сэцумэй-сиē-ни мо сэцумэй-но сиē-га най 'Хотя и пытался объяснить, но не мог'.

Сонна кото сиē моно нара хидоку сйкарэру ё 'Если он попробует сделать это, то его сильно разбранят'.

У и *ē* в приведенных примерах выступают в приименной форме и выражают известного рода предположение.

3. СЛУЖЕБНЫЕ ГЛАГОЛЫ ЗАКОНЧЕННОСТИ ДЕЙСТВИЯ

Об основном значении служебных глаголов законченности действия уже говорилось в связи с глаголами письменного языка. Здесь коснемся вида законченности действия, прогрессивного вида и вида пребывания.

1. **Вид законченности действия.** Этот вид показывает, что некое действие уже закончилось и стало действительностью. Поэтому он не зависит от временно́го деления. Для данного вида употребляется *та*. Это то самое *та*, о котором говорилось как о служебном глаголе прошедшего времени и которое, несомненно, произошло от служебного глагола законченности действия *тари* письменного языка.

Сайта, сайта, сакура-га сайта 'Расцвела, расцвела, вишня расцвела'.

Кйся-га има тэйсяба-ни тōтяку-сйта 'Поезд сейчас прибыл на станцию'.

Кадзэ-га ***фуйтара*** *таорэру ка-мо сирэнай* '**Если подует** ветер, то, возможно, упадет'.

Таномарэта *кото ва хатасанакэрэба наранай* '**То, о чем тебя попросили**, надо выполнить'.

Рёкō-ни ***дэта*** *токи-ни ва эйсэй-но тю̄и-га каньё̄ дэ ару* '**Когда выедешь** в путешествие, важно соблюдать гигиену'.

Если приведенные предложения рассматривать с точки зрения времени, то́ в них содержатся и примеры на настоящее, будущее и прошедшее время, и примеры, совершенно не связанные с временем, но все они сходны в том отношении, что действие уже осуществилось и стало действительностью. Такая форма, как *тара*, выражает не просто условие; она предполагает, что данное явление в действительности осуществилось. Нужно проводить различие между *кадзэ-га фуйтара* 'если подул (подует) ветер' и *кадзэ-га фукэба* 'если дует ветер'. Относительно примера *моси сō даттара тайхэн да* 'если это было так, это ужасно 'Хасимото Синкити пишет: «Делается допущение, что *сō да* 'это так' — факт и при таком условии, в данном случае —'это ужасно.' Поскольку допускается, что это факт, т. е. включается значение осуществленности, то значение *та* как показателя законченности действия не исчезает»[109].

Если при помощи *та* невозможно полностью выразить это значение, то применяется словосочетание *тэ симау*:

Сатō ва мидзу-ни сугу токэтэ симау 'Сахар в воде сразу тает'[31].

Сассато сигото-о катадзукэтэ симаэ 'Живо приведи дела в порядок'.

Мукō-э цӯку коро-ни ва бё̄ки мо наоттэ симаō 'Когда приедем туда, то и болезнь пройдет'.

Коно хон ва минна ёндэ симатта 'Эту книгу все прочитали'.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Между *тэ* и *симау* в слове *тэ симау* можно вставить служебное слово *ва* или *мо*. Поэтому *тэ симау* надо считать состоящим из двух слов: служебного слова и глагола, в связи с чем *симау* можно назвать вспомогательным глаголом. Однако, если учесть, что в токиоском просторечии вместо *тэ симау* говорят *тимау* или *тяу*, а вместо *тэсиматта* — *тиматта* или *тятта*, то становится ясным, что эти два слова испытывают сильную тенденцию к слиянию. Таким образом, пожалуй, лучше считать их служебным глаголом, т. е. одной частью речи, а не двумя. А может быть, следует назвать *тэсимау* квазислужебным глаголом. Но в данной работе я считаю *тэ симау* двумя отдельными словами: служебным словом и глаголом (вспомогательным).

2. **Прогрессивный вид**. Поскольку в разговорном языке нет служебных глаголов, показывающих, что некое действие продолжается, то вместо них употребляются *тэ иру* и *тэ ору*; это не что иное, как глаголы *иру* и *ору* 'быть' (о людях) в сочетании со служебным словом *тэ*.

Поэтому *иру* и *ору* выступают здесь как вспомогательные глаголы [32].

Има саканни юки-га футтэ ***иру*** 'Сейчас обильно идет снег'.

Соно коро ватакӯси-ва Тōкē-э рёкō-ситэ ***ита*** 'Тогда я совершал поездку в Токио'.

Ано фӯтари ва ицудэмо кэнка-о сӣтэ ***иру*** 'Эти двое всегда ссорятся'.

В некоторых районах указанные *тэ иру*, *тэ ору* произносят как *тэру*, *тору* (*дэру*, *дору*); кое-где говорят: *юки-га фуриёру*, *юки-га футтёру*. Это, конечно, диалектизмы. В других районах вместо правильного *юки-га футтэ имасӯ* говорят *юки-га футтэ-масӯ* и вместо *ватакӯси ва сампо-сӣтэ имасӯ* 'я гуляю' — *ватакӯси ва сампо-ситэмасӯ*.

3. **Вид пребывания**. Встречаются служебные глаголы, указывающие на пребывание некоего действия. В разговорном языке для этой цели употребляется причастная форма от *та*:

кабэ-ни какэта тидзу 'карта, повешенная на стену';

оя-ни нита кодомо 'ребенок, похожий на родителей';

син-но хэтта эмпицу 'карандаш с исписанной сердцевиной';

ёку дзюкӯсита каки 'хорошо созревшая хурма' [33].

В подобных случаях иногда употребляют вспомогательные глаголы *иру*, *ору*, *ару* в сочетании с *тэ*:

Нива-ни ва итимэн-ни хана-га сайтэ иру 'В саду повсюду цветут цветы' (впрочем, это можно считать и примером на прогрессивный вид).

Гаккō-но мон ва майаса рокудзи-кара хирайтэ иру 'Школьные ворота открыты каждое утро с шести часов'.

Цукуэ-но уэ-ни ва хон-га ойтэ ару 'На столе лежит (положена) книга'.

Тэ ару употребляется тогда, когда слово-объект переходного глагола используется как подлежащее. Поэтому, если *оку* 'положить' в предложении *хон-о оку* 'положить книгу', считая видом пребывания, превратить в *ойтэ ару*, то глагол станет непереходным, а *хон* 'книга', бывшая до того словом-объектом, станет подлежащим, и таким образом получится *хон-га ойтэ ару*. Предложение *хон-о ойтэ ару* неправильно, так как в нем смешаны переходность и непереходность. В Осакском диалекте *тэ ару* произносится как *тару*

XVI. СЛУЖЕБНЫЕ ГЛАГОЛЫ ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ РАЗГОВОРНОГО ЯЗЫКА

В разделе о служебных глаголах будущего времени уже говорилось о том, что *у* и *ē* могут выражать предположение, поэтому здесь мы не включаем их в группу предположительных служебных глаголов. В разговорном языке имеется семь служебных глаголов предположения: *расий, дарō, дэсē, сō да, сō дэсӯ, ē да, ē дэсӯ*.

1. *Расий*

Этот служебный глагол произошел от предположительного служебного глагола письменного языка *раси*. Он выражает предположение на объективном основании. Этим *расий* отличается от предположительных *у* и *ē*. Спрягается и сочетается следующим образом:

Расий: 1) нет, 2) *расйку*, 3) *расий*, 4) *расий*, 5) нет, 6) нет. Присоединяется к тайгэнам и к заключительной форме ёгэнов и служебных глаголов.

*Асйта ва амэ-га фуру**расйку** омоварэру* 'Можно полагать, что завтра, очевидно, пойдет дождь'.

*Ягатэ сакура мо саку**расий*** 'Видимо, скоро и вишня расцветет'.

Приёгэнная форма *расйку*, подобно предикативным прилагательным, употребляется в качестве наречной. *Расйку*, в результате фонетического изменения, как и прилагательные, может превратиться в *расю*. Когда к *расий* добавляется глагол *ари*, они, сливаясь, образуют *расикари*. Поскольку к этой форме не присоединяются никакие другие служебные глаголы, кроме *та*, других форм спряжения она не имеет.

*Анохйто ва докока-э дэкакэру**расйката*** 'Он, по-видимому, вышел куда-то'.

Расий как будто могло бы иметь условную форму *расйкэрэ*, но таковой нет. Некоторые грамматисты, признавая наличие условной формы *расйкэрэ*, приводят пример: *мада соно кото-о сиранай-**расий кэрэдо*** 'хотя еще об этом, кажется, неизвестно...' Однако

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

здесь к заключительной форме *расий* добавлен союз *кэрэдо* и поэтому нельзя рассматривать *расий кэрэдо* как одну форму спряжения.

Иногда *расий*, присоединяясь к тайгэнам, к корню адъективных глаголов и к служебному слову *но*, имеет значение «похоже, что...», «кажется, будто». По-видимому, это объясняется аналогией с суффиксом *расий*, образующим такие прилагательные, как *оннарасий* 'женственный', *гундзинрасий* 'похожий на военного'.

Асйта ва ӯтэн расий 'Завтра, кажется, будет дождливая погода'.

Коно токэй ва анохйто-но расий 'Похоже, что эти часы его'.

Кайдзе̄ ва гоку хэйон расий 'На море, кажется, очень спокойно'.

При таком употреблении это *расий* не следует смешивать с окончанием прилагательных *расий*. Служебный глагол *расий*, не меняя значения, допускает вставку между ним и предшествующим словом слова *дэ ару*, например:

Анохйто ва эйкокудзин дэ ару расий 'Он, кажется, англичанин'.

Асйта ва ӯтэн дэ ару расий 'Завтра, кажется, будет дождливая погода'.

Отокорасий 'мужественный' и *отоко дэ ару расий* 'кажется, [это] мужчина' различаются по смыслу. Прилагательные указывают на свойство, и в этом они также различаются. Некоторые ученые проводят границу между употреблением *расий*, которое, присоединяясь к тайгэну, придает ему предикативность, и его употреблением при соединении с егэнами. Это имеет известное основание: *расий* по способности присоединения к иным словам, кроме глаголов, похож на связки и служебные глаголы сравнения, но по своему характеру он резко отличается от других служебных глаголов. Служебный глагол предположения письменного языка *раси* присоединяется только к глаголам. Но, поскольку *расий* разговорного языка присоединяется также к тайгэнам и служебным словам, то их нельзя относить к одной и той же категории. По-видимому, по этой-то причине некоторые ученые дают *расий* наименование «зависимый глагол». В настоящей работе мы называем *расий*, наряду со связками и служебными глаголами сравнения, «особым служебным глаголом».

2. *Дарō, дэсē*

Дарō образовано из незавершенной формы *дара* служебного глагола-связки *да*, к которому присоединен служебный глагол предположения *у*, а *дэсē* — из незавершенной формы *дэсэ* служебного глагола-связки *дэсӯ*, к которой также присоединен служебный глагол предположения *ӯ*. *Дарō* и *дэсē* употребляются так же, как *у*, *ē*, но отличаются от них тем, что сочетаются и с прилагательными, тогда как *у*, *ē* к ним не присоединяются. *Дарō* и *дэсē*

имеют только заключительную форму и сочетаются с заключительной и приименной формой глаголов и прилагательных.

Асйта ва амэ мо агару дарō 'А завтра и дождь, вероятно, прекратится'.

Итидзи хана-га сакэба садзо цӣӣкӯсий дэсē 'Если расцветут цветы, то, наверное, будет красиво'.

Дэсē вежливее, чем *дарō*; еще вежливее *годзаимасē*.

Некоторые доказывают, что *дарō* и *дэсē* — не самостоятельные глаголы предположения, а употребленные в своем основном значении чистые служебные глаголы-связки *да* и *дэсӯ*; далее, что предположительным служебным глаголом является только *у*, присоединяющийся к этим связкам. Однако между *да*, *дэсӯ* и *дарō*, *дэсē* существует различие в отношении сочетаемости. А именно, незавершенная форма служебных глаголов-связок сочетается с тайгэном и ёгэном при помощи служебного слова *но*, а служебные глаголы предположения *дарō* и *дэсē* сочетаются непосредственно с ёгэном. (Впрочем, если можно признать *расий* за служебный глагол, хотя он и присоединяется к тайгэнам и служебным словам, то *дарō*, *дэсē* можно признать за особые служебные глаголы. Однако, поскольку имеются самостоятельные служебные глаголы-связки, то при наличии общности с ними указанные глаголы следует отнести к глаголам-связкам.)

Корэ ва рэкйси-но хон дарō (*дарау*) 'Это, вероятно, книга по истории'.

В данном предложении *хон* 'книга' — тайгэн, *дара* — связка, *у* — служебный глагол предположения.

Ано хйто ва мо каэру но дэсē (дэсэ*у*) 'Он, вероятно, уже возвращается'.

Здесь *но* — служебное слово, *дэсэ* — связка, *у* — служебный глагол предположения.

В нижеследующих примерах *дарō*, *дэсē* представляют собой окончания адъективных глаголов *дара*, *дэсэ* в соединении с служебным глаголом предположения *у*. Поэтому их нельзя рассматривать как одно слово *дарō*, *дэсē*.

Нара ва сидзука дарō 'В Нара, вероятно, тихо'.

В этом предложении *сидзука дара* — адъективный глагол, *у* — служебный глагол предположения.

Асйта-но кайдзē ва дайтай одаяка дэсē. 'Завтра море, очевидно, будет спокойным'.

Здесь *одаяка дэсэ* — адъективный глагол, *у* — служебный глагол предположения.

Сопоставляя *дэ арō* с *дарō*, *дэсē* может показаться, что и его можно принимать за одно слово — служебный глагол предположения. Однако, поскольку после *дэ* можно вставить служебные слова *ва* или *мо*, то *ару* нужно считать так называемым вспомогательным глаголом.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

3. *Сō да, сō дэсӯ*

На первый взгляд кажется, что эти слова состоят *из сō* и связок *да и дэсӯ*, но тогда непонятна их структура и происхождение *сō*. Существует предположение, что *сō* произошло путем фонетического изменения из *сама* (様) 'образ, подобие', или из *сō* (相) 'вид', но точно его происхождение установить не удалось. Мацусита Дайдзабуро пишет:

«*Сō* означает *бэки*, а не *ё* (様). Выражение *фурисō да* имеет значение *фурубэки дэ ару* 'пойдет дождь', а не *фуру ё да* 'видимо, идет дождь'. Написание *сō* иероглифом 相 — чисто фонетическое использование знака. Теория, утверждающая, что *сō* является фонетическим изменением *сама* — ошибочна. Я считаю, что *сō* — это фонетическое изменение *са*. Существуют *са*, *ми*, *гэ*, *ра*, присоединяемые к корню прилагательных; они образуют *киёса*, *киэми*, *киёгэ*, *киёра* 'чистота'. Все они выражают какой-либо вид; *гэ* имеет значение естественно должного, и в примерах *ито киёгэ-ни мию* 'кажется очень чистым' он означает то же, что и *сō* в разговорном языке. В старое время *гани*, где *гэ* перешло в *га*, употребляли с тем же значением, что и *сō*. *Гани* в примере *симо мо окинугани* 霜も置きぬがに 'видимо, выпал иней' значит *окисōни*. Поэтому я думаю, что разговорное *сō* является фонетическим изменением *са*, которое в свою очередь родственно *гэ*»[110].

Однако указанное мнение Мацусита касается происхождения того *сō*, которое он относит к так наз. изменяющимся частицам естественного долженствования. Мацусита установил категорию частиц неуверенности (которые мы здесь называем служебными глаголами предположения), говоря о которой он также касается вопроса о *сō*. Он пишет:

«В неуверенном *сō* заключено два значения — предположение и передача чужих слов. В письменном языке формы *синикэму*, *синураму* 'вероятно, умрет' выражают предположение; в разговорном языке *синда сō да* 'говорят, что умер', *ёй сō да* 'говорят, что хорош' выражают передачу чужих слов. Передача чужих слов состоит в том, что передается чье-то мнение по вопросу, о котором сам говорящий хорошо не осведомлен. Это *сō* по форме является таким же, как *сō* со значением естественно должного, но по значению и употреблению они различны.

Естественное долженствование: *синисō да* 'должно быть, умрет'; присоединяется ко второй форме спряжения; *тосō да* 'должно быть, далеко'; присоединяется к основе слов адъективного спряжения; *риппасō да* 'должно быть, красиво'; присоединяется к неспрягающимся словам.

Неуверенность: *сину сō да* 'говорят, что умрет'; присоединяется к четвертой форме спряжения; *тōй сō да* 'говорят, что далеко', то же; *риппа да со да* 'говорят, что красиво', то же.

Хотя *сō* неуверенности и не имеет спряжения, оно все же представляет собой изменяющуюся частицу (дōдзёдзи 動助辭). *Дōдзёдзи* — это частица, обладающая сказуемостностью. Все они спрягаются, не спрягается одно только *сō*. *Сō* — неспрягаемо и адъективно. Поэтому к нему, как и к неспрягаемым прилагательным, присоединяется *да*, *дэсӯ*» [34].

О спряжении и сочетаемости *сō* естественного долженствования Мацусита говорит следующее:

«*Сō* не спрягается, но представляет собой вторую форму спряжения; это вытекает из наличия такого же употребления, как *бэку*, например: *орисō мо най* 'не похоже, чтобы был', *кисō мо мизнай* 'непохоже, чтобы пришел'. Однако, *сō*, став неспрягаемым, начинает соединяться с *ни*, *на*, *да*, *дэсӯ* следующим образом: *орисōни мизру* 'выглядит, как будто есть', *орисōна хйто* 'человек, который как будто присутствует', *орисō да*, *орисō дэсӯ* 'как будто, есть'. *Сō* присоединяется ко второй форме спряжения, например: *орисō* (*ору* 'быть'), *юкисō* (*юку* 'идти'). *Сō* присоединяется к основе слов адъективного спряжения, например: *фукасō* (*фукай* 'глубокий'), *курусисō* (*курусий* 'тяжелый'). Однако у двух слов *ёси* 'хороший' и *наси* 'нет, не быть' корень односложный, поэтому образуются не формы *ёсō и насō*, а *есасō* и *насасō*. В сложных словах, например *какиёси* 'хороший для написания', употребляются обе формы — *какиесō* и *какиёсасō*. Изменяемая частица *най* образует следующие формы: *инасō* (*иру* 'быть'), *сиранасō* (*сиру* 'знать'). *Сō* присоединяется и к неспрягающимся прилагательным, например: *дзёбусō* (*дзёбу* 'здоровый'), *сидзукасо* (*сидзука* 'тихий')»[111].

Не касаясь вопроса о происхождении, можно полагать, что на практике *сō да* и *сō дэсӯ* имеют четыре способа употребления:

1) *Сō да* и *сō дэсӯ* показывают, что действие и состояние *суру ёни омоварэру*, т. е. что некое действие и состояние как будто начинают переходить в другое действие и состояние. Это употребление близко к употреблению чисто предположительных служебных глаголов.

Ундōкай мо хаяку сумисō дэсӯ 'Спортивные соревнования, видимо, скоро закончатся'.

Има ни мо амэ-га отисō дэсӯ 'вот-вот польется дождь'.

Такое *сō* присоединяется к приёгэнной форме глаголов.

2) *Сō да* и *сō дэсӯ* показывают, что действие и состояние *дэ ару тоӯ кото да*, т. е. это употребление можно назвать передачей чужих слов (тасэцу 他說 или дэмбун 傳聞). Здесь *сō* показывает, что сам говорящий узнает о действии и состоянии не непосредственно, а с чужих слов. Такое употребление несколько отличается от употребления служебных глаголов

Кисӯ ва тайхэн ататакай сō да 'Говорят, что в провинции Кии очень тепло'.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Танабэ-ни ва сэкайтэки-но сэйбуцу гакӯся-га иру сō дэсӯ ‘Говорят, что в Танабэ есть всемирно известный ученый ботаник’.

Это *сō* сочетается с приименной формой глаголов, предикативных прилагательных и служебных глаголов.

3) *Сō да* и *сō дэсӯ*, присоединяясь к основе прилагательных, показывают, что *...но ēна дзētай-дэ ару* ‘состояние таково’. Можно допустить, что здесь *сō да*, *сō дэсӯ* используются не как служебные глаголы предположения, а как суффиксы, образующие особые адъективные глаголы, например:

Ано икэ ва фукасō да ‘Тот пруд кажется глубоким’.

Бēнин ва хидзēни курусисō дэсӯ ‘Больному, кажется, очень тяжко’.

Когда эти *сō да*, *сō дэсӯ* присоединяются к прилагательным *ёй* и *най*, то ввиду наличия у этих прилагательных односложной основы между ней и *сō да*, *сō дэсӯ* вставляется не имеющее значения слово *са*:

Анохйто-но сэйсйцу ва ёсасō да ‘У него, кажется, хороший характер’.

Кадзэ мо насасō дэсӯ ‘Ветра, кажется, нет’.

Такое употребление *сō да* и *сō дэсӯ* встречается уже в «Кёгэнки» и «сёномоно». Вместе с тем, в «сёномоно» имеются примеры, где *са* и не вставляется: *кокороёсō* ‘кажется, приятно’, *нэгау кото мо насō* ‘кажется, и просьб нет’.

В настоящее время эти два слова без *са* не употребляются. Забегая несколько вперед, скажем, что это *са* присоединяется и к корню служебного глагола отрицания *най*. Например, вместо *дэкинасō да* говорят *дэкинасасō да* ‘кажется, не выйдет’. Эта форма создана по аналогии с формами предикативных прилагательных *ёсасō да*, *насасō да*.

На в *китанасō да* ‘кажется, грязно’, *абунасō да* ‘кажется, опасно’ — это часть корня слов *китанай* ‘грязный’, *абунай* ‘опасный’, а не предикативное прилагательное или служебный глагол *най*. Формы *китанасасō да*, *абунасасō да* ошибочные, созданные по аналогии.

4. Примеры на присоединение *сō* к тайгэну встречаются в «сёномоно», но в настоящее время такая форма почти не употребляется. Приводим редкие примеры:

Итигацу, нигацуго-но котосōна со ‘[Это], кажется, дело [которое было, будет] после января или февраля’; *макотосона кото* ‘правдоподобная вещь’.

По-видимому, во втором употреблении, т. е. в значении передачи чужих слов, *сō да* и *сō дэсӯ*, кроме заключительной формы, других форм спряжения не имеют. Примеров на четвертое употребление, т. е. на присоединение *сō да*, *сō дэсӯ* к тайгэну, немного, поэтому мы его не рассматриваем. В первом и третьем употреблении *сō да* и *сō дэсӯ* спрягаются следующим образом:

Таблица 63

Спряжение *со̄ да, со̄ дэсў*

	Незавершенная форма	Приёгэнная форма	Заключительная форма	Применная форма	Условная форма	Повелительная форма
со̄ да	*со̄ дара* *со̄ нара*	*со̄ да* *со̄ да* (срединная форма) *со̄ни* (наречная форма)	*со̄ да*	*со́на*	*со̄ нарэ* *со̄ нара*	Нет
со̄ дэсў	*со̄ дэсэ* *со̄ нара*	*со̄ дэси* *со̄ дэ* (срединная форма) *со̄ни* (наречная форма)	*со̄ дэсў*	*со̄на*	*со̄ нарэ* *со̄ нара*	Нет

Присоединяются к приёгэнной форме глаголов и к основе прилагательных.

Примеры на первое и третье употребление *со̄ да, со̄ дэсу*:

Асйта ва амэ-га фурисо̄дарō ‘Завтра, по-видимому, будет дождь’.

Урэсисо̄ни вараттэ имасу ‘радостно смеется’.

Урэсисо̄на каоцӯки-о сйтэ иру ‘У него радостное выражение лица’.

Анохйто иманимо накидасйсо̄ дэсйта ‘Он готов был вот-вот расплакаться’.

Мудзукасйсо̄ нара ёмадзуни окō ‘Если покажется трудным, не буду читать’.

При третьем употреблении, как уже говорилось выше, основа предикативного прилагательного и *со̄ да, со̄ дэсў* сливаются и образуют адъективный глагол. Такое объяснение, как мне кажется, более правильно, поскольку неправомерно считать в этом случае *со̄ да, со̄ дэсў* служебным глаголом предположения. Все же нужно обратить внимание на то, что и при первом употреблении *со̄ да, со̄ дэсў* спрягаются так же, как адъективные глаголы.

4. *Ё̄ да, ё̄ дэсў*

Эти слова в общем похожи на *со̄ да, со̄ дэсу*. Их значение: *...но ё̄на дэ̄тай дэ ару* ‘состояние таково, что ...’ или *расий* ‘похоже’. Они выступают как служебные глаголы предположения, например:

Хоккоку-дэ ва мо юки-га футта ё̄ да ‘Кажется, на севере уже выпал снег’.

Тайван-но нацу ва хикакӯтэки синогиясуй ё̄ дэсў ‘Кажется, лето на Тайване легко переносится’.

На первый взгляд кажется, что эти слова образованы из *ё̄*

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

и связки *да* и *дэсӯ*, но процесс их образования неизвестен. *Ӗ̄* — это, очевидно, онное чтение иероглифа 樣 'вид, образ, подобие'. Эти слова спрягаются так же, как и служебные глаголы сравнения *ӗ̄ да*, *ӗ̄ дэсӯ*, но в способах их сочетаемости есть некоторые различия, поэтому их не следует смешивать.

Существует мнение, что *ӗ̄* — это тайгэн, *да*, *дэсӯ*—связки, а вместе они образуют спрягающееся словосочетание, но это *ӗ̄* не может иметь при себе падежные служебные слова *га*, *но*, *о* и не может самостоятельно выступать в роли подлежащего, поэтому я склонен считать *ӗ̄ да* и *ӗ̄ дэсӯ* служебными глаголами.

Ӗ̄ да, *ӗ̄ дэсӯ* имеют такое же спряжение по типу адъективных глаголов, как *сӧ да*, *сӧ дэсӯ*. Они присоединяются к приименной форме спрягающихся слов.

Таблица 64

Спряжение *ӗ̄ да*, *ӗ̄ дэсӯ*

	Незавершенная форма	Приёгэнная форма	Заключительная форма	Приименная форма	Условная форма	Повелительная форма
ӗ̄ да	*ӗ̄ дара* *ӗ̄ нара*	*ӗ̄ дат* *ӗ̄ дэ* (срединная форма) *ӗ̄ ни* (наречная форма)	*ӗ̄ да*	*ӗ̄ на*	*ӗ̄ нарэ* *ӗ̄ нара*	Нет
ӗ̄ дэсӯ	*ӗ̄ дэсэ* *ӗ̄ нара*	*ӗ̄ дэси* *ӗ̄ дэ* (срединная форма) *ӗ̄ ни* (наречная форма)	*ӗ̄ дэсӯ*	*ӗ̄ на*	*ӗ̄ нарэ* *ӗ̄ нара*	Нет

XVII. СЛУЖЕБНЫЕ ГЛАГОЛЫ ЖЕЛАТЕЛЬНОСТИ РАЗГОВОРНОГО ЯЗЫКА

Служебными глаголами желательности в разговорном языке являются два слова: *тай*, происходящий от служебного глагола желательности письменного языка *таси*, и *тагару* — измененный *тай*. *Тай* спрягается по типу предикативных прилагательных следующим образом:

Тай: 1) *таку*, 2) *таку*, 3) *тай*, 4) *тай*, 5) *такэрэ*, 6) нет. Присоединяется к приёгэнной форме глаголов.

Ватакӯси ва соннани икитаку най 'Мне не так хочется идти'.

Хаяку иттэ хаяку каэритай 'Хочу быстро пойти и быстро вернуться'.

Икитакэрэба косо итта но дэ ару 'Так как хотел идти, то и пошел' (в этом примере *такэрэба* имеет значение *тай кара* 'так как хотел', *тай ни ётгэ* 'из-за того, что хотел', поэтому ее можно назвать завершенной формой).

Приёгэнная форма *таку*, так же как и прилагательные, употребляется наречно. *Таку* благодаря фонетическому изменению превращается в *тау→тō*. Приёгэнная форма *таку*, соединяясь с *атта* (которое представляет собой *ари* в соединении с служебным глаголом прошедшего времени *та*), образует *такатта*. Слово *такат* не имеет спряжения, поэтому *тара* и *та* в нижеследующих примерах не формы спряжения *такат* , а незавершенная, заключительная и условная формы служебного глагола прошедшего времени *та*.

Кими мо икитакаттарō 'И ты, вероятно, хотел пойти'.

Ватакўси мо икитакатта 'И я хотел пойти'.

Когда к *таку* присоединяется союзное служебное слово *тэ*, то происходит удвоение согласного и получается *такўттэ*, которое часто встречается в токиоском диалекте.

Иногда вместо *тай* употребляется его основа *та*, что видно из следующих примеров: *накита я* 'хочется плакать' (*я* —служебное слово), *нэтаса* 'сонливость' (*са* — суффикс), *икитагэ* 'склонность пойти' (*гэ* — суффикс), *каэритасōни* 'как будто желая вернуться' (*сōни* — наречная форма служебного глагола), *каитагару* 'хотеть купить' (*гару* — суффикс).

Тагару в вышеприведенном примере спрягается по столбцу *ра* по четырехступенчатому спряжению и присоединяется к приёгэнной форме глаголов. Поскольку *тагару* выражает пожелание, то его можно рассматривать как служебный глагол желательности. Это слово образовано из основы *тай* — *та* и суффикса *гару*. Примеры:

Карэ ва титтомо хйто-ни аитагаранай 'Он совершенно не хочет встречаться с людьми'.

Амари икитагару моно да кара цурэтэ иттэ ятта 'Он очень хотел пойти, поэтому я взял его с собой'.

XVIII. СЛУЖЕБНЫЕ ГЛАГОЛЫ СРАВНЕНИЯ РАЗГОВОРНОГО ЯЗЫКА

В разговорном языке нет служебного глагола сравнения, соответствующего служебному глаголу сравнения письменного языка *готоси*. Однако, поскольку два слова *ē да* и *ē дэсў* выполняют роль *готоси*, то их и считают служебными глаголами сравнения разговорного языка. Они имеют те же формы, что и описанные ранее служебные глаголы предположения *ē да*, *ē дэсў*.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Существует мнение, что эти слова являются спрягающимися словосочетаниями, состоящими из *е* и связки *да* и *дэсу*, но в данной работе мы рассматриваем их как целые служебные глаголы сравнения

Однако, если применить те соображения, которые были высказаны об аналогичном глаголе письменного языка, то их можно считать различными частями речи.

Ракка ва марудэ юки-но ē да 'Осыпающиеся цветы совсем как снег'.

На-но хана ва тēдо мōсэн-о сиита е дэсу 'Цветы овощей — точно разостлали ковер'.

На основании того, что именно определяют наречные определения *марудэ* 'совсем' и *тēдо* 'точно', *ē да* и *ē дэсу* следует назвать формальными егэнами. Их нельзя назвать реальными егэнами, поскольку невозможно образовать такие предложения, как: *Хана ва юки-но марудэ ē да, на-но хана ва мōсэн-о сиита тēдо ē десу*. Во всяком случае несомненно, что по сравнению с другими служебными глаголами (за исключением служебных глаголов-связок и предположительного *расий*) — это знаменательные слова. Я думаю, что их следует считать особыми служебными глаголами.

Е да и *ē дэсу* спрягаются так же, как служебные глаголы предположения *ē да* и *ē дэсу* (см. таблицу на стр. 467), но сочетаются несколько иначе, а именно с приименной формой глаголов, предикативных прилагательных и с тайгэнами при помощи служебного слова *но*

Кайдзе ва марудэ кагами-но ē датта 'Море было совсем как зеркало'.

О-цӯкисама ва бон-но ēни миэмасу 'Луна выглядит как круглый поднос'.

Ано хйто-но коэ ва сиси-но хоэру ēна коэ да 'У него [такой] голос, как у рычащего льва'.

На Кюсю и в Тюгоку употребляют слово *гото*. Это,очевидно, изменение *готоси*, например: *хана-но гото ару, хана-но готару* (сокращение от *хана-но готоку ару*) 'похоже на цветы'; *юки-но госсиро ка* (*юки-но готоку сирой*) 'белый, как снег'.

Юдзава Кокитиро пишет следующее: «*Е* — это онное чтение иероглифа 様, которое в исторической орфографии передавалось через ヤウ (*яу*). Ранее он имел значение *сама* 'вид, подобие', но затем путем добавления к нему *на* и *ни* его стали употреблять почти в том же значении, что и *готоси*. Собственно говоря, издавна обычно употреблялось *готоси*, но с течением времени оно постепенно стало менее употребительным и в современном разговорном языке, за исключением особых случаев, совершенно исчезло. На смену ему явилось *ē*. Такое использование диалектального *ē*, конечно, не характерно для той эпохи, но с наступлением периода Камакура *е* стало заметно входить в силу и к периоду Асикага в живой

речи стало преобладать над *готоси*. По употреблению оно, видимо, не отличалось от готоси»[112]. «Однако во многих случаях *ē* употребляется только с *на* или *ни*, поэтому нельзя ли отделить его от них и рассматривать как служебный глагол?»[113].

Присоединяемые к *ē* слова *на* и *ни* неотделимы от *ē*. Что *ни* и *на* не присоединены, а представляют собой окончание служебных глаголов *ē*, *да*, *ē дэсӱ*, понятно из сопоставления с окончаниями адъективных глаголов.

XIX. СЛУЖЕБНЫЕ ГЛАГОЛЫ-СВЯЗКИ РАЗГОВОРНОГО ЯЗЫКА

Обычно служебные глаголы подразделяют на две группы. Служебные глаголы первой группы, присоединяясь к самостоятельным глаголам, восполняют их сказуемостность. Служебные глаголы второй группы, присоединяясь к тайгэнам, как правило не обладающим предикативностью, придают им таковую. Ко второй группе относятся: служебные глаголы-связки, служебные глаголы сравнения и служебный глагол предположения разговорного языка *расий*. К первой группе — все остальные служебные глаголы.

К служебным глаголам-связкам разговорного языка относятся три слова: *да*, *дэсӱ* и измененное *нари* письменного языка. Служебные глаголы-связки — это служебные глаголы, придающие предикативность. Следовательно, они, присоединяясь к тайгэнам, не обладающим предикативностью, придают им предикативность. Однако иногда связки присоединяются к самостоятельным глаголам, обладающим предикативностью; в таких случаях они усиливают предикативность. Это объясняется их исконной природой — природой служебных глаголов. Связки присоединяются обычно к тайгэнам, чем и отличаются от других служебных глаголов. На этой почве возникли споры, как называть связки — формальными ли ёгэнами или недостаточными глаголами, или зависимыми глаголами, в результате чего их можно было бы выделить из группы служебных глаголов. Об этом уже говорилось раньше. В данной книге я отношу их к служебным глаголам и называю «особыми служебными глаголами».

Да, *дэсӱ* и *нари* спрягаются как показано на таблице № 65. Сочетаются с тайгэнами, с приименной формой спрягающихся слов при помощи служебного слова *но* и с некоторыми служебными словами.

Примеры на сочетание различных форм спряжения этих связок с тайгэнами:

Сорэ ва хон ***дарō*** ‘Это, видимо, книга’.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Таблица 65

Спряжение *да, дэсў*

	Незавершенная форма	Приёгэнная форма	Заключительная форма	Применная форма	Условная форма	Повелительная форма
да	*дара*	*дат* (ｻﾞﾂ) *дэ* (срединная и наречная формы)	*да*	*да*	Нет	Нет
дэсў	*дэсэ*	*дэси дэ* (срединная и наречная формы)	*дэсў*	*дэсў*	Нет	Нет
нари	*нара*	*нари* (срединная форма)		***на***	*нарэ* ***нара***	Нет

Корэ-га такара ***нараба*** *доннани ёкарō* ‘Если бы это было сокровище, то как было бы хорошо’.

Корэ ва ӳмэ-но ки ***дэ***, *арэ ва сакура-но ки* ***да*** ‘Это — сливовое дерево, а то — вишневое’.

Ани мо ани ***нари*** *отото мо отото да* ‘И старший брат — это брат и младший брат — это брат’.

Корэ ва хон ***дэ*** *ару* ‘Это книга’.

Сорэ ва нōто ***дэ*** *ва аримасэн* ‘Это не тетрадь’.

Арэ ва нōто ***дэсў*** ‘То — тетрадь’.

Коно ко ва бака ***дэсў*** *моно, нани-о сидэкасу ка вакаримасэн* ‘Этот ребенок глуп, он не знает, что делает’ (приименная форма *да, дэсў* может предшествовать не всякому тайгэну).

Ано хйто ва гакӳся ***на*** *хадзу-га най* ‘Не может быть, чтоб он был ученый’.

Ната-га ися ***нара*** *митэ мораимасē* ‘Если вы врач, то прошу осмотреть меня’.

Примеры на сочетание *да, дэсў* с различными служебными словами:

Осоросий но ва дзисин то каминари ***то да*** ‘Что страшно — это землетрясение и гром’.

Хикари-но сасу но ва тōхō ***кара дэсў*** ‘Свет проникает с востока’.

Кайкай ва гого годзи ***мадэ дэсу*** ‘Собрание [продлится] до пяти’.

Тада мо наку ***бакари да*** ‘[Он] только [и знает, что] плачет’

Незавершенная форма *нара* от *нари* и условная форма *нара, нарэ* употребляются вместо незавершенной и условной форм глаголов *да, дэсў*. Приименная форма *на* употребляется следующим образом:

Соко-э куру-но ва дарэ ***на*** *но ка* 'Кто это, кто подходит сюда?'

Арэ ва ватакуси-но томодати ***на*** *н дэсў* 'Это мой товарищ'.

На образовалось от служебного глагола-связки письменного языка *нару* путем отбрасывания *ру* от приименной формы *нару*. Поэтому *на* и употребляется только в качестве приименной формы. Однако *на* возможно не перед всеми тайгэнами.

В следующих примерах периода Муромати *на* не является служебным глаголом-связкой:

Икасама доко-яра-дэ кийта ёна 'Действительно, как будто слышал где-то'.

Нанто корэ ва мимиёрина 'Во всяком случае, это приятно слышать'.

В первом примере *на* — приименная форма служебного глагола сравнения *ё да*, во втором примере *на* — приименная форма адъективного глагола *мимиёри да*. Оба *на* являются формой, при которой опущен следовавший за ними тайгэн.

Однако в «сёномоно» встречаются примеры на употребление *на* как служебного глагола-связки.

Уцубари ва ёко ***на****, хасира ва татэ* ***на****, ёко на мо, татэ на мо, каку соно ёни тацу то ва* 'Балки горизонтальны, столбы вертикальны, и горизонтальные и вертикальные выполняют свою роль'.

Некоторые полагают, что *на* в таких словах, как *сидзукана* 'тихий', *риппана* 'красивый', — связка, однако *на* во всех таких словах является окончанием приименной формы адъективных глаголов.

При указанном ниже употреблении приёгэнной формы *нари* — служебный глагол-связка — превратился в служебное слово:

Сисо̄ ***нари*** *кандзё̄* ***нари*** *но ӯму* (有無)*-ни ёттэ хандан-суру* 'Судят в зависимости от того, есть ли мысли, чувства'.

Ёмасэру ***нари*** *какасэру* ***нари*** *сётэ миё̄* 'Попробую дать почитать, пописать'.

В предложениях *арэ ва дарэ да* 'кто это?', *корэ ва нан да* 'что это?' заключен вопрос. Предложения *корэкара ику но да* 'пора идти', *са бэнкё̄-суру н да* 'надо заниматься' употребляются в смысле повеления. В словах *ёнда* 'читал', *тонда* 'летел' *да* — служебный глагол прошедшего времени *та*, подвергавшийся озвончению. Поэтому его нельзя принимать за служебный глагол-связку *да*.

Дэсў более вежливо, чем *да*. Когда *да* и *дэсў* сочетаются со спрягающимися словами, то обычно после приименной формы последних вставляется *но*, например:

Ната ва доко-э ику ***но дэсў*** *ка* 'Куда вы идете?'

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Кими-но кангаэгата-га варуй **но да** 'У тебя плохой образ мыслей'.

Иногда это *но* произносят как *н*, однако это невежливо. Некоторые ученые считают *нода* единым служебным глаголом-связкой, но я с этим не согласен.

Нара иногда присоединяется к спрягающемуся слову и без промежуточного *но* (конечно, *но* можно и вставить), например:

Кими-га ику [*но*] *нара ватакуси мо ико* 'Если пойдешь ты, то пойду и я'.

Мити-га варуй [*но*] *нара ватакуси ва иканайдэ окō* 'Если дорога плохая, то я не пойду'.

Дарō, дэсē в нижеследующих примерах рассматриваются как служебные глаголы предположения, о чем говорилось ранее (правда, при такой точке зрения *да* и *дэсу* не должны иметь незавершенную форму), поскольку обычно *да, дэсу* не следуют непосредственно за приименной формой спрягающихся слов, например:

Сигото-о синайдэ каэру то сикарэру дэсē 'Если возвратиться, не сделав работы, то, наверное, попадет'.

Кэкка ва ёходо ёй дарō 'Результаты, наверное, довольно хорошие'.

Возможно и такое употребление:

Кими нани-о суру да 'Что ты делаешь?'

Боку ва хидзёни курусий дэсу 'Мне очень тяжело'.

Случается, что в этом употреблении и заключительная форма *дэсу* следует непосредственно за приименной формой предикативных прилагательных или служебных глаголов типа прилагательных (конечно, и в таких предложениях может быть вставлено *но*). Однако вряд ли это общепринятое употребление:

Ано хон ва тайхэн муцукасий дэсу 'Та книга очень трудна'.

Ватакуси мо итидо иттэ митай дэсу 'И мне хочется еще раз посмотреть'.

Дэсу может непосредственно следовать и за *масэн* (которое представляет собой *масу* в соединении с *нў*), например:

Мада дарэмо китэ имасэн дэсита 'Еще никто не пришел'.

Мити ва сō тōку ва аримасэн дэсē 'Дорога, вероятно, не будет такой дальней'.

Бывает, что приименная форма *на* сочетается с *да, дэсу* при наличии промежуточного *но*, например:

Сорэ ва тасикана кото **на но да** 'Это достоверно'.

Анохито ва арэ дэ наканака хиракэта хито **на но дэсу** 'Он очень культурный человек'.

Иногда *на но да, на но дэсу* сокращается в *нан да, нан дэсу*. Некоторые ученые считают, что в таких случаях *нан да* и *нан дэсу* нужно рассматривать как единый служебный глагол-связку.

В отношении *да* полагают, что оно произошло от сокращения *дэ ару*, а *дэ* — это сокращенное *нитэ*. Если мы сравним употреб-

ление *дэ ару* и *да* в приведенных ниже примерах, то не обнаружим никакой разницы между ними, т. е. *дэ ару* и *да* полностью взаимозаменяемы:

Дзинсэй ва гокураку дэ ару га, мата дзигоку дэ ару 'Человеческая жизнь — рай и ад'.

Дзинсэй ва гокураку да га, мата дзигоку да (перевод тот же).

Да — слово, служебный глагол-связка, поэтому и его замену *дэ ару* следует назвать словом. Однако *дэ ару* имеет и другое употребление:

Дзинсэй ва гокураку дэ мо ару га, мата дзигоку дэ мо ару 'Человеческая жизнь — и рай, и ад'.

Дзинсэй ва гокураку дэ ва ару га, дзигоку дэ ва най 'Человеческая жизнь — рай, но не ад'.

Примеры показывают, что между *дэ* и *ару* можно вставить служебное слово *мо* или *ва*. Отсюда вытекает, что связь между *дэ* и *ару* недостаточна. А слова с недостаточной связью следует рассматривать как два слова. Поэтому *дэ* и *ару* нужно считать двумя словами. Если же *дэ* и *ару* — два отдельных слова, то встает вопрос, какова их природа? *Ару*, разумеется, нужно считать глаголом. Если это глагол, то, значит, глагол, выражающий бытие. Однако *ару* в данном случае не выражает бытия вещей и явлений. В предложениях *дзинсэй ни ва гокураку га ару* 'в человеческой жизни есть рай', *дзинсэй ва гокураку дэ ару* 'человеческая жизнь — рай' *ару* только в первом из них является самостоятельным глаголом со значением бытия. Поэтому можно сказать *дзинсэй-ни ва гокураку-га хонто̄ни ару* (или *дзинсэй-ни ва хонто̄ни гокураку-га ару*) 'В человеческой жизни действительно есть рай'. Однако *ару* во втором примере не есть самостоятельный глагол со значением бытия. Таким образом, нельзя сказать *дзинсэй ва гокураку дэ хонто̄ни ару*. Это *ару*, потеряв значение бытия, стало близко к формальным словам, поэтому оно называется вспомогательным глаголом. Точно так же *най* в употреблении *корэ ва хон дэ ва най* 'это не книга' стало формальным предикативным прилагательным и поэтому называется вспомогательным прилагательным. Как *дэ ару* нельзя рассматривать в качестве одного слова — служебного глагола-связки, так и *дэ най* нельзя рассматривать как одно слово — служебный глагол отрицания.

Далее, некоторые считают, что *дэ* в *дэ ару* — служебное слово, но я думаю, что оно носит другой характер, чем *дэ* в примерах *эмпицу-о когатана-**дэ** киру* 'чинить карандаш ножиком'; *карэ ва Токе̄-**дэ** кацўяку-сйтэ иру* 'Он развивает свою деятельность в Токио'.

Последнее *дэ* представляет собой падежное служебное слово. Поэтому, может быть, правильней считать первое *дэ* не служебным словом, а наречной формой служебного глагола-связки *да*.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Корэ ва ӳмэ-но ки дэ, арэ ва сакура-но ки да 'Это — сливовое дерево, а то вишневое'.

Дэ в данном примере, несомненно, срединная форма от служебного глагола-связки *да*. Следовательно, оно не может быть служебным словом. Таким же образом и *дэ* из *дэ ару*, пожалуй, можно считать наречной формой. То же самое относится и к *дэ* в *дэ годзаимасӳ*.

Как видно из истории языка, *дэ ару* имеется и в «Амáкусабон» и в «сёномоно»; в словаре Родригэса дано объяснение слова *дэа*, а в период Муромати смешанно употребляют *да* и *дзя*. Однако *да* и *дзя* — это соответственные кантоская и кансайская формы. *Дзя* позднее превратилось в *я*; и в настоящее время в районе Кансай говорят *сорэ ва нани дзя* 'что это?', *корэ ва хон я* 'это книга'; *сō я*, *сō я* 'так, так':

Сатэ корэ косо мия-но мигуси ***дэ ару*** *то садамэрарэта* (Амакӳсабон Хэйкэ-моногатари) 'Итак, решено, что он будет главою храма'.

Фубо синдэ саннэн-но мо ва цури ***дзя*** *со* (Сикисе) 'После смерти родителей траур обычно длится три года'.

Дайдзи ***дзяру*** *моно* (Канкинсю) 'великое дело'.

По одной из теорий этимология *дэсӳ* представлена в следующем виде: *дэ годзаримасӳ→дэ годзаимасӳ→дэ годзансӳ→дэ говансӳ→дэ гоансӳ→дэ гансӳ→дэ гэнсӳ→дэ гэйсӳ→дэ гэсӳ→дэ асӳ→дэсӳ*.

В «Приложении к грамматике разговорного языка» относительно *дэсӳ* говорится:

«*Дэсӳ* употребляется с глубокой древности. В Эдо* *дэсӳ* встречалось в словаре артистов и стояло в ряду с такими легковесными словами, как *дэгэсу*. До Мэйдзи его употребляли только рассказчики, шуты, гейши, девушки из чайных домиков Синъёсивара и т. д. Этих женщин даже в быту укоряли за *дэгэсу*; поэтому горожане с положением, ни мужчины, ни женщины, это слово не употребляли. Широкое распространение *дэсӳ* получило в начале периода Мэйдзи, когда провинциальные самураи нахлынули в Эдо и, слыша это слово от гейш в Янагибаси и Симбаси, приняли его за обычное эдоское слово и сами пустили его в ход. Таким образом, когда-то оно считалось не очень хорошим словом, но сейчас им пользуются люди с положением, и оно стало всеобщим.

В районе Кансай для выражения предположения говорят *дэсӳ ярō*, *дэсйта ярō*, в префектурах Киото, Сига и в Тамба — *досу*, *досу ярō*, *досйта*, *досйта ярō*; в Осака, Сэтцу, Хёго, Нара и в южной части Ямасиро — *дасу*, *дасу ярō*, *дасйта*, *дасйта ярō*, но все эти диалектные формы не общеупотребительны.

Киотоское *досу* произошло от сокращения письменного *нитэ*

* Эдо — название г. Токио до 1868 г — *Прим. ред.*

овасимасу→дэ омасу→дэ осу→досу. Осакское *дасу*, видимо, является изменением *досу*.

Дэ аримасӯ — более вежливая форма, чем *дэсӯ*, но употребляется только в официальных речах. *Дэ годзимасу* еще вежливее, чем *дэ аримасӯ*. *Дэ аримасӯ* в Эдо не употреблялся. Тогда говорили обычно *дэ годзимасӯ*, а женщины — *дэ годзансӯ*. *Дэ аримасӯ* возникло в начале периода Мэйдзи, когда в Эдо стали приезжать самураи из сельских районов. Однако и в период Эдо употреблялись формы с добавлением *ва* и *мо*, например: *сō дэ ва аримасӯ га* 'это так, но...'; *сō дэ мо аримасэнӯ* 'это не так'.

Девушки из веселого квартала Синъёсивара в Эдо говорили *одзаирису*, *дзаймасу*, *дзамасу*, *дзансу*; в Токио употреблялись *сō наримасйтэ су* 'так было', *матимасйтэ сйта* 'ожидал', *дзю̄нидзи горо дэ годзаимасйтэ сиē* 'вероятно, 12 часов', в Сэндай — *сō су ка* 'вот как?', *саē дэ годзари сйтэ годзарису* 'так'. Все эти слова свелись к одному слогу *су*.

В период Муромати встречались такие примеры:

Энкоку-ни какурэ мо най даймé ***дэсӯ*** (Кёгэнки) '[Это] даймё, у которого нет укрытия и в отдаленной провинции'.

Хагурояма-ёри идэтару какэдаси-но ямабуси ***дэсӯ*** (Кёгэнки) '[Это] — странствующий монах из Хагурояма'.

Вопрос о происхождении *дэсӯ* еще не решен, так как имеется ряд теорий о его происхождении из: *дэ аримасӯ*; *дэ годзаимасӯ*; *дэ су*; *дэ овасу*; *дэ сōрō*»[114].

XX. СЛУЖЕБНЫЕ ГЛАГОЛЫ ОТРИЦАНИЯ РАЗГОВОРНОГО ЯЗЫКА

В письменном языке существует четыре служебных глагола отрицания: *дзу*, *дзари*, *дзи* и *мадзи*; в разговорном языке — три: *ну* (*н*), *най*, *май*. Они спрягаются следующим образом:

Таблица 66

Спряжение *ну, най, май*

	Незавершенная форма	Приёгэнная форма	Заключительная форма	Применная форма	Условная форма	Повелительная форма
ну	Нет	(*дзу*)	*нӯ* (*н*)	*нӯ*(*н*)	*нэ*	Нет
най	Нет	*наку*	*най*	*най*	*наӷэрэ*	Нет
май	Нет	Нет	*май*	*май*	Нет	Нет

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Нӯ (*н*) и *най* присоединяются к незавершенной форме самостоятельных и служебных глаголов.

Май присоединяется к заключительной форме глаголов четырехступенчатого спряжения и к незавершенной всех остальных.

Као мо агэдзу найтэ ита 'плакала, не поднимая лица'.

Сакэ мо номадзу табако мо номанай 'Он не пьет и не курит'.

Анохйто ва тикагоро моно-о иванаку натта 'За последнее время он стал неразговорчивым'.

Ия, кэсйтэ амэ ва фурумай 'Ну уж, вряд ли дождь пойдет'.

Вакаран кото ва нандэмо тадзунэру га ёй 'Можно спрашивать обо всем, что не понимаешь'.

О-исоги-дэ яранэба отцуканай 'Чтобы нагнать, нужно поспешить очень быстро' (букв. 'Если не поспешить, то не нагонишь').

Амэ-га фуранакэрэба дэкакэмасӯ 'Если не пойдет дождь, то [я] выйду'.

1. *Ну*

Служебный глагол разговорного языка *ну* произошел из *дзу* письменного языка. Употребление его приёгэнной формы *дзу* в настоящее время этим и объясняется. Незавершенная форма *дзу* в период Токугава употреблялась следующим образом:

Хадзи-о киёмэдзуба хонгоку-э каэрумай (Сацума-ута) 'Если он не смоет позора, то вряд ли вернется на родину'.

Такого употребления незавершенной формы в современном разговорном языке не наблюдается. Употребление приёгэнной формы *дзу* в разговорном языке объясняется включением формы письменного языка в разговорный язык. Спряжение *ну* можно признать в том виде, как оно приведено выше в таблице.

Формой прошедшего времени от *ну* была форма *нанда*, которая до сего времени употребляется в районе Кансай. *Да* в этом слове произошло из служебного глагола прошедшего времени *та*, который под влиянием предшествующего ему звука *н* превратился в *да*, что подтверждается примерами употребления *нандарэба* в «сёномоно». В таком случае что же такое *нан*? Это неясно. В «Приложении к грамматике разговорного языка» говорится: «Это *нанда* входит в систему *дзу*, *ну*, *нэ*, а не в систему *наку*, *най*, *накэрэ* диалекта Канто. *Кикану атта* 'не слышал' сократилось в *киканатта* и далее *кикананда*, т. е. изменился конец слова. Такой же пример имеется в Сикоку, где *ивадзу атта* 'не говорил' сократилось в *ивадзатта*: *ри* в *ари* превратилось и в *цу* и в *н*: *сирихараи* изменилось в *сиппараи*, а *сиригаи* в *сингари*»[115].

Симмура Идзуру считает, что слово *нанда* — спрягающийся служебный глагол, который предположительно происходит из *нау*, существовавшего в восточном диалекте годов Тэмпё (729—

748 гг). По примеру встречающегося в «сёномоно» периода Асикага изменения удвоенного согласного, видимо, и *натта* изменилось в *нанда*, а затем это слово кантоского диалекта вошло в кансайский. Он считает, что объяснить происхождение этой формы из литературных *дзу*, *ну*, *нэ* трудно[116]. Некоторые ученые предполагают, что *нан* получилось из *ни ари*, старой формы *дзу ари*, так что *сирананда* 'не знал' — это *сирани атта*.

Если считать, что форме *нанда* предшествовала форма *намуси*, то можно найти материал для дальнейшего изучения этого вопроса. Существует еще форма отрицания *идэ*, которая используется срединно и наречно; она присоединяется к незавершенной форме глаголов. Относительно образования *идэ* также нет достоверной теории, но поскольку *дзутэ*, состоящее из *дзу* и *тэ*, превратилось в *дэ*, то может быть это *дэ* и перешло в *идэ*. В «Приложении к грамматике разговорного языка» говорится:

«Форма письменного языка *укэдзу сйтэ* 'не получая', *ёмадзу сйтэ* 'не читая', передаваемая в разговорном языке в виде *укэн*[ў] *дэ* или *ёманайдэ*, в западных провинциях произносится *укэидэ*, *ёмаидэ*. Однако данными формами пользоваться не следует. Как произошли эти формы? Есть ли это изменение *ну* в *и*, или же сокращение формы письменного языка вначале в *укэдзутэ*, *ёмадзутэ*, потом в *укэдэ*, *ёмадэ*, а вслед за этим растяжение указанных форм? Это растяжение сходно с происходящим в западных провинциях удлинением *ха* 'лист' в *ха̄*, *ка* 'комар' в *ка̄*, *хи* 'огонь' в *хӣ*, *мэ* 'глаз' в *мэ̄*, *су* 'уксус' в *сӯ*; *си-су* 'убивать' там произносят *сӣсу*; *ки-но куни* (木の國) 'провинция Ки' произносят *Кии-но куни* (紀伊の國)»[117].

Некоторые считают, что *идэ* — это фонетическое изменение *ни* (отрицание) и *тэ*.

Примеры на употребление *идэ* встречаются и в периоды Инсэй, Камакура, Муромати, Токугава и в настоящее время.

Одзика фу́тацу итодомэтэ, мэдзика-оба ицидэ дзо отосйкэру (Хэйкэ-моногатари) 'Двух оленей самцов убили, а самку, **не стреляя**, отпустили'.

Каттэни сэидэ окō ка Тайкёдзи-мукасигоёми 'Не будем делать самовольно'.

Юдзава Кокитиро включает *идэ* в группу союзных служебных слов[118].

2. *Най*

Когда *най* присоединяется к неправильному глаголу *суру*, то из двух незавершенных форм он соединяется с *си* и получается *синай*, а к другой незавершенной форме *сэ* присоединяется *ну* и получается *сэнў* (*сэн*), что является одним из редких случаев такой сочетаемости служебного глагола.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Сйкэн мо сунда нодэ мō бэнкē ва ***сэнў*** 'Я закончил экзамены, поэтому уже не занимаюсь'.

Итадзура ва ***синайдэ*** *оки насай* 'Не шали'.

Когда *най* присоединяется к служебному глаголу вежливости *масў*, то говорят *масэн*, а не *масэнай*. В настоящее время *най* не присоединяется к глаголу *ару*, и *аранай* неупотребительно. Однако в «Оан-моногатари» встречается пример *Куби мо ковай моно дэ ва аранай* 'Он не боится за свою голову', а у Тикаманцу есть предложение: *Исогу кото ва аранай* 'Это не спешное дело'. Возможно, это диалектное употребление, а может быть, исключение.

Хотя *накэрэба*, образованное соединением завершенной формы предикативного прилагательного *най* и служебного слова *ба*, и *накэрэба*, образованное из соединения условной формы служебного глагола отрицания *най* и *ба*, похожи друг на друга, но смешивать их нельзя, о чем еще будет идти речь позже. Некоторые вместо предикативного прилагательного *накэрэба наран* говорят *накэнэба наран*, но к прилагательному служебный глагол отрицания не присоединяется, поэтому такое употребление ошибочно. Адъективный глагол спряжения *кари*, к незавершенной форме которого присоединен служебный глагол отрицания, принимает форму *накара*, а не *накэ* или *накэра*. Следовательно, форма *накэранэба наран*, безусловно, ошибочна.

Когда к приёгэнной форме *наку* присоединяется служебное слово *тэ*, то должно получиться, например, *иканакўтэ*, но в токиоском диалекте *т* удваивают и говорят *иканакўттэ ёкатта* 'можно было и не ходить'. Возможно, что *иканакўтэ* — это сокращение от *иканаку аттэ*[119].

Когда приёгэнная форма *наку* соединяется с формальным глаголом *ару*, образуются формы ***накара***(*у*)→***накарō*** и ***накат***(*та*). Эти формы соответствуют формам письменного языка *накараму* и *накарики*. В письменном языке *накари* обычно считают адъективным глаголом, поэтому полагают, что и в разговорном языке данные формы также нужно относить к адъективным глаголам, но это большая ошибка. Хотя форма соединения *наку* и *ару* совершенно такова же, как и у адъективного прилагательного, но *накари* письменного языка образовано от соединения предикативного прилагательного и самостоятельного глагола; созданное таким путем *накари* — знаменательное слово, а вышеприведенные *накара* и *накат* являются соединением служебного глагола *наку* и формального глагола *ару*; и созданные таким образом слова являются словами формальными. Следовательно, они остаются и служебными глаголами. Приведем примеры их употребления:

Доко-о сагасйтэ мо хон ва накатта 'Где ни искал, но книги нет' (адъективный глагол).

Икура кангаэтэ мо вакаранакатта 'Сколько ни думал, но не понял' (служебный глагол).

Неправильно сокращать *вакаранакатта* в *вакаранкатта*.

Часто встречаются предложения, в которых легко спутать предикативное прилагательное *най* и служебный глагол отрицания *най*.

Ано кава ва фӯкаку най 'Та река не глубока'.

Кӧгай-дэ мо сидзука дэ най 'И в пригороде не тихо'.

Най в этих примерах прилагательное, но *най* в следующем примере хотя и прилагательное, но как-то отличается от предыдущего *най*:

Ватакӯси-но кайтю̄-ни ва канэ-га итимон мо най 'У меня за душой нет ни гроша'.

В последнем примере *най* отрицает наличие вещей. Это *най* противоположно глаголу *ару* 'быть, иметься'. Оно подходит под определение знаменательного слова. В первых примерах *най* выражает отрицание состояния, т. е. имеет более формальное значение, чем второе *най*. Ранее указывалось, что служебный глагол-связка *ару* в *дэ ару* носит более формальный характер, чем глагол *ару*, выражающий бытие предмета; подобно этому и данное *най* — формализовавшееся слово. *Най* выражает в данном случае отрицание *дэ ару*. Если бы *дэ ару* можно было назвать единым служебным глаголом, то и *дэ най* назвали бы так же (однако выше при перечислении причин, по которым *дэ ару* нельзя признать единым служебным глаголом, приведены были и соображения о том, что служебным глаголом нельзя считать и *дэ най*). Следовательно, имеет некоторые основания и тот взгляд, что легко спутать формализовавшийся *най* и действительно формальное слово *най*, например:

Нара ва самуку най 'В Нара не холодно' (предикативное прилагательное).

Корэ ва хон-дэ ва най 'Это не книга' (предикативное прилагательное).

Ути-ни ва дарэмо инай 'Дома никого нет' (служебный глагол).

Приведем примеры, в которых сопоставлены знаменательные и формальные слова.

Знаменательные слова: *Коко-ни хон-га ару* 'Здесь есть книга' (глагол); *Коко-ни хон-га най* 'Здесь нет книги' (предикативное прилагательное).

Формальные слова: *Корэ ва хон дэ ару* 'Это есть книга' (формализовавшийся глагол); *Коко ва самуку най* 'Здесь не холодно' (формализовавшееся предикативное прилагательное).

Иначе говоря, служебный глагол *най* похож на отрицание служебного глагола-связки. В этом и состоит объяснение того, почему *най* называют вспомогательным прилагательным, о чем уже говорилось ранее.

Предикативное прилагательное *най* и служебный глагол *най* можно отличать по следующим признакам.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

1. Предикативное прилагательное *най* никоим образом не присоединяется к глаголам. Если же к нему и присоединяются служебные глаголы, то только к его приёгэнной (наречной) форме. Служебный глагол *най* присоединяется к самостоятельным глаголам и к другим служебным глаголам, но не присоединяется к предикативным прилагательным (к адъективным глаголам он присоединяется). Он присоединяется к незавершенной форме самостоятельных и служебных глаголов.

2. Предикативное прилагательное *най* может, не меняя смысла, замещать *аранӯ*, т. е. самостоятельный глагол *ару* с служебным глаголом отрицания, но не может замещать один служебный глагол отрицания *ну*: *кӗ ва самуку най* 'Сегодня не холодно' можно заменить *кӗ ва самуку аранӯ*, но нельзя сказать *кӗ ва самукунӯ*.

Служебный глагол *най* может, не изменяя смысла, замещать другой служебный глагол отрицания *ну*, но не может замещать *аранӯ*: *кӗ ва иканай* 'сегодня не пойду' можно заменить *кӗ ва иканӯ*, но нельзя сказать *кӗ ва икааранӯ*.

3. Между предикативным прилагательным *най* и предшествующим словом можно вставить служебные слова *ва, мо*, но эти служебные слова нельзя вставить между служебным глаголом *най* и предшествующим словом. Таким образом, первое *най* — знаменательное, а второе *най* — формальное слово.

К основе *най — на* присоединяется служебный глагол предположения *сӧ да* и образуются формы: *дэкинасӧ да* 'вероятно не сможет', *катэнасӧ да* 'вероятно не победит'.

Употребление *ну* и *най* по районам следующее: в Канто (к востоку от Микава) употребляется *най*, а в Кансай (к западу от Овари) употребляется *ну*. В «Докладе по изучению грамматических форм разговорного языка», составленном Комитетом по изучению родного языка при Министерстве просвещения, это разграничение было представлено в качестве одного из признаков, на основании которых проводится деление между восточными и западными диалектами. В «Докладе» приведены многочисленные примеры на расхождение в грамматических формах между восточной и западной частями страны. Там сказано: «Если проводить диалектную границу по всей стране, руководствуясь указанным противопоставлением, то в общем ее можно провести по восточной границе провинций Эттю — Хида — Мино — Микава. Диалекты к востоку от этой линии можно назвать восточными, а к западу — западными».

Однако в современных хрестоматиях для начальной школы обе формы *ну* и *най* употребляются как норма (все же *ну* менее употребительно), что привело к их распространению по всей стране. Все же по употреблению *нанда*, происходящего от *ну*, и *накатта*, происходящего от *най*, можно провести ясное разграни-

чение между восточными и западными районами. Например, отрицательные формы глагола *сиру* 'знать' встречаются в:

Ватакуси ва сиранаката (Канто̄);
Ватакуси ва сирананда (Кансай);
Ватакуси ва сиранайдэ имасйта (Канто);
Ватакўси ва сирайдэ имасйта (Кансай);
Ватакўси ва сирандэ имасйта (Кансай).

О происхождении *най* твердой теории не существует. Однако, очевидно, это не *наку* и не *нау*, встречающиеся в «Манъёсю» (в разделе Адзума-ута), это и не *ну*, перешедшее в «спряжение *ку*». Хосина Коити пишет по этому поводу: «Современные кантоские диалектные *най*, *накатта* произошли не от *наку*, *нау* и не от *ну*: это предикативное прилагательное *наси* как служебный глагол стало присоединяться к самостоятельным глаголам и превратилось в служебный глагол отрицания»[120]. Возможно, что предикативное прилагательное *наси*, формализовавшись, способствовало этим употреблению *наси* в качестве так называемого вспомогательного прилагательного (т. е. *дэ най* как отрицание *дэ ару*)' а затем, отделившись от *дэ*, превратилось в служебный глагол и стало присоединяться к самостоятельным глаголам и к другим служебным глаголам. В «сёномоно» периода Муромати встречается несколько примеров на присоединение отрицательного *най* к глаголам и к прилагательным, например: *хироку нō̄тэ* (←*наутэ*) *ва* (*хирой* 'широкий'), *урамэсйку най* 'не прискорбно', что близко к употреблению его как вспомогательного прилагательного. В «Кёгэнки» есть пример *оринай* 'не был', а в «Амáкусабон Хэйкэ-моногатари» — *годзанай* 'отсутствует'. Указанные примеры представляют интересный материал для изучения. (В Амакусабон Хэйкэ-моногатари примеров на присоединение *най* к самостоятельным глаголам совершенно нет.)

3. Май

Май произошло от служебного глагола отрицания письменного языка *мадзи*; следовательно, *май* представляет собой служебный глагол, выражающий отрицательное предположение. *Май* употребляется в значении *най то омоу* 'думаю, что нет', поэтому некоторые считают, что вместе с *у* и *ё* его следует называть служебным глаголом намерения (иси-но дзёдō̄си 意志の助動詞). Таким образом объясняется его употребление как глагола, выражающего решимость, например: *нидо то сонна кото ва сурумай* 'вторично [он] вряд ли это сделает'. Приименная форма *май* употребляется не широко, а лишь в случаях типа *отосумай тамэни* 'для того, чтобы не уронить', *васурэмай моно дэ мо най* 'не такая вещь, чтобы нельзя было забыть'. Приименная форма письменного языка *мадзики* вошла и в разговорный язык в таких выражениях, как *сон-*

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

на кото ва арумадзики кото да 'это невероятная вещь'; *сумадзики кото да* 'такая вещь, которая вряд ли будет сделана'. В древних текстах встречаются примеры на *мадзий* от *мадзи*, по аналогии с *осий* 'жалко' от *оси*. Однако превращение письменного *мадзики* в разговорный *май* не означает, что *мадзики* прямо перешло в *май*; по-видимому, заключительная форма ассимилировалась с приименной. Заключительная форма *мадзи* стала разговорным *май* благодаря выпадению согласного. *Май* присоединяется к незавершенной форме служебных глаголов пассива, возможности и каузатива и к заключительной форме служебного глагола вежливости *масу*, что видно из следующих примеров: *иварэмай* (пассив) 'вряд ли будет сказано', *ёмасэмай* (каузатив) 'вряд ли побудят читать', *ватакуси ва маримасумай* 'я вряд ли пойду'. К неправильным глаголам *куру* и *суру май* присоединяется различным образом, но в стандартном языке необходимо употреблять *май* правильно:

С глаголом *куру*: 1. *комай* (правильно), 2. *кимай*, 3. *курумай*, *кумай*.

С глаголом *суру*: 1. *сэмай* (правильно), *симай* (правильно); *сиёмай*, 2. нет, 3. *сурумай*, *сумай*. (К остальным трем формам спряжения *май* не присоединяется.)

Присоединение *май* к незавершенной форме всегда правильно, но в настоящее время довольно широко распространено и присоединение к заключительной форме, т. е. *курумай* и *сурумай*, и постепенно эти формы стали допустимы.

XXI. СОЕДИНЯЕМОСТЬ СЛУЖЕБНЫХ ГЛАГОЛОВ С САМОСТОЯТЕЛЬНЫМИ И ДРУГИМИ СЛУЖЕБНЫМИ ГЛАГОЛАМИ

1. Соединяемость служебных глаголов с самостоятельными.

А. *По формам самостоятельных глаголов*

1) К незавершенной форме присоединяются служебные глаголы:

пассива	***ру*** (четырехступ., непр. *на*, *ра*), ***рару*** (всех ост.*); ***рэру*** (четырехступ.), ***рарэру*** (всех ост.)
каузатива	***су*** (четырехступ., непр. *на*, *ра*), ***сасу*** (всех ост.), ***симу*** (всех)

* В скобках указаны те спряжения, к глаголам которых присоединяются данные суффиксы. — *Прим. ред.*

то же	***сэру*** (четырехступ.), ***сасэру*** (всех ост.), ***симэру*** (всех)
законч. действ.	***ри*** (непр. *са*)
будущего вр.	***му, маси; у*** (четырехступ.), ***ӗ*** (всех ост.)
предположения	***му, маси; у*** (четырехступ.), ***ӗ*** (всех ост.)
желательности	***махоси, махосикари***
отрицания	***дэу, дэари, дэи; ну, най; май*** (всех, кроме глаг. четырехступ. спр.)
вежливости	***су*** (гл. обр. четырехступ.).

2) К приёгэнной форме присоединяются

служебные глаголы:

прошедшего вр.	***ки, кэри; та***
законч. действ.	***ну, цу, тари; та; (тэ) симау, (тэ) иру; (тэ) ору; (тэ) ару***
предположения	***кэму; со̄ да, со̄ дэсӳ***
желательности	***таси, такари; тай, тагару***
вежливости	***масӳ, тамау, табу, овасу, мэсу, мацуру, татэмацуру, магирасу, мо̄су, кикою, хабэри, со̄ро̄; масӳ, насару, асобасу; кудасару, тамаэ; мо̄су, итасу, агэру, татэмацуру.***

3) К заключительной форме присоединяются

служебные глаголы:

предположения	***раму, мэри, раси, бэси, бэкари*** (всех, кроме глаголов непр. спр. *ра*); ***расий, даро̄, дэсӗ***
отрицания	***мадзи*** (всех, кроме глаголов непр. спр. *ра*); ***май*** (четырехступ. спр.).

4) К приименной форме присоединяются

служебные глаголы:

предположения	***со̄ да, со̄ дэсӳ, ӗ да, ӗ дэсӳ*** (всех, кроме глаголов непр. спр.)
сравнения	***готоси; ӗ да, ӗ дэсӳ***
связки	***нари; да, дэсӳ.***

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

5) К завершенной форме присоединяется
глаголы законч. действ. ***ри*** (четырехступ. спр.).

6) К повелительной форме — ничего.

Б. По служебным глаголам письменного языка
служебные глаголы:

пассива	***ру***	к 1-й форме четырехступ. спр. и глаголов непр. спр. *ра, на*
	рару	к 1-й форме всех остальных
каузатива	***су***	» 1-й » четырехступ. спр. и глаголов непр. спр. *ра, на*
»	***сасу***	к 1-й форме всех остальных
»	***симу***	» 1-й »
прошедшего вр.	***ки, кэри***	» 2-й »
законч. действ.	***цу, ну, тари***	» 2-й »
» »	***ри***	» 5-й » четырехступ. спр.
» »	***ри***	к 1-й форме глаголов непр. спр. *са*
будущего вр.	***му, маси***	к 1-й форме
предположения	***му, маси***	» 1-й »
»	***кэму***	» 2-й »
»	***раму, раси, мэри, бэси, бэкари***	» 4-й »
желательности	***махоси***	» 1-й »
»	***таси, такари***	» 2-й »
отрицания	***дзу, дзари, дзи***	» 1-й »
»	***мадзи***	» 3-й » всех, кроме глаголов непр. спр. *ра*
»	»	» 4-й форме глаголов непр. спр. *ра*
сравнения	***готоси***	к 4-й форме
связки	***нари,***	» » »
	тари	» » »

В. По служебным глаголам разговорного языка

служебные глаголы:

пассива	*рэру*	к 1-й форме четырехступ. спр.
»	*парэру*	к 1-й форме всех остальных
каузатива	*сэру*	» 1-й » четырехступ. спр.
»	*сасэру*	» 1-й » всех остальных
	сэсиму	» 1-й »
прошедшего вр.	*та*	» 2-й »
законч. действ.	*та*	» 2-й »
» »	*(тэ) симау, (тэ) иру, (тэ) ору, (тэ) ару*	» 2-й »
будущего вр.	*ӯ*	» 1-й » четырехступ. спр.
» »	*ё̄*	» 1-й » всех остальных
предположения	*ӯ*	» 1-й » четырехступ. спр.
»	*ё̄*	» 1-й » всех остальных
»	*со̄ да, со̄ дэсӯ*	» 2-й »
»	*расий, дарō, дэсё̄*	» 3-й »
»	*со̄ да, со̄ дэсӯ, ё̄ да, ё̄ дэсӯ,*	» 4-й »
желательности	*тай, тагару*	» 2-й »
отрицания	*ну, най*	» 1-й »
»	*маӣ*	» 1-й » всех, кроме глаголов четырехступ. спр.
вежливости	*масӯ* и все остальные	» 2-й форме
сравнения	*ё̄ да, ё̄ дэсӯ*	» 4-й »
связки	*да, дэсӯ*	» 4-й » (после *но*)

Служебные глаголы по формам, в которых они могут присоединять к себе другой служебный глагол, не отличаются от самостоятельных. Однако не всякий служебный глагол способен соединяться с другим. Определим соединяемость служебных глаголов друг с другом.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

2. Соединяемость служебных глаголов друг с другом в письменном языке

Служебные глаголы пассива и каузатива по способности присоединять к себе другой служебный глагол (в том числе пассив — служ. глагол каузатива, а каузатив — служ. глагол пассива) не отличаются от самостоятельных глаголов. С другой стороны, связка *нари* способна присоединяться ко всем служебным глаголам, в том числе к связкам же, за исключением служебных глаголов будущего времени *(му, маси)* и предположения *(кэму, раму, мэри, раси)*. Что касается соединяемости друг с другом остальных служебных глаголов, то мы имеем следующее присоединение *:

1) По способности одного служебного глагола присоединяться к другому

служебные глаголы:

прошедшего вр.	***ки***	к *тэ, ни, тари; мэри; бэкари; такари, махосйкари; дзари; нари; тари***
прошедшего вр.	***кэри***	» *тэ, ни, тари; бэкари, такари, дзу, дзари, нари, тари*
законч. действ.	***цу***	к *мэри, бэкари, такари, махосйкари; дзари, кари, тари*
законч. действ.	***тари***	» *ни, ри*
будущего вр. и предположения	***му, маси***	» *тэ, на, тара, ра; бэкара; такара, махосикарв, дзара, нара, тара*
предположения	***раму, раси***	» *кэру, тару, ру; бэкару, такару, махосикару; дзару; нару, тару*
предположения	***мэри, бэси, бэкари***	к тем же, за исключением *кэру*
отрицания	***дзу***	» *тэ, на, тара, ра; бэкара; такара, махосйкара; нара, тара*
»	***дзари***	» *бэкара, такара, махосйкара; нара, тара*

* В оригинале в таблице соединяемости друг с другом служебных глаголов письменного языка глаголы вежливости не приведены.— *Прим. ред.*

** Служебные глаголы справа приведены в той форме, к которой присоединяется служебный глагол, указанный слева.— *Прим. ред.*

отрицания	**дви**	к *тара, ра; такара, махосйкара; нара, тара*
»	**мадви**	» *бэкару*
сравнения	**готоси**	» *цуру, нуру; бэкару; двару, нару, тару.*

2) По способности одного служебного глагола присоединять к себе другой

К служебному глаголу:

прошедшего вр.	**кэри**	присоединяются *дзу; раму,* **раси**
законч. действ.	**цу**	присоединяются *ки, кэри; му, маси; кэму, раму, мэри, раси, бэси; готоси*
»	**ну**	присоединяются все те же и еще *тари*
»	**тари**	присоединяются *ки, кэри; му, маси, кэму, раму, мэри, раси, бэси; дзу, дзи*
»	**ри**	присоединяются все те же и еще *тари*
предположения	**бэкари**	присоединяются *ки, кэри; цу; му, маси; кэму, раму, мэри, раси; дзу, двари, дзи*
отрицания	**дзу**	присоединяются *кэри; кэму*
»	**двари**	» *ки, кэри; цу; му, маси; кэму, раму, мэри, раси, бэси, бэкари*
К связкам	**нари** и **тари**	присоединяются *ки, кэри; цу; му, маси; кэму, раму, мэри, раси, бэки, бэкари; дзу, двари, дзи; готоси.*

3. Соединяемость служебных глаголов друг с другом в разговорном языке

Служебные глаголы пассива и каузатива по способности присоединять к себе другой служебный глагол не отличаются от самостоятельных глаголов; служебный глагол каузатива может присоединить к себе служебный глагол пассива, но — в отличие от письменного языка — не наоборот. Глаголы *насару, асобасу, кудасару, мōсу, итасу, татэмацуру* и *агэру* в функции глаголов вежливости, *симау, иру, ору, ару* в функции вспомогательных глаголов законченности действия (после *тэ*) по способности при-

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

соединять к себе другие служебные глаголы отличаются от самостоятельных только тем, что не принимают служебных глаголов пассива и каузатива. Соединяемость друг с другом остальных служебных глаголов такова:

1) По способности одного служебного глагола присоединяться к другому

служебные глаголы:

прошедшего вр	***та***	к *маси; дат, дэси* *
будущего вр. и предположения	***у***	» *тара (тарō), масэ (масē); дара, дэсэ(дарō, дэсē)*
предположения	***расий, даро, дэсē***	» *та; тай; н(нӯ), най, масу*
»	***сō да, сō дэсӯ, ē да, ē дэсӯ***	» *та; тай; н(нӯ), най*
отрицания	***ну(н), най***	» *масэ* (только *н*)
»	***май***	» *масу*
сравнения	***ē да, ē дэсӯ***	» *та; тай; н(нӯ), най; май; масу*
связки	***да, дэсӯ*** (после *но*)	» *та; тай; н(нӯ), най*

2) По способности одного служебного глагола присоединять к себе другой

К служебному глаголу:

прошедшего вр.	***та***	присоединяются *у (таро); расий, дарō, дэсē, сō да, со дэсӯ, ē да, ē дэсӯ, да, дэсӯ* (после *но*)
предположения	***расий***	присоединяются *ē да, ē дэсӯ; да, дэсӯ* (после *но*)
»	***ē да, ē дэсӯ, сō да, сō дэсӯ***	присоединяются те же, что и к связкам (см. ниже)

* Служебный глагол справа приведен к той форме, к которой присоединяется служебный глагол, указанный слева — *Прим. ред.*

желательности	*тай*	присоединяются *най* (к *таку*); *расий, дэсē, дарō, сō да, сō дэсӯ, ē да, ē дэсӯ; да, дэсӯ* (после *но*)
отрицания	*ну, най*	присоединяются все те же, кроме *най*
вежливости	*масӯ*	присоединяются *та; у (масē); ну; май*
К связкам	*да, дэсӯ*	присоединяются *та (датта, дэсйта), у (дарō, дэсē).*

ПРИМЕЧАНИЯ АВТОРА

[1] Например, у Харунива в «Котоба-но каёидзи» (см. прим. 61 к гл. IV, т. I).
[2] Ямада, IX, стр. 296.
[3] Хасимото, II, стр. 80 — 81.
[4] Мацуо, Теория грамматики родного языка (III).
[5] К. Токуда, I, стр. 24.
[6] Мотоори Харунива в «Котоба-но каёидзи» рассматривает *ру, рару, су, сасу* и т.п. как окончания; Фудзитани Нариакира в «Аюисё» (см. прим. 46 к «Введению») называет их *рин* (倫), *ми* (身), *тай* (隊). Тодзё Гимон причислял их к ёгэнам; Тогаси Хирокагэ в «Котоба-но тамахаси» (см. прим. 49 к Введению») именует их *хатараку котоба* (動辭); Танака Ёсикадо и Наканэ Сюку рассматривают их в связи с глаголами; Гонда Наоскэ именует их *ёдзи* (用辭).
[7] В настоящее время имеют распространение другие наименования: Мацусита Дайдзабуро, Такахаси Тацуо и Окадзава Масахару называют их «изменяемыми частицами» (первые два — *дōдзёдзи* 動助辭, последний — *дōдзи* 動辭), Цуруда Цунэёси — сложными частицами (*фукӯдзи* 復辭).
[8] Оцуки, I, стр. 107.
[9] Хасимото, О классификации служебных глаголов (IX).
[10] Там же.
[11] Ямада, IX, стр. 30 — 31; см. также VII, стр. 142 — 144
[12] Подробно см. Ясуда, I, стр. 233 — 243.
[13] К. Токуда, I, стр. 183 — 188.
[14] См. Кобаяси, II, стр. 167.
[15] Саэки, Древний японский язык (III) и Теория частей речи в Манъёсю (II).
[16] «Первый доклад по изучению проекта реформы ныне действующих грамматических правил» («Гэнкон ф. б. к. т. х.»), стр. 47 — 49.
[17] Там же.
[18] Ямада, IV, стр. 157 — 160.
[19] Они именуются также глаголами «вежливости и скромности» (кэйдзё 敬譲) или «обращения» (тайгу 待遇).
[20] С орфографией まをす вместо позднейшего まうす.
[21] Например サウラウ, サウ, ソロ, サウヘ, サ и т. д. См. примеры у Юдзава, II!
[22] См. трактовку этого вопроса у Ё. Кобаяси, I, II.
[23] См. Ямада, VIII, стр. 412 — 442.
[24] Хосоэ, Изучение системы времен глагола (I), стр. 42 — 44.
[25] Там же, стр. 71 — 72.
[26] Там же, стр. 121 — 122.
[27] Там же, стр. 148.
[28] Хосоэ, Изучение наклонений глагола (II). стр. 51 — 56.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

[29] Ямада, III, стр. 211 — 212.
[30] Там же, стр. 213 — 214.
[31] Моритомо, Серия «Лекции по Манъёсю», т. 3, стр. 210.
[32] Тодзё Гимон, Сасидэ-но исо (東條義門・指出の磯).
[33] «Гэнкон ф. б. к. т. х.», стр. 37 — 41.
[34] Там же, стр. 32 — 37. О форме *си* ср. также Имаидзуми, приименная форма служебного глагола *ки* (II).
[35] Фудзитани Нариакира, Аюисё (см. прим. 46 к «Введению»). т. IV.
[36] Кусано, I, стр. 151 — 153.
[37] Статья Хосоэ в «Нихон бунгаку тайкэй» (日本文學大系), т. 25, стр. 55.
[38] Серия «Кокубунгуку дзэнси», том «Хэйантё-хэн», стр. 186.
[39] Хосоэ, I. стр. 127 — 130.
[40] Ямада, VIII, стр. 410 — 411.
[41] Ямада, III, стр. 98 — 99.
[42] Ё. Кобаяси, I, стр. 410 — 411.
[43] Ямада, VIII, стр. 390 — 398.
[44] Токуда, I, стр. 193.
[45] Ср. Оцуки, II, стр. 61 и Ёсиока, Сопоставительная грамматика письменного и разговорного языка, стр. 210 — 211.
[46] Ямада, III, стр. 166 — 174.
[47] Мицуя, I, стр. 275.
[48] Мацуо, III, стр. 705 — 718; Мацуо придерживается точки зрения «Аюисё» и «Котоба-но тамао».
[49] Мицуя, I, стр. 272.
[50] Там же, стр. 278.
[51] К. Токуда, I, стр. 217.
[52] Ямада, III, стр. 291.
[53] Хасимото, IV, стр. 388.
[54] Мицуя, I, стр. 255 — 256.
[55] Ясуда, I, стр. 242 — 243.
[56] Оцуки, II, стр. 66.
[57] Это теория Мияда Ваитиро, который развил ее в декабрьском номере журнала «Кокуго-кокубун» (國語國文) за 1935 г. на основании семантики и законов фонетических изменений, приведя 152 примера употребления *бэранари*.
[58] Токуда, I, стр. 220.
[59] См. Оцуки, I, стр. 242.
[60] Оцуки, II, стр. 96.
[61] Мицуя, I, стр. 285.
[62] Там же, стр. 290 — 291.
[63] Там же, стр. 286 — 290.
[64] См. Токуда, I, стр. 194 и 206.
[65] См. Ямада, VIII, стр. 313 — 316.
[66] См. Мицуя, I, стр. 145 — 147 и статью «Готоси».
[67] См. Ясуда, I, стр. 119 — 123.
[68] См. Мацуо, III, стр. 605 — 624.
[69] См. Токуда, I, стр. 24 и 171 — 173.
[70] Оцуки, II, стр. 66 — 67.
[71] Мацуо, III, стр. 623 — 624.
[72] Букв. «Служебные глаголы указания»; их именуют также *дантэй-но* (斷定の) *дзёдэси*, т. е. «служебные глаголы суждения».
[73] Ямада, IX, стр. 278.
[74] Оцуки, I, стр. 121.
[75] Оцуки, II, стр. 58.
[76] Мицуя, I, стр. 232.
[77] Ямада, IX, стр. 652 — 653; см. также Ямада, VIII, стр. 346.
[78] См. Мацуо, III, стр. 335 — 348; эта теория впервые была опубликована

в журнале «Кокугакуин-дзасси (國學院雜誌) в августовском номере за 1919 г ; подробно она изложена в статье Мацуо, Теория отрицания восклицательного значения *нари* при заключительной форме», III, стр. 743 — 761.

[79] См. Мацусита, III, стр. 457 — 458.
[80] См. Асано, О так называемой связке *нари* и восклицательном *нари* (I).
[81] См. Мицуя, I, стр. 230 — 231.
[82] Ямада, IX, стр. 656 — 657.
[83] «Гэнкон ф. б. к. т. х.», стр. 55 — 58.
[84] См. Мицуя, I, стр. 230 — 238.
[85] Служебные глаголы отрицания называют также *утйкэси-но дзёдбси* (打消の助動詞).
[86] Ямада, III, стр. 184 — 185.
[87] Хасимото, Из изучения грамматики периода Нара (X).
[88] Ямада, III, О грамматических особенностях в «Адзума-ута», стр. 511—515.
[89] Там же, стр. 189 — 190.
[90] Саэки, II, стр. 270 — 271.
[91] Мицуя, I, стр. 244.
[92] Икэда, История способов выражения запрещения (II).
[93] Мацусита, I, стр. 151.
[94] Там же, стр. 151 — 152.
[95] Там же, стр. 152.
[96] Оцуки, I, стр. 113.
[97] Юдзава, О трактовке глаголов разговорного языка *ёмэру*, *сарёру* и т. п. (VII).
[98] «Кōгохō-бэкки», стр. 272.
[99] Хосина, II, стр. 219 — 220.
[100] Мацуо, I, стр. 117 — 120.
[101] Мацуо, III, стр. 884 — 889.
[102] Касуга, О вежливом глаголе *марасуру* (I).
[103] Ясуда, I, стр. 218 — 221.
[104] Касуга, Слово *майсуру* (II).
[105] Юдзава, О происхождении *масу* в разговорном языке (VIII).
[106] Ёсидзава, II, стр. 189 — 203.
[107] Там же, стр. 213.
[108] Андо, I, стр. 29 — 30.
[109] Хасимото, IV, стр. 36.
[110] Мацусита, I, стр. 191 — 194.
[111] Там же.
[112] Юдзава, II, стр. 369 — 370.
[113] Там же, стр. 154.
[114] «Когохо-бэкки», стр. 295 — 299; ср. Накамура, Об истории слова *дэсу*.
[115] Там же, стр. 243.
[116] Симмура, Об этимологии языков Восточной Азии (III), глава «Японский язык в годы Тэмпё», стр. 340 — 347.
[117] «Когохо-бэкки», стр. 245.
[118] Юдзава, Изучение языка периода Токугава (IX), стр. 499 — 500.
[119] «Когохо-бэкки», стр. 249.
[120] Хосина, II, стр. 226 — 234.

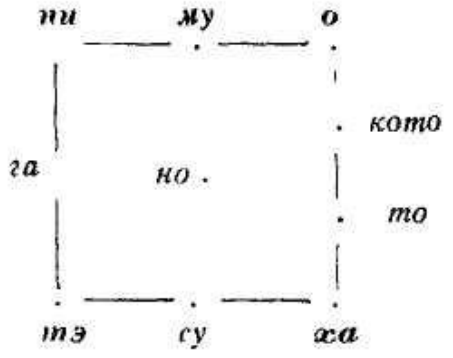
Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Служебные слова

I. СУЩНОСТЬ СЛУЖЕБНОГО СЛОВА

Служебные слова именовались различно: *тэниоха*, *дзёдзи*, *сэйдзёдзи*, *канкэйси*, *кōтиси* и *кōси*. Из этих наименований наиболее употребительными являются *тэниоха* (弓爾乎波, てにをは или сокращенно *тэниха*) и *дзёси*. Под названием «тэниоха́» издавна объединяли собственно служебные слова, служебные глаголы, окончания спрягающихся слов, суффиксы и т. д. Впервые как название одной из частей речи этот термин употребил д-р Оцуки Фумихико. Термин «тэниха», по-видимому, ведет свое начало от *окототэн*. «Окототэн» (乎古止點) представляют собою разметки (так наз. «сэйтэн» 星點) или «тантэн» (單點), которые в древности, когда окурига́на не было, при чтении китайских текстов по-японски проставлялись по четырем углам, четырем сторонам и в центре иероглифа и, согласно определенным правилам, служили опорой при чтении текста [1]. Если проставленные по углам вокруг иероглифа знаки прочитать начиная с левого нижнего угла к левому верхнему, далее перейти к правому верхнему и кончить правым нижним, получится слово *тэниоха*, как показано на приведенной ниже схеме:



Название «окототэн» составлено из двух верхних разметок с правой стороны*. Наименование «дзёдзи» (助辭) 'частицы' значит то же самое, что и «дзёси» (助詞). Наименование «сэй-

* и слова *тэн* 'точка, отметка'. — *Прим. ред.*

дзёдзи» (靜助辭) 'неизменяемые частицы' дано в противоположность наименованию «дōдзёдзи» (動 助 辭) 'изменяемые частицы', прилагаемому к служебным глаголам. Название «канкэйси» (關 係 詞) 'релятивные слова' указывает, что функция служебных слов состоит в том, чтобы выражать отношения между словами в предложении. Названия «кōтиси» (後置詞) и «кōси» (後詞) 'послелоги' объясняется тем, что, в противоположность предлогам в английском и немецком языках, служебные слова в японском языке непременно следуют после слов, по отношению к которым они являются служебными. Однако по сравнению с предлогами английского и немецкого языков служебные слова японского языка имеют более широкое употребление[1].

Характерные особенности служебных слов в основном полностью переданы в следующих положениях д-ра Ямада Ёсио[2]:

1. В то время как другие слова осуществляют связь между собой в предложении посредством изменения ф о р м ы слова, служебные слова этой способностью не обладают, поскольку это неизменяемые слова.

2. Что касается обозначения п о н я т и я, то служебное слово самостоятельно не может выражать никакого понятия; оно приобретает значение только тогда, когда присоединяется к другому знаменательному слову.

3. По ф у н к ц и и служебные слова употребляются для того, чтобы, присоединяясь к знаменательным словам — тайгэнам, ёгэнам, наречиям, — разъяснять их смысл и указывать на взаимоотношения между ними.

Таким образом, с точки зрения ф о р м ы особенность служебных слов состоит в том, что, как показано выше, они являются н е с п р я г а е м ы м и с л о в а м и. Служебное слово *тэ* по своему происхождению — приёгэнная форма служебного глагола *ц*у, т.е. спрягаемое слово; но, поскольку оно стало другой частью речи — превратилось в служебное слово, — оно не спрягается. Затем, служебные слова по форме обычно коротки — односложны или же двух- и трехсложны; более, чем трехсложными, они бывают редко. Односложные слова среди других частей речи встречаются довольно редко. Может быть это объясняется широкой употребляемостью служебных слов, а может быть и тем, что служебные слова по происхождению все чисто японские, заимствованных слов среди них нет.

С точки зрения з н а м е н а т е л ь н о с т и (з н а ч е н и я) характерной особенностью служебных слов является то, что они представляют собою ф о р м а л ь н ы е с л о в а. Поскольку служебные слова представляют собой слова формальные, то для того, чтобы полностью выполнить свое назначение, они непременно должны употребляться вместе с знаменательными словами. Иначе говоря, служебные слова сами по себе ни в коем случае

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

не могут являться членом предложения, составляющим синтаксическую единицу. Таким образом, значение служебного слова может быть выявлено только тогда, когда оно употреблено в соединении с другим словом. Это подтверждается и тем, что интонационно служебное слово произносится не раздельно от знаменательного слова, к которому оно присоединяется, а слитно с ним. Наоборот, знаменательное слово не обязательно произносится слитно с другим знаменательным словом. И при раздельном произношении значение их остается ясным. Данное обстоятельство часто служит причиной для вывода о том, что служебные слова (то же, разумеется, относится и к служебным глаголам) сами по себе значения не имеют. Однако такая точка зрения ошибочна. Дзимбо Каку по этому поводу говорит: «*сакура-но* 'вишни' и *хана-га* 'цветок' — каждое самостоятельно является синтаксической единицей, но в то же время *сакура* и *хана* могут и сами по себе составлять синтаксическую единицу, а оставшиеся *но* и *га* этого не могут. Однако *но* и *га* имеют свое значение. Оно понятно, если сравнить значение *сакура-но* 'вишни' (род. п.— *Н. Ф.*) и *сакура* 'вишня'. Если при этом исключить значение самого слова *сакура*, то остаток и будет значением *но*»[3]. То же говорит и Хасимото Синкити: «Может быть, некоторые считают, что служебные слова и служебные глаголы сами по себе не имеют значения; это объясняется тем, что значение их не выявляется, поскольку они выступают всегда в соединении с другим словом, а их берут в отрыве от этого слова. Разница между *ватакуси* и *ватакуси ва* и есть значение самого *ва*»[4]. Дзимбо Каку совершенно правильно отмечает, что представление, будто у служебного слова нет значения, возникает потому, что это значение очень отвлеченно и тонко, и осознать его трудно. Но нельзя смешивать трудность осознавания значения с отсутствием значения. Слова, совершенно не имеющие значения, не могут служить предметом исследования грамматики. Однако служебное слово может как часть речи участвовать в построении предложения именно потому, что оно является значащей единицей. (Вопрос о тесном взаимоотношении формы, значения и функции должен быть еще раз рассмотрен со всей тщательностью. Я думаю, что монистический взгляд на это даст возможность прийти к новым выводам.)

Функция служебного слова, что вытекает из его названия, заключается в том, чтобы дополнять значение других знаменательных единиц (отдельных слов, словосочетаний, предложений) и указывать на отношения между ними. Иными словами, вспомогательное дополнение значения (в этом отношении служебные слова и служебные глаголы не отличаются друг от друга; различны только части речи, которые служат объектом дополнения значения у тех и других) и выражение соотношений — вот две функции служебного слова.

Карэ ва хон ***номи-о*** *кау* 'Он покупает **только книги**'.
Карэ ***номи*** *ва хон-о кау* '**Только он** покупает книги'.

В этих двух предложениях служебное слово *о* указывает на отношения между членами предложения: существительным *хон* 'книга' и глаголом *кау* 'покупать'. Поэтому изменение употребления *о* ведет к изменению отношений между членами предложения:

Анэ-га ко-о хомэру 'Сестра хвалит ребенка'.
Анэ-о ко-га хомэру 'Сестру хвалит ребенок'.

Так как в этих предложениях *о* и *га* — служебные слова, функция которых состоит в выражении отношений между членами предложения, то отношения между членами предложения изменяются в зависимости от того, к какому слову эти служебные слова присоединены. А основная функция служебного слова *номи* — вспомогательное дополнение значения, поэтому оно придает известное добавочное значение слову, к которому присоединяется. Об этом говорит и Мицуя Сигэмацу: «Тэниоха́, присоединяясь к словам, выражают отношения между другими словами или же придают им известное значение»[5]. Иногда дополнительное значение и выражение отношений между членами передается посредством различных служебных слов, иногда же одновременно — одним служебным словом. Это выясняется при классификации. На стр. 67 данной книги служебные глаголы названы вспомогательными словами, а служебные слова — релятивными, поскольку главное внимание обращено на функцию последних — выражать отношения. Однако это не значит, что служебные слова не несут вспомогательной функции.

Ввиду того, что служебное слово выполняет свою функцию, когда оно употреблено при знаменательном слове, соединение служебного слова с знаменательным имеет особое значение. Именно поэтому служебные слова именуют подчиненными словами, зависимыми словами, и говорят, что основной их чертой является присоединяемость. Следовательно, самым важным для служебного слова является его местоположение. Служебное слово никогда не употребляется перед предложением, словосочетанием или отдельным словом. В отдельном предложении при сочетании слов возможна постановка служебного слова перед знаменательным. Однако это не основано на исконно присущей служебному слову присоединяемости.

Хару-но ну-ни сумирэ цуми-ни то киси варэ дзо ну-о нацўкасими хитоё нэникэру (Манъёсю, 1424) 'Вот мне, который пришел собрать фиалки на весенние поля, милы поля, [поэтому я] провел [там] всю ночь'.

В приведенном примере служебные слова *но*, *ни*, *то*, *дзо*, *о* стоят перед словами *ну* (野), *сумирэ*, *ку* (来), *ну* (野), *нацўкасими*, согласно правилу последовательности слов в предложении; но совершенно ясно и не требует доказательств, что грамматическую

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

функцию они несут по отношению к словам, стоящим перед ними: *хару, ну, цуми-ни, варэ, ну*. Служебные слова *га, кэрэдомо* ('но, однако') употребляются иногда в начале предложения, но не как служебные слова, а как другая часть речи — союзы. Возникает вопрос относительно запретительного *на*, которое рассматривалось в конце раздела о служебных глаголах отрицания в сочетании *на вараи со* 'не смейся', *на наки со* 'не плачь'; уже говорилось, что есть основание считать его наречием (хотя в данной книге такая версия не вполне разделяется)[6].

В японском языке служебные слова являются очень важной частью речи. Таких слов в нем очень много, и они выполняют в языке серьезную задачу, что объясняется самим характером японского языка. Из трех групп языков по классификации немецкого лингвиста Августа Шлейхера — изолирующие (докурицуго 獨立語), агглютинирующие (ситтякуго 漆着語) и флективные (куссэцуго 屈接語) - японский язык относится к языкам агглютинирующим. Характерные особенности японского языка как языка агглютинирующего выявляются с помощью служебных слов. В этом и состоит огромное значение служебных слов по сравнению с другими частями речи в японском языке. Устанавливать грамматические категории японского языка следует, исходя из его агглютинирующего характера.

II. КЛАССИФИКАЦИЯ СЛУЖЕБНЫХ СЛОВ

Оставив в стороне период Токугава, коснемся заслуживающих внимания классификаций начиная с периода Мэйдзи, прежде всего классификаций Оцуки Фумихико и Ямада Ёсио.

Первая классификация **Оцуки**[7].

Все тэниоха по способу употребления можно разделить на следующие 3 вида.

1-й вид: присоединяющиеся только к существительным (приименные тэниоха):

1) *га, но*; 2) *но, га, цу*; 3) *ни*; 4) *о*; 5) *то, то*; 6) *э*; 7) *ёри, кара*; 8) *мадэ*.

2-й вид: присоединяющиеся к различным словам:

9) *ва, ба*; 10) *мо*; 11) *дзо, наму, намо, си*; 12) *косо*; 13) *дани, сура*; 14) *саэ*; 15) *номи, бакари*; 16) *я, ка*.

3-й вид: присоединяющиеся только к глаголам (приглагольные тэниоха):

17) *ба*; 18) *то* (*томо*), *до* (*домо*); 19) *ни, о, га*; 20) *тэ* (*нитэ, тотэ, сйтэ, нисйтэ, тосйтэ*); 21) *дэ*: 22) *цуцу*.

Вторая классификация **Оцуки**[8].

«Употребление и значение тэниоха подобно запутанному клубку ниток, и изучающему трудно найти конец нити. Теперь я предлагаю здесь новое деление их на три группы по способу употребления.

Если при этом разделять служебные слова еще и по значению, то получится классификация, приведенная ниже. Однако надо иметь в виду, что у отдельных слов в зависимости от случая могут появиться различные значения, поэтому твердо определить значение трудно.

1-й вид: обозначающие подлежащее: *га*, *но*;
соединяющие два существительных: *но*, *га*;
управляющие: *ни*, *о*, *то*;
обозначающие направление: *э*, *ёри*, *кара*, *дэ*.
2-й вид: разъединительно-объединительные: *ва*, *мо*;
указательные: *дэо*, *наму*, *косо*;
иллюстрирующие: *дани*, *сура*, *саэ*;
ограничительные: *номи*, *бакари*;
выражающие сомнение: *я*, *ка*.
3-й вид: предположения: *ба*;
отклоняющие и переиначивающие значение: *то*, *томо*, *до*, *домо*;
передающие противоположность значения: *ни*, *о*, *га*;
заканчивающие и вместе с тем соединяющие: *тэ*, *дэ*, *цуцу*».

Изложенная выше классификация Оцуки принята многими другими учеными.

√ Классификация служебных слов в грамматике Комитета по изучению родного языка «**Кōгохō**»[9].

1-й вид: присоединяющиеся к тайгэну, ёгэну и другим служебным словам:

1) *ка* (вопрос), *камо*;
га (подлежащее);
кара (источник возникновения действия или сфера его);
кири, *гири* (ограничивает);
курай, *гурай* (приближенно выражает сравнение и степень);
косо (подчеркивает значение);
са (когда говорят легко, без подчеркивания);
саэ, *саэмо* (имеет значение *дакэ* при указании на какой-либо предмет с целью побудить его судить о другом);
сйка (ограничивает);
дакэ, *дакэни* (обозначает степень ограничения предмета);
дэ, *дэмо* (указывает);
то, *тотэ*, *тотэмо*, *таттэ*, *таттэмо*, *тосйтэ* (соположение предметов; указывает);
докоро, *доко* (приводит в пример что-либо и показывает, что есть нечто еще более сильное);
надо (обозначает предметы примерно того же вида);
нари, *наритомо*, *наритo* (имеет значение *соно мама* ‘в таком виде’, *дэмо* ‘хоть’);

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

ни, *нисйтэ* (обозначает место);
но (перечисление предметов);
бакари (ограничивает);
хока (при указании на предмет исключает другие);
ходо (приблизительная степень);
мадэ (приблизительная степень);
мадэ, *мадэмо* (обозначает предел, ограничение или степень действия, состояния);
мо (перечисление, смягченное или усиленное предположение);
я (перечисление);
яра (перечисление, сомнение);
ёри, *ёрива*, *ёрика*, *ёримо*, *ёрихока*, *ёрисйка* (употребляется при сравнении; ограничивает);
ва (は) (употребляется при высказывании о чем-либо);
2) *дэмо* (легкое указание без уточнения);
нагара (имеет значение *соно мама*);
3) *я*, *яй* (оклик).

2-й вид: присоединяющиеся только к ёгэпам:
1) *га* (соединяет противоположности; продолжение по порядку, допущение);
кара, *карава*, *каранива* (переход от предыдущего к последующему);
кэрэдомо (противопоставление предыдущему);
си (перечисление);
дзэ (подчеркивает значение);
дзо (то же);
со (предположение);
тэ (выражает мягкую настоятельность);
то (условие; совпадение событий);
томо, *то* (предположительное условие, имеет значение *йу мадэмо най* 'нечего и говорить');
ни (указание обстоятельств; указание цели действия);
но (присоединяясь к впереди стоящему, превращается вместе с ним в тайгэн);
нони (независимость от предыдущего условия);
монока, *монка*, *моно дэсу ка* (риторический вопрос);
мононара, *котонара* (то же, что *нара* первого вида);
мононо (имеет значение *кэрэдомо* 'однако');
моноо, *котоо* (значение *нони* 'хотя');
ё- (предположение);
ва (は), *вай* (восклицание);
2) *таттэ таттэмо* (имеет значение *...та тотэ* 'пусть', *...та то сйтэ мо* 'пусть даже');
тара, *дара*, *даттара*, *дэсйтара* (предположительное условие, осуществленное условие);

тари, дари, даттари, дэсйтари (перечисление различных обстоятельств);
цуцу (значение *нагара*);
тэ, тэ, тэва, дэва, тэмо, дэмо (последовательное изложение одновременных обстоятельств, последовательное изложение разных обстоятельств, значение *кара* 'так как', *дакара* 'поэтому', *нони* 'а');
3) *токорога, токородэ* (соединение двух фраз противоположного значения; соединение предыдущей и последующей фразы),
4) *ба* (предположительное условие; сообразование с обстоятельствами; совпадение обстоятельств; перечисление действий и состояний; осуществленное условие; причинное значение).

3-й вид: присоединяющиеся к тайгэнам и другим служебным словам: *э* (へ) (направление; место; контрагент),
га (желание, расположение или противоположное намерение);
сйтэ (связь действий и состояний),
дзуцу (распределение количества);
даттэ (имеет значение *тотэ мо* 'все же'),
дэ, дэсйтэ, нодэ, нодэсйтэ, тэ, дэмо (место действия; средство и орудие действия, связь действий; связочное значение);
то (совместное осуществление действия);
томо (имеет значение *иссёни* 'вместе');
ни (указание места; указание времени; указание контрагента; распределение; добавление чего-*либо*);
но (определение тайгэна, подлежащее по отношению к последующему слову в приименной форме);
о (を) (место, охватываемое действием).

4-й вид: присоединяющиеся к ёгэну и другим служебным словам:
1) *на, нā* (настойчивое выражение);
нэ, нэ (то же),
но, нō (то же);
мама (неизменность вида);
ё (настойчивое выражение и восклицание);
2) *э* (え) (то же).

Мицуя Сигэмацу разделяет служебные слова на следующие три вида[10]:
1) присоединяющиеся к существительным,
2) присоединяющиеся к глаголам,
3) *присоединяющиеся к различным словам.*

Ёсиока Кёскэ, прибавляя к видам, выделенным Оцуки Фумихико, еще два, дает следующую классификацию[11]:

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Служебные слова 1-го вида, которые, присоединяясь к тайгэну или квази-тайгэну, определяют отношение к другим словам.

Служебные слова 2-го вида, которые, присоединяясь к различным словам, выражают различные значения.

Служебные слова 3-го вида, которые, присоединяясь к словам, составляющим основу ёгэнов, соединяют их с другими словами.

Служебные слова 4-го вида, которые, присоединяясь к ёгэну в конце предложения или к различным словам в середине предложения, выражают вопрос, а присоединяясь к ёгэну в конце предложения, выражают приказание или пожелание.

Служебные слова 5-го вида, которые ставятся в конце или середине предложения для смягчения интонации или подчеркивания или передачи эмоции.

Ямада Ёсио, основываясь главным образом на двух моментах — на функции служебных слов, т. е. условиях их употребления совместно с другими словами, и на отношениях, которые они указывают, различает следующие виды[12]:

Таблица 67

Виды служебных слов по Ямада

Служебные слова					
Обозначающие особые отношения					Не связанные с особыми отношениями
Относящиеся к членам предложения		Относящиеся к предложениям			
		Относящиеся к предложению в целом	Относящиеся к предикации		
Падежные	Наречные	Союзные	Относительные	Заключительные	Междометийные
1	2	3	4	5	6

В «Лекциях по японской грамматике» д-р Ямада приводит служебные слова, относящиеся к этим разрядам:

1) падежные: *но, га, о, ни, то, э, ёри, кара, дэ*;
2) наречные: *дани, сура, саэ, номи, бакари, мадэ, надо, яра, дакэ, гурай*;
3) союзные: *ба, то, томо, до, домо, га, ни, о*;
4) соотносительные: *ва, мо, дзо, наму, косо, я, ка, на, насо, саэ, дэмо, хока, сйка*;

5) заключительные: *га, гана, ка, кана, каси, са, э, дзэ, и, на, томо*;
6) междометийные: *ё, я, си, о, на, нэ, дзо*.

Кобаяси Ёсихару дает такую классификацию[13]:

1. Падежные служебные слова — устанавливающие релятивное значение тайгэна.
2. Определительные служебные слова — придающие различные значения словам.
3. Союзные служебные слова — устанавливающие релятивное значение ёгэна.
4. Междометийные служебные слова — имеющие целью придание выразительности или эмоциональной окраски слову или предложению.

Ясуда Киёмон различает следующие виды служебных слов[14]: все служебные слова он делит на изолированные — иначе (1) междометийные и релятивные; релятивные делятся на формальные, устанавливающие отношение между членами предложения, и реальные, не столько указывающие отношение между членами предложения, сколько выражающие реальное значение. Формальные делятся на количественные формальные (иначе — (2) наречные служебные слова) и качественные формальные, а именно: (3) падежные служебные слова и (4) служебные слова наклонений. Реальные так и именуются (5): «реальные служебные слова».

Хага Яити приводит свою классификацию[15].

1. Падежные служебные слова.
2. Выборочные служебные слова (拔萃的助詞).
3. Наречные служебные слова.
4. Союзные служебные слова.
5. Служебные слова, образующие формы наклонений глагола:
   1) выражающие повелительное наклонение,
   2) выражающие восклицательное наклонение,
   3) выражающие желательное наклонение,
   4) выражающие вопросительное наклонение.

Мацусита Дайдзабуро представляет следующую классификацию[16]:

1. Падежные частицы

1) Падежные частицы тайгэна:

га (позиция субъекта [сюкаку 主格], подлежащее); *о* (позиция объекта [кяккаку 客格], падеж переходности [тадōкаку 他動格], дополнение); *ни, э* (позиция объекта, опорный падеж [икёкаку 依據格], дополнение); *кара* (позиция объекта, исходный падеж [сюппацукаку 出發格], дополнение); *то* (позиция объекта, падеж совместного действия [кёдōкаку 擧同格], дополнение); *ёри* (позиция объекта, сравнительный падеж [хикаку-

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

каку 比較格], дополнение); *но* (приименная позиция; субъектно-*приименный* падеж [сютайтэки-рэнтайкаку 主體的連體格], приименный член).

2) Падежные частицы ёгэна:

тэ (позиция способа; определение), *ба* (позиция связанности; определение), *то* (то же), *то, томо* (несвязанная заключительная позиция), *цуцу* (несвязанная позиция; определение), *до домо* (то же).

2. Междометийные частицы

ка (вопрос), *яра* (сомнение), *ро, ё, и* (приказание), *на* (запрещение), *дзо, дзэ* (указание, сообщение), *тэ* (указание на результат изложения, выражение своего подчинения), *ва* (впечатление), *са* (проявление решительности), *ё, и* (сообщение), *я* (оклик).

3. Указательные частицы

1) выделительные частицы: *ва, мо.*

2) особо-указательные частицы (特提の助辭): *сйка, хока, косо, бакари, дакэ, мадэ, гурай, дэмо, нари, наритo, наритомо, саэ, сура, ка, яра.*

4. Именные частицы

1) Собственно именные частицы: *сан, сама, ра, тати, домо, гата.*

2) Именные частицы, могущие быть и указательными: *дакэ, бакари, сура, саэ, мадэ, гурай, нари, ка, яра.*

5. Наречные частицы

бакари, дакэ, гурай, мадэ, ходо, дзуцу, нагара, гатэра.

Цуруда Цунэёси[17], как было показано в таблице, приведенной во «Введении», различает два вида слов (*танго*) —гэн (言) 'собственно слова' и дзи (辭) 'частицы'. Частицы он подразделяет на простые и сложные, причем к последним он относит служебные глаголы. Простые частицы делятся на связующие и определительные, первые, в свою очередь, — на падежные: *ни, о, га,* и союзные: *ба, до, домо,* ко вторым относятся *дани* и *косо.*

Хасимото Синкити также делит слова на собственно слова (си 詞) и частицы (дзи 辭) и к последним относит, во-первых, служебные глаголы, именуя их «имеющие показатель остановки или продолжения», в скобках — «спрягающиеся, иначе квазиглагольные частицы», во-вторых, служебные слова, называя их «не имеющие показателя остановки или продвижения», в скобках — «не-

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Таблица 68

Классификация служебных слов Хасимото

<table>
<tr><td colspan="2">Не имеющие значения остановки или продолжения</td><td colspan="4">П р о д о л ж а ю щ и е</td><td colspan="2">О б р ы в а ю щ и е</td></tr>
<tr><td rowspan="2">Присоединяющиеся к приёгэнным словам</td><td rowspan="2">Неприсоединяющиеся к приёгэнным словам</td><td colspan="2" rowspan="2">Соединяющие</td><td colspan="2">Продолжающие не соединяя</td><td rowspan="2">Заканчивающие предложение</td><td rowspan="2">Стоящие в конце единицы предложения</td></tr>
<tr><td>За которыми следует тайгэн</td><td colspan="2">За которыми следует ёгэн</td></tr>
<tr><td>Присоединяются к различным словам</td><td>Присоединяются к различным словам</td><td>Присоединяются только к ёгэнам</td><td>Присоединяются к различным словам</td><td>Присоединяются к различным словам</td><td>Присоединяются только к тайгэнам</td><td>Присоединяются к различным словам</td><td></td><td></td></tr>
<tr><td>Наречные служебные слова</td><td>Квазиименные служебные слова</td><td>Союзные служебные слова</td><td>Сочинительные служебные слова</td><td>Приименное служебное слово</td><td>Падежные служебные слова</td><td>Соотносительные служебные слова</td><td>Заключительные служебные слова</td><td>Междометийные служебные слова</td></tr>
<tr><td>дакэ, мадэ, бакари, надо, гурай ка, яра</td><td>но, дзо, кара, ходо</td><td>ба, то, тэмо, кэрэдо, мо, нони, га, кара, нодэ, си, тэ</td><td>то, я, яра, ни, ка, нари, дано</td><td>но</td><td>га, о, ни, то, ёри, кара, дэ</td><td>ва, мо, кото, саэ, дэмо, карито, сйка, хока</td><td>дзэ, дзо, то, мо, тэ, на, я, ва, ка, я, ё, и</td><td>нэ, на, са</td></tr>
<tr><td></td><td colspan="6">Р е л я т и в н ы е ч а с т и ц ы</td><td colspan="2">Заключительные частицы</td></tr>
</table>

спрягающиеся». Классификацию служебных слов см. в таблице № 68[18].

В приведенной слева классификации д-ра Хасимото Синкити частицы (формальные слова) современного разговорного языка классифицируются по значению остановки или продолжения, по их виду и по тому, к какой части речи они присоединяются. Причем он считает, что эта классификация в целом применима и к современному письменному и к древнему языку. Она вносит некоторые поправки в классификацию служебных слов д-ра Ямада, включая дополнительно еще три категории — сочинительные, квазиименные и приименные. По этому поводу д-р Хасимото говорит следующее:

«Междометийные служебные слова есть и у Ямада Ёсио, но по данному вопросу я несколько расхожусь с ним во взглядах. Дело в том, что, согласно теории Ямада, в разряд междометийных служебных слов входят многие слова, причем среди них встречаются и такие, которые, по моему мнению, следовало бы отнести к другой категории. Например, служебное слово *я* можно отнести к заключительным служебным словам или к сочинительным, *дзо* — к заключительным или квазиименным, *гана* — к соотносительным; если исключить эти слова из состава междометийных служебных слов, то характерные особенности последних станут ясными и о них может быть получено отчетливое представление.

Из трех категорий служебных слов, отсутствующих в классификации д-ра Ямада, сочинительные служебные слова он относит к падежным, наречным и междометийным. Однако сочинительные служебные слова соединяют слова, находящиеся в равноправном положении в предложении, чем они и отличаются от всех других служебных слов (правда, среди союзных служебных слов есть указывающие на равноправное положение, но все они присоединяются к ёгэну, чем и отличаются от сочинительных служебных слов). Точно так же и при наличии нескольких служебных слов подряд существует специальный порядок их расположения; в частности, например, относительно *то*: по общему правилу падежные служебные слова не следуют друг за другом подряд, однако *то* может сочетаться с другим падежным служебным словом (*хигаси-то ниси-**то**-ни вакарэру* 'разделяется на восток и запад', *миги-**кара-то** хидари-**кара-то** дэтэ кйта* 'вышли справа и слева'). Поэтому данное слово, может быть, удобнее отнести к особому виду. Возьмем квазиименные служебные слова (*но, кара, ходо, дзо* и т. д.). Среди падежных и других служебных слов встречаются эти же слова, но в таком случае они имеют другое значение и иной способ соединения с прочими словами; поэтому вполне правомерно выделить их в особую группу. Приименное служебное слово *но*, по классификации д-ра Ямада, входит в состав падежных, служебных слов, но оно присоединяется и к другим словам, а не только к тай-

гэну, я, кроме того, может следовать за другим падежным служебным словом (*тити-кара-но-тэгами* 'письмо от отца', *коко-дэ-но сōдан* 'беседа здесь'). Таким образом, его лучше выделить из состава падежных служебных слов. За ним всегда следует тайгэн, поэтому его можно назвать приименным [2]. На основании изложенного и установлены новые категории служебных слов»[19].

Какие бы категории ни устанавливались в грамматике японского языка, свойства слова иметь определенное местоположение и значение остановки или продолжения можно считать двумя непременными и важными категориями. И с этой точки зрения я считаю, что классификация д-ра Хасимото, серьезно учитывающая указанные два момента, заслуживает всяческого внимания. В данной книге, придерживаясь в общем классификации д-ра Ямада и учитывая положения д-ра Хасимото, я располагаю служебные слова в таком порядке.

1. **Падежные служебные слова** (какӯдзёси 格助詞): *га* (п. я., разг. я.), *но* (п. я., разг. я.), *ни* (п. я., разг. я.), *о* (п. я., разг. я.), *то* (п. я., разг. я.), *э* (п. я., разг. я.), *ёри* (п. я., разг. я.), *кара* (п. я., разг. я.), *дэ* (разг. я.), *цу* (п. я.), *на* (п. я.), *и* (п. я.).

2. **Наречные служебные слова** (фукӯдзёси 副助詞): *дани* (п. я.), *сура* (п. я.), *саэ* (п. я.), *номи* (п. я.), *бакари* (п. я., разг. я.), *мадэ* (п. я., разг. я.), *надо* (п. я., разг. я.), *яра* (разг. я.), *ка* (разг. я.), *дакэ* (разг. я.), *кири* (разг. я.), *гурай* (разг. я.), *дзуцу* (разг. я.), *докоро* (разг. я.), *нари* (разг. я.).

3. **Соотносительные служебные слова** (какаридзёси 係助詞): *ва* (п. я., разг. я.), *мо* (п. я., разг. я.), *дзо* (п. я.), *намму* (п. я.), *я* (п. я.), *ка* (п. я.), *косо* (п. я., разг. я.), *на* (п. я.), *саэ* (разг. я.), *дэмо* (разг. я.), *хока* (разг. я.), *сйка* (разг. я.), *даттэ* (разг. я.), *наритo* (разг. я.).

4. **Союзные служебные слова** (сэцӯдзокӯ-дзёси 接續助詞): *ба* (п. я., разг. я.), *то* (п. я., разг. я.), *томо* (п. я., разг. я.), *до* (п. я.), *домо* (п. я.), *ни* (п. я., разг. я.), *о* (п. я.), *га* (п. я., разг. я.), *нони* (разг. я.), *моноо* (разг. я.), *токорога* (разг. я.), *мо* (разг. я.), *тэмо* (разг. я.), *дэмо* (разг. я.), *кара* (разг. я.), *нодэ* (разг. я.), *тэ* (п. я., разг. я.), *сйтэ* (п. я.), *нагара* (п. я., разг. я.), *цуцу* (п. я., разг. я.).

5. **Сочинительные служебные слова** (хэйрицу-дзёси 並立助詞): *то* (п. я., разг. я.), *я* (п. я., разг. я.), *ка* (п. я., разг. я.), *яра* (разг. я.), *ни* (разг. я.), *нари* (разг. я.), *но* (п. я., разг. я.), *дано* (разг. я.), *тари* (разг. я.).

6. **Квазименные служебные слова** (дзюнтай-дзёси 準體助詞): *но* (п. я., разг. я.), *дзо* (разг. я.), *кара* (разг. я.), *ходо* (п. я., разг. я.).

7. **Заключительные служебные слова** (сӯдзёси 終助詞): *га* (п. я.), *гана* (п. я.), *ка* (п. я.), *кана* (п. я.), *камо* (п. я.), *каси* (п. я.), *на* (п. я.), *нэ* (п. я.), *ни* (п. я.), *ка* (разг. я.), *э* (разг. я.),

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

дзэ (разг. я.), *томо* (разг. я.), *и* (разг. я.), *но* (разг. я.), *ё* (разг. я.), *са* (разг. я.).

8. **Междометийные служебные слова** (кантӧ-дзёси 間投助詞): *ѐ* (п. я.), *я* (п. я.), *си* (п. я.), *о* (п. я.), *ро* (п. я.), *э* (п. я.), *дзо* (разг. я.), *на* (разг. я.), *нэ* (разг. я.), *гана* (разг. я.).

III. ПАДЕЖНЫЕ СЛУЖЕБНЫЕ СЛОВА

Падежные служебные слова (кякӱдзѐси 格助詞), присоединяясь к тайгэну или к другим словам, показывают, в каком позиционном отношении находится слово, предшествующее служебному слову, к слову, следующему за последним. Под позиционным отношением здесь имеется в виду синтаксическая позиция (каку 格), причем значение этого термина шире, чем значение case в английском языке: он охватывает позиционное соотношение всех единиц предложения [3]. Позиция может быть передана и без падежных служебных слов; например, в предложении *хана саку* 'цветы цветут' слово *хана* 'цветы' без каких бы то ни было падежных служебных слов стоит в субъектной позиции по отношению к *саку* 'цвести'. Однако когда неясно, в какой позиции находится слово *хана*, то при присоединении падежного служебного слова *га* становится ясным, что это позиция субъекта. Таким образом, служебное слово, способное придать определенную позицию слову, к которому оно присоединяется, является падежным служебным словом. Причем способность придавать ту или иную позицию предыдущему слову присуща самому значению падежного служебного слова. Однако ввиду того, что служебное слово — формальное слово, это значение не может быть выявлено в нем отдельно. Оно выявляется только тогда, когда служебное слово, присоединяясь к предыдущему слову, ставит его в определенное соотношение с последующим словом. Другими словами, падежное служебное слово, придавая определенную позицию другому слову, само становится частью члена предложения, стоящего в этой позиции, и составляет вместе с другим словом синтаксическую единицу.

Если в сочетании слов *мидзу масу* поставить после *мидзу* служебное слово *о*, получится предложение *мидзу-о масу* 'прибавлять воду', и слово *мидзу* займет по отношению к слову *масу* положение так называемого слова-объекта. Если же на то же место поставить служебное слово *га*, то слово *мидзу* займет положение подлежащего и предложение получит смысл 'вода прибывает'. Иными словами в *мидзу масу* позиция слова *мидзу* неизвестна, а постановка после него служебного слова *о* или *га* определяет его позицию как объекта или субъекта. Таким образом, служебные слова *о*, *га* обладают способностью (функцией или значением) определять

позицию. Такие служебные слова и являются падежными служебными словами. Точно так же *хйто атаэру* может быть раскрыто как *хйто-га атаэру* 'дает человек' и *хйто-ни атаэру* 'дают человеку'. Таким образом, если принять во внимание позиционное соотношение, которое возникает между словами *хйто* и *атаэру* в зависимости от служебного слова, стоящего после первого слова, сущность падежных служебных слов становится ясной.

Следует отметить, что служебное слово, выражающее определенную позицию, не может выражать другой позиции. Поскольку каждое падежное служебное слово несет функцию выражения только одной позиции, квалификация каждого из них совершенно отчетлива. Поэтому падежные служебные слова ни в коем случае не присоединяются друг к другу.

Далее, падежные служебные слова иногда дополняются наречными, или же соотносительными служебными словами. Иногда также, при их отсутствии, их заменяют наречные или же соотносительные служебные слова. Примеры, иллюстрирующие это положение, будут даны позже при разборе наречных и соотносительных служебных слов.

Перечислим теперь падежные служебные слова, приведя некоторые соображения относительно их употребления и значения.

1. *Га* (が)

Это падежное служебное слово употребляется как в письменном, так и в разговорном языке.

1) Присоединяясь к тайгэну, оно делает его адъективным определением по отношению к стоящему после него слову. Именно в этом значении говорят о *га* как обозначающем обладание или принадлежность:

кими-га ё (п. я.) 'жизнь императора'; *мацу-га эда* (п. я.) 'ветка сосны'; *они-га сима* (п. я.) 'остров чертей'.

2) Присоединяясь к тайгэну оно обозначает, что тайгэн является подлежащим по отношению к стоящему после него ёгэну:

тори-га наку 'птица поет'; *хару-га кйта* 'весна пришла'; *хи-га нагай* 'день длинен'.

В письменном языке подлежащее может и не иметь при себе *га*, но в разговорном языке после подлежащего обычно следует *га*.

Бывает, что *га* точно так же обозначает подлежащее, но предложение, содержащее это подлежащее, является членным, например:

Тори-га *наку хигаси-о сасйтэ каэрикэри* (п. я.) 'Повернул назад на восток, где пели **птицы**'.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Юки-га *токэру-то хару-га куру* 'Когда растает **снег**, придет весна'.

В нижеследующих примерах *га* присоединено не к тайгэну, однако к тайгэну приравнено слово, стоящее перед ним, и поэтому *га*, как и в случае с тайгэном, находится в субъектной позиции. Такое употребление со служебным словом *но* не встречается.

Ито янготонаки кива-ни ва аранӯ ***га,*** *сугурэтэ токимэки тамау арикэри* (Гэндзи-моногатари). 'Не принадлежавшая к очень знатному роду находилась в большой милости [у императора]' [4].

Сорэва сō суру-га ёй 'Это лучше сделать так'.

3) Существует *га*, которое, как говорится, имеет значение служебного слова *о*:

хон-га ёмитай 'хочу читать книги', *дзи-га какэнӯ* 'не могу писать иероглифов'; *канэ-га иру* 'нужны деньги', *каси-га сӯки да* 'люблю сладости'; *хэби-га ковай* 'боюсь змей' ('змеи страшны [мне]').

Все эти примеры возможны только в разговорном языке, и считается, что *га* стоит вместо *о*, обычно выражающего объектную позицию. Однако д-р Мицуя Сигэмацу придерживается той точки зрения, что: «В выражении *тя-га номитай* 'хочу чаю' как будто представлена позиция управления (сётикаку 處置格) [5], однако на самом деле это не так, здесь налицо субъектная позиция»[20]. Точку зрения д-ра Мицуя разделяет д-р Ёсидзава Ёсинори, который обосновывает ее более подробно[21]. Мы придерживаемся мнения д-ра Ёсидзава. Основания, которые выдвигает д-р Ёсидзава, следующие: говорят *хэби-га ковай* и не говорят *хэби-о ковай*. С другой стороны, в том же значении говорят *хэби-о коваку омоу* и не говорят *хэби-га коваку омоу*. В предложении *хэби-о коваку омоу* слово *хэби-о* 'змею' соотносится с *омоу* 'думать, считать', а *коваку* определяет глагол *омоу*. *Омоу* — переходный глагол (воспользуемся для удобства этим термином), вследствие этого он требует слова-объекта *хэби-о*. *Хэби-о ковай* не говорят потому, что здесь нет такого слова, как *омоу*, которое требовало бы слова-объекта. *Ковай* — предикативное прилагательное, потому-то оно и не требует такого слова. Также и вместо *тяван-га бон-ни носэтэ ару* 'чашка поставлена на поднос' можно сказать *тяван-о бон-ни носэта* 'поставили чашку на поднос', но нельзя сказать *тяван-га бон-ни носэта* 'поставили чашка на поднос'. Дело в том, что *ару* — непереходный глагол; следовательно необходимо *тяван-га*, которое с ним соотносится, а для соотнесенности с глаголом *носэта*, при котором нет *ару*, требуется *тяван-о*. Другими словами, поскольку *носу* 'ставить' и *омоу* 'думать' — переходные глаголы, они могут управлять служебным словом *о*, а *ковай* — предикативное прилагательное, и *ару* — непереходный глагол такой функ-

цией не обладают. Таким образом, *хэби* и *тяван*, имея при себе *о*, должны быть словами-объектами, а имея при себе *га* — подлежащими. Далее, если из предложения *мидзу-га номитай* 'хочу выпить воды' исключить *тай* и попытаться сказать *мидзу-га ному* 'вода пью', окажется, что это невозможно. Точно так же нельзя сказать *мидзу-о номитай* (если же сказать так, то это ложная аналогия) [6]. Все это говорит о том, что соотносятся *га* и *таи*; необходимость же *о* при исключении *тай* говорит о соотношении *мидзу-о* и *ному*, поскольку *ному* — глагол, требующий слова-объекта. При желании составить предложение с формой *мидзу-га* необходим служебный глагол *тай*. В этом случае *мидзу* и *ному* уже не будут находиться в непосредственном грамматическом соотношении; *мидзу* непосредственно будет соотноситься с *тай*, а *ному* будет играть при *тай* роль только вспомогательной части. Ввиду того, что *тай* имеет непереходный характер, этот служебный глагол соотносится с подлежащим, при котором имеется *га*.

2. *Но* (∅)

По своему значению и употреблению *но* в целом похоже на *га*. Оно употребляется и в письменном и в разговорном языке.

1) Присоединяясь к тайгэну, *но* превращает этот тайгэн в адъективное определение другого тайгэна:

хана-но иро 'цвет цветка'; *ватакўси-но томодати* 'мой друг'; *гокаммэ-но нимоцу* 'багаж [весом] в 5 кàммэ'; *цўки-но маю* 'брови дугой' (букв. 'брови месяца'); *юмэ-но ё* 'страна мечты'.

Случается, что при употреблении подобного *но* следующий за ним тайгэн, являющийся определяемым, опускается и вместо него ставится *но* другого порядка (конечно, это последнее *но* не есть падежное служебное слово. Оно является другим служебным словом такого же типа, как *но*, в предложении *хомэрарэру но-га урэсий* 'радостно быть похваленным'. Д-р Хасимото называет это *но* квазименным служебным словом).

Уэ-но (хон) ва боку-но (хон)-ни сйтэ, сйта-но (хон) ва кими-но (хон) нари (п. я.) 'Верхняя (книга) моя (книга), нижняя (книга) твоя (книга)'.

Корэ ва дарэ-но но да 'Это чье?'

Ика нарэба сидзэ-дайнагон-но (ута) ва мэдэтаку, Кан'хйса-га ва варукарубэки дзо (Удзи-сюи-моногатари) 'Поэтому (стихотворение) сидзё-дайнагона замечательно, а [стихотворение] Канэхиса плохое'.

2) Такое *но*, о котором говорилось выше, т. е. *но*, которое превращает стоящее перед ним слово в адъективное определение, употребляется и тогда, когда стоящее впереди слово не является тайгэном:

а) присоединяется к другим служебным словам:

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

тити ***кара-но*** *дэнгон* 'наказ отца'; *бэйкоку-****ёри-но*** *цӯти* 'известие из Америки'; *каэру-****мадэ-но*** *хиӗ* 'расходы до возвращения'; *Тōкӗ-****э-но-ōфуку*** 'поездка в Токио и обратно'; *коко-****дакэ-но*** *ханаси* 'разговор только здесь'; *сансяку-****гурай-но*** *нагаса* 'длина около трех сяку'; *сӗти-сйта-****то-но*** *хэндзи* 'ответ, что согласен'; ***митэ-но*** *уэ* 'после того, как увидел';

б) присоединяется к наречию:

марэно хосомити 'редкая тропинка'; *сибасино иноти* 'жизнь недолго'; *ёмосугарано араси* 'буря всю ночь' (см. также примеры на стр. 313);

в) присоединяется к основе адъективных глаголов:

тэкитōно сӗти 'соответствующие меры'; *хонтōно гэнъин* 'подлинная причина'; *токубэцуно сэцуби* 'специальное оборудование';

г) присоединяется к основе предикативных прилагательных.

омосироно гаку-но ото 'звуки интересной музыки'; *аясино фурумати* 'странное поведение'; *насакэнано кото* 'бесчувственные слова'.

Во всех этих случаях слово, стоящее перед *но*, служит адъективным определением к слову, стоящему после него. Приименным служебным словом назвал *но*, употребляющееся в примерах групп а и б, д-р Хасимото Синкити. Он дал такое наименование *но* потому, что обычно определением к тайгэну служат приименные слова, а *но* в группах а и б он считает стоящим в той же позиции, что и приименные слова. Этот термин заслуживает внимания.

3) Присоединяясь к тайгэну, *но* превращает его в подлежащее к стоящему после него ёгэну.

Хару татэба хана-то я мираму сираюки-но какарэру эда-ни ***угуису-но*** *наку* (Кокинсю) 'Когда наступает весна, на ветке, на которой лежит белый снег, выглядящий точно цветы, поет **соловей**'.

Амэ-но *фуру хи ва уттōсий* 'День, когда идет **дождь**, уныл'.

Ананта-но *сюппацу-насару токи ва миокури-ни юкимасӯ* 'В то время, когда **вы** будете выезжать, я пойду вас проводить'.

В приведенных выше примерах из разговорного языка *но* обозначает подлежащее членного предложения, причем такие членные предложения всегда адъективно-определительные. *Амэ-но фуру* — адъективно-определительное членное предложение, определяющее тайгэн *хи* 'день'; *ананта-но сюппацу-насару* — адъективно-определительное предложение, определяющее тайгэн *токи* 'время'. При этом, *амэ*, *ананта* — подлежащие, относящиеся к глаголам *фуру*, *сюппацу-насару*. Будучи подлежащими, они в то же время не имеют после себя падежного служебного слова *га*, служащего показателем подлежащего. Это происходит потому, что все предложение, в которое входит данное подлежащее, является членным предложением и стоит в приименной позиции, а поэтому в нем вместо *га* ставится *но*, обозначающее приименную

позицию. Следовательно, в таком случае сказуемое членного предложения обязательно должно стоять в приименной форме. При этом тайгэн, который следует за приименной формой, иногда опускается.

Однако некоторые ученые придерживаются иной точки зрения на данный случай. Они рассуждают так. В предложении *Амэ-но фуру хи ва уттōсий* 'День, когда идет дождь, унил' *амэ-но* — не подлежащее, а приименный член. Субъект выражен не как субъект, а как принадлежность события. Поэтому-то и употреблено не *га*, а *но*. *Амэ но фуру* не есть *амэ-га фуру*; здесь только относительно *амэ* 'дождь' сказано, что он *фуру* 'идет'. Вследствие этого такую позицию именуют не субъектной позицией, а приименной позицией, выражающей субъект, и употребление ее называют субъектным употреблением приименной позиции.

В данной книге этот вопрос рассматривается следующим образом: вместо *амэ-но фуру хи* не говорят *амэ-га фуру хи*, потому что, как уже указывалось выше, предложение *амэ-но фуру* в целом является адъективным определением к тайгэну *хи*. Но само подлежащее *амэ-но* не стоит в приименной позиции при слове *хи*. Следовательно, фразу *амэ-но фуру хи* 'день, когда идет дождь' нельзя считать равной *амэ-но хи* 'дождливый день'; относительно же слова *амэ* 'дождь' сказано, что это *фуру хи* 'день, когда [он] идет'. Ведь предложение и словосочетание — разные вещи; предложение в целом должно выражать законченную мысль, и это выражающее законченную мысль предложение в целом определяет другое слово. Но нельзя сказать, что подлежащее само по себе, сказуемое само по себе служат определением к другому слову. Вместо *амэ-но фуру хи* можно сказать *амэ-но хи* не потому, что *амэ-но* является непосредственным определением к *хи*, а потому, что целую мысль *амэ-но фуру* можно сжать в одном слове *амэ*. Поэтому-то вместо *кадзэ-но най ё* 'ночь, когда нет ветра' нельзя сказать *кадзэ-но ё* 'ветреная ночь' и вместо *анатэ-но сюппацу-насару токи* 'время, когда вы уезжаете' нельзя сказать *ананта-но токи* 'ваше время'. Следовательно, *амэ-но* в предложении *амэ-но фуру хи*, бесспорно, является подлежащим при *фуру*, и *амэ-га* не говорится только потому, что данное предложение служит адъективно-определительным членным предложением. Если бы оно служило наречно-определительным членным предложением, то ни в коем случае нельзя было бы сказать *амэ-но фуру*. Вместо этого говорят:

Амэ-га фурэба энсоку ва тōси дэсӯ 'Когда идет дождь, экскурсия отменяется'.

Перейдем к рассмотрению общеупотребительных выражений следующего типа:

Киппу-но киранай ката ва аримасэн ка (выражение кондукторов) 'Все ли взяли билеты?' (букв. 'Нет ли лиц, у которых не проколоты билеты?').

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Здесь могут быть различные толкования, а именно:

1) *Киппу-о кирасэнай ката ва аримасэн ка* 'Нет ли лиц, которые не дали (не побудили) проколоть билет?'

2) *Киппу-га ватакўси-га корэ-о киранай ката ва аримасэн ка* 'Билет, нет ли лиц, которым я его не проколол?'

Последнего толкования придерживается Мацусита Дайдзабуро. Согласно его толкованию, *киппу-но* употреблено как субъект: субъектов имеется два — большой и малый: *киппу-га* — большой субъект, *ватакўси-га* — малый субъект, а *корэ-о* представляет собою повторение большого субъекта в видоизмененной форме — в форме объекта; когда ленятся делать это повторение и опускают малый субъект, получается *киппу-но киранай ката ва аримасэн ка*.

Я считаю, что рассматриваемое выражение представляет собою сокращение следующего:

3) *Киппу-но киранай-но-о моттэ иру ката ва аримасэн ка* 'Нет ли лиц, имеющих непроколотые билеты?'

Употребление прииенной позиции *киранай ката* крайне странно: ведь действие *киру* 'прокалывать' совершают не *ката* 'лица', а другой человек (кондуктор). Поэтому, если мы желаем сохранить в неизменном виде *киранай*, то нужно взять и относящееся к нему слово *киппу* и сказать *киранай киппу* 'непроколотые билеты'. Но поскольку слово *киппу* уже дано выше в виде *киппу-но*, вторично оно не употребляется. Совершенно так же вместо того, чтобы сказать *атаи-но такай хōсэки-о каттэ кита* 'купил дорогой драгоценный камень'(букв. 'купил драгоценный камень[у которого] цена дорогая'), *хōсэки* ставят впереди и говорят:

Хōсэки-но атаи-но такай-но-о каттэ кита.

При этом место, где раньше стояло слово *хōсэки*, заполняют заместителем тайгэна — служебным словом *но*. Точно так же появляется *но* после слова *киппу* в выражении *киранай киппу*. Так образуется словосочетание *киппу-но киранай*. Разумеется, здесь эллипсис подлежащего *ватакўси* 'я' в выражении *киппу-но ватакўси-но киранай*, а это последнее появилось вместо *ватакўси-но киранай киппу*. Однако поскольку это слова кондуктора, который сам прокалывает билеты, нет необходимости повторять местоимение «я», почему оно и опускается. Одновременно опускается *моттэ иру* 'иметь' как нечто само собой разумеющееся. А поскольку оно опущено, нет необходимости сохранять и *но-о*. Таким образом, получается следующее:

1) *Ватакўси-но киранай киппу-о моттэ иру ката ва аримасэн ка?* 'Нет ли лиц, имеющих билеты, которые я не проколол?'

2) *Киппу-но ватакўси-но киранай но-о моттэ иру ката ва аримасэн ка?* (то же).

3) *Киппу-но (ватакўси-но) киранай (но-о моттэ иру) ката ва аримасэн ка?* (то же).

Из этого видно, что первое толкование — *киппу-о кирасэнай ката ва аримасэн ка*?— по сравнению со вторым и третьим проще и понятней. Однако предполагаемое исчезновение формы каузатива *сэ* грамматически неоправдано, а кроме того, трудно объяснить появление служебного слова *о*; все это и побудило автора изложить в данной книге свою точку зрения[22] [7].

4) Относительно *но*, стоящего как адъективное определение после приименной формы самостоятельных и служебных глаголов, «Перечень допустимых отклонений от грамматических норм» в пункте 9 говорит следующее:

«Не возбраняется употреблять частицу *но* после приименной формы самостоятельных и служебных глаголов и перед существительным; например:

хана-о миру но ки 'записки о любовании цветами'; *гакурэйдзидо-о сюкаку-сэсимуру но гиму-о оу* 'нести обязанность отдавать детей школьного возраста в школы'.

В «Первом докладе по изучению проекта реформы ныне действующих грамматических правил» по этому поводу даются следующие пояснения:

«Так как в хэйанской повествовательной литературе такая позиция встречается редко, раньше грамматики ее отвергали. Однако хотя в более поздней чисто японской литературе и подражаниях ей примеров на эту конструкцию крайне мало, в японских разметках китайских текстов, которые представляют собой один из основных истоков современного письменного языка, примеров ее имеется множество (хотя в древности иероглиф 之 иногда и не имел японского чтения, но в то же время существуют ранние образцы, где такое чтение при нем указано). И в официальном стиле, который с некоторыми изменениями основывается на таких образцах, эта позиция является обычной. Далее на протяжении всего периода Токугава вплоть до современной литературы она становится все более распространенной, не уступая другим. Приведем некоторые примеры из литературы периода Хэйан — из разметок китайского текста и из официального текста: 是皆馴京都之輩也 *Корэ мина Кёто-ни* ***каруру-но*** *томогара нари* (Адзума кагами) 'Это все люди, **привыкшие** к Киото'.

Ямасинадэра-но бэттё-ни наритэ ***ёрокобимёсу-но*** *хи* (Хару-но акэбоно-сё) 'В день, когда [он] **радовался**, став настоятелем храма Ямасина'.

Подобные примеры неисчислимы. Это *но* по своему происхождению является, по-видимому, дословным переводом знака 之 китайских текстов и крайне редко встречается в чисто японских текстах, которые часто обходятся без него. Однако, как уже упоминалось выше, употребление его вошло в обычай уже давно. В настоящее время позиции с *но* и без него имеют каждая свое значение, подобно тому, как наличие или отсутствие знака 之 в китай-

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

ских текстах создает разницу, состоящую в усилении или ослаблении смысла предыдущей фразы. Это усиление или ослабление, как ясно из примеров *харуби* (春日) и *хару-но хи* (春の日) 'весенний день', *хиямидзу* (冷水) и *хияки мидзу* (冷き水) 'холодная вода', крайне незначительно. Особой необходимости различать его нет; ведь в китайских текстах то и другое совмещается в одной форме *сюндзицу* (春日), *рэйсуй* (冷水). Как бы то ни было, раз известно, что в формах с *но* и без *но* наличествуют значения усиления или ослабления, то нет оснований отвергать это так же, как не следует принимать или отбрасывать какую-либо одну из форм *катаги* или *катаки ки* 'твердое дерево', *сиромомэн* или *сирой момэн* 'белый хлопок'. В этом и состоит причина необходимости правил, изложенных в данном пункте»[23].

5) Различие между *но* и *га* при образовании адъективного определения подробно рассматривается в исследовании д-ра Ямада Ёсио[24], которое считается исчерпывающим. В нем практически прослеживается сначала формальная, а затем смысловая и функциональная разница между ними. Сделаны интересные сопоставления.

А. В том случае, когда в качестве адъективного определения существительного употребляются местоимения *коно*, *соно*, *кано*, предметом, на который указывает местоимение, является следующий за ним тайгэн. Это соответствует употреблению Demonstrative Pronoun в западноевропейских грамматиках. В данном случае ни что иное, кроме *но*, не употребляется. Наоборот, при употреблении *га*, как, например, *ва-га огими* 'наш император', *а-га ӯма* 'его лошадь', *оно-га на* 'свое имя', местоимение отнюдь не указывает на следующий за ним предмет. Оно замещает предмет иной, чем существительное, стоящее после него, что соответствует Possesive case западноевропейских грамматик.

Б. Слово *но*, употребленное после существительного в выражениях *бсэ-но манимани* 'по приказанию', *амацути-но мута* 'вместе с небом и землей', *хана-но гото* 'подобно цветам', нельзя заменить *га*. С другой стороны, *га*, употребленное после местоимения в выражениях *ва-га карани* 'из-за меня', *а-га-готоку* 'подобно мне', *на-га манимани* 'по тебе' нельзя заменить *но*.

В. При сравнении *Сумэра-га микото* и *Ōкими-но микото*, *Фудзии-га хара* и *Ханиясу-но икэ*, *ӯмэ-га хана* и *ӯмэ-но хана* 'цветы сливы' создается впечатление, что *га* связывает предыдущее и последующее очень крепко, а при *но* эта связь несколько ослабевает [8].

Г. Если суммировать все вышесказанное, можно сделать вывод, что *но* служит адъективным определением, поскольку оно концентрирует весь смысл в слове, которое следует после него. *Га* же в смысловом отношении дает понять, что основным является то, что стоит перед *га*, а то, что стоит после него — его принадлеж-

ность. При этом само собою разумеется, что при соединении двух тайгэнов в японском языке основным является второй. Следовательно, в образованных с помощью *но* сочетаниях, как *Ирако но сима*'о-в Ирако', при разъединении стоящих перед и после него слов, первое представляется названием (подчиненным), а второе—сущностью (главным). В сочетаниях же, составленных при помощи *га*, как *Ирако-га сима*, слова и перед и после *га* почти равноценны, оба, взаимодействуя, создают единое слитное целое, и ни одно из них не кажется главным.

Существует мнение, что *но* и *га* представляют разные периоды. Это требует дальнейшего изучения.

3. *Ни* (に)

Ни присоединяется и к тайгэну и ёгэну и имеет различные употребления. В одном из случаев *ни* используется для того, чтобы ставить впереди идущее слово в позицию наречного определения по отношению к последующему слову. *Ни* употребляется как в письменном языке, так и в разговорном. Относительно *ни* Ямада Ёсио говорит: «Это слово также обозначает объект. Однако по значению оно статично. Благодаря этому оно употребляется и при глаголах и при прилагательных; его называют словом, обозначающим статичный показатель (сэйтэки-мокуёхё 静的目標)»[25]. Ямада проводит следующее разделение в зависимости от того, какое слово обозначает этот показатель[26].

Во-первых, обозначение статичного показателя при присоединении к тайгэну.

1) Присоединение к тайгэну, являющемуся показателем (мокуёхё 目標) по отношению к глаголу:

а) обозначает, откуда исходит действие или процесс или к чему они приходят:

Ко тити-ни ниру 'Ребенок похож на отца';

хйто-ни моно-о атау (п. я.) 'давать вещь человеку';

б) обозначает то, что подвергается действию пассива:

Хаха ко-ни накару (п. я.) 'Мать оплакивается ребенком';

Ямаи-ни наямасару (п. я.) 'мучиться от болезни' [9];

в) обозначает то, на что переходит процесс при каузативе:

Кёси сэйто-ни кагё-о укэсасу (п. я.) 'Учитель побуждает учеников получить задание';

дайку-ни из-о татэсасэру 'побудить плотника построить дом';

г) обозначает причину действия, процесса:

хара-но итай-но-ни курусиму 'страдать от того, что болит живот';

д) обозначает результат действия, процесса:

Ки иси-ни касу (п. я.) 'Дерево превращается в камень';

Ю-га мидзу-ни нару 'Кипяток становится [холодной] водой';

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

е) обозначает цель действия. В этом случае *ни* присоединяется главным образом к превращенной в тайгэн или приравненной к тайгэну приёгэнной форме глагола:

ханами-ни *дэкаку* (п. я.) ‘идти **любоваться** цветами’;

сирасэ-ни *кйта* ‘пришел **сообщить**’;

ж) обозначает время наличия или протекания действия и процесса:

Маёнака-ни *кадзэ фукиидзу* (п я.) ‘В **самую полночь** подул ветер’;

Гого ***рокудзи-ни*** *Кобэ-о тацу* ‘**В 6 часов** пополудни отправляюсь из Кобэ’;

з) обозначает место наличия или окончания действия и процесса:

Токё-ни *суму* ‘жить в Токио’;

Кайдзё-ни *цуки идэтари* (п. я.) ‘**Над морем** взошла луна’.

2) Присоединение к тайгэну, являющемуся показателем по отношению к предикативному прилагательному:

а) обозначает место:

яма-ни *тйкаси* (п. я.) ‘близки **к горе**’;

Фусин-но моно ***ё-ни*** *бку наритари* (Энкэйбон-Хэйкэ) ‘Ненадежных людей **на свете** стало много’;

б) обозначает показатель сравнения:

Сорэ-но као ва яя ***кицунэ-ни*** *нитари* (п. я.) ‘Его лицо немного напоминает **лису**’;

в) обозначает показатель сходства или расхождения:

Кō ва ***оцу-ни*** *хйтосйкарадзу* (п. я.) ‘А не одинаково с **Б**’;

Хйтоэни кадзэ-но маэ-но ***тири-ни*** *онадзи* ‘Совсем то же, что **пыль**, развеваемая ветром’.

3) Присоединение к тайгэну, являющемуся показателем по отношению к бытийному слову:

а) обозначает место бытия:

Фудзисан-ва ***Суругакуни-ни*** *ари* (п. я.) ‘Гора Фудзи находится **в провинции Суруга**’;

б) обозначает время бытия:

Годзэн ***кудзи-ни*** *соцугёсйки ари* (п. я.) ‘Выпускной акт состоится **в 9 часов** утра’;

в) обозначает объект суждения:

Коно ки ва ***кинсэй-ни*** *сйтэ кано ки ва гинсэй нари* (п. я.) ‘Этот сосуд **золотой**, а тот серебряный’.

4) Присоединение к тайгэну, который является показателем по отношению к другому тайгэну:

а) обозначает, что какому-либо предмету сопутствует другой предмет:

Цуки-ни *муракумо* ***хана-ни*** *кадзэ* (п. я.) ‘**На луну** — тучи, **на цветы** — ветер’ (поговорка).

В этом случае при добавлении к А — Б *ни* указывает на основной предмет, присутствующий с самого начала.

б) На основе такого употребления образовался и следующий оборот:

*Кодомо-**ни** онна-**ни** тосиёри дакэ да* 'Одни дети да женщины, да старики';

*Ната-**ни** ватакўси-**ни** конокатa-**ни** субэтэ саннин дэсў* 'Ты да я, да он — всего трое'.

Таких примеров множество. В целом *ни* обладает способностью объединять компоненты воедино. (Такое *ни* является сочинительным служебным словом. — *Прим. Киэда.*)

Во-вторых, присоединение к слову, стоящему в позиции определения к наречию или другому ёгэну.

а) Присоединяясь к наречию состояния, уточняет позицию определения:

*ари-но **мамани** йу* 'говорить **так, как** есть', ***акиракани** сиру* '**ясно** знать'; ***синсэцуни**ториацўкау* '**любезно** обращаться'.

б) Присоединяясь к приёгэнной форме глагола, обозначает, что она служит определением к ёгэну.

*амэ **сикирини** фуру* 'дождь идет **беспрестанно**'; ***наки-ни** наку* 'плакать **навзрыд**'; ***мати-ни** маттэ имасйта* 'нетерпеливо ждал', ***досябурини** фуру* 'лить как из ведра'; ***омои-омоини** идэтацу* (п. я.) 'выйти **кто куда**'.

Этими примерами Ямада Ёсио в целом, по-видимому, исчерпываются случаи употребления *ни*, в зависимости от характера следующего далее определяемого они распределяются по приведенным выше пунктам, чем подводятся итоги изучению значений этого служебного слова. В целом *ни* ставит слово, к которому оно присоединяется, в позицию наречного определения. Однако в приведенных выше примерах *акиракани сиру* 'ясно знать' и *синсэцуни ацўкау* 'любезно обращаться' *акиракани* и *синсэцуни*—не наречия *акирака* и *синсэцу* с присоединенными к ним *ни*, а наречные формы адъективных глаголов *акирака нари* и *синсэцу нари*, а *ни* здесь — не самостоятельное слово, а окончание этой формы спряжения. Такова точка зрения, которой придерживается автор настоящей книги.

Существует и другая точка зрения, согласно которой слово с присоединенным к нему *ни* является не наречным определением, а словом-объектом. Как показано ниже в разделе синтаксиса, я считаю слово-объект одним из видов наречного определения, и поэтому в данной книге специально слово-объект не выделяется.

В письменном языке между служебными словами *ни* и *э* существует четкое различие: *ни* обозначает то, к чему результативно приходит действие, а *э* обозначает показатель, к которому движется действие (правда, иногда и *ни* употребляют для указания направленности действия, но обычно эти два служебных слова различаются). В разговорном же языке это различие, по-видимому, стирается. Тем не менее, если присмотреться внимательно, то все

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

же в исходных пунктах употребления этих слов можно обнаружить разницу. Например:

мидзу-ни оборэта 'утонул в воде'; *амэ-ни нурэта* 'промок от дождя'; *доку-ни ататта* 'отравился' (букв. 'пострадал от яда').

В таких случаях *ни* не может быть заменено *э*. Причина в том, что данное *ни* не обозначает ни временных, ни пространственных отношений. Однако в таких примерах, как: *Тōкё-ни юку* 'ехать в Токио'; *мēнити-ни нобасу* 'отложить до завтра'; *како-ни саканобору* 'вернуться в прошлое'; *хако-ни цумэру* 'уложить в ящик', на место *ни* можно поставить *э*. Здесь имеется *ни*, обозначающее временны́е и пространственные отношения. А когда эти временны́е и пространственные отношения мыслятся в связи с движением действия, их беспрепятственно можно заменить *э*. Когда говорят: *ису-э какэру* 'сесть на стул', *дэнся-э нору* 'сесть в трамвай', то при указании, что осуществляются действия *какэру* и *нору*, действию сообщается развитие; иначе говоря, понятие движения, безусловно, является основным. Другими словами, здесь налицо значение *ису-э мукаттэ какэру* 'садиться, обращаясь к стулу'; *дэнся-э мукаттэ нору* 'садиться, направляясь в трамвай'. Когда же говорят *ису-ни какэру*, *дэнся-ни нору*, то действие может развиваться, а может и не развиваться. Здесь просто статично мыслится результат, т. е. что место, куда садятся, — стул, а средство сообщения, куда сели,— трамвай. Если не задумываться над разграничением статики и динамики, то между *ни* и *э* можно не обнаружить никакой разницы. Широкое употребление в разговорном языке *ни* вместо *э* и наоборот в общем проистекает из такого взгляда.

4. *О* (を)

О — служебное слово, употребляющееся и в письменном и в разговорном языке. Если *ни*, разобранное в предыдущем параграфе, является статичным показателем, то данное служебное слово следует назвать динамичным показателем. Так же как и *ни*, *о* превращает слово, к которому оно присоединяется, в наречное определение по отношению к стоящему после него слову.

1) *О* делает слово, к которому оно присоединяется, так называемым словом-объектом по отношению к так называемому переходному глаголу.

В этом случае *о* обозначает предмет, который подвергается влиянию действия непосредственно. Так называемое слово-объект, разумеется, представляет собою наречное определение.

хана-о мэдэ, *тори-о ураями*, *касу́ми-о аварэби*, *цую-о канасиму* (Кокинсю́, предисловие) 'любить цветы, завидовать птицам, грустить при тумане, печалиться при росе'.

тя-о номи, *каси-о табэ*, *ханаси-о суру* 'пить чай, кушать печенье и вести разговор'.

2) Обозначает перемещение субъекта действия, выраженного глаголом, причем точку перемещения указывает слово, к которому присоединено это *о*:

куни-о сару 'покинуть родину'; *ути-о дэру* 'выйти из дому'; *сора-о тобу* 'лететь по небу'; *мити-о аруку* 'идти по улице'; *яма-о нобору* 'подниматься на гору'; *кава-о ватару* 'переправляться через реку'; *мон-о сугиру* 'пройти через ворота'.

Ведутся ожесточенные споры по поводу того, является ли тайгэн, стоящий перед *о* в приведенных примерах, словом-объектом или нет и является ли следующий за ним глагол переходным или непереходным глаголом, но все эти изыскания излишни. Все слова, сопровождаемые *о*, служат по отношению к стоящему после них глаголу наречным определением, а следовательно нет необходимости различать переходность или непереходность этого глагола [10].

3) *О*, которое издавна называют заменяющим *ни*.

Сига-но яма-нитэ онна-о аэрикэру (Кокинсю) 'В горах Сига повстречал женщину'.

Хисасю сумикэру иэ-о сумадзи-тотэ сото-э ицуру-ни... (Цураюки-сю) '[Он] уехал в другое место, решив, что в доме, в котором [он] долго жил, [больше] жить не будет' [11].

В данных примерах *о* обозначает динамичный показатель действия, т. е. то, что одновременно с движением первого лица движется и объект. Это дальнейшее развитие второй функции. Здесь *о* не обозначает, как *ни*, статичный показатель, поэтому называть его заменяющим *ни* неправильно.

4) Что касается происхождения *о*, то считается, что *о* первоначально было междометийным служебным словом, постепенно превратившимся в падежное. Однако в настоящее время необходимо отличать падежное *о* от междометийного служебного слова *о*, а также от союзного служебного слова *о*.

5. *То* (と)

Это служебное слово употребляется как в письменном, так и в разговорном языке. Оно также, присоединяясь к тайгэну или приравненному в нему слову, делает его наречным определением к стоящему после него слову. При этом встречаются следующие случаи:

1) Обозначает показатель совместности с чем-либо:

Ко хаха-то нэмуру 'Ребенок спит с матерью'; *Ватакуси ва имото-то дэкакэмасу* 'Я отправляюсь вместе с младшей сестрой'; *Сорэ ва корэ-то онадзи да* 'То одинаково с этим'; *Дзёси ва дзёдоси-то котонари* (п. я.) 'Служебные слова отличаются от служебных глаголов'.

2) Обозначает показатель при предикативном определении предмета.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Кōри мидзу-то нару 'Лед превращается в воду'; *Карэ ва тōтō сю̄сē̄-то натта* 'Наконец, он стал премьер-министром'; *кокō-то таному* 'полагаться как на свои руки и ноги'; *Куни-но оя-то агамэру* 'почитать, как главу государства'; *Данган усан-то тиру* 'Пули сыпятся градом'; *Эдо-о Тōкē̄-то аратаму* (п. я.) 'изменить [название] Эдо на Токио'; *Ямамото-то йу хйто куру* 'пришел человек, называющийся Ямамото; *Ниппон-гайси-то надзуку* 'назвать «Ниппон-гайси»'; *тити ва мēнити каэру дарō то омоу* 'думать, что отец завтра возвратится'; *Тэкикан мию то йу сингō ари* (п. я.) 'Есть сигнал, что видны неприятельские корабли';

Каэрикэру хйто китарэри то иисйкаба хотохото синики кими ка то моитэ (Манъēсю̄, 3772) 'Когда мне сказали, что пришел человек, вернувшийся [домой, я] чуть-чуть не умерла, подумав, [не] ты ли?'

«Нёго ва кйсаки-ни цугэру дзёкан нари» то катē-ёдзē-ни тю̄ситэ ару '«Нёго — женское придворное звание, следующее за кисáки» — так истолковано в духе катё-ёдзё' [12].

Как видно из последнего примера, *при наличии* фразы-цитаты она, как правило, помещается в законченной смысловой форме (цитированное предложение стоит в позиции тайгэна). Если она представлена не в заключительной, а в какой-либо другой форме, то *либо должна* иметь какой-то законченный смысл (соотносительное окончание или форму приказания), либо налицо должен быть эллипсис. Однако существует *то* с другим значением, оно присоединяется к приименной форме спрягаемых слов. В пункте 12 «Перечня допустимых отклонений от грамматических норм» оно определяется таким образом:

«Не возбраняется следовать обычаю, согласно которому служебное слово *то* присоединяется к приименной форме самостоятельных глаголов и служебных глаголов каузатива, пассива и времени», например:

Цўки идзуру то миэтэ 'Кажется, что луна взошла'; *сю̄дзицу гёму-о ториацукавасимуру то йу* (п. я.) 'говорит, что целый день заставляет работать'; *Баннин мина соно току-о тонаэкэру то дзо* 'Все восхваляют его добродетель'.

По этому поводу «Первый доклад по изучению проекта реформы ныне действующих грамматических правил» дает следующее разъяснение:

«Служебное слово *то*, в том случае, когда оно указывает на стоящее впереди слово или членное предложение, необязательно присоединяется к заключительной форме. Обычной нормой признается присоединение к приименной форме всех спрягаемых слов, стоящих в конце фразы, за исключением глаголов и предикативных прилагательных неправильного спряжения по столбцу *са*, столбцу *ра* и служебных глаголов *дзу*, *дзи*, *мадзи*, *бэси*, *нари*, *тари* и т. п.»[27].

3) Присоединяясь к слову, обозначающему состояние, *то* обозначает, что это слово стоит в позиции наречного определения. В смысловом отношении оно усиливает степень значения этого наречного определения:

харахарато *тиру* 'рассыпаться градом'; ***цӳкудзукуто*** *нагамэру* пристально смотреть'.

Так как исторически, по-видимому, правильней рассматривать *харахарато* и *цӳкудзукӳто* в качестве наречий, то *то* следует принимать не за служебное слово, а скорее за окончание этого наречия. Однако ведь *харахара* и *цӳкудзуку* могут употребляться в функции наречий и самостоятельно, а кроме того, поскольку *то* присоединяется и тогда, когда приёгэнная форма глагола, повторяясь удвоенно, образует наречное определение, как, например, *тиридзирито натта* 'разлетелись врассыпную'; или *ариарито миэру* 'живо представляется', то оно легче мыслится как отдельное служебное слово.

Однако указанное *то* нельзя смешивать с тем *то*, которое является окончанием адъективного глагола. Они различаются совершенно отчетливо: в том случае, если *то* служит окончанием спряжения адъективного глагола, последний может иметь и другое окончание спряжения; а в том случае, когда этого нет, например, в таких словах, как *тиридзирито* 'врассыпную', *ариарито* 'живо', все слово в целом, конечно, не спрягается. Поэтому не может быть речи об идентичности последнего *то* и *то* в первом случае.

4) Одним из неразрешенных вопросов является сопоставление в отношении сходства и различия *то* и рассмотренного выше ***ни***.

А. *ари-**то** араюру моно* 'всякие и всяческие вещи' (указывает на сферу внешней стороны).

*Амэ-га фури-**ни** фуру* 'Дождь льет, как из ведра' (указывает на степень с внутренней стороны).

Б. *Мидзу-га ю-**то** нару* 'Вода превращается в кипяток'; *ани-**то** агамэру* 'почитать, как старшего брата' (действия и процесс представляются относительными и намеренными).

*Мидзу-га ю-**ни** нару* 'Вода вскипает'; *ани-**ни** нару* 'стать старшим братом' (действие и процесс представляются абсолютными и естественными).

В. *Дзинсэй-о юмэ-**то** миру* 'смотреть на человеческую жизнь, как на сон' (рассматривать как сон человеческую жизнь, которая не есть сон);

*томодати-о юмэ-**ни** миру* 'видеть друга во сне' (Друг входит в материал сна. Друг сливается со сном);

***хйто-то** катару* 'говорить с человеком' (говорящий и человек в равной позиции);

*хйто-**ни** катару* 'говорить человеку' (Говорящий — субъект, он действует, обратившись к человеку).

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Г. *сан-**то** го-о куваэру* 'сложить три и пять (равноправное отношение);

*сан-**ни** го-о куваэру* 'прибавить к трем пять' (отношение главенства и подчинения).

Д. *дзю̄дзи-**то** гофун* 'десять часов и пя́ть минут' (пять минут одиннадцатого, 10 часов и 5 минут слагаются в равноправной синтаксической позиции);

*дзю̄дзи-**ни** гофун* 'до десяти часов пять минут' (без пяти минут десять, 10 часов — главное, 5 минут — подчиненное, недостача).

Е. *Хана-га юки-**то** титта* 'Цветы осыпались, как снег' (цветы, которые не являются снегом, выглядят, как снег).

*Хана-га кадзэ-**ни** титта* 'Цветы осыпались от ветра' (цветы оказались осыпавшимися из-за ветра).

5) Обычно *то*, которое употреблялось при перечислении двух и более предметов в равноправной позиции, относили к падежным служебным словам, но с точки зрения сущности падежных служебных слов это неправильно. В таком случае *то* необходимо выделить из состава падежных слов в качестве сочинительного служебного слова. Д-р Хасимото отчетливо объяснил это, и, таким образом, следует придерживаться его точки зрения (см. ниже в разделе «Сочинительные служебные слова»).

6. *э* (⌒)

Это служебное слово, которое, присоединяясь к тайгэну или же квази-тайгэну, превращает его по отношению к стоящему после него слову в наречное определение. Употребляется как в письменном, так и в разговорном языке.

1) Указывая направление процесса движения, *э* ставит слово, которое находится перед ним, в позицию наречного определения.

Ко̄бэ-э ику 'ехать в Кобэ'; *минами-э сусуму* 'продвигаться к югу'; *то̄ку-э дэкакэмасйта* 'отправился в даль'.

2) Как уже упоминалось выше в разделе о *ни*, служебное слово *э* употребляется иногда вместо *ни*, которое мыслится, когда с процессом движения связано пространственное или временно́е соотношение. Такое употребление встречается только в разговорном языке:

хако-э цумэру 'уложить в ящик'; *янэ-э агэру* 'подняться на крышу'; *дзайган-о ко-э юдзуру* 'передать имущество детям'.

В этих случаях *э* обозначает результативный (конечный) пункт действия, и, по-видимому, основной принцип письменного языка, когда *ни* указывает место, а *э* — направление, в разговорном языке оказывается нарушенным.

*сэки-**ни** цӯку* 'сесть на место'; *сэки-э цӯку* 'садиться на место';

*цӯкуэ-**ни** носэру* 'поставить на стол': *цукуэ-э носэру* 'ставить на стол'.

тити-ни таному 'попросить у отца'; *тити-э таному* 'обратиться с просьбой к отцу'.

При сравнении этих пар примеров видна разница между ними. В примерах с *ни* основным является не процесс движения, а пункт его прекращения, т. е. главным является результат. Наоборот, в примерах с *э* главным является процесс движения, развивающийся извне, результат же наступает естественным путем. *Сэки-ни цўку* прежде всего обозначает место, которое является конечным пунктом действия *цўку* 'сесть'. В *сэки-э цўку* главным является указание на движение процесса *цўку* 'садиться' по направлению к месту. Поэтому, желая подчеркнуть смысл движения, непременно употребляют *э*, но не *ни*. А в том случае, когда мысль не связана с процессом движения, вместо *ни* никогда не употребляется *э*.

коно хаси-кара ***хигаси-э*** *сандзиккэн-о дзидōся-но окиба-то суру* '[место на] 30 кэн **к востоку** от этого моста превратить в стоянку автомобилей'.

самбан-сан-э *о-дэнва* 'телефонный звонок [гражданину] номеру 3'.

Мацусита Дайдзабуро, приводя эти примеры, поясняет, что слово *сандзиккэн* '30 кэн' связано с движением в том смысле, что идет счет 1 кэн, 2 кэна, 3 кэна; слово *о-дэнва* 'телефонный звонок' выражает действие 'звонить по телефону', поэтому в данных случаях и употреблено *э*. Однако, по мнению автора, ввиду того, что в этом случае представлен эллипсис ёгэна, а именно: *хигаси-э сандзиккэн ёру* (*сусуму, ику*) 'подойти (продвинуться, пройти) на 30 кэн к востоку' или *самбан-э о-дэнва-га какару* 'номеру третьему звонит телефон', то можно и строить объяснения, опираясь не только на слова *сандзиккэн и о-дэнва*. Однако это не меняет того утверждения, что в *э* заложено значение процесса движения.

Если рассмотреть примеры из древнего языка, то можно убедиться, что направление и результативный (конечный) пункт движения, т. е. *э* и *ни*, строго различались.

Фукакўса-но ***сато-ни*** *сумихабэритэ* ***мияко-э*** *мōдэ ку тотэ...* (Кокинсю) 'Живя в **селении** Фукакуса, [он], предполагая прийти **в столицу**...'

Суму яката-ёри идэтэ фунэ-ни норубэки ***токоро-э*** *ватару* (Тоса-никки) 'Выйдя из дома, где жил, отправляется к месту посадки на судно'.

Мияко-ни *аривабитэ* ***Адзума-э*** *юкикэру-ни* (Исэ-моногатари) '[Ему] стало невмоготу жить **в столице**, и он отправился **в Адзума**'.

Микава-но куни Яцубаси-то йу ***токоро-ни*** *итарину* (там же) 'Они прибыли **в места**, называемые Яцубаси в провинции Микава'.

Правда, есть и другие примеры, но они редки:

Адзума-но ***хō-ни*** *юкитэ суму токоро мотому тотэ...* (Исэ-моногатари) 'Подумав, — пойду в Адзума и поищу место, где жить...'

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

7. *Ёри* (よ り)

Ёри, так же как и ряд вышеприведенных служебных слов, является служебным словом позиции наречного определения. Употребляется как в письменном, так и в разговорном языке.

1) Обозначает отправной (исходный) пункт процесса действия:

Онгакукай ва гого рокудзи-ёри хадзимару (п. я.) 'Концерт начинается с 6-ти часов вечера' (время).

Харинамару ва Ёкохамакō-ёри сюппан-сэри (п. я.) 'Судно Харинамару вышло из порта Йокогама' (пространство).

В этих случаях в разговорном языке употребляется *кара*.

Сакэ ва комэ-ёри цукуру (п. я.) 'Сакэ приготовляют из риса'.

Кӯки-ёри тиссō-о тору (п. я.) 'Из воздуха добывают азот'.

Иттан-но сиппай-ёри сайго-но сэйкō-о этари (п. я.) 'Из-за первоначальной неудачи был достигнут конечный успех'.

Считают, что в приведенных примерах *ёри* имеет значение *ни ёритэ* 'благодаря, из-за', и, если хорошо вдуматься, то можно сказать, что это исходный пункт. Однако в нижеследующем примере *ёри* не обозначает исходный пункт. Служебное слово письменного языка *нитэ* соответствует разговорному *дэ*. (В настоящее время в некоторых диалектах говорят *кйся-кара ику* 'ехать поездом', *фунэ-кара ику* 'ехать пароходом'.)

Цугинэу Ямасиродзи-о хитодзума-но **ӯма-ёри** *юку ни онодзума-но* **кати-ёри** *юкэба миру гото-ни нэ номи си накаю* (Манъёсю, 3314) 'По гористой дороге в Ямасиро чужие мужья едут **на конях**, а мой муж идет **пешком**, [поэтому] каждый раз, как [это] вижу, только криком плачу'.

Говорят, что в диалекте о-вов Окинава до сего времени сохранились такие формы, как uma kara ichun (*ӯма-кара ику*) 'ехать на лошади'.

В этой связи Канадзава Сёдзабуро предлагает следующую заслуживающую внимания теорию: «*Ни* обычно считают служебным словом, обозначающим дательный падеж (ёкаку 與格, dative), но это скорее видоизменение локативного падежа (икаку 位格, locative) или инструментального падежа (экикаку 役格, instrumentalis). Этимологически данное слово восходит, видимо, к глаголу.... Иными словами, в таких выражениях, как: *иэ-ни суму* 'жить в доме', *Асама-но гакэ-ни кэмури-но тацу-о митэ* 'видя, как на вершине Асама подымается дым', определенно употреблен локативный падеж. В выражении *мити-ни хйто-ни току* 'объяснять человеку в дороге (дорогой)' оба *ни* имеют различное значение: *хйто-ни* 'человеку', разумеется, представляет собой дательный падеж, а в *мити-ни* 'в дороге, дорогой' есть что-то и от инструментального падежа.

Микан ва Кисю-нитэ (*ёри, кара*) *сансу* 'Мандарины произрастают в провинции Кии'; *фунэ-нитэ* (*ёри, кара*) *ику* 'ехать пароходом'.

В этих примерах *нитэ сансу*, *кара сансу*, *ёри сансу* имеют то же значение, что и *ни сансу* 'произрастают в ...', и если сравнить это с *нитэ ику*, *ёри ику*, *кара ику* 'ехать чем-либо', где имеется инструментальный падеж, то представляется, что в *ни* заключено и значение этого падежа. *Ханами-ни ику* 'идти любоваться цветами', *ямаи-ни таорэру* 'слечь от болезни', *ха-ни фусу* 'пасть от меча' представляют собою еще более яркие примеры. В корейском языке инструментальный падеж обозначается служебным словом *ро*, которое явно происходит от глагола *ир* (*ари*) и соответствует слогам *ра* и *ри* в словах *кара* и *ёри* японского языка. Можно предполагать, что *ни* происходит от глагола и в японском языке[28].

В древней литературе *ёри* употреблялось для обозначения места протекания или положения действия.

Атари-ёри дани на аруки со (Такэтори-моногатари) 'Не ходи даже здесь рядом'.

Оки-ёри фунэдомо-но утаи ноносиритэ когиюку надо мо кикою (Гэндзи-моногатари) 'Слышится, как по взморью с песнями и возгласами плывут лодки'.

Такое *ёри* издавна называли *ёри*, заменяющим собой *о*. Однако если при *о* главное внимание обращено на место и указывается, что здесь происходит действие, то *ёри* говорит о том, что действие проходит определенное место и распространяется еще дальше на новое место. Поэтому надо согласиться с мнением д-ра Ямада о том, что в строгом смысле между ними имеется разница.

2) Указывает на основание сравнения:

Оя-но он ва яма-ёри такаку уми-ёри фукаси (п. я.) 'Благодеяния родителей выше гор и глубже моря'.

Хана-ёри данго '[Лучше], чем цветы, лепешки' (поговорка).

Фудзи-сан-ёри Ниитакаяма-но хō-га такай 'Ниитакаяма выше, чем Фудзисан'.

Дзисин ва Ōсака-ёри Тōкē-но хōга хидокатта 'Землетрясение было ужаснее в Токио, чем в Осака'.

Конна моно дэмо най-ёри маси дарō 'Лучше хоть такая вещь, чем ничего'.

Оитэ ноти, ко-ни окурэтару-ёри канасīки ва наси (Хэйкэ-моногатари) 'Нет [ничего] печальнее, как, состарившись, [умереть] позже [своих] детей'.

3) В некоторых случаях *ёри* образует адъективное определение к тайгэну (точно так же, как *кара*, о котором речь будет ниже).

Тōтоми-ёри хигаси ва норадзу (Хэйкэ-моногатари) 'Дальше на восток, чем Тōтоми, не ехать'.

Хатидзи-ёри ноти-ни о-коси кудасай 'Приходите после восьми часов'.

Нигацу итидзицу-ёри маэ-ни тэйсюцу-синакэрэба наранў 'Необходимо представить ранее 1 февраля'.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Наку-ёри хокано кото мо наси 'Не остается (букв. не имеется) ничего, кроме как плакать'.

В разговорном языке, когда определяемым тайгэном является слово *хока* 'кроме', зачастую это *хока* опускается и дальше обязательно ставится служебный глагол отрицания:

Симбун ва Асахи симбун-ёри (хока) тоттэ оримасэн 'Из газет выписываю только газету «Асахи»' (букв. 'не выписываю [ничего], кроме газеты «Асахи»).

Юдзин ва хйтори-ёри (хока) аримасэн 'Друзей у меня только один' (букв. 'нет, кроме одного').

Хоммоно-то ёри (хока) омоварэнай 'Нельзя считать [не чем] иным, как подлинным'.

Относительно способа употребления, проиллюстрированного данными примерами, в целом как будто можно согласиться с мнением д-ра Ямада, который говорит: «Во всех этих случаях значение *ёри* трансформируется; *ёри* имеет значение отрицания всего остального. Существует мнение, что *ёри* в этом случае имеет значение «ограничения». Такое толкование совпадает с предыдущим только с одной стороны: поскольку первоначальный характер пассивности не утрачен, говорить об активном «ограничении» неправомерно. Если приведенные примеры попробовать истолковать со значением ограничения, неправильность выявится немедленно»[29]. Тем не менее *ёри* ни в коем случае не имеет значения отрицания; и если слово, стоящее впереди него, принимается за исходное, то, когда не опущено последующее *хока*, *ёри* служит определением к *хока*. Поскольку функция определения сама по себе есть функция ограничения, то толкование в смысле «ограничения» вряд ли следует считать неправомерным (конечно, *хока* при этом принимается за соотносительное служебное слово).

4) В период Нара *ёри* употреблялось в четырех формах: *ёри, ё, юри, ю*:

Вага соно-ни ӯмэ-но хана тиру. Хисаката-но ***амэ-ёри*** *юки-но нагарэ куру камо* (Манъёсю, 822) 'В моем саду опадают цветы сливы. [То не] струится ли снег с вечного неба?'

Амэцути-но токи ***хадзимэ-ё*** *ё-но нака ва цунэ наки моно то* ***катарицуги***... (Манъёсю, 4160) 'С давнего начала неба и земли передают из уст в уста, что этот мир непрочен...'

...*Нанива но* ***цу-юри*** *фунэ ёсои арэ ва когину то имо ни цуги косо* (Манъёсю, 4365) 'Сообщаю милой, что, снарядив судно, я отплыл из бухты Нанива'.

Амэцути-но вакарэси ***токи-ю*** *камусабитэ такаку тотоки Суруга нару Фудзи-но таканэ* (Манъёсю, 317) 'Со времени, как разверзлись небо и земля, [высится] божественная, высокая священная вершина Фудзи в Суруга'.

Д-р Ёсидзава приводит статистическую таблицу употребления данных форм и делает следующие выводы[30]:

1) Формы *ю*, *ё* употребляются только в стихах (по-видимому, это объясняется необходимостью ограничения числа слогов).

2) Наиболее широко употребляется форма *ёри* (в то время это было общепринятое слово).

3) Наименее распространена форма *юри* (употребление ее ограниченно, и в то время она уже почти отмерла, сохранившись только в виде пережитка).

8. *Кара* (から)

Это служебное слово, обозначающее позицию наречного определения, употребляющееся как в письменном, так и в разговорном языке. Однако в современном письменном стиле оно не употребляется.

1) Так же, как *ёри*, обозначает отправный (исходный) пункт действия. Такое употребление наблюдается и в письменном и в разговорном языке.

Кодзо-кара *ямакомори сйтэ хабэру нари* (Кагэрō-никки). 'С прошлого года он живет в горах'.

Кёгикай ва ***мёнити-кара*** *хадзимаримасу* 'Соревнования начнутся с завтрашнего дня'.

*Дзисин ва Тандзава-****яма-кара*** *окоримасйта* 'Землетрясение распространилось от горы Тандзава'.

Сигото-о ***сумаситэ кара*** *икимасу*. 'Пойду после того, как окончу работу'.

Сакэ ва ***комэ-кара*** *цукури, кōсуй ва* ***хана-кара*** *тору* 'Сакэ делают из риса, духи делают из цветов'.

В приведенных ниже примерах *кара* считается обозначающим место действия. Это *кара* очень похоже на *ёри* в таком же значении.

Хйто-но оя-но отомэго суэтэ ***моруямабэ-кара*** *асанаасана каёиси кими-га конэба канасу мо* (Манъёсю, 2360) 'Ты, который каждое утро ходил по горам Моруяма, где родители [других] людей, оставляя дочку дома, берегут, [теперь] не приходишь, [поэтому] печально'.

Цукиё ёми имо-ни аваму то ***тада дзи-кара*** *варэ ва кицурэдо ё дзо фукэникэру* (Манъёсю, 2618) 'Лунная ночь была хороша, [поэтому] я хотел встретиться с милой, но хотя пришел прямой дорогой, настала поздняя ночь'.

2) Обозначает отправной, исходный пункт по отношению к тайгэну, так же как *ёри* в третьем употреблении, о чем говорилось выше. Такое употребление существует только в разговорном языке.

Дзикэн-но окори ва ***сигацу-кара*** *иго-но кото дэсу* 'Возникновение дела относится ко времени после апреля'.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Коко-кара *хигаси ва Сидзуока-кэн дэсу* 'На восток **отсюда**, префектура Сидзуока'.

Кадо-кара *никэммэ ӧбинкёку дэсу* 'Второй дом **от угла**—почта'.

Годзиппэдзи-кара *ато-о сёряку-суру* '**От страницы** 50 дальше исключить'.

Санкай-кара *сйта-ни байтэн-о мӧкэру* '**С третьего этажа** весь низ занимают под магазин'.

В этих примерах *кара* по-прежнему указывает отправной пункт, но за ним следует тайгэн; таким образом, *кара* превращает слово, стоящее перед ним, в определение к тайгэну.

Ябу-кара бӧ 'из кустов палка' (в смысле «как обухом по голове»).

Тана-кара ботамоти 'с полки лепешка' (в смысле «манна с неба»).

Эти поговорки некоторые относят в разряд примеров, приведенных выше, но *ябу-кара* и *тана-кара* ни в коем случае не служат адъективным определением к *бӧ* и *моти*: они являются наречными определениями к глаголам *дэру* 'выйти, высунуться' и *отиру* 'упасть', которых следовало бы ожидать после *бӧ* и *моти*, но они опущены.

Кара в приведенных ниже примерах — служебное слово, которое обозначает условие, являющееся причиной чего-либо. Это так называемое союзное, а не падежное служебное слово, с которым его не следует смешивать [13].

Сигото-га ***сунда кара*** *каэримасу* '**Так как** работа **окончена**, пойду домой'.

Ватакуси-га ***ёму-кара*** *кийтэ о-идэ* '**Я читаю, поэтому слушай**'.

9. *Дэ* (で)

Это служебное слово образовалось путем стяжения *нитэ*, составленного из падежного служебного слова письменного языка *ни* и союзного служебного слова письменного языка *тэ* (считается, что указанный процесс произошел в период Камакура), и употребляется только в разговорном языке. Оно указывает место, где происходит действие, время, орудие, материал, основание, причину и т. д., и, таким образом, ставит слово, к которому оно присоединяется, в позицию наречного определения.

1) Обозначает место действия:

Кангун ва Фусими-Торива-дэ татакатта 'Правительственные войска сражались при Фусими-Торива'.

Карэ ва Осака-дэ умарэтэ Тӧкё-дэ содатта 'Он родился в Осака, а вырос в Токио'.

2) Обозначает время действия:

Коно сигото ва хйтоцўки-дэ **кансэй-суру** 'Эта работа будет закончена за месяц'.

Сёгё ва саннэн-дэ ямэта 'Через три года бросил торговлю'.

3) Обозначает материал, орудие, с помощью которого совершается действие:

Тэйтёна тэгами ва **мбхицу-дэ** *ситатамэру-га ёй* 'Почтительные письма следует писать **кистью**'.

Исогу кара **хикбки-дэ** *икб* 'Так как [я] спешу, то полечу **самолетом**'.

Мисо ва **дайдзу-дэ** *цўкуримасў* 'Мисо́ приготовляется **из соевых бобов**'.

4) Обозначает причину и обстоятельства, в которых совершается действие:

Коногоро ва сйкэн **дзюмби-дэ** *исогасий* 'Последнее время [я] занят **из-за подготовки** к экзаменам'.

Карэ ва **нбэккацу-дэ** *таорэта* 'Он умер **от кровоизлияния** в мозг'.

Нивакаамэ-дэ хидоку нурэта 'Сильно промок **от** внезапного **дождя**'.

Форму письменного языка *нитэ*, которая является исходной для описанного *дэ*, можно считать одним словом, а именно падежным служебным словом. Это служебное слово, обозначающее позицию наречного определения:

Тбки ураура-нитэ сидзумихатэсасэтамаи (Масукагами) '[Они] утонули в далеких бухтах'.

Кикандзю-нитэ тэкихэй-о гэкитай-ситари (п. я.) 'С помощью пулеметов отбили врага'.

Карэ ва бёки-нитэ кэссэкитю нари (п. я.) 'Он отсутствует по болезни'.

Следует отметить, что в приведенных ниже примерах *нитэ* представляет собою срединную форму *ни* служебного глагола-связки *нари* с присоединенным к ней союзным служебным словом *тэ*. Таким образом, это *нитэ* не следует смешивать с *нитэ*, описанным выше (в данном случае *нитэ* можно заменить *ни сйтэ*, а вместо падежного служебного слова *нитэ* употребить *ни сйтэ* нельзя).

Цўки-но мияко-но хйто нитэ фубо ари (Такэтори-моногатари) '[Она] — человек из лунного города и [у ней] есть отец и мать'.

Ани ва сёса нитэ (*сёса-ни сйтэ*) *отбто ва тайи нари* (п. я.) 'Старший брат — майор, а младший — капитан'.

Нужно обратить внимание на то, что и в разговорном языке есть одинаковое по форме *дэ*, которое не является падежным служебным словом:

1) *дэ* — окончание адъективного глагола:

Нара ва сидзука дэ Осака ва нигияка да 'В Нара тихо, а в Осака людно'.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Как уже указывалось в конце главы об адъективном глаголе, здесь *дэ* представляет собою окончание срединной формы адъективного глагола *сидзука да*. Само собою разумеется, это не падежное служебное слово.

2) Служебный глагол-связка *-дэ*:

Корэ ва ӯмэ-но ки дэ арэ ва сакура-но ки да 'Это дерево — слива, а то — вишня'.

В этом примере *дэ* — срединная форма служебного глагола-связки *да*. Конечно, это не падежное служебное слово.

В приведенном ниже примере *дэ* также следует рассматривать как наречную форму служебного глагола-связки *дэ*:

Сорэ ва хана дэ най 'Это не цветок'.

Мēнити ва нитиēби дэ годзаимасӯ 'Завтра воскресенье'.

3) *Дэ*, образовавшееся в результате озвончения союзного служебного слова *тэ*:

Ёндэ кой 'сходи позови'; *оёидэ иру* 'плавает'; *синдэ симмата* 'умер'.

В этих примерах *дэ* представляет собою союзное служебное слово *тэ*, которое под влиянием фонетического изменения формы спряжения, стоящей впереди глагола, превратилось в *дэ*; но оно не является падежным служебным словом.

10. Прочие падежные слова

Кроме приведенных выше падежных служебных слов, существуют еще следующие издавна употреблявшиеся падежные служебные слова:

1. *Цу* (の)

Цу — падежное служебное слово, обозначающее приименную позицию. Сохранилось только внутри сложных слов, что представляет собой пережиток его древнего употребления.

Амэ-цӯ ками 'небесные боги'; *куни-цӯ ками* 'боги страны' (т. е. земные); *оки-цӯ нами* 'волны моря'; *оки-цӯ тори* 'морские птицы'; *яцӯко* 'раб' (букв. 'чадо дома'; ср. русск. *домочадец*)*; *мацӯгэ* 'ресницы' (букв. 'волосы глаз').

2. *На* (な)

Падежное служебное слово, обозначающее приименную позицию. В памятниках встречается редко. Сохранилось внутри сложных слов:

---

* Это древнее слово впоследствии изменило и звучание в *яхко* 'слуга' — *Прим. ред.*

Тангокоро 'ладонь' (букв. 'сердце руки'); *минаками* 'верховье' (букв. 'верх воды'); *минасоко* 'дно' (реки, озера и т. п.; букв. 'дно воды'); *минато* 'порт' (букв. 'ворота воды'); *манако* 'зрачок' (букв. 'дитя глаза').

Относительно этих слов д-р Ямада говорит: «Можно высказать предположение, что *на* имеет тот же источник происхождения, что и рюкюское *ну*, и что из него развилось также современное *но*, а назализованное *га* является, видимо, результатом превращения *на* в гортанный звук. Если это так, то можно предположительно построить следующую систему:

па — древнеяпонское *на*; ŋа — современное японское *га*.

пu — древнеяпонское и рюкюское *ну*; по — современное японское *но*.

Причина моего предположения об одинаковом источнике происхождения *га* и *но* заключается в их связи с местоимениями. А именно, как видно из ряда waŋa, naŋa, taŋa и kono, sono, создается впечатление, что в результате смягчения гласного звука в одном случае образуется *га*, а в другом *но*. Таким образом, только когда появилось расхождение в форме и употреблении *га* и *но*, обозначилась и их смысловая дифференциация; а вследствие смысловой дифференциации углублялось расхождение в употреблении и в результате такого взаимного влияния причины и следствия это явление и дошло до наших дней»[31].

3. *И* (ゐ)

Это падежное служебное слово, обозначающее субъектную позицию.

Вага сэко-га ато фуми мотомэ ошюкаба ки-но сэки ***мори-и*** *тодомэнаму камо* (Манъёсю, 545) 'Если бы [я] пошла, ступая по следам моего милого, то страж у заставы Ки, может быть, остановил бы [меня]'.

Аритагата ари нагусаэтэ юкамэдомо иэ нару ***имо-и*** *ибукасими сэму* (Манъёсю, 3161) 'Хотя [я] собрался плыть и насладиться [видом] бухты Арити, но **милая** [находящаяся] дома будет скучать'.

Ранее природа этого слова считалась невыясненной. Затем Окакура Юдзабуро выдвинул предположение о том, что это — исконная частица, обозначающая позицию субъекта[32]. Также довольно подробно рассмотрел это слово д-р Ямада[33]. Это слово употребляется как самостоятельно, так и в сопровождении следующих за ним служебных слов *ва*, *си*. Оно значительно отличается от современного падежного слова, обозначающего подлежащее, если принять во внимание, что за последним не могут следовать другие служебные слова.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

IV. НАРЕЧНЫЕ СЛУЖЕБНЫЕ СЛОВА

Наречные служебные слова (фукудзёси 副助詞), как показывает само их название, являются служебными словами, имеющими значение и функцию, сходные с наречием. А именно, функция этих служебных слов состоит в том, чтобы, присоединяясь к словам, которые находятся в каком-либо отношении к значению ёгэна, определять значение этого ёгэна. Так как наречия — знаменательные слова, а служебные слова — формальные слова, то, поскольку это разные части речи, их нельзя смешивать. Однако, с точки зрения определения значения ёгэна, рассматриваемые служебные слова сходны с наречием, поэтому они и названы наречными служебными словами. Название это впервые дано д-ром Ямада Ёсио.

Падежные служебные слова, о которых шла речь в предыдущем разделе, имеют способность определять, в какой позиции находятся слова, к которым они присоединены, по отношению к стоящим после них словам. В противоположность этому, наречные служебные слова совершенно не обладают способностью определять, в какой позиции стоит слово, к которому они присоединены, по отношению к последующим словам.

Майнити кадзэ бакари фуку 'Каждый день только и дует ветер' (букв. 'дует только ветер'); *зон-о сансацу дакэ кау* 'купить только три книги'; *карэ мадэ окоридасита* 'рассердился даже он'.

В данных примерах служебные слова *бакари*, *дакэ*, *мадэ* не определяют и не показывают, в какой позиции по отношению к глаголам *фуку*, *кау*, *окоридасита* стоят *кадзэ*, *сансацу*, *карэ*. То, что *кадзэ* 'ветер' и *карэ* 'он' являются подлежащим и по отношению к стоящему после них ёгэну, а *сансацу* 'три книги' по отношению к стоящему далее ёгэну является наречным определением, было определено еще до присоединения *бакари*, *дакэ* и *мадэ*. Функция *бакари*, *мадэ*, *дакэ* состоит в том, чтобы, присоединившись к слову, позиция которого уже определена, придать ему некоторое добавочное значение, оказав влияние на следующее далее сказуемое. А именно, *бакари* показывает, что дует только ветер, а не что-нибудь другое. *Дакэ* также показывает, что число купленных книг ограничивается тремя, разъясняя, что куплено не больше и не меньше трех. А *мадэ* показывает, что были и ранее рассердившиеся лица, а к ним присоединился еще и «он». Если все это учесть, то можно усвоить разницу между падежными и наречными служебными словами.

Присоединение наречных служебных слов к субъектной позиции и позиции наречного определения показано на предыдущих примерах. Но обычно такое присоединение

происходит тогда, когда впереди имеется падежное служебное слово, обозначающее субъектную позицию или позицию наречного определения:

Варэ ва карэ-но на-о дани сирадзу (п. я.) 'Я не знаю даже его имени'.

Сюдзиду иэ-ни номи комориитари (п. я.) 'Весь день сидел только дома'.

Если исходить из того употребления, которое изложено выше, то нечто подобное встречается и у соотносительных служебных слов, о которых речь будет ниже:

Варэ ва карэ-но на-о мо сирадзу (п. я.) 'Я не знаю и его имени'.

Сюдзиду иэ-ни косо комориитарэ (п. э.) 'Весь день сидел именно дома'.

Таким образом, соотносительные служебные слова *мо, косо* оказались на месте *дани, номи*. В этом отношении трудно провести различие между наречными и соотносительными служебными словами. Однако такое различие существует; это подтверждает и д-р Ямада: «Нужно сказать, что соотносительные служебные слова определяют способ предикации ёгэна. Наречные служебные слова подчинены значению ёгэна и, поскольку они управляют им, они имеют другой объект управления. Их стали смешивать ввиду того, что в отношении ёгэна издавна не различались атрибутивность и предикативность»[34]. Таким образом, и наречные и соотносительные служебные слова сходны в том отношении, что они относятся к ёгэну, но характер соотношения с ёгэном у каждого из них различен. Наречные служебные слова относятся к значению ёгэна, а соотносительные служебные слова — к предикации ёгэна. Однако относительно *дани, сура, саэ* Токуда Киёси, цитируя д-ра Оцуки[35], говорит следующее: «Это доказывает, что разница между наречными служебными словами и соотносительными служебными словами заключается не в определении значения и не в управлении предикацией. Иначе говоря, наречным служебным словам тоже свойственны два момента: определение значения и предикации; от соотносительных служебных слов они отличаются только тем, что не подчиняются, подобно последним, правилам соотносительного окончания (какаримусуби 係結)»[36]. Нет основания не согласиться с этим, но разве то обстоятельство, что соотносительные служебные слова связаны с соотносительным окончанием, не служит доказательством того, что соотносительные служебные слова не определяют значения? Поскольку соотносительное окончание — явление, которое связано с усилением или ослаблением значения, но не с самим значением, я без всяких оговорок придерживаюсь мнения д-ра Ямада.

Наречные служебные слова по основному присущему им значению могут быть помещены как впереди, так

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

и после падежных служебных слов, а могут и заменять их.

1) Наречное служебное слово стоит после падежного служебного слова.

Когда наречное и падежное служебные слова употребляются вместе, то наречное служебное слово обычно следует после падежного. Если при этом изъять наречное служебное слово, то влияние стоящего перед ним падежного служебного слова на идущие за ним слова не прекращается.

Дзэссёкутō-ва мидзу-о саэ номадзу (п. я.) 'Во время поста не пьют даже воды'.

Танин-ни мадэ мэйваку-о какэру на 'Не причиняй беспокойства даже посторонним'.

Хи-дэ надо ататамэру 'Отогревать огнем и т. п.'

Тайсэцуна моно-о доко-э ка накусйтэ симатта 'Важную вещь куда-то затерял'.

2) Наречное служебное слово стоит перед падежным служебным словом:

Мити сура-ни сигурэ-ни аину (Цураюки-сю) 'Даже по пути [они] попали под дождь'.

Дзибун-но кото-бакари-о кангаэтэ иру 'Думает только о себе'.

Гакўся-надо-ни наттэ мо сйката-га най 'Даже став ученым и т. п., ничего не поделаешь'.

Дарэ-яра-га яттэ куру ёсу да 'Похоже, что кто-то приехал?'

Соно мондай-дакэ-га токэнакатта 'Только этот вопрос остался неразрешенным'.

Одно только *дани* перед падежным служебным словом не ставится.

3) Наречное служебное слово замещает падежное служебное слово:

Иэ-но атари дани има ва торадзи (п. я.). 'Даже поблизости от дома теперь не проходит'.

Оя сура миусинаитари (п. я.) 'Даже родителей потерял из виду'.

Ундō бакари яттэ иру 'Занимается только спортом'.

Сёсэцу надо каритэ кйта 'Пришел взять роман и т. п.'

Бэнтō дакэ моттэ икō 'Возьмем только готовый завтрак'.

Ввиду того что наречные служебные слова имеют сходное с наречиями значение и употребление, они, конечно, могут присоединяться к наречиям, а кроме того иногда, присоединившись к тайгэну или ёгэну, вместе с ним служат наречным определением:

1) Присоединение наречного служебного слова к наречию:

О-канэ-о сўкоси бакари кудасай 'Дайте только немного денег'.

Дōка мō ***сибараку дакэ*** *о-мати нэгаимасу* 'Пожалуйста, прошу только немного еще подождать'.

В этих примерах наречное служебное слово является наречным определением вместе со стоящим перед ним наречием.

2) Присоединение наречного служебного слова к тайгэну:

Райнэн-мадэ *матарэтаси* (п. я.) 'Желательно ждать до следующего года'.

Райгэцу-но ***хадзимэ-мадэ*** *нобасō* 'Отложим до начала будущего месяца'.

Иэ-но ***такаса дакэ*** *цумиагэру* 'Навалить с вышину дома'.

Кюка гурай *таносий токи ва най* 'Нет [другого] времени такого радостного, как каникулы'.

В этих примерах наречное служебное слово служит наречным определением вместе со стоящим перед ним тайгэном.

3) Присоединение наречного служебного слова к ёгэну:

Мēнити ***кансэй-суру бакари-ни*** *натта* 'Должно быть закончено только завтра'.

Судзумэ ва ***сину мадэ*** *саэдзуттэ иру* 'Воробей щебечет до самой смерти'.

Дō ***нару яра*** *миатари-га цўканай* 'Как будет, трудно предугадать».

Сину гурай *нагурарэта* 'Был избит чуть не до смерти'.

В этих примерах наречное служебное слово образует наречное определение вместе со стоящим перед ним ёгэном.

Если отделить наречное служебное слово от тайгэна или ёгэна, которые даны в предыдущих примерах, то само по себе оно наречным определением служить не может. Думается, что в этом характер наречного служебного слова проявляется с достаточной ясностью.

Из изложенного выше ясно, что наречные служебные слова присоединяются к подлежащему, наречному определению и адъективному определению; покажем теперь, как наречное служебное слово присоединяется к тайгэну или ёгэну как сказуемому и становится его составной частью:

Ёваттэ иру-но ва ***ватакўси бакари дэсў*** 'Не выдержавшим являюсь **только я**'.

Сайē-сарэру но ва ***нансай мадэ дэсу*** *ка* 'Принимают до какого возраста?'

Имин-но юрусарэтэ иру токоро ва ***Намбэй дакэ дэсў*** 'Место, куда разрешено переселение, это только Южная Америка'.

Нужно обратить внимание на то, что в этих случаях за служебным словом стоит служебный глагол-связка. Глагол-связка, хотя его и называют формальным ёгэном, является особым служебным глаголом, который может выражать предикацию. Вероятно, поэтому наречное служебное слово и может стоять перед ним.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Из сказанного выше понятны особенности наречных служебных слов в целом; теперь осветим значение и употребление каждого из наречных служебных слов.

1. *Дани* (だに)

Это служебное слово встречается только в письменном языке. Значение его состоит в сосредоточении внимания на указываемом им объекте и отстранении на задний план всего остального. Оно указывает на часть в противопоставление целому, на невесомое в противопоставление весомому, на наличествующее в слабой степени в противовес представленному в сильной степени. При этом на основе того, что указано, данное служебное слово стремится передать без слов то, что не указано. В этом смысле оно определяет значение следующего после него ёгэна. При переводе *дани* на современный разговорный язык его можно передать такими словами, как *дэмо*, *дакэдэмо*, *нарито*, *дакэ нарито*, *саэ* и т. п.

1) По своему употреблению *дани* может быть разделено на два вида — употребляющееся в смысле утверждения и в смысле предположения. Фудзитани Нариакира в своем «Аюйсё» писал: «Есть *дани* сравнения (*курабуру дани*) и *дани* предположения (*арамасу дани*). Если одно и то же прочитать попросту, без предположения, выявится смысл сравнения». «*Дани* сравнения» — это *дани* в утвердительном смысле, а «*дани* предположения» — *дани* в предположительном смысле:

а) *дани* в предположительном предложении (ему соответствуют *нарито*, *дакэ нарито*):

Тирунутомо ***ка-о дани*** *нокосэ умэ-но хана* (Кокинсю) 'Пусть [вы] опадете, но **хоть аромат** сохраните, цветы сливы...';

б) *дани* в предложении, содержащем утверждение (ему соответствует *саэ*):

Мияма-ни ва мацу-но ***юки дани*** *киэнаку ни миляко ва...*(Кокинсю) 'На горе **даже снег** на соснах не тает, а в столице...'

2) *Дани* иногда употребляется в том же значении, что и *сура*; но *сура* при предположении не употребляется.

3) Случается, что *дани* в соединении с *мо* образует *данимо*; затем *ни* опускается и остается *дамо*. Это служебное слово до некоторой степени выражает восклицательное значение:

Юмэ-ни дамо *ау то миру косо урэсйкэрэ* (Идзуми-сйкибуникки) 'Увидеть [тебя], встретившись **хоть во сне**, радостно, хотя...'

4) С предыдущим и последующим словами возможны такие соотношения: *дани* может стоять после падежного служебного слова, перед ним и вместо него, после подлежащего и определения, например:

Хаканаки кото дани *каку косо хабэрэ* (Гэндзи-моногатари) 'Даже печальные вещи таковы' (стоит после подлежащего).

И ти мондзи-о дани *сиранӯ моно си-га аси ва дзӯ мондзи-ни фумитэ дзо асобу* (Тоса-никки) 'Ноги тех, которые не знают даже иероглифа «один», выписывают иероглиф «десять»' (стоит после падежного служебного слова).

Има сибаси дани *овасэнан* (Отикубо-моногатари) 'Сейчас даже недолго пробудет' (стоит после наречного определения).

2. *Сура* (すら)

Это наречное служебное слово, которое встречается только в письменном языке. По своему значению оно приводит что-либо как пример, предоставляя об остальном судить по аналогии. Оно несколько похоже на *дани* в утвердительном предложении, о котором говорилось выше. В значении предположения *сура* не употребляется. В современном разговорном языке ему соответствуют слова *дэмо яхари, яхари нао, дэ саэмо* и др.

1) Различие между *сура* и *дани* заключается в следующем:

дани выдвигает значительное, предоставляя судить предположительно об остальном второстепенном;

сура выдвигает второстепенное, предоставляя судить предположительно об остальном значительном.

Однако существует и как раз обратное толкование второстепенного и значительного, выдвигаемого и предполагаемого. А некоторые считают, что оба эти слова выдвигают только второстепенное, а остальное, значительное, оставляют невысказанным. Таким образом, имеются толкования самые различные. Токуда Киёси по этому вопросу говорит следующее:

«Существует два разных *сура*, одно из которых указывает на второстепенное, только намекая на главное, как, например:

И итовану ки сура *имо то сэ ари то йу-о тада хитоцуго-ни ару га канасиса* (п. я.) 'Говорят, даже у безгласного дерева есть сестры и братья, но печально быть единственным ребенком'.

Другое выдвигает главное, предоставляя предполагать второстепенное, как, например:

Яма-ни сура *миру кото-но марэ-нару тори-но икани сйтэ коно сато-ни ва идэкитарикэму* (п. я.) 'Как же попала в это селение птица, которая редка даже в горах?' В первом случае *сура* так же, как *дани*, выдвигает второстепенное и предоставляет по аналогии судить о главном, но различие заключается в том, что здесь делается намек на главное. Думается, что при сопоставлении этого случая со вторым и различие с *дани* выявится отчетливей»[37].

Короче говоря, *сура* обладает более сильным значением сравнения с другими предметами, чем *дани*. В древности *дани*, *сура*, а также *саэ*, о котором речь будет ниже, несомненно, употребля-

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

лись с сохранением различия их исконных значений, но, по-видимому, уже в период Хэйан *сура* стало постепенно отмирать и его место заняло *дани*. *Сура* встречается только в поэзии, причем случаев его употребления становится все меньше, и это говорит о том, что оно вообще начало выходить из употребления. Следовательно, можно сказать, что сфера употребления *дани* широка, а сфера употребления *сура* узка. Другими словами, существует широкая возможность употребления *дани* там, где употребляется *сура*, но не всегда можно употребить *сура* там, где употреблено *дани*.

2) В периоды Инсэй — Камакура *сура* употреблялось в форме *сора*.

Сйкарэба ***хати сора*** *моно-но он-о сирикэри* (Кондзяку-моногатари) 'Поэтому даже пчела чувствует благодеяние'.

Поскольку по статистике д-ра Ямада Ёсио примеров употребления *сура* в «Энкэйбон Хэйкэ-моногатари» обнаружено только два, очевидно, в повседневной разговорной речи употреблялось *сора*. Это *сора* встречается только при подлежащем; отсюда вытекает, что оно постепенно выходило из употребления. Однако и в период Муромати еще употребляется *сура*.

3) Соотношение со словами, стоящими впереди и после *сура*.

Сура в этом отношении не отличается от *дани*, например:

Юкиэ сура *сиранў хйто ари* 'Есть такие люди, даже местопребывание которых не известно' (замещает падежное служебное слово).

Мити сура-ни *сигурэ-ни аину* (Цураюки-сю) 'Даже по пути [они] попали под дождь'.

3. *Саэ* (さへ)

Исконное значение данного служебного слова совершенно иное, чем значение *дани* и *сура*: оно обозначает добавление к уже данному предмету еще одного другого предмета. Первоначальной его формой считается *соэ*. Оцуки предполагает, что это сокращение от *соно уэ* 'сверх того'. Как наречное служебное слово оно встречается только в письменном языке. В разговорном языке также имеется *саэ*, но оно уже не наречное, а соотносительное служебное слово. Наречному служебному слову *саэ* в разговорном языке, по-видимому, соответствуют *мадэмо*, *мадэ-га*, *омакэ-ни*, «*...дакэ дэ наку... мадэ-мо*».

1) Соотношение со словами, стоящими впереди и после *саэ*.

Саэ в этом отношении употребляется так же, как и всякое наречное служебное слово, например:

Кадзэ такаку хэ (邊)*ни ва фукэдомо имо-га тамэ* ***содэ саэ*** *нурэтэ карэру тамамо дзо* (Манъёсю, 782) 'Вот жемчуг-водоросли, которые я срезал, причем вымокли даже рукава, ради милой, хотя ветер сильно дул у берегов' (стоит после подлежащего).

Уцуцу-ни ва само косо арамэ ***юмэ-ни саэ*** *хйтомэ-о мору то миру га вабисиса* (Кокинсю) 'Наяву пусть будет так, но, когда [я] вижу, что [ты] стесняешься взоров людей даже во сне, [мне] грустно'.

Кагиринаки омои-но мамани ёру мо кому. ***Юмэдзи-о саэ-ни*** *хйто ва тогамэдзи* (Кокинсю) 'Как беспредельно тоскует [сердце], ночью приходи. Хоть за тропу сна люди не упрекают'.

Выше был дан пример на *саэ* перед падежным служебным словом *ни*, однако *дани* перед *ни* не ставится. Это объясняют тем, что в *дани* уже входит это *ни*.

2) *Дани*, *сура* и *саэ* сочетаются друг с другом:

Ньамомэ саэ дани *нами-то миюран* (Тоса-никки) 'Даже чайки кажутся волнами'.

Моно иванў емо-но кэдамоно ***сура дани*** *мо аварэ нару кана. Оя-но ко-о омоу* (Кинкайсю) 'Даже бессловесное животное мило! Родители любят детей'.

4. *Номи* (のみ)

Номи — наречное служебное слово, которое встречается только в письменном языке. Это так называемое ограничительное служебное слово, показывающее, что какой-либо предмет ограничивается только им самим [14]. В разговорном языке ему, по-видимому, соответствуют *бакари* и *дакэ*.

1) Взаимоотношение со словами, стоящими впереди и после *номи*. *Номи* в этом отношении употребляется так же, как всякое наречное служебное слово, например:

....акихаги ва ***хана номи*** *саитэ нарадзу камо араму* (Манъёсю, 1364) '...на осеннем хаги цветут только цветы, а, вероятно, плодов не будет' (стоит после подлежащего).

Яма-номи-ни *фуриси юки дзо* (Манъёсю, 4227) 'Снег (который) выпал только на горах' (стоит перед падежным служебным словом).

2) Присоединяясь к спрягаемым словам, *номи* иногда присоединяется к прпёгэнной форме, а иногда — к прпименной.

а) Присоединение к прпёгэнной форме:

Сирацую-но окимаку осими акихаги-о ***орй номй*** *оритэ окия карасаму* (Манъёсю, 2099) 'Жаль, что выпала белая роса, осенний хаги [я] только сорвала, и если оставить сорванным, [он] завянет'.

Атарасйки хару саэ тикаку нари юкэба ***фуру номи*** *масару тоси-но юки кана* (Сюисю) 'Когда даже новая весна приближается, о снег, который в [этом] году только и идет все больше'.

б) Присоединение к прпименной форме:

Какўтэ ари нараба омои-но ***жидаруру номи*** *нари* (п. я.) 'Если так, то мысли только придут в смятение'.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

3) Иногда *номи* ставится в конце предложения:

Сатобито-но ана кокоро на то омоураму аки-но нагае-о инэ (寝ね) ***фусйтэ номи*** (Манъёсю, 2302) 'Люди из села, вероятно, думают: «вот его сердце какое». Долгие осенние ночи только лежит и спит'.

Если не предположить, что здесь опущен стоящий за ним ёгэн, то *номи* потеряет характер наречного служебного слова.

4) По вопросу о различии *номи* и *бакари* Фудзитани Сигэая в «Аюйсё» пишет, что *номи* говорит об одном, оно говорит о сути вещей, *бакари* говорит об одном из многих, не касаясь второго и третьего, оно говорит об образе вещей. Подробную критику этого положения дал Мацуо Сутэдзиро[38]. Д-р Ямада говорит: «Служебное слово *бакари* имеет почти то же значение, что и *номи*; единственное его отличие в том, что оно указывает на что-то, отграничивая от всего другого»[39]. Такое определение различия не требует разъяснений.

5. *Бакари* (ばかり)

Это наречное служебное слово, встречающееся как в письменном, так и в разговорном языке. Присоединяясь к обозначению состояния и количества вещей, оно указывает их пределы и степень. В разговорном языке ему примерно соответствуют *ходо*, *дакэ*.

1) Обозначает степень; соответствует *ходо* в разговорном языке:

Ариакэ-но цурэнаку миэси вакарэ-ёри ***акэбоно бакари*** *уки моно ва наси* ((Кокинсю) 'Со [времени] расставания на рассвете, которое показалось [мне] жестоким, [для меня] нет [ничего] столь горького, как утренняя заря'.

Има каэтта ***бакари-но*** *токоро дэсу* 'Сейчас только что вернулся'.

Хотондо дэкиагару ***бакари-ни*** *наттэ сиппай-сйта* 'Почти было доведено до завершения и потерпело неудачу'.

2) Обозначает ограничение; соответствует *дакэ* в разговорном языке:

Има кому то аиси ***бакари-ни*** *нагацуки-но ариакэ-но цуки-о матиидзуру кана* (Кокинсю) '[Ты] только сказал мне, что сейчас придешь, и я вышла ждать луну на рассвете долгой луны'.

Коно коро ва амэ ***бакари*** *фуру* 'Это время только идет дождь'.

Кюкатю-ватакуси ва ***хирунэ бакари*** *сйтэ ита* 'Во время каникул я только и [делал, что] спал днем'.

3) Иногда обозначает примерные пределы, количество. Обозначение ограничения также по существу представляет собой ограничение предела.

Ёиути сугитэ нэ-но токи ***бакари-ни***... (Такэтори-моногатари) '[После того, как] пробило полночь, ровно в 12 часов...'

Ватакўси ва иссю̄кан ***бакари*** *рёкō-ни иттэ кита* ‘Я пропутешествовал с неделю’.

Канэ-га самбякуэн ***бакари*** *нюē дэсў*, ‘Требуется 300 иен’.

4) *Бакари* обычно присоединяется к приименной форме спрягаемых слов, но встречаются примеры и на присоединение к заключительной форме. Такие примеры находим и в «Гэндзи-моногатари».

5) Взаимоотношения со словами, стоящими впереди и после *бакари*:

В этом отношении *бакари* употребляется как всякое наречное слово, например:

Каку бакари *коицуцу арадзу ва...* (Манъёсю̄, 86) ‘[Лучше] не томиться только так...’ (стоит после наречного определения).

тада итадаки ***бакари-о*** *соги...* (Гэндзи-моногатари) ‘срезал только верхушку’... (стоит перед падежным служебным словом).

кокоти-но наямасикўтэ арицуру ***то бакари*** *ицокуритэ хабэрикэрэба...* (Госэнсю̄) ‘так как [он] передал только, что настроение было печальное...’ (Стоит после падежного служебного слова).

6) В разговорном языке *бакари* иногда произносится как *баккари, бакаси, баккаси*. В диалектах встречаются также *бака, бакка, бай*.

7) Иногда *бакари* становится составной частью сказуемого.

Митинори ва вадзука ***нири бакари дэсў*** ‘Дорога — всего два ри’.

Хйтокадзу ва дзэмбу-дэ ***годзю̄нин бакари да*** ‘Общее число людей — всего 50 человек’.

Нужно обратить внимание на то, что в этих примерах после *бакари* стоит особый служебный глагол-связка *дэсў, да*.

6. *Мадэ* (まで)

Это наречное служебное слово. Как в письменном, так и в разговорном языке, оно определяет предел и влияет на значение следующего после него ёгэна. Ввиду того, что оно употребляется как антоним падежного служебного слова письменного языка *ёри* (обозначая результативный, конечный пункт), его легко принять за падежное служебное слово. Однако, как справедливо считает д-р Ямада, оно должно быть отнесено к наречным служебным словам, поскольку оно сочетается с падежными служебными словами и присоединяется и к подлежащему и к наречным определениям.

Итари-мадэ рёкō-сэму (п. я.) ‘Буду путешествовать вплоть до Италии’.

Ёру-но дзю̄дзи-мадэ матэри (п. я.) ‘Ждал до 10 часов вечера’.

Накану нара наку мадэ матō хототогису (п. я.) ‘Если не поет, подождем, пока [она] запоет, кукушка’.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Хйториаруки-но дэкиру мадэ-ни сэйтё-сита 'Подрос до того, что может ходить самостоятельно'.

Сэйто ва годзю̄нин мадэ нюгаку-о юрусимасў 'Разрешается поступление в школу до 50 учеников'.

1) *Мадэ* применяется для установления взаимоотношений со словами, стоящими впереди и после него.

В этом отношении *мадэ* употребляется как всякое наречное служебное слово, например:

Юмэгатари ка ***то мадэ*** *кику* (Гэндзи-моногатари) 'Спрашивает даже, [не] рассказ ли [это] о сне' (стоит после падежного служебного слова).

Кай ва кудзи ***мадэ-ни*** *сумимасў* 'Собрание окончится к девяти' (стоит перед падежным служебным словом).

*Доко-****мадэ-га*** *хонто̄-но ханаси дэсў ка* 'До каких пределов это правда?' (то же).

2) В разговорном языке, кроме обозначения предела, как в письменном языке, *мадэ* используется также и для обозначения того, что к существовавшему первоначально предмету присоединяется еще и другой предмет. В письменном языке *мадэ* так не употребляется.

Тити бакари ка цунэни отонасий ***собо мадэ*** *окоридасимасйта* 'Не только отец, но **даже** обычно спокойная **бабушка** рассердилась'.

Карэ-ни хи (非) *о саторасэ̄ то ватакуси ва* ***кэнка мадэ*** *сйтэ тю̄коку-сйта* 'Пытаясь убедить его в неправоте, я уговаривал его **вплоть до ссоры**'.

Примеры на сочетание *мадэ* с падежными служебными словами:

Кико̄-га варуй уэ-ни бэнри ***мадэ-га*** *варуй* 'Вдобавок к тому, что климат неблагоприятный, даже удобства плохие'.

Ко̄сйки ***мадэ-о*** *васурэру э̄ дэ ва сўгаку-но симпо ва обоцўканай* 'Похоже, что забыл даже формулы, успехи в математике сомнительны'.

*Карэ ва синъю̄-****ни мадэ*** *минасарэтэ симатта* 'На него стали смотреть даже как на близкого друга'.

Мадэ часто употребляется как антоним падежного служебного слова *кара*. Ниже приводятся примеры на такое употребление, которое в этом случае состоит только в обозначении ограничения предела.

Аса-кара бан-мадэ хатарайтэ иру 'Работает с утра до ночи'.

Дзю̄хатисай-кара хатати-мадэ о̄бо̄ дэкиру 'Принимаются лица от 18 до 20 лет'.

Эдо-кара Нагасаки-мадэ аруйтэ итта 'Прошел пешком от Эдо до Нагасаки'.

В «Ко̄гохо̄» приводится три вида примеров на *мадэ*: *мадэ*, обозначающее пределы распространения действия; *мадэ*, выражаю-

щее значение ограничения, и *мадэ*, выражающее степень. Однако такое деление не всегда точно соответствует грамматическим категориям [15].

3) Иногда *мадэ* с падежным служебным словом *но* вместе со стоящим перед ним словом служит адъективным определением следующего после него слова:

Токё-мадэ-но *рёхи-о моратта* 'Получил на расходы на путешествие до Токио'.

Райнэн мадэ-но *симбо дэсу* 'Терпение вплоть до будущего года'.

Сиппай-ситара ***тюси-суру мадэ-но*** *кото да* 'Дело такое, что в случае неудачи придется даже прекратить'.

7. *Надо* (など, 等)

Это наречное служебное слово встречается и в письменном и в разговорном языке. Считается, что это измененная форма *нанито*. Ранее *надо* вместе с *домо* считали суффиксом множественного числа, но д-р Ямада Ёсио полагает, что *надо* уточняет смысл следующего далее ёгэна, указывая на предмет, приведенный в качестве примера. В подтверждение он выдвигает следующие основания. *Надо* имеет значение указания на пример, а не обозначает множественное число, что подтверждается возможностью его употребления вместе с выражающим множественное число *домо*:

инисиэ юкусаки-но котодомо ***надо*** *ицтэ* (Исэ-моногатари) 'рассказывает о делах прошлого и будущего'.

Хако-но фута-ни сосидомо ***надо*** *ирэтэ мотэ юку косо* (Макура-но сōси) 'Вложив в ящик записки, уносит [их]'.

Поскольку *домо* уже обозначает множественное число, то вторично выражать его нет надобности; *надо* употребляется вместе с *домо* именно потому, что оно дает указание на пример. Собственно говоря, потому, что *надо* указывает как на пример на один какой-то предмет и тем самым, естественно, говорит, что есть и другие предметы, аналогичные ему, потому-то ошибочно и полагают, что *надо* обозначает множественное число.

Онорэ ***надо*** *ва сару кото наси* (п. я) '**У такого, как я,** подобной вещи нет'.

Оногэдомо ***ва*** *сару кото наси* (п. я.) '**У нас** подобной вещи нет'.

Первый из этих примеров создает впечатление нескромности и зазнайства, поскольку говорящий ставит в пример себя, второй же всецело передает значение почтительности и скромности, потому что включает себя в число многих. Возьмем еще примеры:

Нива надо *мо ито ёмоги сигэри надо косо сэнэдомо* (Макурано сōси) 'хотя в ***саду*** и так далее чернобыльник и все такое не разросся очень густо...'

Дзимоку (除目)*-но ходо* ***надо*** *дайри ватари ито окаси* (Ма-

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

кура-но сōси) 'Во время церемониала возведения в чин и тому подобное во дворце все очень красиво'.

Как бы ни истолковывать эти примеры, множественное число в них не обозначено. Во всех случаях налицо указание на пример.

Несомненно, *надо* не является суффиксом, поскольку (и это видно из нижеследующих примеров) оно стоит после падежных служебных слов *э* и *ни*. Суффикс после служебного слова стоять не может.

Мияко-ни надо *мукаэтамаитэ ноти...* (Гэндзи-моногатари) 'После того, как [он] встретил в столице...'

Мияко-э надо *мукаэ маирасэтамаэраму ноти* (Гэндзи-моногатари) 'После того, как [он] направится в столицу встретить...'

Причины, приведенные д-ром Ямада, и являются обоснованием для того, чтобы принять *надо* за наречное служебное слово, дающее указание на пример. Я считаю, что следует присоединиться к этой точке зрения.

1) Взаимоотношения со словами, стоящими впереди и после *надо*.

Надо в этом отношении употребляется как всякое наречное служебное слово.

Мо цӯки ***надо*** *ару моно ка* 'Разве уже есть луна?' (стоит после подлежащего).

Вакана каго-ни ирэтэ кидзи ***надо*** *хана-ни цӯкитари* (Тосаникки) 'Положил овощи в корзинку и фазана прикрепил к цветам' (замещает падежное служебное слово).

*Хйто-но уваса-****надо-о*** *сйтэ ва икэмасэн* 'Нельзя распускать о людях слухи или что-либо подобное' (стоит перед падежным служебным словом).

*Басу-****ни надо*** *ноттэ ва икэмасэн* 'Садиться на автобус и т. п. нельзя' (стоит после падежного служебного слова).

Осоку надо *нару то сюдзин-ни суманай* 'Если опоздать и т. п., неудобно перед хозяином' (стоит после наречного определения).

2) Некоторые ученые считают, что в состав наречных служебных слов следует поместить *тō* (等) и что употребление его подобно употреблению *надо*. Значение и употребление их действительно сходны, но может ли *тō* употребляться после падежного служебного слова? Может ли *тō* присоединяться к приёгэнной форме спрягаемого слова? Оставим пока этот вопрос открытым.

8. *Яра* (やら)

Это наречное служебное слово; употребляется только в разговорном языке для выражения значения сомнения, неопределенности, предположения. В период Хэйан оно имело форму *ниярамў*, которая образовалась в результате присоединения к служеб-

ным словам *ни* и *я* незавершенной формы глагола *ари* и затем служебного глагола *му*. В конце периода Хэйан это слово приняло форму *яраму*. В период Камакура оно изменилось в *ярō*, а затем в *яра*.

В словаре «Дайнихон кокуго дзитэн» оно объяснено как «Сочетание вопросительной частицы *я* с служебным глаголом *ран*». Однако служебный глагол предположения *ран* никогда не присоединяется непосредственно к служебному слову *я*. *Яра* представляет собою стяжение вышеупомянутого *ниярaраму*. Мотоори Норинага в «Таманоо» относительно *яран* говорит: «Широко употребительное *яран*—грубое слово. Оно не встречается ни в стихах, ни в прозе. То, что люди нашего времени считают его вполне приемлемым словом, заблуждение». Следовательно, во времена Норинага это слово воспринималось, по-видимому, как неологизм.

1) Взаимоотношения со словами, стоящими впереди и после *яра*:

Нани ***яра*** *миэру* 'Что-то виднеется' (замещает падежное служебное слово).

Ицу кита ***но яра*** *сўкосимо обоэ-га най* 'Когда пришел, совершенно не помню' (стоит после падежного служебного слова).

*Дарэ-****ни яра*** *яттэ симатта* 'Кому-то отдал' (то же).

*Дарэ-****яра-ни*** *яттэ симатта* 'Кому-то отдал' (стоит перед падежным служебным словом).

Дарэ ***яра-га*** *ханасйтэ ита* 'Кто-то рассказывал' (то же).

2) *Яра*, имеющее значение неопределенности, употребляется при перечислении различных обстоятельств:

Дбяра каяра-то исогасий кото бакари да 'Вечно занят то тем, то другим'.

Наку яра сакэбу яра бсаваги датта 'То ли плакали, то ли кричали, стоял страшный шум'.

Однако в таком употреблении, как в приведенных примерах, *яра* не может быть отнесено к наречным служебным словам, в этом случае оно должно рассматриваться как сочинительное служебное слово. В этом вопросе следует присоединиться к точке зрения д-ра Хасимото (см. ниже в разделе о сочинительных служебных словах).

9. *Ка* (か)

Ка употребляется как в письменном, так и в разговорном языке и обычно считается служебным словом, выражающим вопрос, что иллюстрируется следующими примерами:

Сорэ дэ ий ка? 'Так довольно?'

Има ёнда но ва омаэ ка? 'Это ты сейчас звал?'

Минна-дэ годзю̄ ка? 'Всего пятьдесят?'

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Цуги ва ицу-ни сиё ка? 'Когда устроим в следующий раз?'

Однако во всех этих примерах *ка* имеет характер заключительного служебного слова и ни в коем случае не может быть названо наречным служебным словом. Поэтому, по-видимому, правильна теория д-ра Ямада, согласно которой *ка* происходит от соотносительного служебного слова письменного языка, а в разговорном языке, с одной стороны, является заключительным служебным словом, выражающим, как в приведенных примерах, вопрос, а с другой стороны, наречным служебным словом, выражающим, как будет показано ниже, только значение неопределенности.

1) Взаимоотношение со словами, стоящими впереди и после *ка*:

Нанига каб 'Куплм что-нибудь' (замещает падежное служебное слово).

Дарэка-га куру дэсё 'Вероятно, кто-нибудь придет' (стоит перед падежным служебным словом).

Докока-э иттэ симаэ 'Уйди куда-нибудь' (то же).

Доко-эка иттэ симатта 'Ушел куда-то' (стоит после падежного служебного слова).

Примеры показывают, что *ка* употребляется так же, как и другие наречные служебные слова. Однако, как говорит д-р Ямада, полностью в наречное служебное слово оно не превратилось. При этом необходимо обратить внимание на то, что *ка* здесь никоим образом не выражает вопроса.

2) При значении неопределенности *ка* употребляется при перечислении двух и более предметов. При этом значение неопределенности сохраняется.

Котоси ва яма ка уми ка-э ику ётэй дэсу 'В этом году предполагается поехать в горы или на море'.

Нива-ни ва умэ-но ки ка сакура-но ки ка-о уэмасё 'Посадим в саду сливу или вишню'.

Однако *ка* в таком употреблении следует рассматривать не как наречное служебное слово, а подобно *яра* в этом случае, т. е. как сочинительное служебное слово (см. ниже раздел о сочинительных служебных словах).

10. *Дакэ* (だけ)

Это наречное служебное слово, встречающееся только в разговорном языке. Оно влияет на значение ёгэна, выражая ограничение или степень.

1) Выражение ограничения:

ватакуси дакэ ато-ни нокоримасу 'Только я остаюсь'.

Котоси дакэ ва кайсуйёку-ни маиримасэн 'Только в этом году я не еду на морские купания'.

Миру дакэ нара камаванай 'Если только посмотреть, то можно'.

2) Выражение степени:

Иэ-но такаса ***дакэ*** *цумиагэру* 'навалить высотой с дом'.

Куу ***дакэ*** *касэгу* 'зарабатывать как раз на пропитание'.

3) Взаимоотношения со словами, стоящими впереди и после ***дакэ***.

В этом отношении *дакэ* употребляется как всякое наречное слово:

Оя ***дакэ*** *кимасйта* 'Пришли только родители' (стоит после подлежащего).

Кодомо ***дакэ*** *цурэтэ икимасў* 'Иду только с детьми' (замещает падежное служебное слово).

Коно кусури ва сўкоси ***нигаи дакэ да*** 'Это лекарство только немного горько' (составляет часть сказуемого).

Томодати ***дакэ-ни*** *цўти-сйта* 'Дал знать только другу' (стоит перед падежным служебным словом).

Синсэки-о ***дакэ*** *сётай-сиё* 'Пригласим только родственников' (стоит после падежного служебного слова).

Сўкоси дакэ *сасиагэмасў* 'Дам немножко' (стоит после наречного определения).

Йу дакэ *хара-га тацу* 'С каждым словом сердится все больше' (стоит после спрягаемого слова).

11. *Кири* (き り)

Это наречное служебное слово встречается только в разговорном языке. Так же, как и *дакэ* и *бакари*, оно выражает количество или степень. Иногда произносится *гири*:

*Ки-**кири** най* 'Нет [ничего], кроме деревьев' (стоит после подлежащего).

*Мицу**гири**-ни наттэ симатта* 'Осталось только три' (стоит перед падежным служебным словом).

*Ватакўси-то отото-**то кири** датта* 'Были только я и младший брат' (стоит после падежного служебного слова).

Тосихадзимэ-ни ***куругири*** *мэтта-ни конай* 'Приходит редко, только и приходил в начале года' (стоит после спрягаемого слова).

Кёнэн ***вакарэта-кири*** *аванай* 'Как расстались в прошлом году, так с тех пор и не виделись' (то же).

Обычно употребляется *дакэ*, *кири/гири* употребляется не часто. Его употребление несколько уже, чем употребление обычных наречных служебных слов.

12. *Гурай* (ぐ ら い)

Это наречное служебное слово, встречающееся только в разговорном языке и выражающее степень или количество. Существует мнение, что это слово имеет значение существительного *курай* (位) 'степень, ранг'[40]. Иногда оно произносится *курай*:

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

*Хана-**гурай** саку э* 'Цветут цветы [а деревья, например, не цветут]' (стоит после подлежащего).

*Сэгакко-**гурай** соцугэ-сйтэ окэ* 'Окончил хоть начальную школу' (замещает падежное служебное слово).

*Хякуэн-**гурай-га** сотō дэ ару* '100 иен — это подходящее' (стоит перед падежным служебным словом).

*Тайса-**гурай-ни** нару цумори да* 'Намереваюсь дослужиться до полковника' (то же).

*Тайса-**ни гурай** нарэру дарō* 'Вероятно, сможет дослужиться до полковника' (стоит после падежного служебного слова).

***Сўкоси гурай** симбō-синасай* 'Потерпи немного' (стоит после наречного определения).

*Ватакўси дэмо **икэру гурай-но** токоро дэсў* 'Это такое место, куда даже я могу пойти' (стоит после спрягаемого слова).

13. *Дзуцу* (づつ)

Некоторые ученые считают *дзуцу* суффиксом; однако при рассмотрении его употребления всплывают моменты, не свойственные суффиксам. Поэтому в настоящей работе *дзуцу* условно отнесено к наречным служебным словам. *Дзуцу* присоединяется к словам, выражающим количество, показывая, в какой пропорции это количество распределяется:

*Дзюнин **дзуцу** дэкакэ* 'Будем выходить по десять человек'.

*Санъэн **дзуцу** агэ* 'Дам по три иены'.

В этих примерах *дзуцу* замещает падежное служебное слово.

*Хйтори-ни ицуцу **дзуцу-но** бунрē-синасай* 'Подели по пять на человека'.

*Хйтори-ни саммай **дзуцу-о** яру то енин дэ икура-ни нару ка* 'Если дать по три листа каждому, то сколько листов получат четыре человека?'

В этих примерах *дзуцу* стоит перед падежным служебным словом. Однако примеров на постановку *дзуцу* после падежного служебного слова нет, что дает основание предполагать, что *дзуцу* несколько отличается от остальных наречных служебных слов.

*Хйтохако-ни годзю бакари **дзуцу** хайттэ иру* 'В каждый ящик входит только по 50 штук'.

В этом примере *дзуцу* стоит после другого наречного служебного слова. Если бы *дзуцу* было суффиксом, то это было бы невозможно.

14. *Докоро, доко* (どころ, どこ)

Это наречное служебное слово. Встречается только в разговорном языке. Вводя какой-либо предмет или обстоятельство, оно показывает, что имеются предметы или обстоятельства, более

значительные, чем данные. Это служебное слово образовалось, вероятно, от существительного *токоро* 'место'. Хотя оно и не обладает свойствами наречного служебного слова в полной мере, тем не менее условно оно к ним отнесено.

Асоби ***докоро-но*** *савати дэ най* 'При этой истории куда уж до развлечений' (стоит перед падежным служебным словом).

Ути-дэ ***докорока*** *сото-дэ мо онадзи да* 'Если б только в доме, а то и вне дома то же самое' (стоит после падежного служебного слова).

Бан-мадэ ***докорока*** *ёдоси дэсу* 'Какое до вечера — на всю ночь!' (стоит после наречного служебного слова).

Очень часто *докоро* употребляется с присоединением *ка*. Это видно из предыдущих примеров и из тех, которые даются ниже:

Сйкарарэру ***докорока*** *бини хомэрарэта* 'Куда там выговор [наоборот], очень похвалили!'

Хякунин ***докорока*** *гохякунин ва ацуматтэ иру* 'Куда там сто, собралось [целых] пятьсот человек!'

Самуй ***докорока*** *асэ-га дэру гурай да* 'Где там холодно, даже в пот· бросает!'

15. *Нари* (なり)

Это наречное служебное слово, образовавшееся из служебного глагола-связки *нари* письменного языка, но употребляющееся только в разговорном языке. Оно имеет значение принятия чего-либо в том виде, как оно есть. Употребляется в форме *нарито*, а также при опускании *ри* в форме *нато*.

*Дарэ-***нари** *куру дэсё* 'Кто-нибудь да придет' (стоит после подлежащего).

*Донна кусури-***нари** *ному-га ёй* 'Надо принять лекарство, какое б оно ни было' (замещает падежное служебное слово).

*Дэкйта-***нари-о** *мисэтэ хосий* 'Хочу, чтобы показали в том виде, как вышло' (стоит перед падежным служебным словом).

*Дарэ-***то-нари** *содан-суру-га ёй* 'Хорошо посоветоваться хоть с кем-нибудь' (стоит после падежного служебного слова).

Каэру нари *нэтэ симатта* 'Как возвратился, так [сразу] и заснул' (стоит после спрягаемого слова).

Нари употребляется также при перечислении ряда однородных предметов, но тогда оно является сочинительным служебным словом, а не наречным.

Яма ***нари*** *уми* ***нари*** *сукина токоро-э ику-га ёи* 'Хорошо поехать, куда хочется, будь то горы, будь то море'.

V. СООТНОСИТЕЛЬНЫЕ СЛУЖЕБНЫЕ СЛОВА

Эти служебные слова (какаридзёси 係助詞) указывают на соотносительность. Название *какари*, заимствованное из старого тер-

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

мина *какаримусуби* (係結) 'соотносительное окончание', им дал д-р Ямада[41]. «Соотносительное окончание» — один из видов согласования. Оно состоит в том, что слово, стоящее впереди, связано с последующим словом и влияет на выражение сказуемого. Другими словами, так называется определенное правило согласования между соотносительным служебным словом и заключительным словом, иначе говоря «окончанием» (сказуемым). Это правило состоит в том, что при одном соотносительном слове спрягающееся слово, служащее сказуемым, принимает заключительную форму, при другом соотносительном слове оно принимает приименную форму, при третьем — завершенную форму. Изменение формы спряжения не есть обязательное условие соотносительного окончания, но надо обратить внимание на то, что согласование со сказуемым иногда влечет за собой изменение его формы спряжения. Ведь именно потому, что соотносительные служебные слова управляют сказуемым, иногда возможен такой особый контроль над его формой. В этом смысле д-р Ямада и говорит: «***Какари*** означает, что находящееся перед сказуемым слово оказывает влияние на его предикативную способность, а ***мусуби*** означает законченность предикации, осуществленной под влиянием *какари*»[42].

Систему в исследование соотносительного окончания внес Мотоори Норинага[43]. Норинага разделил соотносительные слова на следующие три вида, назвав их «тремя превращениями» (сантэн 三轉), а соответствующих окончаний насчитал сорок три, назвав их «сорока тремя ступенями» (ёндзюсандан 四十三段).

1. *ва, мо, тада*; 2. *дзо, но, я, нани*; 3. *косо*.

Позже Хагивара Хиромити внес поправку в эту систему[44], исключив *но* и *нани* и добавив *ка*. Однако в то же время он неправильно истолковал, что под *тада* понимаются все служебные слова, за исключением *ва* и *мо*. Относительно *тада* Мотоори Норинага говорит: «В том случае, когда впереди нет таких тэниоха, как *косо, дзо, но, я, нани, ва, мо*, я условно называю их отсутствие *тада* (徒) 'без'. Следовательно, Мотоори указывает на случай отсутствия соотносительных слов; его слова нужно понимать в том смысле, что если при отсутствии соотносительных служебных слов и возможна соотносительность, то такое явление не следует рассматривать в связи с соотносительными служебными словами.

Д-р Опуки Фумихико разделяет окончания (мусуби) на следующие три вида:

1. Обычное окончание;
2. Окончание при *дзо, наму, я, ка*;
3. Окончание при *косо*.

Д-р Ямада говорит: «Я надеюсь, что мое исследование и в

вопросе о служебных словах положило начало сравнению соотносительных служебных слов с другими словами и оказалось в состоянии преодолеть издавна существовавшие ошибки в этом вопросе. Я считаю возможным заявить, что подлинное значение работы Мотоори Норинага «Котоба-но таманоо» раскрыто только спустя 100 лет мною»[45]. И действительно, положения работы Норинага «Котоба-но таманоо» были по-новому теоретически систематизированы в исследовании д-ра Ямада. Была внесена ясность и в вопрос об отграничении соотносительных служебных слов от падежных и наречных служебных слов, которые раньше отчетливо не разделялись. Д-р Ямада установил 12 соотносительных служебных слов: *ва, мо, дзо, наму, я, ка, косо, на* и употребляющиеся только в разговорном языке *саэ, дэмо, сйка, хока*. Д-р Хасимото соотносительными служебными словами разговорного языка считает восемь слов: *ва, мо, косо, саэ, дэмо, нарито, сйка, хока*.

Согласно д-ру Ямада соотносительные служебные слова имеют следующие характерные особенности:

1) Соотносительные служебные слова принадлежат к словам, связанным с ёгэном, они влияют на предикацию.

2) Соотносительные служебные слова употребляются так же, как наречные, но если последние главным образом определяют значение следующего после них ёгэна, то соотносительные, как сказано выше, оказывают влияние на самую предикацию. А именно, управляя предикацией, они определенным образом связывают сказуемое. Это и есть закон так называемого «соотносительного окончания», о котором говорилось выше. Применительно к письменному языку он означает, что когда соотносительными служебными словами являются *дзо, наму, я, ка, косо*, им соответствуют определенные формы окончания. Это положение общеизвестно и общепризнано, но соотносительным окончанием является и заключительная форма спряжения, заканчивающая предложение при наличии в нем *ва* и *мо*. Я говорю об этом потому, что служебные слова *ва* и *мо* оказывают огромное влияние на предикацию. Мало того, даже и такие слова, как *косо, саэ, дэмо, хока, сйка*, хотя и не управляют изменением форм сказуемого, оказывают очень большое влияние на предикацию. В этом состоит серьезное отличие соотносительных служебных слов от рассмотренных в предыдущем разделе наречных служебных слов.

3) Большинство соотносительных служебных слов письменного языка могут присоединяться к сказуемому и сами служить окончанием; при этом они выражают различные значения. Так, в письменном языке употребляются в качестве окончаний, заключая собой предложение, не только *дзо, наму, я, ка, косо*, но даже *ва* и *мо*, и в разговорном языке тоже *ва*. Эта особенность была отмечена впервые д-ром Ямада. Разумеется, встречаются слова, которые в письменном языке употреблялись и как соотносительные,

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

и как окончания, а в разговорном стали употребляться только как окончание и превратились в заключительные служебные слова. К ним относятся *на, дзо* и др. (Думается, что и в письменном языке некоторые слова с изменившимся значением правильнее было бы рассматривать как заключительные служебные слова, но пока будем придерживаться теории д-ра Ямада. Однако надо учесть, что в последнее время эта теория подвергается критике.)

4) Соотносительные служебные слова, когда они употребляются как таковые, сочетаются иногда с падежными служебными словами. В этом случае соотносительные служебные слова всегда стоят после падежных служебных слов и никогда не ставятся перед ними. В этом отличие соотносительных служебных слов от наречных (наречные служебные слова могут стоять как впереди, так и после падежных служебных слов).

*Касуга-но вакана цуми-**ни** я.... хйто-но кураму* (Кокинсю; не говорится *вакаба цуми **я-ни***) 'Люди собираются выходить.., чтобы собирать съедобные травы на равнине Касуга'.

*Акихаги-но хана-**оба** амэ-ни нурасэдомо кими-оба масйтэ **оси то косо** омоэ* (Кокинсю; не говорят *хана ва о, оси косо то*) 'Хотя дождь вымочил цветы осенних хаги, но [расставаться] с тобой (букв. 'тебя') еще больше жаль'.

*Оя-**ни косо** йу га танин-**ни ва** иванай* (не говорят: *оя косо-ни, танин ва ни*) 'Родителям-то говорю, а другим нет'.

*Кодомо-**ни саэ** дэкиру* (не говорят *кодомо саэ-ни*) 'И ребенок сумеет'.

*Сэйё-**кара ва** мада каэттэ конай* (не говорят *сэйё ва кара*) 'С Запада еще не возвратился'.

*Фунэ-дэ **сйка** икэнй токоро да* (не говорят *фунэ сйка-дэ*) 'Такое место, куда можно проехать только по воде'.

5) Когда соотносительные служебные слова сочетаются с наречными служебными словами, они следуют за последними, но ни в коем случае не впереди. Этим они значительно отличаются от наречных служебных слов, которые могут меняться местом с падежными служебными словами. В этом состоит одно из главных отличий соотносительных служебных слов от наречных:

*...угуису **дани мо** накадзу мо ару кана* (Кокинсю; не говорят *угуису мо дани*) 'Даже соловей не поет!'

*Ватакйси **дакэ ва** иэ-ни оримасй* (не говорят *ватакйси ва дакэ*) 'Только я один дома'.

*Доко-**мадэ мо** сиккакэтэ юкимасй* (не говорят *доко мо мадэ*) 'Буду преследовать сколько бы ни пришлось'.

*Миру **дакэ косо** митэ оканакэрэба наранй* (не говорят *миру косо дакэ*) 'Именно, чтобы только посмотреть, нужно посмотреть'.

*Кими **надо дэмо** дэкиру кото да* (не говорят *кими дэмо надо*) 'Это под силу и таким, как ты'.

6) Несколько соотносительных служебных слов подряд упот-

ребляются сравнительно редко. Если же это встречается, то лишь в некоторых устоявшихся сочетаниях.

Араси ***мо дзо*** *фуку* (Кинъёсо) 'Дует бурный ветер'.

Варэ ***косо ва*** *Ниидзима-но ками э* (Масукагами) 'Это я правитель Ниидзима'.

Корэ ***косо ва*** *дайдзёбу дарō* 'Именно это будет хорошо'.

Мидзу ***саэ мо*** *номэнў то ва насакэнай* 'Что он не может даже воды выпить, ужасно'.

7) Соотносительные служебные слова ставятся иногда и при отсутствии падежных служебных слов:

Сато ***ва*** *арэтэ хйто* ***ва*** *фури-ни си ядо нарэя нива* ***мо*** *магаки* ***мо*** *аки-но нора нару* (Кокинсō) 'Так как селение запустело и люди состарились, то и сады, и огороды, [как] поле осенью'.

Хон ***дэмо*** *ёндэ маттэ итамаэ* 'Жди, читая хоть книгу'.

Мэ ***косо*** *миэнай га нандэмо ситтэ иру* 'Глаза-то не видят, но знаю все'.

Катакана ***саэ*** *какэнай* 'Не может писать даже катакана'.

Имōто ***хока*** *дзондзимасэн* 'Кроме младшей сестры [никто] не знает'.

8) В разговорном языке соотносительное служебное слово *косо* (а в письменном *дзо*, *намў*, *я*, *ка*, *на*) иногда, присоединяясь к союзному служебному слову *ба*, делает более тесной предикативную связь предыдущей и последующей фраз. Это происходит вследствие того, что соотносительное служебное слово влияет на предикацию второй фразы. Таким свойством совершенно не обладают ни падежные, ни наречные служебные слова. Кроме того, в письменном языке этим свойством не обладают также *ва* и *мо*, а в разговорном языке оно присуще только *косо*.

Кокороатэни ораба ***я*** *ораму... сирогику-но хана* (Кокинсю) 'Белая хризантема, которую, если сорвать, как захочется, сорву...'

Инисиэ мо има мо кокоро-но накэрэба ***дзо*** *уки-о мо сирадэ тоси-о номи фуру* (Госэнсō) 'И прошлое, и настоящее не имеет души, поэтому-то годы проходят без (букв. 'не зная') горестей'.

Со нару кото-га вакаттэ итарэба ***косо*** *тōи-сита но дэ ару* 'Я обратил внимание потому, что знал, что так получится'.

Рэйсуйёку-о яттэ ирэба ***косо*** *кадзэ-мо хиканай но дэсў* 'Оттого, что обливаешься холодной водой, и не простудишься'.

9) При переводе на английский язык наречным служебным словам обычно соответствуют наречия, но слов, соответствующих соотносительным служебным словам, в английском языке не существует.

Д-р Хасимото следующим образом высказывается по поводу соотносительных служебных слов.

«Все они с помощью своего значения, выражающего особое отношение, связывают такие находящиеся в различных отношениях слова, как подлежащее, слово-объект, дополнение, наречное опре-

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

деление, с последующим ёгэном или словом, которое приравнено к ёгэну... у слов подобного рода есть кое-что общее с наречными служебными словами. Однако тогда как наречные служебные слова не передают значения продолжения или остановки, соотносительным служебным словам такое значение присуще. Подтверждением этого служит то, что они могут присоединяться к словам, не обладающим значением продолжения, например к тайгэнам. Наречные служебные слова в сочетаниях *ватакуси бакари* 'Только я', *корэ дакэ* 'только это' не обязательно должны иметь значение продолжения, а соотносительные служебные слова *ватакуси ва* 'я' (в смысле 'что касается меня, то...'), *корэ* ***саэ*** 'даже это' имеют значение продолжения. Далее, наречные служебные слова нередко имеют после себя служебный глагол-связку *да*, и, наоборот, достаточно только посмотреть, как странно звучит соотносительное служебное слово с *да*, чтобы убедиться, что это невозможно: *ватакуси бакари да* '[это] только я' употребляется обычно, но *ватакуси ва да*, *корэ саэ да* неупотребительно»[46].

Рассмотрим коротко значение и употребление соотносительных служебных слов, каждого отдельно.

1. *Ва* (は)

Это соотносительное служебное слово встречается как в письменном, так и разговорном языке. Оно отчетливо указывает на предмет, обозначаемый словом, к которому оно присоединено, предотвращая смешение его с другими предметами. В этом же смысле говорят, что *ва* устанавливает различие, отстраняя все остальное. Известно, что когда оно служит соотносительным словом, то в окончании спрягаемое слово стоит в заключительной форме.

1) Присоединение *ва* к подлежащему.

Аки ва *кону момидзи ва ядо-ни фурисикину мити фумивакэтэ тоу* ***хйто ва*** *наси* (Кокинсю)'Пришла осень, красная листва усыпала жилище. Нет никого (букв. 'человека'), кто бы, протоптав дорогу, навестил [меня]'.

Табако ***ва*** *ному га сакэ ва номанай* 'Табак курю, а сакэ не пью'.

Корэ ***ва*** *тайхэн яку-ни тацу* 'Это очень пригодится'.

Ввиду того что служебное слово *ва*, как уже упоминалось выше, обладает способностью оказывать влияние на предикацию сказуемого и, как видно из приведенных выше примеров, определять и выделять какой-то предмет, его часто смешивают с падежным служебным словом, обозначающим позицию субъекта.

Хана-га саку 'Цветут цветы'.

Хана ***ва*** *саку* 'Цветы цветут'.

В этих примерах как *хана ва*, так и *хана-га*, бесспорно, стоят в позиции субъекта, но указанная позиция образовалась не с помощью соотносительного служебного слова *ва*. Субъектная пози-

ция имелась изначала (в письменном языке субъектная позиция часто выражается и без падежного служебного слова). И для того чтобы выделить ее, указать на нее, вместо падежного служебного слова ставится соотносительное служебное слово. Служебные слова, присоединенные к слову в субъектной позиции, не обязательно должны эту позицию определять:

Хана ***мо*** *саку* 'И цветы цветут'.
Хана ***мадэ*** *саку* 'Даже цветы цветут'.
Хана ***саэ*** *саку* 'Даже цветы цветут'.
Хана ***дэмо*** *саку* 'Хоть цветы цветут'.
Хана ***номи*** *саку* 'Только цветы цветут'.
Хана ***дакэ*** *саку* 'Только цветы цветут'.
Хана ***бакари*** *саку* 'Цветы-то цветут'.

Слово, стоящее перед *саку*, во всех этих примерах стоит в субъектной позиции абсолютно так же, как оно стоит в предложении *Хана саку* 'Цветы цветут'. Таким образом, *мо*, *мадэ*, *саэ*, *дэмо*, *номи*, *дакэ*, *бакари* не есть служебные слова, указывающие на подлежащее. Привлечем для объяснения примеры д-ра Ямада:

хана-га саку токи 'время, когда цветут цветы';
хана ***ва*** *саку токи* 'цветы в то время, когда [они] цветут...'

При сопоставлении этих примеров отчетливо выявляется разница в значении и употреблении *га* и *ва*. *Хана-га* только соотносится с *саку* как подлежащее; никакого другого значения сверх этого у *га* нет. Другими словами, влияние слова *га* распространяется только на слово *саку* и никуда дальше. Поэтому, если сказать *Хана-га саку токи-ни ва ёй ниои-га суру* 'В то время, когда цветут цветы, хорошо пахнет'; *Хана-га саку токи-ни ва соно иро-о миё* 'В то время когда цветут цветы, любуйся их окраской', то соотношение *хана-га* и *саку* нисколько не изменится. Если же взять *хана* ***ва*** *саку токи*, то предложение не будет закончено, пока *хана ва* и *саку токи* не будут разделены и слову *хана* не будет противопоставлено какое-либо другое слово, которое закончит предложение.

Поэтому, если сказать *Хана* ***ва*** *саку токи-ни ва ёй ниои-га суру* 'Цветы в то время, когда [они] цветут, хорошо пахнут'; *Хана ва саку токи-ни ва соно иро-о уцукусйку мисэру* 'Цветы, в то время когда [они] цветут, выглядят красиво' (букв. 'красиво показывают окраску'), то *хана ва* не имеет отношения к *саку токи*, а соотносится только с *ёй ниои-га суру* и *соно иро-о уцукусйку мисэру*. Если же сказать *Хана ва саку токи-ни ва соно иро-о миё* 'Цветы (или 'цветами') в то время, когда [они] цветут, их окраской *любуйся*', то здесь *хана ва* не является подлежащим при *саку*: оно приобретает значение *хана-оба* и становится наречным определением. Таким образом, *хана ва* оказывается в позиции то субъекта, то наречного определения: это зависит от того, в какой позиции стоит слово *саку* — в позиции ли предиката или в позиции адъективного опре-

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

деления. Иными словами, «служебное слово *ва* по существу не принадлежит к субъектной позиции, и если это имеет место, то только в силу случайности. Только при такой точке зрения впервые становится ясным, что обозначение субъектной позиции не есть основное свойство служебного слова *ва*; его основное свойство—требовать после себя определенного высказывания. Именно в этом смысле Мотоори Норинага и говорит о том, что *ва* соотносительное слово, а окончание выражает определенное высказывание по отношению к нему»[47].

Ватакӯси-га Ямамото дэсӯ 'Ямамото — [это] я'.

Ватакӯси ***ва*** *Ямамото дэсӯ* 'Я — Ямамото'.

Сравнивая эти два примера, можно сказать то же самое. Смешивать *га* и *ва* не следует [16].

2) Взаимоотношения со словом, стоящим перед и после *ва*:

Кими-о номи омоикоси дзи-но Сираяма ва ицу ***ка ва*** *юки-но киюру токи ару* (Кокинсю) 'Гора Сираяма, по которой [проходит] тропа [моих] дум о тебе одной, когда [наступит] время, чтоб [на тебе] стаял снег' (стоит после другого соотносительного служебного слова).

Хон ***ва*** *тэйнэй-ни ацӯкаэ* 'С книгами обращайся бережно' (замещает падежное служебное слово).

Танин-ни ***ва*** *макэнай цумори да* 'Не намерен уступать другим' (стоит после падежного служебного слова).

*Сёсай-****кара ва*** *иппо мо сото-э дэнай* 'Из кабинета не выхожу ни на шаг' (то же).

Корэ ***дакэ ва*** *мисэрарэмасэн* 'Только этого показать нельзя' (стоит после наречного служебного слова).

Ёку ва *вакаранай* 'Хорошо не понимаю' (стоит после наречия).

3) *Ва* употребляется в конце предложения, присоединяясь к приименной форме спрягаемого слова. В этом случае оно подчеркивает предыдущее высказывание:

Какару вадза ситамаикэру ***ва*** (Отйкубо-моногатари) '[Он] сделал такое дело'.

Мата, кё мо амэ-га фуру ***ва*** 'Опять! И сегодня дождь идет!'.

Корэ ва тайхэн уцукусий ***ва***. 'Это очень красиво!'.

Такое употребление широко представлено и в современном разговорном языке. Находясь после сказуемого, *ва*, вероятно, служит для выделения и одновременно для эмоциональной выразительности, но следует ли, подобно д-ру Ямада, считать для него главным выделение? *Ва* (わ), характерное для женской речи, также происходит от рассматриваемого нами *ва* (は). В этом случае эмоциональная выразительность, по-видимому, становится еще более сильной. Кажется, что оба *ва*, употребляющиеся в конце предложения, лучше рассматривать как заключительное служебное слово, имеющее эмоциональное значение. Если отнести *ва* (は) к заключительным служебным словам, то, разумеется, оно уже не будет соотноси-

тельным служебным словом. *Вай* (わい) представляет собою видоизменение *ва* (わ).

В «сёномоно» периода Муромати в конце предложения употреблялось は, но изредка встречается и わ. В «Кёгэнки» начинает преобладать わ. В период Токугава употребляется и то и другое.

4) Когда *ва* ставится после надежного служебного слова *о*, оно превращается в *ба*:

Акихаги-но хана ***оба*** *амэ-ни нурасэдомо кими* ***оба*** *масйтэ осито косо омоэ* (Кокинсю) 'Хотя дождь вымочил цветы осенних хаги, но [расставаться] с тобой (букв. 'тебя') еще больше жаль'.

Затем, такие обороты, как *сирадзу ва арубэкарадзу* 'не знать — [этого] не должно быть' (т. е. 'нужно знать'), произносятся — *сирадзумба арубэкарадзу*. Но нельзя по аналогии с этим в *сирадзуба осиэн* 'если не знаешь, объясню' рассматривать *ба* как соотносительное служебное слово, т. е. смешивать их нельзя, поскольку это *ба* — союзное служебное слово. Со времени периода Камакура вместо *моси канавадзару* ***токи ва*** стали произносить *моси канавадзару* ***токимба***, вместо *коннити* ***ва*** — *коннитита*, вместо *хисаката-но амэ* ***но йу ва*** — *хисаката-но амэ* ***то ипна*** — все это отклонения от нормы. Для удобства произношения также вместо *ёми* ***ва*** *синай* 'не читаю', *ари* ***ва*** *синай* 'не имеется', *ми* ***ва*** *синай* 'не смотрю' произносят *ёмия синай*, *ария синай*, *мия синай*.

б) Кроме перечисленных выше случаев, *ва* употребляется еще в следующих случаях:

Фури ва фурэдомо 'Хотя [дождь] и идет, но...'
Синдзи ва сэнэдо 'Хотя и не верю, но...'
Каэри ва синай 'Назад не возвращусь'.
Фую дэ ва ару га 'Хотя и зима...'
Усо дэ ва най 'Не ложь' [17].

5) Относительно *дзува* уже говорилось в разделе о служебных глаголах отрицания на стр. 426—427. На стр. 430 данной работы приведены также положения Саэки Умэтомо относительно *нуни*, имеющего значение *нэба*[48].

2. *Мо* (も)

Это соотносительное служебное слово встречается как в письменном, так и в разговорном языке. Если *ва* указывает на предмет, выделяя его из многих, то *мо*, наоборот, представляет собою такое служебное слово, которое сопоставительно показывает, что какой-либо предмет тождествен другим. Так как *мо* по своему значению указывает на два и более аналогичных обстоятельства, некоторые считают его обобщающим словом. Короче говоря, основным значением *мо* является не указание на разницу между двумя и более предметами, а указание на их общность или аналогичность. Разумеется, когда *мо* является соотносительным служеб-

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

ным словом, в окончании спрягаемое слово стоит в заключительной форме. В древнем письменном языке *мо* употреблялось в конце предложения после заключительной формы ёгэна для выражения эмоции, но в разговорном языке *мо* в конце предложения никогда не употребляется.

1) Соотношение со словами, стоящими перед и после *мо*:

Отоко мо су нару никки то йу моноо онна ***мо*** *сйтэ мин тотэ суру нари* (Тоса-никки) 'Говорят, что дневники и мужчины пишут [букв. 'делают'], а [тут] и женщина пробует писать' (стоит после подлежащего).

Корэ ***мо*** *сасиагэмасу* 'И это преподношу' (замещает падежное служебное слово).

Осака-кара но каэри-ни Кобэ-э ***мо*** *ёримасу* 'На обратном пути из Осака заеду и в Кобэ' (стоит после падежного служебного слова).

2) Имеет сочинительное значение:

Амэ ***мо*** *фури, кадзэ* ***мо*** *фуку* (п. я.) 'И дождь идет и ветер дует'.

Яма-ёри ***мо*** *такаку, уми-ёри* ***мо*** *фукаси* (п. я.) 'Выше гор, глубже моря'.

Ёй ***мо*** *варуй* ***мо*** *кэккёку хйтоцу да* 'И плохое и хорошее в конечном счете одно и то же'.

3) Усиливает выразительность:

Соного карэ ва кагэ ***мо*** *катати* ***мо*** *мисэдзу* 'После этого о нем ни слуху ни духу'.

Момидзи нигацу-но хана-ёри ***мо*** *курэнаи нари* (п. я.) 'Осенняя красная листва алее и февральских цветов'.

Аки ***мо*** *аки, коёи* ***мо*** *коёи, цуки* ***мо*** *цуки, токоро* ***мо*** *токоро, миру кими* ***мо*** *кими* (Госюисю) 'И осень есть осень, и вечер есть вечер, и луна есть луна, и место есть место, и ты (которого [я]) вижу, есть ты'.

Номи ***мо*** *нонда си куи* ***мо*** *кутта* 'И пить пил и есть ел'.

Некоторые считают это иллюстративным употреблением *мо*.

4) *Мо* в окончании:

... арэтару мияко мирэба канаси ***мо*** (Манъёсю, 33) 'Печально [мне], когда [я] увидел запустевшую столицу'.

Амэ-но хара фурисакэ мирэба Касуга-нару Микаса-но ямá-ни идэси цуки ка мо (Кокинсю) 'Когда я окинул взором равнину неба, [это не] луна ли, взошедшая над горой Микаса в Касуга?'

Подобное заключительное *мо* широко использовалось в древности, но в настоящее время оно не употребляется. Существует также мнение, что *мо* в этом значении следует отнести к заключительным служебным словам, выражающим эмоцию.

3. *Дзо* (ぞ)

Это служебное слово встречается только в письменном языке. *Дзо* имеется и в разговорном языке, но здесь оно превратилось в междометийное служебное слово.

Значение *дзо* — выделять и подчеркнуто указывать на какой-либо один предмет. Когда *дзо* служит соотносительным словом, то в окончании спрягаемое слово должно стоять в приименной форме. Иногда *дзо* ставится в конце предложения. *Дзо* употребляется также и без озвончения в форме *со*.

1) Взаимоотношения со словами, стоящими перед и после *дзо*:

Миесино-но ямабэ-ни сакэру сакурабана юки ка то ***номи дзо*** *аяматарэкэру* (Кокинсю) 'Цветы вишни, расцветшие на горе Миёсино, можно ошибиться, [не] снег ли [это]?'(стоит после наречного служебного слова).

Ямато-ни ва накитэ ка кураму ёбукодори Киса-но Накаяма ***ёби дзо кою нару*** (Манъёсю, 70) 'Птица ёбукодóри, которая, наверное, прилетит с пеньем в Ямато, пролетает над горами Накаяма в Киса, зовя [за собой]' (стоит после ёгэна).

Маиру мо ***ито дзо*** *курусйки* (Макура-но сōси) 'Пойти тоже очень тяжело' (стоит после наречного определения).

2) *Дзо* в конце предложения.

В этом случае оно передает смысл решительного утверждения. *Дзо* само по себе выполняет ту функцию, которая приходится на долю служебных глаголов-связок *нари* и *тари*. Это ни в коем случае не означает, что перед нами эллипсис связок, стоящих перед *дзо*. В таком случае *дзо* обычно присоединяется к тайгэну или к приименной форме спрягаемых слов:

Аки сараба има мо миру гото (也) *цумагои-ни ка накаму* ***яма дзо*** *Таканухара-но уэ* (Манъёсō, 84) 'Когда уходит осень и теперь, как [мы] видим, [это —] горы, где в тоске о самках плачут олени, на Таканухарá'.

Цунэни о-нака ва асйки ***дзо*** (Уцубо-моногатари) '[У них] постоянно отношения плохие'.

Сакуя ва идзуку-ни ***ка*** *какурэтамаэриси* ***дзо*** (Цуцуми-тōнагон-моногатари) 'Вчера вечером [он] куда-то скрылся'.

Аки фýкаки тонари ва ***нани-о*** *суру хйто* ***дзо*** (Басё) 'Тут по соседству в глубокую осень что делают люди?'

В приведенных выше примерах *дзо*, поставленное после вопросительного слова, само по себе вопроса не выражает, а только усиливает его. Далее, обычно считается, что в таком примере, как *цуйни мимакарикэри то дзо* 'в конце концов умер', т. е. когда *дзо* ставится после падежного служебного слова *то*, обозначающего конец фразы, оно является соотносительным служебным словом, а заключительное слово, т. е. само соотносительное окончание, опущено.

3) Относительно различия между *дзо* и *косо* в «Аюисё» Фудзитани Нариакира говорится следующее:

«*Дзо* есть сокращение от *сорэ*, а *косо* — от *корэ-сорэ*. Если взять это за основу, то перед нами слова, которые указывают и опре-

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

деляют предмет по одной линии. Так, например, если человек держит вместе голыши и драгоценные камни, то можно указать: *сорэ дзо тама е* 'Вот это драгоценный камень'. А выбрав драгоценный камень и взяв его в руку, следует сказать: *корэ косо тама нарэ* 'Вот это-то драгоценный камень'. *Дзо* — широко, *косо* — узко. Благодаря тому, что *дзо*—широко, смысл его свободен, благодаря тому, что *косо* — узко, смысл его подчеркнут».

Полагаю, что в общем различие между обоими словами выражено полностью.

4. *Наму* (なむ)

Это служебное слово, встречающееся только в письменном языке. *Наму* похоже на *дзо*, но по сравнению с последним менее выразительно, более округло и мягко. Считается, что это видоизмененное *намо*, употреблявшееся в период Нара.

Миваяма-о сйка (然) *мо какӯсу ка. Кумо данимо кокоро арана**мо** какӯсаубэси я* (Манъёсю, 18) '[Неужели] так и скроют горы Мива [от моего взгляда]? О, если б облака имели душу! Могли ли бы они [тогда] скрыть [вас]?'

*Камицӯкэну Одо-но тадори-га кавадзини мо кора ва ава**намо** хйтори номи сйтэ* [Манъёсю, 3405] 'Хотя [ты] на дороге у реки в Одо-но Тадори в Кодзукэ, [я] хочу, чтобы милая встретилась, когда [я] совсем (букв. 'только') один'.

Здесь это слово выражает желание, требование по отношению к другим.

Наму имеет значение выделения одного предмета и сосредоточения внимания на нем. Когда *наму* употребляется как соотносительное служебное слово, то спрягаемое слово, служа окончанием, как правило, стоит в приименной форме. Бывает, что *наму* ставится в конце предложения. В этом случае оно присоединяется к незавершенной форме ёгэна и выражает желание, обращенное к кому-либо. В «Кокинсю-тōкагами» оно переводится как *сйтэ хосий* 'желательно чтобы...', *курэ ка си* 'сделай' (букв. 'дай'). (В этом случае оно обычно не выражает желание первого лица. Для выражения желания первого лица употребляется *ба я*; см. о *я* в следующем разделе.)

1) Взаимоотношения со словами, стоящими перед и после *наму*:

*Отоко мияко-э **наму** макару тотэ...* (Исэ-моногатари) 'Мужчина, сказав, что [он] уходит в столицу...'(стоит после падежного слова).

*ито **наму** осоросйки* (Уцубо-моногатари) 'очень страшно' (стоит после наречного определения).

*Ицӯсйка Фукадзаки-то йу токоро ватаран-то **номи нан** омоу*

(Тоса-никки) 'Они только и думали [о том], когда прибудут в местечко, именуемое Фукадзаки' (стоит после наречного слова).

Масйтэ омои ***наму*** *ярарури* (Уцубо-моногатари) '[Он] еще больше волновался' (стоит после ёгэна).

2) *Наму* в конце предложения. Его называют также *наму* со значением вызова, приглашения:

Уттаэни васурэ ***нан*** *то ни ва арадэ* (Тоса-никки) 'Совершенно забыть [бы] — [так] не было'.

Ёсуру намиути мо ёсэ ***наму*** (Тоса-никки) 'Волны, набегающие [на берег], набегайте'.

Хару татэба киюру кōри-но нокори наку кими-га кокоро ва варэ-ни токэ ***наму*** (Кокинсю̄) 'Когда настанет весна, тающего льда не будет следа (букв. 'остатка'), а твое сердце пусть раскроется для меня!'

В приведенных примерах *наму* рассматривается как обычный служебный глагол, не имеющий отношения к соотносительному служебному слову *наму*. Однако д-р Ямада относит это *наму* в разряд соотносительных служебных слов, считая, что оно совпадает по функции с другими соотносительными служебными словами, служащими окончаниями.

3) Нужно различать следующие три вида *наму*:

Коно ё-ни си таносйку араба кому ё-ни ва муси-ни тори-ни мо варэ ва ***наринаму*** (Манъёсю̄, 348) 'Лишь бы в этом мире было приятно, а в будущем мире я [охотно] **стану** и мошкой, и птицей'.

Синуру иноти́ ики мо я суру то кокороми-ни тама-но о бакари аван то ***иванаму*** (Кокинсю̄) 'Чтобы испытать, жив ли я (букв. жива ли умирающая жизнь), **пусть** [она] скажет: **встречусь** [с тобой] хоть на краткий миг!'.

Сакурабана яма-ни сакунáн сато-но ни ва масару то кику о мину га вабисйса (Ёситака-сю̄) 'Цветы вишни **цветут** на горах, и [я] слышал, что лучше, чем в деревне, но не видел [их; это] грустно.

Наму в первом примере представляет собою служебный глагол предположения (будущего времени) *му* в соединении с незавершенной формой служебного глагола законченности действия *ну*. Это *наму* присоединяется к приёгэнной форме спрягаемого слова.

Во втором примере *наму* представляет собою соотносительное служебное слово *наму*, стоящее в конце предложения. Оно выражает значение желания и присоединяется к незавершенной форме спрягаемого слова.

В третьем примере *наму* (*нан*) является соотносительным служебным словом, употребленным в своей функции. Оно может быть заменено соотносительным служебным словом *дзо*. Имеет значение усиления.

4) Иногда *наму* употребляется как соотносительное служеб-

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

ное слово, но при этом стоит в конце предложения. В этом случае считается, что слово, служащее соотносительным окончанием, опущено.

Канэтэ ёри омоикакэси кото-ни ***наму*** (*ару*) (п. я.) '[Это] (есть) дело, о котором я давно думал'.

Мукаси-но отоко ва ками-о юикэри то ***наму*** (*йу*) (п. я.) '(Говорят), что в старину мужчины укладывали себе волосы'.

5. *Я* (や)

Это соотносительное служебное слово, встречающееся только в письменном языке. Выражает вопрос (иногда риторический). Когда *я* употреблено как соотносительное служебное слово, спрягаемое слово, служащее окончанием, ставится в применной форме, как при *дзо*, *наму* и *ка*. Кроме того, *я* употребляется в конце предложения, выражая вопрос.

1) Взаимоотношения со словами, стоящими перед и после *я*:

Хару ***я*** *токи хана я осоки то кикиваками угуису дани мо накадзу мо ару кана* (Кокинсю) 'Даже соловей, благодаря которому можно понять, весна ли ранняя? цветы ли запоздали? — не поет!' (стоит после подлежащего).

Ё ***я*** *кураки мити* ***я*** *мадоэру хототогису вага ядо-о си мо сугигатэни наку* (Кокинсю) 'Ночь ли темна, с дороги ли сбилась, [только] кукушка не в силах миновать мой дом, [всё] поет' (замещает падежное служебное слово).

Хисаката-но цуки-но кацура мо аки ва нао момидзи сурэба ***я*** *тэримасарураму* (Кокинсю) 'Оттого ли, что и лавр на луне на вечном небе осенью краснее, [она] как будто светит ярче' (стоит после союзного служебного слова).

2) Значение вопроса, видимо, понятно из приведенных выше примеров, значение же риторического вопроса можно проиллюстрировать следующими примерами:

Имо-га содэ вакарэтэ хисани наринурэдо хйтохи мо имо-о васурэтэ моэ ***я*** (Манъёсю, 3604) 'Хотя я давно расстался с рукавами милой, но хоть на один день милую забыть могу ли?'

Цуки ***я*** *араны хару* ***я*** *мукасино хару араны ва-га ми хйтоцу мотоно ми ни сйтэ* (Исэ-моногатари) 'Луны ли нет? Весна ли не прежняя весна? Только я один тот же, что прежде...'

В этих примерах *я* в середине или в конце предложения само по себе выражает риторический вопрос, а ниже приведены примеры, где это же значение выражено сочетанием *я* с соотносительными служебными словами *ва*, *мо* в форме *я ва*, *я мо*. Такое сочетание может стоять как в середине, так и в конце предложения.

Хару-но ё-но ями ва аянаси ӳмэ-но хана иро косо миэнэ ка (香) ***я ва*** *какуруру* (Кокинсю) 'Темнота весенней ночи непроглядн-

на. Прелесть цветов сливы-то не видна, [но] аромат скроется ли?'

Яма ва сакэ уми ва асэнаму ё наритомо кими-ни футагокоро варэ арамэ я мо (Кокинсю) 'Пусть настанет [такой] век, когда горы расколются и море обмелеет, все же будет ли [во мне] двоедушие к тебе?'

3) В нижеследующем примере *я*, по-видимому, употреблено как соотносительное слово, но соответствующего окончания за ним не следует. Очевидно, здесь надо предполагать эллипсис (в этом случае иногда получается сочетание *я ва*, что следует отличать от *я ва* со значением риторического вопроса).

Таникадзэ-ни токуру кбри-но химагото-ни утиндзуру нами я хару-но хацубана (Кокинсю) 'Волны, что появляются в каждой трещинке льда, тающего от ветра в долине, [это] первые цветы весны'.

Ниже дается сочетание *татэру я*, где *я* присоединено к приименной форме служебного глагола законченности действия *ри*. Здесь можно строить двоякое предположение: либо после *ру* опущен тайгэн *токоро*, либо *татэру* — квази-тайгэн; в конце эллипсис окончания, как и в предыдущем примере.

Харугасуми татэру я идзуко. Миёсино-но Ёсино-но яма-ни юки ва фурицуцу (Кокинсю) 'Где заволоклось туманом? В горах Ёсино в Миёсино снег идет и идет...'

4) Примеры на *я* в конце предложения были даны выше; ниже приведен пример, в котором *я* присоединяется к заключительной форме спрягаемого слова:

...асамия-о васурэтамау я (Манъёсю, 196) '...[не] забыла ли [она прийти] утром во дворец?'

...идза нитоваму миякодори, ва-га моу хйто ва ари я наси я то (Исэ-Моногатари) '...вот спрошу, птица миякодори, тот, кого люблю, есть ли [он], нет ли [его]?'

Правило языка периода Хэйан, согласно которому *я* присоединялось к заключительной форме спрягаемого слова, впоследствии оказалось нарушенным, и в настоящее время в большинстве случаев *я* присоединяется к приименной форме. В пункте 10 «Перечня допустимых отклонений от грамматических норм» говорится следующее: «Не возбраняется ставить вопросительное служебное слово *я* после приименной формы глаголов, предикативных прилагательных и служебных глаголов, например:

Ару я 'есть ли?'; *омосироки я* 'интересно ли?'

Тити-ни нитару я хаха-ни нитару я 'Похож ли на отца или на мать?'

В цитированном выше «Первом докладе комиссии по изучению японского языка о проекте реформы ныне действующих грамматических правил» это объяснено следующим образом:«Хотя в литературе периода Хэйан вопросительное *я* присоединялось не-

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

пременно к заключительной форме и не присоединялось к приименной, в современном письменном языке надо признать правильным присоединение к приименной форме. Причем, как и с *ка*, могут употребляться обе формы.

Обоснование: присоединения вопросительного *я* к приименной форме ранее середины периода Камакура почти совершенно не встречается. Но начиная с этого времени оно представлено, например:

Има-мадэ нива-о мо фумитамаваңу кото мо ***ару я то...*** (Сококудзи-но куё-но ки) 'Разве не бывало, чтоб он до сих пор не ступал в этот сад?'

Корэ мотэ тōгу-но го-синтоку-ни ***арадвару я*** (Мигоромодзури, ёкёку) 'Разве это не [проявление] благости божества этого храма?'

Если говорить о происхождении, то надо сказать, что вопросительное *я*, которое присоединяется к заключительной форме, и восклицательное *я*, которое ставится в конце, когда есть соотносительное служебное слово *нани* 'что', смешались; и в конце концов, даже тогда, когда впереди не было никакого соотносительного слова, *я* стали воспринимать в вопросительном значении. Подобно этому, вместо *нао на, тогамэ со* 'ну, не упрекай' впоследствии стали говорить просто *тогамэ со*, что воспринималось в смысле запрещения. Можно допустить также, что поскольку у самой большой группы глаголов — у глаголов четырехступенчатого спряжения — заключительная и приименная формы одинаковы, аналогичное явление стало происходить и в других спрягаемых словах. В том и другом случае это соответствует законам изменения значения слов. Таким образом, это и можно назвать нарушением правил языка периода Хэйан. Однако с тех пор, как значение вопроса стало повсюду восприниматься безошибочно, нет оснований говорить о том, что это противоречит грамматике. В частности, после того, как окончание при вопросе стало двояким, т. е. в нем появились и заключительная и приименная формы, оказалось возможным в целях упрощения остановиться на одной из форм — приименной. Появилась также возможность избежать неудобства каждый раз определять в зависимости от того, имеется ли вопрос или нет, где должно быть *я*, а где *ка*. Теперь, когда уже давно не говорят *кику кото-о у я* 'можно ли слышать?', *коко-ни ку я* 'приходит ли сюда?', *карэ-но кото-о су я* 'делать ли его дело?' и лучше звучит *ути-о тацуру я* 'строить ли дом?', *мидзу-о мицуру я* 'наливать ли воду?', *ки-о ууру я* 'садить ли дерево?', чем *ути-о тацу я, мидзу-о мицу я, ки-о уу я*, изменения, вносимые настоящим пунктом, следует признать правомерными»[49].

5) Иногда *я* присоединяется к завершенной форме самостоятельных и служебных глаголов. Таково *я* в *васурэтэ мов я* и *арамэ я мо* в примерах, приведенных выше в п. 2, а также и в нижеследующих:

Акэба мата коюбэки яма-но минэ ***нарэ я*** *сора юку цуки-но суэ-но сиракумо* (Синкокинсю̄) '[Это не] пик ли горы, которую я опять должен перейти, когда рассветет? [Это] белое облако на кончике [луча] луны, плывущей по небу'.

Момосйки-но о̄миябито ва хима ***арэ я*** *сакура кадзасйтэ има мо курасйцу* (Синкокинсю̄) 'Сотни вельмож из дворца, досуг [у них] есть ли?, и теперь живут, украшаясь [цветами] вишни'.

Здесь *я* употреблено не как соотносительное слово, его следует рассматривать как окончание предложения со значением вопроса с некоторым оттенком восклицания. Существует мнение, что в этом случае нужно рассматривать *я* как восклицательное служебное слово и относить его в разряд междометийных служебных слов. Однако следует обратить внимание, что в приведенном ниже примере *я* также присоединено к завершенной форме, но поскольку оно употреблено как соотносительное слово, то появляется соответствующее окончание, а именно — глагол стоит в приименной форме. (Правда, нельзя сказать, что нет возможности рассматривать *я* и в данном случае как окончание.)

Момосйки-но о̄миябито ва хима ***арэ я*** *ӯмэ-о кадзасйтэ коко-ни цудоэру* (Маньёсю̄, 1883) 'Сотни вельмож из дворца (досуг [у них] есть ли?) здесь собрались, украсившись [цветами] сливы'.

В этом примере *арэ я* обычно понимается в смысле *арэба я* '...потому ли, что у них есть...'

6) В ряде примеров уже встречалось *я* в присоединении к союзному служебному слову *ба — ба я*; приведем еще пример:

Кокоро араму хйто-ни мисэба ***я****. Цу-но куни-но Нанива ватари-но хару-но кэсйки-о* (Госю̄исю̄) 'Хочется показать человеку с душой! картину весны в Нанива в стране Цу'.

Ба я следует рассматривать как составное слово; оно употребляется всегда только в конце предложения, по значению выражает желание, и его нужно отнести к разряду заключительных служебных слов. Оно присоединяется к незавершенной форме.

7) Наряду с *ка*, о котором речь будет идти ниже, *я* — служебное слово, выражающее вопрос. Однако, когда впереди стоит слово с вопросительным значением, то по правилам языка периода Хэйан как в конце, так и в середине предложения ставится *ка*, а не *я*.

Идзуку-ни ару ка (п. я.) 'Где находится?'

Икадэ ка сираму (п. я.) 'Как узнаю?'

Однако в современном языке и *я* употребляется часто тогда, когда впереди имеется слово с вопросительным значением. В пункте 14 «Перечня допустимых отклонений от грамматических норм» говорится следующее:

«Не возбраняется употреблять вопросительное служебное слово *я*, когда впереди стоит вопросительное слово, например:

Дарэ-ни ***я*** *тован* (п. я.) 'Кого спросить?'

Икубаку нару ***я*** (п. я.) 'Сколько?'

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Икани субэки я (п. я.) 'Как надо поступить?'

Когда говорят *дарэ тоитару я* (п. я.) 'кто спросил?', во-первых, здесь при наличии стоящего впереди вопросительного слова в окончании представлено *я*, во-вторых, вместо присоединения к заключительной форме спрягаемого слова, оно присоединено к приименной форме *тару*; таким образом, здесь затронуто два пункта допустимых отклонений.

В «Первом докладе по изучению проекта реформы ныне действующих грамматических правил» все это объясняется следующим образом.

«Хотя в литературе периода Хэйан вопросительное *я* после вопросительного слова не употреблялось, но в современном письменном языке такое употребление нужно признать правильным. При этом допустимы оба слова: *я* как служебное слово с легким оттенком вопроса, а *ка*, в противоположность ему, как выражающее вопрос с бóльшей силой. Употребление *я* или *ка* предоставляется на усмотрение говорящему.

Литература периода Хэйан	Современный письменный язык
Примеры 1	
Икани кокороэру ни ка	*Икани кокороэру-ни я* 'Как понять?'
Нанто кикитару ни ка	*Нанто кикитару ни я* 'Как слышится?'
Примеры 2	
Дарэ-ни тоу ка	*Дарэ-ни тоу я* 'Кого спросить?'
Идзурэ-о эрабу ка	*Идзурэ-о эрабу я* 'Что выбрать?'
Примеры 3	
Идзурэ ка тадасйки (*тадасики я*)	*Идзурэ ка тадасйки я* 'Что правильно?'
Нанигото ка окоритару (*окороритару я*)	*Нанигото ка окоритару я* 'Что случилось?'

Обоснование: Об этом в «Тамаарарэ» говорится:

«После таких слов, как *нани* 'что?', *икани* 'как?', *идзурэ* 'что?' (из нескольких), *ику* 'сколько?', *тарэ* 'кто', *тага* 'кто' и др., ставится обычно знак *ゕ* (*ка*), так что получается *нани ка*, *идзурэ ка*, *тарэ ка* и т. д. Но *ка* бывает отделено от них и другим словом. Это присоединенное *ка* и *ка*, которое в современном языке часто отделено другим словом, во многих случаях ошибочно заменяют *я*. Например, когда следует сказать *иканару ни ка аран* 'что это за дело' или *тарэ-ни ка аран* 'кто это?', говорят *иканару кото-ни я аран*, *тарэ-ни я аран*. Также говорят *ику тосицўки-о я хэнуру* 'сколько лет прошло?', *Тага сато-ёри я кинуран* 'Кто придет из селения?' Такое *я* употреблено неверно, в чем можно убедиться, просматривая древние стихи».

В «Пространной японской грамматике» (§ 367) [18] говорится: «Как *я*, так и *ка*—вопросительные тэниоха, однако, когда впереди стоит другое вопросительное слово, например: *икубаку ка ару* 'сколько есть?', *нани-ка-о тору* 'что взять?', *дарэ нару ка* 'кто это?', *нанто субэки ка* 'как надо делать?', *идзуку-ни ару ка* 'где находится?' и т. д., то в конце обычно ставят *ка*, но *я* в этом случае не ставят».

Отиаи Наобуми по данному вопросу говорит:

«И *ка* и *я* — вопросительные частицы, но после слова *нани* 'что?' непременно нужно ставить *ка*. Употреблять в таком случае *я* будет ошибкой:

Мити то ва иканару мити нару я 'Путь, каким [он] должен быть путем?'

Ками ва идзуку-ни двасуру я 'Где находятся боги?'

В этих случаях должно быть употреблено *ка*»[60].

Современные филологи подобное употребление *я* обычно считают также ошибкой и отвергают его. Сказанное в «Тамаарарэ» относится преимущественно к примерам 1. Таких примеров в литературе не встречается не только в «Гэндзи-моногатари», «Макурано сōси», но и в произведениях первой половины периода Камакура. (Однако в обычных печатных и последних отпечатанных наборным шрифтом изданиях эти примеры можно обнаружить даже в «Сагоромо», «Цуцуми-тēнагон», есть они и в «Кондзяку-моногатари», «Хōбуцусю», «Хэйкэ-моногатари», «Дзиккинсē», «Кокон-тēмонсю» и др. Однако нужно опасаться, что *ка* и *я* перепутаны здесь при позднейшей переписке или же при переписке знаками «хира́гана» книг, написанных знаками «ката́кана»*. Поэтому все сказанное не может быть принято во внимание до тех пор, пока не будут получены достоверные списки работ того времени.) Тем не менее, начиная со второй половины периода Камакура, *я* стали употреблять; и если принять во внимание, что в «Сумиёси-моногатари», которое не признается подлинным произведением той эпохи, и в подлинном произведении той эпохи «Сясэкисю» можно обнаружить многочисленные примеры его употребления, станет ясным, что его привыкли употреблять уже более, чем за 600 лет. Поэтому, хотя при желании подражать таким образцам древней литературы, как «Гэндзи-моногатари», «Макурано сōси», употребления *я*, несомненно, следует избегать, узаконение его употребления в современном письменном языке надо признать правильным.

Далее, вопросы, затронутые в «Пространной японской грамматике» и у Отиаи Наобуми, в большинстве своем относятся к примерам 2. Реальные примеры можно найти в памятниках начала периода Камакура; в более раннее время они совершенно не встре-

* «Ката́кана» и «хира́гана» — два разных шрифта японской звуковой азбуки. — *Прим. ред.*

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

чаются. Следовательно, если основываться на грамматике раннего средневековья [19], то правомерно такое употребление отвергать. Но поскольку в современном письменном языке такое *я*, как в примерах 1, вошло в употребление уже давно и даже более употребительно, чем *ка*, не требуется дополнительных доказательств, чтобы признать правильность его употребления.

Поскольку признаны правильными примеры 2, без сомнения, то же следует признать и для примеров 3. До сего времени грамматисты еще не касались данного вопроса; не будем останавливаться на нем и мы. Грамматисты раннего средневековья не запрещали в этом случае *я* потому, что при наличии соотносительных слов *ка, дзо* ёгэн, служащий окончанием, принимал приименную форму, а за нею добавлялось восклицательное *я*. Однако *я* подобного рода представлено в памятниках того времени, и с одного взгляда видно, что уже тогда оно стало употребляться как вопросительное *я*. И, как показано в следующем параграфе, *я*, заключающее собою вопросительное предложение, без соотносительного слова в начале, относится к тому же времени. Таким образом выводы проекта и древних грамматистов относительно правильности третьего примера совпадают, но подход к вопросу прямо противоположен. Этим и объясняется, что приведены, в частности, примеры 3»[51].

8) *Я* употребляется при перечислении однородных предметов. Однако в этом случае оно является не соотносительным служебным словом, а сочинительным.

...вариго я нани я то... катабира я нуно надо (Кагэрō-никки) '...шкатулка, еще что-то, накидка, полотно и так далее...'

В разговорном языке *я* употребляется обычно только при перечислении.

6. *Ка* (カ)

Это соотносительное служебное слово, употребляющееся только в письменном языке. Оно, как и *я*, выражает вопрос. Когда *ка* служит соотносительным словом, спрягаемое слово в окончании ставится в приименной форме, как при *дзо, наму, я*. В сочетании с тайгэном или же с приименной формой спрягаемого слова *ка* может стоять в конце предложения. В разговорном языке, как уже упоминалось в разделе о наречном служебном слове *ка*, оно превратилось, с одной стороны, в заключительное, а с другой — в наречное служебное слово, а в качестве соотносительного служебного слова в разговорном языке не употребляется.

1) Взаимоотношение со словами, стоящими перед и после *ка*:

Хана тирасу кадзэ-но ядори ва тарэ ка сиру... (Кокинсю) 'Кто знает, где жилище ветра, сдувающего цветы?' (стоит после подлежащего).

*Кими нарадэ тарэ-**ни ка** мисэму* (Кокинсю) 'Если не тебе, то кому покажу?' (стоит после падежного служебного слова).

*саки **ка** хокорэру* (п. я.) 'цветет и гордится?' (стоит между двумя ёгэнами).

2) ***Ка*** в конце предложения:

*Харусамэ-но фуру ва намида **ка**. Сакурабана тиру-о осиману хйто си накэрэба* (Кокинсю) 'Идет весенний дождь, [это] слезы? Ведь нет человека, который не жалел бы, что цветы вишни опадают'.

*Кодзо-но нацу накифурусйтэ си хототогису сорэ **ка*** (Кокинсю) 'Кукушка, которая куковала все прошлое лето, [это] она?'

В этих примерах ***ка*** стоит в конце предложения после тайгэна; когда же ***ка*** заканчивает предложение после ёгэна, то, как правило, присоединяется к приименной форме.

*Уцусэми-но ё-ни мо нитару **ка**? Ханадзакура саку то миси ма-ни нацу тириникэри* (Кокинсю) '[Это] похоже на бренный мир? Видишь, как вишня цветет, а в это время она уже осыпалась'.

*Фӯтари миси юки ва котоси мо фурикэру **ка*** (Басё) 'Снег, который [мы] вдвоем видели, и в этом году идет?'

3) Так же, как и *я*, ***ка*** самостоятельно или же в сочетании с соотносительными служебными словами *ва* и *мо* может выражать риторический вопрос. При этом оно может стоять в середине предложения как соотносительное слово или в конце предложения как окончание.

Масурао-но омоивабицуцу таби манэку (遍く) *нагэку нагэкиованӯ моно **камо*** (Маньёсю, 646) 'Бывает ли повсюду, что и храбрый муж, тоскуя, горюя, горя не может перенести?'

*Коэ таэдзу накэ я угуису. Хйтотосэ-ни фӯтатаби-то дани кубэки хару **ка ва*** (Кокинсю) 'Не умолкая (голосом), пой, соловей. [Разве это] весна, которая приходит дважды в один год?'

*Нанно осорубэки кото **ка** ару* (п.я.) 'Что тут страшного?'

Однако следует отметить, что в примере, который приводится ниже, *ка ва* не выражает риторического вопроса, а служит просто соотносительным словом; поэтому их нельзя смешивать:

*Ика нараму ивао-но нака-ни сумаба **ка ва** ё-но уки кото-но кикоэ кодзараму* (Кокинсю) 'Среди каких скал [мне] поселиться? [Тогда] не будут доноситься вести о горестях этого мира'.

4) Выше уже упоминалось, что когда после идущего впереди вопросительного слова ставится вопросительное служебное слово, употребляется обычно *ка*, а не *я*, но что в современном письменном языке допускается и употребление *я*.

5) Относительно различения *я* и ***ка*** подробно пишет и Хори Хидэнари и д-р Мицуя Сигэмацу[52]. Ниже приведены выдержки из этой работы последнего.

«Различие между *я* и ***ка*** выразить трудно. Тем не менее сомневаться в существовании разницы в оттенке слов нельзя: *я* мягче,

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

округлее и поэтому более глубоко по значению; *ка* тверже, резче и поэтому не так глубоко. Отношение между этими двумя словами похоже на отношение между *ни, ну* и *то, цу*.

Фурусато-но Нараси-но Ока-но хототогису кото (言) *цугэяриси икани цугэки я* (Маньёсю, 1506) 'На родине в Нараси-но Ока [я] передала [для тебя] весть соловью, как же передал [он это тебе]?'

Если поставить здесь *цугэси ка* или *ка цугэси*, то получится иной смысл, чем у автора. *Омоики я* и *омоиси ка* (думал ли?) не одно и то же. Нельзя вместо *цуки камо* сказать *цуки я мо* (луна ли?), поскольку одно не соответствует другому. Если вместо *кэсики я на* сказать *кэсики ка на* 'вид ли [это]?', кажется, что последнее звучит сильнее, чем первое, но по смыслу оно менее выразительно. Следует подумать также и над разницей в употреблении *я* и *ка*: *я* присоединяется к заключительной форме, *ка* — к приименной форме, как к тайгэну; *я* присоединяется к повелительной форме, *ка* нет; *я* легко сочетается с *ни*, образуя *ния* (в этом значении из *яраму* образуется слово *яра*), а *ка* легко сочетается с *то* в *тока*».

6) *Эмпицу ка пэн ка-о каō* 'Купим или карандаш или перо'.

Нантока кантока иттэ ита ё 'Говорил что-то то так, то эдак'.

Такое *ка*, как в данных примерах, встречается только в разговорном языке, причем это не соотносительное служебное слово, а сочинительное.

7. *Косо* (こそ)

Косо — служебное слово, обладающее более сильным значением указания, чем описанное выше *дзо*; это значение состоит в том, чтобы специально выбрать один предмет из многих и выделить его, отделяя от всех остальных. Его компоненты *ко* и *со*, по-видимому, слова того же происхождения, что и указательные местоимения *ко* 'это', *со* 'то' и имеют то же указательное значение. Это служебное слово встречается как в письменном, так и в разговорном языке. Причем, если в письменном языке *косо* служит соотносительным словом, то по закону соотносительного окончания спрягаемое слово должно стоять в завершенной форме; на разговорный язык это правило не распространяется. Когда же это явление встречается в разговорном языке, его надо считать привнесенным из системы письменного языка. Бывает, что, подобно другим соотносительным служебным словам, *косо* ставится в конце предложения как заключительное слово. В этом случае оно выражает значение желания. Можно предположить, что значение желания развилось из значения указания. Впрочем, может быть, это *косо*, которое появляется только в конце предложения и значение которого от подчеркивания

перешло в выражение желания, более целесообразно рассматривать не как соотносительное, а как заключительное служебное слово. В этом вопросе мы пока присоединяемся к мнению д-ра Ямада.

1) Взаимоотношения со словами, стоящими перед и после *косо*:

Иро-ёри мо ка ***косо*** *аварэ то омоюрэ* (Кокинсю) 'Не столько цвет, сколько именно аромат кажется приятным' (стоит после подлежащего).

Хару-но ё-но ями ва аянаси ӯмэ-но хана иро ***косо*** *миэнӯ ка я ва какуруру* (Кокинсю) 'Темнота весенней ночи непроглядна. Прелесть цветов сливы-то не видна, но аромат скроется ли?' (стоит после подлежащего).

Юки ***косо*** *фуранай га наканака самуй хи дэсӯ* 'Снег-то не идет, но день очень холодный' (то же).

Коно о-тэ ***косо*** *хйсасику минэ* (Уцубо-моногатари) 'Вот эти руки давно не видел' (заменяет падежное служебное слово).

Корэ дакэ ***косо*** *хоммоно расий* 'Вот только это похоже на настоящее' (стоит после наречного служебного слова).

Тя-о ***косо*** *нонда га сакэ ва номанай* 'Чай-то я выпил, а сакэ не пью' (стоит после падежного служебного слова).

Мукаси ***косо*** *ёсо-ни мо миси ка...* (Манъёсю, 474) 'В прошлом [не] казалась ли [она] чужой?' ('не смотрела ли на нее со стороны') (стоит после наречного определения).

Ё косо *ирассяимасйта* 'Вот хорошо, [что] пришли' (в смысле 'Добро пожаловать!') (то же).

Аки-но цую ироироготони окэба ***косо*** *яма-но ко-но ха-но тигуса нарураму* (Кокинсю) 'Именно потому, что осенняя роса ложится с окраской, и листва деревьев в горах бывает тысячи цветов (стоит после союзного служебного слова).

2) В древних памятниках встречаются случаи, когда при наличии *косо* в качестве соотносительного слова в окончании стоит не заключительная форма, а приименная. Это можно встретить лишь тогда, когда заключительным словом является предикативное прилагательное или служебный глагол, спрягающийся как такое прилагательное.

... *убэси* ***косо*** *миру хйтогото-ни катарицуги синобикэрасйки* (Манъёсю, 1065) 'Это так! Кто ни посмотрит, вероятно, будет рассказывать, передавать [из века в век] и с любовью вспоминать'.

... *Яма таками кава тодзироси, ну-о хироми куса* ***косо*** *сигэки* (Манъёсю, 4011) 'Оттого, что горы высоки, реки величавы, оттого, что поля широки, трава густа'.

3) *Косо* в конце предложения. И этот случай наблюдается только в памятниках периода Нара.

... *ӯмэ-га хана тирадзу ари* ***косо*** *омоу ко-га тамэ* (Манъёсю, 845) '...хочу, чтобы не опали цветы сливы, ради милой'.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

... *кими-га макура ва имэ-ни миэ* ***косо*** (Манъёсю, 685) '...если б твое изголовье привиделось во сне!'

В этих примерах *косо* имеет значение желания, о чем уже упоминалось выше; следует обратить внимание на то, что в данном случае оно присоединяется к приёгэнной форме стоящего впереди ёгэна. В нижеследующем примере *косо* стоит в конце предложения, и кажется, что оно представляет собою заключительное слово, однако оно не присоединено к приёгенной форме и не выражает значения желания. Здесь *косо* употреблено как соотносительное слово, а соответствующее ему окончание опущено. (В «Манъёсю» такое употребление встречается в следующих шести стихотворениях: 416, 704, 1377, 3201, 3216, 3574, а также в приведенном ниже.)

Коно ока-ни осйка фумикоси уканэраи камокамо сураку кими ***юэ-ни косо*** (Манъёсю, 1576) 'У этого холма, преследуя молодого оленя, следят и целятся, всячески стараясь [попасть], [все это] ради тебя'.

4) Иногда ***косо***, употребленное как соотносительное слово, присоединяется к завершенной форме ёгэна. Для выяснения значения в этом случае перед *косо* допустимо вставить союзное служебное слово *ба*, что дает правильное значение; однако это вовсе не означает, что *ба* было опущено. Такую позицию *косо* следует объяснять тем, что в древности завершенная форма самостоятельно выражала условие.

Нагэкицуцу масура оноко-но коурэ ***косо*** *вагамотоюи-но хидзитэ нурэкэрэ* (Манъёсю, 118) 'Оттого, что [меня], печалясь, любит отважный витязь, [моя] повязка в волосах промокла [от слез]'.

Нотисэяма ноти мо аваму то омоэ ***косо*** *синубэки моно-о кёмадэ мо икэрэ* (Манъёсю, 739) 'Оттого, что [я] думаю о том, что гора Нотисэяма [сказала] «потом увидимся», тот, кто должен умереть, может жить до сих пор'.

5) Среди слов, которые можно считать однородными с *косо*, имеются слова *косэ*, *косу*:

Касуми тацу Касуга-но сато-но ўмэ-но хана яма-но араси-ни тири ***косу*** *на юмэ* (Манъёсю, 1437) 'Цветы сливы в селении Касуга, где пал туман, никогда не опадайте от бури в горах'.

Кроме указанных случаев, в памятниках периода Хэйан встречается следующая повелительная форма:

Тобу хотару кумо-но уэ-мадэ инубэку ка акикадзэ фуку то кари-ни цугэ ***косо*** (Исэ-моногатари) 'Летающий светлячок, [ты] можешь залетать в облака, поведай диким гусям, что дует осенний ветер'.

Во всяком случае, *косэ* и *косу* спрягаются по нижнему двухступенчатому спряжению; как то, так и другое имеют значение

желания; одинаково присоединяются к приёгэнной форме спрягаемых слов; и, судя по тому, что самостоятельно они не могут служить сказуемым, вероятно, правильней будет отнести их в разряд служебных глаголов[53]. Если к ним присоединить еще *косо*, которое ставится в конце предложения, то получится трехступенчатое спряжение. Однако примеров на приименную и завершенную формы не обнаружено. Я присоединяюсь к теории служебного глагола, которая считает, что когда *косэ* и *косу* отмерли, осталось только *косо*, которое как часть речи перешло в разряд служебных слов и превратилось в слово с указательным значением.

6) В период Хэйан соотносительное служебное слово *косо* употреблялп в значении оклика. При этом оно присоединялось к тайгэну в звательной позиции.

Угон-но кими ***косо***, *мадзу мономитамаэ* (Гэндзи-моногатари) 'Угóн-но кими, посмотри!'

Отōдо ***косо***, *корэ нао мōсинаоситамаэ* (Сагоромо-моногатари) 'Отодо, скажи это еще раз'.

Относительно *косо* в таком употреблении следует отметить, что оно, несомненно, представляет собою результат развития соотносительного служебного слова в указательное, и рассматривать это *косо* как соотносительное служебное слово не следует. Его надо отнести к междометийным служебным словам, что вытекает из сравнения с *ё* и *я* в таких примерах, как: *Тарō ё, доко-ни ику ка*? 'Таро, куда идешь?', *о-Хана я, тётто ойдэ* 'о-Хана, поди-ка сюда!'

7) Среди приведенных выше примеров встречается несколько примеров из разговорного языка. Дополним их:

Отоси ***косо*** *сурэ, хиротта кото ва най* 'Уронил, а не подобрал'.

Сайго мадэ ***косо*** *минакатта га, тайтэй ва вакатта цумори да* 'До самого-то конца я не смотрел, но надеюсь, что в общем понял'.

Кондо ***косо*** *отото-о цурэтэ маиримасу* 'Уж на этот раз я приеду с младшим братом'.

Осйтэ мо хийтэ мо угокаба ***косо*** 'Хоть подтолкнуть, хоть потянуть, лишь бы сдвинуть'.

8) Начиная с периода Камакура и в период Муромати появляются слова *годзаннарэ*, *косаннарэ*. Считается, что первое из них представляет стяжение от *ни косо ару нарэ*, 'есть именно так', а второе — от *косо ару нарэ* (то же).

Ё-но нака ва има ва кō косаннарэ (Хэйдзи-моногатари) 'Мир теперь вот именно таков'.

Мацуо Сутэдзиро считает, что эти слова следует рассматривать, как междометия[54]. Однородным словом является *годзанмэрэ*. *Мэрэ*, по-видимому, представляет собой завершенную форму от *мэри*.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

8. *На* (な)

Это соотносительное служебное слово, выражающее запрещение В современном разговорном языке оно употребляется только в конце предложения, поэтому его следует рассматривать там как заключительное служебное слово. В древнем письменном языке оно имело двоякое употребление: и как соотносительное слово и как заключительное. При употреблении его в качестве соотносительного слова глагольное сказуемое ставилось в приёгэнной форме (если этот глагол сопровождался служебным глаголом, то и последний, как правило, принимал приёгэнную форму), к которой добавлялось еще *со* (считается, что это *со* представляет собою неозвонченное соотносительное служебное слово *дзо*. Следовательно, значение запрещения заключено в *на*, а не в *со*). Обычно такая форма называлась *насо*. Глаголы неправильного спряжения по столбцам *ка* и *са* принимают не приёгэнную, а незавершенную форму. Наименование *насо* отражает, что в *правильной форме на и со согласуются друг с другом*. Фактически имеются следующие три вида:

1) *на* (встречается в «Манъёсю»);
2) *на со* (встречается и в «Манъёсю» и в «Кокинсю»);
3) — *со* (встречается в памятниках периода Инсэй-Камакура).

Реальные примеры:

1) *Ва-га фунэ ва Хира-но минато-ни когихатэму оки-э* ***на сакари***, *саё фукэникэри* («Манъёсю, 947) ‘Моя лодка пристала к гавани Хира. **Не отплывай** на взморье, уже поздняя ночь’.

2) *Иноти араба ау кото мо араму. Вага юэ-ни хата* ***на омои со***, *иноти дани хэба* (Манъёсю, 3745) ‘Если будет жизнь, будут и встречи; **не тоскуй** же так из-за меня, ведь только бы была жизнь’.

3) *Самадзамани тигирисарарури ми-но уса-ни итодо цураса-о* ***мусугикатамэ со*** (Торикаэбая-моногатари) ‘**Не прибавляй** еще большей горечи к печали того, кому всячески клялись [в любви]’.

Третий тип представляет собою эллипсис; здесь нет запретительного слова, и хотя этот тип употребляется в значении запрещения, но это, вероятно, неправильность. Относительно того, как образовался такой способ выражения, Мацуо Сутэдзиро говорит:

«Одно из этих слов — *насэсо* (в период Асикага также *насисо*) представляет собою соединение незавершенной формы глагола неправильного спряжения ряда *са* с *на...со*; его ошибочно истолковали как глагол четырехступенчатого спряжения по столбцу *са* — *насэ*, *наси*, к которому присоединено *со*, а затем уподобили ему и другие слова» [55]. Однако можно ли так просто объяснить все одним эллипсисом? Как уже говорилось в предыдущей главе о служебных глаголах отрицания, существуют три теории о категориальной принадлежности *на*, рассматривающие его 1) как слу-

жебный глагол, 2) как наречие, 3) как соотносительное служебное слово. Я присоединяюсь к последней. Употребление *на* в конце предложения для выражения запрещения соответствует заключительному способу употребления других соотносительных служебных слов. Как правило, *на* в этом случае присоединяется к заключительной форме спрягаемых слов. Только у глаголов неправильного спряжения по столбцу *ра* оно присоединяется к приименной форме.

1) Соотношение со словами, стоящими перед и после *на*:

На может замещать падежное служебное слово и стоять после него, оно может стоять и между двух ёгэнов. Приведем еще и другие примеры.

Сӯкисӯкиса мо хйто ***на*** *тогамэ со* (Гэндзи-моногатари) 'За любопытство, люди, не упрекайте' (стоит после подлежащего).

Киригирису итаку ***на*** *наки со* (Кокинсю̄) 'Сверчки, сильно не верещите' (стоит после наречного определения).

Акигири ва кэса ва ***на*** *тати со* (Кокинсю) 'Осенний туман, сегодня утром не падай' (стоит после соотносительного слова).

2) *На* в конце предложения.

Вага сэко-га каэри кимасаму токи-но тамэ иноти нокосаму васурэтамау ***на*** (Манъёсю̄, 3774) 'Ради того часа, когда мой милый придет домой, я останусь жить, не забывай [это]'.

Фую-но икэ-ни суму ниодори но цурэ мо наку соко-ни каёу то хйто-ни сирасу ***на*** (Кокинсю̄) 'Не говори людям, что птица ниодо́ри, живущая на́ зимнем пруду, ходит туда без пары'.

3) Что касается различия между *на* и *на.....со*, то об этом говорится в разделе о запретительном *на нани со* в «Аюйсё».

9. *Саэ* (さへ)

Служебное слово письменного языка *саэ*, бесспорно, является наречным служебным словом, но в разговорном языке *саэ* — соотносительное служебное слово, потому что оно обладает всеми функциональными особенностями, которые имеют другие соотносительные служебные слова. Наречное служебное слово письменного языка перешло в соотносительное служебное слово разговорного языка. Таким образом, само собою разумеется, что соотносительное служебное слово разговорного языка *саэ* имеет значение наречного служебного слова *саэ* письменного языка и, кроме того, совмещает в себе значения наречных служебных слов письменного языка *дани* и *сура*. Что касается значения *саэ*, то особенности его как соотносительного служебного слова следующие:

1) Присоединяется к субъектной позиции:

Рёкӯ-ни ва канэ ***саэ*** *арэба ёй* 'В путешествии были бы только деньги'.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Амэ ***саэ*** *фуранакэрэба кэккō да* 'Хорошо, если б хоть дождя не было'.

2) Замещает падежное служебное слово:

О-тя ***саэ*** *кудасарэба ёросий* 'Хорошо, если дадите хоть чаю'.

Миру кото ***саэ*** *юрусанай* 'Не разрешают даже посмотреть'.

3) Стоит после падежного служебного слова:

Корэ-гурайно кото ва кодомо-ни ***саэ*** *дэкиру* 'Такая вещь по силам даже ребенку'.

Сēгаккō-о ***саэ*** *соцугē-синай* 'Не окончил даже начальной школы'.

Тōкē-э ***саэ*** *итта кото-га наи* 'Даже в Токио никогда не бывал'.

Это *саэ* никогда не ставится перед падежным служебным словом.

Здесь мы видим ту же характерную особенность, что и у других соотносительных служебных слов.

4) Стоит после наречного служебного слова:

Киндзё ***мадэ саэ*** *икэнаку наттэ симатта* 'Не может больше ходить даже неподалеку'.

Ками ***дакэ саэ*** *сēти-сурэба сорэ-дэ ей-но да* 'Довольно, если б хоть только ты согласился'.

Здесь *саэ* стоит после наречного служебного слова, но оно никогда не ставится перед наречным служебным словом, что является одной из особенностей соотносительных служебных слов.

5) Употребляется в сочетании с другими соотносительными служебными словами.

Хана ***саэ мо*** *саканай* 'Даже цветы не цветут'.

Кийтэ ***саэ мо*** *акирэру* 'Только услышав, почувствовал отвращение'.

Токо-но уэ-дэ нэгаэри-суру ***саэ мо*** *курусий* 'Даже повернуться на постели тяжело'.

Возможность сочетания с другими соотносительными служебными словами является также одной из особенностей соотносительных служебных слов.

Таким образом, поскольку, как показано выше, *саэ* обладает всеми функциональными особенностями соотносительных служебных слов, несмотря на присутствие в значении его элементов наречных служебных слов, его следует отнести к разряду соотносительных служебных слов.

Употребление *саэ* по его значению следующее:

1) Отчетливо выделяет какой-либо один предмет, давая возможность предположительно судить о других предметах, благодаря чему подчеркивается то, что находится перед сказуемым

Мидзу ***саэ*** *нодо-ни тōранаку натта* 'Даже воду не могу проглотить'.

Карэ-но ēна гакӱся-дэ ***саэ*** *коно мондай-ни ва коматта* 'Даже такой ученый, как он, затруднялся в этом вопросе'.

Тада миру ***саэ*** *ияна кото да* 'Даже смотреть противно'.

В приведенных примерах *саэ* соответствует в основном значению *сура* в письменном языке, но встречаются и такие примеры, где *саэ* выражает значение *дани*. В следующих примерах *саэ* хотя как будто и стоит в той же позиции, что и выше, но имеет значение *мадэ* 'вплоть до':

Хадзимэ ва мотирон овари ***саэ*** *риппа-ни дэкита* 'Не говоря уже о начале, но и конец выполнен превосходно'.

Томодати ***саэ*** *карэ-о микагиттэ симатта* 'Даже друзья [и те] отвернулись от него'.

2) Показывает, что одному обстоятельству сопутствует еще и другое, благодаря чему подчеркивается предшествующее сказуемому слово:

Кадзэ-га фуку нони амэ ***саэ*** *футтэ кита* 'Ветер дует, а еще и дождь пошел'.

Ани-га бёки дэ ару токоро-э отōто ***саэ*** *нэкондэ симатта* 'Старший брат болен, а тут еще и младший слег'.

Здесь основное значение *саэ* письменного языка без изменения перенесено в разговорный язык.

3) Выражает значение *дакэ* 'только' и подчеркивает часть фразы перед сказуемым. В этом случае после него обычно следует слово со значением *нара* 'если'.

Рэкйси ***саэ*** *мантэн нара итибан датта нони* 'Если б только по истории получить высшую оценку, был бы первым учеником'.

Фудэ ***саэ*** *арэба сугу кайтэ агэмасē* 'Если только есть кисть, я сейчас же вам напишу'.

Ато ва тити-но икэн-о кики ***саэ*** *сурэба ёй но да* 'А в остальном хорошо, если только прислушается к мнению отца'.

Нэцу-га хикуку ***саэ*** *нарэба ансин дэсу* 'Если б только упала температура, я успокоился бы'.

У спрягаемых слов *саэ* присоединяется к приёгэнной форме.

Во всех приведенных примерах *саэ* разговорного языка употреблено как соотносительное слово.

10. *Дэмо* (でも)

Это служебное слово, встречающееся только в разговорном языке. Оно показывает предмет с его наименее значительной стороны, предоставляя возможность судить о других сторонах, благодаря чему подчеркивается то, что предшествует сказуемому. По значению похоже на *дани* письменного языка, поэтому его следовало бы отнести к наречным служебным словам, но функционально оно, как и рассмотренное выше *саэ*, имеет особенности соотносительных служебных слов и поэтому отнесено в разряд последних. Перечислим особенности *дэмо* как соотносительного служебного слова:

1) Присоединяется к субъектной позиции:

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Хима ***дэмо*** *дэкитара о-укагаи сиё* 'Как выдастся хоть свободная минута, навещу вас'.

Ёдзин ***дэмо*** *китара тадзунэтэ миё* 'Если зайдет хоть товарищ, спрошу его'.

2) Замещает падежное служебное слово:

Тя ***дэмо*** *дасимасё ка* 'Подать хоть чай?'

Ю ***дэмо*** *мидзу* ***дэмо*** *номитай* 'Хочется выпить хоть горячей, хоть холодной воды'.

3) Стоит после падежного служебного слова:

Ками-га иранай нара отото-ни ***дэмо*** *ярё* 'Если тебе не нужно, отдадим хоть младшему брату'.

Корэ-о ***дэмо*** *каттэ окё* 'Купим хоть это'.

Дарэ-то ***дэмо*** *асондэ кинасай* 'Сходи, поиграй хоть с кем-нибудь'.

Как показано в примерах, *дэмо* стоит после падежного служебного слова, но никогда не ставится перед ним, что составляет одну из особенностей соотносительного служебного слова.

4) Стоит после наречного служебного слова:

Сэито ***надо дэмо*** *сорэ гурай-но ромбун ва какэмасу* 'Даже ученик напишет такую работу'.

Сорэ-гурай ***дэмо*** *маниаё* 'Хоть так поспеем'.

Как видно из примеров, *дэмо* ставится после наречного служебного слова, но никогда не ставится перед ним. В этом также состоит одна из особенностей соотносительного служебного слова.

5) Стоит после наречия:

Тётто ***дэмо*** *ёй кара мисэтэ хосий* 'Хоть на минутку довольно, так покажите?'

Сукоси ***дэмо*** *о-тэцудаи симасё* 'Помогу вам хоть немного'.

О происхождении *дэмо* существует несколько теорий: считается, что оно ведет свое начало от союзного служебного слова ***тэмо***; далее, что оно представляет собою стяжение *нитэ мо*; что оно является сочетанием падежного служебного слова *дэ* и соотносительного служебного слова *мо*.

Следует обратить внимание, что существует одинаковое по форме с данным *дэмо* не соотносительное служебное слово *дэмо*; их нельзя смешивать.

1) Бывает, что союзное служебное слово *мо*, присоединяясь к союзному же служебному слову *тэ*, образует сочетание *тэ мо*, которое затем в результате фонетического изменения под влиянием впереди стоящего слова превращается в *дэ мо*:

Икура ōгоэ-дэ *ёндэ* ***мо*** *кикоэнакатта* 'Как громко ни звали, не услышал'.

Ната-но го-он ва синдэ ***мо*** *васурэмасэн* 'Вашу заботу не забуду, даже умирая'.

В этих примерах *ёндэ мо* есть фонетическое изменение *ёбитэ мо*, а *синдэ мо* — фонетическое изменение *синитэ мо*.

2) Существует *дэмо*, образовавшееся путем присоединения союзного служебного слова *мо* к окончанию срединной формы *дэ* адъективного глагола:

Кадзэ ва сидзука дэ мо амэ ва хагэсий 'Хотя ветер тихий, но дождь ужасный'.

Као ва кирэй дэ мо кокоро ва миникуй 'Хотя лицо красивое, но душа черная'.

В этих примерах *сидзука дэ* и *кирэй дэ* — срединная форма адъективного глагола, а *мо* — союзное служебное слово, а не служебное слово *дэмо*, присоединенное к тайгэнам *сидзука* и *кирэй*. О том, что *сидзука* и *кирэй* не являются тайгэнами, уже подробно говорилось в разделе об адъективном глаголе.

3) Встречаются случаи, когда соотносительное служебное слово *мо* присоединяется к падежному служебному слову *дэ* и не образует единого служебного слова *дэмо*:

Тōан-ва пэн-дэ мо эмпицу-дэ мэ какэру 'Ответы можно писать и пером и карандашом'.

В этом примере *дэ* является падежным, а *мо* — соотносительным служебным словом; *дэ мо* представляют собою два самостоятельных слова, которые сочетаются в разных значениях. Если сказать: *Тōан-ва пэн-дэ дэмо эмпицу-дэ дэмо какэру* 'Ответы можно писать хоть пером, хоть карандашом', то стоящее впереди *дэ* будет падежным служебным словом, а стоящее далее *дэмо* — отдельным соотносительным служебным словом, так что здесь *дэмо* — самостоятельное слово, употребленное в своем особом значении; оно не должно смешиваться с первым *дэ мо*.

4) Встречается и *дэмо*, образованное путем присоединения соотносительного служебного слова *мо* к срединной форме служебного глагола-связки *да*:

Коно ки ва умэ дэ мо сакура дэ мо най. Момо-но ки да 'Это дерево—и не слива и не вишня. Это персик'.

В данном примере *дэ* представляет собою срединную форму служебного глагола-связки *да*; в нем заключено значение связки *дэ ару, дэсу* 'есть'. К нему присоединено соотносительное служебное слово *мо*. Следовательно, здесь *дэ мо*, несомненно, представляют собой два самостоятельных слова, а не соотносительное служебное слово *дэмо*. Их необходимо отчетливо различать.

11. *Хока* (ほか), *сйка* (しか)

Эти соотносительные служебные слова встречаются только в разговорном языке. Они выделяют один предмет, отвергая все остальные (за исключением одного, все остальное не принимается во внимание), благодаря чему усиливается смысл высказывания. Заключающее такое высказывание сказуемое непременно должно быть словом с отрицательным значением. *Хока* ведет свое про-

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

исхождение от тайгэна *хока* (外) 'вне'. *Сйка* представляет собою стяжение *сйки ва*. Причем одни считают, что *сйки* имеет значение *сйкири* 'непрерывно', другие же утверждают, что *си* в слове *сйка*, как и *си* в сочетании *ми-ни си арэба* (見にしあれば), имеет значение *сорэ*. Наиболее любопытной является первая из этих теорий. Она заставляет вспомнить о том, что вместо *сйка* употребляется слово *кири*.

По значению слово *сйка* соответствует словам *номи* в письменном языке и *дакэ* в разговорном (вместо *сйка* можно употреблять *дакэ*, причем значение не изменится, если заменить отрицательное сказуемое на положительное; например, *ватакӯси сйка сиранай* '[никто], кроме меня, не знает' значит то же самое, что *ватакӯси дакэ ситтэ иру* 'Только я [один] знаю'. Отсюда ясно, что *сйка* похоже на *дакэ*).

Таким образом, по значению *сйка* можно принять за наречное служебное слово; но ввиду того, что функционально оно имеет характерные черты соотносительного служебного слова, оно отнесено к последним. *Сйка* употребляется только как соотносительное слово; в окончании оно не встречается.

1) Присоединяется к субъектной позиции:

Яма ***хока*** *(или* ***сйка****) миэнай* '[Ничего], кроме гор, не видно'.

2) Замещает падежное служебное слово:

Ватакӯси корэ ***сйка*** *(****хока****) моттэ имасэн* 'Кроме этого, я [ничего] не имею'.

3) Стоит после падежного служебного слова:

*Санъэн-****но сйка*** *(****хока****) най* 'За исключением трех иен, [ничего] нет'.

*Мидзу-****о хока*** *(****сйка****) номанай* 'Кроме воды, [ничего] не пью'.

*Сонна кото ва усо-****то сйка*** *(****хока****) омоварэнай* 'Такую вещь нельзя считать [ничем] иным, как ложью'.

*Коно сина ва Бэйкоку-****кара сйка*** *(****хока****) юнӯ-сарэнай* 'Этот товар [ниоткуда], кроме как из Америки, не ввозится'.

*Нэру-****ёри хока*** *сйката-га най* '[Ничего] делать не остается, кроме как спать'.

Как видно из этих примеров, *хока* и *сйка* могут следовать за падежным служебным словом, но никоим образом не могут стоять перед ним. Это—одна из особенностей соотносительных служебных слов.

4) Стоит после наречного служебного слова:

*Кёто-****мадэ хока*** *(****сйка****) иканай* 'Дальше Киото не ездил'.

*Ватакӯси-ни ва корэ-****гурай хока*** *(****сйка****) дэкимасэн* 'Я большего сделать не могу'.

Как видно из этих примеров, *хока* и *сйка* могут стоять после наречного служебного слова, но не могут находиться перед ним, что также составляет особенность соотносительного служебного слова.

5) Следует за наречием:

Тётто сйка *као-о мисэнакатта* '[Он] показался только на минутку'.

Сибараку хока (сйка) *тайдзай-дэкинай* 'Могу остаться только ненадолго'.

В следующих примерах ***хока*** и *сйка* присоединены не к наречиям, а к наречным определениям:

Райкяку ва саннин сйка (хока) *накатта* 'Гостей пришло только три человека'.

Вадзука ***сйка*** *нокоттэ инай* 'Осталось только немного'.

Марэни ***хока*** *яттэ конай* 'Только изредка приходит'.

В этих примерах *саннин* 'три человека' представляет собою числительное в позиции наречного определения, *вадзука* 'немного' — основу адъективного глагола, *марэни* 'редко' — наречную форму адъективного глагола, а все вместе — наречные определения.

Сйка иногда произносится *сйкя*, *цӳка*, однако это не является языковой нормой.

Райкяку ва саннин ***сйкя*** *накатта* 'Гостей было только три человека'.

Имада итидо ***цӳка*** *итта кото-га най* 'Пока был только один раз'.

12. *Даттэ* (だって)

Даттэ — вероятно, сокращение от *да тотэ мо* 'хотя есть...' Это соотносительное служебное слово, употребляющееся только в разговорном языке и имеющее такое же значение.

1) Стоит после субъектной позиции:

Мэйесин ***даттэ*** *ару* 'Есть ведь чувство чести'.

Юки ***даттэ*** *фуру ё* 'Ведь снег идет'.

2) Замещает падежное служебное слово:

Эйго ***даттэ*** *ханасэру си, нани* ***даттэ*** *ярō-то омоэба ярэру* 'И по-английски говорит, и что бы ни задумал сделать, все может'.

3) Стоит после падежного служебного слова:

Омаэ-ни ***даттэ*** *дэкиру хадзу да* 'Ведь ты должен справиться'.

Гайкоку-э ***даттэ*** *итта кото-га ару* 'Ведь за границу ездил'.

Даттэ никогда не ставится перед падежным служебным словом. В этом его особенность как соотносительного служебного слова.

4) Стоит после наречного служебного слова:

Дорэ ***дакэ даттэ*** *камаванай кара кудасай* 'Дайте, все равно который'.

Сорэ-курай ***даттэ*** *кэккō да* 'Столько будет вполне достаточно'.

Даттэ никогда не ставится перед наречным служебным словом. Это также одна из особенностей соотносительного служебного слова.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

13. *Нарито* (なりと)

Это соотносительное служебное слово встречается только в разговорном языке. Содержит легкое указание на выбор одного предмета из многих. Особенности его как соотносительного служебного слова проявляются в нижеследующих примерах.

1) Стоит после субъектной позиции:

Хана ***нарито*** *сакэба ий нони* 'Хорошо, если бы хоть цветы зацвели'.

2) Замещает падежное служебное слово:

О-тя ***нарито*** *нондэ кудасай* 'Выпейте хоть чаю'.

Хон ***нарито*** *касйтэ кудасай* 'Одолжите хоть книжку'.

3) Стоит после падежного служебного слова:

Доко-э ***нарито*** *иттэ симаэ* 'Уходи хоть куда-нибудь'.

Сампо-ни ***нарито*** *дэкакэ̄* 'Выйдем хоть на прогулку'.

4) Стоит после наречного служебного слова:

Иссацу ***дакэ нарито*** *каттэ хосий* 'Хочется, чтобы купили хоть один экземпляр'.

5) Сочетается с другими соотносительными словами:

Юдзин ***нарито мо*** *кйтэ курэрэба ѐй га* 'Хорошо,если б хоть товарищ пришел .

VI. СОЮЗНЫЕ СЛУЖЕБНЫЕ СЛОВА

Союзные служебные слова (сэцудзоку-дзёси 接續助詞) Опуки Фумихико отнес к третьему разряду служебных слов. Союзные служебные слова, присоединяясь к глаголам, предикативным прилагательным, адъективным глаголам и служебным глаголам, соединяют их со следующим предложением или частью предложения, содержащими глагол, предикативное прилагательное или адъективный глагол. Д-р Ямада говорит: «Союзные служебные слова имеют своей основной задачей соединение равноправных фраз в одно целое; они соответствуют тем словам, которые в грамматиках английского и немецкого языка названы сочинительными союзами и соединительными союзами; в этом и проявляется сущность так называемых союзов. Таким образом, служебные слова подобного рода соединяют в одно целое отдельные фразы, которые, будучи равноправными, путем соединения образуют предложение, выражающее общую для них мысль. Прежняя теория, что такого рода служебные слова играют вспомогательную роль по отношению к ёгэну, поверхностна; они ни в коем случае не несут вспомогательной функции при ёгэне как при отдельном слове Они придаются ёгэну только тогда,

когда он употреблен в предикативной позиции, и при этом основное назначение их — соединять между собой мысли»[56].

Канодзё ва ёбо уцўкўсйкэрэдомо кокоро миникуси (п. я.) 'У нее прекрасная внешность, но черная душа'.

В приведенном примере служебное слово *домо* соединяет *канодзё ва ёбо уцўкўси* (ввиду того, что дальше следует *домо*, вместо *уцўкўси* стоит завершенная форма этого слова *уцўкусйкэрэ*) и *кокоро миникуси*. Иначе говоря, оно выполняет задачу соединения двух предложений — стоящего впереди и последующего. Одновременно, имея противительное значение, оно указывает, что далее следует высказывание противоположного смысла.

Таким образом, рассматривая союзные служебные слова, необходимо обратить внимание на следующих три момента:

1) Что с чем они соединяют.
2) В каком значении они соединяют.
3) Какие части речи и в какой форме они соединяют.

Бесспорно, на эти же моменты следует обращать внимание и при классификации союзных служебных слов. Так, если классифицировать, исходя из второго положения, то картина будет такова:

Таблица 69

Виды условной связи и союзные служебные слова (1)

Условие				Изложение	
Предположительное		Достоверное		Разновременное	Одновременное
Прямая связь (順說)	Обратная связь (逆說)	Прямая связь	Обратная связь [20]		
ба (п. я., р. я.)	*то* (п. я., р. я.)	*ба* (п. я., р. я.)	*до* (п. я.)	*тэ* (п. я., р. я.)	*тэ* (п. я., р. я.)
			домо (п. я.)	*дэ* (р. я.)	*нагара* (то же)
то (то же)	*томо* (то же)	*то* (р. я.)	*мо* (п. я.)	*си* (р. я.)	*цуцу* (то же)
			тэмо (р. я.)		*то* (р. я.)
			ни (п. я., р. я.)		
	мо (то же)	*кара* (р. я.)	*нони* (р. я.)		*си* (р. я.)
	тэмо (р. я.)	*нодэ* (р. я.)	*о* (п. я.)		
	дэмо (р. я.)		*моноо* (р. я.)		
			га (п. я., р. я.)		
			токорога (р. я.)		
			кэрэдо (р. я.)		
			кэрэдомо (р. я.)		

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Если классифицировать, исходя из третьего положения, то получится следующее:

1) присоединяющиеся к незавершенной форме:	*ба, дэ, до* (ограничены только предикативными прилагательными и служебным глаголом, имеющим их форму); *томо* (то же).
2) присоединяющиеся к приёгэнной форме:	*мо* (только к предикативным прилагательным), *тэмо, тэ, дэмо, цуцу, нагара.*
3) присоединяющиеся к заключительной форме:	*то* (только к самостоятельным глаголам и служебным глаголам, имеющим глагольную форму), *томо* (то же), *кэрэдо, кэрэдомо, си.*
4) присоединяющиеся к приименной форме:	*мо, га, ни, о, нони, моноо, токорога, кара, нодэ.*
5) присоединяющиеся к завершенной форме:	*ба, до, домо.*

Остановимся вкратце на значении и употреблении каждого из союзных служебных слов.

1. ***Ба*** (は)

Ба встречается как в письменном, так и в разговорном языке. Указывает на прямую связь с условием. (Существует теория, согласно которой *ба* не обозначает условия, а только соединяет предыдущее с последующим, но на страницах данной книги она не учитывается. Однако нужно с вниманием отнестись к тому мнению, что *ба* происходит от соотносительного служебного слова *ва.*)

1) При присоединении к незавершенной форме спрягаемых слов письменного языка выражает предположительное, еще не осуществившееся условие.

Угуису-но тани-ёри идзуру коэ ***накуба*** *хару куру кото-о дарэ ка сирамаси* (Кокинсю) **'Если б не было** голоса соловья, доносящегося из долины, то кто бы **знал, что** приходит весна'.

Кадзэ ***сидзука нараба*** *сэнсюцу-субэси* (п. я.) 'Если ветер будет тих, корабль отойдет'.

2) При присоединении к завершенной форме спрягаемых слов письменного языка выражает с достоверностью уже осуществленное условие:

Атарисйки тоси-но хадзимэ-ни омоудоти ***имурэтэ арэба*** *урэсйку мо ару ка* (Манъёсю, 4284) **'Так как** в начале нового года милые друзья **собрались** вместе, радостно [мне]'.

Орицурэба *содэ косо ниоэ умэ-но хана ари я то коко-ни угуису-но наку* (Кокинсю) 'Оттого что [я] отломал [ветку сливы], рукав благоухает. А соловей здесь поет, что есть цветы сливы'.

Кадзэ сидзука ***нарэба*** *сэнсюцу-ситари* (п. я.) 'Так как ветер был тих, корабль вышел'.

Следует отличать достоверное осуществившееся условие от предположения о нем:

Иттан канкю ***арэба*** *гиюкō-ни хōдзи моттэ тэндзё-мукю-но кōун-о фуёку-субэси* (п. я.) 'Если вдруг возникнет опасность, надлежит пойти на службу государству и тем самым поддержать судьбы императорской власти' [21].

(Относительно *ба* см. гл. IV данной книги о глаголе, об употреблении незавершенной формы — стр. 149 и завершенной формы стр.161—164.)

3) В разговорном языке *ба*, присоединяясь к условной (завершенной) форме спрягаемых слов, указывает предположительно на прямую связь с еще не осуществленным условием.

Хана-га ***сакэба*** *ми-ни юкō* 'Когда расцветут цветы, пойдем смотреть'.

Найё-га омосирокэрэба каимасē 'Если содержание будет интересно, [я] куплю'.

В следующих примерах *ба* присоединено к условной форме, но не обозначает условия. Этому употреблению соответствует употребление в письменном языке (случай 2).

Мирэба *мада тоси-но вакай хйто да* 'Когда [я] посмотрел [то увидел, что он] еще молодой человек'.

Нагакэрэба *косо киру-но да* 'Надо отрезать, потому что длинно'.

Ниже даются примеры на предположение осуществившегося условия, как и в письменном языке:

Цунэни эйсэй-ни ***тюи-сйтэ ирэба*** *симпай ва най* 'Если постоянно соблюдать условия гигиены, то нечего беспокоиться'.

Ундō саэ сурэба *кэкō-ни нару* 'Если только заниматься спортом, будешь здоров'.

4) В следующих примерах мы также имеем дело с разговорным языком, но это разговорный язык письменного стиля, а не чисто разговорный:

Миэ мо кадзари мо ***араба косо*** 'Потому что есть и [надлежащий] вид, и украшения'.

Овадзуба *нарумай* 'Надо нагнать'.

Кроме того, приведенные выше примеры могут также объяснить употребление *ба*, представленного в «Кōгохō», а именно: сравнение с обстоятельствами, соответствие обстоятельствам, совпадение обстоятельств, причинное значение и т. д.[57]

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

2. **То** (と)

1) В письменном языке *то*, присоединяясь к заключительной форме глаголов и служебных глаголов глагольного типа, а также к незавершенной форме предикативных прилагательных и служебных глаголов этого же типа, выражает предположение об обратной связи с неосуществленным условием. Однако в современном письменном языке такое *то* не употребляется.

Э-ни каку ***то*** *фудэ мо оёбадзи* (Хорикава-хякусю) 'Если написать картину, даже кисть не передаст'.

2) В разговорном языке, присоединяясь к заключительной форме спрягаемых слов, *то* употребляется, когда:

а) обозначает предположение о прямой связи с еще не осуществленным условием:

Амари ***сябэру то*** *цукарэру дарō* 'Если будешь много болтать, устанешь'.

Хаяку ***каэранай то*** *симпай-суру дэсē* 'Если не вернешься скоро, [я] буду беспокоиться';

б) обозначает предположение о прямой связи с осуществленным условием. Этот случай необходимо отличать от предыдущего случая:

Амари ***сяэру то*** *цукарэру* 'Когда много болтаешь, то устаешь'.

Хаяку ***каэранай то*** *симпай-суру* 'Когда не возвращаешься скоро, [я] беспокоюсь';

в) обозначает, что два факта существуют одновременно. Хотя здесь и высказывается прямая связь, но значения условия нет; здесь просто союзное употребление. Это — одновременное изложение:

Рēкō-кара ***каэру то*** *бēки-ни натта* 'Когда я возвратился из путешествия, то заболел'.

Ути-э ***хаиру то*** *амэ-га фуридасита* 'Когда я зашел внутрь, пошел дождь'.

Согласно одной из теорий, это *то* является тем же самым существительным *то*, которое употреблялось в древности и имело значение *токи* 'время'.

Вага ядо-но мацу-но э а мицуцу арэ матаму хая ***каэримасэ коисинанў то ни*** (Манъёс о, 3747) 'Я буду ждать, глядя на иглы сосны у моего дома. Скорее возвращайся [в такое время], когда [я еще] не умерла любя .

Если это действительно так, то слово, предшествующее *то*, должно стоять в приименной форме;

г) как и *томо*, о котором будет идти речь ниже, *то* обозначает предположение об обратной связи с еще не осуществленным условием:

Доко-э икō ***то*** *кокоро-но мама да* 'Куда бы я ни пошел, дело мое'.

Синō **то** *икиē* **то** *сутэтэ ойтэ курэ* ‘Пусть умрет, пусть живет, [все равно] брось’.

Икō **то** *икумай* **то** *омаэ-но каттэ-ни суру-га ий* ‘Пойдешь ли **или** не пойдешь, можешь делать как хочешь’.

3. *Томо* (と も)

Это служебное слово образовалось путем присоединения соотносительного служебного слова *мо* к рассмотренному в предыдущем параграфе *то*. Встречается и в письменном и в разговорном языке.

1) В письменном языке употребляется так же, как предыдущее *то* в первом случае:

Вага сакари итаку кудатину кумо-ни тобу кусури ***хаму томо*** *мата отимэ ямо* (Манъёсю, 847) ‘Мой расцвет уже угас; **хотя бы** [я] выпил снадобье, от которого [люди] взлетают до облаков, [все равно] опять буду без сил’.

В «Манъёсю» встречаются примеры употребления *томо* в этом значении с присоединением его к незавершенной форме только одного глагола верхнего одноступенчатого спряжения *миру* ‘смотреть, видеть’. (Такое употребление можно еще отметить в нижеприведенном примере, а также в «Манъёсю», 2024, 2509, 4037, 4503, 4481.)

Ёродзуё-ни ***житомо*** *акамэ я* (Манъёсю, 921) ‘**Хотя бы** смотрел десять тысяч лет, рáзве насмотришься?’

2) В разговорном языке *томо*, присоединяясь к незавершенной форме предикативных прилагательных и к заключительной форме глаголов и служебных глаголов, выражает предположение об обратной связи с еще не осуществленным условием:

а) *томо* при заключительной форме самостоятельного и служебного глагола:

Дō суру ***томо*** *дзиūни суру-га ий* ‘Как бы ни сделать, но надо сделать свободно’.

Ёкарō ***томо*** *асйкарō* ***томо*** *дзиккō-суру га ёй* ‘Хорошо ли, плохо ли, но лучше осуществить’.

В этом случае *мо* может быть опущено и оставлено одно *то*, как уже говорилось в пункте «г» раздела о *то*;

б) *томо* при незавершенной форме прилагательных:

Доннани хаяку ***томо*** *миккакан ва какару хадзу да* ‘Как бы ни было быстро, но три дня понадобится’.

Комбан ва осоку ***томо*** *канарадзу кавримасў* ‘Сегодня вечером, пусть поздно, но непременно вернусь’.

Имеется еще одно *томо*, идентичное по форме; оно ставится в конце предложения, выражая значение *йу мадэ мо най* ‘нечего и говорить, что...’, *мотирон сō да* ‘разумеется, это так’.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Комбан икимасӯ ка? Икимасу ***томо*** 'Пойдете сегодня вечером? Конечно, пойду'.

Однако здесь *томо* является не союзным, а заключительным служебным словом, и эти два *томо* не следует смешивать.

3) При присоединении к глаголам *томо*, как уже говорилось выше, обычно присоединяется к их заключительной форме. Но поскольку имеется немало примеров присоединения его к приименной форме, в цитированном уже «Перечне допустимых отклонений от грамматических норм» это положение определено следующим образом:

«Не возбраняется присоединение служебного слова ***томо*** к приименной форме глаголов, служебных глаголов каузатива и служебных глаголов пассива, например:

Сӯхякунэн-о ***хэру томо*** 'Хотя и прошло (пройдет) несколько сот лет...'

Икани хихё̄-сэраруру ***томо*** 'Как бы ни был (не будет) раскритикован...'

Сийтэ корэ-о сонсю̄-сэсимуру ***томо*** 'Хотя и заставили (заставят) насильно почитать это...'

Основания для этого приводятся в «Первом докладе по изучению проекта реформ ныне действующих грамматических правил»:

«*Томо* со значением обратного следствия в литературе периода Хэйан обычно присоединялось к заключительной форме глаголов и многочисленных служебных глаголов и к приёгэнной форме предикативных прилагательных, а также таких служебных глаголов, как *бэси, мадзи*. Однако следует установить, что в современном письменном языке *томо* присоединяется к заключительной форме глаголов неправильного спряжения по столбцу *ра* и вспомогательных глаголов *дзу, нари, тари*, а также к приёгэнной форме предикативных прилагательных и служебных глаголов *бэси, мадзи*. У всех же остальных глаголов и служебных глаголов *томо* присоединяется к приименной форме.

Обоснование. Уже упоминалось, что в «Пространной японской грамматике» в разделе о *томо, домо* такое употребление запрещается. Однако примеры такого употребления *томо*, так же как и *то* при приименной форме, встречаются уже начиная с раннего средневековья... Можно предполагать, что, как и в случае с *то*, вначале произошел эллипсис стоявших перед *томо* слов *кото нари, моно нари* или *кото ари, моно ари*. Позже, когда к этому привыкли и зрительно и на слух, эта форма стала употребляться уже независимо от того, существует такой эллипсис или нет. Таким образом, если уже в памятниках раннего средневековья данная форма не отвергалась как неправильная, то тем более не следует этого делать в современном письменном языке» [58].

4. *До, домо* (と, とも)

Это союзное служебное слово встречается только в письменном языке. Оно присоединяется к завершенной форме глаголов, предикативных прилагательных, адъективных глаголов и служебных глаголов, выражая обратную связь с уже осуществленным условием. *Домо* — это *до* с присоединенным к нему соотносительным служебным словом *мо*, и никакой разницы в значении между ними нет.

Ӯмэ-но хана таори кадзасйтэ ***асобэдомо*** *акитараӈӯ хи ва кёни си арикэри* (Манъёсю, 836) 'Хотя [мы] забавляемся, срывая цветы сливы и украшая себя [ими], день, когда этим не пресыщаешься, — это сегодня'.

.. *тамакивару иноти* ***осйкэдо*** *сэму субэ мо наси* (Манъёсю,804) '...хотя жаль жизни, которая сверкает яшмой, но ничего сделать нельзя'.

Тэнки сэйро-нарэдомо нами такаси (п. я.) 'Хотя погода ясная, волны высокие'.

В современном письменном языке вместо описанного выше предположительного *томо* и достоверного *домо* стало широко употребляться служебное слово *мо*. Поэтому в «Перечне допустимых отступлений от грамматических норм» указывается:

«Не возбраняется употреблять служебное слово *мо* как *томо* или *домо*, поскольку это не вызывает ошибочного понимания, например:

Нанирано дзиӯ'ару ***мо*** *(ари* ***томо****) гидзё-ни хаиру кото-о юрусадзу* (п. я.) 'Какие бы причины ни имелись, вход в палату не разрешается'.

Кигэн ва коннити-ни сэмаритару ***мо*** *(...тарэдомо) дзюмби ва имада нарадзу* (п. я.) 'Хотя срок сегодня истек, но подготовка еще не закончена'.

Кэйка ва сукобуру рёко нариси ***мо*** *(...сйкадомо) кинӧ-ёри исасака хирӧ-но дзё ари* (п. я.) 'Хотя течение процесса было очень благоприятно, но со вчерашнего дня заметна некоторая усталость'.

В следующих примерах возможно ошибочное понимание:

Сэйгансё ва кайги-ни фусуру ***мо*** *(... су* ***томо****, сурэдомо) корэ-о рӧдоку-сэдзу* (п. я.) 'Прошения, хотя и представленные собранию ('...хотя бы они и были представлены'), вслух не зачитываются'.

Кюкин-ва хикуки ***мо*** *(ку* ***томо****, кэрэдомо) ӧбӧся ва ӧкарубэси* (п. я.) 'Хотя заработная плата и невысока (хотя бы и была невысока), но желающих, видимо, (будет) много'.

Причины такого допущения в «Первом докладе по изучению проекта реформы ныне действующих грамматических правил» объяснены следующим образом:

«Присоединение к приименной форме и использование тэниоха *мо* в тех случаях, когда употребляются уступительные (хансэцуно 反接の) *до, домо, томо*, следует признать правильным. При этом

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

мо, присоединенное к приёгэнной форме служебных глаголов *бэси*, *мадзи* и предикативных прилагательных, употребляется в значении неосуществленности, а присоединенное к прииенной форме — в значении осуществленности.

Обоснование: такое употребление *мо* в «Пространной японской грамматике» строго запрещено: «*томо* присоединяется непременно к глаголам первого спряжения, и нельзя вместо *уку томо* 'хотя беру', *у томо* 'хотя получаю', *фу томо* 'хотя проходит', *ну томо* 'хотя сплю', *ку томо* 'хотя прихожу', *су томо* 'хотя делаю', *ари томо* 'хотя есть', *ори томо* 'хотя и находится' говорить *укуру томо*, *эру томо*, *куру томо*, *ару томо*, *ору томо*. Нельзя, опустив *то*, говорить *хадзи-о уку* ***мо*** *хадзи то сэдзу* 'хотя подвергаюсь позору, но не считаю это за позор', *тоси-о хэру* ***мо*** *нарадзи* 'хотя годы проходят, не растет', *кокородзаси ару* ***мо*** *тогэдзаран* 'хотя есть стремление, но, вероятно, не будет достигнуто' и тем более нельзя смешивать значение *томо* и *домо*. Необходимо различать неосуществленность действия и его осуществленность. В особенности нужно твердо запомнить, что при употреблении *мо* не следует вкладывать в него значение знака 雖 (*йэдомо*) 'хотя'. У предикативных прилагательных также следует различать употребление *асйку томо* 'пусть (хотя бы) плохо' (неосуществленность) и *асйкэрэдомо* 'хотя плохо' (осуществленность). Выше уже говорилось, что крайне неправильно говорить *ёку мо торадзу* 'хотя хорошо, но не беру', *асйку мо сутэдзи* 'хотя плохо, но не бросаю'». Тем не менее нельзя сказать, что начиная с раннего средневековья такого употребления *мо* совершенно не было. Оно встречается и при прииенной форме глагола ...и при прииенной форме прилагательного... Однако такое же употребление, как в настоящее время, появилось с начала периода Камакура и наибольшего развития достигло в конце периода Асикага. Итак, если данное *мо* представляет собою результат эллипсиса *то* или *до*, а *томо*, о котором говорилось ранее, — междометие, то как же быть с теорией «Пространной японской грамматики», согласно которой при эллипсисе *то*, *до* противительного значения не возникает? Если следовать этой теории, то почему же тогда *мо* присоединяется не к заключительной и завершенной, а к прииенной форме? Согласно ей, одно *мо* не создает уступительного значения. Но почему же *сйка мо*, *сўкосимо*, *исасакамо*, *унъун-сйтэ мо* значат *сикарэдомо* 'хотя так' (однако), *сўкоси дэмо* 'нисколько', *исасака дэмо* 'нисколько', *унъун сйта тотэ* 'хотя так и так', и если удалить это *мо*, то уступительное значение становится неясным? Можно предположить, что данное *мо* имеет значение *мата* 'также, и' и представляет собой то же самое *мо*, что и в нижеследующем примере:

Итинити ***мо*** *мидзарэба сангацу-но готоси* (п. я.) 'Когда не видишь [что-либо], и один день — все равно что три месяца'.

Куни хоробитэ ***мо*** *ябури-о цугэдзу, катйтэ* ***мо*** *кати-о цугэдзу*

(п. я.) 'Хотя бы страна и погибла, не сообщает о поражении, хоть бы и победил, не сообщает о победе'.

Единственное отличие состоит, видимо, в том, что *мо* присоединяется к существительным и к приименной форме. Поскольку приименная форма, принимая тэниоха́, которое обычно присоединяется к существительному, должна уподобляться существительному, естественно, что *мо* присоединяется к приименной форме в том же значении, в котором оно присоединяется и к существительному. Поэтому несомненно, что причиной возникновения данного *мо* отнюдь не является опущение *то, до*: это то же *мо*, которое в значении *мата* 'также' присоединяется к существительным; только в зависимости от прямого или обратного значения впереди стоящего слова оно то принимает значение сравнения, то выступает с противоположным значением. Поэтому и в грамматике раннего средневековья такого рода *мо* не считалось неправильным. Только в языке того времени *мо* употреблялось в значении *мата*; однако мало-помалу оно заменило *томо, домо*, когда они приобрели слабое уступительное значение, и стало несколько отличаться по характеру от нынешнего *мо*. Последнее, забывая о его первоначальном значении *мата*, стали употреблять в уступительном значении, независимо от того, слабое оно или сильное. Почему же оно в конце концов стало употребляться полностью в уступительном значении? Очевидно, выражения *то йэдомо, то йутомо* были слишком тяжеловесными и резали слух; во избежание этого стали употреблять *мо*, в уступительном значении, а затем постепенно, как в наши дни, оно полностью заменило *томо, домо*. Поскольку существовала вполне естественная причина для изменения значения *мо*, оно стало постепенно меняться, однако такое употребление имеет за собой большую давность: не говоря уже о Хакусэки, Экикэн и др., из старых ученых особенно широко пользовался подобным употреблением такой ученый, как Гимон. В современных законодательных текстах, в сочинениях, в газетах и журналах этот способ употребления распространен весьма широко. Так, в каждой статье любой из газет указанное употребление встречается не менее двух-трех раз. Поскольку это так, то не приходится спорить о его законности или незаконности. Напротив, следует признать такое употребление *мо* правильным. Могут быть высказаны возражения, состоящие в том, что при употреблении *мо* в уступительном значении существует опасность смешения его с *мо* в обычном значении; кроме того, может стереться разница между незавершенной и завершенной формами, а поэтому такое употребление надо запретить. Однако, например, у предикативных прилагательных легко может быть проведено различение *мо* по их двум формам — приёгэнной и приименной,—и, следовательно, подобного вопроса здесь не возникает. У глаголов же и служебных глаголов может быть проведено отчетливое различение *мо*

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

путем прибавления обозначающих время наречий *судэни* 'уже', *има* 'теперь', *масани* 'вот-вот', *моси* 'если', *иттан* 'раз', поэтому не должно быть ни малейшего опасения, что сотрется разница между незавершенной и завершенной формами или будет допущено смешение *мо* в уступительном значении с обычным *мо*»[59].

Если применительно к тому, что изложено выше, распределить союзные служебные слова письменного языка, выражающие прямую или обратную связь с предположительным или достоверным условием[60], то получится следующая таблица:

Таблица 70

Виды условной связи и союзные служебные слова (2)

Вид связи / Характер условия	Прямая	Обратная	
Предположительное условие	*ба* (незавершенная форма)	*то* (глагол, заключительная форма) *томо* (прилагат., незаверш. форма)	*мо* (приименная форма)
Достоверное условие	*ба* (завершенная форма)	*до, домо* (завершенная форма)	*мо* (приименная форма)

5. *Ни, о, га* (に, を, が).

Все это союзные служебные слова, которые, присоединяясь к приименной форме, выражают обратную связь с достоверным условием. *Ни* и *га* употребляются как в письменном, так и в разговорном языке, а *о*—только в письменном. Однако некоторые ученые возражают по поводу того, что *ни, о, га* обозначают обратную связь с условием. Д-р Ямада говорит:

«Обычно о *га, ни, о* говорят, что все они обозначают расхождение, однако это не так...

Кё̄ асу нитэ мо Морокоси-э каэраму то омоу ни кими-но китараму-о матицўкэтэ ватараму (п. я.) 'Я думал уехать в страну Морокоси (Китай) сегодня-завтра, а поеду, дождавшись, чтоб ты приехал'.

В данном примере выражено, бесспорно, не расхождение, а совмещение фактов. Все эти служебные слова указывают, что как предпосылка, так и последующее условие являются фактами. Правда, иногда кажется, будто они употребляются для обозначе-

ния расхождения Однако объясняется это отнюдь не выражением расхождения за счет *га*, *ни*, *о*, а тем, что иногда между самими совместно возникшими и совместно существующими фактами наличествует такого рода явление»[61].

Это обстоятельство, если принять во внимание, что помимо теорий обратной зависимости и прямой причинной зависимости существует теория последовательно прямой зависимости (дзёсэцўтэки-дзюннō 序接的順應), представляет собою важный вопрос. И если, например, считать данные слова союзными служебными словами, обозначающими обратную связь с условием, то нужно обратить серьезное внимание на то, что они последовательно выражают сосуществующие факты.

1) Примеры на употребление *ни*:

Акикадзэ-ни има ка има ка то химо токйтэ урамати ору ни цўки катабукину (Манъёсю, 4311) 'При осеннем ветре [я] развязала [свои] завязки, [думая] не сейчас ли, не сейчас ли? И втайне ждала [тебя], а луна зашла'.

Нива-но омо ва мада каваканў ни ӯдати-но сора саригэнаку сумэру цўки кана (Синкокинсю) 'Сад (букв. 'поверхность сада') еще не высох, а на грозовом небе против ожидания ясная луна'.

Арэходо танондэ ойта ни васурэтэ симатта но ка '(Я) так просил, а ты позабыл?'

Считается, что в следующих ниже примерах *ни* имеет значение *ни ёритэ* 'вследствие':

Ё-но фукуру ни, исогэ я сусумэ (Хэйкэ-моногатари) 'Ночь все глубже, так спеши, иди'.

Амари никуки ни, соно хбси оба мадзу кирэ (Хэйкэ-моногатари) '[Он] слишком ненавистен, так этого монаха убей первым'.

2) Примеры на употребление *о*

Футацу наки моно то омоиси о мидзусоко-ни яма-но ха нарадэ идзуру цукикагэ (Кокинсю) '[Мы] думаем, что двух [лун] нет, но [вот] луна, выходящая со дна озера, а не из-за края горы'.

Минабито ва хана-но коромо-ни наринуру о хйтори атама-ни юки-но кэгоромо (Синкокинсю) 'Все люди в цветочных платьях. но на голове у одного покров из снега'.

3) Примеры на употребление *га*:

Кисо ва Этиго-но кокуфу-ни арикэру га корэ-о кийтэ гоманки нитэ хасэмакау (Хэйкэ-моногатари) 'Кисо находился в главном селении Этиго, но, услышав об этом, [Ёритомо] помчался туда с 50-ю тысячами всадников'.

Харубару тадзунэюкиси га, ориасйку фудзай нарики (п. я.) 'Издалека пришел навестить, но, к сожалению, (он) был в отсутствии'.

Ундō ва суру га, амари кэнкō-дэ най 'Спортом [я] занимаюсь, но не очень здоров'.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Као ва ууӯкӯсий га, кокоро-га магаттэ иру 'Лицо красивое, но низкая душонка'.

Ниппон ва кикō мо ий га, фӯкэй мо сугурэтэ иру 'В Японии и климат хорош, да и виды красивы'.

Ано хон ва боку мо ѐнда га, наканака омосирой хон да 'Ту книгу я тоже читал, очень интересная книга' [22].

В разговорном языке *га*, кроме того, употребляется при присоединении к служебному глаголу предположения при перечислении двух обстоятельств в случае предположения о них как об обратной связи с еще неосуществленным условием:

Нагакарō га мидзикарō га камаванай 'Будь то длинно или коротко, безразлично'.

Амэ-га фурō га кадзэ-га фукō га ику то иттара ику 'Пусть пойдет дождь, пусть подует ветер, но если сказал, что пойду, то пойду'.

В следующих примерах *га* в результате того, что следующая за ним фраза опущена, кажется превратившимся в заключительное служебное слово со значением подчеркивания мысли. Такое употребление встречается только в разговорном языке:

Тасйкани коно хако-но нака-ни симаттэ ойта но да га 'Я твердо помню, что спрятал в этот ящик...'

Сонна моно нара доко-ни дэмо уттэ имасē га 'Такая-то вещь должна бы продаваться всюду...'

Кажется, что после *га* должна следовать еще какая-то мысль, и в этом как будто заключен смысл сомнения.

4) Так как в письменном языке имеются такие же *ни, о, га*, представляющие собой падежные служебные слова, то необходимо выделять тот случай, когда перед падежным служебным словом отсутствует тайгэн, а налицо спрягаемое слово, стоящее в приименной форме. Иначе говоря, в этом случае нельзя смешивать падежные служебные слова с союзными служебными словами [62].

Ито янгото наки кива-ни ва аран-га сугурэтэ токимэкитамау арикэри (Гэндзи-моногатари) 'Не принадлежавшая к особенно знатному роду находилась в большой милости [у императора]' [23].

Ē судэни акэханарэнуру-о сирадзарики (п. я.) '[Он] не знал, что ночь уже кончилась'.

Если после приименной формы возможна постановка тайгэна, то следующие за ним *ни, о, га* нужно рассматривать не как союзные, а как падежные служебные слова. Такое употребление часто встречается и в памятниках периода Хэйан.

6. *Нони, моноо, токоро-га* (のに, ものを, ところが)

Все это союзные служебные слова, встречающиеся только в разговорном языке. Как и рассмотренные выше *ни, о, га*, они, присоединяясь к приименной форме спрягаемых слов, выражают обратную связь с достоверным условием. *Нони* образовалось пу-

тем присоединения к падежному служебному слову *но* союзного служебного слова *ни*; *моноо* もの — это тайгэн *моно* (物) 'вещь', превратившийся в формальное слово, с присоединенным к нему союзным служебным словом *о*; *токорога* ところが — тоже тайгэн *токоро* (所) 'место', превратившийся в формальное слово, с присоединенным к нему союзным служебным словом *га*. Они употребляются при высказывании, если предыдущее и последующее не расходятся во времени, как в письменном языке.

1) Примеры на употребление *нони:*

Ёндэ иру ***нони*** *хэндзи мо синай* 'Зову, а [он] даже не отвечает'.

Тайхэн муцуукасий ***нони*** *ясуясуто дэкиагатта* 'Ужасно трудно, а справился с легкостью'.

2) Примеры на употребление *моноо*:

Хйто-га синсэцу-дэ суру ***моноо*** *аригатай то омоваңу* 'Люди оказали [ему] любезность, а [он] не чувствует благодарности'.

Сэва надо яканакўтэ мо ёй ***моноо*** *ираңу осэккай бакари сйтэ иру* 'Можно и не проявлять никаких забот, а [он] только попусту хлопочет'.

Иногда вместо *моноо* употребляется *мононо*, которое следует рассматривать как такое же союзное служебное слово:

Даматтэ ва иру ***мононо*** *канасйса-дэ иппай дэсў* 'Молчу, но полон печали'.

Курусий ***мононо*** *мата таносимина токоро мо ару* 'Тяжело, но есть и кое-что приятное'.

Это *мононо* — то же самое *мононо*, которое употреблялось в период Хэйан в значении *монокара*, *мононагара*:

Кими кому то иси ёгото-ни сугинурэба таномарэңў ***мононо*** *коицуцу дзо фуру* (Исэ-моногатари) 'Так как проходят ночи, про которые ты сказал «приду», [я] не надеюсь и все же [не надеясь] люблю'.

Кроме того, *кото-о* в примерах, приведенных ниже, с первого взгляда можно принять за союзное служебное слово; однако его следует считать тайгэном *кото* с присоединенным падежным служебным словом *о*:

Хйтори дэмо дэкиру ***кото-о*** *гонин мо какаттэ иру* 'На дело, с которым может справиться один, требуется пять человек'.

Иванакўтэ мо ий ***кото-о*** *сябэттэ иру* 'Болтает о том, чего можно и не говорить'.

3) Примеры на употребление *токорога*:

Ано хйто ва икура ятта ***токорога*** *дамэ да* 'Сколько он старался, но напрасно'.

Иссёкэммэй ёнда ***токорога*** *цумаранай хон датта* 'С жаром читал, но оказалась дрянная книжонка'.

В следующих примерах *га* и *токорога* стоят в начале предложения — здесь они уже не являются союзными служебными словами. Ь превратились в другую часть речи — союз:

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Рэдзин ва соно катавара-о тōру таби-ни тēсē-но коэ-о окутта. Га Итикуро-но кокоро ва соно тамэни сюю мо таваму кото ва накатта 'Путешественник, проходя мимо него, каждый раз издевательски смеялся. **Однако** намерения Итикуро ни на миг из-за этого не поколебались'.

*Карэ ва иссёкэммэй дорёку-сйта. **Токорога** дарэ мо соно дорёку-о митомэнакатта* 'Он старался изо всех сил. **Однако** никто не заметил его стараний'.

Если же данные фразы сказать так, как указано ниже, то в них окажутся не союзы, а союзные служебные слова. Поэтому нельзя смешивать эти разные части речи:

Рэдзин ва соно катавара-о тōру таби-ни тēсē-но коэ-о окутта га, Итикуро-но кокоро ва соно тамэни сюю мо таваму кото ва накатта.

*Карэ ва иссёкэммэй дореку-сйта **токорога**, дарэ мо соно дореку-о митомэнакатта.*

7. *Мо, тэмо, дэмо* (も, とも, でも)

Так как это *мо* — не соотносительное служебное слово *мо*, оно является специфическим для разговорного языка союзным служебным словом. И *тэмо, дэмо* — тоже союзные служебные слова, существующие только в разговорном языке. Согласно д-ру Ямада, «это *мо* представляет собою *мо*, развившееся особым путем от употребляющихся в письменном языке *томо, домо*. Первоначально оба *мо* не имели уступительного значения, но по мере того, как со временем стал укрепляться обычай употребления *томо, домо*, незаметно и *мо* стало осознаваться в этом значении и, таким образом, стало употребляться в уступительном смысле»[63].

1) Самостоятельно *мо* имеет уступительное значение сравнительно редко. Однако в следующих примерах оно выражает обратную связь с предположительным условием.

*Икура осоку **мо** райнэн-но хару-ни ва китē симасў* 'Как ни поздно, но весною будущего года я возвращусь в Японию'.

Это *мо* присоединяется к приёгэнной форме прилагательного.

2) *Тэ мо* представляет собою *мо*, присоединенное к союзному служебному слову *тэ*; присоединяясь к приёгэнной форме, оно выражает обратную связь с еще не осуществленным условием:

*Икура дорёку-сйтэ **мо** сэйкō ва муцўкасйкарō* 'Как ни старайся, но успеха, вероятно, достигнуть будет трудно'.

*Риū ва татоэ ёкўтэ **мо** дзиккō ва фуканō дэсē* 'Даже если причина хороша, всё же осуществление, вероятно, будет невозможно'.

Тэ мо употребляется не только в значении предположения, но и для выражения достоверности. Ниже приводятся примеры, в которых *тэ мо* выражает обратную связь с достоверным условием:

Корэ ходо маттэ **мо** *дэтэ конай* 'Хотя я столько ждал, но [он] не пришел'.

Амэ-га футтэ **мо** *мити ва титтомо варуку наранай нэ* 'Хотя шел дождь, но дорога нисколько не испортилась'.

В следующих примерах *тэ мо* под влиянием фонетического изменения окончания стоящего перед ним спрягаемого слова превратилось в *дэ мо*, которое нельзя смешивать с рассмотренным выше соотносительным служебным словом *дэмо* и *дэ мо*, о котором речь будет ниже.

Татоэ синдэ **мо** *го-он ва васурэмасэн* 'Вашу заботу не забуду, даже умирая'.

Кими-га икура ёндэ **мо** *ано хон ва вакарумай* 'Сколько бы ты ни читал, той книги тебе не понять'.

Д-р Ямада приводит следующие примеры:[64]

Као ва хйто дэ **мо** *кокоро ва они да* 'Хоть лицом человек, но душою дьявол'.

Мото ва кими-но дэ **мо** *урэба хйто-но моно да* 'Пусть раньше и было твоим, но раз продал, то это уже чужое'.

Има ва одаяка дэ **мо** *ансин ва дэкинай* 'Пусть теперь [кругом] спокойно, но [я] быть спокойным не могу'.

Д-р Ямада считает, что здесь *мо*, будучи придано падежному служебному слову *дэ*, которое указывает на присвязочный член, употреблено в уступительном значении. Последнее совершенно верно, поскольку данное *мо* соответствует *мо* из примеров первого пункта; однако стоящее впереди него *дэ* не является падежным служебным словом. В словах *хйто дэ мо* и *кими-но дэ мо* оно представляет собой срединную форму служебного глагола-связки *да*, а *дэ* в слове *одаяка дэ мо* — окончание срединной формы адъективного глагола *одаяка да*. Эти примеры следует отнести к типу, который дан в первом пункте настоящего параграфа.

3) Присоединяясь к заключительной форме спрягаемого слова, выражает обратную связь с предположительным неосуществленным условием:

Минайдэ **мо** *мита-то дōёни ёку вакаттэ иру* 'Хоть бы и не видел, но понимаю так хорошо, как будто видел'.

Сонна кото-о иванайдэ **мо** *кото ва суму даро ни* 'А обошлось бы и без того, чтоб говорить такие вещи'.

8. *Кэрэдо, кэрэдомо* (けれど,けれども)

Как то, так и другое — союзные служебные слова, употребляющиеся только в разговорном языке. По своему происхождению — это, вероятно, союзные служебные слова письменного языка *до* и *домо*, присоединенные к завершенной форме предикативного прилагательного, например:

Мити **тōкэрэдо** *кэвасйкарадзу* (п. я.) 'Дорога дальняя, но не крутая'.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Яма ***такакэрэдомо*** *ноборигатакарадзу* (п. я.) 'Гора **высокая, но** подняться не трудно'.

Далее окончание прилагательного *кэрэ* отделилось и обособилось, соединившись с стоящим за ним *до* или *домо*.

Затем оно стало применяться при заключительной форме прилагательного, например *тōй кэрэдомо*, а затем очень широко и при самостоятельных служебных глаголах.

Кэрэдо, кэрэдомо имеют такое же значение, как *до, домо* письменного языка; как первое, так и второе, присоединяясь к заключительной форме спрягаемых слов, выражают обратную связь с достоверным условием.

Иссекэммэй-ни обозру ***кэрэдомо*** *сугу атокара васурэтэ симау* 'Старательно запоминаю, **но** сразу же потом забываю'.

Дайбу исогасий ***кэрэдомо*** *тэцудаттэ агэ̄* [Я] очень занят, **но** помогу вам'.

Мита ***кэрэдомо*** *нандака вакаранакатта* 'Видел, **однако** что-то не понял'.

Если в данных примерах вместо *кэрэдомо* сказать *кэрэдо*, значение их не изменится. В отдельных районах *кэрэдомо* сокращают до *кэдо*, но это не норма. Когда *кэрэдо* и *кэрэдомо*, получив независимость, стоят в начале предложения, они перестают быть служебными словами, а превращаются в союзы: для служебных слов положение в начале предложения совершенно невозможно В следующих примерах употреблены союзы:

Хару-ни натта. ***Кэрэдомо****, мада ататакаку наранай* 'Пришла весна. Однако тепло еще не наступило'.

Дзикан-га маиримасйта. ***Кэрэдо****, дарэмо ацуматтэ ва оримасэн* 'Время вышло. Однако никто не пришел'.

Если же эти примеры сказать иначе, то в них окажутся союзные служебные слова, например:

Хару-ни натта ***кэрэдомо*** *мада ататакаку наранай.*

Дзикан-га маиримасйта ***кэрэдо*** *дарэмо ацуматтэ ва оримасэн.*

Не следует смешивать эти разные части речи.

9. *Кара* (から)

Вероятно, это — падежное служебное слово *кара*, употреблявшееся и в письменном и в разговорном языке, которое превратилось в союзное служебное слово и стало употребляться только в разговорном языке. Присоединяясь к приименной форме спрягаемых слов, оно связывает стоящие впереди и после него части предложения путем обозначения прямой связи с условием, которое является причиной:

Намакэтэ иру ***кара*** *сигото-га хакадоранай но да* '**Так как он** ленится, дело **не** продвигается'.

Амари окасий ***кара*** *варатта но дэсӯ* 'Было очень смешно, **поэтому** [я] смеялся'.

Так как *кара* имеет значение *ни ёттэ* 'из-за', *юэни* 'поэтому', то слова, стоящие перед ним, становятся наречными определениями к стоящим после него словам. Однако я не могу согласиться с теорией, на основе этого считающей его суффиксом[65]. Суффикс, присоединяясь к самостоятельному слову, составляет с ним одно слово, поэтому суффикс нечто меньшее, чем слово. А нечто меньшее, чем слово, никоим образом не может соединять предложения, состоящие из слов.

Присоединение к *кара* соотносительного служебного слова *ва* или падежного служебного слова *ни* и *ва* образует отдельные союзные служебные слова *карава, каранива*. Они имеют значение *уэ ва, идзэ̄* 'поскольку'.

Мохая рэ̄нин-га майранӯ ***карава*** *бэцуни майру моно мо годзарумай* (Нусубито-рэнга, кёгэн) '**Поскольку** оба они не придут, и других видимо не будет'.

Кай-о хираку ***карава*** *риппани яранакэрэба наранай* '**Раз** устраивается собрание, надо провести его как следует'.

Хэндзи-га конай ***каранива*** *фусэ̄ти-ни тигаинай* '**Поскольку** ответ не приходит, это означает не иначе как несогласие'.

10. *Нодэ* (の て)

Падежное служебное слово *но*, соединившись с падежным служебным словом *дэ*, образовало союзное служебное слово *нодэ*, которое употребляется только в разговорном языке. Поскольку *дэ* утратило обычные свойства падежного служебного слова, постольку оно получило возможность присоединиться к другому падежному служебному слову *но*.

Это слово, присоединяясь, как и *кара*, к прииенной форме спрягаемых слов, связывает стоящие перед ним и после него части предложения путем указания прямой связи с достоверным условием, являющимся причиною.

Итинити таттэ иру ***нодэ*** *коси-га итаку нару* 'Так как стоишь целый день, поясница начинает болеть'.

Амари самуй ***нодэ*** *гайсюцу-суру ки-ни ва наранӯ* 'Очень холодно, **поэтому** не хочется выходить из дома'.

Дзикан-га осоку наримасйта ***нодэ*** *укагаимасэн* 'Так как стало поздно, [я] не зашел'.

11. *Си* (し)

Это союзное служебное слово, употребляющееся только в разговорном языке и, вероятно, образовавшееся от срединной формы глагола неправильного спряжения по столбцу *са — суру* 'делать'.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Присоединяясь к заключительной форме спрягаемых слов, *си* связывает стоящие впереди и после него части предложения, указывая на одновременные или разновременные высказывания.

Ёми мо суру ***си*** *каки мо суру* 'И читаю и пишу'.

Бунрэ̄ мо ōй ***си*** *муцӯкасйку мо ару* 'И по количеству много и трудно'.

Иттэ мо митай ***си*** *ути-ни мо итай* 'Хочется и пойти посмотреть и остаться дома'.

Если предложений, имеющих в конце *си*, более двух, то *си* приобретает значение *кара, нодэ* и выражает прямую связь с условием:

Хана ва саку ***си*** *тори ва саэдзуру* ***си*** *омосирой хару-ни натта* 'И цветы цветут и птицы щебечут — наступила прекрасная весна'.

Амэ мо фурō ***си*** *кадзэ мо фукō* ***си*** *кайдзё ва нанги дэ арō* 'Вероятно, и дождь идет и ветер дует — на море должно быть трудно'.

Если *си* ставится после слова, имеющего отрицательное или предположительное значение, оно приобретает значение *моноо, нони* [24].

Отагаини тэкидōси дэ ва арумай ***си*** *соннани бари-суру моно дэ ва най* 'Мы не враги, и нам нечего так ругаться'.

Мицӯко дэ ва накарō ***си*** *корэ-гурай-но рикуцу ва вакарисōна моно да* 'Ведь не трехлетний ребенок и как будто в состоянии понять подобные доводы'.

12. *Тэ* (て)

Это союзное служебное слово употребляется как в письменном, так и в разговорном языке. Присоединяясь к приёгэнной форме спрягаемых слов (не присоединяется только к формам *нари, тари*), *тэ* по своему первоначальному значению выражает законченность одного действия и переход к другому действию, состоянию; однако употребляется в переносном смысле и в других значениях. По своему происхождению *тэ* здесь является приёгэнной формой служебного глагола законченности действия *иу* письменного языка. Однако оно утратило первоначальное значение законченности и превратилось в союзное служебное слово. Существует теория, что *тэ* следует рассматривать как одну из форм спряжения первоначального служебного глагола законченности действия. (Того же мнения придерживается д-р Ямада, который рассматривает данное слово как сложное окончание.) Но я думаю, что это слово нужно рассматривать как союзное служебное слово. Для этого имеются следующие основания:

1) *Тэ* может присоединяться к предикативным прилагательным, к которым в качестве подлинно служебного глагола законченности действия оно присоединяться не может:

Маогомо-но фу-но мидзикакӯтэ аванаэба оки-цу магамо-но нагэки дзо а-га суру (Манъёсю, 3524) 'Так как мы не встретимся [и на миг, короткий, как] коротюк глазок у рогожи, я испускаю долгие вздохи, как утки у взморья'.

Ватакӯси ва урэсикӯтэ тамаранай 'Я так рад, что сил нет'.

2) *Тэ* может присоединяться к приёгэнной форме некоторых служебных глаголов, к которым в качестве подлинно служебного глагола законченности действия оно присоединяться не может:

Хйсаката-но амэ-но фуруки-о ва-га кадо-ни миногаса кидзутэ кэру (來る) *хито я дарэ* (Манъёсю, 3125) 'В [такой] день, когда с вечного неба льет дождь, кто [тот] человек, что пришел к моим воротам, не надев плаща и шляпы?'

Сонна токоро-э иканакӯтэ ёкатта 'В такое место лучше было не ходить'.

3) *Тэ* может присоединяться к падежным служебным словам *то* и *ни*:

Кататоки-но мо тотэ кано куни-ёри мōдэкосйкадомо... (Такэтори-моногатари) 'Через короткое время из этой страны пришел, но...'

Впрочем, в слове *нитэ* иногда *ни* можно рассматривать как срединную форму служебного глагола-связки *нари*.

4) *Тэ* может присоединяться к некоторым наречиям, однако оно не может присоединяться к ним, когда является служебным глаголом.

Ми-о уси то омоу ни киэнӯ моно нарэба какӯтэ мо хэнуру ё-ни косо арикэрэ (Кокинсю) '[Я] считал свою судьбу горестной, но так как [я] существо не исчезающее, то вот так живу в мире, где [годы] проходят'.

5) *Тэ* не образует срединной формы в стоящей перед ним части предложения, а выполняет функцию подчинения этой части, выступающей как наречное определение, следующей после него части предложения. Это возможно благодаря тому, что *тэ* превратилось в союзное служебное слово:

Кадзэ-га фуйтэ нихякутōка расий 'Дует ветер, значит похоже на день «нихякутóка»'.

В этом предложении *тэ* не просто связывает два факта — предыдущий 'дует ветер' и последующий 'похоже на день «нихякутока»', — а имеет значение условия *кадзэ-га фуку нодэ...* 'так как дует ветер...'

Иногда к этому *тэ* добавляют соотносительное служебное слово *косо*:

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Кадзэ-га фуйтэ косо нихякутōка расий 'Так как дует ветер, похоже на день «нихякутóка»'.

Это очень напоминает *косо* после *ба*, как, например, в равнозначном предложении : *Кадзэ-га фукэба косо нихякутōка расий.* Отсюда вытекает, что *тэ* — служебное слово такой же категории, как союзное служебное слово *ба*. При наличии просто срединной формы, например *кадзэ ва фуки, амэ ва фуру* 'Дует ветер, дождь идет', после *фуки* поставить *косо* невозможно. Кроме того, *кадзэ ва фуки* никоим образом не является определением к *амэ ва фуру*.

б) При присоединении *тэ* к приёгэнной форме глагола можно констатировать такие случаи, где еще сохраняется значение законченности действия, однако немало и таких, в которых при тех же глаголах указанное значение совершенно утрачено. Иными словами, произошло изменение значения:

кава-о хэдатэтэ хана-о миру 'Смотреть на цветы через реку'.

Ӯма-ни нотте ундō-суру 'Заниматься спортом верхóм' (т. е. верховым спортом).

Какие бы натяжки ни делались исходя из значения *тэ* в данных примерах, трудно представить, что это приёгэнная срединная форма служебного глагола законченности действия. Это настоящее союзное служебное слово.

Мацуо Сутэдзиро пишет: «Если говорить о классификации по частям речи, то *тэ* происходит от приёгэнной формы служебного глагола, но ни в коем случае не является ни приёгэнной ни срединной формой в чистом виде. Оно обладает такими свойствами, которые отделяют его от служебных глаголов и заставляют отнести к тэниохá или служебным словам. Если говорить о значении, то *тэ* как служебное слово употребляется: 1) в основном значении — при выражении временнóй последовательности, 2) в значении *ба*, 3) в значении *домо*, 4) в таком же значении, как и срединная форма без *тэ*, 5) в значении степени, 6) в значении *то* и т. п.»[66]. Об изменении значения *тэ* он говорит: «Вряд ли можно сомневаться в том, что когда мы передаем объективные факты субъективно и выражаем их словами, то каждый из нас имеет свой собственный взгляд на данный факт и свой собственный способ его выражения. Если взять два факта — 'идет дождь' и 'ветер прекращается' — и выразить их в предложении, то получится примерно 5 следующих вариантов:

А. *Амэ фури, кадзэ яму* (п. я.)'Дождь идет, ветер прекращается' (отношение сочинения)'.

Б. *Амэ фуритэ, кадзэ яму* (п. я.) 'Дождь идет, и ветер прекращается' (отношение продолженности).

В. *Амэ фурэба, кадзэ яму* (п. я.) 'Так как дождь идет, ветер прекращается' (отношение причины и следствия).

Г. *Амэ фурэдомо, кадзэ яму* (п. я.) 'Хотя дождь идет, ветер прекращается' (отношение противопоставленности).

Д. *Амэ фуру ва кадзэ яму нари* (п. я.) 'То, что идет дождь, значит, что ветер прекращается' (отношение включения или подчинения).

Амэ-но фуру ходо-ни кадзэ яму (п. я.) 'По мере того, как идет дождь, ветер прекращается' (то же).

У всех пяти способов выражения есть общее в том основном факте, который они выражают. Благодаря этому все пять способов выражения иногда взаимозаменимы...Не приходится удивляться, что развитие этой мысли приводит к следующему выводу: во фразе, где употреблено *тэ* (т. е. во фразе Б), заключен смысл фраз А, В, Г, Д»[67]. Приводя далее в качестве доказательства различные примеры, Мацуо Сутэдзиро объясняет, почему *тэ* является союзным служебным словом. В данной книге в целом принята теория Мацуо. Таким образом, поскольку *тэ* обладает рядом значений — значением сочинительного высказывания, значением *ба*, значением *домо*, значением *то* — все эти значения следует рассматривать как реальное доказательство того, что *тэ* утратило значение служебного глагола законченности действия.

1) Приведем некоторые примеры употребления *тэ*:

Хару сугитэ нацу куру раси (Манъёсю, 28) 'Весна прошла и как будто наступило лето' (последовательность и продолженность).

Хана-га отитэ ми-га дэкита 'Опали цветы, и появились плоды' (то же).

Фую ва хиру мидзикакӯтэ ё нагаси (п. я.) 'Зимою дни коротки, а ночи длинны' (сочинение).

Ёка савару кото аритэ нао онадзи токоро нари (Тоса-никки) 'Восьмого числа были помехи, и [мы] все еще в том же месте' (отношение причины и следствия).

Акари-га куракӯтэ ёку миэнай 'Свет неяркий, и хорошо не видно' (то же).

Идакиосарэтэ наки надо ва ситамавадзу (Гэндзи-моногатари) 'Хотя [ее] опустили вниз, [она] не плакала' (значение *домо*).

Кокоро-но нака-дэ ва омоидасйтэ итэ кути-ни ва иэнай 'В душе помню, а словами выразить не могу' (значение *нони*).

Коно бги-но тадзунубэки юэ аритэ миюри о... (Гэндзи-моногатари) 'Этот веер имеет вид, как будто есть причина, о которой надо расспросить...'(превращение и наречное определение).

2) Как можно видеть из этих примеров, *тэ* присоединяется к приёгэнной форме ёгэна в функции срединного сказуемого или наречной функции ее, что очень важно для уяснения значения *тэ*. Оба способа употребления встречаются часто.

Такого рода случаи употребления *тэ* требуют тщательного индуктивного изучения[68].

3) В разговорном языке *тэ* под влиянием фонетического изменения предыдущего спрягаемого слова иногда превращается в *дэ*, например:

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Тити-га синдэ канасйку най вакэ-га най 'Нельзя не быть печальным, когда умер отец'.

Значение такого *дэ* ничем не отличается от *тэ*. Указанное явление имеет место тогда, когда *тэ* присоединяется к глаголам четырехступенчатого спряжения по столбцам *га, ба, ма, на*. Однако, присоединяясь к служебному глаголу отрицания *най*, к его заключительной форме, *тэ* превращается в *дэ* не в результате фонетического изменения. Такое *дэ* остается союзным служебным словом с тем же значением, что и *тэ*. Может быть, это и изменившееся падежное служебное слово *дэ*, что окончательно не выяснено. (Ср. раздел о служебных глаголах отрицания.)

Титтомо дзисин-о сиранайдэ ёку нэмуттэ имасйта 'Нисколько не почувствовав землетрясения, отлично спал'.

Если вместо этого *дэ* употребить *тэ*, то находящаяся перед ним заключительная форма *най* перейдет в приёгэнную форму *наку*, как видно из следующего равнозначного примера:

Титтомо дзисин-о сиранакўтэ ёку нэмуттэ имасйта.

Тэ превращается в *дэ* и тогда, когда оно присоединяется к служебному глаголу отрицания *ну* (*н*).

Соннани накандэ хаяку каэринасай 'Не плачь так, а скорее возвращайся'.

Здесь перед *дэ* стоит служебный глагол *ну* (*н*); произношение последнего такое же, как при фонетическом изменении, ведущем к появлению носового звука, под влиянием чего *тэ* и превращается в *дэ*; таким образом, это, по-видимому, явление такого же порядка, что и выше.

4) Относительно *дэ* (стяжение *дзутэ*), которое присоединяется к незавершенной форме ёгэна и служебных глаголов и выражает значение отрицания, уже говорилось в разделе о служебных глаголах отрицания (см. стр. 426). Его можно принять за союзное служебное слово, но здесь оно отнесено к составным служебным глаголам.

5) Что *тэ* соединяет самостоятельные глаголы с вспомогательными глаголами и вспомогательными прилагательными, должно быть ясным из вышеприведенных примеров.

Кайтэ симау 'написать'; *араттэ мораy* 'быть умытым кем-либо'; *моттэ иру* 'иметь'; *каттэ оку* 'купить [и сохранить]'; *кийтэ миру* 'попробовать спросить'; *тадзунэтэ кудасай* 'навестите [меня]'; *сагасйтэ агэру* 'поищу [для вас]'; *цукуттэ най* 'не сделано'; *отйтэ сōрō* (эпист.) 'упало' [25].

13. *Сйтэ* (ㄴㄷ)

Это союзное служебное слово, образованное из приёгэнной формы *си* глагола неправильного спряжения по столбцу *са* → *су* и присоединенного к ней союзного служебного слова *тэ*.

Хйтори номи кинуру коромо-но химо токаба тарэ ка мо ювамү иэ тōку сйтэ (Маньёсю, 3715) 'Если бы [я] развязал тесьму платья, которое [я] носил [будучи] один, как завязал бы [ее], когда дом далеко?'

Масасигэ ва тюдзин-ни сйтэ Масаюки ва кōси нари (п. я.) 'Масасигэ — верный вассал, Масаюки — преданный сын'.

Кадзэ сидзукани сйтэ нами одаяка нари (п. я.) 'Ветер тих, море спокойно'.

Суйтэн хōфуцуто-сйтэ соно сакай-о сирадзу (п. я.) 'Воды и небо в тумане, границы их неведомы'.

В данных примерах *сйтэ* употреблено в том же значении, что и союзное служебное слово *тэ*, и, за исключением последнего примера, повсюду может быть им заменено. Однако слово *сйтэ*, в котором *си* имеет значение глагола, не может рассматриваться как союзное служебное слово:

Ёритомо Ёсицунэ-о сйтэ (или *цукавасйтэ*) *Ёсинака-о сэмэсиму* (п. я.).

'Ёритомо побудил Ёсицунэ (послав Ёсицунэ побудил [его]) напасть на Ёсинака'.

Има ни сйтэ (*итаритэ*) *вага сирё-но тарадзариси-о саторину* (п. я.) 'Теперь (достигнув настоящего времени) я понял, что мои заботы были недостаточны'.

Тюдзё-но ками сйтэ (*-о цўкаи-то сйтэ*) *киковтамау* (Гэндзи-моногатари) 'Спросил через Тюдзе (послав Тюдзё)'.

Катана сйтэ (*-о мотиитэ*) *кэдзуру* (п. я.) 'Резать ножом (употребив нож)'.

В этих примерах, заимствованных у д-ра Ямада[69], *сйтэ* имеет значение глагола и присоединяется к тайгэну или падежному служебному слову. Д-р Ямада приводит еще следующие примеры:

Аки фўкаку сйтэ мандзю кин-ёри мо ки нари (п. я.) 'Глубокая осень, деревья сверкают желтизной ярче, чем золото'.

Коко-ни сйтэ иэ я мо идзуку. Сиракумо-но танабику яма-о коэтэ киникэри (Маньёсю, 287) '[Я] здесь, и где [мой] дом? Я пришел, перейдя горы, где тянутся белые облака'.

В данных примерах *сйтэ* замещает приёгэнную форму глагола *ари* в значении 'быть'. Однако *сйтэ* в первом примере в сочетании *фукаку сйтэ* 'глубока' рассматривается в этой книге не как замещающее глагол, а как союзное служебное слово. Д-р Ямада приводит еще и такие примеры:

Кўса ва мидорини сйтэ, хана ва курэнай нари (п. я.) 'Трава зелена, цветы алые'.

Мидзу бёбōто сйтэ фунэ юраюра тари (п. я.) 'Вода бескрайняя, лодка покачивается'.

И далее д-р Ямада говорит:

«Здесь *сйтэ* делает еще шаг вперед и замещает приёгэнную форму *ари*; оно применяется в данном случае исключительно для вы-

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

ражения предикативности. Это *сйтэ* чаще всего употребляется вместо приёгэнной формы изъяснительных бытийных слов *нари, тари*. Прпёгэнные формы *нари, тари* употребляются только после сложных окончаний; в основной же для приёгэнной формы функции, т. е. для соединения слов, они не применяются, и вместо *ари* употребляют *сйтэ*. Ввиду того, что *нари* и *тари* по своему происхождению являются составными словами, образовавшимися из *ни ари* и *то ари*, в указанном случае *ни* и *то* отделяется от *ари*; вместо *ари* ставится *сйтэ* и образуется *ни сйтэ* и *то сйтэ*,которые и замещают приёгэнные формы от *нари* и *тари*»[70].

Однако в данной книге проводится тот взгляд, что *мидорини, бёбōто* есть приёгэнные (в данном случае срединные) формы адъективного глагола, в котором присоединено союзное служебное слово *сйтэ* (т. е. , что значение *ари* 'быть' заключено в словах *мидорини, бёбōто*).

Примеры д-ра Ямада на *нитэ*[71], которое считается стяжением *ни сйтэ*, рассматриваются здесь следующим образом:

Хару-но ё ва кумогати нитэ оборочўки ōси (п. я.) 'Весенние ночи обычно облачны, месяц часто в дымке'.

Здесь представлена приёгэнная (срединная) форма адъективного глагола *кумогатини*, к которой присоединено союзное служебное слово *тэ*.

Мукаси ***хакасэ нитэ*** *дайгаку-но ками Акихира то йу хйто арики* (п. я.) 'В древности жил человек, доктор наук и ректор университета, именовавшийся Акихира'.

Здесь к *ни* — приёгэнной (срединной) форме служебного глагола-связки *нари* — присоединено союзное служебное слово *тэ*.

В примерах: *Токё̄-ни̇тэ митари* (п. я.) 'видел в Токио'; *фудэ-ни̇тэ каку* (п. я.) 'писать кистью' *нитэ* рассматривается в качестве отдельного падежного служебного слова.

14. *Нагара* (ながら)

Это служебное слово разговорного языка, которое, присоединяясь к приёгэнной форме спрягаемых слов (у предикативных прилагательных к заключительной форме), обозначает, что то, о чем говорится ранее, происходит одновременно с тем, о чем говорится позже; сюда входит также случай обозначения одновременного существования несоответствующих друг другу явлений. (Впрочем, такое же употребление встречается в «Ходзёки» и в «Масукагами»). Вопрос о том, следует ли включать это слово в состав союзных служебных слов, является спорным, о чем говорит и д-р Ямада[72]. В настоящей книге *нагара* условно помещено в данный раздел, но может быть его следовало бы отнести к наречным служебным словам.

Хокано кото-о ***кангаэнагара*** *ханаси-о кийтэ иру* '(Он) слушает разговор, думая о другом'.

Тоси ва мада ***вакай нагара*** *наканака сиккари-ситэ иру* 'Годами **молод**, а очень серьезен'.

Иногда вместо *нагара* употребляется *мотэ*, *моттэ*:

Наки мотэ *вараттэ иру* '**Плача**, смеется'.

Асоби моттэ *сигото-га дэкиру моно ка* 'Разве можно делать дело, **забавляясь**'.

Присоединяясь к тайгэнам, ёгэнам, служебным глаголам, наречиям и другим словам, *нагара* иногда образует наречное членное предложение. В таком случае оно присоединяется к приёгэнной или к заключительной форме спрягаемых слов [26]:

Наси-о кава-нагара *табэру* 'Есть груши с **кожурой**'.

Микка-нагара *утэн датта* 'Целых три дня шел дождь'.

Нэнагара *кийтэ иру* 'Дремля, слушает'.

Мидзикай-нагара *цукаимасэ̄* '**Коротко**, а использую'.

Оёбадзунагара *дзинрёку итасимасу́* '**Хоть это и не по силам**, сделаю все, что смогу'.

В приведенных примерах *нагара* не носит характера союзного служебного слова. Некоторые считают *нагара* этого рода суффиксом. Однако во всех случаях считать его суффиксом нельзя; в какой-то степени оно все же сохраняет характер наречного служебного слова. Д-р Мацусита относит его наряду с *бакари*, *дакэ*, *гурай* к наречным частицам[73]. Однако, поскольку *нагара* ставится как впереди, так и после падежных служебных слов, то этим оно отличается от наречных служебных слов. Одинаковым у них является только то, что *на́гара*, соединяя последующее с стоящей впереди частью предложения, выполняет функцию наречия.

Имеется похожее на *нагара* слово *гатэра*:

Сампо-гатэра *мати-мадэ иттэ кйта* 'Гуляя, дошел до города'.

Хйто-о ***тадзунэгатэра*** *Кёто-э икимасйта* 'Навещая знакомого, попутно заехал в Киото'.

Некоторые ученые считают, что *гатэра* так же, как и *нагара*, является суффиксом. В таком случае следует сказать, что это суффикс, придающий словам свойства наречия.

15. *Цуцу* (つつ)

Цуцу встречается в письменном и в разговорном языке. Это составное слово; оно образовалось путем повторения служебного глагола завершенности письменного языка *цу*. (Относительно происхождения данного слова существуют и другие теории: считается, что это измененный, дважды повторенный глагол неправильного спряжения по столбцу *са*, т. е. *су*, или что это сокращение слов *кацу-кацу* 'и-и'. Токуда считает, что рассматриваемое слово произошло от древнего глагола *цуцу*[74].) Присоединяясь к приёгэнной форме самостоятельных и служебных глаголов, оно обозна-

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

чает повторяемость действия, продолженность действия, а также показывает, что два действия происходят одновременно. Имеются возражения относительно включения его в состав союзных служебных слов, но в данной книге оно условно отнесено к ним.

Утикираси юки ва фурицуцу сикасугани вага э-но соно-ни угуису наку мо (Манъесю, 1441) 'Пал туман, и идет снег, а в это время все же в саду у моего дома поет соловей'.

Ямадзато ва аки косо котони вабисйкэрэ сйка-но наку нэ-ни мэ-о самасицуцу (Кокинсю) 'В горной деревне осень особенно грустна. При звуках того, как стонет олень, [я], лежа с открытыми глазами...'

Ватакўси ва варуй то ***сирицуцу*** *яримасйта* 'Я сделал, зная, что [это] плохо'.

Атокара ***осарэцуцу*** *дзэнсин-сйта* 'Продвигались вперед, будучи толкаемы сзади'.

Форма *цуцу ари* употреблялась и в период Хэйан (и в период Нара) и никоим образом не является современным переводным словом, возникшим под влиянием западных языков.

Коно цўки-но конома-ни курэба има то ка мо имо-га идэтати ***матицуцу араму*** (Манъёсю,1078) 'Когда сюда придет эта луна, милая, думая «вот сейчас?»,вероятно, выйдет и будет ждать [меня]'.

Можно полагать, что *цуцу ари* в приведенном примере не имеет значения *сицуцу ари* 'сделано', но в нижеследующем примере оно имеет именно такое значение[75].

Микосидомо мина акэватаси микитэ ***татэцуцу ару ни...*** (Уцубо-моногатари) 'Решетчатые жалюзи все подняты, экраны поставлены...'.

VII. СОЧИНИТЕЛЬНЫЕ СЛУЖЕБНЫЕ СЛОВА

Сочинительные служебные слова (хэйриц-дзёси 並立助詞), присоединяясь к различным словам, стоящим в равноправной позиции, соединяют их. Эти находящиеся в равноправном соотношении слова чаще всего бывают тайгэнами, хотя и не обязательно . В ряде случаев после тайгэна стоит еще служебное слово, иногда — наречие. Сочинительное служебное слово, присоединенное к последнему слову, обозначает, что данное слово находится в равноправном отношении со словом, стоящим перед ним, а далее его значение не распространяется. Эти служебные слова обычно рассматривали в составе падежных служебных слов, в составе наречных служебных слов, в составе союзных служебных слов, а впервые их обособил д-р Хасимото Синкити. Он говорит, что такие слова можно назвать и сочинительными и сопоставительными служебными словами. Служебных слов, относя-

щихся к указанному разряду, в разговорном языке множество, встречаются они и в письменном языке.

1. *То* (と)

То употребляется и в письменном и в разговорном языке. Ранее оно рассматривалось как падежное служебное слово; но, как видно из нижеследующих примеров, после него может стоять падежное служебное слово, а поскольку падежные служебные слова не присоединяются одно к другому, отнесение *то* к последним нельзя признать правильным.

Цуки **то** *хана* **то-о** *айсу* (п. я.) 'Любить луну и цветы'.

Хикōки **то** *дзидōся* **то-но** *ёрэцу-о рондзэё* (п. я.) 'Объясни достоинства и недостатки самолета и автомобиля'.

Кюсю-кара **то** *Сикоку-кара* **то** *ацуматтэ кйта* 'Собрались [приехавшие] из Кюсю и из Сикоку'.

Хару **то** *аки* **то** *идзурэ-га сýки* 'Что [тебе больше] нравится, весна или осень? (букв. 'весна и осень, что...' и т. д.).

В древней литературе *то*, как правило, ставилось после каждого из сочиняемых слов, но постепенно его стали опускать; и в настоящее время, поскольку не возникает ошибочного понимания, *то* после последнего из сочиняемых членов разрешается не ставить. В пункте 13 «Перечня допустимых отклонений от грамматических норм» говорится:

«Не возбраняется при перечислении нескольких слов, поскольку не возникает ошибочного понимания, опускать служебное слово *то* при последнем слове, например:

Цýки **то** *хана* 'Луна и цветы'.

Сюкē **то** *дōтоку-но канкэй* 'Отношение между религией и моралью'.

Кйто **то** *Кōбэ* **то** *Нагасаки-э ику* 'Ехать в Киото, Кобэ и Нагасаки'.

Но иногда при опускании последнего *то* возникает ошибочное понимание:

Сйки **то** *кансё* **то-но** *рэцудэн-о ёмубэси* (п. я.) 'Следует читать жизнеописания в Ши-цзи — «Истории» Сыма-цяня и в Хань-шу — истории Ханьской династии'.

Сйки **то** *кансё-но рэцудэн-о ёмубэси* (п. я.) 'Следует читать Ши-цзи — «Историю» Сыма-цяня и жизнеописания в Хань-шу — истории Ханьской династии.

Основания для такого допущения изложены в «Первом докладе комиссии по изучению японского языка о проекте реформ ныне действующих грамматических правил»:

«Об этой форме в «Пространной японской грамматике» говорится: «*То* в значении 'с, вместе' следует ставить в ряде мест. Однако, когда оно употребляется более чем в двух местах, его ино-

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

гда опускают, что неправильно. Например, *энсан то рюсан-но энруй-о цугу* —это имеет и значение *энсан то рюсан-но энруй то-о цугу* 'влить соляную кислоту и соль серной кислоты' и значение *энсан-но энруй то рюсан но энруй то-о цугу* 'влить соли соляной и серной кислоты'. Говорить *кō то оцу то хэй-но са-но цумори* неверно. Следует сказать или *кō то оцу то хэй то-но са-но цумори* 'вычисление разницы между А, Б и В' или *кō то оцухэй-но са то-но цумори* 'вычисление разницы между А [с одной стороны] и Б и В [с другой]'. В противном случае может возникнуть большая ошибка. Из предложения *Судзуки то Иноуэ-но тити-о манэку* не ясно, имеет ли оно смысл 'пригласить отца Судзуки и отца Иноуэ' или же пригласить сына одного и отца другого. Здесь обязательно следует поставить еще одно *то*. Точно так же предложение *Гэцуё оёби дайсайдзицу-но ёкудзицу кюкан* следует выразить в виде *Гэцуёби то дайсайдзицу-но ёкудзицу то кюкан* '[Газета] не выходит по понедельникам и на другой день после больших праздников'. В противном случае можно понять, что газета не выходит и по вторникам».

Действительно в японской литературе, начиная с периода Хэйан и до периода Асикага, примеров на опущение последнего *то* нет. Однако один, два таких примера можно встретить в стихах или же при наличии парных предметов, например : *ками то варэ* (Госэнсю, Кагэрō-никки) 'Ты и я', *цуки то хи, цуки то хоси, хи то хоси, аса то ю* (Канва-хōсйки) 'луна и солнце, луна и звезды, солнце и звезды, утро и вечер'. Однако со времени периода Токугава вплоть до наших дней принято опускать последнее *то*, причем реальные неудобства от этого возникают крайне редко. Поэтому, если придерживаться указанного правила с теми ограничениями, которые здесь предусмотрены, то, например, при перечислении парных предметов это даже более удобно»[76].

2. *Я* (や)

Употребляется как в письменном, так и разговорном языке. Ранее оно рассматривалось как соотносительное служебное слово; однако существует сочинительное *я*, не обладающее никакими свойствами соотносительных служебных слов.

Варигоя нани я то... катабира я нуно я надо (Кагэрō-никки) 'Шкатулка и еще что-то... накидка и полотно и т. д.'

Асоко-но мидзо я гори я-ни дзо сутэокикэри (Хэйкэ-моногатари) 'Выбросили там в канавы и рвы'.

Дайсу я кика я муцукасий гакка 'Алгебра и геометрия трудные науки'.

Итинити я фуцука-но кото дэ ва най '[Это] дело не одного и не двух дней'.

Сйцу-но ёй-но ***я*** *варуй-но* ***я*** *ироиро нарабэтэ ару* 'Выставлены самые разнообразные, и хорошие и плохие по качеству'.

В этом случае *я* после последнего члена предложения также иногда опускается.

3. *Ка* (か)

Употребляется в письменном и в разговорном языке; раньше обычно рассматривалось, как и *я*, в составе соотносительных служебных слов.

Хаха ***ка*** *уба* ***ка*** *идакйтэ ямабияси-ни нигэкакурэтаран ва икани сэю* (Хōгэн-моногатари) 'Что делать? — мать или кормилица возьмет его на руки и скроется в лесу'.

Эмпицу ***ка*** *пэн* ***ка****-о моттэ кинасай* 'Принесите карандаш или перо'.

Ситтэ иру но ***ка*** *ситтэ инай но* ***ка*** *саэ ситтэ инай* '[Я] даже не знаю, знают ли или не знают'.

4. *Яра* (やら)

Это сочинительное служебное слово употребляется только в разговорном языке. Ранее рассматривалось как наречное служебное слово.

Ӯмэ ***яра*** *сакура* ***яра*** *итидзи хана-га хирайта* 'Сразу расцвели цветы, то ли сливы, то ли вишни'.

Наку ***яра*** *сакэбу* ***яра*** *ōсаваги датта* 'То ли плакали, то ли кричали, стоял страшный шум'.

Дō ***яра*** *кō* ***яра*** *дэкиагатта* 'Кое-как сделали'.

5. *Ни* (に)

Употребляется только в разговорном языке. Раньше рассматривалось как падежное служебное слово.

Сакэ ***ни*** *биру, табако* ***ни*** *матти, симбун* ***ни*** *дзасси* 'Сакэ да пиво, табак да спички, газеты да журналы'.

Ацуматта моно ва кодомо ***ни*** *тосиери дакэ да* 'Собрались только дети да старики'.

6. *Нари* (なり)

Употребляется только в разговорном языке. Ранее рассматривалось как наречное служебное слово.

Ками-ни ***нари*** *боку-ни* ***нари*** *сōдан-сурэба ей нони* 'Надо было б [ему] посоветоваться с тобой ли, со мной ли'.

Маэ ва уми ***нари*** *усиро ва яма* ***нари*** *макото-ни кэйсē-но ти дэару* 'Впереди море, позади горы, действительно прекрасное место'

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Дзикан ва сўкунай **нари** *мондай ва муцўкасий* **нари** *коматтэ симатта* 'Времени мало, вопрос трудный, я был в затруднении'.

7. *Но* (の)

Употребляется в письменном и в разговорном языке. Ранее рассматривалось как падежное служебное слово.

Кадзэ мадзири амэ фуру еру **но**, *амэ мадзири юки фуру еру ва*... (Манъесю̄, 892) 'Ночь, когда идет дождь, смешанный с ветром, ночь, когда идет снег, смешанный с дождем...'

Сиракумо-но танабику куни **но**, *аогумо-но макабусу куни* **но**.. (Манъесю, 3329) 'Страна, где тянутся белые облака, страна, где смыкаются с землей голубые облака...'

Тада ямасато-но ēни ито сидзука-нару токоро **но**, *хйто мо юки-мадзиранў токоро-ни хабэру о*.... (Гэндзи-моногатари) 'Находится в месте очень тихом, как горная деревушка, месте, где и люди не ходят'.

Ному **но** *куу* **но** *ттэ марудэ кига да* 'Пьет ли, ест ли, совсем голодный чертенок'.

Ацуи **но** *ацўку най* **но**-*ттэ ханаси-ни наранай* 'Жарко ли, не жарко ли, об этом не приходится говорить'.

Если основываться на приведенных примерах письменного языка, то можно подумать, что *но* является падежным служебным словом, обозначающим адъективное определение[77]. Однако, видимо, возможно, как и в разговорном языке, рассматривать его как сочинительное служебное слово.

8. *Дано* (だの)

Употребляется только в разговорном языке. Это самостоятельное сочинительное служебное слово, образовавшееся после присоединения рассмотренного выше *но* к служебному глаголу-связке *да*.

Сю̄кē **дано** *тэигаку* **дано** *то муцукасий кото бакари рондзиттэ иру* '[Он] рассуждает только о трудных вопросах — религии, философии'.

Сину **дано** *нигэру* **дано** *цумаранў манэ-о суру на* 'Не изображай глупостей — умирать, убегать'.

9. *Тари* (たり)

Употребляется только в разговорном языке. Представляет собою превратившийся в служебное слово служебный глагол законченности действия письменного языка *тари*. Обычно *тари* относят либо к служебным глаголам, либо, условно, — к союзным служебным словам. Присоединяется *тари* к приеганной форме спрягаемых слов Фонетически изменяясь, принимает форму *дари*.

Бёнин ва нэтари окитари сётэ имасу 'Больной то встает, то ложится'.

Одоттари ханэтари кодомора ва юкайсōни асондэ иру 'Дети, (то) танцуя, (то) прыгая, весело играют'.

VIII. КВАЗИИМЕННЫЕ СЛУЖЕБНЫЕ СЛОВА

Название «квазиименные служебные слова» (дзюнтай-дзёси 準體助詞) дано д-ром Хасимото. По его мнению, данные служебные слова не обладают значением остановки или продолжения и в этом смысле равноправны с знаменательным словом — тайгэном; и действительно, служебные слова, присоединяющиеся только к тайгэну, присоединяются и к такого рода служебным словам. И другие частицы присоединяются к ним так же, как к тайгэну. Эти служебные слова, присоединяясь к другим словам и придавая им определенное значение, создают целое, имеющее те же функции, что и тайгэн. Ранее они рассматривались в составе падежных, или то соотносительных, то междометийных служебных слов.

1. *Но* (の)

Употребляется и в письменном и в разговорном языке, но чаще в разговорном. Ранее оно рассматривалось как падежное служебное слово, причем считалось, что оно замещает тайгэн.

*Хитодзума то **вага но** то футацу омоу ни ва...* (Ёситадасю) 'Когда [я] думаю о двух — чужой жене и **своей**...'

*Хикōки-но **тобу но** ва хаяй* 'Полет самолета быстр'.

*Итибан ёй **но**-о каимасу* 'Куплю самое **лучшее**'.

***Ику но**-ни дзикан-га какару* 'Для того, чтоб **пойти**, требуется время'.

*Корэ ва анохйто-но **но** да* 'Это — **его** [вещь]'.

*Корэкара каэру **но** дэсу* 'Теперь надо возвращаться'.

Если не рассматривать *но* в этих примерах как квазиименное служебное слово, то его следует назвать формальным существительным. К нему могут присоединяться падежные служебные слова *га, но, ни, о* и служебные глаголы-связки *да, дэсу*, чем и проявляются его свойства как тайгэна.

2. *Дзо* (ぞ)

Употребляется только в разговорном языке. Раньше *дзо* рассматривалось как междометийное служебное слово. Присоединяясь к вопросительным словам, *дзо* выражает значение 'некто', 'нечто' и т. д.:

Дарэ дзо-ни ярō 'Кому-нибудь отдадим'.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Доко дзо-но мисэ-э дэтти-ни ярō 'Отдам в мальчики в какой-нибудь магазин'.

Корэ дзо то йу ходо-но моно га най 'Нет такой вещи, чтоб сказать — это [вещь]'.

3. *Кара* (から)

Употребляется только в разговорном языке. Ранее оно рассматривалось в качестве падежного служебного слова. Присоединяясь к различным словам, оно выражает значение *идзē* 'сверх, более', *иго* 'со времени, после'.

*Дзюэн-**кара-но** нэдан дэсу* 'Цена от 10 иен'.

*Гонэн-**кара-но** ниссу́-о какэта сигото да* 'Работа, на которую потребовалось более 5 лет'.

*Сō натта **карава** сйката-га най* 'Поскольку так получилось, то ничего не поделаешь'.

*Гаккō-о соцугē-сйтэ **кара-га** симпай на но да* 'Беспокоит, что будет после окончания школы'.

*Хикиукэта **каранива** сиккари яранакэрэба наранай* 'Поскольку взял на себя, то нужно делать добросовестно'.

4. *Ходо* (ほど)

Употребляется как в письменном, так и в разговорном языке. Раньше оно рассматривалось как существительное или суффикс. Выражает степень. Д-р Хасимото приводит следующие примеры:

*Мицу **ходо-га тёдо** ёй* 'Три (букв. 'количество в три') будет как раз хорошо'.

*Каттэ оку **ходо дэ мо най*** 'Не такое, чтобы стоило покупать'.

*Симпай-сйта **ходо-но** кото мо най* 'Нет таких дел, чтоб беспокоиться'.

*Има мадэ **ходо** бэнкē-синай* 'Столько, как до сих пор, не занимаюсь'.

Из письменного языка можно привести следующие примеры:

*Таку **ходо** ва кадзэ-га курэтару отйба кана* (Исса) 'О, опавшие листья, которых ветер дал столько, что [ими] можно топить'.

*Оюрэба ōюру **ходо** масу́масу́ сō нари* (п. я.) 'Чем старше становишься, тем более расцветаешь'.

IX. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ СЛУЖЕБНЫЕ СЛОВА

Название «заключительные служебные слова» (сюдзёси 終助詞) дано д-ром Ямада. Раньше их рассматривали как присоединяющиеся к различным словам или же относили к междометиям. Относительно их признаков д-р Ямада говорит: «Заключительные служебные слова связаны со сказуемым и обычно ставятся только

в конце фразы. Их наименование и содержание впервые определены мною. Их отношение к предикации таково же, как и у соотносительных служебных слов. Особенностью их является то, что они ставятся только в конце фразы. Эти служебные слова накладывают определенные ограничения на слово, которое стоит впереди, и в большинстве случаев составляют концовку, которая придает высказыванию характер приказания, желания, эмоции и т. д.»[78]. На основе изложенного постараемся сформулировать о с о б е н н о с т и з а к л ю ч и т е л ь н ы х с л у ж е б н ы х с л о в:

1) С в я з а н ы с п р е д и к а ц и е й. (Ямада говорит. «Присоединение этих служебных слов придает законченность высказыванию, при опускании их характер предложения меняется. В этом их большое отличие от рассматриваемых далее междометийных служебных слов».)

2) У п о т р е б л я ю т с я т о л ь к о в к о н ц е ф р а з ы.

3) П р и д а ю т в ы с к а з ы в а н и ю х а р а к т е р п о в е л е н и я, ж е л а н и я, в ы р а ж а ю т э м о ц и и и т. п.

Сравним эти особенности с признаками междометийных служебных слов, о которых речь будет идти в следующем разделе:

1) Междометийные служебные слова не обязательно связаны с предикацией, но если учесть, что они могут стоять после заключительных служебных слов, как, например, *моно-ни* ***жогана я,*** *арикэму* ***каси на,*** то нельзя утверждать, что эта связь отсутствует. Среди заключительных служебных слов встречаются такие, которые, как и междометийные служебные слова, ставятся в середине предложения и не имеют связи с предикацией, например: *нао ёкараму тэки* ***гана*** *кундэ има хйтори куби тораму* (п. я.) 'схвачусь с ненавистным врагом и сейчас добуду [еще] одну голову'. (Конечно, в этом случае *гана* следует перепести из разряда заключительных служебных слов в разряд междометийных, в чем также проявляется связь между обоими.) Отсутствие различия между заключительными и междометийными служебными словами в степени связи с предикацией может быть наглядно проиллюстрировано на следующих примерах. (В этой книге *са* и *ё* рассматриваются не как междометийные, а как заключительные служебные слова[79].)

Са ва омоицу ***каси*** (п. я.), *сорэ ва соно хадзу нэ* (разг. я.) 'Это ведь так и должно быть'.

Са ва омоицу (п. я.), *сорэ ва соно хадзу* (разг. я.) 'Это так и должно быть'.

В приведенных примерах *каси* и *нэ* ничем не отличаются друг от друга по характеру своей связи с предикацией. И нет достаточных оснований для того, чтобы по этим признакам считать *каси* заключительным служебным словом, а *нэ* — междометийным.

2) Несомненно, встречаются случаи, когда и заключительные и междометийные служебные слова стоят в конце фразы, но междометийные служебные слова могут находиться и в середине пред-

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

ложения, чем они отличаются от заключительных служебных слов, которые употребляются только в конце предложения. Д-р Хасимото считает, что заключительные и междометийные служебные слова одинаково должны следовать после синтаксической единицы. Но заключительные ставятся после такой единицы, на которой высказывание прерывается, а междометийные могут находиться и после заканчивающей высказывание единицы и за единицей, после которой высказывание еще продолжается. Поэтому и в своей таблице классификации частиц д-р Хасимото делит «стоящие в конце» на два вида: «заканчивающие предложение» (заключительные служебные слова) и «стоящие после синтаксической единицы» (междометийные служебные слова).

3) Среди заключительных служебных слов существует группа слов, выражающих эмоцию, а также группа слов, выражающих повеление или желание; междометийные же служебные слова выразить этого не могут. И в целом значения, передаваемые заключительными служебными словами, гораздо шире значений, выражаемых междометийными.

Такие теории, как теория Ясуда Киёмон, объединяющая заключительные и междометийные служебные слова под общим названием «независимые служебные слова», или теории, рассматривающие оба эти типа служебных слов как эмоциональные служебные слова, кладут в основание общие черты обоих типов, и, следовательно, нельзя сказать, что данные теории неправомерны. Но если в основу классификации положить другой критерий, а именно, проследить, например, как сочетаются одни служебные слова с другими, когда они употребляются вместе, то на основании этого нового критерия указанные группы слов придется разграничить. Мне кажется, что именно это имеет в виду д-р Ямада, когда говорит, что они «накладывают определенные ограничения на слово, которое стоит впереди».

Остановимся в общих чертах на значении и употреблении отдельных заключительных служебных слов.

1. *Га, гана* (が,がな)

Оба заключительных служебных слова употребляются только в письменном языке и выражают желание. В зависимости от характера слова, стоящего впереди, они могут принимать следующие формы:

1) *Сига, сигана* (しが,しがな). Это соединение с приименной формой *си* служебного глагола прошедшего времени *ки*, присоединяющегося к приёгэнной форме глаголов. В данном случае *си* не имеет значения ни прошедшего времени, ни воспоминания. Но соответствует ли оно *та* в современном разговорном языке в таком употреблении, как *аттара ий ни на* 'хорошо, если бы было!'? Оно толь-

ко подчеркивает смысл. Д-р Такэда Юкити выдвинул теорию, что в «Манъэсю» и «Сэммэ» *сига* и *тэсига* должны не озвончаться, а произноситься *сйка*, *тэсйка* [27].

Масокагами мисига то омоу имо-ни... (Манъёсю, 2366) 'С милой, которой хочу любоваться, как чистым зеркалом...'

Аки нзрадэ цума ёбу сйка-о кикйсигана... (Кинъёсю) 'Осени нет, а [я] слышу оленя, призывающего самку'.

2) *Тэсига, тэсигана* (てしが, てしがな). Это соединение рассмотренных выше *сига*, *сигана* с приёгэнной формой *тэ* служебного глагола завершенности *цу*. Они не обладают ни значением завершенности, ни значением прошедшего времени, ни значением воспоминания, о чем говорилось в предыдущем параграфе. Так же, как и рассмотренные выше служебные слова, *тэсига* и *тэсигана* присоединяются к приёгэнной форме глагола.

Вага ядо-но аки-но хаги саку юкагэ-ни има мо митэсига имо-га сугата-о (Манъёсю, 1622) 'Если б именно сейчас увидеть в вечерней тени, когда цветут осенние хаги у моего дома, образ милой'.

Миминасино яма-но кутинаси э(得) ***тэсйгана*** (Кокинсю) 'Получить бы мне травку кутинáси с горы Миминáси!'

3) *Ниси, нисигана* (にし, にしがな). Это соединение *сига*, *сигана* с приёгэнной формой *ни* служебного глагола завершенности *ну*. Присоединяется к приёгэнной форме глагола:

Фукаки яма ни мо ириниси га (Ёситада-сю) 'Уйти бы в глубь гор!'

4) *Мога, могана* (もが, もがな). Это соединение *га*, *гана* с соотносительным служебным словом *мо*. Присоединяется к тайгэну, незавершенной форме предикативных прилагательных и к приёгэнной форме служебного глагола отрицания *дзу*.

Аси-но ото сэдзу юкаму ***кома*** (駒) ***мога*** (Манъёсю, 3387) 'Если б [мне] коня, который пойдет неслышно'.

Асибики-но яма ва ***наку мога*** (Манъёсю, 4076) 'Если б распростертых гор не было!'

Синобу яма синобитэ каёу ***мити могана*** (Исэ-моногатари) 'Если б [была] дорога, по которой тайно проходят на «Гору тайны»'.

5) *Могамо, могамона* (もがも, もがもな). Образовано путем присоединения к рассмотренному выше *мога* соотносительного служебного слова *мо;* если к нему присоединяется заключительное служебное слово *на*, образуется *могамона*.

Юки-но иро-о убаитэ сакэру ўмэ-но хана има сакари нари миму ***жйто могамо*** (Манъёсю, 850) 'Цветы сливы, которые распустились, похитив цвет у снега, теперь в расцвете. Если б [здесь был] ты (букв. 'человек'), чтоб любоваться [ими]'.

Кава-но э-но нацу ивамура-ни куса масадзу ***цунэни могамона*** *токо итомэ нитэ* (Манъёсю, 22) 'На священных скалах у реки не растет трава. Если б вечно [ты] была юной девушкой'.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

6) *Моганая, могамоя* (もがなや, もがもや). Рассмотренное выше *могана* в соединении с междометийным служебным словом *я* образует *моганая*, а *могамо* в соединении с этим *я* образует *могамоя*.

Каи-га нэ-о нэкоси ямакоси фуку кадзэ-о ***хйто-ни могамоя*** *иидзутэ яраму* (Кокинсю) 'Если б ветер, который дует и перелетает через пик Каи, через горы, [стал] **человеком**! [Тогда он] передаст весть [от меня]'.

7) Со времени Хэйан *гана* стало употребляться, как показано ниже, и полностью превратилось в междометийное служебное слово. Оно используется и в современном разговорном языке.

Нани гана торасэму то омоидомо торасубэки моно наси (Удзисюи-моногатари) '[Он] думал дать что-нибудь, но вещи, которую можно было бы дать, не было'.

2. *Ка, кана, камо* (か, かな, かも)

Все это заключительные служебные слова письменного языка. Присоединяясь к тайгэнам и приименной форме спрягаемых слов, они выражают эмоцию (играют роль курсива).

Сидзукэку мо кйси-ни ва нами ва ёсэкэру ***ка*** (Манъёсю, 1237) 'Хоть тихо, но на берег набегают волны!'

Хйсаката-но амэ-но ва кину о аясйку мо ва-га коромотэ ва хиру токи наки ***ка*** (Манъёсю, 1371) 'В дождь с вечного неба [я] не надеваю [платья], но странно, нет времени, чтоб мои рукава высыхали'.

Кокоро-о нуса-то кудаку таби ***кана*** (Кокинсю) 'О путь, который в клочки разрывает [мое] сердце!'

Вага соно-ни ӱмэ-но хана тиру. Хйсаката-но амэ-ёри юкино нагарэкуру ***камо*** (Манъёсю, 822) 'В моем саду цветы сливы осыпаются, [то не] струится ли снег с вечного неба?'

Амэ-но хара фурасакэ мирэба Касуга нару Микаса-но ямани идэси цӱки камо (Кокинсю) 'Я обернулся и посмотрел на равнину неба — о луна, взошедшая над горой Микаса в Касуга!'

3. *Каси* (かし)

Это заключительное служебное слово, которое употребляется только в письменном языке и, будучи поставлено там, где заканчивается предложение, сильно подчеркивает мысль.

Макотони ками мо урэси то обэсимэсураму ***каси*** (Макура-но сōси) 'Поистине, вероятно, и боги радуются'.

Оякэ-но Ёцуги то дзо иихабэриси ***каси*** (Ōкагами) 'Он звался Оякэ-но Ёцуги'.

4. *На* (な)

Употребляется в письменном и разговорном языке. Присоединяясь к слову, которое заканчивает предложение, выражает эмоцию. В письменном языке при присоединении к тайгэну оно

иногда образует предикатную позицию. В период Нара присоединялось к незавершенной форме самостоятельных и служебных глаголов и выражало желание. В период Хэйан такое употребление прекратилось.

Онадзику ва кисэё ***на*** (Такэтори-моногатари) 'Оденься одинаково!'

Цукубанэ-но сусоми-но таи-ни акита кару имогари яраму момидзи таора ***на*** (Манъёсю, 1758) 'Хочу нарвать алой листвы, чтобы послать милой, которая жнет на осеннем поле средь полей у подножья пиков Цукуба'.

Хана-но иро ва уцуриникэри ***на*** (Кокинсю) 'Красота цветов прошла'.

Нандзи ва Хэйкэ-но самураи ё ***на*** (п. я.) 'Ты воин из [войска] Тайра'.

Ано хйто ва тайхэн ёку хасцру ***на*** 'А он хорошо бегает!'

Коннити ва тайхэн самуй ***на*** 'А сегодня ужасно холодно!'

Кроме того, заключительное служебное слово *на* в разговорном языке употребляется еще и в следующих двух значениях:

1) Присоединяясь к приёгэнной форме глаголов или к неспрягаемым глаголам, оно выражает повеление или приглашение. Возможно, что это слово *насай*, в котором опущено *сай*. Это слово употребляется в разговоре с близкими.

Хаяку каэттэ ки ***на*** 'Скорее возвращайся'.

Асоби-ни о-идэ ***на*** 'Приходи в гости'.

Го-хон-о сибараку касйтэ тёдай ***на*** 'Одолжите мне ненадолго вашу книгу'.

2) Присоединяясь к заключительной форме глаголов, *на* выражает запрещение (соотносительное служебное слово запрещения письменного языка *на* в разговорном языке превратилось в заключительное служебное слово). Употребляется главным образом в разговоре с подчиненными.

Танонда кото-о васурэру ***на*** 'Не забудь то, что я просил'.

Нидо то конна токоро-э куру ***на*** 'Второй раз больше не приходи в такое место'.

Употребленное так, как показано в нижеследующем примере, *на* в письменном языке кажется обладающим свойствами междометийного служебного слова:

Цую ва содэ-ни момому коро ва ***садво на оку*** (Синкокинсю) 'Роса — когда я предаюсь думам — словно падает на рукав'.

5. *Нэ, ни* (ね, に)

Эти заключительные служебные слова употреблялись в период Нара. Присоединяясь к незавершенной форме самостоятельных и служебных глаголов, они выражают желание по отношению к другим. Согласно одной из теорий, *ни* является фонетическим изменен-

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

ным *нэ*, в соответствии с другой — *нэ* является самостоятельным заключительным служебным словом. Однако, если сопоставить их с рассмотренным выше *на*, то возникает мысль, не представляют ли собой все они, т. е. *на*, *ни*, *ну*, *нэ*, служебный глагол четырехступенчатого спряжения, выражающий желание. В свете теории д-ра Токуда, изложенной в разделе о служебном глаголе законченности действия, данный вопрос заслуживает дальнейшего изучения.

1) Примеры на *нэ*:

Коно ока-ни на цумасу ко, иэ кикана, на норасанэ (Манъёсю, 1) 'Дитя, собирающее травы на этом холме, хочу слышать о [твоем] доме, назови [свое] имя!'

В следующих примерах *нэ* стоит после *га* и *со*:

Акицуха-ни ниоэру коромо варэ ва кидзи ками-ни мацураба ёру мо кару га нэ (Манъёсю, 2304) 'Я не надеваю платья блестящего, как крылья стрекоз. А если б тебе [его] поднесли, то ночью надевал бы'.

Нанивагата сиохи на ари со нэ (Манъёсю, 229) 'Не наступай, отлив, в бухте Нанива!'

2) Пример на *ни*:

...наонаони иэ-ни каэритэ нари-о симаса ни (Манъёсю, 801) ... как всегда, возвратясь домой, займись делом'.

6. *Ка* (カ)

Употребляется только в разговорном языке. Присоединяясь к тайгэну, являющемуся сказуемым, или же к заключительной форме спрягаемых слов, выражает вопрос. Как уже говорилось выше, в письменном языке *ка* является соотносительным служебным словом, а в разговорном языке, с одной стороны, оно превратилось в наречное служебное слово, выражающее неопределенность, а с другой—в заключительное служебное слово, выражающее вопрос.

Корэ ва нанно хон ***ка***? 'Это какая книга?'

Ками ва боку-но ути-э наннити-ни куру ***ка***? 'Какого числа ты придешь ко мне?'

Кай-но хадзимару но ва нандзи-кара ***ка***? 'С какого часа начало собрания?'

Татта корэ дакэ ***ка***? 'Только это?'

В следующих примерах это же *ка* выражает риторический вопрос. В таком случае оно часто принимает форму *кото ка*, *моно ка* (*мон ка*).

Сорэ да кара иванай ***кото ка***? 'Что ж, поэтому и сказать нельзя?'

Сонна бакана ханаси-га ару ***моно дэсу ка***? 'Может ли быть такая глупая история?'

Вадзукана хиё-дэ нани-га дэкиру ***моно ка***? 'С маленькими средствами разве что сделаешь?'

7. Э (え)

Употребляется только в разговорном языке, причем считается, что это — употребленное заключительно фонетически измененное соотносительное служебное слово письменного языка *я*. Имеет значение легкого вопроса. Присоединяется к служебным глаголам *та, да, дэсу* и к служебному слову *ка*.

Соко-ни иру но ва дарэ да э? 'Кто это там?'

Рэйно дзикэн-но кэкка ва до датта э? 'А чем закончилось то дело?'

Соннани омосирокатта ка э? 'Было так интересно?'

8. Дзэ (ぜ)

Заключительное служебное слово, употребляющееся только в разговорном языке. Присоединяется к заключительной форме спрягаемых слов, имеет значение утверждения:

Мо ягатэ куру ***дзэ*** 'Наконец-то придет'.

Нара ва хидзэни сидзука да ***дзэ*** 'В Нара очень тихо'.

Са*, о-мацури-но гёрэцу-га яттэ кита* ***дзэ*** 'А, приблизилась праздничная процессия'.

9. Томо (とも)

Это заключительное служебное слово, встречающееся только в разговорном языке. Присоединяясь к заключительной форме спрягаемых слов, выражает подтверждение в смысле *йу мадэ мо най* 'нечего и говорить, что...'

Санри-гурай арукэру ***томо*** 'Три ри я, конечно, пройду'.

Мотирон дайдзёбу дэсу ***томо*** 'Разумеется, все в полном порядке'.

Сорэ-ни тигаи накарō. Сō дэсу ***томо*** 'В этом нет сомнения. Это так'.

10. И (ゃ)

Это заключительное служебное слово имеет место только в разговорном языке. Выражает подчеркивание.

Сорэ ва нандай? 'Что это такое?'

Сорэ-о моратта но ва боку дай 'Это получил я'.

Сō кай? 'Разве так?'

11. Но (の)

Данное заключительное служебное слово, наблюдается только в разговорном языке. Вероятно, происходит от падежного служебного слова письменного языка *но*. Присоединяясь к заключитель-

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

ной (или к прииенной?) форме спрягаемых слов или к другим служебным словам, подчеркивает какую-либо мысль, придает эмоциональную окраску высказыванию или выражает вопрос.

1) Подчеркивание мысли:

Доко-э иттэ мо тайхэн ацуй ***но*** 'Куда ни пойдешь, (везде) ужасно жарко'.

Нанто йу уцукусий хана дэсу ***но*** 'Что за красивый цветок'.

Часто в таком случае к *но* присоединяют еще междометийное служебное слово *нэ*, образуя *нонэ*.

2) Создание впечатления недоговоренности:

Биккури суру ходо ёку хасиру ***но*** 'Просто удивительно, как хорошо бежит...'

Ватакуси мо икитай ***но*** 'И я хочу пойти...'

В этом случае *но* часто употребляют с междометийным служебным словом *ё* в форме *ноё*. Такой формой пользуются преимущественно женщины.

3) Выражение вопроса.

Следует заметить, что в этом случае часто впереди стоит вопросительное слово, но бывает, что его и нет.

Ната доко-э ику ***но***? 'Куда вы идете?'

Такусан иру ***но***, *иранай* ***но***? 'Много нужно? или не нужно?'

12. *Ё* (よ)

Это заключительное служебное слово представлено только в разговорном языке. Присоединяясь к тайгэну или к заключительной или повелительной форме спрягаемых слов, к заключительным служебным словам *на* и *но*, к падежным и наречным служебным словам, подчеркивает указание или придает высказыванию эмоциональную окраску.

1) Присоединение к тайгэну:

Корэ ва хако ***ё*** 'Это ящик'.

Тэгами-о дасйта но ва ватакуси ***ё*** 'Это я послал письмо'.

Сирэта кото ***ё*** 'Дело известное'.

2) Присоединение к заключительной форме спрягаемых слов:

Кондо ва ватакуси-га уцу ***ё*** 'Вот теперь я ударю'.

Кими-но нийсан-кара кувасйку кийта ***ё*** '[Это] я подробно слышал от твоего старшего брата'.

Нани, цумаранай кото дэсу ***ё*** 'Да это пустое!'

3) Присоединение к повелительной форме спрягаемых слов:

Мэдзурасий о-миягэ-о каттэ кой ***ё*** 'Привези какой-нибудь интересный подарок'.

Хаяку сигото-о хадзимэро ***ё*** 'Скорее начинай работу'.

Гомэн насай ***ё*** 'Извините!'

Ввиду того, что повелительная форма глаголов верхнего одноступенчатого спряжения, нижнего одноступенчатого спряжения и

неправильного спряжения по столбцу *са* сама по себе имеет *ё*, например: *окиё* 'встань', *осиэё* 'объясни', *сэё* 'сделай', то *ё* еще раз к этим формам не присоединяется. Однако повелительная форма глаголов четырехступенчатого спряжения и другие повелительные формы глаголов верхнего одноступенчатого, нижнего одноступенчатого и неправильного спряжения по столбцу *са*, имеющие окончание *ро*, могут присоединять данное *ё*:

Хаяку окиро ё 'Скорее вставай'.

Иссёкэммэй-ни бэнкё-сиро ё 'Занимайся усердно'.

Как уже упоминалось ранее в разделе о глаголе, *ё* и *ро* повелительной формы, вероятно, первоначально представляли собою междометийное служебное слово *е*, а в настоящее время превратились в окончание глагола. Именно потому, что они превратились в окончание, и стало возможным к *ро* дополнительно присоединить *ё*.

4) Присоединение к заключительному служебному слову *на*:

Кондо ва намакэру на ё 'Теперь не ленись!'

Тюи-сйтэ кэга-суру на ё 'Будь внимателен, не поранься'.

5) Присоединение при незаконченном высказывании (благодаря этому *ё* присоединяется к заключительным, падежным и наречным служебным словам):

Дэмо анна кото-о йу кара ё 'Ведь раз [он] говорит такие вещи...'

Сорэ ва сō ё 'Это так...'

В разговорном языке *ё* иногда удлиняется и произносится как *ёё*. Такое произношение не соответствует языковой норме, но благодаря этому смысл высказывания усиливается. Данное слово придает, кроме того, высказыванию оттенок нежности, ласки.

Хаяку китэ тёдай ёё 'Приходите поскорее'.

Нани-о найтэ иру-но ёё 'О чем ты плачешь?'

Ё, каттэ тёдай-ттара 'Я ж прошу, купи'.

В начале последнего предложения *ёё* перемещено из стилистических соображений. Здесь оно превращается в междометие.

13. *Са* (さ)

Это заключительное служебное слово встречается только в разговорном языке. Присоединяясь к тайгэну, к заключительной форме спрягаемых слов, к служебным словам, стоящим в конце предложения, к наречиям и т. д., оно выражает легкое подчеркивание мысли.

1) Присоединение к тайгэну:

Дō нару ка, сорэ-га мондай са 'Что будет, это вопрос'.

Сорэ-га фусиги са 'Это-то и странно'.

Вадзукани саннин са 'Всего лишь трое'.

2) Присоединение к заключительной форме спрягаемых слов:

Сорэ-дэ тёдо ий са 'Это будет как раз'.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Ватакўси даттэ икитай ***са*** 'Мне-то хочется пойти'.

Сорэ ва кинō тити-га каттэ курэта ***са*** 'Это мне купил вчера отец'.

3) Присоединение к служебному слову, стоящему в конце предложения:

Сорэ ва идзэн-кара ситтэ ирэба ***косо са*** 'Вот если бы это знать заранее'.

*Кёнэн-но хару Тōкē-дэ вакарэта-****кири*** *са* 'Как в прошлом году расстались в Токио, так и не виделись'.

*Аната доко-э итта но? Каймоно-****ни са****?* 'Куда вы пошли? За покупками'.

Создается впечатление, что в некоторых из приведенных выше примеров опущено слово, которое должно стоять перед *са*.

4) Присоединение к наречиям:

Такўсан ару ка? Хонно ***сўкоси са*** 'Много ли есть? Совсем мало'.

5) В следующих примерах обнаруживается характер междометийного служебного слова, и, возможно, в этом случае им следует считать *са*.

Сорэ-га ***са****, ўмаку иканай н да ё* 'Это-то легко не получится'. *Сосйтэ* ***са*** *тōтō сиппай-ситэ симатта ё* 'И вот, в конце концов, окончилось неудачей'.

X. МЕЖДОМЕТИЙНЫЕ СЛУЖЕБНЫЕ СЛОВА

Междометийные служебные слова (кантō-дзёси 間投助詞) можно также назвать эмоциональными или восклицательными служебными словами. Это такие служебные слова, которые усиливают выразительность, изменяют интонацию или придают высказыванию эмоциональную окраску. Когда они стоят после синтаксической единицы (они могут стоять и не в конце всего предложения), в них ярко проявляется значение междометийного слова. Следовательно, их устранение не окажет существенного влияния на предложение в целом, например:

Иицўкэрарэта кото-о васурэру ***на*** 'Не забудь то, что [тебе] наказано'.

Танонда кото-о васурэта ***на*** 'Забыл то, о чем меня просили'.

Сравним эти два предложения. В первом *на* является заключительным служебным словом, выражающим запрещение. Если его опустить, получится *иицўкэрарэта кото-о васурэру* 'забывать то, что наказано', т. е. предложение примет совершенно другой смысл. Во втором предложении *на* — междометийное служебное слово, придающее высказыванию только эмоциональную окраску, и если его опустить, общий смысл не потерпит коренных изменений, как в первом случае. Разумеется, эмоциональная окраска в таком случае утратится, и если *танонда кото-о васурэта на* обращено к

другому лицу, то без *на* смысл предложения *танонда кото-о васурэта* становится неясным; то ли это признание для самого себя, то ли эти слова обращены к другому. Тем не менее можно считать, что по существу здесь налицо изменение совершенно иного порядка, чем при исчезновении значения запрещения.

Нужно отметить, что местоположение междометийных служебных слов в предложении более или менее свободно по сравнению с расположением заключительных и других служебных слов.

Има исогасий кара дзяма-о суру ***на*** 'Не мешай, потому что сейчас я занят'.

Коннити ва ***на***, *тайхэн исогасий да* 'Сегодня я, видите ли, очень занят'.

В первом примере *на* — заключительное служебное слово и потому должно стоять непременно в конце предложения; во втором же примере *на* — междометийное служебное слово и может стоять как в конце, так и в середине предложения. Это свойство еще ярче проявляется у междометийного служебного слова *нэ*. Однако то, что местоположение междометийного служебного слова сравнительно свободно, вовсе не означает, что оно может присоединяться к чему угодно. При присоединении к спрягаемым словам, естественно, должна наличествовать форма спряжения, которой они требуют, а кроме того, что следует из самой сущности служебного слова как формального слова, они ни в коем случае не должны стоять перед другими частями речи или в начале предложения.

Раньше как будто некоторые относили междометийные служебные слова к междометиям, но так как междометийные служебные слова — слова формальные, их нельзя рассматривать вместе с междометиями, которые являются знаменательными словами. Междометия могут самостоятельно стоять в начале предложения, к междометийным служебным словам это не относится, поскольку служебные слова не самостоятельны. Если включить междометийные служебные слова в состав междометий, то тогда союзные служебные слова следует включить в состав союзов, что несообразно[80].

Рассмотрим в общих чертах значение и употребление отдельных междометийных служебных слов.

1. *Ё* (↓)

Это междометийное служебное слово письменного языка. О том, что в разговорном языке *ё* представляет собой заключительное служебное слово, говорилось в предыдущем разделе. Это *ё* употребляется свободно, а именно, присоединяясь к тайгэну, *ё* делает его обращением или восклицательным словом, а становясь составной ча-

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

стью сказуемого (причем *ё* присоединяется к приименной и повелительной формам спрягаемых слов), передает значение легкого усиления, уточняет указание, придает высказыванию эмоциональную окраску. Кроме того, иногда присоединяясь к падежным, соотносительным, союзным и другим служебным словам, выражает собственно то же значение, а присоединяясь к определению, выражает эмоцию. В этом, в частности, тоже следует усматривать разницу между заключительными и междометийными служебными словами.

1) Присоединение к тайгэну:

Сёнагон ё, Коронэ-но юки ва ика нараму (Макура-но сōси) 'Сёнагон, как снег на вершине Коро?'

Фудзисан ва санкоку ити-но мэйдзан ё 'Фудзи-сан самая знаменитая гора в трех провинциях'.

2) Присоединение к приименной форме спрягаемых слов:

...кокоробосоки он-суман-ни тоси саэ хэдатаринуру ё то асамасйку омосаруру (Масукагами) 'Он печально думал, что в унылом существовании прошли годы'.

3) Присоединение к повелительной форме спрягаемых слов:

Фуми ва ёмō митамавадзи котоба-нитэ мосэ ё (Ямато-моногатари) 'Письмо [он] вряд ли прочтет, скажи на словах!'

Васурэдэ матитамаэ ё (Гэндзи-моногатари) 'Не забывай и жди!'

4) Присоединение к различным служебным словам:

Ко мо ё мико моти, фугуси ё, мифугуси моти (Манъёсю, 1) 'Ах, корзинку, прелестную корзинку держа, ах, лопатку, прелестную лопатку держа...'

Иниси Ангэн саннэн ёнгацу нидзю хатинити ка то ё (Ходзёки) '[Это] было 28-го числа четвертого месяца в третьем году Ангэн'.

5) Присоединение к приёгэнной форме *тэ* служебного глагола завершенности *цу:*

Хисаката-но ама-но кавара-но ватасимори кими ватаринаба кадзи какуситэ ё (Кокинсю) 'Перевозчик на реке вечного неба, когда ты переправишься сюда, спрячь весло!'

6) Присоединение к определению:

Ото-но сукунаки мити-ни авану камо, сукунаки ё мити-ни авасаба (Манъёсю, 3875) 'Встречусь на дороге, где мало шума, если б встретиться на дороге, где **о, мало** [шума]...'.

2. *Я* (や)

Это междометийное служебное слово употребляется как в письменном, так и в разговорном языке. По значению и употреблению оно похоже на *ё*: слегка изменяет интонацию и вместе с тем выражает эмоцию.

1) Присоединение к тайгэну:

Вага моко ***я****, а-о васурасу* ***на*** (Манъёсю, 3013) ‘Моя милая! не забывай меня!’

Фуруикэ ***я*** *кавадзу тобикому мидзу-но ото* (Басё) ‘О старый пруд! Всплеск воды, когда прыгает лягушка!’

Гэни омосироно кэйки ***я*** ‘Действительно, прекрасный вид!’

Тарō ***я****, тэтто ирассяй* ‘Таро́! Поди-ка сюда’.

2) Присоединение к заключительной форме спрягаемых слов или постановка их в том месте, где имеется законченность значения:

Аварэ ито самуси ***я*** (Гэндзи-моногатари) ‘Ох, очень холодно!’

Есино-но хана мо судэни сакитару дзо ***я*** (п. я.) ‘Уж расцвели и цветы в Ёсино’.

Канаси ***я*** (п. я.) ‘О, печально!’

Корэ ва тайхэн уцӯкӯсий ***я*** ‘Это ужасно красиво!’

3) Присоединение к повелительной форме глагола:

Утэ ***я****, корасэ* ***я****, тэккоку-о* ‘Бей [его], проучи [его], врага!’

Миё ***я****, хйтобито, уцӯкусйки сидзэн-но сама-о* (п. я.) ‘Любуйтесь, люди, красотами природы’.

Хаяку кой ***я*** ‘Приходи скорей!’

4) Присоединение к определению:

Оки-э юки хэ-ни юки ***има я*** *имо-га тамэ ва-га сунадорэру маруси цунабунэ* (Манъёсю, 625) ‘[Вот] рыба ма́русицунабунэ́, которую я теперь наловил для милой, то уплывая в море, то приплывая к берегу’.

Гэни я *хйто-но макото ва тэнти-о мо угокасу моно нари* (п. я.) ‘Поистине искренность людей может сдвинуть горы’.

Киригирису ***наку я*** *симоё-но самусиро-ни коромо катасйки...* (Синкокинсӯ) ‘Разостлав одежду на циновке в морозную ночь, когда стрекочут сверчки...’

В следующих примерах ***я*** стоит между адъективным определением и определяемым словом:

Ōми-о ***я*** *Кагами-но яма* (п. я.) ‘Гора Кага́ми в О́ми’.

Охара ***я*** *Коси-но яма* (п. я.) ‘Гора Ко́си в Оха́ра’.

Аматэру ***я*** *хи* (п. я.) ‘Солнце, блистающее на небе’.

5) Присоединение к междометию:

Сухая*, бикӯса-но осамэёсэтару дзо* (п. я.) ‘**Ох**, наступает большое войско’.

Идэя*, коно ё-ни умарэтэ ва нагавасйкарубэки кото косо ōкамэрэ* (Цурэдзурэгуса) ‘***О***, когда рождаешься в этом мире, то, видно, есть много вещей, которые можно пожелать’.

3. *Си* (し)

Употребляется только в письменном языке. Несколько похоже на соотносительное служебное слово *дзо*; как и оно, несколько подчеркивает стоящее впереди слово. Ставится только в середи-

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

не предложения и никогда не ставится в конце его. Замещает падежные служебные слова, встречается перед падежными служебными словами и после них, перед соотносительными служебными словами и после определений. Это служебное слово наиболее широко употреблялось в период Нара.

1) Постановка после подлежащего:

...ва-га ***на си*** *оси мо* (Манъёсю, 93) '... мое имя достойно жалости'.

*...**кими си** фумитэба* (Манъёсю,3400) '...потому что ты ступил'.

2) Замещение падежного служебного слова:

...манакаи-но моти-ни какаритэ ясуи (安寝) ***си насанў*** (Манъёсю, 802) '...ты все торчишь перед глазами и спокойным сном [уснуть] не даешь'.

3) Постановка после падежного служебного слова:

*....асагири-ни симагарэ юку фунэ-о **си** дво моу* (Кокинсю) '...думаю о корабле, который скрылся среди островов в утреннем тумане'.

4) Постановка перед падежным служебным словом:

*И ти модзи-о дани сиранў моно **си га** аси ва дзю модзи-ни фумитэ дво асобу* (Тоса-ники) 'Ноги тех, которые не знают даже знака «один», выписывают знак «десять»'.

5) Постановка перед соотносительным служебным словом:

*Канарадзуси **мо** хитэй-субэки ни арадзу* (п. я.) 'Не обязательно следует отрицать'.

6) Постановка между приёгэнной формой глагола и глаголом:

*...яма-ни мо ну-ни мо хототогису **наки си** тоёмэба...* (Манъёсю, 3993) '...так как кукушка и в горах и в полях кукует и поет...'

7) Постановка после служебного глагола:

*Сакэритомо сирадзу **си** араба мода мо араму...* (Манъёсю, 3976) 'Пусть расцвели, но если б [я] не знал [этого], я бы хранил молчание...'.

8) Постановка после определения:

*Ё-но нака ва кои сигэси эя **каку си** араба ўмэ-но хана-ни мо нарамаси моно* (Манъесю, 819) 'В этом мире, увы, любви много, а если так, хотел бы [я] стать хоть цветком вишни!'

*...Кацураги-но яма-но ко-но ха ва **има са** тирураси* (Манъёсю, 2210) '...листва гор Кацураги вот теперь, видно, осыпается'.

4. *О* (を)

Считается, что это служебное слово более подчеркивает слова, чем служебное слово *я*. Это старое слово, оно употребляется только в письменном языке. Присоединяется как к тайгэну, так и к ёгэну и к служебным словам.

1) Постановка после тайгэна·

Мурасаки-но ниоэру имо о никуку араба... (Манъёсю, 2) 'Если б **милая**, что сверкает, как цветы Мурасаки, была безобразна...'

Има ёри ва ки-но ямамити ва сабусикэму ва-га каёваму то омоиси моно о (Манъёсю, 576) 'С этих пор горная дорога в Кии будет скучною, а я думал ходить по ней'.

2) Постановка после спрягаемых слов:

Кими-га юки кэ (日) *нагаку нарину ямадзу-но **мукаэ о** юкаму мацу-ни ва матадзи* (Манъёсю, 90) 'Твой отъезд длился долгие дни. Пойду встречать [тебя], уйдя в горы, жду не дождусь'.

*Ватариморн фунэ **ватасэ о** то ёбу коэ-но итаранэба камо кадзи-но то но сэнў* (Манъёсю, 2072) 'Не потому ли, что не доходит голос, зовущий: «Паромщик, **переправь** лодку !» — не слышно звука весел'.

*...коно ё нару ма ва **таносйку о** арана* (Манъёсю, 394) '...пока нахожусь в этом мире, хочу жить **весело**'.

3) Постановка после других служебных слов:

*...мукаси мо има мо сирадзу **то о** иваму* (Кокинсю) '...скажу, что и прежде и теперь не знаю'.

4) Как нужно рассматривать *о* в нижеследующем примере, в качестве ли падежного или в качестве междометийного служебного слова, — точно пока решить трудно. Видимо, сначала следует выяснить природу стоящего далее *ми*. В последнее время больше предпочитают первую точку зрения, но и она требует еще тщательного изучения[81].

*Таваямэ-но содэ фукикаэсу Асуха-кадзэ, **мияко о** томи итадзурани фуку* (Манъёсю, 51) 'Ветер в Асуха, который развевает рукава придворных девушек, **столица** далеко, поэтому [ты] дуешь напрасно'.

5. *Ро* (ろ)

Это междометийное служебное слово, употреблявшееся в период Нара с целью изменения интонации[82].

*Исэ-но уми-ю накикуру цуру-но ото то **ро** мо кими-га кикасаба варэ коимэ я мо* (Манъёсю, 2805) 'Если ты услышишь крик цапли, прилетающей с моря Исэ, [это] я тоскую [по тебе]'.

*Фудзивара-но бмиядзукаэ арэ цугу я отомэ-га томо ва томосйки **ро** камо* (Манъёсю, 53) 'Как [я] завидую свите из юных девушек, которые родились и продолжают служить при дворе Фудзивара'.

Мурогая-но цуру-но цўцуми-но нарину ка ни ко (兒) ***ро** ва иэдомо...* (Манъёсю, 3543) 'Хотя милая сказала, что не может быть плотина в Цуру, где лачуги с травяной кровлей...'

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

6. Э (え)

Это также междометийное служебное слово, употреблявшееся в древности для придания той или иной окраски голосовой мелодии:

Ёси э яси ура ва наку томо, ёси э яси ката ва наку томо (Манъёсю, 131) 'Хорошо и так, пусть не будет бухты, хорошо и так, пусть не будет залива...'

Яма-но ха-ни адзи мура саваги юку нарэдо варэ ва сабуси э ками-ни си аранэба (Манъёсю, 486) 'Хотя на гребнях гор стаи áдзи шумят и летают, я скучаю, ведь [это] не ты'.

7. *Дзо* (ぞ)

Это междометийное служебное слово, употребляющееся только в разговорном языке; оно ведет свое начало от соотносительного служебного слова письменного языка. Таким образом, от соотносительного служебного слова у него сохранилась способность присоединяться к субъектной позиции, замещать падежные служебные слова и присоединяться к наречиям; свойства же междометийного служебного слова проявляются в возможности стоять перед падежным служебным словом (соотносительное служебное слово ставится после падежного служебного слова и никогда не ставится перед ним). При присоединении к спрягаемым словам *дзо* присоединяется к их заключительной форме. *Дзо* выражает сильное подчеркивание.

1) Присоединение к субъектной позиции:

Дарэ дзо тэцӯдаи-ни китэ курэнай ка? 'Кто придет на помощь?'

2) Замещение падежного служебного слова:

Дарэ дзо тэцӯдаи-ни танондэ коё? 'Кого позовем на помощь?'

3) Постановка перед падежным служебным словом:

*Кё ва дарэ-**дзо-га** куру дэсё?* 'Кто сегодня придет?'

*Нагай ясуми датта га корэ **дзо то йу** сигото мо дэкинакатта* 'Хотя были длинные праздники, но так и не смог заняться стоящим делом'.

*Омаэ надо доко **дзо-э** иттэ симаэ* 'Убрался б ты куда-нибудь'.

Следует обратить внимание на то, что во всех трех случаях *дзо* присоединяется только к местоимениям.

4) Постановка после наречия:

Цуй дзо *атта кото-га най* 'Так в конце концов и не повстречались'.

5) Постановка после заключительной формы спрягаемых слов:

*Кё ва сигото-ни торикакару **дзо*** 'Сегодня я приступаю к работе'.

*Коно мондай ва наканака **муцӯкасий дзо*** 'Этот вопрос очень труден'.

Са, амэ-га фуридасйтэ кита дзо 'О, дождь пошел!'
Ику нара кё да ***дзо*** 'Уж если идти, то сегодня'.

8. *На* (な)

В разговорном языке *на*, кроме употребления в качестве заключительного служебного слова, употребляется также и функции междометийного слова. Присоединяясь к различным служебным словам, оно как восклицание придает высказыванию своеобразную эмоциональную окраску. В том случае, когда оно произносится *на̄*, эта окраска усиливается.

Дарэ мо сиранай кара ***на*** 'Никто ведь не знает'.
Дотира-ни сйтэ мо ***на***, *комаримасў* 'Как ни сделай, трудно...'
Сорэни ***на***, *амэ мадэ футтэ кита но да ё* 'А тут еще и дождь пошел'.
Ватакӯси ва ***на***, *титтомо камаванай но да кэрэдо...* 'Меня-то это нисколько не затрагивает, но...'

9. *Нэ* (ね)

Это междометийное служебное слово употребляется только в разговорном языке. Оно придает высказыванию эмоциональную окраску, привнося оттенок близости, дружественности. Употребляется оно довольно широко. Присоединяется к словам в звательной и субъектной позициях, к падежным, наречным и соотносительным служебным словам, к словам, выражающим условие, к заключительной форме спрягаемых слов, заканчивающих предложение и т. д.

1) После слова в звательной позиции:
Мацумура-сан ***нэ***, *аната коно хон-о моти дэсў ка* 'Послушайте, г-н Мацумура, у вас есть эта книга?'

2) После слова в субъектной позиции:
Ватакӯси ***нэ*** *тотэмо дамэ да то омоимасйта ё* 'А я думал, что ничего не получится'.

3) После падежных служебных слов:
Мата амэ-га ***нэ***, *фуридасйтэ кимасйта* 'И вот опять пошел дождь'.
Аннайнин-га курай ана-но нака-ни ***нэ***, *ватакӯси-о цурэтэ итта но да* 'И вот вводит меня провожатый в темную пещеру'.
Фуруй хон-о нэ, *уттэ цӯкутта канэ на но да то са* 'Оказывается, эти деньги он получил, продав старые книги'.
Дзидо̄ся-дэ ***нэ***, *хакобэба сугу да* 'Вот на автомобиле б если доставить, было бы быстро'.
Ватакӯси-кара ***нэ***, *хадзимэмасё* 'С меня, давайте, начнем!'

4) После наречных служебных слов:
Кава ***мадэ нэ***, *табэтэ симатта н да* 'Съел даже с кожурой'.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Доко ***яра нэ****, гуаи-но варуй токоро-га аримасу* 'Где-то есть больное место'.

5) После соотносительных служебных слов:

Корэ ***ва нэ****, ватакуси-но мацуккo дэсу* 'А вот это мой младший ребенок'

Таби ***мо нэ****, ханрё̄-ни ёттэ кандзи-га тигау* 'От путешествия также впечатление бывает разное в зависимости от попутчика'.

Сорэ ***косо нэ****, тайхэн дэсу ё* 'Вот это-то именно и ужасно'...

6) После слов, выражающих условие:

Ано хйто-ни танондара ***нэ****, сугу кайкэцу-сйта но дэсу* 'Когда я обратился к нему, сейчас же все было разрешено'.

Тōсэн-сурэба ***нэ****, ий н да га* 'Вот, если бы пройти на выборах, было б хорошо'.

7) Постановка после спрягающихся слов:

Ёку амэ-га ***фуру нэ*** 'Ну и часто ж дождь идет'.

Тайсō ***сабисий нэ*** 'Очень грустно, а?'

Маттаку одоройтэ ***симатта нэ*** 'Я просто перепугался'.

Мада хигурэ дэ ***арумай нэ*** 'Но ведь еще не вечер'.

Сō ***дарō нэ*** 'Вероятно, так'.

Иногда *нэ* произносится протяжно — *нэ*. Как по смыслу, так и по употреблению это ничем не отличается от того, когда *на* произносится как *нā*. Только эмоциональная окраска становится отчетливей.

10. *Гана* (がな)

Это заключительное и служебное слово письменного языка, выражающее желание, в разговорном языке превратившееся в междометийное служебное слово. Присоединяется к тайгэну или служебным словам, выражая желание:

Сумō-но вадза-но кото-дэ ***гана арō*** (кёгэн) 'Хотелось бы, чтоб это было борьбою'.

Нани ***гана*** *то иссёкэммэйни хонсō-сйтэ иру но дэсу* 'Хлопочет изо всех сил, чтобы что-нибудь получилось'.

ПРИМЕЧАНИЯ АВТОРА

[1] Изучение тэниоха началось довольно рано. У Дзюнтокуин (1197 — 1242) в «Якумомисё» (八雲御抄) есть глава «О тэниоха», в которой разъясняются важнейшие случаи их употребления в японской поэзии танка. Изучение применения тэниоха в танка и ранга велось и в период Муромати. В период Эдо их изучение все более развивалось, причем особое значение имели «Аюисё» (1774 г.) Фудзитани Нариакира и «Котоба-но таманоо» (1779 г.) Мотоори Норинага. За ними последовали труды Татибана Морибэ, Тодаё Гимон, Нагано Ёсикото, Куродзава Окинамаро, Хагивара Хиромити, Накадзима Хиротари, Тогаси Хирокагэ и т. д. В период Мэйдзи с выходом «Кō-ниппон-бунтэн» Оцуки Фумихико и «Ниппон бумпōрон» Ямада Ёсио в изучении служебных слов открылась новая страница.

[2] Ямада, VIII, стр. 548.
[3] Дзимбо, цит. соч., стр. 110 — 111.
[4] Хасимото, IV, стр. 25.
[5] Мицуя, I, стр. 452.
[6] К. Токуда, I, стр. 226 — 228.
[7] Оцуки, I, стр. 163 — 164.
[8] Оцуки, II, стр. 71 — 92.
[9] Кōгōхо, стр. 150 — 155.
[10] По книге Мицуя, I.
[11] Ёсиока, цит. соч., стр. 246 — 290.
[12] Ямада, VIII, стр. 551.
[13] Ё. Кобаяси, I.
[14] Ясуда, I, стр. 177.
[15] По книге Хага, Грамматика (IV).
[16] По книге Мацусита, I.
[17] Цуруда, I.
[18] Хасимото, II, стр. 66 — 67.
[19] Там же, стр. 70.
[20] Мицуя, I, стр. 457.
[21] Ёсидзава, О так называемом *га*, имеющем значение *о* (IX).
[22] Относительно *но* и *га* при подлежащем заслуживает внимания подробное исследование Саэки Умэтомо, Два вида служебных слов в «Манъёсю» (IV).
[23] «Гэнкон ф. б. к. т. х.», стр. 59 — 61.
[24] Ямада, III, стр. 289 — 307.
[25] Ямада, VIII, стр. 562 — 566.
[26] Ямада, IX, стр. 416 — 423.
[27] «Гэнкон ф. б. к. т. х.», стр. 12 — 20.
[28] Канадзава, I, стр. 266 — 268.
[29] Ямада, I, стр. 156.
[30] Ёсидзава, О служебных словах *юри*, *ю*, *ёри*, *ё* в «Манъёсю» (см. Ёсидзава, IV).
[31] Ямада, III, стр. 309 — 310.
[32] Окакура, Исконная частица, указывающая позицию субъекта (II).
[33] Ямада, III, стр. 313 — 324.
[34] Ямада, IX, стр. 439 — 440.
[35] Оцуки, II, стр. 109.
[36] К. Токуда, I, стр. 237.
[37] Там же, стр. 138 — 139.
[38] Мацуо, III, стр. 443 — 448.
[39] Ямада, IX, стр. 453 — 454.
[40] Кōгохō-бэкки, стр. 314.
[41] Хагивара Хиромити назвал их *какарикотоба* (係辭).
[42] Ямада, IX, стр. 476.
[43] В «Химокагами» (紐鏡, 1771 г.) и «Котобано тамао» (1779 г.).
[44] В «Тэниоха кэйдзибэн» (てにをは係辭辨), 1849.
[45] Ямада, VII, стр. 249.
[46] Хасимото, II, стр. 65.
[47] Ямада, IX, стр. 402.
[48] Саэки еще раньше высказал эту же точку зрения в статье «Хотя не дует осенний ветер» (V).
[49] «Гэнкон ф. б. к. т. х.», стр. 9 — 12.
[50] Отиаи, Ошибки в письме.
[51] «Гэнкон ф. б. к. т. х.», стр. 1 — 9.
[52] Хори Хидэнари (掘秀成, 1819 — 1887), О значении изучения частиц (助辭音義考), переиздано в 1912 г. в «Онги - дзансё» (音義全書); Мицуя, I, стр. 518.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

[53] О *косо* и *косэ* писали, начиная с «Кодзикидэн» (古事記傳, 1789), Мотоори Норинага, Татибана Морибэ в «Гагэнкō» (雅言考), Камоти Масадзуми в «Когэн-якўцў» (古言譯通), Ханси Кунио в «Котоба-но одамаки» (詞の緒玉環), Кимура Масакото в «Кунги-бэнсё» (訓義辨證); в более позднее время — Оцуки Фумихико в «Ко-ниппон-бунтэн-бэкки» (О ц у к и, II, стр. 120 — 211) и совсем недавно И с и д а Харуаки в статье «*Косо* желательности было глаголом».

[54] М а ц у о, I, стр. 125 — 127.

[55] М а ц у о, III, стр. 832.

[56] Я м а д а, IX, стр. 531 — 532.

[57] Когохō, стр. 242 — 246.

[58] «Гэнкон ф. б. к. т. х.», стр. 28 — 31.

[59] Там же, стр. 20 — 28.

[60] У М а ц у о (III) имеется статья под названием «Отвергаю теорию согласования между предположением и достоверностью».

[61] Я м а д а, VIII, стр. 607.

[62] См. по этому вопросу статью автора «Об одном отношении между позицией слов и ее толкованием» (К и э д а, VII).

[63] Я м а д а, I, стр. 182.

[64] Там же, стр. 183.

[65] Это теория «Кōгохо-бэкки» и толкового словаря «Дайнихон кокуго-дзитэн» (大日本國語辭典).

[66] М а ц у о, I, стр. 196 — 221 и III, стр. 411 — 412 в главе «*О тэ*».

[67] М а ц у о, III, стр. 396 — 419.

[68] Ё с и д з а в а, Раздел «Обсуждение женских характеров в дождливую ночь» (X).

[69] Эти и следующие примеры см. Я м а д а, IX, стр. 655 — 656.

[70] Там же, стр. 656 — 657.

[71] Там же, стр. 658 — 659.

[72] Я м а д а, I, стр. 184 — 185.

[73] М а ц у с и т а, I, стр. 369 — 370.

[74] К. Т о к у д а, I, стр. 257 — 259.

[75] Я м а д а, IX, стр. 605 — 607.

[76] «Гэнкон ф. б. к. т. х.», стр. 62 — 63.

[77] См. статью автора «Два вопроса относительно *но*» (К и э д а, VIII).

[78] Я м а д а, IX, стр. 508; в общем ту же теорию см. в VIII, стр. 680.

[79] К. Т о к у д а, I, стр. 261.

[80] Д-р Хага относит междометийные служебные слова к служебным словам; см. Х а г а, III.

[81] См. статью Х о н ъ и д э н Сигэёси «О суффиксе *ми*, присоединяющемся к основе прилагательных».

[82] Подробное объяснение этого *ро* дает д-р Симмура (II).

Перечень допустимых отступлений от грамматических норм

(文法上許容ニ關スル事項)

1. Не возбраняется употреблять *ори*(居ㇿ), *ураму* (恨ム), *сину* (死ヌ) как глаголы четырехступенчатого спряжения.

2. Не возбраняется, следуя обычаю, употреблять заключительную форму спряжения *сйку-си-сйки* в виде *асиси* (惡シシ), *исамасиси* (勇シシ) и т. п.

3. Не возбраняется употреблять прииенную форму *си* от служебного глагола прошедшего времени *ки* в качестве заключительной формы.

Пример: *касай ва нидзикан-но нагаки-ни ватаритэ тинка сэдзариси* 'Пожар не был потушен на протяжении двух часов'.

4. Не возбраняется употреблять *котонари* (異ㇿ) в формах *котонарэри*, *котонаритэ*, *котонаритари*.

5. Не возбраняется, следуя обычаю, опускать ...*сэ* в тех случаях, когда полагается говорить ...*сэсасу*.

Примеры: *тэнараи-сасу*, *сюсэн-сасу* (周旋サス), *байбай-сасу* (賣買サス).

6. Не возбраняется, следуя обычаю, употреблять ...*сару*, когда полагается говорить ... *сэрару*.

Пример: *цуми-сару* (罪サル), *хё-сару* (評サル), *кайсяку-сару* (解釋サル).

7. Не возбраняется вместо полагающегося *эсиму* (得シム) употреблять *эсэсиму* (得セシム).

Пример: *сайютося-ни номи хосё-о эсэсиму* 'дать награду только лучшим'.

8. Не возбраняется в тех случаях, когда к глаголам четырехступенчатого спряжения по столбцу *са* присоединяется служебный глагол *си-сйка*, вместо принятых грамматикой *курасиси токи* (暮シシ時), *сугисисикаба* (過シシカバ) и т. п. употреблять *курасэси токи*, *сугисэсйкаба*.

Пример: *Кёгэки-кайси-ёри канраку-мадэ вадзукани гокагэцу-о цуйясэси номи* 'От начала наступления до сдачи прошло всего пять месяцев'.

9. Не возбраняется употреблять частицу *но* после прииенной формы самостоятельных и служебных глаголов перед существительным.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Примеры: *хана-о миру-но ки* 'записки о любовании цветами'; *гакурэй-дзидō-о сюгаку сэсимуру-но гиму-о оу* 'нести обязанность отдавать в обучение детей школьного возраста'.

10. Не возбраняется ставить вопросительную частицу *я* после приименной формы глаголов, предикативных прилагательных и служебных глаголов.

Примеры: *Ару я?* 'есть ли?'; *омосироки я?* 'интересно ли?'; *тити-ни нитару я, хаха-ни нитару я?* 'похож на отца? (или) на мать?'.

11. Не возбраняется, следуя обычаю, ставить частицу *томо* после приименной формы самостоятельных глаголов и служебных глаголов каузатива и пассива.

Примеры: *Сӯхякунэн-о хэрутомо* 'хотя прошло несколько лет'; *икани хихē-сэрарурутомо* 'как ни был раскритикован'; *сийтэ корэ-о дзюмбō-сэсимурутомо* 'хотя силой заставляют этому следовать'.

12. Не возбраняется, следуя обычаю, ставить частицу *то* после приименной формы самостоятельных глаголов, служебных глаголов каузатива, пассива и времени.

Примеры: *Цӯки идзуру то миэтэ* 'Кажется, что взошла луна'; *тēрō-сэраруру то омоитэ* 'подумав, что осмеян'; *сюдзицу гēму-оториацукавасимуру то йу* 'говорят, что весь день заставляет заниматься делами'; *баннин мина соно току-о тонаэкэру то дзо* '[говорят], что все превозносят его добродетель'.

13. Не возбраняется опускать частицу *то*, употребляющуюся при соединении слов, после последнего слова, если это не ведет к ошибочному пониманию.

Примеры: *цӯки то хана* 'луна и цветы'; *сюкē то дōтокуно канкэй* 'отношения религии и морали'; *Кēто то Кōбэ то Нагасаки-э ику* 'поехать в Киото, Кобэ и Нагасаки'.

Проиллюстрируем, как опускание такого *то* может повести к ошибочному пониманию:

Сики то кансётo-но рэцудэн-о ёмубэси 'Надо читать жизнеописания в Ши-цзи «Истории» Сыма-цяня и в Хань-шу — истории Ханьской династии.

Сики то кансё-но рэцудэн-о ёмубэси 'Надо читать Ши-цзи — «Историю» Сыма-цяня и жизнеописания в Хань-шу — истории Ханьской династии.

14. Не возбраняется при наличии вопросительного слова ставить за ним вопросительную частицу *я*.

Примеры: *дарэ-ни я тован?* 'кого спрошу?'; *иканару юэ-ни я?* 'по какой причине?'; *икани субэки я ?* 'как надо поступить?'

15. Не возбраняется употреблять частицу *мо* как *томо* или *домо*, если это не ведет к ошибочному пониманию.

Примеры: *нанира-но рию ару мо* (*аритомо*) *гидзё-ни хаиру кото-о юрусадзу* 'какие бы причины ни имелись, входить в зал заседаний не разрешается'.

Кигэн ва кё-ни сэмаритару мо (*...тарэдомо*) *дзюмби ва мада нарадзу* 'Хотя срок сегодня истек, подготовка еще не закончена'.

Кэйка ва сукобуру рёко нариси мо (*...сйкадомо*) *кинō-ёри исасака хирō-но дзё ари* 'Хотя течение процесса было очень благоприятным, но со вчерашнего дня заметна некоторая усталость'.

Примеры на возможность ошибочного понимания:

Сэйгансё ва кайги-ни фусуру мо (*...су томо, сурэдомо*) *корэ-о рōдоку-сэдзу* 'Прошения, хотя и представленные (хотя бы они и были представлены?), вслух не зачитываются'.

Кюкин ва хикуки мо (*... ку томо, ... кэрэдомо*) *ōбōся ва ōкарубэси* 'Хотя заработная плата и невысока (хотя бы и была невысока?), но желающих, видимо, (будет?) много'.

16. Не возбраняется, следуя обычаю, употреблять вместо слова *то йу* слово *нару*.

Примеры: *иваюру хонюдзю нару моно* 'животные так называемые млекопитающие'; *Ганкай нару моно ари* 'есть человек по имени Ганкай'.

О б о с н о в а н и е.

В настоящее время в преподавательском мире грамматика родного языка основывается на изучении трудов ученых периода Токугава и целиком опирается на правила языка периода Хэйан. Но определять одним этим современный письменный язык — значит игнорировать законы развития языка; и более того, обнаруживается, что многие из тех случаев, которые до сих пор рассматривались как исключения и ошибки, принимались за норму в том же языке периода Хэйан. Поэтому Министерство просвещения, отобрав из числа того, что ранее считалось исключением или ошибкой, наиболее широко употребительные случаи и надеясь, что их можно будет допустить наряду с ныне существующими грамматическими нормами, обратилось с запросом о возможности такого допущения к «Комитету по изучению родного языка», который, рассмотрев этот вопрос, дал свою санкцию [29]. На этом основании Министерство просвещения предлагает отныне при пересмотре и составлении учебников применять данный «Перечень».

«Правительственный вестник», Распоряжение Министерства просвещения № 158, 2 декабря 1905 г.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Комментарии

Введение

К стр. 25. [1]

«Кокуго́» (國語) — термин многозначный. Одно из его значений — язык какой-либо страны, иначе — отдельный язык (например, русский, французский и т. п.). В этом значении «кокуго» противопоставляется, с одной стороны, языку вообще (гэнго 言語), с другой — диалектам и языкам народностей, не образовывающих самостоятельного государства. Значение, приобретаемое при втором противопоставлении, точно выражается термином «коккаго» (國家語) 'государственный язык'. Третье значение термина «кокуго» — язык родной страны, а именно японский язык. Только третье значение этот термин имеет в названиях японских лингвистических работ и как наименование предмета преподавания в японской школе. Наконец, термином «кокуго» фактически обозначается и то, что можно определить как «национальный язык» (см. у Н. И. К о н р а д а, О национальном языке в Китае и Японии, «Ученые записки Ин-та Востоковедения», IV, 1952). Однако проблемы национального языка в этом плане японским языкознанием не разрабатываются.

К стр. 27. [2]

«Фонетической грамматикой» (онсэй-гохо 音聲語法) в японской лингвистике именуется изучение некоторых фонетических явлений языка в их связи с грамматикой, а именно: ударения (акусэнто, англ. accent), как признака различия грамматических форм и т. п.; интонации (интонэсён, англ. intonation, или онтё 音調, готё 語調), подчеркивания (пуроминэнсу, англ. prominence, или кётё 強調, госэй 語勢), удлинения (хикинобаси 引き伸ばし) и паузы (подзу, англ. pause) в их синтаксической роли. «Фонетическая грамматика», основанная на изучении явлений устной речи, в известной мере сложилась под влиянием соссюровской концепции разделения на язык и речь (из которой в японскую лингвистику перенесены термины langue «рангу» и parole «пароу»); она восполняет пробел традиционной японской грамматики, изучающей явления языка в письменной фиксации и нередко смешивающей явления языка и письма.

К стр. 27. [3]

Курэ, ки, сака, сай — не слова, а изолированно непереводимые части слов, а именно глаголов, образующие слово совместно с окончанием или суффиксом. Правда, *курэ* и *ки* могут быть употреблены самостоятельно, но не с тем грамматическим значением, какое они имеют в данном месте.

К стр. 28. [4]

Автор определяет функцию слова *атакай* словами, от которых произведены названия соответствующей части речи и члена предложения в японской грамматике, а именно: в первом случае — *хару то йу го-о кэйё̄-си, сю̄сёку-сйтз иру* (кэйё̄си — предикативное прилагательное, сю̄сёкуго —

определение), во втором случае — *хару то йу го-о дзедзюцуси, сэцумэй-сйтэ иру* (дзёдзюцуго и сэцумэйго — сказуемое).

К стр. 29. [5]

Отступление от нормы в этих предложениях состоит в том, что в первом и третьем существительные, стоящие на первом месте в именительном падеже, или, по терминологии автора, в положении обычном для позиции субъекта, не являются однако подлежащими, а во втором глагол в именной форме — *цури* — обнаруживает свою двоякую природу глагола и имени, а именно: как глагол имеет впереди себя прямое дополнение *сакана-о* и вместе с тем сам как существительное подчиняется на правах косвенного дополнения последующему глаголу *ику*.

К стр. 30 [6]

О г о д з ю о н'е см. комментарии, стр. 652, прим. 4.

К стр. 30. [7]

Замечая, что слова *ари* 'быть, иметься' и *тому* 'быть богатым' имеют положительный смысл, а *наси* 'нет, не имеется' и *мадзуси* 'беден' — отрицательный, автор имеет в виду лексическое значение данных слов, подходя к ним с несколько особой точки зрения. Однако различение этих пар как разных частей речи (что вполне правильно) мотивировано только морфологически — различием форм спряжения. Это сопоставление выявляет лексико-грамматическую близость глаголов к такого типа прилагательным (чисто японским, с окончанием *и*, именующимся кэйёси), благодаря которой и возможны антонимичные пары, состоящие из глагола и такого предикативного прилагательного.

К стр. 31. [8]

В современном языке имеется существительное *кодзики* 'нищий'.

К стр. 36. [9]

Сакб пишется по старой орфографии さかう *сакау*, по новой さこう *сакоу*; аналогично пишется и окончание этой формы всех глаголов данного спряжения. О служебных глаголах (дзёдбси 助動詞) см. комментарии, т. 1, гл. XI, прим. 1.

К стр. 41. [10]

Здесь дан традиционный перевод терминов «бу́нго» и «ко́го», вполне соответствующий их буквальному значению и согласующийся с тем значением, которое они имеют исторически и которое сохраняется за ними в истории японского языка. Однако в XX в. значение термина *кбго* фактически изменилось: разделение на письменный и разговорный языки с разными грамматическими формами и в известной мере разной лексикой, существовавшее до конца XIX в., исчезло, поскольку разговорный язык стал и литературным языком. Письменный язык — *бунго* — со своими грамматическими формами остался только языком официальной документации, но и из этой области он был изгнан в 1945 г., после капитуляции Японии. Таким образом с этого времени во всех областях современного языка возобладал *кбго*. Поэтому термином *кбго* в настоящее время фактически обозначается вся система грамматических форм современного языка в противопоставление грамматическим формам старого письменного языка. В современном языке есть и свой письменный и свой разговорный стили (а не системы грамматических форм); последний именуется точно «разговорный язык»— «да́нвагб» 談話語 (*данва* — разговор). Характеристику *бунго* дает Н. И. Конрад в статье «О литературном языке в Китае и Японии», «Вопросы языкознания», 1954, № 3.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

К стр. 44. [11]

Заимствование иероглифической письменности (одновременно с распространением китайского языка, на котором написаны некоторые памятники древней японской литературы; см., например, сл. прим.), происходившее на протяжении VI—VIII вв., имело двоякое следствие. С одной стороны, с каждым иероглифом постепенно прочно связывалось японское слово, раскрывавшее его значение, благодаря чему с течением времени японцы сумели применить эту письменность идеографически для записи слов своего языка (вначале для этой же цели они применяли ее фонетически и на этой основе создали свой фонетический слоговой алфавит — «кана́»). Японские слова, раскрывающие значение иероглифов, получили название «кун» (訓 'пояснение'), а при чтении иероглифа — «кунное чтение» (кундоку 訓讀). С другой стороны, связанные с иероглифами китайские слова стали постепенно усваиваться японским языком, причем в процессе этого усвоения они постепенно изменялись в соответствии с фонетикой японского языка (см. комментарии, стр. 656, прим. 29). Эти усвоенные японским языком, часто фонетически измененные китайские слова получили название «он» (音 'звучание'), а при чтении иероглифа — «онное чтение» (ондоку 音讀). Одни он'ы вошли в японский язык как слова, другие (таких большинство) — в состав сложных слов как корневые и аффиксальные морфемы, из которых впоследствии в самой Японии стали создавать и создают до настоящего времени новые сложные слова. Слова из он'ов, независимо от места, где они образованы — в древнем Китае или в Японии,— именуются «ка́нго» (漢語) 'китайские слова' (от китайского слова Хань (漢) — наименования одной из древних китайских династий, служившего в ту эпоху обозначением самой страны Китая).

Все это в последующие века дало японцам возможность читать китайский текст непосредственно по-японски, а именно, произнося китайские знаменательные слова по о́нному чтению, минимально изменяя их порядок, но придавая им необходимое по нормам японской грамматики грамматическое оформление, т. е. добавляя японские окончания, частицы и служебные слова, однако вместе с тем сохраняя в искусственном переводе ряд служебных элементов китайского текста, требующихся грамматическими нормами китайского языка. Китайские тексты при издании в Японии, помимо буквенных грамматических разметок, снабжались специальными значками, облегчавшими читателю необходимые перестановки и добавление японских служебных элементов (ср. комментарии, стр. 666, прим. 1), и получили название «ка́мбун» (漢文 'китайский текст'), а стиль такого почти буквального перевода именуется «ка́мбун-тёкуякута́й». Значение этого стиля для формирования современного японского языка освещается у П. И. Шеманаева, К истории образования современного японского литературного языка, 1951, диссертация.

К стр. 44. [12]

Японская историческая хроника «Нихонги» (720 г.) написана по-китайски. Перевод ее на современный японский язык сделан с максимальным дословным приближением к китайскому тексту в стиле, о котором шла речь в предыдущем примечании.

К стр. 44. [13]

Под ранним средневековьем здесь подразумевается не VII—XII вв., как обозначает этот период истории Японии советская историческая наука; так переведен японский термин «тю̄ко» (中古), которым в Японии обозначается IX—XII вв.

К стр. 45. [14]

Мотоо́ри Норина́га (1730—1801) и Хира́та Ацутанэ̄ (1776—1843) — ученые-филологи. Сиба́та Кюо́ (1783—1839) — представитель философско-рели-

гиозного течения «сингаку». «Поучениями» здесь названы: «Кюб-дова» (鳩翁道話), «Дзоку-Кюб-дова» (續鳩翁道話) и «Дзоку-дзоку Кюб-дова», пользовавшиеся в свое время широкой известностью.

К стр. 46. [15]

Н. И. Конрад раскрывает значение термина «хэ̄дзюнго» так: «современный японский национальный литературный язык»; см. Н. Конрад, Синтаксис японского нац. лит. языка, Москва, 1937, стр. 5—30.

К стр. 53. [16]

Неправильностью в японском предложении является форма сказуемого: при наличии частицы *косо* следовало бы ожидать *нарэ*.

К стр. 55. [17]

О терминах «та́йгэн» и «ёгэн» см. ниже в прим. 35.

К стр. 55. [18]

Глагол *су* (в современном языке *суру*) 'делать' при сочетании с ка́нго, означающим глагольное понятие, служит оглаголивающим суффиксом: именно с его помощью ка́нго входят в японский язык как глаголы. Когда же глагол *су/суру* сохраняет лексическую самостоятельность, он подчиняет себе канго на правах дополнения. Таким образом, например, наряду с *сэнсо̄-суру* 'воевать' возможно *сэнсо̄-о суру* 'вести войну'. В письменном языке суффикс винительного падежа *о* может отсутствовать, в таком случае эти два возможных соотношения канго с глаголом *су* различимы только так, как показано в тексте.

К стр. 57. [19]

Как известно, в европейской грамматической литературе признается существование грамматических суффиксов, которым свойственна присоединяемость ко всем словам какого-либо определенного разряда, что, в частности, и отличает их от словообразовательных суффиксов. Точка зрения, изложенная в приведенной цитате и разделяемая автором, полностью отрицает грамматическую суффиксацию.

К стр. 57. [20]

О-цӯки-сан в отличие от *цӯки* — чисто разговорное слово, состоящее из основы *цӯки* 'луна', гонорифического префикса *о* и персонифицирующего суффикса *сан*.

К стр. 58. [21]

Термин «рэнго» (連語) переведен, хотя это и несколько громоздко, «словосочетание-слово», чтобы передать, с одной стороны, то, что «рэнго» есть вид слова, противопоставляемый «танго» — 'отдельному слову', с другой — что это категория синтаксическая, а не лексикологическая, поэтому она входит в ряд «танго — рэнго — бун» и несопоставима с «тандзюнго», 'простым словом' и «фукугого» 'сложным словом'.

К стр. 58. [22]

Фубо, кэ̄дай, симай — слова, состоящие каждое из двух корневых морфем — отдельно не употребляемых он'ов — и регистрируемые как слова японскими толковыми словарями.

К стр. 58. [23]

Подробнее термин «бунсэцу» раскрывается во втором томе данной книги, в конце V главы.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

К стр. 61, таблице 4. [24]

Термины «юкэй» (有形) и «мукэй» (無形) употреблены у Гимона не в грамматическом, а в философском смысле: «юкэй» 'имеющее форму', т. е. материальное, «мукэй» антонимично ему. «Годзи» (語辭) мы переводим «формальные», исходя из противопоставления термина «гэн» (言) 'слово' терминам «дзи» или «тэниоха» (辭) 'частица', т. е. из существа классификации Гимона, так как к этому разряду отнесены те элементы языка, которые в позднейших классификациях названы «дзеси» или «дзёдзи» и «дзёдоси».

К стр. 62. [25]

Заслугой Гимона является разделение знаменательных слов на два разряда и введение в грамматику самих терминов «тайгэн» и «ёгэн», сохранившихся до настоящего времени. В его классификации это разделение было основано на формальном признаке — наличии спряжения у ёгэнов и отсутствии его у тайгэнов; впоследствии указанные термины наполнились добавочным содержанием (ср. ниже, прим. 35).

К стр. 62, таблице 5. [26]

Это наименование подчеркивает семантическую близость такого рода прилагательных (позже названных «кэйёси») к глаголу.

К стр. 62. [27]

Иначе говоря, Тогаси подразделяет существительные на следующие разряды: «катакото» — предметные, «самакото» — формальные (просубстантивные слова), «икото» — отглагольные (означающие имя действия), «кудзусйкото» — образованные путем сокращения, «аикото» — составные. Глаголы делятся формально — по типам спряжения.

К стр. 63. [28]

Цуруминэ в подражании европейским грамматикам пошел так далеко, что назвал предикативные прилагательные одним из видов тайгэна, т. е. имени.

К стр. 63. [29]

Почти все эти термины как таковые за двадцать лет до Оцуки появились в грамматике Танака. Однако некоторые из них имели другое содержание; например, под «кэйёси» Танака имел в виду любые определения, в том числе именные и глагольные. Грамматика Оцуки наполнила эти термины иным содержанием и, кроме того, в целом сыграла такую большую роль, что именно Оцуки по праву считается основоположником современной японской грамматической науки.

К стр. 66, таблице 8 [30]

Моно 'вещь', *кото* 'дело, явление' — служебные слова, играющие роль заместителей существительного и в этой роли уподобляющиеся просубстантивной частице *но*; *хадзу* — служебное слово, употребляющееся преимущественно после глагола (с последующим *ари* 'иметься', *най* 'не иметься' или связкой *да/дэсу*), служащее для выражения долженствования и объективной вероятности; *мама* употребляется только с определением в значении 'вид, состояние'.

Сйтэ — частица объекта при побудительном залоге.

К стр. 65. [31]

Классификация Мацусита отличается обилием самостоятельно выделенных и никем из японских грамматистов не признанных категорий, а также

вновь созданных терминов (нередко весьма условных, как, например, «паразитарные формальные глаголы»). Обращает на себя внимание отсутствие в его классификации глаголов (доси) и предикативных прилагательных (кэйеси) как отдельных частей речи. В то же время нельзя не отметить, что Мацусита, понимая, что так называемые служебные слова (дзёси) и служебные глаголы (дзёдоси) нельзя ставить в один ряд со знаменательными частями речи, квалифицирует их — к сожалению, все без разбора — как морфемы. (Поэтому в его классификации термин «дзёдоси» приобретает иное, нетрадиционное значение и прилагается к другим словам На этом основании он и переведен нами иначе — не «служебные», а «вспомогательные глаголы».) Вместе с тем Мацусита относит к частям речи и части слов, а именно префиксальные словообразовательные компоненты типа *бō* (某), *тō* (當), *хон* (本) и т. п. Ср. комментарии, стр. 647, прим. 10.

К стр. 65. [32]

Точным переводом-калькой общепринятого в европейском языкознании термина «морфема» является «кэйтайсо» (形態素); «гэндзи» — почти синонимичный термин, *созданный Мацусита и употребляемый только им самим.*

К стр. 70, таблице 12. [33]

Классификация Хасимото до настоящего времени пользуется наиболее широким признанием и положена в основу официально утвержденной школьной грамматики.

Принцип деления на части речи по синтаксическому признаку, установленный Хасимото, получил в японской грамматике широкое распространение. Так, Юдзава в издании «Подробной грамматики японского языка», 1953, основал на нем свою классификацию, произведя следующее подразделение: спрягаемые слова, могущие служить сказуемым,— ёгэны; они делятся на (1) «оканчивающиеся на звук *у*» — глаголы, (2) «оканчивающиеся на *и*» — предикативные прилагательные, (3) «оканчивающиеся на *да*, *дэсу*» — адъективные глаголы; неспрягаемые слова делятся на (4) могущие служить подлежащим — тайгэны, они же — существительные, и не могущие служить подлежащим. Последние подразделяются на могущие служить определением и не могущие служить определением. Первые в свою очередь по способности определять тайгэн или ёгэн подразделяются на (5) приименные и (6) наречия, вторые по способности служить союзным членом или независимым словом — на (7) союзы и (8) междометия.

К стр. 71 [34]

Сведения по истории классификации частей речи и критический разбор классификаций содержатся в законченной, но пока неопубликованной работе «Учение о частях речи в японской грамматической литературе», 1952, безвременно скончавшегося в том же году советского японоведа Александра Ивановича Фомина.

К стр. 72. [35]

Приведенные автором классификации наглядно показывают и общие тенденции и расхождения в вопросе деления на части речи, а также пестроту терминологии.

Как общие моменты надо отметить прежде всего следующее. С зарождения *японского языкознания и до настоящего времени знаменательные слова* делятся на два больших разряда, чаще всего именуемые тайгэн и ёгэн. Это деление *настолько широко распространено, а понятия так прочно вошли в* японскую грамматическую науку, что данные слова мы оставили без перевода. *Суть деления весьма близка к нашему противопоставлению имя* — глагол. Примечательно, что в классификации Фудзитани названное позже

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

«тайгэн» даже так и именуется «на» 'имя', а у Тогаси позднейшему термину «ёгэн» соответствует «котоба» 'слово' (ср. первоначальное значение 'слово' латинского verbum и русского 'глагол'; см. также комментарии, стр. 646, прим. 1).

Основу тайгэна, как и категории 'имя', составляет существительное; к тайгэну же относятся числительные и предметные местоимения. (Когда тайгэн определяется — что более широко принято — и семантически как «слова, обозначающие понятия»,— мы бы сказали «предметно мыслимые понятия», — к нему относят только указанные части речи; когда же тайгэн определяется только формально как неспрягающееся слово, к нему относят еще наречия и союзы.) Близость тайгэна к понятию «имя» в этом смысле настолько велика, что производные от этого слова — «тайгэнтэки»; «рэнтайно» и т. п.— переведены нами «именной», «приименный» и т. п. «Ёгэн» же — это не только глагол, но и прилагательное. Синтаксические и отчасти семантические признаки одного из разрядов японских прилагательных — «кэйёси» — настолько сближают их с глаголом, что объединение этих двух частей речи в один общий разряд, со времени Гимона именуемый «ёгэн», проходит по всем классификациям (кроме Цуруминэ, см. выше, прим. 28). Мацусита даже считает их разновидностями одной части речи. (Особым видом глаголов считает эти прилагательные и Оцуки; см. т. I, стр. 130.) Близость их особенно ярко выражена в старом языке, где, в частности, словарная форма прилагательного была только сказуемостна и не могла служить определением, т. е., например, *мадзуси* означало не 'бедный', а 'беден'. Как показывает перевод, и русское прилагательное имеет предикативную форму, близость которой к глаголу отмечалась многими русскими грамматистами (см. В. В. Виноградов, Русский язык, 1947, стр. 265—270). Однако принципиальное различие состоит в том, что русское прилагательное мыслится в определительной форме «бедный», которая и рассматривается как словарная и исходная для образованной от нее краткой формы 'беден', тогда как в старом японском языке исходной являлась предикативная форма, например *мадзуси*, от которой производно образовывалась определительная форма *мадзусйки*. Изложенным выше обусловлен данный нами перевод термина «кэйёси» 'предикативные прилагательные', а также то, что в тех случаях, когда речь идет о близости этих прилагательных к глаголу, они переведены краткой формой русского прилагательного.

Далее, заслуживает внимания тот факт, что служебные элементы языка с самого начала и до сих пор вводятся в классификацию частей речи. Даже при противопоставлении словам (си 詞) частиц (дзи 辭), например у Гонда, Хасимото, Цуруда, последние (как и под названием «тэниоха») рассматриваются в качестве одного из разрядов 'отдельных слов' (тангo 単語)[1]. Поэтому в общее наименование частиц и знаменательных слов входит один и тот же компонент «го» (語) 'слово', например «каннэнго — канкэйго» у Ямада, «дзирицуго — фудзюкуго» у Юдзава, «каннэнго — кэйсйкиго» у Киэда; а в названия их разрядов входит слово «си» (詞) — «дзёси», «дзёдōси». Исключением являются Мацусита, который не вводит эти элементы в классификацию частей речи, а определяет их термином «гэндзи», и Кобаяси Хидэо, прямо именующий их «кэйтайсō» «морфема» (об этих терминах см. выше, прим. 32).

О каждой части речи см. в соответствующей главе.

Глава первая

К стр. 75. [1]

«Хайкáй»—жанр поэзии, расцвет которого приходится на XVI—XVII вв.; он имел детально разработанный поэтический канон (так наз. сйкимоку 式目).

---

[1] Однако термин «дзи» (辭) имеет второе, независимое значение «морфема» в этом значении он и используется некоторыми авторами. Ср. комментарии стр. 651, прим. 3.

Одно из правил его состояло в том, что одни предметы и явления окружающего мира определялись как самодовлеющие — «тай» (體), другие — как их принадлежность или признак — «ё» (用); например, море, залив, болото, озеро — «тай» (так наз. «суйхэн-но тай» 水邊の體), а вода, волны, лед — «ё» («суйхэн-но ё»). Другое правило устанавливало, при каком именно «тай» возбраняется употребление того или иного «ё» (это так наз. правило сарикираи 去嫌); например, после слова *юдати* 'ливень' нельзя было употреблять слово *кумо* 'туча', после *амэ* 'дождь' — *каса* 'соломенная шляпа' и т. п. Таким образом, грамматически и «тай» и «ё» выражались существительными, но по логическому соотношению эти термины сохраняли связь с теми значениями, которые они имели в буддийской философии: субстанция — «тай» и ее проявление — «ё». В сходном значении в средневековой теории стихосложения употреблялись и термины *на* 'имя' и *котоба* 'слово, глагол'.

К стр. 75. [2]

Кэйтю (1640—1761) — ученый-филолог; «Вадзи сёрансё» (和字正濫鈔, 1695) — орфографический словарь японских слов.

К стр. 76. [3].

Перечисленные существительные — конверсированные именные формы глаголов, существующие и в современном языке, за исключением *киру* (глагол *киру* в настоящем времени может быть переведен «туман» как сказуемое).

К стр. 77. [4]

Такие изменения гласного существуют только в давно образованных сложных словах, свидетельствуя о наличии в древнем японском языке явления сингармонизма гласных. Относительно чередования *э* (пишется *хэ*) — *ва* см. комментарии, стр. 654, прим. 18.

К стр. 77. [5]

О переводе терминов «каку» (格) и «какудзёси» (格助詞) см. комментарии, стр. 667, прим. 3.

К стр. 79. [6]

Три последних пары слов 2-й группы и вторая и третья пары 3-й группы — слова древнего японского языка, как и слова *о* 'мужчина' и *мэ* 'женщина'.

В современном языке единственными продуктивными способами обозначения пола являются а) присоединение префиксов *о/он* и *мэ* к наименованиям животных и птиц; б) образование составного слова из слова *онна* 'женщина' или равнозначной корневой морфемы *дзё* и названия профессии, например *онна-ися* 'женщина-врач', *дзёкёси* 'учительница'.

К стр. 80. [7]

Другими словами, автор утверждает, что число у существительных выражается не грамматически, а лексически.

Семантике категории числа посвящена статья А. А. Холодовича, Категория множества в японском в свете общей теории множества в языке, «Ученые записки ЛГУ», вып. 10, стр. 15—36.

К стр. 80. [8]

Бóльшая часть приведенных автором примеров на редупликацию — стойчивые слова, регистрируемые как таковые японскими толковыми словарями. Однако в современной литературе встречается, хотя и малораспространена редупликация разных основ, в том числе даже канго, бесспорно, без образования устойчивых слов. Например, у автора в этой книге: *соно*

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

баан-баан-но сйкибэцу-га тайсэцу-дэ-ару 'важно различение этих случаев' (文章篇, стр. 61). Значит ли это, что редупликация приложима к любой именной основе и, следовательно, это словоизменительный прием, или же такие слова представляют собой особого рода окказиональное образование, и не есть ли окказиональное словообразование для выражения грамматического значения то же самое, что словоизменение — все эти вопросы требуют дальнейшего изучения.

Что касается *каку* (各), то во всех приведенных примерах эта морфема не присоединяется к канго (слов *дзин*, *коку*, *сё* в японском языке нет), а в сочетании с другой корневой морфемой же образует слово — канго. Однако *каку* может присоединяться препозиционно и к настоящим существительным — канго; например *хо̄мэн* 'направление', *какухо̄мэн* каждое направление, все направления'.

К стр. 81. [9]

Из приведенных автором аффиксов продуктивными в современном языке являются только некоторые, а именно префиксы *сё*, *су* и *ику* (причем все три сочетаются как словообразовательные и с морфемами) и суффиксы *тати*, *ра*, *домо*, *гата*. В 1952 г. Министерством просвещения была издана брошюра «Вежливые слова отныне» (Корэкарано кэйго), в которой было рекомендовано к употреблению ограниченное число соответствующих аффиксов, форм и слов. *Тати* в ней рекомендовано для употребления при обозначении первого лица, а для всех прочих лиц — *ра*.

В японских толковых словарях представлены все слова, образованные с ныне непродуктивными аффиксами, в частности те, которые приведены автором, а также некоторые сочетания *сё* и *су* с корневой морфемой, как, например, *сёкоку* 'страны'. С продуктивными же суффиксами лексикализовались только те два слова, которые при этом утратили значение множественного числа — *кодомо* 'ребенок' и *томодати* 'товарищ, приятель' (в последнем случае суффикс *тати* озвончен). В современном языке суффиксы *ра* и *тати* и префикс *сё* (последний в соединении с канго) стали широко употребляться для выражения множественного числа, не образуя при этом устойчивых слов; в этом смысле японские толковые словари не подтверждают точки зрения автора.

К стр. 82. [10]

В приведенном далее перечне семь элементов — *о*, *ми*, *оми/он*, *о̄*, *о̄ми/он* — префиксы японского древнего и современного языка, а последние семь — *гё*, *ки*, *сон*, *рэй*, *гёку*, *ко̄*, *хо̄* — словообразовательные компоненты китайского происхождения, он'ы (поэтому надо учесть, что их лексические значения выражены русскими словами условно — эти он'ы не глаголы и не существительные и т. п., поскольку это не слова, а морфемы). Последние семь он'ов соединяются только с такими же корневыми морфемами — он'ами — и образуют при этом устойчивые слова (чем и объясняется, что ко многим из них может быть присоединен префикс *го*). *Го* занимает промежуточное положение, т. е. употребляется и как свободно-присоединяющийся префикс, не меняя значения слова, к которому он присоединен, и не образуя при этом нового устойчивого слова, и как корневая морфема, могущая соединяться с морфемой же и сбразовать новое устойчивое слово, значение которого может не совпадать со значением второй морфемы, например *госё* 'дворец' (*сё* 所 'место'). Из префиксов в современном языке свободно употребляются *о* и *го*, очень ограниченно — *ми*; свободное употребление остальных невозможно, все слова, в которые эти префиксы входят, лексикализовались как целое и относятся к древнему языку.

К стр. 82. [11]

В приведенном далее перечне свободно употребляющимися в современном языке являются *гата*, *сама*, *сан*, *доно/дон*, *кун*, *си*, *сэнсэй* и очень ограниченно — *госан*. Некоторые из них имеют свое лексическое значение, например *сэнсэй* 'учитель'; *сама* и *сан* при сочетании с неодушевленным существительным имеют персонифицирующее значение. *Уэ*, *кими*, *го* свободно не употребляются; слова, в которые они входят, лексикализовались, чем и объясняется, что к ним может быть присоединен суффикс *сама*. Слова с суффиксом *тати* принадлежат к древнему языку.

В упомянутой выше в примеч 9 брошюре «Вежливые слова отныне» из вышеуказанных суффиксов рекомендованы только *сан* как стандартный, *сама* — для торжественных случаев и эпистолярно, *си* как книжный, *кун* — только в речи юношей.

К стр. 84. [12]

Другими словами, автор обращает внимание на различную стилистическую окраску данных слов: с одной стороны—в общем языке, с другой — в диалогической речи, относящейся к лицам, которых обозначают эти слова.

К стр. 84. [13]

Все элементы приводимого далее перечня — корневые морфемы, он'ы (в этом смысле выражение их значения русскими словами условно), в примерах соединенные с такими же морфемами, и все слова, данные в примерах,— устойчивые слова, зарегистрированные в словарях.

К стр. 84. [14]

Свободно употребляющимся суффиксом, имеющим уничижительное значение, в современном языке является только *мэ*. *Ги*(儀) — «он», входящий в таком значении только в одно и притом книжное слово.

К стр. 85. [15]

Префикс *о* в этом употреблении (как и в том, о котором шла речь в п. 1, на стр.82) в отдельных случаях неотделим от остальной части слова, без него не употребляющейся совсем или употребляющейся в другом значении. В этих случаях в транскрипции дано слитное написание. То же относится к *го*

К стр. 85. [16]

Т. е. при этих существительных употребляются соответственные им по вежливости формы сказуемого; ср. т. II, гл. XIV, разд. V.

К стр. 87. [17]

Связь между этими именами устанавливается только через иероглифическую письменность и связанные с иероглифами он'ы. Так, японское слово *мацури* 'религиозная церемония' пишется иероглифом 祭, «он » которого — *сай*, *а* «он» иероглифа, которым пишется первая половина фамилии Фудзивара, т. е. *фудзи* ('глициния' 藤) — *тō*; так получается фамилия *Сайтō*.

К стр. 89. [18]

О «канго», «куннои чтении» и «он'е» — см. комментарии, стр 641, прим. 11.

В этих словах отчетливо выражено, что автор при подходе к языку отталкивается от письменности. Чисто японские слова, которыми являются куны, существовали в японском языке задолго до введения иероглифической письменности, так что странно рассматривать их как «чтение» иероглифической записи. Что же касается канго, то эти слова состоят из морфем — он'ов,— действительно вошедших в японский язык в тесной связи с их иероглиф-

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

фическим обозначением; однако в той мере, в какой канго усвоено японским языком, оно существует, как всякое другое звуковое слово, и в отрыве от письменности.

К стр. 89. [19]

«Ката́кана» и «хира́гана» — два шрифта японской слоговой азбуки. Замечание автора, лишнее с точки зрения грамматики, опять свидетельствует о том, что в представлении автора слово тесно связано со своим письменным обозначением.

К стр. 90. [20]

Об этих служебных словах см. комментарии, стр. 643, прим. 30. Первые три являются омонимами знаменательных существительных, существующих и в современном языке, и, несомненно, генетически с ними связаны. *Хадзу* 'наконечник стрелы' — слово древнего языка, и связь его с первым *хадзу* не доказана. Однако ср. т. II, комм. к гл. VIII, прим. 1.

К стр. 90. [21]

Неясно, чем же автор считает *но* в этом употреблении — формальным существительным, как сказано до примеров, или падежным служебным словом, что сказано после них? Сам автор признает наличие трех *но* — падежного, сочинительного и квазиименного (последнее очень близко к понятию «формальное существительное»); см. стр. 614, п. 1. Удивляет, что автор не квалифицирует здесь *но* именно как квазиименное.

К стр. 90. [22]

Перевести большинство этих слов вне контекста, выявляющего то их служебное значение, которое стало причиной определения их как формальных существительных, большей частью невозможно. Характер их различен. Некоторые можно рассматривать как отыменные послелоги, например *тамэ* 'для, ради, из-за' (им посвящена статья Н. И. Ф е л ь д м а н, Отыменные послелоги в современном японском языке, сб. «Вопросы грамматического строя», Москва, 1955); другие стоят на полпути между существительным и союзом, например *юэ* 'причина' в форме *юэни* 'поэтому'; третьи превратились в суффикс, например *мэ* — суффикс порядковых числительных, и т. п.

К стр. 91. [23]

О глаголе *су/суру* см. комментарии, стр. 642, прим. 18.

К стр. 92. [24]

Такие чисто японские простые слова, как *яма* 'гора', *мидзу* 'вода', входят и в древний, и в современный, и в письменный, и в разговорный язык, т. е. стилистически нейтральны. Однако наличие значительного числа синонимических пар слов, различающихся только стилистически, как книжное слово письменного языка и слово языка разговорного (но не просторечного) является характерной чертой японской лексики. Эта особенность объясняется наличием огромного слоя заимствованной китайской лексики, вошедшей в язык в тесной связи с иероглифической письменностью известная часть которой так и осталась книжной, не усвоенной разговорным языком.

Глава вторая

К стр. 93. [1]

В японском языке не два аспекта отдаленности, как в русском языке: здесь — там, это — то, а три. Но в практике перевода указательные местоимения всех трех степеней отдаленности могут соответствовать одному русскому, так как в русском языке при употреблении такого местоимения учи-

тывается близость упоминания в предшествующем контексте того, что замещено или на что указывает местоимение, т. е. «этот, эти» и т. д. может быть приложено к любому существительному, если только оно было употреблено в предыдущем предложении; в японском же языке при выборе местоимения играет роль степень отдаленности самих реалий от говорящего.

К стр. 95. [2]

Это утверждение автора противоречит его же последующим указаниям об образовании множественного числа у личных местоимений (см. стр. 105).

К стр. 96. [3]

Сакума Канаэ указывает на тесную связь обоих аспектов — лица и пространственной отдаленности,— которая выражается общностью корней в системе местоимений; его теория так и именуется «ко со-а-до», см Сакума, Выражение и грамматика современного японского языка.

К стр. 102. [4]

В уже упоминавшейся брошюре Министерства просвещения «Вежливые слова отныне» подверглось регламентации и употребление личных местоимений. Для первого лица рекомендовано *ватаси* в обычной речи и *ватакўси* в официальных случаях; произношение *атаси* и *атакўси* в речи женщин допускается, но не рекомендуется. *Боку* допускается только в речи юношей, *орэ* — в просторечии; *дзибун* в значении «я» рекомендуется избегать. Для второго лица стандартным считается *аната*; *кими* допускается в случаях, соответствующих *боку*, *омаэ* при *орэ*. О местоимениях третьего лица не говорится.

Автор не обращает внимания на тот факт, что в японском языке очень много личных местоимений, а это отличает японский язык от большинства других. Сакакура Ацуёси, указывая на редкое употребление личных местоимений в японском языке и на явное происхождение многих из них от существительных-канго, ставит эти два явления в прямую связь. Он выдвигает теорию, согласно которой «из стремления избежать прямого указания на лицо, когда одно слово всецело превращалось в указательное, на смену ему сейчас же привлекалось новое. При этом проводилось тщательное различие в стиле в зависимости от социального положения и пола говорящего, соответственно отношениям между говорящим, слушающим и лицом, являющимся темой разговора. Но в реальной жизни эти слова как раз употреблялись мало, и поэтому можно сказать, что они в значительной степени сохраняют субстантивность». См. «Японскую лингвистическую энциклопедию» (Кокугогаку-дзитэн), стр. 618.

К стр. 102. [5]

Этимология обоих слов *годзэн* (канго) и *омаэ* (чисто японского) одинакова: *го* и *о* — гонорифические префиксы, *дзэн* и *маэ* — 'впереди, перед'. Поэтому и употребление их было вполне сходно.

К стр. 107 [6]

В настоящее время более распространен термин сайки-даймэйси (再帰代名詞), который используется как полный эквивалент английского термина reflexive pronoun.

Глава третья

К стр. 112. [1]

О терминах «слово-объект» (кякуго) и «дополнение» (хого) см. комментарий, стр. 655, прим. 20.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

К стр. 115. [2]

Можно сказать обратное: автор потому не признает слова с таким соотношением компонентов сложными словами, что он устанавливает внутри сложных слов отношения только двух других типов. Между тем в японском языке существуют — и японские толковые словари, их регистрируют — и такие сложные слова, которые при отношении «параллелизма» не образуют нового понятия, например *фубо* 'отец и мать', *асабан* 'утро и вечер', причем они ни словообразовательно, ни грамматически ничем не отличаются от приведенных ниже *сандзуй*, *кокубяку* и т. д.

К стр. 119. [3]

Из того, что автор предлагает назвать вспомогательные числительные *дзёсудзи*, следует, что, поскольку он рассматривает их как словообразовательные аффиксы, он понимает *дзи* не как частицу, что делают многие другие авторы, а как морфему. Очевидно поэтому, считая «дзёси» и «дзёдоси» отдельными словами (танго), хотя и формальными, автор не применяет названий «дзёдзи» и «дзёдодзи», которые приняты многими другими грамматистами.

К стр. 121. [4]

Почти вся нижеследующая группа представляет собой не слова, а корневые морфемы — он'ы, отдельно не употребляющиеся.

К стр. 121. [5]

В современном языке в свободном употреблении сохранились только первые девять из перечисленных здесь числительных с окончанием *цу*, а также *то* 'десять'. Возможны, при абстрактном счете подряд, и *хи*, *фу*, *ми*, *ё*... 'раз, два, три, четыре...' О *хатати* и *ёсодзи* см. ниже в тексте.

К стр. 121. [6]

Слоги, которые в современном языке произносятся *ха — хи — фу — хэ — хо*, в древности произносились *па — пи — пу — пэ — по*, а несколько позже — *фа — фи — фу — фэ — фо*. Ниже приводится запись Чемберлена hutatsu вместо futatsu (как реально теперь произносится); она объясняется тем, что слог *фу* входит в вышеприведенный звукоряд, где первый согласный в остальных слогах теперь произносится h.

К стр. 123. [7]

«Заимствованными словами» (гайрайго 外来語) японцы называют заимствования из всех языков, кроме древнего китайского. Последние, как уже говорилось, называются «канго». Следующее замечание автора опять говорит о тесной связи в его представлении слова с его письменным обозначением.

К стр. 123. [8]

Ни — самостоятельное слово, числительное, а *рё* и *со* — словообразовательные морфемы; приведенные ниже примеры — устойчивые слова, за исключением третьего примера на *рё*: здесь устойчивым является сложный словообразовательный компонент *рёсан* (兩三) 'два — три', соединяющийся с любым «вспомогательным числительным».

Глава четвертая

К стр. 132. [1]

По-японски «глагол» и «служебный глагол» — разные слова: «дёси» и «дзёдёси». Следовательно, при противопоставлении их друг другу автору достаточно этих двух разных слов; по-русски же при этом в отличие от «служебного глагола» приходится говорить «полноценный глагол».

К стр. 136. [2]

Этимологически здесь два глагола: *хасиру* 'мчаться' и *сугу*, современное *сугиру* 'миновать', давно уже слившиеся в один сложный глагол. В современном языке количество сложных глаголов, образованных таким путем, *очень велико* (см. А. А. Пашковский, Сложносоставные глаголы в современном японском языке, Труды ВИИЯ, IX, 1956) и для них в русской транскрипции принято слитное написание. Но в цитатах из старых текстов в транскрипции сохранена раздельность написания, потому что нет данных судить в каждом отдельном случае о том, слились ли уже в это время два глагола в один или нет. Ср. стр. 151—152 (о «четырех степенях» при сочетании двух глаголов).

К стр. 141. [3]

В группе А вспомогательные глаголы являются связками, а перед ними стоят непредикативные формы прилагательных. В группе Б — это связки, а перед ними стоят существительные. В группе В вспомогательные глаголы выражают вежливость; перед ними находим глагол во 2-й форме спряжения, в значении приёгэнной формы. В группе Г вспомогательным глаголом является *суру* 'делать', а перед ним имеем глаголы во 2-й форме спряжения, в значении именной формы. В группе Д вспомогательные глаголы выражают различные грамматические значения, например *иру* и *ору* — длительный вид, *ару* и *морау* — пассив, *яру*, *агэру* и *кудасару* — направленность действия и т. д., а перед ними стоит глагол в форме с окончанием *тэ* (по терминологии автора «с служебным словом» *тэ*).

К стр. 142. [4]

В японском слоговом алфавите «кана́» буквы расположены не в линейной последовательности, как в русском и западноевропейских, а в виде таблицы из пятидесяти клеток — десять вдоль и пять поперек,— откуда и название алфавита «годзюондзу» (五十音圖)—«таблица пятидесяти звуков»(или слогов—«он» означает и «звук» и «слог»). При этом букв в таблице на две меньше (три клетки пустуют, но есть одна добавочная), а слогов в японском языке больше (путем диакритических знаков создана добавочная таблица гласных с звонким согласным; с другой стороны, в основной таблице семь букв не имеют самостоятельного чтения). В клетках первого столбца справа, т. е. справа сверху вниз, следуют буквы *а*, *и*, *у*, *э*, *о*. В верхнем ряду справа налево расположены буквы *а*, *ка*, *са*, *та*, *на*, *ха*, *ма*, *я*, *ра*, *ва* (и добавочная *н*). В каждом вертикальном столбце, именуемом *гё* (行), буквы расположены так, что в нем имеется общий согласный, а в каждом горизонтальном ряду, именуемом *дан* (段, букв. 'ступень'),— так, что в нем имеется общий гласный. Таким образом, второй столбец — *ка*, *ки*, *ку*, *кэ*, *ко*, третий — *са*, *си*, *су*, *сэ*, *со* и т. д. Каждый столбец принято называть по его начальной верхней букве, каждый ряд («ступень») — по его начальной справа.

Спряжение глаголов с древности до настоящего времени рассматривается в тесной связи с письменностью, т. е. в записи слоговым алфавитом, которым пишутся окончания глаголов (основа пишется иероглифом). Ученые, создавшие теорию спряжения, расположили формы глагола в последовательности гласных в годзюон'е, например *ѐма — еми — ёму — емэ*, а явление изменения конечной гласной формулировали как спряжение по одному столбцу годзюон'а (т. е. с сохранением одного и того же согласного); если же при спряжении в конечном слоге изменяется и согласный, что имеет место у предикативных прилагательных, например *самуку — самуси — самукэ*, то оно называется спряжением по двум столбцам годзюона. Указанные формулировки сохранились доныне.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

К стр. 143. [5]

Токиэда Мотоки обращает внимание на коренное отличие явлений, обозначаемых термином «кацуё», происходящих в японском глаголе, и явлений глагольного спряжения в западноевропейских языках, хотя *кацуё* и употребляется как перевод слова conjugation и вообще обычно считается ему равнозначным «Conjugation означает изменение формы слова по лицам, числам, временам, наклонениям; в японском же языке, в отличие от этого, оно означает изменение окончания в зависимости от того, присоединяет ли глагол другое слово или сам заканчивает выражение мысли» (Токиэда, III, Японская грамматика, стр. 99). Однако надо заметить, что пять из шести форм спряжения могут употребляться самостоятельно. Что касается выражения времени, наклонения и отчасти лица, то об этом см. гл. XI в т. I. Категории числа японский глагол совершенно не имеет.

К стр. 147, таблице 23. [6]

Синитаю (死絶ゆ) 'вымереть' (о роде, семье, букв. 'умерев, прекратиться') — пример сложного глагола или «однопозиционного сочетания егэнов». *Синуру токи* (死ぬる時) 'время умирания' ('время, когда умирают') и *синуру кото* 'умирание' — пример определительной функции глагола; *токи* — знаменательное слово, *кото* — формальное (по терминологии автора).

К стр. 152. [7]

Термин «тюси» (中止), букв. 'остановка посредине', означает паузу после срединного сказуемого, поэтому «тюсикэй» (中止形) по существу есть форма срединного сказуемого и только для краткости и удобства она переводится как «срединная форма», а термин «тюсихо» (中止法) переведен «употребление в качестве срединного сказуемого».

К стр. 153. [8]

О термине «слово-объект» см. стр. 655, прим. 20.

К стр. 154. [9]

Это явление отмечено и вкратце объяснено Н. И. Конрадом (см. Н. Конрад, Синтаксис японского нац. лит. языка, 1937, стр. 109, прим. 2), а затем специально в применении к одному падежу — А. А. Холодовичем, Винительный падеж при имени существительном в японском языке, сб. «Советское востоковедение», III, 1945, стр. 218—221.

К стр. 155. [10]

Любой глагол может в именной форме сочетаться с глаголом *суру* 'делать' (и его синонимами — *итасу* и *насару*); последний в таком случае выражает наклонение, время и т. д., т. е. как бы возвращает глагольность именной форме. Между именной формой глагола и *суру* обычно стоит выделительная или подчеркивающая частица. Именно такое сочетание представлено в первых двух примерах и во всех приведенных ниже. Что касается *омои мо какэн*, то это устойчивое фразеологическое сочетание. О термине «дополнение в новом смысле» см. т. II, в конце V раздела главы VIII.

К стр. 156. [11]

Прямой связью называется условная, условно-временная, чисто временная и причинная связь предложений, а обратной связью — связь условно-уступительная и уступительно-противительная.

К стр. 160. [12]

Тождество заключительной и приименной форм, точнее сказать наличие одной формы вместо двух, возникло за счет того, что функции заключительной

формы перешли к приименной, а не наоборот: приименная форма стала употребляться и как форма заключительного сказуемого в любом предложении (а не только при наличии некоторых частиц) и как словарная форма. Это явление как исключение наблюдается еще в период Хэйан, на протяжении последующих веков оно встречалось все чаще и к XVII в. распространилось весьма широко (см. стр. 656 прим. 24). К этому же времени произошло и другое изменение, состоящее в том, что глаголы обоих двухступенчатых спряжений стали спрягаться по типу одноступенчатых. Таким образом, в современном языке эта одна форма, замещающая прежние две, у всех глаголов, кроме тех, которые принадлежат к четырехступенчатому спряжению (где заключительная и приименная форма были всегда одинаковы), соответствует прежней приименной не полностью: *оцуру* превратилось в *отиру*, *укуру* — в *укэру*; у неправильных глаголов *ари*, *ку*, *су* эта форма имеет вид *ару*, *куру*, *суру*. Однако до сих пор в грамматике современного языка традиционно эту одну форму подразделяют на две, что делает и автор. (Ср. комментарии, стр. 657, прим. 5.)

К стр. 174. [13]

Принципиальная разница состоит в том, что в письменном языке по смешанному агглютинативно-флективному типу спрягалось множество глаголов — все глаголы верхнего и нижнего двухступенчатых спряжений и два неправильных, а в разговорном сам тип двухступенчатого спряжения исчез и все относившиеся к нему глаголы стали спрягаться по одноступенчатым спряжениям (так что тип нижнего одноступенчатого спряжения, к которому в письменном языке относится один глагол *кэру*, в разговорном представлен широко). Таким образом, смешанное спряжение является исключением, поскольку к нему относятся только два глагола — *суру* и *куру*; все остальные глаголы спрягаются либо чисто флективно (четырехступенчатое спряжение), либо чисто агглютинативно (оба одноступенчатых).

К стр. 178. [14]

В самом алфавите слоги с звонким согласным составляют отдельную таблицу (см. выше, прим. 4), но при алфавитном расположении (например, в словарях) слог с озвонченным согласным всегда ставится за слогом с соответствующим глухим; так автор поступает и здесь.

К стр. 193. [15]

с озвончается после *н*, а *н* появляется здесь при изменении *кару* или *каруми* в *карон* и т. п.

К стр. 196. [16]

Здесь *ари* сливается с предикативным прилагательным *наси* 'нет, не имеется' в форме *наку*, с выпадением *у*. Таким путем предикативное прилагательное *наси* превращается в спрягаемый глагол *накари*.

К стр. 196. [17]

В этом и предыдущем примерах глаголы стоят в 5-й (просубстантивной) форме спряжения и сочетаются со связкой.

К стр. 202. [18]

Буквы столбца *ха* — は, ひ, ふ, へ, ほ — в начале всякого слова читаются *ха*, *хи*, *фу*, *хэ*, *хо*; находясь в чисто японских словах не в начале слова, как в данном случае, они произносятся *ва*, *и*, *у*, *э*, *о*. Таким образом, глаголы с последним слогом, который писался ふ *фу*, в произношении имеют формы *омова*, *омои*, *омоу*, *омоэ*, *омоо*. Старая орфография отражала связь этих форм по столбцу годзюона, иначе говоря общность их корня, но новая, в соответ-

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

ствии с которой в этих случаях пишутся буквы わ, い, う, え, お (*ва, и, у, э, о*), этого уже не отражает.

К стр. 202. [19]

Это хороший пример того, как орфография закрепляет в сознании происхождение формы, которая в произношении реально уже не существует (ср. в русском языке происхождение слов, произносящихся «брацца», «брицца», которое закреплено орфографией в форме «браться», «браться»). В этом смысле «Японская лингвистическая энциклопедия», 1955 (стр. 167), указывает: «По нынешней орфографии ее (эту форму) пишут書こう (*какоу→какō*), поэтому родилась новая форма спряжения — *како*». Не удивительно, что эту «седьмую форму», несмотря на то, что она прекрасно укладывается в столбец годзюона *ёма — ёми — ёму — ёмэ — ёмо*, по-прежнему признают только отдельные авторы (см., например, Ю д з а в а, I, 1953, стр. 51—52), где она включена в парадигмы спряжения; напротив, Токиэда в «Японской грамматике» (изд. 1950 г.) как отдельную форму ее не дает; см. Т о к и э д а, III, стр. 113.

К стр. 106. [20]

Термин «мокутэкиго» (目的語, букв. «слово-цель»), как и почти равнозначный ему «кякуго» (客語) (первый как правило, а второй часто), вполне соответствует нашему термину «прямое дополнение». Однако у некоторых авторов «кякуго» употребляется в значении дополнения вообще; наряду с этим существует еще термин «хого» (補語), часто соответствующий понятию «косвенное дополнение», но иногда тоже означающий дополнение вообще. Встречаются и другие варианты толкования этих терминов. (Подробно см. т. II, гл. VIII.) Причем в японской грамматике нет понятий «прямого» и «косвенного» дополнений. Для того чтобы перевод не вступал в противоречие с разным толкованием этих терминов, «кякуго» переведено «слово-объект», к чему дает основание антонимичное значение корней: *сю — кяку* «субъект... — объект», а «хого», что буквально значит «дополняющее слово», переведено «дополнение». Следует, кроме того, иметь в виду, что сам автор не признает ни «кякуго», ни «хого», т. е. категории дополнения вообще, а включает их в категорию наречного определения (иначе говоря,обстоятельства). Поэтому, упоминая, в порядке уступки распространенному словоупотреблению, об этих членах, он часто добавляет «так называемые».

К стр. 207. [21]

Это рассуждение исходит всецело из семантики. Морфологически формы пассива *синару* и *накару* неоспоримо образованы от *сину* и *наку*. А формы пассива от *синасу* и *накасу—синасару* и *накасару*.

К стр. 207. [22]

Дело в том, что эти примеры исключительно искусственны, т. е. обращения такого рода не свойственны японскому языку. Так, если сказать: *Тити ва ко-кара о-мотя-о тотта* 'Отец забрал у ребенка игрушку', то естественной структурой предложения при пассивной форме глагола *тору* будет *Ко ва тити-ни омотя-о тораръта* 'У ребенка отец отобрал игрушку', где подлежащим является *ко ва* 'ребенок', а *омотя* 'игрушка'— по-прежнему прямое дополнение, «слово-объект» (Ср. комментарии, стр. 663, прим. 6).

К стр. 208. [23]

вакару 'быть понятным', *цўку* 'быть присоединенным' — непереходные глаголы Значение падежного служебного слова *о* (по терминологии автора) в связи с характером глагольного управления освещается в статье Е. М. К о л и а к ч и, Винительный падеж в современном японском языке, сб. «Ученые записки Ин-та востоковедения», IV, 1952, см. стр. 213—223.

К стр. 209. [24]

В вышеприведенной таблице глаголы даны в прииенной форме, но в значении словарной (т. е. заключительной) формы, что в это время (XVIII в.) было явлением обычным.

К стр. 218. [25]

Таких примеров в «Гэндзи-моногатари» множество; немало их и в других памятниках древней литературы. Об употреблении «глаголов вежливости» в современном языке см. комментарии, стр. 665, прим. 27.

К стр. 219. [26]

По новой орфографии замена букв в этом случае потребовалась (см. выше, прим. 18); разумеется, от этого сами фонетические изменения не приобрели грамматического значения.

К стр. 220. [27]

В современном языке между правильно образованной приёгэнной формой глаголов четырехступенчатого спряжения и их «фонетически измененной формой» (глаголы других спряжений этой последней не имеют) существуют и морфологическое и функциональное расхождения. Однако в общую таблицу спряжения эту форму, как правило, не включают; не делает этого и автор.

К стр. 221. [28]

В орфографии слоговой азбуки буква *у* после *о* служит обозначением знака долготы. В приведенных ниже формах издавна *у* слилось с *о* и произносится как долгое *о*, поэтому ниже транслитерация приводится только в скобках, за исключением самых древних примеров из «Гэндзи-моногатари».

К стр. 224. [29]

Фонетические изменения, которым подвергались усваиваемые японским языком китайские слова, превращаясь в «он» (см. комм., стр. 641, прим. 11), состояли либо в изменении звуков, например *ш* превращалось в *с*, либо в добавлении звуков, а именно появлении на конце слов, оканчивавшихся по-китайски согласным (кроме *н*) гласного *и* или *у*; как правило, твердые k, t, s, p принимали окончание u, мягкие 'k, 't, 's — окончание i. Например, 白 по-китайски (V—VIII вв. н. э.)-b'ŋk (современное *бай*), японский «он» (VIII—X вв.) раки (современный *хаку*); тогда же 八 по-китайски pwat (современное *ба*), японский «он» patu (современный *хацу* или *хати*); 七 по-китайски ts'iet (современное *ци*), японский «он» siti (современный тот же); 石 по-китайски źiäk (современное *ши*), японский «он» seki (современный тот же).

К стр. 227. [30]

О переводе термина «кйтяку» см. комментарии, стр. 660, прим. 9; о словах *моттэ* и *ойтэ* см. стр. 491.

К стр. 228. [31]

Прием «хансэцу» (反切) издавна использовался в китайских толковых словарях для обозначения звукового чтения иероглифа. Коротко говоря, он состоит в том, что под объясняемым иероглифом помещаются два других, причем первый звук чтения первого и последний звук чтения второго составляют чтение объясняемого. Например, при 舌 ставятся 食 *ши* и 列 *ле*, следовательно, чтение его *шэ* (*ше* в китайском языке нет). Прилагая этот принцип к знакам «кана», поясняют букву く (*ку*) с помощью букв カ ウ *ка* — *у*. «Обратное применение» этого принципа, видимо, состоит в разложении *ку* на *ка* + *у*.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

К стр. 230. [32]

Слова *нюгаку* и *соцугё* означают «поступление в школу», «окончание школы»; они могут превратиться в глаголы при присоединении к ним *суру*, но здесь *суру* опущено; то же относится к следующему примеру.

Глава пятая

К стр. 235. [1]

О переводе термина «кэйёси» и самих прилагательных см. комментарии, стр. 644, прим. 36.

К стр. 236. [2]

Это выражение, как уже упоминалось, реально означает, что при спряжении в последнем слоге изменяется не только конечный гласный, но и предшествующий ему согласный, а именно чередуются *k* — *c*. О годзюоне более подробно см. в комментариях, стр. 652, прим. 4.

К стр. 250. [3]

Здесь представлена непереводимая на русский язык структура, состоящая в том, что формально само существительное (здесь *ўма-но*) служит определением к прилагательному, которое стоит в именной форме (здесь *таку масйки*), или — в современном языке — имеет после себя просубстантивную частицу *но*. См. ниже на стр. 260 первый пример в п. 5.1 и его перевод, приближенно раскрывающий смысл этой структуры.

К стр. 251. [4]

В связи с рассуждениями по поводу примеров *кабэ-о сироку нуру*, *бо̄си-о каруку цўкуру* и др. надо учесть следующее. В японском языке наречие, образованное от прилагательного, синтаксически определяя глагол, по смыслу может характеризовать как само действие, обозначаемое глаголом, так и свойство объекта, которое последний приобретает в результате действия. Точно такое же соотношение возможно и в русском языке, однако не всякое японское словосочетание с этим соотношением может быть переведено на русский язык с сохранением структуры: *кабэ-о сироку нуру* тяжеловато переводить 'выкрасить стену бело', хотя можно свободно сказать «вымыть стол чисто», а *боси-о каруку цўкуру* совсем нельзя перевести 'сделать (в смысле 'изготовить') шляпу легко', а приходится сказать 'сделать шляпу легкой', хотя по-русски можно сказать «сшить платье изящно». Однако поскольку и синтаксическая функция формы, и смысловое соотношение прилагательного с глаголом по-японски и по-русски в этой структуре одинаковы, можно и не зная японского языка, по модели вышеприведенных русских примеров судить об убедительности теории Ямада, согласно которой в последнем случае прилагательное является не определением при глаголе, а сказуемым при предшествующем существительном. Автор, не разделяя этой теории, различает по существу имеющиеся здесь три стороны вопроса: морфологическую — он определяет форму на *ку* как наречную форму прилагательного, а не как наречие; синтаксическую — он квалифицирует соотношение между прилагательным в этой форме и глаголом как наречно-определительное (утверждение автора, что в данной форме прилагательное при непосредственном предшествовании глаголу всегда находится с ним в наречно-определительном, иначе говоря, обстоятельственном соотношении, безусловно, справедливо); и семантическую, о которой говорится в начале этого примечания. Такого различия не проводят те грамматисты, которым автор возражает (ср. стр. 320 и комментарий, стр. 661, прим. 6).

К стр. 259. [5]

У предикативных прилагательных, как и у глаголов, функции заключительной формы перешли к приименной (ср. комментарии, стр. 653, прим.

12); в современном языке последняя фонетически изменилась, а именно в окончании *ки* выпало *к*; см. в тексте стр. 263.

К стр. 261. [6]

Очевидно, мысль автора состоит в том, что если рассматривать эти прилагательные сами по себе как квази-тайгэны, то *но* уже нельзя будет считать служебным словом, замещающим тайгэн; придется считать его падежным служебным словом, что и приведет к указанной им несообразности.

К стр. 267. [7]

Из всех перечисленных суффиксов в современном языке некоторую продуктивность имеет *ппой*, а вполне свободно употребляется только *расий*, имеющий собственное лексическое значение 'похожий на' (ср. русские: «...обра́зный», «...видный»). Однако весьма мало слов с *расий* устойчивы, причем устойчивы бывают только те, у которых основа — существительное, а не глагол (о *расий* см. данную книгу, стр. 460—461). Число предикативных прилагательных, образованных с остальными перечисленными автором суффиксами, весьма невелико; сами суффиксы совершенно непродуктивны. Таким образом, количество предикативных прилагательных оказалось ограниченным и сам тип «кэйёси» — непродуктивным. Потребность развивающегося языка в новых прилагательных, особенно в относительных (последних среди «кэйёси» совсем нет), пополнялась за счет другого типа слов, о которых см. следующую главу.

Глава шестая

К стр. 270. [1]

Непосредственным «восполнением недостатков» предикативных прилагательных являются только так называемые «адъективные глаголы спряжения *кари*»; они образуются от самих предикативных прилагательных путем слияния их с глаголом *ари* по типу: *самуси* 'холоден, холодно', *самуку* + + *ари* → *самукари*. Что касается так называемых адъективных глаголов спряжений *нари* и *тари*, не происходящих от предикативных прилагательных, то многие японские грамматисты объясняют распространение этого типа слов тем, что в японском языке количество предикативных прилагательных ограниченно (ср. предыдущее примечание); тем же самым объясняется и резкое преобладание среди них канго.

К стр. 271. [2]

Хасимото Синкити исключает «спряжение *кари*» из разряда адъективных глаголов и рассматривает его как формы вспомогательного спряжения предикативных прилагательных (см. ниже, стр. 280); в разговорном языке он, кроме того, исключает из этого разряда и «спряжение *тари*», относя слова с окончанием *то* к наречиям, а с окончанием *тару* — к именным словам (см. Хасимото, XI, Изучение грамматики родного языка, стр. 127—130). Эта точка зрения пользуется до настоящего времени широким признанием и принята в учебниках. Сам автор относит слова «спряжение *кари*» к недостаточным глаголам (см. в тексте, стр. 283); относительно исключения «спряжения *тари*» из разряда адъективных глаголов см. стр. 291.

К стр. 276. [3]

Наречие *ёку* (能く) является вспомогательным словом при глаголе, который выражает возможность действия, и в русском языке оно не имеет отдельного соответствия.

К стр. 278. [4]

Это не обязательно в письменном языке (см. о примере *харуиро-но*... на стр. 293—294) и неприложимо к современному языку: глаголы в отрицательной

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

форме, или, выражаясь японским термином, служебные глаголы отрицания, имеют свою форму срединного сказуемого (см. стр. 425 и 476, таблицу 66).

К стр. 281. [5]

Утверждение автора об общепризнанности адъективных глаголов в настоящее время несколько устарело: против этой теории выдвигаются возражения. Еще в 1941 г. Киндайти Кёске указал, что основа адъективных глаголов может рассматриваться как квази-существительное (см. К и н д а й т и, Новая японская грамматика); в последние годы адъективные глаголы отрицает и Токиэда Мотоки. Самым существенным положением его теории является то, что, исходя из непосредственного языкового сознания, из той формы данных слов, в какой они искони регистрируются в словарях, из семасиологических и грамматических моментов, он рассматривает основу адъективных глаголов и так называемое их окончание как два слова. При этом окончания *нари* и *тари* квалифицируются как глагол-связка, а основа — как существительное (см. Т о к и э д а, Японская грамматика, т. I, «Разговорный язык», стр. 129—134). Симмура Идзуру в «Кратком очерке грамматики», служащем приложением к последнему изданию его словаря (1955 г.), относит данные слова к существительным. Возражения, состоящие в том, что основа так называемых адъективных глаголов не может стоять в позиции субъекта и слова-объекта, иначе говоря, принимать падежные служебные слова *га* и *о* и т. д., а также не может иметь при себе адъективных определений, он отклоняет на основании двух доводов. Во-первых, по своей семантике эти слова «изначала выражали атрибутивное понятие состояния», и поэтому они, согласно законам японского языка, не могут служить субъектом или объектом. Во-вторых, «и другие слова, обычно считающиеся существительными, не обязательно принимают адъективные определения, например *хигаси* 'восток, на востоке, к востоку'; *маэ* 'впереди' и т. п.; они принимают наречные определения, например *сукоси* 'немного', *ля* 'более' и т. п.». На основании этого Симмура заключает, что «основы адъективных глаголов по значению выражают ёгэнное понятие атрибута, но как часть речи они могут рассматриваться в качестве существительных.., а к этим существительным присоединяются связки *нари*, *тари*». (Словарь «Кодзиэн», стр. 2301.) Как два отдельных слова рассматриваются адъективные глаголы и в «Японской лингвистической энциклопедии», см. стр. 567.

Исходя из того, что *нари* и *тари* — связки, в русской транскрипции *ни* и *то* пишутся раздельно от основы как срединные сказуемостные формы связок *нари* и *тари* в старом письменном языке (ср. предисловие, стр. 18), но слитно с основой тогда, когда *ни* и *то* — наречные окончания, которыми они единственно являются в современном и частично в старом языке.

К стр. 283. [6]

Интересно отметить, что автор стоит на диаметрально противоположной точке зрения, когда он приводит парадигмы спряжения адъективных глаголов в разговорном языке, куда входят формы двоякого происхождения. Он обосновывает это тем, что «во взаимодействии они образуют одну систему спряжения» (см стр. 285); см. также о включении в эти парадигмы наряду с формами с *да* формы с *дэсу* (стр. 289)

К стр. 287. [7]

Незавершенной формой автор считает *сидзука дара* (*дэсэ*), как свидетельствует ее этимология и что отражено в старой орфографии, согласно которой *дарō* пишется たらう *дарау*, *дэсё*—でせう *дэсэу*; однако по новой орфографии пишется だろう *дароу*, でしょう *дэси ёу*, так что наглядность происхождения форм *дарō*, *дэсё* исчезла. (Ср. комментарии, стр. 655, прим. 19.)

Сочетания с *да* и *дэсу* рассматриваются автором как формы двух разных спряжений, причем второе спряжение здесь приводится в скобках.

К стр. 288. [8]

О *кото* и *моно* см. комментарии, стр. 643, прим. 30.

К стр. 289. [9]

Т. е. соответствующая форма от *дэсў* тоже *дэ*.

К стр. 289. [10]

Все дальнейшее относится не к современной, а к старой, т. е. исторической, орфографии и представляет интерес для объяснения этимологии этих слов.

Глава седьмая

К стр. 302. [1]

Нумерация начинается с п. 4 (как и ниже комментарии автора), поскольку на стр. 298—299 уже приведены три типа прииенных.

К стр. 302. [2]

Эти слова в таком употреблении абсолютно неспособны иметь при себе *какое* бы то ни было обстоятельство, так что наличие у них глагольного значения маловероятно. Кроме того, *акуру* и *китару* в современном языке не имеют других форм.

К стр. 302. [3]

Рэй 'пример' — полноценное существительное, но то *рэйно*, которое здесь приведено, имеет иное значение, чем существительное *рэй* + *но* (например, *коно рэй-но тамэ* 'из-за этого примера'), хотя, вероятно, и восходит к нему. *Кудан* употребляется только с *но*.

К стр. 303. [4]

Все перечисленные в данном пункте слова, за исключением *коннан*, употребляются только приименно с *но*. *Коннан* — и существительное, и основа прилагательного того типа, который рассматривался в предыдущей главе.

К стр. 303. [5]

См. об этом в тексте, стр. 313, и комментарии, стр. 661, прим. 1.

К стр. 303. [6]

Хонно саваримасйта — пример просторечной небрежности; *хонно сӯкоси* — устойчивое выражение, в нем *сӯкоси* 'немножко' имеет предметное значение (ср. русское 'самую чуточку'); *соно* перед *сйкарадзару* объясняется тем, что в данной форме спряжения глагол может выступать как имя (квазитайгэн): букв. «его небывание таким».

К стр. 304. [7]

Основа предикативных прилагательных не может сочетаться со связкой, например *ōки да*, *окаси да* не бывает.

К стр. 306. [8]

О *саку* (咲く) и далее см. в тексте, п. 7, на стр. 303.

К стр. 306. [9]

Созданный самим Мацусита термин «кйтяку», прилагаемый к наречиям и к приименным, переведен 'объектный', поскольку Мацусита объясняет его как перенос значения на слово-объект (*миги-но ёна «ару» ва кйтякусэй-га аттэ соно ими-га кякӯтай-э кйтяку-суру кара корэ-о кйтяку-фукӯтайси то надзукэ*...); см. М а ц у с и т а, III, стр. 311.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

К стр. 306. [10]

У Мацусита тот же термин «рэнси» (連詞) имеет совсем другое значение, а именно равнозначен термину «рэнго»; см. комм. к «*Введению*», *прим. 21.*

Глава восьмая

К стр. 313. [1]

Некоторые из таких тайгэнов, как, например, *тонари* 'рядом, по соседству', *мукō* 'там, напротив' (см. также первые четыре примера в группе *сугу тонари* на стр. 303), в силу своего наречного значения не могут определяться прилагательным. К тайгэнам, определяющимся наречием в наречной форме, относятся и те, в состав которых входят числительные (первые три примера).

К стр. 314. [2]

См. комментарии, стр. 642, прим. 18.

К стр 315. [3]

Слова с суффиксом *тэки* (的), присоединяющимся к существительным, в этой форме употребляются только в двух случаях: а) как определение к существительному — используются в письменном языке и в книжном стиле современного языка (в разговорном стиле они в этом случае имеют окончание *на* или *но*); б) как сказуемое в сочетании со связкой. Будучи определениями к глаголу, они всегда принимают окончание *ни*.

К стр. 318. [4]

Способность служить в форме основы обстоятельством свойственна почти исключительно существительным, обозначающим временные понятия. В японской грамматике их выделяют в особую группу под названием 'существительные времени' (токи-но мэйси 時の名詞); Ёсидзава именует их «дзиси» (時詞); по вопросу о том, к какой части речи они относятся в обстоятельственной функции, до сих пор единства взглядов не существует.

К стр. 320. [5]

Хага Яити приводит две формы прилагательного: *акаси* — сказуемостную, она же словарная (в письменном языке), и *акаку* — наречную. С одной стороны, он стремится этим наглядно пояснить, как совмещаются то и другое в немецком языке в одной форме прилагательного, с другой стороны, фактом такого совмещения он хочет доказать возможность его и в одной из приведенных им форм японского прилагательного—*акаку*. Об убедительности такого аргумента читатель может судить сам.

К стр. 320. [6]

С примерами типа *сӯтэкки-о каруку цукуру* и *као-о каруку уцу* связаны два совершенно различных вопроса. Один из них состоит в том, считать ли во втором случае *каруку* прилагательным в наречной форме, как автор, или признавать в нем наречие, как Хага (в последнем случае следовало бы говорить о конверсии прилагательного в наречие). Второй вопрос касается синтаксической функции *каруку* в первом случае, т. е. в том случае, когда имеется семантическая связь между ним и предшествующим существительным. Хага, утверждая, что во втором случае *каруку* наречие, а в первом прилагательное, выражает в терминах морфологии ту мысль, что только во втором случае *каруку* синтаксически подчинено глаголу; в первом же оно грамматически связано с предшествующим существительным, а именно является определением к нему. Автор же считает, что *каруку* в обоих случаях прилагательное, но и в том и другом случаях оно служит наречным определением к глаголу; ниже он вполне правильно утверждает: «Железный закон японского языка — всякое определение предшествует опреде-

ляемому ...*каруку*... совершенно не определяет *сўтэкки*» (стр. 321). Интересно сопоставить с точкой зрения Хага теорию Ямада, который в случаях первого типа тоже считал, что *каруку* связано с предшествующим существительным, но не как определение, а как сказуемое, «однопозиционное» с последующим глаголом (см. стр. 251). Напомним, что автор решительно отвергает эту теорию, справедливо утверждая, что «предикативные прилагательные в приёгэнной форме (т. е. с окончанием *ку*.— *Н. Ф.*) сочетаются с глаголом только в одной функции — наречного определения» (стр. 251). В наших комментариях уже было указано, что связь прилагательного в форме на *ку* в такой позиции с предшествующим существительным является не грамматической, а только семантической (см. комментарии, стр. 657, прим. 4).

К стр. 323. [7]

Наречия этого типа рассмотрены в диссертации Л. А. Часовитиной, Лексические средства выражения модальности в современном японском языке, Москва, 1954.

К стр. 325. [8]

Называя их предлогами, Мацусита имеет в виду только их функцию. Учитывая расположение таких «объектных наречий» по отношению к управляемому ими существительному, следовало бы назвать их послелогами (котиси 後置詞). См. об этом Н. И. Фельдман, Послелоги в современном японском языке, «Японский лингвистический сборник», Москва, 1958. О переводе термина «кётяку» см. комментарии к предыдущей главе, стр. 660, прим. 9.

Глава девятая

К стр. 331. [1]

Как существительное *айда* значит «промежуток, интервал».

Глава десятая

К стр. 341. [1]

Разумеется, большинство японских междометий не имеет точных соответствий в русском языке; иногда, как в данном случае, их приходится передавать даже знаменательными словами.

К стр. 342. [2]

Так называемое междометийное служебное слово *кана*, стоящее в конце предложения, имеет гораздо большее значение для появления восклицательной интонации, чем начальное *а*.

К стр. 343. [3]

Междометие *кўсо* отличается от существительного *кўсо* 'дерьмо' по произношению и орфографически; конечное *о* произносится кратко, отрывисто, на что указывает стоящая на конце буква つ.

Глава одиннадцатая

К стр. 344. [1]

Элементы языка, о которых идет речь в данной главе, до настоящего времени в японских грамматиках традиционно рассматриваются как отдельные слова, отдельная часть речи — «дзёдōси» или «дзёдōдзи». Однако многие ученые указывают на несостоятельность такой точки зрения, и их за последнее время становится все больше. Еще в 1903 г. Ямада, выделив из числа этих элементов глаголы-связки, которые он назвал формальными глаголами,

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

определил все остальное как «сложные окончания» глаголов. Как уже было показано в классификации частей речи, и Мацусита рассматривает их как вид морфем (поэтому название «дзёдōси» Мацусита применяет к самостоятельным вспомогательным глаголам); так же рассматривает их и Кобаяси Хидэо (см. комментарии, стр. 644, прим. 35). Не считает их отдельными словами и Токиэда Мотоки, который, однако, сохраняет само наименование дзёдōси, как традиционное (Токиэда, III, стр. 181—182). Надо заметить, что и Киэда, по традиции считающий их отдельными словами и поэтому неуклонно называющий глагол в сочетании с таким элементом словосочетанием-словом (рэнго), все же сам указал на теснейшую связь их с глаголом; мало того, он даже считает эту связь более тесной, чем связь суффикса с основой (см. стр. 152).

По этой причине мы для передачи «дзёдōси» не воспользовались термином «вспомогательные глаголы», а сохранили его для перевода термина «ходзё-дōси» (補助動詞), букв. «дополнительно-вспомогательные глаголы», поскольку последним обозначаются подлинно вспомогательные глаголы в японском языке. Перевод «дзёдōси» термином «служебные глаголы» показывает, что они аналогичны «служебным словам» (дзёси). Учитывая вышесказанное, надо помнить условность термина «глагол» в этом обозначении.

К стр. 344. [2]

С именными частями речи могут сочетаться и даже преимущественно сочетаются только связки, *готоси* ('подобен, похоже') и *раси*, разг. *расий* (то же).

К стр. 347. [3]

Ср. комм. к «Введению», прим. 19.

К стр. 347. [4]

На стр. 152 автор говорит обратное. А ниже для доказательства он в первом случае привлекает лексикализовавшееся сочетание слова *онна* 'женщина' с *расий*, а во втором указывает на различную связь с существительным двух омонимичных глаголов *сабу* (первое *сабу* присоединяется к существительным, образуя глагол со значением 'иметь вид чего-либо', второе — самостоятельный глагол — 'запустеть, заглохнуть'), а не на разницу связи самих этих *сабу* с так называемым служебным глаголом *тари*.

К стр. 360. [5]

Статья «О классификации служебных глаголов» в книге Хасимото, XI, 1948, не прибавляет существенно нового к его одноименной статье, опубликованной в журнале, в 1936 г., на которую ссылается автор.

К стр. 360. [6]

В японском языке глагол в пассиве может выражать не только прямую, но и косвенную направленность действия на подлежащее и даже не направленность, а только касательство его к подлежащему, которым в этих случаях бывает одушевленное лицо (здесь *сэйто* 'ученики'). Поэтому при таком глаголе в пассиве может сохраняться прямое дополнение (здесь — *хōдзё*; *хōдзё-о садзукэру* 'давать [в награду] похвальную грамоту'). Такой глагол в пассиве с удержанным прямым дополнением, не поддающийся переводу на русский язык в форме пассива с сохранением дополнения, является исконно свойственным японскому языку. Однако за последние два-три десятилетия заметное и все расширяющееся распространение получает пассив при неодушевленном подлежащем. Все эти моменты освещены в статье Е. М. Кояпакчи, Страдательный залог в японском языке, «Известия АН СССР», Отд. лит. и яз., 1947, т. VI, вып. 2.

К стр. 361. [7]

Мию — современное *миэру*, *кикою* — современное *кикоэру* и устаревшее *омою* — самостоятельные глаголы; очевидно, *кикою* не могло образоваться путем одного присоединения *ю* к глаголу *кику* 'слышать'.

К стр. 363. [8]

См. комментарии, стр. 641, прим. 11.

К стр. 366. [9]

Односложной является знаменательная часть этих глаголов, а именно *хи* (比), *рон* (論).

К стр. 375. [10]

Сōрō — фонетическое изменение глагола *сафурау*, происшедшее в результате того, что *афу*, *ау* стало произноситься как долгое *о*.

К стр. 379. [11]

Хадзиматэри в первом предложении и конечный глагол во втором предложении, значение формы которого распространяется и на срединные сказуемые, стоят в форме настоящего времени совершенного вида (с суффиксом *ри*), что на русский язык здесь приходится передавать формой прошедшего времени.

К стр. 380. [12]

«Даёсōхō» (叙想法) соответствует английскому термину thought-mood.

К стр. 384. [13]

Итидзё Канэёси (1402—1481) и Имагава Садаё (ум. в 1429 г.) — средневековые филологи и комментаторы; Фудзивара Сэйка (1561—1619) — известный конфуцианец. Мудзō (1226—1312), Дōгэн, иначе Сёё-дайси (1200—1253), и Нитирэн (1222—1282) — известные деятели буддизма.

К стр. 384. [14]

Араи Хакусэки (1656—1725) — автор исторических сочинений, Кайбара Экйкэн (1630—1714) — автор трактатов преимущественно по морально-политическим вопросам. Мурата Харуми (1746—1811) — филолог и поэт.

К стр. 398. [15]

О произношении этих форм см. комментарии, стр. 654, прим. 18.

К стр. 411. [16]

Иероглиф 欲 как раз и употреблялся для обозначения древнеяпонского слова *хори*, от которого в соединении с *су/суру* образовался глагол: *хори-су* → *хоссу* (欲す), современное *хоссуру* 'желать'. Этот глагол может применяться для выражения желательности как своего действия, так и чужого, но форма глагола, обозначающего желательное действие, в этом случае различна: *хйто-о отодзурэ*^{д} *то хоссуру* 'желать кого-либо навестить (самому)', но *хйто-ни отодзурэтэ хоссуру* 'желать, чтобы кто-либо навестил'.

К стр. 415. [17]

В этом примере «особо применено» не *готоси*, а слово *каку* 'так', а именно оно употреблено как существительное. В современном языке *каку-но готоку* и *каку-но готоки* — неразложимые словосочетания.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

К стр. 416. [18]

Окончание *ки* у прилагательных имеется в приименной форме, а у глаголов четырехступенчатого спряжения оно возможно в приёгэнной форме; в этих же примерах прилагательные с окончанием *ки* именно и сочетаются с ёгэном.

К стр. 421. [19]

Некоторые японские грамматисты рассматривают *то йу* в современном языке как одно служебное слово; см., например, А с а н о, Японский грамматический словарь, стр. 45.

К стр. 422. [20]

О разметке китайского текста см. комм., стр. 641, прим. 11.

К стр. 424. [21]

Нари обозначает включение более узкого понятия в более широкое; это согласуется с переносным значением *ни* как падежного слова. *Тари* указывает на качественную характеристику; это связано с тем, что *то* употребляется при дополнениях уподобления, т. е. дополнениях, дающих качественную характеристику действию. Например, «Сократ — человек» из силлогизма: «Все люди смертны, Сократ человек, следовательно, Сократ смертен» надо перевести со связкой *нари*; название известной картины Ге «Се — человек» — со связкой *тари*.

К стр. 426. [22]

И *ва* и *ба* одинаково пишутся 𛀁, но в современной письменности для произнесения *ба* ставится знак озвончения (в древнее время эта буква произносилась *па*) 𛀁, а в древности такой знак не применялся. Поэтому-то и возможно двоякое толкование.

К стр. 427. [23]

О звуковой дифференциации чтения иероглифов, в настоящее время омонимичных, которые использованы в написании «Манъёсю», см. в статье Е. М К о л п а к ч и, Из истории японского сложного предложения, сб. «Советское востоковедение», VI, 1949 г.

К стр. 436. [24]

Благодаря способности глагола в пассиве выражать не только прямую направленность действия на подлежащее, но и психологическое касательство его к подлежащему, о чем говорилось выше в прим. 6, возможен пассив и от полностью непереходных глаголов, таких, как *сину* 'умирать'.

К стр. 443. [25]

В советском японоведении исследуется вопрос о грамматической роли некоторых глаголов вежливости, в частности *насару* и *ни нару*, для выражения категории лица. См. Е. Л. Н а в р о н, Оформление лица в глаголе в современном японском языке, 1946, диссертация.

К стр. 451 [26]

Замечание исключительно характерное как проявление подхода автора к языку с позиции письменного текста.

К стр. 455. [27]

В упомянутой в комментариях на стр. 647, прим. 9, брошюре Министерства Просвещения «Вежливые слова отныне» рекомендуются к употреблению

как вежливые стилистические формы, помимо суффикса *масу*, только форма страдательного залога и сочетание приёгэнной формы с *ни нару*.

К стр. 455. [28]

Этому вопросу посвящены диссертации И. В. Головнина, Глагольные времена в современном японском литературном языке, Москва, 1952 и Н. А. Сыромятникова, Времена глаголов и прилагательных новояпонского языка как система двух относительных времен, Москва, 1956.

К стр. 455. [29]

Автор не упоминает о существенном различии *тари* с *та* и *тара*: глагол с *тари* лишается предикативности и превращается в имя, которое вновь «оглаголивается» с помощью глагола *суру*, выражающего время и наклонение. Однако ниже он относит *тари* к сочинительным служебным словам; см. гл. XII, раздел VII, п. 9.

К стр. 457. [30]

И. В. Головнин выдвигает на первый план именно эту функцию; см. его статью «Предположительное наклонение в современном японском языке», сб. «Труды ВИИЯ», IX, 1956.

К стр. 458. [31]

Как и суффикс совершенного вида *ри*, о чем говорилось выше в прим. 11, аналитическая форма совершенного вида современного языка *тэ симау* имеет формы и прошедшего и настоящего времени. Так как по-русски глаголы совершенного вида не имеют формы настоящего времени, то японское настоящее время совершенного вида передается либо формой прошедшего времени того же вида, либо формой настоящего времени несовершенного вида, как в данном примере.

К стр. 459. [32]

Эта аналитическая форма подвергнута рассмотрению в статье И. В. Головнина, Длительный вид в современном японском языке, сб. «Труды ВИИЯ», VI, 1954.

К стр. 459. [33]

На этой почвэ развилась чисто атрибутивная функция данной формы; см. об этом статью А. А. Холодовича, Атрибут приобретенного признака в японском языке, Сб. «Язык и мышление», XI, 1948.

К стр. 464. [34]

Относя *сō* к «дōдзёдзи», Мацусита делает неоправданные натяжки. Ведь, по его собственному определению, «додзёдзи» спрягаемы и предикативны и, по его же собственному признанию, *со* неспрягаемо и непредикативно — поэтому-то при нем необходима связка. Очевидно, единственное, что заставляет его все же утверждать, что *сō*—«додзёдзи», это семантическая близость между *сō*, с одной стороны, *бэси* и *расий* — с другой.

Глава двенадцатая

К стр. 493. [1]

О буквенных грамматических разметках и условных значках, которыми снабжались китайские тексты в Японии, см. комм., стр. 641., прим. 11. По своей функции — раскрывать путем перевода на японский язык значение иероглифов — эти отметки именовались «кунтэн» (訓點). Язык таких переводов, который стилистически именуется «камбун-тёкунакутай» 'стиль дословного перевода с китайского', грамматически получил наименование «кунтэнго» (訓點語). Как сами разметки, так и этот язык в целом являются пред-

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

метом пристального изучения историков японского языка. В книге Э н д о Ёсимото «Изучение памятников китайского текста с разметками и их язык» приведено 18 страниц библиографии работ по этому вопросу.

К стр. 506. [2]

Хасимото предлагает называть это *но* «дзюнфукўтай-дзёси» (準副體助詞) или просто «рэнтай-дзёси» (連體助詞). Первое наименование означает уподобление этого *но* приименным словам как части речи (т. е. фукўтайси), второе определяет их по функции; и поскольку, по указанию Хасимото, они равнозначны, то здесь и в дальнейшем мы ограничиваемся вторым как более точно переводимым.

К стр. 507. [3]

В грамматике японского языка «каку» (格) является термином чисто синтаксическим, не учитывающим форму слова, а только обозначающим толкуемую широко функцию его (подробнее о «каку» см. во II томе), и поэтому он переведен «синтаксическая позиция». Однако в приложении к другим языкам «каку» служит переводом английского case, русского «падеж» и т. д. Нижеперечисленные служебные слова, как говорит и автор еще на стр.76, служат указателями только позиции тайгэна — имени. Грамматическая функция существительного в сочетании с каждым из них и самый характер присоединения их к существительному послужили основанием к тому, что в советском японоведении «какудзеси» рассматриваются как суффиксы агглютинативного склонения, каждый из которых выражает отдельный падеж. Как было показано выше на стр 502, Мацусита употребляет термин «каку» в обоих значениях— в значении позиции и в значении падежа, давая в последнем случае особое наименование функции каждого такого служебного слова в отдельности. В значении «падеж» употребляет его и Канадзава (см. стр.525). Все это дало нам основание перевести «какудзеси» как «падежные служебные слова».

К стр. 509. [4]

Перевод примера из «Гэндзи-моногатари» сделан согласно толкованию, приведенному автором, который прямо говорит, что слово, стоящее перед *га*, т е. *арану*,«приравнено к тайгэну» (оно переведено причастием). Однако во всех известных нам комментариях к отдельным изданиям этого памятника *га* здесь толкуется как противительный союз. В известном переводе «Гэндзи-моногатари» на современный язык, принадлежащем крупному писателю Танидзаки Дзюнъитиро, это предложение переведено так: *хидзэни кбкина иэгара-но дэ (也) то йу но дэ ва най га сугурэтэ готеаи-о кбмуттэ ирассяру га атта*, т. е. '[она] не принадлежала к очень знатному роду, но...' и т. д.

О *га* см. также Е. М. К о л п а к ч и, Формант *га* как показатель субъекта в древнем японском языке, Научный бюллетень ЛГУ, 1946, стр. 28—30.

К стр. 509. [5]

«Сетикаку» — еще одно (помимо *мокўтэкикаку* и *тадбкаку*) наименование сочетания существительного с падежным суффиксом *о*.

К стр. 510. [6]

Однако фактически... *о* при ... *тай* употребляется довольно часто. См. об этом у Е. М. К о л п а к ч и, Винительный падеж в современном японском языке, «Ученые записки Института востоковедения», IV, 1952, стр.207—212.

К стр. 514. [7]

Иное — четвертое — объяснение формы *киппу-но* в этом предложении дает Н. И. Конрад: оно состоит в том, что эта определительная форма вызвана распространением на дополнение определительной функции всего предложения, куда оно входит; см. Н. К о н р а д, Синтаксис, стр. 296—297.

К стр. 515. [8]

Все вышеприведенные примеры взяты из древнего японского языка.

К стр. 516. [9]

Юдзава определяет эту функцию *ни* более отчетливо: «*Ватаси ва кэса мо хаха-ни вараварамасйта* 'Я и сегодня утром был осмеян матерью', *Накамура-кун ва ицумо сэнсэй-ни хōмэрарэру* 'Накамура всегда хвалим учителем'; это *ни* при сказуемом в пассиве обозначает того, кто производит действие, т.е. в вышеприведенных предложениях действия «смеяться», «хвалить» производят «мать», «учитель». См. Ю д з а в а, I, 1953, стр. 264.

К стр. 520. [10]

См. комментарии, т. I, гл. IV, прим. 23.

К стр. 520. [11]

Глаголы *ау* и *суму* обычно подчиняют дополнение, которое стоит в форме с *ни*.

К стр. 521. [12]

Т. е. истолковано в духе специфической поэтики периода Хэйан.

К стр. 529. [13]

Синтаксическим последствиям, вытекающим из различения омонимичных падежных и союзных служебных слов (по терминологии автора), посвящена статья Н. И. Ф е л ь д м а н, О реальном и фиктивном склонении предложений в современном японском языке, сб. «Ученые записки Ин-та востоковедения», IV, 1952.

К стр. 540. [14]

Номи и следующее за ним *бакари*, а также рассматривающиеся далее *дакэ* (10), *кири* (11) и отнесенное к соотносительным служебным словам *сйка* объединены по семантическому признаку в диссертации А. Г. Р я б к и н а, Ограничительные частицы в современном японском языке, Москва, 1954.

К стр. 544. [15]

Н. И. Фельдман в статье «Послелоги-аффиксы в современном японском языке», «Труды Моск. Ин-та востоковедения», вып. 3, 1946, разграничивает два функционально различных грамматических омонима *мадэ*.

К стр. 557. [16]

Вопросу о разнице между *ва* при подлежащем и *га* уделяли внимание многие японские грамматисты; свод высказываний по этому вопросу имеется в статье М а д з у м у р а Акира, Вопрос о служебных словах *га* и *ва* при выражении субъектной позиции, сб. «Изучение современного японского языка».

К стр. 558. [17]

Т. е. *ва* следует: 1) после глагола в именной форме, причем за *ва* стоит либо тот же глагол как сказуемое (первые два примера), либо глагол *суру*, выражающий время, наклонение, утверждение или отрицание (последнее чаще); 2) после присвязочного члена.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

К стр. 567. [18]

«Пространная японская грамматика» Оцуки.

К стр. 569. [19]

Относительно термина «раннее средневековье» см. комм. к «Введению», прим. 13.

К стр. 584. [20]

О терминах «прямая связь» и «обратная связь» см. комментарии, стр. 653, прим. 11.

К стр. 586. [21]

Условное соотношение, выражаемое *ба*, можно определить так: 1) предположительное, еще не осуществившееся условие — это и гипотетическое условие: «если бы что-либо было бы» и условие в будущем: «если что-либо будет»; 2) достоверное, уже осуществленное условие — это причина: «оттого, что что-либо есть или было»; 3) предположение об осуществившемся условии — это условие общего порядка, приближающееся к постоянной, вневременной связи двух явлений: «если (когда) есть одно, то (тогда) есть и другое».

К стр. 595. [22]

В последних двух примерах *га* имеет не противительное, а присоединительное значение, и в таких случаях в переводе обычно остается неотраженным.

К стр. 595. [23]

О переводе этого примера см. стр. 667, прим. 4.

К стр. 601. [24]

Несмотря на то, что автор приписывает в этом случае *си* противительное значение, последующие, им самим приведенные примеры этого не подтверждают.

К стр. 605. [25]

Приведенные здесь вспомогательные глаголы входят в аналитические формы видов, залога, наклонений, направленности действия, отрицания.

К стр. 608. [26]

Как видно из последующих примеров, в русском переводе отдельного подчиненного предложения в таких случаях не появляется. Однако ниже сам автор показывает дискуссионность своего утверждения и в отношении японского языка.

К стр. 618. [27]

«Манъёсю» и «Сэммё» написаны особой системой письма, представляющей собой в первом памятнике — усложненное фонетическое, а во втором — комбинированно-идеографическое и фонетическое применение иероглифов, причем никаких знаков озвончения в ту эпоху не существовало. Подробную характеристику этой письменности дает А. Н. Соколов, Система письма в Японии, ее история и современное состояние, диссертация, 1952.

К стр. 636. [28]

Данное «Приложение», добавленное самим автором к первому тому своей грамматики, касается письменного языка, который, как уже было упомянуто в предисловии, продержался в официальных текстах до 1945 г. Таким образом, в год издания его книги (1937 г.) оно имело актуаль-

ное значение, теперь же представляет интерес только для истории японского языка.

К стр. 638. [29]

«Комитет по изучению родного языка» (Кокуго тёса иинкай) был учрежден правительством в 1900 г. для разработки вопросов языка и письменности с целью подготовки обоснованных решений и реформ Министерства просвещения в этой области. В состав Комитета входил ряд крупных ученых — специалистов по разным областям общественных наук, в том числе и языковедов: Уэда Кадзутоси, Оцуки Фумихико, Симмура Идзуру, Оя Тору, Хосина Коити, Канадзава Сёдзабуро, Ямада Есио и др. За 13 лет своего существования Комитет издал двухтомную нормативную грамматику современного языка («Когохо́» и «Когохо́-бэкки») и ряд записок и докладов, представляющих большую научную ценность. В частности, был составлен и тот «Доклад по изучению проекта реформы ныне действующих грамматических правил», который неоднократно цитировался в данной книге и который лег в основу данного «Приложения». Этот Доклад представляет собой фундаментальное, с использованием огромного иллюстративного материала, исследование и по истории японского языка и отчасти по истории самой японской грамматики. Таким образом, нескольким страничкам «Перечня допустимых отступлений от грамматических норм» предшествовала серьезная исследовательская работа, результаты которой представляют самодовлеющую ценность.

НАЗВАНИЯ ПЕРИОДОВ ЯПОНСКОЙ ИСТОРИИ

На́ра	710—794
Хэйа́н	794—1192
Инсэ́й	1086—1167 [1])
Кама́кура	1192—1333
Намбо́кутё	1336—1392
Муромати (Асика́га)	1392—1490
Сэнго́ку	1490—1600
Токуга́ва (Эдо)	1603—1867
Мэ́йдзи	1868—1912

[1]) Инсэй — название части периода Хэйан; часто употребляется наименование Инсэй — Камакура, отделяющее от периода Хэйан последние два века.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Список таблиц

1. Диалекты Японии 51
2. Классификация частей речи Фудзитани Нариакира 60
3. Классификация частей речи Судзуки Акира 61
4. Классификация частей речи Тодзё Гимон 61
5. Классификация частей речи Тогаси Хирокагэ 62
6. Классификация частей речи Ямада Есио 64
7. Классификация слов Мацусита Дайдзабуро 66
8. Классификация морфем Мацусита Дайдзабуро 67
9. Классификация частей речи Окадзава Масахару 68
10. Классификация частей речи Юдзава Кокитиро 69
11. Классификация частей речи Такахаси Тацуо 70
12. Классификация частей речи Хасимото Синкити 71
13. Классификация частей речи Цуруда Цунэкити 85
14. Классификация частей речи Киэда Масуити 95
15. Классификация существительных 97
16. Классификация местоимений 103
17. Местоимения письменного языка 105
18. Местоимения разговорного языка 129
19. Личные местоимения разговорного языка 131
20. Классификация ёгэнов Ямада 132
21. Классификация глаголов Мацусита 147
22. Классификация глаголов Нагата 167
23. Наименования форм спряжения глаголов 171
24. Признаки различения форм спряжения глаголов 173
25. Типы спряжения глаголов в письменном языке (1) 174
26. Типы спряжения глаголов в разговорном языке (1) 175
27. Типы спряжения глаголов в письм. и разг. языке 177
28. Типы спряжения глаголов в письменном языке (2) 178
29. Типы изменений окончаний глаголов при спряжении 180
30. Глаголы четырехступенчатого спряжения 182
31. Глаголы верхнего двухступенчатого спряжения 184
32. Глаголы нижнего двухступенчатого спряжения 188
33. Глаголы верхнего одноступенчатого спряжения 189
34. Глаголы нижнего одноступенчатого спряжения 190
35. Неправильное спряжение по столбцу *ка* (глагол *ку*) 192
36. Неправильное спряжение по столбцу *са* (глагол *су*) 194
37. Спряжение глагола *овасу* 195
38. Неправильное спряжение по столбцу *на* (глагол *сину*) 199
39. Неправильное спряжение по столбцу *ра* (глагол *ари*) 201
40. Типы спряжения глаголов в разговорном языке (2) 209
41. Пятиступенчатое спряжение по столбцу *ка* 231
42. Классификация глаголов Мотоори Харунива 237
43. Названия форм спряжения в истории японской грамматики . . 238
44. Функции древних форм прилагательных 238
45. Спряжение прилагательных по Такэда 238

46. Спряжение прилагательных по Гимону 239
47. Формы спряжения предикативных прилагательных 242
48. Окончания форм спряжения предикат. прилагательных . . . 242
49. Формы спряжения адъективных глаголов 271
50. Окончания форм спряжения адъективных глаголов 271
51. Спряжение адъективных глаголов 279
52. «Спряжение *кари*» в разговорном языке (1) 282
53. «Спряжение *кари*» в разговорном языке (2) 283
54. «Спряжение *нари*» в разговорном языке 284
55. Спряжение *кō* (*сō*, *ā*, *дō*) *да* 288
56. Классификация служебных слов Токуда Киёси (1) 358
57. Классификация служебных слов Токуда Киёси (2) 359
58. Присоединение *симуру* в разные эпохи 366
59. Присоединение к существительным глагола *су* 367
60. Спряжение служебного глагола *ки* 382
61. Спряжение *цу*, *ну*, *тари*, *ри* 394
62. Спряжение *сэри*, *сасэри*, *симэру* 440
63. Спряжение *сō да*, *сō дэсӯ* 466
64. Спряжение *ē да*, *ē дэсӯ* 467
65. Спряжение *да*, *дэсӯ* 471
66. Спряжение *ну*, *най*, *май* 476
67. Виды служебных слов по Ямада 501
68. Классификация служебных слов Хасимото 504
69. Виды условной связи и союзные служебные слова (1) 584
70. Виды условной связи и союзные служебные слова (2) 593

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 7

УЧЕНИЕ О ЧАСТЯХ РЕЧИ

ВВЕДЕНИЕ

I. Понятие о грамматике. 23
II. Виды грамматик 34
III. Письменный язык и разговорный язык 40
IV. Стандартный язык и диалекты 46
V. Деление на части речи. 53
Примечания автора 72

Глава первая. **Существительное**

I. Тайгэн. 75
II. Сущность существительного. 77
III. Род и число существительных 78
IV. Выражение почтительности и скромности у существительных . . 81
V. Классификация существительных 85
VI. Существительные письменного и разговорного языка 91
Примечания автора 92

Глава вторая. **Местоимение**

I. Сущность местоимения. 93
II. Классификация местоимений 95
III. Лицо и пространственная соотнесенность местоимений 96
IV. Местоимения письменного языка 97
V. Местоимения разговорного языка 102
VI. Возвратно-указательные местоимения 107
Примечания автора 109

Глава третья. **Числительное**

I. Сущность числительного 110
II. Способы употребления числительных. 111
III. Вспомогательные числительные 115
IV. Классификация числительных 120
V. Дополнительные замечания 123
Примечания автора. 126

Глава четвертая. **Глагол**

I. Егэн 127
II. Сущность глагола 132
III. Формы глагола 143
IV. Типы спряжения глаголов в письменном языке 175
V. Типы спряжения глаголов в разговорном языке 198
VI. Непереходные и переходные глаголы 206
VII. Глаголы вежливости 215

VIII. Фонетические изменения корня глаголов 219
IX. Недостаточные глаголы 225
Примечания автора 230

Глава пятая. Предикативное прилагательное

I. Сущность предикативного прилагательного 235
II. Спряжение предикативных прилагательных 242
III. Употребление основы и форм спряжения предикативных прилагательных письменного языка 246
IV. Употребление форм спряжения предикативных прилагательных разговорного языка 257
V. Фонетические изменения предикативных прилагательных 262
VI. Дополнительные замечания 264
Примечания автора 267

Глава шестая. Адъективный глагол

I. Сущность адъективного глагола 269
II. Формы адъективных глаголов 270
III. Обоснование теории адъективного глагола 273
IV. Адъективные глаголы в разговорном языке 281
V. Дополнительные замечания 292
Примечания автора 296

Глава седьмая. Приименное

I. Подчиненное слово 297
II. Сущность приименного 298
Примечания автора 309

Глава восьмая. Наречие

I. Сущность наречия 310
II. Классификация наречий 321
III. Дополнительные замечания 324
Примечания автора 326

Глава девятая. Союз

I. Сущность союза 327
II. Употребление союзов и их классификация 332
III. Дополнительные замечания 335
Примечания автора 336

Глава десятая. Междометие

I. Сущность междометия 337
II. Классификация междометий 341
Примечания автора 343

Глава одиннадцатая. Служебные глаголы

I. Сущность служебного глагола 344
II. Разряды служебных глаголов 352
III. Служебные глаголы пассива письменного языка . . 360

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

IV. Служебные глаголы каузатива письменного языка 362
V. Служебные глаголы вежливости письменного языка 370
VI. Служебные глаголы времени письменного языка 376
VII. Служебные глаголы предположения письменного языка 399
VIII. Служебные глаголы желательности письменного языка . . . 409
IX. Служебные глаголы сравнения письменного языка 413
X. Служебные глаголы-связки письменного языка 416
XI. Служебные глаголы отрицания письменного языка 424
XII. Служебные глаголы пассива разговорного языка 434
XIII. Служебные глаголы каузатива разговорного языка 440
XIV. Служебные глаголы вежливости разговорного языка 443
XV. Служебные глаголы времени разговорного языка 455
XVI. Служебные глаголы предположения разговорного языка . . . 460
XVII. Служебные глаголы желательности разговорного языка . . . 467
XVIII. Служебные глаголы сравнения разговорного языка 468
XIX. Служебные глаголы-связки разговорного языка 470
XX. Служебные глаголы отрицания разговорного языка 476
XXI. Соединяемость служебных глаголов с самостоятельными и другими служебными глаголами 483
Примечания автора 490

Глава двенадцатая. **Служебные слова**

I. Сущность служебного слова. 493
II. Классификация служебных слов 497
III. Падежные служебные слова 507
IV. Наречные служебные слова 533
V. Соотносительные служебные слова. 550
VI. Союзные служебные слова 583
VII. Сочинительные служебные слова 609
VIII. Квазиименные служебные слова 614
IX. Заключительные служебные слова 615
X. Междометийные служебные слова. 625
Примечания автора 633

Приложение. «Перечень допустимых отклонений от грамматических норм» 636
Комментарии 639
Названия периодов японской истории 670
Список таблиц 671